

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Коялович М. О.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Лешков В. Н.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Погодин М. П.	Булгаков С. Н.
Москва – Третий Рим	Беляев И. Д.	Трубецкой Е. Н.
Иван Грозный	Филиппов Т. И.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Гиляров-Платонов Н. П.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Страхов Н. Н.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Данилевский Н. Я.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Достоевский Ф. М.	Флоровский Г. В.
Пушкин А. С.	Одоевский В. Ф.	Ильин И. А.
Гоголь Н. В.	Григорьев А. А.	Нилус С. А.
Тютчев Ф. И.	Мещерский В. П.	Меньшиков М. О.
Св. Серафим Саровский	Катков М. Н.	Митр. Антоний Храповицкий
Шишков А. С.	Леонтьев К. Н.	Поселянин Е. Н.
Муравьев А. Н.	Победоносцев К. П.	Солоневич И. Л.
Киреевский И. В.	Фадеев Р. А.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Хомяков А. С.	Киреев А. А.	Башилов Б.
Аксаков И. С.	Черняев М. Г.	Концевич И. М.
Аксаков К. С.	Ламанский В. И.	Зеньковский В. В.
Самарин Ю. Ф.	Астафьев П. Е.	Митр. Иоанн (Снычев)
Валуев Д. А.	Св. Иоанн Кронштадтский	Белов В. И.
Черкасский В. А.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Лобанов М. П.
Гильфердинг А. Ф.	Тихомиров Л. А.	Распутин В. Г.
Кошелев А. И.	Суворин А. С.	Шафаревич И. Р.
Кавелин К. Д.		

СВЯТЫЕ ЧЕРНОСОТЕНЦЫ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2011

УДК 947.083(08)
ББК 63.3(2)521-479
С 25

С 25 **Святые черносотенцы. Священный Союз Русского
Народа** / Сост., вступ. и биогр. стт., комм. А. Д. Степанова /
Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации,
2011. — 1136 с.

В книге собраны идеологические труды св. праведного Иоанна Кронштадтского и двенадцати новомучеников и исповедников Российских, канонизированных Русской Православной Церковью. Все они были членами Союза Русского Народа или других черносотенных организаций, многие были зверски убиты врагами России.

Как духовные вожди русского народа святые черносотенцы в своих трудах провозглашали, что благо Родины – в незыблемом сохранении Православия, Самодержавия и Народности. Русский народ имеет высокое предназначение, особую миссию, которая заключается в переустройстве мира на православных началах и в борьбе с мировым злом, препятствующим такому переустройству. Русским суждено заложить новые основы духовного просвещения, опирающегося на Православие, Самодержавие и неповторимые формы общественного развития русского народа.

За эти идеи святые черносотенцы положили свои жизни.

Большая часть представленных в настоящем томе произведений публикуется впервые после 1917 года.

ISBN 978-5-902725-96-1

© Институт русской цивилизации, 2011

СВЯТЫЕ ЧЕРНОСОТЕНЦЫ – СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА

«Святые черносотенцы»... Кому-то может показаться нелепым и даже провокационным такое название книги. Разве могут черносотенцы, которых в публицистике, а порой и в исторической науке называют «погромщиками», «охотнорядцами», «лабазниками», «люмпенами», «маргиналами» и прочими подобного рода ругательными словами, быть святыми?! Но дело обстоит именно так. Перед нами сборник трудов самых настоящих святых Русской Православной Церкви, прославленных ею в лике новомучеников и исповедников Российских (Иоанн Кронштадтский прославлен в лике праведных отцов). И одновременно авторы этой книги – самые настоящие черносотенцы, принимавшие в начале XX века самое активное участие в деятельности монархических организаций, получивших в исторической науке и публицистике название «черная сотня».

Стало быть, где-то здесь сокрыта ошибка. Либо ошиблась Церковь, канонизировав недостойных прославления лиц, либо неверны распространенные в исторической науке и публицистике оценки черносотенцев. Разумеется, не Церковь ошиблась, ибо эти люди, став мучениками и исповедниками Православия, показали, что их нравственный облик не нуждается в защите от лжи и клеветы. Ошибается общественное мнение, точнее тут речь надо бы вести не об ошибке, а о злонамеренной кампании по дискредитации либералами и коммунистами своих идейных противников, ибо упомянутые ругательные клише современной

публицистики являются по сути своей наследием идеологических штампов либеральной и коммунистической пропаганды.

Тем не менее, результат налицо, – сегодня предубеждение по отношению к черносотенцам не является редкостью и среди благонамеренных людей. А церковные историки и публицисты стыдливо замалчивают участие св. прав. Иоанна Кронштадтского, св. патриарха Тихона и других новомучеников и исповедников Российских в деятельности Союза Русского Народа. Даже в статьях о сщмч. протоиерее Иоанне Восторгове – лидере московских монархистов, который, пожалуй, добрую половину своих трудов посвящал черносотенному движению, иные авторы ухищряются рассказать обо всем... кроме его монархической деятельности. Впрочем, эти ухищрения понятны. Иначе ведь придется объяснять, как это православный подвижник оказался в «черной сотне». Странная история получается: святые своего черносотенства не стыдились, а мы за них стыдимся?!

Так как же оказались они – люди веры, чести и преданности – среди черносотенцев? А точнее даже во главе черносотенцев, – ведь св. прав. Иоанн Кронштадтский был почетным членом Союза Русского Народа и ряда региональных отделов; патриарх Тихон, митрополиты Макарий (Парвицкий-Невский), Серафим (Чичагов) и Агафангел (Преображенский), архиепископ Андроник (Никольский), епископы Гермоген (Долганев) и Ефрем (Кузнецов) были почетными председателями отделов СРН в своих епархиях; митрополит Владимир (Богоявленский), не занимая формально должностей, всеми почитался как глава московских черносотенцев, а протоиерей Иоанн Восторгов и епископ Макарий (Гневушев) возглавляли главную московскую черносотенную организацию – Русский Монархический Союз.

Несомненно, это произошло прежде всего из-за того, что программа и деятельность черносотенных организаций соответствовали их убеждениям. А главным пунктом программы Союза Русского Народа и родственных ему организаций была защита Веры Православной, богоустановленного Царского Самодержавия и основ социального и национального быта госу-

дарствообразующего Русского народа – народа-богоносца. Та самая знаменитая уваровская (а на самом деле русская) триада «Православие, Самодержавие, Народность» применительно к реалиям начала XX века.

Как известно, в октябре 1905 года революционеры и либералы вырвали у Государя право на легализацию политических партий, это было одним из главных пунктов Манифеста 17 октября. С того времени к социальному разделению и классовой вражде в стране добавилось еще и политическое разделение, ибо партии по самому определению отстаивают частные (партия букв. и означает «часть») интересы социальных и национальных групп. Все эти кадеты, октябристы, прогрессисты, трудовики, социал-демократы и проч. начали растаскивать единое политическое тело. Нет ничего удивительного, что симпатии всех верующих людей были на стороне единственной политической силы, провозглашавшей защиту общенациональных, а не корпоративных ценностей. Такой политической силой и был Союз Русского Народа, отцы-основатели которого постоянно подчеркивали, что Союз не является партией, поскольку он отражает фундаментальные идеалы всего русского народа.

Уже в истории создания Союза видно его принципиальное отличие от других политических сил того времени. Как создавались обыкновенные политические партии? Собиралась группа единомышленников, принимали решение, голосовали и т.п. А вот как был создан Союз Русского Народа, по свидетельству вдохновителя Союза игумена Арсения (Алексеева): «В первых числах окт. 1905 прибыл я в Петербург из своей обители – Воскресенского миссионерского монастыря, встретил страх и ужас в народе от истребления православных. Толпа русского народа, узнав о моем прибытии, явилась ко мне за словом утешения. Моя квартира каждый день была переполнена плачущими. 12 окт. Господь вложил мне благую мысль оказать противодействие революции открытием “Союза Русского Народа”. Эта мысль тотчас же была объявлена мною собранию русских людей, между которыми присутство-

вал некто уважаемый Иван Иванович Баранов. Все одобрили мое предложение, и по чину святых Апостолов положили две записки пред иконою Тихвинской Божией Матери. С горькими слезами просили мы у Царицы Небесной благословения на открытие Союза. Молитва наша была услышана. Взятый мною билетик оказался с благословением. После этого мы принесли благодарственное моление и приступили к открытию Союза. Все мои почитатели с любовью спешили присоединиться к нам, и между прочим – Александр Иванович Дубровин, которого единогласно мы избрали в председатели. Благодаря неутомимой энергии г. Дубровина, наш Союз стал быстро разрастаться и привлек миллионы истинно-русских людей со всей России». Таким образом, Союз был создан после молитвы перед чтимой Тихвинской иконой, т.е. по благословению Самой Божией Матери.

Так было положено начало Союзу Русского Народа. Немудрено, что Союз замышлялся его инициаторами не как политическая партия, но как своего рода духовный орден борцов против смуты, как народное ополчение для борьбы с врагами Веры, Царя и Русского народа. Это было запечатлено и в программных документах Союза, которые провозглашали в качестве основы и идеала русскую триаду: Православие, Самодержавие, Русская Народность. А излюбленными героями у черносотенцев были патриарх Гермоген, Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский.

Примечателен также и тот факт, что каждая монархическая организация, каждый местный отдел имели собственное знамя или хоругвь. Для монархистов они были святынями, в отношении к знаменам и хоругвям культивировалось благоговейное отношение. К примеру, в Санкт-Петербурге знамя Главного Совета Союза Русского Народа при большом стечении народа освящал лично Иоанн Кронштадтский. Хоругвь Русской монархической партии со штаб-квартирой в Москве была точной копией хоругви ополченцев князя Дмитрия Пожарского. Монархические хоругви хранились обычно в храмах. Увы, бывали случаи, о которых сообщала монархическая

пресса, когда священники на местах отказывались хранить хоругви в храмах, заявляя, что это не священные предметы, а элементы политической агитации. Но это только штрих к характеристике духовенства начала XX века.

Помимо знамен и хоругвей черносотенцы создали и другую собственную символику. Уже в конце 1905 года, т.е. в первые недели после организации, был разработан и представлен обществу знак члена Союза Русского Народа, на котором был изображен небесный покровитель Союза великомученик Георгий Победоносец. А 23 декабря 1905 года, когда состоялся Высочайший прием весьма представительной депутации Союза Русского Народа, первые знаки членов СРН были вручены Государю Императору Николаю II и Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу. Государь, как сообщалось, внимательно осмотрел знак, остался им доволен и поблагодарил монархистов. Впоследствии этот знак видели на груди Цесаревича. После первого раскола Союза отколовшаяся часть его во главе с депутатом Государственной думы В. М. Пуришкевичем взяла себе имя Русский Народный Союз им. Михаила Архангела (в день памяти Архистратига Божия Михаила был избран Главный Совет Союза Русского Народа) и изготовила собственный знак, на котором был изображен Архангел Михаил. Собственные знаки имели также Русский Монархический Союз и некоторые другие патриотические организации.

Союз Русского Народа имел даже собственный неофициальный гимн. Им стало стихотворение Льва Евфимьевича Катанского «Молитва Благодатному покровителю Союза Русского Народа Св. Великомученику и Победоносцу Георгию» (другое название – «Гимн Св. Великомученику и Победоносцу Георгию»). Впервые текст стихотворения был опубликован 23 апреля 1906 года в органе Союза, газете «Русское знамя». Стихотворение быстро распространилось по всей России и стало очень популярным среди монархистов, вскоре оно было положено на музыку разными композиторами (самой популярной была музыка композитора Надина). Ввиду своей широкой известности переложенное на музыку стихотворение Катанского

стало считаться гимном Союза Русского Народа, хотя никакого официального решения на сей счет не принималось. Текст гимна Союза достоин того, чтобы его привести полностью:

Великий Георгий, Предстатель небесный,
Целитель всех нужд и печалей, и ран!

Ты – Русской Державы Защитник чудесный,
Ты – слава героев и вождь христиан.

Твое, Божий Воин, прославлено имя
Величьем страданий во имя Христа;
Своею любовью, делами своими
Ты всех покоряешь святыне Креста.

Услышь нас, молящихся, грешных собратий,
Гонимых, позоримых русских людей,
Разрушь злой совет инородческих ратей,
Избавь нас от козней продажных вождей.

Видна Тебе лютая наша тревога,
Ты знаешь, что многих корысть увлекла
И многие наши забыли про Бога
И стали рабами кромешного зла.

Рассей, о Георгий, соблазны измены,
Взыщи обезумевших блудных сынов
И к нам возврати их из вражьего плена,
Спаси, вразуми их, о Воин Христов!

Мы молим Тебя на коленях, рыдая –
Явись, Благодатный Герой, с небеси
С чудесным советом к Царю Николаю
И с Ним усмири всяк язык на Руси!

О сжался, Георгий, над Русской Державой
И прежнюю силу подай Ты ей вновь
И снова затепли с немеркнувшей славой
В сердцах наших веру, надежду, любовь!

Для сплочения единомышленников монархисты стремились учредить и собственные праздники. Первым с такой инициативой выступил лидер московских монархистов Владимир

Андреевич Грингмут. По его предложению в 1906 году одновременно с разработкой символики монархического движения Русская монархическая партия установила особый памятный день в ознаменование указа Императора Николая II от 8 июля 1906 г. о роспуске революционной I Государственной думы. В этот день (а это был праздник Казанской иконы Божией Матери) монархисты решили поднести к образу Богородицы в московском Казанском соборе лампаду с надписью «Русские монархисты в призывание молитвенной помощи от Царицы Небесной Царю Самодержцу Всероссийскому в память дня 8 июля 1906 года» и отмечать этот праздник в дальнейшем ежегодно. Однако эта инициатива не получила общероссийского признания. Были и другие попытки учредить особые монархические праздники, связанные с памятью св. патриарха Гермогена, Кузьмы Минина и др., но и они не прижились.

Зато вся монархическая Россия признала в качестве своего праздника день Покрова Пресвятой Богородицы. История установления этого праздника началась с того, что на 3-ем Всероссийском съезде Русских Людей в Киеве, который проходил с 1 по 7 октября 1906 года и назывался также Всероссийским съездом Людей Земли Русской, выступил с речью делегат от Чернигова, наблюдатель церковных школ протоиерей Феодор Васютинский. Он обратил внимание делегатов на то, что открытие съезда состоялось именно в день Покрова Пресвятой Богородицы и предложил считать отныне день Покрова праздником всех монархических союзов, устраивая в этот день годовые торжественные собрания по всей России с особыми молебнами. Делегаты поддержали это предложение. С тех пор ежегодно день Покрова монархисты отмечали как свой особенный праздник. 3-й съезд по предложению В. А. Грингмута постановил соорудить особую монархическую икону Покрова Божией Матери, которую торжественно освятили в Успенском соборе Московского Кремля на Пасху 1907 года.

Уже на следующий год монархический праздник отмечался достаточно широко. В Петербурге состоялись особые молебствия в Союзе Русского Народа и в помещении Русского

Собрания, причем последнее совершил первенствующий член Св. Синода митрополит Антоний (Вадковский), окропивший после молебна помещение святой водою. Затем состоялось торжественное собрание, на котором выступили видные деятели монархического движения. В Киеве прошел молебен и торжественное собрание монархистов. В Москве торжеств не было в связи с трауром по случаю кончины умершего накануне лидера местных монархистов В. А. Грингмута.

1 октября 1908 года монархический праздник особенно широко отмечался в Москве. В храме Епархиального дома епископ Можайский Василий (Преображенский) отслужил Божественную Литургию, храм был полон молящихся монархистов, отделы пришли со своими знаменами. Слово о христианстве и язычестве сказал будущий священномученик протоиерей Иоанн Восторгов. Затем состоялся монархический крестный ход. В тот же день торжественно открыло свою деятельность Общество содействия религиозно-нравственному и патриотическому воспитанию детей. Молебствие совершил митрополит Московский Владимир (Богоявленский). Большим монархическим торжеством стало освящение памятника на могиле казака 34-го Донского полка Кузьмы Сухорукова, убитого революционерами 7 августа 1905 года. Памятник был построен на средства московских черносотенцев. В торжестве участвовали члены монархической партии, а также сотня 1-го Донского полка. Все собравшиеся монархисты клялись «оставаться до гроба верными Царю и Родине».

1 октября 1909 года праздник выдался особенным, ибо в канун его в газете «Русское знамя» было опубликовано обращение Главного Совета Союза Русского Народа к монархистам. В нем сообщалось, что по указу Государя Св. Синод повелел, «в удовлетворение всеподданнейшего ходатайства Главного Совета СРН, совершить в день Покрова Пресвятой Богородицы по всем церквам Империи особый сбор на построение в городе Петербурге храма в ознаменование 300-летия благополучного царствования Дома Романовых». В день своего праздника монархисты начали сбор средств на

строительство Феодоровского собора в память 300-летия Дома Романовых. А в Москве в эти дни проходил Съезд Русских Людей (с 27 сентября по 4 октября). В день праздника монархических организаций на съезд прибыл весьма популярный среди монархистов архиепископ Антоний (Храповицкий), избранный почетным председателем съезда. Владыка отслужил литургию в храме-памятнике русской народной скорби на Ходынском поле. А вечером в Большом зале Консерватории состоялся русский национальный праздник.

Раскол в Союзе Русского Народа в 1909-1910 годах и другие неурядицы в монархическом движении повлияли и на монархический праздник. Он стал менее людным и не таким торжественным, хотя о нем не забывали. Так, 1 октября 1911 года в Петербурге в здании городской думы состоялось торжественное собрание, на котором присутствовали члены монархических организаций и Национального клуба. В 1913 году в день монархического праздника в Москве в большом зале Епархиального дома прошло общее собрание Русского Монархического Союза. И только с началом Первой Мировой войны монархический праздник перестал широко отмечаться.

Будучи людьми верующими, черносотенцы понимали, что борьба против революции имеет духовную природу, что они ведут борьбу не против людей, «не против плоти и крови... а против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12). А значит бороться нужно было прежде всего духовным оружием. Поэтому не было ничего удивительного в том, что вдохновитель создания Союза Русского Народа игумен Арсений (Алексеев) выступил инициатором и организатором крестового похода против революции. В воскресенье 14 января 1907 года после Божественной литургии в Александро-Невской Лавре вместе с большой группой союзников он отбыл из Санкт-Петербурга в паломничество на Святую Землю. По пути паломники проводили собеседования с монархистами Москвы, Курска, Харькова, Полтавы, Киева, Одессы. По прибытии в Святую Землю черносотенцы отправились пешком в Иерусалим, дабы сугубо помолиться на Голгофе и у Гроба Господня о спа-

сении России. К началу крестового похода игумен Арсений составил особую покаянную молитву Русского народа: «Господи, спаси Царя нашего и всю державу Его, не даждь врагом нашим посмеяться над нами: прости грехи наша и грехи отец наших. Тебе, Господи, слава, а нам стыд за дела наша. О, Господи, прости прегрешение наше ради русских св. предков наших, иже умоляют Тя о нас, аще и согрешихом пред Тобою, но не отступихом от Тебя, ниже прострахом рук наших к Богу чуждему. Умилосердися, Господи Боже наш, укроти раздоры и нестроения в отечестве нашем. Поистине вся злая сия постигоша нас собственно ради неправд наших и попрание всех законов и повелений Твоих. Поистине уподобились мы содомским и вавилонским нечестивцам. Враг же спасения нашего и восстави от среды нас многие сыны губительны и общества преступников, иже злая совещают на истребление вся власти наша, и дерзают на погубление и истребление Помазанника Твоего, и даже покушаются на разрушение св. царственного града нашего. <...> Все мы недостойные купно с пастырями умоляем Тя Всесильного и Премудрого Бога нашего: токмо Ты Един Всесилен могий все беды и скорби от нас устранить и упразднить, мир и тишину отечеству нашему возвратить и спасти Помазанника Своего и святой царственный град наш от мужей губительных, и злые советы их рассыпать, и обратит их к покаянию. <...> Ты, Господи, слышал молитву предков наших и спасал отечество наше, то и ныне все мы умоляем Тя, Отца милости и щедрот, услыши молитву нашу и спаси ны от рук враг наших, да избавившися от лютых бед и скорбей, прославим великолепое имя Твое Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

1 июля 1907 года паломники прибыли из Иерусалима в Санкт-Петербург с иконой Воскресения Христова с вделанной в нее частицей Гроба Господня, которой благословил Русского Царя Вселенский Патриарх. На вокзале святыню встречала представительная делегация во главе с епископом Гдовским (будущим священномучеником) Кириллом (Смирновым), среди встречавших находились председатель Союза Русского На-

рода А. И. Дубровин и множество союзников. Газета писала: «Многие со слезами крестились и выражали сердечную признательность отцу Арсению, подъявшему, несмотря на свой преклонный возраст, подвиг поездки к месту земной жизни и страданий Спасителя, чтобы помолиться за обуреваемую кровавыми распрями Родину». После молебствия крестный ход с хоругвями и иконами двинулся к Казанскому собору, где на паперти икону встретил сам митрополит Антоний (Вадковский), окруженный многочисленным духовенством. Владыка облобызал икону и перенес ее в собор.

После богослужения в Михайловском манеже состоялся многочисленный монархический митинг. Священноначалие приняло решение, что первое время икона будет пребывать в Казанском соборе, пока не будет испрошено Высочайшее соизволение на встречу Государя с депутацией союзников, которая и передаст этот дар Вселенского Патриарха Императору Николаю II. Дальнейшая судьба иконы, к сожалению, неизвестна.

Все вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что черная сотня была настоящим Священным Союзом Русского Народа (или, по крайней мере, всегда стремилась им стать в лице своих лучших представителей), а не обыкновенной монархической партией в ряду прочих политических. Поэтому все верующие политически активные русские люди так или иначе выражали свои симпатии Союзу Русского Народа и другим монархическим организациям, – кто-то состоял их членом, кто-то поддерживал конкретные акции черносотенцев. Неудивительно, что все монархисты в наступившее после 1917 года время лютых гонений подверглись преследованиям, очень многие пролили свою кровь за Веру, Царя и Отечество, а некоторые ныне прославлены нашей Церковью в лике святых.

Часто задают вполне законный вопрос: если Союз Русского Народа был самой многочисленной организацией (а его численность в период расцвета была больше совокупной численности всех политических партий вместе взятых), если он пользовался поддержкой лучшей части русского народа, если в нем состояло так много святых людей, почему же он разва-

лился и не выполнил свою миссию в 1917 году, как выполнил ее в 1905–1906 годах?

Тому было много причин. Назовем главные.

Во-первых, сила Союза Русского Народа и массовая поддержка его действий всеми слоями русского общества во время революции 1905-1906 годов испугали либералов и социалистов, которые стали изыскивать способы ослабить, а то и уничтожить Союз изнутри. Вместе с тем, участие в деятельности черносотенных организаций некоторым показалось легким способом сделать быструю карьеру, быть замеченными. Все это привело к тому, что в монархические организации потянулись всякого рода провокаторы и авантюристы. Они сыграли заметную роль в организации расколов, провоцировании распри, инициировании всякого рода провокаций и скандалов, что ложилось тяжким бременем на репутацию Союза, давало возможность врагам и недоброжелателям представлять Союз в глазах Государя как силу неуправляемую, сомнительную и даже антигосударственную. К тому же в 1907–1908 годах ушли из жизни люди, которые пользовались безоговорочным авторитетом в среде монархистов, которые могли умирить распри, повлиять на лидеров черной сотни: 27 сентября 1907 года скончался один из организаторов монархического движения, вождь московских черносотенцев Владимир Андреевич Грингмут, а 20 декабря 1908 года преставился всенародно почитаемый почетный член Союза Русского Народа всероссийский батюшка Иоанн Кронштадтский.

Во-вторых, в среде самих монархистов появились влиятельные люди, которые искренне считали, что Союз Русского Народа должен стать не Священным Союзом, не Союзом-орденом для борьбы со смутой, а обычной правой монархической партией, чтобы иметь возможность использовать в деле защиты Веры Православной, Царского Самодержавия и Русского народа возможности закона и весь арсенал партийной борьбы. Они считали, что нужно участвовать в выборах в Государственную думу, чтобы в ее стенах бороться за русские идеалы и ценности. Именно вопрос об отношении к Думе и довольно

либеральной политике правительства стал для Союза Русского Народа камнем преткновения.

В-третьих, помимо либералов и социалистов у Союза Русского Народа был еще один влиятельный противник – бюрократия, в особенности высшая бюрократия – столичные сановники, давно пропитанные либеральным духом. Как это ни прискорбно признать, но могильщиком Союза стал выдающийся государственный деятель России той эпохи, глава правительства Петр Аркадьевич Столыпин, сам впоследствии ставший жертвой террориста. Поскольку Союз Русского Народа критически относился к столыпинской идее разрушения общины и попыткам главы правительства создать в России конституционную монархию, Столыпин решил учредить лояльную своей политике партию Союз Русских Националистов, а для этого решил разрушить Союз Русского Народа, который мешал его планам. Используя финансовые механизмы, прямое давление на лидеров агенты Столыпина организовали фактический переворот в Союзе, а непримиримых противников во главе с А. И. Дубровиным попытались маргинализировать. С 1909 года по 1913 год начался период перманентной междоусобицы в Союзе, приведший к упадку Союза Русского Народа. Сам Петр Аркадьевич не сумел воспользоваться плодами своей деятельности, поскольку пал жертвой террориста Богрова в 1911 году.

Был ли способ сохранить Союз? Теоретически – да, практически – нет. По сути нужно было после подавления революции 1905-1906 годов институализировать Союз Русского Народа, поставить его на службу Государю и государству. Иными словами, Союз должен был стать неким аналогом царской опричнины. Однако для осуществления этого плана в тогдашней России отсутствовали необходимые условия: преданная Государю элита и благонамеренность общества. А само слово «опричник» было ругательством в обществе, как, впрочем, и слово «черносотенец».

Анонимный автор популярного среди черносотенцев стихотворения очень точно выразил весь трагизм положения

монархистов, которые в монархическом государстве подвергались клевете и поношению, но до конца оставались верны долгу верноподданного православного русского человека:

Кто, молитву творя,
Чтит Народ и Царя,
В ком ни совесть, ни ум не шатается
Кто под градом клевет
Русь спасает от бед,
Черносотенцем тот называется...

* * *

В книге представлены труды тринадцати святых черносотенцев – св. праведного Иоанна Кронштадтского и двенадцати новомучеников и исповедников Российских. Составитель не имел умысла подгонять количество авторов книги под определенное число. Это сложилось само собой, а значит это неслучайно. Из прославленных Церковью святых, которые не представлены в настоящей книге, к деятельности Черной сотни причастен, насколько нам известно, священномученик митрополит Петроградский Вениамин (Казанский). Но у нас нет сведений, что он состоял членом монархических организаций, хотя и служил молебны при открытии монархических съездов.

Известен также ряд черносотенцев, которые приняли мученическую кончину в годину гонений и пока еще не канонизированы Русской Православной Церковью. Их в книгу мы включать не решились. Так, Русской Зарубежной Церковью прославлен председатель Киевского губернского отдела Союза Русского Народа, член Совета Монархических Съездов протоиерей Михаил Алабовский (1874–1937), ему написан даже тропарь, но вопрос об общецерковном прославлении, насколько нам известно, пока не решен. РПЦЗ прославила также в сонме новомучеников члена фракции правых III Государственной думы, кандидата в члены Главного Совета Союза Русского Народа священника Александра Вераксина (1872–1918), но вопрос

о его прославлении ни в Киеве (он был убит в г. Черкассы), ни в Вильнюсе (служил в Виленской губернии) не поднимается. Как сообщали региональные СМИ, готовится прославление главы Георгиевско-Мининского отдела Союза Русского Народа в Нижнем Новгороде сщмч. протоиерея Николая Орловского (1867–1918), председателя Боголюбского отдела Союза Русского Народа в Казани сщмч. протоиерея Николая Троицкого (1873–1937), духовника Царской Семьи, члена Главной Палаты Русского Народного Союза им. Михаила Архангела сщмч. протоиерея Александра Васильева (1868–1918), но пока официального решения Св. Синода о причислении их к лику святых нет.

Следует подчеркнуть, что целью книги является представление ее авторов не как святых, но именно как общественно-политических деятелей своей эпохи. Поэтому биографические очерки, открывающие соответствующие разделы книги, написаны не в жанре житийной литературы, а в жанре энциклопедических статей, посвященных общественной и политической деятельности святых. А из их наследия для публикации отбирались статьи, которые посвящены историософской, политической или нравственной проблематике.

В заключение стоит коснуться общих вопросов подготовки и представления текстов. Все тексты публикуются по правилам современной орфографии, но с максимальным сохранением особенностей авторского стиля. В комментариях указаны первые публикации (по возможности) и источник, по которому публикуется текст. Все могущие оказаться непонятными современному читателю детали, а также персоналии снабжены соответствующим комментарием. Комментарии авторов, если таковые имеются, сохранены и отмечены соответствующим образом.

А. Д. Степанов

**СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН
КРОНШТАДТСКИЙ
(19.X.1829–20.XII.1908)**

Святой праведный Иоанн Кронштадтский (в миру – Иван Ильич Сергиев) родился в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии в семье бедного сельского дьячка. Получил образование в Архангельской духовной семинарии (1851) и в С.-Петербургской духовной академии (1855). Окончив курс академии со степенью кандидата богословия (сочинение «О Кресте Христовом»), вступил в брак с дочерью протоиерея Кронштадтского Андреевского собора, с которой всю жизнь прожил как

брат с сестрой. Будучи рукоположен в сан священника, начал служил в том же храме. Вся остальная жизнь о. Иоанна и его пастырская деятельность протекала в Кронштадте, портовом городе, в котором до него процветало полное падение нравов, и многие вскоре даже забыли его фамилию Сергиев и стали называть пастыря Иоанном Кронштадтским. Вел строгий аскетический образ жизни, держась строгого поста, как душевного, так и телесного, ежедневно совершал Божественную литургию, за которой непременно приобщался Святых Христовых Таин. Его трудами и любовью огромное количество опустившихся людей возвращалось к достойной жизни, вновь обретали человеческий образ. Скоро открылся в о. Иоанне и дивный дар чудотворения, который прославил его на всю Россию и даже далеко за пределами ее. Тысячи людей ежедневно приезжали в Кронштадт, желая видеть о. Иоанна и получить от него ту или иную помощь. На получаемые пожертвования о. Иоанн ежедневно кормил огромное количество нищих, устроил в Кронштадте «Дом трудолюбия» со школой, церковью, мастерскими и приютом, основал в своем родном селе женский монастырь, воздвиг большой каменный храм, а в С.-Петербурге построил женский монастырь на реке Карповка, в котором и был по кончине своей погребен.

О. Иоанн был близок со многими выдающимися государственными и общественными деятелями, учеными и деятелями культуры. Он находился в царском дворце в Ливадии в последние дни жизни императора Александра III, и **самая кончина** государя последовала в его присутствии. По своим политическим взглядам о. Иоанн был убежденным монархистом. Так, в своем дневнике он записал: «Держись же, Россия, твердо веры своей и Церкви, и Царя православного, если хочешь быть непоколебимою людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства и Царя православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нея многие интеллигенты – то не будешь уже Россией или Русью Святою, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга». Кронштадтский пастырь непрестанно молился за Русскую Церковь, Царя и Россию. Вот одна из его молитв: «Господи, всемогущий, всеблагий, премуд-

дрый Царь царств земных! Устрой и утверди Русское царство с Русскою Православною Церковию на непоколебимом камне, каковой еси Ты, Иисусе Христе, Боже наш! Покори, Господи, все народы, составляющие Россию, одной воле Императора и наипаче Тебе, верховному и единственному главе Церкви Своей. Да не поколеблют державы Российской инородцы и иноверные и инославные! Сохрани целость державы и церкви».

С великой скорбью наблюдал о. Иоанн за ростом революционных настроений, за расшатыванием нравственных устоев и падением монархического чувства. Он увещевал: «Наилучший, Богом учрежденный и освященный образ правления – монархический – в каком гонении, пренебрежении от революционеров наших и всех сочувствующих им!.. Да подумайте же вы, русский народ, трезво, здраво, к чему стремитесь? – К низвержению всякого общественного строя и уклада житейского, к хаосу общественному! Познайте вы, ведь это диавольские, а не Божеские дела!.. Вы губите себя и Россию». В годы революционной смуты 1905–1906 гг. слово о. Иоанна звучало на всю Россию: «Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант православной веры... Восстань же, русский человек!.. Кто вас научил непокорности и мятежам бессмысленным, коих не было прежде в России... Перестаньте безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу – и вам, и России». Кронштадтский пастырь видел, что «царство Русское колеблется, шатается, близко к падению», и грозно предупреждал: «Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония».

По мнению близко знавшего о. Иоанна прот. Максима Худоносова, «он не мог и по долгу пастыря, и по любви к Родине не указывать и не обличать этого ужасного знамения времени; не мог не призывать к борьбе с этими опаснейшими врагами, на знамени которых написано “Смерть гоям”. Далее, как пастырь он не мог относиться к царской особе и власти не так, как учат о

том многочисленные и ясные свидетельства Слова Божия; он не мог безучастно смотреть, как святотатственные руки протягиваются к царскому венцу и порфире; он не мог со свойственной ему ревностью не стоять за неприкосновенность самодержавной власти Русского царя, как помазанника Божия. Наконец, как русский по рождению, и воспитанию, и служению, он не мог не болеть душою за Русь родную, за то, что ее как материальные, так и особенно духовные интересы безнаказанно попираются нашествием иноплемеников, усиленно стремящихся внести погибель всему тому, что называлось Русью Святой».

В годы революционной смуты 1905–1907 гг. о. Иоанн не только духовно и материально поддержал нарождавшийся Союз Русского Народа (передал на нужды организации громадную по тем временам сумму в 10 тыс. руб.), но и вступил рядовым членом в его ряды, получив членский билет за номером 200787. В заявлении о вступлении в СРН написал: «Желая вступить в число членов Союза, стремящегося к содействию всеми законными средствами правильному развитию начал русской государственности и русского народного хозяйства на основах Православия, неограниченного Самодержавия и русской Народности, – прошу зачислить меня, как единомышленника». В октябре 1906 г. направил телеграмму делегатам 3-го Всероссийского съезда Русских Людей (Всероссийский съезд Людей Земли Русской), проходившего в Киеве 1–7 октября 1906 г.: «Восторженно слежу за речами и деяниями Съезда и благодарю от всего сердца Господа, смилостивившегося над Россией и собравшего около колыбели русского христианства верных чад Своих для единой защиты Веры, Царя и Отечества». 26 ноября 1906 г. (в день памяти Георгия Победоносца) о. Иоанн принял участие в освящении хоругви и знамени СРН, которое состоялось в Михайловском манеже в присутствии около 30 тыс. союзников. По свидетельству очевидцев, он окропил хоругвь и знамя СРН святой водой, с благоговением поцеловал знамя и вручил его преклонившему колена председателю Союза А. И. Дубровину, а затем напутствовал монархистов приветственным словом.

15 октября 1907 г. постановлением Главного Совета СРН о. Иоанн был избран пожизненным почетным членом организации. 19 октября, в день его ангела, депутация Союза во главе с графом Э. И. Коновницыным поднесла о. Иоанну грамоту, в которой говорилось: «Главный Совет Союза Русского Народа единодушно призывает тебя, почитаемый пастырь, оказать делу служения его на благо великой Русской Народности непрестанную молитвенную защиту перед Престолом Бога Вечного, Ему же ты, отче, служил уже 52 года, яко верный сын Царя и Церкви Христовой. Алкая и жаждая духовной близости к тебе и единения с тобою, добрый пастырь, Главный Совет Союза Русского Народа... избрал тебя единогласно в свои почетные члены».

О. Иоанн был почетным председателем и членом многочисленных монархических организаций, в частности, по его свидетельству, он состоял в тысяче отделов СРН, в том числе таких крупных, как Харьковский отдел СРН. Он был лично близок со многими видными деятелями правомонархического движения: священномучениками митрополитом Серафимом (Чичаговым), епископом Гермогеном (Долганевым) и протоиереем Иоанном Восторговым; игуменом Арсением (Алексеевым), В. А. Грингмутом и др. Живо интересовался делами в монархическом движении, даже незадолго до кончины. Так, во время встречи с членом СРН протоиереем Максимом Худоносовым в феврале 1908 г. много говорил о пользе СРН, о необходимости более широкого распространения патриотических газет. 25 октября 1908 г., благословляя двух спутников протоиерея Худоносова, которые были членами СРН, о. Иоанн сказал им: «Будьте тверды, мужественны, не оставляйте свой пост». Союзники расценили эти слова пастыря как «предсмертный завет Союзу Русского Народа».

О. Иоанн предчувствовал тяжелые испытания для России. 19 февраля 1908 г., в проповеди во время Божественной литургии, сказал, обращаясь к молящимся: «Что-то будет с тобой, матушка-Русь...» – и потом, после долгой паузы, – «...Вы, малое стадо, будьте верны и мужайтесь!» Но он пророчествовал и о грядущем возрождении России: «Я предвижу восста-

новление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях вот таких мучеников, помни, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая – по старому образцу; крепкая своей верою во Христа Бога и во Святую Троицу! И будет по завету святого князя Владимира – как единая Церковь! Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский».

Перед кончиной сильно болел, но продолжал ежедневно служить. 18 февраля 1908 г. говорил в беседе протоиерею Максиму Худоносову: «Сильно страдаю, а к врачам не обращаюсь. Они не велят служить, а я без ежедневной службы жить не могу. Отслужу – легче. В причащении Св. Таин моя и ваша жизнь...» О. Иоанн заранее предсказал день своей кончины.

На Поместном соборе Русской Православной Церкви 7–8 июня 1990 г. св. прав. отец Иоанн Кронштадтский был причислен к лику святых.

**Божие ли Царство – Россия?
(Слово на день священного миропомазания
и венчания на царство благочестивейшего,
самодержавнейшего великого Государя-
императора Николая Александровича¹)**

Господне есть царство, и Он
Владыка над народами
(Пс. 21, 29)

Из года в год Церковь и Россия благодарно вспоминают и светло торжествуют день священного миропомазания и венчания на царство благочестивейшего Государя нашего Императора Николая Александровича – и прославляют Господа,

¹ День священного миропомазания и венчания на царство св. царя-мученика Николая II (1868–1918) – 14 мая (ст. ст.) 1896 г. – *Здесь и далее примечания составителя, если не указано иное.*

возложившего на Него честь и величие, по выражению Царя-пророка, и на главу его венец из чистого золота (Пс. 20, 4–5).

Миропомазание царское есть знамение излияния благодати Духа Святого, Господа животворящего – на лицо помазуемое, – и мудрости и силы для управления подданными. Этот священный обряд есть Божие установление. О Давиде, помазанном на царство Самуилом пророком, сказано в бытописании, что с того часа, как он был запечатлен елеем, – стал носиться над ним Дух Божий. Сам царь Давид вот что говорит о благодатном действии на него священного помазания и – силы Божией, сообщенной чрез него: *Бог препоясывает меня силою и устрояет мне верный путь, делает ноги мои, как у оленя, и на высотах моих поставляет меня, научает руки мои брани, и мышцы мои сокрушают медный лук; Ты дал мне щит спасения Твоего, и десница Твоя поддерживает меня, и милость Твоя возвеличивает меня. Ты расширяешь шаг мой подо мною, и не колеблются ноги мои. Я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их; поражаю их, и не могут встать, падают под ноги мои, ибо Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои восставших на меня; Ты обратил ко мне тыл врагов моих, и я истреблю ненавидящих меня. Я рассеваю их как прах пред лицом ветра, как уличную грязь попираю их. Ты избавил меня от мятежа народа, поставил меня главою иноплеменников: народ, которого я не знал, служит мне: по одному слуху о мне повинуются мне; иноплеменники ласкательствуют предо мною; иноплеменники бледнеют и трепещут в укреплениях своих; жив Господь, и благословен защитник мой! Да будет произнесен Бог спасения моего, Бог, мстящий за меня и покоряющий мне народы, и избавляющий меня от врагов моих! За то буду славить Тебя, Господи, между иноплеменниками и буду петь имени Твоему, величественно спасающий царя и творящий милость помазаннику Твоему Давиду и потомству его во веки (Пс. 17, 33–51).*

Видите, какую силу имело для царя Давида священное помазание, или, точнее, излияние елея на главу его, – и чем был Бог для него, как царя народа избранного. Бог управлял,

так сказать, всеми шагами, всеми действиями Давида, – чрез него царствовал Сам над Израилем; царство Давида было поистине Господне Царство. Но и Давид был царь по сердцу Божию (Деян. 13, 22), как засвидетельствовал о том Сам Бог, – и был истинным пастырем народа еврейского, как царь и вместе пророк, научая его непрестанно правой вере и строгому благочестию знаменитыми своими боговдохновенными псалмами и стройным богослужением; он вел частые войны с внутренними и внешними врагами, победил всех их и доставил преемнику своему Соломону мирное царствование.

Можно ли сказать о нашем Отечестве настоящего времени, что оно есть Господне Царство, и Господь есть Владыка русского народа? – По правой вере христианской, апостольской, неповрежденной мудрованиями человеческими, по православному чину богослужения и Таинств, по силе знамений и чудес, совершающихся от мощей прославленных угодников Божиих и чудотворных икон, и вообще по бесчисленным знамениям милости Божией, совершающимся донныне над верными христианами, и – по доброму, благочестивому житию немалого числа истинных христиан между русскими, – Россию можно назвать Царством Господним. Это, впрочем, только с одной стороны.

С другой же – по причине безбожия и нечестия многих русских, так называемых интеллигентов, сбившихся с пути, отпадших от веры и поносящих ее всячески, поправших все заповеди Евангелия и допускающих в жизни своей всякий разврат, – Русское царство есть не Господне Царство. И потому смотрите, что творится в нем в настоящее время: повсюду забастовка учащегося и рабочего – в разных учреждениях – людя; шум партий, имеющих целью ниспровергнуть настоящий, установленный Богом монархический строй, повсюдное распространение дерзких, безумных прокламаций, неуважение к авторитету власти, Богом поставленной, ибо *нестъ власть аще не от Бога, сущіе же власти от Бога учинены суть*, по апостолу (Рим. 13, 4); дети и юноши вообразили сами себя начальниками и вершителями своей судьбы; браки потеряли для многих всякое значение, – и разводы по при-

хоти умножились до бесконечности; многие дети покинуты на произвол судьбы неверными супругами; царствует какая-то бессмыслица и произвол. Это ли царство православное, это ли царство Господне? Наконец, допущен безнаказанный переход из православия в какую угодно веру.

Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, говорит Господь, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит (Мф. 12, 25). Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония (Вавилонское, Ассирийское, Египетское, греческо-македонское).

Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его, яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от Лица Божия, а праведники да возвеселятся (Пс. 67, 1–4). Аминь.

**Слово о благотворности Царского Единодержавия
(Произнесено в годовщину восшествия на престол
Благочестивейшего Государя-императора Николая
Александровича, 21-го октября 1896 года,
в Андреевском соборе в Кронштадте)**

Господне есть царствие и Той
обладает языки

(Пс. 21, 29)

Во всей вселенной – во всех мирах, видимых и незримых нами, сколь они ни велики и ни бесчисленны, – во всем этом дивном, премудром, прекрасном, живом мировом механизме явно примечается одна премудрая, всемогущая, личная, безначальная, всеблагая и всеобъединяющая Сила, которая дала всему этому бесконечному и разнообразному механизму единство,

порядок, чудную гармонию и красоту, в целом везде одинаковую, постоянную и неизменную. На обитаемой нами земле во всех одушевленных и неодушевленных творениях заметны также разнообразие и единство родов и видов в животных и растениях, единство и согласие действий, обычаев, нравов, инстинктов и вообще проявлений жизни. Например, с наступлением осени перелетные птицы длинными вереницами, под управлением передового вождя своего, как колонновожатого, тянутся в воздушных высотах в теплые страны. С наступлением весны они опять такими же вереницами летят, тоже под управлением передового, к нам на житье и промысл свой и на вывод подобных себе. Пчелы и муравьи дружно трудятся под управлением и руководством матки или царька, заготавливая себе на зиму пищу и жилище; однолетние растения увядают и пропадают, но виды их в семени и зачаточном состоянии остаются неизменными, и при благоприятной, теплой температуре пускают опять свои отростки и развиваются в те же прекрасные и живые формы, как и в прошлый год. Во всем – в малом и великом – в течении светил и действиях стихий, во всех растениях и животных приметна одна всесозидающая, всеоживотворяющая, всеукрашающая, всеправляющая Рука Невидимого Творца и Промыслителя. Эта же всеправляющая Рука правит и всеми народами, всем родом человеческим; она поставляет царей и преставляет, и на место одних возводит других. Она возвела и на Престол Русского царства нового Царя, отрасль так еще недавно почившего Царя-родителя. *Мною, – говорит Бог, – цари царствуют и повелители узаконяют правду* (Пр. 8, 15). Царь – образ Бога на земле, Правителя вселенной. *«Слушайте цари и разумеите, научитесь судьи концев земли, внимайте обладатели множества и гордящиеся пред народами: от Господа дана вам держава, и сила от Вышнего, Который исследует ваши дела и испытает намерения»* (Пр. 7, 1–3), – вызывает премудрый Царь к подобным ему.

Посему все верноподданные обязаны относиться к Царской власти с благоговением, по праву и закону Божественному, и повиноваться Царю не только за гнев, страшный особенно в Царе Самодержавном, но и за совесть (Рим. 13, 5), как учит

Апостол, т.е. по собственному каждого убеждению в святом долге повиновения Царю, как преобладающему вверенными народами во благо им, в создание их, а не в разорение, как вождю и народоводителю. Царь самодержавно правит народом, как образ единоначальной власти Божией, как образ Царя Царей, как глава государства, этого великого политического тела, стройно организованного и объединяемого единою главою. Все власти в государстве, как радиусы в круге, относятся к Государю, как к своему центру; или все люди в государстве, как дробь, получают в Царе своем одного знаменателя. Государь в своем царстве, как душа в теле, сообщает стройность направления и действия всем членам великого политического тела.

Наша Православная Церковь постоянно молит Бога, Вседержавного Царя Царей, о спасении и благопоспешении Царя земного во всем, и покорении под ноги его всякого врага и супостата. Вы видите, братие, что для России единодержавие и самодержавие в государстве необходимо и есть величайшее благо для него, подобно как в мире Божие единоначалие и вседержавие. Будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа: Царю ли, как верховной власти; правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро (1 Пт. 2, 13–14). – *Воздадите убо кесарево кесареви и Божия Богови* (Мф. 22, 21). Аминь.

Слово в день тезоименитства благочестивейшего Государя-императора Александра Николаевича

Правда возвышает язык, ума-
ляют же племена греси

(Пр. 14, 34)

В высокаторжественный день тезоименитства нашего Царя-отца предложим с Божиею помощью краткое слово о том, что служит причиною истинного величия, могущества и благоденствия народа, и что унижает, обессиливает и по-

вергает его во всестороннее бедствие. *Правда*, – говорит премудрый Соломон, – *возвышает язык*, т.е. народ, *уменьшают же племена греси*.

Итак, вот причина величия, могущества и всестороннего благосостояния народа: это правда, или истинная, живая вера и благочестие народа, именно: страх Божий, почтение к Царю, от Него поставленному, и ко всем низшим властям, и должное уважение и любовь к каждому человеку. Что же унижает и повергает народ в нравственное и политическое бессилие и причиняет ему всесторонние бедствия? Грехи, т.е. плотская, своевольная, чувственная жизнь. Истина этих слов засвидетельствована прошедшим временем каждого народа и свидетельствуется постоянно настоящим их положением.

Раскроем эти мысли при помощи Божией. *Правда возвышает язык*. Един Бог велик и высок; все великое и высокое на земле – пред Богом ничтожно. *Все языцы*, т.е. все народы, даже со своим лучшим политическим устройством, со своими военными и промышленными силами, со всем своим богатством, *пред Ним*, бесконечным Богом, *яко ничтоже* (Ис. 40, 17), – как ничто, говорит пророк. Всякая сила человеческая, все истинно великое и высокое в людях – от Бога, Который, по бесконечной любви Своей к человеку, как к величественному образу Своему, делает его причастным Своей силы и Своего величия. Но под каким условием Бог сообщает человеку, или племени, народу, Свое могущество и Свое величие? Под условием единения человека или народа с Богом чрез неизменную верность его Богу или святым Его законам; короче, под условием правды. Когда Царь и народ верны законам единого Вседержителя Бога, правящего судьбами всех царств и народов и направляющего всех к единению с Ним, верховным Царем, и между собою, – тогда они бывают един дух с Ним и в этом единении с Его бесконечным величием почерпают свою собственную силу, свое истинное и прочное благоденствие.

Если бы народ Мой слушал Меня, – говорит Господь устами пророка и царя Давида, – *и сыны Израиля ходили Моими путями, скоро покорил бы Я врагов их, и на сопротивных им*

обратил бы руку Мою. Ненавидящие Господа покорствовали бы им и благоденствие их было бы вечно (Пс. 80, 14–16).

Таким образом, очевидно, как правда возвышает язык. Но определим точнее, в чем именно состоит правда, возвышающая язык или народ. Правда Божия, от исполнения которой зависит сила и величие народа и каждого члена его, состоит в двух заповедях: *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим, и ближнего своего яко сам себя* (Мк. 12, 30, 31). Вот в чем заключается сущность правды, исполнением которой крепнут и возносятся народы. Будьте едино с Богом верою и любовью; будьте едино и с ближними по взаимной любви; промышляйте, как и чем кто может не только о себе, но и о других: и вы будете велики, сильны и непобедимы. Почему? Потому что с вами будет Бог всемогущий: *ибо даже там, где двое или трое собраны единодушно во имя Его, там Он среди их* (Мф. 18, 20), по неложному слову Его.

Чем были велики и сильны первые христиане? Правдою евангельскою, т.е. своею крепкою верою в Господа Иисуса Христа и непоколебимою надеждою на Него, – своею до смерти крепкою любовью к Нему и, наконец, взаимною между собою любовью и единодушием, – таким единодушием, что у всего множества веровавших *было все общее и никто ничего из имения своего не называл своим*; почему между ними не было ни одного нищего (Деян. 4, 32–34). Тою же правдою евангельскою, тою же крепкою верою и любовью к Богу и взаимною любовью были велики и сильны последующие христиане. Что сделало великими, славными и добропобедными миллионы мучеников христианских? Правда Христова, т.е. крепкая вера и любовь ко Христу, надежда на будущую жизнь и братская, горячая взаимная любовь. Что сделало великим и сильным победителем и августом равноапостольного царя Константина и скрепило колебавшееся дотоле царство Римское? Правда Христова или вера христианская. Что всегда было причиною величия нашего православного русского народа? Что в продолжение тысячелетия вознесло Россию на

верх величия и могущества? Верность евангельской правде: крепкая вера в Бога и с любовью надежда на Него и на пречистую Матерь Божию; преданность святой матери Церкви и ее уставам; любовь к Царю и Отечеству, равно как и любовь царей наших к своим подданным, взаимная любовь и уважение; христианское правосудие и милосердие, умеренность в образе жизни и, в случае нужды, единодушное, с упованием на Бога, восстание против врагов веры и Отечества. Так правда всегда возвышала и возвышает язык.

Но как *правда возвышает язык*, так *умаляют*, т.е. обесценивают и унижают, *племена греси*. Если нет в народе правды, т.е. нет веры во Христа, нет любви к Богу во Христе Иисусе, взаимной любви и уважения взаимных прав, – если вместо всего этого заступает безверие и крайнее самолюбие во всех его видах, – если в народе поселяется роскошь, излишество во всем, относящемся до пищи, питания, одежды, жилища, удовольствий телесных и душевных, если всякий думает и заботится только о себе, о своем обогащении и удовольствии, – тогда прощай всякое величие, всякая сила народная и благоденствие Отечества. Не помогут сделаться ему великим и сильным ни светская и, значит, только внешняя образованность народа, ни самое мудрое политическое устройство, никакое, наконец, богатство вещественное, никакие военные силы. Все это будет ни более ни менее, как богатое и блестящее, но слишком отягчающее украшение на мертвеце. Народ будет безжизнен и бессилен и в глубоком нравственном унижении, будет томиться и вздыхать при всем видимом довольствии и ни в чем важном не будет иметь успеха. Ибо тогда оставит его благость и сила Вышнего, и он будет *предан в неискусен ум творити неподобная* (Рим. 1, 28), доколе, наконец, обремененный своими беззакониями, сам себя не разрушит, подобно тому, как разрушается тело, обременяемое невоздержанием и происходящим от того худосочием и полнокровием.

Так падали и падают народы. Так пали древние царства: Ассирийское, Вавилонское, Персидское, Македонское, Римское; так разрушились царства Израильское и Иудейское.

Будем же твердо держаться евангельской и церковной правды, составляющих одну и ту же правду Христову, и позаботимся содержать в сердцах своих неослабно веру, благочестие и страх Божий. Мы живем на рубеже прошедшего тысячелетия России и, если даст Бог, на рубеже наступающего. Возблагодарим Творца веков за то, что Он в круговороте тысячелетнего периода времени, совершившегося над нашим Отечеством, даровал и нам, существам преходящим по телу и бессмертным по душе, – жить и благоденствовать под широкою тенью России, под защитою наших самодержавных царей-отцов, и, что всего дороже, в недре Православной Церкви нашей, воспитывающей для блаженной вечности на небесах бесчисленный народ русский. Постараемся все – употребить данные каждому из нас Богом таланты в пользу Церкви и Отечества и на приобретение будущего, бесконечного блаженства на небесах. Будем верными сынами Отечества земного, – чтобы за верность в малом Господь удостоил нас быть верными во многом и за верность Отечеству земному, временному, удостоил нас Отечества Небесного, вечного. Аминь.

**Слово в день тезоименитства
благочестивейшего Государя-императора
Александра Николаевича и Его Императорского
Высочества, Государя-наследника, Цесаревича
и Великого князя Александра Александровича**

Блажени нищии духом, яко
тех есть Царствие небесное

(Мф. 5, 3)

В высокаторжественный день царского тезоименитства к слову ли речь о нищете духовной? Речь о нищете не нарушит ли несколько торжества нынешнего дня, которому свойственны великолепие и блеск? Смеем думать, что к слову речь о нищете в день царский, ибо, во-первых, мы гово-

рим о нищете духовной, которая может скрываться и под наружным великолепием и блеском, а во-вторых, Сам Господь соединяет нищету и царство, и притом представляет царство плодом и наградою нищеты. *Блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное.* Да и святой благоверный Великий князь Александр Невский, стяжавший нищету духа, как великое сокровище, и угодивший Богу эту нищетою, приглашает нас войти в сущность ее, узнать плоды ее, размыслить о средствах достигнуть ее и угодить чрез нее Богу. Итак, речь о нищете в нынешний день, конечно, не только не нарушит торжества его, а напротив, доставит большее торжество празднующим, указав в нищете истинное величие духа человеческого, торжество и блаженство его.

Что же такое – нищета духа? Или что значит быть нищим духом? Быть нищим духом значит иметь духовное убеждение в том, что мы ничего собственно своего, кроме грехов, не имеем, а из доброго имеем только то, что подал и подает Бог, – притом не для нас одних, а и для других, – что и наш состав телесный ничтожен, как горсть праха, и наши силы и способности ограничены и несовершенны, – разум помрачен, близорук, сердце нечисто, воля растленна, бессильна для добра и склонна ко злу, что мы – бездна грехов и немощей, – и ничего доброго не можем сделать без Божией помощи и благодати, – словом: ставить себя за нравственное ничто, считать себя великими грешниками, и таким образом всегда и во всем прибегать к милосердию Божию – с молитвою о помиловании, спасении и помощи, пред всеми смирять, а не возвышать себя, всем с готовностью служить и никого не осуждать, не презирать, не унижать. Короче, нищета духовная есть смиренномудрие. Вот в чем состоит нищета духа! Стяжавшие такую нищету духа истинно блаженны, ибо их есть Царство Небесное, т.е. потому блаженны, что в них, в сердцах их непрестанно почивает Сам вечноблаженный Бог, призывающий на смиренных и подающий им Свою благодать, а гордым противящийся (Иак. 4, 6); потому блаженны, что они кротки, незлобивы, ко всем доброжелательны, не

любостязательны, их не мучит желание корысти, богатства, сластей земных, славы и блеска земного, которые составляют крушение духа человеческого. И как нищие духом, или смиренные, — блаженны, так гордые почти непрестанно мучатся, потому что, любя без меры только себя, и одних унижая, других ненавидя, многим завидуя, снедаясь жаждою богатства, земной славы, они непрестанно терпят за то внутреннее наказание; и всякое мгновение греха для них есть мучение: ибо грех сам в себе носит наказание. И гордые, возвышая себя, непрестанно сами себя унижают внутренне, да и наружно: ибо бывают малодушны, робки, непоследовательны; напротив, нищие духом, хотя и смиряют себя, но бывают истинно высоки: 1) потому что воздают всем должное и имеют возвышенное настроение мыслей от свидетельства совести, что они исполняли требование закона Божия, и 2) потому что, по справедливости вменяя себя за ничто, осуждая себя за всякий грех, — они не попускают в себе царствовать никакому греху, непрестанно за всем прибегают к Богу, прося великих Его даров, и Бог непрестанно бывает с ними и в них; и совершает чрез них великие дела: чрез них Он управляет царствами земными в мудрости, правде, кротости и благодати; чрез них Он право правит слово истины и как река изливается в слове истины: чрез них начальствует над подчиненными в духе отеческой любви и отеческого попечения; чрез них судит праведно, чрез них Он совершает всякую добродетель во всяком звании и состоянии. Святой благоверный князь Александр Невский, которого святую память ныне мы совершаем, имел в себе эту нищету духа и это блаженство нищих духом, и это величие неземное: ибо и великокняжеский сан свой, и способности свои, и успехи свои в делах — все считал даром Божиим, и за все восписывал благодарение Виновнику всех благ Богу, и всеми мерами старался возрастить вверенные ему от Бога таланты. Он рассуждал так: я высок на земле, велик на Престоле, но я такой же человек, как и все, с такими же немощами; я высок на Престоле, но потому поставлен на высоте его, чтобы свет моих деяний светил всем моим подданным; я высок, но

потому и высок, что должен быть слугою всех, по слову Спасителя моего: *иже аще хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга* (Мф. 20, 26). Я высок на Престоле, но есть Всевышний Царь неба и земли и Князь царей земных, от которого дана держава всем им; Он потребует от меня в свое время отчета в делах моего земного владычества: ибо Он поставил меня пастырем людей Своих: и я должен пасти их в мудрости, кротости, правосудии, недремлемо, – переносить для них все тягости, заботы и труды. И он был таким на самом деле: как пастырь добрый, берег народ и войско, заступал сирот и вдов, довольствовал нищих, ибо так говорит о нем история и поет святая Церковь; – для всех был всем: и державу благоверного князя Александра благословлял народ, называя его солнцем земли Русской. Русь в то время была под гнетом татарским: святой Александр был ангелом-хранителем народа своего и явил великое христианское смирение, охраняя подданных от необузданности и алчности татарской; сам ездил в Орду, дарил татарского хана и его придворных, смиряя себя пред ними, как пред жезлом правды Божией; наконец, сам помогал татарам в сборе дани со своего народа, удерживая его от неуместного раздражения: и таким смирением и вместе такою мудрою политикою спас Русь от конечного порабощения татарами. Какой прекрасный пример для всех, кто поставлен Провидением быть на страже общественного благосостояния! Вся жизнь святого Александра была посвящена заботам о благе подданных: он презирал негу, бездействие, роскошь, не знал лицепрятия. Не погрешим против истины, если скажем, что и соименный ему ныне благополучно царствующий Государь наш управляет своим народом в духе святого благоверного князя Александра, в духе кротости, смирения, благости, в духе мудрости и мудрой терпимости. Подобно святому Александру, и он считает себя только смиренным орудием на земле Царя небесного, Царя царей земных, державу которого сам первый с любовью лобызает, которой сам первый повинует, и считает себя не иначе, как слугою всех: из всех его намерений, учреждений видно, что благо народа для него до-

роже своего собственного и ему он посвятил всю жизнь свою. Да даст ему Господь Бог мирное и благопоспешное во всем царствование и да сохранит драгоценные дни его на многие лета, и с ним наследника его!

Примеры святого благоверного князя Александра Невского и царствующего Государя должны располагать и каждого из нас к посильному им подражанию: и мы должны жить и угождать не себе, но Богу и ближнему, – как говорит Апостол: *должны есмы мы сильнии немощи немощных носить, и не себе угождати; ибо и Христос не Себе угоди. Кийждо же вас ближнему да угождает во благое к созиданию* (Рим. 15, 1–3); но каждый из нас знает, что Иисус Христос служил и угождал нам до смерти, смерти же крестныя. На все, что мы имеем по природе или по благоприобретению, – как то: на род, звание, сан, состояние, способности, образование, служебную деятельность, преимущества и отличия, богатство, – мы должны смотреть не иначе, как на Божий дар, которого, судя по нашим грехам, мы не заслуживаем, – и употреблять все это во славу Божию и на пользу не только свою, но и общественную. Мы должны считать себя орудиями Божиего Промысла для тех, над которыми мы поставлены начальниками, пастырями, судиями, вообще – общественными деятелями, – и должны общее благо ставить выше своего собственного и заботиться о нем утром и вечером, днем и ночью: ибо на то мы поставлены; для того возведены на высоту начальства, для того получаем отличия и почести; для того получаем совершенное обеспечение материальное от власти самодержавной, – т.е. чтобы нам ничем другим не развлекаться, например, снисканием предметов насущной потребности, – чтобы иметь некоторый покой после трудов службы, чтобы знаки отличия были знаками наших забот и трудов на пользу общую и привлекали к нам справедливое уважение наших подчиненных, благу которых мы служим. Таким образом, если мы будем считать себя слугами общественного дела, общественного блага и не будем только себе угождать, то и мы мало-помалу стяжем нищету духа, заповеданную нам Спасителем, – бу-

дем ощущать в себе внутреннее удовольствие и блаженство и, живя еще на земле, будем предвкушать сладость Царствия Небесного, которого дай Бог всем нам достигнуть благодатию и щедротами и человеколюбием и вольным обнищанием нас ради Господа нашего Иисуса Христа, Царя славы, Которому со Отцем и Святым Духом слава, честь и держава ныне, всегда и во веки веков. Аминь.

**Слово во вторую неделю поста,
по поводу наглого и дерзкого убийства злодеями
благочестивейшего Государя-императора
Александра Николаевича, 1-го марта 1881 года¹**

Аз есмь Пастырь добрый: Пастырь добрый душу Свою полагает за овцы

(Ин. 10, 11)

Возлюбленные братья и сестры! Не стало у нас доброго, державного Пастыря всей России, Государя-императора Александра Николаевича. Злодеи, крамольники, исчадия ада, предтечи антихриста лишили нас нашего солнца светлого: и вот вся Россия покрылась мраком скорби и печали. Вся Россия плачет, молится и плачет. Молились и плакали и мы с вами. Но, братья и сестры, всему должна быть своя мера, мера должна быть и нашей скорби, хотя потеря наша и всей России так велика и чувствительна, несчастье так поразительно, злодейство столь нагло, что и хотел бы, да не можешь оставить сетования и скорби, вздыханий и слез. Как — думаешь — могло случиться среди белого дня такое страшное убийство — Царя столь доброго, могущественного, славного своими делами и любовью к России и народу! Отчего, о Боже, — мы говорили в себе, — и на сей раз

¹ Похороны Императора Александра II состоялись 15 марта 1881 г., отпевал Государя митрополит Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) в сослужении членов Святейшего Синода и сонма духовенства.

Ты не избавил его, как избавлял уже многократно, дабы и на сей раз вся Россия воспела Тебе благодарственный и хвалебный гимн! Зачем Ты допустил торжествовать врагам Царя и России, поднявшим ныне свою бровь? Зачем попустил Ты этим злым коршунам напасть на нашего незлобивого голубя и растерзать его так страшно? Но прости, о Боже, Боже наш, что мы дерзаем, таким образом, как бы состязаться с Тобою и требовать как бы отчета в премудрых, благодетельных и неиспытанных судьбах Твоих. Подавляющая сердца наши скорбь побуждает так вопить и вопрошать.

Чем же можем мы утешиться с вами в невыразимой скорби нашей по убиенном возлюбленном Царе и Отце нашем? – Утешимся, во-первых, тем, что покойный Государь в смерти своей сделался подражателем Самого Господа нашего Иисуса Христа; ибо как Господь положил жизнь Свою за нас, быв предан Иудею и убит руками беззаконников, пригвожденный ко кресту, так и Царь наш, преданный и убитый от своих же подданных, положил жизнь свою за нас, за величайшие благодеяния его, оказанные нам в мудрое его царствование, – за любовь к нам и самые искренние и широкие желания добра и благоденствия всем нам и самим врагам и злодеям его. Он истинно, как пастырь добрый, полагал и положил всю жизнь свою за овец своих, между коими были и козлища смердящие, – и в самый день и час насильственного убийства от убийц он хотел спасти от смерти отрока, сделавшегося злополучною жертвою покушения на его царскую Особу. Если бы он, следуя отеческому движению сердца, не вышел из своей кареты, чтобы принять участие в положении раненого отрока, и поехал вперед, – то, может быть, и не сделался бы жертвою смерти, а враги были бы пойманы.

Впрочем, видно, пришел час его; ибо державные земли находятся под особым Промыслом Божиим, и *сердце царево в руке Божией* (Пр. 21, 1), по Писанию. Да будет воля Господня!

Во-вторых, умерим скорбь нашу тем размышлением, что Господь прекратил столь дорогие для нас дни его не в цвете лет, не в зрелом возрасте, но на склоне к западу дней

его, когда он уже стал ощущать некоторые недуги приближающейся старости, – а ведь надобно же непременно умереть всем нам; – пресек дни его после четверти века его благодетельного царствования. В-третьих, утешимся тем, что Господь благоволил призвать его к Себе в светлом и прекрасном венце Мученика – более блистательном, чем венец его царский, – и в нетленной багрянице Страстотерпца, несравненно более драгой и прекрасной, чем его царская багряница, – в багрянице, обогрелой его собственной кровию, смешанною с животворящею кровию Господа, причастия которой он сподобился пред смертью своею; утешимся – добавлю – тем, что Господь призвал его в Свое нетленное, непоколебимое во веки бесконечное Царство Свое, где нет врагов, завистников и злодеев и где царствует вовеки любовь святейшая, *правда и мир и радость в Духе Святом* (Рим. 14, 17). В-четвертых, утешимся тем, что он оставил нам после себя мудрого, доброго и испытанного в горниле житейского опыта наследника в годах зрелого мужества, который обещал уже державным словом своим – идти по следам своего родителя – Царя-мученика, и в котором мы можем созерцать образ почившего. В-пятых, утешимся тем, что всеблагий, всевидящий, бодрый, премудрый и всемогущий Промысл не попустит впредь на нас подобного несчастья, ибо Он *не попускает искушения сверх сил, но при искушениях оставляет избыток, чтобы мы могли перенести* (1 Кор. 10, 13).

Но при христианском утешении в нечаянной и ужасной смерти Государя не забудем, что таковая кончина его – для нас всех есть громовой, обличительный голос – Отца Небесного, свидетельствующий о том, что – по нашим нравам – мы стали недостойны такого Государя, и потому Господь взял его от нас к Себе, да почиет от трудов своих и избежит новых ков злобы, и что *если с зеленеющим деревом так поступлено, то что будет с сухими деревьями* (Лк. 23, 31), т.е. с нами грешными, не приносящими плодов покаяния? – Мы должны исправиться, если желаем, чтобы Цари наши долго и благополучно царствовали. У иудеев в одно время, имен-

но пред пленом вавилонским, был весьма благочестивый царь Иосия, явивший пламенную ревность к истинной вере и истребивший идолопоклонство в Иудейской земле. Но иудеи в это время были крайне развращены и потому лишены были благочестивого царя, убитого в сражении 39 лет от рождения. — Осмотримся хорошенько, что у нас нехорошо, неуютно и противно Богу. О, много, много в нас недоброго, неуютного для Бога! Вот, например, теперь пост, а между тем многие и забыли, что ныне пост. Общественные увеселения или театры были и в пост, и всякие другие грешные, нечистые удовольствия для многострастной плоти, более и более разжигающие ее страсти тоже были и в пост, есть и ныне — разумею известные дома, — и многих, многих людей не допускают нисколько позаботиться о спасении души, тогда как посты именно для того и установлены. И что же, в самом деле, неужели это так всегда и будет? Да разве не дорого для Бога спасение душ человеческих? Разве Он не купил их ценою пречистой Своей крови? Разве Он опять отдаст их во власть дьявола? Впрочем, люди сами отдаются во власть сатаны чрез грехи и нераскаянность, и если погибнут, то сами виноваты будут в своей гибели, ибо погубили готовое спасение. — И вот для страшно развившейся язвы греха на нас попускаются страшные удары, разящие небесные громы: то неурожай, и оттого крайняя дороговизна жизненных потребностей, то повальные болезни, то наводнения и бури, то пожары истребительные, и в довершение ко всему прочему вот и еще нам удар! Теперь все очнулись, пробудились, встрепнулись! Все плачут; все восклицают: ах, какое злодейство! Какое варварство, ехидство! Но это ли только нужно от нас? Нужно нравственное очищение, всенародное глубокое покаяние, перемена нравов языческих на христианские. Омоемся слезами покаяния, очистимся, примиримся с Богом, и Он примирится с нами и, как мякину, развеет и уничтожит всех врагов Царя и народа. *Се не воздремлет, ниже уснет храняй Израиля* (Пс. 120, 4)! Попечемся друг о друге — богатые о бедных; сильные и знатные о незнатных и

простых и немощных; будем утирать слезы у вдов и сирот, стонущих в своей безысходной бедности и нередко проклинаящих участь свою, доходящих до отчаяния, а ведь их немало, и их вопли доходят до Бога. Бросим роскошь, которая есть враг и бич милосердия и к которой мы так охотно привыкаем. Поделимся охотно с неимущими, нуждающимися в куске хлеба, в одежде, в пристанище. Простите мне, что я часто напоминаю вам об этом: мой долг – будить во всех чувство милосердия, ибо только милостивые помилованы будут (Мф. 5, 7). *Мы все во Христе члены друг другу, а в теле если страдает один член, с ним страдают все* (1 Кор. 12, 26). Покойный Государь заботился о всех нас, как добрый пастырь всей Русской земли, и за нас положил жизнь свою. Мы попечемся друг о друге; никто не сторонись от милосердия, если хочешь быть Христовым и по праву называться христианином, – а если будешь немилостив, то и сам не получишь милости от Бога. *Какою мерою мерите, такую, сказано, возмерится вам* (Лк. 6, 38). Аминь.

**Слово во время литургии
в день похорон блаженной памяти
Государя-императора Александра II-го**

Иже погубит душу свою Мене
ради и Евангелия, той спасет ю
(Мк. 8, 35)

Братия и сестры! Сегодня Россия будет предавать земле бранные останки своего любимого Царя-отца и величайшего благодетеля, скончавшегося мученическою смертью от рук злодеев. Боже мой! До чего мы дожили? До каких злодейств! Среди белого дня, в виду людей, пеших и едущих, люди в человеческом образе, но звери или демоны в душе, убили Государя кроткого и незлобивого, облагодетельствовавшего миллионы своих подданных и чужих, нам едино-

верных! Сколько слез и рыданий пролито пред Господом о Царе-мученике, которого столь скоро и нечаянно пришлось лишиться нам! Какой царь когда-либо был так оплакиваем! Но не будем скорбеть чрезмерно, *как не имеющие упования* воскресения (1 Сол. 4, 13). Обратимся к Божественной книге Завета Господа нашего Иисуса Христа и почерпнем в ней для себя утешение в нынешних скорбных обстоятельствах. Прочитаем из нее некоторые слова читанного сегодня Евангелия, содержащие в себе немалое утешение для скорбящих о кончине добрых людей и благодетелей и имеющие прямое отношение к нашей настоящей скорби по случаю кончины нашего доброго и мудрого Государя. Господь говорит: *кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее*, т.е. кто лишится здешней, временной жизни насильственно от чьих-либо рук за правду или кто добровольно распнет плоть свою со страстями и похотями, тот сбережет ее.

Но кто станет отвергать, кто не знает, что покойный Государь наш потерял жизнь свою временную за добрые дела свои, за любовь к народу, за то, что он полагал всю жизнь свою для устройства благоденствия и своего, и чужих, единоплеменных нам народов? Итак, хотя смерть его для всех нас есть величайшая потеря, но для него – она приобретение; потерявши жизнь свою для здешнего мира, он приобрел ее для мира горнего, нетленного; лишившись царства земного, он наследует Царство Небесное.

О, да упокоит Господь душу его в месте светле, злачне и покойне, *откуда отбегли болезни, печали и воздыхания* (Ис. 51, 11), но где жизнь бесконечная и беспечальная, без всякого страха и опасений. Не болезнь ли, не постоянные ли страхи и опасения – была бы жизнь нашего возлюбленного Государя, если бы он еще продолжал жить на земле? Злодеи России и Царя, как мы читали в печатных известиях, не дремали ни в России, ни за пределами ее – и постоянно готовились нанести страшный удар всей России. И вот Царь небесе и земли, бессмертный, вечный, всесильный, всеблагий, благоволил призвать нашего Царя после великих тру-

дов его к Себе, да избавится от всех врагов своих и да почиет от трудов своих там, на небе. Мир духу твоему, Царь православный! Почий на лоне Авраамовом! А Ты, о вседержавный Царю небесе и земли, сохрани под державою Твоею нового самодержавного Царя нашего на многие лета и даруй во днех его правду и множество мира, тишины и преуспевания ему в царственной мудрости.

Мы же, братия, поучимся у почившего Государя – жить не для себя только, но и для блага ближних; поучимся отвергаться самих себя, своих страстей смертоносных и всегубительных; поучимся умерщвлять эти воюющие против нас страсти, чтобы спасти на веки бесконечные души свои, созданные по образу и подобию Божию и искупленные – бесконечно великою ценою – кровию Сына Божия. Аминь.

**Слово в день рождения
Наследника Всероссийского Престола,
благочестивого Государя-цесаревича и Великого князя
Александра Александровича¹**

Жена егда раждает, скорбь
имать, яко прииде год ея; егда же
родит отроча, ктому не помнит
скорби, за радость, яко родися
человек в мир

(Ин. 16, 21)

Рождение в мир человека, разумного создания Божия, по образу Божию, есть дивное дело всемогущества, благодати и премудрости Божией; новое существо является в мир из небытия в бытие, существо, которое, как по видимому не ничтожно и немощно по началу своему, но которое впоследствии времени нередко имеет важное влияние на судьбу своих единоплеменников, целого народа и иногда на судьбу мира.

¹ Александр III родился 26 февраля (ст. ст.) 1845 г.

Но вход в мир этого существа, которое называется человеком (что значит словесный), большею частью сопровождается великою скорбью для рождающей его матери по причине греховности зачатия и рождения. *Жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея*, т.е. время рождения. Это должны помнить все, рожденные женами, и за муки рождения платить им любовью и воздаянием. Впрочем, по рождении матерью своего младенца она скоро забывает свою скорбь по причине радости, что родился человек в мир. Так чувство скорби сменяется и поглощается чувством радости. И как не радоваться матери! Она стала матерью дитяти, существа для нее самого сердечного, дорогого, которое жило ее жизнью в утробе ее и теперь будет жить довольно долгое время также ею. Как не радоваться матери! Она родила человека, будущего члена Церкви Божией, христианина, наследника Царствия Божия и гражданина, а если мать — супруга Государя, то она родила и Наследника Престола или великого деятеля в Отечестве. В этом последнем случае радость отца и матери делается радостью всего государства, всего Отечества.

Такова нынешняя радость по случаю торжества дня рождения благоверного Государя-цесаревича и Великого князя Александра Александровича!

Радость о рождении благоверного Государя-цесаревича есть радость всего царства и торжество о его рождении есть торжество всего царства: ибо Наследник есть надежда всего царства, опора его, залог могущества и благоденствия его. Потому-то Святая Церковь Божия нынешний день торжественно приносит Начальнику жизни нашей и Царю царей благодарение за дарование, сохранение и преуспеяние его и молит Господа и впредь хранить его во всяком благополучии на многие лета.

Присоединим же и мы, братия, к молениям Церкви свое сердечное благодарение и славословие Господу за дарование державе Российской благого и мудрого по сердцу россиян Наследника, за сохранение, умножение и преуспеяние дома его и помолимся от всей души, да даст ему Господь вышний

быть достойным Наследником великого Родителя своего, продолжателем его планов и предназначений, и да сохранит его на многие лета с благословенным его семейством. Господи! Спаси и сохрани сына Царева на многие, многие лета к славе России и Церкви Православной. Аминь.

**Слово на день рождения
благочестивейшего Государя-императора
Николая Александровича, 6-го мая**

Приложи (Господи) дни ко дням царя, лета его продли в род и род. Да пребудет он вечно пред Богом; заповедуй милости и истине охранять его

(Пс. 60, 7–8)

Празднуем день рождения августейшего Государя-самодержца всей России – и молим Господа, по наставлению царя и пророка Давида, чтобы Царь царей умножил дни его в благополучии и здравии на многие годы: приложи дни ко дням его, и продли лета его в род и род.

Не напрасно возносит Богом вдохновенный Царь-пророк усиленную молитву к Вседержителю о продолжении жизни царской на многие годы, и именно возносил он ее в сознании величайшей важности и необходимости царской самодержавной власти для государства. Давид, как богоизбранный и Богом помазанный на царство царь, сам испытал на себе самом пользу и необходимость Царской власти для благосостояния и преспеяния всех подданных, объединенных мудрым отеческим управлением его; ибо царь есть Богом поставленный и Богом умудренный и уполномоченный пастырь, каковым и был Давид, а подданные – его овцы, обязанные повиноваться ему, по заповеди и завету Самого Бога, Коему повинуются бес-

прекословно бесчисленные сонмы ангелов, Коему повинуются небо и земля и вся тварь.

Вообразите хотя на минуту, что было бы, например, с бесчисленным благоустроенным волею и премудростию Божиею этим сонмом ангелов, если бы они, подобно падшим ангелам, также перестали повиноваться воле и манию Творца своего и Владыки и захотели бы управляться сами собою? Они погубили бы себя навеки. Страшный урок неповиновения Творцу мы видим именно на падших ангелах, которые, отрекшись повиноваться всеблагой воле Творца, – подчинились злейшей воле бывшего первоангела, или сатаны, возмущившего часть неба, и по его воле и разуму сотворили и творят всякое зло в мир, будучи сами полны всякого лукавства и злобы и сгорая в адском огне. Подобное было бы с родом человеческим, и в частности с нашими интеллигентами, которые захотели бы управляться или управлять государством, при своей близорукости, при своих своекорыстных, страстных, буйных увлечениях, от которых ничего нельзя ожидать доброго, кроме ломки старого, хотя и нужного, и введения новых форм правления, нового направления, или бесправия по новым западным, не идущим к нам образцам. Ни на один день не было бы порядка от такого сборища эгоистов, и ничего доброго для народа, кроме всякой несправедливости и лицепрятия, как и доказали это народы, руководимые разнородным собранием представителей, а не направляемые единой державною, нелицеприятною – отеческою властью Государя, ходящего всегда пред Богом, подобно Давиду. Царское самодержавие освящено и утверждено Самим Богом почти в начале человеческого рода.

Необходимость Царского самодержавия можно ясно доказать из самых свойств нашей души. Наша душа состоит из трех главных сил – разума, сердца и воли, соединенных единым существом души. Область действий этих трех сил бесконечна; и для того, чтобы жизнь души текла правильно, благоплодно и с пользою для нас самих и для окружающих нас людей, – эти силы должны действовать согласно, повинаясь закону совести, вложенному в каждого Творцом, или писан-

ному закону Его, или Евангелию, принесенному на землю Сыном Божиим, Творцом и Спасителем нашим. Таким образом, искренний человек и истинный христианин весь со своим бесчисленным множеством мыслей, чувств, намерений и деяний подчиняется единой державной совести своей или закону Божию, закону Христову, Евангельскому, и вкушает внутренний мир, и жизнь его идет правильно. Но, если душа человеческая не захочет подчинить эти три главные силы души – разум, сердце, волю – закону совести или закону Божию, – она в один день, или в продолжение жизни своей, натворит тьму неподобных, самых вредных дел. Додумается до ужасных вещей – до неверия, безбожия, до анархии, до конституции, – до динамитов и бомб, до стрельбы в кого попало, до каменометаний, до поджогов, до самоубийств, до всякого вида прелюбодеяния, воровства, пьянства, казнокрадства и всякого безобразия, – так что тогда хотя не живи ни в городе, ни в деревне, а удаляйся и заключайся в горах и в вертепах и в пропастях земных (Евр. 2, 38), как, кажется, мы почти и дожили уже до этого. Вот до чего может довести внутренняя или внешняя анархия человека, неподчинение, неповиновение закону совести или закону Божию, или Царю и правительству. До этого теперь и дошли русские интеллигенты, и некоторые из них, скрытно работая в потаенных комнатах над составлением убийственных снарядов, подкрадываются к намеченным лицам, чтобы мигом сразить их и лишить жизни. – Вот к чему способен стал человек, уподобившийся в своей злобе злым духам, губящим жизнь человеческую чрез бесчисленные страсти, – и многочисленные роды убийства и самоубийства. Только одна твердая, уверенная Царская власть, управляемая Богом по Его творческим, отеческим законам, может обуздать всякую дерзость, всякий общественный беспорядок и направить на верную, твердую стезю жизнь народа при содействии мудрого богобоязненного правительства, – а для такого великого и сложного дела оно получает от Бога право, власть и силу, – лишь только самодержец ясно сознает это. Правда возвышает язык (народ), умаляют же племена грехи (Пр. 14, 34). Аминь.

**Слово на день рождения
благочестивейшей Государыни-императрицы
Александры Феодоровны^{1,2}**

От лица Твоего судьба моя изыдет
(Пс. 16, 2)

Сегодня у нас торжество в память дня рождения благочестивейшей Государыни нашей, Императрицы Александры Феодоровны, и всенародное благодарственное Господу Богу моление о ее здравии и исполнении благих судеб Божиих в ее жизни.

Думала ли она в нежной девической юности, что она предназначена Богом быть супругою Императора Всероссийского и матерью августейших чад и между ними Наследника Престола? – И вот о чем ей и на мысль не приходило, – то совершилось в свое время по всеблагой воле Творца и Промыслителя. – Но, при радостях деторождения и лицезрения августейших чад, ей выпали в последние годы скорбные дни вместе с державным супругом; они продолжаются, и не знаем, когда кончатся. Россия мятется, страдает и мучится от кровавой внутренней борьбы, от неурожая земли и голода, от страшной во всем дороговизны, от безбожия, безначалия и крайнего упадка нравов. Судьба печальная, наводящая на мрачные думы.

Но всеблагое Провидение не оставит России и в этом печальном и гибельном состоянии. Оно праведно наказует и ведет к возрождению. Судьбы Божии праведные совершаются над Россией, как они совершались в предшествовавшие века ее существования – при древних великих князьях и царях наших.

¹ Получено по почте из Карпогоры (Арханг. губ.). – *Прим. издателя издания 1908 г.*

² Св. Царица-мученица Александра Федоровна (1872–1918) родилась 25 мая (ст.ст.).

Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, метко кладет на свою наковальню всех подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горькими слезами пред твоим небесным Отцем, Которого ты безмерно прогневала.

В начале я привел слова из псалма: *от лица Твоего судьба моя изыдет* (Пс. 16, 2). Важная эта истина. Жизнь нашу, жизнь царств и народов управляет Господь, создавший нас для вечного бытия. Земная жизнь есть приготовление, обучение к будущей, бесконечной жизни. Вот последняя цель каждого из нас, как и каждого народа, каждого племени. Мы предопределены к вечному гражданству, к вечному Царству в общении с Богом, с ангелами, с лучшими из людей, с избранными Божиими. Мы должны обучиться здесь нравам небесным, молитве, вере, благодарению, любви и преданности, чистоте и непорочности. А где у нас эти добродетели? Мы осквернены всякими грехами; нужно измыться, очиститься, просветиться, укрепиться, убелиться как снег. А можно ли достигнуть этого без скорби, без страданий, без слез? – Для этого Господь, как искусный врач, подвергает нас разным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы очистить нас, как золото в горниле. Душа, закосневшая во грехах всякого рода, нелегко поддается чистке и врачеванию, но с большим принуждением и терпкостью и только чрез долгий опыт терпения и страданий осваивается с добродетелью и начинает горячо любить Бога, Коего была чужда, научившись всяким грехам плотским. Вот цель бед и скорбей, посылаемых нам Богом в этой жизни. Они нужны как отдельным лицам, так и целому народу, погрязшему в нечестии и пороках. Русский народ и другие населяющие ее [Россию] племена глубоко развращены, горнило искушения и бедствий для всех необходимо, и Господь, не желающий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле. Поделом. Если сознаем свои грехи, обратимся к вере, покаемся, изменимся к лучшему с Божией помощью, тогда и Господь обратит к нам светлое Лице Свое и помилует нас, и даст нам благословение и мир. – А если нет, то будем таять в бедах наших. Аминь.

**Слово на день тезоименитства
благочестивейшей Государыни-императрицы
Александры Феодоровны, 23-го апреля**

Не бойтесь убивающих тело,
души же не могущих убить
(Мф. 10, 28; Лк. 12, 4)

Сегодня Церковь празднует славную память св. великомученика Георгия и мученицы царицы Александры, бывшей супруги римского императора Диоклетиана, а вся императорская Россия празднует именины супруги царской, Императрицы Александры Феодоровны. Святая царица Александра пострадала за твердое исповедание Христа Богом истинным, когда смотрела на бесчеловечные жестокие пытки великомученика Георгия от палачей. Император осудил ее на смертную казнь. Это было во времена гонения на христиан в III веке. Весь мир языческий и иудейский ополчился тогда с лютостью на исповедников имени Христова. Для преклонения их к вере языческой изобретены и употреблены были самые хитрые ласкательства и обещания земных выгод и самые ужасные пытки и мучения. Не оставалось, кажется, никакой более ужасной муки, как те, которые во множестве, до тысячи видов, изобретены были вновь именно для христиан. Нынешние метательные, смертоносные разрывные снаряды сочтены были бы тогда милостью для мучеников, если бы были употреблены против них, — сравнительно с тогдашними пытками и истязаниями.

И все эти бесчисленные и разнообразные страшные гонения и муки, иногда весьма продолжительные, христиане претерпевали с радостью и светлыми лицами, так что смотревшие на эти мучения язычники удивлялись несокрушимому их терпению и думали, что они остаются неуязвимыми от них при помощи волшебной силы.

За кого, за что, за какое благо так страдали мученики и мученицы? За правую, истинную веру, принесенную с неба

на землю Самим Ипостасным Словом Божиим, Самою воплощенною Истиною, – за Христа, Агнца Божия, претерпевшего крестную смерть за мир; страдали ради будущей вечной жизни, ради того, чтобы вечно созерцать неизреченную, несозданную доброту и красоту Лица Божия, или трех Лиц Единого Божества, и вечно прославлять его с ангелами и святыми человеками, – и вкушать вечное блаженство, для которого и сотворен человек.

Сам Господь, за Которого страдали мученики, укреплял их невидимо всемогущею силою Духа Святого, так что, казалось, не они страдают, а кто-то другой. – И никто из замученных за Христа не обманулся в своем чаянии будущего воздаяния и будущей вечной жизни; все они получили венцы нетления, вечную жизнь и славу, так что самые тела и кости их доныне благоухают и источают бесчисленные чудеса для верующих и чтущих их.

Сравнивая нынешнее время с теми давно прошедшими временами; и нынешнее неверие, тупоумие и равнодушие, даже презрение к своей вере именующихся христианами, – не можешь довольно надивиться такому нелепому и страшному состоянию людей, отступивших от Бога и возомнивших о Нем, якобы неверном в Слове Своем, и привлекающих на себя праведный гнев Его. И Он возгорелся страшно на изверившуюся Россию; это кровавое испытание ее продолжительною и изнурительною для всего государства войною японскою есть явное излияние праведного гнева Божия на нас. Оставили русские Бога своего и поклоняются своему помраченному разуму, или, вернее, сатанинскому нелепому уму, извратившему весь нравственный закон и все правильное понимание вещей, и оттого творят всякие неподобные дела. Если мы не исправимся, гнев Божий будет нещадно поражать и истреблять нас и достояние наше; и вот идет на Россию новое посещение Божие, новый гнев Божий, моровое поветрие. Хотя и принимаются меры против него, но рука Божия найдет среди нас свои жертвы и восхитит их из среды нас – в страх и назидание прочим. О, какое, сколь дорогое жизненное сокровище утратили многие нынеш-

ние христиане всех сословий русских, сокровище истинной, всеспасающей веры во Христа истинного Бога и Спасителя нашего, пришедшего в мир грешников спасти (1 Тим. 1, 15). Без Христа никто не спасется от праведного гнева Божия во веки веков; ибо только один Ходатай Бога и человеков – Христос Иисус. А от потери сокровища истинной веры и премудрости люди совсем обезумели и не знают сами, что творят. Такого безумия в действиях людей, – какое было недавно в нашей столице и во многих городах, – еще не видал мир во все свое существование. И такие безумцы рвутся насильно к управлению страной, в совещательную, государственную палату. Но они погубили бы страну и попрали бы все законы, коими управляются благоустроенные государства. От такой общественной беды да сохранит нас Господь, вручающий державу царств избранным Своим. *Мною цари царствуют, и сильные пишут правду* (Пр. 8, 15), – говорит Господь.

Да царствуют в России до конца века твердые в вере, разумные, дальновидные и мужественные цари. Аминь.

**Слово на день воспоминания и празднования
священного миропомазания и венчания на царство
благочестивейшего Государя-императора
Николая Александровича всея России¹**

Врагов Моих тех, сказал Господь, которые не хотели, чтобы Я царствовал над ними, приведите сюда и избеите предо Мною
(Лк. 19, 27)

Вспоминаем и празднуем день священного миропомазания и венчания на царство благочестивейшего Государя нашего.

¹ Получено 21 мая из Усть-Пинеги. – Прим. издателя издания 1908 г.

Смутны и полны внутренней крамолы эти два-три года его царствования, и самый царский венец с порфирией едва не обагрился недавно кровию. Уже готовы были смертоносные орудия. Недреmlющее Провидение сохранило жизнь Царя.

По этому поводу позволяю себе перенестись мысленно в древнюю священную историю евреев и рассказать об одном подходящем и похожем на наше печальное состояние событияи, бывшем во времена судей израильских.

Между судиями еврейского народа был, между прочими, воздвигнутый Богом для управления и защиты его от иноплеменников, знаменитый верою, мужеством и любовью к Отечеству своему Геден, занимавшийся земледелием. Он спас Божиим содействием евреев от воинственных мидианитян, хотевших покорить иудеев своему языческому безбожному игу. Когда он умер в глубокой старости, после него осталось 70 сыновей, так как он был многоженец; кроме того, он имел еще сына от служанки, Авимелеха. — По смерти отца Авимелех пришел в один город земли своей и упросил родственников своих по матери, чтобы они постарались расположить в его пользу жителей его, выставляя им на вид, что им невыгодно будет подчиняться семидесяти сыновьям Геденовым, а лучше признать над собою власть одного, и притом — того, который близок к ним по родству. А жители того города (Сихема), евреи, уже ввели у себя служение языческому божеству Ваалу и успели устроить капище финикийскому божеству, названному Ваал-вериф, т.е. оберегателью союзов и клятв. У этих людей, богоотступников, Авимелех нашел себе приверженцев. Они величали его братом своим и дали ему денег из капища своего божка. На незначительную сумму он нанял праздных и бездомных людей; пришел с ними в дом отца своего покойного и избил братьев своих на одном камне, исключая одного младшего брата Иоатама, который успел скрыться. После того все жители города собрались на одном месте и там у дуба поставили Авимелеха царем. В это самое время на близлежащей горе Гаризин неожиданно показался Иоатам и громким голосом кричал: «Послушайте меня, жители Сихема, и слушает

вас Бог». Когда сделалось молчание, он продолжал: «Когда-то деревья решились непременно помазать над собою царя. И сказали маслине: “Будь у нас царем”. – Маслина отвечала: “Расстанусь ли я с тучностью моею, которую употребляют, чтобы почтить богов и людей, и стану ли я трястись над деревьями?” – Деревья сказали смоковнице: “Приди ты, царствуй над нами”. – Смоковница отвечала: “Расстанусь ли я со сладостью моею и с прекрасным плодом моим и стану ли я трястись над деревьями?” – Деревья сказали виноградной лозе: “Приди ты, царствуй над нами”. – И виноградная лоза отвечала: “Расстанусь ли я с соком своим, который веселит богов и людей, и стану ли я трястись над деревьями?” Наконец, все деревья предложили терновнику: “Поди ты, царствуй над нами”. – Терновник сказал: “Если вы поистине помазуете меня царем над собою, то подите, укройтесь под тенью моей (а что за тень у терновника?), – если же нет, то берегитесь, чтобы не вышел огонь из терновника и не попалил самых кедров ливанских”. – Итак, одумайтесь, справедливо ли вы поступили, поставивши Авимелеха царем, и так ли, как следует, наградили Гедсона и дом его? (ныне у нас дом Романовых). Затем за вас отец мой подвергал опасности жизнь свою и избавил вас от врагов, а вы убили семьдесят сыновей его и поставили царем Авимелеха, сына рабыни! Да выйдет же огонь от Авимелеха и да сожжет вас». Сказав это, Иоатам убежал и скрылся от брата своего. Авимелех действительно сжег жителей в городской башне, скрывавшихся от его угрозы за неповиновение; а сам Авимелех убит был женщиной, бросившей в него обломок жернова. Таким образом, проклятие Иоатама постигло и сихемлян за нечестие, и Авимелеха за братоубийство.

Празднующие царское миропомазание сыны России! Не постигнет ли праведное наказание Божие и наших изменников, покушавшихся на убийство Богом помазанного на царство Царя нашего, предки которого возвеличили его и возвели его на степень первенствующей державы в мире? – И чем бы мы стали, россияне, без царя? Враги наши скоро постарались бы уничтожить и самое имя России, – так как носитель и храни-

тель России после Бога есть Государь России, Царь Самодержавный, и без него Россия – не Россия.

Да хранит Бог Россию и Царя России, если не ради русских, ставших недостойными по своим великим грехам, то ради Церкви Православной, ради всех святых и ради всех чудес, явленных в России в прежние века по предстательству и заступлению Божией Матери и святых чудотворцев русских, которыми нескудна Русская Церковь и Русская земля. Аминь.

Отдельные высказывания, дневниковые записи, пророчества

Из «Предсмертного дневника»

20 августа

«...Гвоздь католической гордости и католической лживости в догматах, в управлении и нравоучении – это есть главенство папы, мнимое и неправильное понимание изречения Спасителя: *Ты еси Петр и на сем камени создам Церковь Мою и врата ада не одолеют ея* (Мф. 16, 18). Всеми Св. Отцами первых и последующих веков признано, и самими первыми православными папами, что под основанием – камнем – надо разуместь Самого Господа Иисуса Христа – камень же был Христос. В доказательство, самое верное и наглядное, привожу слова, имеющие подобный оборот из Евангелия от Иоанна: *разорите Церковь сию* (Ин. 2, 19) (под Церковью разумеется нерукотворенный Храм Тела Господня, а не иерусалимский храм, как можно было бы разуместь по течению речи). Под Церковью Господь разумел именно Свое Пречистое Тело, как и под камнем-основанием нужно разуместь самого Христа, а не преемника Петра-апостола, или – самого Петра. Это ясно. А папы вообразили себя главами Церкви и основанием ее, и даже наместниками Христовыми, что нелепо и ни с чем не сообразно. А отсюда все кичение римских пап и их давнишние претензии на главенство и самовольное управление всею Вселенскою

Церковью. Ну, уж и натворили папы в своей папской Церкви разных фокусов, разных ложных догматов, ведущих к фальши и в вере и в жизни. Это вполне еретическая церковь.»

17 сентября

«...Наказал тяжко и наказывает доселе католиков за преднамеренное, ложное толкование слов Христовых апостолу Петру: *На сем камени созижду Церковь Мою и врата адавы не одолеют ея*. Считая за этот краеугольный камень Церкви папу, а не Христа, и вообразив себя главою Церкви и наместниками Христа на земле, папы впали в грубейшие, гибельные ошибки и весь католический мир увлекли в бездну лжи, измыслив новые ложные догматы и исказив древние, необходимые ко спасению. Католики упали с Камня Веры Христа и упали в бездну погрешений и всяких страстей, особенно в гордость и кичение, в страшную неприязнь к Восточной истинной Церкви и ее догматам и богослужению с обрядами, искони установленными. Католики дьявольскою ненавистью ненавидят Православную Церковь и христиан православных и называют их всякими хульными именами, чрез это поносят Самого Христа – Главу Церкви, св. апостолов, Вселенские и поместные соборы и всех святых Православной Церкви, прославленных Богом. <...>

Где яблоко, ядро раздора и ненависти Церкви католической к Православной? В слишком преувеличенном мнении пап о себе, о преимуществе пред епископами восточных православных иерархов, в их необъятной гордости; в ложном толковании слов Господних, сказанных апостолу Петру: *Ты еси Петр, и на сем камени...* Камень – Христос, а не Петр, трижды отрекшийся, хотя и загладивший слезами покаяния свое отверждение и просиявший в лик апостольский. Сличите, католики, эти слова Господа Петру со словами, сказанными Спасителем фарисеям: *Разорите Церковь сию (Тело Его) и тремя днями воздвигнув*. Он же глаголил о Церкви Тела Своего; так и там Он говорил о Церкви Вселенской и вместе о восстании Тела Своего, т.е. воскресении.

Мысль, что Господь будто бы на Петре создал Церковь, а не на Самом Себе, – эта мысль, залегшая в головах пап и католиков и растолковываемая ими в пользу преемников Петра пап, как глав Церкви и наместников Христа, – поставила все вверх дном в церкви католической: они, по их мнению, – наместники Христа с неограниченной властью и преобладанием над всею Церковью Христовою; будто они судьи всех епископов; они учредители и толкователи догматов; они могут будто изменить в Церкви самые Таинства по своему усмотрению; они канонизируют святых, которых у них нет; они лишают мирян крови Христовой; они обливают водою крещаемых младенцев, а не погружают в воду и т.д.»...

11 ноября

«...Общение католической Церкви с Небесною Церковью – совсем жалкое, холодное, краткое, безжизненное, не так, как в Православной Церкви – живое, мудрое, полное, всеискреннее, всеблагое. Везде и везде папа и папа; ему воздается везде честь, а не святым; святые Востока и Запада умалены, сокрыты, положены в неизвестность и только разве для виду иногда показываются верующим, особенно туристам. А отпусты богослужебные в католической церкви какие небрежные, холодные: “Ita messa ett” – идите, обедня кончилась. А у нас в Православной Церкви какие благоговейные, скромные, полные упования Христова возгласы: “Христос, истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Своея Матери и всех святых помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец”. Папа распоряжается судьбою Небесной и земной Церкви, располагает заслугами святых по произволу: вводит в чистилище и выводит по произволу, индульгирует (индульгенции раздает верующим). Просто доходит до смешного, если бы это не было крайне прискорбно и пагубно. И как не замечают этого сами папы, кардиналы, прелаты, ксендзы, иезуиты? Ведь вера католическая поставлена наскоро, по характеру. Все продано, все взял папа во власть свою, все спасение католиков. А оттого у католиков ныне нет, нет

прославленных святых; есть только [фабрикованные], деланные по папскому произволу. А Православная Церковь, как сад Эдемский, усажена святыми; вот новый святой – Иоасаф Горленко, Белгородский архиепископ, сколько чудес сотворил, а еще не причислили к лику святых. Сколько готовых к открытию? О, Церковь Православная! Сколько ты жизненна, свята, досточтима! Сколь возлюбленна от всех истинных православных христиан.

[Послушайте], в Апокалипсисе Иоанна Богослова о какой Церкви говорится: *избивают тя Моих имам?* Я думаю, о католической и реформаторской. Посмотрите, что папы сделали из веры Христовой православной? Какую ахинею? Кто папа? Идол, не Христос, – говорили ему публично служители: “Ты наместник Христа”. <...>

Где будут на Страшном суде наши [институтки] и профессоры академий, университетов и всех высших, средних и низших заведений со своими питомцами? По достоинству своего духа или недостойнству каждый получит свое. Но содомлянам и гоморрянам, тирянам и сидоньянам, ниневитянам и проч. будет отраднее, нежели христианам, принадлежавшим к Церкви Христовой, имевшим Евангелие, богослужения, Таинства и пренебрегшим всем этим.

Что? Жутко, Господи? Спешите исправиться все; суд приближается...»

Пророчества о. Иоанна о судьбах России и русских людей

В 1890 г. одно благочестивое купеческое семейство города Кунгура Пермской губернии приехало в Кронштадт за благословением к о. Иоанну.

Во время личного с ними собеседования батюшка, узнав, что они приехали к нему из Пермской губернии, сказал им: «Над Пермью висит черный крест», – уклонившись при этом от всяких объяснений сказанных им сих таинственных слов.

Кунгурские паломники поняли слова о. Иоанна в том смысле, что городу Перми угрожает какое-либо тяжкое бедствие, но после тех ужасных событий, которые произошли на Урале в 1918 г., когда крест тягчайших, воистину голгофских страданий и мученической кончины приняли праведный Царь Николай II со своей супругой и детьми, а также и с прочими членами императорской фамилии, становится ясно, что батюшка о. Иоанн за 28 лет провидел это небывалое в истории мира злодеяние, совершенное в пределах Пермской губернии, и прикровенно говорил о нем.

Незадолго до блаженной кончины о. Иоанна он часто любил служить обедню в подворье Леушинского монастыря, что на Бассейной улице в Петербурге. Многократно о. Иоанн в проповедях своих грозно пророчествовал и громогласно зывал: «Кайтесь, кайтесь, приближается ужасное время, столь ужасное, что вы и представить себе не можете!» Он не говорил, а кричал, подымая руки кверху. Впечатление было потрясающее, ужас овладевал присутствовавшими и в храме раздавались плач и рыдания.

Мы с женой недоумевали, что же это будет: война, землетрясение, наводнение? Однако по силе слов пророка мы понимали, что будет что-то много ужаснее, и высказывали предположение, что ось земная перевернется.

Игуменья же Таисия, 80-летняя старица, спросила отца Иоанна: «Когда же, батюшка, это время будет?» О. Иоанн ответил: «Мы с тобою, матушка, не доживем, а вот они, — указал он рукою на монахинь, — доживут».

Теперь все, конечно, хорошо понимают, про какое время говорил о. Иоанн.

В книге о. Иоанна «Новые слова, произнесенные в 1902 году», издание 1903 г., напечатано на странице 47 «Слово на день рождения Государя-императора Николая Александровича 6 мая».

В этом слове о. Иоанн говорит:

«...Да, чрез посредство державных лиц Господь блюдет благо царств земных и особенно благо мира Церкви Своей, не

допуская безбожным учениям, ересям и расколам обуревать ее, – и величайший злодей мира, который явится в последнее время, – антихрист – не может появиться среди нас по причине самодержавной власти, сдерживающей бесчинное шатание и нелепое учение безбожников».

Апостол говорит, что дотоле не явится на земле антихрист, доколе будет существовать самодержавная власть. *Тайна бо уже деется беззакония, – говорит он, – но дотоле не совершится, доколе не возьмется от нас державный: дондеже держай ныне от среды будет, и тогда явится беззаконник, которого Господь убьет духом уст Своих* (2 Сол. 2 гл.).

В другой проповеди о. Иоанн говорит, что «когда возьмется от земли удерживающий (Самодержец), тогда придет антихрист».

Множество пророчеств о. Иоанна напечатано в творениях его, изданных задолго до войны и революции. Отец Иоанн умер в 1908 г., т.е. за 6 лет до войны. Вот некоторые из них:

«Господи, Ты истинный Господь тварей! Что замышляют против России и против святой Церкви Твоей немцы, поляки и финляндцы, исказившие Евангелие Твое, отпавшие от Церкви Твоей! Господи, что они замышляют! Они хотят до конца поглотить нас и разорить Церковь Твою, храмы Твои, богослужение Твое, уставы Твои, постановление св. апостолов и Св. Отцов Вселенских и поместных соборов! До чего мы дожили!»

«Господи, Ты видишь хитрость врагов православной веры и Церкви Твоей и их рвение одолеть ее! Положи им конец, да умрет с этими людьми все лукавое дело их!» (Это напечатано в 1909 г. в книге «Живой Колос», стр. 28.)

В 1907 г., в период затишья, о. Иоанн грозно прорекает: «Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению. Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвергнуты праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония. Виновно и высшее правительство, потворствовавшее беспорядкам... Безнаказан-

ность в России в моде, ею щеголяют. А оттого непрестанные у нас аварии с морскими и даже императорскими судами... Везде измена, везде угрозы жизни и государственному имуществу. Так и впредь будет при слабом управлении. Бедное Отечество, когда-то ты будешь благоденствовать? Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов... И чем бы мы стали, россияне, без царя? Враги наши скоро постарались бы уничтожить и самое имя России, – так как Носитель и Хранитель России после Бога есть Государь России, Царь Самодержавный, и без него Россия – не Россия».

«Россия мятется, страдает и мучится от кровавой внутренней борьбы, от неурожая земли и голода, от страшной во всем дороговизны, от безбожия, безначалия и крайнего упадка нравов. Судьба печальная, наводящая на мрачные думы».

«Господь, как искусный врач, подвергает нас разным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы очистить нас, как золото в горниле. Душа, закосневшая во грехах всякого рода, нелегко поддается чистке и врачеванию, но с большим принуждением и терпкостью, и только чрез долгий опыт терпения и страданий осваивается с добродетелью и начинает горячо любить Бога, Коего была чужда, научившись всяким грехам плотским. Вот цель бед и скорбей, посылаемых нам Богом в этой жизни. Они нужны как отдельным лицам, так и целому народу, погрязшему в нечестии и пороках. Русский народ и другие населяющие ее [Россию] племена, глубоко развращены, горнило искушения и бедствий для всех необходимо, и Господь, не желающий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле». (Изд. 1908 г. «Новые слова», стр. 5.) <...>

«Но всеблагое Провидение не оставит России и в этом печальном и гибельном состоянии. Оно праведно наказует и ведет к возрождению. Судьбы Божии праведные совершаются над Россией, как они совершались в предшествовавшие века ее существования – при древних великих князьях и царях наших.

Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, метко кладет на свою наковаль-

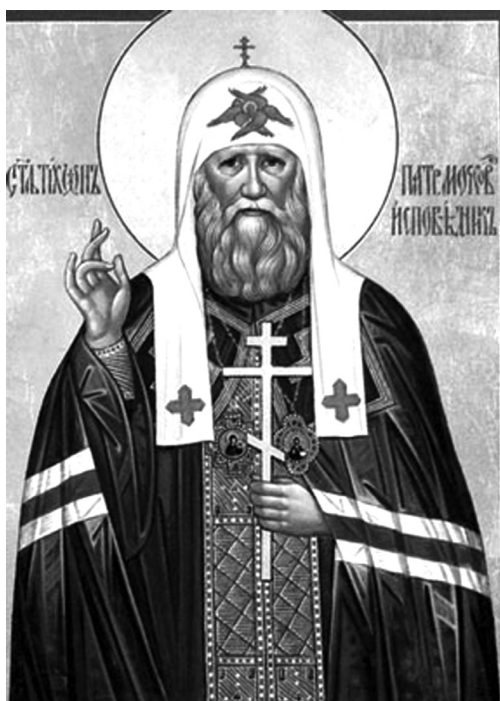
ню всех подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горькими слезами пред твоим Небесным Отцом, Которого ты безмерно прогневала.»

«Но не бойтесь и не страшитесь, братья, пусть крамольники-сатанисты на минуту утешатся своими адскими успехами: суд им от Бога не коснит и погибель их не дремлет (2 Пт. 2, 3). Десница Господня найдет всех ненавидящих нас и отомстит за нас праведно. Не будем поэтому предаваться унынию, видя все ныне происходящее в мире...»¹.

«Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях мучеников, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая – по старому образцу; крепкая своей верою во Христа Бога и во Святую Троицу! И будет по завету святого князя Владимира – как единая Церковь! Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский»².

¹ Цит. по: Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия. Джорданвилль, 1975. – Т. III. С. 180.

² Цит. по: «Православная Русь». 1991. № 9.

ИСПОВЕДНИК ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ ТИХОН (БЕЛЛАВИН) (19.I.1865—25.III[7.IV].1925)

Будущий Патриарх Тихон (в миру – Василий Иванович Беллавин) родился в Торопецком уезде Псковской губернии, в семье священника Воскресенской церкви погоста Клин. Наречен при крещении в честь св. Василия Великого. В 1869 г. отца перевели в Преображенский храм г. Торопца. Закончил Торопецкое духовное училище (1878), Псковскую духовную семинарию (1884) с отличием и Санкт-Петербургскую духовную академию (1888) со степенью кандидата богословия

(кандидатское сочинение на тему «Quesnel и его отношение к янсенизму»). По окончании Академии преподаватель основного, догматического и нравственного богословия и французского языка в Псковской духовной семинарии. 14 декабря 1891 г. пострижен в монашество с именем Тихон в честь свт. Тихона Задонского. 22 декабря рукоположен во иеромонаха. 17 марта 1892 г. назначен инспектором, а 15 июля ректором Холмской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. В Холме состоял председателем Епархиального училищного совета, председателем Православного братства и цензором изданий.

19 октября 1897 г. хиротонисан во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии. 14 сентября 1898 г. назначен на самостоятельную кафедру – епископом Алеутским и Аляскинским (с 7 февраля 1900 г. епископ Североамериканский и Аляскинский). 5 мая 1905 г. возведен в сан архиепископа. Время его служения в Америке было ознаменовано расцветом в жизни местной Православной Церкви: учреждена духовная семинария в Миннеаполисе (исчезла необходимость присылать священников из России); основан Свято-Тихоновский монастырь возле г. Скрантона (штат Пенсильвания) со школой-приютом при нем; епископская кафедра была перенесена из Сан-Франциско в Нью-Йорк; в Майфильде был созван первый Православный собор Северо-Американской Церкви, объединивший переселенцев из России, Галиции, Венгрии, Буковины и других мест. В правление святителя Тихона Церковь в Америке пребывала в мире, согласии и любви, не зная раздоров из-за юрисдикционной принадлежности. За 8 лет его управления епархией число приходов увеличилось с 15 до 75, тысячи униатов обратились в православную веру.

25 января 1907 г. переведен на Ярославскую кафедру. С этого времени принимал активное участие в правомонархическом движении. Дал согласие на избрание себя почетным председателем Ярославского отдела СРН, ставшего одним из самых крупных и влиятельных отделов Союза. У владыки

установились близкие отношения с руководителем отдела СРН глазным врачом И. Н. Кацауровым и его женой М. Д. Кацауровой, которая была секретарем отдела. За время управления епархией владыкой в Ярославле прошло три монархических совещания, на одном из которых (8–10 марта 1909 г.) были приняты решения, важные для всего монархического движения. Святитель Тихон пытался помочь монархистам преодолевать появившуюся рознь, прислал приветствие и благословение в адрес Съезда Русских Людей, проходившего в Москве 27 сентября – 4 октября 1909 г. Позднее, при открытии Совещания монархистов, которое проходило 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде, служил молебен о здравии государя-императора и о ниспослании победы доблестному русскому воинству соборно с митрополитом Петроградским и Ладужским Владимиром (Богоявленским) и митрополитом Московским и Коломенским Макарием (Парвицким-Невским).

22 декабря 1913 г. назначен архиепископом Виленским и Литовским. Проводы свт. Тихона в Ярославле были необычайно трогательны, ярославцы искренне его любили, городская дума избрала его почетным гражданином Ярославля. С началом Первой Мировой войны владыке пришлось покинуть пограничную Вильну, вывезши лишь святые мощи и часть церковной утвари. Он поселился в городе Дисне, но нередко бывал на передовых позициях, под неприятельским обстрелом. В это время архиепископ Тихон был вызван для присутствия в Св. Синоде, поэтому часто бывал в Петрограде.

После революции обер-прокурором В. Н. Львовым был освобожден от присутствия в Св. Синоде. 7 июля 1917 г. возглавил Московскую кафедру (избран на съезде духовенства и мирян Московской епархии 19 июня), с 13 августа – митрополит Московский и Коломенский. 15 августа 1917 г. в Москве открылся Священный собор Российской Православной Церкви, председателем которого был избран митрополит Тихон. 5 ноября 1917 г. избран Патриархом Московским и всея России посредством жребия, вытянутого слепым старцем Алексием Зосимовским, из трех кандидатов, которых путем голосования

определил Собор (кроме владыки, митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий), митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий)). Интронизация проходила в Успенском соборе 21 ноября 1917 г., в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, при огромном стечении народа.

Патриарх мужественно анафематствовал творивших кровавые злодеяния большевиков. Однако он отказался благословить и белое движение, ибо считал, что гражданская война только усугубляла рознь в народе. Вместо этого, для поддержания в народе религиозного чувства, святитель Тихон благославлял проведение крестных ходов, в которых неизменно участвовал и сам. Когда он получил горькую весть об убийстве Царской семьи, то тотчас же, прямо на заседании Собора, отслужил панихиду, а затем провел заупокойную литургию, на которой произнес грозную обличительную речь. В ноябре 1918 г. Патриарх был подвергнут домашнему аресту, а в его квартире был произведен обыск. 6 января 1919 г. (под Рождество Христово) власти освободили его из-под стражи. В 1920 г. Патриарх подвергался неоднократным домашним арестам, а 6 мая 1922 г. арестован за «сопротивление изъятию церковных ценностей», заключен под домашний арест на Троицком подворье, спустя некоторое время переведен в Донской монастырь. До июня 1924 г. томился во внутренней тюрьме ОГПУ, 21 марта 1924 г. следственное дело в отношении Патриарха Тихона было прекращено.

Истощенный, измученный и больной, 12 января 1925 г. Патриарх Тихон попал в лечебницу Бакуниных на Остоженке. Рассказывают, что перед смертью Патриарх спросил: «Который час?» – Ему ответили: «Без четверти двенадцать». «Ну, слава Богу», – сказал Святейший, точно он только этого часа и ждал, и стал креститься: «Слава Тебе, Господи...» Погребен в Донском монастыре. На погребении присутствовало 59 епископов. Проститься со Святейшим пришло около одного миллиона верующих.

Прославлен на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви 9 октября 1989 г.

**Слово в день священного коронования
и помазания на царство благочестивейшего Государя-
императора Николая Александровича, произнесенное
в Нью-Йоркском соборе 14 мая 1905 года**

Сегодня мы, возлюбленные соотечественники, вспоминаем священное коронование Государя нашего, и в сей день почитаю уместным побеседовать с вами о самодержавной власти, коя присуща русским царям.

Нам, живущим вдали от Родины, в земле чуждей, среди людей, мало, а то и совсем не знающих нашей страны и ее установлений, весьма часто приходится слышать нарекание, осуждение и осмеяние родных и дорогих нам учреждений. Такому нападению особенно подвергается самодержавие, одна из основ Русского государства. Многим оно здесь представляется каким-то «пугалом», восточным деспотизмом, тираниею, азиатщиною, ему приписываются все неудачи, недочеты и нестроения русской земли: Россия-де всегда будет колоссом на глиняных ногах, пока не заведет у себя западной конституции, правового порядка, учредительного собрания. С голоса таких порицателей и доморожденные политики стали последнее время кричать в России: «Долой самодержавие!»

Мы не можем разубедить всех тех, которые желают обольщаться, у которых очи не видят и уши не слышат; но на нас, живущих за границею и из этого далека любящих родную землю, лежит особый долг просветить, ознакомить здешних честных мыслителей с тем, что такое на самом деле самодержавие в России. Кстати, знаменитому нашему проповеднику преосвященному Амвросию Харьковскому¹ был сделан упрек, что мы, духовные, сегодня хвалим самодержавие, а при изменившемся сверху режиме так же будем славословить и конституционного государя, как и самодержавного («Вера и Разум» 1901 г., стр. 461). Неправда. Мы учим и будем учить о подчи-

¹ Амвросий (Ключарев), архиепископ Харьковский и Ахтырский (1820–1901), известный богослов и проповедник.

нении всякой власти (даже и республиканской, народной), ибо власть от Бога; но мы не обвиняясь утверждаем, что самодержавие наиболее отвечает идее верховной власти и строю Русского государства, связанному с духовными, бытовыми, племенными, географическими и другими условиями.

Власть самодержавная означает то, что власть эта не зависит от другой человеческой власти, не почерпается от нее, не ограничивается ею, а в себе самой носит источник бытия и силы своей. Такою и должна быть Царская власть. Ибо для чего существует она? Евреи просили себе у пророка Самуила царя для того, чтобы он судил и защищал их (1 Цар. 8: 5, 20). И псалмопевец Давид молился о сыне своем Соломоне: *Боже, суд Твой царице даждь и правду Твою сыну цареви судити людем Твоим в правде; судит нищим людским и спасет сыны убогих и смирит клеветника; избави нища от сильна и убога, ему же не бе помощника* (Пс. 71: 1–2, 4, 12 и далее). Значит, Царская власть должна стоять на страже права и справедливости, защищая от насилия подданных, и особенно сирых и убогих, у которых нет других помощников и защиты. А для этого она и должна быть самодержавна, неограниченна и независима ни от сильных, ни от богатых. Иначе она не могла бы выполнить своего назначения, так как ей приходилось бы постоянно трепетать за свою участь и, чтобы не быть неизвергнутою, угождать богатым, сильным и влиятельным, служить правде, как понимают ее эти последние, творить суд человеческий, а не Божий.

Такая самодержавная-Царская власть и есть в нашем Отечестве, которое пришло к ней путем долгих мучений от внутренних междоусобиц князей и от тяжкого рабства под гнетом иноверных врагов. Царь в России владеет силой и свободой действий в такой мере, какая только возможна для человека. Ничто и никто не стесняет его: ни притязания партий, ни выгоды одного какого-нибудь сословия в ущерб другим. Он стоит неизмеримо выше всех партий, всех званий и состояний. Он беспристрастен, нелицеприятен, чужд искательства, угодничества и корыстных побуждений, ни в чем этом он не нуждается, ибо стоит на высоте недосигаемой и в величии его

никто ничего не может ни прибавить, ни убавить. «Не от рук подданных своих угождения приемлет, и напротив, сам дает им дары»; не о своих интересах заботится, а о благе народа, о том чтобы «вся устроить к пользе врученных ему людей и к славе Божией». Ему одинаково дороги права и интересы всех подданных, и каждый из них имеет в нем защитника и покровителя. Царь есть «батюшка» для народа, как трогательно называет его сам народ. Самодержавие и основано на чувстве отеческой любви к народу, и любовь эта устраняет всякую тень деспотизма, порабощения, своекорыстного обладания, что теперь иные стараются набросить на русское самодержавие. Да и как не стыдно говорить о деспотизме царской власти, когда носители ее – возьмем ближайших к нам государей – великого Царя-Освободителя Александра II, мудрого и праведного Александра III и кроткого и доброго Николая II, – составляют предмет удивления и восхищения благомыслящих людей даже и вне России! Не странно ли говорить о тирании царской власти, когда «с молоком матери» всасывает русский человек любовь к Царю своему, когда потом любовь эту он воспитывает в себе до восторженного благоговения, когда к Царю своему он проявляет полное повиновение и преданность, когда разные смутьяны даже обманывают его и подбивают на бунты именем Царя, когда за Царя он всегда готов и умереть? Нет, деспотов и тиранов боятся и трепещут, но не любят.

Но говорят, и в последнее время особенно часто, что Царская власть в России только по идее самодержавна, а на деле самодержавными являются органы ее – чиновники-бюрократы, которые всем правят – и правят плохо, которые создают средостение между Царем и народом – голос и нужды народа не доходят до Царя («До Бога высоко и до Царя далеко»). Народ больше знает свои нужды, чем чиновники и Царь, лучше понимает свое благо и пользу, и посему самому народу и надлежит ведать все это и управлять, как и делается это в других государствах.

Конечно, у царской власти есть свои органы, и органы эти, как человеческие, не чужды недостатков, несовершенств

и возбуждают против себя подчас и справедливые нарекания. Но спросим, где же этого не бывает? Пусть нам укажут такую блаженную страну! Мы вот живем в государстве, где народ сам управляет и сам выбирает своих чиновников. А всегда они на высоте? И разве здесь не бывает крупных злоупотреблений? Говорят, что при царской власти таких злоупотреблений больше, потому что при ней остается широкое поле для бюрократии, которая захватила теперь в свои руки все бразды правления. На бюрократию теперь особенно нападают, хотя горький исторический опыт показывает, что порицатели бюрократии, как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, иногда даже и горших. Но ведь бюрократия к существу самодержавной власти не относится, и Царь помимо ее входит «в непосредственное» соприкосновение с народом, выслушивает голос народный «по вопросам государственного благоустройства», принимает депутатии даже от бастующих (что не всегда бывает и в республиках) и в неустанном попечении о благе и улучшении государства «привлекает достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений».

А что касается любезного для иных народоправительства, то это одно заблуждение, будто сам народ правит государством. Предполагается, что весь народ в народных собраниях вырабатывает законы и избирает должностных лиц, но это только так по теории и возможно было бы в самом маленьком государстве, состоящем из одного небольшого города. А на деле не так. Народные массы, угнетаемые заботами о средствах к жизни и незнакомые с высшими целями государственными, не пользуются своим «самодержавием», а права свои передают нескольким излюбленным людям, выборным. Как производятся выборы, какие средства практикуются, чтобы попасть в число избранных, нет нужды говорить вам, сами видали здесь. Итак, народ не правит, а правят выбранные, и так как избраны они не всем народом, а частью его (большинством?), партией, то и управляя, они выражают не волю всего народа, а лишь

своей партии (а иногда даже чисто свою волю, т.к. забывают даже и об обещаниях, которые они расточали перед своими выборами) и заботятся о благе и интересах своей партии, а к противной относятся деспотически, всячески ее утесняя и оттирая от власти.

И вот такой несовершенный строй некоторые и желают ввести и в нашем государстве часто потому только, что он есть у других народов, более нас образованных. Забывают, однако, что каждый народ имеет свои особенности и свою историю, и что может быть хорошо для одного, для другого оказывается непригодным. Прочны и действенны только те учреждения, корни которых глубоко утвердились в прошедшем известного народа и возникли из свойства его духа. Правовой порядок (конституция, парламентаризм) имеет такие корни у некоторых западных народов, а у нас в России из недр народного духа возникло самодержавие, и оно наиболее сродно ему. С этим необходимо считаться всякому, и производить опыты по перемене государственного строя дело далеко не шуточное: оно может поколебать самые основы государства вместо того, чтобы помочь делу и исправить некоторые недочеты. Имея уши слышати, да слышит!

Мы же, братья, будем молить Господа, дабы Он и на далее сохранил для России Царя самодержавного и даровал ему разум и силу судить людей в правде и державу Российскую в тишине и без печали сохранить.

Речь при наречении во епископа Люблинского 18 октября 1897 года

Ваше Святейшество, богомудрые архипастыри и милостивые отцы!

Ныне услышал я, *что́ рече о мне Господь Бог* (Пс. 84, 9), призывающий меня чрез Ваше Святейшество к епископскому служению, и ныне изрек на сие: *благодарю, приемлю и ничтоже вопреки глаголю*. А между тем в Священном Писании,

которое всех нас умудряет во спасение и полезно для нашего научения и наставления (2 Тим. 3, 15–16), есть примеры того, как иные избранники Божии, сознавая трудность служения и свою немощь, уклонялись от бремени, на них возлагаемого. Вот Моисей, которому Господь повелевает вывести народ Божий из работы египетской; он говорит: *Кто я, чтобы идти к Фараону? Что сказать мне сынам Израиля? Не поверят мне и не послушают голоса моего! И человек я не речистый! Господи, пошли другого!* (Исх. 3 и 4) А вот Иеремия; Господь от чрева матери избрал его, освятил и после поставляет пророком, а он отвечает: *О, Господи Боже! Я не умею говорить, ибо я еще млад* (Иер. 1, 6). И из истории Церкви Христовой известно, что многие избранники Божии были при своем избрании *в страхе и трепете мнозе* и что великие и сильные духом Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и другие ужасались высоты, трудности и ответственности святительского служения и уклонялись от избрания на оное. А я, немощный, *ничтоже вопреки глаголю на сие!*

Да не подумает кто-либо при этом, что мне совсем неведома трудность епископского служения. Конечно, неведома она мне на опыте, на деле, но научен и знаю, что епископство воистину есть бремя. Когда-то, в дни ранней юности, епископское служение представлялось мне – да и мне ли одному! – состоящим из почета, поклонения, силы, власти. *Егда бех младенец, яко младенец мудрствовах и яко младенец смыслях; егда же бых муж, отвергох младенческая* (1 Кор. 13, 11). Ныне разумею, что епископство есть прежде и более всего не сила, почесть и власть, а *дело, труд, подвиг*. И в самом деле, легко ли *быть всем вся* (1 Кор. 9, 22)? Легко ли *изнемогать за всех, кто изнемогает, и воспламеняться за всех, кто соблазняется* (2 Кор. 11, 29)? Легко ли *быть образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте* (1 Тим. 4, 12)? Легко ли суметь, когда следует, одного обличить, другому запретить, третьего умолить со всяким долготерпением (2 Тим. 4, 2)? Легко ли нести ответственность и за себя, и за паству и пастырей? Легко ли все сие? Святой апостол Павел свидетельствовал о

себе: *Во вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31). И истинная жизнь епископа есть постоянное умирание от забот, трудов и печалей.

Труды сии и печали епископского делания усугубляются в той области нашего Отечества, в которую поставляюсь я архиереем.

У пророка Иезекииля говорится, что некогда израильтяне блуждали, как овцы без пастыря, и, рассеявшись, сделались добычею хищных зверей, пока Сам Господь не стал отыскивать и собирать их (гл. 34). И у нас в Холмской Руси почти 300 лет овцы «не имели истинных пастырей»; оне рассеялись и «блуждали по высокому холму», и сделались добычею чуждых пастырей, которые «правили ими с насилием и жестокостию», о благе их не заботились и лишь «ели тук их и вóлною их одевались». Сжалился Господь над овцами и изрек: *Взыщу овец Моих от руки пастырей ложных, и не дам им более пастыи овец, и исторгну из челюстей их, и не будут оне пищею их* (Иез. 34, 18). Четверть века тому назад оне из блуждавших овец сами пожелали возвратиться в истинный двор Христов¹, а других стали разыскивать «по всем местам, в которые оне были рассеяны в день облачный и мрачный». Но в долгое странствование и блуждание кроткие овцы переменились в дикие козлица. К тому же и прежние обладатели их не хотели без бою уступить их. И вот теперь и приходится отыскивать потерявшихся овец, возвращать угнанных, перевязывать пораненных, укреплять больных, сокрушать разжиревших и буйных (Иез. 34, 16) и вести борьбу с похищавшими овец.

Не думаю, чтобы это было легко для всякого и наипаче для меня.

Бремя епископства возлагается на меня в сравнительно юные годы. Правда, в молодые годы у человека силы свежее, и больше у него отзывчивости, бодрости и одушевления, но зато не богат он житейскою опытностью, постоянством, настойчивостью, терпением, хладнокровием, серьезностью и рассуди-

¹ 11 мая 1875 г. было провозглашено воссоединение униатов Холмщины с Православной Церковью, а их епископ, Маркелл Попел, хиротонисан в архиепископа Люблинского.

тельностью – словом, не богат тем, что так необходимо для успеха всякому делателю. В молодые годы человек сам нуждается в руководстве, а на меня возлагают руководство других! Невольно при сем предносится мне предостережение святого апостола Павла Тимофею: *Никто же о юности твоей да не радит* (1 Тим. 4, 12), т.е. не доводи себя до того, чтобы тобою пренебрегали из-за юности твоей; напротив, поступай так, чтобы дела твои не давали видеть твоего возраста и все имели тебя не как юного, а как старца; чтобы старшие возрастом краснели, не являя себя подобным тебе, в добрых нравах, а юные имели в тебе – сверстнике своем – учителя (св. Амвросий Медиоланский¹); для сего *будь образцом для верных в слове, житии, в любви, в духе, в вере и чистоте* (1 Тим. 4, 12).

Но откуда же мне – слабому и немощному – взять сил для сего? Оттуда, откуда почерпал их и святой Тимофей. *Не неради*, – пишет ему святой апостол Павел, – *о даровании, живущем в тебе, еже дано тебе бысть пророчеством с возложением рук священничества* (1 Тим. 4, 14).

Верую и исповедую, что, по слову святого Апостола, *не довольни есмы от себе помыслити, что яко от себе, но довольство наше от Бога* (2 Кор. 3, 5); что благоуспешность в прохождении служения зависит не столько от человеческих сил и достоинств, сколько от силы Божией, которая и в немощи совершается (2 Кор. 12, 9).

Вем и истинно известен есмь, яко несмь достоин к толикой тайне архиерейства приступити, но вем воистину и верую от всего сердца и усты исповедую, яко силен есть Господь мя удостоити сего (из молитвы св. Амвросия Медиоланского).

Верую и исповедую, что возложением святительских рук ваших будет и мне сообщена благодать Божия, которая уврачу-ет мою немощь и восполнит мою скудость.

О сем молю вы, святителие Божии, да молитвы ваши со-делают мене искусным пред Богом, делателем непостыдным, право правящим слово истины (2 Тим. 2, 15).

¹ Святой Амвросий Медиоланский (ок. 340–397), епископ Милана, богослов, проповедник и гимнограф.

Уповаю также, что руководитель и покровитель мой владыка Флавиан¹ и впредь не оставит меня своею любовию, своими мудрыми и опытными советами и отеческими указаниями.

Уповаю на все сие, я и не отмечаю ныне благодати епископства и дерзаю глаголати Вашему Святейшеству: се раб Господень: буди мне по глаголу вашему!

Вегетарианство и его отличие от христианского поста

Христианский пост многократно и многообразно подвергался нападениям и нареканиям со стороны «плотских» людей. Нападения эти становятся тем ожесточеннее, чем более в известное время люди ходят по плоти и заботятся об угождении ей. В такие времена господства плоти и измельчания духа голоса в защиту поста раздаются редко и робко. Тем приятнее слышать голос в пользу поста, раздавшийся в наши дни из мира светского, который далеко не часто поет в унисон с миром духовным, церковным. Разумею вегетарианское движение, возникновению которого оставалось бы только радоваться, если бы сами вегетарианцы не допускали в своем учении немалых промахов и погрешностей.

Под именем вегетарианства разумеется такое направление в воззрениях современного общества, которым допускается употребление в пищу только растительных продуктов, а не мяса и рыбы² (отсюда произошло и название вегетарианства – от латинского слова *vegetare* – произрастать). В защиту своего учения вегетарианцы приводят данные 1) из анатомии: человек принадлежит к разряду существ плодоядных, а не всеядных и плотоядных; 2) из органической химии: растительная пища со-

¹ Флавиан (Городецкий), митрополит Киевский и Галицкий (1840–1915), видный церковный деятель, монархист. В 1891–1898 гг. занимал Холмскую и Варшавскую кафедры.

² Лишь некоторые вегетарианцы допускают употребление в пищу молока и яиц. – *Прим. авт.*

держит все необходимое для питания и может поддерживать силы и здоровье человека в той же степени, как и пища смешанная, т.е. животного-растительная; 3) из физиологии: растительная пища лучше усваивается, чем мясная; 4) из медицины: мясное питание возбуждает организм и сокращает жизнь, а вегетарианское, напротив, сохраняет и удлиняет ее; 5) из экономии: растительная пища дешевле мясной; 6) приводятся, наконец, и нравственные соображения: убивание животных противно нравственному чувству человека, тогда как вегетарианство вносит мир и в собственную жизнь человека, и в его отношения к миру животных¹. Некоторые из этих соображений высказывались еще в глубокой древности, в мире языческом (Пифагором, Платоном, Сакья-Муни); в мире христианском они чаще повторялись, но все же высказывавшие их были единичными личностями и не составляли общества; только в половине нынешнего² столетия в Англии, а затем и в других странах возникли целые общества вегетарианцев. С тех пор движение вегетарианское все более и более возрастает; все больше и чаще встречается последователей его, которые ревностно распространяют свои взгляды и стараются осуществить их на деле; так, в Западной Европе есть немало вегетарианских ресторанов (в одном Лондоне их до 30), в которых кушанья готовятся исключительно из растительной пищи; издаются книги вегетарианского поваренного искусства, в которых содержатся расписания кушаний и наставления для приготовления более 800 блюд. У нас в России также есть последователи вегетарианства, к числу которых принадлежит и известный писатель гр. Лев Толстой.

Вегетарианству обещают³ широкое будущее, так как, говорят, человечество волею-неволею в конце концов придет к способу питания вегетарианцев. Уже и теперь в некоторых странах Европы замечается явление уменьшения скота, а в

¹ Все эти данные подробно раскрыты в сочин. «Научные основания вегетарианства», «Вегетарианская кухня» и др. — *Прим. авт.*

² Т.е. XIX.

³ Напр., проф. Бекетов в брош. «Питание человека» и в «Энцикл. слов. Брокг. и Ефр.», т. V, с. 691. — *Прим. авт.*

Азии это явление почти уже совершилось, особенно в наиболее населенных странах – в Китае и Японии, так что в будущем, хотя и не близком, совсем не будет скота, а следовательно, и мясной пищи. Если это так, то вегетарианство имеет ту заслугу, что его последователи разрабатывают способы питания и образа жизни, к которому рано или поздно люди должны будут примкнуть. Но кроме этой проблематичной заслуги вегетарианству принадлежит та несомненная заслуга, что оно предъявляет по адресу нашего сластолюбивого и изнеженного века настойчивый призыв к воздержанию.

«Присмотритесь, – говорит Толстой, – к нашей жизни, к тому, чем движимо большинство людей нашего мира; спросите себя, какой главный интерес этого большинства? И как ни странно это может показаться нам, привыкшим скрывать наши настоящие интересы и выставлять фальшивые, искусственные, главный интерес жизни большинства людей нашего времени – это удовлетворение вкуса, удовольствие еды. Начиная с беднейших до богатейших сословий общества обжорство, я думаю, есть главная цель, есть главное удовольствие нашей жизни. Бедный, рабочий народ составляет исключение только в той мере, в которой нужда мешает ему предаваться этой страсти. Как только у него есть время и средства к тому, он, подражая высшим классам, приобретает самое вкусное и сладкое... А посмотрите на жизнь людей образованных, послушайте их разговоры. Какие все возвышенные предметы как будто занимают их: и философия, и наука, и искусство, и поэзия, и распределение богатств, и благосостояние народа, и воспитание юношества; но все это для огромного большинства – ложь, все это их занимает между делом, между настоящим делом – завтраком и обедом, пока желудок полон и нельзя есть еще. Интерес один живой, настоящий интерес большинства – это еда. Как поесть, что поесть, когда, где? Ни одно торжество, ни одна радость, ни одно открытие чего бы то ни было не обходится без еды. Люди притворяются, что обед, еда им не нужны, даже в тягость; но это ложь. Попробуйте вместо ожидаемых ими утонченных блюд дать им, не говорю – хлеба с водою, но

каши и лапши, и посмотрите, какую бурю это вызовет, и как окажется то, что действительно есть именно то, что в собрании этих людей главный интерес не тот, который они выставляют, а интерес еды».¹ Конечно, в приведенной характеристике современного общества есть некоторое преувеличение, но есть и значительная доля правды. Посему и настойчивый призыв со стороны вегетарианцев к воздержанию, к сокращению прихотей является как нельзя более кстати; и если бы они ограничились этим призывом, то оставалось бы только радоваться успеху и росту вегетарианского движения. Но нередко успех кружит голову и надмевает человека. То же случилось и с последователями вегетарианства: они приписывают ему то, чего оно не имеет и не может иметь.

Вегетарианцы думают, что если бы люди не употребляли мясной пищи, то на земле давно уже водворилось бы полное благоденствие. Еще Платон, который показал нам пример того, как можно умно рассуждать об идеях и т.п. высоких материях и в то же время далеко не умно решать вопросы из области государственной и общественной жизни, — еще Платон в своем диалоге «О республике» корень несправедливости, источник войн и других зол находил в том, что люди не хотят довольствоваться простым образом жизни и суровую растительную пищу, а едят мясо². А у другого сторонника вегетарианства, уже из христиан, анабаптиста Трайона (ум. в 1703), находятся на этот счет слова, которые автор «Этики пищи» приводит в своей книге с особым «удовольствием». «Если бы люди, — говорит Трайон, — прекратили раздоры, отказались от угнетения и от того, что способствует и располагает их к тому, — от умерщвления животных и употребления в пищу их крови и мяса, — тогда в короткое время ослабели бы, а может быть, и совсем перестали бы существовать между ними взаимные смертоубийства, дьявольские распри и жестокости... Тогда прекратится всякая вражда, не будет слышно жалостных стонов ни людей, ни скотов. Тогда не будет ни потоков крови убитых животных,

¹ «Первая Ступень» в предисл. к «Этике пищи», XXI–XXIII. — *Прим. авт.*

² Уильямс «Этика пищи», с. 27. — *Прим. авт.*

ни зловонья мясных рынков, ни окровавленных мясников, ни грома пушек, ни сожжения городов. Исчезнут смрадные тюрьмы, обрушатся железные затворы, за которыми томятся люди вдали от жен, детей, свежего вольного воздуха; смолкнут вопли просящих пищи или одежды. Не будет ни возмущений, ни хитроумных изобретений для разрушения в один день того, что созидалось тяжким трудом тысяч людей, ни страшных ругательств, ни грубых речей. Не будет ни напрасного истязания животных непосильной работой, ни растления девиц. Не будет отдачи в аренду земель и ферм по таким ценам, которые принуждают съемщика изнурять и себя, и слуг, и скот почти до смерти и все-таки оставаться в неоплатном долгу. Не будет угнетения низших высшими, не будет нужды за отсутствием излишеств и обжорства; смолкнут стоны раненых; не нужно будет медиков для вырезывания пуль из их тел, для отнятия раздробленных или поломанных рук и ног. Затихнут крики и стоны страждущих от подагры или других тяжких болезней (вроде проказы или чахотки), кроме недугов старости. И дети перестанут быть жертвами бесчисленных страданий и будут такими же здоровыми, как ягнята, телята или детеныши всяких иных животных, не знающих недугов»¹. Вот какую обольстительную картину рисуют вегетарианцы, и как легко всего этого достигнуть: стоит не есть мяса, и на земле водворится настоящий рай, жизнь безмятежная и беспечальная.

Позволительно, однако, более чем усумниться в осуществимости всех радужных мечтаний вегетарианцев. Хотя они и заявляют, что «их система поражает самый корень зла и обещает выгоды не утопические»², однако от того, что люди перестанут есть мясо, едва ли водворится на земле рай, Царство Божие, ибо Царствие Божие, по премудрому слову ап. Павла, не пища и питье, но праведность, мир и радость в Святом Духе (Рим. 14, 17). Христианское учение всегда было чуждо духа мечтательности. Оно тем и отличается от разных утопических теорий, что ясно различает идеал и действительность и,

¹ «Этика пищи», с. 138 и 140. – *Прим. авт.*

² «Этика пищи», с. 280. – *Прим. авт.*

указывая человеческим стремлениям конечную цель в идеале, в то же время никогда не теряет из виду и действительности. А в этой-то действительности и невозможно полное осуществление идеального счастья. Нужды, горе и ссоры всегда будут отравлять земную жизнь человека, всегда будут спутниками в нашем настоящем состоянии, так как причина этих несчастных явлений не внешняя, не случайная и преходящая, а глубочайшая, внутренняя, заключающаяся в греховном состоянии самой природы человека, в повреждении ее грехом. Пока такое состояние человеческой природы будет продолжаться, пока не изменятся в корне ненормальные условия нашей жизни, пока не восстановятся у нас правильные отношения к Богу, к собственному назначению и к внешнему миру, т.е. пока настоящая жизнь не сменится новою вечною жизнью, пока не откроется для человечества новое небо и новая земля, в которых правда живет (2 Петр. 3, 13), – до тех пор всегда будут нужды, бедность, горе и болезнь. А так как корень всех этих бедствий лежит гораздо глубже, чем думают вегетарианцы и подобные им мечтатели, то и средство, на которое они указывают, одно само по себе не может уврачевать зла: оно слишком для этого мало, поверхностно и незначительно.

То правда, что воздержание вообще и в частности от употребления мясной пищи обуздывает наши страсти и похоти плотские, дает большую легкость нашему духу и помогает ему высвободиться из-под владычества плоти и покорить ее своему господству и управлению. Однако было бы ошибочно полагать это телесное воздержание в основу нравственности, выводить из него все высокие нравственные качества и думать вместе с вегетарианцами, что «растительная пища сама по себе создает много добродетелей»¹. Вопреки мечтам вегетарианцев, один из подвижников благочестия (прп. Иоанн Кассиан²), которых, конечно, никак уже нельзя заподозрить в небрежении к посту, при виде трапезы которых, напротив, даже ангелы небесные

¹ «Этика пищи», с. 215. – *Прим. авт.*

² Преподобный Иоанн Кассиан (ок. 360–435), духовный писатель, подвижник, один из основателей монашества в Галлии.

радовались, по выражению св. Иоанна Златоуста¹, – говорил, что «мы не полагаем надежды на один пост (телесный). Он не есть сам по себе благо, или сам по себе необходим. Он с пользою соблюдается для приобретения чистоты сердца и тела, чтобы, притупив жало плоти, человек приобрел умиротворение духа. Но пост иногда обращается даже в погибель души, если неблагоприятно соблюдается. Надобно стараться, чтобы те добродетели, которые составляют истинное добро, были приобретаемы постом, а не для поста должны быть совершаемы действия тех добродетелей. Итак, для того полезно сокрушение плоти, для того к нему должно быть присоединяемо врачество воздержания от пищи, чтобы чрез него мы могли достигнуть любви, в которой заключается неизменное и постоянное добро»². Значит, пост телесный служит только средством и пособием для приобретения добродетелей – чистоты и целомудрия, и должен необходимо соединяться с постом духовным – с воздержанием от страстей и пороков, с удалением от худых помыслов и злых дел. А без этого сам по себе он недостаточен для спасенья. Не делаем выписок о сем из творений Св. Отцов, так как трудно «вместить пишемых»: все отцы и подвижники согласно учат, что истинный пост бывает тогда, когда человек воздерживается от зла. Взамен всего приведем характерный [рассказ] о св. Макарии Великом³. Ему однажды сам искушитель сказал: «Я не силен против тебя, Макарий. Все, что ты делаешь, и я делаю. Ты постишься, а я совсем не ем. Ты бодрствуешь, а я совсем не сплю. Одним только ты побеждаешь меня». «Чем же?» – спросил Макарий. «Смирением», – отвечал диавол. «Вот почему я не силен против тебя»⁴. Отсюда видно, что нельзя еще возлагать все надежды на один телесный пост.

¹ Святитель Иоанн Златоуст (ок. 347–407), архиепископ Константинопольский, выдающийся богослов, один из трех Вселенских святителей и Учителей Церкви.

² «Монашеская жизнь по изречениям о ней подвижников», вып. 1, 77–73. – *Прим. авт.*

³ Преподобный Макарий Великий (ок. 300–391) – отшельник, один из столпов православного монашества, автор духовных бесед.

⁴ «Монашеская жизнь», с. 101. – *Прим. авт.*

Не считая одного телесного поста достаточным для спасения, подвижники благочестия в то же время не признавали и того, чтобы пост этот был для всех всегда обязателен (как хотят того вегетарианцы); ибо, говорит св. Нил Сорский¹, «все организмы невозможно подчинять одному и тому же правилу: тела имеют большое различие в силе, как медь и железо в сравнении с воском»². Проповедуя только постоянную умеренность в пище и питии и сами воздерживаясь от вкушения мяса, они для других не запрещали вкушения по временам мясной пищи. Нужно все употреблять во славу Божию, говорили они, ни от чего совершенно не удаляясь, как делают еретики, безрассудно отвергающие то, что Бог сотворил весьма хорошим. От всех находящихся снедей, хотя бы и сладких, нужно брать понемногу. Таково рассуждение мудрых, а не то, чтобы некоторые роды пищи выбирать, а другие оставлять; дабы и Бога благодарить, и сохранить ненадменность души: так мы избегнем возношения и не будем гнушаться тем, что Бог сотворил хорошим³. Тех же людей, которые останавливаются на веществе снедей и пития, оставляя в стороне «разумение», – таковых отцы называют «нерассудительными». Эти нерассудительные люди ревнуют посту и трудам святых с неправильным разумением и намерением и думают, что они проходят добродетель. Дьявол же, стерегущий их как свою добычу, ввергает в них семя радостного мнения о себе, от которого зарождается и воспитывается внутренний фарисей и предаёт таковых совершенной гордыне. Ибо ничто столь удобно не побуждает к гордости, как знающая о многих своих заслугах совесть и дума, живущая в уповании на оные⁴. К таким людям обращается с предостережением и пресвитер Исидор: «Если подвизаетесь, – говорит он, – то не гордитесь; если же тщеславитесь сим, то лучше есть мясо, ибо не так вредно есть мясо, как гордиться и надмеваться». А отцы

¹ Преподобный Нил (в миру Майков) Сорский (ок. 1433–1508), церковный писатель, глава нестяжателей.

² «Монашеская жизнь», с. 68. – *Прим. авт.*

³ «Монашеская жизнь», с. 69, 81. – *Прим. авт.*

⁴ «Монашеская жизнь», с. 98. – *Прим. авт.*

Гангрского собора¹ даже возглашают анафему тому, «если кто осуждает человека, который с благоговением и верою вкушает мясо (кроме крови и идолжертвенного)»).

Таков поистине мудрый взгляд Св. Церкви на вкушение мяса. В своих постановлениях она всегда имеет в виду не какого-то отвлеченного, бесстрастного и бесплотного человека, какового нередко имеют в виду разные мечтатели вроде вегетарианцев, а человека живого, плоть носящего, человека со всеми его нуждами, потребностями, немощами; и к ним Церковь, следуя примеру своего Божественного Основателя, относится с величайшею снисходительностью и милосердием. Бывали примеры, что великие подвижники и святые мужи, — эти лучшие выразители церковных воззрений, — «срассуждая немощному естеству человеческому», не только не укоряли тех, которые ели в пост «неподобающие снеды», но даже и сами «мало» вкушали от сих снедей.

Так, о святителе Тихоне² рассказывают, что когда он жил на покое в Задонском монастыре, то однажды в пятницу на шестой неделе Великого поста посетил монастырского схимника Митрофана. У сего последнего в это время был гость, некто Косма Студеникин, елецкий гражданин, которого за его благочестивую жизнь любил и святитель. Случилось, что в этот день знакомый рыбак принес отцу Митрофану для Вербного Воскресения живого верезуба. Так как гость не рассчитывал пробыть до воскресения в обители, то схимник и распорядился сряду же приготовить из верезуба уху и холодное. За этими яствами и застал святитель Митрофана и его гостя. Схимник, испугавшись такого неожиданного посещения и считая себя виновным в нарушении поста, пал к ногам св. Тихона и умолял его о прощении. Но святитель, зная строгую жизнь обоих друзей, сказал им: «Садитесь, я знаю вас; любовь — выше поста», при этом сел сам за стол, съел ложки две ухи и уго-

¹ Гангрский Поместный собор состоялся ок. 340 г. (впрочем, называются и другие даты) в г. Гангры в Пафлагонии (ныне г. Чанкыры, Турция).

² Святитель Тихон (в миру Кириллов) Задонский, епископ Воронежский (1724–1783), выдающийся церковный деятель и богослов.

шал Косму. Такое снисхождение и доброта святителя поразили друзей: им известно было, что св. Тихон во весь Великий пост по понедельникам, средам и пяткам не употреблял даже масла, а тем более рыбы¹. А о другом подвижнике благочестия, еще при жизни прославившемся даром чудотворения, св. Спиридоне Тримифунтском², рассказывается, что некто зашел к нему с пути уже по наступлении Великого поста, когда святитель с домашними держал по обыкновению строжайший пост и вкушал пищу только в известные дни, оставаясь в прочие совсем без пищи. Видя, что странник очень устал, Спиридон велел дочери своей предложить путнику покушать. Та отвечала, что нет ни хлеба, ни муки, ибо запас этого по причине поста был бы излишен. Тогда святитель помолился, попросил прощения и приказал дочери изжарить случившегося в доме соленого свиного мяса. После изготовления его Спиридон, посадив с собою странника, начал есть мясо и убеждал и своего гостя делать то же; а когда последний отказывался, называя себя христианином, святитель сказал: «Тем менее надобно отказываться, ибо Слово Божие изрекло: для чистых все чисто» (Тит. 1, 15)³.

Не знаем, известны ли эти случаи вегетарианцам и как они к ним относятся; но думается, что с вегетарианской точки зрения указанные святые мужи представляются «немощными». Однако св. апостол Павел в послании к римлянам (14 гл., 2 ст.), где тоже в свое время были споры о том, есть ли мясо или только овощи, называет немощным того, кто считает позволительным для христианина есть только овощи – и кто на вкушение мяса смотрит как на что-то безнравственное и преступное (как и смотрят наши вегетарианцы).

И действительно, такой человек есть немощный христианин, готовый, по словам Апостола, возвратиться к немощным и бедным вещественным началам и снова поработить себя им (Гал. 4, 9). Такой человек думает, что пища сама по себе может

¹ Жизнь св. Тихона Зад., М., 1863 г., с. 165–167. – *Прим. авт.*

² Святитель Спиридон Тримифунтский (ок. 270–348), один из величайших святых первых веков христианства, почитается как чудотворец.

³ Созомен. Церк. история. Кн. 1, гл. 11. – *Прим. авт.*

приблизить нас к Богу (1 Кор. 8, 8), как будто Царство Божие есть пища и питье, а не праведность, мир и радость во Святом Духе (Рим. 14, 17); он забывает, что все чисто (Рим. 14, 20), и всякое творение Божие хорошо и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением (1 Тим. 4, 4). Не предосудительно посему и вкушение мяса в те дни, когда оно разрешается Св. Церковью.

В начале роду человеческому были назначены Богом в пищу семена и плоды (Быт. 1, 23). Но когда человек грехом повредил всю свою природу и навлек проклятие и на землю, то растительная пища оказалась недостаточною для рода человеческого, и из Библии мы знаем, что после потопа Сам Бог наряду с зеленою травною дает в пищу людям и животных, и птиц, и рыб (Быт. 9, 3). Стало быть, употребление мясной пищи разрешено Самим Богом¹ и как такое оно не заключает в себе ничего противозаконного и безнравственного.

Но, убивая животных в пищу, человек этим самым, по словам вегетарианцев, нарушает принципы справедливости и сострадания к животным. Он лишает их жизни, которую дал им не он, и причиняет им столь ужасные страдания, что даже привычным людям иногда становится жутко при виде мучений, испытываемых животными. В сочинениях вегетарианцев («Научные основания вегетарианства», «Этика пищи») целые страницы посвящены картинному описанию тех жестоких мучений, которым подвергает животных человек, этот «сластолюбивый обжора», «ненасытный чревоугодник», «злой палач». Сострадание, конечно, чувство в высшей степени почтенное, но только в таком случае, если оно носит трезвый и здравый характер, а не ложный и сентиментальный. Встречаются иногда особы, которые падают в обморок при визге собаки, но которые

¹ На это Уильямс, автор «Этики пищи», возражает, что если защищать мясоедение на основании Библии, то придется, чтобы быть последовательным, защищать и рабство, и многоженство, и самые варварские войны (208 стр. примеч.). Но для всякого непредубежденного человека ясно видно, что есть существенная разница между вкушением мясной пищи и хотя бы, например, многоженством; и из Библии видно, что первое Бог разрешает и благословляет, а второе только на время попускает. — *Прим. авт.*

остаются безучастны к слезам и горю человека. Кто же такое чувство сострадания признаёт здоровым и истинным? Или кто одобрит индийцев, устроивших госпитали для кур, голубей и в тоже время допускавших, чтобы парии тысячами умирали от жажды во время засухи, и не позволявших им пользоваться водою из колодцев людей знатных. В таких случаях сострадание и любовь к животным развиваются на счет людей и в прямой ущерб этим последним.

Этот недостаток индусов, религией которых так восхищаются вегетарианцы главным образом за ее «возвышенные принципы милосердия к животным», присущ и вегетарианству. Защищая права животных, вегетарианцы, как говорится, «хватали через край». Очень многие из них¹ признают, что «животные совершенно однородны с человеком и в физическом, и в нравственном отношении», как и человек, «наделены разумом и нравственным чувством», иногда даже «в бóльшей степени», «имеют те же понятия, чувства и способности»²; «животные одного с человеком класса», «имеют одинаковое с ним право на жизнь», «они наши братья», и посему убийство их есть «братоубийство».

Но, рассуждая так, вегетарианцы этим самым заявляют себя сторонниками материализма, который тоже не видит существенной разницы между человеком и животными. А материализм давно уже потерял всякий кредит в глазах ученого мира: нет ни одного серьезного и беспристрастного ученого, который бы стал утверждать, что внутренний мир человека и животных один и тот же³.

¹ Например, Освальд, Бентам, Никольсон, Глейзе, Мишле, Гольц и, наконец, сам автор «Этики пищи» Уильямс. – *Прим. авт.*

² «Неужели души всех животных, кроме человеческой, смертны или созданы совершенно иначе?» – вопрошает один вегетарианец («Этика пищи», 346). – *Прим. авт.*

³ Если и были «философы», которые утверждали противное, то еще св. Василий Великий говорил своим современникам: «Убегай бредней угрюмых философов, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою и говорить о себе, что они были некогда и деревьями, и морскими рыбами. А я хотя и не скажу, бывали ли они когда-нибудь рыбами, однако же со всем усилием готов утверждать, что когда писали сие, то были бессмысленнее рыб». – *Прим. авт.*

Эти материалистические тенденции очень вредят чистоте вегетарианского учения, и нельзя не пожалеть, что вегетарианцы вместо того, чтобы вести дело проповеди своих идей в союзе со Св. Церковью и в духе учения Христова, предпочитают почерпать подкрепление своим воззрениям из мутных кладезей ложных учений.

О подвижничестве

К именам многих св. подвижников (Антония, Евфимия, Феодосия, Иоанникия, Арсения и др.) Церковь присоединяет название «великий». Хотя в гражданской истории об этих «великих» людях и не упоминается, однако название это дано им Церковью по праву. Главное величие человека заключается в силе его духа, и такое величие и проявляли в себе подвижники. Это – люди, которые избирают себе единую цель жизни, единый путь – Христа. Все свои стремления, помыслы и деяния они направляют к тому, чтобы приготовить своего внутреннего человека ко вселению в него Христа. Снедаемые желанием Божественного, распаляемые стремлением к истинному свету и вечной жизни, они оставляют все, что может задерживать их на избранном пути. Чтобы жизнь их не проникалась суетою, удаляющею от Христа, чтобы предметы земные не овладели их сердцем, они оставляют шумный свет и удаляются в пустыню. Но так как «от себя никуда не уйдешь», и следовательно, и в пустыне у человека могут из сердца исходить «помышления злая», то подвижники ведут упорную и ожесточенную борьбу с нечистыми помыслами и распинают плоть свою со страстями и похотями. В этой борьбе ветхий, плотской человек, тлеющий в похотях прелестных, умирает, и в них обновляется новый, духовный, созданный по образу Божию. Жизнь их теперь всецело управляется духом. Всякое слово их, всякий взгляд, каждое действие, мысль, чувство – все это проникнуто духом, который все земное преобразует в духовное во Христе и приносит обильный плод духовный: любви, радость, мир, долго-

терпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5: 22–23).

Такова внутренняя сторона жизни св. подвижников. А вот несколько черт из их внешнего быта.

Подвижники жили в безлюдных пустынях, в дремучих лесах, в глубоких пещерах и на бесплодных скалах. Нередко лет 30–40 и больше они не видали ни одного человека. Впрочем, многие из них, избегая совершенного уединения, жили по два, по три и в недалеком расстоянии друг от друга. В субботние и воскресные дни они сходились в одно место для пения псалмов и по целым ночам стояли на молитве. Если и вступали в беседу, то вся беседа их состояла в решении вопросов касательно внутреннего состояния их духа; все разговоры ограничивались взаимными наставлениями, как в том или в другом случае хранить свое сердце, как вести борьбу с искушениями, как умножить труды и подвиги. После недолгих свиданий опять отходя на безмолвие, они погружались в созерцание, с глубоким вниманием следя за всеми своими мыслями и чувствами и стремясь достигнуть состояния бесстрастия. Для этого они соблюдали строгий пост и обрекали себя на разные лишения. Многие из них в продолжение сорока дней не вкушали пищи. Были добровольные страдальцы, которые носили тяжелые железные вериги. Иные в самый жаркий полдень выходили к болотистым местам и отдавали там пить кровь свою лютым мухам африканским. Некоторые, испытывая сильные искушения, зажигали костер сухих ветвей, повергались в огонь и спрашивали себя: «Горячо ли?» – и сами отвечали: «Горячо, помни же огонь геенский и бойся греха». Постом и трудами они до того иссушали плоть свою, что на иных оставались одне кости да кожа. Платье их от долговременной носки само спадало с плеч, и отшельники нередко оставались без покрова под знойным небом Африки и под холодными и сырыми ночами Азии.

Вот против этих-то телесных подвигов и восстают по преимуществу противники подвижнического жития. Тело, говорят они, творение Божие, дано человеку Самим Богом;

следовательно, удовлетворение телесных потребностей так же законно и необходимо, как и душевных потребностей, и о теле нужно столь же заботиться, как и о душе, ибо только в здоровом теле может быть здоровый дух. А подвижники вместо этого всячески изнуряют свое тело!

Но ведь тело, хотя и творение Божие, однако взято Богом из персти земной, тогда как душа есть дыхание Вседержителево, и в ней-то и заключается образ Божий и величие человека по сравнению с прочими тварями. Посему странно уравнивать в правах дух и тело; тело только орудие души, и о нем нужно заботиться лишь в той мере, насколько оно необходимо для деятельности духа: на удовлетворение телесных потребностей нужно смотреть как на средство, а не как на цель, иначе попечения о плоти превратятся в похоти (Рим. 13, 14). Если древние и говорили, что только в «здоровом теле здоровый дух», то не нужно забывать, что изречение это принадлежит язычникам, которые принижали дух и возвышали плоть; да и означает оно, собственно говоря, то, что в здоровом теле и дух здоровый, т.е. крепкий, мужественный, а во все не то, чтобы в здоровом теле находились глубокий ум, отзывчивое и доброе сердце, горячее религиозное чувство и т.п. качества духа, столь ценные для христиан.

Итак, упрек подвижникам, что они заботятся больше о душе, а не о теле, только делает им честь: об этом должен заботиться и всякий истинный христианин. Неоснователен упрек и в том, что они в своих подвигах идут против своей природы телесной и ее законных потребностей. Один подвижник (прп. Пимен) сказал: «Мы научились умерщвлять не тело свое, но страсти, живущие в теле». Подвижники идут не против природы и ее законных требований, а против ее расстройства и особенно против развращенной воли человека, неспособной держать его при удовлетворении потребностей в должных границах. Что в природе человеческой есть расстройство и что с ним нужно бороться – это едва ли требует подробных доказательств. Все в природе, говорит преосвящ. Амвросий в слове об аскетизме, имеет нужду в пище и питии, но один только

человек обращает и то и другое в наслаждение, доходящее до страсти, и утучняет себя пищею и питием до потери здоровья и самообладания. Все в природе имеет нужду в отдыхе и сне, но один человек обращает сон в негу, просыпает срок, назначенный для деятельности. Все живущее в природе имеет инстинкт продолжения рода, но один человек обращает этот инстинкт в источник пороков и болезней. Итак, ужели не нужно умерщвлять плоти, иссушать в ней почву, на которой может возникнуть и разрастись нечистое семя греха?! Всякая уступка в пользу плоти сопровождается вредом для духа. Имея это в виду, подвижники едят и спят мало, чтобы не дать отучнеть и отяжелеть телу и не развести в нем гнезда лености и сладострастия, чтобы не сделать из него гнилого болота, из которого непрестанно поднимались бы в область духа вредные испарения праздных и нечистых мечтаний и вожделений. В видах воздержания подвижники суровую пищу предпочитают роскошной и лакомой и остерегаются употреблять вино, которое волнует кровь и возбуждает страсти. Они избегают зрелищ, игр, праздных бесед и развлечений, потому что все это прерывает строгое настроение ума, расслабляет дух, наполняет воображение и память пустыми образами и воспоминаниями. Они отрекаются от имений, от супружества, чтобы житейские заботы не связывали их в служении Богу.

Говорят: все это еще более или менее понятно. Но зачем жесткие власяницы и тяжелые вериги? Зачем столпы и многолетнее стояние на них? Зачем жизнь под открытым небом, лежание на голой земле, питание травой и кореньями? Зачем непрестанные коленопреклонения и денно-ночные молитвословия?.. Но ведь сильные и застарелые болезни и врачуются сильными средствами. Мудрено ли, что ревнители духовной чистоты в борьбе разгоревшегося духа с застарелыми греховными навыками и страстями, и особенно в начале этой борьбы, прибегали к сильным средствам и нередко чувством боли и телесных страданий отвлекали свое внимание от приражений греховных. Только тот, кто не принимался за борьбу со страстями, не знает, каких усилий и подвигов стоит эта борьба.

Противники подвижнического жития любят говорить еще: зачем подвижники убегают от мира? Легко спастись в пустыне, где нет ни искушений, ни соблазнов, ни развлечений, ни забот. Гораздо бо́льшая награда была бы им, если бы они спасались среди шумного мира.

Из вышесказанного видно, легко ли спастись в пустыне, где подвижники вступают в брань не с плотию и кровию только, но с миродержателями тьмы века сего, с духами злобы поднебесной (Еф. 6, 12). А лучше, говорит св. Иоанн Лествичник¹, иметь борьбу с людьми, нежели с бесами, потому что люди хотя иногда ожесточаются и не покоряются, но потом опять смягчаются и повинуются; бесы же никогда не перестают против нас злобствовать и неистовствовать. Что же касается обещания большей награды за спасение в мире, то тот же св. Иоанн Лествичник приписывает такие слова и мысли внушению искушителя, который хитрым обещанием больших наград хочет отвлечь нас совсем от пути спасения². Истинно подвижающиеся заботятся не о наградах, а о том, чтобы очистить себя от страстей. Само собою разумеется, что можно и в мире спастись: немало святых, которые, живя в мире, угодили Богу. Но сосчитай, говорит преосвящен. Гермоген³, если можешь, угодивших Богу в мире и в уединении, и ты увидишь, что в пустыне больше угодников Божиих⁴. И это понятно: в мире так много суеты и крушения духа, так много случаев и поводов привязываться к земле и забывать о небе! Что же странного в том, если св. подвижники покидали шумный мир и стремились уединиться. Насколько уединение важно для сосредоточенной и внимательной деятельности, это, думается, легко понять. Ученик, когда хочет основательно приготовить

¹ Преподобный Иоанн Лествичник (525–602 или 649), богослов, философ, духовный писатель, игумен Синайского монастыря.

² Монаш. жизнь по изреч.[ениям] св.[ятым] подвиж.[ников]. Вып. 1, с. 6. – *Прим. авт.*

³ Гермоген (Добронравин), епископ Псковский (1820–1893), церковный деятель, духовный писатель.

⁴ Минуты паст.[ырского] досуга. Т. II, с. 25. – *Прим. авт.*

урок, уходит от семьи в уединенную комнату. Ученые и художники, когда берутся за работу, требующую напряжения духа, любят уединяться до совершенного отчуждения от всяких шумных развлечений и глубокомысленные ученые труды свои и художественные произведения выносят из тиши уединения, а отнюдь не среди шума толпы и суеты общественной жизни. Насколько при этом они стремятся к полной сосредоточенности и стараются избегать даже незначительных впечатлений, видно из того, что некоторые философы имели привычку даже днем заниматься с закрытыми ставнями при свете лампы. А о Декарте¹ сообщают, например, что он имел привычку, обдумывая философские вопросы, лежать в постели по 10 час. в сутки и притом с опущенными шторами и закрытыми ставнями, потому что в этом покойном положении ум его был деятельнее и сильнее, нежели когда его развлекали внешние впечатления². Если даже отвлеченное мышление требует такого уединения от внешних впечатлений, то тем более потребность в этом должны чувствовать подвижники.

Умное созерцание Божественного, к которому они стремились, требовало полного удаления от мирских соблазнов, безраздельной сосредоточенности духа, совершенной нерассеянности его. А все это возможно в обществе лишь на самое короткое время и мимоходом, в полном же своем виде оно возможно лишь в удалении от общества. Это и побуждало подвижников к уединению, к отшельничеству из мира. И вот подвижник оставляет мир и идет в пустыню, так как в ней полнее может разгораться его пламенная любовь к Богу. Как рыба может жить только во влаге, так и монах может жить и возрастать только в пустыне, говорит св. Антоний Великий. В пустыне все располагает отшельника к богомыслию. Ясный день, который в мире так часто манит людей на гулянье и развлечения, пустыннику говорит о любви Отца Небесного, Иже Солнце Свое сияет на злые и благие (Мф. 5, 45). Лес, вода, птицы, звери – все это располагает его к служению Богу. Он смотрит

¹ Декарт Рене (1596–1650), французский философ, математик и физик.

² Прав. Обзор. 1877 г. Декабрь. С. 647. – *Прим. авт.*

на деревья и думает: эти деревья растут все выше и выше от земли; мне ли, созданному Господом для неба, пресмыкаться сердцем по земле? Смотрит на ручей и думает: о, если бы и моя жизнь текла так мирно, так светло, как течет этот ручеек! О, если бы камни преткновения и соблазна не возмущали души моей, как не возмущают ручейка камни, лежащие на дне его! Смотрит на птиц небесных, слышит, как оне с раннего утра до позднего вечера поют песнь своему Создателю, – и думает: я ли, ради которого Слово Божие стало плотию, я ли перестану возносить слово хвалы и благодарения своему Творцу, Промыслителю и Искупителю?¹

Так пустыня лучшее место для молитвы и богомыслия, и вот посему-то в нее и удалялись св. подвижники для спасения своей души.

Есть и еще возражение, которое часто приводится противниками иноческого жития. Говорят, что подвижники, как и все иноки, – эгоисты – люди, которые заботятся только о своем спасении, которые ради своего блага уходят из мира и покидают общество, не хотят быть полезными для него; они – мертвые члены рода человеческого.

Отчего же, однако, мы не считаем эгоистами и не осуждаем, а напротив, относимся с глубоким уважением к ученым труженикам, которые ради служения своей науке отказываются от мира, его удовольствий и радостей, от шумных светских собраний и зрелищ, становятся чуждыми житейским хлопотам, заключаются в свой ученый кабинет и там свободно, без помех, предаются своим любимым научным занятиям? Ведь отреклись же они от мира? И однако, сам мир признает, что они приносят ему пользу учеными трудами. Пользу приносят ему и св. подвижники. Правда, они отрекаются от мира, умирают для него, чужды его жизни и интересам, но каким? Они умирают для зла, в котором лежит мир; они становятся безучастными к тому, что мешает служению правде и истине: к мирскому стяжанию, к честолюбивой погоне за внешними достоинствами, к похвалам и оскорблениям. Так, когда однаж-

¹ Еп. Гермоген. Минуты досуга. Т. II, с. 33–34. – *Прим. авт.*

ды к Арсению Великому пришли сказать, что ему досталось большое наследство, он ответил: «Скажите, что Арсений давно уже умер для мира». А о Макарии Египетском рассказывают, что он велел одному своему ученику идти на кладбище и там сначала поносить мертвецов, а потом хвалить их. Когда ученик возвратился, Макарий спросил его: «Что тебе сказали мертвецы?» – «Ничего», – отвечал тот. «Так и ты будь мертв: когда злословят тебя, молчи и не сердись; когда хвалят, не превозносись, будь как мертвый, и спасешься».

Вот в каком смысле подвижники отрекаются от мира, а не в том, чтобы порывать всякие, хотя бы и нравственно благодетельные связи с людьми. Отшельники приносили и приносят миру великую пользу. Находясь и в пустыне, они служат спасению и благоденствию мирских людей, во-первых, своими горячими молитвами за мир. Люди мирские, постоянно занятые земными заботами, по недосугу, а чаще по рассеянности духа с трудом располагаются к молитве и потому имеют большую нужду в молитвах других за них. Подвижники, освобожденные от многих земных забот, молятся не о себе только, но и о ближних, и своими чистыми молитвами низводят на грады и веси благословение и милость Божию и отводят от них удары праведного суда Господня. Правда, многие из нас, по своей привязанности к чувственным и земным благам, не ценят и не понимают значения для мира молитв св. подвижников. Но ведь и слепорожденные не ценят и не понимают, что такое солнечный свет, и, однако, он нисколько не теряет от этого своей ценности.

* * *

Подвижники, далее, своею строгою, святою жизнью и своими мудрыми наставлениями производят самое благотворное влияние на людскую нравственность. Светильник не остается под спудом, а ставится на свещнике, чтобы светить людям (Лк. 11, 33), и не может град укрытись веру горы стоя (Мф. 5, 14). Отшельники покидают мир, но сам мир ищет их. К ним стекаются алчущие и жаждущие правды. Они ждут от подвиж-

ников наставления и вразумления, и не вотще бывают их ожидания. На первый взгляд вам не кажется в речах старцев ничего необыкновенного. Но вы слышите проповедника, отрекшегося от мирского, кому не нужны более ни слава мира сего, ни его богатства, ни удобства жизни, ни все то, что обыкновенно побуждает людей льстить, лицемерить, скрывать истину. Пред вами учитель, который тяжелыми подвигами своей жизни и непрестанною борьбою со своими страстями и похотями уже вполне утвердился в том, чтобы служить одной только правде и говорить ее в глаза каждому, не боясь ни прещений, ни угроз, ни наказаний. Пред вами говорит человек, достигший высокой степени нравственного совершенства, по справедливости называемый «ангелом во плоти». Ему известны все тайные изгибы души человеческой. Слово его проникнуто духом и жизнью, исполнено благодати; наставления его проверены продолжительным опытом собственной жизни. Неудивительно посему, что наставления подвижников производят чудеса нравственного обновления людей и что люди жаждут слов «учителей благих». К подвижникам (и древним – Антонию, Феодосию, Пахомию, Макарию Египетскому, и русским – Феодосию, Сергию Радонежскому, Тихону Задонскому, Амвросию Оптинскому) со всех сторон стекаются толпы народа, и не простецов только, но и знатных, и ученых; около них поселяются сотни учеников. И вот пустыня процветает, безлюдное место дает бытие многолюдному селению. Образуется монастырь, который нередко устрояет на свои небогатые средства больницы, странноприимницы, школы, а в години общественных бедствий и сам жертвует всем, и других располагает к тому же и является оплотом веры и опорой Отечества (как, например, Троице-Сергиева Лавра в смутное время). Если люди, преданные чувственному и земному, не могут понять духовных благ, оказываемых миру подвижниками, то пусть они оценят хотя эти видимые и открытые благотворения отшельников. Если мир и это отвергает, то он отвергает свою собственную пользу.

Можно ли после этого говорить, что подвижники мертвые и бесполезные члены общества, что они заботятся только

о своем спасении и не проявляют любви к ближним? Ведь признаем же мы их достигшими высокой степени нравственного совершенства. А разве мыслимо было бы это совершенство, если бы у них не было такой важной добродетели, как любовь к ближним? Для кого эти рассуждения покажутся малоубедительными, тот пусть послушает примеров.

Один подвижник, прп. Агафон, до того любил ближних, что если кто, войдя в его келью, останавливал внимание на какой-нибудь вещи, то преподобный умолял его взять ее себе и не отпускал до тех пор, пока тот не исполнял его просьбы. Он до того любил людей, что иногда говаривал: «О, если бы я мог отдать прокаженному свое здоровое тело». И это не были одни только слова. Вот, например, какой случай был однажды с ним. Шел он из пустыни в город для продажи небольших сосудов его изделия. На пути встретил он прокаженного, который сказал ему: «Старец, снеси меня туда, куда ты идешь». Агафон донес его до города. Но тот велел ему положить его на том месте, где будут продаваться сосуды. Когда преподобный продал один сосуд, прокаженный сказал: «Отдай мне деньги». Агафон отдал. То же повторилось при продаже и остальных сосудов, так что все деньги перешли в руки прокаженного. Когда преподобный начал собираться в обратный путь, прокаженный сказал: «Снеси меня туда, откуда взял». Старец покорно принес его на прежнее место. Тогда прокаженный сказал ему: «Благословен ты, Агафон, от Господа на небе и на земле», – и стал невидим, ибо это был ангел Божий.

О другом подвижнике, преподобном Серапионе, рассказывают следующее. Однажды ему нужно было идти в Александрию. Время было холодное. Бедная одежда едва прикрывала изнуренное подвигами тело старца. Но вот идет ему навстречу нищий, который, не имея одежды, весь дрожит от холода. «Как, – подумал Серапион, – я – монах и подвижник – останусь в одежде, а этот нищий – брат мой – будет умирать от холода? Не осудит ли меня Господь на Страшном суде, если я не окажу теперь помощи?» С этими мыслями старец тотчас снял с себя одежду и отдал ее нищему. Нагой сел он у дороги,

держа в руках единственную теперь свою собственность, небольшое Евангелие. Скоро показался один путешественник, знавший Серапиона. Увидя его в таком положении и думая, что его ограбили разбойники, путник с сожалением спросил старца: «Кто так безжалостно раздел тебя, отче?» «Оно меня раздело», – отвечал Серапион, указывая на Евангелие. В другой раз Серапион встретил человека, которого заимодавцы мучили за долг, тогда как он подпал этому несчастью без вины и имел многочисленное семейство. Сердце человека Божия не вытерпело при виде страдальца: он немедленно продал в уплату долга и ризу свою, и Евангелие, а сам нагой пришел в свою келью. «Где же риза твоя, отче?» – спросил его ученик. «Я послал ее вперед, – отвечал старец, – туда, где всем нам кроют и шьют платье». «А твое Евангелие?» – «И оно теперь там же». Ученик изумился и выразил сожаление. «А не оно ли, – сказал старец, – постоянно твердило мне: “Продай все и раздай Христа ради нищим”? Теперь только я прав пред ним, когда не пожалел и его!» Тот же Серапион, услышав об одном человеке, что он благочестив, но держится манихейской ереси, оставил любимую пустыню, пошел и нанялся к этому человеку в работники и служил ему до тех пор, пока не убедил его оставить ересь¹. Бывали и такие старцы, которые даже продавали себя, чтобы выручить другого из беды.

Да и вообще, многие пустыни процветали подвижниками, подобными Агафону и Серапиону. А часто ли в мире встретишь подобную любовь?

* * *

Но довольно. Думается, что сказанного достаточно, чтобы видеть всю высоту и величие подвижнической жизни и всю не-

¹ То же делали и другие подвижники. Так, прп. Пафнутий (Герacleйский), услышав о некоей великой грешнице Таисии, губившей и себя, и других своею красотою, покинул пустыню, явился к ней и умолил ее оставить путь греха. Рассказ об этом, исторически искаженный, передается во французском романе «Александрийская куртизанка», который в переводе на русский язык был приложен к «Историческому вестнику» за 1891 г. – *Прим. авт.*

справедливость нареканий на нее. Великое часто подвергается насмешкам и порицанию со стороны людей мелких. Удивляться ли, что и св. подвижники испытывают ту же участь от людей, которые, невзирая на свою скудость и слабость понятий о предметах духовной жизни, берутся судить и отвергать то, чего и сами не понимают. Еще апостол Павел сказал, что душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием и не может разуместь, ибо о сем надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14). А кто судит духовно, тот не затруднится приложить к св. подвижникам слова того же Апостола: по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли скитались в милотях и козиих кожах, терпя недостатки, скорби и озлобления, те люди, которых весь мир не был достоин (Евр. 11, 37–38).

**Слово в Успенском соборе Московского Кремля
по принятии жезла святителя Петра митрополита
21 ноября 1917 года**

Устроением промышления Божия мое вхождение в сей соборный патриарший храм Пречистыя Богоматери совпадает со всечестным праздником Введения во храм Пресвятыя Богородицы. «Сотвори архиерей Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе Отроковицу в самую внутреннюю скинию, во святая святых, сие же сотвори по таинственному Божиему научению» (Четьи-минеи, 21 ноября). Дивно для всех и мое – Божиим устроением – нынешнее вступление на патриаршее место после того, как свыше 200 лет стояло оно пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, – мужи, которых весь мир не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их святые помышления, ибо Бог прозрел нечто лучшее о нас (Евр. 11, 39–40).

Но да не впадем от сего, братие, в гордыню. Один мыслитель, приветствуя мое недостойнство, писал: «Может быть, да-

рование нам патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служит указанием проявления Божией милости именно к нашей немощи, к бедности духовной». А по отношению ко мне самому дарованием патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как многого до сего мне не достает. И от сознания сего священным трепетом объемлется ныне душа моя.

Подобно Давиду, и я мал бех в братии моей, а братии мои – прекрасны и велики, но Господь благоволил избрать меня (Пс. 151, 1–5). Кто же я, Господи, Господи, что Ты так возвеличил меня, Ты знаешь раба Твоего и что может сказать Тебе. И ныне благослови раба Твоего (2 Цар. 7, 18, 20, 29). Раб Твой среди народа Твоего, столь многочисленного, – даруй же мне сердце разумное, дабы мудро руководить народом по пути спасения (3 Цар. 3, 8–9). Согрей сердце мое и любовью к чадам Церкви Божией и расшири его, да не тесно будет им вмещаться во мне. Ведь архипастырское служение есть по преимуществу служение любви. Горохищное обрет овча, архипастырь подъемлет е на рамена своя.

Правда, патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди бурь, раздирающих горы и сокрушающих скалы, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам прещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку Илии явился Господь не в буре, не в тусе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укоры: «Господи, сыны российские оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, стреляли по храмам и кремлевским святыням, избивали священников Твоих», – слышится тихое веяние словес Божиих: «Еще семь тысяч мужей не преклонили колен пред современным Ваалом и не изменили Богу истинному» (3 Цар. 19, 10–12, 14, 18).

И Господь как бы говорит мне так: иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на погибель, на заклание, овец

поистине жалких. Паси их и для сего возьми жезл сей, жезл благоволения (Зах. 11, 7). С ним потерявшуюся отыщи, угнанную возврати, пораженную перевяжи, больную укрепи, разжиревшую и буйную истреби, паси их по правде (Иез. 34, 16).

В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами и предстательством Пресвятыя Богородицы и святителей Московских, Бог да благословит всех вас благодатию Своею. Аминь.

Грамота по случаю вступления на Патриарший Престол

Смиренный Тихон, Божию милостию Патриарх Московский и всея России, преосвященным архиереям, благоговейным иереям, честным инокам и всему православному народу о Господе радоваться.

Ныне всем возвещаем, что волею Божию вступили мы на священный Престол Патриарший. Преподаем чадам Православной Российской Церкви в великие праздники сии Рождества Господа нашего Иисуса Христа и Крещения Его в водах Иорданских патриаршее благословение.

Деянием Священного собора Российской Православной Церкви в граде Москве, в лето от воплощения Бога Слова тысяча девятьсот семнадцатое, в согласии с Божественными правилами церковными, определено было возвратить вдовствующей Церкви Российской законного ее главу, коего, попущением Божиим, она лишена была более двух столетий, и вновь явить представителя ее в Церкви Вселенской. Соборным избранием наименованы иерархи, коих воля соборная предопределяла к сему уделу, дабы Промысл Божий из них указал избранника. Божественным жребием нам повелено было приять на себя великое и страшное служение. Преклоняя покорную выю, да совершится воля Божия, молим и вас попечительною любовью понести с нами сие тяжелое бремя и ею восполнить человеческую немощь нашу. О себе же ведаем, что сила Божия и в не-

мощах совершается, и уповаем, что восстановлением патриаршества явлена новая милость Господня к Церкви Российской.

В годину гнева Божия, в дни многоскорбные и многотрудные, вступили мы на древнее место патриаршее. Испытание изнурительной войны и гибельная смута терзают Родину нашу, скорби и от нашествия иноплеменников и междоусобные брани. Но всего губительнее снедающая сердца смута духовная. Затемнились в совести народной христианские начала строительства государственного и общественного, ослабела и самая вера, неистовствует беспощадный дух мира сего. Но среди свирепеющей бури слышится верному сердцу слово Господа: «Что тако страшливи есте? Како не имате веры?» (Мк. 4, 40), и чаем спасения от Божественного прещения ветру и морю бушующему: «молчи, престани» (4, 39). От небрежения чад своих, от хладности сердец страждет наша Святая Церковь, а с нею страждет и наша Российская держава. Но имеет с нами святых печальников и молитвенников за Русскую землю. И в народе православном не все преклонили колена пред Ваалом; они неотступно взывают ко Господу о спасении. Ныне потребно сие дерзновение веры, бестрепетное ее исповедание во всяком слове и делании. Да возгорится пламя светоча вдохновения в Церкви Российской, да соберутся силы, расточенные во безвремении. Пусть верные чада в союзе любви соединяются с архипастырями и пастырями своими и вкупе являют служение в духе и силе. Молим Господа сил о ниспослании вам сей ревности к делу Божию, нам же благодати, укрепляющей к неукоризненному служению первосвятительскому, к любви отеческой к чадам церковным.

Благословение Господне да будет со всеми вами, молитвами Богородицы и святых отец наших Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Ермогена, святителей Московских и чудотворцев, и всех святых, в Российской земле от века богоугодивших. Аминь.

Смиренный Тихон
Патриарх Московский
и всея России.
18 декабря 1917 г.
Москва

Послание к епископам Грузинского экзархата, отделившимся от Русской Православной Церкви

Тихон, Божиею Милостью Патриарх Московский и всея России.

Преосвященные епископы бывший Полоцкий и Витебский Кирион, Гурийско-Мингрельский Леонид, Имеретинский Георгий, Горийский Антоний и Алавердский Пирр!¹ Бог мира да будет со всеми вами (Рим. 15, 33).

Священным для себя долгом почитаем обратиться к вам со словом правды и любви.

Более ста лет прошло с тех пор, как единовенная Грузия как в государственном, так и в церковном отношении соединилась с Россией под одною общею и гражданскою, и церковною властью². И такое присоединение Грузии к России в течение целого столетия не вызывало никаких возражений, особенно в отношении высшей церковной власти, бесспорно принадлежавшей Российскому Святейшему Синоду. Напротив, в распоряжении Святейшего Синода имеется много данных, исходящих и от грузинского народа, для доказательства благоплодности его управления в епархиях Закавказья. Самим грузинским духовенством в лице преосвященного Кириона, ныне «грузинского католикоса», в его «Краткой истории

¹ Епископы-грузины, провозгласившие автокефалию Грузинской Церкви: Кирион (Садзаглишвили, Садзагелов, Садзагелли), архиепископ Мцхетский и Тбилисский, Католикос-патриарх всея Грузии (1855–1918), епископ Полоцкий и Витебский с 1915, до того находился под арестом по обвинению в убийстве Экзарха Грузии Никона (Софийского); Леонид (Окропидзе), епископ Гурийско-Мингрельский, Католикос-патриарх всея Грузии с 1918 г. (1861–1921); Георгий (Аладашвили), епископ Имеретинский (1849 – между 1925 и 1928); Антоний (Георгадзе), епископ Горийский, второй викарий Грузинской епархии (1867–1918); Пирр (Окропидзе), епископ Алавердский (1874–1922).

² Вхождение Грузии в состав России проходило с 1783 г., когда был подписан Георгиевский трактат с Картли-Кахетинским царством, и до 1810 г., когда в состав России вошло Имеретинское царство. В 1811 г. Грузинская Церковь была преобразована в Грузинский Экзархат Российской Православной Церкви.

Грузинской Церкви в XIX столетии» засвидетельствовано, что присоединение Грузии к России послужило источником возрождения находившейся в упадке церковной жизни в Грузии. Лишь в 1905 г. обнаружались попытки к восстановлению автокефалии Грузинской Церкви, и вам, преосвященные епископы, хорошо известно, что в 1906 г. Святейший Синод постановил перенести на обсуждение предстоявшего Поместного собора Русской Церкви, наряду со многими предметами из области высшего церковного управления, и вопрос о грузинской автокефалии, который, по каноническому порядку, и должен быть решен только Собором Православной Русской Церкви. Но в путях Божественного Промысла время созвания Поместного собора Русской Церкви было предначертано лишь в 1917 году. И слава и благодарение Господу! – Священный собор Русской Церкви в составе целого сонма иерархов, представителей клира и мирян от всех епархий собрался и совершил, с помощью Божией, многие важные деяния и, в частности, восстановил патриаршество в Русской Церкви и совершил наше избрание на патриарший Престол Московский и всея России. На сей Священный Всероссийский собор, по силе обнародованного положения о его созыве, приглашались и епископы Гурийско-Мингрельский и Имеретинский вместе с другими представителями кавказских епархий, но, к великому нашему сожалению, они уклонились от участия в деяниях Собора, как и вообще все вы, преосвященные епископы, вместо того, чтобы принести свои пожелания и стремления к самостоятельности в церковном отношении на суд Всероссийского Священного собора и, оставаясь в единении веры и любви с Православною Русскою Церковью, ожидать ее соборного решения, порвали с нею всякие сношения вопреки каноническим правилам и совершили целый ряд самочинных деяний.

Еще 12 марта 1917 года вы, «Епископы, клир церковный и представители мирян; собравшись в Мцхете, в католикосском всея Грузии храме Двенадцати Апостолов, – как говорится в одном составленном вами документе, – единогласно

и единодушно постановили – с этого момента считать восстановленным автокефальное церковное управление Грузии и, пока произведены будут канонические выборы католикоса Грузинской Церкви, местоблюстителем его назначить преосвященного Леонида, епископа Гурийско-Мингрельского, и при нем для управления Церковью, под его председательством, учредить временное управление Грузинской Церкви в составе духовных и светских лиц». Тогда же вы заявили Экзарху Грузии, архиепископу Карталинскому и Кахетинскому Платону¹, что он «юридически и фактически перестает быть Экзархом Грузии, архиепископом Карталинским и Кахетинским и лишается права распоряжаться грузинскими епархиями». Порвав канонические отношения с Православною Русскою Церковью, вы поспешили исхлопотать у Временного Правительства особое постановление от 27 марта относительно автокефалии Грузинской Церкви. И хотя в этом постановлении было сказано, что Временное Правительство не касается канонической стороны восстановления автокефалии Грузинской Церкви и выражает твердую уверенность, что «закрепление церковно-канонических основ акта самоопределения Грузинской Церкви» совершится «в духе церковного мира и любви, по сношении Церкви Грузинской с Православною Русскою Церковью», вы, однако, продолжали пребывать вне всякого общения с Русскою Церковью, не признавали канонической над собою власти Святейшего Синода и действовали с полным пренебрежением к русскому церковному представительству в Закавказье. Одновременно вами допускались разные нарушения церковного порядка в епархиях с русским православным населением и по отношению к тамошним русским деятелям на поприще управления и просвещения и совершались захваты принадлежащего русским учреждениям имущества. Ваши неканонические действия завершились 8 сентября избра-

¹ Платон (Рождественский), митрополит Североамериканский и Аляскинский (1866–1934), церковный, политический и общественный деятель, с 5 декабря 1915 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии.

нием епископа Русской Церкви, преосвященного Кириона, Католикосом всея Грузии, открытием новых митрополичьих и епископских кафедр и возведением на них подчиненных Святейшему Синоду епископов и архимандритов.

Вот те печальные события, которые послужили основанием разделения в Русской Церкви, создали отчуждение закавказских епархий от высшей церковной власти в нашем Отечестве, породили церковную смуту и великий церковный соблазн и наполнили души всех преданных сынов Православной Церкви великою скорбью. Ибо все эти деяния надлежит признать противоканоническими и весьма опасными для церковного благочиния и порядка. И вы, преосвященные епископы, не можете в глубине своего сознания найти оправдание вашим неканоническим деяниям. Прежде всего все вы получили хиротонию по избранию Святейшего Синода и от русских иерархов, все вы были архипастырями Русской Церкви и дали при хиротонии клятвенное обещание подчиняться и повиноваться ее власти. Как же вы исполнили данное вами торжественное обещание? Вы изменили своей присяге, нарушили обязанность церковного послушания и создали разделение в Церкви. Будучи викариями или полусамостоятельными епископами, вы отвергли власть своего кириарха, архиепископа Карталинского и Кахетинского Платона, уклонились от повиновения ему, самочинно прекратили возглашать его имя за богослужением; без разрешения Святейшего Синода и своего кириарха вы созвали церковный собор, самовольно вторглись в церковную область, подчиненную вашему кириарху, совершали вне пределов своих епархий рукоположения и вершили другие церковные дела. Все такие действия осуждаются канонами Вселенской Церкви. Именно, 2-е правило II Вселенского собора ясно говорит: «Не быв приглашены, епископы да не приходят за пределы своей области для рукоположения или какого-либо другого церковного распоряжения». О том же повелевает и 9-е правило Антиохийского собора: «В каждой области епископам должно ведати епископа, в митрополии начальствующего и имеющего попечение

о всей области, так как в митрополию отовсюду стекаются все, имеющие дела. Посему рассуждено, чтобы он и честию преуспевал, и чтобы прочие епископы ничего особенно важного не делали без него, по древле принятому от отец наших правилу, кроме того токмо, что относится до епархии, принадлежащей каждому из них, и до селений, состоящих в ее пределах. Ибо каждый епископ имеет власть в своей епархии, и да управляет ею с приличествующею каждому осмотрительностию, и да имеет попечение о всей стране, состоящей в зависимости от его града, и да поставляет пресвитеров и диаконов и да разбирает все дела с рассуждением. Далее же да не покушается что-либо творить без епископа митрополии, а также и сей без согласия прочих епископов». 13-е правило Антиохийского собора устанавливает взаимные отношения епископов и их кириарха: «Ни который епископ да не дерзает из единыя епархии переходить в другую, ни поставлять кого-либо в церкви ее для совершения священнослужения, ниже приводит с собою других; разве прибудет, быв призван грамотами митрополита и сущих с ним епископов, в область которых приходит. Аще же никем не быв призван, вне порядка пойдет для рукоположения некоторых, и для устройства церковных дел, до него не принадлежащих: то все содеянное им да будет недействительным: и он за бесчиние свое и за безрассудное начинание да понесет приличное наказание чрез немедленное извержение из своего чина святым Собором». И Собор не может быть созван без разрешения кириарха. 16-е правило Антиохийского собора говорит: «Совершенный Собор есть тот, на котором присутствует с прочими (епископами) и митрополит» (ср. 8-е правило VI Всел. собора). Кроме того, 35-е правило святых апостолов повелевает: «Епископ да не дерзает вне пределов своей епархии творить рукоположения во градах и селлах, ему не подчиненных. Иначе да будет извержен и он, и постановленный от него». Кроме того, 14-е правило Двукратного собора предписывает: «Аще который епископ, поставляя предлогом вину своего митрополита, прежде соборного рассмотрения отступит от общения с ним

и не будет возносить имя его, по обычаю, в Божественном тайнодействии; о таковом святой собор определил: да будет низложен, аще токмо обличен будет, яко отступил от своего митрополита и сотворил раскол. Ибо каждый должен ведати свою меру: и ниже пресвитер да не пренебрегает своего епископа, ниже епископ своего митрополита».

Таким образом, вы, созвавши Собор без ведома и согласия Святейшего Синода и вашего кириарха и вторгнувшись в пределы не подчиненной вам церковной области, подвергли себя осуждению церковных канонов.

Ваше заблуждение состоит и в том, что вы провозгласили церковную автокефалию по способу, который совершенно уклоняется от канонического порядка, установившегося во Вселенской Церкви в делах подобного рода.

По каноническому порядку требуется согласие и разрешение кириархальной Церкви на автокефалию другой поместной Церкви, которая подчинялась прежде ее юрисдикции. Обыкновенно та Церковь, которая ищет независимости, обращается с просьбою к кириархальной Церкви и, на основании данных политического и церковного характера, испрашивает ее согласия на получение автокефалии. Просьба обращается от имени как церковной и гражданской власти страны, так и от народа, с ясно выраженным заявлением о всеобщем и единодушном желании получить церковную независимость. Так было в Греции, Сербии и Румынии, но не так было в Болгарии, где возникла хорошо нам известная схизма, и, к сожалению, не так было и в Закавказье в 1917 году.

Канонический порядок еще требует, чтобы кириархальная Церковь на своем Соборе добровольно и на основании положительных и бесспорных данных признала правильным и законным ходатайство того или иного народа или области о церковной независимости, обсудила его во всех подробностях и путем соборного решения провозгласила данную церковную автокефалию. Об этом издается особое соборное определение, которое кириархальною Церковью и сообщается Церкви, ищущей автокефалии. О том же кириархальная Церковь

особым посланием извещает и все православные поместные автокефальные Церкви, дабы все оне вошли в каноническое общение с новою поместною автокефальною Церковью. Вообще, только Собор кириархальной Церкви может даровать независимость той или иной поместной Церкви, без Собора же кириархальной Церкви всякие акты провозглашения церковной независимости признаются недействительными и не имеющими канонической силы. В этом состоит коренное требование церковно-канонического порядка и традиции Вселенской Православной Церкви. Если это требование не соблюдается, Церкви угрожает схизма. Церковная автокефалия не может быть приобретена ни в силу соборного определения только той Церкви, которая ищет автокефалии, ни в силу постановления гражданской власти. Так, Церкви Элладская и Румынская, первоначально объявившие свою независимость лишь по определению местных соборов, должны были потом искать своей автокефалии лишь от Константинопольской Церкви. С другой стороны, султанский фирман 1870 года не дал Болгарской Церкви общепризнанной во Вселенской Церкви автокефалии. И было бы ошибкою полагать, что Грузинская Церковь, как имевшая до присоединения Грузии к России независимость, находится на особом и исключительном положении в деле восстановления своей автокефалии. И Церкви Сербская и Болгарская прежде были независимы, однако в XIX веке оне, как потерявшие свою древнюю автокефалию и находившиеся под юрисдикцией Константинопольской Церкви, искали своей независимости от этой последней – одна каноническим порядком, а другая противоканоническим. И епархии Закавказья, как более столетия входившие в состав Русской Церкви, должны в деле приобретения независимости подчиниться общему каноническому порядку. Об этом говорит и постановление Временного Правительства, на котором вы, преосвященные епископы, основываете грузинскую автокефалию. Но вы не только уклонились от духа мира и любви, но и нашли излишним вступить в сношения с Русскою Церковью по важнейшему церковному вопросу.

Указав ваши заблуждения и ошибки, предлагаем вам, преосвященные епископы, подчиниться требованию церковных правил и, следуя каноническому порядку, явиться на Всероссийский Священный собор и, сознав свои заблуждения, предать свои вожделения об автокефальном устройении Грузинской Церкви на суд сего Всероссийского собора, дабы вам не подвергнуться суду канонов и не подпасть великому и тяжкому греху отчуждения от Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви.

Умоляем вас, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа: да не будет между нами разделений и да будем все мы соединены в одном духе и в одних мыслях (1 Кор. 1, 10). Станем на путь мира и взаимной любви и совместно обсудим создавшееся положение. Пастыреначальник Христос и Кормчий Церкви Святой Дух да вразумят нас найти на основании канонов выход, приемлемый для нас и для вас, и устроить церковную жизнь обоих единоверных народов к их общей пользе и славе Божией. Возлюбим друг друга да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единую и нераздельную.

Смиранный Тихон
Патриарх Московский
и всея России,
№ 3. 29 декабря 1917 г.
Москва

Новогоднее слово (1 января 1918 года)

Минувший год был годом строительства Российской державы. Но увы! Не напоминает ли он нам печальный опыт вавилонского строительства?

На всей земле был один язык и одно наречие. И сказали люди: построим себе город и башню высотой до небес и *сделаем себе имя*, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которую строили

сыны человеческие. И сказал Господь: Сойдем и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле (Быт. 11, 1, 4–5, 7–8). Не угодно было Господу строительство вавилонское, противно планам Божественного домостроительства. «Сотворим себе имя», – не напоминает ли это желание наших прародителей быть яко боги (Быт. 3, 5); и единый дотоле язык смешался в разные наречия, и единый народ разделился на разные племена, враждебные друг другу и истреблявшие одно другое.

Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждующие его, напрасно рано встают и поздно просиживают (Пс. 126, 1–2). Это исполнилось в древности на вавилонских строителях. *Сбывается днесь и воочию нашею*. И наши строители желают *сотворить себе имя*, своими реформами и декретами облагодетельствовать не только несчастный русский народ, но и весь мир, и даже народы гораздо более нас культурные. И эту высокомерную затею их постигает та же участь, что и замыслы вавилонян: вместо блага приносится горькое разочарование. Желая сделать нас богатыми и ни в чем не имеющими нужды, они на самом деле превращают нас в несчастных, жалких, нищих и нагих (Апок. 3, 17). Вместо так еще недавно великой, могучей, страшной врагам и сильной России, они сделали из нее одно жалкое имя, пустое место, разбив ее на части, пожирающие в междоусобной войне одна другую. Когда читаешь «Плач Иеремии», невольно оплакиваешь словами пророка и нашу дорогую Родину.

Как Господь поверг на землю красу нашу, как разрушил укрепления, как отверг царей и князей наших. Страна, некогда многолюдная, стала одинока, как вдова, великий между народами князь над областями делается данником. Горько плачет он, и слезы на ланитах его, и нет у него утешителя. Враги его стали во главе, неприятели благоденствуют и враг простер руку на самое драгоценное у него. Воззри, Господи, и посмотри, как мы унижены, и есть ли болезнь, как наша, какая постигла нас. Весь народ вздыхает, ища хлеба, отдает драгоценности свои за пищу, дрова достает за большие день-

ги, и наследие наше переходит к чужим. Дети просят хлеба и никто не подает им. Евшие сладкое истаевают на улицах и воспитанные на багрянице жмутся к навозу (Иер. 2, 1–2; 1, 1–2, 5, 10–12; 4, 4–5; 5, 2–4). И это в стране, бывшей житницею целой Европы и славившейся своими богатствами.

И вся эта разруха и недостатки от того, что *без Бога* строится ныне Русское государство. Разве слышали мы из уст наших правителей святое имя Господне в наших многочисленных советах, парламентах, предпарламентах? Нет, они полагаются только на *свои* силы, желают сделать имя *себе*, а не так, как наши благочестивые предки, которые не себе, а имени Господню воздавали славу. Оттого Вышний посмеется планам нашим и разрушит советы наши. Подлинно праведен Ты, Господи, ибо мы не покорны были Слову Его (Иер. 1, 18).

Забыли мы Господа! Бросились за новым счастьем, стали бегать за обманчивыми тенями, прильнули к земле, хлебу, к деньгам, упились вином свободы – и так, чтобы всего этого достать как можно больше, взяли именно себе, чтобы другим не оставалось. Заботимся о том, что *преходит*, – *прилежати же о душе вещи бессмертней* совсем забываем. Оттого и наши заботы о создании «храмин и житниц» постигает неудача. Церковь осуждает такое наше строительство, и мы решительно предупреждаем, что *успеха у нас не будет никакого до тех пор, пока не вспомним о Боге*, без Которого ничего доброго не может быть сделано (Ин. 15, 5), пока не обратимся к Нему *всем сердцем и всем помышлением своим* (Мф. 22, 38). Теперь все чаще раздаются голоса, что не наши замыслы и строительные потуги, которыми мы были так богаты в минувшее лето, спасут Россию, а только чудо – если мы будем достойны этого.

Будем же молить Господа, чтобы *Он благословил венец наступающего лета Своєю благостию*, и да будет оно для России *лето Господне, благоприятное* (Ис. 61, 2).

Патриарх Тихон
января 1 дня 1918 г.
Москва

**Речь на торжественном собрании Священного собора
Российской Православной Церкви, посвященном памяти
мученически скончавшегося высокопреосвященного
Владимира (Богоявленского), митр. Киевского
и Галицкого, 15 (28) февраля 1918 года**

Преосвященные архипастыри, отцы и братие.

То ужасное кошмарное злодеяние, которое совершено было по отношению к высокопреосвященному митрополиту Владимиру, конечно, еще долго и долго будет волновать и угнетать наш смущенный дух. И еще, надемся, много и много раз православный русский народ будет искать себе выхода из тяжелого состояния духа и в молитве, и в других сладостных воспоминаниях о почившем убиенном митрополите. Поэтому вполне естественно, достойно и праведно освященный поместный Собор почти сейчас же после получения известия об убийстве митрополита решил, чтобы ему, в Бозе почившему митрополиту, посвятить особенное печально-торжественное заседание, которое я ныне и имею честь объявить открытым. Последующие ораторы, без сомнения, с достаточною полнотою исчерпают жизнь и деятельность в Бозе почившего митрополита и как архиерея, проповедника, и как человека частного. Я позволю себе сказать только несколько слов о нем, как члене Святейшего Синода. Мне Господь судил еще лет 15 тому назад заседать с высокопреосвященным митрополитом Владимиром в Святейшем Синоде. И тогда, а особенно впоследствии, неоднократно во время таких заседаний невольно бросалась в глаза его великая ревность, которая снала его о Слове Божием, о Доме Божием, о пользе Святой Церкви. Особенно эта ревность его пылала, когда он сделался первенствующим членом Святейшего Синода. Он был верен канонам Святой Православной Церкви, преданиям отеческим и безбоязненно и смело, честно и благородно исповедовал эту сжигающую его ревность пред всеми, какими бы последствиями это ни сопровождалось. Может быть, некоторым из тех, кои любят сообразоваться с веком, казалось это отсталостью, косностью,

неподвижностью, но все истинные сыны Царства Божия оценят эту ревность и верность канонам и преданиям отеческим в Бозе почившего митрополита. Господь за эту ревность увенчал его мученическою кончиною, и на нем исполнилось слово святого апостола Павла, который говорит: «Вам дано не только веровать во Христа, но и пострадать за Него». В Бозе почивший митрополит не только имел горячую веру и исповедовал ее, но и мученическою кончиною запечатлел эту веру во Христа.

Конечно, судя по-человечески, ужасною кажется эта кончина, но нет ничего напрасного в путях Промысла Божия, и мы глубоко верим, как высказал на прошлом заседании высокопреосвященный митр. Антоний¹, что эта мученическая кончина владыки Владимира была не только очищением вольных и невольных грехов его, которые неизбежны у каждого, плоть носящего, но и жертвою благовонною во очищение грехов великой Матушки-России. Да будет же почившему владыке митрополиту Владимиру вечная и признательная память от всех верующих. Вечная ему память, вечная память, вечная память.

Послание Патриарха, 3 марта 1918 года

Смиренный Тихон, раб Иисус Христов, волею Божией
Патриарх Московский и всея Руси – архипастырям,
пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви.

Возмогайте во Господе и в державе крепости Его, облецытесь во вся оружия Божия, яко возмоги вам стати противу кознем диавольским (Еф. 6, 10–11).

В тяжелые дни скорби всенародной приемлю долг вещать вам слово истины и любви: вместе с вами страдаем, вместе с вами скорбим и плачем. К ужасам жизни, полной бедствий,

¹ Антоний (Храповицкий), митрополит Киевский и Галицкий, Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) (1863–1936), церковный и общественный деятель, почетный председатель Почаевского отдела Союза Русского Народа. В феврале 1918 г. митрополит Харьковский и Ахтырский.

скорбей и лишений, когда голод, холод и страх за свою жизнь сковали помыслы всех одною заботой о нуждах земных, когда в междоусобной кровавой борьбе земля наша, по слову Псалмопевца, *«упоена кровми неповинных сынов и дочерей наших»* (Пс. 105, 37), прибавилось ныне еще новое, тягчайшее для любящего Родину сердца русского, горе: тот сильнейший враг, с которым уже более трех лет вел русский народ кровавую брань, в борьбе с которым погибли целые миллионы лучших сынов русской земли, ныне устремляясь со своей боевой силой в глубины нашей Родины, чтобы овладеть и «главою» и «сердцем» ее, с неслыханной дерзостью шлет нам свои требования и предписывает принять самые позорные условия мира. И позор совершился: условия приняты!¹... Куда же девалась бывшая мощь нашей Родины? Где вы, верные сыны ее, где вы, люди ратные, прежде грудью своей защищавшие землю родную? Неужели все вы погибли в кровавой борьбе, все полегли на полях боевых? Или, быть может, нет у вас уже больше орудий в руках, нет у вас силы в мышцах, нет огня пылкого в сердце? Ведь гремят же орудия смерти во взаимной братоубийственной брани; ведь в жестоких кровавых боях, только не с врагами Отчизны, а с братьями же вашими по крови и вере, проявляется и сила мышц ваших, и пламенная ревность вашего сердца... А с поля ратного, пред лицом врага иноземного, бежите вы с оружием в руках, чтобы этим же оружием расстреливать друг друга в междоусобной борьбе... Поистине, *«осквернилась земля наша в делах ваших и заблудились вы в начинаниях своих»* (Пс. 105, 39). Иссякли в вас не крепость телесная, даже и не мужество духа вашего, а исчезла любовь к земле родной, погасло в сердцах ваших пламя веры святой – той святой веры, которая воодушевляла предков ваших проливать кровь за Отчизну свою и на всем протяжении тысячелетнего бытия Русской земли воздвигала среди них мужей силы и духа, достойных вечной и славной памяти в потомстве.

¹ 3 марта 1918 г. представители Советского правительства подписали условия Брестского мирного договора с Германией, по условиям которого от России отторгались Украина, Прибалтика, Финляндия, Карсская и Батумская обл. на Кавказе.

А ныне... позором покрылась наша Родина, и невольно припоминается слово древнего церковного витии, рисовавшего картину злого татарского ига: «Кровь и отец и братий наших, аки вода многа, землю напои; воевод наших крепость исчезе; храбрыи наши, страха напольшися, бежаша; множайша же братия и чада наша в плен ведени быша; величество наше смирися, красота наша погибе, богатство наше инии наследоваша, земля наша иноплеменником достояние бысть. В поношение быхом живущим в скрай земли нашея, в посмех быхом врагом нашим...» (сл. Серапиона Владимирского, XIII в.¹). С какой поистине изумительной точностью повторились в наши дни ужасы древнего русского лихолетья! Поистине, и днесь, как и прежде, за неверствие наше, за необузданное своеволие сынов века сего, забывших совершенно святой, христианский долг любви к Родине, – *«разгневаясь яростию Господь на люди своя и омерзи достояние свое и предает ны в руки врагов наших, да возобладают нами ненавидящие нас»* (Пс. 105, 40–41).

Где же спасение от гибели? У кого и в чем искать избавления от бед и напастей?

Истрадавшиеся сыны Родины нашей готовы даже малодушно кинуться в объятия врагов ее, дабы искать среди них и под их властью успокоения жизни общественной, прекращения ее ужасов. Горе той власти, которая довела русских людей до такого отчаяния! Но не здесь наше спасение, не от врагов надо ждать избавления; им только приятны все наши нестроения и раздоры, они только и стремились к тому, чтобы посеять в нашей жизни семена вражды и междоусобий внутренних, дабы обессилить воинство наше и тем сокрушить могущество Русской земли. Нет, не туда, не во вражеский стан устремляйте взоры свои, все жаждущие мира и спокойствия для нашей Отчизны. *«Внегда скорбети нам, Господа призовем»* (Пс. 17, 7). Только *«Бог нам прибежище и сила, по-*

¹ Серапион Владимирский (?–1275), церковный деятель и духовный писатель, игумен Киево-Печерский, в последний год жизни епископ Владимирский. Автор обличительных «Слов».

мощник в скорбех, обретших ны зело» (Пс. 45, 2). Но будьте достойны милости Господней: «обратитесь ко Мне, глаголет Господь, и спасетесь» (Ис. 45, 22).

Первое всего – прекратите взаимные распри и междоусобную брань, *«измойте руки ваша крови исполненные и научитесь добро творити»* (Ис. 1, 16–17). Оставивши злобу и вражду взаимную, возлюбите кийждо ближнего своего; богатые, кормите и одевайте нищих, бедные и убогие, не злобствуйте на имущих достаток, *«не ожесточайте сердец ваших»* (Евр. 3, 8), не кляните жребия своего и *«довольни будете оброки вашими»* (Лк. 3, 14). Наипаче же *«мир Божий да водворится в сердцах ваших»* (Кол. 3, 15).

При таком истинно христианском настроении вашего сердца не страшны вам будут никакие козни вражеские. Пусть даже враг сильнейший и пленит на время ваши города и селения: вы примите сие как выражение гнева Божия, на вас низведенного волею Провидения за прошлое, и в глубоком чувстве искреннего сердечного покаяния почерпнете силу для своего духовного возрождения в будущем, но возрождения, возможного только под сению святой Церкви Православной, под мощной защитой оружия веры Христовой.

«Возмогайте во Господе и в державе крепости Его; облещитесь во вся оружия Божия, яко возможи вам стати противу кознем диавольским».

Тихон, Патриарх Московский
и всея России

**Послание Святейшего Патриарха Тихона,
5 марта 1918 года**

Смиренный Тихон, Божию милостию Патриарх
Московский и всея России, возлюбленным
о Господе архипастырям, пастырям и всем верным
чадам Православной Церкви Российской

Посрамились мудрецы, смутились и запутались в сеть; вот, они отвергли слово Господне; в чем же мудрость их... Они говорят: мир, мир! а мира нет

(Иер. 8, 9, 11)

Благословен мир между народами, ибо все братья, всех призывает Господь мирно трудиться на земле, для всех уготовал Он Свои неисчислимые блага. И Святая Церковь непрестанно возносит молитвы о мире всего мира, уповая, что восторжествует на земле правда Христова и соединит враждующих братьев в единое стадо под водительством единого Небесного Пастыря. И несчастный русский народ, вовлеченный в братоубийственную кровавую войну, нестерпимо жаждал мира, как некогда народ Божий жаждал воды в палящей зноем пустыне. Но не было у нас Моисея, который бы напоил свой народ чудодейственной водой, и не ко Господу, Своему Благодетелю, воззвал народ о помощи, – явились люди, отрекшиеся от веры, гонители Церкви Божией, и они дали народу мир.

Но тот ли это мир, о котором молится Церковь, которого жаждет народ?

Заключенный ныне мир, по которому отторгаются от нас целые области, населенные православным народом, и отдаются на волю чуждого по вере врага, а десятки миллионов православных людей попадают в условия великого духовного соблазна для их веры, мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и стольный град Киев, мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской, мир, отдающий наш народ и Русскую землю в тяжкую кабалу, – такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения, Церкви же Православной принесет великий урон и горе, а Отечеству неисчислимые потери.

А между тем у нас продолжается все та же распря, губящая наше Отечество. Внутренняя междоусобная война не

только не прекратилась, а ожесточается с каждым днем. Голод усиливается, и, чтобы ослабить его, грозят даже изгонять из столиц мирных жителей, не знающих, где им преклонить главу. Рабочим угрожает лишение заработка, возвращающиеся из полков воины не находят работы. Умножаются грабежи и убийства, и для борьбы с ними население часто прибегает к ужасному самосуду.

Устранит ли объявленный мир эти вопиющие к небу нестроения? Не принесет ли он еще больших скорбей и несчастий? Увы, оправдываются слова пророка: «Они говорят: мир, мир, а мира нет». Нет мира и нет радости, спутницы мира.

Святая Православная Церковь, искони помогавшая русскому народу собирать и возвеличивать государство Русское, не может оставаться равнодушной при виде его гибели и разложения.

По воле Пастыреначальника, Главы Церкви, Господа нашего Иисуса Христа, поставленные на великое и ответственное служение Первосвятителя Церкви Российской, по долгу преемника древних собирателей и строителей земли Русской, святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, мы призываемся совестью своею возвысить голос свой в эти ужасные дни и громко объявить пред всем миром, что Церковь не может благословить заключенный ныне от имени России позорный мир. Этот мир, принужденно подписанный от имени русского народа, не приведет к братскому сожительству народов. В нем нет залогов успокоения и примирения, в нем посеяны семена злобы и человеконенавистничества. В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества. Может ли примириться русский народ с своим унижением? Может ли он забыть разлученных от него по крови и вере братьев? И Православная Церковь, которая не могла бы не радоваться и не возносить благодарственного моления Господу Богу за прекращение кровопролития, не может теперь иначе, как с глубокой скорбью, взирать на эту видимость мира, который не лучше войны.

К тебе же, обольщенный, несчастный русский народ, сердце мое горит жалостию до смерти. Оскудеша очи мои в

слезах, смутится сердце мое (Иер. 2 гл., 11 ст.) при виде твоих тяжких страданий, в предчувствии еще больших скорбей. Не радоваться и торжествовать по поводу мира призываем мы вас, православные люди, а горько каяться и молиться пред Господом.

Братие! Настало время покаяния; наступили святые дни Великого поста. Очиститесь от грехов своих, опомнитесь, перестаньте смотреть друг на друга как на врагов и разделять родную страну на враждующие станы. Все мы – братья, и у всех нас одна мать – родная Русская земля, и все мы чада одного Отца Небесного, Которого молим: «Отче наш, остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим».

Пред лицом страшного свершающегося над страной нашею суда Божия соберемся все вокруг Христа и Святой Его Церкви. Будем молить Господа, чтобы смягчил Он сердца наша братолюбием и укрепил их мужеством, чтобы Сам Он даровал нам мужей разума и совета, верных велениям Божиим, которые исправили бы содеянное злое дело, возвратили отторгнутых и собрали расточенные.

Взываю ко всем вам, архипастыри, пастыри, сыны мои и дочери о Христе: спешите с проповедью покаяния, с призывом к прекращению братоубийственных распрей и раздоров, с призывом к миру, тишине, к труду, любви и единению.

Убеждайте всех усердно молиться Господу, да отвратит Он праведный гнев Свой, грех наших ради на ны движимый, да укрепит наш расслабленный дух и да восставит нас от тяжкого уныния и крайнего падения. И милосердый Господь сжалится над грешной русской землей и помилует ее ради святых угодников Божиих, наипаче же Заступницы усердной рода христианского, молитвами коих да снизойдет на вас благословение Божие. Аминь.

Тихон, Патриарх Московский
и всея России
5 (18) марта 1918 года. Москва

**Послание Святейшего Патриарха Тихона,
19 января 1918 года**

Смиренный Тихон Божию Милостию Патриарх
Московский и всея России, возлюбленным
о Господе архипастырям, пастырям и всем верным
чадам Православной Церкви Российской

Да избавит нас Господь от на-
стоящего века лукавого

(Гал. 1, 4)

Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попораны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь, при дневном свете, с неслыханною доселе дерзостью и беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности, — совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей Отчизны: и в столицах, и на отдаленных окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и пр.).

Все сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения по завету св. Апостола: *согрешающих пред всеми обличай, да и прочие страх имут* (1 Тим. 5, 20).

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной.

Властью, данною нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: *измите злаго от вас самех* (1 Кор. 5, 13).

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатные Таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению чрез расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского), или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александро-Невская и Почаевская лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это – народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа... И, наконец, власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми, и в частности – над Святою Церковью Православной.

Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на нее врагов неистовых?

Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери вашей.

Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого Апостола: *Кто ны разлучит от любви Божия? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?* (Рим. 8, 35).

А вы, братие архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедленно устраивайте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестоносца: *Созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ей.*

Тихон, Патриарх Московский
и всея России
января 19-го 1918 г.

**СВЯТИТЕЛЬ МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ
(ПАРВИЦКИЙ-НЕВСКИЙ)
(14.X.1835–16.II[1.III].1926)**

Михаил Андреевич Парвицкий-Невский родился в с. Шапкино Ковровского уезда Владимирской губернии в бедной многодетной семье пономаря Андрея Ивановича Парвицкого. В конце 1843 г. крайняя нищета вынудила семью отправиться в Сибирь (в Тобольск, затем в с. Верх-Ануйское Томской епархии). Закончил в числе лучших учеников Тобольскую духовную семинарию (1854), получив почетное прозвание «Невский», но вместо продолжения карьеры пред-

почел отправиться миссионером в глухие и дикие места Алтая. В 1855 г. Макарий поступил в состав Алтайской духовной миссии (миссионерский подвиг продолжался почти сорок лет). Образцом миссионерского служения он всегда считал основателя миссии архимандрита прп. Макария (Глухарева), подвигу которого и стремился подражать. Приняв монашество (16 марта 1861 г.), был наречен именем основателя миссии. 19 марта рукоположен во иеромонаха. Много потрудился над устройением новой православной святыни на Алтае – Благовещенского Чулышманского мужского монастыря. Чтобы сблизиться с коренными жителями, Макарий изучил алтайские языки, досконально ознакомился с местными обычаями. При участии педагога Н. И. Ильминского и крещеного инородца Чевалкова о. Макарий перевел на алтайские языки различные богослужебные труды: «Литургия Иоанна Златоуста»; «Священная история Нового Завета»; «Евангелия воскресные, утренние и праздничные» и др. Составил и издал «Алтайско-русский букварь» (1868) и «Граматику алтайского языка» (1869). Для алтайцев-мирян написал сборник собственных духовных стихов «Лепта». В 1908 г. предпринял капитальный труд перевода на алтайский язык всего Четвероевангелия. Его катехизические труды неоднократно переиздавались. 29 июля 1871 г. о. Макарий был возведен в сан игумена, с 1875 г. он – помощник начальника Алтайской миссии, с 1883 г. – начальник миссии в сане архимандрита.

Молва о миссионерской деятельности о. Макария разошлась далеко по России. Его усилиями при Алтайской миссии было открыто свыше 60 школ для инородцев, многочисленные приюты и братства, учрежден женский Телецкий монастырь. Он покровительствовал православным обществам трезвости, создал целую школу алтайских миссионеров. Еще в 80-е гг. XIX в. о миссионерских трудах о. Макария стало известно обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, а через него императору Александру III. Когда к о. Иоанну Кронштадтскому приезжали сибиряки, то он говорил им: «Что вы ко мне ездите, ведь у вас есть свой Макарий, который лучше меня мо-

литвенник». В народе Макария прозвали «апостолом Алтая» и «сибирским столпом Православия».

В 1884 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии, с 1891 г. – епископ Томский и Семипалатинский, в 1905 г. получил сан архиепископа, с 1908 г. – архиепископ Томский и Алтайский. Его деятельность вызывала ненависть в среде местных сектантов и ссыльных революционеров. Несколько раз владыку пытались убить, а 22 мая 1886 г. был подожжен архиерейский дом, сгорели ценная библиотека, архив миссии, здание Катехизаторского училища, однако епископ Макарий спасся.

В годы революционной смуты он – один из идеологов и активнейших участников черносотенного движения в Сибири, почетный председатель Томского губернского отдела СРН. 1 января 1905 г. на страницах «Томских епархиальных ведомостей» он выступил с предостережением против ломки русских государственных устоев и «обычаев доброй русской старины» в угоду новомодным западным учениям: «Ныне старые русские прекрасные обычаи изъемяются из употребления, как старая дорогая мебель выносятся из дома потому только, что она стара, не отвечает последней моде, и заменяются новомодной, хотя часто и весьма непрочной. При этом настоящее золото заменяется поддельным, прочный материал слабым. Безразборчивой переменой обычаев расшатывают устои дорогого нашего Отечества. Желаящие совершить ломку уставов, обычаев и порядков церковной, общественной и государственной жизни хотят делать это все во имя каких-то своих новых мировоззрений». Постоянный лейтмотив многих печатных и устных выступлений владыки в эти годы – идея единения всех русских людей на основе идеалов Православия, Самодержавия и Народности. Эти идеалы он неустанно проповедовал во время своих частых поездок по епархии и встреч с верующими и клиром. В октябре 1905 г. епископ Макарий напутствовал и благословил решительное выступление томских монархистов, приведшее к полному разгрому местных антигосударственных сил. Владыка оказывал моральную поддержку кандидатам от

монархических партий при выборах в Государственную думу. 19 августа 1912 г. при активном содействии архиепископа Макария в Томске состоялось открытие патриотической газеты «Томский вестник». Его статьи по различным вопросам общественной и церковной жизни неоднократно публиковали «Московские ведомости». «Освободительная печать» регулярно организовывала против «столпа сибирского черносотенства» шумные клеветнические кампании, публикуя на «мракобеса Макария» всевозможные грязные пасквилы.

Назначение 25 ноября 1912 г. архиепископа Макария митрополитом Московским и Коломенским было воспринято с радостью в монархических кругах. Одновременно он стал членом Св. Синода. С 1913 г. – почетный член С.-Петербургской духовной академии. Человек скромной жизни и суровый аскет, митрополит Макарий всеми силами пытался повернуть церковную жизнь предреволюционной Москвы в русло патриархального благочестия, постоянно встречая сильное противодействие.

После Февральского переворота 1917 г., в первый день своего назначения, революционный обер-прокурор Св. Синода В. Н. Львов в бесцеремонной форме потребовал от митрополита Макария оставить Московскую кафедру, что было совершенным беззаконием с точки зрения всех церковных канонов. За отказ подчиниться и попытку обратиться с печатным воззванием к верующим Москвы митрополит Макарий был немедленно арестован и сослан в подмосковный Николо-Угрешский монастырь. Чтобы унижить владыку, в дорогу ему дали жалкую лошадку с грязным экипажем. Так же незаконно за открытую поддержку владыки были смещены многие настоятели московских храмов. Находясь в ссылке, митрополит Макарий продолжал бороться за справедливость, рассылая мирянам, клирикам и иерархам Церкви многочисленные письма и обращения. После прихода к власти большевиков митрополит Макарий с помощью протоиерея Иоанна Восторгова пытался организовать спасение томившейся в заточении Царской семьи.

В августе 1918 г. в Николо-Угрешский монастырь нагрянули с обыском чекисты. У владыки было изъято его обращение к населению с призывом молиться за упокой души государя-императора Николая II Александровича, а также проект создания Союза Приходских Общин и «Воззвание» к народу по случаю дня памяти патриарха Гермогена, в котором народ призывался «восстать на защиту Святой Церкви от насилия большевиков». Владыку арестовали, отправив в ВЧК, но спустя некоторое время, из-за опасений массовых крестьянских волнений в защиту угрешского затворника, вынуждены были освободить. Чуть позже была предпринята попытка тайно вывезти старца из монастыря и расстрелять. Последние свои годы митрополит Макарий посвятил непрестанному молитвенному подвигу. Он скончался после свершения вечерни в празднование памяти священномученика патриарха Гермогена. Погребен у храма Казанской иконы Божией Матери в поселке Котельники.

16 апреля 1957 г., после освидетельствования комиссией Московской Патриархии, нетленные останки святителя Макария перенесены в Троице-Сергиеву Лавру в крипту Успенского собора – храм Всех святых, в земле Российской просиявших. На Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в 2000 г. митрополит Макарий был прославлен в сонме новомучеников и исповедников Российских.

Коснувшись судьбы московского митрополита, князь Н. Д. Жевахов писал: «Почивший митрополит Макарий был одним из немногих иерархов, знавших, что Господь сильнее большевиков и спасет оставшихся верными Господу и своей вере в силу Божию. И эта вера творила чудеса, пред которыми смирялись и не могли не смириться слуги дьявола. Девятилетняя борьба немощного 90-летнего старца с большевиками неизменно заканчивалась победой старца и славословием Господа, точно предрекая на опыте самого немощного телом и самого старшего годами иерарха Церкви те орудия, с помощью которых нужно было вести борьбу с сатанистами и побеждать их».

Слово в день восшествия на Престол благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича

1

Потреба повиноватися власти
не точию за гнев, но и за совесть
(Рим. 13, 5)

Повиноваться царским законам должен каждый верноподданный Царя. Царский закон повелевает молиться за Царя. Но так как нарушение этого долга не всегда преследуется, то нарушителей его является много. В царские дни наши храмы далеко не так наполняются молящимися, как бы следовало ожидать. Таким образом, здесь кажущаяся «безнаказанность» является «приманкой ко греху». Мы не без основания называем таковую безнаказанность «кажущееся», ибо только по-видимому не наказываются нарушители закона, а в действительности ни одно законопреступление не останется безнаказанным. Расстройство или болезнь одной части тела может легко переходить на другие, соседние с ней, или обнимать весь организм. Так бывает и в организме государственной жизни. Всякое правонарушение вводит расстройство, подобно болезни, в той части государственного тела, где допускается это нарушение закона. Какой же вред может быть от нарушения одного какого-либо закона? Оно лишает виновных того блага, ввиду которого установлен этот закон, или приносит тот вред, от которого предохранял закон. В настоящем случае благо, которого лишаются нарушающие закон о молитве за Царя, есть плод этой молитвы – тихое и безмятежное житие.

Кто не молится за Царя, тот нарушает не один царский, но и Божий закон, ибо Слово Божие повелевает христианам *творити молитвы и моления за царя* (1 Тим. 2, 2). Кто нарушает царский закон, тот противится власти: *противящий-*

ся власти, Божию повелению противится: *противляющиеся же себе грех примут* (Рим. 13, 2), т.е. подвергнутся суду и наказанию. Если бы даже за нарушение закона не угрожало наказание, то и тогда христианин должен исполнять его по требованию закона совести: *потреба повиноватися власти не точию за гнев, но и за совесть*. Совесть всегда стоит за познанный закон Божий¹. Пренебрежение голосом совести есть пренебрежение закона Божия.

Но что такое совесть? Откуда она? Для чего она? О чем она свидетельствует?

Совесть есть голос Божий внутри человека, блюститель правды и каратель неправды; что совесть повелевает, то и Бог повелевает; что совесть воспрещает, то и Бог воспрещает. Она есть судья неподкупный и неумолимый. Каин убил брата и всю жизнь провел *стень и трясыйся*. Иуда продал Христа и не рад был сребреникам, полученным за хриstopредательство: он *шед, удавился*. Петр отрекся от Христа и *плакася горько*. Но сила совести этим не ограничивается. Она не только обличает преступника закона, но побуждает его самого искать наказания за преступление. Многие преступники, не вынося терзаний совести, сами выдавали себя в руки правосудия, чтобы, перенеся заслуженное преступлением наказание, избавиться от мучительных преследований совести своей.

Если совесть есть столь неумытный судья; если она столько печали приносит преступнику, то зачем человек приобретает для себя такого обличителя? Зачем злодей носит в себе этого судью и свидетеля? Почему преступник, желающий избавиться от этого обличителя, отравляющего его жизнь, не может избавиться от него? Не значит ли это, что человек не сам приобрел такого судию и не по своему желанию он носит его в себе? Кто-то другой повелел этому судье обитать в нем, вопреки его желанию. Если совесть радует меня, награждает миром, когда я делаю добро; если она на-

¹ Еп. Феофан. – *Прим. авт.*

Святитель Феофан (Говоров) Затворник Вышенский (1815–1894), епископ Тамбовский и Шацкий, знаменитый богослов и проповедник.

казывает меня, когда совершаю преступление; если она преследует и мучит меня, когда остаюсь ненаказанным за грех, то не значит ли это, что существует во мне, со мной *некто иной*, отличный от меня; это – не я, совершающий добро или зло, а *иной*, судящий меня, похваляющий за добро и осуждающий за зло. Пребывание во мне или отсутствие этого *иного* зависит не от меня. Кто же дал мне этого неразлучного друга и врага моего? Не люди дали его мне; не из книг я научился отличать добро от зла; нет, этот мздовоздатель явился вместе со мной, независимо от меня. Хотя он живет во мне, но имеет свое суждение, судит по своим законам; он осуждает меня, когда я желал бы оправдать себя; он оправдывает меня, когда люди осуждают меня. Это – руководитель мой, данный мне не родителями моими, не воспитателями, но кем-то *иным*. Этот *иной*, очевидно, любит только добро и ненавидит зло. Кто этот *иной*, как не Бог правды, создавший меня по образу Своему и охраняющий образ Свой во мне чрез совесть мою, этого наставника и судию моего? Если зло осуждается совестью, если совесть есть глас Божий, то почему некоторые люди, по-видимому, не чувствуют или мало чувствуют угрызения совести при нарушении нравственного закона? Нельзя ли из этого заключить, что совесть есть нечто случайное в человеке, не составляет неотъемлемой принадлежности существа его? Действительно, у некоторых порочных людей как бы не существует совести. Но такое состояние есть ненормальное состояние: оно есть болезнь души, подобно умопомешательству. Притом это состояние временное: это нравственный сон, после которого наступает пробуждение: заснувшая совесть иногда внезапно пробуждается. Она умолкает на некоторое время, как бы для того, чтобы потом придать голосу своему большую силу. Она действует по разумным законам: если молчит, то потому, что как бы знает, что голос ее в это время не будет услышан. Она ожидает благоприятного времени, когда преступник может услышать ее голос. Так, иногда она подходит к нему во время болезни его или несчастья; иногда пользуется обстоятельствами, напо-

минающими время преступления, встречей с людьми, совершившими подобные преступления. Тогда она воспроизводит в памяти преступника совершенное им преступление, жжет его своими упреками. Но с особенною силою совесть восстанет на грешника в день смерти его!

Если такова сила совести здесь, когда человек может заглушить голос ее, отвлекая свое внимание от упреков ее разными способами, то что будет после смерти, когда грешник потеряет возможность укрыться от себя, от своей совести! О, угрызения ее будут столь ужасны, нестерпимы, сколь нестерпимо будет угрызение червей, которым будет предано тело его.

Если совесть говорит нам, что нечестие должно быть наказано, а добродетель награждена, а между тем мы здесь на земле не всегда видим исполнение этого требования закона совести, то не следует ли отсюда заключить, что учение о праведном воздаянии и праведникам, и грешникам не имеет для себя достаточных оснований?

Учение здоровой науки говорит нам, что в мире нет ничего такого, что существовало бы напрасно, без цели, без надобности. Если телу нашему дано ощущение боли, холода, утомления, то это для того, чтобы мы охраняли тело свое от всего этого, могущего действовать на него разрушительно. Если дан нам внутренний голос, одобряющий доброе и осуждающий злое, то это, конечно, для того, чтобы мы избирали первое и отвергали последнее. Если нам дано чувство правды, требующее наказания за преступление и награды за добродетель, то это свидетельствует, что это чувство не должно остаться неудовлетворенным: преступление должно быть наказано, а добродетель — получить награду. Между тем мы видим, что здесь, на земле, закон правды не всегда удовлетворяется; добродетель не всегда награждается, порок не всегда наказывается. Если бы это навсегда осталось так, то можно было бы подумать, что чувство правды, присущее всему человечеству, дано людям бездельно. А этого никак нельзя допустить, потому что, как сказано выше, в мире нет ничего бесцельного. Значит, чувство

правды непременно будет когда-либо удовлетворено. А так как оно здесь, на земле, не всегда удовлетворяется, то, значит, еще будет время, когда последует такое удовлетворение. Следовательно, смертию существование человека не оканчивается: будет посмертная развязка того, что началось, но не кончилось на земле, – праведное воздаяние: праведнику по правде его, грешнику по делам его. Если несомненно – есть Бог, то несомненно и то, что Он правосуден; неправосудный Бог не есть Бог; а если Бог правосуден, то Он непременно воздаст каждому по делам его. Если мы не видим такого воздаяния здесь, на земле, то непременно оно должно быть там, за гробом: Лазарь восприимет за терпение благая, а богатый – за жестокосердие злая.

Итак, совесть есть голос Божий, указывающий нам нравственный закон, одобряющий за исполнение его и обличающий нарушителей его и тем предохраняющий от будущего Страшного суда и наказаний за преступление. Пренебрегать голосом совести – значит пренебрегать своим счастьем здесь, на земле, которым награждает человека спокойная совесть, и готовить себе то неизбежное наказание, которое ожидает в будущей жизни всех, остающихся здесь ненаказанными за грех и неудовлетворившими правде Божией покаянием и теми средствами, какие дарованы людям, по милосердию Божию, для очищения грехов.

Братие, будем хранить совесть свою: нет лучшего покоя, как покой совести; нет большего мучения, как мучение совести.

Будем во всем поступать по совести; будем и повиноваться царским велениям не только за гнев, но и за совесть. Будем молиться за Царя и получим праведное мздовоздаяние за нашу молитву: тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте.

21 октября 1901 г.

2

Мы, россияне, переживаем смутное время. Бывали на Руси смутные времена, но тогда было не то, что теперь. Тогда

все были за Бога, все желали знать, что Ему угодно. А теперь – не то. Тогда все были за Помазанника Божия и тужили, когда на время не стало Царя на русской земле. Теперь опять не то. Теперь слышатся голоса хульные на Бога и замыслы против Помазанника Его. Расторгнем узы их, – говорят ныне некоторые, – и сбросим с себя иго их! Расторгнем узы власти и сбросим иго Церкви, иго Христа, – слышатся гласы на стогах градов! Тогда молился народ: Господи, спаси Царя! Или: Господи, дай нам Царя! И дал им Господь тогда Тишайшего Царя¹. Теперь не то, – говорят некоторые, не того они хотят. В подпольных писаниях своих, разбрасываемых по земле, они, как вестники ада, жаждут разрушения, беспорядка, безначалия; они замышляют разрушение храмов и обителей, расхищение церковного достояния, разграбление имуществ богатых и обещают разделить таковое босоногим, пропившимся, изленившимся, изворовавшимся. Их желание – все перевернуть: чтобы голова стала внизу, а ноги вверх; чтобы честный человек ожидал милости из рук босяка, которого обещают сделать раздаятелем разграбленного, пока не расточится все и не настанет общая беднота.

Такое извращение порядка для людей беспорядка даже не кажется неестественным, потому что у них все, по-видимому, извратилось: они и зло называют добром, порок – добродетелью, ложь – истиною, и безумие – высшею мудростью. Они так далеко зашли в своих мечтаниях, что как бы разучились уже и рассуждать здраво. Это – нравственно больные и душевно расстроенные, которые, по обычаю, не признают себя таковыми.

Какого исхода можно ожидать из всего этого? Мы, человеки, не ведаем этого; сие ведает Тот, Кто времена и лета содержит в Своей власти. Знаем только, что борьба добра и зла будет на земле до конца мира, что эта борьба усилится к концу, пред пришествием Господним. Ибо прежде сего пришествия имеет прийти на землю отец лжи: горе живущим на земле и на море,

¹ Первым царем династии Романовых был Михаил Федорович, избранный на престол Земским собором по окончании смуты в 1613 г. Имя Тишайшего же традиционно присваивается его сыну, царю Алексею Михайловичу.

ибо сниде к вам диавол, — сказано в книге откровений будущих судеб земли (Ап. 12, 12). Знаем также, что в конце концов добро восторжествует над злом.

Церковь Христова, как хранительница истины, редко наслаждалась миром, но больше вела брань за истину. Она и всегда будет борима, но останется неодолимой. Придет время, когда она из состояния воинствующей перейдет в состояние торжествующей, и никогда врата ада не одолеют ее.

Здесь, на земле, она, Церковь, есть охранительница власти, от Бога учрежденной, и сама охраняется богоучрежденной властью. В этом союзе Церкви и власти заключается сила их. Когда разорван будет этот союз, когда у Церкви отнята будет союзница ее — власть, или когда власть потеряет союз с Церковью, тогда явится возможность временного торжества зла над добром, тьмы над светом. Но это будет ненадолго, ибо после этого имеет быть конец всего. Это будет время, когда явится беззаконник, которого пришествие будет по действию сатаны, со всяким несправедливым обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. Это — тот беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих (2 Сол. 2, 8). После этого настанет торжество и слава Церкви; это состояние Церкви в Откровении изображается под именем брака Агнца, когда Церковь, как невеста, явится во всем своем благолепии (Апок. 19, 7–9).

Мы не знаем, какое значение имеет настоящая брань представителей смуты, лжи и нечестия с Церковью, как носительницей мира, истины и святости. А также никто верно не может предсказать, чем должна кончиться эта борьба людей смуты и беспорядка с богоучрежденной властью, как покровительницей мира и порядка. Считать ли это началом последней борьбы зла с добром, или же думать, что это смутное время имеет значение временное, местное и кончится тем же, чем оканчивалось прежнее смутное время на Руси, т.е. большим и большим распространением на Русской земле добра, правды и ведения, общественного благоустройства, всеобщего довольства, высшего развития всех отраслей го-

сударственной жизни и теснейшего единения государства с Церковью? Кто даст ответ на этот вопрос? Правда, этот ответ дан уже, но он хранится в Книге судеб Сидящего на Престоле, запечатанной семью печатами. И, как сказано, никто не снимет этих печатей, кроме Льва от колена Иудова, Который в то же время есть и Агнец, Искупитель, в руках Которого судьбы мира и Церкви.

Во всяком случае, любители добра, истинные сыны Церкви, верноподданные богоизбранного и боговенчанного Царя-помазанника должны делать все, что требует от них долг, долг их, как христиан, как сынов Церкви, как верноподданных своего Царя. А этот долг их обязывает: Бога бояться, Церкви повиноваться, Царя чтить, с мятежниками не сообщаться и быть готовыми за веру, Царя и Святую Родину душу свою положить.

21 октября 1903 г.

3

Князи не суть боязнь добрым делом, но злым. Хощеши ли не бояться власти? Благое твори и имети будеши похвалу от него

(Рим. 13, 3)

Смысл этих слов таков: начальствующие страшны не тем, кто творит добрые дела, но страшны для делающих злое. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, подчиняйся закону и не только не потерпишь какой-либо неприятности от власти, но получишь похвалу от нее.

Не того желает некая часть нашего общества; не к тому направляются мысли молодого поколения нашего времени. Говоря о молодом поколении, мы разумеем ту молодость, которая кипит страстями, шумит, бурлит, как водопад, катится бурной волной, грозя смыть, разрушить все попадающееся ей на пути – все могущее остановить ее.

Эта волнующаяся часть общества, эта волнуемая молодость хотят, чтобы устранено было все то, что может препятствовать их разрушительному стремлению, их порывам куда-то вперед, к какому-то приволью; они хотят, чтобы для них перестала существовать власть, сдерживающая и обуздывающая; чтобы существующая власть была бы как не существующею. Эта молодость хочет свободы. Она желает свободы мысли, хотя бы то самой неразумной и, как мечты, несбыточной; свободы чувства, хотя бы то самого низменного; свободы действий, хотя бы то разнузданных, разрушительных, губительных для нее же самой и окружающих ее.

Этот мутящийся род людей хочет таковой свободы действий только для себя, а не для других. Кто не разделяет убеждений их, тех они готовы принудить к единомыслию с собой путем насилия. Кто препятствует им приводить в исполнение их злые намерения, против тех они готовы измышлять кровавые и разрушительные замыслы.

В своих замыслах и затеях, доходя до потери здравомыслия, они свое неразумие признают высшим разумением. Разубедить их столь же трудно, сколько трудно убедить безумного, что он безумствует.

Какие последствия неразумных замыслов и начинаний этих достойных сожаления людей, несомненно имеющих за собою более опытных и коварных руководителей? – Последствия очень печальные.

Прежде всего, это поведение такого рода людей губительно для них самих, ибо оно преступно; а преступление ведет к наказанию преступника; оно вредно для общества, ибо приносит много беспокойства мирным гражданам, вследствие чего преступники бывают лишены свободы или поставляются под особенный надзор. Таким образом, преступление ложится тяготою на все общество, среди которого оно появляется.

Поведение такого рода людей заразительно действует и на здоровых членов общества, а особенно на молодое поколение.

Не в этом ли заключается причина тех волнений, какие так часто стали повторяться то среди учащейся молодежи на-

ших городов, то среди чернорабочих, также незрелых, если не всегда возрастом, то своим разумом.

Такого рода волнения хотя существенного вреда государству и не приносят, так как имеют пока местное значение, но по характеру и последствиям своим они справедливо могут быть уподобляемы той злокачественной болезни, которая именуется раком и которая, появляясь на здоровом организме сперва в малом виде, имеет свойство распространяться на ближние здоровые части его. Если не будет обращено своевременно на нее внимание, если зараженное место не будет удалено из организма посредством так называемой операции, то, постепенно увеличиваясь и заражая ближайшие части организма, эта болезнь может перейти на благороднейшие и важнейшие органы тела; а это приведет к разрушению всего организма. Да сохранит Господь от такого последствия наше общественное тело, наш государственный организм.

Что же делать? – Нужно бороться с этой нравственной болезнью общества. Но что же может сделать каждый из нас? – Каждый должен делать то, что велит ему его долг и совесть. Если бы мы пожелали вести себя в отношении к волнующемуся поколению, как христиане, руководясь советами, данными богоносными и богодухновенными нашими наставниками, а паче всего – учением нашего Божественного Наставника, то вот смысл преподанного ими учения о том, как должно вести себя в отношении к разномыслящим.

Не нужно иметь с провозвестниками и последователями лживых учений такого общения, из которого они могли бы заключить о нашем сочувствии к ним. Оставьте их, – говорит Господь ученикам о заблуждавших умом и сердцем книжниках и фарисеях: *оставьте их, они вожди слепые слепых; а если слепой ведет слепого, то упадут оба в яму* (Мф. 15, 14).

Святые апостолы дают совет христианам не иметь никакого общения с теми, кто, именуясь братом, остается нераскайанным грешником (1 Кор. 5, 11). *Извержите развращенного из среды вас*, – говорят они (5, 13).

Не потому ли среди нашего общества зло разрастается, захватывая более и более здоровые места общественного организма, развращая более и более молодое поколение, что мы относимся к развратителям очень снисходительно: входим в общение с ними, подаем им руку дружбы, ласково приветствуем их, иногда встречая на наш привет их угрюмый вид, нарушение в отношении к нам даже простого закона приличия; мы разделяем с ними наш хлеб-соль, устраиваем ради них различного рода развлечения; мы принимаем их в наши общественные собрания, а они здесь же поднимают знамя недовольства существующим порядком, оскорбляя этим всех людей порядка и законности; возвышают вопли порицания того, что для нас священно и чего не должны даже слышать ни мы, ни дети наши, здесь около нас находящиеся.

Не служит ли таковое поведение наше в отношении к современной нам мутящейся молодости поощрением для нее к большей смелости, а для людей порядка, преданных Церкви и государству, — соблазном и поводом к справедливому ропоту ко всем, кто своим молчанием или признаками некоего внимания входит как бы в некоторое общение или соприкосновение к этому роду людей, и в то же время дает повод простым душам порицать все то, что составляет принадлежность так называемого образованного слоя общества.

Но, предлагая совет не входить в общение с теми, кто не хочет мыслить, как мыслим мы, как мыслит коренной русский народ, не явимся ли мы — проповедники Евангельского мира — в то же время и проповедниками вражды, которая ведет к разделению, а разделение — к разрушению? Таким образом, мы сами не являемся ли виновниками расстройств и разрушения?

Отнюдь нет. Если свет можно назвать врагом тьмы, если добро есть отрицание зла, то и разрыв общения людей порядка с друзьями беспорядка можно, пожалуй, назвать и враждой...

Но такая вражда была бы лучше дружбы, подобно тому, как и дружба иногда бывает хуже вражды.

Не вражду мы проповедуем: но совет даем, по нашему крайнему разумению, как спасти погибающих, вразумлять не-

разумных. Если враждующие против существующего порядка желают находиться в общении с людьми порядка, именоваться их братьями и согражданами, то они не должны вносить в среду их, в среду народной семьи, своего разномыслия.

Кто желает держаться особых взглядов в отношении к тому, что составляет основу нашей государственной жизни; кто не желает стоять под знаменем Православия, Самодержавия и русской Народности, тот не имеет права именоваться русским; он не брат, не соотечественник русских людей; он – иноземец, только говорящий по-русски и живущий на русской земле. Не нравится ему порядок нашей родной русской страны, пусть идет туда, где ему нравится.

Не русский душой, он никогда не будет своим для истинно русских людей. Кто дружится со врагом семьи, тот и сам враг семьи; кто подает руку дружбы носителю смуты – семейной, общественной или государственной, тот и пособник смуты. Это такие простые истины, которые не нуждаются в доказательствах.

Но предлагаемый нами совет может служить действительной мерою только в отношении к распространителям зла. Он заключает в себе временную меру, могущую только отчасти ослабить зло, не дать ему сильно обнаружить себя. Но он не исторгнет зла в самом корне его и не предупредит возникновения зла. Можно разномыслящих заставить молчать, скрывать свое разномыслие; но невозможно этой мерой устранить зло оттуда, где находятся корни его, – в уме и сердце разномыслящих. Но кто способен проникнуть в эти тайники существа человеческого? Кто способен дать надлежащее направление мыслям, наклонностям и воле человека? Все это составляет высшую область человеческого существа – область духа. А это такая область, в которую может проникнуть только высший, Божественный Дух, действующий на дух человека, как спасительная благодать. Но чтобы эта благодать начала действовать в человеке, нужно поставить его под влияние этой благодати, и чтобы человек добровольно подчинился действию ее.

А этого можно достигнуть только посредством воспитания. Итак, дело коренного исправления человека, дело преобразования распространяемых смутных настроений сводится к делу воспитания. Оно должно начаться в семье с самого младенчества, продолжаться в детстве, сопровождать юность. Притом не всякое воспитание заключает в себе силу направить сердце и волю к добру, а только христианское воспитание, под осенением благодати, подаваемой через Святые Таинства. Это воспитание, начинаемое в семье, должно перейти в школу; перешедшее в начальную школу должно продолжаться в средней и не должно оставлять высшую школу.

Говорить обстоятельно о тех способах воспитания, которые должны быть употребляемы в семье и школе – низшей и высшей, не входит в задачу настоящего нашего слова. Мы ограничимся изложением только самого главного, составляющего сущность истинного, благотворного воспитания.

Мудрец израильский выразил сущность этого воспитания в следующем изречении: *«Бога бойся и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека»* (Екл. 12, 12). Таким образом, в основу воспитания должен быть положен страх Божий и хранение заповедей Его. Каких заповедей? Прежде всего заповедей десятизакония, сокращенных в две евангельские заповеди о любви: любви к Богу и любви к ближнему.

Кто Бога боится, тот будет и греха беречься. Кто Бога боится, тот будет и родителей чтить. Кто Бога боится, тот будет и Царя чтить, и властям повиноваться, как от Бога поставленным.

Заклучим наше слово изречениями мудрых и богодухновенных учителей: бойся, сын мой, Господа и Царя, и с мятежниками не сообщайся (Пр. 24, 21). Ибо что общего у света со тьмой? Какое согласие между Христом и Велиаром (2 Кор. 6, 15), между сынами света и исчадиями ада? – Хочешь ли не бояться власти? Делай добро; ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых (Рим. 13, 3).

21 октября 1904 г.

**Слово в день коронования благочестивейшего
Государя-императора Николая Александровича**

Всяка душа влаstem преде-
ржащим да повинуется: несть бо
власть аще не от Бога; сущие же
власти от Бога учинены суть

(Рим. 13, 1)

Откуда власть на земле? – Оттуда же, откуда и на небе, где легионы ангелов творят волю Владыки вселенной. У небожителей есть и власти, и престолы, и начала, и архангелы, начальствующие над ангелами.

Но скажут: это – царство духов, для нас невидимое, и потому указание на существующей порядок бытия их для нас может быть и неубедительным. В таком случае обратим взоры наши на видимое небо. И там *иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе* (1 Кор. 15, 41). Значит, нет равенства. Там есть великое светило, владычествующее над другими, водящее их за собой. Есть и малые планеты, вращающиеся около больших. Не тот же ли строй и порядок подчинения существует и на земле? Что такое царство ископаемое, царство растительное, царство животное? Что это, как не подчинение миллионов отдельных частей одному общему закону и чрез то – сочетание их в одно целое, где одно от другого происходит, одно другим поддерживается, одно от другого зависит? Кто дал власть этому пелу над подобными ему птицами, различающимися от него только меньшей силой, меньшим ростом и меньшим убранством перьев? Кто сочетал во единое стройное царство этот рой пчел, подчиняющихся одной старейшей – матери пчел? Кто сочетал в одно общество этих маленьких насекомых, готовых расстроиться и разлететься тотчас, как только узнают они о потере царь-пчелы? Взгляните на эти стада животных и стаи птиц, и увидите, что и там везде существует закон под-

чинения, закон, объединяющий отдельные особи в семейства, группы и целые царства. И над всем этим поставлен один царь, наделенный силами и способностями, чтобы все подчинять себе, над всем царствовать. Этот царь есть нравственно свободное и разумное существо – человек. Все ему подчинено изначально, как повествует о том одна из древнейших и священных книг человечества. По преимуществу пред всеми созданиями он увенчан славою и честью, и *все покорено под ноги его: овцы и волы все, еще же и скот полевой, птицы небесные и рыбы морские* (Пс. 8, 7, 9). Он ли один, этот царь всей земли – человек, останется вне порядка и вне подчинения, составляющих один из первых законов бытия? С тех пор, как стало помнить себя человечество, оно не знает времени и места, когда и где не было бы власти и подчинения.

Кто же установил эту власть на земле? Тот же, Кто установил ее на небе, Кто создал царство растений, царство животных. Везде власть и подвластные, везде власть и подчинение ей. Всякая власть от Бога: *неть власть, аще не от Бога: сущие же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13, 1). Итак, противление власти есть противление мировому порядку, противление Первовиновнику всякого порядка: *противляйся власти, Божию повелению противляется* (ст. 2).

Как же это так: неужели Бог поставляет всех начальников, даже и злых? Ужели от Бога были нероны, калигулы, тираны человечества, похитители власти, от которых стонали народы? Не то говорю я, – отвечает Апостол, по изъяснению Златоуста. У меня теперь идет речь не о каждом начальнике в особенности, но о самом начальстве: что есть начальства, что одни начальствуют, другие подчинены им, и что нет того неустройства, чтобы происходило что-нибудь кое-как и без порядка, чтобы народы носились туда и сюда подобно волнам, – все сие я называю делом премудрости Божией. Посему Апостол не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен от Бога, но, рассуждая вообще о начальстве, говорил: *неть бо власть, аще не от Бога: сущие же власти от Бога учинены суть*. Поелику равенство доводит до ссоры, то

Бог установил многие виды начальства и подчинения, как-то: между мужем и женою, между сыном и отцом, между старцем и юношей, между начальником и подчиненным, между учителем и учеником. И дивиться ли такому благоустройству между людьми, когда то же самое учредил Бог в теле? Ибо Он так устроил, что не все члены имеют равное достоинство, но один выше, другой важнее, и одни управляют, другие наносятся под управлением¹.

Итак, начальство, как учреждение, установлено Богом. Но не всякий начальник поставляется Им, хотя и не без Его Божественного Промысла. Добрых Он поставляет для блага народа избранного, богопреданного; а злых начальников попускает начальствовать в наказание народа, отступающего от повелений Господних, или же для особенных нравственных целей.

Бывает иногда, что честолубцы захватывают власть и злоупотребляют ею. И это не без промысла Божия. Здесь, с одной стороны, предоставляется действовать закону свободы, Богом же установленному, с другой – через злого начальника наказуются злые подчиненные его, а добрым предоставляется случай для подвига терпения, смирения и преуспевания в нравственном совершенстве, чтобы за это удостоиться им больших воздаяний на небесах. Но в то же время, разрушая замыслы злых, восстающих на Господа и Помазанника Его, Божественный Промысл ясно дает знать живущим на земле, что *Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его кому хочет* (Дан. 4, 14).

Возможен вопрос: иногда и сами носители законной власти злоупотребляют своим правом и чрез то причиняют немало зла и огорчения подчиненным своим; неужели и это от Бога?

Справедливо: люди – везде люди. Везде возможны злоупотребления. Но то зло, которое вытекает из злоупотребления властью, с избытком искупается тем благом, которое приносит народам, обществам и отдельным лицам богоучрежденная власть. Уничтожьте власть, и произойдет неисчислимо больше зла, чем сколько может принести злоупотребление властью.

¹ Златоуст по Феофану. Толков. Посл. к римл. Гл. 13, ст. 1. – *Прим. авт.*

Не будь власти, не будет порядка; не будь порядка, произойдет смятение, расстройство везде: в государственной, в общественной и семейной жизни. Произойдут ссоры, брани, разделения, грабежи и убийства, захват чужой собственности, и не будет ниоткуда защиты. Откажись законная власть от своих прав, на ее место станет власть незаконная. Полного безначалия быть не может. Не будь законной власти, будет начальствовать тот, кто сильнее, кто наглее, кто хитрее других. Даже и там, где попираются все нравственные законы, существование власти признается необходимым: и у шайки разбойников есть атаманы, и у крамолы есть распорядительные комитеты и исполнительные власти; даже и в аду есть власть. Если же и в царстве беспорядка необходима власть, то не тем ли более она нужна среди святых, у людей чести и порядка? Немного нужно здравого смысла, чтобы понять, что власть необходима прежде всего для защиты прав, свободы и имущества граждан. Не будь этой законной защиты со стороны власти, каждому гражданину пришлось бы самому защищать себя. Отсюда произошли бы междоусобная брань и разделения. *А всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, не устоит* (Лк. 11, 17). Необходимость власти для страны сознает и сам народ, и когда нет у него начальствующего, то выбирает такового из среды своей или призывает властителя из другой страны. «Земли у нас много, но порядка в ней нет, – говорили русские послы варяжским князьям, – придите и княжите над нами».

Служение власти не ограничивается одной борьбой ее со злом. Власть есть пособница, покровительница и насадительница добра. Люди, вследствие повреждения своей природы грехом, склонны предаваться крайней беспечности как в отношении к своему умственному и нравственному развитию, так и о благоустроении своего общественного и хозяйственного быта. И самая семейная жизнь иногда требует постороннего властного вмешательства. Это особенно нужно при ненормальном отношении главы семейства к членам семьи или при непримиримом разладе между супругами. Такая

беспечность членов общества в отношении к самим себе и ненормальность отношений членов семьи служат источником разного рода заблуждений, пороков, бедности, нищеты и нестроений. А когда страдает один член, страдает и все тело. Благопопечительное правительство тщится устранить зло из среды подвластного ему народа. Оно возбуждает беспечных от умственной дремоты, заботясь о просвещении народа чрез открытие разного рода учебных заведений. Оно ведет борьбу с пороками, наказывая злых, ободряя и награждая добрых. Оно заботится о благоустроении общественного и домашнего быта подчиненных, поощряя торговлю, промышленность, земледелие, искусства и ремесла. Правительство заботится об охране свободы каждого гражданина и безопасности как отдельных лиц, так и всего народа. Оно для этой цели содержит целые учреждения охранителей общественного порядка. Оно всегда имеет наготове обученные полки воинов для отражения внешних врагов, посягающих на целостность страны, и для охранения веры и власти.

Но не скажет ли кто-либо: положим, что власть необходима. Но всякая ли власть хороша? Не лучше ли иногда заменить одну власть другою? – Всякая власть, как блюстительница порядка, сама по себе добра. Но не всякая власть для всех народов одинаково пригодна. Для каждой страны лучшая власть та, к которой привык народ. Благо народов зависит не столько от того или другого образа правления, сколько от воспитания народа в повиновении власти и от развития в нем уважения к закону. Конечно, наилучшая власть та, которая более готова и способна исполнять свое назначение. Власть должна обладать силою для защиты страны от внешних врагов и для соблюдения внутреннего порядка. Она должна творить суд и милость. Таким образом, власть должна быть сильною, мудрою, справедливою и милостивою. Кто не увидит из этого, что власть есть представительница Бога Всемогущего, Премудрого, Праведного и Милостивого? – Один Бог на небе и один Царь на земле, как на теле одна голова. Так думал и говорил искони русский народ. Понятно, почему Царская власть есть наилуч-

шая представительница Божественной власти. Это нужно сказать по преимуществу в отношении к нашему Отечеству.

Если обратимся к свидетельству истории, то найдем там, что Царская власть почти всегда находила для себя опору в религии, и в то же время она сама являлась охранительницей религии. В частности, на долю монархического самодержавия выпадал счастливый жребий сделать христианство господствующей религией, а православие – господствующим исповеданием в стране. В лице императора Константина Великого монархическому самодержавию дана честь освободить христианство от трехвековых гонений на него со стороны язычества и даровать мир Церкви. А в лице Великого князя Владимира единое державие даровало темной языческой Руси свет православного христианства, а с христианством пришел и свет науки. Но вслед за тем междоусобица удельных русских князей дала памятный урок, сколько губительно бывает многовластие без верховной, объединяющей власти. Многовластие князей ввергло Русь в бесчисленные бедствия, возложило на нее монгольское иго и задержало рост России на двести лет. Единодержавию и самодержавию принадлежит честь собирания Руси во единое целое. Грозен был Иоанн, первый Царь всея Руси, но он крепко держал бразды правления, преградивши всякий путь крамоле. Он допустил зло, но спас Русь от зла злейшего. После самодержавия и единое державие первого Императора-преобразователя Россия пошла вперед широкими и быстрыми шагами. Не единое державие ли поставило ее в ряд первейших государств всей земли, расширив пределы ее от Днепра до Амура и сделавши границами ее моря и океаны?

Неисчислимо много добра принесено на Русь православием и единое державием. Будем дорожить этими источниками добра. Будем хранить эти сокровища. Ведь от добра добра не ищут.

Подведем итог сказанного. Власть есть мировой закон. Она – установление Божественное. Попытка низвергнуть власть была бы безумною попыткой вступить в борьбу с неизменным законом бытия. Противление власти есть против-

ление Богу. Власть есть противница зла и поборница добра. Стремление к уничтожению власти есть желание воцарить зло и поработить злу добро. Для России наилучший вид власти есть испокон веков единодержавие и самодержавие, живущие нераздельно с православием. Этот вид власти осчастливил Россию, возвеличил ее.

Россияне! Будем всеми силами хранить это сокровище. Прочь от нас крамола, прочь вражда и злоба! Православие, самодержавие и единодержавие – вот наше знамя, которого никому не отдадим, Богу нам содействующу.

14 мая 1902 года.

**Беседа приготовительная, пред днями
празднования рождения или тезоименитства
августейших особ Императорского дома**

Творите молитвы, моления,
прошения, благодарения за вся
человеки, за Царя и за всех, иже
во власти суть

(1 Тим. 2, 12)

Таков закон Божий о молитве за Царя. И царский закон повелевает всем верноподданным чтить высокаторжественно дни рождения и тезоименитства Царя и ближайших к Престолу членов Царской семьи. Освобождая должностных лиц от служебных занятий, закон повелевает им быть в эти дни в храме, чтобы участвовать в общей молитве. А Святая Церковь праздничным звоном колоколов созывает в царские дни всех верных чад своих в храмы для молитвы о Царе. Несмотря на это, многие из православных христиан не приходят в церковь в эти дни, назначенные для молитвы за Царя и членов Его царственной семьи, не приходят в эти дни те, кто особенно обязан исполнять верноподданныческий долг по своему служебному

и общественному положению; не бывает в храмах тогда многих и из тех, по-видимому, благочестивых христиан, которые любят посещать богослужения в воскресные дни и церковные праздники. Таким образом, этими христианами нарушается и Божий, и царский закон. И приходящих в царские дни на молитву можно разделить на два разряда. Одни приходят к началу богослужения, другие – только к концу. Первые исполняют, таким образом, Божию заповедь и царский закон, вторые только царский закон, и притом последние – не все и не во всей полноте его. Если бы можно было спросить кого-либо из этого разряда людей о причине столь важного опущения ими верно-подданнической обязанности, то едва ли бы кто дерзнул сказать, что потому не приходим в эти дни в храм, что не желаем молиться за Царя и за членов семьи Его. В великом русском народе такого рода людей, как уродов в семье, немного. Но некоторые, вероятно, постарались бы извинить свое отсутствие в храме в эти дни разными причинами, более или менее благовидными; и многие, между прочим, тем, что они не знали, что в дни рождений и тезоименитства царственных особ все верноподданные Царя непременно должны приходить в церковь на молитву. Таким образом, оказалось бы, что одни не приходят в эти дни молиться за Царя по обычной беспечности, другие, быть может, по немощи или другим благовидным причинам, а иные по незнанию. На нас, пастырях Церкви, лежит долг учить верных всему, что они должны знать относительно правой веры и доброй жизни, возвещать о всем, что заповедал Господь. Какую же заповедь дал Господь относительно царской власти? *«Воздадите кесарева кесареви»*, – сказал Он вопрошавшим у Него, должно ли давать дань кесарю. А через святых апостолов Он повелел совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за Царя и за всех начальствующих (1 Тим. 2, 2). В псалмах Давидовых есть много молитв за Царя; так, в одном месте говорится: *Господи, спаси Царя*; в другом: *возвыси рог помазанника Твоего*.

Это относится к Царям благочестивым. А вот чрез пророков Бог дает повеление молиться за Царя нечестивого. Мо-

литесь за житие Навуходоносора, Царя Вавилонского, и за житие Валтасара сына его: ибо в мире их будет и вам мир. (Варух. 1, 11, Иер. 29, 7). Так пишется в пророческих книгах Иеремии и Варуха. Царь Вавилонский был нечестивый Царь, т.е. истинного Бога он не знал; однако же и за него Господь повелел молиться. Если дается заповедь молиться за нечестивого, то не тем ли нужнее молиться за благочестивого, каковы наши благочестивейшие Цари? Значит, кто не молится за Царя, тот нарушает и заповедь Божию, и царское повеление, грешит против Бога и против Царя. Грешит таковой и против своего Отечества. Объясним – почему. Благополучие или неблагополучие страны зависит от благополучия или неблагополучия Царя. Если на Царе почивает Божие благословение, то это благословение переходит и на народ его. Если Царь лишается Божия благословения, то и страна претерпевает разного рода несчастья, как последствия гнева Божия. Царь для государства то же, что корень для дерева: цел корень, цело и дерево; здоровы корни, здоровы и ветви. Что ветви на дереве, то семьи в народе, из которых составляется государство; что корень с его отраслями у дерева, то Царь со своей семьей. Всякое семейство принадлежит государству, подобно тому, как и каждая ветвь принадлежит дереву, на котором растет; каждый отдельный человек принадлежит своей семье, как отпрыск или лист принадлежит своей ветви. Каждый должен заботиться не о своей только целостности, а о целостности всего государственного дерева, наипаче же корней его – царственного рода. Что было бы с тем деревом, если бы кто, заботясь только о своей ветви, плодами которой он питается, стал бы поливать только ее и всячески охранять ее, но пренебрег бы заботою о корнях, говоря себе: «Что мне за нужда до корней? Была бы цела и здорова ветвь, которая дает мне питание», – стали бы сохнуть корни, засохли бы постепенно и ветви. Подобное сему могло бы случиться и с государственным деревом, если бы каждая семья, каждый член семьи стали заботиться только о своем благополучии, но пренебрегли бы заботой о хранении корней этого дерева – Царя и царственной семьи. Молитва подданных о своем Царе

есть та благодатная влага, которая поддерживает и сохраняет жизнь и благополучие Царей и народов, низводя на них Божие благословение. Посему кто не молится о Царе православном, русском, тот не русский православный человек, тот не слуга верноподданный Царя, тот не сын Отечества, а пришелец: он только живет в Русской земле, как живут иностранцы, но не имеет права именоваться русским и пользоваться правами сына Отечества. Нужно ли говорить и о том, что пренебрегающий молитвой за Царя причиняет вред и самому себе? Вредит прежде всего тем, что грешит неисполнением заповеди Божией, повелевающей молиться за Царя; вредит тем, что служит соблазном для других – соблазнителям же изречено горе, а не радость; вредит тем, что, ослабляя силу общей молитвы, чрез которую привлекается Божие благословение на царствующий дом и на государство, он некоторым образом способствует наклонению своего Отечества и с ним своей семьи и себя самого в сторону неблагополучия.

Итак, все будем творить молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за Царя и за всех, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте.

Архипастырская беседа о хранении заветов старины

Той земле не устоять, где начнут уставы ломать

Это изречение народной мудрости дошло до нас от старых времен. В нем заключается добрый совет для всякого времени, а для нашего по преимуществу. Ломка старых обычаев сильно теперь бросается в глаза всем любителям доброй русской старины. Ныне старые русские прекрасные обычаи изъемяются из употребления, как старая дорогая мебель выносятся из дома потому только, что она стара, не отвечает последней моде, и заменяется новомодной, хотя часто и весьма непрочной. При

этом настоящее золото заменяется поддельным, прочный материал слабым. Так же поступают некоторые люди нашего времени с древними обычаями. Уставы церковные пренебрегаются; освященные временами обычаи оставляются; вводятся новые, противные церковному духу; простота и чистота нравов заменяется лоском внешних приличий, в которых иногда бывает много блеска, но мало простоты, чистоты и приличия; много красивых слов, но мало правды и искренности; храм Божий у многих заменяется театром и цирком; благоговейное чествование праздников – праздным проведением времени, ночным и дневным разгулом.

Что касается постов, то ныне не те стыдятся, кто нарушает посты, а те, кто соблюдает их. Незаконные сожителства более и более вытесняют честное супружество. Счастливые браки ныне так редки, что многие стали предпочитать законному союзу супругов внебрачное сожителство. Дети не чтут родителей. Молодое поколение отбивается от рук. А в последние дни свободомыслие и легкомыслие уже стало переходить в дерзкие речи об изменении существующего порядка государственной жизни, порядка, покоящегося на исконных устоях Православия, Самодержавия и русской Народности.

Все это не было бы весьма прискорбным, если бы так делающие сознавали, что они грешат против Бога, против веры, против совести; что этим нарушением законов Божиих и уставов церковных привлекают на себя гнев Божий и что безразборчивой переменой обычаев расшатывают устои дорогого нашего Отечества. Такое сознание, рано ли, поздно ли, могло бы привести их к раскаянию и исправлению. Но прискорбно то, что желающие совершить ломку уставов, обычаев и порядков церковной, общественной и государственной жизни хотят делать это во имя каких-то своих новых мировоззрений; они мечтают, что осчастливят сословия, племена и народы, если перестроят общества и государства на новых, ими измышленных началах. Социалист думает, что если переобразовать мир по его учению, если отобрать у богатых их имущество и разделить всем поровну, то все будут довольны и счастливы. Анархист дума-

ет, что счастье сойдет на землю тогда, когда не будет власти на земле. Последователь новоизмышленного евангелия так же мечтает, что последуй все учению его учителя – нового лже-евангелиста, и будут все счастливы. Напрасные мечты – осчастливить мир ломкою старого и введением нового порядка! Ведь не от того люди страдают, что существующие порядки таковы, а не иные; а от того, что у людей расстроены порядки внутренней их жизни. Счастье не вне человека, а внутри его: Царствие Божие внутри вас есть. Устрой каждый человек свою жизнь по законам совести и по заповедям, изложенным прежде всего в десятословии, и будешь счастлив. Научись веровать в Бога и любить Его: почитай родителей и старших, не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, не завидуй, и будешь счастлив при всяком строе общественной жизни. Не в роскоши счастье, а в умеренности и довольстве своим уголком; радость жизни не в изысканных яствах и многих переменах одежд, а в куске хлеба с миром и с покойной совестью. Наблюдения за жизнью народов прежних времен, разных стран свидетельствуют, что племена и народы счастливее живут там, где нет роскоши, где молодое поколение воспитывается в нравственных правилах, в страхе Божиим и почитании родителей; что наиболее устойчивыми оказываются те народы, которые сохраняют простоту патриархальной жизни, где дети не отделяются от родителей, но составляют одну крепкую, цельную, связанную родственными узами многочисленную семью; глава этой семьи есть как бы царь в народе: все ему повинуются и все одинаково трудятся и одинаково пользуются общим достоянием. Все члены такой семьи довольны и потому счастливы. Там почти нет самоубийств, которые так часты в наши времена, когда с умножением знаний, искусств и удобств жизни умножается и недовольство жизнью, а вместе с тем непомерно возрастает и число самоубийств. Счастливы те семейства, где молодое поколение воспитывается в страхе Божиим и повиновении родителям; счастливо то государство, которое состоит из таковых семейств. Кто почитает родителей, тот почитает и начальников. Если государство будет состоять из таковых

семейств, то это будет мирное и благополучное царство: там не будет возмущения рабочих, не будет злоумышленников; не будет и бунтовщиков.

Русское царство, по милости Божией, стоит крепко и будет стоять дотоле, пока народ будет хранить неизменно закон Божий, предания святой старины и уставы Святой Церкви; пока он, подобно предкам своим, готов будет умереть за Веру, Царя и Отечество.

Соблюдая уставы Церкви и обычаи, унаследованные от предков, русский человек должен соблюдать и внешний свой облик, которым он отличается от других народов. Главный внешний облик, отличающий один народ от другого, есть его одежда и язык. Тот народ устойчив, который неизменно хранит свои добрые обычаи, язык и одежду. Перемена одежды, погоня за модой обезличивают народ. Перемена покроя одежды разделила русский народ на части: отделила богатого от бедного, городского жителя от сельского. Городские сословия, оставивши старую русскую одежду, стали оставлять с тем вместе и старые добрые обычаи и святыя уставы. Оде-тому в иностранную одежду показалось уже неприличным стоять там, где стоит крестьянин в русской одежде: он стыдится полагать на себе крестное знамение, как следует, и как делает это русский народ по душе и по одежде; он перестал являться в церковь, оставивши соблюдение этого устава простолудину; он не хранит постов, потому что за границей нет этого обычая. Вслед за городскими сословиями ныне уже и простой народ для своей обиходной жизни стал все покупать, а в старину у него все было свое. Ныне и простые селяне, а молодое поколение в особенности, стали оставлять простоту сельской жизни, сельского труда, ища себе работы в городах, на фабриках и заводах, откуда возвращаются они неузнаваемыми; все худое городской и фабричной жизни ими усвоено и принесено домой; они и наряжены уже не в ту одежду, в какую одевались родители и предки их. Не напрасно блаженной памяти Царь-Миротворец Александр III, увидевши на одном из старшин, явившихся для представления Государю, вместо

кафтана сюртук, сказал ему: «Для чего это? Ты русский: для русского лучше и одежда русская».

Увидевши, что в зарубежных землях некоторые христиане не имеют в домах своих икон, и наши понесли вон из домов свои иконы; вместо старинных больших икон, иногда в серебропозлащенных ризах, составляющих украшение домов их, оставили в углах своих домов едва заметные лики святых. Не стали уже возжигать ни лампад пред иконами, ни свечей. Аромат ладана стал невыносим для обоняния изнеженных женщин; постный елей нестерпим для вкуса, так же как и постная пища для желудка. Иноземцы стали провозглашать свои измышления под именем открытий науки, что нет ни духа, ни души, ни Бога, стали то же говорить некоторые ученики их, наши соотечественники. Перестали быть русскими по душе и одежде, некоторые из них сказали: пойдем в народ, будем учить его тому, что мы сами узнали; скажем ему, что нет ни Бога, ни души, ни совести, что властям повиноваться нет надобности. И пошли в народ некоторые из них, называясь учителями, и стали проповедовать свое безумие в народе: ведь только безумный говорит в сердце своем: несть Бог. Стали говорить недоброе о начальстве, лгать на служителей Церкви: стали учить по-своему, не по-Божьему; стали внушать, что властям повиноваться не нужно, пастырей слушать не следует. Началось было большое развращение. Но, слава Богу, Господь не допустил распространения этого зла среди народа. Из народа многие здравомыслящие поняли, что тут делается что-то недоброе, дело ведется не по старым добрым обычаям.

И сам благочестивый Царь увидел, что дурные люди стали употреблять грамоту не на добро, что они недоброе внушают народу и стараются удалить его от Бога, от Церкви, от повиновения власти; и поведено было ставить школы ближе к храму Божию, под покров Церкви: начальное образование вверять представителям Церкви и доверенным от царской власти лицам благонадежным, чтобы дети могли учиться истинно полезному, читать и петь Божественное, любить свою Родину, молиться за Царя и христолюбивое воинство; чтобы

дети, под руководством пастырей, ходили в церковь и дома молились Богу. Школы стали открываться и по деревням; и засиял свет Божий среди темных людей, и как бы снова повеяло святой стариной. Вспомнились времена Ярослава Мудрого, когда на Руси впервые явились школы с церковной азбукой, часословом и псалтирью. Дай Бог, чтобы и вперед так было; чтобы измена и коварство не нашли себе на Руси места, где бы они могли свить себе гнездо; чтобы священные основы русской жизни – Вера православная, Царь самодержавный и Русь единая, святая, остались навеки непоколебимыми.

Добрый русский человек! Храни заветы старины и не забывай мудрого изречения, что той земле не устоять, где начнут уставы ломать, храни неизменную верность Царю, зная, что на небе Бог, а на земле Царь – Божий Помазанник.

Соблюдай уставы Церкви – матери твоей; ибо кому Церковь не мать, тому и Бог не отец, – говорит святоотеческая мудрость.

Беседа о Святой земле и Императорском православном палестинском обществе

На полуденной стороне от нас, если смотреть туда, где зимой закатывается солнце, есть страна, называемая Святой землей. Земля эта потому называется Святою, что она освящена Богом и святыми людьми. Это – та страна, в которой Сам Бог многократно являлся праведнику Аврааму и обещал отдать ее ему и его потомству. В ней жили святые пророки. Там жил царь и пророк Давид; там ходил пророк Илия. Ее освятил Своими пречистыми стопами Сам Истинный Бог и Господь наш Иисус Христос со Своими святыми апостолами. Там – град Вифлеем, где Христос родился и явились св. ангелы на небесах с пением «Слава в вышних Богу и на земли мир». Там река Иордан, где Христос крестился. Там озеро Геннисаретское, на котором Господь укротил бурю, по которому ходил пречистыми стопами, как посуху, на котором святые апосто-

лы, по слову Его, поймали много рыбы; там Он явился им по Своем Воскресении. Там – Вифания, где Христос воскресил четверодневного мертвеца Лазаря. Там – гора Фаворская, на которой Господь преобразился и воссияло лице Его, как солнце, а одежды стали белы, как снег. Там – гора Голгофа, на которой Господь был распят за наши грехи, ради нашего спасения. Там – гроб, где лежало погребенное тело Его; там Он воскрес из мертвых и явился ученикам Своим. Там – гора Елеонская, с которой вознесся Христос-Спаситель на небо. Там – Сионская горница, где пребывали апостолы, когда нисшел на них Дух Святый в виде огненных языков. Вот сколько там святых мест! Воистину, это – Святая земля!

Святая земля вначале была как бы раем Божиим: везде было обилие, она текла медом и млеком. Было на ней множество цветущих городов и сел; везде были стада, поля и виноградники. Жил на ней народ Божий, ходили по ней праведники и Сам Христос со Своими апостолами освятил ее Своим пребыванием в ней, как сказали мы об этом выше. Но теперь эта страна находится во власти неверных. Она разорена и смотрит пустырем: где были города, виноградники, там теперь развалины, мусор и камень. Народ, которому она была отдана во владение, не живет теперь на ней: он рассеян по всей земле и у всех находится в презрении. Это – евреи. Они и земля их состоят теперь под карой Божией. За что? За беззакония их; за то, что они пролили кровь пророков, праведников и, наконец, не уstraшили пролить кровь Самого Христа, Сына Божия, и заклиали себя, чтобы кровь Его взыскалась с них и детей их.

Вот и взыскивается с них эта кровь!

Вскоре после того, как изречено было осуждение на народ иудейский за пророкоубийство и Христуубийство, страшною Иудейской, иначе называемой Палестиной, овладели сперва римляне; они разорили град Иерусалим, сожгли храм его, народ иудейский был частью истреблен, а часть продан в рабство и рассеян по всему миру. Иерусалим был сделан языческим городом и уже перестал было и называться Иерусалимом. Почти чрез триста лет по Рождестве Христовом

благочестивый император святой и равноапостольный Константин восстановил Иерусалим, а мать его – Елена – обрела Крест, на котором был распят Господь наш Иисус Христос на Голгофе, и на месте воскресения Христа был построен храм, а также и на других местах, освященных пребыванием Господа, построены храмы и монастыри.

После того нападали на эту страну персы; они разорили в ней много городов и увезли в плен Животворящий Крест Господень. Но при благочестивом греческом императоре Ираклии эта святыня возвращена была и поставлена в храме иерусалимском на поклонение всему христианскому миру.

После персов нападали на страну Иудейскую арабы, посланные Магометом, а потом египтяне – тоже магометанской веры. Покоривши ее и соседние с ней бывшие христианские страны Востока, магометане стали истреблять христианские святыни, а христиан обращать в свою веру. Многие христианские города и селения стали мусульманскими по вере. После магометан, которые зовут себя мусульманами, этой Святой землей овладели латиняне. Они учредили здесь Иерусалимское королевство. По-видимому, нужно было бы радоваться, что страна попала в христианские руки. Но для туземных обитателей Иудеи и для православной веры латиняне сделали едва ли не больше зла, чем арабы; потому что от арабских мусульман во власти православных христиан оставалось еще много святынь: монастырей, церквей и св. мощей; а латинские христиане все это стали увозить к себе и православных совращать в свою неправую веру. Недолго и латиняне владели Святой землей: у латинян отняли власть в этой земле опять мусульмане. После всех овладели землей турки. Они так же, как и арабы, стали совращать христиан в магометанство: одних они обольщали обещаниями льгот, других совращали угрозами, притеснениями и обманами. И тогда был великий соблазн для христиан и для Святой Церкви Православной великий ущерб. Оставшиеся верными православные терпели великую скорбь и притеснения.

Греческое духовенство, не понимая языка туземных христиан – арабов и сирийцев, не могло учить и утверждать их в

вере, а иногда совсем оставляло свою паству, проживая вдали от нее. И стали совращаться православные жители Святой земли то в магометанскую веру, то переходить в римский костел или принимать неправое вероисповедание немцев и других народов неправославных. Тяжело было православным. Защиты им ниоткуда не было.

В этом тяжком для себя положении православные обитатели Иерусалима и всей Святой земли стали обращать взоры свои на православный русский народ и защитника православия – Белого Царя.

Русские богомольцы стали посещать Святую землю давно, со времен равноапостольного князя Владимира, при котором стала креститься Русь. Поклониться Гробу Господню и другим святым местам Иерусалима, побывать на Афоне, путешествовать из Русской земли стал не только простой народ и иноки, но некоторые знатные люди. Тогда путешествие во св. град Иерусалим и св. места Востока составляло великий подвиг. Отправлялись иногда по несколько человек – каликами перехожими, а иногда по два и даже по одному человеку. Путь был весьма длинный, утомительный и крайне опасный. Богомольцам нужно было проходить чрез страны неверных, терпеть в пути голод, утомление и большое стеснение. Но зато великую радость чувствовали в душе те, кого Господь сподоблял увидеть св. град Иерусалим, поклониться Гробу Господню, побывать в Гефсимании, где погребено было пречистое тело Богоматери. Слезы умиления текли тогда из глаз их, а душа полна была благодарности к Богу, сподобившему их увидеть Св. землю. Когда они возвращались домой и рассказывали о всем, что они видели, слышали и испытали во время своего путешествия по святым местам, тогда около них собиралось много слушателей. Чрез рассказы этих богомольцев, а отчасти чрез их описания узнал русский народ о Св. земле, о православном народе, там обитающем, о притеснениях, какие православные терпят от неверных. И стали русские люди ходить во Святую землю больше и больше, чаще и чаще; и стал посылать русский народ свои приношения на свечу и масло ко Гробу Го-

сподню и на милостыню в Иерусалим, на Синай, на гору Афонскую. Узнали православные обитатели Св. земли и насельники Афона, что на севере от них есть великий православный русский народ со своим могучим православным Царем. И устремили православные жители Востока взоры свои на Север, откуда стала приходить к ним помощь, и прошла весть по всему православному Востоку о добрых «московах» (так там зовут русских) и могучем царстве Русском, и стали сами ходить за милостыней в землю Русскую. Приходили больше духовные лица, нередко архиереи и патриархи, и возвращались они к своим паствам с щедрыми приношениями от православных русских Царей и от русского народа. О своих нуждах, о горе и притеснениях, какие православные обитатели Св. земли терпели то от неверных турок, то от христиан же иноплеменных и инославных, они никому так доверчиво не могли поведать, как православному народу с единым в мире православным русским Царем. И плакали они, невольники турецкого султана, когда приходили в Русскую землю, когда находили здесь благочестие народа, избыток храмов Божиих и богатство их, когда слышали колокольный звон, когда видели крестные хождения с молебными пениями не только в церквях, но и на улицах, чего они не видят в Турецкой земле; плакали они тогда, но не слезами скорби, а от радости и умиления. И возвращались они в свою землю с добрыми вестями, с доброю памятью о русском народе и всегда почти с щедрою милостынею.

Но насколько приятно было пришельцам из Св. земли прийти и погостить у нас на Руси, настолько трудно и скорбно было нашим богомольцам быть у них в Святой земле. Чтобы добраться до Св. земли, нужны были многие месяцы, а то и целые годы. При этом доводилось часто быть в страхе от нападения разбойников, в постоянном горе от незнания языка, который у нас на Руси, как говорят, до Киева доведет, а там без него ни дороги найти, ни ночлега выпросить нельзя. Придет туда наш труженик и начинает там горе мыкать; нужно явиться к турецким властям, чтобы получить пропуск к св. местам, и дать за это подарки, иногда большие. Придет в Св. землю, а

там все чужое: люди чужие, язык чужой, обычаи не наши; не знает, где приютиться, сложить с себя котомку и отдохнуть от пути. С трудом попадает он на православное подворье или монастырь греческий. Там хотя и покажут ему много, но не расскажут всего, что и как следует, по незнанию русского языка. Везде все и за все требовали с богомольца денег: он и рад бы давать их, да запас у него не велик, и тот истощился: взять негде. А впереди еще много нужд: нужно совершить обратный путь, который опять потребует расходов. И бывало иногда так, что потерпит, много потерпит наш бедный странник, да и захворает. А больного его кто примет? Кто походит за ним? Разве только кто-либо из тех же странников-земляков. Помучится, бедный, да и Богу душу отдаст на чужой стороне. Царство небесное этим труженикам! Доходили эти стоны и воздыхания православных обитателей Св. земли до слуха наших благочестивых Царей.

И старались они, православные Государи наши, помочь горю единоверцев Востока заступничеством за них пред турецкими султанами, чтобы они, султаны, не позволяли своим подданным единоверцам притеснять и безвинно обижать христиан, насильно совращать в магометанскую веру, чтобы они позволяли нашим русским богомольцам приходить в Св. землю и поклоняться святыням ее. Благодаря такому заступничеству наших Царей, положение туземных христиан и наших богомольцев хотя и облегчилось, но не надолго и далеко не вполне. Доходили нередко слухи, что там, в Св. земле, совращение православных туземцев проповедниками латинскими и протестантами Англии, Америки и других земель не только не прекращается, но и стало усиливаться, потому что у православных не было таких пастырей, которые бы заботились об утверждении их в вере и благочестии. Получались также известия о притеснениях, какие претерпевали наши богомольцы на Св. земле от разных людей.

И стало наше правительство церковное и гражданское, по изволению благочестивых царей наших, приискывать и употреблять разные меры, чтобы помочь горю. Так, для ограждения

православных от совращения в разные неправые вероисповедания и для удовлетворения духовных потребностей православных богомольцев учреждена была в св. граде миссия¹, т.е. несколько духовных лиц под управлением архимандрита или другого духовного сановника. Для ограждения их от притеснений посылаемы были туда особые доверенные от Царя лица, к которым богомольцы могли бы обращаться в своих обидах и притеснениях. Но и эти меры не исправили дело настолько, сколько нужно было. Тогда благочестивейший Государь, блаженной памяти Царь-Миротворец, отпустил туда, в Св. землю, своего августейшего брата². Сей благоверный князь на месте узнал и своими глазами увидел дело, для которого прибыл в Св. землю. Возвратившись, обо всем он довел до сведения благочестивейшего Государя.

Тогда признано было, что для благоуспешной постановки дела, касающегося православия и наших богомольцев в Св. земле, недостаточно одной миссии и доверенного лица от нашего правительства. Там требуется много средств, много людей и много сил; это дело касается всей Православной Церкви, всего русского народа. Поэтому в нем должен принять участие весь русский народ с церковной иерархией и Царственным домом во главе. Тогда, с соизволения благочестивейшего Монарха, открыто было Православное палестинское общество под председательством Великого князя Сергея Александровича. Сам благочестивейший Государь с Государыней-императрицей и многими членами Царствующего дома благоизволили быть членами сего общества, которое получило название Императорского. Многие архиереи и государственные сановники приняли деятельное участие

¹ Русская духовная миссия в Иерусалиме была учреждена в 1847 г. указом Императора Николая I.

² Имеется в виду брат Царя-Миротворца Александра III Великий князь Сергей Александрович (1857–1905), который совершил первое паломничество в Святую землю в 1881 г., вскоре после убийства своего отца, Императора Александра II. В 1882 г. он стал одним из учредителей, а с 1889 г. и до мученической кончины был председателем Императорского православного палестинского общества.

в делах этого Общества. По многим городам открыты отделы Общества. Весь русский народ, богатые и бедные, знатные и простые, приглашаются к участию в сем благотворительном деле. Общество существует около 13 лет. Дело его расширяется, потребности год от году увеличиваются. На удовлетворение нужд стали поступать приношения от всех церквей и со всех концов нашего православного Отечества. На благотивные приношения православных христиан Палестинское общество, при Божией помощи, успело сделать многое. Оно облегчило путешествие наших богомольцев в Св. землю: теперь они спокойно и безопасно могут побывать в святом граде Иерусалиме и других св. местах и возвратиться домой. Путешествие это стоит почти вдвое дешевле, чем прежде. Теперь они свободны от тех формальностей, какие требовались от них прежде: Палестинское общество исполняет это за них само, чрез своих уполномоченных лиц. Бывало, богомольцы не имели, где голову преклонить, а если находили приют где-либо, то крайне неудовлетворительный, а теперь там устроено обширное подворье с благолепным храмом, где богомольцы могут слушать богослужение на своем родном языке. Там есть и больница: захворает богомалец, о нем позаботятся, успокоят; если ляжет в постель, за ним походят, его полечат и все сделают, что требуется для больного, как бы дома. Если скончается, его прилично похоронят и о душе его есть кому помолиться. Подворье снабжено хорошей водой, которой в Иерусалиме большой недостаток, и она там дорого ценится, не как у нас на Руси. Есть там и другие для странников приспособления, без которых русскому человеку трудно обойтись. Когда нужно бывает богомольцам обозреть св. места, узнать, что и где находится, — для этого им дадут провожатых, которые все покажут, все расскажут. Сверх того, на подворье устроены правильные чтения для поклонников о достопримечательных местах Св. земли. Для грамотных есть особые книжки, из которых они могут узнать обо всем нужном для поклонников без помощи рассказчика. Нужно ли побывать богомольцам на Иордане, чтобы омыться в св.

воде его, в Назарете, где Иисус Христос провел Свое детство, в Хевроне, у дуба Мамврийского, и других местах, для них снаряжаются для сего особые караваны, чтобы удобно совершать это путешествие, небезопасное от нападения диких кочевников-бедуинов. Странник-богомolec может прожить в русском подворье бесплатно 14 дней, а потом получать необходимую здоровую пищу, постель, горячую воду за дешевую цену (около 13 коп. в день). Придет ли время возвращаться домой, ему возвратят в целости все, что у него было взято для хранения, ему укажут все, что нужно сделать, что и где найти для обратного пути в случае нужды, и помогут ему благополучно возвратиться домой.

Православным палестинским обществом сделано многое, но много и еще требуется.

Сказанное подворье может поместить в себе 1200 богомольцев, а их бывает до 3000; большая половина помещается на дворе подворья, на открытом воздухе. Значит, нужно расширить или соорудать новые помещения. А для этого опять требуются средства, которых пока нет.

Палестинское общество, упорядочивши быт поклонников в Св. земле, при помощи Божией, успело многое сделать и для утверждения в вере и благочестии туземных православных христиан Св. земли, и для ограждения их от совращения в неправые вероисповедания латинян и протестантов. Оно устроило среди них несколько начальных школ и училищ, чтобы православные арабы и другие местные жители могли воспитывать своих детей в православной вере, в православных школах, а не в еврейских, не в магометанских или протестантских, как это было доселе. Для школ понадобились свои православные наставники: не брать же их у евреев, у католиков или протестантов. А для этого понадобилось устроить особые училища с помещением и содержанием для воспитанников, приготавливаемых на должности учителей.

Общество и устроило таковые заведения для приготовления учителей и учительниц, изготовило и книги для учащихся и учащихся на туземных языках, чего прежде не было. Обще-

ству предлежит потребность позаботиться о приготовлении и священников для православной паствы Св. земли, которых там весьма мало и содержание чрезвычайно скудно.

Латиняне и лютеране заманивают к себе православных арабов и других туземцев устройством среди них приемных домов для больных, и когда к ним являются эти туземцы за врачебной помощью, то их заставляют прежде выслушать проповедь о вере, и только тем дают лекарство, кто соглашается слушать их неправое учение.

Для ограждения православных от такого соблазна Православное палестинское общество устроило такие же дома для приходящих больных с бесплатной выдачей лекарств.

Латиняне, немцы и англичане устроили приюты, куда принимают бедных детей православных жителей Св. земли. Эти дети поголовно совращаются в то вероисповедание, к которому принадлежит начальство приюта. У нас таких приютов пока нет, а крайне нужно бы и это устроить. И для сего требуются средства.

Неправославные веропроповедники не щадят средств, чтобы как можно более приобрести от турок священных мест на Св. земле, чтобы сделать там свои постройки и чрез них распространять среди православных свое неправое учение. И нам нужно было бы сделать то же. При помощи Божией, на русские деньги уже куплено несколько таковых священных мест. Так, приобретено место возле самого храма Воскресения Христова: это место очищено от мусора, сделана раскопка земли и найден остаток тех ворот, чрез которые Господь Иисус Христос шел к Голгофе на распятие. Значит, это священнейшее для христиан место. Куплены также места: на горе Елеонской, откуда Господь вознесся на небеса; у дуба Мамврийского, где Бог явился Аврааму в виде трех странников.

Для ознакомления православного русского общества с положением православных христиан в Св. земле и деятельностью Православного палестинского общества и для распространения таковых сведений среди русского народа Обществом издаются необходимые для сего книги.

Из сказанного видно, сколь великое дело совершает Императорское православное палестинское общество, сколь много оно сделало и сколько дел предлежит ему сделать впереди, и сколько нужны ему в этом деле материальная помощь и содействие в достижении его благих намерений со стороны тех, кого дело его касается. Его дело есть хранение православия во Св. земле, следовательно, дело апостольское или миссионерское дело. Его дело – поддержание духовной связи православных обитателей Св. земли с православным русским народом; следовательно, его дело – государственное. Его дело – облегчение тяжелого труда паломничества и улучшение положения наших русских поклонников в Св. земле, следовательно, его дело – русское, наше родное дело. В таком православном государственном деле не должны ли принять живое и деятельное участие все сословия и люди всех состояний Русской земли, весь православный русский народ.

Если для спасения Русской земли от иноплеменного ига русский человек готов был пожертвовать всем дорогим для него, даже расстаться с женой и детьми, то для спасения православия там, где была колыбель его, для охранения чистоты веры той Церкви, которая именуется матерью всех Церквей, поскупимся ли мы дать каждый от себя посильную лепту! Мы не страждем за Христа, как страждут христиане Востока. Поможем же тем, кто страдает теперь за верность Христу и за преданность святой Церкви Его. Нам, быть может, не придется побывать в Св. земле и поклониться св. местам; поможем же по силам нашим тем, кого Господь удостоит исполнить это святое дело. Сотворим, православные, милостыню Христа ради, ради святого града Иерусалима, ради Гроба Господня, ради святых мест, где совершено наше спасение драгоценнейшей кровию Спасителя нашего Господа Иисуса Христа; не умолкнем и мы Сиона ради и не успокоимся мы ради Иерусалима, доколе снова не воссияет там благочестие и доколе для православных христиан всех племен, так же, как и для русского народа, не станет Св. земля как бы своей родной землей, в которую одни могли бы ходить без печали, а другие жить там, как во дни Давида

и во времена благочестивых православных царей, во всяком благочестии, мире и довольстве, доколе не кончатся для Иерусалима времена языков и не воцарится Господь во веки и Бог нового Сиона в род и род.

Опомнимся! Покаемся!

Православные русские люди!

Страна наша мятется; все основы ее колеблются. Православию веры, самодержавию Царя и русской народности грозит опасность от того разлада, который охватил страну нашу и стал разъедать религиозную, общественную и государственную жизнь нашего Отечества. Разлад производит разделение; от разделения – ослабление, а ослабление приводит к разрушению. *Церкви Православной грозит опасность от разделения некогда единого православного русского народа на множество еретических сект и раскольнических толков.* Все эти секты и толки, несогласные между собой в религиозных верованиях и обычаях, согласны только в одном – во вражде ко Святой Православной Церкви.

И страна русская, как государство, находится в опасности, с одной стороны, от стремления окраин ее к обособлению, с другой – от волнений, происходящих внутри ее, и делений народа на партии. Эти партии, не имеющие почти ничего общего между собой, объединяются также только в одном – во вражде к православию веры, к самодержавию царской власти и к нераздельному единству русского народа, как господствующего племени. А там, где вражда, там взаимное истребление. Где вражда, там и разделение, а где разделение, там начало порабощения и уничтожения: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет (Лк. 11, 17). Все эти секты, эти толки говорят о Царстве Божием, толкуют о жизни на небе; и действуют так, как будто члены их хотят наполнить собою ад или готовить для него обитателей, ибо в Царстве Божием нет разделений; на небе нет той вражды, какая существует между

сектами и толками и какую питают все они к Церкви Православной. Враждебные православию и стремящиеся разрушить существующий государственный строй *партии обольщают народ обещаниями обогатить его*; они возбуждают его к грабежу и поджогам. Для своих преступных целей они добывают средства грабежом и иными способами, не одобряемыми ни законом, ни совестью, а тем более Евангелием; способами, допускаемыми разве только среди шаек грабителей.

Мнимые народники обещают водворить в стране мир, а поселяют в ней волнения, лишивши народ той спокойной жизни, которой он прежде пользовался. Они обещают водворение порядка, а водворяют нестроение, поставляя для богоучрежденной власти препятствия к отправлению ею своих обязанностей, обеспечивающих порядок.

Они привели страну в такое состояние, что ей грозит опасность от безначалия, когда ни в селе, ни в городе не будет возможности поставить начальника. Может наступить такое время, когда жители деревни, выбравши из среды своей старейшину, скажут ему: «Будь нашим начальником»; а он ответит: «Нет, не буду я вашим начальником; ибо быть начальником – значит стать около смерти, а я боюсь смерти». «Будь нашим начальником», – скажут жители города избранному, а он ответит: «Нет, изберите другого, а я боюсь крамолы и не могу быть вашим начальником». Тогда семеро ухватятся за одного отрока и скажут: «Будь хотя ты нашим начальником». А сей ответит: «Хорошо, повинуйтесь мне, идите за мной», – и пойдут все на погибель. Тогда, изнуряемые голодом от прекращения работ, придут и скажут распорядителю работ: «Дай нам работу, чтобы выработать себе хлеба для себя и голодных детей наших», а он скажет им: «Не могу дать вам работу, ибо крамола грозит мне огнем, если я допущу вас в рабочий дом». А когда не станет ни власти, ни труда, тогда жизнь в стране остановится: не слышно будет звука молота и удара молотила; остановится колесо; заржавеют соха и борона; не станет пар работать и прекратится движение машин. На улицах не видно будет блюстителей порядка; невозможно будет ни пройти,

ни проехать безопасно. В городах дневной и ночной грабеж, и некому будет спасать от этого. Не придется ли тогда и нам поступать так же, как сделали некогда наши предки, пославшие к варягам послов просить их себе в начальники, говоря: «Земля наша велика, а порядка в ней нет: придите и княжите над нами». Но может случиться нечто худшее этого. Варяги сами придут к нам незванные, как некогда приходили монголы, и, пользуясь междоусобицей, овладеют нашей страной и будут водворять в ней порядок по-своему.

Да сохранит нас Бог от этого!

Так что же нам делать?

Обратимся к Богу с молитвами и покаянием, как молились и калялись наши предки во времена лихолетья. За грехи наши Господь нам послал такую напасть.

Мы отступили от Бога, нарушили заповеди Его: мы пренебрегли уставами Святой Церкви Его, и вот исполняется над нами то, что изрекла мудрость народная: той земле не устоять, где начнут уставы ломать.

Опомнись же, русский народ, встань на охрану устоев земли, как защищали их предки в старые времена.

Объединись, русский народ, около Святой Церкви, под руководством ее добрых пастырей, в послушании уставам церковным. Сплотись около Престола Царского, под предводительством верных слуг царевых, в повиновении богоучрежденной власти.

Спасение нашей страны в Святой Церкви: она может дать мир чадам своим, если они будут слушать ее голоса; она защитит их молитвою своею, она оградит их уставами своими.

Возвратимся к Церкви, которую мы стали забывать и оставлять. Будем неуклонно собираться в храмы наши, и сановные, и простые люди, землепашцы и землевладельцы, торговые люди и ремесленники – все будем неуклонно присутствовать при богослужениях воскресных и праздничных; прекратим наше веселье, освятим дни праздников, предоставивши посещение увеселительных зрелищ в это время иноверцам и отрехшимся от Бога.

Будем соблюдать установленные Церковью посты, будем увещевать и обличать нарушителей уставов Церкви, как виновников гнева Божия, постигающего землю Русскую. Будем воспитывать детей в страхе Божиим, в благочестии, в почитании старших, в любви к святой Церкви. Будем избегать разделений и раздоров церковных и общественных. Объединимся около нашего державного Царя православного, как он недавно призвал к этому всех верноподданных истинных сынов земли Русской. Станем на защиту власти, от Государя поставляемой.

Будем все каяться в грехах наших: пусть одни из нас каются в грехе отступления от Бога, отпадения от Церкви; другие да приносят покаяние в грехе идолопоклонства – в поклонении золотому тельцу и Маммоне – богу богатства – с отступлением от Бога!

Пусть кается русский народ, земледелец и рабочий, в чрезмерном пьянстве, в разврате, в непослушании пастырям Церкви, в неповиновении богоучрежденной власти. Наложим на себя добровольный пост, смирим себя, как ниневитяне, и будем умолять Милосердного о прощении, как научает этому песнь церковная: согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою: ниже соблюдохом, ниже сохранихом, якоже заповедал еси нам. Но не предаждь нас до конца, отцев Боже.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое!

Объединимся!

Да будут вси едино
(Ин. 17, 21)

Православный русский народ! Враги нашей матери Святой Церкви и враги земли Русской сплотились между собой, чтобы делать больше вреда и Церкви Православной, и дорогой нашей Родине. Враги Церкви стараются разъединить пастырей и пасомых, ибо они знают, что в единении заключается сила, а

разделение ведет к ослаблению и разрушению. Средством для разделения они избрали клевету и обман. Через своих единомысленных общественных деятелей устраивая разного рода препятствия в пастырской жизни и деятельности, они стараются чрез это ослабить благотворное влияние пастырей на их паству. И устным, и печатным словом они уничижают и позорят пастырей. Подбором, а иногда выдумкой таких случаев из пастырской жизни, которыми позорится пред народом их высокое служение, враги Церкви стараются возбудить чрез это недоверие в пасомых к своим пастырям; а взаимное недоверие ведет к разъединению. Они отторгают пасомых от пастырей для того, чтобы удобнее было производить смуту церковную и народную – государственную.

Представители инославных исповеданий, сектанты и глаголемые старообрядцы, получивши Высочайше дарованную свободу жить каждому по своей вере и убеждению, пользуются этой свободой для того, чтобы отторгать от Православной Церкви верных чад ее. Они употребляют для этого разного рода обольщения и даже насилия. Кто не знает того, как трудно живется православному, когда он остается среди неправославных единоплеменников или когда попадает в среду сектантов или отделившихся от Церкви старообрядцев? Кому не известно, как трудно устоять в православии женщине, когда она попадет в семью ненавидящих православие?

Враги православия дружно действуют во вред Церкви Православной.

Точно так же сплотились между собой и враги земли Русской. Чтобы произвести смуту в нашей стране и привести к гибели наше Отечество или, по крайней мере, – затруднить его рост и умалить его достоинство среди других народов, враги нашего Отечества и мятежники убивают верных царских слуг – сановников – и возбуждают народ к неповиновению богоучрежденной власти. Они производят возмущение на фабриках, заводах, вообще среди рабочих и среди селян. Они возбуждают недоверие к властям, призывают рабочих к прекращению работ скопом, к нарушению обязательств.

Что же делать при таком положении нашей Церкви и Отечества нам, православным чадам Церкви и верноподданным сынам земли Русской?

И нам нужно плотнее объединиться.

Нам нужно объединиться около матери нашей – Святой Церкви, объединиться около матери нашей – земли Русской, около ее исконных устоев: Веры православной, Царя самодержавного и других святых заветов русской старины.

Нам нужно объединиться во Христе, как завещал это Спаситель наш, когда умолял об этом Отца Своего, говоря: да будут вси едино. Будем помнить, что мы – члены единого тела Христова – Его Церкви, и друг с другом соединены, как члены тела: глаза, уши, руки, ноги и другие члены соединены между собой.

Будем учиться таковому единению у христиан первых времен. Будем жить так, как жил в старину наш русский народ.

Христиане апостольских времен так тесно соединены были между собой, что у них было одно сердце и одна душа и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее (Деян. 4, 32). Но это общение имений производилось не насилием, как ныне проповедуют мнимые радетели о бедных земли, а по доброй воле каждого.

Христиане первых времен избегали внешних судов, а судились своим внутренним – церковным судом. Церковный суд отличался от гражданского, между прочим, тем, что гражданский суд наказывал только нарушение внешних, государственных законов, а церковный суд судил нарушение законов совести, законов Божиих и уставов Церкви.

В гражданских судах судил один судья, а в церковных судила Церковь, т.е. собрание верующих, во главе с предстоятелями церквей. Внешний гражданский суд только осуждал и наказывал, или оправдывал и освобождал от наказания. Церковный суд сперва увещевал, предупреждал, потом угрожал и, если не последует исправления, наказывал, но наказывал с надеждою видеть исправление наказуемого.

Когда Церковь видела ожесточение грешника, производившего соблазны среди верных, тогда лишала его общения в

Таинствах и, наконец, подвергала его полному отлучению от себя, по слову Господа: еще не послушает тебе брат твой, поведи Церковь; еще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь (Мф. 18, 17).

Так жил в старину и русский народ: у него был в большей силе суд церковный, подобный суду христиан первых времен. К нему часто прибегали и его страшились не менее суда гражданского.

Каждый приход составлял свою отдельную общину, свою церковь, находившуюся в союзе со вселенной Церковью чрез своих пастырей и архипастырей. Этот приход-церковь жил своею жизнью, судился своим судом; заботился о своих членах, вдовах и сиротах. При каждой почти церкви была богадельня. Приход заботился о своем храме. Когда он лишался пастыря, то избирал другого и представлял его епископу для утверждения и посвящения, назначал ему и всему причту содержание. Он заботился об исправлении грешников, об устранении соблазнительей.

В старину русский народ ревниво оберегал чистоту веры и нравов своих. Церковная епитимия в виде поклонов с покаянной молитвой или в виде сверхдолжных постов и подаяния милостыни была весьма действительным средством для исправления грешников.

Сверх церковного, пастырского суда, приходская община употребляла иногда свои не церковные меры к исправлению нарушителей уставов и обычаев. Так, иногда наблюдали друг за другом, сосед за соседом, чтобы кто-либо не проспал утрени, особенно в некоторые нарочитые дни. Нарушитель постов наказывался общим негодованием. За братоубийцей Святополком навсегда осталось имя «Окаянного»¹.

Во избежание ли народного самосуда или ради охранения народной нравственности, сам гражданский закон шел рука об руку с добрым христианским настроением народа. По словам

¹ Святополк Окаянный (ок. 980–1019), старший сын св. равноапостольного Великого князя Владимира Святославича, Великий князь Киевский (1015–1019), убийца своих братьев, св. князей Бориса и Глеба.

одного иностранца, посетившего русскую столицу в половине 17 века¹, «винные лавки и питейные дома с самого начала поста до нового (Фомина) воскресенья оставались запечатанными; содержателям их никоим образом не разрешалось на Святой Неделе открывать свои заведения. Равным образом и в течение всего года питейные дома обыкновенно оставались закрытыми от кануна воскресенья до утра понедельника. Так же делалось и во время больших праздников».

Из этого можно видеть, как проникнуты были духом христианского благочестия и закон, и народ. Самоосуждение, самоисправление и взаимопомощь среди приходской жизни так были развиты, что отступление от уставов и обычаев было весьма затруднительно, если бы кому-либо захотелось это сделать. Наши предки очень боялись нарушить старые уставы; они говорили: *«той земле не устоять, где начнут уставы ломать»*.

А ныне не то стало. В наше время все стало ломаться; все пошло врозь; повсюду вражда и разделение. Все сословия как бы разделились и каждое живет своею жизнью: особо бояре, особо купцы, особо ремесленники, особо земледельцы, особо пастыри, особо пасомые. Кажется, почти все сословия склонны объединиться в одном: в пренебрежении законов Божеских и человеческих и в пренебрежении уставов Церкви. Наши предки оставили нам много добрых обычаев церковных и житейских; а мы пренебрегли ими, гоняемся за иными, особенно иноземными, обычаями. Что мы передадим нашим потомкам? Какие заветы и добрые обычаи? Передадим ли мы им это пренебрежение к уставам, нарушение постов, леность к посещению церковных богослужений, нерадение об исполнении христианского долга исповеди и св. причащения и нарушение святости брачных союзов?

Чем все это может кончиться? Не будет ли это началом конца благополучия нашей дорогой Родины, на радость врагов

¹ Речь идет о книге «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Москву в XVII веке», которую написал его сын архидиакон Павел Алеппский, сопровождавший Патриарха.

православия и русской народности? Опомнимся, ободримся, объединимся. Поможем друг другу восстать от падения нашего. Объединимся так, чтобы пастыри и пасомые, знатные и простые, богатые и бедные составили одну семью, у которой было бы одно достояние; чтобы горе и радость были общие.

Объединимся около Церкви и будем поддерживать друг друга, поощрять друг друга в добрых делах, в добрых правилах жизни.

Мы все стали больны душой, больны нашими дурными привычками, больны нашими нравами.

Объединимся и будем врачевать, исправлять друг друга. Возвратимся к старым добрым временам. Возвратимся к Церкви. Весь внешний быт наш освятим христианским церковным духом. Оживим нашу приходскую жизнь, привлекая к ней всех числящихся прихожанами Церкви, но не живущих в Церкви. Пусть объединятся около пастыря сперва хотя бы два или три человека. Эти привлекут еще столько же; пусть постепенно растет эта дружина, пока все прихожане станут действительными, живыми членами прихода. Тогда воскреснет древняя приходская жизнь с ее взаимопомощью, с ее самоисправлением, с ее добрыми нравами.

Объединимся около матери нашей – земли Русской, твердо оберегая древние устои ее: православие веры, самодержавие Царя и единство народной жизни.

Бойся Царя и Бога, и будет тебе повсюду дорога. Таков завет русской старины.

Бойся, сын мой, Господа и Царя, с мятежниками не общайся (Пр. 24, 21). Так повелевает нам и мудрость израильского мудреца.

Да воскреснет Бог и расточатся врази Его! Да оживет древняя Святая Русь и побегут от лица ее ненавидящие ее, да исчезнут они с лица земли Русской, как исчезает дым! Как тает воск от огня, так да погибнут грешники – мятежники земли, а праведные – сыны Церкви, истинные дети земли да возвеселятся пред Богом. Наше знамя, наша хоругвь – вера православная, Царь самодержавный и Русь единая, нераз-

дельная. Умрем за это знамя, за эту хоругвь, но никому не отдадим их! В этом да поможет нам Бог!

Наставление о повиновении властям и о почитании пастырей¹

Возлюбленные! Мне редко приходится видеться с вами. И настоящее наше свидание не последнее ли? Примите же мои слова, как завещание отца вашего, и сохраните его.

Бога бойтесь и Царя чтите. Бога бойтесь; веруйте Ему, верьте Его Слову. Надейтесь на Него Одного и любите Его всем сердцем. Больше родного отца, больше матери любите Господа Бога. Любите Его больше сына или дочери, любите Господа больше золота и серебра и больше всякого имения. Почитайте Царя, как Помазанника Божия, о котором Господь сказал: не прикасайтесь помазанным Моим. Повинуйтесь поставленным от него властям. Власть установлена от Бога. Во всей вселенной существует власть. Есть власть на небе у ангелов: там есть архангелы, престолы, власти. Есть власть и в царстве животных: в стадах животных, в стаях птиц, в ульях пчел. Даже в аду есть власть. Без власти не может существовать никакое общество. Противящийся власти, Божию повелению противится; а противящиеся примут себе грех. Власть потребна не для добрых, а для злых. Хочешь ли не бояться власти? Благое твори, и будешь иметь похвалу от нее. А если делаешь зло, то бойся; ибо начальник не напрасно меч носит. Итак, повинуйтесь властям: подати платите.

Бога бойтесь, Царя чтите, а с мятежниками не сообщайтесь, таковых ныне много развелось на Русской земле. Они стали проникать и в деревню, чтобы обольщать народ разными несбыточными обещаниями. Не слушайте их. Это — волки в овечьих кожах. Не допускайте их к себе. Будьте благоразумны и внимательны: не позволяйте мятежникам обмануть вас.

¹ Сказано сельским и деревенским жителям при обозрении церковью епархии в 1907 г. — *Прим. авт.*

Бойся, сын мой, Бога и иереев Его чти. Почитайте священников, как служителей Христовых. Слушайте их наставления о Господе. Отдавайте им должную честь, принимайте их благословение, как Христово благословение. Повинуйтесь им, покоряйтесь, ибо они заботятся о душах ваших; делайте это для того, чтобы они с радостью исполняли свое служение, а не вздыхающе. Доставляйте им необходимое для жизни: пищу, одежду и жилище. Делайте это охотно, помня, что сделанное священнику Христос принимает, как сделанное Ему Самому. От Христа получите и воздаяние за то, что вы сделаете для служителей Христовых, за добро – награду, за зло – осуждение.

Да сохранит вас Христос Господь Своею благодатью и человеколюбием!

**Архипастырский голос
после выборов в 4-ю Государственную думу,
21 октября 1912 г.**

За Веру, Царя и Отечество! – такова надпись на знамени «Союза Русского Народа». Она зовет, очевидно, объединиться русским людям, чтобы стать за эти основы Русской земли. Но это знамя объединения стало в то же время знаменем пререкания. Против ополчения, стоящего со знаменем: «За Веру, Царя и Отечество!», стоит полчище людей с красным знаменем, на котором написано: «Свобода, равенство и братство». На этом последнем знамени остались следы крови, уже потемневшей от времени. Это не наше, русское знамя, а принесено из другой страны, где оно когда-то было обагрено кровью. У нас оно появилось недавно. Надписью своею, говорящею о свободе, о равенстве и братстве, оно привлекло внимание многих, не только из инородцев, живущих в Русской земле, но и русских, не подозревавших, что под этой видимой надписью скрывается другой смысл, что под этой свободой нужно разуместь насилие, под равенством – рабство, под панибратством – бра-

тоубийство. Между полчищем «Свободы, равенства и братства» и ополчением «За Веру, Царя и Отечество» происходит борьба за преобладание. Эта борьба усилилась по поводу наступивших выборов в 4-ю Государственную думу. Ополчение со знаменем «За Веру, Царя и Отечество» открыто призывает истинно русских людей объединиться под его знаменем и послать в Государственную думу, как некогда посылали на Земский собор, лучших людей, которые могли бы постоять за исконные устои Русской земли: за православие веры, за самодержавие Царя и за единство русского государства. Следуя призыву самодержавного возлюбленного Монарха, «Союз Русского Народа» приглашал всех объединиться под его знаменем. После этого призыва следовало бы ожидать, что в Государственную думу пойдут только правые. Но вышло нечто неожиданное. Вот нам слышатся голоса говорящих нам: напрасно вы зовете стать под знамя «За Веру, Царя и Отечество». Теперь не старые времена, теперь и русский народ ищет свободы, равенства и братства, которые мы проповедуем. Доказательство этому налицо. Вот на последних выборах в Государственную думу победа за нами, т.е. левыми; из сел и городов идут представителями туда наши избранники. Они будут говорить в Думе за свободу, равенство, братство, а не за Веру, Царя и Отечество. Так говорят левомыслящие. Да, это печальная правда, это сугубо печально, потому что эти левые избранники не от народа выбраны, не народ русский их дал, но они взяты посредством искусного подбора, взяты из среды, чуждой народу. Они проведены были к выборам не прямыми путями; проведены людьми, у которых ложь замаскирована именем законности; нечестность одета в одежду правды; под именем свободы шло насилие, презрение к народной простоте прикрылось насмешливо маской равенства; Каин побратался с Авелем, чтобы его убить.

Таким образом, прошли в Государственную Думу избранники проповедников мнимой свободы, равенства и братства.

В ком вина столь нежелательного для сынов Церкви и Отечества явления?

Вина в тех самых, которые стояли под знаменем «За Веру, Царя и Отечество». Над ними исполнилось Евангельское изречение: сыны века сего догадливее сынов света в роде своем. Сыны света не сумели и не могли действовать, как сыны века сего: правые не сумели объединиться, а левые объединились; правые, будучи сынами света, не могли действовать так, как сыны века сего лукавого. Сии последние могли употребить все средства, и добрые, и худые, для своих целей; а первые могли пользоваться только добрыми. Сыны века сего могли употреблять и ложь, и коварство; а сыны света не могли этого допускать. Для левых, считающих веру суеверием, совесть – заблуждением, дозволены и ложь, и грабеж, и яд, и нож; а для правых, руководствующихся законами веры и совести, все это недопустимо.

Что же делать? Ужели всегда так и будет? Ужели будем равнодушно смотреть, если будет торжествовать зло над добром? Ужели допустим, чтобы нашу Св. Русь с ее правой верой, с ее царским самодержавием, с ее землей, облитой кровью предков, постигла участь тех стран и народов, которые на виду и на слуху у нас падают и гибнут от крамолы этих проповедников мнимых свободы, равенства и братства? Сохрани Бог!

Что же делать? – Настоящее состояние современного общества ненормальное, болезненное. Значит, нужно принимать меры к оздоровлению его. А чтобы достигнуть сего, нужно начать общую борьбу с нравственной болезнью общества. Но что может сделать каждый из нас отдельно?

Каждый должен делать то, что велит ему его долг и совесть. Если бы мы пожелали вести себя в отношении к волнующемуся поколению, как христиане, руководясь советами, данными богоносными и богодухновенными нашими наставниками, а паче всего – учением нашего Божественного Наставника, то вот смысл преподанного ими учения о том, как должно вести себя в отношении к разномыслящим.

Не нужно иметь с провозвестниками и последователями лживых учений такого общения, из которого они могли бы заключить о нашем сочувствии к ним. – Оставьте их, говорит

Господь ученикам о заблудших умом и сердцем книжниках и фарисеях: оставьте их: они вожди слепые слепых; а если слепой ведет слепого, то упадут оба в яму (Мф. 15, 14).

Святые апостолы дают совет христианам не иметь никакого общения с теми, кто, именуюсь братом, остается нераскаянным грешником (Кор. 5, 11). Извержите развращенного из среды вас, говорят они (5, 13).

Не потому ли среди нашего общества зло разрастается, захватывая все более и более здоровые места общественного организма, развращая более и более молодое поколение, что мы относимся к развратителям очень снисходительно? У нас входят в общение с ними, подают им руку дружбы, ласково приветствуют их, иногда встречая на наш привет лишь угрюмый вид.

Но, предлагая совет не входить в общение с теми, кто не хочет мыслить, как мыслим мы, как мыслит коренной русский народ, не явимся ли мы – проповедники Евангельского мира – в то же время и проповедниками вражды, которая ведет к разделению, а разделение – к разрушению? Таким образом, мы сами не являемся ли виновниками расстройства и разрушения?

Отнюдь нет. Если свет можно назвать врагом тьмы, если добро есть отрицание зла, то и разрыв общения людей порядка с друзьями беспорядка можно, пожалуй, назвать и враждой...

Но такая вражда была бы лучше дружбы, подобно тому, как и дружба иногда бывает хуже вражды.

Не вражду мы проповедуем: но совет даем, по нашему крайнему разумению, как спасти погибающих, вразумлять неразумных. Если враждующие против существующего порядка желают находиться в общении с людьми порядка, именоваться их братьями и согражданами, то они не должны вносить в среду их, в среду народной семьи, своего разномыслия.

Кто желает держаться особых взглядов в отношении к тому, что составляет основу нашей государственной жизни; кто не желает стоять под знаменем Православия, Самодержавия и русской Народности, тот не имеет права именоваться

русским; он не брат, не соотечественник русских людей; он – иноземец, только говорящий по-русски и живущий на русской земле. Не нравится ему порядок нашей родной русской страны, пусть идет туда, где ему нравится.

Не русский душой, он никогда не будет своим для истинно русских людей. Кто дружится со врагом семьи, тот и сам враг семьи; кто подает руку дружбы носителю смуты – семейной, общественной или государственной, тот и пособник смуты. Это такие простые истины, которые не нуждаются в доказательствах.

Заключим наше слово изречениями мудрых и богодухновенных учителей: бойся, сын мой, Господа и царя, и с мятежниками не общайся (Пр. 24, 21). Ибо что общего у света со тьмой, какое согласие между Христом и Велиаром (2 Кор. 6, 15), между сынами света и исчадиями ада?

Наше знамя: Вера православная, Царь Самодержавный, Русь нераздельная. Этого знамени никому не отдадим. В чем да поможет нам Бог!

Слово воинам-ратникам, отправляющимся на Дальний Восток¹

Христолюбивые ратники!

Вы призываетесь на поле брани, где ожидает вас или слава победителей, или славная смерть за Веру, Царя и Отечество. Славно возвратиться с поля брани победителем: но не менее славно и умереть на поле брани. Кто умирает, чтобы спасти жизнь или честь других; кто кидается в воду, чтобы спасти утопающего, и сам тонет; кто бросается в пламя, чтобы спасти слабое дитя или дряхлую старость, и сам сгорает в этом пламени, – тот, как герой, возбуждает в других восторг к его подвигу и чувства благодарности или слезы умиления, как к спасителю погибающих.

¹ Слово воинам, отправлявшимся на Русско-японскую войну 1904–1905 гг.

Все эти доблести высоко добродетельны, все достойны хвалы.

Но кто умирает на поле брани за Веру, Царя и Отечество, тот удостоивается сугубой славы и здесь, на земле, и там, на небе. Здесь воздвигаются в честь победителей вечные памятники; здесь непрестанная молитва Церкви за воинов, на поле брани убиенных. А там, на небесах, им уготованы мученические венцы, как страдальцам за Веру, как положившим душу свою за други своя. Православный воин, умирающий на поле брани, умирает за Веру. Умереть за Веру значит умереть, защищая святую Веру от поругания врага нечестивого. А такое поругание могло бы случиться, если бы враг, одержавши победу над православным воинством, предал осквернению святые храмы и стал вводить обычаи, противные святой Вере.

Как на пример такого поругания Веры и порабощения христиан, можно указать на те православные народы, которые находятся под властью мусульман. Тяжко быть православному народу под властью иноверных царей и правителей. Сохрани Бог наш православный народ от такого бедствия во веки! Посему великая слава и благодарность воинам, защитникам Веры православной!

Воин, умирающий на поле брани, умирает за Царя. Это значит, что он умирает для того, чтобы не только сохранить драгоценную жизнь Царя, но и оградить его честь и достоинство. Народ без Царя – то же, что тело без головы, улей пчел без матки. Честь Царя – честь народа; благо Царя – благо народа. Царь – за всех, и все – за Царя. Царь православный сугубо дорог для народа православного, как охранитель и защитник Веры православной; как охранитель веры своего народа. Итак, умереть за Царя есть подвиг великий и святой.

Наконец, воин, умирающий на поле брани, умирает за свое Отечество. Это значит, что русский воин, идущий на поле брани, идет спасти свою семью, свое родное село, родной город, страну родную – Русь Святую от вторжения вражеского и от тех бедствий, которые могут постигнуть страну вследствие

такового вторжения. Когда воин умирает на поле брани, он умирает за отца и мать, за братьев и сестер, за жену и за детей, и за весь свой народ. Полагая жизнь свою за други своя, он исполняет самую главнейшую заповедь Христову о любви.

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя.

Итак, воины, идущие на поле брани, вы идете на великий, славный и святой подвиг. Вам слава на земле и воздаяние на небе.

Для совершения предлежащего вам подвига вы облечены в подобающее воину оружие. Усердно учитесь владеть таким оружием.

Как пастырь Церкви, не могу не посоветовать вам взять с собой и иное оружие, предлагаемое Церковию чадам своим для борьбы с врагами спасения. Эти оружия – Крест и молитва. В них заключается духовная сила, могущественно действующая в борьбе не только с духовными врагами, но и с врагами, облеченными в тело.

Крест есть оружие против диавола, оружие, которого он трепещет и трясется, *не терпя взирати на силу его*; но в то же время *Крест есть в бранях победа*.

Царь Константин победил врага Максентия силою Креста¹. Воин Неаний, нареченный Прокопием, память которого празднуется в настоящий день, одержал многие победы над врагами силою Креста, изображение которого он сделал по повелению Господа, явившегося ему в образе кристаллоvidного Креста.

Христолубивые воины-ополченцы! Да напоминает вам об этом победоносном оружии тот Крест, которым украшены ваши головы и которым вы отличены от прочих воинов.

Столь же сильна, как Крест, и молитва против всякого врага, невидимого и видимого. Нам случалось слышать от старых воинов, что они свое спасение на войне во время опасно-

¹ В 312 г., накануне решающей битвы с Максенцием, св. равноапостольному императору Константину было на небе явление Креста и надписи «Сим победиши», после чего он повелел начертать эти слова на своем знамени.

сти обретали в молитве, читая псалом 90-й: «Живый в помощи вышняго», где говорится, между прочим, что кто живет под кровом Всевышнего, тот не убоится стрелы, летящей во дни; что около его будут падать тысячи, но к нему рана не приблизится. Испытайте, воины, это оружие, и узнаете действенность его. Присовокупите к этому и еще некоторые оружия, для тела необременительные, но для борьбы с врагом сильные и для дела весьма полезные. Это – добросовестное исполнение своих обязанностей, беспрекословное послушание и терпеливость. Исполняйте, воины, начальнические распоряжения по чистой совести, как Божие веления: идите туда, куда вас пошлют: в огонь ли, в воду ли. Помните, что на войну – не на пир идти; много там нужды, труда, горя, опасностей, – все это переносите терпеливо, без ропота.

Будьте бодры, не склоняйте долу голов ваших, как делают люди изнеможенные; не жалуйтесь на трудности, как дети; будьте мужественны, как богатыри. Будьте и храбры, как львы, в борьбе с вооруженным врагом; но кротки, как агнцы, к мирным жителям, к малым детям и слабым женщинам. Лежачего не бьют, говорит старая пословица.

Итак, идите с Богом на подвиг бранный. С вами крестная сила; за вас молитва Церкви; на вас смотрит Россия; на вас возлагает надежды Царь и печется о вас, как отец сердобольный. Дай Бог вам возвратиться со славою, как победителям! А кому судит Господь положить душу свою за Веру, Царя и Отечество, тому да дарует Господь венец славы и светлое место в небесных селениях.

Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя!

Речь по поводу современных лжеучений

Благодать вам и мир от Господа нашего Иисуса Христа, боголюбезные братие.

Если когда нужен и желателен этот мир Христов, то наипаче теперь.

Слышите ли эти ветры бурные, которые носятся теперь над нашим морем житейским? Видите те ли эти волны великие, которые восходят до небес и нисходят до бездн? Видите ли этот корабль, воздымаемый этими волнами, бросаемый из стороны в сторону и готовый сокрушиться? Слышите ли эти крики ужаса и вопли пловцов, находящихся на корабле?

Что этот ветер? Что сии волны? Какой корабль? Кто пловцы на нем?

Думаем, что вы, возлюбленные, и сами угадываете, о чем наша речь. Эти ветры – ветры учений, которые принесены в нашу страну от Запада. Эти волны – те смуты и волнения, переходящие в междоусобную брань, которые охватили всю страну нашу. Эти волны смуты то восходят до небес, как бы готовые достигнуть до Престола Всевышнего, чтобы похулить Сидящего на нем, то нисходят до бездн, чтобы низвергнуть в бездну зла и бедствий корабль и плывущих на нем. Этот корабль обуреваемый – наша государственная жизнь, волнуемая смутами, раздорами, убийствами, расхищением и сожжением имуществ. Кормчие и корабельщики – это государственная власть; пловцы – все обитатели областей, городов, сел и деревень, которые, видя силу ветра и волнения, то издают вопли страха, то в недоумении, а иные в отчаянии, ропщут на кормчих и корабельщиков.

В таком небывало трудном положении находится наша страна и все мы, обитатели ее.

Что делают в это страшное, крайне опасное время кормчие и корабельщики? Они употребляют все усилия, чтобы бороться с бурной стихией и спасти корабль от неминуемой гибели. Что делают и должны бы делать в это время плывущие на корабле? Не следовало ли бы ожидать, что они не дремлют и не спят, но помогают кормчим и гребцам спасти корабль и себя?

Но – странное дело – вместо того, чтобы всем им приняться дружно за работу и, повинаясь кормчему, делать все, что нужно для спасения корабля, пловцы стали друг на друга нападать; пользуясь затруднительным положением кормчего и

служителей корабля, они начали сводить счета друг с другом, друг друга упрекать, один другого злословить. Не правда ли, что это самое или нечто подобное происходит на корабле нашей государственной жизни?

Тогда как Царь и его правительство употребляют все усилия к тому, чтобы водворить мир и порядок на земле, недобрые люди, как бурным ветром, своими учениями, внушениями, несбыточными обещаниями раздувают вражду между народом, внушают неповиновение властям и вводят безначалие со всеми его страшными последствиями: грабежами, убийствами и пожарами.

Что же делать нам, плывущим на корабле государственной жизни и желающим спасти этот корабль и плывущих на нем?

Прежде всего, нужно принимать все благоразумные меры, чтобы прекратить раздоры; всем объединиться, забыть о себе и заботиться о спасении корабля и друг друга.

Нужно беспрекословно повиноваться Царю, как кормчему, и властям, как корабельщикам. Всем и каждому нужно заботиться прежде всего не о перестройке корабля, ибо во время бурного плаванья кораблей не перестраивают, а каждому, по возможности, содействовать спасению корабля и прекращению бури смут и волнений.

Но разве можно человеку укротить ветер? Разве в его власти сделать тишину на море? Бывали и таковые случаи, что внезапно и ветер на море утихал, и волнение прекращалось; мы знаем, что некогда утихла буря на море, когда плывшие воззвали к Могущему спасти: Господи, спаси нас, погибаем!

Вспомним, что делали корабельщики того корабля, на котором плыл пророк Иона, хотевший бежать от Господа? Видя близкую гибель корабля, корабельщики признали в страшной буре гнев Божий и наказание за чьи-то грехи и стали молиться каждый своему богу. Заслуживает внимания нечто случившееся в это время на корабле. Тогда как невиновные в бедствии молились об избавлении от него, главный виновник бури спал и храпел на дне корабля. Разбуженный другими и видя в бедствии корабля указание свыше, он при-

знал свой грех непослушания Богу и упросил корабельщиков бросить его в море, чтобы прекратилась буря и никто не погиб бы ради его.

Не происходит ли нечто подобное и на нашем корабле во время настоящей бури? Тогда как одни молятся о прекращении бури, не будучи, быть может, виновниками в ней, главные виновники не хотят молиться; они как бы спустились на дно корабля, чтобы спокойно там спать. Кто они, эти виновники? Не те ли, кто, зная волю Божию, намеренно противятся ей? Кто хочет убежать от Вездесущего и Всевидящего. Спустились на самое дно порока и нечестия; в отступлении от Бога они говорят: несть Бог! Не видит Бог!

Итак, что нам делать? Покаемся; ибо за грехи послана такая буря бедствий на нашу страну. Каждый да познает свой грех и оставит его. Кто грешит отступлением от Бога, пусть возвратится к Богу и к матери своей – Церкви. Кто поклоняется золотому тельцу и Маммоне, пусть оставит свое идолопоклонство, зная, что в день смерти или общей гибели не спасет богатство. Кто предан был пьянству, разврату, пусть начнет борьбу со своими пороками, твердо веря Писанию, что ни блудницы, ни пьяницы Царствия Божия не наследят, и что за эти грехи постигает гнев Божий еще в этой жизни.

Думающие, что посредством смуты, крамолы, возмущения против начальства и власти можно достигнуть благоустройства государственной жизни, весьма ошибаются.

Государства устраиваются не посредством смут и волнений, а мирным путем, посредством благоустройства каждым членом государства своей собственной жизни.

Счастье не в награбленном или насильно отнятом чужом имуществе, а в довольстве своим благоприобретенным достоянием. Счастье не в низменных плотских удовольствиях, а в спокойствии совести, приобретаемом исполнением своего долга и нравственного закона.

Будем все искать такого царствия и получим от Бога мир и благословение, утихнут эти ветры и буря на нашем житейском море и сохранится наш государственный корабль.

Итак, да прекратятся смуты и волнения. Да не будет более подстрекателей на противление власти; да прекратятся пожары, грабежи, убийства! – Соберись, русский народ, воедино около своего богоданного Царя и, по призыву его, думай с ним единую думу о благоустроении земли Русской; делай это дело мирно с молитвой, и Бог возвратит тебе благоденственное и мирное житие.

**Речь по прочтении известий о неудавшихся
преступных замыслах, имевших целию посягательство
на священную особу благочестивейшего Государя-
императора Николая Александровича и высших
должностных лиц Империи, — пред благодарственным
Господу Богу молебствием по этому случаю**

Мы слышали сейчас весть ужасную, весть, при которой мысли мнутся и мешаются чувства страха и радости. Страшно и подумать о тех последствиях, к каким могло привести исполнение ужасного злодейского замысла.

Но, слава Богу! Это был только как бы страшный сон! Мы же, подобно пробудившемуся после такого сновидения, радуемся, что с нами не случилось того, что грезилось.

Хочется молиться, хочется и благодарить Бога.

Молиться за нашу многострадальную Родину, да не предаст ее Господь на конечную погибель.

Хочется и благодарить Господа за спасающую нас руку Его.

Благословен Бог, не допустивший и теперь к исполнению ужасного замысла крамолы!

Благословен Бог, спасавший и опять спасший священную жизнь Царя, верных слуг его и дом его!

Смею думать, что не погрешу против истины, если наименую царствующего Государя нашего Царем многострадальным. Обретаю повод к сему в самом дне его рождения. Ведь он родился в тот день, когда Церковь совершает память Иова Многострадального.

Он – Царь многострадальный народа многострадального!

Россияне! Будем благодарить Господа за дарованное нам спасение! Будем и молиться за возлюбленного нашего Монарха, который обречен был крамолою на смерть за верность его своему долгу, своему народу, с которым он сочетался верою и кровию, но спасен был десницею Божиею.

Будем и мы готовы умереть за него. Будем жизнь и смерть охранять жизнь его! Боже, храни Царя! Боже, прослави Царя! Господи! Силою Твоею да возвеселится Царь и о спасении Твоем да возрадуется зело.

А вместе с ним и мы, верные ему, возрадуемся и возвеселимся в сей день, его же сотвори нам Господь!

**Речь пред благодарственным молебном по случаю
избавления от смертной опасности, во время
плавания на яхте «Штандарт», Его Императорского
Величества с августейшим семейством**

Печать принесла известие сколько ужасное, столько и отрадное. Ужасное по той опасности, какая грозила возлюбленному Монарху нашему во время плавания Его Величества с августейшим семейством в водах Балтийского моря; но в то же время эта весть стала отрадною, так как грозившая опасность благополучно миновала.

Опасность состояла в том, что яхта – морское судно, на котором находился Государь с его семейством, нашла на подводный камень. Удар был столь сильный, что на дне судна образовались пробоины, и передняя часть его, наполнившись водой, засела на камне; а задняя часть, где находилась Царская семья, поднялась. Опасность погружения всего судна в воду, а с ним и всего, что находилось в нем, грозила ежеминутно. Но Господь сохранил драгоценную жизнь Помазанника Своего и его семьи, к радости всего царелюбивого русского народа. Будем видеть в этом событии знамение

того, что Господь, уже четыре раза спасший от смерти жизнь добрейшего и благочестивейшего Царя нашего¹, сохранил эту жизнь, и не иначе, как для благих Своих целей, и что, несмотря на всю виновность нашу пред правдою Божиею, Он, милосердный, не совсем отвратил лице Свое от нас, но в спасении Царя, особенно от последних двух опасностей, угрожавших жизни его и членов семьи его, дает нам знамение милости Своей к нам и к злополучному в последнее время Отечеству нашему. Будем благодарны Спасителю нашему за милости Его к нам, грешным; но будем и каяться в тех грехах наших, за которые постигает нас Божие наказание. А эти грехи наши очевидны. Это – в верхних слоях нашего общества – отступление от Бога и отпадение от Церкви, соединенные с восстанием против царской и богоустановленной власти. В средних сословиях – торговом и ремесленном – отпадение от веры, от Церкви и поклонение Маммоне – богу богатства, с забытием чести, милости и правды. В низшем – крестьянском сословии – непомерное пьянство со всеми его гибельными последствиями: развратом и готовностью на всякое преступление, с непослушанием церковным уставам, оскорбительным и обидным отношением их к поставленным от Бога пастырям и служителям Церкви, а также нередко и склонением на сторону мятежников.

Братья-россияне! Возвратимся к Богу, к Церкви и к доброй жизни. Благодаря Господа за то, что Он доселе не погубил нас, не отнял у нас драгоценнейшего сокровища нашего – жизни Царя, будем и каяться в грехах и преступлениях наших, и с покаянием молиться Ему: Господи! Спаси Царя и услыши ны, воньже еще день призовем Тя!

Господи! Согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою, но не предаждь нас до конца, отцев Боже!

¹ Видимо, автор имеет в виду: крушение царского поезда у станции Борки (1888), покушение на Наследника во время пребывания в японском городе Оцу (1891); происшествие на праздник Крещения в 1905 г. у Зимнего дворца, когда одно из орудий Петропавловской крепости во время салюта вместо холостого заряда выстрелило картечью; раскрытый в марте 1907 г. заговор эсеров по убийству Государя и Великого князя Николая Николаевича.

**Речь пред благодарным молебном по случаю
полученного известия о посягательстве на жизнь
г. обер-прокурора Святейшего Синода, действительного
тайного советника К. П. Победоносцева¹**

Что делать по поводу сейчас прочитанного извещения: скорбеть или радоваться? В настоящие минуты наше сознание обретает в душе нашей совмещение обоих чувств – и скорби, и радости; скорбь – по причине замысла на ужасное преступление, радость – о спасении дорогой жизни от руки злоумышленника. Прискорбно, и в то же время страшно, слышать опять о покушении на жизнь другого сановника из среды окружающих царственный Престол, одного из первых защитников тех истин, которые составляют основу государства: истины церковного Православия, Самодержавия и русской Народности. Прискорбно, что на почве нашей общественной жизни стали появляться столь горькие и вредоносные плоды, выражающиеся в волнениях учащейся молодежи, нарушающих общественный порядок и спокойствие. Тем печальнее видеть эти, скажем словами царственного пророка, *беззакония и пререкания во градах, днем и ноцию обхождения по стогнам их, соединенные иногда с насилием и неправдою* (Пс. 54, 11), что творящие это составляют цвет нашего общества, надежду его, что так поступающие – будущие деятели на поприщах государственной, общественной и промышленной жизни, быть может, будущие представители науки.

¹ На обер-прокурора Св. Синода Константина Петровича Победоносцева (1827–1907) было совершено несколько покушений. В данном случае имеется в виду покушение 1905 г. Газета «Слово» так описывает это событие: «Царское Село, 6-го июля. Сегодня в 12-м часу дня на перроне Царскосельского вокзала совершено было покушение на жизнь обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Когда К. П. вышел из вагона, к нему быстро направился неизвестный молодой человек и хотел выстрелить в него из револьвера. Прибывший с тем же поездом пассажир схватил злодея и передал в руки полиции. Только самообладание, находчивость и быстрота пассажира, отказавшегося даже назвать свое имя, избавили К. П. от смерти».

Где причина этих довольно часто повторяющихся печальных явлений нашей общественной жизни? – Так как представители общественной мысли уже начали выражать свои суждения по поводу всем известных теперь событий, вышедших из стен учебных заведений на стогны града, то позволительно и церковному проповеднику выразить мысли о том же, согласно с учением Слова Божия и под руководством Православной Церкви.

Прежде всего церковный проповедник должен сказать ту непреложную истину, содержащую Церковью, что общественные бедствия суть наказания за общественные грехи; затем – что для отвращения таковых бедствий нужно общественное же сознание своей виновности в них и греховности пред Богом; что таковое сознание должно быть соединено с покаянием и исправлением.

Поэтому не следует ли всем нам с сердечным вздохом исповедать, как некогда исповедал пред Богом свое отступление народ иудейский: согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою, ниже соблюдохом, ниже сотворихом, якоже заповедал еси нам.

Если мы захотим оправдываться, как ни в чем не повинные, то нас обличит евангельское изречение: *не может древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити. От плода древо познано будет* (Мф. 7, 18; 12, 33). Мы – древо, а молодое поколение – плоды; они – нашего поля ягоды; нашими соками они питались, и каковы были соки, таковы и плоды.

Каждый из нас, конечно, не признает себя единственным виновником столь горьких плодов, но в то же время мы не можем не сознаться, если здраво рассуждать будем, что мы все вообще более или менее виновны в этих печальных порождениях нашего времени. Когда в доме от множества дышащих воздух заражается или портится, то в этом нельзя винить никого, взятого отдельно, как единственную причину порчи комнатной атмосферы, но все взятые вместе виновны в этой порче. Не то же ли в своем роде бывает и при порче нравственной атмосферы целой семьи, общества и государства?

Поэтому, и в самом деле, не следует ли всем и каждому из нас прежде всего покаяться? – А для того, чтобы знать, в чем мы должны каяться, станем пред зеркалом совести нашей, пред зеркалом нравственного закона, при освещении евангельским учением, под руководством Православной Церкви, и рассмотрим всю нашу жизнь. Если совесть наша ни в чем преступном не упрекнет нас ни пред детьми нашими, ни пред семьей нашей, то – слава Богу, *слава, и честь, и мир всякому делающему благое* (Рим. 2, 10). Если же совесть наша не одобрит нашего образа жизни в каком-либо отношении, то поспешим исправиться, чтобы нераскаянностью не привлечь большего зла.

Но мы собрались не для того только, чтобы повергнуть печаль нашу пред Богом, но и для принесения благодарения нашему Господу, благодетелю нам и благоволившему сохранить дорогую для Церкви и государства жизнь маститого сановника, над которым уже не раз проявлялась милость Божия, спасающая его от рук злоумышляющих на него. Будем усматривать в совершившемся спасении жизни милость Божию как в отношении к спасенному, так в отношении и ко всему телу Церкви и государства.

Итак, помолимся, не наружно только, но сердечно, и искренно скажем: «Слава Тебе, Богу, Благодателю нашему, во веки веков».

**Речь, произнесенная на торжественном
открытии в г. Томске Русского народного
общества «За Веру, Царя и Отечество»**

«Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас».¹

Эти царские слова, обращенные к русским людям, послужили основой «Союза Объединенного Русского Народа». «Союз Русского Народа» не партия или выделившаяся какая-

¹ Слова, сказанные Императором Николаем II 22 декабря 1905 г. во время Высочайшего приема депутации Союза Русского Народа во главе с руководителем Союза А. И. Дубровиным.

либо часть из среды обитателей Русской земли. Нет. Это – союз всех патриотических союзов, это – ключ объединенного русского народа. К этому союзу принадлежит и ныне открываемое здесь Русское народное общество «За Веру, Царя и Отечество»¹. Знамя «Союза Объединенного Русского Народа» принадлежит всему русскому народу. Под этим знаменем объединялось, укреплялось и возрастало Русское государство. Православие, Самодержавие и Русь нераздельная – вот знамя русского народа. Как бы стоя в соответствии к трехцветному русскому знамени, Православие, Самодержавие и русская Народность в то же время составляют три главнейшие основы, на которых стояло и стоит Русское государство. Православие объединило народ русский в одно тело. Принявшие православие инородцы стали русскими: православный в устах народа значит – русский. Иноверец, по понятию того же народа, – значит – нерусский; он гость у него, хотя иногда самый любезный: ему отводилось почетное место в переднем углу; ему предоставлялись права, почет и полная свобода жить и веровать по-своему, но все-таки он считался гостем, а не своим семейным человеком. Вся земля Русская, купленная кровию русских людей, мыслилась как одна русская семья, у которой гостило много людей, которых хозяин не обижал, но радушно принимал, делил с ними хлеб и соль.

Самодержавие явилось вместе с царскою властью. Царь мыслился не иначе, как самодержавным. Бог на небе, Царь на земле, – так говорил русский народ. Это значило: как на небе один Бог, одна власть, всем управляющая, никому не подчиненная, никому не дающая отчета, так и на земле одна власть – царская: она источник всякой власти в государстве. Царь никому не дает отчета, кроме Бога и своей совести. Русский народ никогда не желал ограничивать власть своего Царя, ибо у него были на глазах те иноземные государства, где власть Царя

¹ Общество было позднее преобразовано в Томский отдел Союза Русского Народа, почетным председателем которого состоял святитель Макарий. В 1909 г. террористами был убит зам. председателя отдела иеромонах Игнатий (Дверницкий).

ограничивалась народным представительством, называемым там парламентами. У соседей наших, родственных нам поляков, парламент носил название Речи Посполитой.

Видел русский народ, к каким бедствиям приводило страну ограничение царской власти. Посполитая Речь привела Польшу к раздроблению и к потере самостоятельности, ибо там никто не хотел знать царя, а всякий хотел строить государство по-своему, всякий захудалый панок распоряжался жизнью, честью и имуществом холопов; разделение власти царской с народом привело к многовластию; многовластие – к беспорядкам; беспорядки – к ослаблению и падению государства.

Говоря о самодержавии, мы разумеем под этим именем сосредоточение всякой власти в одном лице, для водворения правды, справедливости и порядка; но мы отнюдь не хотим утверждать этим названием права на самоволие и произвол.

Мы не утверждаем, что Царь, обладая неограниченной властью, не нуждается в помощи самого народа для правомерного управления страной.

Для Царя нужно представительство от народа, которое излагало бы пред ним свои нужды и вместе с Царем обдумывало бы, как помочь народной скорби. Но представительство для нашего Царя нужно не такое, какое существует в других странах, под названием парламентов. Ни для кого теперь не тайна, что в парламентарных государствах движущей силой служит подкуп, что там народные представители состоят на содержании богатых и что труд там отдается в порабощение капиталу.

Не нужно и такого, каким заявила себя первая Дума наша, просуществовавшая недолго, но наделавшая вреда много.

Нашему Царю нужно представительство истинно русских людей.

В старые времена благочестивейшие Цари наши собирали к себе представителей от народа для обсуждения особенно важных дел. Такого рода собрания носили название Земских соборов. Эти Соборы устраивались так: Царь посылал указы воеводам, повелевая им послать в Москву людей крепких (богобоязненных), добрых, разумных, знающих народное горе

и тесноту и могущих о том рассказать. Воеводы передавали указы волостям. Выборы производились в церквях, потом в кафедральных соборах. Предварялись они молитвою, иногда соединенною с постом.

Если бы выбранные в волостях оказались не удовлетворяющими тем качествам, какие требовались от них, то их не допустил бы на Собор воевода; а если бы кто и хотел обратиться подкупом на Собор, то и оттуда изгнали бы его с позором (наказавши и воеводу, и волость за нарушение царского указа, требовавшего присылки на Собор людей крепких, добрых и разумных).

На Земском соборе присутствовал сам Царь; возле него Патриарх или митрополит, затем выборные от духовенства, из архиереев или игуменов, чтимых народом за благочестие; и затем выборные от боярства, чиновников, купечества и выборные от крестьянства всей земли.

Было и в старину лихолетье на Руси, какое видим теперь. Так, когда на Руси прекратился царственный род Рюриковичей¹, то стали происходить смуты; бояре делились на партии, одни хотели избрать себе царем польского царевича, другие — шведского, а иные желали сами овладеть Престолом.

Одни приставали к одному самозванцу, другие переходили к другому, а потом оставляли и того, и другого. Русь была на краю гибели. Когда же собрался Земский собор, то он пришел к единомыслию не только между собой, но и со всем народом. Когда митрополит вышел к народу, чтобы объявить об избрании на царство Михаила Феодоровича, то, прежде чем успел сказать об этом слово, весь народ единогласно воскликнул: «Михаил Феодорович Романов да будет Царем всея Руси!» Деление на партии прекратилось; ибо русский народ и на себе, и на соседях своих видел, к каким бедствиям приводит это разделение.

Да послужит это уроком для нашего времени. Прекратим наши разделения: объединимся все около Святой Церк-

¹ Последний Царь династии Рюриковичей Федор Иоаннович (сын Иоанна Васильевича Грозного) скончался в 1598 г.

ви, около Царского Престола. Во время лихолетья Земский собор объединил всех: и бояр, и духовенство, и купечество, и земледельцев. Для настоящего времени да сослужит такую службу древнего Земского собора наш так называемый «Союз Объединенного Русского Народа» и соединенное с ним Русское народное общество «За Веру, Царя и Отечество». Пусть этот союз высоко держит свое трехцветное знамя, на котором начертаны: Православие, Самодержавие и русская Народность, чтобы все русские люди видели это знамя и собирались к нему. Лиходеи Русской земли, желая воспрепятствовать народному объединению, распускают клевету на «Союз Русского Народа», говоря, что этот «Союз Русского Народа» не желает обновления Русской земли, но хочет все возратить к старым беспорядкам. На это можно ответить от имени народа русского, что для него лучше бы возвратиться к тем временам, когда чувствовалась на земле власть, страшная для злодеев и добрая для добрых, чем жить при настоящих свободах, которыми пользуются больше злые люди, чем мирные жители страны. Для лиходеев открылась широкая дверь для грабежей, убийств, обманов, а мирные жители находятся в постоянном страхе за свою жизнь, честь и имущество. Да и то нужно сказать, что «Союз Русского Народа» отнюдь не идет против обновления общественной и государственной жизни.

Он готов содействовать всеми средствами обновлению, но обновлению мирному, при посредстве установленных от Царя властей и при деятельном участии представительства от истинно русского народа, в полном согласии с Царем, под условием неизменного охранения исконных основ Русского государства: православия веры, самодержавия Царя, при нераздельном единстве и господстве народа и при дружелюбном отношении ко всем иноверцам, инородцам и пришельцам земли Русской.

Итак, объединяйся, русский народ, на тебя рассчитывает Царь, тебя благословляет Церковь, тебя благословлять будет потомство, если сохранишь завет старины и обновишь в духе

мира и любви все обветшавшее, попортившееся, если, все испытывая, держаться будешь только доброго.

В чем да поможет нам Бог!

**Да не будут в вас распри
(Беседа в неделю 8-ю по Пятидесятнице)**

Молю вы, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будут в вас распри

(1 Кор. 1, 10–18)

Святой апостол Павел увещевает коринфских христиан сохранять между собой во всем согласие и избегать распрей. Поводом к такому увещанию послужило дошедшее до него известие о происшедшем среди коринфских христиан разделении. Это известие принесено было ему членами семьи известной тогда христианки Хлои. Разделение состояло в том, что коринфские христиане стали называться по именам тех учителей, каких кто почитал более близкими для себя, или лучшими других; один говорил: я – Павлов, другой: я – Аполлосов, третий: Кифин или Петров, а я – Христов. Предусматривая печальные последствия, могущие произойти от такого разделения, Апостол увещевает коринфян хранить между собою единение в мыслях, единение в словах: не называться именами разных учителей, хотя бы то были и святые апостолы, но быть всем учениками единого Учителя – Господа Иисуса Христа, и всем именоваться по Его святейшему имени – учениками Христовыми. А кто хочет быть истинным учеником Христовым, тот должен соблюдать завет своего Божественного Учителя, данный Его первым ученикам-апостолам. *Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте*, – говорил Он им. Какие заповеди? Прежде всего заповедь о любви: *Сие заповедую вам, да любите друг друга*

(Ин. 15, 17). *О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35).

Где разделение, там нет любви. Только любовь все объединяет, все связывает. В мире видимом и в мире нравственном все связано между собой любовью. Ничто в мире не живет только для себя, но все служит другим. Солнце не для себя светит, вода не себя поит, огонь не себя согревает, земля не для себя произращает траву, хлеб, деревья и плоды. И стаи птиц, и стада животных связаны любовью. Общества человеческие существовать могут только при условиях любящей взаимопомощи. Тем более нужна и обязательна любовь для обществ христианских. Любовь созидает, а разделение ведет к разрушению. Всякий город, всякое царство, разделившееся само в себе, не устоит, – изрек Господь.

Молю вы, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будут в вас распри (ст. 10). Это увещание апостольское относится столько же к христианам нашего времени, как и к коринфским. Наше время, по преимуществу, есть время распрей. Если к какому времени может относиться предсказание Христово, что за умножение беззакония иссякнет любви многих, то оно более всего может относиться к нашему времени, к нашей ставшей теперь несчастной стране.

Умножилось среди нас беззаконие, оскудела и любовь. Мы уподобились тому народу, о котором некогда пророк говорил: с ног до головы струп; и гнойная рана (Исайя). Беззаконие вверху, беззаконие в середине, грех и беззаконие внизу. Вверху – отступление от Бога, отпадение от веры и Церкви. В середине – поклонение Маммоне и золотому тельцу, а в нижних слоях у простого народа – пьянство и разврат; за умножение беззакония оскудела в земле нашей любовь; восстают брат на брата, сосед на соседа, бедный на богатого. Повсюду раздор, грабеж, повсюду распря. Русский народ разделился на множество враждебных станом, одних другим враждебных. Разномыслие в делах веры и в делах общественного и государственного порядка породило эту страшную смуту, кото-

рая охватила теперь всю землю Русскую. Недостаток терпеливого отношения к чужим мнениям породил вражду между партиями, а вражда произвела нестроения и в общественной, и в государственной жизни.

Разномыслие в суждениях о существующем порядке государственной жизни послужило причиной разделения нашего государства самого в себе: оно восстановило членов одной семьи друг против друга.

Разномыслие сделало то, что ученики восстают на учителей, воспитываемые на воспитателей. Горделивое самомнение детей восстановило их против родителей. Теперь дочь оскорбляет свою мать за ее убеждения, имеющие за собою вековую давность. Мать плачет о дочери, что она увлеклась модными учениями и смеется над верой и благочестием матери. Сын отходит от отца потому-де, что не желает есть хлеб, приобретаемый отцом его своей верной службой Царю и Отечеству и верностью данной им присяге.

Молю вы, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, да не будут в вас распри... Как далеки от этого благого совета в наше время и те органы нашей печати, которые посевают раздор между членами русской семьи, возбуждают одних против других, предают общественному позору невинных, извращая истину для своих целей, представляя ошибку, свойственную всякому деятелю, пороком, заслуживающим общественной кары. Как далеки от евангельского братолюбия те, кто дает веру всякому, хотя бы передаваемому и чрез печать, слуху, позорящему частных или общественных деятелей, без осведомления о степени и верности этих слухов. Еще дальше от этой благоснисходительности те, кто со злорадованием прислушивается к звукам этого нравственного бичевания своих братьев. Они забывают, что злорадование есть такой же порок, как и тот, за который виновный подвергается публичному позору. Скажем более: может случиться, что злорадующий окажется более виновным, чем тот, к кому относится его злая радость. Ведь в числе злословимых весьма часто бывают люди неповинные, даже праведники. И Сам Божественный Учитель

наш не подвергался ли злословию, как написано: *Злословия злословящих Тебя пали на Меня* (Рим. 15, 3).

Молим вы, братие, да не будут в вас распри. Ибо на распри счастье людей не создается. *Лучше черствый кусок хлеба с миром, чем стол, полный яств, с раздором*, – говорила древняя мудрость.

Распри приводят не к благоустроению, а к разрушению. Где распри, там разделение, а где разделение, там разрушение; царство, разделившееся на ся, не устоит. Распри приводят не к свободе, а к порабощению. Римские владыки покорили себе некогда весь мир посредством разделения, держась правила, выраженного в изречении: *разделяй и управляй*¹. Значит те, кто производит распри в обществе, в государстве, ведут общество и государство к разделению, а разделение – к порабощению и гибели, от чего да сохранил нас Бог.

Итак, словами Апостола умоляем вас, братие, остерегайтесь производящих разделения и соблазны вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них; ибо таковые люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных. Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре (Рим. 16, 17, 20).

Современное идолопоклонство (Беседа в неделю 17-ю по Пятидесятнице)

2 Кор. 6, 16–18; 7, 1

В настоящую 17-ю неделю по Пятидесятнице, в обычное время, в церкви предложено было следующее чтение из послания апостола Павла к коринфянам:

Братие, кое сложение (т.е. какая совместность) Церкви Божией со идолы? Вы бо есте церкви Бога жива, якоже рече

¹ Древнеримское изречение «divide et impera» обычно переводится как «разделяй и властвуй».

Бог: яко вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тиши будут ми людие. Тем же (т.е. поэтому) изыдите от среды их (язычников) и отлучитесь, глаголет Господь, и нечистоте их не прикасайтесь; и Аз приму вы. И буду вам во Отца, и вы будете Мне в сыны и дщери, глаголет Господь Вседержитель. Сицева убо имуща обетования, о возлюбленнии, очистим себе от всякия скверны плоти и духа, творяще святыню в страхе Божии.

Смысл этого апостольского чтения таков.

Возлюбленные, — так апостол Павел называет коринфских христиан, — не участвуйте в пороках окружающих вас язычников и особенно уклоняйтесь от идолослужения. Ибо какая совместность храма Божия с идолами? А вы ведь храмы Божии. О вас предсказано было чрез пророка, что Бог вселится в вас, будет вам Богом, а вы Его народом; Он будет вам Отец, а вы будете Его сынами и дщерями. Эти обетования исполнились на вас: вы — народ Божий, вы — дети Божии. Имея такие обетования, очистим себя от скверны плоти и духа; будем очищать себя не из страха наказания, не ради славы человеческой, а из страха Божия, боясь отпасть от любви Божией.

Братие-христиане! Что сказано коринфским христианам, то относится и к христианам нашего времени. Наставление апостольское: *не преклоняйтесь под чужое иго с неверными*, относится и к нам так же, как к коринфским христианам. Правда, теперь нет около нас язычников, какие были среди коринфских христиан; нет у нас храмов ни Юпитера, ни Венеры, не допущена постройка и храма Будды¹. Нет среди нас глубокого отпадения от христианства в язычество.

Но утонченное богоотступничество, колебание в вере и даже отпадение от правой веры, хотя и негласное, есть, и притом в широких размерах и в видах, иногда ужасающих. Кто изочтет среди христиан нашего времени всех безбожников, всех вероотступников? Кто перечтет всех хулителей Церкви, имена начальников ересей и сект с их противным православ-

¹ Буддийский дацан был все-таки построен в 1909–1915 гг. Строительство началось после смерти св. праведного Иоанна Кронштадтского, который был решительным противником строительства языческой кумирни.

ной истине учением, всех раскольнических толков, которыми так обильно наше время? Нет у нас на площадях идолов, изображений ложных богов, пред которыми кто-либо поклонялся бы или воскурял фимиам: они у нас хотя и есть, но стоят только как статуи, без чествования. Но зато трудно найти людей, у которых не было бы какого-либо своего домашнего бога: у иного этим богом служит любимый до обожания человек, а иногда и не человек, а животное. Другие поклоняются Бахусу, богу пьянства, принося ему в жертву страсть к вину; иные предаются распутству, как бы чествуя этим Венеру, богиню разврата; у иных бог – чрево их; иные поклоняются золотому тельцу: их бог – богатство, страсть к наживе; иные, гоняясь за славой, попирают и веру, и совесть, и честь; и всякая страсть есть своего рода идол. У игрока игорный стол не составляет ли жертвенника, на который он кладет мир своей совести, свое достоинство, покой и счастье своей семьи? Для театрала театр с его лицедеями не есть ли капище, куда он ежедневно приносит жертву?

Все это – идолопоклонство, или нечестие, скверна плоти или скверна духа. Все предающиеся этим порокам перестали быть храмами Божиими; в них не может обитать Бог. Ибо какое согласие между Христом и Велиаром? Они стали жилищами греха, а чрез то обиталищем сатаны, хотя, быть может, сами и не сознают этого. Но это ясно можно видеть из дел их, как дерево познается по плодам его. Признаки присутствия Божия в человеке, или плоды Духа, суть: смирение, покаяние, любовь, радость, мир со всеми, долготерпение, живая вера, кротость с перенесением обид, воздержание во всем. Признаки же присутствия в человеке духа сатанинского суть: гордость, нераскаянность, злоба, печаль и отчаяние; вражда, нетерпеливость, мстительность, сомнение, неверие, невоздержание.

Возлюбленные! Очистим себя от всякой скверны плоти и духа. Это увещание Апостола столько же относится и к нам, братие, сколько к коринфским христианам.

Мы удостоились великой чести: мы, крестившиеся во Христа, облеклись во Христа и стали чадами Божиими. Мы,

восприявшие духа благодати чрез помазание святым миром, стали жилищами Духа Божия. Мы, вкусившие небесного дара чрез приобщение Тела и Крови Христовой, стали храмами Божиими, членами тела Христова. Нам даны великие обетования: нам отложено наследие на небесах. Сподобившись всего этого, имея столь великие обетования, возлюбленные, очистим себя от всякой скверны плоти и духа. Если бы кто пожелал знать, как очищать себя от скверны плоти и духа, тот пусть обратится к руководству матери своей – Церкви, и советам своих духовных пастырей и учителей. Ваше право – требовать слово от уст священника; а на священнике лежит долг поучать вверенную ему паству.

У кого нечистота плоти или духа не успела глубоко проникнуть во весь состав его, в его тело и дух, а только стала как бы приражаться к нему, тот пусть поспешит очистить его сокрушением сердца, а если может, пусть омоет слезами покаяния, исповедию пред духовником и исполнением того, что он посоветует ему делать для его исправления.

У кого нечистота проникла глубоко, кто предан распутству, пьянству, кто приобрел характер гордый, сребролюбивый, склонный к вражде, зависти и т.п., тот пусть займется продолжительным лечением своего нравственного недуга под руководством опять тех же духовных врачей; пусть удаляется от всего, что питает страсть; пусть употребляет все то, что служит к ослаблению или уничтожению ее. Иному, быть может, нужно разорвать связи греховные; другому – прекратить выходы в те места, где для него предстоит соблазн. Скупому нужно нудить себя к подаению милостыни, к делам благотворения, хотя бы это сперва совершалось и неохотно. Гордому, самолюбивому нужно делать вопреки тому, что внушать будут ему горделивые помыслы; нужно нудить себя не искать *своих* *сих*, своей пользы или удовольствия, но *яже ближняго*, того, что относится к благу ближнего. При этом нужно помнить, что такого рода очищение себя нелегко дается, оно потребует борьбы, и борьбы иногда весьма тяжелой, при отречении от греховных привычек придется испытывать столько же великую

нравственную боль, какую испытывает человек при отнятии больного члена. Это подвиг весьма тяжкий, своими силами его нельзя совершить; нужна здесь всесильная помощь Божия, которая подается тем, кто молитвенно и со смирением испрашивает ее у Бога. Значит, кто хочет очистить себя от грехов, тот должен молиться часто, усердно. Но благо тому человеку, который принял на себя иго Христова от юности своей, кто сохранил одежду крещения непорочною до того времени, когда он начал жизнь самостоятельную: он без борьбы вступает в жизнь добродетельную. Благо тому, кого родители с младенчества воспитали в добрых правилах христианской жизни и не только сохранили непорочность его, но и приготовили его к борьбе с соблазнами, какие предлежат ему при вступлении в жизнь самостоятельную.

Блажен, кто хранит себя в святыне; блажен, кто сохраняет эту святыню и в детях своих чрез воспитание их в страхе Божию.

Возлюбленные! Очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню во страхе Божию.

**Не всякий богач будет осужден
и не всякий бедняк будет награжден
(Поучение в неделю 22-ю по Пятидесятнице)**

Чадю! Помяни, яко восприял
еси благая твоя в животе твоём,
и Лазарь такожде злая ныне же
зде утешается, ты же страждеши
(Лк. 16, 25)

У некоторых людей есть недобрый обычай не сознавать за собой тех действительных пороков, в которых они бывают обличаемы, и не узнавать себя в тех притчах, подобиях и иносказаниях, в которых изображаются их слабости и пороки. Это можно сказать и в отношении к евангельской притче

о богатом и Лазаре, чтение которой мы слышали. Многие из нас, вероятно, не узнали себя в этой притче; напротив, некоторые, быть может, подумали: это не обо мне сказано, а о ком-то другом. Не прилагая эту притчу к себе, некоторые из слушателей, вероятно, относили ее то к тому, то к другому известному лицу, например, к обитателю какого-либо большого дома или к какому-либо торговому человеку, или к заводчику, или к золотопромышленнику, или к кому-либо из получающих большой оклад жалованья, к посетителям увеселительных зрелищ и собраний. Нет, братие, не ко всем таковым относится сказанная притча, но только к некоторым, а может быть, ни к кому из тех, о ком мы думали. Не все богатые осуждаются ею, но только некоторые. Этой притчей осуждается не богатство, а крайнее себялюбие, сластолюбие, жестокость, немилосердие и забвение Бога. Были и есть богатые, которым богатство не только не послужило во вред, но помогало им Богу угодить и душу свою спасти. Был Авраам богат, но он назван другом Божиим, отцом верующих; был Иов богат, но он был оком слепых, ногою хромым, отцом немощных (Иов. 29, 15). Был богат Филарет милостивый, но он ублажается в числе святых. Итак, повторяем, не богатство осуждается и не ко всем богачам, и не к тем только, кто живет в большом доме, относится притча о богатом и Лазаре, а к людям и среднего и даже бедного состояния. Она может относиться ко всякому, кто, имея избыток, не делится им с другими; кто, имея хотя бы малое достояние, все целиком употребляет только на себя, на удовлетворение только своих прихотей. Кто, принадлежа к среднему классу людей и получая ежемесячных доходов, например, несколько златниц, все без остатка употребляет только на себя: часть – на пропитание, на одежду, а остальное – на предметы роскоши или греховные удовольствия: на театр, цирк, на вино, на картежную игру, на покупку безделок и другие ненужные вещи, но ни одной лепты не приносит в храм, ничего не подает нуждающемуся, копейки не вложит в кружку на сирот, на вдов, на дело Божие, на дело благотворительности, – тот осудится вместе с тем же евангельским богачом.

Если кто живет дневным трудом, в услужении другим, и получаемую плату делит на дело и безделье; если, например, служанка, кухарка, горничная получаемую плату тратит только на себя, на приобретение таких головных уборов, какие видит на своей госпоже, на платье по последнему покрою, из подражания зажиточным людям, вообще – кто живет выше своего состояния и ничего не уделяет от праведных трудов своих ни в дар Богу, ни на помощь другим, беднейшим, тот осужден будет за злоупотребление дарами Божиими, как и богатые люди, удерживающие то достояние, какое дано им от Бога для того, чтобы они уделяли избытки свои нуждающимся.

В названной евангельской притче, где осуждается богач, облачавшийся в роскошные и мягкие одежды, восхваляется, напротив, убогий Лазарь, душу которого по смерти ангелы перенесли на лоно Авраамово, в райские обители. И здесь не за то ублажается бедный Лазарь, что он был беден, а за то, что, находясь в крайней бедности, будучи обложен гнойными струпами, всеми оставленный, он терпеливо переносил свою горе, свою болезнь, свою нужду. Есть много бедняков и ныне; если заглянем в наши ночлежные дома, на паперти церковные, то там увидим много разного рода нуждающихся в людской помощи. А сколько бедняков тайных, стыдящихся являться на улицах или стоять на папертях церковных, у богатых магазинов, на перекрестках улиц! Вот – бедная мать, вдова или брошенная мужем жена, на руках которой много детей, которые – один другого меньше, которых она не может оставлять одних, чтобы идти на чужую поденную работу; вот – сироты, оставшиеся после смерти родителей, вполне бесприютные, о которых некому позаботиться. Все таковые, терпеливо несущие бремя нищенства, сиротства и вдовства, все они получают, за терпение свое, воздаяние вместе с Лазарем убогим.

Но есть другого рода бедняки, которых бедность не послужит им во спасение и которые потому сугубо несчастны: они и здесь бедствуют, и в будущем не имеют надежды на воздаяние. Это те, которые могли бы выйти из бедности, но не хотят, так как не желают трудиться; это – те, которым ни-

какая людская помощь не может принести пользы, так как они добровольно приобрели несчастную страсть к вину, и все достояние свое и всякое подавание от людей употребляют на удовлетворение своего несчастного порока; это – те, которые предпочитают честному труду воровство, которых постоянное местопребывание – ночлежные дома, сокровенные места. Это – те несчастные, которые расточают свое имущество подобно евангельскому блудному сыну и не хотят прийти в раскаяние, чтобы отстать от своей порочной жизни. Все такие, если не покаются, не имеют права надеяться получить по смерти своей то блаженство, какого удостоился евангельский Лазарь убогий.

Если не всякий богач будет осужден и не всякий бедняк будет награжден, то какой смысл заключается в евангельской притче о богатом и Лазаре? Господь показал этою притчею, что богатому трудно войти в Царствие Небесное, притом настолько трудно, что удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царствие небесное. Впрочем, трудно, но не совсем невозможно богатому получить жизнь вечную. А что и для богатых есть возможность получить Царствие небесное, Он указал для этого и способ, именно: *продадите имущества ваши и дадите милостыню* (Лк. 12, 33). Итак, вот способ для богатых войти в жизнь вечную: раздать имение бедным. Они и получили избыток земных благ для того, чтобы делились своим достоянием с нуждающимися. Богач, удерживающий руку свою от раздаяния сокровищ бедным, по учению Св. Отцов, будет осужден так же, как и бедняк, похищающий чужое достояние. Но богач, щедро раздающий свое имение нуждающимся, имеет великое обетование: за это он получает сугубое воздаяние и здесь, на земле, – мирную и благополучную жизнь, и там, на небесах, – Царство Небесное. Богатому дано богатство для того, чтобы он искупил чрез него это Царство.

Если богатому даны земные блага для приобретения благ небесных, то и бедному в удел дана бедность для того, чтобы он нищетою телесною приобретал и нищету духовную, за которую обещано Царствие Небесное: богатый спасается

милостыней, а бедный – трудами, скорбями, безропотным перенесением всего, что досталось на долю его. Тяжелый, черный труд, пренебрежение со стороны сильных и богатых, скудость пропитания, убожество одеяния, бедность жилища, сухой и черствый хлеб вместо сладких блюд богатого, недостаток средств для воспитания детей; захворает бедный, некому походить за ним, нечем полечиться ему; захворай его семья, некому помочь ей, никто не посетит ее, – вот доля бедного. За терпение всего этого и обещано ему на небесах воздаяние вечным блаженством.

Блаженны нищие, но только те, которые терпеливо переносят свою нищету, не предаваясь воровству, праздности. Горе богатым, но не всем, а только тем, которые только для себя собирают и только для себя живут, а не в Бога богатеют, не желают и не ищут богатства духовного; богаты жестокостию, но бедны милосердием; богаты гордостью, но бедны смирением; богаты ожесточением сердца, но не имеют покаяния, – и вообще богаты всем, но бедны только нищетою духовною. Блаженны плачущие ныне, ибо они возрадуются после; но горе смеющимся, ибо они восплачут и возрыдают. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут, но суд без милости будет не сотворшим милости.

Братие! Будем чаще вспоминать притчу о богатом и Лазаре, чтобы не видеть горькой участи первого и удостоиться за терпение и смирение вместе со вторым, и удостоиться быть не с Авраамом только, но с Самим Христом в раю.

Против зрелищ: беседа первая (Слово православному населению г. Томска)

Печатно оповещено, что представления в новоустроенном цирке отныне будут совершаться не только в узаконенные дни и часы, но и в навечерия воскресных дней, чего доселе не было допускаемо. А в воскресные дни таковые представления будут исполняться дважды: утром – для детей, и вечером – для взрослых.

Конечно, люди благорассудительные не могут не оскорбляться и, действительно, оскорбляются таким пренебрежением к уставам Церкви и к обычаям страны, освященным давностью времени. Люди благочестивые не могут одобрять и, действительно, порицают столь явное и смелое нарушение святости праздничного дня.

Что сказать нам, служителям слова, из уст которых должны исходить суд и правда? Не должны ли мы объявить виновникам соблазна приговор, изреченный на них Тем, Кто сказал: «Горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит» (Мф. 14, 7)! Но справедливость требует сказать, что не вся вина лежит на соблазнителях; потому что и сами они были жертвою соблазна. Если же соблазнили некоторых людей отвлечением от праздничных богослужений и увлечением их к нарушению святости воскресного дня, то и сами были увлечены в соблазн теми самими, для кого они устроили соблазн. Как так? – Не могли они не заметить, как толпы народа ежедневно окружали устроенный ими шатер для зрелищ; как масса людей всяких возрастов оставалась на улице, не имея возможности проникнуть внутрь здания; как некоторые пытались проникнуть взором своим внутрь цирка, как бы в какое святилище, через скважины его; иные будто бы покушались взлезать на верх здания с тою же целию. Очевидно, что запрос толпы велик, а удовлетворение весьма недостаточно. Здание тесно, да и времени для представлений как будто было мало.

Естественно, учредители представлений в цирке могли подумать: что делать? Народ теснит нас; жаждет удовольствия видеть представления. Удовлетворить всем не можем: мало времени, только шесть дней. Почему же бы не семь? Ведь, вот, у народа остаются свободные часы, назначенные для службы Богу. Жаждающие удовольствий не посвящают этих часов религии: не воспользоваться ли нам этим праздным временем? Для чего Богу праздничный день, когда народ не служит Ему в этот день? А для нас он принес бы немалую пользу. Да и для публики, нас осаждающей, будет полезнее, если в этот день она занята будет зрением представлений. Это отвлечет многих

от пьянства, от разгула, от разорительных игр. Вероятно, не взывает Бог, если и нарушится заповедь о почитании праздничного дня: ведь это нарушение ведет к добрым последствиям: научит пьяных трезвости. Итак, *сотворим зло, чтобы вышло из него добро*. Так могли думать устроители дома соблазна; так думают и не одни они, а многие другие; думают, будто бы театрами и цирками можно научить народ добродетели.

Так ли это? – Конечно, нет. Из зла добра не выйдет. Грех грехом и останется. Пьяница театром и цирком не исправится. Из цирка народ в церковь не пойдет; и кто собирается быть в цирке, тот о церкви подумает ли? Чем больше будут наполняться зрителями театры и цирки, тем больше будут пустеть храмы Божии. А чем более будут пустеть эти училища благочестия, тем более будет умножаться в народе нечестие. Усиление порока приведет город и страну к общему нравственному развращению. А нравственное развращение приводит города и царства к падению, невозвратной гибели.

Итак, чего ожидать нам, если среди нас будут бесстрашно, открыто нарушаться заповеди Божии и уставы Церкви? Конечно, добра ждать нельзя, а беду и горе нажить можно. Но мы, проповедники покаяния и прощения, дерзнем ли угрожать каким-либо явным наказанием презрителям заповедей Божиих? – Угрожать не можем, а предостерегать должны. Мы не можем возвестить, что Господь возглаголет о них в тайном совете Своем, но можем свидетельствоваться историею народов и историею Церкви, что открытое, общественное нарушение Божией заповеди наказывается и общественным бедствием; общее развращение наказывается общею погибелью. Мы можем уверять, что никакое преступление, никакой соблазн не останутся безнаказанными. Но как совершится это наказание, предусмотреть нельзя.

За некоторые пороки и преступления скоро и очевидно последуют от Бога наказания; но бывают случаи, когда те же преступления как бы остаются безнаказанными. Что это означает?

Если за какой-либо народный грех, за открытое преступление, могущее произвести соблазн, город или страна нака-

зываются скоро и открыто каким-либо бедствием, притом – так, что всем становится явным, что это бедствие есть Божие наказание за известные грехи; если кого-либо постигает бедствие и это бедствие возбуждает виновных к покаянию и поправлению, то таковому посещению Божию нужно радоваться, следует называть его не гневом, а милостью Божиею, как иногда справедливо и называет это простой народ.

Если бы что-либо подобное постигло соблазняющих и соблазняемых, грешащих и вводящих в грех среди нас, то это была бы милость Божья. Это служило бы признаком, что Господь усматривает в нас еще нечто доброе, за которое щадит нас предать конечной гибели; что Он поступает с нами, как отец, наказывающий того сына, которого любит, что Он, как добрый садовник, наказаниями очищает нас, как Свой сад, от лишних дурных ветвей, дабы мы приносили больше добрых плодов.

Но иногда Всевидящий не посылает явных наказаний за явные пороки и преступления: как будто Он их и не замечает. Тогда народ предается еще большим порокам и доходит до того, что начинает богохульствовать, говоря: не видит Бог! Не взыщет Бог! Или же, хуже того, доходит до безумия, говоря: нет Бога!

Почему Господь оставляет таких людей без наказания и допускает им укорениться во зле? Почему не посылает на них явного бедствия, чтобы они исправились?

Потому так поступает с ними Бог, что Он не усматривает в них возможности к исправлению, так как они возгордились, ожесточили сердце свое, дошли до состояния, в котором пребывают отпадшие духи.

Что будет последствием такого состояния? – То, что люди сами себе начнут устраивать свою погибель, сами себе плести сеть погибели, в которую и попадут, и не избегнут ее. Оставленные самим себе, потерявши страх Божий, нечестивцы бесстрашно переходят от одного беззакония к другому. Порок за пороком начинает распространяться в обществе. От головы до ног – все становится как бы покрытым одним греховным струпом. Никто не помышляет о Боге, все растлились, гнусны стали их нравы. Вследствие развращения и отпадения от Бога

они лишаются Божия благословения. Без благословения Божия с городом или страной делается то же, что и с растением, лишенным влаги. Неполиваемый и неорошаемый сад начинает постепенно умирать: листья опускаются, ветви сохнут.

То же делается и с общественной жизнью. Лишенная благословения Божия, она начинает замирать. Разумные, честные и трудолюбивые общественные деятели куда-то изводятся. Место их занимает тупость, леность, себялюбие и продажность. Льготы одна за другой отнимаются, иногда по маловажным причинам. Предприятия не удаются. Дела расстраиваются. Город видимо дряхлеет и беднеет. Улицы пустеют, портятся, и некому позаботиться о них, нет сил исправить их. Сила, власть и богатство оставляют город, потому что здесь не стало для них дела. Пришелец здесь не останавливается. Самые стихии как бы восстают на него. Одно разрушается наводнением, другое истребляется огнем. Болезни свивают здесь свое гнездо, иногда по одной беспечности самих жителей. Город падает; о первой славе его останется только воспоминание. И вот этот Капернаум, вознесшийся до небес, низвергается до ада; эта Ниневия великая, которую можно пройти не менее, как в три дня, пала, и не осталось следов ее¹.

Сколько было могучих государств, сколько было цветущих городов в древности! Где они? Где Вавилон, Ассирия? Где империи Рима и Византии? Пали. Когда началось падение их? Тогда, когда стала упадать нравственность в народе. Так повествуют об этом бытописатели.

Итак, если начинает предаваться пороку целый город, целое государство, то ждать можно беды на весь город, на народ всей страны. За общественные грехи бывают и общественные бедствия.

Вот какая опасность грозит нашему городу, если соблазн сделается всеобщим, если он не будет устранен своевременно.

¹ Автор отсылает читателя к образам Св. Писания: «И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься» (Мф. 11, 23; Лк. 10, 15); «И встал Иона и пошел в Ниневию, по слову Господню; Ниневия же была город великий у Бога, на три дня ходьбы» (Ион. 3, 3).

Горе миру от соблазнов. Но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит. Лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили в глубине морской (Мф. 18, 6–7). Вот изречения суда Христова на соблазняющих.

А вот наставление евангельское и для подвергающихся соблазну. Если глаз твой соблазняет тебя, вырви и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную (ст. 9).

Братие-сограждане! Будем дорожить благословением Божиим, пребывающим доселе на городе нашем.

Не будем подавать повода для неверных злословить нашу святую веру бесстрашным и всенародным нарушением заповеди Господней. Мы не сильнее Бога, чтобы раздражать Его пренебрежением повелений Его. С Богом спорить невозможно; все будет неверно, ложно, все изменит, все обманет.

Не станем нарушать уставов Церкви, чтобы не лишиться благословения церковного. Страшно навлечь клятву матернюю, ибо она разрушает дома детей до основания. Тем страшнее навлечь клятву Церкви. Кто преслушает Церковь, тот не христианин, а как язычник и отверженный мытарь.

Пусть город наш подражает столицам, но только в добром; а от соблазнов тех городов да хранит Господь нашу общественную жизнь!

Против зрелищ: беседа вторая

Будем увещевать друг друга,
и тем более, чем более усматриваете приближение дня оного
(Евр. 10, 25)

В одном из местных органов печати было объявлено: «В субботу, 29 сентября, имеет быть концерт и после концерта танцевальный вечер. Начало в 8 часов вечера».

Итак, навечерие воскресного дня было назначено для танцев, которые, начавшись после концерта, имели продолжаться за полночь. Нет сомнения, что участники увеселения не могут быть на всенощном бдении, обыкновенно совершающемся вечером, тем более не могли прийти к Божественной литургии, совершаемой утром воскресного дня, так как они в это время предавались сну после ночного бодрствования. В числе участников увеселения, по всей вероятности, было много, а может быть, — и большинство православных христиан, не разорвавших союза с Церковью. Быть может, что некоторые из них присутствовали при этих увеселениях и участвовали в них со спокойной совестью, не думая, а может быть, — не понимая, сколь тяжкий грех они совершают против заповеди Бога, в Которого веруют, и против уставов Церкви, которой они желают считаться членами. Совесть их, быть может, успокаивалась тем, что подобных увеселительных собраний гражданский закон не преследует, значит-де, они законны. Так могут думать не только устроители и участники увеселительных зрелищ и танцевальных вечеров накануне воскресных и праздничных дней, но и другие православные обитатели города. На нас, пастырях Церкви, как стражах дома Божия, лежит долг разъяснить боголюбезной пастве нашей, сколь ошибочен сейчас сказанный взгляд некоторых христиан на таковое времяпровождение навечерий воскресных и праздничных дней, и показать им, сколь греховны пляски, танцы и увеселительные зрелища, допускаемые в часы, назначенные для служения Господу Богу, и тем предостеречь их от опасности, которая грозит делу спасения их душ.

Справедливо, что такого рода увеселения не воспрещаются гражданским законом. Но это не значит, что они согласны с нравственным законом, с евангельским учением и с уставами Церкви, которым христиане должны подчиняться. Гражданский закон только не преследует такого времяпровождения, но он никого не обязывает к этому, предоставляя всякому поступать по своему убеждению, основанному на том нравственном или религиозном законе, которому он желает повиноваться. Значит, христианская свобода такого рода зако-

нами не стесняется; значит, закон гражданский не освобождает граждан от подчинения их закону совести, закону религии. Следовательно, нарушающий нравственный закон, закон веры и устав Церкви остается ответственным за это нарушение пред законом Божиим, пред законом Церкви, хотя и не ответственным пред законом гражданским. А если это так, то христианину, желающему остаться верным своему званию, необходимо знать, как смотрит Святая Церковь и как он должен смотреть на увеселительные собрания и, в частности, — на танцы, маскарады и на недуховные концерты, устраиваемые в навечерия воскресных и праздничных дней.

Можно думать, что истинно верующий христианин, добрый сын Церкви, даже и неграмотный, одним своим внутренним чутьем сознает, что в навечерие воскресных и праздничных дней грешно устраивать увеселительные собрания. Он знает, что это время — не для забав, а для молитвы и богоугодных занятий; что пляски или танцы для этого времени весьма неприличны.

Православный христианин, воспитанный в законе Божиим и в отеческом учении, знает, что воскресный и праздничный день должен быть посвящаем на служение Богу — богоугодными делами; значит, всякое другое времяпровождение небогоугодно, есть преступление закона Божия — беззаконие. Благочестивый христианин из отеческих книг знает, что увеселительные пляски и танцы изобретены не праведниками, а грешниками, рабами страстей, людьми мира сего, того мира, который лежит во зле и князь которого — отец лжи и всякого греха. По учению подвижников благочестия, смехотворные игры суть изобретения злых духов; это — те сети, которые они расставляют для уловления неопытных или грехолюбивых душ на погибель их. Поэтому истинный христианин, зная цену безвременных праздничных увеселений, не примет участия в них, дорожа миром своей совести, боясь оскорбить Господа своего, Который ненавидит преступающих заповеди Его, и опасаясь нарушением уставов Святой Церкви лишиться ее материнского благословения.

Но этого мало: христианин не только не должен участвовать в греховных увеселениях, но и должен обличать их, т.е., показывать их преступность пред Богом. Таковой совет давал некогда св. апостол современным христианам, говоря: *не приобщайтесь делом бесплодным тьмы, паче же обличайте* (Еф. 5, 11). Как и когда обличать? Конечно, не словами обличать, не среди разгара страстей и не среди игр и увеселений; а обличать жизнью своею, своим истинно христианским поведением во всякое время. Обличение делом сильнее и действительнее обличения словом. Если бы кто, ревнуя о законе Божиим, явился среди веселого собрания и стал обличать веселящихся, то они могли бы только посмеяться над обличителем. Но когда нарушители закона Божия и уставов церковных увидят доброе житие истинных христиан, с которыми они находятся в семейном или ином каком-либо близком отношении, то невольно почувствуют к ним уважение. Так бывало в древние времена, когда христиане, живя среди язычников, проводили тихую и строго воздержную жизнь. Они, отказываясь от участия в языческих пиршествах и развратных увеселениях, возбуждали в одних из язычников озлобление, а в других – чувство уважения и желание подражать им.

Когда христиане всех мест, званий и состояний имели одно сердце, одну душу, одну молитву, жили одною жизнью, тогда они составляли как бы одну недоступную для врага крепость, сложенную хотя из многообразных материалов, но скрепленную одним цементом любви. Друг друга подкрепляя и ободряя, друг другу помогая, они оставались несокрушимыми ни под какими ударами, направленными на них со стороны язычества; они твердо стояли пред всеми натисками языческой злобы, презрения, изгнания и злословия. Их гнали, а они терпели; их злословили, они утешались; их проклинали, они благословляли; их убивали, они молились. Все это не могло не возбуждать в сердцах гонителей их невольное уважения к ним – уважения, сперва скрываемого и потом открыто выражаемого удивлением пред их добродетелями. «Смотрите, как они любят друг друга!» или «Какие у христиан женщины!» –

говорили язычники, видя в этих последних их скромность и в то же время твердость в вере, их супружескую верность, благотворительность и другие добродетели. Вся эта борьба кончилась торжеством христианства над язычеством.

Не настало ли время и для христиан нашего времени, всех званий и возрастов соединиться и ополчиться против общего христианского врага – современного духа свободомыслия, неверия, отрицания всего сверхчувственного – людей, полагающих правилом жизни своей: «Будем есть и пить, ибо завтра умрем», и не только соблазняющих слабых в вере, но и осмеивающих все дорогое и священное для них? Не пора ли истинным сынам Церкви сплотиться между собою, чтобы дать отпор наступающему врагу веры и Церкви? Но как и где им объединиться? – Не нужно¹ для этого составлять особые дружины, общества; а нужно сплотиться в Церкви, под знаменем ее; начать борьбу не словами, а жизнью по евангельскому учению, по уставам Св. Церкви. Нужно сделать это не одним престарелым людям, а и зрелому возрасту, юношам и девицам; не одному какому-либо сословию, а и всем, образованным и необразованным, состоящим на службе государственной и общественной, занимающимся торговлею и ремеслами. Нужно объединиться всем, кто не утратил веры в Господа и Христа Его, кто дорожит союзом с Церковью, которая есть тело Христа. Не нужно прятаться и таить в сердце веру свою, но выходить и открыто исповедовать ее, не стыдась и не боясь ничего и никого; и слуга, и господин, и бедный, и богатый пусть встанут вместе и исповедуют свою веру, как исповедовали некогда христиане первых веков пред язычниками: христианин есмь, и за это исповедание лишаемы были и доброго имени, и имущества, и самой жизни.

Воспрянем и мы, восстанем на защиту Святой Церкви, все мы, чада ее. Выйдем из среды нового язычества, современного мира, утопающего во зле богоотступничества, пренебрежения к Церкви, хуления ее служителей, в грехах супружеской невер-

¹ Проповедь Архиепископа Амвросия. – *Прим. авт.*

Об архиепископе Амвросии (Ключарева) см. сноску к статьям св. Патриарха Тихона (Беллавина).

ности, лжи, обмана и крайнего развращения. Выйдем от них не удалением из городов и семейств, а изменением наших обычаев, из которых слагается наша обыденная жизнь. Если часть современного общества, постепенно усваивающая обычаи старого язычества, превратила дни в ночи и ночи в дни, то истинные христиане пусть начнут делать наоборот. Если обычаями современного общества принято садиться за обед, когда Церковь зовет к вечернему богослужению, и предаваться сну после бессонной ночи, когда в Церкви совершается литургия, – то истинные христиане пусть изменят этот образ жизни, распределив время сна и бодрствования, вкушения пищи, молитвы и труда соответственно уставам Церкви; в праздники – вечер, часть ночи и утро проводить в молитве, в посещении церковного богослужения; а день – распределить между часами принятия пищи, отдыха и занятия делами богоугодения. От одного этого изменения порядка обыденной жизни произойдет много пользы.

Тогда как одни сыны Церкви, хромающие на оба колена, хотят служить Христу и Велиару, другие, не преклонившие колен пред современным Ваалом, пусть говорят: «Мы – христиане, и хотим служить одному Христу». Если желающий хвалиться именем современного человека строго соблюдает все правила и приличия света, пренебрегая правилами и обычаями Церкви, то истинный христианин пусть устраивает свою жизнь по закону евангельскому, по обычаям древних христиан или людей старой, Святой Руси. Когда люди в часы, назначенные для богослужения, идут в дома увеселений, истинные сыны Церкви пусть идут в храм Божий.

Отсюда произойдет то разделение, на которое указал нам Спаситель: *пятеро в одном доме будут разделяться: трое – против двух, и двое – против трех: отец будет против сына и сын против отца; мать против дочери и дочь против матери; свекровь против невестки и невестка против свекрови своей.* (Лк. 12, 51–53). Но это разделение будет спасительнее единения: оно покажет, кто истинно Христов, а кто лицемерно принадлежал к обществу христиан, составляющих единую, святую, соборную и апостольскую Церковь. Тогда истинные

христиане будут ясно знать, кого считать своим, кого – чужим; с кем иметь тесное общение и от кого уклоняться.

Твердость исповедания своей принадлежности к Церкви, выражающаяся в разрыве общения с отступниками и презрителями ее, может одних раздражить, но зато в других возбудить соревнование. Это увеличит число твердых исповедников веры, борющихся с современным неверием и развращением. Пример одного члена в семье может увлечь к подражанию другого и третьего члена. Одна семья возбудит соревнование в другой. Образуются целые кружки ревнителей и охранителей святых обычаев Церкви. Начнется открытая борьба веры с неверием; та борьба, о которой мы знаем из истории первых времен христианства; та борьба, которая и теперь существует в малом виде среди новонасажденного христианства у языческих племен Алтая, Японии и других мест, где совершают свое служение наши православные миссионеры.

Огонь пришел Я низвесть на землю, – изрек Спаситель, – *и как желал бы, чтобы он уже возгорелся* (Лк. 12, 49)! Это тот огонь ревности, который пылал в первых христианах, вступивших в борьбу с язычеством и победивших его своею твердостью в вере, чистотою жизни, силою благодати Св. Духа, обитавшей в душах христианских. О, если бы возгорелся этот священный огонь ревности и в христианах нашего времени, огонь ревности к вере, заботы о своем спасении и привлечении к сему братий по вере и крови, уклоняющихся от своего высокого христианского призвания и постепенно возвращающихся к старому язычеству!

Против зрелищ: беседа третья
(Увещание родителям по поводу допущения детей
к театральным представлениям в утренние часы)

В один воскресный день шла куда-то толпа учащихся детей. Несвойственные возрасту скромность и порядок, какие замечены были в проходящих, указывали, что эта детская толпа

управлялась блюстителем порядка. Куда шла она? Не в церковь ли? Нет, потому что время богослужений утренних миновало уже. В школу или из школы? Нельзя предположить этого, так как в праздник учения не бывает. Может быть, школьникам в свободное время дают гимнастические упражнения? Тоже нет. Из расспросов оказалось, что дети ведены были в театр, где давались воскресные утренние представления.

Заботливость о доставлении детям удовольствий праздничного дня должна бы породить в детолюбивой душе соответствующее удовольствие. Но мы в своей душе не обрели сего, а вместо того ощутилась в сердце печаль и сожаление. О чем? Печаль об извращении понятий относительно праздничного покоя и соблюдения святости воскресного дня; извращении, допускаемом людьми, просвещенными светом христианского ведения и носящими имя христиан православных.

С печалью соединялось у нас сожаление о детях, но не то сожаление, которое других побудило доставить детям, якобы скушающим, праздничное развлечение, а сожаление о наклонении их к пороку, хотя, впрочем, и бессознательному.

Посещение театральных представлений и вообще увеселительных зрелищ в утренние часы праздничных дней мы называем извращением понятий о чествовании праздников. Кому неизвестна катехизическая истина, что праздничный покой должен быть употребляем, по преимуществу, на служение Богу, творением богоугодных дел и вообще – благочестивыми занятиями? А кто здравомыслящий называет посещение театра и вообще домов увеселения делом богоугодным, занятием благочестивым, соответствующим святости дня воскресного или праздничного? Соборные правила постановляли в свое время, что *«подобает просить христианских царей и о сем, да воспретится представление позорных игр и в день воскресный, и в прочие святые дни христианской веры»*¹. Из этого соборного определения ясно видно, как смотрит Св. Церковь на театральные представления в воскресные и праздничные дни. Что каса-

¹ Карф.[агенского] соб.[ора] прав.[ило] 72. – *Прим. авт.*

Карфагенский поместный собор состоялся в 419 г. в Карфагене.

ется допущения детей в эти дни к театральным представлениям, то таковое противно и правилам воспитания. Кому не известно то основное педагогическое правило, которым требуется, чтобы дети воспитываемы были в духе благочестия, в исполнении заповедей Божиих и уставов Церкви? А вышеприведенная справка показывает, что допущение театральных зрелищ в воскресные дни и праздники есть нарушение правил церковных; а потому водить детей в театр значит заведомо нарушать эти правила. Предполагаем могущие быть против этого возражения: скажут, что эти правила давно были и давно нарушаются. Что же? Из этого не следует, что они потеряли свою обязательную силу: что было прежде грехом, то остается таковым и доньше. Еще скажут: точное соблюдение заповедей Божиих и уставов церковных требует труда, подвига, и для взрослых не всегда посильного, а тем более тяжело это для детей. Правда, но только для тех, кто не привыкал ни Богу молиться, ни в церковь ходить, ни книги духовные читать; для кого пение церковное чуждо, ладан кадильный неприятен. Действительно, для любителей театральных зрелищ церковное богослужение скучно; оттого-то посетители театра редко бывают в церкви; а в театре, напротив, все тешит нашу изнеженную плоть; там все ласкает взор, услаждает слух; там не требуется подвига для ног, ни воздержания для чрева; все там приспособлено к тому, чтобы усыплять совесть грешника; там ничто не напоминает о виновности его пред Богом, чтобы вызывать в нем тяжелое чувство раскаяния. Не то в храме Божиим: там действительно требуется подвиг – раннего вставания от сна, продолжительного стояния для ног; там требуется напряженное внимание, чтобы понять чтение и смысл священнодействия. Для утопающего в грехах тяжело слышать в храме обличение себе и призыв к покаянию. Вообще пребывание в церкви труднее, чем в домах увеселения. Но повторяем, что это справедливо только в отношении к тем, кто стал неизменным посетителем домов увеселения, и вообще – кто забыл о церкви. Но спросите тех, которые говорят о себе: *я возрадовался, когда сказали мне: в дом Господень пойдем* (Пс. 121, 1), – и они вам скажут, что храм Божий для

них – сокровище, пребывание в нем – наслаждение, закон уст Божиих для них – паче тысяч золота и серебра (Пс. 118, 72); что для них *лучше день один во дворах Божиих паче тысяч дней; они предпочитают лучше повергаться в дому Бога своего, нежели жить в селениях грешников* (Пс. 83).

Итак, все зависит от того, кто к чему привыкнет. Обратим наше внимание на смысл слова «привыкнуть» в приложении его к детям. Детский возраст составляет такую пору жизни человека, когда полагаются в нем начатки добра или зла, когда начинают прививаться привычки добрые или дурные. Прекрасное сравнение силы восприимчивости в детском возрасте представляет одна церковно-поучительная книга, в которой приблизительно говорится следующее. Каким веществом будет пропитан новый сосуд, такой и будет он издавать из себя запах: благоухание или смрад нескоро и нелегко уничтожаются в нем. Подобно тому и в роде человеческом: чему обучено будет нужное детство, то дряхлая старость нелегко оставляет; ибо учащением одного и того же дела приобретаетась привычка, а чрез продолжительное время установившийся нрав получает силу природы¹. Из сказанного нетрудно уразуметь, что если дети будут неопустительно приводимы в храм Божий, наставляемы в законе Господнем, то они полюбят и Церковь, и поучение в Божьем законе; души их, насыщенные мастью церковных песнопений, Слова Божия и молитвы, надолго сохраняют в себе аромат благоговения и чистоты; не выдавши театральных зрелищ, они и не будут тянуться к ним, как к чему-то приятно заманчивому; им незнакомы будут те чувства скуки и тяготы в храме Божиим, которые выносит любитель театров, когда ему случается быть невольным посетителем храма Божия.

Но скажут: чтобы прийти в такое состояние духа, при котором храм Божий, церковность и вообще благочестивые занятия возымели бы привлекающую и улаждающую силу, для этого требуется со стороны человека усиленное самопринуждение; тогда как театр с его картинами, музыкой, пением и представлениями сразу привлекает к себе внимание посетителя, и чем

¹ Предисловие к Часослову. – Прим. авт.

чаще таковой будет присутствовать на театральных зрелищах, тем более будет увлекаться ими. А если это так, то почему не ознакомить с этими удовольствиями детей и вообще – молодое поколение: пусть и они повеселятся! Правда, что добрые дела требуют больших усилий, а дела греховные совершаются легко; не напрасно говорят, что творить добро трудно, как против воды плыть, а грешить легко, как по воде плыть. Кто раз приобрел дурную привычку, тому трудно отстать от нее. Поэтому-то и нужно беречь детей, чтобы они не приобрели таковых навыков, а с нежного возраста приобретали бы добрые привычки; потому-то и нужно держать подальше молодое поколение, а тем более детей, от такого рода греховных удовольствий, как театральные представления, что они увлекательны, что увлечение ими может привести к страсти, а страсть есть уже страдание, болезнь, рабство, состояние тягостное, из которого выйти чрезвычайно трудно, а для некоторых и невозможно; это состояние тем более опасное, что в таковое приходит человек постепенно, часто незаметно для него самого. Повторением одного и того же поступка приобретается стремление к нему, соединенное с удовольствием; повторяемое удовольствие обращается в привычку, а привычка переходит в страсть. Кто дозволит себе, например, выпивать легкого вина, сперва в малой мере, тот этим не удовлетворится, но перейдет к питью в большем количестве и более крепкого напитка; а затем явится потребность постоянного употребления вина, и чем дальше, тем в больших и больших размерах, и, наконец, дойдет до так называемого запоя. Замени рабочий человек простую пищу более изысканною раз, и два, и три; не останови он эту поблажку себе сначала, и она приведет его к тому, что он не по силам своим будет тянуться к сладким блюдам и вину, тратя на это свой заработок, в ущерб другим, более важным потребностям. То же и в отношении к одежде, к жилищу и к разного рода прихотям. Напротив, понаудьте себя к тому, например, чтобы меньше спать; употребите усилие, чтобы часом или двумя встать раньше обыкновенного; сперва это покажется весьма трудным, но потом будет легче и легче, и, наконец, раннее вставанье для вас уже не будет состав-

лять подвига, но станет делом обычным. Таким же образом, наоборот, многие приучаются долго спать, поздно ложиться и поздно вставать, обращать ночи в дни, а дни – в ночи. Не оттого ли у нас некоторая часть общества всегда почти отсутствует при вечерних и утренних богослужениях, что у них кто-то завел такой порядок обыденной жизни, при котором они никак не могут посещать храм Божий без невероятных усилий, без извращения заведенного у них порядка: когда бывает вечернее богослужение, тогда у них бывает обед; а после обеда идти в храм и стоять там с обремененным желудком весьма трудно; когда бывает утреннее богослужение, тогда они спят и пробуждаются только тогда, когда оканчивается литургия. Церковь не может изменять своих уставов, чтобы приспособляться к прихотям людским и обычаям, устанавливаемым не под влиянием ее, как бывало на Руси в старые времена, а по действию Князя мира сего. А театр приспособляется ко всяким прихотям, ко всем желаниям посетителей его; поэтому все удобства и приспособления к прихотям грешного человека, каких не бывает в храме, находятся к услугам его в театре, и начавший посещать театр начинает уже охладевать к Церкви; постоянный театрал почти всегда отсутствует в храме.

Приложите все сказанное к детям, и вы увидите, к чему приведет ознакомление их нежного возраста с театральной сценой. Нам известен один случай, имевший место в нашем городе, что один мальчик, посетивший тайно от родителей, а может быть сперва и с ведома их, одно из новооткрытых помещений для увеселительных зрелищ, вскоре так пристрастился к этому дому, к тем зрелищам, какие здесь были представляемы, что перестал и дома ночевать, проводя все время около этого увеселительного здания, или же как-нибудь прокрадываясь внутрь его, к великой горести его родителей.

Бойтесь же, родители, отпускающие детей ваших на устраиваемые для них невинные и безвредные представления, чтобы и с ними не случилось чего-либо подобного. Бойтесь с нежного возраста возбуждать в них прихотливые желания, излишние удовольствия, чтобы желания не перешли

в страсти, а ранние удовольствия не обратились бы в ненасытимую жажду удовольствий.

Заканчиваем наше слово прекрасным назиданием, которое преподает родителям та книга, которая была первым учебником после азбуки и по которой предки наши учили и прекрасно воспитывали детей своих.

Всеприсежно блюсти подобает православным чада своя, – говорится в предисловии к Часослову, – да не сквернословию, срамноглаголанию и суетному велеречию от младенчества научаются, ниже в тщетных играциях златое детства время погубляют, но яко в весне жизни своя, нивы сердец своих учением тяжут (т.е. возделывают) и семена Слова Божия, от учителей сеянная, радостно приемлют, еже бы класы душепитательные в жатвы год собирать (т.е. чтобы они могли во время жатвы – зрелого и старческого возраста – собирать колосья, могущие питать душу) и тех плодов обилием и зиму старости прежити честно и чрез нескончаемое вечности время тех ради насыщенным быти, – т.е. чтобы при изобилии этих плодов доброго учения дети ваши могли честно провести и время старости и насыщаться ими в нескончаемое время вечности.

Вместо театра посылайте детей ваших в церковь, да и сами ходите с ними, как к вечернему, так и утреннему богослужению и литургии, подавая им собою добрый пример; а после обеденного времени и после отдыха читайте с ними что-либо душеспасительное или ведите их с собою на внебогослужебные чтения, где они услышат назидание для себя и усладят слух свой исполняемым там пением. Так, проведши день Божий свято, вы приобретете для себя и детей ваших Божие благословение.

Против зрелищ: беседа четвертая (Поучение о праздничных удовольствиях и увеселениях)

Через один из местных органов печати сделаны были указания способов, как провести праздничные дни, и объявлены приглашения принять участие в праздничном времяпровожде-

нии. Одним приглашением указывалось время и место для собраний, где будут предложены духовно-праздничные утешения. Другим возвещалось, что в известных домах общественных собраний праздничные увеселения начнутся с первого дня праздника и будут продолжаться изо дня в день во все эти святые дни. Таким образом, являются два призывных голоса. Оба они приглашают к праздничному проведению времени. Различие между ними то, что одни приглашают к себе ищущих духовных, праздничных утешений; другие зовут к себе ищущих другого рода удовольствия. Найти точное название этим удовольствиям нелегко. Нельзя назвать их духовными, ибо в них нет ничего духовного; удержимся назвать их грубо плотскими, ибо в них предлагаются увеселения не грубые, но изысканные, хотя и чувственные; поэтому, быть может, вернее будет, если мы оставим за ними почетное имя, данное, вероятно, любителями их, имя благородных увеселений; на языке же Церкви такого рода удовольствия называются мирскими, в отличие от духовных.

Различие между местами собраний, куда приглашаются желающие провести время по-праздничному, между действиями призывных голосов на призываемых состоит в следующем: 1) приходящие в дом мирских, или так называемых благородных, увеселений допускаются сюда за плату; а туда, где предлагаются духовно-праздничные утешения, приходящие принимаются бесплатно. Несмотря на это: 2) дома мирских увеселений бывают полны посетителями, а храмы и другие места благочестивых собраний в эти праздничные дни бывают почти пусты; 3) что касается нравственного достоинства сейчас названных нами праздничных удовольствий, то духовные настолько выше мирских, насколько дух преимуществоует пред телом, насколько небо выше земли.

Но, отдавая преимущество священным собраниям, где посетителям даруются духовные утешения, мы не порицаем безусловно места собраний и для мирских увеселений, но только предупреждаем неопытных, чтобы злоупотребление этими, якобы благородными, увеселениями не сделало их достойными порицания.

В чем же могут заключаться злоупотребления мирскими увеселениями? Во-первых, в том, когда собрания для увеселений назначаются в дни и часы, запрещенные Церковью, например, в навечерия воскресных и праздничных дней, т.е. от начала вечернего богослужения до конца литургии следующего праздничного дня. Допустить такого рода собрания после вечерни до полуночи было бы то же, что допускать их в утренние часы до литургии, что, очевидно, грешно. Почему? Потому что церковные сутки начинаются тем вечером, который предшествует праздничному дню, и оканчиваются с наступающим вечером следующего, т.е. того же праздничного дня.

Во-вторых, злоупотреблением увеселениями будет и то, когда ими нарушается закон умеренности. Хотя увеселения (разумеется – невинные) не могут быть названы ни добродетелями, ни пороками, но только дотоле, пока они продолжаются недолго, повторяются нечасто и когда им отдается сравнительно мало наших досугов. Но достойны порицания такие удовольствия, которыми поглощается не только досуг, но и часть нашего недосуга.

В-третьих, достойны порицания такие увеселения, которыми нарушается закон *целомудрия*, притом не только телесного, но и духовного. В чем состоит телесное целомудрие и чем оно нарушается, об этом нет надобности говорить, как более или менее известном всякому. Духовное же целомудрие выражается в целостности ума или – в здравомыслии; в целостности сердца, или – что то же – в чистоте сердечной, в целостности воли, т.е. в неуклонном последовании нравственному закону. Как нарушается целомудрие духовное? Когда увеселения доводят человека, например картежника, пьяницу, до того, что он начинает терять здравый рассудок – мыслить лукаво, чувствовать страстно или похотливо и поступать вопреки внушениям совести.

Наконец, мирские удовольствия непозволительны для лиц, посвященных на служение Церкви, или для тех, кто связал себя явным или тайным обетом служить Богу в тишине семейной или уединенной жизни.

Итак, христианин, тебе дозволяются удовольствия, но помни при этом апостольское изречение: *все мне позволи-*

тельно, но не все полезно. Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною (1 Кор. 6, 12). Пользуйся дозволенными удовольствиями, но смотри, чтобы они не лишили тебя здравомыслия, чистоты сердечной, чистоты телесной и здравия телесного. Будь послушным рабом своей совести, но не будь рабом своих удовольствий. А сие последнее будет тогда, когда ты доведешь себя до такого состояния, что без этих плотских, чувственных удовольствий все другие, хотя бы высшие истинно благородные удовольствия – истины, красоты и добра, потеряют для тебя достаточную цену. Это будет тогда, когда привязанности твои к домам зрелищ и к увеселениям разного рода сделают твой семейный очаг для тебя холодным, жилище твое – мрачным и скучным; когда служебные и общественные занятия твои станут для тебя постылыми, когда храм Божий не будет привлекать тебя к себе своим благолепием, когда церковная молитва, церковное пение покажутся для тебя занятиями крайне скучными, когда звон колокольный будет возбуждать в сердце твоём тоску. Помни, христианин, слова предостережения, сказанные мудрецом израильским для юноши, и приложи их к себе: веселись, юноша, в юности твоей, ходи по путям сердца и по видению очей твоих; только знай, что за все это, т.е. за похоть сердца, за похоть очей, Бог привлечет тебя на суд (Екл. 11, 9).

Враги Церкви и Отечества (Слово в день Воздвижения Животворящего Креста)

Зачем мятутся язычники и народы замышляют тщетное? Восстали цари земные и князи собрались вместе на Господа и Христа Его
(Пс. 2, 1–2)

Эти пророческие слова исполнились тогда, когда Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом израильским собра-

лись в Иерусалиме на Христа, Сына Божия, чтобы осудить Его и предать пречистое Тело Его на терзание и распятие.

Но Распятый и Умерший воскрес, восшел на небеса и воссел одесную Отца, чтобы покорять все народы; покоряющихся восстанавливать из ничтожества и возвышать, а непокоряющихся – низвергать и сокрушать. Несмотря на это, враги Его не перестают враждовать на Него. Распявшие Его ищут снова распять Его. Но так как до небес высоко, чтобы оттуда свести Христа снова на распятие, то они терзают то тело, которое Он оставил на земле. Предполагаем вопрос: Господь с телом вознесен на небеса; какое же тело еще могло остаться на земле? – Да, на земле есть Его тело. Это тело – Церковь Его, собрание святых, следовавших за Ним верою и любовью и соединенных с Ним чрез Таинства.

Это тело – Церковь – терзают и распинают враги Его до дне сего.

«Савле! Савле! Что Мя гониши?» – вещал некогда Господь с неба Савлу, гнавшему не Самого Христа, а Церковь Его. Значит, гонение на Церковь есть гонение на Христа, терзание Церкви – терзание тела Христова. Наша Российская Церковь, а с нею и государство Русское, испокон века неразрывно связанное с Церковию, находятся в великом смятении и терзании. Православию Церкви грозит опасность от разделения некогда единого православного русского народа на множество еретических сект и раскольнических толков.

«Господи, кто Твою ризу раздра?» – спросил некогда святитель Петр Господа, явившегося ему во сне в раздранной ризе. «Арий», – отвечал Господь. Арий же был еретик. И ныне Ариев много. Это – те еретические толки, которыми наполнилась земля Русская. Все эти секты и толки, несогласные между собой в религиозных верованиях и обычаях, согласны во вражде к Святой Православной Церкви.

И самодержавию православного русского Царя, и единству православного народа также грозит опасность от того разлада, который охватил страну нашу и стал разъедать религиозную, общественную и государственную жизнь нашего Отечества.

И страна Русская, как государство, находится в опасности, с одной стороны, от стремления окраин ее к обособлению, с другой – от волнений, происходящих внутри ее, и делений народа на партии. Эти партии, не имеющие почти ничего общего между собой, объединяются также только в одном – во вражде к православию веры, к самодержавию царской власти и к нераздельному единству русского народа, как господствующего племени. А там, где вражда, там взаимное угрызение, там взаимное истребление. Где вражда, там и разделение, а где разделение, там начало порабощения и уничтожения: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет (Лк. 11, 17). Все эти секты, эти толки говорят о Божием, толкуют о жизни на небе; а действуют так, как будто члены их хотят наполнить собою ад или готовить для него обитателей, ибо в царстве Божиим нет разделений; на небе нет той вражды, какая существует между сектами и толками и какую питают все они к Церкви Православной. Эта ненависть к Церкви знаменательно напоминает собою ту ненависть, какую некогда питали к Главе Церкви Христу те вожди еврейские, которые распяли Его: *возненавидяша Мя туне*, сказано о них. Туне – напрасно – и теперь ненавидят Церковь – тело Христово все отделяющиеся от нее. Враждебные православию и стремящиеся разрушить существующий государственный строй *партии обольщают народ обещаниями обогатить его*; они возбуждают его к грабежу и поджогам. Для своих преступных целей они добывают средства грабежом и иными способами, не одобряемыми ни законом, ни совестью, а тем более Евангелием; способами, допускаемыми разве только среди шаек грабителей.

Мнимые народники обещают водворить в стране мир, а поселяют в ней волнения, лишивши народ той спокойной жизни, которой он прежде пользовался. Они обещают водворение порядка, а водворяют нестроение, поставляя для богоучрежденной власти препятствия к отправлению ею своих обязанностей, обеспечивающих порядок.

Они привели страну в такое состояние, что ей грозит опасность от безначалия, когда ни в селе, ни в городе не бу-

дет возможности поставить начальника. Может наступить такое время, когда жители деревни, выбравши из среды своей старейшину, скажут ему: «будь нашим начальником»; а он ответит: «нет, не буду я вашим начальником; ибо быть начальником, – значит стать около смерти, а я боюсь смерти». «Будь нашим начальником», – скажут жители города избранному, а он ответит: «нет, изберите другого, а я боюсь крамолы и не могу быть вашим начальником». Тогда семеро ухватятся за одного отрока и скажут: «будь хотя ты нашим начальником». А сей ответит: «хорошо, повинуйтесь мне, идите за мной» – и пойдут все на погибель. Тогда, изнуряемые голодом от прекращения работ, придут и скажут распорядителю работ: «дай нам работу, чтобы выработать себе хлеба для себя и голодных детей наших», а он скажет им: «не могу дать вам работу, ибо крамола грозит мне огнем, если я допущу вас в рабочий дом». А когда не станет ни власти, ни труда, тогда жизнь в стране остановится: не слышно будет звука молота и удара молотила; остановится колесо; заржавеют соха и борона; не станет пар работать и прекратится движение машин. На улицах не видно будет блюстителей порядка; невозможно будет ни пройти, ни проехать безопасно. В городах дневной и ночной грабеж, и некому будет спасать от этого. Не придется ли тогда и нам поступать так же, как сделали некогда наши предки, пославшие к варягам послов просить их себе в начальники, говоря: «земля наша велика, а порядка в ней нет: придите и княжите над нами». Но может случиться нечто худшее этого. Варяги сами придут к нам незванные, как некогда приходили монголы, и, пользуясь междоусобицей, овладеют нашей страной и будут водворять в ней порядок по-своему.

Да сохранит нас Бог от этого!

Так что же нам делать?

Обратимся к Богу с молитвами и покаянием, как молились и калялись наши предки во времена лихолетья. За грехи наши Господь нам послал такую напасть.

Мы отступили от Бога, нарушили заповеди Его: мы пренебрегли уставами святой Церкви Его, и вот исполняется над

нами то, что изрекла мудрость народная: той земле не устоять, где начнут уставы ломать.

Опомнись же, русский народ, встань на охрану устоев земли, как защищали их предки в старые времена.

Объединись, русский народ, около святой Церкви, под руководством ее добрых пастырей, в послушании уставам церковным. Сплотись около Престола Царского, под предводительством верных слуг царевых, в повиновении богоучрежденной власти.

Спасение нашей страны в святой Церкви: она может дать мир чадам своим, если они будут слушать ее голоса; она защитит их молитвою своею, она оградит их уставами своими.

Возвратимся к Церкви, которую мы стали забывать и оставлять. Будем неуклонно собираться в храмы наши, и санные и простые люди, землепашцы и землевладельцы, торговые люди и ремесленники – все будем неуклонно присутствовать при богослужениях воскресных и праздничных; прекратим наше веселье, освятим дни праздников, предоставивши посещение увеселительных зрелищ в это время иноверцам и отрекшимся от Бога.

Будем соблюдать установленные Церковию посты, будем увещать и обличать нарушителей уставов Церкви, как виновников гнева Божия, постигающего землю русскую. Будем воспитывать детей в страхе Божием, в благочестии, в почитании старших, в любви к святой Церкви. Будем избегать разделений и раздоров церковных и общественных. Объединимся около нашего державного Царя православного, как Он недавно призвал к этому всех верноподданных истинных сынов земли русской. Станем на защиту власти, от Государя поставляемой.

Будем все каяться в грехах наших: пусть одни из нас каются в грехе отступления от Бога, отпадения от Церкви; другие да приносят покаяние в грехе идолопоклонства – в поклонении золотому тельцу и Маммоне – богу богатства – с отступлением от Бога!

Пусть кается русский народ, земледелец и рабочий в чрезмерном пьянстве, в разврате, в непослушании пастырям Церк-

ви, в неповиновении богоучрежденной власти. Наложим на себя добровольный пост, смирим себя, как ниневитяне и будем умолять Милосердного о прощении, как научает этому песнь церковная: согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою: ниже соблюдохом, ниже сохранихом, якоже заповедал еси нам. Но не предаждь нас до конца, отцев Боже.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое!

Поворот в христианском мире к язычеству Слово в день Рождества Христова

И воцарится (Христос) в дому
Иаковли во веки и царствию Его
не будет конца

(Лк. 1, 33)

Это предречение небесного Вестника начало исполняться еще во время земной жизни Господа Иисуса Христа, когда народ израильский, видя чудеса Его, хотел поставить Его царем. С большей силой предречение о царствовании Христа стало исполняться после вознесения Его на небо. Исполняется оно доныне, и должно исполниться во всей силе в определенное для того время, когда Ему покорены будут все враги и когда упразднится последний враг — смерть. Христос-Богочеловек должен царствовать. Но царство Его иное: оно должно устраиваться на иных началах, чем царства земные. Его царство не от мира сего; Он имеет покорить Себе все народы, но не мечом и огнем, а свойственной Ему одному всепокоряющею Силою, которая есть Дух Святый, посланный Им на землю, Дух всеоживляющий, Дух чудодействующий, Дух любви, правды и мира. Не прошло и тысячи лет со дня рождения Христа-Спасителя, как все народы греко-римского мира пали к подножию Креста и признали над собою власть Христа. А чрез Рим и Византию учение Христово распространилось во все концы

земли. Евангелие Христово преобразовало языческий мир. Законы евангельские легли в основу законов государственных у всех христианских народов.

Но чрез тысячу лет, как бы в исполнение апокалипсического предречения, дракон, древний змий, который есть диавол и сатана, связанный и заключенный в бездну, был как бы опять освобожден из темницы своей и вышел обольщать народы (Ап. 20, 3, 7).

Христианство, доселе успешно двигавшееся вперед к назначенной ему цели, после тысячи лет начало как бы возвращаться назад к язычеству. В мире христианства совершилось нечто подобное тому, что бывает в сферах небесных светил: некоторые планеты, как говорит астрономия, в периодическом движении своем около солнца по временам начинают обратное течение, а потом с большею скоростью опять продолжают свое прежнее движение вперед.

Нечто подобное произошло в жизни христианства. По истечении тысячи лет от его начала оно пошло как бы попятным движением. Язычество, на время сокрытое Промыслом Божиим в земле от взоров человеческих, стало опять воскресать.

В XIV веке начался период так называемого «Возрождения». Это было не что иное, как возрождение язычества и движение христианства назад. Поводом к таковому возрождению язычества послужило оскудение любви между христианскими народами. Оскудение любви привело к разделению этих народов. Запад отделился от Востока. Потом западные народы стали враждовать между собою. Начались междоусобные продолжительные войны. За оскудением любви стала оскудевать и вера. Началось время безверия, или извращения богопреданного учения. Народы Европы под именем стремления к просвещению стали возвращаться к учению языческих философов. С мнимым «Возрождением» снова явилась и литература языческая с ее баснями о богах греческих и римских, с их гнусными похождениями. Явилось греческое искусство с его статуями, изображающими открытый разврат, в виде обнаженных богов и богинь; явился языческий театр с его бесстыдством и

мерзостями. С тем вместе и развращение среди христианских народов пошло широкой волной.

Из всех народов Европы франки, или галлы, превзошли своим антихристианским направлением. Под прикрытием философии явилось безбожие, или атеизм. Под именем энциклопедии явилось кощунство, или дерзкое издевательство над христианскими истинами, над его святынями. Пороки, не сдерживаемые верой и законом Божиим, дошли до крайних пределов. Вместо христианского смирения явилась сатанинская гордость; вместо любви – безмерное самолюбие или эгоизм; вместо целомудрия и воздержания – крайний разврат. Имя Христово было изгнано из литературы; стыдились произнести его и в живой речи. Но зато учащаяся молодость хорошо знала имена языческих богов: Зевс и Венера, Орфей и Муза – у всех были на языке. Богохульство и кощунство дошло до того, что в священнейшем месте христианского храма поставлено было изображение развратной женщины под именем богини Разума. От галлов нечестие распространялось на все народы Европы.

Безбожники, как философы, были в великом почете. Имена их повсюду восхвалялись, как имена великих людей. Их осыпали подарками цари и правители. Так мыслить, так вольнодумствовать, как они, так кощунствовать, как кощунствовали эти философы, считалось как бы верхом просвещения, признаком принадлежности к высокообразованному обществу. Примером галлов стали увлекаться и наши того времени образованные люди. Подражать франкам в покрое одежды, говорить по-французски или пересыпать русскую речь французскими словами считалось чуть не верхом образованности. К чему привело это богоотступничество, это слепое подражание иноземному с пренебрежением к своему родному? Нечестивцев наказало их же нечестие. Крайнее извращение нравственных правил жизни, утонченная безнравственность и богоотступничество привело галлов к царевубийству. За царевубийством последовало страшное порабощение народа власти тиранов. Похитители власти превосходили один другого жестокостями.

Так было у галлов, так началось и у других народов. Стали ниспровергаться престолы, падали царства, стонали люди от междоусобиц, повсюду лились потоки крови.

Когда нечестье народов перешло к нам, тогда пришли с ним и бедствия. Те, у кого мы хотели учиться, кому подражали в покрое одежды, чьим языком учились говорить, те явились в руках Промысла Божья грозными карателями нас за начавшееся у нас отступничество от Бога, от Церкви, от добрых обычаев предков. Пришел 1812 год, страшный, приснопамятный год. Враг дошел до Москвы, этого сердца земли Русской. Запылала столица огнем гнева Божия. Дворцы и палаты разрушались. Храмы были ограблены, святыня осквернена.

Но Господь скоро помиловал нас. Враг с бесчестием был прогнан с земли Русской. Но мы прогнали его не многочисленностью нашего войска; ибо у врага было такового гораздо больше, чем у нас, и оно все погибло у него. Не искусством наших вождей совершена была победа над врагом: ибо мы более уклонялись от битв, чем вызывали врага на бой. И кто бы мог тогда сравняться с непобедимым вождем, покорявшим один за другим народы Европы, низводившим царей с престолов и отдававшим короны тем, кому он хотел? Нас спасла милость Божия. Господь воззрел на смирение и покаяние наше, услышал слезную молитву той части нашего народа, которая мало повинна была в грехе отступления. Бог услышал и спас нас ради молитв святых заступников земли Русской.

Эту истину исповедал в свое время и сам Верховный Вождь земли Русской, повелевший сделать на знаках, установленных в память этой войны, надпись: *Не нам, Господи, но имени Твоему даждь славу!*¹

С той поры прошло без 8-ми 100 лет. Мы как бы забыли старый урок. Опять у нас началось такое же отступничество и опять подражание народам Европы. Прежний атеизм (безбожие) заменился нигилизмом (отрицанием всего). Мы страдаем от тайных обществ социалистов, анархистов. Наше молодое по-

¹ Император Александр I повелел выбить на медалях в память Отечественной войны 1812 года эти слова из Псалтири (Пс. 113, 9).

коление, а иногда люди не первой молодости, даже с сединами мудрости на голове, готовы гоняться за всяким новоявленным учителем. Не будем произносить имена этих лжеучителей: они не достойны этого священного места и времени. Общее имя их есть своего рода легион, подобный тому, который овладел телом несчастного Гадаринского бесноватого. Один из этого сонма лжеучителей сочинил свое лжеевангелие. Другие начали переоценивать ценности, называя добро – злом, а зло – добром. Третьи разбрасывают свои подпольные объявления, призывая народ и воинов к возмущению против существующей власти.

Между простым народом и так называемым образованным обществом опять образовалась пропасть, препятствующая им сблизиться между собой. Одни желают остаться истинно русскими по вере, по преданности Царю и по любви к своему народу, к старым обычаям. Другие все это променивают на взятое ими от западных, на их безверие, на их нравы и обычаи, начиная от покроя одежд до переустройства порядка государственной жизни.

И вот – опять нам грозный урок, опять идет на нас громовая туча войны, но уже не с Запада, а с Востока. Мы терпим неудачу за неудачей и как бы не хотим понять, что это от Бога, за грехи наши, в которых не хотим сознаваться, чтобы покаяться.

Братие возлюбленные! Нам ли бы так беспечно вести себя, как беспечны мы теперь? Нам ли бы веселиться, пиршествовать, скакать и смеяться, как делается у нас, даже в эти дни народного бедствия? Нам ли бы вести детей наших к ликованию, для веселых песен и плясок, когда бы следовало их учить вместе с нами скорбеть со своей Родиной, с постом и воздержанием от смеха и игр умолять Бога о помиловании нашей страны?

Мы безвременно веселимся и приучаем к этому наших детей, забывая о тяжелых днях, которые переживает теперь Царь, народ и наше христолюбивое воинство.

Вот, беда за бедой идет к нам и с востока, и запада, и юга, и даже с севера. С востока – война, с запада – нестроения, с

юга – страшная болезнь, с северного моря – опасность от народа, заключившего союз с нашим врагом. А всех зол злейшее, это – наш внутренний разлад.

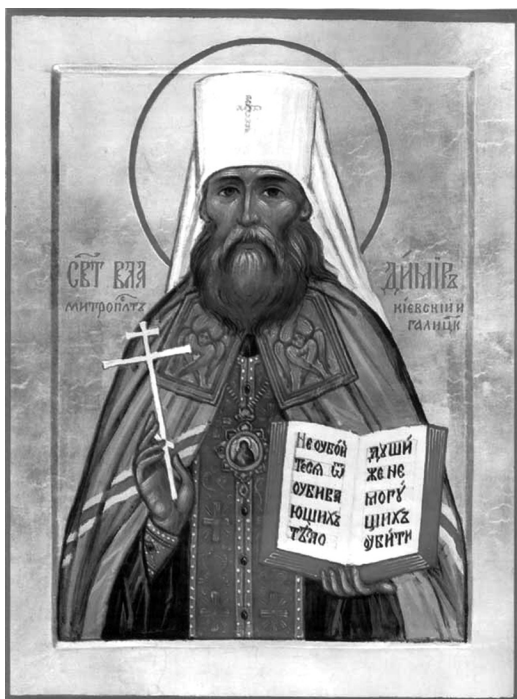
Мы как бы пришли к тому состоянию, в каком некогда оказался народ израильский, к которому обращены были пророком слова обличения: *увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями! Оставили Господа, презрели святого Израилева, повернулись назад* (Ис. 1, 4). Поэтому приличен нам и этот призыв к покаянию: *смех ваш в плач да обратится, и радость – в сетование* (Иак. 4, 9).

Не пора ли и нам начать покаяние исправлением нашей жизни, возвращением к искренней вере в Бога, к послушанию Церкви, к добросовестному исполнению наших обязанностей в отношении к Помазаннику Божию, к богоучрежденному папству и к делам нашего служения государственного или общественного?

Да воцарится опять на Святой Руси Бог и Его святыи Закон! Да правят нашей страной не кто иной, как только Помазанники Божии, наши благочестивые и самодержавные Цари, которые дают ответ в делах одному Царю царей, от Которого они приемлют и помазание для царствования над врученным им народом!

Будем усердно молиться за Царя, за дорогую Родину, за христолюбивое воинство!

Воскресни, Господи, помози нам, да вознесется рука Твоя, яко Ты царствуеши во веки!

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИТРОПОЛИТ ВЛАДИМИР (БОГОЯВЛЕНСКИЙ) (1.1.1848–25.1[7.11].1918)

Василий Никифорович Богоявленский родился в селе Малые Моршки Моршанского уезда Тамбовской губернии в семье священника Никифора Богоявленского, также принявшего в конце жизни мученический венец. Окончил Тамбовское духовное училище, Тамбовскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию (1874) со степенью кандидата богословия. В 1874–1882 гг. преподавал Священное Писание и гомилетику в родной семинарии. В 1882 г. рукоположен во священника и

назначен настоятелем Покровской соборной церкви в городе Козлов. В 1883–1886 гг. – благочинный церковью города. После смерти жены и малолетнего ребенка в феврале 1886 г. принял иноческий постриг с именем Владимир, назначен настоятелем Троицкого монастыря в Тамбовской губернии с возведением в сан архимандрита. Через несколько месяцев переведен настоятелем Антониева монастыря в Новгород. 3 июня 1888 г. хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. В 1891 г. – получил назначение на самостоятельную кафедру епископа Самарского и Ставропольского. В 1892 г. сначала был возведен в сан архиепископа, а затем назначен на весьма ответственную Грузинскую кафедру, шесть лет служил архиепископом Карталинским и Кахетинским, Экзархом Грузии. Большое внимание на новом поприще придавал духовному просвещению разноплеменного православного населения Кавказского края, устройству новых школ и храмов. В 1897 г. избран почетным членом Казанской духовной академии.

В 1898 г. возведен в сан митрополита и назначен правящим архиереем в Москву. Владыка сразу расположил к себе москвичей простотой в обращении. Он стремился, чтобы московские священники возможно ближе стояли к народу, чаще совершали богослужения и активнее проповедовали. В целях усиления и оживления пастырской деятельности московского духовенства он стал открывать новые вакансии при столичных приходах и назначать новых священников. Его трудами был построен Епархиальный дом в Лиховом переулке, в дальнейшем место проведения многих монархических собраний. Дом был освящен в конце декабря 1902 г., при нем имелись церковь во имя равноапостольного Владимира, музей и обширная библиотека (на 12 тыс. томов). Особое внимание владыка уделял распространению христианского нравственного учения в рабочем классе, среди которого свои идеи пытались продвигать социалисты. Он был одним из инициаторов создания «Комиссии по организации чтений для фабрично-заводских рабочих», которую возглавлял викарий Московской епархии епископ Можайский Парфений (Левицкий). К чтениям и беседам с рабочими были привлечены лучшие умы

Москвы, в их числе немало будущих видных деятелей Черной сотни (Л. А. Тихомиров, В. А. Грингмут, Б. В. Назаревский и др.). Митрополит Владимир сам принимал участие в чтениях для московских рабочих, обращался к ним со словом христианского наставления. Он не только печатал многие свои слова и речи, но и переводил с иностранных языков лучшие литературные произведения по вопросам, касающимся социализма.

Однако, несмотря на любовь простых москвичей, владыке несладко жилось в Москве. Ему объявила настоящую войну весьма активная группа так называемого «прогрессивного» духовенства. Один из его представителей, влиятельный московский протоиерей Н. П. Розанов впоследствии свидетельствовал, что значительная часть московских священников «в политическом отношении была настроена для того времени очень либерально и принадлежала неофициально к партии “народной свободы” (кадеты)». Для них даже октябристы были недостаточно передовыми. Центром московского церковного либерализма было Общество любителей духовного просвещения. В тяжелые для России времена, в октябре 1905 г., владыка распорядился прочитать во всех московских храмах составленное им при участии епископа Никона (Рождественского) слово «Что нам делать в эти тревожные наши дни?» В этом слове шла речь о преступных антихристианских замыслах составителей «Протоколов Сионских мудрецов»: «Главное гнездо их за границей, они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтобы им, якобы избранникам, не противно было пользоваться нашими услугами. С сатанинской хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают в них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления якобы ради общего блага и действительно обращают его в послушного раба. Они всячески стараются вытравить из души или, по крайней мере, извратить святое Учение Христова». Слово митрополита Владимира произвело сильнейшее впе-

чатление на православных людей. Сам владыка зачитал его в Успенском соборе Московского Кремля. Закончил он свою проповедь такими словами: «Чада Русской земли! В те дни, когда мы вспоминаем, как Матерь Божия по молитвам предков наших спасла землю Русскую в тяжелую годину междоусобицы, как освободила Она нашу первопрестольную Москву Своею иконою Казанскою от нашествия поляков и литовцев, — сегодня прольем перед Нею и Ее Божественным Сыном пламенные мольбы о спасении родной земли нашей от крамольников. Поплачем перед Нею о грехах наших. Помолимся Ей о несчастных братьях наших, смутой увлеченных на погибельный путь». Владыка требовал от каждого верующего: «Исполняй то, чего от тебя потребуют слуги царицы, что скажут тебе пастыри Церкви». Однако мало того, что многие священники не прочитали послание своей пастве, т.е. не исполнили волю своего правящего архиерея, Общество любителей духовного просвещения отправило в газету «Русское слово» письмо-протест против поучения, под которым подписались, как вспоминал впоследствии тот же Розанов, 80 московских священников. В нем послание называлось «провокацией» и даже клеймилось, как «гнусная выходка» митр. Владимира. А в кадетских «Русских ведомостях» группа профессоров Московской духовной академии обозвала обращение своего архипастыря «черносотенной агитацией». В итоге Св. Синод под давлением правительства Витте вынес порицание московскому митрополиту.

Несмотря на подобные выходки врагов, владыка активно поддерживал монархические организации. Он не только охотно принимал участие в собраниях и совещаниях монархистов, но и рекомендовал всем записываться в Союз Русского Народа (СРН), говоря: «Кто чувствует себя русским, тому естественно быть членом Союза Русского Народа». Он служил молебен при открытии 2-го Всероссийского съезда Русских Людей, который проходил в Москве 6–12 апреля 1906 г. В адрес 3-го Всероссийского съезда Русских Людей (Всероссийский съезд Людей Земли Русской), который проходил в Киеве 1–7 октября 1906 г. прислал приветственную телеграмму, в которой писал: «Усер-

дно молю Всевышнего, да поможет Он Съезду Русских Людей достигнуть исполнения воодушевляющих их благих желаний». При активной поддержке владыки был созван 4-й Всероссийский съезд Русских Людей (Всероссийский съезд Объединенного Русского Народа), который проходил в Москве 26 апреля – 1 мая 1907 г. Владыка лично освятил икону Покрова Богородицы, написанную В. М. Васнецовым и В. П. Гурьяновым для Съездов Русских Людей, принял участие в крестном ходе монархистов, служил молебен при открытии Съезда. В период распрей и расколов в монархическом движении он пытался примирить монархистов, поддерживал усилия протоиерея Иоанна Восторгова в этом направлении. Владыка председательствовал на торжественном собрании по случаю открытия Съезда Русских Людей, который проходил в Москве 27 сентября – 4 октября 1909 г., за его подписью была отправлена от имени Съезда верноподданнейшая телеграмма государю. Митрополит Владимир был почетным председателем Братства Воскресения Христова. Владыка поддерживал не только московские монархические союзы, но и другие патриотические организации. Так, он оказывал помощь и поддержку Русскому Народному Союзу им. Михаила Архангела (РНСМА) и лично В. М. Пуришкевичу, жертвовал деньги на нужды Союза. Приветствовал 5-й Всероссийский съезд Русских Людей, который проходил в Санкт-Петербурге 16–20 мая 1912 г., куда направил своего специального представителя, епископа Владимира (Соколовского-Автомова).

После кончины митрополита Антония (Вадковского) 23 ноября 1912 г. митрополит Владимир был назначен на столичную С.-Петербургскую (впоследствии Петроградскую) кафедру и стал первенствующим членом Св. Синода. В 1915 г. он был удостоен степени доктора богословия. На одной из аудиенций у Императора Николая II Александровича Владимир высказал свое негативное мнение о деятельности Г. Е. Распутина, которую считал пагубной, и выступил за удаление Распутина из Петербурга. За открытое вмешательство в дела государственного управления был переведен на Киевскую кафедру, сохранив пост первенствующего члена Св. Синода. Член Предсоборного

совещания. Несмотря на случившееся, продолжал участвовать в монархическом движении – служил молебен перед открытием Совещания монархистов, проходившего 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде и созданного сторонниками Н. Е. Маркова, выступил с приветственным словом к участникам, избран почетным членом Совещания. Прислал приветствие также и в адрес Всероссийского монархического совещания в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций, которое проходило 26–29 ноября 1915 г. и было организовано последователями А. И. Дубровина: «Шлю благословение съезду монархистов и сердечное заветное пожелание всем незыблемо стоять на неусыпной страже вековых святынь Руси – Православия, Самодержавия и русской Народности. С нами Бог».

В 1916 г. большую часть времени митрополит Владимир проводил в Петрограде, участвуя в заседаниях Св. Синода. Накануне и в ходе Февральской революции он был в столице, принимал участие во всех заседаниях и совещаниях членов Св. Синода, на которых было принято решение поддержать Временное правительство. Его подпись стояла под посланием Св. Синода «К верным чадам Православной Российской Церкви» от 9 марта, в котором официально признавался государственный переворот и содержался призыв довериться Временному правительству. Тем не менее, положение владыки как первенствующего члена Синода становилось все более затруднительным. Он пытался сопротивляться стремлению новой власти ввести новые, революционные порядки в сферу церковных отношений. Вскоре отношения с революционным обер-прокурором настолько обострились, что произошел «разгон Синода», и митрополит Владимир вынужден был вернуться в Киев. Здесь он встретил разделение среди духовенства, в которое также начали проникать революционные настроения. В Киеве был создан претендовавший на власть в епархии «Исполнительный комитет духовенства и мирян», который митрополит Владимир называл самочинным учреждением. С открытием в августе 1917 г. Всероссийского Церковного собора владыка жил большей частью в Москве. Почетный председатель Собора, председатель

Отдела о церковной дисциплине, 21 ноября 1917 г. он возглавлял чин интронизации Святейшего Патриарха Тихона.

23–25 января 1918 г. большевики захватили Киев и начали открыто чинить насилие в «матери городов русских». 25 января вечером в Киево-Печерскую лавру явилась группа революционной черни во главе с комиссаром. Митрополит Владимир был схвачен в келии настоятеля. После избиения и издевательств убийцы вывели его за ворота Лавры, заявив монахам, что ведут его в штаб. Он был в рясе, с панагией на груди и в белом клобуке. «Окруженный вооруженными до зубов злодеями, митрополит шел точно на распятие», – писал князь Н. Д. Жевахов. Первомученика среди архиереев убили на пустынном месте между Лаврою и Никольским военным собором. Помимо огнестрельных ран на теле покойного было найдено множество колотых. Тело мученически скончавшегося митрополита Владимира оставалось на месте убийства до утра следующего дня, когда проходившая мимо женщина увидела страшную картину и принесла печальную весть в Лавру. Лаврский архимандрит отправился к месту убийства и отслужил там краткую литию. Тело митрополита Владимира было перенесено в Михайловскую церковь. В тот же и последующие дни служились заупокойные литургии и панихиды как в Лавре, так и в других храмах Киева. Митрополит Владимир был погребен в Ближних пещерах Лавры, в Крестовоздвиженской церкви. Чин отпевания возглавлял митрополит Тифлиссский Платон (Рождественский). На месте убийства священномученика его почитателями был поставлен крест, у которого сразу же начали собираться богомольцы.

В апреле 1992 г. митрополит Владимир был прославлен на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в сонме новомучеников и исповедников Российских.

Что делать?

Сердце обливается кровью, когда видишь, что творится вокруг нас... Уже не поляки, не внешние враги, а свои же, рус-

ские люди, потеряв страх Божий, доверившись крамольникам, держат нашу первопрестольную столицу как бы в осаде. И без того тяжело жилось нам по грехам нашим: то неурожай, то болезни, то несчастная война, а теперь творится нечто досель неслыханное на Руси: как будто Бог отнял разум у русских людей. По приказу подпольных крамольников начались всюду стачки и забастовки – и на фабриках, и на заводах, и в школах, и на железных дорогах. О, если бы знали наши несчастные рабочие, кто ими руководит, кто подсылает к ним смутьянов-подстрекателей, то с ужасом отвернулись бы от них. Ведь это – так называемые «социал-демократы», это – революционеры, давно отрекшиеся от Бога в делах своих; они отреклись, а может быть, и вовсе не знали веры христианской, поносят ее слугителей, ее уставы, издеваются над ее святынями. С сатанинскою хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Они всячески стараются вытравить из души или, по крайней мере, извратить святое учение Христова: так, заповедь Христова говорит: «Не укради, не пожелай себе ничего чужого», а они говорят: «Все – общее, бери у богатого все, что тебе нравится». Заповедь Христова говорит: «Делись с ближним твоим последним куском, последней копеечкой», а они учат: «Отнимай у других все, что тебе надобно». Заповедь Христова говорит: «Воздадите кесарево – кесареви, Бога бойтесь, Царя чтите», а они говорят: «Никакого царя не нужно, царь – тиран»... Заповедь Божия говорит: «В терпении вашем стяжите души ваши», а они говорят: «В борьбе обрешь ты право свое». Заповедь Христова велит предлагать души свои за други своя, а они учат губить людей, ни в чем не повинных, убивать их только за то, что они не согласны с ними, не идут на разбой, хотят честно трудиться и готовы до смерти стоять за закон, за Царя, за Церковь Божию...

Вот каковы эти обманщики, изверги рода человеческого... Берегите же себя, возлюбленные братья, берегите себя и детей своих от этих лстецов, ради Бога, ради вашего вечного спасения берегитесь их! Горе миру от соблазна, – говорит Спаси-

тель, – но еще большее горе тому, чрез кого соблазн приходит. Смотрите, сколько горя – целое море слез разливается по лицу родной земли от этих соблазнительей-крамольников: судите же сами, какое страшное горе, какой строгий суд Божий ждет этих несчастных злодеев и их сообщников. Пора нам одуматься, пора перестать быть равнодушными к этому великому бедствию на Руси, пора стряхнуть с себя духовную леность и больше не допускать к себе и к детям нашим этих опасных, зачумленных людей. Прочь лесь их и обман, прочь коварное дьявольское наваждение! Оградим себя крестным знаменем, взглянем опасности прямо в глаза.

Но что же делать? – Что делать? – Вот вопрос, неотступно терзающий душу.

Что делать? – Очнуться, проснуться надо. Сознать всю опасность надо. Оглянуться вокруг надо: не заразила ли эта нравственная чума кого из близких наших? Заглянуть в свое сердце надо: чем оно живет, ради чего и для кого оно бьется? К совести своей прислушаться надо. Она подскажет. Ангел Божий, хранитель наш, чрез совесть нашу заговорит с нами о том, что надо делать. Он скажет нам, что прежде всего – надо принести Богу искреннее, слезное, всенародное покаяние. Оно, это покаяние, очистит нас, обновит наше сердце, нашего внутреннего человека. Оно положит начало благое новой, быть может, еще нам неведомой, или давно нами забытой духовной жизни, жизни по заповедям Божиим. Оно сделает нас мужественными, бодрыми среди великих испытаний, оно сделает нас способными положить с радостью души свои за братьев своих, если это будет Богом суждено. Это – святое христианское дело.

Но вот, смотри: твою дорогую мать, родную твою Русь ее несчастные безумцы-дети терзают, собираются на части разорвать, хотят отнять у нее заветную святыню – веру православную, в грязь топчут все, чем она доселе жила, крепла, красовалась... Твоего Батюшку-Царя поносят, рвут его изображения, хулят его царские повеления, издеваются над ним: может ли твое сердце быть спокойным при этом, русский человек? Не горько ли тебе, не больно ли все это переносить? Не кипит

ли ревностью твое сердце, не потрясается ли от негодования, справедливого негодования, все твое существо?

Что же тебе делать?..

Опять спроси у своей совести. Она напомнит тебе верноподданническую твою присягу. Она скажет тебе: будь любящим сыном родной земли, будь беззаветно преданным слугою своего Царя. Исполни то, чего от тебя потребуют слуги цареvy, что скажут тебе пастыри Церкви. Будь готов умереть за Царя и за Русь. Вспомни, как предки твои безропотно за него умирали. Вспомни, как простой посадский человек, нынешнему мещанин, Козьма Минин Сухорук поднял Нижний, а за ним и всю Русь, на защиту родной земли. Посмотри, как он на своем памятнике благородно-энергически показывает на родной, заветный, столь священный для русского сердца Кремль болящему князю Димитрию Михайловичу Пожарскому. Вспомни, как верноподданный костромич, крестьянин Иван Сусанин, с радостью и мужеством положил душу свою за Царя, в куски изрубленный врагами-поляками. Не всем судил Бог быть такими героями, но всем заповедал: чти отца твоего и мать твою. Царя чтите, братство-народ возлюбите! Нам ли не любить земли отцов своих? Ведь она вся русскою кровью полита, ею спаяна; ведь и сами мы костями нашими в ней же ляжем, смешав прах свой с прахом предков наших...

К русскому народу

Православные русские люди-братья! Где вы? Откликнитесь русским сердцем на наше скорбное слово! Живы ли вы? Много ли вас? Велика ли ваша сила? Есть ли еще среди вас Минины, Пожарские, Сусанины, не щадящие ни имущества, ни жен, ни детей, ни собственной жизни для спасения Царя и Отечества от врагов внешних и внутренних? Или оскудела доблесть русская-христианская! Или перевелись на Святой Руси герои духа, подвигами которых она доселе украшалась, процветала, славилась, именами коих справедливо гордилась; на

костях которых, как на костях мучеников, она выросла, крепко стояла прежде, стоять теперь и долго еще простоит.

Нет, жив наш Бог, жива и душа русская, и не один и не два, а много, много еще праведников на Русской земле; много еще людей разума, правды, любви и порядка, много их среди всех сословий, и едва ли не больше их среди нашего простого люда. Они там, в глубине России; разбросаны по разным углам, глухим и шумным, по городам, селам и деревням обширной и великой Русской земли. Они скрыты от глаз мира. Они думают свою русскую думу без шума. Они скромны и молчаливы... Сердце русское обливается кровью при одной мысли о том, что наша Родина разрывается на части, что в ней идет братоубийственная война и потоки крови залили матушку Русь. Стоном стонет земля! Плачет Русь о детях своих...

Где вы, русские люди, что вы молчите? Много зла и злых людей, но не наше дело – беспомощно опускать руки перед опасностью. Смело будем глядеть ей в глаза, встретим ее мощным отпором. Нас много, мы – сила, нас – десятки миллионов, но мы разрознены, действуем в одиночку, каждый сам по себе и сам за себя. Сплотимся крепкою и тесною стеною, друг другу братскую руку подадим и скажем: за дело, смело вперед, дружнее. Наше дело правое, святое. Оно устоит. Зло ломает, а мы будем строить и защищать нашу крепость, веками созданную. У нас есть вождь – Помазанник Божий – Царь-батюшка. Станем вокруг него; пойдем за ним, куда он нас поведет... За ним шли наши предки и мы пойдем без всяких страхов и оглядки по сторонам. В единении Царя с народом – сила. Его воля – наш закон.

Мы действуем прямо, смело, открыто, во свете, а не во тьме, не подпольно, а въявь, на глазах всех, «а все являемое от света – свет»; а их дела темные, во мраке делаемые – мерзки и богопротивны, и говорить об них нехорошо. Бегите дальше от них, как от заразы. Берегитесь их хитро расставленных сетей... Бойтесь их. У них на устах – мед, а под устами яд... Они действуют якобы от народа и за народ и в тоже время называют этот народ черною сотнею, хулиганами; на языке у них – свобода, а

на деле, в жизни – постоянное насилие... В них нет правды, по делам их узнаете их, а словам не верьте... Они против Христа и против Помазанника Его – кто они, как они веруют?.. Спросите их и увидите, что это слуги дьявола. С такими не общайтесь! Не слушайте их! Боритесь с ними все вместе, всем миром, единодушно, дружно; обличайте их; берегите детей ваших от их лживых и ложных речей; в дома их к себе не пускайте; из школ изгоняйте... Соберитесь по храмам и постановите, как вам поступить с ними в том или ином случае. Бог вас умудрит и наставит на всякое доброе дело... Но еще раз напоминаем: поднимайте ваш голос, да раздастся он громко, громко, ищите законной защиты у власти, просите, требуйте и боритесь словом и делом, без насилия, как подобает христианам. За дело, с Богом!

Речь при вступлении Их Императорских Величеств в Большой Московский Успенский собор

Благочестивейший Государь!

Первопрестольная и вернопреданная Москва, а с нею и вся Россия, сердцем которой она справедливо называется, всегда связана с Царем своим, как со своею жизненною сердцевиною, узами самой искренней любви и непоколебимой преданности. Где бы ни находился Царь ее, она хотя незримо, но всегда и неизменно там, где он, она всегда и всюду с ним и вокруг него со своею искреннею приверженностью, своим сочувствием и благожеланиями, своими неусыпными и никогда не умолкающими молитвами. Но эти никогда не разрываемые живые струны ее любви и привязанности к Царю своему звучат особенно высоко настроенною гармониею тогда, когда Царь входит в непосредственное соприкосновение с нею, принимает участие в ее церковных торжествах и становится лицом к лицу с народом. Таков настоящий момент, когда вот ты, Государь, как утреннее весеннее солнце, выходишь с нашею Государынею так близко пред нашими взорами, когда идешь, чтобы в этой заветной святыне пережить с нами те священные мину-

ты, выше которых ничего не может быть для христианского сердца, разделить скорбные молитвы Страстной седмицы и радость Светлого праздника, когда своим продолжительным посещением приносишь нам такую радость, какой уже полвека не видала царелюбивая Москва наша; крепко быются сердца наши и производят неудержимый порыв народного чувства. Я не знаю, как назвать это чувство: назвать его чувством благодарности – мало, назвать чувством утешения – тоже мало. Это – переполнение нашего сердца тем чувством счастья, какое испытывает оно, когда чувствует вокруг себя свое жизненное начало, когда ощущает близ себя свое неоценимое сокровище. От всей души благодарим Бога за то, что Он так утешает нас тобою, и горячо молим Его, да утешит Он и тебя нами.

О причинах бесцерковья¹
(Слово при освящении придела св. Иоанна Воина
в церкви Живоначальной Троицы,
на Капельках, 28 декабря 1908 года)

Как страшно место сие! Здесь
не что иное, как дом Божий и
врата небесная

(Быт. 28, 17)

Это – слова патриарха Иакова, коему Бог во время его бегства в чужую землю в сонном видении показал свое по-

¹ В брошюре, выпущенной издательством «Русская печатня» (М., 1909), приводится следующее примечание к настоящему тексту: «Воспроизводимое из “Московских церковных ведомостей” слово владыки-митрополита было произнесено Его Высокопреосвященством 28 декабря 1908 года, пред литургиею, по окончании освящения придела св. Иоанна Воина в храме Пресвятой Троицы на Капельках, коим завершилось празднование в этом приходе двухвекового юбилея этой церкви, каменному строению коей положено было основание в 1708 году Императором Петром Великим и супругою его Екатериною Алексеевною. Празднование этого двухсотлетия начато было освящением 30-го ноября придела во имя Святителя Митрофана, епископа Воронежского, которое совершил преосвященный Василий, епископ Можайский».

кровительство и попечение. Пробудившись от сна и объятый чувством благоговения и страха, он тотчас же освятил на этом месте камень, служивший ему возглавием, как памятник, в ознаменование того, что на этом месте Бог оказал ему свою милость. «Здесь дом Божий, – сказал он, – и врата небесная».

Этимися словами патриарха уместно и мне, братие, огласить слух ваш в настоящее время и в настоящем месте. Ибо и для нас этот только что освященный нами храм есть дом Божий и врата небесная. – Хорошо знаем мы, что Бог, как вездесущий Дух, не может быть заключен в стенах и ограничен каким-нибудь местом и что Он всюду может слышать вздохи и молитвы благочестивых душ, так что мы вправе сказать то же, что сказал некогда Соломон: небо и небо небес не вмещает Тебя, Господи, тем менее сей храм, который мы построили имени Твоему (3 Цар. 8, 2). Но если не нужны храмы Богу, то очень нужны они нам. Для достойного совершения Таинств, установленных Христом, для проповедания к общему назиданию Слова Божия, для совершения общественного богослужения мы нуждаемся в постоянных местах общественных собраний и во внешних спасительных средствах, чтобы чрез чувственные образы возносить душу свою к сверхчувственному и вечному. Вот почему эти храмы в старое доброе время у наших благочестивых предков были предметом особенной любви и почитания. Здесь находили они утешение в своих бедствиях и скорбях, воспевая священные песни и смиренно выслушивая учение Господа; здесь получали они благословение и освящение при всех особенно важных событиях своей жизни. Здесь находили они успокоение мятущейся совести, отпущение грехов и мир с Богом. Сюда во все праздничные дни собирались они без различия пола, возраста и состояния для молитвы и поклонения Богу, и не было между ними никого, кто своевольно уклонялся бы от этих богослужебных собраний. Все представляли из себя здесь одну великую семью, семью Божию, где не было различия ни между богатыми и бедными, ни между знатыми и простолюдинами, ни между учеными и простецами. У нас же теперь стало не так. До нас сохранилось от предков

много древних и славных храмов, но не сохранилось их благочестия. Для многих из наших современников известного сорта и направления храмы являются уже излишними; одни из них появляются здесь очень редко, а другие и никогда. Вот почему не будет неуместным делом сейчас, в день освящения этого храма, остановиться нам своим вниманием на этом печальном явлении и дать ответ на вопрос: где причины этого печального недуга охлаждения к храмам (храмобоязни)? Не заходя далеко, мы можем указать следующие четыре причины:

а) незнание предметов веры, б) недостаток религиозного чувства, в) господствующий дух неверия и г) господствующая страсть к чувственным наслаждениям.

а) Простой человек, когда видит, как редко посещают церковь люди, стоящие выше его и по образованию, и по общественному положению, легко может прийти к заключению, что посещение или непосещение церкви – дело неважное, что если передовые и ученые люди не ходят к общественному богослужению, то, стало быть, это и не нужно, стало быть, они имеют на это разумные основания. Но мы с решительностью утверждаем, что большинство таких людей страдает бесцерковьем и нелюбовью к храму не потому, что очень много знают в области веры, а скорее потому, что очень мало знают в этом деле. Как бы ни было широко их образование светское, как бы ни были велики их познания в предметах мира, в отношении религии они обнаруживают самые скудные познания. Выходя из учебного заведения нередко со знанием одного катехизиса, они часто забывают и последний, так как совсем не интересуются религиозными предметами.

Они не знают великого значения той искупительной жертвы, которую принес Спаситель, не знают того источника блаженства, той пищи духовной, которую Он предлагает нам в своих Таинствах. О, как хотелось бы сказать им то же, что сказал Христос самарянке: Если бы ты знала, кто – Тот, Который говорит с тобою, то ты сама попросила бы у Него пить, и Он дал бы тебе воду живую (Ин. 4, 10). О, если бы и вы, г.г. неверы и люди бесцерковья, знали, какое чудо любви открывает

Спаситель в церковных Таинствах, знали, каких величайших благ лишаете вы себя, отвергая их, если бы знали, как слабы и бессильны вы без Него, то поистине вы с неудержимым желанием поспешили бы к Нему, к этому источнику, освежить себя водою жизни; вы не стали бы презирать голоса Церкви – вашей учительницы, – если она предъявляет вам свои требования, призывая вас к вечному спасению!

Они не знают, что делают, когда в порывах самолюбия и самомнительности говорят: на что нам Церковь, на что богослужение с его проповедью? Мы сами можем проповедовать, сами можем читать нечто более содержательное и полезное, чем ваша церковная проповедь. Но можно ли согласиться, чтобы кто-либо мог совсем не иметь нужды в религиозном наставлении, в напоминании о великих истинах, в предостережении, увещании, в пробуждении усыпленной совести?

Они не знают заповеди Апостола, который требует, чтобы мы служили для своих собратий примером благочестия и набожности и назидали их нашим участием в общественном богослужении. Слово Христово да вселяется в вас, говорит он, обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями (Гал. 3, 16). Он строго порицает тех, которые не ходят на религиозные собрания, заключая речь свою словами: «Не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай, но будем увещевать друг друга» (Евр. 10, 24–25). Что сказал бы этот Апостол, если бы он явился сейчас между нами и посмотрел, какой великий соблазн производят те из передовых наших сословий, которые совсем забывают Церковь, и редко, а то и совсем не ходят к общественному богослужению?

б) Не у всех, впрочем, холодность к Церкви происходит от недостатка познаний в области религии. У многих довольно таких знаний, и, пожалуй, основательных, но недостаточно религиозного чувства. Религия есть дело не одного только разума, но и сердца: недостаточно знать только веру, но нужно упражняться в ней, прилагать ее к делу. Если одна только голова набита холодными знаниями, но не воспитано сердце, не

развито религиозное чувство, то это одностороннее образование ума легко переступает меру, впадает в гордость и самообольщение и хочет все постигнуть при помощи только разума и внешних чувств, постигнуть даже и все тайны веры. А так как последние превышают этот разум, то он отвергает их, как глупость и безумие, и дерзко отрицает веру и учение Церкви.

Было время, когда менее резонировали о вере, но более умели веровать, чем теперь. Было время, когда каждая мать, хотя бы и высоко образованная, не находила для себя большего счастья, как научить своего ребенка произносить сладчайшее имя Иисуса в то время, когда и голос его был еще слаб, и язык его нем, когда родители и сами охотно ходили в церковь, и детей своих водили туда, когда каждый праздник в доме был днем особенной радости, и все было рассчитано на то, чтобы юному христианину сделать особенно любезною и дорогою его веру и внушить ему уважение ко всему, что относится ко Христу и Его Церкви. Если же теперь этого уже нет, если при воспитании детей Закон Божий понимается только как предмет разума и уроки его назначаются рядом с уроками рисования и музыки, если дети никогда не видят своих родителей молящимися и не слышат от них ни одного слова о Боге, о вере, о Церкви и ее спасительных средствах, словом, если дух религии не господствует в семействах, то может ли быть речь о набожности и религиозности их и в будущем? Кто в ранние годы не испытывал на себе силу веры, кто не был приучен все нечистое и греховное побеждать благочестивыми упражнениями, для того впоследствии, когда начнут пробуждаться дикие, низменные инстинкты, все средства Церкви теряют свое значение.

в) Третью и главную причину бесцерковья мы должны искать в той страшной буре, которая поднялась в конце XVIII века против Христа и Его Церкви и пронеслась, как опустошительный ураган, по всем странам Западной Европы. Безбожные, материалистически настроенные люди заключили нечестивый союз и задались безумною целью стереть с лица земли веру в Сына Божия. А так как они не в состоянии были с достаточною основательностью противостоять вечной истине,

то пустили в ход все: и хитрость, и лукавство, и ложь, и обман. Христианскую веру они стали выдавать за глупость, чудеса Св. Писания – за сказки и легенды, учение Церкви за обман, причем страшным насмешкам подвергаемы были все церковные обряды и обычаи. Вся Европа наводнена была книгами, в коих простому народу давалось понять, что религия есть суеверие, священники – льстецы и обманщики, поддерживающие это суеверие из своих корыстных целей, и что человечество теперь настолько развилось, выросло и окрепло, что может стоять на своих собственных ногах, не нуждаясь ни в чьих помочах. Губительны были последствия этой новой проповеди для легковверных и легкомысленных людей. Произведения этих учителей, обнаруживавших иногда выдающиеся таланты, были приняты за последнее слово науки, и под ослепительным блеском и язвительными насмешками их речей забыто было об исследовании и проверке их истинности и основательности.

Тогда многие и очень многие несчастные юноши и старцы, богатые и бедные бросались в объятия неверия. Последнее было увлекательно для них потому, что снимало с них бремя церковной дисциплины и пролагало широкую дорогу к удовлетворению животных страстей, где можно было не бояться уже Бога, где чувственные наслаждения рисовались, как высшее благо человека, который, отрешившись от мысли о бессмертии, ожидал одинаковой участи со своими животными. С того времени дух неверия постоянно возрастал и усиливался, и в отдельных людях, и в семействах и обществе, пока, наконец, не изгнал из кабинетов Библию и все лучшие религиозно-нравственные произведения, заменив их песнями, сказками и такими книгами и брошюрами, которые поставили своею задачею смеяться и оскорблять все, что есть у благочестивых людей святого и священного. Всякий, кто обнаруживает усердие к Церкви, провозглашается здесь глупым, отсталым человеком, которого еще не коснулся свет научного просвещения. Мало-помалу господствующим тоном нашего интеллигентного общества сделалось: как можно реже ходить в церковь, – и глупая гордость – не уронить себя во

мнении такого общества, не прослыть темным, непросвещенным человеком, действовала на одних, а страх подвергнуться насмешкам и издевательствам – на других.

Таковы пути, по которым многие из христиан удалились от церкви.

г) К этому у многих присоединяется еще страшная сила господствующего порока, которая притупляет всякое религиозное чувство, застилает густым туманом духовные очи и низводит человека с высоты небесной в облак чувственных наслаждений, овладевающих всем существом его. В таком состоянии он не чувствует уже никакой потребности в приближении к Богу; он не может и не хочет уже и молиться. Какое удовольствие он может получить от общественной молитвы в церкви, когда ему все напоминает здесь о глубоком падении его души, когда близость Бога приводит его в смущение и страх. Все, что говорится здесь о смерти, о суде и вечном воздаянии, все это нарушает его внутренний покой, пробуждает угрызение совести и не дает ему спокойно спать. Что может быть в этом случае всего естественнее, как не избегать намеренно всего, что может напоминать ему о его духовном бедствии, о его нравственной бедности и наготе. Вот причина, почему многие из христиан не ходят в храм Божий и не хотят слушать здесь Слово Божие. Это Слово, как меч, как острое копье, вонзается в сердце, доходя до «разделения души и духа». Если бы пред такими слушателями выступил сейчас со своею евангельскою проповедью и сам Апостол Христов, то они и его едва ли стали бы слушать. Так стоял некогда бедный, заключенный в узы ап. Павел пред правителем области Феликсом и говорил о вере во Иисуса Христа. Пока Павел говорил об общих истинах веры, Феликс слушал; но как только начал он говорить о целомудрии, о будущей жизни, о суде и аде, Феликс, уязвленный в своей совести, смутился и сказал: «Довольно, уходи, теперь мне некогда, я позову тебя, когда будет удобное время». С этим Феликсом можно сравнить тех из христиан, которые избегают общественного богослужения в храме потому, чтобы не оказаться в таком же положении, в каком находился Феликс.

Возлюбленные о Господе братие и сестры! Я указал вам на причины непосещения храмов известных слоев нашего общества – на тот конец, чтобы вы не увлекались такими соблазнительными примерами и не думали, что поступающие таким образом имеют основание. О, не следуйте их примеру, берегитесь соблазна! Не берите примера и с тех так называемых христиан, которые хотя и ходят в храм Божий, но ходят не для поклонения Творцу, не для раскаяния во грехах своих, не для освящения своей души и тела молитвою, а для развлечения, как на зрелище, для свидания с знакомыми, что можно бывает видеть из их легкомысленного настроения, из их позы, их улыбок и смеха и из шуточных разговоров между собою. Поистине, если Церковь сетует о тех из чад своих, которые совсем не ходят в храм Божий, то она мало имеет основания радоваться и за тех, которые, хотя и ходят, но не делают различия между церковью и танцевальным залом.

Ходите же, возлюбленные, в храм сей как можно чаще, ходите с благоговением и страхом Божиим, не смотрите на него, как на простое здание, как на дело рук человеческих. Нет, это не простое здание, не обыкновенное место собраний, а дом Божий и врата небесная, это – селение Вышнего, чертог Царя Славы, страшный и досточтимый для самих Херувимов и Серафимов. Здесь отселе будет совершаться и тайнодействие то, чего нет на самом небе, несмотря на все его величие; ибо здесь будет совершаться Таинство Пречистого Тела и Крови Сына Божия. О, Всемогущий, Вечный и Всеведущий Боже, даровавший нам великую радость обновления и освящения сего храма! Не отврати лица Твоего от нас и услыши нас в онь же еще день призовем Тя на месте сем! Аминь.

Работа в свете материализма и христианства

Наш век, гордый своим образованием, страдает многими увлечениями и чрезвычайною спутанностью понятий в основных предметах частной и общественной жизни. Но ни в

одной области эта путаница не приводит к таким тяжким последствиям, как в области труда и работы, которая в настоящее время стала предметом всеобщего интереса. Вот почему не неблагоприятно рассмотреть этот вопрос при свете Евангелия, составить наиболее правильный взгляд на работу, чтобы таким образом поддержать любовь и охоту к труду, ослабляемые мнимыми друзьями нашего народа. Но чтобы составить наиболее основательное понятие о труде и работе, для этого необходимо сначала бросить взгляд на то, как смотрел на работу материализм древний, в древнем язычестве существовавший, и как относится к ней материализм новый, в современном социализме воплотившийся.

Древний мир не знал нравственной цены и достоинства труда. Что труд есть обязанность всех и каждого, что он составляет честь для каждого и высоко и низко поставленного человека, что он есть главный фактор жизни народа и основание его благосостояния, — такие мысли были совершенно чужды древнему язычеству. Работа для него была — неизбежное зло. Для свободного человека, не принадлежавшего к числу рабов, работа почиталась стыдом. Каждая работа, требующая телесных сил, по мнению Аристотеля¹ — древнего философа, — унижает свободного человека. Для таких работ, думает он, природою создан особый класс людей — рабов, которые собственно не суть люди. По мнению Платона, люди, коим их занятия не позволяли посвятить себя своим друзьям и государству, достойны презрения. А Цицерон² всякий труд или работу, совершаемую за плату, называет жалким, унижительным рабством.

Главною причиною такого презрительного взгляда на работу служило, без сомнения, то, что древний человек жил только для земли. Не имея понятий о цели человеческого бытия в загробной жизни, он не имел правильного понятия о задаче и здешней жизни. Быть счастливым здесь на земле, приобретать

¹ Аристотель (384–322 до Р. Х.), великий древнегреческий философ и ученый, ученик Платона, воспитатель Александра Македонского.

² Цицерон, Марк Туллий (106–43 до Р.Х.), римский государственный деятель, выдающийся оратор и литератор.

блага земные и богатство только для удовольствия и наслаждения – вот что было единственной целью его существования. И хотя в других отношениях в жизни древнего язычества выступает пред нами немало и высоких, идеальных черт, но все это находило конец для себя в самом грубом материализме.

Взгляните на хозяйственное и имущественное состояние Римского государства ко времени появления в истории мира христианства, и вы увидите, что значит пренебрегать трудом, не знать истинного значения работы. Если ранее в Италии было сословие свободных крестьян, то теперь все было куплено римскими богачами, имения которых были настолько велики, что простирались на десятки миль. Здесь на месте прежних цветущих деревень, рядом с роскошными виллами владельцев, стояли теперь жалкие, похожие на тюрьмы здания, в которых жили рабы, на коих лежала обязанность обрабатывать землю и пасти скот. В самом городе Риме также очень мало было работающих людей. Там проживали десятки тысяч собиравшихся сюда со всего света богачей, которые тратили здесь баснословные суммы на пиры и увеселения. Собственной индустрии не было никакой. Необходимые работы исполнялись тысячами рабов. Словом, древний мир не работал. Не зная обязанности работать, он не питал и никакого уважения к работе.

Равным образом не знает ни достоинства, ни цели работы и новейший, в социал-демократии воплотившийся материализм. Правда, если послушать проповедь вожakov социал-демократии, то можно подумать, что они первые в мире любители и друзья работы, что благодаря только им работа приобрела в глазах людей надлежащую ценность и что прежде никто не ценил ее по достоинству. Но это только по-видимому, в действительности же это не так. Если бы социал-демократы на самом деле любили более других работу, то они не настаивали бы так крепко на сокращении рабочего времени, не вели бы из-за этого постоянной борьбы, усиливаясь доказать, что продолжительная работа вредна для здоровья, так как она требует чрезмерного расходования сил. Но не в этом главная и существенная цель социал-демократии. Защита рабочих у

нее есть только средство для достижения цели. Действительный лозунг социал-демократии таков: как можно меньше труда и как можно больше удовольствий. Самая работа для нее, очевидно, не удовольствие, но тяжелое бремя и неизбежное, как она понималась и в древнем язычестве, зло. Для социал-демократии – да и может ли быть при ее безбожии и отрицании вечности иначе – цель жизни есть удовольствие, чувственные наслаждения земными благами. Их стремления и домогательства преследуют ту только цель, чтобы как можно скорее и побольше достать этих наслаждений. У Бебеля¹ (один из вожаков социал-демократической партии) в его книге «Женщина и социализм» мы находим такую статистику, по которой все способное к работе население в будущем демократическом государстве будет иметь рабочего времени не более 2 с $\frac{1}{4}$ часов в сутки. Причем он выражает надежду, что с течением времени этот срок может быть и еще укорочен. Не ясно ли сказывается здесь то воззрение, что работа есть бремя, несчастье?

В этом воззрении своем на работу социал-демократия тем только отличается от древнего язычества, что она с кажущимся притворным уважением к физическому труду соединяет крайнее неуважение к труду умственному, тогда как древний мир отдавал справедливость, по крайней мере, последнему и считал, например, работу государственного мужа, художника, философа заслуживающею полного уважения. Чтобы убедиться в этом, стоит только сколько-нибудь познакомиться с произведениями вожаков социал-демократии. Едва ли можно говорить с большим пренебрежением и с более язвительными насмешками о богачах-фабрикантах, о высших государственных чиновниках и церковных служителях, как говорил Маркс² – догматик социал-демократии. А по мнению Бебеля, в будущем (демократическом) государстве умственную работу, поэзией, наукою, литературою будут заниматься только

¹ Бебель Август (1840–1913), один из основателей и руководитель германской социал-демократической партии и Второго Интернационала.

² Маркс Карл (1818–1883), немецкий философ, социолог, экономист и общественный деятель.

самые ничтожные мужиченки и бабенки, т.е. те из мужчин и женщин, которые не способны к телесному труду. Отсюда ясно, какую таксу устанавливает социал-демократ умственно-му труду и почему в настоящее время у многих из рабочих так мало уважения и расположения к интеллигентным людям, почему они на тех, кто работает не руками, а головою, смотрят как на праздношатающихся, как на бездельников и дармоедов. А между тем кому не известно, что умственная деятельность есть самый тяжелый и самый изнурительный труд. Тогда как работающий физически давно уже достиг своего вечернего покоя, работающий умственно все еще продолжает заниматься, сидит до самой полночи, а иногда далеко и за полночь, да и в постели-то долго еще остается без сна, пока не успокоятся его нервы. Если поэтому социал-демократ на работу вообще смотрит как на неизбежное зло, то не должен ли он питать истинное уважение, по крайней мере, к головной работе, потому что она самая важная и самая необходимая работа? Кого мы должны благодарить за успехи культуры и великие изобретения (например, паровые машины, ткацкие челноки, железные дороги, телеграфы и прочее), которые так много облегчили и усовершенствовали человеческую работу и услугами которых в немалой мере пользуются, конечно, и сами социал-демократы? Кто открыл применение силы пара, электричества, магнита, как не те, чьи силы и время не уходили на ежедневный физический труд и которые поэтому могли сосредоточивать свои умственные способности на исследовании сил и законов природы? Разве это не те кабинетные ученые при университетах и других высших учебных заведениях, которых социалистические агитаторы упрекают в тунеядстве и в том, что они только проедают свои высокие оклады, нажитые потом рабочего? Разве и они не рабочие? Сколько напряжения, сколько лишений, сколько бессонных ночей стоила этим благотворителям рода человеческого их работа! Стоит лишь прочесть историю их жизни.

Правда, некоторые из социалистических писателей уже и сами сознают это. Но они говорят: «Ожиревшего фабриканта-

купца, судовладельца или землевладельца нельзя же все-таки назвать рабочим. Он лишь спокойно сидит в своей роскошной квартире или в своей конторе и забирает деньги и широко живет на богатства, добытые ему тяжелым трудом рабочего».

Но кто не согласится, что только по недомыслию можно не сознать, сколько требуется практического ума и деловитости, чтобы стоять во главе большого предприятия? Здесь требуется глубокое знание разнообразных политических и коммерческих условий не только в своей стране, но и всюду, так как весь мир составляет один большой рынок. Фабрикант должен знать, где и когда выгоднее покупать сырой материал и где выгоднее сбывать товар. Судохозяева и купцы, которые суть посредники мировой торговли, должны не только хорошо знать толк в товарах, но и знать потребности, привычки и вкусы различных потребителей. А ведь все эти познания и весь этот опыт добывается не без труда, не без упорного, напряженного и многолетнего труда. При этом не следует забывать еще и о той ответственности и беспокойствах, какие переживает фабрикант во время экономических кризисов, когда ставится на карту благополучие не только самого дельца, но и сотен людей, зависящих от него. Если взвесить одно с другим, то окажется, что условия жизни людей не так различны, как многие предполагают. И можно с уверенностью сказать, что работник, который под влиянием агитации против богатого хозяина видит одни только завидные стороны его богатства, не захотел бы быть на его месте, если бы он знал, какая тяжесть лежит на плечах хозяина, и видел тот меч, который часто на волоске висит над его головой.

Итак, ни препрославленная древность, ни еще более воспеваемая социал-демократия не знают истинного значения и богоустановленной цели труда.

Истинное познание об этом дает только христианство. Как христиане, мы должны вместе с экономистами сказать: труд есть главный фактор земных благ и источник внешнего благосостояния человека и человеческого общества. В Библии говорится: хорошая работа должна хорошо и оплачиваться.

*Делатель достоин мзды своей. Трудивыйся да яст, а не трудивыйся, стало быть, не должен и есть. И что Христос и все великие учителя христианства проповедуют словами, это подтверждают они и самым делом. Святой апостол Павел, ходивший по миру с проповедью, находил честь и славу свою в том, что своими собственными руками зарабатывал ежедневное пропитание. Точно так же работал и Сам Христос, разделяя с отцом Своим Иосифом в Назарете плотничные работы и в подвигах труда совершая жизненный путь Свой, как Сам Он засвидетельствовал, сказав: *Я должен делать, пока день (идет), но наступит ночь, когда никто уже не будет делать.**

Впрочем, по учению Библии, работа и труд не есть только средство для приобретения всего, что необходимо для поддержания жизни. По учению ее, работа включает в себе нечто большее. Именно, она есть лучшее, Богом установленное средство к возвышению и усовершенствованию человечества. *«Господь Бог, – так говорится в первой книге Моисея (2, 15), – взял человека (которого создал) и поселил его в саду Эдемском, чтобы он возделывал и хранил его».* Эти слова Библии имеют самое важное и основное значение в настоящем случае. Ибо они ясно выражают, что человек создан для работы. Работа не со времени грехопадения только сделалась уделом человека. Нет, человек, как только вышел из рук Творца, еще в раю, назначен был не для пользования только этим раем, но и для возделывания его. Грех только труд прибавил к работе, как и сказано в Библии: *«в поте лица твоего ты будешь теперь есть хлеб твой».* Но и то, что человек при своей работе должен бывает напрягать свои силы до выступления пота на лице, не есть только наказание, а скорее воспитание, проклятие Божие превращается здесь в благословение, наказание – в милость и благодать. Вот почему работа и в настоящее время есть еще часть рая, часть блаженства, средство к усовершенствованию. И если в той же первой книге Моисея говорится: *и наполняйте землю и обладайте ею* (1 гл., 28 ст.), т.е. господствуйте над нею, то отсюда вытекает двоякое следствие: а) что человек назначен господствовать над природою и б) что он может

исполнить это назначение только посредством труда и работы. – Благочестивый Сирах говорит: «Избери для себя какую-нибудь работу, и тебя не постигнет никакая болезнь»¹. Здесь работе приписывается свойство не ослаблять здоровье, как думают социал-демократы, а укреплять его, служить средством к развитию как телесных, так и духовных сил. В притче о талантах² Господь хвалит раба, который трудом увеличил свое имущество, умножил вверенный ему талант и чрез добросовестную работу в малом сделался достойным многого. Павел апостол желает видеть фессалоникийских христиан свободными и самостоятельными путем труда, подобно тому, как и сам он, благодаря своему труду, не был в зависимости от общества³. В конце концов, взгляд Библии на цель работы сводится к тому: она доставляет средства к жизни, она укрепляет телесные и душевные силы человека, она делает его свободным и независимым в своем существовании, она содействует его усовершенствованию; она возвышает его до такой степени, что делает его господином над природою, который пользуется ее силами для разного рода открытий и изобретений, для распространения культуры и цивилизации; она, наконец, приводит его к источнику всякого и внешнего и внутреннего счастья и благополучия, приводит к живому Богу.

Какое высокое воззрение! Какого глубокого все это исполнено смысла и значения! Сколько высокого, нравственно-облагораживающего и ободряющего вносит Библия в рабочую среду! Люди, находящиеся под влиянием материалистического взгляда на работу, делают свое дело с недовольством, с вздыханиями, с озлоблением – они очень несчастны в глубине

¹ Хотя «Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова» и относится к числу так называемых «второканонических книг Ветхого Завета», многие Св. Отцы рекомендовали ее для чтения.

² Мф. 25, 14–30.

³ «Ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам; ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, – не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам» (2 Сол. 3, 7–9).

души своей. Люди же, трудящиеся под христианским воззрением на работу, делают свое дело с радостью, с удовольствием: они в глубине души своей – счастливые люди. А потому напечатлеем, други, поглубже в своем сердце (все трудящиеся и физически, и умственно) это христианское понятие о работе, чтобы затем прилагать его к делу, осуществлять в жизни. Употребим все усилия к тому, чтобы внедрить это понятие в душу и совесть нашего народа, сбиваемого с толку последователями ложного учения социал-демократии. И благо тогда будет нам, тогда мы несомненно станем на истинный путь к оздоровлению нашей личной и общественной жизни.

О труде и собственности
(Речь, произнесенная в аудитории Исторического
музея для фабрично-заводских рабочих г. Москвы)

В поте лица твоего снеси хлеб
твой, дондеже возвратишия в землю,
от нея же взят еси

(1 Моис. 3, 19)

Таков Божественный приговор над грешным человеческим родом. Все люди без исключения, как верующие, так и не верующие в истинность Священного Писания, которое говорит нам об этом приговоре, должны безусловно признать, что это действительно всеобщий закон, из которого никто не может составлять исключения. Каждый человек необходимо должен трудиться и работать или силою своего ума, или силою своего тела, и только трудом он может приобретать себе собственность и насущный хлеб. Нечего поэтому удивляться, если во все времена все вопросы, которые касаются труда и собственности, считались самыми важными и обращали на себя самое серьезное внимание. Но никогда эти вопросы не возбуждали такого живого интереса и таких жарких споров, как в настоящее время. Христианством они были приведены

в строгий порядок, и в продолжение многих веков люди верили в учение его относительно этого предмета и были покойны. С распространением же неверия в наше время взгляды на эти вопросы сильно изменились, и все, что относится к труду и собственности, сейчас составляет спорный вопрос между верою и неверием. Я говорю «вопрос», потому что неверие все делает вопросом; оно делает вопросом и то, в чем прежде ни один человек не имел ни малейшего сомнения. Превратное решение этого вопроса о труде и собственности способно поколебать весь мир в его основаниях, тогда как на христианском учении все человеческое общество, как это видим мы из истории, стоит твердо и непоколебимо. Думается, что Господь путем этих превратных учений о столь жизненных вещах и происходящих отсюда вредных последствий хочет дать понять людям, куда ведет их отпадение от Него, дабы они опытно научились искать спасение и счастье там, где оно есть на самом деле, т.е. в Его учении и в Его Церкви. И если мы вознамерились оживить в себе убеждение, что спасение наше единственно в вере, а не в неверии, то мы не должны обходить своим вниманием и этих вопросов о труде и собственности. Поэтому сопоставим между собою учение веры и учение неверия: 1) относительно труда и 2) относительно собственности.

В поте лица твоего снеси хлеб твой, – так гласит приговор Божий над согрешившим человеком, приговор, который простирается на всех людей без изъятия. Для каждого человека труд составляет необходимость, и так как мы это делать обязаны, то труд вместе с тем есть и наш долг, наша обязанность. Но как смотрит на этот долг наше неверие?

Оно, конечно, не может не признать необходимости труда и работы, но на долг этот оно смотрит не как на высший нравственный долг, в исполнении которого каждый обязан давать отчет, но как на долг необходимости, которого нельзя избежать. Вот почему для человека неверующего труд составляет бремя, которое он тотчас же сбрасывает с себя, как только открывается к тому возможность. Он работает потому, что он необходимо должен работать, потому, что к этому побуждают

его нужды жизни; но он тотчас же оставляет труд, как только убеждается, что ему можно жить без труда и работы.

Всякому понятно, что, при таком взгляде на труд, последний никогда не будет служить для человека удовольствием. Напротив, он всегда будет для него бременем, всегда будет наполнять сердце его чувством недовольства и ропота на свой жребий, как горький и несчастный. Неверие не признает и отвергает всякое высшее назначение человека; оно ничего не ставит для него выше земного и чувственного счастья и на землю указывает ему, как на единственное место, где только и может он рассчитывать на достижение счастья, именно когда будут удовлетворены его честолюбие, корыстолюбие и страсть к удовольствиям. Но между людьми, как показывает опыт, большинство таких бедняков, которым с большим трудом и заботами приходится доставать себе необходимое для жизни, в полном смысле «насущенный хлеб». И вот, если в сердцах таких людей перестает жить всякая высшая надежда и упование, если все мысли, чувствования и желания их направлены только на землю с ее радостями и благами, то какое недовольство своею участью должно тогда наполнять их сердца! Не должен ли тогда труд их всякую минуту казаться для них тяжелым бременем и мукою? И могут ли тогда они смотреть на труд свой, как на серьезную, священную свою обязанность? В этом случае человек, хотя и трудится, но трудится потому только, чтобы не умереть с голоду. Цель его труда в самом лучшем исходе та, чтобы не быть никому в тягость, чтобы не дойти до нищеты и воровства, столь противных его честолюбию, или, если он имеет семью, чтобы прокормить только своих семейных. Но всего чаще случается, что человек трудится с тою единственною целью, чтобы достать средства к удовлетворению своего корыстолюбия и страсти к удовольствиям. Если же такому человеку какой-нибудь неблагонамеренный советник подаст надежду находить для себя пропитание другими способами и средствами, то он готов оставить честный труд и приняться за самые пошлые и гнусные занятия, прибегнуть к самым безнравственным средствам.

Всмотримся, братие, в жизнь, и мы увидим, что все это ежедневно совершается пред нашими глазами. Где в массе простого рабочего люда исчезает христианская вера, там всегда обнаруживается страшное недовольство своею судьбою, и тот труд, к которому обязывают его звание и положение, является уже бременем, которое он готов сбросить с себя во всякое время. Ненависть и зависть к богатым и к состоятельному вообще классу наполняет их сердце, и в этом случае стоит только какому-нибудь недобросовестному лжеучителю подсказать им, что, при изменении существующего порядка, и их участь могла бы измениться к лучшему, и они готовы бывают на все, на всякие, хотя бы самые гнусные, вредоносные и губительные средства. Вот почему так часто повторяются у нас забастовки между рабочими; вот почему так быстро умножаются там, на западе Европы, последователи рабочей партии, или так называемых социал-демократов, которых считают сейчас не тысячами, а миллионами. Было бы, конечно, несправедливо считать всех их за мятежников и разбойников; но печальные последствия от таких учений ясно показали себя пред лицом всего мира в 1870 и 1871 годах в Париже, в тогдашней революции рабочих, сопровождавшейся страшными пожарами, грабежами и убийствами. И все такие люди то имеют общего, что все они враги христианства, воспрещающего такой образ мыслей и действий. Итак, в этом ли учении счастье человека? И тот, кто следует этому учению, будет ли внутренне счастлив, найдет ли он и внешнее счастье?

Но мы не должны думать, что только в больших городах с многочисленным населением бывают люди таких взглядов, правил и намерений. Нет. Всюду, где человек заражен неверием, как одно из первых последствий его является недостаток верности своему долгу и призванию. Честное выполнение своих обязанностей становится для него бременем; добытые заработки приносятся им в жертву плотским удовольствиям; в душе его царят зависть и ненависть к тем, которые находятся в лучшем, чем он, положении, и он готов бывает на все средства, как бы они ни были несправедливы и гнусны, что-

бы только улучшить свой печальный, как он думает, жребий. Таких людей не трудно сейчас встретить и в наших деревнях как в среде ремесленного, мастерового люда, так и между крестьянами, хотя не трудно наблюдать также и то, что такой образ действий ни им самим, ни их семействам не приносит ни счастья, ни спасения.

Но, произнося, таким образом, суд свой над таким нехристианским образом действий рабочих, мы не должны закрывать глаза свои и пред несправедливостью хозяев, которая служит причиною современных движений в рабочем классе. Если наши рабочие в большинстве случаев живут в нужде и бедности, то в этом виновато не одно только их неблагоразумие и невоздержание, например, от пьянства и других пороков, но нередко и то обстоятельство, что они за самую лучшую и честную работу не получают надлежащего вознаграждения. Каждый *делатель достоин мзды своей*, — это закон, высказанный Богом в Священном Писании, подтверждаемый и оправдываемый и здравым смыслом. Для честного работника труд его должен обеспечивать средства к приличному, по его званию, содержанию как его самого, так и семьи его. Но если хозяин рабочих не христианин, если он на слуг и работников своих смотрит как на рабов своих, если он слишком скуп и несправедливо оплачивает труд их, чтобы как можно больше пользы и барышей извлечь для себя, то из такого нехристианского образа действий жестокосердого хозяина и нечестного отношения к рабочим происходит бедствие последних, под тяжестью которого страдает рабочий класс, озлобляясь против своих работодателей. Что сказал я о нехристианских хозяевах, работодателях, это имеет отношение и ко всем нам, в наших отношениях к меньшим братьям. Кто несправедливо удерживает или уменьшает плату поденщику, мастеру или прислуге, так что последние не в состоянии бывают делами рук своих удовлетворять самые необходимые потребности жизни, тот поступает не по-христиански, грешит пред Богом и способствует распространению бедствий между людьми; а у кого нет никаких христианских убеждений и веры, тот и не задумается поступить так.

Совершенно другое бывает, когда работник и хозяин его руководятся в своей деятельности началами христианской веры.

Вера учит нас прежде всего смотреть на труд и работу не только как на дело необходимости и невольного принуждения, но как на нравственный долг, в исполнении которого мы обязаны дать Богу отчет. Во всей видимой природе мы не находим ни одного творения, ни одной силы, которой Бог не указал бы своей цели и своего определенного назначения. Само собою понятно, что и силы, данные Богом человеку, не должны оставаться мертвым капиталом, но они сами указывают нам на то, что такова воля Божия, чтобы мы употребляли их в дело, ими действовали и работали. Вот почему первый человек работал еще до грехопадения в раю, *возделывая его* (1 Моис. 2, 15). Труд в том состоянии и призвании, в которое Бог поставил человека, есть то именно его земное назначение, которое дано нам Богом. Мы обязаны силы нашей души и тела употреблять для нашего истинного блага, для пользы ближних и во славу Божию. Хотя эта наша работа иногда и приносит труд и болезнь, но христианин знает, что Бог сказал: *«в поте лица твоего снеси хлеб твой»*, что труды суть наказание и последствия греха, и потому он не должен на это сетовать и жаловаться. Христианин совершает свой труд по совести, как обязанность, возложенную на него Самим Богом. В этом у него есть пред глазами и славные образцы, и прежде всего его Спаситель, Который разделял труды Своего отца Иосифа, о котором Евангелие повествует, что он был плотник (Мк. 6, 3). Совершенно в духе своего Учителя поступал и св. апостол Павел, который по местам сам о себе свидетельствует, что он при выполнении своей апостольской обязанности кормился делами рук своих, устраивая шатры и палатки. А тех, которые вели беспорядочную жизнь и не работали, а занимались бесполезными предметами, он увещевает именем Господа Иисуса Христа, чтобы они работали и ели свой собственный хлеб, ибо *кто не работает, тот не должен*, – говорит он, – *и есть* (2 Фес. 3, 10–12).

Таковыми началами и воззрениями руководствуется христианин. А если он трудится в таком именно духе, тогда сердце

его далеко от недовольства, зависти и ненависти к тем, которые богаче, состоятельнее его. Спокойствие и довольство наполняют его сердце, и он с негодованием отвращается от вредных учений неверия, которые стараются внушить ему, что можно сделаться богатым и наслаждаться жизнью и без труда. Во все времена христианской веры или ничего не знали о таких учениях, или же эти последние не находили себе последователей. В добросовестном и усердном исполнении обязанностей своего призвания истинный христианин всегда находил свое счастье и свое удовольствие. Какие же теперь времена приносят более счастья и благополучия человеку: эти времена веры или настоящее время неверия?

Но такими правилами руководятся и богатые хозяева, если они истинные христиане. Они смотрят на своих работников, как на своих равноправных братьев, к которым они и относятся с полной справедливостью и любовью, — *с полной справедливостью*, когда они дают им надлежащую плату, давая им, таким образом, полную возможность удовлетворять существенные нужды жизни и поощряя их к большему усердию; *с полной любовью*, когда делают для них даже более, чем сколько требует строгая справедливость, как, например, окружают их заботами об их духовных и телесных нуждах, особенно во время несчастий, болезни и старческой дряхлости.

Где работники и хозяева их поступают по этим христианским правилам, там всегда бывает истинное счастье и спокойствие, там никогда не бывает таких злоключений, каковыми отличается настоящее время, ни восстаний и насилий со стороны бедного класса против состоятельных и богатых, ни притеснений бедняков со стороны богачей; там всегда бывает между ними мир, спокойствие, любовь и довольство.

* * *

Что сказали мы о труде и работе, то должны сказать и о собственности. И здесь все зависит от того, как смотреть на эту собственность, глазами веры или неверия.

Собственность есть плод или личного труда и работы каждого, или же наследство, доставшееся от предков. Для существующего, Богом установленного порядка в человеческих обществах весьма важно, как люди понимают собственность. Вот почему охранение правильно приобретенной собственности, в чем бы она ни состояла, в деньгах или в имуществе, всегда составляло в них предмет главных забот, и не могло быть никакого общественного и государственного порядка там, где не было бы охраны собственности. Посмотрим, как учит о праве собственности вера и как – неверие?

Поставим сперва вопрос: насколько человек имеет право на обладание собственностью? Христианская вера учит нас, что все творения, все земные блага, по своему существу и природе, принадлежат своему Творцу, что Он только один есть истинный и полный обладатель всех созданий. Но Бог предоставил человеку право пользования этими благами земли, и в этом только смысле человек имеет на них право. Следовательно, человек – не полный и не безусловный обладатель земными благами, каковым может быть один только Бог. Человеку предоставлено только пользоваться ими, да и это право пользования ими не есть неограниченное право; он должен распоряжаться благами земли не так, как он хочет, но как хочет и как велел Бог. Человек не вправе употреблять их не для той цели, для которой назначил их Бог. Цель же эту высказал Бог в следующих словах: *«вот Я дал вам всякую траву и всякие деревья, чтобы они служили пищею для вас»* (1 Моис. 1, 29), чтобы они служили средством для сохранения жизни, и притом для всех людей.

Совсем иначе учит о праве на земные блага неверие. По сему учению, человек не только имеет неограниченное право пользоваться оными, как своею собственностью, но так как оно не признает всемогущества Бога, то оно делает человека богом своей собственности, полным неограниченным владыкою земных благ, и рассматривает эти последние, как средства к удовлетворению его все более и более возрастающих страстей. Устраняя Бога, оно делает наслаждения жизнью и чув-

ственные удовольствия целью существования человека, а земные блага – средством для достижения этой цели. Следствием же такого учения бывает то, что между богатыми и бедными постепенно образуется такая пропасть, какой не знал еще христианский мир, что с каждым днем увеличивается более и более количество бедняков. Между тем как богатые в порывах крайне возбужденной чувственности без меры тратят свои средства на прихоти и предметы роскоши, бедные их собратия терпят лишения и нужды в самом необходимом, не имея даже подчас пищи и одежды! Не вера, а неверие и безбожие вызвали и породили это явление. Отнимая охоту к труду и работе у бедных, это неверие погашает дух любви и милосердия у богатых. В этом ли счастье для человека?

Но каким образом люди должны применять к делу свои права пользования земными благами или права собственности? Вера христианская и история учат, что, по воле Божией, человеку право собственности в отношении известной части благ земли принадлежит в том смысле, что он может пользоваться только ее плодами. В продолжение многих веков и тысячелетий так и было. Так и должно было быть, ибо в этом только случае, т.е. когда каждый имеет свою собственность для своего распоряжения и для пользования плодами своих трудов, возможно хорошее и правильное хозяйство и экономия; только тогда господствует порядок между различными званиями и классами людей; тогда только могут сохраняться мир и согласие между людьми.

Но против этого существовавшего до сих пор и у всех христианских народов принятого порядка современное неверие опять-таки делает возражение. По его учению, всякое обладание землею должно принадлежать всем в одинаковой мере. Частной отдельной собственности не должно быть ни у кого, но плоды этих благ и трудов должны быть разделяемы между всеми поровну. Это учение называется коммунизмом. Цель этого учения та, чтобы отменить всякую частную собственность, ввести всеобщее владение землею и хозяйством и равномерный дележ плодов его. Но куда, братие, ведет такое

учение? Если бы все блага земли были в общественном распоряжении и общее было обрабатывание земли, тогда невозможно было бы хорошее и правильное хозяйство, ибо каждый стал бы избегать труда и слагать его на других; каждый стал бы надеяться на другого, естественная леность и праздность достигли бы тогда высшего своего развития, и ослабела бы охота к труду, так как личный труд никому не приносил бы особенной пользы. Равным образом не могло бы быть порядка при управлении и распоряжении общественным имуществом, и вечные происходили бы недоумения и замешательства, если бы каждый заботился о всем и о всех. Это всеобщее владение представило бы особенно широкое поле спорам и несогласию. Если теперь родные братья сплошь да рядом не бывают согласны, когда приходится им делить наследство отца, если обитатели, дышащие воздухом одного и того же дома, пьющие воду из одного и того же колодезя и стакана, расходятся между собою и ссорятся, то что стало бы из человечества, если бы ему приходилось делить всякое владение, всякую прибыль и добычу? Тогда род человеческий представил бы из себя печальную арену ссор, распрей и ужасных мятежей.

Таким образом, учение о коммунизме неминуемо привело бы к величайшему вреду и гибели людей, если бы оно было осуществлено на деле. Но вместо этого ложного коммунизма вера учит нас истинному коммунизму. По этому учению, блага земли должны давать средства к жизни всем людям. Стало быть, плоды каждой частной собственности не должны быть исключительно достоянием отдельных только лиц, — не должны они доставлять излишек одним и лишать существенно необходимого для жизни других. Отсюда христианская вера вменяет в обязанность богатым смотреть на свое имущество, как на достояние всех, дабы они готовы были делиться им с другими своими собратиями, в случае их нужды. Почему Апостол говорит: *имущие этого мира да дают неимущим... Блаженне есть давати, нежели приимати* (Деян. 20, 35; 1 Тим. 6, 17 и 18). Если теперь истинный христианин исполняет эту обязанность, какое чудное положение занимает он! Через это он участвует в

делах Божественного промысления. Этим он вносит в жизнь ту любовь, с которою заботится о всех Бог, и, уделяя своим собратиям часть своего достояния по той самой любви, по которой Бог назначил его для всех людей, он приобретает милость и благоволение Бога, тогда как неверие пресекает в человеке источник всякой любви к ближним и делает его существом своекорыстным, полным безграничного самолюбия и эгоизма.

На какую же сторону станем теперь мы с вами, братие? Вот сопоставили мы между собою учение веры и неверия в отношении важнейшего вопроса о труде и собственности и увидели, где истинное счастье и спасение, а потому решение этого вопроса не должно затруднять никого. Будем же впредь смотреть на труд и работу, к которой призваны мы своим званием и положением в обществе, как на священную, Самим Богом возложенную на нас обязанность, в исполнении которой мы должны будем некогда дать строгий ответ Богу. Будем выполнять этот долг свой с неослабным усердием ради Бога, по совести, а не из-под палки, не по принуждению и необходимости. Пусть поэтому не отказывается от труда, занятий и работы и тот, кто имеет возможность жить и без труда; пусть избегает он праздности, как противной Божественному закону, как источника и начала всякого порока. Будем довольствоваться тем, что дает нам наш труд, хотя бы этого, по нашему мнению, было у нас и не изобильно, ибо только в довольстве, а не в избытках заключается наше счастье. Еще менее надобно полагать его в удовлетворении корыстолюбия и чувственных страстей. Бедные пусть не питают в сердцах своих зависти и ненависти к богатым; равно и богатые не должны чуждаться и быть холодными и жестокосердыми к бедным, а помнить, что должны делать они со своими излишками. По слову Господа, кто дает бедным, тот взаймы дает Самому Богу.

Итак, христианин, если ты на свою собственность будешь смотреть как на имение Божие – и будешь распоряжаться ею, памятуя, что за каждый день Бог потребует от тебя отчета, то ты не будешь всеми силами и средствами стремиться к неправильной наживе и будешь отвращаться от всего, что

может вести к ней. Как верный домоправитель Бога, ты не будешь забывать бедных чад Его, но своим милосердием к ним сделаешь другом своим Отца их. Таким образом жизнь, сообразная с учением христианской веры в отношении труда, собственности и распоряжения временными благами земли, принесет тебе временное и вечное счастье и блаженство, по слову Господа: *приобретайте себе друзей неправедным богатством, дабы они, когда вы обеднеете, приняли вас в вечные кровы* (Лк. 16, 9).

**Обретение Бога (доказательства бытия Божия)
(Доклад, читанный в собрании религиозно-просветительных и патриотических
организаций г. Москвы 2 апреля 1912 г.)**

Господа! В настоящий раз я с особенным удовольствием приветствую вас. Мне всегда бывает приятно и отрадno при мысли, что в Москве есть тысячи людей, которые так же охотно слушают речи о религиозных предметах, как и о предметах социальных и политических. Ни для кого не тайна, что на нас, стоящих за Веру, Царя и Отечество, много возводится клеветы со стороны людей, не сочувствующих консервативным воззрениям. Но больше и чаще всего указывают на то, что в наших собраниях можно слышать только речи, восстанавливающие одну часть населения на другую и вообще возбуждающие ненависть и злобу ко своим собратиям. Если бы оказались сейчас здесь люди, говорящие таким образом, они увидели бы, что не для возбуждения страстей собираемся мы, а скорее для уяснения вопросов религиозной жизни. Мы собрались сейчас выслушать речь о доказательствах бытия Божия. Все вы знаете, что в настоящее время, при усилившемся социал-демократическом материалистическом движении, возгоралась борьба не только против Церкви и против христианства, но и против Самого Бога. Есть ли живой Бог или нет никакого Бога? Вот вопрос, выдвигаемый на первый план

современными учителями! И раньше были всегда противники христианского мировоззрения, но еще в позапрошедшем столетии, во время Просвещения, – сомнение в истине бытия Бога не встречало одобрения. Самый глубокий и выдающийся, самый смелый вольнодумец этого времени был Вольтер¹. Но и он не дерзал, подобно безумцам в Ветхом Завете, сказать, что нет Бога. Напротив, – он думал, что если бы и не было никакого Бога, то его следовало бы выдумать. В этих словах заключается нечто свидетельствующее о неизгладимости Божественной мысли в человеческом сердце. Еще и сейчас есть много людей, которые думают, что такого атеиста, который в продолжение всей своей жизни до самой смерти оставался бы атеистом, совсем не существует. Если люди и бывают, говорят они, атеистами в своей жизни, то не бывает их уже на смертном одре! И здесь заключается много правды. Опыт свидетельствует, что некоторые в своей жизни мало думали о Боге, даже сомневались в бытии Его или отрицали Его, но в преддверии страшной вечности начинали тосковать и томиться о чем-то невидимом и неразрушимом. Если на поле битвы падшие солдаты наши лежали иногда с молитвенниками в руках, то на что это указывает, как не на то, что в смертный час у честного человека неотразима мысль о Живом Боге? И между нами, наверное, есть такие христиане, которые с сердечной грустью выслушивали из уст своих друзей и родственников такие слова: «Счастливый ты человек, что можешь веровать. О, если бы и я имел эту веру!» А иной сомневающийся, может быть, открыто признавался: «Я не могу веровать в христианство, и в этом мое несчастье; гораздо счастливее те, которые имеют Отца на небе, чем те, которые под колесами беспощадного рока влачат свою здешнюю жизнь и не имеют никакого Бога, на Которого они могли бы положиться в будущей». Не есть ли, однако, Бог только фантазия, зародившаяся в человеческом сердце из страха и надежды, но никакой действительности не отвечающая? Если

¹ Вольтер (наст. имя Франсуа-Мари Аруэ де; 1694–1778), французский философ, романист, историк, драматург и поэт эпохи Просвещения, знаменитый безбожник.

бы Бог был только человеческою мыслью, то тогда, увы, суетна была бы наша вера, напрасно утешение и надежда. Но не из собственного только убеждения миллионов сердец, из коих многие перестали биться с этой надеждою, а многие еще и сейчас живут и будут жить в этой вере, пока мир стоит, взываю я к настоящему многолюдному собранию: есть Бог!

Избрав темою для настоящей речи доказательства бытия Бога, сосредоточим, други, наш ум на тех мыслях, которые ведут нас к убеждению в истинности существования Бога, Живого Бога!

Называют обыкновенно пять доказательств бытия Божия. Я не буду употреблять при этом ученых, научных слов и выражений, – это было бы только бременем для нашей памяти. Я хочу быть наиболее простым и общедоступным и скажу так: первое доказательство почерпается из бытия мира, второе из целесообразности и порядка мира, третье из совести человека, четвертое из нравственности порядка мира и пятое из заключения разума о том, что если есть Совершеннейшее Существо, то это существо необходимо должно существовать, ибо иначе оно не было бы совершенным. Проследим шаг за шагом все эти пять доказательств.

Из существования мира для мыслящего разума должно быть выведено такое заключение: если существует мир, то должен существовать и Тот, от Которого произошел этот мир, то есть Творец его. Человеческий ум имеет потребность в этой полноте и пестроте явлений мира, в этом разнообразии предметов, которые, как волны на море, поднимаются и опускаются, отыскивая средоточный пункт, из которого происходит и в котором сосредоточивается все это богатство. Как кровь, переливающаяся по всем членам, течет во всех жилах и, наконец, возвращается к сердцу, как все реки и ручьи на всем земном шаре впадают в одно море, как все миллионы лучей солнечных сосредоточиваются в конце концов в одном спектре, так и все множество земных явлений возвращается к своему первоисточнику. Нам скажут, что это неубедительное доказательство, что можно ведь предположить, что мир вечен, что никогда не

было времени, когда не было мира. Но это очень рискованный скачок в неизвестность. Этим совершенно ничего не объясняется. Эта сущая неправда. То, что живет и происходит, – так думает уже самый простой человеческий разум, – это необходимо должно и возникать, начинаться. И о растениях и животных мы знаем, что они появились во времени. Рассматривая верхний слой нашей земли, мы часто находим такие творения, каких в глубоких слоях нет. Человеческих костей в глубинах мы не находим совсем. Здесь мы имеем, однако же, начало во времени, и понять, каким образом произошел человек, так же трудно, как трудно понять, каким образом возник весь мир. Тем не менее, в природе нашего человеческого духа лежит потребность возвращаться к своему первоисточнику. Я согласен, что это доказательство не может иметь обязательной силы, и я хочу прежде всего заметить, что вообще обязательных доказательств при этом и нет. Установим сначала правильную точку зрения. Если бы истину бытия Бога можно было доказать письменно, как задачу или как математическое положение, тогда, конечно, не было бы нужды ни в какой вере. Но есть ли необходимость доказывать это с очевидной явностью? Вера в Бога имеет прочные, достаточные, твердые основания и без таких усиленных доказательств. В математике есть доказательство, – его и называют косвенным, – которое состоит в том, что перебирают все возможности и доказывают их непригодность, несостоятельность, так что, наконец, остается только одна последняя возможность; это и составляет истину. Точно так же, думаю и я, и мы должны предварительно поступить с доказательствами бытия Бога. Взвесим, удовлетворяет ли нас какое-нибудь другое объяснение мира: если мы найдем, что никакое другое объяснение нас не удовлетворяет, тогда нам ничего не остается, как сказать: стало быть, необходимо должен быть Живой Бог, от Которого мир получил свое начало. И хотя эти так называемые доказательства бытия Бога не суть несомненные общественные выводы, однако от них остается очень многое: они суть залогов в человеческом духе, которые указывают на вечного, абсолютного Духа. И вот я возвраща-

юсь к первому доказательству. Я не обинуясь утверждаю: из одного бытия мира нельзя еще с полной уверенностью вывести заключение о бытии Бога. Но если мы присоединим к этому второе доказательство, что мир сотворен разумно, стройно и целесообразно, то это укрепит наше убеждение.

Предпошлем два положения. Ничто так ярко и сильно не указывает нам на разумного, личного духа, как наличность средств и целей. Здесь прежде всего видны средства, но в основании они, однако, служат цели, которая раньше была в уме. Теперь, если признаем, что вещи делаются для известной цели, которая хотя, может быть, и далеко лежит от них, но для которой, однако же, они и существуют, тогда уже невозможно говорить о какой-нибудь слепой силе, действующей здесь, но необходимо признать личного духа, который с сознанием устроил эти вещи для известной цели. Для меня, хотя я в этом случае смотрю не с точки зрения веры, а скорее с точки мышления, разума, это доказательство бытия Божия на основании целесообразности и порядка мира всегда имело необычайный смысл и значение. Я думаю, что для здравомыслящего человека ничего не может быть сильнее этого доказательства. Ведь ничто целесообразное, предпринимаемое с известной целью, не происходит само собою, но и самая мельчайшая вещь необходимо должна подлежать обработке, побывать в руках мастера и быть приспособлена для своей цели. Можно ли подумать, что вся эта полнота творений, которую мы видим на земле, что весь этот великий мир и небо в его чудной гармонии могли произойти из одного слепого случая! Это совершенно невозможно. Посмотрите на различные сферы мировой жизни. Сперва на великие мировые тела. Миллионы и биллионы мировых тел, планет и огромные массы движутся во вселенной и, однако же, не мешают друг другу, потому что им указаны свои пути, потому что одна поддерживает другую в равновесии. Так переходит мир из одного тысячелетия к другому. Однако же, он существует не сам собою. Должен быть кто-то, который поставил эти тела в такое между собою соотношение, что они могут поддерживать и носить друг друга, что в них господствует порядок, ко-

торый дает нам возможность наперед узнавать и высчитывать их пути и их течение. Посмотрим на нашу планету, которую мы называем Землею, и обратим сперва наше внимание на одушевленную материю. И здесь уже получается нами впечатление личной творческой силы. Первое, о чем нельзя не упомянуть здесь, это то, что в свойстве воды, которую мы ежедневно видим пред своими глазами, заключается доказательство того, что мир сотворен личным духом. Все вы с детства, со школьной скамьи знаете, что теплые тела расширяются, а холодные сжимаются. Это положение несомненно верно. Но есть одно из него, – и на это я прошу обратить особенное ваше внимание, – одно исключение, и именно следующее. Вода, если ее теплота понижается до четырех градусов, не делается тяжелее, не сжимается более, но следующие градусы принимают свойство теплоты. Представьте себе, чем холоднее делалась бы вода, тем она становилась бы тяжелее, тем гуще, – когда наступает зима и вода замерзает, тогда, несомненно, холодная вода опустилась бы на дно, превратилась бы в лед и замерзли бы все озера, ручьи и реки, так что никакое творение не могло бы жить в воде. Но так как вода, имеющая четыре градуса, есть самая тяжелая, тяжелее, чем та, которая имеет три, два, один, нуль градусов, то вода от 4-х градусов опускается вниз, вследствие чего в реках и прудах всегда остается такая вода, в которой могут жить рыбы. Можно ли думать, что все это делается само собою, что это произошло не от Творца, Который знал, что в воде должны жить творения и что это исключение из общего закона нужно для того, чтобы они могли жить в ней?

Посмотрим на органический мир, ближайшим образом на мир растений. Возьмите большое семянное зерно, напр., боб, – если вы разрежете этот боб, то найдете в нем зародыш, состоящий из двух листочков; этот зародыш обещает в будущем растение. Кто сотворил этот зародыш, Тот, конечно, знал и должен был знать, что зародыш делается растением, растение цветет, приносит плод, носящий в себе такой же зародыш. И здесь также явный неопровержимый знак личного разума, который стоит за зародышем. – Я восхожу на ступень выше,

к миру насекомых. Без сомнения, все вы знаете, что каждое насекомое в различные периоды своей жизни ведет жизнь сначала как ячейка, потом как личинка, потом как куколка и, наконец, как вполне сформировавшееся существо.

Не подлежит сомнению, что Тот, Кто дал животному эту жизненную форму, имел пред своими глазами все его развитие, и Кто сотворил ячейку, наперед знал уже все жизненные ступени, которые должно пройти это животное. И здесь также виден разум, так целесообразно устрояющий путем непостижимых изменений природу этого существа.

Перейдем к царству пернатых. Из всех вещей, которые стоят у нас перед глазами, едва ли есть что-нибудь более чудесное, как то, что из яйца, из яичного белка и желтка с маленьким зародышем, выходит живое существо, если на таком яйце в течение нескольких недель сидела жизненная теплота. Каким образом из этого яйца является птица? Кто вложил в этот маленький зародыш эту силу жизни? Ведь за действующую силу, которая из невидимых зачатков создала такие дивные предметы, нельзя же признать слепую силу природы. Здесь снова видим мы, что Тот, Кто сотворил это яйцо, имел в виду птицу. Я думаю, что уже из таких примеров человек мог бы научиться смирению при своем мышлении, мог бы опытно убедиться, что ему никогда не постигнуть тайн земного мира. Даже и ученейший из ученых, и тот никогда не может понять и основательно объяснить тайну жизни. Он видит происходящее явление, но тупо стоит пред ним в состоянии удивления и благоговения.

Я восхожу еще на ступень выше и перехожу к царству четвероногих животных. Я обращаю ваше внимание на мудрое устройство кровообращения, на этот механизм, который сильным давлением гонит из сердца кровь во все жилы и, однако, потом снова возвращает в сердце, так что этим обращением крови, приливанием и отливанием ее поддерживается жизнь человека. Я приглашаю вас рассмотреть один какой-нибудь из членов человеческого тела, например, глаз с его чудным, полным искусства устройством, которое люди должны были

изучать в продолжение целых тысячелетий, прежде чем они постигли его. Здесь, если мы будем производить все отдельные творения из слепой силы природы, мы буквально стоим пред абсолютной загадкой. Если отрицатели бытия Божия говорят: мы не можем понять Евангелия Божия, то я должен возразить: если все эти столь целесообразно устроенные вещи хотят объяснить случайным действием какой-то слепой, лишенной разума силы, то я не могу этому ни поверить, ни постичь этого своим разумом. Это доказательство из видимой природы, из творения. Обратимся теперь к нашему собственному сердцу и взвесим доказательства из нашей духовной жизни.

* * *

Крупный факт внутреннего человека есть его совесть. Если внутри нас есть голос, который говорит нам: это справедливо, а это несправедливо, – голос, который, если мы пытаемся его пересилить, делается воплем совести и напоминает нам о вечном Судии, Воздаятеле: этот факт есть действительное доказательство бытия Бога. Послушайте, каким процессом мышления доходим мы до сего. Совесть не есть только голос отдельного человека, он происходит не от него самого. Если бы человек-лжец был своим судьей, то совесть его сказала бы ему: ложь есть добродетель. Если бы человек имел склонность к скупости и любостыжанию или к чувственным наслаждениям, то совесть его сказала бы ему: скупость дело хорошее, удовольствия мира позволительны. Но этого не делает совесть; но к человеку, ведущему порочный образ жизни, она взывает, как голос из другого мира: ты не должен так действовать; она нигде не оставляет его в покое, всюду мучает и бичует его. Откуда происходит этот голос? Не от нас. Следовательно, должен быть Кто-то, Который вложил в нашу душу эту совесть. Бог дал нам ее, это – Его голос, поэтому она и имеет такую неотразимую силу! Иные думают, что ее можно подавить, заглушить. Но нет. Можно заглушить ее на некоторое только время, но потом она снова и все с большей силою будет давать себя

чувствовать. Во Франции был один слуга, который убил и ограбил своего господина, ушел затем в Шотландию, сделался хозяином ювелирного магазина, богатым и знатным человеком, которого считали первым человеком в городе. Со времени совершения преступления прошло более 30 лет. Но человек этот не имел внутреннего мира и спокойствия, он всегда, каждую минуту думал о совершенном им злодеянии и жестоко страдал и мучился. Однажды совесть так потрясла его, что он тотчас же явился в суд и заявил: я убийца, я не имею покоя в моих костях, возьмите меня и судите, чтобы мне снова возвратиться к миру и спокойствию. – Другая история еще замечательнее. В одном темном месте убит был человек; никто из тех, которые тут были, не хотели выдать преступника; судья был в большом затруднении и не знал, что делать. Наконец он нашел способ к обнаружению злодея. Он позвал всех заподозренных в преступлении в свою камеру и начал прикладывать свое ухо к груди каждого из них. Сердце первого билось ровно и спокойно, сердце второго также, а равно и сердце третьего. Наконец подходит он к четвертому и слышит, что его сердце бьется так сильно, как в лихорадке. «Ты убийца», – говорит судья, и тот, сознаваясь, говорит: «Да, я». Что это за сила, которая привела преступника к сознанию и не давала покоя его сердцу? Если бы его совесть была его собственным делом, он сказал бы: теперь нужно быть спокойным и сдерживать биение пульса. Но он не мог этого сделать, потому что им управляла высшая сила совести. Не следует ли в этом видеть доказательство того, что деятельность совести проистекает не из собственной жизни, но из вечного источника добра и правды, т.е. от Бога?

Как в жизни отдельного человека, так и во всем человеческом мире существует такой нравственный строй и порядок, в котором доброе должно пересиливать дурное. Правда, в природе, когда наступает ненастье, или бушует ураган, или выпадает град, нельзя бывает видеть правильности в жизни, так бывают и в жизни народов и целых государств такие катастрофы, при которых мы едва ли что-нибудь можем заключить о святых целях Бога, по крайней мере усмотреть одними наши-

ми глазами. Но бывают моменты, когда десница Божия в истории человечества и народов так бывает заметна и очевидна, что ее можно не только видеть глазами, но, так сказать, осязать своими руками. Вспомним неоднократные нашествия татар, Крымскую войну, войну с Наполеоном, да и сколько можно бы привести здесь случаев из жизни как нашего, так и других народов в подтверждение этой мысли! Но, за неимением времени, я не буду подробно говорить об этом; приведу только на память чудные слова одного прежде неверующего профессора Трейтчке¹, он говорит: «В ваших судьбах и судьбах моего дома и моего Отечества я научился преклонять свои колена пред величием и мудростью и благостью Живого Бога». Но этим он, как известно, не ограничился в своем обращении к Богу. Он пошел далее. Тронутый внутренними судьбами своего народа, он открыто пред противниками Христа исповедал Его Сыном Божиим. Да, есть, несомненно, нравственный порядок в мире. Нашим сердцам присуща мысль о том.

Но здесь нельзя, конечно, обойти молчанием двух вещей, которые, по-видимому, разрушают этот порядок. Это зло и страдание. И то и другое, кажется, нарушает гармонию Божественного порядка на земле. Но это только по-видимому. На самом же деле и то, и другое только наклоняется к вере в Бога, приближает к Нему. Откуда происходят страдания? Из источника зла. Не то хочу сказать я, что каждый отдельный человек столько же страдает, сколько сделал он зла. Эту мысль совершенно отверг Сам Христос. Когда привели к Нему слепого от рождения и ученики Его, имеющие ложный на это взгляд, спросили Его: «Учитель, кто согрешил, он или родители его?» – то Он сказал, что слепой родился таковым для того, чтобы явились на нем дела Божии. Замечаете ли вы ту цель, которую имеет Бог, подвергая людей бедствиям и страданиям? Он хочет этим оказать имеющее характер наказания противодействие злу и греху. Бог управляет миром посредством законов. Он начертал в совести и на страницах Библии

¹ Трейтчке Генрих-Готгард (1834–1896), немецкий историк и публицист, профессор Фрейбурга, Гейдельберга, Берлина, депутат имперского сейма.

Свой нравственный закон. Если бы нравственный закон всюду соблюдался на земле, то управление Бога было бы нерушимо. Но Бог дал нам свободу, как (палладиум правосудия) охрану, защиту человеческого духа; при сотворении духов Он дал им право поступать против Бога, грешить и от всего отпадать. И вот теперь величие Его управления (власти и могущества) в том и состоит, что Он, несмотря на возрастание людей, все-таки управляет ими. Как же достигает Он цели своего управления? Он употребляет наказание и чрез это поддерживает и дает силу своему закону. Хотя иные люди и неохотно слушают Его и веруют в Него, все же несомненно то, что если бы не было в мире греха, то не было бы и страданий. Один великий философ нашего времени сказал: когда видишь страшную массу грехов на земле, то только тогда успокаиваешься в этом, если представляешь себе и страшную массу страданий; а когда посмотришь на эту массу бедствий, то понимаешь это только тогда, когда представишь себе и страшную силу греха. Этот мыслитель был пессимист, представитель той философии, которая ведет людей в бездну мрака, но она не может их спасти из этого мрака. Это может сделать только христианство. Страдания, – так учит это последнее, – есть суд над миром: но Отец Небесный, Который любит своих детей, не оставляет нас без утешения. Ни одна книга в мире не может так утешить и успокоить, как Священное Писание с такою мыслью Бога: твои страдания не суть дело слепого случая, они происходят от Отца Небесного, Который знает, для чего Он их посылает, Он всемогущ и может помочь; когда наступит час, то помощь Его является вдруг и быстро полагает конец нашей печали. Он хочет путем этого испытания более утвердить и укрепить тебя. Он посылает Своего Единородного, безгрешного Сына с неба на землю, Который живет и умирает для тебя, проходит пред тобою путь страданий, чтобы показать тебе пример. Любовь Бога николиже отпадает; она не прекращается и тогда, когда ты страдаешь, но проявляется при этом еще с большею силою; от Его духа исходит Тот Дух-Утешитель, Который вселяется в сердце наше и наполняет его радостью и миром. И если мы

только мужественно ведем борьбу, то из страданий происходит такая радость, такое блаженство, которые продолжаются вечно. Тогда каждая слеза отрется, тогда не будет уже ни печали, ни болезни, ни смерти. Таковы утешения, которые преподает Слово Божие страждущим. Но почему многие из нечестивых, которые не думают ни о Боге, ни о добродетели, почему такие люди живут в счастии и довольстве, тогда как многие благочестивые, честные и добропорядочные люди должны бывают иногда целую жизнь нести тяжелый крест страданий? О, здешняя жизнь есть только начало вечной жизни. Тому, который здесь много должен вести борьбу и страдать, будет воздано в вечности, равно и тот, который здесь жил безнравственно и незаконно и, однако же, благоденствовал, получит воздаяние в загробной жизни. Когда я вижу души неопишуемой доброты и, однако же, страдающие и угнетенные судьбою, то думаю так: для Бога человеческий мир есть как бы сад с разного рода цветами, и ни один цветок так не радует Бога, как человек, находящийся в бедствии, который, не теряя мужества, борется со своими несчастьями и преодолевает их при помощи Божией, и достигает внутренней славы. Ничего не может быть выше и величественнее этого; это есть подражание Христу, Который страдал, был распят, умер, погребен, воскрес и вознесся на небо. А если же именно так понимаем связь между грехами и страданиями, что мы путем этой юдоли бед должны идти к своей славе, тогда исчезает недоумение, разъясняется эта загадка, тогда рассеивается туман и солнце воли Божией освещает нас с небесных высот своих. Промысл Божий и злом пользуется как средством для достижения Своих мудрых целей в управлении миром. И в этом сказывается особенное величие Бога, что Он и зло Своею мудрою рукою заставляет служить добру. Все вы знаете историю Иосифа в Ветхом Завете. Что могло быть хуже этой зависти, этой братоубийственной мысли, из-за которой братья Иосифа продали его в плен, в неволю чужого народа? И что же делает Господь из этого злодеяния? Он настолько возвышает Иосифа, что этот делается канцлером в Египте, Он охраняет чрез Иосифа не только народ египетский, но и народ

израильский, его собственный дом, семью и поставляет, наконец, вероломных братьев лицом к лицу с братом, которого они продали, так что, когда он открылся им, сказав: «Я – Иосиф, брат ваш», – у него и его братьев брызнули из глаз слезы от радости и благодарности к Богу, так чудесно устроившего судьбу их. Так действовал Бог, так действует Он и сейчас еще между всеми нами. Никто не может похвалиться своим совершенством, – все мы грешники, – говорит Св. Писание; но если мы чувствуем наше несовершенство, то это пробуждает нас к улучшению себя, к раскаянию, к добрым намерениям исправления и приводит нас к стопам Того, Который оставляет нам наши прегрешения и приводит к истинному миру и спасению. Таким образом, и грех у нас также может служить добру, – и это также есть акт великого, чудного могущества Живого Бога, доказательство нравственного порядка мира.

Остается у нас еще одно доказательство, – может быть, для многих самое непонятное; его можно выразить так: если Бог есть Существо Совершеннейшее, то Он необходимо должен и в действительности существовать; иначе Ему для совершенства недоставало бы бытия. Вы все хорошо понимаете, что эта мысль не имеет совершенно ничего общеобязательного, она вращается только в нашем собственном уме. Но в этом, однако же, заключается доказательство того, что ум человеческий воодушевлен непреодолимым побуждением признавать бытие Личного, Живого Бога. Судя по этому, и это доказательство есть нить, которая от земли возводит к небу.

Итак, после того, как мы объяснили себе доказательства бытия Божия, их значение, их силу и их слабости, нам естественно спросить теперь: что же из этого следует? Следует, по крайней мере, убеждение в том, что признание Бога лучше всего разрешает мировую загадку, конечно, только признание Живого, Личного Бога. Если Бог есть Творец, Вседержитель, Промыслитель, Мздовоздаятель, Искупитель, то Он, несомненно, должен быть Живым Богом; Он не может Свои творения, как, напр., и фабрикант свои продукты, рассеять по миру, не имея никакого попечения о дальнейшей судьбе их; Он дол-

жен, как Отец Своих детей, содержать их в Своей руке, в Своем сердце. Только такое понятие о Боге удовлетворяет нашему желанию. Представление о Живом Боге называют теизмом, в отличие от деизма – представления о Боге неживом. Тому и другому противен очень распространенный в наше время пантеизм, такое направление, которое говорит: все есть – Бог, и Бог есть все, Бог есть сила, которая проникает все земное и которая в человеке даже приходит к сознанию себя самой. Этим воззрением многие увлекаются; несмотря на то, оно глубоко ложно. Двойкий вид имеет этот пантеизм. Или он предлагает бытие Бога в отдельных предметах и каждый предмет делает Богом для себя: огонь, воду, море и все творения; или делает более ударение на действующую во всем силу и делает Богом эту жизненную силу. Но это – туман и дым, при котором нельзя ничего видеть ясного и определенного. Напротив, представьте себе то, что говорит о бытии Бога Откровение: Бог есть Дух, – говорит оно. Это первое определение. Вообразим наш собственный дух, и тогда для нас в этом глубоком изречении окажется нечто более светлое в сущности Бога. Как наш дух невидим, и, однако же, проникает всю жизнь человека, господствует над каждым чувством, над каждым движением, так и Бог, – Он есть Личный Дух во вселенной. И как в нашем теле не может быть ни одного чувствования, которое являлось бы и исчезало бы помимо духа, так и во всем мире ничего не происходит, чего не было бы в центре его, в Боге, в Духе Бога. В Боге нет ничего телесного, материального; хотя мы, люди, и можем представлять Его себе не иначе, как человекообразно, по-человечески, но мы никогда не забываем, что Бог есть Дух, хотя и Личный, но невидимый и вездесущий. – Бог есть Жизнь. Это второе изречение о Нем Св. Писания. Бог есть источник жизни для себя и для других. Он есть Вечный и Всемогущий, Который один только сообщает жизнь тварям. – Бог есть Свет, – говорит в-третьих Св. Писание. Глубокомысленное слово! Свет есть нечто чистое, не имеющее никакого пятна, светлое и всеочищающее, так свято и Существо Бога. Где проникает Он во тьму, Он все освещает, Он всеведущ, Он

все истребляет, что противно Воле Божией, Он праведен и справедлив. – Но любезнее всего звучит похвальная песнь Иоанна: Бог есть Любовь. Это определение веет теплом в душе и самых сомневающих. Когда кто-нибудь из удалившихся от Живого Бога слышит это слово: Бог есть Любовь, то и он очаровывается им, чувствует его притягательную силу. Нет другого более обаятельного имени для него, как это. Он благ для всех творений, милосерд для страждущих и милостив для грешников. Он всем хочет спастись, т.е. желает, чтобы все были счастливы и блаженны. Таким образом, мысль о Боге, которую мы прежде старались постичь нашим собственным умом, в свете Откровения стоит пред нами, как солнце, которое светит нам в наших глазах и сердцах полным своим светом. И вот я еще раз спрошу теперь вас: почему же не хотим мы принять эту столь утешающую, возвышающую и удовлетворяющую человеческое сердце мысль? Почему нравится нам лучше жить во времени – без вечности? Мы – дети одного Отца, братья одной великой семьи, мы не то, что зубья в маховом колесе на фабрике, но существа с бессмертием и вечностью в груди, не во сто ли крат это лучше?

Но говорят, – это особенно часто приходится слышать сейчас, в наш материалистический век, – я не могу видеть Бога, если бы я мог Его увидеть, то я уверовал бы в Него. Так сказал некогда и один из известных астрономов: «Я много раз рассматривал (в телескоп) звездный мир и никогда не находил там Бога». Выражение, хотя и претендующее на что-то, но ровным счетом ничего не доказывающее. Бог по существу своему невидим. Как нельзя видеть Его глазами, так нельзя рассматривать невидимую духовность Его существа и при помощи телескопа. – Подобное же возражение однажды было сделано и другим невером: «Я не вижу Бога, а потому не могу в Него и верить». Тогда ответил ему другой: «А имеете ли вы разум?» – «Да», – сказал. – «Но я не вижу вашего разума». Это в высшей степени хорошо и находчиво было сказано. Многое, что неопровержимо существует, мы, однако, не можем видеть: любовь, верность, дружба, – и многое из самого великого в человеческом

сердце и в человеческой жизни мы не можем видеть. Следовательно, это возражение сюда не относится. Таковы значение и важность существа Бога, что Он царствует в невидимости; такова сила веры, что мы из этого грешного мира, из всей этой юдоли бед и скорбей, со всем их нравственным безобразием, чрез все туманные обманы земли поднимаемся в солнечный свет невидимости, что человек в тяжелые минуты душевной тоски может взять крылья духа и взлететь в горний мир, где его вечная Родина, где полный порядок и безмятежие.

* * *

Почтенное собрание! Может быть, и между вами есть такие, из сердца которых наше беспокойное время, наш век материализма исторг веру в Живого Бога. Прошу вас всей силою пастырской любви к вам, не сомневайтесь, по крайней мере, злонамеренно, не затворяйте дверей вашего сердца для действия истины, которая с такою силою стучится в них, идя к вам из сверхчувственного мира и из откровения. Я уверен, что кто ее честно ищет, тот и находит. Иисус Христос сказал: «Кто хочет творить волю Отца Моего небесного, тот познает, от Бога ли Мое учение, или Я от Себя говорю». Он думает, что Бога нельзя познать одним разумом; Он – предмет не только одного мышления, но нашей жизнью и поведением, нашим внутренним человеком, нашими делами и страданиями должны мы стараться исполнять волю Бога, как она нам открыта, – мы должны стремиться к совершенству. Если мы попробуем, испытаем это, то скоро узнаем, убедимся в том, что мы несовершенны, и, однако, наша совесть побуждает нас к совершенству; мы несовершенны, но необходимо должно быть нечто более совершенное. Это должно указать нам путь, где выравниваются требования нашей совести и нашего несовершенства. Не в нас заключается это уравнение. Как бы мы ни старались, мы никогда не будем иметь ни совершенства, ни мира в себе. Этого мы можем достигать только путем веры, искупления и Божественного мира. Не чрез нас и не в нас совер-

шенство и правда. Но оно есть в Том, Который, будучи богатым, обнищал ради нас, чтобы мы чрез Его бедность сделались богатыми; Который не имел, где главу поклонить, между тем как и лисицы имеют норы, и птицы небесные гнезда; Который здесь на земле был только гостем и для нас умер, чтобы открыть нам путь в вечность. — «Бог невидим, — говорит иной, — если бы я мог Его увидеть, я уверовал бы в Него». «Бог есть любовь», — отвечаю я; во Христе принял Он образ и лицо. «Кто Меня видит, — говорит Христос, — тот видит Отца». В общении со Спасителем делается ясною идея Бога. Это есть самое великое в жизни Иисуса Христа, что все люди, которые приходили в соприкосновение с Ним, научились непосредственно веровать в Бога, что грешники приходили и припадали к ногам Его, мытари и фарисеи приходили и были Им покоряемы; приходили больные и страждущие и Он исцелял их. Или вы, быть может, не верите в чудеса? Вспомните одно. Если Бог сошел с неба на землю, чтобы нам показать лицо Свое, то не было ли бы большим чудом, если бы Он не делал чуда? Почему бы и нет? Бог дал законы природы, но когда она служит миру, Он побеждает, как говорит церковная песнь, законы естества, т.е. изменяет порядок природы и на место его ставит высший, небесный порядок благодати.

Пойдем же, други, к Тому, Который сказал: «Аз есмь путь, истина и жизнь». Путь ведет нас к цели; истина, если мы ее простодушно, не мудрствуя лукаво, исследуем, удовлетворяет нашему внутреннему человеку; жизнь Христа не для одного только дня и не для одного века; Сын Божий есть вечная жизнь и дает ее и нам. Я живу, говорит Он, и вы также должны жить.

О праве церковного отлучения, или анафематствования

Ни одно из действий церковной власти не порождало и не порождает в христианском обществе столько недоразумений, ропота и недовольства, и не подвергалось и не подвергается

таким нападениям со стороны свободно, но неправо мыслящих людей, как наложение отлучения от Церкви, произнесение анафемы. Одни, не имея правильного понятия о значении, духе и характере церковного отлучения, смотрят на него как на действие, не соответствующее духу христианской любви, и возмущаются мнимою жестокостью, которую Церковь в данном случае доводит будто бы до крайности¹; а другие хотя и отдают ему справедливость, как внешней, дисциплинарной мере, но отрицают в нем то, что составляет существенную принадлежность его, отрицают внутреннюю силу и действенность отлучения; некоторые же до того простирают посягательство свое на церковное отлучение, что, отвергая богооткровенное происхождение церковного отлучения, называют его изобретением средних веков, порождением варварского времени, самовольно захваченным духовенством в свои руки оружием, служащим опорой для иерархического деспотизма, который якобы не хочет признавать никаких прав за подчиненными².

Но говорить так значит допускать такую несправедливость, больше которой трудно себе что-нибудь и представить. Ибо наказание церковного отлучения так же древне, как и сама Церковь. Существенные элементы его в нашей

¹ Бог есть любовь, — говорят они. — Он тако возлюби мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный (Ин. 3, 16). Зачем же отлучение в Его Церкви? Зачем отлучение от Бога и Христа после того, как враги бывше, примиримомся Богу смертию Сына Его (Рим. 5, 10). Зачем проклятие, когда Христос искупил ны от клятвы законных, быв по нас клятва (Гал. 3, 13). Евангелие Господа Иисуса есть весть мира и любви; нигде не завещал Он в нем ненависти или вражды, но повсюду заповедует одну любовь всеобъемлющую (1 Кор. 13, 7). Церковь Православная должна быть хранительницею духа евангельского, духа Христова. Зачем же в ней отсечение от Христа, анафема (см. Христианское Чтение, 1826 г., ч. XXII, стр. 86)? «Церковь громко должна провозглашать закон любви, всепрощения, любви ко врагам, к ненавидящим нас, молиться за всех, — с этой точки зрения непостижимо отлучение от Церкви по распоряжению Синода», — говорит графиня С. Толстая в недавнем письме С.-петербургскому митрополиту. — *Прим. авт.*

² Эти мысли высказываются под влиянием сочинения «Recht Kirchenbannes» («Право церковного отлучения») Перча, которое все от начала до конца дышит ненавистью и злобой против Св. Отцов и духовенства. — *Прим. авт.*

Восточной Православной Церкви¹ были одни и те же во все времена, а если где и были изменения и добавления, то это не более как неизбежные результаты, с внутреннею необходимостью вытекающие из первоначальных принципов и воззрений. Равным образом, при ближайшем исследовании дела не оказывается здесь ни малейшего следа жестокости, злобы и иерархического деспотизма; напротив, нигде не ограничивается так произвол и своеволие церковной власти, как в том пункте законоположения, где идет дело о применении отлучения – этого самого тяжкого из всех церковных наказаний, и ничто не совершается церковным начальством с такою скорбью, как отлучение.

В предлагаемом исследовании мы намерены раскрыть истинный смысл и значение отлучения и вопреки тем предубеждениям против церковной власти и кривотолкам, которые так громко раздаются особенно после послания Св. Синода о графе Льве Толстом, доказать Божественную инициативу этого наказания, его необходимость и целесообразность и показать, что оно проистекает не из чувства ненависти и злобы, а из христианской любви, сострадания и милосердия и в отношении гуманности стоит несравненно выше всех постановлений новейшего уголовного уложения.

Понятие о церковном отлучении

Всякое человеческое общество, установившееся с какою-либо внешнею целью, имеет полное право исключать из среды своей тех из своих сочленов, которые не только не исполняют принятых на себя обязанностей, но и противодействуют стремлениям общества, задерживая таким образом достижение намеченных целей. Изъятие подобных членов из общества и лишение их тех выгод и преимуществ, какие доставляет оно

¹ Разумею одну только Православную Церковь, отнюдь не защищая тех злоупотреблений правом анафематствования, какие известны нам из средневековой практики Римско-католической Церкви и где, заметим, заключается источник предубеждений против анафематствования и в нашем обществе. – *Прим. авт.*

своим соучастникам, отнюдь, конечно, не бесчестное дело. Оно не противно ни справедливости, ни правосудию и служит необходимым для общества средством к его благосостоянию и самосохранению. И нет мало-мальски благоустроенного общества, которое не пользовалось бы этим правом и при своем основании не уполномочивало бы своих представителей и руководителей делать из него в необходимых случаях надлежащее употребление. Им пользуются не только одни небольшие кружки, но и целые государства, когда настает нужда освободиться от вредных сочленов посредством ссылки, заточения и в крайних случаях посредством даже смертной казни.

Если же, таким образом, право изъятия или отлучения есть естественное, в самой природе вещей лежащее право, если оно существует и у внешних союзных обществ, преследующих только внешние, материальные интересы и располагающих вдобавок другими действительными мерами к достижению их, – то тем более уместно и необходимо право отлучения в религиозных обществах, которые зиждутся единственно на нравственных началах, имеют высшие нравственные задачи, для достижения которых употребляют только нравственные средства. Право исключать из среды своей тех из членов, которые своим неблагоповедением, несоблюдением общественных правил и законов являются соблазном для других и наносят вред религии, служит в таких обществах главным условием их благосостояния, единственным средством сохранить свою честь и достоинство, а изверженных привести к раскаянию и исправлению. Поэтому, если не во всех, то, по крайней мере, в очень многих из древних языческих религий существовали такие учреждения и обряды, которые тесно связаны с этим правом отлучения, как свидетельствует об этом история.

У египтян, например, не позволялось входить в храмы пастухам свиней¹. У персов маги не допускали к участию в жертвоприношениях людей, покрытых струпьями или имевших на лице сыпь или какие-нибудь болезненные проявления, равно как и тех, над которыми еще при жизни их совершен

¹ Геродот. История. Кн. 2. – *Прим. авт.*

был погребальный обряд¹. У скифов не принимались жертвоприношения от тех, которые не убили ни одного из своих неприятелей². У греков отлучение налагалось на важных преступников с общего согласия народа и совершаемо было жрецами самым торжественным образом, после чего имя отлученного вырезывалось на каменных столбах и таким образом передавалось потомству как самое страшное и омерзительное³. О галлах Юлий Цезарь замечает, что если кто не подчинялся у них распоряжениям и постановлениям их жрецов, друидов, того устранили они от участия в богослужениях, и это почиталось у них величайшим из всех наказаний. На такого человека смотрели как на отъявленного злодея и нечестивца. Его все избегали, никто не вступал с ним ни в какое общение, боясь подвергнуть себя чрез это какой-либо опасности. Ему отказывали в суде и не удостоивали никаких почестей. Особенно же так поступали с людьми упорными, не поддававшимися никаким мерам исправления⁴. У древних германцев трусость на войне признавалась за великий позор и самое тяжкое преступление. Кто, оставляя меч на поле битвы и бросая оружие, обращался в бегство, на того смотрели как на самого бесчестного человека; его отлучали, как преступника, от всех богослужебных действий и жертвоприношений и не допускали ни к каким публичным собраниям. Он был предметом всеобщего презрения, и нередко такие люди, чтобы положить конец своему тяжелому положению, решались на самоубийство⁵. Существовало подобного рода отлучение от религиозного и политического общения и в Римском государстве. Известно, что отношения между патроном и клиентом у римлян почитались священными: тот и другой взаимно предохраняли себя во всех обстоятельствах жизни и оказывали друг другу взаимную помощь; никто из них не смел приносить на друго-

¹ Бершацкий. Об анафеме, с. 69. – *Прим. авт.*

² Alexand. lib. 4. – *Прим. авт.*

³ Корнелий Непот. Из жизни Алкивиада. Гл. IV. – *Прим. авт.*

⁴ Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Кн. VI, гл. 13. – *Прим. авт.*

⁵ Тацит. Германия. Гл. VI. – *Прим. авт.*

го жалобу или давать на суде показания не в его пользу и вообще становиться на сторону его противника. А кто нарушал это право, того по закону признавали у них за изменника; его назначали в жертву подземным богам, исключали как беззаконника из общества, и каждый мог убить его безнаказанно¹. Если автор, сообщаящий это, вслед за сим присовокупляет, что посвящать тела безнаказанно убиваемых преступников, в смысле жертвы, подземным богам² было обычаем римлян, то этот обычай мы находим вторично в позднейшей истории Рима. *Divis devovere*, посвящение фуриям, было не что иное, как торжественное изъятие преступника из человеческого общества. Можно бы представить и еще несколько исторических доказательств на это³, но и приведенных достаточно, чтобы видеть, что отлучение от религиозного общения преступников и нарушителей Божественного закона уже и в языческих религиях почиталось естественным и необходимым правом. И если мы не хотим утверждать, что это учреждение имело одну только нравственную сторону, без всякого политического характера, и везде существовало в определенной и постоянной форме, то никто равным образом не будет отвергать в нем ближайшего сходства с церковным отлучением.

Это отлучение ведет свое начало от самых первых времен человеческого рода. Первообразом его является грозное осуждение с его роковыми последствиями, которое произнес Сам Творец на наших прародителей по их грехопадении. *И изгна его Господь Бог из рая сладости, делами землю, от неяже взят бысть. И изрине Адама и всели его прямо рая сладости* (Быт. 3, 23–24). Это изгнание из рая есть первое отлучение человека от непосредственного общения с Богом, сопровождавшееся для человека тяжелыми последствиями. Близкий доселе к Богу, он стал далеким от Него, чуждым Ему, рабом Его. Он лишился прежних своих преимуществ, и проклятие (что равносильно отлучению человека от Бога) отселе тяготеет над всей землей.

¹ Дионисий Галикарнасский. Римские древности, кн. II, гл. 10. — *Прим. авт.*

² Там же. — *Прим. авт.*

³ Перч. *Recht Kirchenbannes*, 3, 4 и 5. — *Прим. авт.*

Лишившись непосредственного руководства Божию, он чаще и чаще нарушал теперь волю Божию, глубже и глубже падал нравственно; а чем глубже были эти падения, тем грознее раздавался голос Владыки Бога, подвергавшего человека наказанию за всякое преступление против Его закона.

Ветхозаветная история немало дает нам примеров таких наказаний, или отлучений, совершаемых Самим Богом. Так, после проклятия, бывшего еще в раю в наказание за первое грехопадение прародителей (Быт. 3, 14–24), Он изрекает проклятие на первого сына прародителей, на братоубийцу Каина: *и ныне, – говорит Он ему, – проклят ты на земли, яже разверзе уста своя прияти кровь брата твоего от руки твоея... Стеня и трясысь будеши на земли* (Быт. 4, 11–12). А затем во Всемирном потопе истреблено было как недостойное милости Божией все развращенное человечество за исключением Ноя с семейством. После потопа, когда вновь размножившееся человечество не оказалось лучше, мы снова видим целый ряд отлучений, исходивших от Самого Бога, а позже произносимых от Его имени верными рабами Его в лице первосвященников, пророков и благочестивых царей. Эти отлучения были или общие, каково, например, проклятие, произнесенное Моисеем на преступников закона: *проклят всяк, иже не пребудет во всех словесех закона, еже творити я* (Втор. 27, 26; ср. 28, 15–68), а также Иисусом Навином на Иерихон (Нав. 6, 16), или частные, в отношении к определенному лицу, каковы, например, отлучение и казнь Корея, Дафана и Авирона (Чис. 16, 1–40), отвержение Саула (1 Цар. 15, 10–33) и др. Эти-то и другие подобные им непререкаемые в своем Божественном характере и действительном значении примеры отдельных и как бы случайных отлучений и положены были в основу того обряда отлучения от религиозного общения, какой существовал у иудеев слепого периода.

Уже Ездра ясно упоминает об этом учреждении как о действительно существующем (2 Езд. 9, 9), а позднейшие раввины во многих местах Талмуда сообщают о нем подробные и обстоятельные сведения. Иудейское отлучение, по свиде-

тельству Талмуда, имело три степени. Самая низшая из них называлась нидуи (nidui, от nidoa – отделять, исключать, выгонять, по-гречески *афоризин*, см. Лк. 6, 22) и состояла в том, что подвергшийся этому наказанию отлучался на 30 дней от сообщения с другими, и никто, кроме жены и детей, не смел подходить к нему ближе, чем на 4 фута. Ему не позволяли ни стричься, ни бриться, ни мыться и вместе с тем обязывали носить траурную одежду. Кто умирал в отлучении, на гроб того суд повелевал бросать тяжелые камни в знак того, что он достоин побоев камнями. Никто не смел ни сопровождать праха его на могилу, ни оплакивать его смерти. Посещение храма отлученным этой степени хотя и дозволялось, но существовали особенные ворота, чрез которые они должны были входить в храм и выходить из него. Принимать и оказывать услуги, давать наставления и выслушивать ответы отлученному хотя не воспрещалось, но с непременным соблюдением узаконенного правила, т.е. на расстоянии четырех локтей. Раввины насчитывают 24 греха, за которые подвергали малому отлучению, например, сопротивление мирскому или духовному начальству, богохульство, клятвопреступление, свидетельство против единоверцев пред языческими судьями, продажа язычникам недвижимого имущества и т.д.¹ Каждое частное лицо имело право подвергнуть этому наказанию другое, только при этом оно обязано было представить достаточно уважительную причину. Если же оно не было в состоянии сделать этого, то само подвергаемо было подобному наказанию. Если это отлучение налагало не частное лицо, а суд, то при этом делались всегда предостережение и особый вызов в суд. Отлученный освобождается от наказания только тогда, когда обнаруживал искреннее раскаяние и решительное обещание исправиться. Если же он не делал этого в продолжение 30 дней, то срок отлучения увеличивали иногда на 60, а иногда на 90 дней; а если и после этого он продолжал упорствовать, то его подвергали великому отлучению, которое называлось *херем* (cherem, от charam – выбрасывать, извергать,

¹ Buxtorf, Lexicon chaldaic, talmubic et rabbinicum. – *Прим. авт.*

по-гречески *экваллин*, см. Лк. 6, 22). На этой второй степени отлучение всегда соединяемо было со многими и ужасными проклятиями, причем всегда публично обнародовался приговор с обозначением его оснований. Произносил этот приговор суд; но когда какие-либо обстоятельства не позволяли суду довести дело до конца, то для продолжения его нужно было соединиться, по крайней мере, 10 членам общества. Действия *херем* состояли в совершенном исключении осужденного из общества, в совершенном устранении от религиозного общения, в строжайшем запрете всякого сношения с ним, а иногда и в конфискации его имущества. Отлученный не имел права ни учить, ни учиться, ни принимать услуг, ни оказывать их другим. Никто не смел подходить к нему, за исключением тех только случаев, когда нужно было доставлять ему необходимые средства к жизни. Кто осмеливался вступить с отлученным в общение, тот сам подвергался такому же наказанию. В случае исправления и чистосердечного раскаяния отлученного его разрешали от наказания, и это разрешение совершалось тою же высшею властью или тем же самым лицом, которое и определяло наказание. Разрешительная формула очень краткая и простая: *absolutio tibi est etremittitur*¹. Если же и после этого отлученный оставался непреклонным, то следовало третье и самое тяжкое отлучение – шаммата, которое совершалось публично и торжественно, при соблюдении определенных церемоний, и сопровождалось еще более запальчивыми проклятиями². Отлучение в этой последней степени имело такое значение, что отлучаемому во имя Божие воспрещалось возвращение в общество верующих навсегда, и он представлялся уже суду Божию. Действительно ли словом *шаммата* обозначается последняя и самая тяжкая ступень отлучения, или же это наказание тождественно с *нидуи*, – во-

¹ Selden. De sinedriis. – Прим. авт.

² Selden. De jure nat. et gent., p. 508–510. Хотя краткое, но исторически верное изложение всех трех видов иудейского отлучения можно читать и в книге «О чине Православия» студ. Киевской Дух. академии Стефана Семеновского, стр. 13–17. – Прим. авт.

прос этот, бывший долгое время предметом спора ученых, не приведен к окончательному решению, но для нашей цели это и не существенно важно. Нам довольно знать, что отлучение у иудеев существовало, и существовало в довольно определенной форме, и что это наказание вызывалось обстоятельствами и внутреннею необходимостью как неизбежное средство для поддержания общественной дисциплины и порядка.

Если, таким образом, все вообще внехристианские религии, не только языческие, а и богооткровенная иудейская ветхозаветная, в интересах своей чести и достоинства и в видах исправления порочных членов своих находили нужным исторгать их из среды своей – отлучать, то точно так же и Христианская Церковь, как общество верующих, должна пользоваться этим средством, и пользоваться тем в больших размерах, чем труднее исполнение ее нравственных требований для естественного человека и чем менее присущи ей, как чисто духовной власти, внешние, принудительные, насильственные меры. Уже в том обстоятельстве, что она посредством крещения свободно принимает в свои недра всякого, кто исповедует ее учение и обещает исполнять ее заповеди, заключается вместе и естественное для нее право, полномочие – отторгать от недр своих тех из сочленов, которые ниспровергают ее учение и вредят ее дисциплине; так что если бы Божественный Основатель Церкви и не сделал в этом отношении никакого особого постановления, то обстоятельства религиозной жизни сами собою вынудили бы церковную власть сделать из этого естественного права практическое употребление, и это было бы вполне законно и справедливо.

Но как ясно вручил Господь апостолам и их преемникам право и власть крестить и таким образом вводить в Церковь достойных, так точно ясно же уполномочил Он их и отлучать от нее недостойных. Ясное указание на дарование Господом Церкви этого последнего полномочия находится в заповеди Его, записанной в Евангелии от Матфея: *Аще же согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем единым, аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего* (Мф. 18, 15).

Таковы первые слова этой заповеди; они означают, что если ближний твой обидит тебя словом или делом или причинит какой-нибудь вред, то не переноси этого дела в суд тотчас же, но стань прежде глаз на глаз с обидчиком, объясни ему его неправоту и постарайся сам лично склонить его к миру, раскаянию и исправлению. Если успеешь в этом, то ты спас его, произвел в нем нравственный переворот и возвратил на путь добра; ибо, как говорит св. ап. Иаков, *обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу от смерти и покрывает множество грехов* (Иак. 5, 20). – *Аще ли тебе не послушает, пойми с собою еще единого или два; да при устех двою или трех свидетелей станет всяк глагол* (Мф. 18, 16), – продолжает Господь; т.е. если первая попытка твоя к обращению грешника останется без последствий, то усугубь свои увещания, поставь дело гласно, сделай обидчику наставление при свидетелях, чтобы слова твои в их присутствии имели более силы и он, видя их единомыслие с тобою, тем скорее пришел к сознанию своего греха и исправлению, ибо Спаситель, – как говорит св. Иоанн Златоуст, – ищет пользы не оскорбленного только, но и оскорбившего. – *Аще же не послушает их, повеждь Церкви* (Мф. 18, 17), т.е. если и пред лицом свидетелей останется он непреклонным, а твои убеждения к исправлению без успеха, в таком случае ты вправе заявить об этом обстоятельстве представителям Церкви, дабы эти последние в присутствии общества еще публичнее и убедительнее сделали ему вразумление и еще настойчивее потребовали от него исправления. – *Аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь* (Мф. 18, 17); т.е. если он настолько окажется закоснелым в своем порочном направлении, что пренебрежет и священным авторитетом церковных представителей, окажет и им явное и упорное сопротивление, тогда уже представители Церкви вправе отлучить его как упорного и неисправимого от своего общества и низвести его на степень таких людей, которые совсем не принадлежат к Церкви.

Что в таком именно, а не в другом каком-нибудь смысле нужно понимать приведенные слова Христовы *это си*

оспер о эфникос кэ о тэлонис – буди тебе, якоже язычник и мытарь, – это не подлежит сомнению. По связи речи их нельзя понимать в том смысле, что если согрешивший брат не слушает и Церкви, то ты, обиженный, вправе смотреть на него как на бесчестного человека и, прервав с ним всякое общение, оставить его на его нечестивом пути, как это утверждают протестанты. Здесь Господь говорит о решении дела Церковью; следовательно, о деятельности пострадавшего истца тут не должно быть и речи. Представители Церкви, долгом служения своего призванные к обращению грешника на путь спасения, делают ему наставления – напоминания об его обязанностях и предостережения от опасности, стараясь склонить его к раскаянию. Если же он на все это отвечает упорством и сопротивлением, то они именно и имеют право в деле сопротивляющегося их власти и авторитету идти далее и провозносить окончательный судебный над ним приговор: *это си оспер о эфникос кэ о тэлонис*. Что в данном случае имеются в виду действительно представители Церкви как действующие лица, это ясно вытекает и из непосредственно следующих за этим слов Спасителя, в которых Он, обращаясь к апостолам, говорит: *Аминь бо глаголю вам (имис), елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси*; слово *имис*, стоящее здесь параллельно предыдущему слову *экклисиа* (Церковь), ясно указывает на одинаковую деятельность как для этой (Церкви), так и для тех (апостолов). Если при настоящем вязании действующими лицами и судиями, решающими дело и определяющими наказание, являются апостолы, то то же самое содержится и в более общем выражении *экклисиа*.

Что же касается до самого судебного решения или приговора, определяемого здесь церковною властью, то несомненно, что под ним разумеется отлучение от Церкви, анафема, и слова *это си оспер о эфникос кэ о тэлонис* суть не что иное, как прямая заповедь Спасителя об отлучении. В самом деле, если мы поближе рассмотрим политическое и религиозное отношение, в каком находились иудеи к язычникам и мытарям, то нас поразит здесь резкий рубеж разобщения и взаимного исклю-

чения. Иудеи в высшей степени ненавидели и презирали язычников, как не принадлежащих к избранному народу Божию¹, а язычники, в свою очередь, совершенно уклонялись от внешних сношений с иудеями как с враждебным им племенем человеческого рода, и эта неприязнь их была так велика, что язычник в случаях даже самой крайней нужды не решался не только просить каких-нибудь услуг у своего соседа иудея, но и принимать их, хотя бы они предлагаемы были ему без всяких с его стороны домогательств. Он готов был скорее в совершенной беспомощности предать себя воле судеб, чем нарушить заветный обычай своей нации. Точно так же и мытари были предметом всеобщей ненависти и презрения (Мф. 9, 10; Лк. 7, 34), частью по причине тех несправедливостей и притеснений, какие делали они при взимании пошлин, частью же, а пожалуй, и главным образом потому, что собранное они прямо передавали на сторону римского правительства и соблюдали только его интересы. Поэтому они как нечестные люди и вымогатели, с одной стороны, и как изменники своего народа и религии, — с другой, настолько были ненавистны для всех, что считалось за грех иметь с ними какое-либо общение. Иногда их даже подвергали как врагов своей религии и своего племени формальному отлучению от религиозного общения в синагогах. Если же такие именно, а не другие были во времена Христа отношения между иудеями и язычниками и мытарями, то что другое Спаситель мог выразить словами *это си оспер о эфникос кэ о тэлонис*, как не уполномочение представителей общества отлучать от Церкви отъявленных и закоснелых грешников, нарушителей ее законов, и ставить их в такое же отношение к верующим, в каком находились язычники и мытари к иудеям, так, чтобы все избегали сближения с ними и смотрели на них уже не как на своих собратий по вере, а как на чужих

Справедливость такого понимания приведенных слов Господа явствует и из того, что данное место Евангелия понимаемо было в смысле заповеди об отлучении (анафематствовании)

¹ Вследствие этого они называли их собаками, в ненавистнейшем смысле этого слова (Мф. 15, 26). — Прим. авт.

всею древнею Церковью¹; но самым непререкаемым, даже для протестантствующих, свидетелем того, что Христос в этих словах действительно понимает отлучение от Церкви и преподает особенное на это право апостолам и их преемникам, конечно, должен быть назван св. апостол Павел. Строгою речью упрекает он коринфское общество и его представителей в своем послании к этой Церкви (1 Кор. 5, 1–5) за то, что они так долго терпели в своей среде кровосмесника и не удаляли его от своего общества. Что же касается его самого, то он хотя и заочно, но давно уже определил предать преступника сатане в измождение плоти. Если выражение *эрин эк мэсу имон* (изъять из среды) и однозначашее с ним *парадунэ то сатана* (предать сатане) могут быть понимаемы не иначе как в смысле отлучения церковного, и если апостол говорит выше, что он определяет это наказание во имя и силою Иисуса Христа (*эн то ономати... син ти динами ту Кириу имон Иису Христу*), то это, несомненно, указывает на его убеждение в том, что право отлучения от Церкви имеет свое основание в Божественном учреждении и даровано Христом Его апостолам². Эта же мысль руководит им и в действиях его относительно Именей и Александра, о которых он говорит: *их же предах сатане, да накажутся не хулити* (1 Тим. 1, 20). Ибо здесь он, хотя прямо и не говорит, что он действует именем и силою Христа, но та уверенность, та смелая решительность, с какою он совершает это дело, совершенно ясно показывают, что он вполне убежден был в своем Божественном полномочии на это дело и смотрел на свое определение наказания, как на нечто понятное само собою и непререкаемое. На свое высокое полномочие отлучать от общения с Церковью он довольно прозрачный намек дает еще, когда обращается к коринфянам с властным словом: *что хотите с палицею ли прииду к вам, или с любовию и духом кротости* (1 Кор. 4, 21). Наконец, когда после самого строгого и настоятельного убеждения коринфян к по-

¹ Читай у Златоуста 18 беседу на Евангелие от Матфея, у Оригена *Commentarin Evang. Mathei.*, у бл. Августина *Contra adversar.*, т. I, стр. 17 и др. – *Прим. авт.*

² Иоанн Златоуст. Беседа 5 на 1 Послание к Тимофею. – *Прим. авт.*

каянию и исправлению своей порочной жизни вообще и к воздержанию от нецеломудрия и разврата в частности он высказывает им угрозу: *не сый у вас сие пишу, да не пришед, безщадно сотворю по власти, юже Господь дал ми есть в созидание, а не на разорение* (2 Кор. 13, 10), то в этом опять заключается ясное указание на дарованную Христом ему, а следовательно, и другим апостолам и их преемникам, власть отлучать упорных и неисправимых сынов Церкви от общения с нею.

Согласно этим изречениям Священного Писания, наша Православная Церковь с самого начала существования держалась и держится того убеждения, что отлучение есть Божественное учреждение и что епископы, определяя такое наказание, действуют во имя и по поручению Бога. Св. Киприан¹ не раз высказывался, что епископы имеют право и обязаны отлучать от Церкви нарушителей Божественного закона, еретиков и соблазнительных верных именем Христа и по Его повелению, что они не должны обращать ни малейшего внимания ни на угрозы, ни на ненависть, ни на преследования со стороны отлучаемых и ни под каким предлогом не должны поступаться своими правами, так как они действуют в данном случае властью Христа. «Бог, – говорит он, – посредниками и служителями Которого они при этом являются, сохранит их» («О единстве Церкви»). Блаженный Августин² епископу Авксинию, отлучившему от Церкви известного Фелициссима со всем его семейством без достаточных оснований, пишет, что он должен отменить свой приговор, потому что отлучение его противно как правосудию и справедливости, так и христианскому смирению и кротости, ибо он невинных подверг такому наказанию, которое, будучи Божественным установлением, влечет за собою самые тяжкие последствия, касаясь не одного только тела, но и души, делая для последней сомнительною возможность спасения. Блажен-

¹ Св. Киприан Карфагенский (?–258), епископ Карфагена, один из Отцов Церкви, богослов, создатель учения о единстве Церкви.

² Блаженный Августин, или Аврелий Августин (354–430), епископ Гиппонский, философ, богослов, проповедник, один из Отцов Церкви, родоначальник христианской философии истории.

ный Иероним¹, с употреблением буквального выражения ап. Павла, говорит: «Мне не подобает сидеть прежде пресвитера, ибо он может предать меня сатане, в измождение плоти, чтобы дух спасти. Как в Ветхом Завете не повиновавшийся левитам изгонялся из стана и побиваем был камнями, так и теперь подобного рода противник усекается мечом духовным, т.е., извергаемый из недр церковных, предается во власть и на истязание злого духа». Это место дает ясный намек на учрежденное Самим Богом (Втор. 17, 12) наказание смертью. Бл. Иероним ставит это наказание по его происхождению и цели на одну степень с новозаветным отлучением и это последнее понимает, следовательно, как Божественное учреждение. Прекрасно и недвусмысленно выражает эту мысль и св. Иоанн Златоуст, когда, рисуя тяжелые последствия отлучения, говорит: «Пусть никто не презирает узы Церкви, ибо вяжущий здесь не человек, но Христос, даровавший нам эту власть, и Господь, сподобивший людей такой великой чести».

Так как Церковь право отлучения всегда понимала как право, дарованное ей Самим Христом, то она, следуя примеру апостолов, с самого основания своего делала из этого права практическое употребление. Папа Виктор² отлучил еретика Феодота-священника.³ Монтан⁴ и его приверженцы были подвергнуты запрещению малоазийскими соборами⁵, а Маркион⁶, сын понтийского епископа, за тяжкий грех нецеломудрия от-

¹ Блаженный Иероним Стридонский, или Евсевий Софроний Иероним (342–419 или 420), один из Учителей Церкви, создатель латинского текста Библии – Вульгаты.

² Виктор I (?–199), папа римский с 189 по 199 гг., перевел богослужение в Риме с греческого на латинский язык.

³ См. Евсевий. Церковная история, кн. V, гл. 28. – *Прим. авт.*

⁴ Монтан, бывший языческий жрец из Мизии, создатель катафригийской (действовал во Фригии) ереси, отвергавший иерархию и обряды. Монтаниты проповедовали крайний аскетизм. Ересь окончательно осуждена I Вселенским собором.

⁵ См. Евсевий. Церковная история, кн. I, гл. 16. – *Прим. авт.*

⁶ Маркион, основатель одной из разновидностей раннего гностицизма во II в. В основе учения лежал дуализм, отрицал Ветхий Завет, проповедовал аскетический ригоризм.

лучен был от церковного общения отцом своим. Все эти факты относятся ко II веку, и едва ли нужно замечать, что впоследствии, когда все более и более росло число верующих членов, все более и более ослабевала ревность по вере и упала первоначальная нравственная чистота в их жизни, употребление этого наказания становилось все чаще и чаще.

Хотя невольное, но несомненное доказательство того, что церковное отлучение есть Божественное учреждение, дает, наконец, и Протестантская Церковь. Исходя из того положения, что в учении и практике церковной можно принимать и оправдывать только то, что основано на Священном Писании, она употребляет отлучение как живую часть церковной дисциплины, как средство к сохранению последней. Как сам Лютер¹, так и Кальвин², на основании приведенных ими мест Св. Писания, так же признавали Божественную инициативу отлучения, как и наша, Православная, а затем и Католическая Церковь. Согласно с последним и они приписывали ему те же самые действия, свойства и силу³.

¹ Перечислив места Св. Писания, в которых говорится о церковном отлучении, Лютер говорит: «Эти и подобные места суть неизменная заповедь великого Бога; мы не вправе отменять ее. Хотя папство и злоупотребляет правом отлучения, допуская это во вред Церкви, тем не менее не отменять, а лишь правильнее и с надлежащею осторожностью употреблять его должны мы по воле и заповеди Христовой» (см. F. Tischreden. Frankfurt, Ausgabe, 1569. S. 177). – *Прим. авт.*

Лютер Мартин (1483–1546), глава Реформации в Германии, переводчик Библии на немецкий язык, основатель немецкого протестантизма (лютеранства).

² В формуле экскоммуникации, составленной Кальвином, говорится: «Мы, служители Божии, сражающиеся оружием духа, мы, которым дана власть вязать и решить, исторгли N. N. во имя и по власти Иисуса Христа из недр церковных, – отлучили и устранили его от общения с верующими; да будет он проклят между ними; да отвращаются от него все, как от язвы, и да не имеет с ним никто никакого общения и сношений. Этот приговор отлучения подтвердит и Сын Божий» (см. Leben Kalwins, II, s. 31). – *Прим. авт.*

Кальвин Жан (1509–1564), французский богослов, видный деятель Реформации, основатель радикального направления в протестантизме – кальвинизма.

³ «Старайся, говорю я, чтобы отлучение от Церкви совершаемо было правильно и законным образом, ибо оно влечет за собою Страшный суд Божий». F. Tischreden. S. 176. – *Прим. авт.*

Символические книги Протестантской Церкви также высказываются за соблюдение отлучения, а в церковных постановлениях различных стран встречаются нередко предписания даже и о том, как, каким способом и порядком оно должно совершаться и какими словами должен произноситься приговор о нем.

Если все сказанное нами доселе приводит нас к заключению, что отлучение состоит в совершенном устранении от Церкви, что оно основывается не на естественном только праве, но учреждено Самим Христом, то этим далеко еще не исчерпывается понятие и содержание этого наказания. Оно состоит не в одном только внешнем изъятии или отделении от общества верующих, но сопровождается несравненно более важными последствиями и действиями – последствиями духовно-нравственного свойства. Установив отлучение словами *«аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь»*, Господь наш Иисус Христос присоединяет к этому такие знаменательные слова: *«аминь бо глаголю вам, елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси»* (Мф. 12, 18). Таким образом, здесь идет дело о таком приговоре церковного суда, о таком наказании, действие и границы которого шире, чем судебные решения мирских властей, – о наказании, переходящем за пределы земного бытия, наказании, касающемся души, которое, будучи произнесено на земле, имеет подтвердиться, остаться в своей силе и на небе. Внутренняя действенность отлучения не такова, конечно, чтобы оно само по себе, независимо от нравственного состояния отлучаемого отделяло от Бога и лишало Божественной благодати. Если бы оно хотя бы и совершенно правильным, узаконенным образом произнесено было над невинным человеком, то это нисколько не изменило бы его отношений к Богу, не отдалило бы его от Бога, – только грехи могут удалять его от Бога и лишать Его благодати. Грех и произведенное им разобщение с Богом есть необходимое предположение действительного отлучения. Внутренняя сущность последнего состоит в том, что оно подвергает грешника, и без того разобщенного с Богом, еще большей опасности и

к одному его несчастью прилагает новое несчастье. Ибо оно лишает человека той помощи и благодати, которые Церковь предлагает всем своим собратьям. Оно отнимает у него те блага и преимущества, которые приобретены им в Таинстве св. крещения. Оно совсем отсекает его от церковного организма. Для отлученного чужды и недействительны уже заслуги и ходатайства святых, молитвы и добрые дела верующих. Ему недоступно принятие Святых Тайн, он лишен и тех благ, которые отсюда изливаются на верующих чад Церкви. Он оторван от Христа и Его живого тела, от Его искупительных заслуг и тех благодатных средств, какие доставляют они человеку. Грешник и безбожный нечестивец, пока его не коснулось еще отлучение, все еще член Церкви, и хотя он сам по себе уже не участвует в ее благодати, но молитвы, нравственные заслуги и добродетели его собратий могут исходатайствовать ему снова Божию милость и благоволение; отлученному же недоступна и эта косвенная помощь, он исключительно предоставлен самому себе и, лишенный благодатных средств, всегда присущих Церкви, без опоры и помощи, без защиты и обороны предан во власть лукавого. Таково по своему свойству наказание отлучения, наказание поистине тяжкое и страшное. Будучи наложено на земле, оно не слагается и на небе; начавшись во времени, оно продолжается вечно.

С такой, а не другой точки зрения рассматривала Церковь всегда сущность отлучения; такие, а не иные она всегда признавала за ним действия и характеристические свойства. Уже апостол Павел прекрасно выражает это как *парадунэ то сатана*, как передачу, вручение сатане; ибо как внутри Церкви господствует Христос и верующие члены ее находятся под Его покровительством, так и вне ее – царство лукавого, где господствует сатана. Изверженный из Церкви подпадает его жестокому господству без высшей помощи и защиты, как некогда дохристианское человечество испытывает его козни и искушения и все более и более опутывается узами греха. Не менее удачно и метко сравнивают Св. Отцы¹ наказание церковного

¹ Напр., блаженные Иероним и Августин. – *Прим. авт.*

отлучения с изгнанием Адама и Евы из рая. Как прародители наши, преступлением заповеди навлекшие на себя гнев Божий, изгнаны были из того места, где доселе беседовал с ними Бог, и, лишённые Божественной благодати, предоставлены были во всех жизненных приключениях и вражеских искушениях исключительно своим собственным силам, так и изверженный из Церкви, где он находился в живом общении с Богом, беспомощный, безоруженный предается во власть темных, враждебных сил диавола. Далее, наказание отлучения у Св. Отцов Церкви нередко называется духовною смертию, по сравнению его с смертию телесною. Когда так называют они отлучение, то в основании этого выражения лежит то представление, что душа, лишённая церковной благодати, высшей помощи и Божественной защиты, постепенно изнемогает в борьбе со злом и в случае закоснения в состоянии греха и нераскаянности лишается возможности исправиться или, что то же, нравственно умирает; что как меч полагает конец телесной жизни, так исторжение из Церкви в последней инстанции влечет за собою смерть духовную¹. Ту же самую мысль хотят, наконец, выразить Отцы Церкви, когда представляют отлучение от Церкви как первообраз, как начало будущего Страшного суда Божия². Ибо когда отлученный коснеет в своей нераскаянности и без помощи благодати все дальше и дальше удаляется от Бога, все глубже и глубже погружается в бездну греха, то это может кончиться только совершенною и вечною погибелью, и наказание отлучения действительно является здесь началом и, так сказать, приступом Божественного суда.

Кто в состоянии понять, что значит быть членом Церкви, находиться в живой, органической связи с телом Христа и участвовать чрез это во всех благодатных дарах и благах Его искупления, тому само собою будет понятно, почему отлучение от этого спасительного общения Церковь во все времена понимала как самое большое и самое тяжкое наказание. Святой Иоанн Златоуст кратко обозначает его, как *тимория насон*

¹ Бл. Иероним. Epist. XIV ad Heliodor. (Письмо 14 к Гелиодору.) – Прим. авт.

² Тертуллиан. Apolog. (Апология), 31. – Прим. авт.

тиморион халепотера, а Августин называет его *damnatio, qua poena in ecclesia nulla majorest*¹, т.е. таким наказанием церковным, более которого не может быть.

Сообразно такому воззрению на сущность и значение отлучения, Церковь, прибегая к этому тягчайшему из всех наказаний (*poena rutilantium gravissima*) только в самой крайней нужде, когда не виделось уже никакого другого исхода, всегда действовала, по слову св. Апостола, с великою скорбью, с тугю сердца и многими слезами (2 Кор. 2, 4). Как некогда оглашенного по принятии им св. крещения – этого величайшего из всех благ Церкви – братия встречала с радостью и ликованием и благожелательно приветствовала как нового друга и сотоварища, так, напротив, отлучение от Церкви, лишаящее права на общение с отлучаемым, совершалось всегда с глубокою скорбью и слезами². Из многих фактов, служащих подтверждением этой мысли, мы приведем здесь следующие два. Собор Ефесский в приговоре своем против Нестория говорит: «Вынужденные правилами и посланием Св. Отца нашего и сослужителя Келестина, епископа Римской Церкви, с великими слезами приступаем к этому печальному против него решению. Поносимый Несторием Господь Иисус Христос в лице настоящего Собора определяет, чтобы он (Несторий) лишен был епископского сана и всякого священнического сообщества»³. Таков же по внутреннему своему содержанию и характеру и приговор Константинопольского собора, произнесенный над Евтихием⁴.

¹ De corruptione et gratia, с. XV. – *Прим. авт.*

² Bingam. Origen, кн. VII, гл. IV, стр. 5. – *Прим. авт.*

³ Несторий (после 381 – ок. 451), знаменитый ересиарх, Патриарх Константинопольский в 428–431 гг., осужден в 431 г. Эфесским собором за учение, в котором он резко разграничивал человеческую и божескую природу в Иисусе Христе.

⁴ Евтихий (прим. 380–456), константинопольский архимандрит, один из главных противников Нестория, уклонился в другую крайность, став основателем монофизитства. Учение Евтихия осуждено на Константинопольском соборе 8 ноября 448 года, но в следующем году его оправдал «разбойничий» Второй Эфесский собор, незаконно созданный Александрийским Патриархом Диоскором. Окончательно учение Евтихия осудил Халкидонский собор 451 года.

Он гласит: «Того ради, скорбя и оплакивая его полное заблуждение и непокорность, мы, во имя Господа нашего Иисуса Христа, Которого хулит он (Евтихий), определили отрешить его от всех священнических прав и обязанностей, отлучить от нашего общества и лишить должности монастырского настоятеля. Всякий, кто будет иметь с ним сношение, пусть знает, что и он подвергнется такому же отлучению»¹.

Но хотя отлучение, как видно из сказанного, есть самое большое и самое тяжкое из всех церковных наказаний, хотя оно отнимает у отлученного закоснелого грешника все духовные блага, приобретенные им через святое крещение, однако Церковь, подвергая его этому наказанию, отнюдь не имеет целью отрезать ему, так сказать, путь к спасению и причинить вечную погибель, но наоборот, хочет привести его к этому спасению, возвратить на истинный путь. Церковь, скажем словами Апостола, получила право отлучения для назидания, а не для разорения (2 Кор. 13, 10). В этом случае она действует как наместница Того, Который приходил не погубить души человеческие, но спасти их². Что Церковь при отлучении имеет своею целью прежде всего исправление и спасение отлучаемого, это не раз и весьма ясно засвидетельствовано в Священном Писании. Так, апостол Павел предал коринфского кровосмесника сатане в измождение плоти, чтобы спасти дух его.

Каким же образом может совершиться это спасительное действие отлучения? Каким образом измождением плоти можно спасти душу? В ответ на этот неизбежный и насущный вопрос нужно помнить, что грешник, отлученный от Церкви, вообразив всю великость наказания и несчастья, постигшего его, представив себе ту страшную бездну, в которую низринут он, те опасности, которыми угрожает ему отторжение от недр Церкви и тела Христова, не может не отрезвиться и не прийти к сознанию своего печального положения и не восчувствовать глубокой скорби. А эта скорбь, это сознание естественно

¹ Harduin, 11, p. 163. – *Прим. авт.*

² Прекрасно развита эта мысль в сочинении «О чине Православия» Стефана Семеновского, студ. Киевской Дух. академии. – *Прим. авт.*

должны подавить в нем те страсти и порочные чувственные наклонности (измождение плоти), коими он навлек на себя это наказание, должны переломить его упорство и сопротивление, которыми он отвечал на все требования Церкви. В этом случае он, так сказать, вынужден бывает переменить превратный образ своей жизни и мыслей и в чувствах раскаяния возвратиться в недра Церкви, чтобы испросить прощение, сделаться снова участником благодати и таким образом спасти свою душу, как это действительно и было с коринфским кровосмесителем, который, принеся чистосердечное раскаяние, снова был принят в общение с Церковью.

В таком же точно смысле говорит Апостол и об Именее и Александре, что он предал их сатане, дабы научились они не богохульствовать (1 Тим. 1, 20); т.е. он при отлучении их имел в виду привести их к сознанию своей вины и заставить изменить свой преступный образ мыслей, выражавшийся преимущественно в хуле на Христа и христианскую веру, словом, отлучил их, с тем чтобы, подобно коринфянину, спасти их души. Наконец, когда апостол Павел пишет к солунянам: *аще же кто не послушает словесе нашего, посланием его назнаменуйте, и не примешайтесь ему, да посрамится* (2 Сол. 3, 14), то этим хочет сказать, что противящихся его постановлениям должно отлучать от Церкви и прерывать с ними всякое общение, дабы они пришли к сознанию своего беззакония и подчинились его требованиям.

Так как в Священном Писании отлучение везде представляется как средство исключительно исправительное, то и Церковь во все времена признавала за ним то же самое значение и применяла его к делу с тою же самою целью. Рассуждая о цели отлучения, Иоанн Златоуст, между прочим, замечает, что апостол Павел не всецело отдал кровосмесника во власть сатаны (последнего он употребил как орудие для достижения своей цели – исправления грешника), т.е. чтобы отлученный под властью врага человеческого рода очнулся, пришел в себя и, по принесении покаяния, снова был принят в Церковь как живой член ее. Велико наказание отлучения, но еще больше

его польза: то – только временное и мимолетное, а это – простирается в вечность. Равно и бл. Августин не раз и самым явственным образом отмечает исправление виновного как самую главную цель отлучения. Оно есть самое тяжелое наказание, какое только может касаться христиан; однако ж, употребляя его, Церковь действует отнюдь не по страсти гнева и мести, но проникаясь тою любовью и жалостию, какая присуща бывает сердцу пастыря при похищении из его стада овцы. Ее деятельность в этом случае, как справедливо замечает бл. Августин, есть *misericorsse veritas* (милосердие строгости).

Впрочем, при определении наказания отлучения внимание церковной власти обращается не на одно только лицо отлучаемого, но также и на честь Церкви и благо ее членов. Так как честь и достоинство Церкви первее всего состоит в том, чтобы члены ее чистотою своих нравов, высоконравственным, безупречным образом жизни доказывали истинность своей религии и божественность ее происхождения, то по мере развития между ними беззаконий и порока она теряла бы свой авторитет и уважение, и тем более унизила бы свое достоинство, если бы стала держать в своих недрах или, по крайней мере, оставлять безнаказанными отъявленных и грубых грешников. Вот почему, не желая ронять своего достоинства и давать лишнее против себя оружие в руки врагам своим, Церковь всегда считала и считает своим долгом упорных и неисправимых грешников подвергать формальному отлучению. Этот мотив для определения отлучения весьма естествен и понятен для каждого. Хотя он и не в такой мере, как другие, обеспечивается и подтверждается историческими данными, однако ж не может подлежать никакому сомнению то, что он во многих случаях был главным и решительным основанием при определении этого наказания; ибо кому неизвестно, с какою неослабною заботливостью Церковь, вопреки язычникам, старалась сохранить доброе о себе мнение и как высоко она держала зная своей чести во всех отношениях. В подтверждение этой мысли можно указать на один исторический факт. Когда епископ Евкратий обратился к св. Киприану с вопросом, должно ли некоего лицедея, учив-

шего своему искусству детей, терпеть в обществе и иметь с ним сношение, то последний отвечал, что это не согласно ни с величием Божиим, ни с требованием Евангелия, так как через такое сношение страдает честь Церкви. Епископ должен всячески убеждать его оставить такое занятие. Если же он, прекратив это занятие, впадет в бедность, то христианское общество доставит ему необходимые средства к жизни. Буде же для него это невозможно, то пусть идет он в Карфаген для пропитания, дабы вместо того, чтобы учить других греховному делу, он сам научился здесь тому, что служит к его спасению¹.

Третья цель, преследуемая Церковью при отлучении от общения с собою публичных грешников, есть благополучие и предохранение от опасности заразы остальных членов ее. Как в каждом обществе пороки и преступления одного при их безнаказанности легко делаются предметом соблазна и подражания и для других и, распространяясь более и более, наносят существенный вред целому, так и в Церкви дурной пример одного может заражать и распространяться и на других. Общественный порядок и дисциплина легко могли бы поколебаться и нравственно-религиозная жизнь более слабых чад ее могла бы подвергнуться большой опасности, если бы она не стала отсекал вредных и зараженных нравственною болезнью членов своих и не предохраняла от нее здоровых. Эту мысль выразил еще Апостол, когда он коринфскому обществу и его представителям, которых побуждал он к отлучению кровосмесника, поставил такой вопрос: *ужели не знаете вы, что малая закваска квасит все тесто* (1 Кор. 5, 6); т.е. я настаиваю, как бы так говорит он, отделить преступника от вашей среды, потому что грех одного, как свидетельствует опыт, слишком легко переходит и к другому, он, как язва, заражает и других, когда не бывает удаляем от соприкосновения с ними. Эту мысль повторяют затем и Отцы Церкви. Св. Иоанн Златоуст, объясняя настоящее место «Послания к коринфянам», замечает, что при отлучении имеется в виду не одна только личность отлучаемого, но и вся Церковь, ибо только таким образом можно предотвратить от

¹ Св. Киприан. Epist. LXI. (Письмо 61) – *Прим. авт.*

нее опасность заразы; так как преступление одного в случае безнаказанности тотчас же передается и всей Церкви и подвергает ее разрушению¹. Св. Киприан пишет епископу Помпонию², чтобы он отлучил от Церкви девиц, нарушивших обет целомудрия, равно как и их соблазнительей, и никогда не принимал бы их обратно, если они не исправятся; *ne exemplum*, – продолжает он, – *exete risadruinam delictissuis facere incipient*, т.е. чтобы они дурным своим примером не вовлекли в подобное преступление и других. Блаженный Августин говорит также, что на пастырях Церкви лежит обязанность отделять больных овец от здоровых, чтобы яд заразы не перешел и на здоровых. «Тот, – говорит он, – для Которого нет ничего невозможного, исцелит чрез это отделение и больных»³. Папа Иннокентий I⁴, одоблив и подтвердив решение африканских епископов, которым отлучены были от церковного общения пелагиане⁵, прибавляет: «Если бы они еще надолго оставались в Церкви безнаказанными, то неизбежным следствием этого было бы то, что они вовлекли бы в свое заблуждение многих невинных и неосторожных членов ее. Последние могли бы думать, что проповедуемое ими учение – православное, так как они были еще членами Церкви. Потому-то больной член и отсекается от здорового тела, чтобы сохранить то, чего еще не коснулась зараза». А в постановлениях апостольских (кн. II, 7) говорится: «Овца шелудивая, если не отлучена от здоровых овец, передает болезнь свою другим, и человек, зараженный язвой, страшен для многих... Посему если и мы не отлучим беззаконного человека от Церкви Божией, то сделаем дом Господень вертепом разбойников». И церковное законодательство, таким образом, понимает отлучение как средство сохранять членов ее, еще не поврежденных заразою, и путем страха, возбуждаемого в них

¹ Иоанн Златоуст, Беседа 15 на 1 Кор. 5. – *Прим. авт.*

² Св. Киприан. Epist. LXII ad Pomponium. (Письмо 62, к Помпонию) – *Прим. авт.*

³ Бл. Августин. Epist. ad Carthagen. Concili patres. – *Прим. авт.*

⁴ Иннокентий I (?–417), папа римский с 401 по 417.

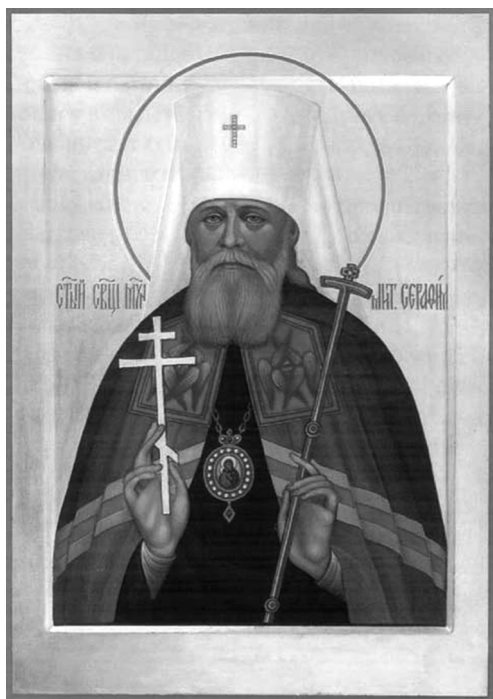
⁵ Последователи ереси британского монаха Пелагия, который в конце IV – начале V вв. учил, что отвергал действие первородного греха.

тяжестью этого наказания, удерживать их от тех преступлений и пороков, которые навлекают его. Эта точка зрения дает себя здесь замечать самым ощутительным образом.

Все эти указанные мотивы и соображения, руководящие Церковью при определении наказания отлучения, в большинстве случаев соединяются между собою и все вместе действуют на волю отлучающего. Но обстоятельства иногда слагаются так, что одна цель берет перевес над другой, причем эта последняя отступает на задний план, так что из двух или трех целей достигается только одна¹.

В заключение всего сказанного нами сделаем общий вывод и дадим общее понятие о церковном отлучении. Соединив все, что доселе сказали мы о сущности и значении отлучения, в одно общее представление, мы получим такое определение его: оно есть отторжение от внешнего и внутреннего общения с Церковью, основанное на естественном и Божественном праве, совершенное лишение всех средств ко спасению, приобретенных в св. крещении, отсечение от живого тела Иисуса Христа и низведение отлученного в состояние неискупленного человека; оно есть самое тяжкое из всех церковных наказаний, употребляемое с целью исправить виновного, поддержать честь и достоинство церковного общества и предотвратить от прочих членов его опасность соблазна и заразы.

¹ Слич. Духовный регламент, стр. 38, пункт 16. – *Прим. авт.*

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИТРОПОЛИТ
СЕРАФИМ (ЧИЧАГОВ)
(9.I.1856—28.XI[11.XII].1937)**

Леонид Михайлович Чичагов родился в Санкт-Петербурге, в семье полковника артиллерии Михаила Никифоровича Чичагова, правнук одного из первых исследователей Северного Ледовитого океана адмирала В. Я. Чичагова, внук морского министра, члена Государственного совета адмирала П. В. Чичагова. Учился в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии, в 1870 г. поступил в Пажеский ЕИВ Корпус, по окончании которого 4 августа 1875 г. был произведен в подпоручики и в сен-

тябре того же года направлен для прохождения службы в 1-ю Его Величества батарею гвардейской Конно-Артиллерийской бригады. Участник Русско-турецкой войны 1876–1877 гг., отмечен боевыми наградами. В 1878 г. по возвращении в Петербург познакомился со св. прав. Иоанном Кронштадтским, ставшим для него непререкаемым духовным авторитетом. 8 апреля 1879 г. женился на дочери камергера двора Наталье Николаевне Дохтуровой, внучатой племяннице героя Отечественной войны 1812 года генерала Д. С. Дохтурова. У супругов родилось четыре дочери – Вера, Наталья, Леонида и Екатерина. Самостоятельно изучил медицину и богословие, став энциклопедически образованным богословом. К 1890 г. был в звании гвардии капитана.

Однако военная карьера не удовлетворяла будущего владыку, и он решил оставить службу. Жена тяжело переживала это решение, но о. Иоанн Кронштадтский сказал ей: «Ваш муж должен стать священником, и вы не должны препятствовать избранному вашим мужем пути, так как на этом поприще он достигнет больших высот». 15 апреля 1890 г. уволен в отставку в чине гвардии капитана, а в следующем году, уже находясь в отставке, за годы безупречной службы был произведен в полковники. К этому времени уже были напечатаны его литературно-исторические труды: «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877», «Французская артиллерия в 1882», «Записки о П. В. Чичагове».

Выйдя в отставку, переехал с семьей в Москву и приступил к изучению богословских наук, готовясь к принятию священства. 28 февраля 1893 г. рукоположен в кремлевском Успенском соборе в сан священника и приписан к кремлевской синодальной церкви Двенадцати Апостолов. В 1895 г. неожиданно скончалась супруга, ее тело о. Леонид привез в Дивеево и похоронил на монастырском кладбище (вскоре над могилой была возведена часовня, и рядом с местом погребения матушки Натальи о. Леонид приготовил место для собственного погребения). 14 февраля 1896 г. назначен священником артиллерийского ведомства Московского военного округа. 14 ав-

густа 1898 г., поручив воспитание четырех дочерей (старшей было 18, а младшей – 12 лет) двум доверенным лицам, он был пострижен в монашество с именем Серафим. В 1899 г. иеромонах Серафим был назначен настоятелем суздальского Спасо-Евфимьева монастыря и возведен в сан архимандрита.

Еще будучи священником, он занялся составлением «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», которая явилась самым значительным трудом его жизни. Именно его дожидалась блаженная Паша Саровская, чтобы передать повеление прп. Серафима Саровского об открытии мощей. Используя свои связи в придворных кругах, архимандрит Серафим встретился с императором Николаем II Александровичем и передал ему материалы о прп. Серафиме. Несмотря на сопротивление большинства синодалов, государь настоял на канонизации. Архимандрит Серафим входил в состав комиссии Св. Синода, которая освидетельствовала останки, а после прославления написал краткое житие прп. Серафима (а впоследствии и акафист святому). Его труды были оценены по достоинству, 14 февраля 1904 г. архимандрит Серафим был назначен настоятелем одного из семи ставропигиальных монастырей Русской Церкви – Воскресенского Ново-Иерусалимского, оставив о себе память реставрацией знаменитого Воскресенского собора. 28 апреля 1905 г. в Успенском соборе Московского Кремля митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским) в сослужении епископов Трифона (князя Туркестанова) и Серафима (Голубятникова) хиротонисан во епископа Сухумского.

На Сухумской кафедре епископ Серафим пробыл недолго, и 3 февраля 1906 г. был переведен в Орел. Епископом Орловским и Севским прослужил до 1908 г. В это время владыка деятельно занимался устройством церковно-приходской жизни, организовал в епархии приходские советы с возложением на них обязанностей церковной благотворительности. Начало епископского служения преосвященного Серафима совпало с началом смуты и возникновением монархического движения, в котором деятельное участие принял и епископ Серафим. Он стал членом Русского Собрания, в 1907–1909 гг. входил в состав

Совета РС, а позднее был избран одним из 6 почетных членов РС. Был участником 4-го Всероссийского съезда Русских Людей (Всероссийский съезд Объединенного Русского Народа), который проходил в Москве 26 апреля – 1 мая 1907 г. Участвовал владыка и в деятельности интеллектуального штаба монархистов Москвы – Русского Монархического Собрания.

16 сентября 1908 г. решением Св. Синода он был назначен епископом Кишиневским и Хотинским. Многими монархистами синодальное решение было воспринято как ссылка, месть епископу Серафиму за открытое и активное участие в монархическом движении. Однако хотя Кишинев и был окраиной Империи, но епископ Серафим не порвал связей с монархистами. Он оставался еще некоторое время членом Совета РС. Как один из самых авторитетных и активных участников монархического движения, был избран почетным председателем Съезда Русских Людей, проходившего в Москве 27 сентября – 4 октября 1909 г., на котором возглавлял также отдел церковных вопросов, выступал с докладами о вероисповедных законопроектах и о православном приходе. В слове при закрытии поддержал протоиерея Иоанна Восторгова и архимандрита Макария (Гневушева) и пожелал им объединить все монархические силы России. Кроме того, епископ Серафим был избран почетным членом Аккерманского отдела СРН. 16 мая 1912 г. возведен в сан архиепископа, а 20 марта 1914 г. назначен архиепископом Тверским и Кашинским.

Февральская революция 1917 г. застала архиепископа Серафима в Петрограде. Вернувшись в Тверь, он узнал, что епархиальный съезд духовенства и мирян постановил удалить его из епархии «за строгое обращение с духовенством». С такой примерно формулировкой отправляли на покой всех архиереев-монархистов. Однако он некоторое время еще оставался на кафедре. Но осенью 1917 г. постановлением съезда духовенства и мирян он был все-таки удален с кафедры, а после захвата власти большевиками местный Совдеп принял решение выслать владыку из пределов Тверской епархии. Архиепископ Серафим участвовал в работах Поместного собора

Православной Российской Церкви, возглавлял отдел «Монастыри и монашество».

По окончании заседаний Собора 17 сентября 1918 г. он был возведен в сан митрополита с назначением на Варшавскую и Привисленскую кафедру. Однако из-за сложившейся политической обстановки до конца 1920 г. оставался за пределами своей епархии, пребывая в Черниговском скиту около Троице-Сергиевой лавры. Попытка получить разрешение на поездку в Варшаву к своей пастве завершилась тем, что 12 сентября 1921 г. владыка был арестован и помещен в Таганскую тюрьму. ЧК намеревалось отправить его в концлагерь под Архангельск. Благодаря хлопотам дочерей, 16 января 1922 г. митрополит вышел на свободу. Однако чекисты вовсе не собирались отпускать его на волю. 25 апреля судебная коллегия ГПУ все же приговорила митрополита Серафима к ссылке в Архангельскую область. В Архангельске он пробыл до конца апреля 1923 г., а затем с разрешения ВЦИК переехал в Москву.

Однако через год, 16 апреля 1924 г., владыка был снова арестован секретным отделом ОГПУ; на этот раз ему поставили в вину организацию торжеств, связанных с канонизацией прп. Серафима Саровского. 8 мая Патриарх Тихон (Беллавин) подал в ОГПУ ходатайство об освобождении находившегося в Бутырской тюрьме престарелого и больного митрополита Серафима, ручаясь за его лояльность к существующей власти. Но только в июле владыка был освобожден. В это время власти приказали живущим в Москве архиереям покинуть город, и святителю пришлось пережить новое испытание: настоятельница Серафимо-Дивеевского монастыря Александра (Троковская), избранию которой в игуменьи более 20 лет назад он поспособствовал, отказала изгнанному властями из Москвы владыке в пристанище. Митрополита Серафима и его дочь, монахиню Серафиму, приняла игуменья Арсения (Добронравова) в Воскресенский-Феодоровский женский монастырь, находившийся около г. Шуи.

Митрополит Серафим поддержал митрополита Сергия (Страгородского), решением которого 23 февраля 1928 г. для

умиротворения паствы и преодоления «иосифлянского» раскола был назначен управляющим Ленинградской епархией. Свою первую литургию совершил в Спасо-Преображенском соборе, который он часто посещал, будучи гвардейским офицером, и в котором 8 апреля 1879 г. состоялось его венчание. По вторникам в Знаменской церкви у Московского вокзала, где был придел Серафима Саровского, митрополит читал акафист преподобному. Читал наизусть, а после акафиста беседовал с народом. В родном городе он прослужил 5 лет, и 14 октября 1933 г. указом Синода был отправлен на покой. 24 октября он совершил свою последнюю службу в Спасо-Преображенском соборе и вечером выехал в Москву.

В начале 1934 г. поселился под Москвой в деревне Малаховка, а затем переехал на станцию Удельная, где арендовал полдачи. Глубокой осенью 1937 г. митрополита Серафима арестовали. Ему было 84 года, и несколько последних дней он чувствовал себя совершенно больным. Чтобы отвезти его в Таганскую тюрьму, чекистам пришлось даже вызывать «скорую помощь». 7 декабря тройка НКВД постановила: митрополита Серафима расстрелять. 11 декабря неподалеку от деревни Бутово рядом с Москвой он принял мученический венец.

Всю жизнь митрополит Серафим боролся за чистоту православия. Св. прав. Иоанн Кронштадтский, незадолго до своей смерти благословляя его в последний раз, сказал: «Я могу покойно умереть, зная, что ты и преосвященный Гермоген (Долганев) будете продолжать мое дело, будете бороться за православие, на что я вас и благословляю». Незадолго до своего последнего ареста митрополит Серафим говорил: «Православная Церковь сейчас переживает время испытаний. Кто останется сейчас верен Святой Апостольской Церкви – тот спасен будет. Многие сейчас из-за преследований отходят от Церкви, другие даже предают ее. Но из истории хорошо известно, что и раньше были гонения, но все они окончились торжеством христианства. Так будет и с этим гонением. Оно окончится, и православие снова восторжествует».

Слово пред молебствием в соборе и благословением хоругвей Союза Русского Народа

«Не мстите за себя, возлюбленные, – пишет св. апостол Павел, – но дайте место гневу Божию, ибо написано: *Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь*» (Втор. 32, 35; Рим. 12, 19).

Истинно верующие люди исполняют эту заповедь, имея пред глазами пример самого Христа-Спасителя и последователей Его, в особенности в первые времена христианства. Как Христос победил мир не враждою, а любовью, так и первые последователи Его защищали истину не оружием, а словом правды Божией, страданиями и даже смертию. Только верующие могут иметь мирное сердце и в сознании всемогущества Божия предать себя Его воле, силе, правде и защите. В этом отличие верующих христиан от малодушных и неверующих.

Возлюбленные братья! Сердце мое всегда преисполняется радостным чувством, когда я вижу представителей Союза Русского Народа, шествующих со священными хоругвями и направляющихся для молитвы в храмы, ибо это свидетельствует, что они исполнители великой заповеди Божией о немщении врагам, и есть надежда на успех святого дела. Надо иметь извращенное зрение и предвзятые мысли, чтобы видеть в вас деятелей озлобленных, преступных, вредных, вносящих в жизнь вражду, раздор, разрушение. Ведь вы принесли сюда для благословения не мечи, необходимые для людей, готовящихся к брани и вражде, а свои священные хоругви для окропления и освящения. А что такое хоругвь? Это знамя Христовой победы, которое мы привыкли видеть в деснице воскресшего из мертвых, восставшего из гроба и возвещающего победу над адом Сына Божия. Это знамя победы не мечом, а правдою и любовью! До христианства символом мира служили пальмовые ветки и с ними встречали победителей и царей. Вспомните, как при въезде Спасителя в Иерусалим народ встречал Его с пальмовыми ветками и устилал ими путь своего Царя. Но по воскресении Господа уже хоругвь сделалась знаменем христианской

победы, и нетрудно понять, какие чувства наполняют сердца русских людей, собирающихся и объединяющихся под этими хоругвями для борьбы с неправдою, изменою, порабощением и для защиты своей православной веры. Можно ли предположить в этих людях недоброе чувство, дурное намерение или враждебное настроение? Ясно как день, что вы сторонники порядка, истинные христиане и стремитесь только к мирной победе при помощи Божией. А помощь Божия ниспосылается только верующим, имеющим мир и любовь в сердце. *Вы друзья мои, аще творите, елика Аз заповедал вам!* – сказал Христос.

Итак, держа в руках священные изображения, увенчанные крестом Христовым, вы этим свидетельствуете, что у вас забота не о себе, не о защите от врагов, а только о великом деле, которому вы служите. Борьба правдой против древнего зла, борьба православием – против свободы безбожия, борьба духом – против предательства! Служение тяжелое, борьба почти непосильная, ибо враг наш приобрел себе огнем и мечом свободу действия, свободу совращения и обмана, он многочислен, обладает не только средствами и крепкой организацией, но всемирным опытом в кровавой борьбе, а главное, пользуется равнодушием общества к переживаемым народом бедствиям и сочувствием наших многих соотечественников, поддержкою некоторых влиятельных лиц и услугами предателей из нашей же семьи, ставящих материальные выгоды выше святых целей жизни. Да, в такой обстановке, в таких условиях русский народ никогда еще не жил. Просвещение привело к разложению. Русское образованное общество за небольшими исключениями потеряло все, что приобретало тысячелетним трудом: знание Христова учения и своей истории, патриотизм, крепость и мудрость русского духа, любовь к своей православной вере и Церкви, стремление к истине, серьезное образование, любовь к труду, преданность к своему Царю и привычку быть хозяином в своем доме. Между русским обществом и народом образовалась непроходимая пропасть! Народ чувствует еще свою силу, верит еще в свое право, любит свою православную веру, всю надежду полагает на Богом дарованного Царя и не может по-

нять своим здравым умом, почему происходит такой упадок порядка в России, быстро развивается общее обнищание и разорение народа, допускается такое унижение великого и сильного государства, терпится такая измена среди покоренных народов. Живя разобщенно по селам, этот народ не в состоянии сказать свое решительное слово изменникам, передать возлюбленному Царю свое желание и выразить свою мольбу, и он тоскует, скорбит, мучается, не понимая, что происходит преступное предательство Родины, что задуман заговор против него, затеяно порабощение русской народности. Да, никогда еще не переживала Россия такого времени разложения и развращения, умственного, нравственного и духовного! Но кто знает русский народ, тот понимает, что он сумеет пережить все эти испытания по своей вере. Не все же извратились, даже в городах, до забвения своих обязанностей пред Богом, Царем и родным народом; уцелевшие люди, любящие Россию больше себя, готовые ради Божией правды жертвовать жизнью, образовали Союз Русского Народа. Они кликнули клич, как это было в старину, и на него отозвались, – правда, в большинстве простые, бедные люди. Но сила никогда не была в благосостоянии, а всегда в духе и правде. Вера в правду сильнее всех расчетов земных. Помните, что Христос избрал для победы над миром простых рыбаков, и нельзя удивляться, если Он для возрождения православной России изберет снова рыбаков, сильных верою, исполнителей Его заповедей, которые пойдут на борьбу без оружия, но со знаменем Его победы, хоругвью, преисполненные духом мира и любви. Да не смущается сердце ваше при виде, что союз ваш создан из благословенных свыше новых рыбаков, неискусных в речах и спорах, ибо побеждает не слово человеческое, а истина Христова! *Мне отмщение, Я воздам!* – говорит Господь.

Возлюбленные братья! Вы взяли в руки хоругви в доказательство вашей надежды на одного Бога. Сзывайте же народ на мирную борьбу с распространившимся злом в Отечестве, на защиту веры православной, для объединения под сению храмов, и тогда он на своих могучих плечах высоко поднимет Помазанника Божия, Русского Царя, и снова воссияет сила

русская, создавшая великое государство не многочисленным войском, не золотом, а единственно крепкой верой в Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа.

**К вопросу о вероисповедных законопроектах
(Доклад Съезду Русских Людей в Москве
(27 сент. — 4 окт. 1909 г.))**

Русский народ почти тысячу лет признает единой истинной верой — только православную, и единой, истинной Церковью — основанную Господом Иисусом Христом, Сыном Божиим, Православную, Вселенскую Церковь; поэтому православие в России сделалось государственной верой, утвержденной народною волею, как непоколебимым, основным законом.

Россия создалась Церковью, ибо православная вера объединила народности ее, всех граждан, образовав из них одну семью, проникла во все законы, одухотворив их, внесла культуру, цивилизацию. Государственная власть в России утвердилась не на чем ином, как на вере народной, на единстве духовного самосознания между народом и правительством. В течение нашей истории была выработана система перехода из религии в религию, но она исходила из распределения их по степеням их совершенства, по мере приближения к православию. Разрешалось переходить к высшей и совершеннейшей религии — свободно, без принуждения, но не обратно. Все, которые переходили от высшей религии к низшей, отходя от Христа и Его Церкви, рассматривались как люди ненормальные, отпадшие, заблуждающиеся по слабости своего сознания, и потому они отдавались под надзор и в опеку (Улож. ст. 185, 188). Вся эта система, одухотворенная правдой Божьей, не была придумана, а опиралась лишь на народное сознание и вошла в Свод законов. И только с 1905 г. начала изменяться государственная вероисповедная политика.

Однако может ли государственная власть вопреки народному сознанию и народной воле, из простого подражания ино-

славным государствам и по проискам отшедших от Православной Церкви граждан перерешать вероисповедное и церковное дело, установленное св. апостолами, св. мучениками, Отцами Церкви и Вселенскими соборами? Ведь это и будет хулой на Святого Духа.

Наконец, это было бы даже равносильным остановке всей цивилизации.

Вера православная – это святая святых русского народа, и касаться ее не должна никакая власть, ибо народ готов отдать многое государству и власти, но никогда не отдаст одного – это того, что каждая верующая душа в отдельности и все вместе полагают в основание своего духовного и вечного бытия.

Принцип свободы совести был признан, провозглашен и установлен Французской революцией и вытекал вовсе не из веротерпимости, а из ненависти к Церкви. Во имя торжества человеческого разума была ниспровергнута Христианская Церковь. Среди страстей, породивших революцию, раньше других зажглась и последней угасла ненависть к Церкви, ненависть к христианской религии. Во главе этого жестокого похода против Церкви стояло французское дворянство, и дальнейшим результатом был полный упадок религии в народе.

Известная «Декларация прав человека и гражданина»¹ – послужила ныне и русской революции образцом для законопроектных величайшей государственной важности. Вполне допустимо, что левые партии в Г. думе пользуются декларацией французской революции, хотя они намеренно забывают, что основная мысль о прирожденных, естественных правах человека, т.е. учение о так называемом *естественном праве*, опровергнута «исторической школой»².

¹ «Декларация прав человека и гражданина» – главный документ Великой французской революции, принят Национальным Учредительным собранием 26 августа 1789 г. В основу «Декларации» положена концепция «естественных прав человека».

² Историческая школа – направление в экономической науке, главными положениями которого являлись: изучение истории хозяйства; анализ конкретных экономических ситуаций в различных странах; учет национального фактора в экономике. Наибольшее распространение получила в Германии.

Но допустимо ли, чтобы государственная власть в православном царстве считалась с декларациями французской революции, с вероисповедной системой социал-демократов, с инославными заблуждениями, с несуществующей в русских законах «свободой религиозной совести»? Если она благоверна и православна, то не может следовать за заблуждением!

Но в министерских объяснительных записках №№ 1473 и 1478, приложенных к вероисповедному законопроекту, напр., говорится, что «христианское государство – это только теория, которую создало церковное право»; что в государствах теократических, также в тех случаях, когда в какой-либо стране известное исповедание есть единственно признанное, гражданские законы совпадают с церковными, и государственная власть в области семейного права поддерживает чистоту канонических правил. В настоящее время такая точка зрения представляется уже, однако, отжившей и отшедшей в область истории. Напротив, в новейших государствах канонические правила окончательно парализуются законодательством.

И это говорит и пишет русская, православная, правительственная власть. Православие есть истина, и непонимание истины обличает неправославие христианина. Совершенно недопустимо в православной России подобное искажение истины и правды Божией.

Говорят, Манифест 17-го октября¹ объявил «свободу религиозной совести». Нет. Манифест говорит о гражданской свободе на началах свободы совести. Он имеет в виду свободу совести в гражданской жизни, а не религиозной. Весь текст Манифеста ярко свидетельствует, что в нем и мысли нет о сфере религиозной. Для введения в вероисповедное законодательство Империи нового основного начала «свободы религиозной совести» потребовалось бы изменить Основные

¹ Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. провозглашал введение гражданских свобод в России и учреждал Государственную думу, наделяемую правом одобрения законов и контроля над исполнительной властью.

законы о вере. В основе лежит религиозный акт 17 апреля¹, а не гражданский акт 17 октября; поэтому и «временные правила» явились приложением к Манифесту 17 октября, в которых и сказано, что действие узаконения не распространяется на союзы и общества, преследующие религиозные цели либо молитвенные собрания.

Два момента, которые надо различать: 1) внутреннее исповедание веры, которое не должно быть стесняемо, 2) внешнее проявление внутренней потребности в исполнении религиозных обрядов. Тут необходимы ограничения.

Было бы большим заблуждением думать, что вероисповедные законопроекты были составлены и потом переделаны Г. думой из высоких побуждений веротерпимости, правильно понимаемой, и свободы религиозной совести.

Только православие всегда веротерпимо, и никогда другие веры не подвергались таким нападениям за неверотерпимость, как православие. По сравнению с Западной Европой, России принадлежит *первенство* в проведении принципа веротерпимости. Проповедовал веротерпимость еще Феодосий Печерский²; началось ее осуществление при Иоанне Грозном³. Иностранцы это отметили и удивлялись нашей веротерпимости в царствование первых царей из дома Романовых. О русской веротерпимости гласит ст. 67 действующих Основных законов. Наши уголовные законы, ограждавшие православие, как религию государственную, преследовали не отпавших от христианства и православия, а *совратителей*, нарушавших государственный порядок.

Те, которые считают, что Манифест 17-го октября объявил «свободу религиозной совести», совершенно заблуждаются.

¹ Имеется в виду Именной Высочайший Указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости», опубликованный 17 апреля 1905 г.

² Преподобный Феодосий Печерский (ок. 1008–1074), игумен Киево-Печерской лавры, ученик прп. Антония Печерского, один из основоположников русского монашества.

³ Иоанн Васильевич Грозный (1530–1584), Великий князь Московский и всея Руси (с 1533), первый царь всея Руси (с 1547).

Имеет ли право правительство государства не заботиться о чистоте веры, о неприкосновенности закона Христова, об охране святыни Таинств, о защищении как членов Церкви, так и ее учреждений от посягательства всяких врагов?

Веротерпимость есть терпение или допущение чужой веры или Церкви подле своей.

Предоставление каждому полной свободы веровать и жить как ему угодно не есть веротерпимость.

Может ли православное государство не признавать для себя обязательным постановления Вселенских соборов? Кто отменил учение св. ап. Павла и всего Вселенского собора о недопущении для православного христианства смешанных браков с еретиками и раскольниками? Никто. А новый вероисповедный закон разрешает. Кто отменил заповедь Божию о святости воскресных и праздничных дней? Никто. А новый закон разрешает производство работ в воскресные и праздничные дни и т.д.

К вопросу о православном приходе
(Доклад Съезду Русских Людей в Москве
(27 сент. — 4 окт. 1909 г.))

1) Ввиду того, что православные приходы имеют канонически правильное и целесообразное устройство, и лишь замерла их деятельность, необходимо принять самые энергичные меры к оживлению их духовно-нравственной жизни, к возрождению их духовной деятельности, от чего зависит и духовное возрождение России.

2) Духовное же возрождение России, если оно возможно, то только тем путем, каким совершилось ее духовное рождение в приходских общинах, на основании правил св. апостолов, постановлений Св. Вселенских соборов, под непосредственным руководством архиpastей-епископов поместных Церквей и поставленных ими пастырей. Пастыри, как доверенные лица и помощники епископов, должны руко-

водить христианскую жизнь своих прихожан, имея для помощи и разделения труда в церковно-общественных вопросах выборный совет из их духовных детей, отличающихся высоконравственной жизнью, опытностью, духовным развитием и послушанием своему духовному отцу. Достичь этого христианского идеала можно только постепенно, и потому до возрождения приходской жизни в общинах таковое выборное начало вводить нельзя, даже и по отношению к проектируемым приходским советам.

3) В русских приходах замерла деятельность, потому что верующие, образующие Церковь, возглавленную епископами и пастырями, — отошли от исполнения своих прямых обязанностей, перестали духовно работать, потеряли веру, одушевлявшую людей в древности, и начали искать счастья, радости, развлечения и наслаждения вне Церкви. Это повлияло и на духовенство, которое заняло среди общества и народа неподобающее ему униженное положение при крепостном праве и подверглось затем гонению от образованного общества, которое первым отпало от Православной Церкви под влиянием ложного просвещения. Следовательно, для истинного, духовного возрождения России нужно: а) архиереям и пастырям возродиться первыми и твердо стать на предназначенные им места Самим Господом Иисусом Христом, и б) *постепенно* прививать к приходской жизни русского народа самодеятельность, основанную на разумении христианских и церковных основ. Необходимо вернуться к церковно-общественной жизни древнерусского прихода, чтобы приходская община единодушно занималась не только просвещением, благотворительностью, миссионерством, но и нравственностью своих сочленов, восстановлением прав старших над младшими, родителей над детьми, воспитанием и руководством молодого поколения, утверждением христианских и православных установлений. Этою целью должны задаться все русские люди, без различия положения, состояния, профессии, развития, и сплотиться по приходам в дружные общества. Необходимо это во всех отношениях, а именно: для утверждения

веры, для возрождения духа любви, взаимопомощи, патриотизма, для восстановления влияния Церкви на жизнь каждого прихожанина, для воспитания и руководства молодого поколения в селах и деревнях соединенными силами прихода; для восстановления семьи, семейной жизни, повиновения детей родителям и старшим, для противодействия разладам и разводам, из которых последние принимают стихийный характер в простом народе; необходимо это и в государственном отношении, потому что если приходы не в порядке, то и все государство не в порядке; необходимо в национальном отношении, так как единение может быть основано только на вере и произойти под сенью храмов; необходимо, ввиду дарования теперь в России свободы всем вероисповеданиям, расколу и сектантству, ибо без единения православных в настоящее время невозможны защита и охранение православия, борьба с инославием и многочисленными сектами.

На первый взгляд, представляется самым трудным решать вопрос: с чего надо начать дело при современном положении и настроении населения? – Судя по работам Предсоборного присутствия¹ и по печатанным материалам в «Церковных ведомостях»², решено выработать новое «положение о приходе». Такое положение весьма важно и необходимо, дабы приходы имели руководственное начало в развитии своей деятельности, знали, к чему им надо стремиться, чего достигать и в каком направлении развивать свободу действий прихожан, приучая их к пользованию в будущем известными правами. Но таким «положением» нельзя совершить необходимого возрождения приходской жизни. Следова-

¹ Предсоборное Присутствие учреждено 16 января 1906 г. Императором Николаем II для подготовки созыва Поместного собора. Председателем Присутствия был митрополит Антоний (Вадковский), заместителями митрополит Московский Владимир (Богоявленский) и митрополит Киевский Флавиан (Городецкий). Состояло из семи отделов.

² Еженедельный журнал (1888–1918), официальный орган Святейшего Синода Российской Православной Церкви. В неофициальной части («Прибавления к Церковным ведомостям») публиковались тексты из святоотеческих творений, проповеди современных пастырей.

но, такое «положение» должно быть введено уже в духовно возрожденные приходы, и не для того, чтобы в них началось возрождение, ибо правами и обязанностью нельзя разбудить сознание и духовно-нравственную жизнь. Правда, есть приходы, в которых паства давно уже работает над возрождением или в которых был целый ряд примерных священников, а потому прихожане и сейчас готовы отнестись послушливо и честно к обязанностям членов приходских советов; но таких сел немного, конечно, и большинство приходов должно быть серьезно подготовлено к восприятию реформы, возрождения и всевозможных прав.

Поэтому совершенно необходимо почтительнейше просить Св. Синод, чтобы при введении нового «положения о приходе» была предусмотрена известная постепенность, чтобы этот устав не был объявлен тотчас обязательным для всех приходов и разрешено было епископам с благочинническими и пастырскими собраниями решать, когда тот или другой приход настолько возродится в духовной жизни, что настанет время для объявления «положения» и дарования установленных прав.

5) Как ни важно возможно скорей приступить к возрождению христианской жизни в приходах, но с этим серьезным и трудным вопросом нельзя спешить, так как дело возрождения стоит в прямой зависимости прежде всего от возрождения пастырства. Надо, чтобы сперва пастыри восстали и одухотворились, а затем подготовили своих прихожан к новой деятельности. Это возрождение немыслимо без деятельного, духовного руководства епископов, которым, собственно, принадлежит вся паства целой епархии. Они должны подготовить из отцов благочинных себе помощников, которых поставить руководителями пастырской деятельности всего благочиния; они должны объезжать уезды и собирать пастырские съезды для бесед с духовенством и личного разъяснения им всех вопросов и недоумений. Епископы должны по журналам благочиннических пастырских собраний писать свои резолюции и указания, постепенно направляя всю деятельность духовенства епархии к необходимому однообразию.

Деятельность пастырей в тех приходах, которые не могут еще воспользоваться новым положением ввиду своего духовного неразвития, современного настроения, боязни всякого новшества и т.п., должна состоять в личном выборе себе помощников из наилучших прихожан и образовании из них «кружка ревнителей православия», или миссионерского, по определению Св. Синода от 20–26 мая 1908 г. за № 3443. На обязанности членов кружка лежат те же задачи и цели, как и на членах приходских советов (ст. 3 правил). Следовательно, работа членов кружка может ясно убедить народ в полезности таких членов, и тогда их непременно выберут впоследствии, как опытных уже в работе людей, в члены приходских советов. Пастыри, со своей стороны, будут иметь возможность проверить этих своих сотрудников до предложения их прихожанам для выбора.

О таком подготовительном действии в приходах и епархиях почтительнейше просим распоряжения Св. Синода.

О возрождении приходской жизни (Обращение к духовенству Тверской епархии)

Возлюбленнейшие о Господе братья-пастыри!¹

1

Распоряжением Св. Синода, ввиду ниспосланного нашему Отечеству и всему миру величайшего испытания, небывалой – по размеру, упорству и замыслам Германии – чудовищной войны, – открыты или учреждены во всех приходах, как городских, так и сельских, попечительные советы, которые заботятся о нуждах семей воинов, братьев своих, ушед-

¹ Настоящее издание представляет собою извлечение из обращения высокопреосвященного Серафима, архиепископа Тверского и Кашинского, к духовенству епархии по вопросу о возрождении приходской жизни. – *Прим. издателя.*

ших в великую русскую армию для защиты веры, Родины, и оставшихся дома отцов, матерей и малолетних. За год работы много совершено советами в тех приходах, где причты самоотверженно трудятся, и заслуги приходских советов никогда не будут забыты русским народом и историей. Благодаря этим советам все население великого русского государства участвует в небывалой от сотворения мира, упорнейшей борьбе, требующей чрезвычайного напряжения народных сил. Отчеты по окончании войны раскроют всю величественную картину труда, сочувствия и участия православных приходов в этом отечественном испытании.

Еще в 1905 году Св. Синод (18-го ноября) издал постановление свое *об устроении и возрождении приходской жизни*, которое было вызвано требованиями времени и общественным голосом ввиду переживаемого лихолетия. Св. Синод признал тогда благовременным обратиться к пастырской ревности епископов и священников в надежде, что их усилиями вновь возгорится вера народная, и правда Божия вразумит русских людей. Указанный путь не требовал ломки существующей организации приходов и новой реформы, а устанавливал лишь новую форму оживления приходской деятельности с помощью постоянно действующего церковно-приходского совета. Для начала возрождения приходов было совершенно довольно этого постановления Св. Синода, ибо православные приходы *имеют канонически правильное и целесообразное устройство, и лишь замерла их деятельность*.

Ныне обстоятельства чудовищной войны быстро развили эту приходскую деятельность и понудили провести реформу в кратчайший срок.

Благие результаты налицо, и естественно, что избранные советы *не должны более никогда закрыться*, а наоборот, должны приступить к развитию и утверждению своей деятельности, тем более, что после войны должен быть рассмотрен в законодательных учреждениях новый приходский устав, ожидаемый столько лет и вполне выработанный Св. Синодом. Необходимо подготовиться к восприятию приходами этого устава, а поэ-

тому теперь же начать вводить положения, на которых основана христианская жизнь в церковных общинах.

С этой целью я и решил обратиться к вам, братья-пастыри, с моими указаниями, поручениями и разъяснениями.

Но прежде всего я должен на основании моего опыта в Орловской и Кишиневской епархиях вам сказать, что такая серьезная реформа может быть проведена в жизнь только при условии, что все пастыри предварительно изучат вопрос до мельчайших еподробностей, согласятся в своих действиях, станут убежденными сторонниками реформы и их речи и объяснения народу будут исходить из собственного убеждения, а не из одной заученной теории и предположений. Необходимо духовенству в предстоящих собраниях и съездах разобрать приходский вопрос со всех сторон и выяснить себе не только важность его, но и безусловную необходимость. А тогда можно приступить к проповеди и к делу.

Что значит возродить приходскую жизнь? Когда говорят, что приходская жизнь исчезла, упала, распалась, приход бездействует, – это значит, что и причт и прихожане потеряли между собою связь, единение, исчезла христианская жизнь, взаимопомощь, христианское делание. Следовательно, чтобы возродить приходские общины, необходимо улучшить жизнь людей, искоренить дурные обычаи и привычки, утвердить веру, православное исповедание, воскресить любовь, единение и, в особенности, понятие об обязанностях христиан.

Определение Св. Синода от 18 ноября 1905 г. мною было принято с живейшим интересом и сочувствием. Я видел в этом распоряжении давно ожидаемое мероприятие первой важности, единственное надежное средство к возрождению в приходах благочестия и нравственности. По моему убеждению, необходимо было все реформы начать с возрождения приходов, ибо, пока народная и общественная нравственность не улучшится и жизнь наша не будет согласована с верою, никакие свободы, новые узаконения и реформы не приведут к ожидаемому результату и благополучию. Без улучшения нравственности не могут кончиться испытания, ниспослан-

ные Господом, и не начнется возрождение духовное. *Духовное же возрождение России возможно только тем путем, каким совершилось ее духовное рождение.* А именно, необходимо вернуться к церковно-общественной жизни древнерусского прихода, чтобы приходская община единодушно занималась не только просвещением, благотворительностью, миссионерством, но и нравственностью своих сочленов, восстановлением прав старших над младшими, родителей над детьми, воспитанием и руководством молодого поколения, утверждением христианских и православных установлений.

Многие, сомневаясь в пользе учреждения приходских советов, однако за столько лет не придумали никакой другой меры и ничего лучшего не предложили. А беда росла, вера падала, народ и юношество гибли! На наших глазах совершались невероятные события (невероятные по христианским понятиям!), и сколько раз за это время мы задавались вопросом, вдумываясь в газетные известия и в дикие проявления современной безнравственности: как это изменить, что делать? Ответ ясен: иного средства и пути нет, как возрождение духовное, которое возможно лишь *в приходе и в школах.* Этою целью должны задаться все русские люди, без различия положения, состояния, профессии, развития, и *сплотиться по приходам* в дружные общины. Государство наше было в опасности со всех сторон, а в особенности со стороны веры, и следовало, отбросив всякие различия и положения, всем задаться одною целью: *объединения под сению храмов, на главной основе народной – православной вере.* Равнодушие, отсутствие ревности по вере, вот что более всего страшит! Беда, если не прозревают будущего, не отдают себе должного отчета в происходящем и мало интересуются упадком религии, как будто это не опасно! Поэтому как в 1905 году, так и теперь я настаиваю, что единственное средство к вразумлению, это – возрождение приходской жизни. Оно необходимо, неотложно!

а) Необходимо прежде всего *в религиозном отношении,* для утверждения веры, для возрождения духа, любви в лю-

дах, взаимопомощи, патриотизма, для восстановления влияния Церкви на жизнь каждого прихожанина.

б) Необходимо для воспитания и руководства молодым поколением, для поднятия нравственности, для борьбы пастыря с современными нестроениями и совращениями *соединенными силами прихода*. Одному священнику в приходе нелегко справиться со всеми делами и удовлетворить духовные нужды прихожан; он постоянно занят то учительством в школе, то письмоводством, то требами, то отпиской по начальству, то исполняет различные поручения; времени для пастырского дела у него остается немного, и он не может знать всех нужд прихода и вовремя прийти на помощь, если прихожане не будут ему помогать. Борьба же пастыря с современными нестроениями и безнравственностью также нелегка, если он не призывает к себе на помощь членов приходского совета и вообще всех объединившихся между собою прихожан. Без сомнения, приходская деятельность потому и замерла, что священники были одиноки в своей работе и не привлекали к общему делу своих прихожан.

в) Необходимо для восстановления семьи, семейной жизни, повиновения детей родителям, для противодействия разводам и разводам, которых стало такое множество. Это – новое бедствие в народе!

г) Необходимо в государственном отношении, потому что если приходы не в порядке, то и все государство не в порядке.

д) Необходимо в национальном отношении, так как единение может быть основано только на вере и произойти под сенью храмов.

е) Необходимо ввиду дарования в России свободы вероисповеданиям, а также расколу и сектантству. Без единения православных в настоящее время невозможны защита и охранение православия! Без помощи прихода пастыри не могут теперь бороться с инославием и многочисленными сектами, враждебно относящимися к Православной Церкви. Миссионерский вопрос стал теперь одним из самых важных после Манифеста 17-го апреля – «О свободе в России всех вероиспо-

веданий». Законоположения, которые предстоит выработать Гос. думе и Гос. Совету на основании объявленной «свободы совести», имеют для Церкви и Отечества величайшее значение. И мне думается, что если бы гг. члены знали об организациях и средствах католической и протестантской миссии, то они, несомненно, иначе отнеслись бы к решению вероисповедных вопросов. Скажу кратко: католическая миссия обладает 27-ю специальными миссионерскими семинариями и содержит 7 университетов при многомиллионном капитале и нескольких десятках тысяч миссионеров. Протестантская миссия имеет еще больше семинарий, миссионеров и капитала. А мы обладаем только двумя миссионерскими школами, из которых одна принимает в год лишь по 16-ти воспитанников. И при таких силах мы сами, по своей доброй воле, открываем этим боевым, богатым, сильным и враждебным миссиям свободный путь и доступ в наши города, села и деревни, не желая больше ни защищать, ни предостерегать добродушный и неразвитый свой народ от совращения, душегубства, и основу нашего могущества – православие – предаем поруганию и ниспровержению. Чем и как мы будем бороться? Если бы и нашлись средства для учреждения в России миссионерских семинарий, то уже немыслимо вовремя поспеть с обучением миссионеров. Недаром католики пророчествуют, что через 20 лет вся Россия будет католическою! Следовательно, единственное средство борьбы – *противопоставить натиску инославных миссий наши приходы, сплотив их в дружные общины*, чтобы мы все следили друг за другом, поддерживали слабых, малодушных, и не допускали до совращения.

ж) Необходимо для организации самих приходов, выбора уполномоченных членов совета, разделения труда пастыря с прихожанами. *Пока не будет восстановлен приход, нельзя приступить к созыву церковного собора и управлению Церковью на соборных началах.* Как нам выбирать мирян для участия в соборе, если приходы не организуются? Неужели назначать только церковных старост или избранных для проверки денежного отчета?

2

Возрождение приходов в зависимости
от возрождения пастырства

Насколько возрождение приходов требует улучшения нравственности народной, настолько оно в зависимости от возрождения пастырства. Прежде всего эта реформа состоит в возрождении сознания, духа и деятельности в пастырях, без которых не может проникнуть в жизнь прихожан ничего истинного, духовного, благодатного и нравственного. Истинное пастырство в зависимости: а) от сознания духовенством, что Самим Богом вверены им пасомые и никто не может и не в силах занять их места, заменить их и лишить их прав, дарованных свыше; б) от сознания, что они созданы для паствы, а не паства для них; в) от сознания, что одна из важнейших их обязанностей есть духовное учительство, помощь духовная, которая находится в зависимости *от единения с прихожанами* и участливости пастырей в скорбях, горях и испытаниях своих духовных детей; г) от сознания, что все необходимое для пастырей и их семей непременно приложится, если они будут жить и действовать духовно, заботиться прежде всего о пасомых и их спасении, исполнять свой долг, т.е. жить по заповедям Христовым (духовенство имеет поучительные примеры и сейчас в своей среде); д) от сознания, что пасомые их есть паства епископа, и потому они лишь проводники его духовного руководства и направления. Пастыри должны во всем следовать указаниям архипастыря, относиться к нему с послушанием, как к отцу, спрашивать наставления в недоуменных вопросах и объединиться с ним.

Многие священники сознают свою неподготовленность к делу возрождения приходской жизни. Но они ошибочно относят все причины к прошлой, а не настоящей жизни. Не готовят семинарии нам пастырей, это неоспоримо. Однако нельзя вообразить, что школа в силах, кроме обычаев, привычек и воспитания, дать еще одухотворенность или духовное развитие. Время изучения наук мешает чтению книг, и юноше-

ство не может вместить в себе философских и духовных сочинений. Главная работа пастыря в начале этого служения, а тем более когда он проходит первоначально должность псаломщика и диакона, и должна состоять в чтении духовной литературы, и в особенности Св. Отцов и известных подвижников. Если проверить: многие ли прочли сочинения хотя бы епископов Игнатия Брянчанинова¹ и Феофана Затворника, то окажется – ничтожный процент. Обидно слышать, что в пастырях скрывается такое несправедливое чувство, будто бы бедность и приниженность духовенства, презрение к нему общества – все это заглушает в священнике благородные чувства. Никогда с этим не соглашусь. Есть нищие, а не только бедные, крестьяне-подвижники в монастырях, не имеющие никакого светского развития и воспитания, но их уважает, любит вся Россия. Если мы сами себя унижим, то кто из братьев может нас возвысить? Общество презирает только недостойных. Надо же, наконец, понять, что общество, народ нуждается в нас, ищет хороших пастырей, скорбит, когда не находит, и вправе же оно требовать, чтобы духовенство было духовно. А если оно не духовно, то, разумеется, никому не нужно. Влияние на народ зависит от того, будет ли духовенство учить только словом, или также – делом. Вот вопрос: что предпринять для поднятия, кроме материального обеспечения, еще и нравственного уровня духовенства? Как привлечь его к духовной жизни?

Несомненно, заботы о материальном обеспечении увлекают духовенство далеко в сторону от прямых задач его звания. И тем не менее, во избежание печальной возможности стать отверженниками мира мы должны проститься с нашей ленью, апатией и равнодушием, начать интересоваться назревшими запросами времени; должны чутко прислушиваться к ним, освещать их яркими лучами Христова учения и в этом освещении удовлетворять естественной пытливости наших прихожан, ожидающих от нас авторитетного руководства в духовной жизни. Пора стряхнуть наш сон, смеживший очи наши,

¹ Святитель Игнатий (Брянчанинов) (1807–1867), епископ Кавказский и Черноморский, богослов, ученый и выдающийся проповедник.

перестать жаловаться и печаловаться на нашу собственную духовную слепоту, на неподготовленность, на наше плохое обучение. Если духовная школа в свое время не успела создать из нас опытных и искренних руководителей в религиозно-нравственной жизни народа, если на пути к этой цели ею и допущены были пробелы, то кто же или что препятствует нам заполнить эти пробелы собственной работой над своим самосовершенствованием, над приобретением широкого опыта, необходимых сведений и знаний? Поистине, я не вижу непреодолимых к тому препятствий, лишь было бы терпение. Путь самообразования, широкого развития своих духовных сил и способностей чтением книг религиозно-нравственного содержания, приобретения необходимой в нашем звании духовной опытности и зрелости – этот путь ни для кого не закрыт, и не лежит на нем таких камней преткновения, которых нельзя было бы с удобством обойти... «Век живи, век учись», – говорит золотое изречение народной мудрости, и эта пословица должна быть девизом духовенства по преимуществу, как призванных учителей и наставников религиозно-нравственной жизни народа. Какой учитель, какой деятель, даже профессор прекращает самообразование по выходе из училища или университета? Какой юноша может без собственного опыта жизни вместить в своем уме, а тем более сердце, христианскую философию? Знание веры доступно юношеству, но не более, и это есть начало, но не конец духовного развития. Много нужно, чтобы сделаться пастырем, наставником и руководителем, а большинство наших священников, особенно сельских, удовлетворяются сведениями, полученными в семинарии, и прекращают изучение пройденных духовных наук. Евангелие и жизнь по Евангелию есть самая трудная наука, которую Св. Отцы называли наукою из наук. Представителю этой науки нельзя ни одного дня в жизни прекращать изучения ее, ибо только опыт жизни дает возможность уразуметь полноту и глубину Божественного Откровения. И при изучении его – кругозор все расширяется. Нельзя не читать сочинений Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника и других подвиж-

ников. Не рекомендую вам «Добротолубия»¹, с этого начать нельзя, но ручаюсь, что прочитавший Игнатия Брянчанинова поразится своему неведению и получит высшее наслаждение. Чтение духовных книг приводит каждого к невозможности читать беллетристику, так как она покажется ничтожною, пустою и неинтересною. Жаль будет тратить время на светскую литературу и скучно станет доискиваться одной хорошей мысли на десятке страниц. В духовных книгах каждая строка заставляет призадуматься и перенести смысл ее на себя, свои чувства, мысли и действия. Что за жизнь пастыря, когда он действует машинально, без проникновения тайнами Божественного откровения, которым он служит, без одушевления идеей всех тайнодействий, без ощущения благодатных даров и силы, в нем действующей, без радостей верующего и соединяющегося со Христом и познаний просвещенного благодатным Словом Божиим и премудрыми наставлениями Святых Отцов. Это не жизнь, а мука, если пастырь не духовен, а чем оправдаемся мы, имевшие возможность с малолетства познать истину и всю жизнь проводить в изучении писаний, в чтении разъяснений Слова Божия и подробнейшем исследовании многочисленных исторических документов, свидетельствующих о бывших откровениях Божиих великим подвижникам, и что нет больше вопросов и тайн, как для настоящей, так и будущей, вечной жизни христианина.

Нам нужно послужить своим меньшим братьям подобно тому, как Христос послужил Своим ученикам, умыв ноги. И нас враг, конечно, не оставит в покое на пути служения ближнему, и нас ожидает много скорбей, мытарств и страданий. Но зато мы и воскреснем, подобно Христу, оживем духом, пройдем сквозь горнило нравственного очищения и возродимся к новой, лучшей жизни. Нужно только решиться, твердо и бес-

¹ «Добротолубие» (греч. «Филокалия») – сборник духовных произведений православных авторов IV–XV вв. Составлен Никодимом Святогорцем и Макарием из Коринфа и был впервые опубликован на греческом языке в 1782 г. Славянский перевод выполнил прп. Паисий Величковский (1793). Позднее большую работу по переводу на русский язык, составлению и дополнению сборника проводил Феофан Затворник.

поворотной начать работать: ходить по домам прихожан, знакомиться, стараться разузнавать их нужды, облегчать их горе участием, советом, хлопотами и залечивать сердечные раны. Необходимо, так сказать, входить в сердце прихожан без зова и поставить себя в такое положение, чтобы быть желанным, дорогим гостем в каждой приходской семье, и тогда пастырь исполнит свой нравственный долг; заботясь о «едином на потребу», он получит обещанное от Господа; все остальное, лично ему нужное, приложится.

Надо духовенству скорее стать на ноги и – для этого – добиться любви народной. «Непрестанно молитесь» – вот заповедь апостольская и данная не одним монахам, а и пастырям и всем христианам. Если пастырь не будет непрестанно действовать сердцем, не приучится о всем мыслить духовно, то он окажется никому не нужным. Высшая академия для пастыря – это угол, в котором висит икона и теплится лампада. В беседе с Богом научится пастырь непреложным истинам и правде как о настоящей, так и о будущей жизни.

Когда пастырям указывают их товарищей, которые достигли своей деятельностью разительных результатов, то они говорят: «Желать этого может каждый, но не каждый может исполнить; это удел великих людей, а великими называются они в отличие от малых». А чем действуют великие люди, происходящие из такой же семьи, получившие то же образование? Разумеется, действуют духом, который ведет их на подвиг служения ближнему. Каждый из нас может быть великим, если будет стремиться оживить, воскресить присущий нам дух. Требуется сильное желание, по любви к Богу и людям, стать на высоте своего святого призвания и решимость неустанной молитвой, трудом и чтением Свящ. Писания усовершенствоваться. Вот чем отличаются великие люди: отсутствием самосожаления, самопожертвованием, решимостью поскорбеть, потрудиться, потерпеть. А когда пастырь дойдет до того, что чрез него видимо будет действовать благодатная сила, когда в нем будет обитать Дух Божий, тогда он уже не может быть малым; он становится великим и сильным. Неу-

жели трудно понять, что любовь народная дается только тем пастырям, которые живут противоположную жизнь; а живущие одною светскою жизнью с паствою – не пастыри, не учителя, не духовные отцы, не советчики, не руководители, а только требоисправители.

В деле нравственного воздействия со стороны пастыря, как и со стороны родителей, громадное значение имеет, во-первых, личный пример. Когда пастырь служит живым образцом убежденного, бескорыстного служения, тогда пасомые будут его истинными духовными чадами. Во-вторых, – сила благодатной веры; всякое добро – дело вспомошествовающей благодати Божией, которая располагает ко благу, возвращает и завершает его. Эта-то благодатная, живая вера и есть громадная сила в деле духовного возрождения человека. И всякий воодушевленный этою верою пастырь непременно будет победоносным воином на поле брани своей. Конечно, для верующего человека нужно и знание, богословское развитие: *испытайте Писания*, – говорит Слово Божие. Но, к сожалению, наши интеллигенты мало понимают другую веру – непосредственную, детскую веру нашего народа. «Счастлив, – говорят у нас, – как дитя верует». Дитя имеет Бога в чистом сердце своем; оно, единственно на основании своего внутреннего чувства, без всякого знания или писания, неудержимо влечется к своему Отцу Небесному. Так же и наш народ: он чувствует и верует, что если бы не Христос, не Царица Небесная, не Николай Угодник, то ему ни за что не перейти бы скорбное поле своей жизни; без Них человек – ничтожество. И никто и ничто не в состоянии разубедить его, умертвить эту жизненную веру. Такое религиозное чувство-сознание необходимо иметь каждому человеку. Для воспитания его в детях важно, чтобы они сами в наиболее важные моменты восчувствовали, молитвенно пережили сердечное влечение к Богу. А когда дитя на опыте, силою действенной молитвы своего сердца убедится в благодатной помощи, уже никто не оторвет его от Бога, ибо не на книгах, а на опытном чувстве зародилась такая вера.

3

Возрождение приходов без деятельного
участия епископов невозможно

Я считаю необходимым еще остановиться на общей идее возрождения приходов. Когда решался окончательно вопрос о приходе в Св. Синоде и редактировалось «положение о приходе», я участвовал в заседаниях, как присутствующий член Св. Синода (1908 г.), и считал своим долгом внести записку, которую затем напечатали, по распоряжению обер-прокурора, и в этой записке была глава под вышеприведенным заголовком.

Без епископа совершенно невозможно провести подобную реформу, и она требует со стороны архипастыря полного самопожертвования. Ни консистория, ни просветительное братство епархии – никто тут не в силах, не может внести дух и руководство, кроме епископа.

Для более ясного доказательства считаю необходимым привести полностью эту главу из моей записки:

«К такому заключению привел меня личный опыт в Орловской епархии. Выработав первоначальные указания, которые бы могли подготовить пастырей, общество и народ к проведению в жизнь определения Св. Синода от 18 ноября 1905 года, я предпринял поездку по всем уездным городам и большим фабричным и промышленным центрам, дабы объединить в земских и городских залах под своим председательством местную администрацию, дворянство, купечество и вообще население с духовенством и заставить тех и других откровенно высказывать свои желания и мнения по пастырским вопросам и относительно ожидаемой приходской реформы. Дворянство отнеслось особенно сочувственно к моему призыву, и на собрание прибыли представители интеллигенции, разных политических партий, до социалистов включительно, купечество, мещане и множество крестьян. Выяснилось прежде всего, что миряне вообще очень возбуждены против духовенства, чему способствовало революционное время и начатая борьба против Православной Церкви. Споры были горячие и сильные, ко-

торые принесли громадную пользу. Во-первых, обе стороны высказались, и миряне получили не только ответы на все свои вопросы, недоумения и нападки, но и наставление от архипастыря с откровенным изложением современных заблуждений их и порицания за смелые суждения, основанные на равнодушием и несправедливом отношении к интересам духовенства, Церкви и прихода. После таких совещаний невольно начало возрождаться единение между прихожанами и пастырями. Во-вторых, выяснилось, насколько наше современное духовенство косно, не подготовлено к деятельности, которая теперь от них требуется, не общественно, неопытно в сношениях с людьми, неумело в собраниях, теряется при диспутах и т.д. Мне стало ясно, что само духовенство, начиная с окружных благочинных, не в силах, не в состоянии самостоятельно провести в жизнь приходскую реформу и нуждается в самом энергичном, внимательном и терпеливом руководстве.

Кто же может и должен в целой епархии быть ближайшим и неустанным руководителем и помощником многочисленных пастырей? Естественно, только епископ. Справедливо пишут, что в приходах, как составных частях епископии, должен биться пульс того жизненного начала, которое оживляет всю епископию в целом. Импульс этой жизни должен идти от епископа, как от центра и источника благодатной жизни епископии.

На этом основании и начало возрождения приходской жизни должно исходить от епископа. Если последний не объединится с своими помощниками-пастырями, то и они не объединятся между собою и прихожанами; если епископ не проникнется этой идеей возрождения прихода, не будет сам беседовать во время объезда епархии с пастырями, давать им самые подробные, практические указания, не станет с полным самоотвержением переписываться с недоумевающими священниками, сыновне вопрошающими архипастыря в своих затруднениях, не будет печатать в «Епархиальных ведомостях» свои наставления и указания, все то, что он хотел бы пояснить и ввести, то приходское оживление не произойдет и новое

жизненное начало не проникнет в наши омертвелые общины. Ведь многие архипастыри вначале решились попробовать завести приходские советы, согласно постановлению Св. Синода 18 ноября 1905 года; но что же они предприняли и чем кончили? Одни ограничились беседами с членами епархиального съезда, другие напечатанием и рассылкою своих посланий к духовенству по этому поводу. Пастыри попробовали, но, не умея подготовить выборы членов совета или считая недозволенным вмешиваться в этот вопрос, предоставили приходскому собранию самому избрать членов в приходский совет. Революционные элементы задались целью противодействовать затее духовенства, местные кулаки испугались влияния выборных на население, церковные старосты отнеслись подозрительно, вообразив, что совет создается исключительно для контроля над ними, население было не подготовлено, не знакомо с идеей реформы и почти во всех епархиях осудило эту реформу. Во-первых, в члены советов проникли беспокойные и неблагонамеренные люди, которые начали требовать свободного распоряжения церковными деньгами, отказались выдавать взносы на учебные заведения; во-вторых, по местам произошли столкновения, ссоры, которые оканчивались угрозами духовенству и проч. Епархиальные преосвященные ошибочно приписали революционные действия противодействию населения приходской реформе. И все это произошло от отсутствия руководства, подготовки духовенства и населения и неумелого иногда распоряжения. Несомненно, революционеры тотчас воспротивились возрождению единения в населении, которое должно было начаться с проведением реформы в селах и городах, но это им удалось только потому, что пастыри действовали вразброд, ими никто не руководил и они сами отнеслись к предписанию начальства с обычным равнодушием и формализмом. Обратный опыт в Орловской губернии доказал справедливость этого заключения.

Ввиду вышеизложенного, по моим убеждениям, с изданием положения о православном русском приходе необходимо Св. Синоду отнестись ко всем епархиальным преосвященным

с братским указанием, какие главнейшие подготовительные мероприятия ожидаются от них для проведения в жизнь приходской реформы. Так, например, желательно было бы указать в этом обращении преосвященным, что:

1) Без энергичного руководства благочинными и священниками самими епископами и без предварительной подготовки пастырей и пасомых не может мирно и правильно утвердиться новое жизненное начало в приходах. Нельзя также ограничиться одними обсуждениями реформы под их председательством на епархиальных съездах или на пастырских собраниях в губернском городе. Требуются поездки епископов во все уездные города и большие фабричные и промышленные центры для бесед с духовенством уезда и представителями приходов, на которых бы присутствовали интеллигенция и народ. Только таким образом можно объединиться архипастырю со всею его паствою и преподать научение и наставление. С этого единения должна начаться реформа, дабы пастыри и прихожане лично слышали от архипастыря его взгляды на все вопросы предстоящего возрождения приходской жизни, а также – с чего надо начать, как приступить к делу. С чего надо начать? – это самый страшный и трудный вопрос, который непременно озаботит каждого пастыря. Положить начало необходимо самим епископам, и не циркуляром, посланием и консисторским определением, а личным изложением, открытою проповедью, откровенною беседою лицом к лицу с возможно большим числом пастырей и их прихожан.

2) По прошествии первого полугодия такие собеседования в уездных городах с вызванным на съезд духовенством и лучшими членами приходских советов должны повториться для того, чтобы они могли заявить о встреченных ими затруднениях или сообщить об отрадных результатах их новой деятельности. Будет множество недоумений и вопросов при неопытности наших пастырей и непривычке народа участвовать в приходских делах.

3) Ввиду того, что отсутствует единение между окружающими благочинными и подчиненным им духовенством, не-

обходимо установить, особенно в продолжение первых двух лет, ежемесячные (или через 2 месяца) благочиннические пастырские собрания, отдельные для духовенства и совместные с членами приходских советов. Однообразие в распоряжениях и в самой работе весьма важно для сел, дабы народ не мог противодействовать пастырям, указывая, что то или другое мероприятие не практикуется в соседних селах. Неопытны благочинные и в руководстве своих подчиненных пастырей и приходов, так как они до сих пор были только хозяйственными и имущественными ревизорами, а потому без благочиннических собраний они никогда не научатся руководить своими округами. Наконец, нельзя же выработать разные мероприятия каждому священнику в отдельности, так как все это требует обмена мыслями, совета более опытных и развитых, и никто из пастырей не решится проводить в жизнь ту или другую идею без указания ближайшего начальника. Следовательно, для всего этого требуются благочиннические съезды.

4) Но для возрождения приходской жизни вообще требуется объединить духовенство не только по благочиниям, но и по уездам, ради однообразия в мероприятиях и обмена мыслями между пастырями и членами приходских советов. Бывают приходы с исключительными условиями, и пастыри их нуждаются в общении. Наконец, предначертания архипастыря должны также обсуждаться и разрабатываться на собраниях и затем проводиться в жизнь, для чего весьма необходимы уездные пастырские собрания, хотя бы два раза в год.

5) На практике выяснилось, что в видах возможности пастырям разобраться в суждениях по вопросам, подлежащим решению на уездных собраниях, следует заблаговременно знакомить духовенство с программой этих вопросов. Дабы священники, диаконы, старосты и члены советов явились на собрания с готовыми уже мнениями и не тратили непроизводительно дорогое время этих редких собраний на бесплодные споры, необходимо их своевременно осведомлять о подлежащих вопросах. Но кому же можно передать инициативу в назначении времени для уездных собраний и компетенцию в со-

ставлении программных вопросов? В этих видах желательно иметь в каждом уезде особую исполнительную комиссию из двух священников и одного мирянина, которые бы созывали собрание, рассылали предупредительные извещения участникам съездов, были в курсе всех дел, определяли предмет, место и время собраний, находились в сношениях с благочинными и получали от них заявления о возникших у них недоумениях, затруднениях, собирали доклады на уездные пастырские съезды, объединяли их по тождественности содержания, ставили тот или другой вопрос или предмет, по большинству поступлений, в основу программы очередного собрания и печатали эти программы заблаговременно в "Епарх. ведомостях". Словом, только при существовании исполнительных комиссий возможно готовить такие съезды, назначать вопросы и доклады для обсуждения, вести собрания систематично и с пользой, избегать повторения одних и тех же дебатов, препятствующих движению и решению вопросов.

6) Однако учреждение и установление приходских, благочиннических и уездных собраний не исчерпывает всего вопроса объединения и руководства в важном деле возрождения приходов. Надо добиться, чтобы возрожденная жизнь, исходящая от епископа, как главного руководителя, возвращалась к нему обратным током с впечатлениями и результатами деятельности пастырей. Ведь при известном формализме и бюрократическом отношении подчиненных лиц может легко образоваться разъединяющее пространство между архипастырем и пастырями и прекратиться единение и взаимное общение, а следовательно, и самое дело. Предначертание архипастыря может не доходить до приходов в той силе, как оно необходимо, и, несмотря на громадный труд его и постоянные печатные обращения и разъяснения, пастыри будут чувствовать себя беспомощными. Те люди, которые поставлены по нисходящей линии для передачи архипастырских мыслей, чувств и необходимых пояснений, обязаны служить проводниками этих предначертаний и объединителями архипастырских начинаний с пастырскими работами, но ведь они могут представлять из

себя узлы, прекращающие ток и передачу энергии епископа, а чрез это и разъединять его с пасомыми. Как же установить живые, мыслящие и чувствующие органы, которые бы, как нервы в теле, связывали епископа с каждым пастырем и воспринимали бы от него мысли, чувства и деятельность в известном направлении, передавали бы их исполнительным органам и в то же время исполняли бы обратную работу нервов, передавая архипастырю впечатления и итоги деятельности исполнительных органов и свои заключения? – вот вопрос, который во что бы то ни стало надо разрешить.

Опыт мне показал, что съезды и собрания в начале, в первый год, принесли пользу исключительно в приходах; но на благочиннических и уездных собраниях только беседовали, спорили, читали доклады и ни к чему положительному, жизненному не приходили. Естественно, что они вместо того, чтобы воспринять мои мысли, чувства, предназначения и предписания и провести их в народную жизнь, сделались органами, препятствующими объединению пастырей со мною. На уездных собраниях исполнительные комиссии только предлагали к прочтению полученные ими от пастырей доклады или, во исполнение одной формы, излагали свои рефераты, ибо оказывалось, что им пастыри ровно ничего не доставляли. На благочиннических собраниях отцы благочинные предлагали на обсуждение все те же отвлеченные или очередные, по указу консистории, вопросы, а архипастырская работа и предназначения со всею его программю мероприятий оставались лишь на страницах “Епархиальных ведомостей”, Понятно, что и я, и пастыри чувствовали себя беспомощными. Тогда я изменил порядки.

Надо установить следующее: 1) чтобы приходские собрания собирались на первой неделе каждого месяца для просмотра прихода-расходных книг, обсуждения текущих дел и вопросов, которые имеют предложить члены совета, а главное – для составления постановлений по вопросам пастыря-председателя по и распоряжениям архипастыря, по указаниям благочиннического и уездного собраний; 2) чтобы благочин-

нические собрания собирались на второй неделе каждого месяца и пастыри привозили с собой копии журналов своих приходских собраний, а благочинные тут же рассматривали их и совместно обсуждали для выяснения целей приходских священников, нужд прихода и преподавали свои наставления и указания. Копии эти должны оставаться у благочинного. На этих собраниях благочинные обязаны предлагать на обсуждение все постановления уездных пастырских собраний и делать разъяснения. Благочинническим собраниям следует вести журналы с записью постановлений; 3) чтобы благочинные отсылали копии приходских и своих благочиннических собраний председателю уездных исполнительных комиссий; 4) чтобы все приходские священники в начале церковного года, т.е. к 1 сентября, составляли на год вперед программы их приходской деятельности (т.е. предположений) по возрождению христианской жизни, разработав как можно подробнее ее частности, и представляли сперва их на обсуждение очередному благочинническому собранию, а потом, в исправленном на собрании виде, доставляли епископу через благочинного. В годовых отчетах, представляемых благочинным, пастыри должны проставлять объяснения: почему программа не могла быть исполнена в частности, дабы благочинные об этом доносили в своих отчетах преосвященному. Это заставит каждого пастыря посидеть, подумать и поработать над предстоящею ему деятельностью, а иначе многие ничего не будут делать. Благочиннические собрания, проверяя программы священников, будут отсекаль все несбыточные их мечты; 5) чтобы уездные исполнительные комиссии имели ежемесячные заседания (3 члена) для разбора журналов, присланных от благочинных, выбора вопросов для предстоящего уездного пастырского собрания, назначения срока собраний, записи распоряжений и предначертаний епископа за этот месяц и разработки своих вопросов в сфере задач, определенных и преподанных архипастьрем. Таким образом, все сведения от приходов и благочинных и распоряжения или указания епископа будут иметься в делах исполнительной комиссии. Материала для разработки

и обсуждения скопится много, и отвлеченным, бесполезным рассуждениям не будет места; б) чтобы уездные пастырские собрания или съезды происходили не менее двух раз в год. Программы, заблаговременно утвержденные епископом и напечатанные для сведения духовенства в “Епархиальных ведомостях”, должны докладываться председателем собрания, избираемым каждое заседание особо. Разъяснения будут давать председатели исполнительных комиссий по резолюциям епископа на программе. Журналы уездных собраний должны представляться архипаству, дабы затем, по его распоряжению и с его резолюциями, они также печатались в “Епархиальных ведомостях”.

Следовательно, при установлении такого порядка разрешается задача, изложенная выше: пастыри и исполнительные органы неизбежно должны воспринять предначертания и распоряжения архипаства и довести до сведения его итоги своей деятельности. *Получается дополнительное единение».*

4

Затруднения, которые находит
духовенство для возрождения приходов.
Борьба с пьянством и общества трезвости

Чтобы дорогие братья-пастыри избежали разных споров в будущих, первых своих пастырских собраниях, — я хочу ответить вперед на те причины, которые выставляются обыкновенно многими священниками как препятствия для возрождения приходской жизни. Духовенство Орловской епархии находило сперва дело возрождения приходов трудно осуществимым из-за зависимости пастырей от прихожан, от их копеек, которых они не додают за требы, т.е. из-за материального вопроса. Хотя в этом мнении сказалась справедливая нужда русского духовенства и действительно необходимо употребить все меры к скорейшему разрешению давно назревшего вопроса о выдаче жалованья духовенству и освобождении его от сборов по приходу, но ввиду того, что Отечество пережи-

вало такие испытания, казалось непатриотичным основывать свои ответы только на материальном вопросе; психология момента требовала большее.

Мое убеждение, что священники, живущие молитвенным подвигом, развитые духовно, имеют другой кругозор и никогда не будут выставлять препятствием своей духовной деятельности материальные вопросы, оправдалось на одном собрании, когда вышел известный пастырь в Болховском уезде, о. Георгий Коссов¹, и сказал:

«Необходимо сознаться, что мы, пастыри, живем не попастырски, что для успеха дела пастырям надо отвергнуться себя и идти за Христом, а не так, как теперь, что Христос за нами идет, а не мы за Ним».

В Петрограде на моем сообщении «о приходской реформе» членам Г. думы и Г. Совета и высшему обществу я говорил по этому же доводу следующее:

«Духовенство вначале находило дело возрождения приходов трудно осуществимым по разным причинам, и главным образом из-за зависимости пастырей от прихожан, отсутствия жалованья и необходимости ходить за сборами по приходу. Они с глубокою скорбью и оскорбленным чувством передавали свои страдания, как они находятся также в плену у местных кулаков, с которыми непосильно им бороться. Пастырская ревность заставляет вступить за своих духовных детей, обижаемых кулаком, местным земледельцем или торговцем, но с этим чувством борется сознание о собственной нужде и о требованиях семьи, и что если он скажет этому кулаку хоть слово упрека или обличения, то лишится трех рублей за молебен на праздник. Вот главное препятствие для возрождения приходов! Больной, страшный вопрос! Сколько раз он поднимался и все еще не пришел к разрешению! Ныне духовенство возлагает все свои надежды на Г. Совет и Г. думу, что они, в сознании величайшего значения этого вопроса для возрождения жизни духовенства и народа, окончат его и найдут возможным

¹ Коссов, о. Георгий Алексеевич, исповедник, протоиерей (1855–1928), канонизирован в 2000 г. в лике святых Русской Православной Церковью.

дать и средства к справедливому решению. Мое глубочайшее убеждение, господа, выведенное из зоркого наблюдения за настроением, жизнью, деятельностью и психологиею духовенства, что без обеспечения и придания ему самостоятельности мы не можем рассчитывать на возрождение пастырей, чтобы они были в силах, в настоящем положении, подняться, сбросить с себя приниженное и оскорбительное положение и стать во главе своих паств учителями, обличителями безнравственности и просветителями темноты и невежества! Нужда давит, слишком мало духовенству дается для воспитания, ученья, а затем и жизни, чтобы можно было по праву и справедливости столько с них спрашивать! Многие думают и говорят, что если обеспечить пастырей жалованьем, то они превратятся в чиновников. При этом невольно напрашивается другой вопрос: в кого бы превратились чиновники, если бы им прекратили выдачу жалованья? Однако священники вообще – люди нравственные и не менее полезные для государства. Вся беда, что за недостатком средств, за предоставлением права получать образование на собственные средства и на свечные огарки они вовсе не получают воспитания, и как только государство, по справедливости, даст средства на эту вопиющую нужду, то боязнь, чтобы духовно-подготовленные пастыри могли в самостоятельной жизни превратиться в бюрократов-чиновников, не должна иметь места. На обязанности членов Г. думы лежит, несомненно, великая забота об ограждении государства от посягательства на него соседей, о вооружении войска, о постройке броненосцев и флота, об укреплении границ крепостями... Но вот, взглянем, плывут три броненосца... Это сила, опора народная! Стоимость их куда превосходит число миллионов, потребных на удовлетворение всего русского духовенства жалованием. Однако можно ли сравнивать их силу и могущество с целым сонмом русских священников, с 50 тысячами пастырей, раскинутых на громадном пространстве всей России, могущественно держащих в своих руках 180 миллионов православного населения!? Конечно, нужны и крепости и броненосцы, но еще нужнее – крепость и духовная сила бойцам, сидящим в

них, для самопожертвования, исполнения своего долга и защиты государства! А кто их дает людям, как не вера, Церковь и отцы-пастыри?! Что бы ответили рабочие, призванные к постройке крепостей и броненосцев, если бы вместо платы за труд было постановлено предоставить им только право пользоваться вознаграждением соотечественников по их сознанию и чувству признательности?.. Именно в такое положение поставлено наше духовенство, и оно терпит ради Христа свою бедность, приниженность, не переставая работать, исполняя все требования и лишь взывая по временам к справедливости соотечественников... Признайтесь же, господа, что эти бедные сельские пастыри – истинные герои русского народа, что они – действительно мученики, которые в настоящее тревожное время терпят не только нужду, но выдерживают на себе главный натиск революции, выносят первыми все оскорбления, разорения и издевательства! Сейчас за мной выступит со своим сообщением раненый священник, у которого жена была тоже ранена при нападении на их дом. Но пастыри не покинули своих приходов, несмотря ни претерпеваемые бедствия; они продолжают работать, делают великое культурное, творческое, народное и духовное дело в глуши. Необходимо позаботиться об обеспечении духовенства и школы. Духовная крепость государства вся покоится на Церкви и духовенстве!»

Вторым препятствием к возрождению приходской жизни пастыри считали базары и волостные суды, которые отвлекают народ в праздничные дни. Как часто у нас, русских людей, чувства не сходятся с мыслями! Народ наш любит храмы, истовое служение, церковные праздники, но одновременно старается устраивать базары и ярмарки по праздникам; чем больше праздник, тем важнее и обширнее базар или ярмарка. Уже накануне праздника начинается подторжье, и во время всенощной мужики еле стоят на ногах, а храмы наполняются бабами и детьми... Для борьбы с этим убийственным порядком я решил сам поехать в губернское орловское земское собрание. Действительно, в докладах были помещены новые просьбы о ярмарках в двенадцатые и другие почитаемые праздники. Когда

секретарь начал читать доклад о базарах и ярмарках, я удвоил внимание; но смотрю, тотчас же все депутаты стали разговаривать между собою, некоторые пошли в буфет, ясно показывая, что этот вопрос никого не интересует... По окончании чтения я попросил слова, чтобы обратить внимание депутатов на громадную важность этого доклада, на греховность обычая устраивать базары и ярмарки в двенадцатые праздники, чтобы нарисовать картину сельской ярмарки, знакомую им, как помещикам, когда во время обедни мужики, совершенно пьяные, бродят, как одурманенные и отравленные мухи, кругом своего храма и молятся в нем больше старухи, дети да бабы, а священник, ожидавший с нетерпением большого праздника, чтобы сказать им необходимое поучение и наставление, лишен этой возможности; наконец, я передал депутатам, что при моем стремлении возродить приходскую жизнь пастыри прямо указывали на непреодолимые затруднения вследствие праздничных базаров и ярмарок. Земцы выслушали меня удивленно и даже испугались, что я требую прекращения всех праздничных ярмарок! Нельзя же, мол, переменить этот обычай. Тогда я успокоил их, говоря, что вовсе не требую прекращения всех ярмарок, разрешенных прежде, но прошу, чтобы сейчас постановили – не разрешать впредь новых базаров и ярмарок в такие дни, а затем старые ярмарки постепенно переводить на следующий день после праздника, дабы подторжье начиналось после 12 часов в самый праздник и через это крестьяне могли молитвенно встречать праздники за всенощной и покойно отстоять обедню.

Третье затруднение для возрождения приходской жизни орловские пастыри находили в существующем там распределении приходов в городах, где они территориально не отделены один от другого. Действительно, каких только беспорядков и нестроений не встречается еще в России! Есть уездные города, в которых прихожане делятся на приходы по начальным буквам фамилий; один приход на букву А, другой на Б и т.д. Так что в одной семье, если есть замужние дочери или вдовы, некоторые из них принадлежат к разным отдаленным

приходам и в праздник приезжают и встречаются между собою священники разных приходов, дабы служить молебны и кропить святою водою. Это весьма затрудняет пастырей посещать своих прихожан.

Вообще, невозможно насильно привязывать прихожан к той или другой церкви и заставлять ходить непременно в свой приходский храм. Есть люди, которые с детства привыкают к известному храму по дорогим воспоминаниям в своей жизни; здесь, молясь перед тою или другою иконою, они получали сердечные утешения или чудесную помощь. Нужно так вести пастырское дело, чтобы привлекать молящихся, чтобы они шли не по принуждению, добровольно, и кто в каком храме всегда молится, тот и действительный прихожанин его, а потому охотно будет участвовать в общих приходских делах. Тот пастырь привлекает к себе мирян, который работает над собой. Территориальные неудобства не могут служить препятствием к единению пастырей с пасомыми.

Четвертое затруднение, это — благотворительность в сельских приходах; трудно собрать жертвы ввиду вообще бедности народа. Существуют целые приходы из людей, нуждающихся в благотворительности. Кто же им будет благотворить? Но, во-первых, приходы в 500–1000 душ, как бы ни были бедны, могут собрать по 5 копеек с души, и это уже составит некоторую сумму, достаточную для призрения в деревне 2-3 сирот; а во-вторых, надо добывать средства для благотворения в таких местностях не сборами, а отдачей небольшой части общественной земли в пользу бедных, продажей урожая с подобной общественной земли в пользу благотворительности и т.д. Наконец, благотворительность неверно понимается, когда на нее смотрят как на сбор или ассигновку денег. Такая благотворительность — низшего разряда. Высшая, христианская благотворительность не в сборе денег, а в любви созидающей, которая сумеет восполнить всякую нужду. Самообложение войдет в силу со временем, когда в общее сознание всего прихода войдет мысль, что приход есть община живая. Что выгоднее избрать: добровольные пожертвования или обложение?

Наука экономии давно доказала, что лучший способ обеспечения – принудительное обложение, хотя бы самое ничтожное; его преимущество в регулярности. Но это впереди; при самом начале было бы неосторожно прилагать самообложение; это могло бы оттолкнуть некоторых.

Пятым затруднением к возрождению приходов за эти четыре года пастыри выставляли стихийно развившееся и увеличившееся в России пьянство и тайную продажу вина, сделавшегося самым легким и выгодным предметом торговли.

Благодаря повелению возлюбленного Государя-императора величайшее народное бедствие – пьянство – прекращено, и народный грех приостановлен самодержавным Царем. Теперь на обязанности пастырей и приходских советов осталась борьба с тайною продажей вина и изготовлением крепких напитков. В селах и деревнях нет таких тайных продавцов и фабрикантов крепких напитков, которые были бы неизвестны крестьянами. Торгующих по бедности надо вразумлять и устраивать на места, позаботясь об их нужде, что не трудно, и вообще, борьба с ними незамысловата; но особенно упорны местные кулаки и крестьяне, обладающие и без того достатком, одержимые духом сребролюбия и наживы. Эти беззаконники устрашают духовенство и односельчан безумною местью, излюбленным ими средством борьбы – поджогами, и действительно, поэтому многие священники и крестьяне избегают вступать в какие-либо пререкания с ними и действовать решительно. Но надо помнить, что в переживаемое время единичными силами нельзя совершенно бороться со злом и всеми мерами и средствами следует добиваться *объединения*, а затем совместного воздействия на трезвых членов общества. Я не упоминаю о тайной продаже вина евреями, против которых должны действовать исключительно закон и общество, предавая их власти и ответственности.

Ввиду вышеизложенного прошу всех пастырей держаться следующего порядка:

1) Сперва прочесть мои обращения и распоряжения прихожанам (кружкам миссионеров, когда они будут, затем и

приходским советам) и изложить им, до какого нравственного падения доходил русский народ, благодаря усилившемуся потреблению вина. Годины тяжких испытаний требуют трезвого, умственного труда, духовного подъема и величайшего проявления любви к Родине, чтобы бороться со всеми ухищрениями врагов России и отстоять права и интересы своего государства, и поэтому с особою осторожностью надо переживать такое время, исправляясь во всех недостатках и призывая себе в молитвах помощь Божию. Но мы видим совершенно обратное: народ забывал Бога, свои семьи, терял сознание, совесть и сам себя направлял к гибели, принимая своих развратителей за друзей и врагов за благодетелей. Каждый благомыслящий человек должен воспротивиться такому разрушению народной нравственности, и все трезвые верующие, соединяясь между собою во имя Бога, православной веры, своего Царя – Помазанника Божия – и возлюбленной Родины, обязаны положить конец этой беде, угрожающей благосостоянию всей России и крепости государства.

2) Заняться подготовлением этого объединения со всеми благомыслящими прихожанами в будущих приходских советах и с такою целию устраивать собрания. Большую помощь могут оказать женщины, жены, страдающие с детьми от пьянства их мужей, и надо прибегнуть к их содействию.

3) Вначале, пока полное объединение еще не произошло, нужно постараться с миссионерским кружком или приходским советом подействовать на тех тайных продавцов, которые менее опасны и упорны, как вдовы, и добрым христианским словом вразумить их. Если же эти женщины торгуют по бедности, взять их на приходское попечение или определить на места. Священнику следует тайно и миролюбиво, если не любовно, влиять на опасных торговцев, пользуясь возможностью беседовать глаз на глаз и в особенности на исповеди доказывая им, что тайная продажа вина – такой же грабеж.

4) Когда наступит единение в приходе между всеми благомыслящими, можно приступить к вразумлению виновных всем сходом. Тайным продавцам вина надо объяснить

сперва, что сход желает к ним обратиться по-братски, по-христиански, с усердною просьбою бросить это занятие, как недостойное и преступное, но если они не примут братского внушения и сердечной любви, то пусть считают себя чужими, отступниками от прихода.

5) При нежелании тайных продавцов вразумиться чрез некоторое время собрать опять единомышленный сход и уже после вторичного внушения составить *приговор*, определив срок для прекращения торговли под угрозою предания виновных властям для законного суда.

Изложенный порядок, основанный на евангельском учении, должен несомненно увенчаться успехом, и если и придется упорствующих подвергнуть наказанию после сделанных попыток в духе мира и любви, то это послужит острасткою и спасением для остальных!.. Но, несомненно, от мудрости пастырей будет зависеть проведение в жизнь этого моего предначертания.

Для влияния на пьянствующих необходимо открывать в селах и городах общества трезвости и добиваться уменьшения праздничных разгулов во время свадеб и поминок по умершим.

Обращаю особенное внимание пастырей на это святое дело. При помощи будущих приходских советов это осуществимо.

5

Основные понятия и положения о приходе

Православным приходом именуется союз православных христиан, составляющий часть паствы местного епископа и чрез сие принадлежащий к Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, находящийся в известной местности, объединенный в общину при своем храме и врученный епископом ближайшему пастырскому руководству одного или нескольких священников для достижения членами оного вечного спасения посредством общей молитвы, благодатных Таинств, церковного назидания и дел христианского благотворения.

Все лица, входящие в состав прихода и именуемые прихожанами, а также члены их семейств вносятся приходским

причем в особые приходские списки с показанием фамилии, имени, отчества, звания и рода занятий каждого, времени его рождения и крещения, бытия у исповеди и святого причастия и вступления в брак, времени смерти, времени переселения в приход или из прихода и места, откуда кто водворился и куда выселился, а также сведений о том, кто какие проходил должности приходские и чем содействовал благосостоянию прихода. Форма этих списков утверждается высшею церковною властью, а самые списки выдаются на 5 лет от епархиального начальства или от тех учреждений и лиц, которым это поручено будет. Приходские списки однажды в год свидетельствуются благочинным или его помощником. Законченные приходские списки сдаются в церковный архив для хранения.

В случае переселения кого-либо из одного прихода на постоянное жительство в другой переселяющиеся лица могут испрашивать от настоятеля прежнего прихода переходное свидетельство на переселение с прописанием в нем всех сведений, имеющихся в приходских списках.

Православные лица, проживающие в пределах какого-либо прихода и числящиеся в списках его прихожан, могут одновременно, по своему желанию, быть приписанными к составу другого прихода, если на сие последует согласие приходского собрания этого прихода. Таковое причисление не освобождает этих лиц от связи с их приходским храмом и приходскими учреждениями.

Участие прихожан в управлении приходскими делами осуществляется чрез приходское собрание и приходской совет.

Приходское собрание составляют все лица, платящие приходские сборы, а также и другие прихожане, коих приходское собрание признает полезным пригласить к участию в своих занятиях. Церковный староста есть неперменный член приходского собрания.

Не имеют права участия в приходских собраниях: 1) не достигшие гражданского совершеннолетия; 2) не исполняющие христианского долга исповеди и святого причастия по крайней мере в течение трех лет сряду; 3) подвергшиеся

суду за преступные деяния, влекущие за собою лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденого или полученного чрез обман имущества, и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы; 4) отрешенные по судебным приговорам от должности – в течение трех лет со времени отрешения, хотя бы они и были освобождены от сего наказания за давностью; 5) состоящие под следствием или судом по обвинениям в преступных деяниях, означенных в п. 3 сей статьи или влекущих за собою отрешение от должности; 6) лишенные права участия в приходском собрании по постановлению оногo и 7) лица, состоящие под епитимиею, наложенной по церковному суду.

Приходское собрание может лишить права участия в своих заседаниях и права быть избранными на какие-либо приходские должности лиц, неоднократно нарушавших своими поступками благочиние в приходских собраниях, а также постоянно уклоняющихся от взноса общеприходских сборов, устанавливаемых согласно сим правилам.

Приходские собрания происходят в существующих в местности удобных для сего помещениях. При отсутствии таких помещений они, в исключительных случаях, с разрешения каждый раз местного архиерея, могут быть созываемы в храме в свободное от богослужения время.

Приходское собрание созывается по постановлениям приходского совета не менее двух раз в год – в начале гражданского года и осенью. В случаях нужды может быть созываемо чрезвычайное приходское собрание – или по распоряжению епархиальной власти, или по постановлению приходского совета, основанному на заявлении приходского священника либо на ходатайстве прихожан (не менее 15 лиц из числа имеющих право участвовать в собрании).

Объявление о созыве приходского собрания делается настоятелем в церкви после богослужения в три предшествую-

щие собранию воскресные дня, а также вывешивается на церковных дверях; кроме того, в потребных случаях доводится до сведения прихожан иными какими-либо способами, указанными приходским собранием.

По делам, не терпящим отлагательства, приходское собрание может быть созвано и в семидневный срок; но на таком собрании не могут быть постановляемы решения о каких-либо общеприходских денежных сборах.

В объявлении о созыве приходского собрания точно обозначаются время и место собрания и предметы, подлежащие обсуждению.

Дело, не обозначенное в объявлении о созыве, не может быть решено на собрании. В случае возбуждения какого-либо нового вопроса на самом собрании последний может быть предметом обсуждения, но окончательному решению он подлежит на следующем приходском собрании.

Приходское собрание считается состоявшимся, если присутствует председатель и явилась хотя бы одна десятая часть (в сельских приходах) или одна двадцатая часть (в городских приходах) из имеющих право участвовать в собрании прихожан. Для действительности решения о выборах в члены приходского совета, об установлении сборов на нужды прихода и по другим денежным вопросам, касающимся прихода, о приобретении и отчуждении приходского недвижимого имущества, о возбуждении судебного дела, касающегося прихода, достаточно присутствие половины общего числа прихожан, фактически проживающих в приходе. Если собрание не состоится по неприбытию указанного числа прихожан, то оно созывается вновь через неделю и считается состоявшимся при всяком количестве собравшихся.

На приходском собрании председательствует священник-настоятель; в случае его болезни или отсутствия, а также если подлежащее обсуждению дело касается его личных выгод или интересов, председательствует другой священник, по назначению благочинного. Если епархиальное начальство признает необходимым участие благочинного в приходском собрании,

то он и председательствует в собрании. Предметами обсуждения приходских собраний служат:

а) сооружение, ремонт и содержание в надлежащем благолепии храма и других церковных зданий;

б) приобретение ризницы, церковной утвари, богослужебных книг и других принадлежностей храма и богослужения;

в) устройство домов для церковного причта и ремонт их; улучшение содержания причта;

г) оказание пособий по страхованию церковных и причтовых зданий;

д) содержание собственных приходских благотворительных и просветительных учреждений;

е) избрание церковного старосты, согласно действующей инструкции церковным старостам, членов приходского совета и лиц для заведывания учреждениями прихода и его имуществом;

ж) вопросы, касающиеся религиозно-нравственной жизни прихода (об учреждении в приходе миссионерских, просветительных и благотворительных братств, кружков и союзов, а также обществ трезвости, хоругвеносцев, певческих хоров, об устройстве школ и вспоможении им, об учреждении стипендий в духовно-учебных заведениях для окончивших учение в начальных школах прихода);

з) содействие к охранению приходского храма и его имущества от посягательств со стороны злонамеренных людей; содержание в порядке приходского кладбища;

и) приобретение и отчуждение приходского имущества; принятие пожертвований в пользу прихода;

к) изыскание средств на нужды прихода посредством сборов, подписей и другими способами, допускаемыми духовною властью;

л) в случае недостатка приходских средств – ходатайство пред епархиальным начальством об оказании пособия из церковных сумм на благоукрашение приходского храма и нужды приходских учреждений;

м) оказание пособий на общие епархиальные нужды;

н) рассмотрение годичного отчета приходского совета о приходе и расходе приходских сумм и о других предметах;

о) избрание лиц для рассмотрения и ревизии отчета приходских сумм и имущества и для подписания постановлений приходского собрания;

п) выделение из состава прихода части его или изменение границ прихода и могущие возникать при этом вопросы о разделе или выделении приходского имущества, а также вопросы о причислении к приходу лиц, состоящих прихожанами другого прихода;

р) ходатайство перед епархиальным начальством о присвоении храмоздателям и лицам, особенно потрудившимся в деле сооружения, благоустройства и содержания приходского храма, – пожизненного звания попечителя (попечительницы) храма.

Постановления приходского собрания, касающиеся вопросов: а) сооружения и капитального ремонта храма и других церковных зданий, б) устройства домов для церковного причта и ремонта их, если на этот предмет предполагается израсходовать церковные средства, в) избрания церковного старосты, г) учреждения миссионерских, просветительных и благотворительных братств, кружков и союзов, а также обществ трезвости, хоругвеносцев, стипендий, д) изыскания средств на нужды прихода посредством сборов, подписки и т.п., если означенные сборы, подписки и т.п. выходят за пределы прихода, е) ходатайства пред епархиальным начальством об оказании пособия из церковных сумм на благоуукрашение приходского храма и приходских учреждений, а также о присвоении известным лицам звания попечителя (попечительницы) храма, ж) выделения из состава прихода части его или изменения границ прихода и раздела приходского имущества, – представляются чрез благочинного на утверждение епархиального начальства.

Руководство занятиями приходских собраний принадлежит председателю. Он вносит дела и вопросы на обсуждение собрания, направляет прения, по возможности, к общему соглашению и формулирует принятые решения, устраняя из предметов обсуждения все выходящее за пределы круга ве-

дения собрания. Он же наблюдает и за внешним порядком в собрании и принимает меры к удалению из него лиц, явившихся в нетрезвом виде. Если, несмотря на принятые меры, порядок среди присутствующих не восстанавливается, то председатель закрывает собрание.

Решение приходского собрания принимается открытым и общим соглашением, если же такового не последует, то простым большинством голосов, причем в случае равенства голосов голос председателя дает перевес.

О постановлениях собрания, явно нарушающих законы или признаваемых священником бесполезными для прихода, председатель собрания не позднее семи дней представляет на усмотрение епархиального начальства.

О принятых решениях председатель приходского собрания заносит в шнуровую книгу; решение подписывается председателем собрания и лицами, уполномоченными на то собранием.

Присутствовавшие на собрании прихожане, в числе не менее 1/5, считающие постановление неправильным, могут в течение двух недель после собрания принести жалобу епархиальному начальству. Жалоба приносится через приходский совет и представляется с его объяснением в семидневный срок.

Копия с решения приходского собрания, заверенная председателем собрания, сообщается в недельный срок благочинному.

Решения приходского собрания, не опротестованные ни председателем собрания, ни благочинным, ни прихожанами в течение двух недель, приводятся в исполнение.

Постановления приходского собрания, требующие разрешения епархиальной или иной власти, приводятся в исполнение не прежде, как по получении надлежащего разрешения.

Ближайшее ведение приходских дел и заведывание приходским имуществом в каждом приходе возлагается на приходский совет. В состав совета входят: настоятель приходского храма, члены причта, церковный староста, попечитель (попечительница) храма, если лица, имеющие такое звание, есть в приходе, и представители от прихода, избираемые в приходском собрании на три года, в числе от 6 до 12 лиц.

Примечания. 1) В приходах, где число членов причта превышает 6, выборных представителей от прихода может быть и более 12-ти, но с тем условием, чтобы общее число их не превышало 2/3 всего состава совета.

2) Отдельные селения, входящие в состав прихода, каждое само по себе или соединенные в группы, могут избирать в приходский совет своих кандидатов, пропорционально количеству лиц, имеющих право участвовать в приходском собрании.

3) Все члены приходского совета свои обязанности по званию членов исполняют безвозмездно.

К участию в заседаниях приходского совета приглашаются, с правом голоса, заведующие разными приходскими учреждениями, по делам их ведения.

В приходском совете председательствует настоятель приходского храма. В случае его отсутствия или болезни, а также если подлежащее обсуждению дело касается его личных выгод или интересов, председательствует другой священник, по назначению благочинного. В многоклирных приходах один из священников может быть назначен епархиальной властью товарищем председателя.

На приходский совет возлагается: а) созыв приходского собрания; б) приискание помещения для оногo; в) подготовка дел, вносимых в приходское собрание; г) обсуждение способов исполнения постановлений приходского собрания и самое исполнение оных; д) попечение об увеличении средств прихода; е) заведывание имуществом прихода и его капиталами; ж) принятие сборов, установленных приходским собранием, наблюдение и контроль за своевременным поступлением приходских сумм; з) выдача полномочий на совершение имущественных актов и нахождение в судебных и других местах и у должностных лиц по делам прихода; и) ежемесячное свидетельствование приходских сумм и прихода-расходных документов; к) попечение о приходском кладбище и об устройстве похорон бедных лиц, умерших в приходе; л) содействие приходскому священнику в деле ограждения прихода от проникающих в оный лжеучений; м) принятие мер к

утверждению и возвышению религиозно-нравственной жизни прихожан; н) искоренение в приходе пьянства, сквернословия и других пороков; о) изыскание способов к устройству школ и других приходских учреждений; п) оказание бедным людям прихода помощи в размере действительной надобности; р) ведение списка прихожан, имеющих право участия в приходских собраниях и участвующих в уплате различных общеприходских сборов; с) общий надзор за правильною деятельностью приходских учреждений; т) сношение по делам прихода с подлежащими местами и лицами; у) составление и представление приходскому собранию отчета о своей деятельности и о движении приходских сумм за истекший год и сметных расписаний на будущий; ф) избрание сроком на 1 год из числа членов приходского совета двух представителей для присутствования при ежемесячном свидетельствовании причтом и церковным старостою церковных сумм, и х) избрание уполномоченных для участия, по приглашению, в окружных благочиннических и уездных пастырских собраниях для совместного обсуждения вопросов приходской жизни.

Председатель приходского совета созывает членов одного на заседания, руководит совещаниями, ведет от имени совета письменные сношения и вообще наблюдает за правильностью делопроизводства.

В случае упорного противодействия со стороны большинства совета руководственным указаниям духовной власти епархиальный архиерей может сделать распоряжение об устранении таковых членов и о выборе на ближайшем приходском собрании, под руководством благочинного, новых членов приходского совета.

Заседания приходского совета созываются председателем по мере надобности или вследствие заявления не менее одной трети его членов, но, во всяком случае, не менее одного раза в месяц и признаются состоявшимися при наличии не менее половины его членов. Если за неприбытием установленного числа членов заседание приходского совета не состоится, то председатель назначает новое заседание, не ранее

следующего дня, и оно считается состоявшимся при всяком количестве собравшихся членов.

Обязанности делопроизводителя и казначея приходского совета возлагаются на членов совета, по избранию одного.

На членов приходского совета возлагаются обязанности:

1) помогать во всем своему председателю-священнику в устроении приходской жизни и исполнять, по общему соглашению, поручаемые им дела; 2) иметь смотрение за тем участием прихода, который им будет поручен, при разделении его с этою целию на части; 3) стараться прекращать домашними средствами вражду между прихожанами в самом зародыше, как недопустимую в христианском обществе, и вносить умиротворяющее начало в семейную и общественную жизнь прихожан; 4) наблюдать в селах за подрастающим поколением и его нравственностью и препровождением дней праздников, богослужений, общественных молебствий и крестных ходов; 5) бороться с распространением среди прихожан изданий и учений, вредных в религиозном и нравственном отношении; 6) помогать церковному старосте в наблюдении за порядком во время совершения богослужений; 7) являться, по уполномочию совета, на благочиннические и уездные пастырские собрания для совместного обсуждения вопросов приходской жизни; 8) заботиться об устроении постоянной библиотеки при храме или школе и передвижных библиотек из брошюр и листов для сел и деревень, входящих в состав прихода; 9) по возможности, помогать во всех письменных и отчетных работах председателю и церковному старосте.

Имущество, принадлежащее приходу, именуется приходским имуществом, в отличие от церковного.

Имущество, принадлежащее церкви, именуется церковным имуществом и на основании св. канонов (пр. св. апост. 38, 40 и 41; Ант. соб. 25) состоит в исключительном ведении церковной власти.

Управление и распоряжение приходским имуществом принадлежит приходскому собранию и совету, по принадлежности.

Средства прихода составляют:

а) Сборы с прихожан по постановлениям приходского собрания.

б) Особые сборы в церквях, производимые по соглашению приходского совета со священником-настоятелем и церковным старостою.

в) Сборы вне пределов прихода, по сборным книжкам, выдаваемым епархиальным начальством.

г) Доходы от приходского недвижимого имущества и приходских учреждений.

д) Пожертвования от прихожан и от посторонних лиц на нужды прихода.

е) Пособия от казны или от духовного и других ведомств, а равно от земств, городских, сельских и иных обществ и установлений, единовременные и постоянные.

В каждом приходе могут быть учреждаемы, по постановлениям приходского собрания, в соответствии с религиозно-нравственными потребностями приходской жизни, различного рода общепользные заведения, как-то: школы, приюты для сирот, богадельни, больницы, ясли для малолетних, библиотеки и т.п.

Общепользным заведениям, существующим или вновь возникающим в пределах прихода не по постановлениям приходского собрания, а учреждаемым правительством, церковною властью, земством, городом и т.п., приход может, по своим средствам и по мере надобности, оказывать денежные и иные вспомоществования.

Для большей успешности в деле достижения религиозно-нравственных целей соседние приходы той же епархии могут объединяться и устраивать для нескольких приходов общие приходские учреждения; заведывание сими учреждениями возлагается на один из приходских советов по взаимному соглашению приходов и с утверждения епархиального начальства.

Приход заботится об устройстве своих школьных помещений или об улучшении существующих, об обеспечении школ отоплением, освещением, прислугой, о страховании от

огня школьных зданий, о снабжении школ учебными книгами и пособиями и книгами для внеклассного чтения, об устройстве ночлежных приютов и о доставлении подвод для детей, живущих на дальнем расстоянии от школы, о снабжении немущих детей пищею и теплою одеждою.

Приход может иметь одну или несколько библиотек. В этих библиотеках кроме книг религиозно-просветительного и исторического содержания могут быть и книги, полезные в житейском быту. Библиотеки приходские организуются и пополняются под ближайшим наблюдением, руководством и ответственностью приходского священника.

Лица, заведующие приходскими учреждениями по избранию приходского собрания, руководствуются в своей деятельности указаниями приходского совета и представляют ему отчет о состоянии вверенных им учреждений.

Мне иногда говорят, что для дела было бы полезнее, если бы в совет так же, как и в приходском попечительстве, председателем избиралось светское лицо. Но это говорят люди, совершенно не проникнутые идеей возрождения приходской жизни. Им желательны председатели светские, чтобы вообще не подчиняться духовному руководству и потому что они смотрят пренебрежительно, с предубеждением и нерасположением на духовенство, воображая себя гораздо образованнее и развитее. «Как работать под председательством нелюбимого священника?» – говорят они. Тут с начала до конца ложная мысль, а потому и вывод из нее – фальшивый. Не потому ли эти люди желают идти в жизни не за пастырями, а рядом с ними, что понимают христианство в извращенном виде и усматривают Христа не впереди себя, а сзади, как толкающего их на тернистый путь христианства?

До сих пор попечительства со светскими председателями еще ровно ничего не сделали для нравственного возрождения прихожан и оживления христианской любви в простом народе. Не доказывает ли это, что в основе попечительств нет духовного начала? Несомненно так. Поэтому мы и приступаем, так сказать, к христианизации взаимоотношений членов приход-

ского общества, приходской семьи. Бог учредил священство, вручил ему людей Своих, даровал права и власть и возложил на них ответственность. Вот почему пастыри человеческих душ и должны стать во главе своей христианской общины для руководства. Без пастырей никто не должен, да и не может перейти благополучно житейское поле. Это – Божественное законодательство. Требовать же обратного значит не понимать основ духовной жизни.

Если не везде современные пастыри соответствуют своему назначению, то следует ли из этого, что вся реформа должна быть отменена или извращена? Ясно, что несоответственные не должны оставаться в приходах. Членам советов необходимо понимать, что от них также требуется помощь, совет, братская поддержка, единение; если председатель неумелый, то они обязаны ему помогать в сознании, что он им, кроме того, духовный отец. Без любви нельзя браться за христианское дело, а любящим и в голову не придет желание идти рядом или впереди пастыря.

Некоторые полагают, что выборы членов совета поведут к разделению прихожан на правящих и подчиненных. Но это будет доказательством того, что эти христианские общины не имеют представления о братстве и основных началах христианской жизни. Пастыри эти, конечно, видят необходимость, чтобы приходскими делами заведовал единолично священник и по своему усмотрению выбирал себе единомышленников помощников, и говорят: «Пастырь должен руководить жизнью мира без совета с ним». Не допускаю, чтобы эти пастыри справедливо судили о своих прихожанах. Таких нехристианских приходов я не встречал, которые бы видели, напр., в старосте церковном или в членах строительного комитета правящих начальников, а остальные считали себя подчиненными. В переживаемое время никаких начальств не боятся и не признают. Если есть священник, который думает единолично заведовать приходскими делами, то он, значит, и не приступал еще к деятельности, не имеет никакого опыта, – теоретик: не имеет представления о том, что от него требуется. Подумал ли гово-

ривший это: как он будет осведомляться о скорбях и нуждах прихожан? Как его может хватить на исполнение треб, законоучительство, попечение о школе, на письмоводство и посещение страдающих нравственно и телесно духовных детей? Откуда взят такой неканонический и нецерковный принцип, что пастырь должен руководить жизнью мира без совета с ним? Это бюрократический, начальнический, а не пастырский дух.

Пастыри Церкви в своих стремлениях к плодотворному служению на приходе не должны упускать из виду основного духа христианских общин и потребности единения. Любовь проявляется во взаимопомощи, а не иным образом. Воздействие более совершенных и опытных в жизни на молодых, слабых и порочных – вот главная задача пастыря; и только при помощи такого воздействия может возродиться христианская жизнь в приходе. Пастырь должен учить своих пасомых объединению в одну общину, в одну семью, чтобы восстановить права родителей, права старших над младшими, потерянные ими в переживаемое время, чтобы воскресить в сознании народном непреложность евангельских установлений, законов Божественных. Приходский совет нужен не для совещаний о христианских истинах, проводником которых является пастырь, а для совещаний о применении известных мероприятий, при данных обстоятельствах и условиях жизни имеющих великую христианскую задачу – возродить в общине стремление к соблюдению заповедей Божиих и церковных постановлений, к упорядочению отношений детей к родителям, богатых или сытых к бедным и голодным, младших к старшим, к искоренению пороков в членах общины и к просвещению и обучению детей. Мероприятия эти, обдуманые вместе с приходским советом, пастырь может провести в жизнь только при помощи членов совета, а не единолично. Надо быть чудотворцем, чтобы силою слова, силою духа не только убеждать людей, но и искоренять в них страсти, а для обыкновенных пастырей требуется большой труд, наблюдение, сочувствие прихожан и помощь ближайших сотрудников. Один в поле не воин, и тот, кто думает, что он в состоянии справиться единоличными си-

лами в великом деле возрождения приходской жизни, впадет в излишнюю самонадеянность и едва ли дождется благих результатов от своей деятельности в этом направлении.

Мне представляли в Орловской епархии в пример единоличной деятельности священника, в высшей степени плодотворной, – отца Георгия Коссова; это приводит их к выводам, противоположным тем, которые сделаны мною. Но о. Георгий не только пастырь своего прихода, но деятель выдающийся, из ряда выходящий; к нему прибегают тысячи богомольцев и паломников, при помощи которых он и материально, и нравственно влияет на свой приход. О. Иоанн Кронштадтский и о. Георгий Коссов служат нам всем примерами, но не пастырской, приходской деятельности, а подвижничества и самоотверженной жизни. Они имеют мировое значение, всероссийское влияние, и о приходе своем им нет времени заботиться и идти общепастырским путем. Господь призвал их, как Своих избранных, на путь совершенства духовного и облек в одежду послушания, смирения, терпения и трудолюбия, желая показать священнослужителям и христианскому миру, что сила духовная не в слове, не в красноречии, не во внешнем благоприличии, а в чистом сердце, в исполнении Закона Христова, в благодатном духе и что наше время в духовном отношении ничем не отличается от библейского и перешедшего в область истории, когда были подвижники, мученики, столпы Церкви и победоносные вожди воинства духовного. Они более примером, чем словом и учением, влияют на народ.

Обыкновенные пастыри обязаны избрать средний, или так называемый царский путь. Большая ошибка – задаваться несбыточной целью, единоличным влиянием и подражанием избранникам Божиим. Ведь эти избранники незаметно для себя превращались в мировых деятелей, не имея никогда даже помышления о том. Будемте же беседовать о том, как каждому из нас сделаться пастырем душ и пастырем добрым. Надо выучиться своим обязанностям, воодушевиться сознанием своих прав. Напр., пастыри из молодых, вероятно, вообразили себе, что только тогда приходские советы будут полезны и

удачны, когда членов совета они сами назначат исключительно по своему усмотрению. Кто же будет доверять: священник или прихожане? Что тут будет нового в таком учреждении? Могут ли подобные члены объединить пастыря с пасомыми? За священником должно быть только право на выборах предлагать намеченных им членов совета, как это делается во всех обществах, и от его умения, как председателя совета, зависит подготовить выборы.

6

Программа подготовительных действий пастырей для возрождения прихода

Из изложенного мною выше достаточно ясно, что дело возрождения стоит в прямой зависимости прежде всего от возрождения пастырства и от восприятия прихожанами этой реформы вполне сознательно и убежденно. Надо, чтобы сперва пастыри восстали и одухотворились, затем подготовили своих прихожан, заинтересовали их приходскою жизнью и деятельностью и одновременно наметили будущих членов приходского совета, если теперешние, поставленные по случаю военного времени, не вполне соответствуют назначению. Без тщательной подготовки пастырями выборов могут попасть в совет злонамеренные люди или самолюбивые местные кулаки, которые большею частию идут из тщеславия, но не приносят никакой пользы, не работают, и им совершенно невозможно дать какое-либо поручение.

Если все христиане – братья по заповеди Христовой, то между ними должны быть полное единение духа, согласие, мир и братская любовь. Находятся ли братья и сестры в нужде или горе, или в отчаянии, каждый обязан прийти к ним на помощь, утешить их, поддержать. Но члены общины, каждый в отдельности, сделать этого не могут: не достанет ни времени, ни сил. Целая же община, приход, при помощи совета разделив между собою обязанности и заботы, всегда достигнет святой цели. Для успешности дела приходы, избирая из сво-

ей среды советы, должны облечь их доверием, внимательно прислушиваться к их голосу и в известных случаях даже подчиняться их решению. Наблюдаемые ныне – упадок религии, семейные нестроения, неповиновение, непослушание, – все это зло происходит и проникает потому, что люди живут разобщенно, действуют в одиночку и борются с недугами одними только своими силами. Без помощи самые сильные из них обессилевают в борьбе со злом. Когда же будет общение и единение между пастырями и пасомыми вокруг своего приходского храма, порочные и слабые члены прихода под влиянием пастырей и советов исправятся. Если не будет единения и порядка в приходах, то не будет его и в обществе, и во всем государстве, потому что государство состоит из приходов. Такое нравственное возрождение и обновление возможно только при церкви и должно начинаться с самых уважаемых членов прихода, а чрез них простирается на весь приход. Чрез членов совета настоятель прихода будет узнавать о нуждах, скорбях и горестях своих духовных детей и выяснять свои пререкания и недоразумения с прихожанами; это – единственный путь к объединению. Приходские советы явятся посредниками между пастырем и приходом.

По учению Православной Церкви пастырь при самом посвящении в сан получает дар и полномочие учительства и руководства по отношению к своей пастве и поэтому учит и назидает, как имеющий власть свыше, а не от паствы. *Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они не усypно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не вздыхая, ибо это для вас не полезно* (Евр. 13, 17), – говорит св. Апостол. Отношение прихожан к приходскому священнику должно быть такое, какое вытекает из понятия пастыря как духовного отца и руководителя пасомых. Овцы должны идти за своим пастырем по пути спасения, а пастырь должен указывать им направление пути. Пастырь Церкви, пребывая в служении слову и молитве, вливает дух жизни в свою паству, а его паства проявляет этот дух жизни во взаимообщении веры и любви Христовой.

Деятельная любовь к Богу и ближнему должна проявляться со стороны паствы в ее живом единении с пастырем для возвышения и благоустройства жизни прихода в религиозном, нравственном, просветительном и благотворительном отношениях. По отношению к храму, к причту, ко всем служащим и призреваемым при храме и ко всему церковному имуществу настоятель церкви есть ближайший и непосредственный начальник, попечитель и наблюдатель. Бог учредил священство, вручил ему людей Своих, даровал права и власть и возложил на него ответственность. Вот почему пастыри человеческих душ и должны стать во главе своей христианской общины или прихода для руководства. Это – Божественное законодательство. Требовать же обратного, чтобы во главе приходского совета стоял мирянин, значит не понимать основ духовной жизни. Некоторым желательны председатели светские, чтобы вообще не подчиняться духовному руководству и потому что они смотрят с предубеждением и пренебрежением на духовенство. Членам советов необходимо понимать, что от них также требуется помощь, совет, братская поддержка, единение; если председатель не во всем умелый, то они обязаны ему помогать в сознании, что он им, кроме того, духовный отец. Без любви нельзя браться за христианское дело, а любящим и в голову не придет желание идти рядом или впереди пастыря. Если не везде пастыри соответствуют своему назначению, то следует ли из этого, что основу приходского дела нужно изменить или извратить? Ясно, что несоответственные пастыри не должны иметься в приходах и их следует заменить лучшими, хотя бы по просьбе приходских советов.

Подготовительная программа для пастырей должна состоять из следующих действий:

1) *Прежде всего пастыри обязаны сами изучить в подробностях приходскую реформу, мои распоряжения, пояснения и хотя бы прочитать в «Церковных ведомостях» работы по этому вопросу в Предсоборном присутствии.*

2) *Начать беседы с народом о приходском возрождении и проповедовать о значении христианской общины.* Вообще

устройство бесед в праздничные и воскресные дни, после вечерни, чтений и беседований – *безусловно обязательно*.

Так как состав прихода каждой церкви можно разделить на а) взрослых-грамотных, б) взрослых-неграмотных и в) детей, то программа чтений и бесед должна составляться так, чтобы все эти категории прихожан получили необходимые назидания и развлечения. Для грамотных требуются более серьезные чтения, по возможности в городах и больших селах с туманными картинами¹, на темы духовные, исторические и по медицине и гигиене. Эти чтения должны взять на себя священники, диаконы, получившие образование, учителя или развитые прихожане, которым пастыри найдут возможным их препоручить. Неграмотным следует читать св. Евангелие, Священную историю, жития святых, начальную русскую историю и проч. При недостатке времени священники могут поручить это диаконам, псаломщикам и также прихожанам. Наконец, следует устраивать чтения и для детей школьного возраста, чтобы влиять на их умственное развитие и отвлекать в праздничные дни от разгула со взрослыми. Было бы весьма полезным читать им с объяснениями св. Евангелие и книги, которые имеются в школьной библиотеке. Таким образом, настоятель каждого прихода обязан предварительно подобрать себе помощников для устройства чтений, а затем сделать расписание чтений и бесед на известный срок вперед. Один праздник пусть читают для взрослых грамотных, другой – для неграмотных, в третий – для детей; но для последних желательно было бы устраивать чаще чтения и в одни часы, как для взрослых, но в другом помещении. Расписание чтений следует выставлять при входе в храмы. При подобном разделении труда эти чтения не могут быть обременительными для священников.

3) *Оо. благочинным надо приступить к организации и осуществлению пастырских собраний по благочиниям.*

¹ «Волшебный фонарь», фантаскоп, туманные картины и др. – аппарат для проекции изображений, распространенный с XVII в.; с XIX в. – в повсеместном обиходе.

4) *Перейти к уездным пастырским собраниям, когда для них накопится необходимый материал.*

5) *По решению на окружных, благотворительных пастырских собраниях начать пастырям привлекать к себе на помощь мирян.*

Если привлечь без всякой организации хороших и религиозных прихожан и дать им поручения, то это может показаться остальным прихожанам странным, подозрительным, ничем не объяснимым. Поэтому желательно воспользоваться утвержденными Св. Синодом по определению от 20–26 мая 1908 г. за № 3443 («Церковные ведомости» за 1908 г., № 22) правилами об устройстве внутренней миссии Православной Русской Церкви. Этими правилами разрешается учреждать в приходах – «кружки ревнителей православия», по выбору членов самими пастырями, что дает возможность самостоятельно привлекать к себе на помощь угодных им прихожан. На обязанности членов кружка лежат те же задачи и цели, как и на членах приходских советов, как, напр. (ст. 3 правил): оказывать религиозно-нравственное влияние на прихожан, особенно колеблющихся в вере, путем убеждения и другими способами духовно-нравственного воздействия, заботиться о проведении нравственных начал в жизнь прихода, о посещении детьми и взрослыми храма Божия и почитании святости воскресного дня, о примирении в семьях враждующих сторон, об искоренении в приходе воровства, сквернословия, разгула молодежи, об охранении порядка и благочиния во время крестных ходов, освящения полей и других церковно-общественных торжеств, об открытии народной читальни и библиотеки, об устройстве религиозно-нравственных чтений и бесед, о заведении церковно-певческих хоров, об оказании материальной помощи бедным прихода и особенно обращающимся из раскола, сект, инославия и неверия в православие, о приискании беднякам работы и т.п. Все это входит также в обязанности членов приходских советов. Следовательно, весьма было бы важно вначале организовать по приходам такие «кружки». Народ убедится в пользе их, заметит настоящих тружеников, оценит их и

тогда на выборах проведет их и в члены приходских советов. Пастыри, со своей стороны, будут иметь возможность проверить этих своих сотрудников и хороших из них – предложить на общеприходском собрании кандидатами в члены совета. Таким образом, достигнется главная цель, и опасной ошибки для проведения реформы не произойдет.

6) Начать с помощью выбранных пастырем людей устраивать приходскую жизнь.

Одному священнику в приходе трудно справиться со всеми делами и удовлетворить духовные нужды прихожан; он постоянно занят то учительством в школе, то письмоводством, то требами, то отпиской по начальству, то исполняет различные поручения; времени для пастырского дела у него остается немного, и он не может знать всех нужд прихода и вовремя прийти на помощь. Пастыри часто жалуются, что их обратили в чиновников и они не имеют возможности по совести исполнять свои пастырские обязанности. Если это действительно так, то теперь настал момент, когда пастыри должны сбросить с себя путы бездушного формализма, бюрократического отношения к делу, выйти из рамок одних внешних обязательств пред приходом, воскреснуть духом и паству свою вести к воскресению. Пастыри не должны уже чувствовать себя одиночками: за ними стоят приходские советы, готовые помогать им в их пастырской деятельности, в качестве посредников между пастырями и пасомыми. Члены в этот совет всегда найдутся, хотя почти все обременены личными заботами. Приходский совет может и должен воздействовать, конечно, нравственно. Говорят, что советам нужна юридическая обоснованность, нужна поддержка власти для проведения в жизнь начал нравственности. Я с этим совершенно не согласен. Известно, что, чем больше судов и тяжбы, больше и распри. Суд только стремится разрешать недоразумения – мира он не устанавливает. Первой основой нравственности служит Евангелие. Из него мы черпаем основы нравственности и из него же мы видим, что Христос в вопросах нравственности действовал только словом, никогда не прибегая ни к какой власти. Да и власть здесь бессильна. Если

мы действуем в области нравственности, то мы должны руководиться только нравственными принципами.

а) Поручить одному или двум наблюдение за порядком при богослужениях, за стоянием детей в церкви, за порядком во время крестных ходов.

б) Избрать из благочестивых жен и девиц «кружок» для уборки храма. Забота о чистоте в храмах должна составлять не только законную обязанность, но и естественную потребность церковных причтов. Благоговейнее сохранение святынь есть прямой долг и выражает собой духовное настроение пастырей. Между тем, постоянно слышатся в обществе и народе справедливые и заслуженные упреки духовенству за несоблюдение чистоты и опрятности в храмах и алтарях их. Особенно неисполнительны оо. диаконы, на обязанности которых лежит убирать и вычищать св. престол и самый алтарь. О псаломщиках и говорить нечего, хотя уборка алтаря принадлежит также им. Если бы оо. диаконы ценили свой сан, дорожили своим званием, понимали, как велики, высоки, важны и почетны их обязанности, то они считали бы за счастье, за радость прикасаться к этой святыне, служить у св. престола и убирать его. Мирянам ведь это строго воспрещено. Если бы они приступали к своим обязанностям с мыслию, что подходят к Самому Господу Иисусу Христу, принесшему Себя в жертву за грехи человечества и их в том числе, прикасаются к престолу, на котором пребывают всегда Честное и Святое Тело и Животворящая Кровь Христа-Спасителя, то могло ли бы их сердце остаться равнодушным и небрежным и их ум не сознавать высоту диаконских обязанностей? Преподобный Серафим говорил, что даже обтереть алтарный пол тряпкою или собрать в храме сор и пыль, которые нельзя выбросить в нечистое место, ибо Дух Святой, нисходя на Св. Дары, сходит на весь храм и освящает в нем всех и вся, уже – важная обязанность, великое счастье, и допускать до этого нельзя каждого без разбора. Поэтому всегда будут ответственны те пастыри, которые сами не заботятся о чистоте храмов и позволяют оо. диаконам небрежно относиться к их обязанностям в алтаре. Уборка престола есть такая

же радость и честь для священника, и, за неимением диакона в приходе, на нем лежит эта святая обязанность.

Но для уборки храма, в особенности в селах, где неумелые церковные сторожа, необходимо образовать из благоговейных женщин и девиц особые «кружки» для поддержания личным трудом чистоты в храмах и для наблюдения за исправностию и опрятностию подсвечников, лампад и прочей церковной утвари. Им можно выдавать для отличия крестики или образки, которые бы они носили на шейной ленточке при хождениях к богослужениям.

в) Устроить библиотеки, постоянную и летучую.

При храме должна быть постоянная библиотека, или при церковной школе. Но для нее требуются средства, и в селах, особенно в тех приходах, которые состоят из нескольких приписных деревень, необходимо обзавестись *летучими библиотеками*. Народ теперь интересуется событиями, жаждет объяснения всего того, что говорят и пишут в газетах, а потому устройство читален и библиотек составляет необходимость. Но у нас никогда нет денег в России; библиотеки же стоят дорого. Поэтому надо до времени изобрести возможность снабдить села и деревни таким чтением, которое составляет потребность времени. Возможно это при помощи летучих библиотек. Они должны состоять из листков, брошюр и книжек, которые бы отвечали на все современные и духовные запросы народа. В каждой библиотечке можно иметь от 30 до 40 номеров, и число таких библиотечек неодинакового содержания должно соответствовать числу отдельных частей прихода. Так как в каждой деревне должен быть избран член «миссионерского кружка» или «приходского совета», то следует ему и препоручить библиотечку. Он будет раздавать для чтения листки и брошюры в своем селе или деревне и собирать их. По прошествии известного срока, который священник определит, но не менее месяца, члены, держащие у себя библиотечки, должны меняться или передавать в определенном порядке их друг другу, чтобы все эти библиотечки, разного содержания, обошли весь приход. Возвращаясь, наконец, к священнику,

каждая библиотечка должна быть им осмотрена, изорванные и замаранные листки и книжки заменены новыми, и вообще составлена вновь, чтобы она соответствовала цели и назначению. Дабы приобрести такие листки и брошюры, не требуется больших средств. Можно выписывать на церковные деньги. За листками и брошюрами следует обращаться самим священникам или чрез благочинных в Троице-Сергиевскую, Киевскую и Почаевскую лавры, в Московскую Синодальную типографию, в редакцию «Правда и Знание» в Петрограде, Екатерининский канал, № 138 кв. 5, к редактору-протоиерею П. Н. Левашеву, в книгоиздательство «Верность» – Москва, Лихов переулок, епархиальный дом, в склад отдела распространения духовно-нравственных книг при Обществе любителей духовного просвещения – в Москве на Петровке.

г) Выставить на ограде храма, на колокольне или на самом храме снаружи рамы со стеклами, в которых прикреплять для чтения народу листки более важные, большие листы с напечатанными воззваниями или разъяснениями. Эти листы и листки менять по времени.

д) Образовать общества трезвости.

е) Завести у священника или при школе аптечки для первой помощи из простых средств или гомеопатические аптечки. Иногда в приходах живут бывшие военные фельдшера, и следует их привлечь к заведыванию аптечками.

ж) Поручить членам совета или «миссионерского кружка» смотрение за нуждами и скорбями прихожан. Для этого надо разделить приход на несколько участков и каждый участок поручить смотрению выбранного лица, внушив им, что этот труд должен совершаться «ради Христа» и состоять в том, чтобы не полениться дойти или доехать до священника и вовремя сообщить ему о несчастьи, нужде или скорби его прихожанина из того и другого участка. Это весьма важно, так как единение пастыря с пасомыми зависит главным образом от того, принесет ли ему пользу и утешение пастырь совершенно самостоятельно, не ожидая призыва или приглашения в тяжелую минуту жизни.

Нельзя смущаться словом «смотрение»: это не подсматривание, не подслушивание, кто что сделал или кто что сказал, а сердечная участливость, христиански проявляемая заботливость о больных и несчастных членах прихода. Узнать своевременно, не нуждается ли в чем брат мой, не постигло ли его какое горе, – чрезвычайно важно, особенно в сельских приходах, поставленных в особые условия, где нужда настойчивее стучится к бедняку и где бывает дорог не только каждый день, но каждый час. Падет, например, у крестьянина корова, дети остаются без молока, болеют и чахнут, – и рад бы он купить новую «кормилицу» семьи, да не на что, а пора горячая, бежать за деньгами некогда и некуда, никто не дает и никому нет дела до чужого горя. То же самое, если падет лошадь и т.п. Падеж скота, составляющего главную опору сельского хозяйства, обязывает приходский совет войти в положение крестьянина и, если это человек трезвый и труженик, помочь его беде тотчас же, хотя бы пришлось для этого обратиться заимообразно к церковному ящику. Нужно иметь в виду, что употребление церковных средств на дела приходской благотворительности зависит не от одного церковного старосты, но и от приходского совета. Со временем церковный ящик будет служить народным банком для крестьян, как это было в старину. Давали из него займы бедствующим. Пока не окажется средств в церковном ящике, нужно прибегнуть к сбору пожертвований: достаточно собрать по 5 копеек с каждого члена прихода, – и помощь будет оказана. Будет ли это нравственное горе, напр., письмо от сына с неприятными известиями, смерть близкого человека на далекой чужбине и т.п., когда требуется утешить и ободрить скорбящую семью, священник может узнать об этом только во время обхода селения с крестом или с праздничной молитвой. На обязанности членов совета – своевременно сообщить пастырю о горе этой семьи.

з) Начать благотворительную деятельность.

Для этого разрешается мною завести в каждом приходе кружку для сбора, которую обносить во время всех богослужений и брать с собою при обходах прихода в большие праздники.

В Орловской губернии завели обычай раз в год ходить с этой кружкой по всему приходу и служить молебны, кладя в нее все, что получали священнослужители за труд. Это имело магическое действие и поднимало престиж духовенства, которое показало этим пример народу. Из этой кружки следует выдавать пособия бедным на Рождество и на Пасху. Для приучения прихожан к благотворительности священники должны пользоваться всяким случаем, чтобы обратиться с амвона к народу с приглашением оказать помощь погорельцу, пострадавшему тем или иным образом, и не доканчивать изложением способов и размеров сбора, но только указать народу и предоставить им самим обдумать остальное. Когда постигают большие несчастья, надо собирать общеприходские собрания.

и) Начать экономическую борьбу. Для этого прежде всего надо учреждать кредитные товарищества. Без священников-председателей эти товарищества не могут действовать в селах. Сперва Св. Синод запретил участие священникам, потому что несовместимо с саном никакое коммерческое дело, но затем, по ходатайству правительства, отменил запрещение свое, надеясь, что священнослужители поймут, что ради пользы народа они должны состоять членами товарищества, но, как священникам, им все-таки не подобает пользоваться кредитом, брать деньги из кассы товарищества, дабы их не обвиняли в пристрастии или несправедливости. Затем, – желательно учредить потребительные лавки, всякие союзы на экономической почве.

к) Образовать пожарные дружины из молодых людей при общественном или собственном пожарном обозе.

7) *Улучшить церковное богослужение.*

Храм есть средоточие церковно-приходской общины, а пение в нем – великая зиждущая духовное единение общины сила. Поэтому, в целях возрождения приходской жизни, нужно обратить внимание и на пение. Необходимо в целях подъема религиозного чувства упорядочить церковное пение.

8) Еще обязанность приходского совета – заботиться о школе. Каждая церковь должна иметь свою церковную школу, и забота о воспитании подрастающего поколения в духе

Православной Церкви должна быть одною из главных обязанностей приходского совета.

Но народ наш темный; он часто смотрит на школу, как на казенное учреждение, и, по его понятиям, казна должна содержать ее и платить учителю жалованье; иногда даже дело доходит до курьезов: крестьяне не только не платят учителю, но с него же требуют плату за то, что посылают в школу своих собственных детей. Положение учителя обыкновенно безотрадное, беспомощное. За его громадный труд, за самопожертвование он не видит от родителей своих учеников никакой признательности, никакой справедливой оценки. Полное равнодушие к школе и к учителю! Часто детям не дают весною окончить учение; их берут на работу. С такою темнотою нужно бороться, и это возможно только при помощи приходских советов.

Пусть один или два члена совета специально занимаются смотрением за школьным делом. В деревнях часто недостает даже отопления в школах: учитель и ученики принуждены бывают мерзнуть или прекратить занятия. А происходит это от того, что вовремя не сговорилось общество запастись школу дровами. Уловить момент такой нужды и предупредить ее — это и есть задача члена совета. Вопрос обучения и воспитания детей чрезвычайно важен для всех родителей, но крестьяне, сознавая это, не умеют проявить участия и заботливости. Нужно проводить в народе здравые понятия о школе, учить родителей относиться к ней серьезно, внимательно, чтобы хорошего учителя они ценили, считали своим другом и старались всеми способами удержать у себя.

Надо ли говорить о той громадной роли, какую играет школа в образовании и воспитании, как об истине, известной всякому. И вот пастыри, зная и понимая значение школы, слишком мало принимают участия в школьной деятельности. Глядя на них, и приход относится безразлично к школе. Доходит даже до того, что не дают дров на отопление училища. Нужно, братья-пастыри, учреждать школы, нужно и работать в них. Школа должна быть церковная, главным руководителем ее должен быть священник.

9) Еще обязанность приходского совета – это стараться прекратить вражду и злобу между прихожанами.

В последнее время мы дожили до такого состояния, что никто не хочет ни в чем уступить друг другу; малейшее недоразумение, и сейчас ссоры; вражда, зло разгораются до невозможных размеров. Постоянные неудовольствия между пастырями и пасомыми, и большею частию из-за пустяков. Жалобы и доносы архиерею превращаются в следствия, которые длятся по несколько месяцев и еще больше возбуждают вражду. Допустимо ли это в христианской общине? Нет, за такие действия, за подобную жизнь мы теряем право именоваться христианами. Это запрещено Спасителем нашим Господом Иисусом Христом. Святая обязанность христианина – уничтожать ссору в самом зародыше, умиротворять враждующих. Если на улице или на площади происходит ссора или драка, то и тогда ее стараются прекратить люди порядка и мира. Тем более не должно быть подобных неурядиц в христианской общине, и на обязанности членов совета лежит прекращать вражду в самом зародыше своими домашними средствами, не предавая огласке, и вообще бороться со всяким злом. Если мы будем стараться жить по-христиански, в мире, любви и согласии между собою, всякие случайно возникающие ссоры будут быстро прекращаться; таким образом, к епархиальной власти начнут обращаться реже и только в важных и выдающихся случаях. Желательно мелкие недоразумения между пастырями и прихожанами предоставлять разбору советов. Разобрав дело, члены совета скажут провинившемуся прихожанину: «Мы разобрали твой поступок и нашли, что ты неправ, иди и попроси у своего духовного отца извинение». Если виноват батюшка, можно сказать и ему, конечно, без раздражения, а по чувству сыновней любви: «Вы, батюшка, неправы; просим вас примириться с обиженным», – и, несомненно, не найдется ни одного священника, который бы не сознался в своей ошибке. И будет между пастырями и прихожанами мир и любовь. Такое же умиротворяющее начало могут советы вносить в семейную и общественную жизнь прихожан. Нравственное влияние совета

и в особенности целого прихода может быть громадно. Положим, сын у вдовы не слушается матери, ссорится с братьями и разоряет хозяйство своим беспорядочным образом жизни. Если один или два члена совета посмотрят на него неодобрительно, он тогда поймет, что поступает дурно; а если на него смотрит весь приход, то это – такая сила, которая не может не оказать на него доброго влияния.

Но, может быть, многие пастыри отнесутся несочувственно к предложению поручить приходским советам разбирать мелкие недоразумения между пасомыми и пастырями. Они увидят в этом подрыв своему авторитету: будто бы при таком положении вещей пастырь является одновременно руководителем совета и подчиненным ему. Цель же ясная:

а) приучить членов совета влиять на братьев в духе мира и любви;

б) помочь пастырям вразумлять пасомых;

в) добиться борьбы со злобою, современным раздражением и злом вообще, и чтобы всякое зло прекращалось в зародыше и не разгоралось;

д) наконец, чтобы отучить крестьян писать жалобы, доносы и возбуждать дознания и следствия. Известно, чем это сопровождается в деревнях. Знаем, что нужно для третейского суда согласие обеих сторон. Но воздействие в христианском духе требует иногда нравственного права высказать свои чувства и без согласия сторон. Не надо забывать, что цель этого воздействия – мир и любовь.

Передача таких недоразумений, споров и неудовольствий между священником и прихожанином на третейский братский суд приходского совета никоим образом не подорвет пастырский авторитет в приходе. Священник, заботящийся о возрождении в своих прихожанах чувства справедливости, чтобы они различали истину от лжи, обращается именно к этому чувству, поручая членам совета разобрать возникшее между ним и прихожанином недоразумение. Членам совета, стоящим в непосредственной близости к обеим сторонам, по своему местожительству с ними в одном приходе, без сомнения,

полнее и подробнее, чем приезжающим из других приходов следователям, будут известны истинные обстоятельства возникшего недоразумения. Если выбор членов был произведен сознательно и в состав приходского совета проникли высоко-нравственные и богобоязненные прихожане, как это и должно быть по идее, то опасаться возможности пристрастия их под влиянием подкупа к одной стороне имеется несравненно меньше оснований, чем как то бывает при следствиях, когда подкупные и подпоенные свидетели из приходских отбросов дают и под присягою ложные показания. Допустим даже, что члены совета по каким бы то ни было побуждениям окажутся пристрастными к одной стороне и будут несправедливы в своем приговоре над священником. Но тогда кто же запрещает этому священнику не согласиться со мнением совета и требовать передачи своего дела на суд епархиального начальства? Этот суд всегда к его услугам, и только случаи обращения к нему со стороны священника и прихожан, без сомнения, значительно сократятся при передаче мелких дел на решение приходских советов. Надо помнить и не забывать, что обязанности членов совета при поступлении к ним спорных дел между священником и прихожанином не в том, чтобы выносить обвинительные или оправдательные вердикты той или другой стороне, а главным образом – в изыскании способов и средств к любовному примирению между собою тяжущихся сторон. И только в том случае, когда эти способы, будучи использованы, не приведут к желанным результатам, только тогда окажется необходимым пострадавшей стороне искать себе удовлетворения в епархиальном или гражданском суде. Удивительно, как священник обыкновенно трудно осваивается со своим положением, значением, со своими правами и силами. От него, как председателя, зависит поручать совету разбор таких только дел, в которых вина очевидно на стороне прихожанина, дабы он приучался к воздействию на своих братьев, а последние привыкли обращаться в совет, а не прямо к архиерею с жалобами. Выбор дел зависит от самого священника, чего тут бояться воображаемого унижения? Он – священник – также вправе не согласиться

на разбор дела, если прихожане или совет добиваются этого с дурною целью. Епархиальное начальство теперь сплошь и рядом не может ориентироваться при разборе таких жалоб. Плата за требы по отдельным приходам слишком разнообразна. Ни епископ, ни члены консистории не имеют под руками данных для того, чтобы с достоверностью судить, получил ли причт лишь должное за совершение требы или превысил существующие в приходе нормы вознаграждения, и чем руководился причт в последнем случае. Между тем члены совета коротко и близко осведомлены о размерах существующих норм вознаграждения за требы и потому наиболее могут быть компетентны в поставляемых ими решениях по жалобам отдельных прихожан на вымогательство причтов. Мало того, ропот и неудовольствие целого прихода на священника, когда он повышает общую таксу за все требы, могут быть прекращаемы в самом зародыше, когда тот же священник представит в приходский совет убедительные доказательства в необходимости таких повышений. Случается, что бывший священник, как человек одинокий, не нуждался во многом и был доволен и малым вознаграждением за требы, а наместник его, обремененный семейством, не имеет возможности при условиях прежнего вознаграждения свести концы с концами по содержанию семейства. Поставленный в необходимость увеличить существовавшую плату за требы, такой священник должен выяснить руководящие им мотивы пред членами приходского совета, и я уверен, что всякий ропот и неудовольствие со стороны прихожан тотчас же смолкнут и никаких жалоб на вымогательство священника от них уже не последует.

Есть и еще зло в деревне, с которым необходимо вступить в борьбу. Это преступная пропаганда врагов народа, подстрекающих его к погромам, беспорядкам и неповиновению властям. В прежнее время у нас в народе были советчики-старцы, имевшие влияние на всю свою деревню, к ним обращались в критическую минуту за советом и их слушались. Кто пережил эпоху освобождения крестьян, тот знает, как во многих местах нашей Родины, под влиянием пропаганды и разных нелепых слухов,

так же происходило брожение умов, принимавшее иногда довольно опасный характер; но разумный голос умудренного опытом жизни старца умиротворял разыгравшиеся страсти и парализовал вредное влияние агитации. Теперь уже не то: старцев с авторитетом уже не слушают. Приход без советников – тяжелое зрелище: некому вовремя подать благоразумный совет, уберечь от агитаторов. К кому же идти в таких случаях, как не к пастырю своему? Ему Сам Бог поручил руководить паствой и оберегать ее от хищных волков, ведущих к неверию и гибели.

Слово в 100-летнюю годовщину рождения Н. В. Гоголя

Сегодня вся Россия чествует столетие дня рождения своего великого писателя Николая Васильевича Гоголя, который для нее не только гордость народная, даровитейший сын Родины, неподражаемый писатель, великий патриот, но выдающийся по силе его веры и духа, разумению истины и своей церковности православный христианин! Русская Православная Церковь считает его возлюбленным своим сыном, оправдавшим на себе силу православия, проповедником правды Божией, обличителем всякого ложного и противорелигиозного направления в литературе и науке и драгоценным сокровищем, которое с веком не только не потеряло своей цены, но ввиду современного упадка веры и нравственности в людях приобрело теперь еще большее значение, величие и драгоценность, служа образцом человеческого одухотворения, таланта и смиренно-мудрия. Столетие рождения Гоголя совпало с поразительным оскудением и исчезновением в России выдающихся дарований и талантов в литературе, в поэзии, в искусствах и даже в науках, а потому крупный талант Н. В. Гоголя, его строгое христианское мирозерцание и религиозно-нравственное начало теперь еще могущественнее выступают пред обессиленным сомнениями в истине и колебаниями современным образцовым обществом и обличают его без пощады.

Редко кто так сознательно оправдывал на себе вечную истину, изреченную св. апостолом Павлом, о том, что такое знание, как Н. В. Гоголь. *«Мы все имеем знание, – писал к коринфянам св. Апостол, – но знание надмевает, а любовь назидает. Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него»* (1 Кор. 8, 1–3). Поэтому мы видим, что в каждом его письме, рассказе, повествовании почти на каждой странице встречаются духовные мысли, прославление Бога, восхищение бесконечным Его милосердием, помышления о вечности, будущей жизни, заботы об исполнении людьми их долга и обязанностей, беспощадное самообличение и пламенная любовь к людям. Кто же, если не любовь и смирение, даровали ему это поразительное знание жизни, изгибов души человеческой, это художество? Про него пишут, что в натуре Гоголя была заключена особенная тоска по иной жизни¹, никогда не дававшая ему покоя, и поэтому искусство было для него только средством к устремлению ближнего туда, куда он сам стремился, – в мир светлых христианских идеалов. Что это за натура? Всякое чувство исходит из сердца, и, следовательно, ошибочно назвали натурой свойство сокрушенного христианского сердца, вмещающего благодать и Царствие Божие, жить естественным влечением, по любви к Богу, только небесным, блаженным, истинным и вечным! Разве не любовь, например, водила пером Гоголя, когда он в особое научение своим и нашим современникам излагал свои взгляды на человеческое слово о том, что такое слово? «С словом надо обращаться честно, – писал он, – ибо оно есть высший подарок Бога человеку... и беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово: пусть уж раздается гнилое слово о гнилых предметах». «Каждый писатель, – говорит Гоголь в другом месте, – должен оставить после себя какую-нибудь благую мысль в наследство читателям. Долг писателя не одно доставление приятного уму и вкусу; строго

¹ Имеются в виду слова П. А. Кулиша в написанной им биографии Гоголя. – Прим. проф. В. А. Воропаева.

взыщется с него, если от сочинений его не распространится какая-нибудь польза душе и не остается ничего в поучение людям. Пока не станешь сам сколько-нибудь походить на добродетельного человека, пока постоянством и силою не завоюешь в душу несколько добрых качеств, мертвецами будет все то, что ни напишет перо, и, как земля от неба, будет далеко от правды. Нельзя излагать святыни, не освятивши прежде сколько-нибудь свою собственную душу, и не будет сильно и свято наше слово, если не освятим самые уста, произносящие слово!» Такие суждения не могли и тогда нравиться бездарным и малодушным писателям, которые мечтали все-таки оставить в наследство потомству бессодержательные свои произведения. И вот Гоголь, добродушно осуждая их, писал: «Какой-нибудь мелкий читатель останется благодарен, но потомство плюнет на эти драгоценные строки, если в них бездушно повторено то, что уже известно, и если не дышит от них святыня того, что должно быть свято».

Сегодня будет много сказано о достоинствах произведений Гоголя, о том, как он страдал, изображая жизнь своих героев, болея их язвами и недостатками, о том, что, по признанию самого Гоголя, вместе с процессом его творчества совершался и процесс его собственного духовного очищения, но о его духовном состоянии и истинном православии особенно свидетельствует «Завещание», которое трудно читать верующему христианину без слез. Представьте только себе нашего славного и великого писателя, даровавшего России и потомству столько драгоценных и несравненных творений, в его скромной, деревенской обстановке¹, сидящим за простым рабочим столом, больным, в предчувствии приближающейся смерти и пишущим дрожащею рукой: «Соотечественники, страшно! Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия и тех духовных, высших творений Бога, пред которыми – пыль все величие Его творений, здесь нами зримых и нас изумляющих!» Он просит в сознании своего че-

¹ На самом деле «Завещание» было написано Гоголем во время его пребывания за границей. – *Прим. проф. В. А. Ворopaева.*

ловческого ничтожества предать его тело земле, не разбирая места, где ему лежать, но непременно покрепче помолиться о душе его и ради него не забыть бедных; он просит близких не ставить над ним никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, недостойном христианина, но если он был действительно дорог кому-нибудь, то воздвигнуть этот памятник в самом себе. И чем? Своею непоколебимою твердостью в жизни, бодрением и освежением всех кругом себя. «Кто после моей смерти, – пишет он, – вырастет выше духом, тот покажет, что он точно любил меня и был моим другом, и этим только воздвигнет мне памятник»¹. Он просит не оплакивать его, ибо не признает себя полезным, достойным сожаления и исполнившим свой долг. «Не унынию должны мы предаваться при всякой внезапной утрате, – пишет он, – но оглянуться строго на самих себя, помышляя о своей собственной черноте». Просит он также, чтобы по его смерти дом в деревне превратили из барского владения в место милосердия, любви, странноприимства, и все уезжали бы не иначе, как утешенными. После написания завещания Н. В. Гоголь поправился, еще жил, и оно гораздо больше доканчивает его драгоценный для Родины портрет, чем множество написанных потом знаменитыми художниками изображений.

В полном смирении собственною рукою он начертал нам свою душу и любящее, правдивое, благодатное, истинно православное свое сердце. Вот истинное его изображение, которое оставлено потомству для изучения и напечатления в сердце каждого русского юноши, готовящегося к служению Родине и правде Божией!

«Не тот достоин, кто сам себя хвалит, – говорит Апостол, – но кого хвалит Господь» (2 Кор. 10, 18).

Вечная ему память, дорогому Н. В. Гоголю, богатырю русского слова, славному сыну Православной Церкви! Аминь.

¹ Слова Гоголя, в свою очередь, восходят к Похвальному слову св. Иоанна Златоуста св. Евстафию, архиепископу Антиохийскому, которое было прочитано Гоголем в т. 1 «Христианского Чтения» за 1842 г. – *Прим. проф. В. А. Воропаева.*

О современном мученичестве

Господь наш Иисус Христос сказал: *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5, 11–12). Некоторые могут подумать, что наставление Господа – не страшиться ненависти мира – не относится к нам и дано совсем не для наших времен и обстоятельств. Мы не живем ныне, скажут они, среди врагов и гонителей христианства, как жили первые последователи Христовы; мы, христиане, живем между христианами; мир, который некогда ненавидел христианский род, в продолжение времен сам переродился в мир христианский.

Выслушаем же, возлюбленные, неподражаемое слово по этому поводу великого святителя митрополита Московского Филарета¹. Так, – говорит он, – мир действительно побежден, однако не уничтожен; он еще жив и по-прежнему ненавидит тех, которые – Христовы или стараются быть таковыми. Мир, побежденный верою, плененный в ее послушание, неприметно внес в нее с собою и распространил в ней свой собственный дух; таким образом, сей враг Христа и христианства оказался в пределах самого христианства; прикрывшись именем христианского мира, он действует свободно и учреждает себе мирское христианство, старается обратно переродить сынов веры в сынов мира, сынов мира не допустить до возрождения в истинную жизнь христианскую, а на непокорных ему вооружается ненавистью, лукавством, злословием, клеветою, презрением и всяким оружием неправды.

Тем, которые истинно Христовы и желают убедиться, как ненавидит мир и ныне, всегда это можно испытать на себе. Чем они будут совершеннее и приметнее для мира, тем скорее возбудится ненависть. Пусть они обратятся к премудрым и разумным века сего, например, с учением о премудрости Божией,

¹ Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский (1782–1867), крупнейший русский богослов XIX в.

или о повреждении человеческого естества, или о внутреннем человеке, или о жизни созерцательной, или о действии Святого Духа; чем глубже они будут излагать это бесконечно глубокое учение, тем менее будут разумные разумеать его и тем скорее вследствие уверенности в превосходстве своего ума они презрят их как опасных учителей.

Пусть кто-либо из состоятельных отважится с полною христианскою решимостью отвергнуть пышность и роскошь, забавы и зрелища, раздать имение нищим, решится жить исключительно Церковью, – какими уязвляющими взорами будут люди преследовать этого беглеца. Сколько стрел остроумия или, справедливее, острого безумия на него посыплется! Нет сомнения, что найдутся люди, которые усомнятся в его здравомыслии потому только, что он решился мыслить и поступать по-христиански, не применяясь к миру и его ложным понятиям.

Но, может быть, ненависть мира не есть еще мученичество? В таком случае определим: что значит поносить за веру и верность Христу? Это значит: бранить, насмехаться, издеваться, как поносили Самого Христа, называя Его самарянином и беснующимся, и как смеялись над Ним, когда Он висел на Кресте для спасения людей. Что значит быть изгнанным за правду? Это значит: быть лишенным общения с людьми, преследованным, угнетенным. Под правдою надо разумеать всякую добродетель, а гонителями ее бывают люди, преданные греху и нечестию.

Так как ревнители благочестия и добродетели служат им обличением, то они делаются нетерпимыми. Святой апостол Иоанн пишет, что **всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы** (Ин. 3, 20).

Это ли не мученичество – подвергаться брани, насмешкам, издевательствам, быть лишенным общения с людьми, испытывать преследования, угнетения, лишаться средств к существованию, повергаться в нужды, беды, болезни?

Это ли не медленная смерть, не терзание, которыми обусловливается мученичество? О существовании мученичества

можно судить и по страху, который имеют некоторые люди к ненависти мира. Они угождают миру из малодушия и чтобы не подвергнуться этой ненависти. Люди, которые кажутся основательными и благоразумными, позволяют себе совершать дела легкомысленные и житейские; желающие быть честными допускают себя впадать в дела бесчестия. Подчиненные, боясь потерять расположение начальников, подражают их дурным поступкам.

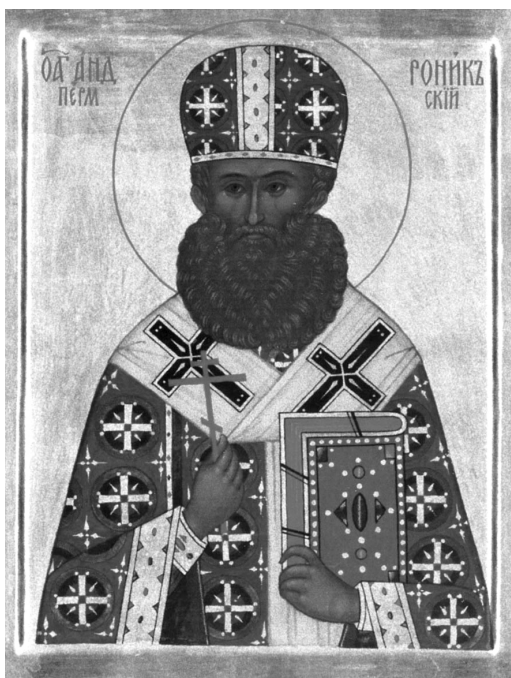
Чтобы понять, почему это так делается доньше, почему мученичество современно нам, надо вникнуть в вопрос: кто мучители? Действительно, кто может среди самого христианства воздвигать вражды, раздоры, смятения, ненависти, гонения? Тот, кто наполнил первые века христианскими мучениками. Тот, который не давал покойного дня в жизни столпам Православной Церкви: терзал Василия Великого, Григория Богослова, кто несколько раз изгонял Афанасия, заточил Златоуста. Кто же производил и производит такие ужасы, как не мир, некогда побежденный верою нашею, но потом – о горе и бесславие христианству! – нередко побеждающий в нас веру нашу не по ее немощи, но по нашему расслаблению и малодушию...

Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы, – говорит святой Апостол (2 Тим. 3, 12). Следовательно, гонимы будут все истинные христиане до скончания века, будут страдать от скорбей, печали, искушений, клеветы и бедствий. Мы не должны смущаться таким порядком вещей. Человеку, который борется со злом, – говорит святой Иоанн Златоуст, – невозможно не испытывать скорбей. Борцу нельзя предаваться неге, воину невозможно пиршествовать в сражении. Поэтому пусть никто из находящихся в борьбе не ищет покоя, не предается наслаждениям. Настоящее время есть время борьбы, сражения, скорбей, воздыханий, есть поприще подвигов. Время покоя будет после, а теперь – время усилий и трудов. Праведники терпят бедствия для их испытания, а грешники – в наказание за свои грехи. Тот, кто знает Священное Писание, как должно знать, не соблазняется ничем

случающимся, все переносит мужественно, иное принимает верою и приписывает непостижимому Промыслу Божию, а для иного видит основания и находит примеры в Писаниях.

Вражда, гонения, мученичество – дело не новое, а потому Христос и учит взирать на это равнодушно, без страха и смятения, и говорит нам: *Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел* (Ин. 15, 18).

Мужайтесь, и да укрепляется сердце ваше, все надеющиеся на Господа! (Пс. 30, 25). Аминь.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АРХИЕПИСКОП
АНДРОНИК (НИКОЛЬСКИЙ)
(1.VIII.1870—7[20].VI.1918)**

Владимир Александрович Никольский родился в семье псаломщика с. Поводнево Мышкинского уезда Ярославской губернии. Закончил Ярославскую духовную семинарию и Московскую духовную академию (1895), на 2 курсе МДА в день своего рождения пострижен в монашество с именем Андроник. По окончании МДА рукоположен во иеромонаха и назначен помощником инспектора Кутаисской духовной семинарии. Через год назначен преподавателем, а затем инспектором Алексан-

дровской миссионерской духовной семинарии в с. Ардонское под Владикавказом. В 1897–1899 гг. – член духовной миссии в Японии. По возвращении в Россию назначен (в 1900 г.) ректором Уфимской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. 5 ноября 1906 г. хиротонисан во епископа Киотоского и назначен помощником просветителя Японии святителя Николая (Касаткина). В июле 1907 г. уволен на покой, но уже в октябре командирован в Холм для замещения епископа Евлогия (Георгиевского) во время сессий Государственной думы, а 14 марта 1908 г. назначен епископом Тихвинским, 1-м викарием Новгородской епархии.

В это сложное время, когда только начали затихать революционные страсти, владыка принял активное участие в правомонархическом движении, став почетным председателем Новгородского отдела СРН. Он издал брошюру «Беседы о Союзе Русского Народа» (1909), в которой обосновал с позиций православного вероучения многие постулаты монархической идеологии. Епископ Андроник рассматривал патриотическое движение как общественно-политическую силу, призванную охранить вековые духовные, государственные и национальные традиции русского народа, а не только как борцов с революцией. Владыка отмечал, что СРН «дал первый отпрыск тогда, когда все русское изгонялось из России».

Как выдающийся деятель монархического движения епископ Андроник был приглашен на Съезд Русских Людей, который проходил в Москве 27 сентября – 4 октября 1909 г., но служебные обязанности помешали ему принять участие в Съезде. Он направил в адрес Съезда телеграмму с благословением трудов делегатов, в которой писал: «Могу лишь ограничиться самыми святыми пожеланиями всему высокопатриотическому съезду. Да пребудет над всем его делом Вседержавный Покров Царицы Небесной, так дивно спасавшей нашу Святую Русь во все прежние години лихолетий и бед, на нее находивших. Да исполнит она мудрости и бодрости всех мужественных исповедников российской святыни – православной веры, собравшихся ныне в Первопрестольной Москве, окомляемой

ее небесными святителями, и поднесь от лет древних почивающими своими нетленными телами в храме Пречистой. И под натиском жидовской революции оставшиеся верными Святой Руси и русской народности русские люди отстояли ту и другую. А теперь развернувшееся русское родное знамя да соберет под свою державную сень родную землю, как один человек. Да просветится Русская страна».

В марте 1913 г. получил самостоятельную кафедру, был назначен епископом Омским и Павлодарским, через год переведен в Пермь. Современный автор его жития иг. Дамаскин (Орловский) так характеризует епископа Андроника: «На обрыве тысячелетней христианской истории России на Пермскую кафедру взошел подвижник и архипастырь-миссионер, подобный св. Стефану Пермскому. Его жизнь была образцом древнего благочестия. Это был подвижник, молитвенник и нестяжатель, всякое материальное благополучие и богатство вмевявший ни во что. Все средства владыка жертвовал на помощь беднякам. Одевался он просто, никогда не носил шелковых ряс; и хотя был награжден многими орденами, но наград никогда не надевал. Святитель был ревностным исполнителем иноческих правил и церковных обрядов. Он строго постился: в постные дни питался одними овощами, в скоромные – обходился малым количеством пищи, а в последние дни Страстной седмицы употреблял в пищу только просфору и чай. Накануне дня, когда ему должно было совершать литургию, владыка почти не спал, всю ночь простаивая на молитве». Епископ Андроник внимательно относился к общественным настроениям, пытаясь отвратить народ от безбожия. В 1916 г. его усилиями в Пермской епархии были созданы миссионерские курсы по oblчению неверия и социализма.

Он был противником Г. Е. Распутина, под впечатлением слухов о его похождениях решил «открыть глаза» царю. В 1916 г., во время визита в Ставку, после богослужения состоялась аудиенция, во время которой владыка стал убеждать государя, что Распутин – личность недостойная, повторяя распространяемые газетами сплетни. Император молча вы-

слушал его и сказал: «До свидания, владыка, советую вам не верить всякому вздору».

Получив известие об отречении Николая II от Престола, обратился к верующим с проповедью, в которой сказал: «Не стало у нас Царя... Как триста лет тому назад, в лихолетье, разворовали Отечество подлые людишки и ввергли его в погибель, так и ныне до этого довели бесчестные царские слуги». Призывал русский народ к молитве и покаянию, ибо только «тогда минует разруха жизни, минует опасность для Отечества, и Господь, как нашим предкам, изведет нам мужа мудра и добра».

В 1917–1918 гг. епископ Андроник участвовал в работах Поместного собора Православной Российской Церкви, на котором был избран одним из шести заместителей членов Св. Синода. В начале 1918 г. возведен в сан архиепископа. По окончании Собора вернулся в Пермь, где уже начались бесчинства большевиков. Владыка мужественно восстал против беззакония, недаром его прозвали «огнь пылающий». Весной в местных газетах началась травля архиепископа Андроника, у него был произведен обыск. Тучи сгущались, близкие, в страхе за жизнь владыки, уговаривали его скрыться. Но он отказался, заявив, что не оставит паству и готов умереть за Христа. На случай своего ареста он оставил распоряжение: «Арестованный рабоче-крестьянским правительством, запрещаю священно-церковнослужителям г. Перми и Мотовилихи совершение богослужений, кроме напутствия умирающих и крещения младенцев». 4 июня 1918 г. чекисты арестовали архиепископа Андроника. Символично, что накануне был арестован и расстрелян в лесу председатель Пермского отдела СРН Петр Васильевич Рябов. Долго возили владыку из Перми в Мотовилиху и обратно, боясь народного гнева. Наконец, в ночь на 7 июня чекисты вывезли архиепископа в окрестности Перми и заставили его рыть себе могилу. Убийцы требовали, чтобы он снял свой запрет на совершение богослужений, угрожая в противном случае закопать в землю живым. Владыка отказался... Незадолго до своего ареста владыка, вразум-

ляя одного священника, сказал пророческие слова: «Может быть, меня и на свете не будет, но не покидает меня надежда и уверенность, что Россия воскреснет со своим возвращением к Богу. Ободряйте всех и примиряйте озлобленных с жизнью, вливайте в них начала светлой жизни по Евангелию Христа... Воскреснет душа народная, воскреснет и тело ее – наша здоровая государственность».

Прославлен на юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 г. в сонме исповедников и новомучеников Российских.

Беседы о Союзе Русского Народа

1. Причины возникновения и роста Союза Русского Народа

Целых три годовщины исполнилось с тех пор, как мы увидели расхаживающих по стогнам градов богоспасаемой Святой России толпы революционеров с красными тряпками на палках и шестах. Руководимые обнаглевшими тогда жидами, эти толпы уже не стеснялись в выражении своего полного презрения к народной вере, к священному для русского народа Царскому самодержавию и всему народному быту. По указке, исходившей, очевидно, от одной руководившей всем революционным делом руки, обнаружение деятельности этих «красносотенцев» было одинаково везде, по всей нашей обширной стране. Везде ругались над верой, над духовенством и монахами; угрожали святыне храмы с мощами и иконами превратить в музеи, театры и народные дома; монастыри, как очевидно вреднейшие для революции и развращения народа учреждения, закрыть, земли же и сокровища их отнять; местами были даже прямые издевательства над святынями; рвали царские портреты; самым нецензурным криком ругались над Царем, открыто угрожая ему гильотиной, а где-то на юге собаку нарядили в корону и водили по улицам; всех же несо-

гласных высмеивали, избивали и гнали, как врагов начинающегося нового строя благополучия.

Но тут оправдалась мудрая русская пословица: «Нет худа без добра». Вследствие того, что растерявшаяся, а местами и прямо передавшаяся революционерам власть дала волю всем этим красносотенцам и погромщикам, последние, зарвавшись, раскрыли все свои планы и намерения, и народ быстро понял их действительные цели. Таким образом, нет ничего удивительного, что после милостивого царского Манифеста 17 октября 1905 г. господство красных продолжалось всего только три дня (местами же и того меньше), а с 20 и 21 октября уже пошли быстро собравшиеся народные патриотические манифестации, по численности своих участников несравненно более значительные, чем демонстрации красносотенцев. Сначала обнаглевшие красносотенцы по тупости и глупости никак не могли учесть этого народного движения и хотели настоять на своем, устраивая прежние свои демонстрации и издевательства над народным чувством и над патриотическими манифестациями.

Народ часто не выносил этого и гнал красносотенцев. Местами бывали и побоища, где красносотенцы открыто лезли на взрыв народного против них негодования. Только испытывая на своих боках силу растущего народного движения и действительного возрождения и сознавая свое бессилие, красносотенцы поспешили из-за угла опозорить это народное движение, прозвавши патриотов черносотенцами, погромщиками, человеконенавистниками. А так как предусмотрительно забранная жидами в свои руки вся передовая пресса была к услугам революционеров, то она и обливала помоями и клеветой все проявления глубокого чувства народного патриотизма, не стесняясь красками, тем более что и власть все еще не могла учесть великой силы нарождавшегося тогда народного объединения. Так как, далее, большинство, особенно нашей беспощенной интеллигенции, живет чужим мнением и руководится больше чувством страха иудейского или европейского, то через эту всемирную державу-газету и пошло гулять по России клеветническое слово «черносотенец» и «погромщик». И мно-

гие, многие трусливые и малосмысленные поверили клевете. Даже там, где уже до очевидности было ясно, что погром начали жиды или революционеры-красносотенцы, как, например, в Белостоке, в Киеве, в Никольской Слободе, русские колпаки все-таки с удовольствием верили клевете на свой русский терпеливый и смиренный народ, который, обороняясь от нахалов, вооруженных бомбами и браунингами, и будучи выведен ими из терпения, гнал их своими лопатами и оглоблями, попадая ими, конечно, и по шеям красносотенцев.

Вот почва, на которой возник Союз Русского Народа. Он дал первый отпрыск тогда, когда все русское изгонялось из России. Народ решил отстоять свое достояние от внутренних врагов и не уступить даже перед насмешками, угрозами и избиениями со стороны красносотенцев. Теперь вполне определилось, что убитых и избитых за верность Царю и народу во много раз больше, чем красносотенцев, потерпевших от народного, вполне законного и естественного гнева.

Но не в силе Бог, а в правде: русских избивают красносотенцы, на суде их пристрастно судят и ссылают. Но и без сочувствия и покровительства, а местами даже и при стеснениях от власть имущих, Союз Русского Народа растет и ширится по лицу земли Российской, и недалеко то время, когда весь народ объединится в Союз. Под влиянием общего народного движения воспрянут духом и все малодушные и зачумленные заговорщиками, если только судил нам Господь возродиться, а не развалиться, как это теперь на наших глазах уже совершается над Турцией.

2. Что отстаивает и к чему стремится Союз Русского Народа?

Итак, в настоящее время по всему фронту нашей отечественной жизни идет борьба двух противоположных направлений: красносотенцы стараются круто повернуть все в сторону от родных устоев жизни, навязавши ей все возросшее на чужой почве и положившее начало духовному разложению тех

народов, которые это восприняли, как, например, наша союзница Франция, совершенно разъеденная жидовским засилием и трепетно ищущая теперь свободы от него, при виде надвигающейся своей полной гибели. Наоборот, люди, по сердечному призыву нашего самодержавного Царя объединившиеся в Союз Русского Народа, собирают свои силы с целью отстоять историческое народное достояние от иноземщины и инородчины. А достояние это не материальное, могущее быть предметом обмена, купли и продажи, а высоко духовное, которым мы существенно отличаемся от других народов, как нами самими выношенным и выработанным и в истории снискавшим нам славу среди всех народов мира. Все равно, как нельзя русскому человеку сделаться французом, хотя бы он на смех всем и перестал быть русским, или как нельзя одному человеку перенять все свойства другого без того, чтобы не явиться при этом смешной обезьяной, недостойной и малейшего уважения; так и народы существуют всякий с своими особенностями, при неизбежном взаимообщении лишь заимствуя лучшее и полезное один от другого. Народ, отступивший от этого закона природы, перестает быть народом, теряет свою духовную самостоятельность и разлагается или становится достоянием более его сильных народов. Живое чувствуя всем своим народным организмом опасность, грозящую от курса красносотенцев, русский народ, объединяющийся в Союз, и ставит своею целию сохранить то, что нам досталось от великих наших предков, передавших нам величайшую в мире страну, и что за последние два века так существенно было затемнено ворвавшимся к нам европеизмом. Поэтому когда красносотенцы, желая подорвать у легковверных и несамостоятельных умом людей доверие к народничеству союзников, в бессильной своей злобе ругают их реакционерами, то они говорят и правду, и неправду. Да, правда: союзники – реакционеры; они зовут всех возвратиться назад от того, что теперь провозглашается как прогресс и благополучие, хотя бы только и приближающиеся. Но неправда то, что союзники – темные реакционеры; нет, они зовут возвратиться к тому светлому, родному, от чего

мы ушли за последние два столетия европейничания, приведшего нас к последней тяжелой и постыдной смуте и кровавой междоусобице. Мы забросили то, что быстро сделало нас просвещенными еще в то далекое время, когда народы Европы пребывали почти все в дикости; что нас сделало богатыми и могучими до зависти и страха со стороны всех прочих окружающих нас народов; что обещало нам дальнейшую славу и благополучие, что нас, полоненных татарами, потом снова собрало и воодушевило на борьбу с ними до полного от них освобождения и покорения их себе; что дальше помогло нам победить и страшную смуту в то лихолетие, когда не стало на Руси Царя; тогда мы, за короткий срок пережившие и республику, и конституцию, и просто анархию, еще крепче схватились за то, что сами создавали и создали от времен самого Рюрика, – поставили сами над собою самодержавного Царя и всем советом земли помогли ему крепко и бодренно держать скипетр этой самодержавной власти. Православие, Самодержавие Царское и Русская Народность – вот эти три исторические испытанные устои нашей народной жизни: Царю власть. народу совет, но оба перед Богом и для Бога Всевидающего. Об этом и будет теперь наша речь.

3. Православие есть чистое христианство

Не имея намерения подробно говорить здесь о высоком достоинстве православия сравнительно с папизмом и протестанством, мы должны, однако, сказать кратко, что оба эти еретические направления в христианстве сохранили от него лишь обрывки: у папистов все свелось к внешнему авторитету папы или клира, получивших от кого-то власть вводить человека в рай без личного участия, через усвоение сверхдолжных заслуг святых, главное же – по власти папы; а у протестантов среди бесчисленных разветвлений христианство получило в жизни лишь некоторое местечко между прочим, украшающее ее и делающее ее культурною. Не то в чистом и непорочном христианстве – в православии. Следуя непреложному слову

Христа Спаса: *веруя в Мя, имать живот вечный* (Ин. 6, 47), православие смотрит на всю нашу жизнь земную с этой высочайшей точки зрения. Вся земная жизнь, как и весь мир, в руках Божиих и для Бога здесь, на земле, полагается только начало тому, что откроется для всех в будущем, за гробом, а потому вся жизнь человека должна быть исполнена тончайшего чувства Бога, видящего все наше до глубины души.

Страх и ощущение Господня вседержительства должны быть законом, руководящим человека во всех его делах и намерениях. В идеале это должно быть доведено до такой степени, чтобы человек и без всяких иных побуждений и запрещений делал должное, как бы стоя перед Лицом Всевидящего, подобно ветхозаветному Иакову, который говорил Лавану, тестю своему: *вот, с нами нет никого; смотри, Бог свидетель между мною и тобою* (Быт. 31, 44).

В стремлении к этому-то высокому, ни с чем не сравнимому настроению наш русский народ с тех пор, как крестился при св. кн. Владимире, имел одну святую и великую заботу – как бы устроить свою жизнь по-Божьему, как бы чем-либо не прогневить Господа Бога, а напротив, всегда быть в Его неизреченном к нам, недостойным, милосердии. Вот эта набожность и самое скромное благочестие и были украшением нашей народной жизни; оне приводили в удивление, восхищение и восторг всех иностранцев, приезжавших к нам в старину и прозававших нашу страну «святою Русью», как поставившую идеал высокой христианской святости своим главнейшим идеалом и постоянною целью своих стремлений. Этим объясняется наша исстари народная любовь к храму Божию, к богослужению, к путешествию по святым местам и обителям, к посту и поклонам и ко всякому иному, нередко весьма трудному, подвигу; отсюда же и усердие – ставить свечки и возжигать лампы перед иконами, украшать храм богатыми прикладами и роскошною ризницею, наконец, любовь к громогласному торжественному бархатному звону колоколов. Во всем этом сказывается проявление высоконабожной души христианской, стремящейся к Богу и

Его ищущей, заботящейся лишь об одном – чтобы все в жизни, а наипаче в храме Божиим, напоминало о близком к нам Боге и исполняло христианина страха Божия и ревности о спасении по воле Божией.

Разве может что-либо земное идти в сравнение с этой христианской высотой и красотой жизни? И может ли что-либо иное обеспечить добро и порядок людской жизни в такой степени, как этот высший распорядок уклада ее по-христиански? Закон внешний, строгость наказания за его нарушение и т.п.? Но потерявший веру в Бога и свою совесть – обойдет все законы, а главное, потерявши высокую цель своей жизни на земле, он не будет дорожить ни чужою, ни своею собственною жизнью и всегда будет готов с нею покончить, что мы, действительно, и наблюдаем во множестве над нынешними неверующими людьми, особенно же над современною молодежью, развращенною безрелигиозною школою и книгою. Это все прежде и лучше нас поняли враги наши, ищущие нашего развала и гибели, – поняли и приняли все меры к тому, чтобы расшатать в народе русском устои православия, подорвать значение веры и вырвать самую эту веру из народного сердца. С этою целью через школу давно уже прививают нашим детям, и особенно подрастающему поколению, сомнение в вопросах веры, легкое отношение к делам и обязанностям веры, втрапляя вместо того лжеименный гуманизм, должный заменить будто бы уже отжившее свое время христианство. Но чтобы сразу не оттолкнуть от себя раскрытием своих намерений, стараются действовать вкрадчиво и постепенно, и сначала внушают людям взгляд на религиозную жизнь, как на выполнение внешних христианских обязанностей, а не как на дело душевной потребности. Со своей стороны, печать, вся оказавшаяся в руках врагов веры и государства, усердно выставляет напоказ все недоброе, что только можно подметить у служителей Церкви; где же для этого нет никаких оснований, там не стесняются прибегать прямо к клевете, чтобы унижить в глазах народа все для него высокое и святое. Действуют так в полной уверенности, что многие

легковерные и несамостоятельные поверят, если не всему, то хотя части сообщенного вымысла; а дальше при старании и умении надеются достигнуть и больших результатов. И действительно, иногда добиваются своего: недавно, например, мы видели, как многие верили наглой лжи и клевете грязных жидовских газет даже на священное для всякого православного христианина имя о. Иоанна Кронштадтского.

О торжестве православия во всей нашей жизни прежде всего и заботится Союз Русского Народа. Он исходит из того убеждения, что вера и законы ее должны быть самым прочным обеспечением благополучия и порядка житейского; что все законы гражданские, основываясь на законах Божеских, должны служить верным указанием пути к исполнению воли Божией. В этом убеждении Союз ставит своей целью, чтобы ни школа, ни печать не развращали населения, поручая его ко всему низкому, грязному и срамному, а напротив, внушали ему одно лишь высокое и святое. Отсюда школа должна быть христианскою, прежде всего и во всем заботящеюся о христианском воспитании. Истинная же христианская свобода – вот последняя цель как школьного воспитания, так и всего уклада народной жизни. А эта свобода заключается в том, чтобы человек свободно стремился и шел ко всему высокому и праведному, – свободно воздерживался от своих худых привычек и страстей, от соблазна и принуждения зла внешнего: конечно, свободен он последовать и второму, но душе его, исполненной веры в бессмертную, загробную жизнь и страха Божьего, все это недоброе противно, как ненормальное и нездоровое.

Вот первое, что ставит своею целью Союз: с высоты христианского закона осветить и осмыслить всю жизнь народа и отдельного человека, ввести в жизнь все высокое и святое и, по мере уделенной нам от Господа возможности, еще здесь, на земле, начать Царствие Божие, пришедшее к нам в силу. Если это – «реакция» и «мракобесие» до «человеконенавистничества» включительно, то союзники охотно и с любовью принимают такой укор себе в похвалу, ибо сей «мрак» вот уже без

малого две тысячи лет просвещает всю вселенную своим Божественным несозданным светом; и благодаря ему мы имеем все то, что называется просвещением и добром.

Этого же желаем как всему нашему народу, так и всем прочим народностям мира.

4. Царь самодержавен волею и советом народа

При св. кн. Владимире раздавшаяся на Руси проповедь о Христе Спасе быстро пронеслась по всем областям ее и скоро была усвоена всем русским народом. Уже через столетие по крещении Русская земля исполнилась множеством богато украшенных храмов и обителей. Удивительно быстро и глубоко христианство всаждено было в самую душу русского народа. Это говорит о том, что, очевидно, мы – русские – по природе своей, по складу своей души и прежде были близки к христианству; что и в язычестве мы молились неведомому нам Богу всеми своими добрыми душевными качествами – ласковостью, миролюбием, добротою, отзывчивостью и всем, чем богата русская душа. Очевидно, и в пору язычества для нас начала духа были весьма высоки и ценны, и все прочее имело смысл более с этой стороны духа. А с принятием христианства жизнь одухотворилась в несравненно высшей степени, и народ русский скоро сделался христианнейшим, более христианским, чем какой-либо иной народ.

Этим основным свойством души русского народа объясняется и отношение наше к власти над нами князей, а потом царей. Тогда как у прочих народов Европы власть князей и королей завоевывала себе народы и по отношению к ним являлась стороннею поработительницей непокорных, но слабых, – мы, наоборот, сами создали свою власть и поставили сами над собой князей – прототипов наших царей. Так было еще при призвании Рюрика с братьями, которых наши предки здесь, около Ильменя-озера, поставили над собою княжить в ту пору, когда только что начинали сознавать себя народом; когда зачиналась наша государственность. С принятием хри-

стианства эта вверенная народом князьям власть получила высшее Божественное освящение: князья явились помазанныками Божиими, от Бога получившими высокую власть над народом, чтобы под Богом и править народом. Далее, чем более крепла и разрасталась Великая Россия, тем более возвышалась власть князей, потом названных царями самодержавными, обязанными ответом за переданную им народом власть перед Богом и своею совестью. Затем, когда попущением Божиим не стало у нас на Руси Царя, то, переживши лихолетие под разнородными управлениями и не найдя ни в одном из них спасения от угрожающей гибели, мы быстро и единодушно (за исключением немногочисленных властолюбцев и интриганов) восстановили испытанный наш родной вид власти над царством: избрав Михаила Феодоровича на царство, ему перед Богом и во имя Бога Всеведущего вручили все царское над собою самодержавие. И не ошиблись в своих мудрых соображениях и на этот раз: полуразрушенное и истощенное царство наше быстро собралось с силами и возродилось, и усилилось во всех отношениях, достигши даже несравненно большей славы и процветания, чем в минувшие времена до смутных годов. Мы вышли на свою историческую дорогу.

Чем же крепка была эта самодержавная власть царская? Тем, что она, основываясь на совести и на Божеском законе, поддерживалась близостью к земле, советом народа. Княжеская дружина, боярская дума, Земский собор – вот что хранило царскую власть в полноте ее, не давало никому расхищать или отводить ее. С мест собравшиеся люди испытанной опытности и честности, исполненные одинаковой заботы об устройении земли Российской, возносили к Царю народный голос и совет о том, как и что устроить в стране. А Царю оставалось разобраться во всех голосах, сообразовать все с общеземскою пользою и повелеть к неукоснительному исполнению для общего народного блага то, за что он отвечает перед Богом Всевидящим и перед своею совестью. На неизменную до смерти верность этому закону Царь всенародно и клялся в час своего коронования и помазания на царство.

Применительно к теперешнему положению, это была наша российская самобытная, исторически самим народом выработанная конституция, но как небо от земли отличающаяся от тех заморских конституций, о которых бредят наши разных оттенков красносотенцы. Она – наша конституция, наше Царское самодержавие – покоится не на верности Царя случайному партийному большинству, то и дело меняющемуся по разным, иногда чисто случайным или искусственно создаваемым условиям, а на верности высшему и для Царя, и для народа закону, закону вечному, Божескому, и отголоску его – закону совести, которая умирает только с самим носителем ее, человеком. Припомните, как жестко мучился и казнил себя за отступление от этого вечного и неизменного закона Иван Грозный. А он ли был не самодержец? Так – перед Богом Царь и народ, две взаимно обуславливающие и объединенные части одного того, что – издревле всюду называется Русью, Великою Россиею.

За прошедшее два века тому назад отступление от этого почти мистически таинственного – но действительно – единства и за перенесение к нам с Запада того, что не свойственно нам и не имеет никакой почвы для себя в нашей истории и в народной душе, – за это мы и платимся теперь всеми бедами последнего лихолетия. Начало нашего покаяющегося на союзе с народом Царского самодержавия тогда было подменено так называемым западным абсолютизмом императорской власти, при котором власть ушла от народа и заняла к нему положение завоевательницы, как это было в Европе с самого начала образования там разных государств, тогда как нас – опять повторяем – завоевывать не приходилось, – мы сами себя отдали поставленной нами власти Царя. В силу этой разъединенности с народом власть волей-неволей перешла в руки отдельных правителей и ими естественно была расхищена, а в октябрьские дни смуты 1905 года она даже прямо была подменена захватом отдельных личностей, именем Царя совершивших тот переворот, который старается перетянуть нашу государственность на заморскую конститу-

цию. Так наша последняя революция есть прямое и естественное порождение того, что мы пережили за последние два века, увлекшись внешними порядками Запада и не заметивши, что у нас есть иной, лучший путь к устройению лучшего порядка.

Но не бывать тому, чтобы мы окончательно свернули со своего исторического пути на неизбежную себе и желанную врагам погибель. У помазанного Богом Царя нашего не те намерения, что преподносят нам с 1905 года. Благочестивый Государь неоднократно уже говорил своему народу, что самодержавие его «остается таким же, как было оно встарь», почему он и призывает всех нас: «Объединяйтесь, русские люди, я на вас надеюсь»¹. И услышал народ русский сей царский зов. На наших глазах совершается великое и удивительное по своей силе объединение великого русского народа на защиту родного Царского самодержавия от тайных и явных происков врагов его.

Целых два века мы разъединялись искусственно и сильно; а на протяжении последнего века все было сделано к тому, чтобы разлучить Царя с народом и на этом основании устроить российскую революцию. И революция эта, по камertonу от жидовско-масонского всемирного заговора против нас, устроена была жидами и всеми инородцами вместе с русскими, изменившими своим историческим заветам. Все они издавна объединялись на борьбу со всем исконным народным делом и потому изошрились в борьбе и в изыскании всяческих на то средств. Но они ошиблись в своих расчетах и, поспешивши открыть свои подлинные планы и намерения, тем самым помогли открыться народным глазам на дело и подняли народ на защиту исконных устоев нашей жизни. Всего только

¹ 16 февраля 1906 г., принимая депутацию от Иваново-Вознесенской Самодержавно-монархической партии, Император Николай II **сказал**: «Передайте всем уполномочившим вас, что реформы, которые Мною возвещены Манифестом 17 октября, будут осуществлены неизменно, и права, которые Мною даны одинаково всему населению, неотъемлемы. Самодержавие же Мое останется таким, каким оно было встарь. Спасибо вам за вашу преданность». О второй фразе см. комментарий к статьям св. Макария (Парвицкого-Невского).

в течение трех лет народ собрался во всероссийское полчище на защиту Царского самодержавия в единении с зовущим на то Царем. Этот удивительно быстрый рост и развитие Союза Русского Народа и прочих подобных ему союзов явно свидетельствует, что дело это самое народное идет из корней самого народа. Дивно и то, что там, где только узнают россияне о Союзе и его подлинных народных стремлениях вопреки издевательству жидовских газет, – там быстро разрастается и крепнет народное объединение, а красносотенные организации и партии слабеют, иногда же и вовсе умирают. Это тоже свидетельствует о глубоко народном деле Союза. Близко то время, когда исчезнет нагнанный жидами туман на народное дело и весь русский народ узнает истинное значение и смысл Союза и как один человек объединится в сплошной народный Союз под скипетром православного Самодержца на процветание великой и богато одаренной Богом и чудесно Им водимой Российской страны нашей. Близок час этот, ибо народное самосознание пробуждается и крепнет на всем протяжении великой нашей страны. Народ делается «сознательным», только не в сторону «товарищей», а совершенно в обратную: он ищет возрождения России на исторических своих основах. – Если все это «красносотенцы» тоже считают реакцией и мракобесием, то союзники охотно принимают себе этот укор, ибо именно эта сила – самодержавие Царя в полнейшем духовном единении с народом – создала, скрепила и возвеличила Русь, из небольшого княжества сделавши ее великою державою, двуглавый орел которой властно распростирает свои крылья на шестую часть всего света. Об этой славе Отечества под державным скипетром Боговенчанного Самодержца усиленно и заботится восторгающийся ею Союз Русского Народа.

5. Русский народ — хозяин великой страны

Всегда оправдывается жизнью непреложное слово Господа: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит (Мф.

12, 25). Это так ясно и убедительно, что поймет всякий хозяин даже малого хозяйства. Если бы в хозяйстве или семье вместо хозяина и семейных стали распоряжаться приживальщики, или пришельцы, или даже прислуга, то не устоял бы такой дом, не продержалась бы долго такая семья. Она развалилась бы от бесхозяйственности, от безвластия и многовластия, при котором всякий тянет в свою сторону и ждет не общей пользы и благоустройства дома, а лишь своей выгоды, и чем скорее получит ее, тем чувствует себя лучше. Государство, Отечество есть большое для всех нас хозяйство. Хозяин в нем тот, кто его и создал и под чей кров и власть пришли остальные добровольно или в силу обстоятельств и судеб истории, управляемой Тем, Кто держит все в Своей Божественной деснице. Таким хозяином в великой Российской державе и является великий русский народ. Посреди всех исторических бурь и бед он не растерялся, а собрал свое достояние, приумножил его и расширил почти на две части света. Он собрал под свое иностранное и теплое крыло все прочие народы, ныне входящие в состав нашей страны. Одни из них силою истории вошли в состав России, а другие даже сами давно и неоднократно умоляли принять их в Российскую державу, как грузины и другие. Только один народ мы не покоряли и не присоединяли его по его желанию, а он сам присосался к нашему великому народному организму в недавнее сравнительно время, — это евреи — наследие развалившейся Польши, и разваленной-то старанием или значительным участием в том евреев¹. Исстари их опасался и чуждался русский народ, и все древнее законодательство бережно охраняло Россию от нашествия евреев, как червоточины. Но иное отношение и было и есть со стороны хозяина страны — русского народа — к прочим многочисленным подвластным народностям. Не предоставляя им вместо себя господства или владычества, он признает их полноправными

¹ По указу Императрицы Екатерины I (1727) евреям запрещалось жить на территории Российской империи. Указом Императрицы Елизаветы Петровны в 1742 г. евреи, сумевшие обойти запрет, были высланы из России. Однако в результате трех разделов Польши в 1772–1791 гг. огромное количество евреев стало русскими подданными.

гражданами, уделяя всякой из них одинаковое с собою право на участие в строительстве государственной жизни, как и в пользовании прочими благами ее. Даже того больше: об окраинах издревле мы заботились гораздо больше, чем о центре; окраины существовали и процветали всегда за счет центра. О каком-либо истреблении народностей, как это делали англичане и другие с индейцами и разными дикими и полудикими подвластными им народностями, — об этом у нас и от нас не может быть и речи. Только низкая неблагодарность инородцев может упрекнуть нас в насилиях каких-либо к ним, и только слепая тупость утративших живую связь с своим народом и народную историю наших образованных и полуобразованных космополитов может поверить этим нареканиям на благодушной и добрейший русский народ.

Мы должны сказать даже более того: наше добродушие и уступчивость подвластным народностям сделали то, что как важные отрасли управления с их разветвлениями, так и торговля, и промышленность, и наука, и школа, и печать и т.п. — все теперь — оказывается больше в руках разных, даже враждебных к нам, инородцев, чем в наших собственных. Приходится сознаться, что только благодаря последнему условию и дожили мы теперь до того, что русская народность сделалась предметом насмешек и издевательства для инородцев; что русский народ — хозяин страны — гонится от своего хозяйства, отстраняется пришельцами или подвластными народностями. И все это совершается под дикий радостный рев наших домогренных космополитов, торжествующих позор народный, рукоплещущих инородческому засилию в Российской стране.

Возвратить державную власть в стране хозяину ее — великому российскому народу — вот цель, которую преследует Союз Русского Народа. Не насиловали и не насилуем мы никого из подвластных себе народов; всем даем, как и прежде, свободу во всех житейских делах на основе общего и равного для всех закона, как равно и свободу исповедания родной всякому веры. Но мы хозяева страны и желаем быть таковыми на деле, и поэтому никто не должен дерзать смеяться над нами,

забирать силу над нами, посягать на наши верховные права. Тем более мы не позволим издеваться, ругаться, принижать или умалять достоинство нашего духовного богатства и важнейшего достояния – веры православной и Царя Самодержавного. Засилившие Россию инородцы, зная, что главная сила русского народа в вере и Царском самодержавии, на это главным образом и ринулись в разгар смуты 1905–1906 годов. Всякое надругательство, издевательство, клевета, высмеивание, бешеные с пеной у рта угрозы и многое худшее – все было пущено тогда в ход для подрыва в народе веры в Бога и благоговения к Царскому самодержавию. Но ныне настал конец сему надругательству. Как собрались доселе при нашем добродушии и доверчивости разные наши инородцы и составили вражескую против нас силу, так ныне собираемся и мы – россияне – и говорим властное хозяйское всем им слово: «Если хотите, чтобы мы с вами говорили не как с низкими и подлыми холопами, а как с полноправными гражданами, то живите смирно под нашу державою двуглавого орла, наслаждаясь всеми благами властного его подъема и парения над всенародным великим и высоким достоянием. Мы вас не презираем и не отталкиваем от себя, но смотрим на вас как на полноправных с собою граждан и верноподданных державы Всероссийского Самодержца, вместе с собою предоставляя вам место и в государственном строительстве». В былую пору грузины сами просили нас принять их в российское подданство, ибо видели, что иначе они погибнут во взаимной на Кавказе борьбе или захвачены будут соседними турками или персами. И прочие народности великого нашего царства пусть помнят, что, отделившись от России, они погибнут, захваченные сильнейшими соседями, того лишь только и ждущими. А какова власть этих соседей, пусть о том порасскажут искренне поляки, вспомнив о своих братьях в Немецкой стране. О евреях разговор особый: их мы не принимали к себе и даже не завоевывали. Равноправия им дать мы не желаем и натурально не можем, вполне соглашаясь с пророчески предостерегающим словом великого писателя земли Россий-

ской Ф. М. Достоевского: «Жида погубят Россию». Не хотят они пользоваться тем, что мы их терпим среди себя, – пусть уходят, куда хотят: мы их за ворот не держим; и без них проживем свободно и безбедно. А если они остаются среди нас, то пусть будут как иностранцы для нас, не имеющие права на участие в строительстве народном и государственном.

Волею державного Самодержца созвана Государева дума на совет Царю, чтобы поведать ему нужды земли и пути к лучшему их уврачеванию и исправлению. Так и пусть будет, как было встарь: Царю власть, а народу совет. Этим и крепка власть Самодержца. Но не должно быть места в Государевой думе тем, кто не признает самого Государя, Царя. Там должны быть верноподданные россияне, озабоченные родным делом, а из инородцев в соответствующем количестве лишь те, кто не внушает сомнения в своей верноподданности, сомнительным же с этой стороны не место в Государевой думе; тем более до времени не должно быть там представителей от совершенно некультурных племен, а наипаче от евреев, как народа пришлого и совершенно нежелательного для нас. Пусть они живут среди нас, не посягая на наши права и достоинство. Но советоваться с ними в делах государственных мы не желаем. Это должно быть законом жизни. Мы их не преследуем, не изводим, но пусть они, как пришельцы, стоят в стороне, пользуясь тем, что им дается от щедрой и миролюбивой руки хозяина земли – народа. Если это рассуждение – человеконенавистничество и мракобесие, то мы, «союзники», охотно принимаем по отношению к себе такой укор, как принял бы его и тот хозяин, который желает процветания своего хозяйства от своих собственных трудов и стараний без зложелательства к соседям, а тем более без коварства и насилия над ними. Мы желаем процветания страны нашей, процветания и славы народа русского, а через то и всего царства Российского, уверенные, что это есть наилучшее и необходимое обеспечение благополучия и прочих многочисленных народностей в составе его. Если силен, бодр, доволен, просвещен будет хозяин земли, это отразится и на всех подвластных ему. Поэтому пусть не заедает нас никакое иноязы-

ческое засилие – ни инородческое, ни иностранное; пусть все в России будет русское, чтобы от него и всему инородческому нашему было светло и просторно. А если вместо хозяина будут хозяйничать пришлые и подвластные или принятые в подданство народы, то порядка у нас не будет и исполнится над нами слово Христово: царство, разделившееся само в себе, опустеет. Это желательно врагам нашим; о ссоре инородцев с нами они усиленно и стараются, чтобы, посеявши смуту, развалить все в стране и порасхватить то, что плохо лежит. Пример Турции у нас на глазах; доказательство налицо. «Союзники» понимают эту опасность и призывают всех благомыслящих объединиться и встать на защиту Отечества от всяких посягательств на его целостность и честь. Укор в таком человеконенавистничестве мы принимаем с истинным удовлетворением.

6. Пути конечной цели Союза Русского Народа

Сознательные враги русского народа и из самих русских слабодушные и маломысленные, не понимающие скрытых замыслов своих врагов или ослепленные бешеным самолюбием, – все такие набросали много грязи на глубоко народное, высокопатриотическое, светлое и просветительное дело Союза. Прославили они «союзников» и погромщиками, и человеконенавистниками, и т.п. Но грязь не всегда пристает неискоренимо, нет: высохшая, она часто или отваливается сама собой, или отмывается, как наносная, а под ней по-прежнему открывается чистая материя одежды. Так случилось и с той грязью, которою хотели забросать спасительное для Отечества дело Союза. Правда, малодушные и легковверные поддались ложному стыду, убоялись и «страха ради иудейска» перебежали на сторону врагов. Но таким ведь и цена-то грош. А народ русский спокойно и без нервной торопливости собирается и собирается в многомиллионный Союз. Он готовится стать уже всероссийским, принимая, правда, разные формы и являясь под разными наименованиями, но везде поставляя себе одни и те же цели. Совершенно мирным путем и без

обычных врагам нашим коварства и хитрости Союз достиг того, что даже земство почти всюду высвободилось из рук заправил «освободительного движения», кадетов, и оказалось в распоряжении не разрушителей-краснобаев, а людей скромных, но способных к истинно созидательной земской работе. Мало того: мы наблюдаем теперь, как это же земство вскрывает все язвы либеральных предшественников. Оказывается, деятельность их полна прискорбных и поразительных злоупотреблений, скрывавшихся под маской служения народу. Мы не хотим этим сказать, что земство теперь состоит из «союзников». Нет, но Союз сделал свое дело возрождения народного самосознания даже в той области, которая доселе для него была совершенно чуждою и закрытою.

Так и все дело Союза сводилось к совершенно мирному воспитанию народных масс, образованных и простых, в духе сознательной любви и привязанности к Отечеству. Путь для этого: газеты, журналы, книги, школа, чтения, беседы – вообще все то, что содействует образованию и просвещению народному. Во все это должно быть вложено национальное самосознание, сознание себя именно русским народом со всеми его особенностями, отличающими его от прочих народов. Это же высокое народное самосознание должно быть положено в основу и всего нашего законодательства. Вера в Бога и сохранение Царского самодержавия – вот из каких начал должно исходить оно, и к тем же началам оно должно сводиться, как к исторически выношенным и бережно сохраненным, и хранимым всею народною жизнью нашим высоким святыням. В этом великое богатство наше, та священная высота, которою мы решительно превосходим другие народы, та сила, которая создала нас как народ, вынесла славно среди всех исторических бурь и невзгод и явила великою державою Российскойю.

В былую пору на пути «великого переселения народов» в Европе погибли или расплылись в порабощении многие народности, утратившие духовную и физическую силу и самостоятельность. Поэтому и из чувства самосохранения мы желаем сохранить свою силу и самостоятельность и

быть в состоянии отстоять себя перед лицом всех возможных случайностей, быть может, даже в недалеком будущем. Над народами мира, особенно Европы и Азии, собираются зловещие темные тучи, угрожающие разрядиться страшною всемирною катастрофою. Ближний Восток с Турцией и славянскими народами; «пангерманизм», или стремление немцев к всегосподству, особенно на Ближнем Востоке и в родном нам славянстве; революция и брожение в Персии и Индии; давнее шипение дракона Поднебесной Империи, заставляющее думать, что этот дракон рано или поздно проснется и извергнет огонь и кровь на весь мир; тревожные осложнения во взаимных отношениях народов и государств и многое другое, – все это внушает великие опасения за судьбу России. Нужно твердо и зорко стоять на своей исторически народной дороге, чтобы неустрашимо и самособранно всей духовной и грубо-материальной силой встретить всякие возможные случайности и всякого возможного врага, смертью нам угрожающего. Немец давно уже учел возможную развязку складывающихся событий мира и давно уже настойчиво готовится ко всяким роковым случайностям мировой истории. О своей народной целостности перед лицом угрожающих бед заботится Союз Русского Народа.

Не время и не место той партийной борьбе, которую выше всего ставят теперь даже в Государственной думе, в увлечении ею забывая весь свет и саму Россию с угрожающими ей опасностями. Никаких партий не должно быть; должен быть единый русский народ и единые с ним все прочие народности нашего царства, сплоченные в единый тесный союз, объединенный одною заботою о целостности, силе и славе Российского царства. Развитие всего этого, введение в народное сознание необходимости единения всех в России – вот тот путь, совершенно мирный и высокопатриотический, которым идет к своим высоким целям Союз Русского Народа. Чем скорее совершится это раскрытие народного самосознания, это всероссийское объединение, тем ближе наше возрождение и спасение от угрожающей неизбежности опасности самораз-

ложения при уже начавшемся было нашем разброде, и тем безопаснее и самоотстойчивее встретимся мы в недалеком будущем со всеми возможными и трудно наперед определенными случайностями в развитии мировых международных событий, которые видимо уготовляются по непостижимым, но властным путям Промысла Вышнего, владеющего царствами человеческими. Уже много раз раздражались над миром такие стихийные катастрофы. Выстаивали перед ними лишь те, которые, мудро предвидя их, надлежало готовились встретить их, а легкомысленные погибали. Да поможет нам Господь и ныне, как неоднократно прежде, не на беду, а на славу выдержать напор грозных мировых событий! Да соберется, как один человек, вся Русская земля!

7. Итак, Союз Русского Народа не есть партия

Итак, есть ли Союз Русского Народа партия в обычном смысле этого слова? То есть можно ли его приравнять к многочисленным народившимся у нас за последнее время политическим партиям кадетов, октябристов, социал-демократов и т.п.? О том, чтобы занести Союз в список партий, стараются многие, или не понимая дела, или, напротив, весьма хорошо понимая, но желая принизить и опошлить великие цели, поставленные себе Союзом.

Однако на основании всего того, что подробно сказано выше, мы теперь должны твердо сказать и запомнить, что Союз Русского Народа не партия и не преследует никаких партийных целей и намерений. Союз есть сам великий русский народ, под впечатлением злосчастных освободительных событий последних трех лет приходящий в себя и постепенно собирающийся с духом, чтобы отстоять свое достоинство от всех возможных бед. Это есть сам народ, отгребающий или освобождающийся от натиска всяких партий, от всего партийного и наносного, а не народного. Потому-то он так ненавидит всяким партиям, что опасен им своею беспартийностью и глубокою и исключительною народностью. Потому-то эти

разные партии и стараются забросать грязною клеветою самое имя Союза: они чувствуют его народную, а не наносную почву и силу, и вместе с тем смертельную беду себе от роста и укрепления Союза. Да, потому именно и растет с такою быстротою повсюду Союз, что его дело не мертвое, чужое, а живое, свое, родное, глубоко родное. Довольно лишь сказать, что вся пресса – газеты – или еврейские, или обьевреившиеся, не могли удержать роста Союза и замолчать его дела.

Смотрите, сколько за последние три года народилось газет исключительно правых – русских. И поддерживаются они не банковскими или экспроприаторскими капиталами, а исключительно лишь наличными подписчиками, в то время как исчезли за недостатком подписчиков многие из левых газет, существовавшие на обильную субсидию со стороны.

Так, возглашаемые Союзом светлые народные цели находят себе скорый отзыв в народной душе, и народ постепенно, но верно и надежно собирается. Даже в студенческой среде с удивительной быстротой развивается высокопросветительное и народно-творческое дело Союза под разными его наименованиями и разветвлениями.

Итак, пусть ни один малодушный не смущается, когда враги народа или не понимающие истинного его блага закидывают клеветою имя Союза, обзывая союзников черносотенцами и т.п. Стыдиться этого не приходится, ибо знаем мы, насколько «черно» и «погромно» наше мирное, творческое, просветительское и глубоко народное дело. Злобно выкрикивали прежде «освободители» клич свой: «В борьбе обрешь ты право свое», и мы видели, какую борьбу они объявили против всего народного и русского. Мы тоже ищем своего права, но не того, о котором мечтали освободители: мы желаем быть русскими всегда, везде и во всем – в семье, школе, государстве, в общественной жизни, в церкви. И будем бороться за осуществление своего желания, но не бунтами и мятежами кровавыми, как освободители, а совершенно мирным, хотя вместе с тем твердым и уверенным отстаиванием всего русского и народно-го от всяких на него посягательств.

**Русский гражданский строй жизни
перед судом христианина, или основания
и смысл Царского самодержавия**

Глава I

Теперь уже, кажется, можно сказать, что нагнанный за последние годы на нашу российскую жизнь и действительность туман в значительной степени рассеялся. В значительной степени прошел также и угар от разных свобод, до свободы убивать и грабить включительно. Нет или гораздо меньше теперь и той страстности, с которою относились в недавнюю пору к разным политическим вопросам на Руси. Ибо в минувшую пору мы уже были свидетелями предначатия исполнения пророческого слова Христова о конечных судьбах мира: *тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга (Мф. 24, 10); предаст же брат брата насмерть, и отец – детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их (Мк. 13, 12)*. Но благодарение Создателю: теперь все это в сильной степени миновало, как бы предупредивши нас своими страхами и бедами, что *все это начало болезни (Мф. 24, 8)*, дабы мы под впечатлением такого грозного предостережения вспомнили, откуда ниспали, и покались, и творили прежние добрые дела веры, как говорит ангелу Ефесской церкви Сидящий на Херувимах и на Престоле высоком и страшном: *а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься (Откр. 2, 5)*. Итак, теперь среди некоторого, хотя и не вполне прочного, замирения есть возможность более спокойно разобраться в том, что совершается среди и кругом нас, более спокойно и уравновешенно отнестись и к тому, что нам не нравится.

А разобраться во всем происшедшем и происходящем теперь уже настало время, чтобы после полученных суровых уроков более сознательно, разумно и уверенно относиться к тому, что было, бывает и еще может быть.

Пусть никто не верит наговорам оболъстителей, которые говорят, что для христианина совершенно безразличен тот или иной порядок гражданской жизни. Нет, мы – христиане – в мире живем и из этого мира до времени, определенного Творцом, выйти не можем (1 Кор. 5, 10). А потому нам вовсе не безразлично, что совершается в гражданском нашем быту, ибо тот или иной строй, те или иные порядки жизни могут содействовать или препятствовать делу спасения, а в иных случаях и вовсе его преследовать на смерть. Помним мы и другое слово апостола Павла: *все ваше*, – пишет он христианам, – *Павел ли, или Аполос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий* (1 Кор. 3, 21–23). И еще: *Ангелы не все ли суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?* (Евр. 1, 14)

Итак, если все в этом видимом и даже невидимом ангельском мире существует для нашего душевного спасения, то мы имеем самое твердое основание и неременную обязанность разобраться в том старом, что было доселе, и том новом, что нам предлагают, насколько то и другое способно помочь главному назначению нашей жизни на земле – спасению или, наоборот, препятствовать ему.

С этой именно стороны и надлежит смотреть христианину как на все в жизни, так и на гражданский строй. И эта точка зрения есть единственно безусловная и бесспорная. Ибо как ни вертись человек, а от вопроса о цели своей жизни на земле, о смысле ее, о том, что есть там в потустороннем невидимом, но несомненном мире и что будет с нами за гробом, – от этих вопросов никто не может уйти или замолчать их. И те, что прикидываются неверующими, именно лишь прикидываются такими от легкомыслия своего, подобясь известной птице, которая в виду угрожающей ей опасности укрывает свою голову под крыло, очевидно будучи уверена, что опасность исчезает для нее по мере того, как она перестает видеть ее. Безусловно утверждаем, что подлинных

неверов нет и быть не может, ибо это противоречит самой сущности нашей жизни, не телесной только, но и духовной. Пусть некоторые уверяют и себя, и других, что не верят они ни в Бога, ни в свою душу. Умолчим о том, что они жестоко ошибаются, подобно упомянутой птице. Но все же они во что-либо верят: одни в науку или человеческий ум, другие в искусство, иные в благотворительность, а некоторые даже в удовольствия и веселую жизнь и т.п. Вот все это для них и есть смысл жизни и, следовательно, бог, заменяющий Истинного и Единого Бога, Творца неба и земли. К новым язычникам, бегущим от света Христова, вполне применимо глубокое по своему смыслу слово апостола Павла, сказанное им о язычниках древних: *но как они, познав Бога, не прославили Его как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, – то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте... Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь* (Рим. 1, 21–25). Так и сии неверы ощутили в себе потребность во что-либо верить, на чем-либо обосновать свою жизнь; но от того, что уже дано для этого, уклонились и создали своих измышленных, нередко низких, богов. А Божественная истина, ими замалчиваемая и попираемая, пребывает по-прежнему светлою и просветительною, ибо Она есть Солнце правды, Христос Бог наш, создавший весь видимый мир.

Со стороны этого-то света, со стороны смысла жизни и должны мы рассмотреть самый гражданский строй жизни нашей. Как же при свете Откровения, с точки зрения высокого дела душевного спасения смотреть христианину на современную жизнь, в которой теперь у нас борются два начала – исконного русского самодержавия царского и западного конституционализма партийного? Посильным ответом на этот вопрос и будет дальнейшая наша речь.

Глава II

Прежде всего нужно совершенно освободиться от той искусственной натяжки, какую делают обычно из Святого Писания в утверждение исключительной правильности и совершенства лишь строго монархического образа правления. Прошу всякого читателя своего не страшиться и не бросить самое чтение моей заметки, если я, убежденный царист, скажу решительно, что в Святом Писании нет таких свидетельств, ибо и цель его, как слова Живого Бога, иная, а именно: да знают люди, живущие во всякой обстановке и во всяких внешних условиях жизни всего мира, *Единого Истинного Бога, и Его же послал еси Иисус Христа* (Ин. 17, 3). И вот, у евреев сначала совсем не было царя, и это не только в патриархальный период, а и по выходе из Египта, когда они являются целым народом-завоевателем других народов. Тогда как эти народы управлялись царями, евреи, напротив, представляли из себя приблизительно то, что теперь называется республикой, и управлялись вождями и судьями, которых выдвигала на это дело сама жизнь и благословлял Бог, как мужей разумных, сильных и (всякий в свою меру) радеющих о народе. Даже больше того: когда евреи из подражания соседним языческим народам пожелали иметь своего царя, то пророк Самуил весьма восскорбел о сем, а Господь, чтоб успокоить его, сказал ему: не тебя, а Меня оставили евреи, и вместо Меня, Бога Живого, возжелали иметь земного царя-человека над собою. Так, потерявши живое сознание и ощущение Вездесущего и Всеведущего над собой Бога, евреи восхотели заменить его земным царем. И только из снисхождения и опасения, как бы евреи и вовсе не позабыли Бога и не погибли во зле и взаимной вражде, Господь повелел пророку Самуилу поставить им царя. Таков основной взгляд Святого Писания на всякую вообще внешнюю власть и, в частности, на царскую: она лишь предохранение и обеспечение от больших зол. А вид этой власти обуславливается уже внешними данными: характером народа или целой страны, условиями места и времени, ходом и

складом исторической жизни государства. В этом отношении имеем характерное свидетельство в книгах Маккавейских; в них (1 Мак. 8 гл.) писателем подробно описывается и похваляется республиканский образ правления у римлян того времени. Имея над своим народом выдвинутых Богом и условиями времени преемников власти царя Давида, братьев Маккавеев, писатель, однако, с уважением относится и к совершенно иному способу управления, созданному к тому времени и историей, и народным характером римлян. И в Новом Завете как Господь Иисус Христос, так и апостолы подчинялись и учили подчиняться всякой в мире власти, как от Бога поставленной, хотя бы это была и языческая власть, следовательно не освященная действительным благословением и помазанием Божиим, как это имеем теперь мы, во Христе живущие.

Глава III

Итак, Царская власть сама по себе не есть исключительно священная и Богом благословенная для всех и навсегда. И, однако, мы без смущения утверждаем, что исторически и фактически именно царская, в строго монархическом смысле, власть была и есть обеспечивающая у нас всему без исключения населению государства веру и даже уравненный для всех порядок и благополучие. И на самом деле, настоящую религиозность, охватывающую всю душу и жизненный быт человека, можно находить только у нашего народа, не тронувшегося еще от западной, несвойственной нам культуры, у греков Турции, у арабов и сиро-халдейцев, а вне христианства — у наших инородцев мусульман, у китайцев, у турок и персов, тогда как в странах конституционных и республиканских вы хотя и найдете благочестие и религиозность, но они давно уже занимают лишь определенный уголок и в жизни, и в душе человека и народной. Там, по-видимому, свято чтут христианство, особенно в воскресный день, но лишь как часть той культуры, которою люди и народы теперь живут, без чего, следовательно, нельзя уже быть и культурным, как без школы нельзя быть образованным.

Следовательно, на христианство смотрят с чисто утилитарной точки зрения, ценят его как полезное для приятной теперь людям культуры, если не в настоящее, то, во всяком случае, старинное время, когда складывалась эта культура. Особенно ясно это сказывается на судьбе наших южных славян. Долго жили они под тяжелым турецким игом, а вера у них была крепка, и христианская жизнь была высока. Но смотрите, что сделалось с теми же славянами лишь за последнюю четверть века, когда они пользуются благами данной им прославленной конституции? Или что сделалось с их соседями – греками конституционного королевства? И те, и другие скорее полуфранцузы, чем греки или славяне. Вера у них иссякла, в жизни мало что осталось христианского. И в то же время греки турецкие сильны благочестием, хотя и с борьбой приходится им содержать его. Конечно, много значит в этом отношении положение гонимых и угнетаемых, но еще большее значение имеет государственный строй. В данном случае весьма важно то, что строго монархический строй всем и каждому обеспечивает уравненное во всех отношениях положение в государстве. Конечно, если при этом худо правительство, то будут злоупотребления, но за них оно же и отвечает перед Монархом, а всякому подданному без различия национальностей, верований и положения остается одно – исполнять обязательный для всех закон, остальное же все обеспечено. Не то в конституционных странах; здесь главная энергия идет у всех и каждого на партийную борьбу. Всем известно по примеру конституционных стран, а теперь нам очевидно и по собственному опыту троекратных государственных выборов, что творится за одно время этих выборов. Забывается все: вера, Отечество, семья, дело – лишь бы восторжествовала партия, к которой кто принадлежит. Лишь только за три года этой конституционной встряски ведь не узнать нашу страну – и к худшему, а не к лучшему: и вера, и нравы ослабели и оскудели до того, что безбожие, бесстыдное распутство, пьянство, попрошайничество сделались поразительными по своей очевидности и откровенности, не говоря уже о таких страшных ненормальностях, как грабежи и разбои. Вся эта партийная и

выборная агитация – это сплошной угар, которому люди предаются всецело, забывая все прочее. Так и дальше: какая партия проберется в большинство, та и управляет всем, крича, что она только и есть голос народа. Но кто же может в это верить, как в догму правовой конституции, когда у нас выдавали себя за народ сначала революционеры открытые, а потом и они, и революционеры скрытые – кадеты, сами теперь сознающие свое поразительное меньшинство среди действительного народа, почему они и покровительствуют всякому террору, через него надеясь удержаться на своих позициях? Разве была и есть действительная забота о народе, об Отечестве, когда все сводилось и сводится к партийной борьбе и торжеству? А дело веры заброшено было настолько, что даже в вероисповедную комиссию были выбраны, кроме неверующих или маловерующих, евреи, поляки и мусульмане. И это в стране, где господствующее население русское, православное и верующее?! И эта кучка смеет выдавать себя за народ и свои бредни за голос его?! Да ведь это явная насмешка над хваленой конституцией, в которую, очевидно, и сами они не верят!.. Хотя не входит в нашу задачу, но кратко мы тоже должны сказать и о всей внешней жизни: провозглашаемого равенства и правды для всех в стране тоже быть не может при конституции; благополучие будет только тем, кто принадлежит к господствующей в управлении партии, а все остальные будут лишь терпимы, а может быть, и гонимы. Посмотрите на пример Франции, где прорвавшаяся к власти еврейско-масонская партия¹ открыто глумится даже над верой действительного народного большинства; а воцарится иная партия, и порядок будет иной, и от нее никому не будет житья.

Глава IV

Итак, для главного душевного дела – для веры – больше благотворного воздействия мы имеем получить от строго мо-

¹ В конце XIX – начале XX вв. во Франции усилилось влияние левых партий (социалистов, радикалов и др.), которые проводили политику по изгнанию Католической Церкви из общественных институтов, венцом которой стало принятие 9 декабря 1905 г. закона об отделении церкви от государства.

нархического правления, чем от конституционного. И это не потому, чтобы вера могла существовать только при поддержке от царской власти, ибо мы видим, что греки мусульманской Турции под султаном-мусульманином лучше содержат веру, чем греки конституционного греческого королевства. Нет, дело именно в том, что при монархизме все вверяется власти, почему духовная энергия может быть свободно направлена на благочестие; а при парламентаризме все забрасывается, лишь бы восторжествовала партия и пробралась к власти. Это прекрасно поняли мы еще издавна в истории. В самом начале нашей государственности мы представляли из себя республику и, однако, сами решили, что это нам не подходит – делом заниматься люди не будут, а только будут спорить да драться за господство и за выгоды, а порядка общего не будет, как и не было. Поэтому сами решили, что нужен князь как глава всего разбросанного и богатого народа, и ему-то вверили всю власть над народом. А народ оставался постоянным пособником у князя в деле управления, выделивши из себя к нему дружину, а потом и служилых, и боярских людей. И были князь и народ как нераздельное целое. По мере того, как разрастался народ, росла и увеличивалась и власть князя, и, наконец, он явился в народе как Царь самодержавный, живший в народе и по быту мало чем отличавшийся от народа. А главное то, что сам народ помог великому князю сделаться единым над всей страной Царем, или, лучше сказать, его одного он провозгласил Царем над собой, подчинивши ему всех остальных князей, прекрасно понимая, что во многовластии для великого и размножившегося народа не будет порядка, как смерть или развал тому улью, в котором появилось несколько маток.

Но вот и Царя, народом созданного, выношенного и взлелеянного, мы потеряли. Установлялась у нас опять то республика, то конституция; шведы и поляки сулили нам и заморские блага, а порядка все не было. И опять, научившись сим горьким опытом, народ вспомнил и еще больше возлюбил то Царское самодержавие, которое он же сам создал, сам поддерживал, своим пособничеством Царю увеличивая его царскую

самодержавную власть. И весь народ, как один человек, не послушавшись обещаний льстецов, пробиравшихся к власти, не убоявшись и внешних врагов, обложивших уже столицу – Москву Белокаменную, то издевавшихся над нами, то суливших заморские блага, – весь народ собрался и снова поставил над собою Царя Самодержавного, ему вверивши опять власть над собой, а сам лишь помогая и содействуя общим советом и делом молодому Царю устроить порядок на земле. И были опять Царь да Собор от земли, своим советом поставивший Царя воистину Самодержавным, высшим всех возможных партий и злоупотреблений людей власти, от земли поверяя ему советы и волю – как лучше устроить страну, чтобы не было кому-либо забвения или насилия. А после этого мы, весьма задержанные в своем развитии долгим татарским игом, и после него, быстро оправившись и развернувшись в одно лишь царствование Грозного Царя, затем снова растерявшись в Смутное время, – после того быстро собрались с природными богатыми силами и уже в два царствования процвели духовно и граждански, раскинувшись от моря до моря в Европе и почти до Великого океана в Азии. А главное, у нас процветало благочестие, которым издревле так дорожили мы, и находили особенное обеспечение для свободы в Царском самодержавии, занятом устройением земли со всех сторон. Благочестие настолько было сильно и пленительно, что инородцы страны свободно переходили в Христову веру от Магомета и идолов. Мало того, мы не стремились сделать их русскими, а они сами легко такими делались во всем.

Глава V

Таково было благо нашего Царского самодержавия, созданного в истории самим народом и покоившегося на полном единении Царя с народом, постоянным выражением которого были Земские соборы, созывавшиеся Царем по обычаю на совет с землей, на выслушание ее воли. Это и была наша неписаная конституция, по которой ни Царь без народа, ни народ без

Царя: от земли – совет и воля, а от Царя – решение и власть. Стоя выше временных или случайных течений и увлечений, а равно с высоты Царского Престола созерцая положение своей страны и соседних народов, Царь, выслушавши голос земли, решал так, как он находил то лучше, отвечая за царство и перед Богом, и перед народом в истории. И продолжать бы нам эту нашу конституцию, проводить бы ее глубже в жизнь, свято охраняя исторически созданное и выношенное народом Царское самодержавие. Смело можно сказать, что это была бы самая лучшая в свете система управления и самая прочная, как основанная на нравственном, жизненном и потому самом прочном союзе между Царем и его народом; при таком только союзе и нет места розни, вражде и недоверию между Царем и народом, ибо оба стоят у одного и того же дела по взаимному, бытом утвержденному, не записанному, но перед Богом и царскою, и народною совестью священному договору. И к нам бы пришли другие народы учиться у нас, как примирить народы с властью, вечно борющиеся между собою за господствование одного над другим. Но... два века тому назад положен был конец этой нашей священной бытовой народной, потеперешнему – демократической конституции, чуждой всякой партийности, а с нею и лжи неизбежной и неправды. Увлечшись сильной централизацией власти западного королевского и императорского абсолютизма, Петр I перенес ее и к нам, объявивши себя императором и вместе с этим своим титулом насадивши у нас и все западные порядки в управлении, совершенно нам несвойственные, как имевшие под собою начало разобщенности между властью и народом, ею поработанным или завоеванным, и, во всяком случае, чуждой народу, чего у нас не было, ибо власть мы сами создали и поставили над собою. Плодом сего насильственно введенного в нашу русскую жизнь, как зараза в организм, абсолютизма власти было то, что на манер Запада и у нас оказалось разобщение императора с народом, средостением между которыми оказалась правящая власть, сначала и состоявшая из иностранцев, а потом хотя и из русских, но по духу уже ушедших от народа. И остались

Царь русский сам по себе, а народ русский сам по себе, между ними же стояла прикрывавшаяся именем Царя, централизованная около себя весь порядок народного управления правящая власть, разобщившая Царя с народом; а с другой стороны, в последнее столетие – земство, выдававшее себя за голос народа, когда как в нем народа-то не было. Так как между народом и чуждой ему, с ним не имевшей ничего общего властью нравственный, духовный союз был естественно утрачен, то сам собой сложился такой порядок, что обе половины ухищрялись часто, а потом и постоянно, обойти и обмануть друг друга, чтобы власти держать в повиновении народ, ее не знающий за свою родную власть, а народу – показывать вид повиновения власти и как можно дешевле добиваться через это права на свое спокойное житие личное, хотя бы и в ущерб общему благосостоянию. Постепенно и образовалась какая-то нескрываемая даже вражда у народа к эксплуатирующей его власти, и у власти – к обманываемому ее народу. Но и при всем том Царь и народ все-таки оставались хотя и в скрытом, но самом задушевном и потому прочнейшем союзе. И поэтому тот же самый народ, который критиковал надоевшее ему всяческое начальство и, казалось ему, обманно только прикрывавшееся именем Царя, – этот же народ исполнялся и исполняется неописуемого восторга, радости, счастья до слез, когда, наконец, видал лицом к лицу свое Красное Солнышко – Царя, которого он с сердечною нежностью и со слезами на глазах называл: «Родной Ты наш, дорогой Ты наш, Отец родной»... Дерзая проникнуть за таинственную завесу, скрывающую от нас сокровенные сердечные думы и болезни Государя нашего Царя, надеемся – не ошибемся, если скажем, что вся его забота за последние три года сводится к тому, чтобы восстановить тот древний союз свой с народом, который нами так круто был порван два века тому назад; чтобы Царское самодержавие его было действительно, как встарь, – сильным и не обходимым никакими про-исками; чтобы, действительно, сам Царь самодержавно правил своим народом через поставленное от него правительство, а не оно, прикрываясь его именем, управляло народом и озлобляло

его против царской власти. Но беда наша в том, что и правящие классы, и высшие классы народа, по духу совершенно ушедшие от него, совершенно утратили самое понимание этого нашего исторического народного Царского самодержавия и потому все теперь норовят перевести на проторенные уже Западом дорожки и одеть в изношенные одежды так называемой конституции, стараясь еще более забрать власть в свои партийные руки и еще более таким образом разобщить Царя с народом, чтобы потом и вовсе устранить его, как излишнего при системе партийного большинства, и все перевести насильственно над народными чувствами на партийную республику. Но страшен бес, да милостив Бог. Хочется надеяться, что начавшееся сперва робко, а теперь все смелее и воодушевленное собрание (под именем черной сотни) действительного, а не товарищеского, «сознательного» народа русского скоро выльется (уже и выливается) в общее народное движение за своего исконного Царя Самодержавного и оно, как прах, сметет с лица Русской земли и всякие партии, и террор.

Глава VI

Вот главные основания, на которых в народной жизни и сознании утверждается наш царизм, бытовое, самим народом выработанное и созданное Самодержавие родного русского Царя, Отца своей земли и народа. И как бы самые злые наши враги или идущие на поводу у них слепые маньяки ни ухищрялись поколебать, высмеять, принизить или даже разрушить дорогое нам наше родное Царское самодержавие, его не истребить, не вырвать им из души народной, ибо оно записано не на скрижалях каменных, а на скрижалях народной совести, в сердце всякого действительно русского человека. Еще, пожалуй, на время можно обмануть народ какой-либо подтасовкой; но это удастся лишь на самое короткое время, как показала история всей нашей двухдневной не народной разбойной и обманной революции. Особенно теперь, при возбужденности просыпающегося действительного объединения народа, все

покушающиеся лично на нашего родного Царя пусть помнят, что, во-первых, им не умертвить самого Царского самодержавия – мы его скоро, хотя и не без крови (которой особенно так очевидно и жаждут для Русской земли все заговорщики против Царя), возродим и воссоздадим, ибо без Царя мы, россияне, жить не можем, а во-вторых, уже и теперь достаточно собравшийся народ в случае, – да минет нас чаша сего попущения Божия, – исполнения кровавого и коварного замысла заговорщиков в клочья растерзает всех этих, именующих себя освободителями, без различия партий, чтобы с корнем очистилась Русская земля от этой гнили, которая завелась на нашем народном теле и хочет загноить и растлить все тело.

Это была бы уже наша настоящая народная война за Царя, за возрождение и очищение его Царского самодержавия, захваченного, загрязненного и обворованного хищными, святотатственными и грязными бесцеремонными руками. Сего народного гнева бойтесь и революционеры по призванию своему, и революционеры-сотрудники разные. Без кровавого упорного боя не отдаст русский народ своего Царя, как усиленными стараниями не могли заменить для народа Царя Императором. В самом деле, более двухсот лет всячески, даже за богослужением, ежедневно до двух десятков раз поминают Государя, называя его Императором, а народ его все-таки называет Царем, каким именем до титула «Император» он назывался лишь со времени Грозного всего полтора столетия. Очевидно, это слово «Царь», дорогое, милое для народа слово, при одном произнесении которого сердце исполняется самою нежною любовью к родному Царю-батюшке, а глаза увлажняются от сердечной мягкости; тогда как слово «Император» как было, так и осталось чужим, как его ни вводят в народное сознание даже частым произнесением за богослужением.

Глава VII

Теперь, когда достаточно подробно выяснены нами главный смысл и религиозные, бытовые, народно-исторические

и жизненно-практические основания нашего русского царизма, ясно, какого характера должно быть и участие Церкви в гражданской политике настоящего времени и какова должна быть деятельность духовенства, как и всякого православного христианина в общественной жизни. Соответственно тому, что сказано нами о царизме и что на самом деле в нем дано и мыслится как народная святыня, наш русский царизм, по существу, есть наша теократия – богоуправление, при котором Сам Бог является управляющим через помазанного Им Царя. В лице призванных из-за моря только лишь для управления князей в крещенной Руси он постепенно обратился во власть Царя над народом, ему вверившимся, что и есть законное, правовое основание власти, а начало внутреннее, сродняющее до глубокой взаимной любви и доверия народ и Царя, есть начало нравственное, начало совести, которым Царь и руководится в своем не столько господствовании над достоянием, Ему от Бога данным, сколько в прохождении сего высокого ответственного служения перед Богом и всеми людьми, как и говорится в церковной молитве на царское коронование. Этим же высоким нравственным началом руководятся и все русские верные подданные своего Царя, повинувшись ему не только за страх, но и за совесть, по апостолу. Смотрите на русского человека, истинного цариста: он так живо чувствует свою духовную связь с Царем, что и на отсутствующего Царя смотрит, как на близкого к нему, перед лицом которого он как бы постоянно стоит в полной собранности и верной совести.

Это не иным чем может быть объяснено, как именно тем высоким христианским началом, которое вложено самим русским народом в дорогой ему, им выношенный и построенный царизм. В том и высота, и сила, и красота нашего царизма, что в нем через Царя Сам Бог веруется правящим нами. А что может быть выше, вернее и прочнее этого вечного, незыблемого основания жизни? Всякие иные основания, законы, права и обязанности власти и управления, во-первых, временны и условны и, следовательно, уже по этому самому не прочны, во-вторых, всегда обходимы при достаточной изворотливости

и находчивости человеческой на зло. А Бога, а совесть свою не обойдет человек. Правда, это имеет значение лишь для верующего человека. Но неверующий, не признающий совести и суда Божия, тем более обойдет совершенно условный внешний закон, как и обходят его. И теперь закон нарушают люди или вовсе неверующие, или со слабым религиозным сознанием, со слабым чутьем суда Божия к себе теперь и после смерти. Поэтому нужно усиливать в нашем сознании эту религиозную основу и проводить в жизнь, а не ослаблять силу царизма, заменяя его именно такими формами правления, которые не обеспечивают внутренней силы закона. С этой стороны нужно смотреть и на все то, что породило так называемое освободительное у нас движение.

Все либеральные партии – чада его – как раз именно и стараются заменить это начало нравственное в управлении и быте народном внешним законом, правом; даже больше того: на самую религию, на христианство они смотрят или прямо отрицательно, как социалисты и революционеры, или как на терпимое зло – суеверие, которого пока еще держится народ, а не как на дело первойшей и самоценной важности. За минувшие три года мы уже достаточно насмотрелись на глумление, на открытый поход «освободителей» против нашей непорочной христианской веры. Видели, как они издевались над святынями, над нетленными мощами, над храмами, над Крестом; слышали, как они глумились над духовенством, над монахами; слышали, как они открыто кричали, что Бога нет, церквей и попов не надо... И все эти газетные сплетни, кричащие о недостатках духовенства, о явных грехах носителей сана, издевательства над дорогим народу именем отца Иоанна Кронштадтского исходят не из ревности о добре, об очищении церковного дела, а имеют исключительно одну скрытую цель: уронить в глазах народа сначала авторитет даже такого человека, как отец Иоанн, в соображении, что если всему и не поверят, то все-таки кое-что из худого в душе и осядет, а потом подкопать и самую веру в народе, которая в нем все-таки еще сильна. Народ чутьем понял это, и ряды «освободите-

лей» поредели. Пока бунтовали против начальства, народное сочувствие находилось. Но как только открыто начали кричать против веры и Царя, тотчас же начала собираться русская сила, насмешливо прозванная от освободителей черною сотнею, и дала отпор возмутителям. Очевидцами этого мы сами были в Уфе в несчастные октябрьские дни. После такой неудачи начали бунтовать против помещиков. И это удалось, потому что на чужое добро охотников, особенно под пьяную руку, всегда много, да и помещики памятливы народу по барщине, а многие и сами насолили своим кулачеством. Но веры народной и Царя все-таки не смеют уже открыто касаться. Поэтому может ли быть какое-либо общение у духовенства, как служителей Церкви, и у всякого православного христианина с носителями этого «освободительного движения», в основе противорелигиозного? А поэтому можно ли принимать какое-либо участие и в партийной борьбе, к чему все и сводится в теперешней гражданской политике, заглушая все иные более священные интересы, до религиозных включительно? Нет и нет! Напротив, всячески нужно оберегать народ от этих партий до октябристов включительно, охранять его часто от скрытного, но зловредного яда, вести с ним открытую и серьезную борьбу, чтобы явлены были всем их истинные стремления.

Нужна такая работа, чтобы организовать весь народ русский во единую семью, твердо и сознательно стоящую за свое святое, народное, историческое достояние – веру христианскую и Царя самодержавного. Нужно упорно и старательно отгребаться от всяких партий и народ сохранять именно как народ, чуждый партийности, ибо где эта партийность, там разделение, там несогласие, там борьба, там порядка не ждать и целое должно распасться. И поэтому когда говорят, что в числе партий есть и партия русская, то это или ложь, или недоразумение. Нет, это сам русский народ, собирающийся с духом, оглядывающийся уже сознательно по сторонам и решающий твердо стоять за свое сокровище и не поддаваться хитрым замыслам его врагов. Черная сотня для партий тем именно и

опасна и тем она сильна, что стоит на своей народу основе, говорит ему о том, что свято для него само по себе.

Это и есть начало собирания Руси, действительное пробуждение народа к своей именно жизни, враждебной для всего наносного. И смотрите: левые партии тайно давно уже собирались со своими силами, сплачивались под одним знаменем, три года тому назад обманом они повели было и народ за собой, но обманулись в расчете, поторопившись раскрыть свои настоящие карты и планы: тотчас же из этого самого народа собралась черная сотня, сначала пугливая, через два дня уже многотысячная, а теперь даже вопреки сильной революционной власти двух распущенных Дум – уже многомиллионная и по всей Русской земле. Наоборот, левые не увеличиваются, а уменьшаются в своем количестве, качественно совершенно выродившись в экспроприателей-разбойников. Собирайся же плотнее, русский народ, как триста лет тому назад ты, забитый, обманываемый, обольщаемый всеми, собрался около Минина и Пожарского и прогнал от себя всех явных и лъстивых – тайных врагов, поставил перед Господом Богом Царя над собой и с ним водворил порядок по всей разворованной земле на зло посрамленным врагам! Собирайся и ныне и помоги Царю твоему вывести нашу жизнь на родную нам дорогу из тех дебрей, куда завели ее наши враги, пособи ему устроить мир и порядок в стране на славу нам – на страх врагам. Сторонись от всех лъстивых партий, желающих обворовать тебя в самых святых чувствах, знай Бога и Царя своего самодержавного, чтобы при твоём старании и единодушии быть ему действительно самодержавным, чтобы была от него правда на земле. Помни, что все эти появившиеся партии не добро твое имеют в виду, а лишь господство над тобой: будут в Думе кадеты в большинстве, как они обманно были в прежней Думе, и будут властвовать насильно над всеми; будут социалисты или другие из левых – они сделают то же, и некому их будет удержать, пока другая какая-либо партия не составит большинства. А главное – все эти партии стараются извести веру в земле твоей, ту веру, которою ты живешь уже тысячу лет, и вместе с тем стараются еще более разъединить

тебя с Царем твоим, потом же и вовсе его устранить, того Царя, которого ты перед Богом поставил над собой и который по совести управляет тобой, а ныне хочет быть еще теснее с тобой, чтобы процветала Русская земля.

Глава VIII

Хотя прямого отношения к поставленному нами вопросу и нет, но мы считаем необходимым сказать и о том, что для Русской земли только в Царском самодержавии, без всякой заморской конституции, и есть спасение. Чтобы согласиться с этим утверждением, нужно принять во внимание помимо всего того, что нами высказано выше, ту многоплеменность, которою отличается наша страна по составу населения. У всех многочисленных народов нашего Отечества свой особый быт, свои собственные верования и нужды, свой характер. Можно представить, что будет при конституционном или тем паче республиканском строе в управлении, когда соберутся вместе представители всех этих народностей? Воистину новое столпотворение вавилонское может произойти, когда всякий будет говорить лишь свое, презирая другого и думая, что только о нем все и должны заботиться. Можно с уверенностью сказать, что концом такой сходимки, на которой без драки не обойдется, будет полный развал целой России на ее составные части, но не в самостоятельные государства, ибо всякая из них в отдельности слаба сама по себе и стеснена среди других, – нет, раздел России между соседями будет концом такой конституции. Все это уврачевать и предупредить может лишь Царское самодержавие, стоящее выше всяких партий и даже народностей и охраняющее исключительно только благо единой Русской земли, в которой под единым русским народом и около него одного живут все прочие народы, всяк в свою меру пользуясь общим и своим благом. Как раз именно это и было у нас издавна. По природе своей русский народ не насильник, не деспот, не эксплуататор других, – скорее он свое отдаст другому, более пронырливому или расторопному, или нуждающемуся.

Поэтому-то без особенного труда, можно сказать даже стихийно, он и расширился почти на два больших материка. Никакой искусственной обрусительной политики не преследовалось нами прежде, а между тем инородцы сами постепенно и охотно делались русскими и по вере, и по духу, и по быту. Даже больше того: соседние народы, погибавшие или от междоусобий, или от внешних врагов, искали дружбы и соединения с русским народом, как, например, Грузия и даже Финляндия. Почему? Потому что имя Белого Русского Царя издревле было всем хорошо известно как воплощение правды, равной для всех, покровительства и защиты для угнетенных. Изменилось это лишь за последнее столетие, или даже меньше того, когда сами мы, все дальше уходя от своего родного духа и пути жизни, и к подвластным народам начали применять политику искусственной и насильственной русификации. Но беда в том, что под именем русского проводилось как раз именно не русское, а чуждое нам и искусственно натасканное на нас самих, исполненное гордыни и самолюбия, сухой черствости и холодного формализма и безразличия ко всему и ко всем, соединенное с болезненным упорством все вогнать в строго определенные и одинаковые рамки. Плодом этого и оказалось, что вместо того, чтобы всем под собою давать благо жить и развиваться, мы всех разозлили и вооружили против себя; мало того: теперь дело дошло даже до того, что присоединившиеся к нам по свободному договору и присоединение считавшие для себя величайшим благом теперь всеми силами ищут своей самостоятельности, а против нас настроены даже враждебно и почти воинственно. Все это плод того ложного пути, на который мы стали два века тому назад, презревши свое достоинство и придя к кризису, под именем восхваляемой конституции представляющему конец и завершение всего петербургского, нерусского периода нашей истории.

Нет, должна быть целая, единая, неделимая Россия, какою мы унаследовали ее от предков для лучшего будущего. Пусть у нас, как встарь, будет сильный русский народ, дающий жить всем иным народам, составляющим нераздельное целое

с ним. Пусть и мы русские, хозяева своей страны, и все у нас в стране наслаждаемся общим благом единой, сильной державы и не разделения ищем, а напротив, еще большего объединения. Но для этого нужно отбросить всякий конституционный и партийный бред, лишь обессиливающий нас как государство и ведущий нас к разделению, а через это и под власть врагов. Должно быть восстановлено наше родное исконное Царское самодержавие, почивающее прочно на теснейшей духовной связи Царя с народом и оберегающее общее государственное благо, не в ущерб и не в излишек какой-либо из составных частей целого государства Русского. Этого желает и Царь наш, уже не раз возглашавший с высоты своего Царского Престола напуганному и вопрошавшему его народу, что самодержавие его останется таким, как было встарь. К этому делу очищения затемненного Его самодержавия и призывает он свой народ. Этого только действительного народного пособничества ему в общем отечественном деле он и желает, и ждет от всех и каждого из своих подданных. Никаких кривотолков о его в сем воле быть не должно. Никакой конституции с партийной борьбой за власть, как стараются это сделать, после опыта наших неудачных Дум быть у нас не может и не должно; такова воля и Царя, о сем взывавшего к народу, и народа, ясно уже обнаружившего свою волю против навязываемых ему новшеств, не свойственных его делу, как ни старались обмануть его разными подтасовками. Да живет наш Царь Самодержавный и единая неделимая Русь на благо всем своим народам!

Глава IX

Так подошли мы и к концу нашей речи. Надеюсь, теперь для всех ясно и понятно, с какой стороны нужно рассматривать русский гражданский строй. Дело не в борьбе двух режимов управления, а в борьбе между верой и неверием, между христианством и антихристианством. Древний антихристианский заговор, начавшийся от тех, которые кричали Пилату с яростью на Иисуса Христа: *распи, распи Его; кровь Его на нас*

и на чадах наших,¹ – продолжавшийся в разных разветвлениях и тайных обществах, в XVI веке вылился в особый тайный противохристианский орден «Рыцарей Храма»², а в XVIII веке еще более определился в иллюминатах³, розенкрейцерах⁴ и, наконец, в франкмасонстве⁵ слился со всемирной иудейской организацией. В конце XVIII и начале XIX века масонство скрывало свои противохристианские цели под разными просветительными, благотворительными и чисто нравственными задачами. А теперь, забравши силу до того, что Франция оказалась совершенно в руках масонов, оно – масонство – там уже открыто гонит христианство из жизни; в конце же концов масонство и выльется в одного человека беззакония, сына погибели – антихриста (2 Сол. 2 гл). В этом разгадка и наших самых последних свобод: цель их – гибель христианства на Руси. Вот почему прежнее французское слово «либерал», означавшее у масонов «щедрого» жертвователя на масонские цели, а потом получившее смысл «свободолюбивого» по вопросам веры, теперь перешло уже в открытое антихристианство. В этом разгадка и той упорной борьбы за обладание школою, которая идет и в земстве, и в Государственной думе: заберет школу либеральное течение – успех антихристианства обеспечен. Вот разгадка и сочувствия либералов всяким сектам в христианстве и нехристианским религиям. И сектанты не дремлют, принялись теперь и за малых детей. Недавно в Москве устроили сектантскую беседу для детей, в заключение ко-

¹ Мф. 27, 22–25.

² Тамплиеры, или храмовники (Рыцари Христа и Храма Соломона), духовно-рыцарский орден, основанный в Святой земле в 1119 г. Гуго де Пейном после Первого крестового похода. Одна из первых тайных масонских организаций.

³ Иллюминаты (просвещенные), тайная масонская организация, основанная 1 мая 1776 г. в Баварии профессором юриспруденции Адамом Вейсгауптом.

⁴ Розенкрейцеры («Орден Розы и Креста») – тайное общество, предположительно основанное в позднее Средневековье в Германии Христианом Розенкрейцем.

⁵ Масонство (франкмасонство, букв. перевод «вольные каменщики») – тайные организации, возникшие в XVII–XVIII вв. в Англии и Франции, имевшие целью разрушение традиционных религиозных и государственных институтов.

торой поучали их, как отнестись к диаволу, если он явится им в чувственном виде, и давали совет отнестись к нему деликатно, вежливо, как и Христос к нему относился при жизни. Вероятно, советуется даже по головке погладить явившегося диавола, чтобы был поласковее. Следующим внушением, вероятно, будет совет кланяться диаволу, как это делают во Франции последователи «черной мессы». А вот и еще свидетельство о том же. Может быть, многие и из моих читателей видели и читали очень милое по наружному виду издание Горбунова-Посадова «Ясная Звездочка»¹. Это хрестоматия для детского чтения. Отцы и матери, полюбуйте, что преподносится детям в изящной, безукоризненной по внешности книжке. Один смущенный ребенок своим зорким вниманием еще чистой перед Господом детской души открыл в этой книжке то, что, очевидно, ускользнуло от внимания родителей, к которым он и обратился со своим недоумением: почему из стихов Кольцова² выкинуто все, что о Боге? В самом деле, в стихотворении «Урожай» оказались пропущенными строфы: «Люди сельские Божьей милости ждали с трепетом и молитвою»; затем: «Третью думушку как задумали, Господу Богу помолилися», – подчеркнутые слова пропущены. В описании ржи: «Словно Божий гость на все стороны дню веселому улыбается» и заключительная строфа: «Но жарка свеча поселянина пред иконою Божией Матери» – все это исключено. Как назвать это богоненавистническое безумие? Как назвать это литературное свинство? Для чего все это, понятно и без разъяснений. А подрастут ваши дети, попадут в университет – там Милюков³ и Ко, так же подтасовывая и обманывая, будут учить их, что наука доказала происхождение человека от обезьяны. И сделают ваших детей действительно зверями, с той лишь разницею, что обезьяна смиренное и послушное животное, а эти звери-человеки будут

¹ Горбунов-Посадов И. И., издатель детских книг и журналов.

² Кольцов Алексей Васильевич (1809–1842), выдающийся русский поэт.

³ Милюков Павел Николаевич (1859–1943), историк, профессор, политический деятель, лидер партии кадетов, один из руководителей Февральской революции 1917 г.

горды, дерзки, жестоки и грязны. Это еще только цветочки, а когда созреют ягодки-то освободительства, тогда такие свободы узнаете, что воплем отчаянным завоюете, хуже чем полтысячи лет назад под лихим татаринном. Вот в этом заговоре против Христа и вся разгадка всего освободительства, а вовсе не в том, чтобы жизнь человеческую сделать лучшею и благополучною ради перемены одного гражданского строя на другую. Посему надлежит бережно хранить и смело, и твердо отстаивать то, что нам может обеспечить святое достояние веры Христовой. Как яда смертоносного, следует оберегаться всего, что предлагается вместо нашего родного и бытового достояния. Не обеспечит нам веры масонская конституция, как мы это видели выше. А Царское самодержавие и обеспечивало, и может обеспечить ее в будущем по самому существу своему. Если мы желаем быть христианами, то за него, за это родное Самодержавие и стоять должны, как стоял в Смутное время блаженной памяти Патриарх Российский Гермоген. Если мы за Христа, то должны сторониться всего, что с антихристом.

Глава X

После всего сказанного остается только кратко заключить — в чем же должна быть и наша деятельность в настоящую пору нашей гражданской жизни. Очевидно, в заботе о процветании церковно-народного дела. Все понимающие смысл событий должны уяснить в народном сознании родное нам Царское самодержавие, чтобы народ мог дать должный отпор всем, кто лстивыми речами смущает его. Вместе с тем, нужно тщательно и задушевно раскрывать и нравственный смысл, духовное значение Царского самодержавия во всей нашей народной жизни, чтобы все ясно понимали и ценили то незыблемое начало совести и духовного взаимного родства Царя и всего русского народа, на котором основано и почивает наше исконное Царское самодержавие.

А чтобы его единственно верное и вечное начало совести было действительной основой нашей народной жизни под Царем, нужно всячески стараться о твердом и светлом

религиозно-нравственном воспитании народа, в постоянном памятовании, что иссякнет вера в народе, упадут нравы – тогда никакие законы не оградят общего народного благополучия от расхищения. Раз это все будет проведено в народное сознание, тогда поймут, кого следует и к Царю от себя посылать в Думу на совет. Это должны быть люди испытанной честности и ума; имеющие страх Божий в сердце; свято чтущие Царя; понимающие, что в Думу к нему нужно идти не для криков и ругани, а на настоящий совет о том, в чем беда наша, какая есть неправда на земле и как устроить правду жизни. Ни о каком согласии с какими-либо партиями, хотя бы они льстиво и называли себя партией народной свободы, не может быть и речи. Народное дело и должно быть народным, а не партийным. А как только партии в народе, так и разложение народное. Только явное недомыслие и непонимание народной души или излишняя, хотя бы и искренняя, горячность и задор при виде очевидных злоупотреблений у власти – только это, вероятно, и загнало некоторых даже из духовенства в ряды разных трудовиков, кадетов и т.п. А настоящий народник, духом свой народу, никогда не успокоится на какой-либо партии без родного нам Царя Самодержавного. Напротив, видя явные ненормальности в нашей гражданской жизни, он чутьем вместе с народом поймет, что это потому лишь, что Царь не знает; а понявши это, он придет теперь на призыв скорбящего о наших бедах Царя и всею своею силою поможет ему устроить правду.

Письма архиерея к иереям¹

1. Требования времени

Смута первых годов настоящего столетия затронула всю русскую жизнь и действительность. Со всех сторон раз-

¹ «Письма» впервые были опубликованы в 1910 г. в «Новгородских епархиальных ведомостях», затем были изданы в виде отдельной брошюры в Новгороде (1910), в дополненном виде в «Пермских епархиальных ведомостях» (1914), а в 1915 г. были изданы в виде отдельной брошюры в Перми.

даются жалобы на вольнодумство в народе, упадок веры, на сектантское брожение, на упадок жизни и нравов, на развал семьи, на озорство и хулиганство, на вольность и дерзость молодежи. Но за последнее время подмечается всеми и другое явление – обратное: замечается пробуждение духовной жажды в народе, почему и храмы Божии уже начинают заполняться, с вниманием народ слушает проповедь пастырскую, охотно посещает религиозно-нравственные чтения. Этим пробуждением духовной жажды после минувшего освобождения в значительной степени объясняется и успех разного рода сектантства.

Таким положением дела и надлежит воспользоваться пастырям Церкви Христовой как можно усерднее, чтобы православный народ, не найдя от нас ответа на свои духовные вопросы, не ушел на страну далече – к разным лжеучителям. Принять нужно во внимание и весьма малую осведомленность народную, как в городах, так и в деревнях, с основными даже истинами христианского упования. Едва ли всякий сумеет толково рассказать – во что и как он верует. Нередко приходится видеть неисправность и внешнюю обрядовую. Многие не знают самых употребительных молитв, неправильно совершают крестное знамение и другие православные обычаи. Все это нужно принять строго во внимание, принять решительные меры и усердно заняться духовным просвещением паствы, направлением в церковное русло духовного народного пробуждения, а где нужно – борьбою с начавшимся вольномыслием, сектантством или развалом жизни.

По данному вопросу мною в 1910 году были изданы «Письма архиерея к иереям». Они встретили трогательное от многих сочувствие. Но от издания не осталось ни одного экземпляра, кроме имеющегося у меня на руках. Между тем наблюдения над жизнью дали и еще некоторый материал в том же направлении. Поэтому и нахожу благовременным перепечатать вышеуказанные «Письма архиерея к иереям», но дополненные новыми шестью первыми главами.

2. Наша народная культура есть культура духа

Нашему пастырскому попечению вверен Богом и от Бога церковной властью благочестивый по своей природе русский народ. Для всякого внимательного к народной жизни наблюдателя с несомненностью очевидна особенность народной русской культуры. Наша народная культура есть исключительно культура духа. Во всем укладе жизни, в обычаях, в душевных исканиях, в народном и даже литературном творчестве непременно есть искание нравственной ценности жизни, отношение к ней именно с этой стороны. Все прочее, чисто внешнее, имеет уже второстепенный и попутный смысл и значение, обуславливаемые нравственными основаниями, как это и должно быть всюду и всегда. Конечно, и культура нерусская, хотя и христианская, не пренебрегает нравственными вопросами, прилагая нравственные мерки и ко всей жизни. Но разница глубокая и существенная, разница в самом существе дела. Просто говоря: в европейско-американской культуре вопросы духа, предметы нравственного порядка имеют лишь частичное значение, занимая как бы один уголок в этой культуре, а следовательно, и в носителях ее. Всеохватывающего значения они там не имеют. Просто без таких вопросов пока нельзя обходиться. Как нельзя, например, культурному человеку принимать пищу всей пятерней, неудобно и одеваться не по-европейски, так нельзя пока обходиться и без вопросов чисто духовных, обходиться без всякой религии и морали. Это все-таки только лишь порядочность, приличие, но не смысл жизни, не высшая для нее ценность и обоснование ее самой.

Иное представляет культура чисто русская. Для нее и самая жизнь не имеет ценности без ценностей духа, без ценностей нравственных. Только с нравственной стороны расценивается и самая жизнь человека со всеми его поступками и намерениями. Не будет этих нравственных оснований – не будет смысла и в самых высоких и полезных делах человека. Поэтому русский человек, даже испытавший на себе воздействие и нерусской культуры, все-таки смотрит на жизнь как на при-

ложение к делу жизни нравственных запросов духа. В самой жизни поэтому ищет подвига, как несомненного оправдания и для существования человека на земле. Даже отрицательные элементы общества русского в самое свое отрицание вкладывают смысл нравственный. Даже революционеры, добиваясь всевозможных поворотов жизни, стоят за правду жизни, мечтают о том, чтобы только эта правда и была в ней, чтобы при ее господстве воцарилось всеобщее счастье.

Тем более все это нужно сказать о народе простом. Как бы он ни был сер и подавлен житейской тяготой, простой русский человек имеет единственную заботу, чтобы все было по совести, чтобы спасти свою душу для вечной жизни. Духовный мир – самое главное для него. А все остальное есть только неизбежное по пути к главной цели, что никак нельзя обойти в тех условиях, в которых здесь на земле поставлен человек. Поэтому он так спокойно и относится к самой смерти: она для него не только неизбежное нечто, но даже и желанное, к чему нужно достойно подготовиться, чтобы в мире совести перейти в вечную жизнь, где не будет внешней, часто тягостной и грязной для души жизни, но будет одна жизнь духа. Это не погружение в небытие, как сон. Нет, начало новой и истинной жизни духа.

К этой-то жизни духа за гробом в вечности и готовится верующий русский человек. Для этого он готов на всякий труд и подвиг. Готов идти во всякую пустыню, перенести все трудное на пути, лишь бы только найти себе духовное утешение, ободрение и даже вразумление и строгое обличение. Вот объяснение и старинной народной любви к далеким и трудным паломничествам, к длительным и бодрым церковным служениям. За сим же он идет к старцам и пустынникам, к строгим и учительным духовникам – как мудрым наставникам на жизнь и целителям жизни. Никакая трудность не удержит тогда человека, если он узнает о такой возможности духовно утешиться и ободриться, не пожалеет тогда он ни средств, ни сил, ни времени.

Трогательно в этом отношении наблюдать жизнь переселенцев нашего края. Лишь только успеют обзавестись хозяй-

ством на новом месте, а иногда даже и сами еще из землянок не вышли, как уже стараются о церкви или молитвенном доме, о том, чтобы иметь им и батюшку своего. Конечно, многие стараются все это получить от казны, тем более, что казна часто нерасчетливо балует переселенцев, и в дальнейшем в таких случаях всего ожидающих от казны. Но, пожалуй, более часты случаи, когда, не дожидаясь очереди от казны, стараются все на свои средства устроить, только бы была возможность духовно утешиться, когда душа потребует того. Нужно принять во внимание темность нашего крестьянина, которому редко кто вовремя и как следует объяснит и укажет все нужное в таких хлопотах. Вот они и толкаются и стучатся туда-сюда, все перепутают, сами запутаются, годами ждут и надеются, и, наконец, добиваются просимого, и рады-радешеньки, когда поселок их украсится храмом, построенным на их трудовые сбережения, когда батюшка заведет у них службу Божию.

Все это говорит о том, что душа русского человека не может оставаться без утешения веры, без духовных нравственных переживаний, скрашивающих ее жизнь, влагающих не земной, а небесный смысл во всю жизнь, без чего не будет радости во всех хлопотах житейских, но с чем и все скорби и трудности жизни ничтожны.

Итак, наша народная русская культура есть культура духа, с каковой стороны расценивается и вся земная жизнь и деятельность человека. Она есть подвиг нравственный, как подготовка для высокой духовной жизни за гробом в Божием Царстве. Верую так по своим многообразным наблюдениям над народами нашего мира, и что наш русский народ – единственный в этом отношении народ, назначение которого от Бога в том, чтобы явить всем народам этот свой народный дух, сказать это свое слово всем и научить всех на жизнь смотреть со стороны ее нравственной ценности. В этом его провиденциальная миссия или назначение от Бога. Народ еврейский предназначен был от Бога на то, чтобы пронести через все испытания и сохранить для всех народов веру в Единого Истинного Бога, и он это сделал, передавши всему миру Божественное Откровение.

Назначение же народа русского в том, чтобы изверившемся и обезверившемся современному христианскому миру, старательно воскрешающему древнюю языческую культуру «хлеба и зрелищ» в разных видах, — чтобы этому миру высоко являть культуру духа, научить на землю смотреть, как на мост к небу, в земной жизни и деятельности искать нравственного смысла, расценивать ее со стороны духовных ценностей.

3. Духовное пастырствование на почве русского народного духа

Все это представляет великолепную почву для нашей пастырской деятельности. Нужно бы только воспользоваться тем готовым и основанием, и материалом, что дает нам русская жизнь и действительность. Не нужно предварительно создавать подходящие для пастырской деятельности условия. Нужно лишь только воспользоваться тем, что уже дано и что само требует должного удовлетворения как цели самого пастырства.

Намерение Божие о священниках и о пастве таково. Священники должны быть посредниками между Богом и людьми в освящении их Божественной благодатью. Священство от Бога поставлено для того, чтобы освященные Кровью Христовой люди Божии сознали и на деле восчувствовали эту свою освященность, чтобы сами для себя являлись священниками, себя самих Богу принося в жертву и дар священный. Для сего, очевидно, они должны мыслить себя изъятыми из мира сего, не житием своим в мире, но заботами и стремлением своим. Как все освященное уже изъято из обыденного употребления, оставаясь, однако, рядом с вещами обычными, так и посвященные на служение Богу христиане должны быть с небесными стремлениями от обычной земной сутолоки житейской.

Но для сего уже все имеется в самом строе души народной у нас. Пастырство и должно сим воспользоваться и направлять людей Божиих к жизни с Богом и для Бога здесь, на земле. Посему пастырство должно иметь всякое попечение о том высочайшем духовном своем делании, для которого оно

и поставлено на земле по намерениям Божиим для людей. И народ ничего иного не ждет от пастырей, как только чисто пастырской их деятельности, способствующей душе человеческой восходить к Богу и от Него получать себе освящающую благодать. Потому и пастырю самому нужно прежде и выше всего заботиться о духовной своей работе. Пусть он сам себя не перестает чувствовать чадом Божиим, перед Богом ходящим. Молитва, чтение Слова Божия, чтение Святых Отцов и житий святых, испытывание своей совести через возможно частую исповедь, знакомство и общение с людьми духовного склада жизни, общение с народом до сроднения с ним полного и духовного и, особенно, общение с народом у народных святынь и все подобное – вот что может развить дух пастыря в должном направлении, что может сделать его чутким руководителем народной души, воодушевленным пастырем, опытно знающим запросы души человеческой и пути к их удовлетворению. Такой будет истинным пастырем-народником, и только он будет делателем на ниве Божией, а не требоисправителем, что не есть еще пастырство в должном виде.

Очевидно, деятельность такого пастыря будет приближением Христа-Спасителя к людям, Того Христа, Который за душу человеческую и Крест претерпел, Который стучит в двери души человеческой и к Которому льется скорбящая душа человеческая, как к своему Спасителю и Утешителю. Спеши же, пастырь церковного стада, спеши же привести Христа ко всякой душе человеческой. Не ленись на этом беспримерном по своей высоте и спасительности для других пути, не меняй этого делания ни на какое иное, тем более такое, в котором и намек нет на твое пастырствование. Не оставляй без Христа сиротой ни одной души человеческой, вверенной тебе от Пастыреначальника Спаса. Не давай врагу посмеяться и над душой человеческой, и над тобою, так унижающим свое высокое на земле для неба призвание. К небу руководи небесную в человеке душу и не оставляй ее быть оборванной и израненной от разбойников на пути. Явись даже и для такой милосердным самарянином и поймей о ней душевное попечение, передавши

ее на руки Небесного Гостинника Христа, только и ищущего спасения человеческого. Да не смеется через тебя враг наш и Христов над святым и высоким нашим призванием по намерениям Божиим, но да будет он сам посмеян и поруган и в деле нашем, и в жизни паствы нашей. Тем более не унижай сего святого дела погоней за земными сокровищами или за мирскими развлечениями и удовольствиями, не меняй на них святого пастырствования твоего.

Поимей и то еще непременно в виду, что тебе вверен наш русский богобоязненный и чувствительный ко всему набожному народ, однако совершенно почти всеми заброшенный и предоставленный самому себе со своей темнотой и непросвещенностью. Но за это-то и полюби его, и пожалей его. Помоги ему выбраться из того мрака, в котором он привык пребывать со своей светлой и Бога любящей душой. Полюби и детей его, в большинстве случаев тоже заброшенных и кое-как случайно воспитываемых. Тебе ближе, чем кому-либо, может быть, известна вся эта беспомощность духовная нашего народа. И сделай все для того, чтобы ходил он в том свете веры, к которому тянется его душа и по которому она тоскует, когда не находит. Только этим объясняется и быстрый, хотя и случайный, успех всевозможных сектантских учителей, умеющих задеть за живое душу народную, когда она открыта бывает для подобного влияния, как сиротливо оставленная от прямых или должных ее руководителей. Сам ты не будешь испытывать скуки, усталости и сытости в таком душевном деле, исполненном святого чувства любви к русскому темному, но мягкому по душе народу при его заброшенности и оставленности. Это будет высочайшее дело во исполнение заповеди Спасителя: *болиши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13).

4. Отрицательные черты в наблюдаемой современной действительности

Таково положение нашего дела со всеми наличными благими условиями его в самой народной душе. Кроме отрады, ни-

чего все это не представляет. Конечно, трудности в прохождении пастырского делания в дальнейшем предстоят гораздо большие, чем у всякого другого дела. Но ведь для того и пастырство, чтобы бороться с такими вредными условиями. Если бы их не было, то не потребовалось бы и самого пастырства, как не нужен был бы и пастух для стада, если бы не было волков и воров.

Однако когда обратишься от этого к наблюдаемой самой нашей действительности, то приходишь в недоумение, а потом в ужас перед тем, что есть. Вот эти грустные наблюдения над беспощадной действительностью. Сплошь и рядом при расспросах как взрослых, так и малых приходится видеть, что именующиеся христианами не знают не только утренних и вечерних молитв, но и самых общеупотребительных и простых. Очевидно, и не молятся исправно, а в семье молиться не учат и молитвам не учат. В школах кое-каким молитвам научат. Но не влагают, очевидно, потребности молиться, не воспитывают святого чувства молитвы, как приближения нашего к Богу, как нашей с Ним беседы. Без этого же самого главного одно заучивание молитв для ответа ровно ничего еще не значит, и молитвы улетучиваются немедленно после оставления учащимся самой школы только лишь на летние месяцы. Очевидно, у самих родителей нет уже вовсе никакой заботы о том, молятся или нет их дети. Они и сами не научили тому детей своих, да и не наблюдают и за тем, соблюдают ли строго то, чему их в школе научили. В старину и школ было мало, и даже вовсе не было, но молиться все умели и свято соблюдали это. Ибо тогда мать считала своей первейшей обязанностью научить детей молиться. Сама она молится, держа ребенка у своей груди и творя над ним своими или детскими перстами крестное знамение. А потом она же научает его со своих слов и всем молитвам, ставя ребенка вместе с собою и на молитву. Сама же она молится со всяким благоговением, истинно предстая во время молитвы пред Богом. Передает она такое чувство и своему ребенку, и он не только заучивает молитвы с ее слов, но проникается тем же святым чувством молитвы, привыкая к молитве, как к святому своему долгу, который надлежит исполнять прежде всего и со

всяким благоговением. Но, очевидно, в таком настроении тогда кто-то воспитывал и семью древнерусскую. И, конечно, это было делом исключительно пастырей, ибо иных руководителей тогда у народа не было.

Одинаковое незнание народом и житий святых замечается, не знают даже жития своего святого и даже дня памяти его. Следовательно, даже к своему святому не имеют никакого личного отношения, кроме того, что его именем называются. И это даже у учившихся в школе. Очевидно, от современного поколения далеки все высокие примеры христианской добродетельной жизни, которые без слов способны научить тому же. Сама вера и все христианское упование без всякого книжного научения приближается к душе человека самым целостным образом, живым, а не отвлеченным. На житиях святых да на прологах и воспитывались старинные русские люди, и даже не по книжкам, а со слов других. Рассказы о святых были самыми любимыми рассказами, захватывавшими все внимание слушателей и впечатлевшими слышанное глубоко в душах слушателей. Люди привыкали в своих размышлениях ходить по примерам святых и даже как бы в их близком присутствии. Так и создавалось благоговейное и богобоязливое чувство в душах наших предков. Оно так и передавалось от поколения к поколению, между прочим, путем научения от житий святых. Тут же одновременно учились и самой вере христианской, двигавшей святых и на жизнь по ней, воодушевлявшей их на исповедничество за Христа в жизни. К глубокому сожалению, теперь такого примерного научения христианству и христианской жизни на житиях святых нет, а потому нет и того святого воодушевления, которое может дать всякий светлый пример действительной добродетели. Веры своей не знают, закона христианского отчетливо не представляют, светлых образцов веры и добродетели не испытывают. И редко-редко кто сумел бы вразумительно, ясно и отчетливо рассказать свою веру вопрошающему о ней. И это при всеобщей почти грамотности, при общедоступности дешевого книжного рынка, при всяких полезных книгоиздательствах! Невольно напрашивается сму-

щающий вопрос: да что же в таких людях и христианского осталось? Даже по внешним-то приемам и обычаям иногда трудно узнать христианина. Ибо многие креститься не умеют как должно, отмахиваясь рукой вместо истового крестного знамения. Не знают православного обычая принятия благословения Божия от священника или архиерея, отвыкли и от этого. Следовательно, верующим сердцем не понимают истинного значения и силы крестного знамения, которым, как Крестом Христовым, демонов прогоняем от себя; не понимают и силы благословения священнического, которым благословение Божие призывается. Что же после всего этого говорить о духовной жизни, о благодати Божией и о прочих Таинствах нашей веры спасительной?

5. Глубокая вера и чувствительная
совесть у народа, мятущаяся при
недостатке пастырского руководства

На грустные думы может наводить такая картина действительности. И, однако, это было бы совсем несправедливо или преждевременно. Присмотревшись ближе и пристальнее к самой же действительности народной жизни, мы усмотрим глубокую и живую веру, тонкую нравственную чувствительность и совестливость такие, которых не найти и у испытавших Писание и книги о вере. Эта вера без слов светит от души русских людей там, где она нужна и где она проявляется. Это – у народных святынь, при народных бедствиях, у Святых Таинств церковных, при таком духовном научении, которое душу захватывает и увлекает. Довольно посмотреть на такие проявления веры, даже только на лицо верующего народа, чтобы сказать, что вера в народе сильна, она живет в нем, она бьет ключом, когда это нужно и когда есть для того основание. Что влечет народ за сотни и тысячи верст пешего хождения к народным святыням или к уединенным старцам-подвижникам? Только одна святая и живая вера, а с нею и святая жажда духовного утешения и ободрения.

Наряду с этим монастырские духовники, да и умелые вдумчивые мирские священники с удивлением подмечают трогательную духовную чувствительность, строгую чуткость совести народной. На исповеди с такой аккуратностью и тонкостью рассказывают не только малейшие свои грехи, на которые обычно люди мира сего не обращают внимания, но и самые сокровенные свои помышления как основу греховной жизни. Это уже внутренняя духовная жизнь человека, его внутренняя борьба или то, что составляет главное делание строгих духовных подвижников, на то определивших себя. И все это народ православный проявляет среди сутолоки житейской; следовательно – сколько трудной внутренней работы стоит ему это? Все это наблюдается на тех бесчисленных наших благочестивых паломниках, которые с котомками на плечах бывают в святых обителях, вместе с трудовыми грошами оставляя там и свои от совести раскрытые грехи. Это лучшие при всей своей внешней невзрачности русские люди, своим духовным и телесным трудом себя приносящие Богу в жертву живую, как бы от лица всей в корне благочестивой Русской земли. Начиная с «хождения Даниила Заточника», от всей земли Русской приносившего лампаду ко Святому Гробу, и доднесь русские богомольцы всегда душевно предстательствуют за всех православных соотечественников, в этом полагая и главную цель своего паломничества наряду со смирением своего духа таким трудом для Господа. Такова душа русского человека в своем основном существе. Она вся способна стоять перед Господом и для сего достойного предстояния Ему способна до самой тонкости испытать и очистить свою совесть, заглядывая во все сокровенные изгибы души, чтобы там не оставить ничего не освещенного светом благодати Божией, но все извести наружу и – как недостойное Бога – выбросить вон от себя.

И при всем том все чаще и чаще наблюдается уродливая, слепая исповедь в народе. Приходят на исповедь и буквально не знают, в чем им каяться. Очевидно, потребность покаяния, а следовательно, и внимательное отношение к своей душе в

значительной степени помрачились и потеряли свою силу. Но, очевидно, и должного научения тому не было от кого следует, то есть от пастырей и от родителей. Следовательно, наряду с описанной выше тонкой духовной чувствительностью растут поколения такие, которые уже в достаточной степени искалечили свою душу рядом разных условий, погрузивших ее в достаточную грубость и сделавших ее малочувствительной. Очевидно, в достаточной степени ослабело и то духовное руководство, под которым воспитывалась душа старинных русских людей, когда без совета и благословения отца духовного ничего не делалось, когда к нему шли со своими и житейскими, и тем более с душевными затруднениями и смущениями, когда патерики, прологи, златоструи, маргариты и подобная духовная литература была воспитателем народной совести после Святого Писания и Святых Отцов. Именно этим путем и создавалась та культура духа, которая составляет отличительное и господствующее свойство народной русской души. Именно таким путем умягчалась душа человеческая, на страже которой ставилась бодренная совесть, делавшая всего человека бодрым на дела благие и подвиги благие.

Но это же все приходит в силу, хотя и не в желательном направлении, тогда, когда соприкасается с посторонним влиянием, обращающимся именно к душе человеческой. Таково влияние сектантской проповеди. Правда, в уродливой и опасной форме проявляется тогда духовное пробуждение человека в виде непомерной самодовольной и самоуверенной гордыни от сознания своей спасенности, оправданности и даже святости ради заслуг Христа. Но все-таки это опять заговорил уснувший было дух в человеке. И он первым делом своим поставляет свое исправление, свою исправность, чтобы и соответствовать тому идеалу святости, который в той или иной степени и виде предстал перед душой совращенного в сектантство. Правда, гордыня сектанта не дает ему возможности видеть не исключительно только малейшую соринку в глазу соседа, но и большое бревно в своем глазу; но все-таки перед сознанием человека встают запросы нрав-

ственные, требующие своего удовлетворения. В силу этих двух противоположных, но все-таки нравственных влияний душа сектанта, прежде спавшая в своих грехопадениях и пороках, и обращается на искания исправности в жизни, хотя бы и исключительно внешней, как более бросающейся в глаза. Для примера возьмем хотя бы пьяный вопрос. Никакие хозяйственные, медицинские и общественные соображения и основания не имеют в этом деле того значения, какое имеет пробуждение чисто нравственное. В то время, как гражданские попечительные комитеты о народной трезвости не имеют ровно никакого положительного значения, располагая и средствами, и деятелями, и всякими пособиями для насаждения трезвости, в это же время наши церковные общества и братства трезвости, при полном отсутствии средств и деятелей, кроме одного священника, не только возрастают и процветают, но они-то именно и отрезвляют тех, которых коснется отсюда нравственный призыв к трезвости духовной и телесной. Не расчет какой-либо на умеренное и разумное употребление спиртных напитков здесь проповедуется, а исключительно духовная бодрость человека, которая должна сопровождаться и телесной трезвостью его. Значит, и уснувшая душа просыпается, когда ее затронет бодрый нравственный призыв к чистоте и святости. То же самое и у сектантов, только в ином, как сказано, соображении. Призыв к обновлению и очищению прежде всего, а часто и исключительно только, сказывается в призыве к трезвости, которая обязательно требуется от сектанта и которой они погибельно для себя гордятся над православными, безразлично терпящими среди себя и пьяниц. Даже в этом требовании обязательной трезвости для сектанта как истинного, по их пониманию, евангельского духовного христианина – и в этом очевидно несомненное искание души русского человека строгой определенности в душевном делании как поддержки себе в исправлении своей слабой души, для которой несвойственно такое низкое падение. Ищут люди этой определенности, этой ясности должной для христианина жизни, не найдя ее у

освященных и на то поставленных пастырей, охотно поддаются первому сильному влиянию сектантскому, сумевшему определенно, ясно, решительно и душевно явить в доступном виде идеал должной жизни и непрременной трезвости.

Итак, чувствительная к вопросам духа с тонкой совестью душа русского человека, оставленная сама себе без должного руководства, засыпает и грубеет; разбуженная же разнородными влияниями, не найдя себе руководства и ободрения от поставленных именно и только на то церковных пастырей, легко подпадает под воздействие сектантское, находя в нем то, что все-таки ободряет, примиряет и воодушевляет способную к высоким переживаниям, но ослабевшую во грехе душу.

Вот то, о чем говорит мне наблюдаемая наша народная действительность в рассматриваемом отношении нашего пастырского душепопечительства. Действительность эта, как видно, полна противоречий. По существу она прекрасная почва для нашего пастырства. Но по являемым ее обнаружениям она полна болезней, неправильностей, заблуждений и погибели. Последнее все исключительно от недостатка или неумелости пастырского воздействия, чем в значительной степени обусловливается и сравнительный успех несвойственного смиренной русской душе гордого, как сам сатана, сектантства, исполненного высокомерного презрения к немощам православных, которые ими и признаются за неверующих язычников, еще только нуждающихся в крещении, почему господствующие среди сектантов и называются баптистами, в отличие от всех прочих, еще не крещенных по их учению и не оправданных, хотя бы они были и православными христианами.

6. Постепенность и жизненность пастырских начинаний

О богослужении

Всякий из нас обычно на школьной скамье задается широкими и всеохватывающими планами – непременно пе-

рестроить всю жизнь, которая, как кажется, только и ждет таких великих преобразователей и только без их услуг она и плоха. Но мечты мечтами большей частью и остаются, ибо их нужно совсем с другого конца исполнять. А именно: не нужно задаваться великими задачами, но к ним приближаться постепенно и совершенно обычным исполнением прямого и простого своего долга. Тогда, наверное, Богу содействующу, преобразуется прежде всего личная жизнь самого высокого деятеля на ниве Христовой, а вместе с тем и именно ради того, наверное, с помощью Божией приведется направить к лучшему многое и в окружающей жизни. Без этого же главного условия все великие и широкие начинания останутся неосуществимыми мечтами, праздными затеями, конец которых – смех. Так и в данном случае. Всякий пастырь, близко принимающий к сердцу врученное ему священническое дело, скорбящий о неустройстве его, пусть постарается исполнять только лишь то, что ближе к нему, что просто и доступно, что проверено опытом многих прежних церковных работников, а лучше сказать – историей всей Христовой Церкви.

Прежде всего он должен сам для себя, а отсюда – и для всего своего священнического дела обратить святое внимание на наше церковное богослужение (эту таинственную область, исполненную назидания, умиления, восторга, поэзии, духовной красоты), низводящее незыблемый мир и духовную бодрость в сердца молящихся, но главное всего – приводящее их в таинственное и действительное общение с Живым Богом, всякого, конечно, в свою меру веры и усердия. Это такая область, в которой христианин может истинно жить во Христе со всеми святыми, восходить в этот духовный мир, как бы спускающийся к нам в виде тех икон и прочих святых изображений, которыми расписываются наши храмы (как жаль, что теперь роспись храмов и высокие многоярусные иконостасы отходят в область предания, заменяясь резьбой, позолотой, фигурами, колоннами и прочим). Но для этого таинственного восхождения христианина в храм к Богу пусть

все и соответствует такой высокой цели. В храме и вообще за богослужением все должно быть совершаемо с полным благоговением и стройной чинностью. Посему пусть прежде всего совершитель богослужения будет исполнен искреннего сознания своего предстояния пред Богом впереди всех молящихся и для их и своего душевного спасения. Ни спешности и небрежности, ни невнятности и холодности равнодушной и скучной, ни вычурности и манерности, как в действиях, так и в голосе, быть не должно. Это все будет профанацией святого дела, принижением его, оскорбительным для святого чувства. Все должно совершаться в присутствии Бога, нас к Себе приемлющего, и потому с должной и возможной по средствам торжественностью. Посему и пение должно быть чуждо всякой небрежности, но и чувственной и игривой светскости, которыми заполнилась было наша Церковь в виде отвратительных для сердечной молитвы концертов, которым не должно быть места в храме. Нет, пение должно быть молитвенным, для чего нет распевов лучших, чем распевы знаменные, греческие, болгарские, киевские, валаамские, как созданные не песенными и, может быть, безрелигиозными композиторами, а церковно-народным гением, как порождение молящегося духа народного. Затем, так как в богослужении все свято и исполнено высоких целей, то и выбрасывать это святое и пропускать, по меньшей мере, не благоговейно; и конечно, делается это без достаточного понимания и от лености и небрежности человеческой. Мало того: наше богослужение имеет всегда строго законченный и цельный характер. Посему всякое сокращение его бессмысленное есть нарушение этой цельности и стройности. Что сказали бы меломаны, любители театра, если бы выбросить из пьесы несколько отделений или даже строк? Так для понимающего весь строй богослужения совершенно недопустимо бессмысленное сокращение его. Теперь же дошло дело до того, что можно выслушать совершенно одинаковое богослужение и в Преображение, и в Успение: все характерное и существенное для всякого в отдельности из сих праздников

выброшено, остались одни постоянные части богослужения, одинаково входящие в богослужение всякого праздника, то есть остался один остов богослужения без его характерного для праздника содержания.

Между тем наше богослужение во всей его целости может дать неиссякаемый источник и для научения народа, да оно и само будет научением и без проповеди. Посему всячески нужно стараться совершать богослужение не только в сельском храме, но и по поселкам, чтобы все имели возможность помолиться, а не отставать от богослужения и не заделываться в беспоповцев. Смотря по местным условиям, можно в одном поселке совершить с вечера бдение, а в селе с утра другое бдение и обедню. Вечером же съездить в другой поселок и совершить там вечерню или акафист с беседой. На неделе же случающиеся праздники тоже можно использовать для богослужения по поселкам. Конечно, все это нужно заблаговременно наметить, оповестить население, чтобы все знали и готовились. Конечно, не без хлопот это будет, и прежде всего по делу о подводе. Обычно говорят, что теперь крестьянин с расчетом и подводу не дает. Но этот-то самый расчет и заставит его дать подводу, только бы он увидел действительное старание для него батюшки, да и смысл и пользу от того для самого себя. Знаю случаи, когда так и было, что сначала крестьяне неохотно давали подводу и даже отказывали, но потом, увидавши для самих себя духовное утешение, никогда не отказывали и даже заранее спрашивали батюшку, когда подавать им подводу.

Затем поставить нужно за правило, чтобы привлекать к участию за богослужением и самих молящихся, как в чтении, так и в пении. Еще лучше, чтобы пение было общим. Это, конечно, затруднительно будет вначале, ибо прежде всего молящиеся от непривычки будут стесняться петь, будут и путать. Но всему учатся и ко всему привыкают. Так и в данном святом деле. Но когда привыкнут и войдут во вкус, а это непременно будет, то никогда уже не отстанут от церковного пения. Народу общее пение весьма нравится, как

об этом свидетельствуют все случаи заведения его. А дело это весьма простое. Руководить им может всякий, знающий простое пение, и пусть такой явится для народа лишь запевалой, конечно, после предварительного объяснения этого дела и приглашения со стороны священника. Начинать нужно с простейших молитв и песнопений: «Верую...», «Отче наш...», «Богородице...», ектении и т.д., прибавляя по мере опыта. А потом можно будет приступить и к пению на гласы стихир. Таким путем и в жизнь пойдут церковные песнопения, в старину заполнявшие жизнь народную; и теперь они вытеснят собою все грязные расплотившиеся в народе песни мирские; научат и благоговению в самом поведении. А когда это дело разовьется и к народу привьется, тогда православные уже не пойдут на зазывные соблазны разных сектантов евангеликов и пашковцев. Им будет родным, дорогим и понятным и бодрящим душу свое православное богослужение. Эта великая сила в наших руках. Через богослужение истовое, торжественное, благоговейное воспитывалась в вере и в христианственности вся наша Древняя Русь, когда школьное просвещение было слабо и условия жизни были далеко не содействовавшими просвещению. Кроме того, ведь все богослужение, весь чин его, все молитвы и песнопения его – это есть творение богомудрых людей, в молитве и духовном подвиге проводивших жизнь, Господу угодивших и душу свою набожную и богопреданную вложивших в эти свои творения. Значит, их святыми молитвами, их устами, вместе с их душами и молящиеся молятся в церкви за богослужением. А вместе с тем и самый Дух Божий сходит к душам так молящихся, как он был носившимся над молитвенниками святыми. Таким же путем общенародного пения создастся и общая сосредоточенность в молитве, которой часто не бывает при пении платных певчих с их возможной безучастностью к распеваемому. Затем, таким порядком народ будет ближе вникать в смысл церковных песнопений и естественно заучит и самые молитвы, распевая их за другими, а особенно, если бы устроить пение с канонархом. И какое воодушевление тог-

да создается у всех молящихся! Подлинно им не захочется и уйти из храма, в котором они так воспевали дивного во святых Бога и к Нему востекали своею душой. Тут же и дети привыкают петь вместе со взрослыми, а лучше, пожалуй, с них и начинать это дело. Пением непременно должны руководить диаконы и псаломщики. Никто из них не должен ничем отговариваться и тем более лениться. Не умеющих петь псаломщиков не должно быть, как невозможно представить не умеющего играть музыканта. Для сего и устраиваются по епархии краткосрочные для низших клириков курсы пения, чтобы на них могли подучиться и плохо поющие. Пение должно быть простое, особенно общенародное.

Пусть сам священник на богослужение прежде всего смотрит как на свое собственное молитвенное дело, для него спасительное. Тогда он все сделает, чтобы исправить его благоплодно и воодушевленно и для молящихся. Тогда он сумеет и к пению расположить их, и ко всякому участию за богослужением. И тогда богослужение будет источником и средством освящения, и научения, и утешения, и ободрения.

7. Проповедь Евангелия жизни

Затем настоятельно нужно усилить дело проповеди. Конечно, лучше будет изустная проповедь. Особенно в деревнях это просто бы устроить, народ не требовательный, но жаждущий назидания. Пусть бы всякий священник говорил с молящимися совершенно безыскусственно, как пастырь и отец своих духовных чад, наставляя их на жизнь по вере, по Евангелию. Сначала это, конечно, будет трудно, но после первого опыта робость спадет, особенно если проповедник поставит себе целью говорить как можно проще и душевнее, не задаваясь никакими чрезмерными планами. Если же это невозможно, пусть расскажет чужую проповедь, но прочитает внятно, слышно, выразительно, без вычурностей, с чувством и наглядностью. Содержанием проповеди должна быть не только нравственная жизнь, но и целая катехизация,

наставление в христианских истинах и обрядах. Пусть это все будет предлагаемо проще, жизненное, нагляднее, прочувственнее. Пусть священник поставит себе целью, чтобы пасомые его хоть приблизительно могли рассказать, как и во что они веруют, чтобы взрослые потом и детям это могли передать, научить их жить по-Божьему, научить молитвам. Ведь в старину так и было, что взрослые, научившись от батюшки, да от книг отеческих, да от грамотных людей, в этом и детей своих воспитывали и растили, с детства действительно воцерковляя их христианским научением и воспитанием. Стесняющиеся пастыри пусть для своего ободрения знают, что ведь никак не мудрые, сравнительно с ними, все сектантские начетчики – большей частью простые люди, они умеют назидать своих слушателей, воодушевить их любовью к Евангелию и отвлечь от Матери Церкви. Пусть священники приложат свое старание к этому делу. Для сего пусть обязательно читают Святую Библию – живое Слово Божие. Там они найдут и источник воодушевления, и собственного умудрения, и назидания для слушателей судьбами управляющего всеми Промысла Божия, и противовес односторонним вычитываниям сектантским. Пусть чтение Библии, особенно Нового Завета, будет ежедневным благоговейным уроком, пусть оно будет беседой с Самим Богом.

Но не следует ограничиваться только проповедью за литургией. Нет, помня завет святого апостола Павла святому апостолу Тимофею (2 Тим. 4, 2), пусть всякий священник помнит, что ему нужно своих духовных чад умудрить во спасение, просветить светом Евангелия Христова, привести ко Христу и сказать ему: *се аз и дети, ихже дал ми еси*. Поэтому пусть он постарается и за другими богослужениями хоть краткое слово назидания от Евангелия предлагать молящимся, питать их душу хлебом Божиим. Кроме того, непременно нужны внебогослужебные чтения и беседы – в храме, в школе или в ином подходящем месте. Чтения эти нужно разнообразить и оживлять как содержанием их, так и самым ведением чтения. На них уместно и следует завести

пение хоровое и общенародное. Тут будет и чтение от Божественного, и рассказ из жизни святых или из истории поучительной. На сих чтениях удобно может исполняться и сама катехизация народа. Тут может быть и борьба с народным пьянством, и с вольномыслием, и с хулиганством и прочее. На чтениях таких пусть принимают участие не только члены причта, кто как может, но и учителя и учительницы, особенно церковных школ. Тут явятся пособницами и жены, и дети клириков и учителей. Тут и сами учащиеся дети у умелого устроителя чтений будут участвовать в чтениях. Такие чтения следует устраивать не только в селе при храме, но и в приходских деревнях, по очереди их посещая с такой целью, конечно, по вечерам, когда народ бывает свободен от работ. Там, где священник прилагает усердие к этому делу, там чтения привлекают живое внимание и участие прихожан. А это помимо прямого христианского просвещения принесет и косвенную пользу – отвлечет праздных людей от искушения разными соблазнами праздного провождения времени, особенно праздничного. Конечно, следует пожелать, чтобы окружные благочинные наблюдали за таким делом и малодеятельных подвигали на дело силой своего авторитета и полномочий, им данных.

Разумеется, пастырская ревность и благоговение перед своим высоким служением и ответственностью подскажут священнику и научат его не ограничиваться только указанными путями и средствами к научению пасомых. При всяком сообщении с прихожанами или отдельными из них, например при требоисправлениях на дому или в церкви, он найдет возможность и умение сделать соответствующее наставление или проверить степень христианской просвещенности и настроенности прихожан. А случаи браковенчаний и крещений дают возможность и тем более научить пасомых вере. Есть приходы, где собирающиеся быть кумовьями при крестинах или вступить в брак предварительно заявляются к священнику, такой и порядок заведен. И священник испытывает их в знании молитв и только после того ведет окон-

чательный разговор о предстоящем важном деле в жизни. Пусть бы это было и сделалось обязательным правилом и порядком во всяком приходе. Это большую пользу духовную принесло бы приходскому делу. Пусть только помнит священник, что он духовный отец своих чад, чтобы заботиться о них, как о самых родных детях перед вверившим их ему Богом. Да всего и не перечислить, что может помочь священнику христиански устраивать приходскую жизнь. Например, обычно в деревнях между утреней и обедней причт совершает случившиеся требы, а народ не знает, куда ему употребить это время. Вот тут и хорошо бы вести чтения и беседы. Вместо занятых делом священноцерковнослужителей могли бы этим заниматься учительствующие в школах, любители и семейные клириков, конечно, под руководством священника. Местами так и бывает, где находится усердие и согласие у всех указанных лиц. На таких чтениях можно и Закону Божию всех учить, и на христианскую жизнь наставлять, и молитвы разучивать, разъяснять и распевать, и на современные веяния и запросы ответы давать, и просто хорошую книжку прочитать на досуге.

8. Содружество ревнителей веры и жизни по вере

Но не следует довольствоваться всем вышесказанным. Непременно нужно проводить все это и в жизнь, чтобы она в разных отношениях и с разных сторон проникалась евангельскими начинаниями. Несомненно, во всяком приходе, даже в самом распропагандированном, найдется много таких, которые скучают и скорбят о всем нехорошем в жизни. Вот с них-то пусть священник и начнет дело церковной миссии. Пусть он соберет около себя таких ревнителей благочестия, христианского научения и книжного доброго чтения. Из них можно составить постепенно как бы миссионерский кружок или кружок ревнителей. Собирая их по временам вместе, беседовать о вере и жизни, читать Слово Божие и о Божествен-

ном, возбуждать в них самих ревность о том, чтобы и других привлечь к своему содружеству, научать их, как действовать на других и на кого именно, с какой стороны и что предлагать другим ко вниманию, чтобы возбудить жажду духовной жизни. Десять таких душ постепенно при усердии и умении приведут других десять, а затем придут за ними и сотни; наконец, за общим течением придут и все прихожане. Конечно, это не так будет скоро и легко, как написано в сих словах. Но на то мы, пастыри, и поставлены. Только не следует задаваться большими и быстрыми успехами непременно сразу и на всех подействовать; этого не было даже на примере нашего Первоархиерея Христа. А начавши с нескольких душ, как с малого зерна, с Божьей помощью и своим старанием пастырь возвратит и всех ко Христу – сознательно и деятельно жить перед Ним. По времени дело покажет – не следует ли в таком воодушевленном на добро содружестве сделать подразделения с определенными целями влиять на всю жизнь прихода с разных сторон. Например, старшие могут составить содружество или общество с целью бороться с непорядками в общественной жизни, с хулиганством и озорством, с шинкарством, воровством и тому подобным. Женщины пусть поставят себе сообща целью следить за добрым поведением детей и молодежи, общим советом и уговорами отводить мужчин от пьянства и т.п. Девушки пусть украшают и за чистотой наблюдают в церкви приходской, предпринимают разные работы на украшение храма, в пользу или помощь бедных и нуждающихся и т.п. Молодцы пусть составляют содружества для изучения Слова Божия, для чтения умных книг, для борьбы с пьянством, для взаимного укрепления в добром поведении с целью привлечь к тому и товарищей, для разумного и хорошего обзаведения сельского хозяйства и т.п. Жизнь и дело постепенно наметят и укажут цели частные; в жизни всегда одно цепляется за другое. Понятно, что в таком деле нужны руководители и вдохновители. Во главе всего дела стоит священник. А ближайшими пособниками ему и должны явиться как прочие клирики и их семейные, так и

учительствующие в школах со своими семейными, а равно и все образованные в приходе лица. Пусть, например, матушка станет руководительницей всех крестьянских женщин, как образованная женщина. В прежние времена так и было, что матушка была первой советницей для всех прихожан; к ней прежде всего направлялись и с телесными болезнями, и с семейными начинаниями и дразгами. Матушка для прихожан была действительно как мать родная. Ее авторитет был весьма высок. Да подражает прежней матушке и матушка нынешнего времени: теперь ее дело еще плодотворнее может быть, только бы она приложила старание к тому и любовь возгрела в себе к меньшей братии. Пусть она не чуждается крестьянства, не являет себя барыней, а будет проста, приветлива, доступна, внимательна. А образованность ее научит ее, чем она может быть полезна крестьянству темному. Или, например, как было бы полезно, если бы летом, когда все взрослые бывают на работе, а в деревне остаются одни дети да беспомощные старики, — если бы в это время попovны и поповичи взяли под свое покровительство беспризорных детей, лишь к разным нехорошим привычкам пристращающихся на свободе, по чужим огородам лозящих, а иногда и пожары устраивающих. Таких-то детей и прибрать бы к рукам разумными развлечениями и играми, прогулками, рукоделием, ремеслом и т.п.; а малых, грудных детей можно бы ухаживать и прямо как в яслях — тогда бы не было бы той ужасной смертности детской именно в летнюю пору от неprisмотра, от плохого питания и т.п. И опять всего и не перечесать, что можно заве-сти при воодушевлении и усердии. А все это именно и по-сод-действует возрождению приходской жизни, всех объединит в одну приходскую семью, из которой никому не захочется уходить куда-либо в сторону. Все это облагородит нравы, поднимет общее благосостояние деревни. А главное — про-ведет в самую жизнь начала церковности, заветы Евангелия, дух любви и взаимопомощи. И перед этой жизненной стеной рушатся все нападки вольномыслия, сектантства и прочего, враждебного Христу и Церкви; им не к чему будет привя-

заться в приходской жизни, нечем будет заманить к себе, когда в приходе все устраивается по Евангелию¹.

9. Благотворительность

Все отъединяющиеся от Церкви общества прежде всего стремятся объединиться между собой и к себе привлечь других на почве благотворительности и взаимопомощи. Да это и естественно, ибо нужда бьет чувствительность всякого и заставляет идти к тем, кто может прийти на помощь. У русских сердце доброе и отзывчивое, но, к сожалению, все это часто проявляется взброд и без толку. Сколько, например, бедная деревня раздаст нищим хлеба в виде милостыни – ломтей хлеба. Правда, нищие-то накормлены. Но иногда настоящие-то нуждающиеся остаются обойденными ради тунеядцев. Поэтому было бы ближе к делу и разумнее – **устроить, напри-**

¹ *Примечание автора 1915 г.:* На докладе Пермской духовной Консисто-рии, от 4 сего декабря за № 1178, по вопросу об открытии при одной из церквей Пермской епархии общества ревнителей чистоты и опрятности храма и любителей церковного пения, по прилагаемому проекту устава, резолюция Его Преосвященства Преосвященнейшего Андроника, епископа Пермского и Соликамского, от 4 сего же декабря за № 9710 последовала таковая: «Представленный устав утверждается, но общество ревнителей назвать “сестричеством” ревнительниц. В исправленном виде устав припечатать в “Епархиальных ведомостях” с пропуском пунктиром слов, касающихся дан-ного “сестричества”, – как примерным. Подобные “сестричества” весьма важны и желательны во всех приходах. Они будут содействовать укреплению в приходе веры и любви к Церкви и богослужению, насадят добрые нравы среди прихожанок, а через них и в их семьях, облагоделят храм Божий, сократят и многие хозяйственные расходы по церквям. Лучше бы во главе таких “сестричеств” встать женам священноцерковнослужителей, учителям, чтобы около себя собирать всех лучших среди прихожан, а через них вносить все доброе и благочестивое и во весь приход. Во всяком приходе таких ревнителей найдется множество, но, не объединенные, они не знают, к чему и как приложить свои силы и усердие. Позаботьтесь же, отцы, братие и сестры, об учреждении по приходам таких “сестричеств”, хотя бы по данному уставу. И из малого сделайте постепенно великое дело поднятия религиозности, благочестия, добронравия, благородства, трезвости, благоприличия в приходе. Воодушевляйте сестер и поставляйте им в заботу привлечь каждой хоть одну сестру в “сестричество”, как добрую жертву Богу и Его храму. И таким путем одна за другой в “сестричество” войдут все женщины и девицы прихода, и для всех достанет самого живого и святого». – *Прим. авт.*

мер, мирскую избу или богадельню, где на общественные подаяния и содержались бы нищие. Сюда всякий охотно приносил бы от своих избытков, и богадельню недорого было бы и содержать. Она была бы мирской. Важно в данном случае то, что и обычная благотворительность будет сосредоточиваться около церкви и священник будет хозяином как всего церковного дела, так и этого. Так создадутся отдельные ячейки, или гнезда, и всей церковно-приходской жизни. Так и вся жизнь устроится по заветам Евангелия, по-церковному. А ведь недостаток этого в нашей приходской жизни прежде всего и заставляет многих искать прибежища и утешения духовного на стороне; и идут люди к раскольникам, к сектантам и даже к освободителям, сплоченным между собой и воодушевленным, по крайней мере вначале, заботой о лучшем в том или другом отношении. Такому порядку и нужно противопоставить наш во многом лучший и превосходнейший порядок церковный – устроить жизнь по Евангелию.

10. Народная школа

Народная школа должна быть в самом серьезном внимании священника. Это катехизаторское училище в самом широком смысле. Здесь священник готовит будущих сознательных членов его приходской семьи. Здесь он полагает начало христианскому просвещению своих духовных чад. Здесь он может заложить в душу своих пасомых добрые начала жизни, добрые навыки навсегда. Так он и должен смотреть на школу как на начальную и необходимую пособницу ему и Церкви Христовой. Умелым преподаванием, настойчивыми и отеческими напоминаниями, пастырскими беседами с детьми, умелым подбором книг и рассказов как для классного, так и для домашнего чтения, расположением детей читать Евангелие, жития Святых и подобное, – всем этим священник может приготовить из своих учеников сознательных и деятельных воодушевленных работников церковно-приходской миссии. Как это сделать – трудно сказать; пастырская ревность и отеческое заботливое чутье

научат пастыря, как это устроить благоплоднее. Один только совет надлежит помнить – не относиться к школьному делу чисто формально, холодно, только по обязанности. Нет, пусть это будет возгребто отеческой ответственностью перед Богом за вверенные души. Тогда из школы будут выходить и добрые ревностные христиане, сознательно и горячо верующие, и борцы за веру и Церковь против неверия, вольномыслия, раскола, сектантства, нетрезвости, хулиганства и прочего. Подметивши душевные способности некоторых из школьников, священник и сознательно может готовить из своих учеников умелых и начитанных миссионеров в приходе. А кроме того, все доброе из школы дети принесут домой и здесь могут явиться и живыми проводниками пастырских начинаний в народную жизнь. Через них священник может благотворно действовать на всю жизнь народную. Особенно это нужно сказать об ученицах – девочках. Женщины по природе своей больше склонны к религиозности. Тем более набожность разовьется в девочке, если умело и внимательно стараться воспитать ее в христианском духе. А она потом будет матерью семейства и сумеет по-христиански воспитать своих детей, с детства прививая им все христианские начала жизни. Особенно красноречиво свидетельствует о сем наша древнерусская жизнь, когда именно мать и была главной и почти единственной воспитательницей своих детей, ибо тогда не было современных учебных и воспитательных заведений. О том же свидетельствует и практика католического духовенства, которое усердно старается прежде всего забрать под свое влияние и руководство школьное дело. И через школу именно больше оно и ведет свою пропаганду католичества в нашем Западном крае. Ибо ведь справедливо сказано: что посеешь с детства, то и пожнешь в жизни. Поэтому-то и наши освободители так горячо ухватились за школьное дело и спешат забрать его в свои руки, стараясь отстранить духовенство. Осужден будет от Господа тот пастырь, который, забывая свой пастырский долг, окажется невнимателен к школьному делу, и еще более осудится, если по лености или намеренно опустит из своего прихода церковно-приходскую школу – первую свою

помощницу в пастырстве. Да, отцы и братие, душу свою всякому священнику нужно вкладывать в приходскую школу, чтобы с молодых лет не выпустить пасомых из своих рук, а напротив, и их воспитать добрыми христианами и через них влиять на всю приходскую жизнь.

11. Библиотека, читальня и вообще о печатном слове

Обычно клин клином и вышибается. Так и с врагами нашими следует бороться их же оружием. Обычно все враги Церкви действуют через печатное слово. Дешево распродается, а часто и вовсе бесплатно раздается всякая враждебная Церкви и вере литература. Так действуют как освободители, так и сектанты. Поэтому все меры нужно приложить к тому, чтобы заводить при церквях и школах доступные и интересные для народа библиотеки и читальни. Интерес к книге и вообще к печатному слову теперь весьма возбудился. Пусть только это печатное слово будет созидательным, а не разрушительным. А созидательная добрая литература теперь весьма богата. Небольшие средства на это всегда можно изыскать на месте – в церкви, у благодетелей, сбором с прихожан. А потом постепенно увеличивать состав библиотеки, выписывая такие прежде всего издания, которые отвечают на потребности времени и прихода и несомненно возбуждают интерес у читателей и их слушателей. А возбудится этот интерес, тогда и средств прихожане не пожалеют, лишь бы прочитать занятную книжку. Конечно, трудно крестьянину дать на это деньгами, хотя и немного, а хлебом при сборе его он даст много больше; собранный хлеб можно продать и на вырученные деньги выписывать книги, журналы и прочие издания; таким же путем и вообще лучше и ближе к делу собирать средства и на прочие полезные заведения в приходе. Постепенно можно будет затем завести и читальню народную в школе, в сторожке или еще где-либо. Конечно, все это должно быть под наблюдением и попечением священника. Но при расширении дела найдутся и помощники

даже из простых крестьян, которые с охотой, старанием и умением будут наблюдать — кто за библиотекой, кто за читальней, кто еще за чем-либо в таком же роде. Выдаваемые на прочтение книги, конечно, должны быть записаны в особую книгу, чтобы не пропадали и возвращались в целости и сохранности. Умело оборудованная библиотека, хотя бы и в малом своем составе, принесет великую пользу в деле всякого доброго просвещения в народе. Так исподволь, не задаваясь широкими планами, и следует ее заводить во всяком приходе. Наряду с этим следует обратить внимание самое высокое к раздаче и распродаже разных религиозно-нравственных листков. Известны по своей распространенности и народности листки: Троицкие, Почаевские, Воскресного дня, Кормчаго, Братские (Петроградского Миссионерного Совета) и другие. При московском книгоиздательстве «Верность» издаются очень маленькие и весьма дешевые книжечки. Вот такими дешевыми изданиями и можно пользоваться в деле. В церкви всегда найдется 3–5 рублей свободных, а с них можно купить 1–2 тысячи указанных изданий самого разнообразного содержания. Конечно, для раздачи народу этого количества недостаточно. Но и такие листки могут иметь влияние на весь приход и сделать большое дело, если священник умело и с разбором будет их давать при каких-либо важных случаях или после какой-либо беседы серьезной с отдельными прихожанами, прося их непременно прочесть листок и другим. Известно, что заинтересовавшиеся прихожан книжка, листок, газета или журнал из рук в руки передаются по приходу и всех занимают. Так будет и в данном случае, если дать собеседнику именно то, что его ближе в данный момент касается, чтобы ответить ему на душевный его запрос. При такой раздаче и 1–2 тысячи листков разойдутся по всему приходу в течение года и принесут большую пользу. Пастырская ревность и умение научат священника, как проверить, читают ли и другим передают ли листки и книжки получившие их. Заинтересуются прихожане подобными изданиями — наверное, и покупать их будут. А тогда постепенно может составляться капитал и на расширение всего книжного дела: купить листок

за 1 копейку – недорого, а при гуртовой выписке листов это составит уже значительную прибыль, и так дело постепенно разрастется, было бы старание. Местами, наверное, найдутся, хотя и не крупные, и жертвователи на это полезное дело. Наверное, не откажутся пожертвовать и крестьяне, конечно, хлебом, который можно продать на деньги.

12. Борьба с пьянством

Общества трезвости

По нуждам нашего времени более чем когда-либо необходима настойчивая и разносторонняя борьба с ужасающим народным пьянством. Размеры и виды этого зла нашей страны всем известны, и сельским и вообще пастырям Церкви более, чем кому-либо. Известны и наглядны все худые последствия этого горя и в семейной, и в народной жизни. И болезни, и расстройства семейной жизни, и бедность, и упадок хозяйства, и некультурность, и убийства, и драки, и скандалы – все это в значительной степени, если не почти исключительно, плод пьянства. Упадок благочестия, невоспитанность общая и религиозная у детей, неимение средств на самые неотложные просветительные и благотворительные или иные полезные общественные и личные дела – опять тоже от пьянства. Золотой человек и по характеру, и по работоспособности совершенно пропадает и погибает, делается невыносимым и нетерпимым для жизни, когда предается пьянству. И наоборот, не узнать человека, когда он бросает, хотя и с борьбой, этот свой бесовский недуг. Даже внешний вид его совершенно изменяется, не говоря уже о внутреннем его настроении. Такой воспрянувший духом трезвенник действительно приходит в себя, возвращается и к делу, и к Богу. Это он и сам сознает, и другие видят в нем. Это все прекрасно сознает и сам наш русский простой народ. При поездках по епархии приходилось встречать в этом отношении трогательные картины. Когда беседуешь с крестьянами о пьянстве, особенно на деревенских праздниках, то не только

женщины, эти истинные страдалницы ради мужицкого пьянства, но сами мужчины горячо выкрикивали из толпы мольбы похлопотать, чтобы закрыли у них винную лавку, от которой они погибают ради своей слабости. Крестьяне одного селения представили мне свой общественный приговор, сполна всеми подписанный, о закрытии у них винной лавки. Подавали они приговор в прошлом году, пришел отказ на это. Они, однако, тотчас же на другой день по получении отказа снова составили приговор о том же. Народ сам сознает ужасный вред от пьянства, но глубоко сознает и слабость своего характера – устоять против близкого и заманчивого искушения. В этой своей беспомощности он ищет себе всякой помощи и поддержки на стороне. И наш пастырский долг – прийти к нему на помощь, взять в свои руки выношенное народным горем его желание бороться с пьянством. И там, где священник понимает и принимает это к сердцу, там начинается, сначала неуверенно и робко, а потом все смелее и бодрее, общество трезвости. Общества трезвости церковные – это истинные спасительные маяки среди нашей темной действительности. Прямой долг священников – взять в свои руки все более и более пробуждающееся в народе желание отрезвиться, встать во главе этого движения и около себя, под покровом приходского храма, объединить всех ищущих трезвости. Здесь необходим первый совет в данном деле: не записывать сразу на большие сроки. Ослабевшую волю нетрезвенника нужно постепенно укреплять и приводить в бодрость. Поэтому пусть сначала выдержит короткий, например месячный, срок трезвости; выдержавши, пусть записывается на новый срок, наконец, на более продолжительный, пока такой борьбой со своей привычкой постепенно не победит ее. Если он после такого краткого срока и не выдержит и непременно напьется ради слабости своей воли, то совесть его не так замучит, как замучила бы, если бы он среди длинного срока обещания не выдержал и запил. Тогда он от уныния счел бы себя совсем безнадежным и уже перестал бы и думать о трезвости. А бывают случаи, что не выдержавшие продолжительного срока и мучимые своей совестью от отчаяния прямо

готовы в петлю. Да, великую силу имеет молитва и обещание молитвенное перед Господом Богом. Эта сила превосходно выше всяких хороших разговоров о трезвости и о вреде пьянства и алкоголя. Весьма ободряющее значение имеет и самое имя «Общество трезвости»: значит, отрезвляющийся не один, а в многолюдном обществе, у которого и беда, и добрая цель одна и та же. Постепенно создается бодрящее воодушевление в «Обществе», число членов прибывает, это еще большую бодрость придает всем. Общее воодушевление сейчас же вызывает к жизни и на дело всевозможные добрые начинания для укрепления начал трезвости, для взаимной поддержки на начатом добром и трудном пути, а вместе и как проявление пробуждающейся правильной жизнедеятельности. Находится и помещение для собраний «Общества», и дело, вместе с ростом «Общества» расширяющееся, заводятся чтения, туманные картины, библиотека, читальня, книжная торговля, школа для христианского воспитания и обучения детей, между прочим и в началах трезвости, воскресная школа для взрослых, мастерские для трезвенников, встающих на ноги, открываются приюты, богадельни, больницы, лечебницы, для взаимного утешения и ободрения устраиваются богомоления, крестные ходы, поездки и путешествия по святым местам, деятельное участие в богослужении и т.д. и т.п., смотря по составу трезвенников и по местным и временным условиям. Ведь с ничего началось и Петроградское Александро-Невское Общество трезвости¹, а теперь это – великое дело. Радостно и ободрительно смотреть и на добрый и сравнительно быстрый рост и развитие и Новгородского Иоанно-Предтеченского Общества трезвости под руководством усердного о. Александра Ваученского. Отцы и братие! Возьмемся все за это неотложное и доброе дело трезвости. Пусть всякий священник, конечно прежде всего сам являя пример трезвости и борясь с этой слабостью, если сам ее име-

¹ Александро-Невское Общество трезвости было создано священником Александром Рождественским в 1898 г. при храме Воскресения Христова у Варшавского вокзала в Санкт-Петербурге. В 1914 г., уже после кончины основателя Общества, было преобразовано во Всероссийское.

ет, – пусть всякий священник в своем приходе начинает дело трезвости, подражая другим, сначала в самых скромных размерах, но без робости и не падая духом при возможных незадачах и неуспехе: терпение и труд все перетрут. Пять или десять трезвенников в приходе, при их и священника усердии и сочувствии горю других, привлекут и десятки, а потом и сотни, а сотни составят тысячи и миллионы. И общим воодушевлением и трудом, общей борьбой убит будет зеленый отвратительный погибельный змий, расползшийся по лицу земли Русской. Для дела поставляйте и себя, и всех отрезвляющихся перед Господом Богом с молитвенным обещанием пред Ним и с прошением о Его помощи. И Бог сделает Свое, видя наше к Нему моление, наше на Него упование. И возродится наша родная жизнь, и процветет, яко крин в поле, и свет велий узрят многие, совсем было погибавшие от пьянства. Итак, из любви к Отечеству, с Божиею помощью дружно на врага сего поспешим, в поход против пьянства. С этой стороны непременно следует обратить внимание и на детей, еще на школьной скамье всячески воспитывая их в сознательном отвращении к вину, чтобы они и в жизнь выходили трезвенниками и борцами за трезвость.

13. Народные богомоления и паломничества

По поводу борьбы с пьянством заговорил я о народных богомолениях. Это вопрос весьма важный. Влияние на народ таких народных торжественных богомолений весьма велико и несомненно. Особенно если такие богомоления устраиваются вовремя, с предварительной подготовкой, с личным воодушевлением священника. Нужно пользоваться всяким удобным случаем, чтобы вызвать народ на это. Засуха, ненастье затяжное, мор скота, червь напал на хлеб и т.п. – все это дает священнику повод обратиться к душе своих прихожан, чтобы возбудить в них дух сокрушения, искание Божьего заступления, желание молиться Ему и его угодникам. Концом этого и будет нарочитое богомоление, поднятие икон в деревне, крестный ход вокруг села или на поле и т.п. Тут и место проповеди, и общена-

родному пению, и обещание на трезвость, и усердие на общее доброе дело и т.п.! Вовремя устроенное, все это будет иметь весьма важное значение и надолго сохранится с благоговением в народной памяти. Такое же значение имеют и путешествия по святым местам. Издревле это было весьма воспитывающим средством на Святой Руси. К народным святыням нес наш народ и горе, и радость. У народных же святынь он заполучал и выносил в жизнь все высокое и святое. Хорошо известно, с каким благоговением хранит набожный человек вынесенную из святой обители икону, крестик, листок, книжечку, распи-санную ложку деревянную, даже камешек с реки или источника. А с каким благоговением и набожностью вспоминает он все, что слышал и видел там хорошего, какое слово сказал ему духовник или какой-либо отец из братии, даже гостинник монастырский. Это все и нужно использовать священнику в пастырском деле. Как бы было хорошо устраивать общена-родные, конечно из усердствующих только, путешествия к местным святыням. Как бы хорошо привлечь и увлечь на это и школьников. Прочитайте у покойного народного труженика С. А. Рачинского¹ описание паломничества его со школьниками к преподобному Нилу Столбенскому². Без сердечного вол-нения нельзя читать эти дивные строки. А как дорого было это паломничество для детских душ, и сказать нельзя. Выбрать бы заранее удобное и свободное от полевых работ время, собраться всем усердствующим в церковь, помолиться и идти вместе в обитель к угоднику или к Владычице. На дороге запастись книжками, житиями, рассказами, а если можно, то живыми из прихожан же рассказчиками. По дороге знакомить с достопри-мечательностями, с историей из народной жизни и т.п. И время, и трудная дальняя дорога покажутся незаметными, веселыми и легкими. А в попутных церквях и часовнях останавливаться

¹ Рачинский Сергей Александрович (1833–1902), педагог, просветитель, профессор Московского университета, ботаник и математик, член-корреспондент Академии наук, идеолог создания церковно-приходских школ.

² Нило-Столобенская пустынь – мужской монастырь, расположенный на острове Столобный и частично на полуострове Светлица, севернее города Осташкова, на озере Селигер. Основан прп. Нилом Столобенским в XVI в.

и устраивать богомоления вместе с местными жителями, делиться впечатлениями, привлекать их к своему делу. Да ведь это богатейшее дело по своим жизненно-христианским последствиям. Припоминаю, как новгородские трезвенники уже несколько лет подряд в день Вознесения Господня совершали крестный ход за десять верст к преподобному Савве Вишерскому¹. А летом 1909 года на двух пароходах устроили паломничество в г. Старую Руссу. Все это с молитвой, с пением, с наизиданием. Это такое сильное впечатление на всех участников производит, что крестный ход с каждым годом привлекает все больше богомольцев, несмотря на то, что этот молитвенный день начинается обедней в 5 часов утра в городе и оканчивается возвращением в город около 5 часов вечера, после обедни и крестного хода в Саввином монастыре. А паломничество новгородских трезвенников в г. Старую Руссу подняло на такое же паломничество к новгородским святыням старорусских трезвенников, и тоже на двух пароходах. Все такие народные паломничества и экскурсии поначалу как будто трудно устраивать; а потом первый же опыт научит многому, и дело наладится прекрасно. Припоминается мне наблюдение японской жизни. Там это дело весьма развито в народе даже самом простом. Кончились полевые работы у крестьян, и поднимается деревня в путь из разных концов Японии. Путешествуют и одиночно, но больше партиями для удобства и дешевизны. И крестьяне, и крестьянки, и старые, и малые посетят все достопримечательности в том или другом городе или округе страны, побывают у всех своих заветных языческих мест и храмов, все высмотрят, все заметят, чему можно поучиться у других, и домой возвращаются довольные путешествием, богатые воспоминаниями и впечатлениями, приносят с собой или редкости, или полезные вещи и т.п. И от этого, между прочим, самая жизнь деревни японской возвышается и улучшается. Не хуже же мы и не беднее духовными дарованиями, чем японцы. Напротив, скажу по истинной правде на основании своих наблюдений не

¹ Савва Вишерский (?–1460), основатель Савво-Вишерского монастыря, известен своим подвигом столпничества.

только над японцами, но и над другими народами: наш русский народ весьма богато одарен, способен на все высокое и доброе, и при случае все это проявляется так богато, как ни у кого. Но беда наша в том, что на все это богатство природы народной мы не обращаем внимания, не пускаем все это в дело, действуем вразброд, без определенных планов и намерений. Итак, со вниманием и усердно возьмемся за это дело и увидим богатый плод от того. Так и религиозное чувство возбудим и поднимем, и с народными святыми познакоим и сродним, и родную историю приблизим к народной душе, и общее благосостояние народной жизни поднимем, и от многого праздного и дурного отвлечем, и вообще в жизнь вложим серьезность и сознательность. Не могу без волнения представить эту величественную картину воодушевленных народных паломничеств при разумном руководстве священника или еще кого-либо понимающего и усердствующего.

14. Приходские праздники

По однохарактерности дела нельзя обойти и еще одного предмета. Есть у духовенства старинный обычай приезжать друг к другу на праздник сельский. Обыкновенно это делается только лишь для праздничного развлечения среди однообразной деревенской жизни. Вот этим обычаем и хорошо бы воспользоваться для дела церковного. Хорошо бы причтам соседних церквей при возможности приезжать на сельский праздник, чтобы принять участие в праздничном богослужении, в крестном ходе, в проповеди собирающемуся во множестве народу. В некоторые праздники в соседних селах и богослужения не бывает, так что причты свободны; а когда бывает неотложное богослужение, то можно приезжать к концу богослужения. Для народа такое общение соборного духовенства в молитве весьма важно. Польза от этого усугубится еще проповедничеством съехавшихся священников. В Юго-западном крае борьба с воинствующим католичеством научила духовенство весьма усердно пользоваться этим средством. Там даже

нарочно приглашают известных проповедников и усердно утешают во множестве собирающийся народ и богослужением, и проповедью, и раздачей листов, и дешевой продажей книг и брошюр. Тогда, наверное, и народ не будет так пьянственно проводить сельские праздники, как это в обычае. Конечно, духовенство само должно показывать пример в этом отношении. А потом, после богослужения, всем съехавшимся и открыть бы пастырское совещание о всех недоуменных или интересных вопросах пастырской жизни и деятельности. Тут многое можно решить и наметить общим советом в самой непосредственной братской беседе. Например, жалуются теперь часто, что многие из прихожан редко ходят в церковь или и совсем не ходят, многие давно не исповедуются и т.п. А между тем 80-е правило VI Вселенского собора гласит: «Аще кто епископ, или пресвитер, или диакон, или кто-либо из сопричисленных к клиру, или мирянин, не имея никакой настоятельной нужды или препятствия, которым надолго был бы устранен от своей церкви, но пребывая во граде, в три воскресные дни в продолжение трех седмиц не придет в церковное собрание, то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет удален от общения». Вот на подобных пастырских собраниях и обсудить бы это дело. Тут сопастыри порассказали бы о своем опыте в таких случаях, что они со своей стороны предпринимали и как поступали. Тогда и другие увидели бы, что, может быть, часто такая неисправность прихожан бывает и от самого пастыря, от того, что он в свое время со своей стороны ничего не сделал для уврачевания и для исправления греха. Тут обсудили бы и вопрос об отпадающих от Церкви или в сектантство, или в раскол, или в вольномыслие. Изыскали бы один за другим и согласные меры для таких случаев. Тут одобрили и воодушевили бы на дело друг друга. Конечно, об этом писать легче, чем завести и устроить подобное. Но опять повторяю: без труда и никакого дела не заводится. А теперь время не такое, чтобы нам всем, пастырям, сидеть сложа руки или рассчитывать на миссионеров приезжих. Миссионеру не угоняться по всем селам и деревням, да настроения и движений в приходе он никогда

и не узнает при своих временных наездах. Поэтому всякому священнику нужно быть на страже своего приходского дела, чтобы какой-либо волк не похитил хотя одну из его овец. А миссионер будет только пособником и руководителем в миссионерском и вообще приходском деле, когда сил приходского священника недостаточно. Поэтому-то и нужно всем пастырям и самостоятельно, и сообща изыскивать все, что только может помочь пастырствованию. Как на одно из таких средств я и указываю теперь в виде пастырских собраний по поводу сельских праздников. В некоторых местах это уже и заведено. На таких собраниях выяснится вопрос и о библиотеке с читальней, и о том, какие книги и руководства нужны для борьбы с современными веяниями и движениями в народной жизни, какие издания действительно полезными оказались и на деле и т.п. Это понятно само собой. Я напоминаю об этом только для того, чтобы возбудить у кого-либо, а если Бог поможет, то и у всех пастырей, желание воспользоваться таким совершенно обыденным делом и использовать его для Церкви, для пастырства, для исправления разных недочетов. Даже все, что доселе я изложил в данных письмах, и это все может быть с пользой всесторонне рассмотрено на таких пастырских собраниях, на которых выяснится, что много уже и на деле оправдалось, а многое нужно заводить несколько иначе и т.п. Такое же значение могут иметь и наши монастырские праздники.

15. Нынешний соблазн о видимости сектантского благочестия

Конечно, не обрисовать всего, что нужно и полезно для приходской жизни, для успеха в ней веры Христовой. Ибо это все не объемлемо силами человеческими, как дело Духа Божия, разнообразно и многосторонне. Но этой цели я и не имею в виду. Мое намерение – поделиться с пастырями Церкви Божией всем, что приходит на сердце как необходимое и много-полезное по настоящему времени. Одно только всегда имею в виду и желаю всем другим вложить в сердце: нужно нам, отцы

и братие, стоять впереди народа, чтобы руководить им, чтобы иметь в своем влиянии, чтобы не забрали его в свою власть враги Церкви и Христа, чтобы нам за это не быть в тяжком ответе перед Богом и перед людьми в истории. После бурного периода всяких переворотов теперь народ сильно ищет определенности, уравновешенности, ясного пути жизни, средств к разумному человеческому существованию на земле перед Богом. И находятся учителя, которые так или иначе уже вместо нас отвечают на народные запросы. И смотрите, многие достойные сожаления православные, омытые Пречистой Кровью Христовой, идут в погибель, прикрытую евангельской будто бы видимостью. Так и над нами исполняется грозное слово Господне к народу израильскому: *два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды* (Иер. 2, 13). А ведь эти-то водоемы имеют библейскую видимость. Ведь в сектантство соблазняют будто бы на основании Св. Библии – Слова Божия. А между тем у всякого ли пастыря и Библия-то есть? Вот и рассуди всякий сам со своею перед Богом совестью: не будешь ли ты виновен, что у тебя разумные овцы стада Христова ослабевают в благочестии, теряют веру, предаются пьянству, распутству, душегубству, уловляются в раскол и секту и т.п.? Сделал ли ты со своей стороны все, что нужно? Даже, узнал ли у других, что нужно для дела и что уже некоторым помогло даже и отпадших возвратить в Церковь? Уверен по себе, что никто не скажет, что он все со своей стороны сделал. А если так, то и будь внимателен и ищи случая воодушевиться на пастырство, умудриться в пастырствовании, найти совет и указание у более опытных людей, приложи все это к делу.

16. Священник-миссионер

Да не речет опять кто-либо после всего сказанного, что это все составляет преимущественно дело особых миссионеров. Нет, помимо того, что это было бы и на деле вовсе не осуществимо, так как миссионеры, как их много ни будь, только

наезжие и случайные для прихода люди. Если пастырство и по существу есть апостольство, то это следует сказать теперь более, чем когда-либо прежде, исключая времена начала веры в каждом народе. Теперь новое язычество в разных самых благовидных и культурных формах посягает на самые основы веры в Христа Спаса. Оно стремится заменить собою христианскую закваску жизни христианских народов. Для сего оно с особым расчетом покровительствует временно всякому иному исповеданию, всякому сектантству, всякой иной вере, только бы в России развалить господствующее православие, а во Франции господствующее католичество, в уверенности, что после того ему со всеми иными верованиями и толками и считаться уже не придется: они сами исчезнут в своей внутренней бессмыслице. А посему и пастырям Церкви надлежит принять это к сведению и возложить на себя церковное послушание миссионерствования среди современных условий жизни в христианской стране. Поэтому нельзя благодушно выжидать, что придет миссионер и своими беседами всех уговорит остаться в православии. Нет, пусть всякий священник на месте сам постарается все прежде сделать для христианского просвещения пасомых, для наставления их на жизнь по Евангелию, для уврачевания ослабевших в исполнении христианского долга, для вразумления смущаемых и уклоняющихся от Церкви, а следовательно, и от Христа-Жизнодавца. По истинной правде не должно бы быть существующего теперь такого порядка, что епархиальное начальство представляет к приходскому священнику на увещание заявивших о своем намерении уйти из Церкви в раскол или сектантство. Нет, пастырь сам должен знать всякую свою овцу, все меры принять и других прихожан привлечь к тому, чтобы смущаемые не уклонились от двора Христова. И только уже действительно, когда все его личные старания исчерпаны и оказались недостаточными, тогда просить помощи миссионера и епархиального начальства. Например, в случаях отпадения в раскол обычно говорят, что отпадают не православные, а те, что только числились в Церкви, а сами были раскольниками. Но что же доселе со своей стороны сделал для таких слабых

священник? Какие со своей стороны принимал меры, чтобы такие люди не уклонялись от посещения богослужения, от исповеди и причастия? Почему он доселе ни словом не сообщил епархиальному начальству о таком беспорядке в его приходе как о скорби своей пастырской? Конечно, отписаться на бумаге можно, но будет ли это по правде? Тем более не должно быть таких случаев, чтобы приезжий миссионер докладывал священнику, что у него в приходе появился сектант и смущает других. Нет, священник должен бодро следить за настроением в своем приходе и делать все, что есть в его силах и распоряжении для сохранения овец стада от волков, губящих их. А с недоумениями своими, или за советом, или с сообщениями о беспорядках или начавшемся новом движении в приходе пусть всякий священник спешит сообщить руководителям епархиальной миссии, чтобы получить от них указание и помощь. Только после того все спокойно предавать в руки Божии. Предавать же в руки Божии самому, мало соработничая Христу, нельзя, не извинительно, не разумно. Только *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы; яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10).

17. Различные обнаружения церковности в деревне и в городе

Все доселе мною высказанное, разумеется, в своем виде выполнимо в деревне и в своем виде приложимо к городу. Пастырская осмотрительность подскажет городскому священнику, что и как можно осуществить в городских или посадских условиях жизни. Важно, чтобы приходской священник был во главе и впереди своей паствы, чтобы она не отделялась, не удалялась от него не только в своих прегрешениях, но даже и в самых лучших своих начинаниях. Пусть и городской пастырь явится хозяином и руководителем всей христианской жизни своей паствы. Нарочитую в этом отношении деятельность и он должен начинать, прежде всего, с тех христиан, которые не по имени таковы, которые сами льнут ко всему набожному и

ищут, как бы лучше осуществить в своей жизни заветы Евангелия. С них, их объединения около приходского храма пусть и начинается упорядочение и украшение богослужения и храма, благотворительность, трезвость и т.д. Пусть вначале это будет малая лишь дружина, но под руководством усердного и боящегося Бога пастыря и эта малая дружина сумеет воодушевить других, возвратить к Церкви и тех, которые уже почти или совсем отпали от нее. Важно прежде всего то, чтобы ярко и высоко была поставлена цель для дела, это – *приведение всех в соединение веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), чтобы сие мудрствовалось во всех, *еже и во Христе Иисусе*, так чтобы Бог был действующим в христианах, *и еже хотети, и еже деяти о благоволении* (Фил. 2, 5, 13), *да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован* (2 Тим. 3, 17), чтобы исполнялось над всяким христианином слово святого апостола Иоанна Богослова: *и вы помазание имате от Святаго и весте вся* (1 Ин. 2, 20). Пусть в сердце всякого христианина нетленными буквами будут написаны следующие высокие слова святого апостола Павла: *Христос же за всех умре, да живущии не к тому себе живут, но умершему за них и воскресшему. Темже и мы отныне ни единого ведем по плоти; аще же и разумехом по плоти Христа, но ныне ктому не разумеем. Темже аще кто во Христе, нова тварь; древняя мимоидоша, се быша вся нова. Всяческая же от Бога, примирившаго нас Себе Иисус Христом и давшего нам служение примирения; зане Бог бе во Христе мир примиряя Себе, не вменя им согрешений их и положив в нас слово примирения. По Христе убо молим, яко Богу молящю нами, молим по Христе: примиритесь с Богом. Не ведевшаго бо греха по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем* (2 Кор. 5, 15–21). Пусть эти же слова святого апостола Павла будут путеводной звездой и для самого пастыря, проходящего именно служение примирения людей с Богом, приведения снов всех к Богу, всех отпадших от Него, *еда како даст им Бог покаяние в разум истины, и возникнут от диавольския сети, живи уловени от него в свою его волю* (2 Тим. 2, 25–26).

18. Евангелие Христово должно быть закваской всей жизни по нему

Как видим, по существу своему церковная жизнь совершенно противоположна жизни мира. Как церковная жизнь, так и церковная деятельность есть строение духовного царства совести и правды. В тех же самых условиях, в которых проходит вся жизнь мирская, по завету Христа Спаса нужно устраивать порядки царства чистоты, любви и праведности высокой. И Сам Он – Господь наш и Учитель – среди мира жил и действовал и Свое Царство Божие уподоблял закваске, вложенной в смешение муки с водой. Так и должно быть, чтобы начала жизни по духу Евангелия заквасили все смешения жизни человеческой, претворивши ее из богопротивной в богопреданную. Недостатком именно этого часто объясняется и зарождение разных сект. Начало их всегда почти полагают люди, ищущие именно религии совести, то есть веры, оправдываемой в жизни верующих. Правда, потом это протестующее против сложившегося уклада настроение почти всегда сбивается с дороги и вырождается в полное сектантство. Но все-таки вина того есть и в сокрытии под спудом света, светло сияющего в жизни Церкви и в отдельных высоких носителях Духа Христова. Так свеча остается под спудом, а ходящие в темноте естественно бранят хозяев за сокрытие света и как бы ненависть к нему. И откроем эту свечу, поставим ее на высоком *свещнице*, да *светит всем, иже в храме* дома Божия *суть* (Мф. 5, 15). Пусть *свет Христов просвещает* всякого человека, грядущего в мир, всякий уголок и отрасль жизни этого мира. Пусть учителя Царствия Божия проникают во все области именно как носители духа Евангельского, чуждого обычно-житейского духа. Тогда внешнее все будет управляться внутренним, не внешним каким-либо правом, а внутренней правдой, которую нельзя обойти, как обходят всякое внешнее право, когда то бывает нужно. Дело следует явить всему внешнему для Церкви миру, что все чаяния и искания лучших людей мира сего – искания правды жизни исполнимы только в Церкви, как носительнице вверен-

ной ей от Христа жизни новой евангельской. Пусть на самом церковном деле, охватившем силой своей все отправления жизни мира, пусть на этом все увидят, что искомое ими есть именно у нас – в евангельском духе чистоты, любви и правды, что, попросту говоря, они ищут на стороне, как идеального и высокого, тех самых рукавиц, которые у нас и у них за поясом, ибо все то доброе, что влекло их по дебрям неведомых исканий, к сожалению, часто доводя их до ненормальностей, они могли бы получить от Церкви, от христианства, от Евангелия, которое не желает допустить, чтобы могло существовать что-либо из созданного Богом доброго, не находящегося у Него; *все, еже дает Мне Отец, ко Мне приидет* (Ин. 6, 37).

19. Оцерковление жизни во всех ее отправлениях

Поэтому-то, опять повторяю, теперь священство есть вместе с тем и апостольство. Теперь пастырю настает долг не только поддерживать ревность о душевном спасении в пасомых, но и внедрять таковую в сердца и многих христиан вместо прежнего окаменения. Он обязан на деле, в самой жизни, воцерковить тех, которые отмещаются от Христа часто по полному неведению Его, ими же всюду искомого. Из таких современный пастырь обязан приобретать новых деятельных сынов Христу, сея в их сердца семя евангельского учения. Понятно, что для этого требуется много труда и высокие полномочия. Поэтому-то святой апостол Павел даже своему ученику, святому апостолу Тимофею, настоятельно вспоминает: *возгревати дар Божий, живущий в нем, возложением руки его* – Павла (2 Тим. 1, 6). Да возгревает и всякий пастырь Церкви сей дар благодати священничества, молитвенно в смирении поставляя себя пред Первоархиреем Христом. Пусть и его, как Моисея голос из тернового куста некогда, сознание и чувство неотложно от Бога возложенной и им добровольно воспринятой обязанности *пастыи Церковь Господа и Бога* (Деян. 20, 28) подвигнет бороться с целой вселенной, в

слепоте восстающей на своего Создателя и Вседержителя. Вместе с тем пастырь Церкви пусть смиренно сознает себя лишь ратником, воином великого воинства, одним из многих носителей и выразителей не своей, но Божией силы, победоносно исполняющей чрез не одолимую адовыми вратами Церковь спасительные предназначения Божественного Промысла – домостроительства спасения. Ходя и работая в этом настроении, пусть пастырь Церкви пребывает бодрым, уверенный, что и после его кончины не перестанет действовать та сила, одним из носителей которой и он является во времени, – сила Церкви с живущим в ней Христом, по неложному Его обетованию в Евангелии. *Овец Моих*, – сказал Господь в Евангелии, – *не восхитит никтоже от руки Моея. Отец Мой, Иже даде Мне, болий всех есть, и никтоже может восхитити их от руки Отца Моего* (Ин. 10, 28–29). Пусть во имя Христово и пастырь пребывает уверенным, что стадо, пасомое и охраняемое им от врагов, есть стадо не его собственное, но то же стадо Христово, которое в Нем и в Отце Его имеет свою охрану и чрез то дает и земному пастырю дерзновенную надежду на победоносный исход духовной борьбы. Это-то именно и делает способным пастыря Церкви спострадать и сраспинаться своей пастве. Ибо как у отдельного христианина, так и у всего общества церковного одна забота и цель – это духовное постепенное возрождение в одном цельном и вполне определенном настроении, вмещающем в себя всю сущность евангельского закона. С положительной стороны это есть постепенно проясняющееся предвкушение Царства Небесного – общения с Богом и ближними в любви, ибо Царствие Божие есть *праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17). А с отрицательной стороны жизнь христианского подвижника есть скорбь о своей греховности, борьба с нею и постепенная духовная победа над ней. Вот в этом великом и неустанном деле пастырь Церкви и является состраждущим своей пастве, сраспинающимся ей против греха во имя Христово, ибо духовное возрождение, как и телесное рождение, болезненно и трудно. В этом задача его пастырской деятельности, для этого

он нужен пастве и всякому отдельному христианину, уподобляясь великому святому апостолу Павлу, сказавшему своим ученикам: *дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос* (Гал. 4, 19).

20. Благодатная почва для Евангелия в духе русского народа

Для такого пастырствования в нашей Русской православной стране почва более благодатная, чем где-либо. Природная глубокая богобоязливость русского народа, его покорность Божественному Промыслению как самому действительному закону жизни, его скромность и смиренномудрие, чуждое всякого высокомерия, внушаемого со стороны, его несравненная горячая жажда веры и духовного набожного утешения, его умиленное искание подвига и труда Господа ради и чтобы «душеньку спасти», его жалостливость к несчастным, забывающая личные невзгоды и трудности жизни, его задушевность в общении со всяким и чужим человеком, как с родным братом, именно от утонченного сознания святого братства всех во Христе, его богомольность и духовное сокрушение сердечное – все это такое богатство, которое само бросается в глаза всякому непредубежденному наблюдателю. Это-то духовное наше богатство и надлежит нам изнести блистательно на свет Божий, чтобы не воспользовались им другие. Недаром лучшие люди и лучшие писатели заграницы с упованием засматриваются на русский народ, от него именно ожидая проявления жизненного света Христова во всей его светлости, давно уже утраченного инославными народами, идущими, так сказать, лишь по трафарету христианства, силы же его не имеющими и не могущими найти снова (2 Тим. 3, 5). Да, без вредной гордости, но с радостным и твердым упованием мы можем и должны сказать, что обладаем истинным светом жизни, который есть чистая, непорочная наша святая православная вера Христова как Евангелие Царствия. Припоминается по этому поводу рассказ в сочинениях преосвященного Харьковского архиеписко-

па Антония: «Мы стояли с католическим ксендзом невдали от одного знаменитого южнорусского монастыря; гудел тысячепудовый колокол, и пестрая тысячная разнокалиберная толпа представителей всей сотни русских губерний дружно потянулась из гостиниц в прекрасный собор на вершину живописнейшей горы. Мы говорили что-то о польском вопросе, причем ксендз, вопреки обычаю, разоткровенничался в своих суждениях о России. “Ну посмотрите, посмотрите! – вскричал он, указывая на открывшуюся грандиозную картину. – Если бы да нам эти лавры и соборы, что имеют дурни-москали, то мы взяли бы всю вашу Русь и увели бы, как Моисей Израиля, куда бы только захотели. Мы бы унесли ее на небо, как на орлиных крыльях, а вы сидите сложа руки, как сидели прежде, и будете сидеть, пока штунда и раскол не оберет вас до последнего человека”» (2-й том, с. 414–415). Да, стоит над чем задуматься по поводу приведенных слов постороннего нам наблюдателя. И эту воистину Святую Русь уже не расхищают ли на наших глазах всякие в овечьей шкуре, прикидывающиеся носителями евангельского духа, силы же его отметшиеся? Восстанем на них силой этого самого Евангелия Христова и поведем ко Христу Спасу наш народ верующий, богопреданный и любящий Христа Иисуса Сладчайшего.

Помните, отцы и братие, что как прошло и исчезло религиозное смятение последних лет, заменившись сильным религиозным воодушевлением народным за самое последнее время на наших глазах, так по времени уляжется и оно, это религиозное воодушевление, и уляжется в спокойную жизнь. Тогда в жизни самой будет проявляться то, что нажили люди за время особенно повышенного их духовного состояния. Вот тогда-то, при более спокойном течении религиозной жизни, пусть народ наш окажется в Церкви Святой Православной, как уже насыщенный именно нами, служителями ее от Христовой непорочной веры евангельской. Пусть они, как подобает здоровому уравновешенному человеку, пьют воду чистую и живую из водоемов неразбитых – от Церкви Святой, как привыкшие от нее лишь получать себе всякое назидание и руководство. Пусть

они не окажутся тогда в числе отделяющихся от Церкви сектантов, именующих себя евангеликами, а появившихся всего только полусотню лет тому назад. Пусть ради нашего невнимания и неответа на их душевные теперь запросы, пусть тогда они не окажутся уже привыкшими к сектантским собраниям, как услаждавшим в свое время их слух и утешавшим сердце мятущееся. Да не будет того, чтобы кто прельстил их не покориться истине. А для сего да преднаписан будет пред очима их Иисус Христос – в нас и в них распят (Гал. 3, 1).

21. Пастырские посещения домов прихожан

При прочтении этого заголовка многие, вероятно, с недоумением скажут или подумают: да есть ли когда нам делать это? У нас теперь так много всяких требований от вас – и немедленных, и обязательных, и экстренных, что только успеть бы отписаться. Да и приходы наши разбросаны, сколько времени нужно на разъезды, лошадь не у всякого есть своя.

Конечно, отчасти это все и справедливо. Но, говоря по совести-то, ведь находится же время и в гости к кому-либо сходить, да и нередко, а в праздник-то непременно: успевают и к соседу съездить, побывать да время провести разнообразно. И, конечно, там в гостях-то вовсе мало бывает бесед и дел чисто пастырских. Напротив, там именно это-то вовсе и забывается, там спешат забыться от своей обычной работы, всю ее часто полагая в требоисправлениях и бумажной отписке туда-сюда.

Вот хотя бы всего только это время и употребить на посещение домов прихожан. Это ведь тоже было бы своего рода хождение в гости. Ибо кто же не рад будет принять к себе такого дорогого гостя, как батюшка?! Да и кроме того: поехал батюшка в какую-либо деревню с требой, вот и воспользоваться бы сим случаем – зайти там в один-другой дом, да и побеседовать с остающимися дома православными, расспросить их о житейских делах, незаметно перейти отсюда и к делам душевным. И как рады были бы православные таким посещениям батюшки! Я не могу поверить нареканиям само-

го духовенства на себя, что прихожане будто бы сторонятся священника, который-де за всякое свое посещение только и знает пятаки собирать. Но даже если и унизились мы до этого, то и следа не осталось бы от таких опасений, если бы сам народ на деле увидел, что священник не только за требами для собирания пятак ходит по домам.

По сходству с сим расскажу о своих посещениях домов христиан, когда приводил мне Господь в Японии сотрудничать в миссионерстве покойному славному апостолу нашего времени архиепископу Николаю (умер 3 февраля 1912 г.)¹. У меня там был такой порядок заведен. В будни ежедневно с 5 часов вечера я ходил по домам христиан. Вечером обычно уже сравнительно все свободны от занятий житейских. Сначала, конечно, знакомлюсь со всеми в семье. Узнаю, когда и при каких обстоятельствах и где приняли христианство, от кого, когда дети крещены, если не коренные жители, то почему сюда переселились, как там жили, как там веру соблюдали, как здесь исправны в хождении в церковь, в исполнении христианского долга. Из разговоров выясняется постепенно подробная картина и семейного, и хозяйственного положения посещаемого дома, их благочестие, их твердость в вере... И вот среди обычного простого угощения чаем и начинается, и продолжается пастырская беседа, начавшись иногда совершенно обычной беседой о предметах житейских. Тут и высказываешь слушателям и назидание, и ободрение, и обличение, и вразумление, и радость, и угрозы. Тут расскажешь и о жизни первых христиан, о святых и о молитве. Тут побеседуешь и о вере, проверишь и знание молитв, научишь и христианским обычаям в жизни... Незаметно идет такая беседа. И сам, и слушатели заняты ею душевно. Бывает, что и поплачут при обличениях. Бывает, что и сам с ними и за них поплачешь и посетуешь. И как благодарны за такие посещения христиане! Смотря по обстоятельствам, вечером часов до 9–10 и побываешь в трех-четырех домах, разбросанных

¹ Св. равноапостольный Николай (Касаткин) Японский, архиепископ (1836–1912), миссионер, просветитель Японии, переводчик Библии на японский язык.

по разным концам города среди подавляющего господства языческого населения. Без сердечной отрады не могу вспоминать эти чудные хождения по домам христиан. Только такими хождениями я постепенно нашел затерявшихся в громадном городе Осака христиан, узнал их состояние, собрал около церкви и воодушевил на общую работу для успеха проповеди о спасении всех во Христе. Не более десяти душ собралось в церковь сначала, а потом число их все увеличивалось, постепенно заполнивши всю церковь. Вместо одного псаломщика на клиросе с удовольствием распевали мужчины и женщины большим хором, находя время и для спевков среди обычного японского трудолюбия и при непризнании в Японии наших православных праздников. Вот такой опыт и приложить бы хоть в некоторой степени к нашим приходам, хотя бы только в праздничные дни. И сколько не сравнимого ни с чем духовного утешения было бы у всякого пастыря от таких посещений! Да при обычной нашей народной общительности для сего не потребовалось бы и ходить отдельно по домам: только бы узнали православные, что батюшка пришел к тому-то и беседует, что можно и другим там побывать, — полна изба людей! И польется беседа рекой, беседа самая душевная, откровенная, как перед Богом. Тут все выскажут, все свои скорби поведают, обо всем спросят. И таким простым порядком весь приход у пастыря в сердце и на руках будет.

Для той же цели нужно пользоваться и всяким посещением домов с требами, и особенно с постной молитвой. Покойный священник родного моего села обыкновенно, ходя по домам, например, на святках, на Святой, между прочим попросту ребятишек выпросит: знают ли молитвы, у молодежи допросит, почему редко в церкви бывают и прочее, и тут же всем по-отечески, а иногда и строгонько, и выговор сделает. И пользовался этот священник уважением от прихожан, к нему за советом ходили во всех, особенно важных, случаях жизни и личной, и семейной. И сим примером следует воспользоваться для целей пастырства. Да и нетрудно это. И многое худое исчезает из жизни христиан.

22. Научение обрядам и обычаям церковным

В четвертом письме было сказано, что в последнее время народ будто разучивается строго держать и исполнять церковные обряды и обычаи. Говорить много о важности такого дела не приходится. Строгость и стройность содержания и исполнения церковных обрядов и обычаев объединяет всех повсюду православных христиан, ибо во всех обрядах при всей их внешности содержится глубокий догматический и нравственный смысл, который и некнижным делается через это понятен, и некнижных делает осмысленными в христианском уповании. Поэтому и небрежное, неправильное и невнимательное исполнение церковных обрядов и обычаев равносильно тому, как если бы неправильно читать, излагать и толковать письменно изложенное христианское упование о спасении. Что же после этого и говорить о том, как крайне неблагоговейно неправильное или небрежное исполнение обрядов и обычаев церковных?!

Доброе старое время все это прекрасно понимало и содержало. Поэтому тогда и пастыри, и родители одинаково заботились о научении детей всем церковным обрядам и обычаям. Вместе с развитием сознания у ребенка уже учат его правильному изображению крестного знамения, потом простейшим молитвам, а вместе и другим обычаям. Дети видят сызмальства, как взрослые, входя в дом, первоначально трижды помолятся перед образами, конечно, снявши шапку, а потом уже здороваются по-доброму со всеми в доме и по приглашению старших садятся к столу беседовать. Видят дети, как утром и вечером старшие исправно молятся перед образами, а на праздники и лампадку перед ними засвечивают. Видят, как старшие и дома, и на улице приветствуют священника, при первой же возможности спеша принять от него Божие благословение. Видят, как старшие у церкви или у иных священных мест творят крестное знамение, а проходящих почтительно и ласково приветствуют. Видят, как взрослые перед всяким делом прежде помолятся или, по крайней мере, перекрестятся.

Видят все это дети и сами на примере взрослых научаются делать то же. Так из рода в род передавалась эта святая истовость и чинность в народе, исполнявшая особым духом благоговения всю жизнь народную, создававшая в нем святую набожность, чуткое хождение перед Вездеприсущим Богом. Путем такой обрядовой истовости и самое настроение души народной получало тот благодатный дух, за который по справедливости народ русский назван богоносным, а вся страна наша – Русью Святой, привлекавшей к себе удивленное, но невольного благоговения исполненное внимание иноземцев.

И все это было делом духовных руководителей народа – священников, ставивших своею священной обязанностью – научить свою духовную паству всему церковному поведению, пользовавшихся для сего научения всяким временем и случаем. Теперь же родители, как показывает наблюдение, и сами редко соблюдают церковные обряды и обычаи, и тем более не приучают к ним детей своих. А это, несомненно, потому, что и пастыри о том не учат взрослых, не внушают им такую святую заботу о научении детей и, мало того, вовсе не следят за тем, как взрослые-то исполняют все указанное.

Очевидно, отцам духовным и нужно взять на свое попечение это святое дело. Кроме проповеди с церковной кафедры при всяком удобном случае следует внушать важность и необходимость соблюдения тех или иных церковных обрядов и обычаев, а равно и приучать к тому и детей: какой труд при связанной с тем или другим праздником службе наблюдости, как православные подходят ко кресту, как крестятся, принимают благословение у священника. Тут же и сделать соответствующее научение, попутно выспросивши и молитвы у детей, да и у молодежи, последнюю укоривши за незнание молитв и прочее и угрозивши недопущением к кумовству при крещении детей и даже к совершению брака. Знаю приходы, где умелым и настойчивым трудом священники добились, что последняя угроза имела самые благие последствия.

Упразднился, кажется, везде добрый обычай – благословляться весной при начатии полевых работ. И, может

быть, не потому ли, что теперь редко кто из духовенства занимается полевыми работами, все дальше уходя от народа и с этой стороны, а вместе с тем таким путем все больше теряя нравственное влияние на народ. А между тем, как бы было хорошо подсказать умело прихожанам святость такого дела; только бы увидали в истовом совершении молебна над полями и душу молящуюся, возблагодарят щедрее даже, чем по предварительному уговору. Смотрите, с каким усердием и благоговением несет народ свои сбережения в обители, где он видит внимание к себе и истовое богомоление, но сим богомолением на полях как благодарно может воспользоваться священник для воодушевления народа на набожное поведение перед Великим Богом, в природе раскрывающимся!

А как плодотворно можно бы воспользоваться для всякого научения на благочестие временем исповеди! Дождаясь очереди исповеди, сидят обычно православные тут же в церкви и от скуки занимаются часто вовсе не полезными разговорами, а ребята тут же и шалостями занимают время. Тут пусть и выступают по поручению священника младшие члены клира: они читают с народом молитвы и заучивают их, учатся церковному простому пению, читают жития святых, Пролог и подобное. Можно даже катехизацию вести, хотя бы по книжкам. Тут же хорошо рассказывать и вычитывать о том, как детей воспитывать, приучать их к молитве и ко всякому церковному поведению. Тут же с имеющими вступить в наступающем году в брак можно и об этом побеседовать, научивши их необходимым христианским молитвам.

Так все это просто, а между тем так это все плодотворно может быть использовано при желании и усердии. И достоверно знаю, что есть много таких священников, которые с успехом все это давно и к делу прилагают. И процветает у них приходская жизнь и деятельность. Там при наученности прихожан всему — духовность, и сестричества, и братства, и трезвость, и благотворительность, и просвещение... И все усердием священника около храма и под сенью храма, милостью Божией! Да будет сие всюду во славу Божию и во спасение душ людских!

23. Тайна христианского благочестия —
воодушевление пастыря Церкви

*Святочное приветствие
духовенству Пермской епархии*

Отцы и братие! Все мы хорошо научились знать всю спасительную важность Рождественных Христа Спаса праздников. Ибо бесспорно — великая благочестия тайна, что Бог явился во плоти. Великий Бог, от века промысляющий о Своем создании — человеке, помогавший ему побеждать злокозненного древнего врага человеческого спасения — дьявола, — Сей Великий Бог Сам напоследок времен явился человеком посреди людей, чтобы и Самому принять на Себя все злостное восстание дьявола на естество человеческое.

Правда, когда совершилось это великое чудо снисхождения Бога к людям, то почти одна только неразумная природа ответствовала своим пристальным и благоговейным вниманием. Именно неодушевленная природа устремила свой взор яркой и необычной звездой с востока, животные теплым дыханием волов и овнов согревали от зимнего холода Тело рожденного Богомладенца Иисуса, Которому не нашлось места среди людей. Род же человеческий пребывал в обычном усыплении духа и не заметил того, что заметила природа. И только немногие души скромных пастырей да богомудрых волхвов смирились перед снисшедшим к людям Богом и припали к Его яслям.

Но прошло время и времена, и мир преклонился перед Богочеловеком Иисусом Христом. И теперь славит из года в год это обнищание Бога. Для христианина дороги и любезны ясли Христа, вертеп скотский, где Он возлег, заброшенный целым миром. Теперь из года в год все мы радуемся и торжествуем Рождество Христа Спаса, святые дни. И приветствуем друг друга с праздником, радуясь тому, что мы христиане, что ради нас Сын Божий сделался Сыном Девы Марии, нам всем своим Человеком. Ибо веруем несомненно, что через Него и

мы Своими сделались Богу, как говорит святой апостол Павел: *твердое основание Божие стоит, имея печать сию: «познал Господь Своих»*. Но твердо знаем, по тому же Апостолу, и для чего это произошло: *да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа* (2 Тим. 2, 19).

Так в празднике Рождества Христова мы празднуем и торжествуем свою собственную свободу духовного приближения к Богу-Творцу. Мы знаем теперь, что Бог не только наш Творец, далекий от нас и гневающийся на нас за наше богоотступничество. Нет, Он близок к нам. Он любит нас до величайшего снисхождения к нам Сына Его Единородного. Мы видели и познали эту Божественную спасительную любовь Его к нам и веруем, что только в ней, в приближении к Богу и наше спасение от того зла, которое нас всюду окружает. Это вражеское зло всюду нас соблазняет, искушает и ставит нам препятствия на пути к Богу. Темная сила вражеская всюду нас преследует своими чарами. Но все это только попутное, а не подлинная жизнь и блаженство человека. Посему мы все это теперь ни во что вменяем ради превосходства познания Христа Иисуса Господа нашего, чтобы приобрести Его (Фил. 3, 8).

И совершилось, и совершается, и будет совершаться это величайшее чудо возрождения и обожения человеческого естества верой во Христа. Началось оно мученичеством и продолжается всем христианским подвижничеством в разных его проявлениях. Оно в той святости духа человеческого, до которой доходили и доходят свободным подвигом верующие в Христа Сына Божия вочеловечившегося. Это торжество не только Христа в людях над диаволом и всей силой темной, нет, это торжество и победа самого человека над темной силой и самим сатаной – князем мира сего. Христос, победивший его на Кресте Своею смертью, теперь побеждает его, сатану, в самую голову подвигом верующих в Него, во Христа. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия победа, победившая мир, есть вера наша. Так мы веруем, и, веруя, эту самую свою веру мы и торжествуем, и празднуем в святые дни Рождественных Спаса праздников.

Возлюбленные о Господе отцы и братие! Исполнимся сами такой нашей верой во Христа, чтобы, ею дыша и ею водясь в жизни, и других всех наших пасомых ею приводить ко Христу, для всякой человеческой души и в мир сей на диавола пришедшему. Да будет сия вера святая дыханием нашего духа, смыслом нашей жизни, воодушевляющим началом в нашем пастырствовании. Да бежит далеко-далеко, к самому диаволу, все несовместимое с этой верой, все унижающее ее, а через это оскверняющее и наше христианское и пастырское призвание. Об этом напоминает нам всякий год праздник Рождества Христова, обновляя тем в нашем сознании нашу спасительную веру. Но сия вера и сие воодушевление верой в Бога, во плоти явившегося, да будет нашим постоянным воодушевлением, с которым мы проходили бы победоносно мимо всех соблазнов темной силы по пути до Самого Господа.

И как бы был близок к нам Христос Господь, если бы все пастыри Церкви были проникнуты такой святой заботой. Как бы преуспевало дело Христово в нас и в людях, если бы все работники на ниве церковной, благоговей перед своим пастырским спасительным служением, взаимно охраняли друг друга от всех соблазнов силы темной, братски отводили бы от ее сетей. Если же кто не послушает слова, того, по Апостолу, имели бы на замечании и не сообщались бы с ним, чтобы устыдить его (2 Сол. 3, 14). Ибо при виде всего, не созидającego дела спасения пасомых, плакать надлежит всем нам, дабы изъят был из среды нас соделавший такое дело, которое унижает нашу веру и отвращает людей от Бога (1 Кор. 5, 2). Почему и советует Апостол словом Писания: *извергните развращенного из среды вас* (1 Кор. 5, 13).

Да не будет нужды всем, но да будет общей всех святой заботой, чтобы без взаимного преткновения *единодушно, едиными устами славил* Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа (Рим. 15, 6), чтобы никто не желал хвалиться, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для нас мир распят и мы для мира, чтобы всем нам, которые поступаем по сему правилу, был мир и милость (Гал. 6, 14–16). О сем

самом главном будем всякой молитвой и прошением молиться во всякое время духом; и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, дабы я смело проповедовал, как мне должно (Еф. 6, 18–20).

Пермь. 12 декабря 1914 года,
день святителя Спиридона,
епископа Тримифунтского

24. Заключение

В одном месте своей «Христианской науки» блаженный Августин говорит: «Пять только хлебов было у апостолов; но когда их стали раздавать во имя любви голодным, то остатков собрали двенадцать корзин; поэтому буду и я делиться малым запасом своей духовной опытности, чтобы тем умножить любовь и самый ее запас». Этими словами блаженного Августина руководился и я в своих кончающихся теперь письмах о бодренном нашем общем соработничестве Христу, Великому Первоархиерею и Спасителю. «Аще что не дописал», покройте то своею любовью и дополните свою опытностью, а все примите к сердцу и возгрейте в нем тот дар священничества, который все мы – пастыри Христовой Церкви – получаем преизобильно от Раздаятеля всяких благ. Да не будет он в ком-либо из нас яко свеча под спудом, но да *светит всем, иже в храмине суть* (Мф. 5, 15). Да дерзаем мы в свое время сказать вместе со святым апостолом Павлом ко всем своим христианам: *послание бо наше вы есте, написанное в сердцах наших, известное и прочитанное от всех человек; являеми, яко есте послание Христово служенное нами, написано не чернилом, но Духом Бога Жива, не на скрижалях каменных, но на скрижалях сердца плотных. Надевание же таково имамы Христом к Богу, не тако довольни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но доволство наше от Бога, Иже и удоволи нас служители быти Нову Завету, ни писмени, но духу: писма бо убивает, а дух животворит... Имму-*

*ще убо таково упование, многим дерзновением действуем... Господь же Дух есть; а идеже Дух Господень, ту свобода. Мы же вси откровенным лицом славу Господню взирающе, в той-же образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа (2 Кор. 3, 2–6, 12, 17–18). Сею свободою духа о Господе действовали все до нас бывшие церковные праведники и труженики – угодники Господни, к Нему дерзновенно возлетавшие в своих созерцаниях и других к Нему же поднимавшие на крыльях своей высокой христианской свободы духа. Им и последуем в своем церковном делании; да с ними прославимся от Господа и вместе с трудолюбным рабом притчи услышим радостный глас Господень: *добре, рабе благий и верный: о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего* (Мф. 25, 21). Аминь.*

**Наша церковно-народная жизнь как она есть
(Размышления епископа, возвратившегося
из путешествия по епархии)**

**1. Благоговение народное
перед архиерейским саном**

Всякий год обычно приводит Бог сделать не менее двух путешествий для посещения православных приходов епархии. В течение двух-трех недель всякого путешествия можно бывает посетить не менее двадцати преимущественно сельских приходских церквей. Таким образом, приходится за короткое время видеть несколько десятков мест, побывать в стольких же церковных общинах, входить хотя в кратковременное общение с людьми иных условий жизни и иных разносторонних местных влияний. Люблю я такие путешествия. Иногда и погода не благоприятствует, и дороги трудные, тем более, что в большинстве случаев приходится проезжать по типичному проселку, почему сопровождающие чины полиции обычно предупреждают, что с трудом можно проехать. Обычно и поднимаюсь с

места каждый день рано – с 6–7 часов утра, кончаю же осенью часов около 7 вечера, редко позднее за полнейшей непроглядной тьмой, весной же приходилось кончать и около полуночи. Сна приходилось иметь не более 6 часов в сутки; целый день нужно трястись в открытом экипаже от церкви до церкви с остановками в попутных деревнях, где крестьяне встречают обычно хлебом-солью в своих часовнях. Целый день в напряжении, ежедневно приходится говорить громко не менее шести часов, причем в поучениях приспособливаться к местным требованиям, о которых умело и неумело докладывают в своих рапортах сопровождающие благочинные. И, однако, при всем этом я совершенно обновляюсь духом и телом за такие по видимости трудные путешествия. Конечно, много значит в данном случае и пребывание по целым дням на чистом воздухе, которым так мало приходится дышать в обычной обстановке нашей архиерейской жизни.

Но самое главное в данном случае имеет благотворное влияние сама смена впечатлений, соприкосновение с новыми лицами, тот праздник, который если не у причтов, опасующихся ревизии, то несомненно у православного народа создает прибытие архиерея, и то воодушевление и даже молитвенное и торжественное благоговение, какое приходится принимать архиерею от встречающего народа. Даже по пути крестьяне, заведя проежающего архиерея, сбегаются из самых дальних углов своих полей на дорогу, побросавши свои работы полевые, позабывши и свою усталость, и как один человек опускаются на колени, нимало не беспокоясь, что стоят в самой грязи. Многие плачут, даже и мужчины; все набожно и благоговейно крестятся, когда получают даже издали благословение. А с каким благоговением разделяют крестьяне благословенный и отведенный архиереем ими же принесенный хлеб! Или с какой трогательной благодарностью выслушивают они благожелательные расспросы об их крестьянском хозяйстве! А как благоговейно встречают они «со кресты и хоругви» в своем приходском храме, увлекая с собой и всех детей своих! Все набожно крестятся, многие плачут от благоговейной радости.

Многие и таяся, и открыто просят совета, молитв, готовы тут же исповедать всю свою душу, умоляют принять от них – кто полотенце, кто деньги, кто даже иконку или еще что-либо от святого места принесенное. Да всего подобного и не перечесать. И все это до глубины души трогает, настраивая ее на благоговейный и торжественный тон от сознания раскрывающегося перед тобой благодатного Царства Божия из глубин смиренного, простого, по видимости грубого, а на деле нежного и мягкого народа русского. Это ли не счастье – быть участником в таком явлении духа и силы! Это ли не самое жизненное ободрение для архиерея от соприкосновения с самой живой народной верой! Это ли не богатый источник для воодушевления на новые и новые труды пастырствования среди такого церковного народа! Да, среди всего этого и быть не может ни малейшей усталости. Скажу более: даже удивляешься, когда спрашивают о ней добрые люди. Да разве возможно уставать на таком веселом празднике веры? Нет и нет. И благодарю Бога, приводящего переживать все это и участвовать на таких праздниках.

2. По видимости все обстоит благополучно

Перейдем и к тем наблюдениям, которые приходится делать над видимым в посещаемых церквах.

По внешней видимости обычно, конечно, все везде найдено в порядке и исправности, ибо к приезду архиерея всегда и самые неисправные стараются все привести в благоприличие; и только разве иногда можно подметить на некоторых мелочах, что порядок наведен на скорую руку во всех отношениях. Да кроме того, в течение нескольких часов пребывания в каждой церкви трудно рассмотреть все с полным вниманием. Большим же временем, к сожалению, мы не можем располагать при своих путешествиях по церквам епархии. И это не одна отговорка, а сущая правда: ведь в это время там, в городе, заведенная машина епархиального управления не может быть остановлена без ущерба для всего дела. Итак, о всех почти посещаемых церквах можно бывает сказать, что церкви содержатся

в чистоте и благоукрашенности, некоторые же и в полном благолепии. За редкими исключениями теперь во всех церквях имеются певчие – любители из взрослых и школьников, к сожалению, часто подражающие малоцерковным наемным хорам городских церквей, усвоившим неправильный и бесцветный бахметевский распев и всякие концертные «птички». Но утешительно в этом отношении то, что теперь в большинстве случаев руководителями певчих бывают псаломщики или диаконы и даже священники, у которых есть подручные помощники, да и пение, хотя с трудом, но постепенно принимает более упорядоченный и церковный характер. Это несомненное следствие неоднократных за последние пять лет напоминаний духовенству епархии о том, чтобы клирики считали своей обязанностью устраивать хоровое и церковное пение. Прежде же чаще приходилось видеть мирян управителями хоров, тогда как псаломщики иногда не могли даже участвовать в хоре по полной неспособности к тому, как это ни странно; ибо что же это за псаломщик, который и петь не способен. По видимости и причты везде найдены исправными в своем деле и поведении. Церковные летописи и богослужебные журналы везде ведутся в исправности, и даже редко можно подметить, что записаны они лишь к приезду архиерея. Богослужебные журналы свидетельствуют, конечно, без посторонних свидетелей, и о том, что духовенство усердно проповедует Слово Божие как в храме, так и по приходским деревням. Везде и народ усердно собирается к встрече архиерея по предварительному зову своего пастыря. Непременно собирались и учащиеся школ, как церковных, так и гражданских, вместе с учащими. Во многих случаях учащиеся приходили даже из отдаленных от церкви школ – и это несмотря на холод, дождь и грязь. Народ везде с благоговением встречает архиерея, как носителя великой благодати Божией, как святителя Христова и даже (о, наше недо достоинство и нищета!) как святого. В попутных деревнях почти везде крестьяне собираются у часовен, просят благословить и окропить принесенной ими святой водой хлеб-соль. Часто же у всякого дома по деревне вынесены и поставлены на укра-

шенном столике иконы и хлеб-соль для того же архиерейского освящения. И это одинаково как в праздники, так и в будни, несмотря на рабочую пору и ненастную погоду. В некоторых же селениях, особенно торговых, по случаю прибытия архиерея украшают дома национальными флагами, церковные же ворота почти везде украшают зеленью, по дороге под ноги бросают траву и цветы или постилают холсты. Все это, конечно, весьма трогательно, умирительно и утешительно, судя только по одной внешности. Отношение же народа к архиерею истинно подобно отношению детей к своим дорогим родителям.

Да не подумает кто, что мы – архиереи – только этим и довольствуемся, что почти упиваемся всем описанным почетом и преклонением народа пред нами. Конечно, много силы духа нужно иметь, чтобы ко всему этому быть совершенно равнодушным и встречаемое преклонение переносить на Самого нашего Великого Архиерея Христа. Но мы ведь тут же получаем и разочарование, когда встречаемся и с отрицательными сторонами жизни как клира, так и мирян. Тогда больно бывает на душе. Тогда невольно чувствуешь и свою собственную немощь, и недостойнство носить великое служение апостольское здесь, на земле, освященной стопами ног Самого Христа-Жизнодавца, вручившего нам искупленное Им достояние Божие – верующий в Него народ христианский. Тогда бывает не до упоения встречаемым почетом и преклонением народа перед архиереем... Но это все незримо происходит в душе архиерея да в его соответствующих разговорах с иереями и прочими клириками. Видимость же по-прежнему остается торжественная и величественная, набожная и молитвенная.

3. Безотрадное в религиозном и житейском быту народном

Итак, наблюдаемая архиереем при его путешествиях по епархии внешность, кратко изображенная выше, все-таки является большей частью отрадной: в большинстве случаев все обстоит благополучно, чему оставалось бы только радоваться

даже до сознания, что жизнь христианская полна верности заветам Евангелия Христова.

Между тем жизнь сама по себе, жизнь как она есть – эта действительная жизнь не дает оснований для такой радости. Она явственно свидетельствует о своем духовном понижении, может быть угрожающем полным разложением ее. И вот тут-то с грустью приходится всматриваться в то малое отрадное духовное содержание, которое проглядывает из описанной видимости или о котором приходится догадываться на основании видимого. Имея такие наблюдения, с грустью приходится отметить следующее.

Недостаток даже простейшего христианского просвещения в народе – вот что прежде всего приходится отметить. Светские, конечно, этому тотчас же обрадуются и скажут, что народ наш невежественен, не умеет отличить Троицы от Богородицы, знает только суеверия, а не веру, и т.п. Да умолкнут таковые, и для собственного смирения пусть они сами себе дадут отчет: да сами-то знают ли хоть что-нибудь в вере христианской, да знают ли даже молитвы-то, которыми следовало бы и им молиться, чего они, наверное, однако, не делают... Но оставим таковых самим себе. Будем же говорить только о нашем простом народе. Не говорю о взрослых – даже учащиеся в разных школах дети не знают молитв, Священной истории, зачатков веры. Отрадные же исключения в этом отношении очень редки, к сожалению. Не знают житий святых, имена которых носят, даже дней памяти их не знают. И это при всеобщем-то обучении, тогда как прежде, при высмеиваемом прогрессистами мраке и невежестве, все это прекрасно знали и все могли сознательно рассказать и прочитать. Не развито сознательной привычки молиться дома утром и вечером, почему за лето, не ходя в школу, почти все дети вовсе забывают выученные в школе зимой молитвы. Не заметно и зачатков любви и обычая благочестивого – читать Слово Божие, хотя бы Евангелие. Не заметно и строго сознательного держания благочестивых обычаев старины. Например, в храм большей частью входят, не помолившись в притворе или трапезной части церкви с

установленным числом поклонов, хотя бы поясных; в церкви стоят христиане обоих полов вместе на обеих сторонах, часто оглядываясь рассеянно кругом. Мимо храма часто проходят, не перекрестившись. Весьма-весьма часто и взрослые, и дети не умеют подходить под благословение, — очевидно, и священники не считают нужным непременно благословлять пасомых при встрече с ними, не приучают брать благословение и детей. Часто бросается в глаза и неправильно совершаемое крестное знамение. Даже взрослые часто не молятся при входе в дом и даже шапки не снимают, о молодом поколении не приходится и говорить с этой стороны. Богослужение и в великие праздники посещают редко многие из христиан, летом же в рабочую пору почти и вовсе не ходят в церковь. Долг исповеди и святого причастия уже многие не исполняют по несколько лет. Слышно, что и посты не со всей строгостью соблюдаются, в чем пример берет народ, конечно, у образованных и вообще чиновного люда; ибо теперь даже урядник и почтарь считают себя образованными и почитают предрассудком поститься. К священникам уже многие не с должным уважением относятся, даже и на улице часто не кланяются, тем более не благословляются, да и священники, особенно молодые, не считают долгом непременно благословлять и тем призывать и Божие благословение на свое духовное чадо.

Отсутствие всего этого отпечатка набожности грустно отражается и в жизни народной. Общая теперь жалоба на народное пьянство, на безобразное, даже со смертоубийствами и непременно с драками, проведение деревенских праздников, разгул, особенно молодежи, деревенские посиделки, часто толкающие молодежь на беспутство, падение семейных нравов и почтительной покорности младших старшим, тем более родителям, франтовство, бесчестность, озорство и хулиганство, мстительность и жестокость, вероломство и лживость до лжесвидетельства под присягой, что говорит уже об утрате и самой веры, ибо верующий побоится нарушать присягу. Молодое поколение и даже дети растут без всяких положительных и строгих правил жизни: какое-то одичание

духовное отпечатывается и на их лицах. А что с ними будет впоследствии, когда и сама жестокая жизнь наложит на них свой немилосердный отпечаток, особенно если принять в соображение ту погоню за материальным или, лучше сказать, животным довольством, которое сделалось характерным признаком и духом последнего времени, освободившегося от духовных высоких начал жизни.

Наряду с этим необходимо отметить и все более развивающееся в народе сутяжничество и бесчестность. Как это ни странным покажется, но значительную долю в приучении народа к сутяжничеству и кляузничеству имеет грамотность. Теперь газеты читаются во всякой деревне грамотеями, а от грамотеев из газет все передается и неграмотным. Газеты же полны почти исключительно духом критицизма и осуждения всего и всех, без указания положительных свойств у явлений и людей и в их поступках. В первую же голову такое осуждение направлено на всякое начальство и тем более духовенство. Деревенские читари и слушатели все это подмечают и сами естественно набираются того же самого осуждения, и, конечно, прежде всего осуждения духовенства под впечатлением газетных пасквилей. А так как грамотность наша и в школе не вкладывает в детские души почти никаких положительных свойств, то у детей она прежде всего спешит проявиться в нецензурных надписях на заборах и стенах, а у взрослых – в доносах, в кляузах, в жалобах, и прежде всего на ближе к ним стоящее духовенство. За последнее время постоянно приходится разбираться в таком кляузничестве. В большинстве случаев по проверке донос оказывается редко соответствующим действительности. Но злая воля доносителей не боится кары за клевету, ибо архиерей не может за нее наказать, а оклеветанный едва ли пожелает судиться, ибо, прежде всего, это дело длинное. Между тем пятно доноса все-таки остается на том, на кого доносили, да и настроение у него портится, и зло увеличивается во взаимоотношениях между оклеветанным и доносителем. А все это свидетельствует о том, что старинные патриархальные порядки и взаимоотношения духовенства и

прихожан теперь уже значительно поколебались. В значительной степени виновато в этом и само духовенство, все более удаляющееся от паствы и ради перегруженности всяким делом, например школьным и перепиской, исключительно полености и небрежению о своем пастырском долге.

Кроме кляузничества, поразительная бесчестность проявилась и развивается в народе всего только за время войны, преимущественно с осени 1915 года. Под влиянием естественной и злонамеренной дороговизны на все в настоящее военное время и простой народ спешит нажиться теперь на своем труде и на своих продуктах. Одни беспрдельно удорожают свой труд, другие поразительно небрежничают и ленятся в принятом на себя труде, третьи до недоступности поднимают цены на предметы даже самой первой необходимости. Проснулись стихийным и неудержным порядком самые алчные инстинкты и стремления. Поразительна та бессовестность, отсутствие страха Божия, что проявляет теперь наш обычно в глубине души богобоязливый народ. Обуяла всех страсть наживы, до бесчувственности к общему горю в военное время, до неспособности понять и принять к сердцу, что и гнев Божий разразился над нами за неверность воле Божией, за незаконную жизнь.

Это все более чем безотрадные, зловещие признаки, при виде которых жутко становится за будущее нашей народной жизни.

4. Живая могучая народная вера как великая духовная сила

Но при всем том, однако, несомненна и глубокая народная вера у того же народа, полного и пьяниц, и хулиганов, и прочего. Она могуче, захватывающе и отрадно проявляется в дни святых достопамятных праздников народных и в дни богомолений по случаю каких-либо несчастных народных бедствий, или при встрече народной святыни, например, у чудотворной иконы Владычицы или угодников Спасовых. Та же вера про-

является и когда случается что-либо поразительное. В той же полной грубых недостатков деревне — какая воодушевленная тогда проявляется вера! С какой горячностью тут все, и стар и млад, собираются, побросавши все и позабывши все свои художества! Тогда весь народ как один человек живо стоит перед святыней и сердечными очами созерцает с несомненностью, как живую, Владычицу или святого угодника. Тут он изливает из своей заглубившей по-видимому души все свои скорби и болезни и с самым трогательным и нежным смирением повергает к Богу себя и весь живот свой. И это все захватывает и тех озорников и хулиганов, на которых так жалуются теперь. Тогда и у них исчезает эта бессмысленная «оголтелость» и они полны общего народного благоговейного воодушевления. И тогда эта духовная мягкость и даже нежность под грубой внешностью куда выше духовной грубости и холодности под мягкой и приятной внешностью у образованных светских людей...

Навсегда в памяти останутся дивные народные крестные ходы в июне-июле сего 1916 года по уездам Пермского, Кунгурского, Красноуфимского, Осинского и Оханского Пермской епархии. Еще минувшей зимой мною было сделано предложение всему духовенству епархии устраивать торжественные крестные ходы в пределах епархии, приурочивая их к местным праздникам или к особенным торжествам, например, освящения и закладки храмов. Духовенство внимательно отнеслось к этому святому делу; по округам выработаны были расписания таких крестных ходов, намечены были проповедники, заготовлена была духовная литература для раздачи и продажи народу, сделаны были оповещения православным христианам. Начиная с мая месяца такие крестные ходы и прошли согласно расписанию. Мне лично привел Бог участвовать на таких народных торжествах в указанных уездах по пути моего маршрута при путешествии по епархии. Многие тысячи православных собирались у многих приходов. Духовенство и миссионеры усердно и умело использовали такие народные собрания и обильно предлагали свою проповедь и все прочее для духовного утешения народа. Воодушевление народное достигало до

высокой степени умиления. Можно сказать, что все чувствовали себя, как на одной непрерывной народной Пасхе. Некоторые крестные ходы проходили почти исключительно среди поселков со старообрядческим или языческим населением. Но общим народным торжественным и молитвенным настроением крестоходов воодушевлялись и старообрядцы с язычниками и присоединялись к крестоходам, вместе с ними вслушиваясь в раздававшуюся пастырскую проповедь, а многие – принимая участие и в народном церковном пении. С уверенностью можно сказать, что таким порядком может совершаться прочное миссионерское дело, навсегда почти оставляющее глубокий след и светлую память в сердцах всех участников в подобных торжественных и воодушевленных крестных ходах. Таким порядком создается potřebное для христианина настроение, научающее его хождению перед Богом. И приобщаясь к такой народной вере, растворяешься тогда ощутительно в ней, преисполняешься этого охватывающего народного воодушевления и как на легких крыльях носишься на восхождениях народной соборной молитвы и благодарения ко Господу Богу, дивному во святых Своих. Тут и сторонний, может быть даже только любопытствующий наблюдатель, смешиваясь с толпой верующих, живо чувствует незримые, но ощутимые потоки веры, от верующего народа переливающиеся и в его душу и исполняющие его новой, прежде неведомой для него духовной жизни, вливающей смысл и отраду и в обычную его суетную или беззаботную жизнь. Это все несомненно и действительно. И это все весьма отрадно и животворно. И сподоблял бы Бог возможно чаще приобщаться к такой народной воодушевленной и воодушевляющей вере и пламенной скромной молитве, долу всех повергающей, но ко Господу возносящей.

Сюда направляли бы свои искания современные «богоискатели» и «теософы»¹; вместо того чтобы блуждать в пусто-

¹ Имеются в виду либеральные богословы, представители так называемого богоискательства (Н. Бердяев, С. Булгаков, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Минский, Д. Филосовов и др.) и лидер антихристианского теософского движения Е. П. Блаватская.

порожном пространстве своих измышлений и бредней беспочвенных, пусть бы они опускались вот в эту толщу народную, погружались бы не в измышленную, а в самую действительную жизнь верующего народа, не мечтательно, а в самой реальной действительности входящего в общение с потусторонним миром – с Богом и со святыми Его. Это не парение пустое, это не погружение в нирвану, это не мечтательное общение с духами на спиритических сеансах скушающих людей, во что верят и в чем упражняются современные светские праздные люди, – нет, это сознательное и ощутимое переживание того, что дает сама действительность, сама жизнь духа человека, дышащего Духом Божиим, исполняющим всю вселенную и незримо сходящим к людям, когда они к Нему обращают свой верующий взор. И какими счастливыми и полными жизни и смысла ее чувствуют себя те «искатели», которые находят все это, смиренно сродняясь с верующим и молящимся народом. Да, тогда и в таких источники воды живой от Бога текут, и они сознают себя чадами Божиими, своими для Бога и Бога своим Спасителем и Промыслителем.

Итак, вера в народе, вера самая живая, исполняющая все существо верующего живым упованием на Живого Бога Промыслителя, – эта вера несомненна и очевидна. Но не прикрепленная к благочестивым навыкам, как проявлениям душевного содержания вовне, не уясненная в сознании соответственным научением и духовным образованием, эта вера является как скрытая стихийная сила в народе, имеющая глубокие корни в душе народной и проявляющаяся обильным потоком, всех захватывающим в свои прохладительные живые струи и уносящим всех в безбрежный океан молитвенного самого ощутительного общения с Вездесущим и Сострадательным к грешному человеку Богом. «Бог видит, Христос с нами, Владычица слышит, угодник – наш молитвенник» – вот что с живостью переживает всякий участник в таком проявлении народной торжественной веры в Бога. С уверенностью высказываю мое всегдашнее убеждение, что такое проявление народной веры в соборной личности наро-

да – оно и воспитывало русских людей прошлого времени в вере, в хождении под Богом. За недостатком просвещения и книжности, за отсутствием живой проповеди, даже за недостатком потребного числа архиереев и иереев, однако, народ весь воспитывался в вере. Не было отчетливости в ней, не могли ясно и сознательно рассказать свое упование, как едва ли кто и из образованных отчетливо и ясно расскажет и то, что он живет и дышит воздухом, что он, однако, чувствует всеми частями своего сложного существа. Так и душа всякого сына своего родного народа была полна чувства веры, ибо она воспитывалась в ней через участие в соборной народной вере у святынь народных, в церковные умирительные и захватывающие праздники, когда соборная народная душа живет единой жизнью Божественной, по обетованию Самого Спасителя, в саду Гефсиманском молившегося ко Отцу о верующих: *Да будут едино, якоже и Мы* (Ин. 17, 11).

5. Не уныние, но бодрость навевает живая народная вера

Такое впечатление обычно выношу я из путешествий по епархии для обозрения приходских церквей ее. И такие думы навевало на меня особенно последнее осеннее мое путешествие, чем дерзнул поделиться со всеми церковными деятелями для взаимного соутешения нашей общей верой и общими чаяниями (Рим. 1, 12). Действительность являет себя двояко: по видимости как будто все обстоит благополучно, тогда как сама жизнь выдает себя с худой стороны; а вместе с тем эта же самая жизнь выявляет и высокое жизненное богатство народное – живую народную веру, не ключом, а целым обильным потоком бьющую повсюду, где только и когда только душа народная входит в соприкосновение со святыней – как явлением духа и жизни о Христе Спасе. Для меня последнее более могуче и действительно по своим проявлениям, чем первое. Но беда наша в том, что это второе идет само по себе, а мы – церковные работники – идем сами по себе от него,

или довольствуясь видимым благополучием и на нем успокаиваясь в своей деятельности, или мечемся, плачем и охаем да ахаем под впечатлением отрицательных явлений жизни, готовые объявить все пропащим и безнадежным. Ни того, ни другого, ни третьего быть не должно. С нами Бог, обещавший сохранить Церковь Свою не одоленной и силами ада. *Дерзайте убо, дерзайте, людие Божии: ибо Той победит враги, яко Всесилен* (догматик, 1 глас).

Однако нельзя останавливаться на такой вере, ибо она относится ко всей Христовой Церкви, *которую и врата ада не одолеют*, по слову Спасителя. Но сама Церковь и от нас – русских – может уйти, как ушла она, например, от Египта и других стран за неверствие их. И с нами это может быть, и даже весьма скоро. Стоит только восторжествовать тому либеральному течению, что по масонской указке умело и последовательно проводится через школу и через разные общественные учреждения и организации, как народная душа будет охвачена тем же течением и пойдет против Церкви Божией стихийно. Особенно же быстро пойдет эта переделка народной души через народную школу, когда она сделается монополией текучего земского элемента. Это и учитывают серьезно все ревнители земской и вообще гражданской народной школы: таким путем народная душа будет захвачена либеральным течением и в одно поколение будет переделана в желанном виде, особенно когда постепенно из школы удален будет и священник как законоучитель, сначала под предлогом невозможности для него совместить законоучительство в многочисленных народных школах, а потом и на основании сего – из-за возможности обходиться и вовсе без него. Это все понимая, мы, церковные работники, со всяческой ревностью и твердостью должны отстаивать свое непременное участие и в гражданской народной школе, где обучаются наши духовные дети, от ответа за которых нас не освобождает никакая школа. Посему и описанное положение дела опять не уныние, но бодрость должно навевать во всяком церковном деятеле.

6. Настоятельная потребность неустанной проповеди для народа

На алтарь Отечества нужно приносить все лучшее и полезное. Тем паче на алтарь Божий, для Церкви нужно приносить все, что еще есть святого на душе. Это имея в виду, и решаюсь высказать свои лучшие пожелания о том, что нам следовало бы делать всегда и тем более теперь для врачевания тех церковных немощей, которые так очевидны в нашей народно-церковной жизни. Не с целью учить кого-либо, – да не осудит меня кто-либо за сие, – нет, но исключительно для ободрения на святое дело дерзаю поведать свои собственные пожелания. И прежде всего, разумеется, следует сказать о том, о чем неоднократно приходилось говорить: о неустанной проповеди по заповеди святого апостола Павла. Златоустых проповедников, конечно, немного. Но не этого и ждет от нас верующий и жаждущий духовной пищи народ. Ведь не златоусты и к сектантам завлекают наших христиан. Нет, всего только простые и задушевно рассказывающие о спасении во Христе собеседники – вот кто умеет отвечать на запросы народа в различных сектах. И пусть такая простая, задушевная, трогательная и жизненная проповедь раздается всюду и всегда в слух народа от нас – его духовных руководителей. Мы благодать Святого Духа получили для водительства народа; мы волю Божию познали для научения ей народа. И будем передавать сию волю Божию людям; будем при свете ее велений рассматривать всю нашу человеческую жизнь, чтобы дух Христов проник в нее, чтобы все в ней было устроено и осмыслено по заветам Евангелия. Благоговейная и богобоязливая родная наша старина так и научала православных рассматривать все в жизни со стороны верности воле Божией. И в малом боялись тогда отступить от Божьего закона, чтобы не прогневить Бога. Была трогательная осторожность и бережность к жизни, чтобы сохранить ее на Божием пути. Это же все потому так было, что отцы духовные научили своих духовных чад так смотреть на жизнь. Тогда же и проповеди в современном смысле не было; было лишь чтение

творений и житий Святых Отцов с прологами да постоянное общение пастырей с паствой, сопровождавшееся при всяком случае отеческой беседой с христианами о том, чтобы жили по Божьему Закону, чтобы боялись Бога. И таким путем и научали людей страху Божию со всеми благими в жизни последствиями. И это делали простые необразованные священники и даже прочие клирики. Пусть бы это же делало и современное образованное духовенство, да прибавило бы к этому и церковную живую и умирительную проповедь. Это поможет нашему в глубине души верующему народу опознать свою веру, уяснить ее для себя до способности дать ответ всякому вопрошающему об уповании или разъяснить то колеблющимся и сомневающимся. Следовательно, проповедь пастырская должна быть и оглашением, и нравоучением, и указанием примеров в жизни святых, и воодушевлением на подвиг христианской жизни, и обличением в нехристианском поведении, и призывом к покаянию, и к добрым делам, и к духовному возрождению... Но, разумеется, для сего самому проповеднику нужно быть лично воодушевленным на дело спасения, а вместе с тем любить и жалеть своих духовных чад, в неведении христианской непросвещенности пребывающих и потому на всякое искушение падких. Нужно, чтобы пастырь был исполнен хотя бы такой же заботы о своих пасомых, какую он имеет о естественных чадах своих, о том, *идежи положити птенцы своя*. Умеет он с сими детьми и разговор вести, умеет и влиять на них, – пусть же найдет все это и для своих духовных чад. Ведь всякий пастырь умеет вести житейский разговор почти даже бесконечный, пусть позаботится такой же душевный разговор или беседу иметь и с духовными своими чадами о предметах веры и душевного спасения. Итак, *проповедь преимущественно собеседовательного характера* – вот что прежде всего необходимо по нуждам времени. Такая проповедь возможна и естественна при всяком посещении домов прихожан во святом облачении, с требами. Припоминаю из детства, как священник моего родного прихода при хождении во святом облачении обычно тут же проверял детей в знании молитв, их и взрослых

укорял, например, в неисправном хождении в церковь и т.п., тут же учил всех, как молиться, как детей по-христиански воспитывать. Обычно это была самая простая отеческая беседа, оставлявшая в душах слушателей след даже более глубокий, чем красноречивая проповедь. Не ошибусь, если скажу, что, между прочим, таким путем и создавался высокий авторитет у народа как этого, так и всех старинных священников, обычно действительно бывших руководителями народной души. Без совета с батюшкой тогда ни одного важного дела православные не начинали, а с благословением его все спокойно делали, как перед Богом. Этот порядок и следует всячески восстанавливать современному духовенству, чтобы было самое простое, жизненное апостольство через их отеческую собеседовательность и учительство среди прихожан.

7. Воспитывающее народную веру православное богослужение

Но проповедь все-таки по преимуществу внешнее дело, хотя и возбуждающее к внутренней душевной деятельности. Однако как тело наше, питаемое разными снедами, дышит и требует воздуха для самой своей деятельности, так и душа христианина требует духовного воздуха, который обновлял бы ее внутреннюю работу, давал бы крылья и простор для высокой духовной деятельности. Это и дает наше православное богослужение. О, как прекрасно, как восторженно, как усладительно это наше богослужение, какое высокое утешение, восторг и умиление оно приносит всякому, кто с душевным вниманием присутствует во время совершения богослужения, молитвенно следя за развитием его, благоговейно прислушиваясь к возглашаемым молитвам и песнопениям. Какое захватывающее впечатление производит оно, когда совершается торжественно, умирительно, отчетливо! В данном случае разумеется не та торжественность, которая вся превращается в искусственную помпезность, в поразительную церемониальность, в ущерб содержанию богослужения, даже в сокращение его молитвен-

ного трогательного состава. Такая помпезность, несомненно, может бить по нервам любителей сильных ощущений, она, несомненно, привлечет их внимание совершенно с одинаковой силой театральных и вообще сценических представлений, — но молиться она не даст возможности и таковым, и тем более тем, которые и пришли только для молитвы. Такая помпезность лишь развлечет всех, разрушит ту тихую сосредоточенность, самособранность, которая единственно необходима для действительности молитвы. Поэтому смиренные и усердные молитвенники не любят бывать за такими помпезными служениями, разрушающими у них и то, что они принесли в храм. Много значит в этом случае и то, что такой совершитель богослужения, к сожалению, больше рисуется и любит себя, как бы плавающим в рассчитанной помпе, чем молится и предстательствует Богу о людях.

Нет, в данном случае разумеется та торжественность богослужения, когда сам совершитель его исполнен торжественного духовного предстояния пред Престолом Божиим, когда душа его полна молитвенной благоговейной сосредоточенности, когда поэтому ему дорога, как святыня, всякая подробность как в составе, так и в обрядности богослужения. Тогда он служит и с внешней торжественностью, но совершенно естественной, как естественно всякое высокое захватывающее чувство, настраивающее человека на высокий тон и проявляющееся в соответствующих внешних торжественных и важных обнаружениях. Такой торжественности нисколько не препятствует и скромная обстановка, как, наоборот, не препятствует и величественности этой последней. Тогда наисовершеннейше исполняется заветное слово Христа: *иже кланяется Ему, Богу, духом и истиною достоин кланяться* (Ин. 4, 24). Тогда наилучше дух молитвы укладывается в чудные внешние формы проявления, и чудные внешние формы содействуют молитвенному возвышенному настроению души. Тогда богослужение всех объединяет, всех возвышает, всех молитвенного дерзновения исполняет, ибо всем своим целым составом и совершением вводит душу в предощущение Божественного Царства. Тогда

Бог в светлостях святых Своих близким и слышащим веруется всеми молящимися, и святые вместе с Пречистой Богородицей как живые веруются предстоящими и внемлющими нашим молитвам, чтобы приносить их к Престолу Вседержителя. Тогда всякий молящийся воистину исполнен торжественного чувства в своей душе и вместе с ветхозаветным патриархом Иаковом готов восклицать от избытка чувства торжественно: *Как страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий, это врата небесные* (Быт. 28, 17).

Вот такую торжественность богослужения и нужно вводить нам всеми силами. Она захватывает всех своей духовной силой. Она всех настраивает на мирную, но торжественную и дерзновенную молитву к живо ощутимому Богу. Пусть всякий совершитель богослужения помнит, что он великой важности дело совершает во время богослужения. Он не только себя перед Богом поставляет, он и всех предстоящих людей к Богу приводит и к ним Бога низводит, к ним небеса ниспускает, дабы и их на небо возводить. Тогда он сам найдет соответствующий в себе тон, создаст и соответствующую внешнюю обстановку, как выразительницу молитвенного предстояния Богу. О, как торжественен был при самой скромной обстановке, при отсутствии всякой внешней помпы покойный отец Иоанн Кронштадтский, когда он совершал богослужение, весь уходя в его дивные молитвы и песнопения, всем своим существом переживая их высокое духовное содержание, в них, как живых, созерцая тех святых, которых прославляют эти церковные песнопения! Да, это есть истинное торжество духа человеческого. И оно всех исполняет того же торжества молитвенного. За таким торжественно-молитвенным богослужением умереть хочется – так оно упоительно, так оно отменно, такую новую и вечную жизнь оно подает. Конечно, исчезнет из памяти само содержание выслушанных молитв и песнопений, позабудется и научение от проповеди даже самой златоустовской. Но то впечатление, тот восторг духовный, то высокое чувство, которое создает в нашей душе торжественное, молитвенное богослужение, – это останется

в душе, как высокое чувство близости к Богу, как умиление и радость не земные, а небесные. И это-то именно создаст в человеке необходимое чувство богосыновства, благоговения, богопреданности, молитвы, сокрушения, веры и упования, делающих его христианином сознательным и твердым.

8. Воодушевленные молитвенные крестохождения,
воспитывающие живую народную веру

Говоря о богослужении, нельзя не упомянуть и о тех торжественных народных богомолениях и крестных ходах, которые так любит наш народ. Нужно поучаствовать в таких богомолениях, чтобы видеть то молитвенное благоговение и восторг, которые преисполняют сердца молящихся. И поэтому усталости и стар и млад не чувствуют, хотя бы и под дождем прошли со святыней несколько часов. Святое и отрадное чувство богомоления крестоходцев заражает и любопытствующих, и мимо проходящих, и эти увлекаются святым чувством и идут, смешавшись со всей толпой или – лучше – слившись с ней в общем благоговейном чувстве. Особенно если крестохождение совершается с чудотворной святыней, неоднократно и дивно являвшей благодатную помощь людям; тогда все идут за нею, как за живой Владычицей или за живым угодником. Конечно, такие крестохождения должны быть обставлены возможно торжественнее, умильнее и молитвеннее. Крестный ход должен быть полон неумолкаемого и самого разнообразного молитвенного пения, особенно общенародного. Пусть это будет торжественный неустанный гимн от сердец богомольцев во славу Бога, или Богоматери, или угодника. Пусть в этом пении душа народная возносится к Создателю и от Него испрашивает благодати в слух всего мира. В это время можно и всем знакомые песнопения распевать, и при помощи более умеющих приучать и весь народ к гласовому пению стихир с канонархом, а акафисты громогласно читать с общенародным распеванием заключительных припевов. Такой опыт наших в Новгороде крестных ходов

вполне говорит о возможности всего этого. При таком совершении крестохождений совершенно исчезает всякая возможность разговоров от скуки, не бывает и отстающих от процессии. И под палящими лучами солнца, и в пыли, и под дождем и ветром одинаково усердно все до единого человека идут с начала до конца крестного хода, умиляясь общим пением, увлекаемые и общим молитвенным настроением. Поэтому-то так и любит наш народ такие крестные ходы. Они составляют приговор, прося, чтобы разрешили им крестный ход, чтобы разрешили им принести к себе в селение ту или иную святыню. И скорбят, если почему-либо не разрешат сего.

Да, это дивное воспитательное средство в нашем распоряжении. И всячески следует развивать такие крестохождения, разумеется, принимая все меры к упорядочению сего и к возможно большей духовной полезности крестохождений. Тем более когда сами православные просят, чтобы разрешили им совершить крестный ход, например, в соседнее село или обитель или для встречи выписанной, например, с Афона иконы, – в таких случаях без всяких препятствий следует непременно разрешать крестные ходы. Кроме высокой духовной пользы, кроме молитвенного воодушевления в народе, кроме подъема духа в православных и торжества их над всеми насмехающимися над верой и святынями – кроме всего этого полезного, ничего худого не могут принести народные крестные ходы. Наоборот, тогда все отрицательное, безрелигиозное, смеющееся над верой – все это или скрывается от такого народного воодушевления, самого умирительного, не вынося его, или же само присоединяется к нему, захватываемое общим воодушевлением и общей верой.

Конечно, для утешительности и плодотворности таких крестных ходов заранее и обдуманно нужно приготовить и проповедников, и руководителей народным пением, и духовных картин, и листов с книжками для раздачи и продажи. Причем предпочтительно следует продавать хотя бы за самую дешевую цену, а не раздавать обильно указанное: ибо купленное всегда ценят выше, чем полученное бесплатно. Только бы

умело был составлен подбор потребной литературы, умело производилась бы продажа ее; покупать непременно будут, говорю это от неоднократного опыта. Приобрести же все нужное для указанного дела теперь так легко – так обильно подобное издательство теперь.

Но и здесь следует оговориться. Крестные ходы должны быть совершаемы торжественно, стройно. Но торжественность опять должна заключаться не в какой-либо церемониальности, граничащей с напыщенностью, с бессодержательностью; нет, это должна быть торжественность молитвенная, благоговейная от сознания всех и прежде всего духовенства, что во славу Божию и пред Его очами совершается это крестохождение. А потому восторженная и усердная молитва и пение, пение и молитва – вот что должно сообщать торжество духовное крестохождениям. От искусственности же и любования красивой помпезностью и стройной церемониальностью да хранит Господь всякого из нас – служителей Тайн Божиих, которыми мы людей вводим в общение с Самим Вседержителем. Да не соблазнится о нас никто из молящихся.

9. Необходимость самых частых путешествий архиереев по епархии

То трогательное благоговение народа к нам – архиереям, о котором сказано выше, дает мне смелость высказать пожелание, чтобы возможно чаще и возможно воодушевленное совершались архиерейские поездки по епархии. Носителем сугубой благодати является для верующих архиерей, как это и есть на деле милостью Божией. И поэтому для православных архиерей есть и раздаватель этой благодати освящающей, предстатель и молитвенник пред Богом о людских неведениях, разъяснитель воли Божией для людей, почему слово его свято, как слово Самого Бога, от имени Которого он говорит и действует. И нужно видеть и на деле, с какой верой и благоговением все это приемлется от архиерея народом. Поэтому для православных прибытие к ним архиерея составляет событие великой важности, это

радостный праздник, на котором забываются все невзгоды житейские. Если же где-либо в провинции, в уездном городе или в селе, архиерей совершает богослужение, то православные за десятки верст собираются сюда, несмотря на будни, на рабочую пору, на плохую погоду. Конечно, привлекает сюда и невиданная или редко виданная торжественность архиерейского служения. Но ведь в деревне эту торжественность вполне-то невозможно и устроить, и по тому одному, что служащие в большинстве случаев и сами не видели архиерейского служения со дня собственной хиротонии. Нет, не столько торжественность архиерейского служения привлекает народ сюда, сколько благоговейное уважение народа к архиерею. Да, не забыть тех умиленных лиц богомольцев, которые обращены бывают тогда на архиерея от окружающего народа. Как перед Самим Христом открыты сии молящиеся души христиан. Восторг написан неземной на их лицах. Многие плачут от радости. И, кажется, призови тогда архиерей этот умиленный и послушный народ на самый высокий подвиг – все как один человек пойдут за ним. И с какой верой слушают эти простецы во Христе беседу архиерея. Особенно если эта беседа проста, удобопонятна, поучает о спасении во Христе, затрагивает не вымышленную, а действительную жизнь мирскую, указывает, как в обычных-то условиях жизни человеческой жить по-христиански, как обычные-то дела посвящать для спасения души и делать как перед Богом. Это все сама правда. И благодарение Господу, что Он пока сохранил все это для нашего недостойнства. Мы же должны возможно лучше использовать это для духовного водительства наших словесных овец, чтобы в свое время иметь возможность непостыдно сказать Пастыреначальнику: *Се, аз и дети, яже ми дал есть Бог* (Евр. 2, 13). И прежде всего возможно чаще совершать архиерейские посещения церковей епархии. Разумеется, удобнее это делать в свободную от крестьянских работ пору. Плодотворнее были бы такие путешествия, если бы совершались они не с такой поспешностью, как обычно бывает. Припоминаю наши миссионерские путешествия в Японии. Там мы обычно во всякой отдельной церкви живем день-

два. За это время можно побеседовать со всеми христианами, узнать их исправность и настроение, увидеть и труд самого причта церкви. За это время обычно можно бывает посетить всех христиан города или селения, чтобы на дому преподать им соответствующее назидаение, соображаясь с тем, что говорит о посещаемых христианах священник или катехизатор. Это оставляет глубокий след в настроении поместной церкви или прихода. Посещать дома всех христиан в наших епархиях, разумеется, нет возможности. Но есть возможность помолиться со всеми или даже совершить богослужение. Есть возможность – узнать от благочинного и от священника о состоянии приходского дела, христианского поведения в данном приходе, о чем благочинные со священниками должны заблаговременно составлять обстоятельные, деловые доклады соответственно действительности. Доклады такие должны указывать как положительное, так и отрицательное в жизни прихода, чтобы архиерею иметь возможность беседовать с христианами не на общие темы, а на соответствующие действительному положению вещей. Если же окажется, что пастырь приходской бессилен что-либо сделать с тем или иным отдельным прихожанином и группами их или с каким-либо нежелательным направлением в их настроении и жизни, тогда архиерей имел бы возможность оказать соответствующее воздействие и на это, не исключая посещения и отдельных христиан, если то окажется нужным для беседы с ними. За такое время пребывания на приходе архиерей вникает и в те просветительные, благотворительные и иные организации, которые заведены в приходе и нуждаются в руководстве или в исправлении по случайным каким-либо обстоятельствам. Имеет он возможность и указать прихожанам вместе с их пастырем на необходимость и полезность таких организаций, указать и путь, каким проще и легче завести и устроить все подобное. С уверенностью можно сказать, что такое участие архиерея в приходской жизни ее в значительной степени оживит. Только благодаря предложению и указанию архиерея многие добрые дела и начинания могут начаться и привиться в самом лучшем виде. И то нужно иметь в виду, что

это внесет оживление и отраду в деятельность даже самых лучших приходских священников. Нередко они в безвестности и без всякой поддержки, одобрения, указания и руководства со стороны высших трудятся и заводят многое преполозное в церковной икономии. Встречают и препятствия неизбежные, даже прямо тормозы и противление, – и невольно впадают в малодушие, поддержать же некому. Да и, кроме того, к ним привыкают на местах, их слово уже не кажется особенно авторитетным. И тут необходим голос со стороны, чтобы привлечь внимание к делу. Но ничего подобного часто не находят такие труженики не только от архиерея, которого видят редко, но и от благочинного. И падают духом, и не спорится дело или и совсем разваливается. Вот в таких-то случаях какую бодрость вольет в души таких тружеников слово и участие архиерея! Сколько это может предупредить или исправить и ошибок, возможных во всяком деле! И с какой после того новой ревностью будут трудиться и пастыри, а вместе с каким воодушевлением примутся за нужное и душеспасительное дело и сами пасомые, слышавшие призыв и благословение на то не только от своего пастыря, но и от самого архиерея! И учесть невозможно всех благих последствий от подобных посещений архиереем приходов своей епархии.

Еще усугубится плодотворность этого, если архиерей будет возможно чаще служить в посещаемых церквях. Это не так трудно, как думается издали. Мне в поездках по епархии приходится с собой иметь только одного диакона, опытного в архиерейском служении. И, однако, редко бывают резко в глаза бросающиеся непорядки в сложном архиерейском служении. Обыкновенно заблаговременно рассылается маршрут путешествия, в котором обозначены те церкви, где и когда предполагается служение (недели за две пути обычно приходится служить пять и более раз). Иногда и кроме того приходится написать местному священнику по данному случаю для порядка. Заблаговременно назначаются и сослужащие из соседних приходов. В качестве руководства указывается составленная омским ключарем священником Сокальским книжка о порядке

архиерейского служения для сослужащих, хотя в ней, к сожалению, и имеются некоторые неправильности. Затем на месте приходится всем сослужащим разъяснить и рассказать порядок служения, да и во время служения следить, подсказывать и незаметно предупреждать погрешности, чтобы все получилось возможно стройнее. Певчие же везде теперь имеются исправные. Во избежание недоразумений обыкновенно им говорится, чтобы не пели того из особенностей архиерейского служения, чего не знают, чтобы непорядок не бросался в глаза; например, вместо «Да возрадуется» при облачении могут пропеть или догматик, или ирмосы. Но обычно и этого не бывает, певчие везде готовятся с охотой и бывают исправны. Иногда напрашиваются даже певчие соседних приходов, так что проявляется трогательное соревнование. При таких предосторожностях почти всегда служение проходит в порядке и всех трогает и радует. Если же иметь для сего еще одного понимающего в архиерейском служении, то и всегда оно будет стройно. А народто как рад бывает этому! Собираются издалека, уставши, не пивши, не евши подолгу, без необходимого покойного сна, в тесноте и жару, – и, однако, радостны и восторженны, как в Светлый Христов день. И ради этого святого чувства можно пожертвовать многим, лишь бы только доставить такое утешение православным.

10. Желательная картина архиерейских путешествий по епархии

После всего сказанного мне представляется такая картина. В хороший июньский или сентябрьский день православные вместе со своим и соседних церквей причтами крестным ходом вышли на околицу села для встречи своего архиерея. Последний облачается в архиерейскую мантию и при общем народном пении следует в село. По пути на подходящем по обстановке месте архиерей останавливает народ и поучает своей первой беседой, как бы в ответ на приветственную речь приходского священника, который, предполагается, говорил о со-

стоянии жизни христианской в приходе. Это воистину беседа, подобная беседам Самого Спасителя, среди природы обычно поучавшего собравшихся к Нему. Не только люди, но и сама природа внемлет такой отеческой беседе архипастыря с его паствой. На народ же это произведет неотразимое умирительное впечатление. Кончивши беседу, архиерей следует далее. По селу у каждого дома или от нескольких домов вместе поставлены столы с хлебом-солью на чистых скатертях. Архиерей благословляет сии хлебы, призывая Божие благоволение на труды земледельцев-христиан. Тут же, как и естественно, кратко расспрашивает о их житье-бытье, о их работах и прочем, давая свое простое от сердца слово или сочувствия, или совета и ободрения. По входе в храм и по обычной молитве архиерей ведет уже подробную беседу, направляя ее на действительные нужды в приходской жизни, о чем подробно докладывают ему благочинные, указывая и отрадные, и печальные стороны в жизни посещаемого прихода. Далее архиерей беседует с детьми, хотя бы школьниками только, расспрашивая у них знание молитв, и вообще Закона Божия, и церковных правил и обычаев жизни. Несомненно, тут же ему придется сделать и соответствующее указание родителям – как следует воспитывать детей по-христиански, на что обращать внимание в их духовном росте и к чему поведет невнимание с этой стороны. Покончив с этим, архиерей приглашает всех пропеть известные всем церковные песнопения, а сам в это время благословляет детей крестиками, взрослых же духовными листиками, которые как святыню навсегда сохраняют и дети, и взрослые. При этом, может быть, и еще придется побеседовать, например, по поводу общенародного пения или о том, как следует принимать благословение, как относиться к крестикам и листикам, которыми благословляются. Наконец, архиерей осматривает весь храм и делает необходимые указания при этом. Отсюда идет в школу начальную, затем, посетивши дома причта и благотворительно-просветительные учреждения, если таковые имеются, отправляется далее в путь. Там же, где по местным условиям возможно и должно или случится какой-либо

праздник, архиерей служит бдение и литургию. Хорошо бы и во всякой церкви посещаемой служить молебен, например водосвятный, чтобы доставить и еще большее утешение православным, с усердием и радостью встречающим архиерея.

В приходах же с раскольническим или сектантским населением следовало бы хоть иногда назначать и миссионерские беседы вместе с прибытием архиерея. Тогда и значение таких бесед поднялось бы высоко, ибо тогда и православные, и сектанты, и сомневающиеся видели бы, что и архиерей вполне одобряет то, что говорит миссионер. Для утверждения веры и добрых нравов это имело бы весьма большое значение.

Да, с уверенностью можно сказать, что от таких путешествий архиерея по своей епархии был бы весьма значительный плод. Вместе с тем, это весьма сближало бы с ним как духовенство, так и паству мирскую.

Конечно, для таких путешествий нужно иметь много времени, да и немислимо одному архиерею сделать это в таких обширных епархиях, каковы наши. Но теперь почти во всякой епархии есть викарии. К сожалению, по действующему положению, они лишь только именуются по разным городам, сами же не имеют никакого касательства хотя бы только к тому уезду епархии, по городу которого они называются. О том, как использовать для церковного дела существующие викариатства вместо совершенно неосуществимого теперь увеличения числа настоятельно нужных новых епархий и возможного сокращения всех существующих теперь епархий, — об этом мне пришлось уже высказываться, кажется, в мае сего года в «Санкт-Петербургских ведомостях»; номера газеты не помню, но содержание этой моей статьи подробно изложено в «Церковном вестнике» № 20 за 1912 год, в «Мнениях и отзывах». В таком отношении пусть бы пока Святейшим Синодом было узаконено для всех епархий то, что на свою ответственность для несомненной пользы дела устроил в своей епархии Волынский владыка Антоний, о чем он и сообщает в № 40 «Церковного вестника» за 1912 год. Таким порядком ни власть, ни авторитет епархиальных архиереев нисколько не умалятся, хотя

дело у них сократится; но будет несомненная польза для всего церковного дела, что мной подробно и было разъяснено в вышеуказанной статье моей. И осуществление этого мероприятия может совершенно свободно быть проведено и Святейшим Синодом до того Поместного собора, который предназначен, но неизвестно, когда будет, тогда как изменившаяся жизнь с ее трудными и требовательными от нас условиями не ждет, дальнейшая же потеря времени может быть «смерти подобна».

11. Необходимость подготовки к пастырскому служению

Все высказанные пожелания о живой неустанной поведении для народа, о православном богослужении, о совершении воодушевленных народных крестохождений, о самых частых путешествиях архиереев по епархиям – все это, несомненно, прекрасно. Но это предполагает уже высоко поставленную развитую пастырскую ревность у самих служителей Церкви Христовой. К сожалению, должны мы сознаться, что этого далеко нет, и нет не по личной небрежности служителей церковных, а по самым пока неустранимым условиям нашей русской церковной жизни. Нет необходимости говорить об этих условиях, ибо не такая и цель наших замечаний. Обратимся к наличности.

Всякое служение, всякая деятельность предполагает само собой, что к ней люди готовятся, изоцряя свои силы и способности, чтобы оказаться на высоте положения в самой принятой деятельности. Тем более это требуется для такого высокого и тонкого по своей духовности и святости дела, как пастырское душепопечение. Воистину, оно искусство из искусств, к упражнению в котором нужно приступать с устроенными духовными способностями, с изощренными силами духа. Знаем, с какой тщательностью готовятся, например, к врачебному искусству, особенно к искусству хирургическому. Тем более должна быть особенная, нарочитая, тщательная до благоговейности подготовка к искусству духовного врачевания

душ христианских, руководимых не ко временной, но к вечной жизни, верующих в нее. Но все мы хорошо знаем и по опыту, и по наблюдениям, что этого у нас, к великому прискорбию, нет и нет. Да, и у нас есть духовная школа, имеющая целью «приготовление юношества к служению Православной Церкви», как гласит параграф 1 Устава о ней. Но и на деле, а теперь и по дополнительным узаконениям, духовная школа только между прочим готовит юношей для прямого служения Православной Церкви. Конечно, большая цель и заслуга духовной школы, что она дает возможность своим питомцам трудиться не только в пастырстве церковном, но и на иных, чисто светских гражданских и военных поприщах. Но тогда и назвали бы такую школу «христианским училищем», цель которого – дать христианское образование и воспитание юношам, чтобы после в жизни на всех поприщах ее они могли быть крепкими христианами. Для Церкви же весьма важно это назначение ее «христианского училища», но совершенно необходимо, чтобы была и нарочитая школа для подготовки духовных врачей душ человеческих, именно пастырей Церкви. Этого-то мы и не имеем. Все вопли и воздыхания наши об этом остаются тщетными, как и все неотложно нужное в нашей Русской земле, которая от самого чудного начала «велика и обильна, а порядка нет в ней». И видим, что если шестая-седьмая лишь часть прошедших нашу духовную школу отдает себя на пастырское служение в Церкви, то это уже большое дело. А остальные идут на разные поприща чисто внешней деятельности в стране. Церковь же остается без должно подготовленных к делу пастырей. И это при усложнившихся и видоизменившихся требованиях времени. В верхах же давно-давно все спорят пока только о том направлении, в котором должна быть преобразована вся духовная школа, чтобы наилучше отвечать ей своему церковному назначению. По пословице: «Паны дерутся, а у хлопцев чубы летят»... А воз и ныне там...

Но так как не в нашей власти изменить все это, так что, может быть, и до приближающегося второго пришествия Христова это дело останется в таком положении, то надлежит что-то

сделать, чтобы в существующих условиях, однако, пастырство наилучше могло отвечать своему высокому святому назначению. Тем более нужно иметь в виду и то, что за недостатком лиц с нарочитым пастырским образованием и подготовкой в большинстве случаев приходится ставить священнослужителями лиц, можно сказать, всякого образования, а иногда и без всякого образования, но желающих по должному, хотя и условно, испытании послужить Церкви Христовой в составе клира. Конечно, таковые лица подвергаются особому испытанию, а кроме того, постепенно подготавливаются к священству на низших степенях клира. Но все это и условно, и быстро, а потому может быть и не прочно, чтобы пастырь Церкви был богат духом ревности пастырской. Без этого же духа он все равно что светильник без елѣя.

12. Пастырско-миссионерские съезды и курсы

При указанных выше условиях надлежит самим пастырям все сделать, чтобы поднять свой пастырский дух, возвысить свое образование, восполнить свои силы и средства для пастырского делания. В этом направлении особенную ценность имеют устраиваемые в пределах нашей Пермской епархии миссионерские съезды и курсы для духовенства епархии. На таких съездах собравшиеся прежде всего выясняют наличную приходско-церковную действительность. Посему для всякого такого съезда составляется определенная программа, по которой участниками съезда представляются на съезд доклады о положении дела в приходе с указанием тех или иных мероприятий к улучшению или исправлению дела. Такие доклады подвергаются общему обсуждению. Скрывать или прикрашивать положение дела не придется, ибо все соседѣ тут же и уличат в том докладчика. Поэтому съезд само собой получает в высокой степени серьезный характер. Наряду с недочетами выясняются и положительные стороны. Вместе со вскрытием неустройства или недостатков, общим советом и обменом мнений об отдельных опытах, пред-

лагаются и всем, и каждому жизненные меры и советы для устроения и исправления дела в приходе. Кроме того, таким путем, может быть, и не особенно воодушевленные на дело на примере других и при общем воодушевлении исполняются ревности и усердия к делу на своем приходе. Не невозможно, что и не худой человек, но долго оставаясь одиноким на деле, среди обыденщины особенно нашей деревенской жизни, и сам заведется этой обыденщиной, и отлетают от него, может быть, когда-то и бывшие на душе светлые мысли и намерения, как мечты юншества чистого. Тут же на таких миссионерских съездах увидит таких деятелей воодушевленных, умелых, опытных, не мечтателей, понаслышится о живой их пастырско-народной деятельности, и сам сначала задумается над своим положением, а потом и духом возревнует о пастырской работе на приходе.

Таково жизненное значение миссионерских съездов. Они весьма важны, воспитательны для духовенства. Помимо того, путем таких съездов выясняется подробная картина положения церковно-приходского дела по всей епархии. Посему такие миссионерские съезды должны происходить по крайней мере однажды в год по всем благочиниям епархии. Руководителями таких съездов должны быть или миссионеры, или, в случае невозможности для них, благочинные. Съезды должны собираться не для праздных разговоров, не для отбытия повинности, а для строго определенной цели. Посему для таких съездов предварительно должна быть предлагаема программа, на вопросы которой все причты и должны представлять продуманные доклады для предъявления съезду. По обсуждении же таких докладов и по обмене мнениями должны быть составляемы особые журналы или протоколы с указанием общих суждений по заслушанным докладам, с указанием выработанных мер для улучшения или исправления дела. Такие журналы и должны представляться епархиальному архиерею на внимание и заключение.

И самостоятельно, и вместе с такими миссионерскими съездами должны устраиваться миссионерские курсы для

духовенства по образцу устраиваемых уже в нашей епархии. Предметом этих курсов должны быть и общие богословские и пастырские вопросы, и проповедничество, и миссионерство среди старообрядчества с сектантством, и противостояние погибельному духу неверия и практического материализма, и подобное. Никто из пастырей не может считать себя вполне осведомленным в таких предметах. Если специалисты ученые постоянно следят за своей наукой и испытывают всякую новинку в этой области, чтобы быть на уровне времени и науки, то тем более это надлежит делать пастырю Церкви, так как его деятельность шире и глубже всякой научной деятельности, — она идет вместе с текущей и изменчивой жизнью, — чтобы воздействовать на эту жизнь началами вечными, приспособлявая ее к ним, а не их приспособлявая к ней. Посему ни один, даже получивший полное богословское образование, пастырь не может счесть себя не нуждающимся в указанном обновлении, восполнении, расширении своих познаний, тем более в повышении пастырского воодушевления. Как на съездах, так и на курсах совершается общая дружная, откровенная работа с одной высокой целью — быть во всеоружии и в святом воодушевлении для пастырского служения среди мира сего в целях руководства пасомых к вечной жизни.

Опыт таких курсов свидетельствует, что после первых же курсов участники их непременно просят, чтобы ежегодно у них были такие курсы. Они на деле увидели — как много вопросов и знаний весьма важных и нужных, которых они не знали. Тут они, один другого воодушевляя, все исполнились совершенно юношеского рвения — учиться и учиться, чтобы стоять твердо на своем деле. Пастырское служение им раскрылось как жизненное и все обновляющееся делание, а посему такое высокое, светлое, чистое, имеющее целью духовный рост и спасение души человеческой, уготовляемой к вечной жизни во Царстве Христа, за нее пострадавшего.

Так из года в год повторяемые такие курсы высоко поднимут пастырское настроение духовенства и восполнят в значительной степени недостающее у каждого. Еще луч-

ше такие курсы приурочивать к местным народным празднествам, чтобы участием в богослужении, в проповеди, в крестном ходе усугубить народное торжество. Народ непременно отзовется на такой подъем духа. Помню, в Омской епархии такой миссионерский съезд с курсами был устроен на масленой неделе в одном селе, где немало было и сектантов. Конечно, предполагали, что народ даже и не заметит такого съезда, потому что на масленой идет обычный языческий карнавал-веселье. Оказалось обратное: народ испросил разрешения послушать беседы собравшихся отцов, да постепенно так увлекся ими, что не хотели и домой уходить, говоря духовенству: «Вы, батюшки, пойдите пообедайте, а мы подождем здесь вас, чтобы и еще послушать». Видя такую ревность народа к духовной беседе, сами участники съезда оценили все высокое значение подобных съездов и курсов для них самих. Так и должно быть везде и всегда.

13. С чего начинать поднятие церковности на приходе

Подробно мной было объяснено все, касающееся данного вопроса, в «Письмах архиерея к иереям» (Пермь, 1915 год) и в «Архипастырском послании к духовенству Пермской епархии о мероприятиях ко введению в жизнь закона об устройстве православных приходов» (Пермь, 17 февраля 1916 года). Из того и другого, да и помимо них, всякий пастырь хорошо знать может, что ему принадлежит высокая и разнообразная деятельность в приходе. В условиях наших обширных и многочисленных приходов, в совокупности с трудными путями сообщения между отдельными частями прихода, не под силу одному священнику сделать все, что нужно в чисто пастырском отношении. Да и помимо сего самое существо дела требует лишь, чтобы священник был руководителем церковной жизни в приходе, как и мать в семье не ведет же на поводке всякого из своих детей, стараясь приучить их к самостоятельной, но благовоспитанной жизни. Надо так поставить дело, чтобы при-

ход под воздействием и руководством священника сам собой устроил и поддерживал в своем составе церковную жизнь.

Начать же следует с небольшого дела. В пределах самого даже запущенного прихода всегда во всяком поселке найдется несколько благочестивцев, которые скорбят об упадке веры и нравов в народе, сами же горячо прилежа Святой Церкви. Вот их-то и взять себе в помощники или сотрудники следует священнику. Руководя их в чтении духовных книжек, направляя их усердие в должном направлении, всячески следует воодушевлять их на братолюбную миссионерскую самую простую работу среди односельчан, в целях воодушевления их на благочестие. Таковые ревнители и под личным руководством священника, и по его указанию будут собираться в свободное время для чтения духовных книг и для братских бесед, как собираются обычно поселяне для пустого препровождения времени, не наученные осмысленно распоряжаться своим досугом. Воодушевляемые своим священником, они стараются привлечь на свои собрания своих соседей, хотя бы каждый только по одному человеку. Братство их постепенно растет. В нем опять всякий в свою очередь привлекает других сочувствующих. Так постепенно, медленно, но верно вначале весьма «малое стадо» охватывает весь поселок, а затем и весь приход.

Через таких-то доброхотных, за спасение души, сотрудников священник знает все, что делается в приходе, хотя бы сам и не мог часто бывать во всех поселках своего прихода. Ревнители, по заданным им от духовного отца заданиям, своевременно сообщают ему обо всем, что требует его внимания и руководства. Так естественно сократится его личный труд, совершенно непосильный для одного человека при всем его личном усердии к святому делу.

Через такие именно братства и кружки ревнителей священник наилучше и ближе к делу может поставить и самое утверждение христиан в христианском уповании, в знании веры, молитв, в приучении к церковным обрядам и обычаям и все дальнейшее духовное научение и просвещение. Как ру-

ководитель, он может таким кружкам поставить определенные задания для их братских собраний – например, прочитать такую-то книжку, выучить такие-то молитвы, утвердиться в таких-то благочестивых упражнениях, обсудить такую-то меру для поднятия добрых нравов в приходе, предпринять дело помощи бедным и сиротам или нуждающимся в помощи учащимся в школе.

Когда зачнется такая здоровая правильная жизнедеятельность в отдельных частях прихода, найдутся нужные на всякое церковно-приходское дело и люди. Скучающие от безделья и неумения найти смысл своей жизни и осмысленное приложение своих дремлющих духовных и телесных сил – все такие, как полевые цветы головками тянутся к оживляющему их солнцу, потянутся к проблескам живой жизни и работы преподлезной. Так дело, развиваясь и разрастаясь, постепенно подразделится на отдельные свои отрасли с определенным составом деятелей. И окажется, что одни занялись совместным чтением духовных книг и ведением братских бесед, другие – благотворительностью в приходе, третьи – заняты церковно-школьным делом, иные – заботой о благолепии храма, о церковном пении, о порядке на приходском кладбище, иные хлопочут об улучшении народного хозяйства, о трезвости, об искоренении худых навыков и о насаждении добрых нравов и доброго препровождения времени детьми, молодежью и взрослыми и т.д., и т.д.

Так семя Слова Божия, брошенное на почву душ человеческих, не умирает, но начинает произрастать и приносить свой плод в людях и в их жизни. Так зачинается возрождение отдельных душ, а через это и всего прихода, как живой Церкви Божией. Пастырь Церкви насаждает и напояет, а воспринимающие это души человеческие сами возрастают под благодатным действием Святого Духа Божия (1 Кор. 3, 5–7).

14. Посещение домов прихожан

Под таким делом разумеется не то, чтобы священник ходил из дома в дом. Конечно, это было бы весьма хорошее

дело – пастырю Церкви посещать своих пасомых, чтобы руководить их духовной жизнью. Но это в редких случаях возможно при обширности и разбросанности наших приходов, при множестве всяких побочных, но обязательных дел у пастыря. Нет, в данном случае разумеется другое и более простое, а следовательно, и возможное для священника. Дело в том, что священник часто приглашается прихожанами для совершения всяких треб на дому. Такими обязательными посещениями и следует непременно воспользоваться для духовного назидания православных. Тут и нужно вникнуть в жизнь и распорядок жизни семьи. Тут и нужно расспросить всех так, чтобы вылилась душа человеческая с ее запросами и надеждами. Тут обратим внимание и на воспитание детей, на их молитвенное делание, на их поведение. Тут же попутно и о духовном побеседовать, не в виде обычной проповеди, но именно непосредственной отеческой простой беседой. Припоминается священник доброго старого времени в родном моем приходе. В таких случаях он обо всем выпросит в семье, все выскажет, что знает об этой семье, детей переспросит в знании молитв, одних похвалит, а другим выговорит и строго запретит. И таким порядком священник знал всех своих прихожан и с хорошей, и с дурной стороны. Помню, что я тогда еще подростком знал тоже почти всех прихожан и всякого из них по настроению и поведению только потому, что, ходя с причтом по приходу на Пасхе и на Святках, обычно прислушивался вот к таким попутным беседам священника с прихожанами. И, конечно, тогда не только священник, но и я хорошо знал – кто в приходе когда вступает в брак или выходит замуж, тогда как теперь священник об этом часто узнает только тогда, когда к нему от архиерея направляется на отзыв бестолково написанное прихожанином прошение о разрешении ему вступить в брак, например, при недостатке возраста или в известных степенях родства. Такова простая старина и такова мудреная современность. Первая не гналась за большим, но достигала весьма существенного конца; а вторая считает это все маловажным, опускает же и

все важное, почему жизнь христианская и понижается, хотя разные отчеты да доклады и уверяют, что все делается лучше и лучше. Подтверждений тому не требуется, их дает сама действительность.

Итак, указываю первое самое простое средство – духовно влиять пастырю на свою паству безо всякой затраты особого времени и сил. Указываю попутный способ – руководить жизнью и настроением своих пасомых. Таким путем установятся сами собой чисто пастырские или, лучше сказать, отеческие отношения у пастыря к пастве, взаимно вызывающие детское отношение к нему со стороны пасомых. Исчезнет та взаимная отчужденность, на которую теперь одинаково жалуются и духовенство, и миряне. Весь приход будет на виду у пастыря, явится одною большою семьей, возглавляемой и руководимой священником – духовным отцом. Ему Бог дал духовную паству, и он Богом дан в отца этой пастве. За святое послушание Пастыреначальнику Христу Спасу пастырь с паствой и будут в едином духе по одинаковой заботе о душевном спасении. Духовное значение или авторитет такого Богом поставленного и свято соблюдающего такое свое от Него поставление – как высоко оно и перед Богом, и пред людьми! Насколько выше оно того взаимоотношения, которое хотят укрепить выборами священников самой паствой! «Мы тебя выбрали, ну так и делай по-нашему, а не будешь делать – так ты нам и не нужен, мы выберем другого». Так было, так и будет в конце таких выборов. Так было и в древней нашей Святой Руси, когда при выборном духовенстве были несчастные «крестцовые попы», составлявшие обузу для Церкви Божией и соблазн для христиан. Правда, было выборное духовенство в древней гонимой Церкви. Но тогда самое имя христианина было уже геройством. Всякий христианин должен был всегда быть готовым к ответу и мучению за свое христианство. Посему тогда все христиане естественно заботились, чтобы в передовых рядах их стояли истинные герои духа, для которых священство есть высшее доброе дело, то есть готовность на мученичество за себя и за паству свою. Тогда и вы-

бирали в клир лучших и сильнейших духом людей. Земных и корыстных расчетов тут и быть не могло и у выбирающих, и у выбираемого. Расчет был один: выбирают готового и на смерть за выбравшую паству. Теперь же, когда, независимо от душевного спасения, выгодно числиться христианином безо всякого подвига в христианстве, когда числящиеся христианами ищут не строгости в подвиге, а послабления и принижения высоких начал Христова Евангелия, когда, пожалуй, большинство христиан не бывают в церкви на исповеди со святым причастием и, однако, считаются полноправными христианами-прихожанами, – при таких условиях представлять «сборищу народа избирать имеющих произвестися во священство» (Лаодик. Соб. 13 прав.) – это по меньшей мере неосмотрительное дело в отношении ко всей церковной икономии. И недопустимое дело проявит церковная власть, если попустит это крайне опасное для всей Церкви нововведение древнего обычая при совершенно изменившихся условиях времени. Подождите, все поспешные реформаторы Святой Церкви: независимо от нашего желания произойдет и у нас отделение Церкви от государства, а после того и неизбежное гонение на Церковь не только от безрелигиозного, но и от антихристианского государства, – тогда и будем выбирать клириков на церковно-приходских собраниях, выбирать будем крадучись от гонителей, и выберем, конечно, не по земным соображениям, а только по церковным, ибо тогда земные расчеты сами собой исчезнут для гонимых христиан. Хотим мы или не хотим, но такое время к нам приближается. К нему и нужно готовиться, как к огненному испытанию для нашей веры сначала от духа антихристова, а потом и от самого антихриста, *которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду* (2 Сол. 2, 9–12).

15. Благовременные поводы к научению прихожан

К таковым прежде всего следует отнести благое время Великого поста. Разумеется не в собственном смысле церковная живая проповедь с кафедры, о чем было сказано раньше. Нет, разумею самое время исповеди, когда православные долго ждут своей очереди в ряду других подойти к духовнику на откровение своей совести. Тут свободного времени бывает очень много. Обычно в это время псаломщики или диаконы производят отметку в исповедных ведомостях пришедших на исповедь. Затем прочитывают вечернее правило для причастников. А остальное время исповедники сидят праздно, пожалуй и разговорами неподобающими занимаясь. Вот это время и следует использовать для всякого душеполезного научения прихожан.

Заняться таким делом должны ближайшие помощники священника – диаконы и псаломщики. Но можно привлечь к этому и благочестивых грамотных и поющих мирян, даже учащихся. В то время как там, в таинственном уголке храма, у алтаря его, идет святая исповедь, здесь, в трапезной части храма, и учить выжидающих исповеди молитвам, житиям Святых, пению церковному. Как преполезно будет занято это праздное время! Как размягчатся и сердца человеческие для откровенной исповеди перед духовником!

Таким порядком и грамотные, и неграмотные одинаково простым способом научатся тому, что нужно знать всякому христианину, но чего, к сожалению, не знают и прошедшие школу. Это было бы настоящим оглашением православных христиан, приступающих к исповеди и Святому Причастию. И особенной премудрости для этого не нужно, а необходимо только иметь святое усердие к делу да уметь читать и петь, чтобы научить указанному и прихожан.

Можно и иным способом учить прихожан тому же. При помощи вышеописанных братств и кружков ревнителей в приходе следует устраивать воскресные школы или вечерние занятия для всех желающих посещать таковые. Под руковод-

ством священника и его ближайших сотрудников ревнители и займются тем же самым научением христиан молитвам, Закону Божию, житиям святых, церковному пению. Все лично воодушевленные церковно-приходскою работою, как своим душевным подвигом во спасение, душу свою вложат во все указанное дело, и плодотворная живая работа закипит, найдутся сочувствующие и соработники в деле. Таким порядком единоличный труд священника будет разделен между самими его прихожанами, которые не за страх, а для спасения своей души, за совесть, вместе с ним и под его руководством будут усердствовать для поднятия церковной жизни в приходе.

Этих же целей можно достигать разумным использованием приходских крестных ходов. Тут непременно следует постепенно привлекать и народ к общему пению сначала простейших молитв, а потом и расширять круг таких молитв и песнопений. Таким порядком научатся и церковному пению, научатся попутно и церковным молитвам. Всем хорошо известна певучесть нашего народа и усердие его именно к церковному пению. Только бы умело и с воодушевлением это было предложено и указано – непременно народ откликнется с душой.

Всеми указанными путями и будет достигаться одна святая цель: научение православных знанию веры и умению дать ответ посильный о своем уповании, научение молитвам и церковному пению, а вместе с тем создание святого воодушевления на благочестие, как на благоговейное хождение пред Богом. А это великое и основное дело. Без него все красивые и горячие речи о приходской благотворительности, о просвещении и прочем – все это будет бесцельно и непрочное. И воспринятое оно исчезнет, как праздное, хотя и красивое увлечение. Научивши же всему вышеуказанному, создав святое воодушевление на благочестие, и можно будет прочно и плодотворно начинать призыв и к благотворительности приходской, и к просвещению, и ко всему прочему, в чем может и должна проявляться приходская жизнь. Все это будет проявлением созданного, прочного, святого воодушевления на благочестие и на устроение жизни по Евангелию Христову.

Вот в кратких словах – что желательно видеть в деятельности нашего духовенства в уврачевание той действительности нашей церковно-приходской жизни, как она представляется нашему взору при наблюдении ее. Не о коренных и сомнительных по своей приложимости преобразованиях идет речь, а всего только о том, что следовало бы и можно бы предпринять в создавшихся действительных условиях пастырской жизни и деятельности. Будут или не будут сделаны в нашей Церкви самые высокие преобразования, которые все вытекают, по существу, из возвращения Церкви Божией ее подлинной, а не призрачной свободы, из возвращения Российской Православной Христовой Церкви ее главы – Святейшего Всероссийского Патриарха, – это неизвестно, да от нас и не зависит: вернуть взятое может и должна только взявшая от Церкви Патриарха гражданская власть.

Но и при наличной действительности нам, архиереям и иереям, надлежит ответственность за вверенное нам стадо церковное, а потому никто и оправдываться неканоничными порядками в Церкви не может и не должен. Положение первенствующей гонимой Церкви куда хуже было, но тогдашние Отцы Церкви сим положением не оправдывались, но не покладая рук за совесть перед Всевидящим Первоархиреем Христом трудились, изводя на истинную свободу духа тогдашних христиан. И сумели среди гонений, крестов и костров так извести на эту прекрасную свободу духа, что сам гордый гонитель и мучитель – тогдашний языческий мир – побежден был этой свободой преследуемых христиан и преклонился перед высотой их духа, Крест Христов воссиял над миром языческим и из позорного орудия казни явился добропобедным знаменем царей и народов, смиренно преклоняющихся перед силою Распятого на нем Царя царей. Среди разных неустroйств церковных, среди тяжких и унижительных для Церкви Божией условий в современной государственной и общественной жизни дерзновенно, отцы и братие, понесем возложенное на нас послушание церковное, бодро и воодушевленно будем руководить христиан к Царствию Божию, высоко вознося Животворящий Крест Христов, как символ Божией силы и Божией премудрости.

Послесловие

Вот что вылилось у меня от души о «жизни нашей церковной как она есть» под впечатлением последнего осеннего путешествия для обозрения некоторых церквей и монастырей епархии. Никаких проектов о новых реформах я не сочиняю. Говорю же лишь о том, что возможно и следует нам делать только при наличных условиях нашей церковной жизни и чего требует от нас эта самая жизнь. Да и об этом-то говорю лишь применительно к обычным взаимоотношениям между архиереями, духовенством и паствой. И все высказываемое, конечно, местами в той или иной мере и существует, и заведено. Да оно не так и трудно для своего осуществления, – было бы лишь усердие...

Конечно, я умолчал о многом, что следовало бы делать по нуждам времени для поднятия веры и нравов в народе. Но в данном случае я говорю только применительно к впечатлениям после путешествия по приходам епархии. Подробнее же о разных церковных вопросах мною сказано было в моих письмах «Станем добре», припечатанных в «Новгородских епархиальных ведомостях» за 1910 год, отдельным приложением к журналу «Пастырь-проповедник» за 1912 год (Верхне-Уфалейский завод Пермской губ.) и отдельными оттисками издание 2-е, переделанное и значительно дополненное.

Письмо архиепископу Новгородскому Арсению (Стадницкому)

Ваше Высокопреосвященство.

По-видимому, митрополит Питирим¹ и Раев² сами себе подставили ножку, подведя Государя со спешным и смешным

¹ Питирим (Окнов), митрополит Петроградский и Ладожский (1858–1919), участник правомонархического движения, почетный председатель Курского отдела Союза Русского Народа. Столичную кафедру возглавил в 1915 г.

² Раев Николай Павлович (1856–1919), действительный статский советник, последний обер-прокурор Св. Синода Российской Империи, член Русского Собрания.

назначением второго товарища¹, что пришлось еще поспешнее исправлять увольнением первого. Полагаю, посему неожиданно назначен состав зимнего Синода. Состав солидный. Если бы всем архиепископам столковаться против неукротимого реформаторского зуда крикунов шумливых, то Синод мог бы заговорить серьезным языком, чтобы прислушались наконец и к его голосу после того игнорирования его доселе. Велика была бы заслуга архиепископов. Желаю Вам такого успеха для блага Церкви. Поставьте вопрос и настойте, чтобы архиереи не смели на соблазн православных и в угоду жидовскому либеральному кагалу затевать канонические реформы без разрешения церковной власти; чтобы был суд на истинно «кошунственные» их словоизвержения о разных предметах веры – соблазн большой и от сих словоизвержений, и от безнаказанности за них: куда же прибегать мятущимся православным? Чтобы было запрещено вольное и тайное и явное скаканье архиереев в Петроград вопреки запрету Синода; чтобы вообще Синод был карателем не только послушных ему, но прежде всего вот таких проходимцев, как разные гвардейские офицеры, унижающие свой сан гнусными проделками. Настойте непременно, чтобы при назначениях на кафедры архиереев и при выборе кандидатов на архиерейство был восстановлен непременно святой жребий с молитвою. Пусть Сам Господь избирает, а не человеческое смотрение среди нередко пустых и даже нескромных разговоров с анекдотами о «черных кобелях». Будете заслушивать мой рапорт о вмешательстве в епархиальные дела Шавельского и Сандецкого², пожалуйста, поддержите не для меня, а принципиально, чтобы выскочки не нахальничали. Мой викарий³

¹ Речь идет о назначении вторым товарищем (заместителем) обер-прокурора Св. Синода князя Николая Давидовича Жевахова (1884–1947) в сентябре 1916 г.

² Имеется в виду вмешательство военных властей. Шавельский Георгий Иванович (1871–1951), протопресвитер русской армии и флота; Сандецкий Александр Генрихович (1851 – после 1918), генерал от инфантерии, командующий Казанским военным округом, куда входила Пермская область.

³ Сергей (Лавров) (1878–1937), епископ Соликамский, викарий Пермской епархии с 1 июля 1916 г., впоследствии епископ Семиреченский, викарий Туркестанской епархии, затем обновленченский архиепископ и расстрига.

получил продление отпуска до декабря, а вообще-то отказывается от Соликамска по климатическим условиям. Не отпустите ли тогда в Соликамск отца архимандрита Варсонофия¹, как я прошу у Синода? Мне нужен работник на раскол северный, пока еще дремлющий, чтобы не было поздно, когда проснется. Если можно, то отпустите и поставьте его у софийских угодников в архиерея, как и древле ушкуйники от Софии направлялись в Биармию-Пермь. Вон сколько я Вам нагромоздил. А все потому, что сижу и лежу дома, опять захваченный злосчастной инфлуэнцией. Ужели и еще третью зиму придется гореть от нее? И организм, пожалуй, не вынесет при всей выносливости. Завтра, вероятно, еще не буду служить, чтобы выдержаться для следующих трех дней.

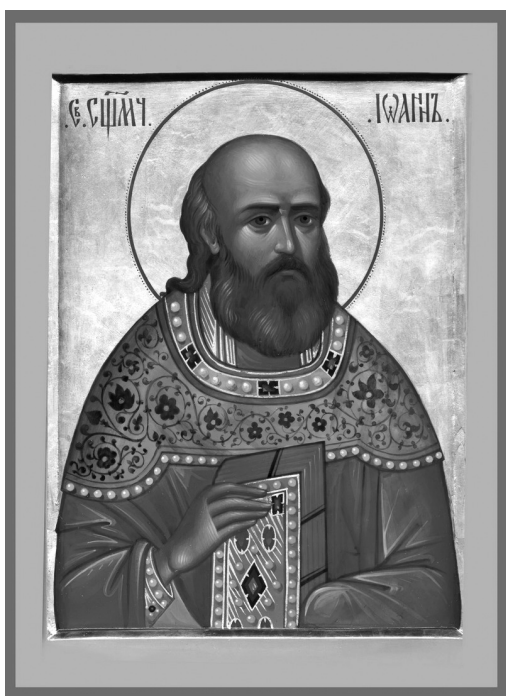
После Воздвижения открыли мы торжественные акафисты с беседами по церквам, религиозно-нравственные чтения по праздникам уже платные за множеством слушателей, детские собрания по утрам праздничным, «народный университет», тоже платные общеобразовательные чтения, откроем трезвеннические чтения даже с кинематографом. Пока все идет хорошо и людно.

От приближающегося десятилетия архиерейства собираюсь удрать на Белую Гору, если буду здоров. В духовно-училищных заведениях экзамены предполагаем закончить к Пасхе, занимаясь без перерыва и без отпусков на Святки и Масленицу.

Да хранит Вас Бог-Помощник. Простите и благословите грешного епископа Андроника.

г. Пермь, 20 октября 1916 года

¹ Имеется в виду священномученик Варсонофий (Лебедев), епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии (1873–1918).

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПРОТОИЕРЕЙ
ИОАНН ВОСТОРГОВ
(30.I.1867/20.I.1864–23.VIII[5.IX].1918)**

Иоанн Иоаннович Восторгов родился в станице Кавказская Кубанской области в семье священника. Внук преподавателя Владимирской духовной семинарии магистра богословия Александра Восторгова. Мать – Татьяна Ксенофонтовна. В марте 1868 г. семья переехала в станицу Ново-Алексеевскую, где прошло детство и отрочество будущего пастыря. Он рано остался сиротой. Окончил Ставропольскую духовную семинарию (1887) по первому разряду, служил учителем русского

языка в Ставропольском духовном училище. В августе 1889 г. рукоположен во иерея, служил в поселке Кирпильском, зарекомендовал себя ярким и талантливым проповедником. В октябре 1890 г. был переведен на место законоучителя в Ставропольскую мужскую гимназию, вскоре был избран членом совета Епархиального женского училища, членом правления Ставропольской духовной семинарии. Осенью 1894 г. переведен в Грузинский экзархат и назначен законоучителем гимназии в Елисаветполе (ныне Гянджа, Азербайджан). В 1897 г. перемещен в Тифлис законоучителем 1-й Тифлисской женской гимназии. 22 декабря 1900 г. назначен епархиальным наблюдателем церковно-приходских школ и школ грамоты Грузинского экзархата с возведением в сан протоиерея. 13 февраля 1901 г. назначен редактором журнала «Духовный вестник Грузинского экзархата». С 21 августа по 9 октября был в командировке в Персии в г. Урмия для ревизии духовной миссии Российской Православной Церкви и состоящих при ней школ. 18 июля 1902 г. за полезные труды избран пожизненным членом Императорского православного палестинского общества (ИППО). Протоиерей Восторгов заявил о себе как об активном общественном деятеле. Он прилагал немало усилий к торжеству русского дела на Кавказе. 25 мая 1900 г. при его активном участии в Тифлисе был открыт отдел Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, которое стремилось к пробуждению национального самосознания. Свои проповеди он часто посвящал памяти А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. В. Суворова, В. А. Жуковского, К. Д. Ушинского и др. видных деятелей русской культуры.

В Тифлисе о. Иоанн познакомился с владыкой Владимиром (Богоявленским), который в 1892–1898 гг. занимал кафедру Экзарха Грузии. Митрополит Владимир, переведенный в 1898 г. на Московскую кафедру, добился в 1905 г. перевода даровитого миссионера и проповедника в первопрестольную. 25 января 1906 г. протоиерей Восторгов занял должность проповедника-миссионера Московской епархии с правами противосектантского епархиального миссионера. Как миссионер-проповедник

(29 октября 1907 г. назначен синодальным миссионером) он исколесил практически всю страну. Его проповеди слышали в Иркутске, Владивостоке, Чите, Красноярске, Харбине, Томске, Омске, Киеве, Харькове, Ставрополе, Самаре, Казани, Тамбове и др. городах и весях страны. 1 июня 1906 г. протоиерей Восторгов был избран членом Предсоборного присутствия при Св. Синоде по 2-му отделу. 6 декабря 1906 г. награжден митрой.

Оказавшись в Москве в самый разгар революционных беспорядков, он активно включился в антиреволюционное монархическое движение, вступил в Русскую Монархическую партию (РМП), стал членом Московского отдела Союза Русского Народа (СРН). На 2-м Всероссийском съезде Русских Людей, который проходил в Москве 6–12 апреля 1906 г., протоиерей Восторгов выступал с докладом о русском деле на Кавказе. Как делегат от РМП и Московского СРН участвовал в работах 3-го Всероссийского съезда Русских Людей, проходившего в Киеве 1–7 октября 1906 г. (Всероссийский съезд Людей Земли Русской). 5 октября 1906 г. он произнес проповедь по случаю дня тезоименитства Наследника-цесаревича, в которой, обратившись к подвигу митрополита Московского Алексия, размышлял о роли духовенства в истории Отечества. «Нет в мире более народного духовенства, как в России. Таким его сделала история», – сказал он. Этому особенно учит пример святителей московских. А посему «все, что не народно и не патриотично, должно оставить ряды служителей Церкви, уйти из ее священной дружины, чтобы не смущать боголюбивого и царелюбивого народа русского». На съезде был членом комиссии по выработке постановления об объединении монархических партий. По итогам 3-го съезда о. Иоанн был избран одним из трех членов Главной Управы Объединенного Русского Народа (вместе с князем М. Л. Шаховским и А. И. Дубровиным) – руководящего органа общерусского монархического движения. После неожиданной болезни и смерти в конце сентября 1907 г. основателя РМП В. А. Грингмута возглавил партию, преобразованную вскоре в Русский монархический союз (РМС). Сменил он Грингмута и на посту председателя Русского Мо-

нархического Собрания (РуМоСо) – интеллектуального штаба монархистов Москвы. Помимо организаторской деятельности о. Иоанн неустанно проповедовал, выступал с обращениями и воззваниями. В августе 1907 г. он участвовал в работе Нижегородского миссионерского съезда. В 1908 г. на 4-м миссионерском съезде в Киеве выдвинул как одну из главных задач духовенства борьбу с социализмом. Близкие отношения связывали протоиерея Восторгова с о. Иоанном Кронштадтским, он был удостоен чести вместе с тремя архиереями-монархистами митрополитом Владимиром (Богоявленским), епископом Серафимом (Чичаговым) и епископом Гермогеном (Долганевым) 5 декабря 1907 г. получить последнее благословение угасавшего «маяка православия».

После подавления революции 1905–1907 гг. власть приступила к ликвидации одной из главных причин беспорядков – крестьянского безземелья. В России началось грандиозное переселенческое движение, и возникла острая потребность в организации духовного окормления русских переселенцев. В 1908 г. о. Иоанн совершил поездку по Дальнему Востоку. По возвращении в ноябре он был принят императором Николаем II Александровичем. Государь поддержал его замысел учредить Братство Воскресения Христова для удовлетворения религиозных нужд русского населения на окраинах. В марте 1909 г. по Высочайшему повелению он был командирован в Сибирь и страны Дальнего Востока для обследования духовных школ и миссий и для обустройства переселенческих пунктов. Он посетил Японию, Китай и Корею, а затем через Владивосток, Хабаровск и другие города Сибири вернулся в Москву. На переселенческом пункте в Сретенске на площади для 6 тыс. переселенцев о. Иоанн отслужил молебен, после которого произнес вдохновенную проповедь на тему «Зачем вы едете в Сибирь и что с собой несете?» По окончании молебна он навестил больных, причем невзирая на предупреждения врачей посетил ба-раки с заразными больными.

С 1908 г. монархическое движение начали сотрясать расколы, сопровождавшиеся подчас ожесточенной внутренней

борьбой. На острие этой борьбы оказался протоиерей Восторгов. Сначала против него выступил с целой серией статей консервативный публицист Н. Н. Дурново. Затем в кампанию против него включились и некоторые издания, близкие к А. И. Дубровину. У протоиерея Восторгова не сложились отношения с лидером СРН. Из-за разногласий и внутренней борьбы в июне 1908 г. о. Иоанн и его заместитель по монархическим организациям Москвы архимандрит Макарий (Гневушев) вынуждены были оставить руководящие должности в Московском губернском Совете СРН, а весной 1909 г. Дубровин добился исключения протоиерея Восторгова из Союза. Напротив, довольно близкие отношения были у о. Иоанна с противником Дубровина В. М. Пуришкевичем. Он был одним из учредителей и с 1908 г. до середины 1915 г. членом Главной Палаты созданного Пуришкевичем Русского Народного Союза им. Михаила Архангела (РНСМА), был даже избран почетным председателем РНСМА. Во время своих многочисленных поездок по Сибири, Дальнему Востоку и Туркестану о. Иоанн открыл там много отделов РНСМА. С 1908 г. антивосторговские публикации регулярно начали появляться в органе Главного Совета СРН, газете «Русское знамя», и ярославской газете «Русский народ». В 1909 г. на основе этих публикаций была издана брошюра «Правда о расколе в среде правых». Анонимные авторы называли главными орудиями раскола Пуришкевича и протоиерея Восторгова. В своих обвинениях некоторые его противники доходили до того, что намекали, будто неожиданная смерть В. А. Грингмута и Ю. П. Бартенева – дело рук протоиерея Восторгова.

Неурядицами в правом движении не преминули воспользоваться противники монархии в государственных и церковных верхах. Под лозунгом «Церковь вне политики» была предпринята попытка запретить духовенству участие в деятельности политических партий. Поскольку клирики и монашествующие были членами главным образом монархических партий, удар наносился именно по правомонархическому движению. В январе 1909 г. протоиерею Восторгову удалось отстоять в Св.

Синоде мысль о необходимости участия духовенства в правых партиях и союзах. Большую роль сыграло то, что о. Иоанну выразил доверие государь, пожаловав орден св. Владимира 3-й ст. и подарив монархическим союзам Москвы свой портрет. В марте 1909 г. протоиерей Восторгов отбыл в очередную миссионерско-пропагандистскую поездку по Сибири, Дальнему Востоку, Японии и Китаю. По возвращении он организовал в Москве 12 августа 1909 г. пастырские курсы, которые выполняли важнейшую по тем временам задачу – готовили священнослужителей и миссионеров для епархий Сибири и Дальнего Востока. Епископ Евлогий (Георгиевский), лично познакомившийся с организацией курсов, высоко оценивал деятельность о. Иоанна как заведующего курсами и вспоминал о нем, как о «человеке незаурядного ума и большой энергии». 9 сентября 1909 г. он был назначен настоятелем Князь-Владимирской церкви при Епархиальном доме. 6 октября 1909 г. избран почетным членом Казанской духовной академии. Редкий случай, чтобы священнослужитель, не имевший высшего духовного образования, удостоивался такой чести.

В условиях раскола правого движения протоиерей Восторгов попытался собрать монархический съезд в Москве. Последний Всероссийский съезд Русских Людей состоялся весной 1907 г. С того времени произошли серьезные изменения политической ситуации в стране, в монархическом движении возникли внутренние распри. Для определения тактики действий монархистов в послесмутное время, для примирения враждующих, для объединения сил съезд был необходим. С инициативой созыва Съезда совместно с протоиереем Восторговым выступили видные правые деятели: архимандрит Макарий (Гневушев), В. М. Пуришкевич, миссионер И. Г. Айвазов и профессор В. Ф. Залесский. Однако их противники заподозрили тут тайные намерения. Решительным противником созыва Съезда выступил Главный Совет СРН. Форум все-таки состоялся – Съезд Русских Людей в Москве (27 сентября – 4 октября 1909 г.). В его работе приняли участие многие видные деятели монархического движения: 2 архиерея – епископ

Серафим (Чичагов), почетный председатель съезда, и епископ Стефан (Архангельский), 3 будущих архиерея – архимандрит Макарий (Гневушев), иеромонах Нестор (Анисимов) и (в ту пору протоиерей) будущий епископ Селенгинский Ефрем (Кузнецов), депутаты Государственной думы В. М. Пуришкевич и Г. А. Щечков, известные правые деятели И. Г. Айвазов, В. Ф. Залеский, Н. Н. Родзевич, К. П. Пасхалов, Р. Ф. Еленев, К. П. Степанов, Б. В. Назаревский и др. Однако достичь поставленных целей не удалось. Московский съезд проигнорировали как сторонники А. И. Дубровина, так и сторонники Н. Е. Маркова, попытка объединения не удалась.

13 марта 1910 г. государь принял депутацию московских монархистов во главе с протоиереем Восторговым. А 9 мая 1910 г. о. Иоанн отбыл в очередную поездку по Сибири и Дальнему Востоку. Возвращаясь в Москву, он организовал в Иркутске 25 июля 1910 г. Общемиссионерский сибирский съезд, на котором сделал доклад о задачах православных миссионеров в Сибири. В работе съезда приняли участие крупные знатоки сектантства и старообрядчества (В. М. Скворцов, Н. М. Гринякин и О. Д. Александров). Сразу по окончании миссионерского съезда 8 августа 1910 г. под руководством о. Иоанна состоялось совещание представителей сибирских монархических организаций, в работе которого приняли участие руководители патриотических организаций Владивостока, Никольска-Уссурийского, Читы, Красноярска, Томска, Иркутска и др. городов. На этом совещании он выступил с речью о задачах монархистов на окраине России.

В 1910 г. протоиерей Восторгов проявил себя на ином поприще. При Московском обществе содействия религиозно-нравственному и патриотическому воспитанию детей, которым руководила княгиня С. А. Голицына, был создан Союз христианских матерей под председательством графини З. В. Коновницыной. По просьбе этих достойнейших русских женщин протоиерей Восторгов проводил раз в неделю богословские беседы в Союзе. В начале февраля 1910 г. княгиня Голицына обратилась к митрополиту Московскому Владимиру (Богояв-

ленскому) с просьбой разрешить открыть при обществе женские научно-богословские курсы. 5 февраля 1910 г. владыка Владимир одобрил идею и поручил устройство курсов о. Иоанну, который разработал их Устав. 15 сентября митрополит одобрил рапорт протоиерея Восторгова об открытии курсов и назначил его заведующим ими. Согласно Уставу, целью курсов, рассчитанных на 2 года, было: «а) научное изложение веро- и нравоучения христианского в связи с главнейшими науками из круга богословского ведения, в связи с современными запросами мысли и жизни в среде образованного общества, притом в строгом соответствии с учением Св. Православной Церкви, каковое условие единственно дает истинному богословскому ведению достоинство и характер действительной научности, и б) изложение теории и практики христианской педагогики в связи со свидетельствами истории Церкви, учением Св. Отцов, и, в частности, в применении к воспитанию и обучению детей дошкольного и школьного возраста истинам веры, а также к преподаванию сих истин народу в народных и иных чтениях, лекциях и т.п.» Курсы официально назывались «Женские богословские курсы в Москве при Союзе христианских матерей Общества содействия религиозно-нравственному и патриотическому воспитанию детей». Они были открыты 11 октября 1910 г., на них записалось 130 чел. Занятия проходили 2 раза в неделю по средам и пятницам с 6 до 9 ч. вечера. Впоследствии, 8 ноября 1916 г. (задержка произошла ввиду начавшейся войны), на базе этих курсов были открыты Высшие богословско-педагогические курсы при Скорбященском монастыре.

В том же 1910 г. по инициативе кн. Н. Д. Жевахова был поднят вопрос о строительстве в итальянском г. Бари, где почивают св. мощи святителя Мир Ликийских Николая Чудотворца, подворья и странноприимного дома. Палестинское общество поддержало эту инициативу, и уже с 4 по 30 января 1911 г. в Бари была командирована делегация, чтобы купить участок земли для подворья. Протоиерей Восторгов, как пожизненный член общества, был в составе этой делегации. Не переставал он заботиться и о духовных нуждах сибирских переселенцев. И в

1911 г., и в 1912 г. бесперебойно работали пастырские курсы, готовившие священнослужителей и псаломщиков для епархий Сибири и Дальнего Востока. Непременным заведующим этими курсами был протоиерей Восторгов.

В начале 1913 г. появились слухи о готовящемся назначении о. Иоанна настоятелем Казанского собора в С.-Петербурге. Его недоброжелатели активизировались. Редактор-издатель еженедельника «Дым Отечества», один из лидеров русских националистов А. Л. Гарязин 15 мая 1913 г. опубликовал открытое письмо митрополиту С.-Петербургскому Владимиру (Богоявленскому) по поводу этих слухов, в котором призывал владыку не назначать «этого человеконенавистника», который «гонится за славой и деньгами» (ходячие формулировки противников протоиерея Восторгова). Как бы то ни было, 31 мая 1913 г. о. Иоанн был назначен настоятелем другого крупного храма – Покровского собора на Рву (Василия Блаженного) в самом центре Москвы.

В 1913 г. Св. Синод принял-таки решение, запрещающее лицам духовного звания руководить деятельностью политических союзов и партий. Руководящие должности в патриотических организациях вынуждены были оставить многие представители активной части духовенства. В сентябре 1913 г., выполняя решение Св. Синода, протоиерей Восторгов и архимандрит Макарий покинули посты в руководстве РМС. Вместо себя о. Иоанн предложил избрать руководителем РМС отставного полковника В. В. Томилина. Однако на эту должность претендовал активный московский монархист, в прошлом близкий сподвижник о. Иоанна В. Г. Орлов. Он был весьма популярен среди рабочих-железнодорожников, из числа которых создал отдел РМС. После того как было принято предложение протоиерея Восторгова, сторонники Орлова покинули заседание, а затем на своем собрании избрали своего лидера председателем РМС. За эти действия Орлов и его наиболее активные сторонники были исключены из Союза. Они в свою очередь исключили о. Иоанна, архимандрита Макария и Томилина из РМС. Вся эта скандальная история сопровож-

ждалась взаимными обвинениями, жалобами правительству и т.п. В итоге группу Орлова принял к себе в РНСМА В. М. Пуришкевич. Томилин вскоре своеобразно «отблагодарил» протоиерея Восторгова за поддержку, публично выступив против него в печати. Кстати, о. Иоанн вполне критично оценивал себя как политика, сказав однажды: «Я не политик, а человек Церкви, и если бы мне пришлось выбирать между Россией и Церковью, я, конечно, выбрал бы последнюю». Впрочем, и за эти слова он был подвергнут осуждению некоторыми правыми, обвинившими его в отсутствии патриотизма.

Освободившись от своих организационных обязанностей, о. Иоанн смог больше внимания уделять литературно-издательской деятельности. При его непосредственном участии – как редактора, издателя и автора – выходил целый ряд православно-монархических изданий в Москве: газета «Церковность», «Московские церковные ведомости», ежедневная монархическая газета РМС и РуМоСо «Патриот», газета «Русская земля», журналы «Верность» и «Потешный». В 1913 г. вышел в свет первый том «Полного собрания сочинений протоиерея Иоанна Восторгова». До 1916 г. ему удалось издать 5 томов своих сочинений. Не перестал он заниматься духовным просвещением паствы и в годы Первой Мировой войны, когда главным делом стала забота о нуждах больных и раненых воинов. В 1915 г. он издал сборник речей и поучений под названием «Вопросы религии и православия в современной великой войне». А последний четвертый выпуск сборника «Во дни войны. Голос пастыря-патриота» ему удалось выпустить даже в 1917 г.

В ночь на 17 января 1915 г. после непродолжительной, но тяжелой болезни скончалась его жена Елена Евпловна (урожденная Маковкина). После кончины супруги у о. Иоанна не осталось препятствий к принятию монашества, к чему он уже давно стремился. И в апреле 1916 г. митрополит Московский Макарий (Парвицкий-Невский) обратился с представлением в Св. Синод хиротонисать о. Иоанна после принятия им монашеского пострига в викарные епископы для Москвы с

определением ему заниматься вопросами миссионерства. Рассматривалась также его кандидатура при замещении вакансии на Иркутскую кафедру. В том же году протоиерей Восторгов был избран членом Государственного совета, но его кандидатуру не утвердил Св. Синод. Ходили слухи, что неутверждению результатов выборов в состав Госсовета и хиротонии сумел воспрепятствовать А. И. Дубровин, который передал А. А. Вырубовой одно из изданий протоиерея Восторгова, где он обличал Г. Е. Распутина. Он продолжал служить настоятелем собора Василия Блаженного. Во время войны из находящихся под угрозой оккупации западных областей России в Москву были перевезены св. мощи мученика Гавриила Белостокского, младенца, ритуально замученного иудеями. Рака с частицею мощей младенца Гавриила и чудотворная Жировецкая икона Божией Матери были помещены в собор, где настоятельствовал протоиерей Восторгов. 20 сентября 1915 г. епископ Минский Михаил (Ермаков) в связи с перенесением святынь совершил богослужение, а о. Иоанн сказал по этому поводу слово.

С тяжелым сердцем принял лидер московских монархистов известие о февральском перевороте в Петрограде. Еще утром 28 февраля, когда не вполне было ясно, что происходит, он призывал одного из своих более молодых единомышленников: «Защищаться надо». На уныло-пессимистический вопрос: «Кого защищать?», отвечал: надо защищать «порядок, государство, русский народ, который весь теперь занят на позициях, на фронте. Надо идти, как шли мы в первые безнадежные минуты в 1905...» В своем дневнике сетовал на недалекость и нераспорядительность высших чиновников: «Здравомыслящие градоправители упустили момент отвернуть русло революции и превратить грядущую трагедию в веселенький фарс жидовско-торгового погрома... Эх, и за что им деньги, чины и проч. дают!..» Но уже поздней ночью 28 февраля он понял, что катастрофу не остановить: «Сердце вешее чует смертную тоску... Неужели “времена исполнились”? Чудилось мне, что Москва не спит, а чует день рас-

платы за грехи свои и грехи отцов... Что камень уже сорвался с горы и только Творец Один может сдержать падение его на виновные и невинные головы...»

События февраля 1917 г. стали тяжелым испытанием для всех монархистов. Сгустились тучи и над протоиереем Восторговым. Его собрат, священник Троицкой церкви на Арбате о. Н. А. Романский рекомендовал властям немедленно арестовать его как «тайного и убежденного вдохновителя старого строя». Впрочем, власти тогда не вняли призыву доносчика. 7 марта прошло совещание представителей духовенства Москвы, на котором было принято решение «во имя пастырского и патриотического долга» подчиниться Временному правительству. Таким решением московские священники, как, впрочем, ранее и Св. Синод, фактически отрекались от царя. Правды ради следует сказать, что среди тех, кто принимал такое решение, был и протоиерей Восторгов. Более того, он был избран председателем совещания духовенства Москвы. Но, подобно апостолу Петру, о. Иоанн вскоре мученической кончиной доказал свою верность Богу и царю. После Февральской революции Церковь жила подготовкой к Поместному собору. Протоиерей Восторгов был участником Собора, на котором выступал с речью. В это время он был назначен на должность секретаря Миссионерского Совета при Св. Синоде, которую исполнял в 1917–1918 гг. В самый разгар заседаний Собора власть захватили большевики. Протоиерей Восторгов сразу заявил себя противником большевистской власти. Он выступил с идеей объединения русского народа вокруг Православной Церкви. В газете «Церковность», которую ему еще удавалось издавать, он писал: «Ибо одна Церковь остается у нас вне партий. Наше правительство, если оно есть, представляет собой не народ, не страну, а только власть класса, да и то не целого, а только одной части его; наши газеты представляют каждая только свою партию; только одна Церковь представляет весь верующий русский народ и способна сказать здравое и смелое слово». С захватом власти откровенными богоборцами о. Иоанн начал во всю мощь ис-

пользовать свой дар блестящего проповедника. С вразумлениями и увещеваниями к народу он обращался не только с амвона. Каждое воскресенье он служил молебны на Красной площади, где в проповедях неустрасимо обличал богоборческую власть. Принимал он участие в деятельности по организации спасения Царской семьи. Н. Д. Тальберг вспоминал: «Принимал он участие в работе тайной монархической организации. Познакомился я с ним тогда у главы ее в Москве, у князя Алексея Александровича Ширинского-Шихматова. Все время поддерживал он связь с Патриархом Тихоном, его ценившим. Весной 1918 г. он устроил прием Святейшим приезжавшего в Москву из Петрограда Н. Е. Маркова, стоявшего во главе всей тайной организации».

Особое значение его службам и проповедям придавал тот факт, что в соборе Василия Блаженного почивали мощи мученика Гавриила Белостокского, пострадавшего от иудеев. После того, как 3 мая 1918 г., в день памяти младенца Гавриила, о. Иоанн отслужил молебен святому, чекисты хотели обвинить его в антисемитизме, но затем более подходящим поводом, видимо, сочли историю с продажей Епархиального дома. 31 мая 1918 г. он был арестован в своей квартире вместе с епископом Селенгинским Ефремом (Кузнецовым), его давним знакомым, который участвовал в Поместном соборе и с началом смуты не смог уже вернуться в свою Иркутскую епархию. Одновременно были арестованы священник о. Корнеев и староста Успенского собора Н. Н. Ремизов. Им было предъявлено обвинение в том, что они дали согласие на продажу Епархиального дома, который был к тому времени уже отобран большевиками у законного собственника – Московской епархии. Для пропагандистского обеспечения своих действий богоборческая власть провела информационную атаку. 8 июня 1918 г. в газете «Известия» появилась статья «Коммерческая сделка Патриарха Тихона, прот. Восторгова и К^о». Однако в ходе следствия о. Иоанн отверг все обвинения и доказал, что вся история с продажей дома, приведшая к его аресту, – провокация чекистов, в которой роль купца-покупателя исполнял провокатор.

Сначала о. Иоанна содержали на Лубянке во внутренней тюрьме ВЧК, затем перевели в Бутырку, где ему удавалось совершать богослужения в тюремной церкви. Прихожане, любившие его, собрали деньги на оплату адвоката, но судьба о. Иоанна была уже решена властями. Он стал одной из первых жертв «красного террора» и был расстрелян вместе с епископом Ефремом (по другим сведениям владыка был расстрелян ранее), И. Г. Щегловитовым, Н. А. Маклаковым, С. П. Белецким, А. Н. Хвостовым и др. на Братском кладбище в Петровском парке. Митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих воспоминаниях передает такие подробности мученической кончины о. Иоанна: «умер доблестной смертью христианского мученика, перед расстрелом напутствовал и ободрял своих братьев». До нас дошел и другой рассказ о мученической кончине о. Иоанна и других видных монархистов. В эмигрантском монархическом журнале «Двуглавый орел» в 1922 г. был напечатан отрывок из воспоминаний одного эсера, сидевшего в это время в Бутырской тюрьме и встретившегося там с человеком, который был свидетелем расстрела монархистов. «По просьбе о. Иоанна Восторгова палачи разрешили всем осужденным помолиться и попрощаться друг с другом. Все встали на колени, и полилась горячая молитва несчастных “смертников”, после чего все подходили под благословение преосвященного Ефрема и о. Иоанна, а затем все простились друг с другом. Первым бодро подошел к могиле протоиерей Восторгов, сказавший пред тем несколько слов остальным, приглашая их с верою в милосердие Божие и скорое возрождение Родины принести последнюю искупительную жертву. “Я готов”, заключил он, обращаясь к конвою. Все стали на указанные им места. Палач подошел к нему со спины вплотную, взял его левую руку, завернул за поясницу и, представив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув отца Иоанна в могилу. Другие палачи приступили к остальным своим жертвам». Свидетель рассказывал, что палачи «высказывали глубокое удивление о. Иоанну Восторгову и Николаю Алексеевичу Маклакову, поразившим их своим хладнокровием пред страшною ожидавшею их участью».

Прославлен на юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 г. в сонме новомучеников и исповедников Российских.

Православно-русское государственное мировоззрение¹

Аще не Господь созиждет дом,
всуде трудишася зиждущий; аще
не Господь сохранит град, всуде
бде стрегий

(Пс. 126, 1)

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Древний царь, царь «по сердцу Божию» и избранник сердца народного этими словами выразил свое исповедание, оправданное всем опытом его жизни. Полное крепкой религиозной веры, полное глубочайшего смирения и всецелой преданности высшему Божьему мироправлению, оно передано, волею Духа Божия, в завет и руководство народам грядущих времен на веки вечные.

Глубоко напечатлел в своем сердце этот завет наш русский народ; с трогательною верою, с детским послушанием урокам небесной мудрости он осуществил его и в частной жизни, и в своем тысячелетнем государственном строении. Наглядный тому показатель – благочестивый обычай на Руси всякое дело начинать молитвою; наглядный тому показатель – и наше настоящее молитвенное собрание, но в особенности таким ярким и отрадным показателем служат те основные воззрения на существо жизни нашего народа, во имя которых объединились кружки и союзы русских людей,

¹ Речь на молебствии пред открытием Всероссийского съезда Русских Людей, собравшегося в г. Москве по приглашению Всенародного Русского Союза, объединившего все патриотические союзы, 6 апреля 1906 года, во дни Пасхи. – *Прим. авт.*

ради укрепления которых отовсюду собрались они сегодня в лице своих представителей в коренной град России, посреди заветных святынь народных, в осенение духа и священных преданий всей русской истории.

Привет вам, дорогие братья! Привет вам, горячие и мужественные исповедники русской идеи! Привет вам, истинные сыны богоносного и христолюбивого народа, явившиеся сюда для работы разума и слова в эти тяжкие переживаемые народом нашим дни, когда ему грозит опасность поколебать и потерять основные устои своего мировоззрения и своего исторического бытия!

Неизмеримо велико значение религиозной идеи, ясно сознанной и последовательно осуществляемой в жизни и исторической деятельности народа. Она освещает ему жизнь яркою путеводною звездой; она осмысливает его прошлое и настоящее, его государственный и общественный строй, его национальное самоопределение; она дает ему мерило и руководство для определения будущего.

Только близорукость, невежество, – или нечистая и упорная преднамеренность могут упускать из вида тесную связь, всегда существующую между государственными и общественными учреждениями народов и их религиозными верованиями. И только легкомыслие может полагать, что, нарушая и ниспровергая одну из главных основ народного мирозерцания или государственного строя, одно из коренных воззрений народа, мы все-таки можем быть спокойны за целостность народного духа, за все прочие его основы и воззрения: это значит – отрицать очевидность, отрицать влияние частей на целое. Мы ныне переживаем время господства именно такого непостижимого, точнее же сказать, прямо болезненного легкомыслия.

Но как в жизни отдельных личностей бывают моменты, когда сознание высшего религиозного долга и высшего призвания проясняется и вспыхивает в человеке особенно ярко, становится повелительною силой, руководящею его в жизни и деятельности, властно определяющею его поведение в данное время, – так и для целого народа, для целого государства бы-

вают особо величественные и важные моменты жизни, когда пред народом открывается величайшее дело, величайший подвиг, правильное разрешение которого определяет ему приговор жизни или смерти и становится возможным только при ясном сознании им своего высшего мирового, Божьего призвания и религиозно определенного долга. Тогда религиозная идея и вытекающий из нее исторический долг народа повелительно определяют ему поведение и он не может отступить от высших велений, какого бы труда, напряжения и жертв ни потребовал от него предлежащий ему подвиг: пред ним меркнут и отходят на второй план все прочие интересы жизни.

Таково именно значение и переживаемых ныне дней, таково значение столь страстно ныне обсуждаемого вопроса о существе и характере государственного строя в России. Мы, русские люди, не можем отказаться от завещанного нам историей Самодержавия наших царей, излюбленного и созданного народом, освященного Церковью, запечатленного священным помазанием царей, не можем отказаться от самодержавия, — в смысле религиозно-нравственного воззрения на государство, в противоположность правовому, — если бы даже сам Самодержец от него отрекся. Как бы резко ни звучало это утверждение, мы повторяем его с полным сознанием, с особым ударением и проникновением в его смысл.

Не станем говорить подробно об исторических заслугах, о государственном значении и безусловной необходимости самодержавия царей русских для нашего Отечества. Особенности истории России; географическое ее положение; огромные пространства; неизбежная редкость населения; разнообразие климатических условий; этнографический состав, разнородный, разнотемпературный и разновесный; государственные границы, необыкновенно растянутые и доселе естественно не определившиеся в окончательном виде; наличие инородческих окраин с их центробежными стремлениями; своеобразное положение России по отношению к народам Европы и Азии; расовые особенности славянского племени, характер и особенности его духовного склада; мировые задачи и мировое

призвание России и т.д., и т.д. — все это, весьма важное и ценное в выяснении исторических прав и государственной ценности самодержавия, мы опускаем; здесь каждая отдельная мысль требует особого обстоятельного обсуждения, которое увлекло бы нас слишком далеко; это, наконец, не входит прямо и непосредственно в круг пастырского слова.

Но есть в самодержавии наших православных царей сторона, теснейшим образом связанная с тем, что называется религиозною и христианскою идеей. В том виде, как оно понято и усвоено русскою народною душою, в самом помазании царей на царство — в этом обилии молитв, в несказанном подъеме народной веры и всенародного благоговения, — от него веет не только благочестными преданиями цветущей поры христианства, не только духом Православной Вселенской Церкви в Византии с ее благочестивым и равноапостольным автократомом Константином, но и духом седой библейской древности с ее богооткровенным пророчеством. И мнится, елей царского помазания изливается и доныне на царей наших из того благословенного рога, из которого некогда Давид, царь по сердцу Божию, принял помазание от святого посреди братьев своих: *и ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом* (1 Цар. 16, 11–13). И слышится древнее слово: «Вознесох избранного от людей Моих; елеем святым Моим помазах его. *И истина Моя и милость Моя с ним*, и о имени Моем вознесется рог его. Той призовет мя: отец мой еси Ты, Бог мой и заступник спасения моего» (Пс. 88, 20, 21, 25, 27). Царь является орудием Промысла в управлении народом и насаждении в жизни его законов и планов Божественного мироправления. Эту истину религиозную, таинственную можно принять только верою; ее и принял и исповедует наш народ, когда говорит издревле на своем образном языке: «Царь — от Бога пристав»; «правда — Божия, а суд — Царев». Эта истина освещает понятие о самодержавии и для самого Царя: оно — вовсе не право Царя, не частная и благоприобретенная собственность, не личное его владение, от которого он волен отказаться; оно есть долг; от долга же нельзя отказаться, ему можно только изменить.

То, что в Ветхом Завете дано было, как зерно, – в христианстве получило высшее освещение и одухотворение и принесло плод многих.

Осуществление и утверждение среди области земной, временной и человеческой, иного Царства, Царства Небесного, Вечного, Царства Божия – это составляет заветную цель христианства. О ней чудно предрекали издревле пророки, о ней предвещал Предтеча Христов, о ней градам и весям и всему миру проповедал Спаситель и Его апостолы. Достигать чрез царство человеческое целей Царства Божия; осуществлять в жизни государства и посредством государства задачи христианства, религии мира, любви, искупления; проводить путем государственности христианские нравственные начала; обратить Царство Божие в цель, а царство человеческое – в средство; слить их воедино, как душу и тело, – вот идеал и заветы христианские, вот сокровенные стремления и чаяния наши. Над ними глубоко задумывались самые избранные и великие, самые благородные души из мира верующих; над ними трудились и в том полагали цель своей деятельности лучшие и благороднейшие правители народов – равноапостольный Константин, великие Феодосий и Юстиниан, святые Владимир Великий, Александр Невский, благородный Владимир Мономах, кроткие: Феодор, Михаил, Алексей – до последнего нашего боголюбивого Царя-Праведника, Царя-Миротворца¹. И это же

¹ Св. равноапостольный Константин Великий, или Флавий Валерий Аврелий Константин (272–337), первый христианский император Римской империи; Феодосий I Великий, или Флавий Феодосий (346–395), последний император единой Римской империи, запретил пропаганду язычества в Империи; св. благоверный император Юстиниан Великий, или Флавий Петр Савватий Юстиниан (483–565), византийский император (527–565), создатель теории симфонии властей; св. равноапостольный Великий князь Владимир Святославич (ок. 960–1015), Креститель Руси; св. благоверный Великий князь Александр Ярославич Невский (1221–1263), Великий князь Владимирский; Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125), Великий князь Киевский, писатель и мыслитель; Феодор I Иоаннович, прозванный Блаженным (1557–1598), царь всея Руси и Великий князь Московский с 18 марта 1584 г., сын Ивана Грозного; Михаил Феодорович (1596–1645), первый Царь династии Романовых; Алексей Михайлович Тишайший (1629–1676), второй Царь из династии Романовых; Александр III Миротворец (1845–1894), Император Всероссийский с 1 марта 1881 г.

все в тайниках души своей на протяжении тысячелетней истории русский народ впитал и воплотил в свое государственное мировоззрение, соделал непререкаемым членом символа своего государственного и народного бытия. Оттого ему противна была мысль об исключительно земном характере своего царства; противна была мысль о каком-либо договоре народа с царем, ибо договор исключал бы чисто нравственный характер их взаимных отношений и заменял бы библейский отеческий образ власти правовым, основанным на недоверии, а сыновнее свободное послушание любви – договорным, принудительным повиновением. Это воззрение, по которому государство должно служить целям религиозно-нравственным, а не формально правовым, высшим и небесным, а не низменно земным, народ наш, конечно, не формулировал ясно, но оно лежит как подпочва, как несокрушимый устой и фундамент, в его мировоззрении. Ибо, по народному представлению, праведниками и мир стоит... Зато в лице носителей духа и мысли народа, в лице его одаренных и вдумчивых сынов, с другой стороны, и в лице носителей самодержавия и представителей власти – самодержавие постепенно с течением веков, в ряде поколений как бы опознавало себя, уяснялось, очищалось от всего наносного и постороннего, просветлялось от света высшего. Процесс просветления и созревания русско-православного государственного мировоззрения, освящения религиозной идеей под руководством Церкви не останавливался даже и тогда, когда самое самодержавие в жизненном осуществлении своем уклонялось от своего существа, обращаясь в абсолютизм под влиянием Европы, или затенялось средостением чуждых и посторонних сил, отдалявших Царя от народа.

Можно ли здесь умолчать о благородном подвиге проникновенной мысли славянофилов, озаривших сознанием и огненным словом то, что лежало в неясных предчувствиях и преданиях народа? Можно ли не помянуть с благодарной любовью подвиг жизни Самодержца Александра III, самым делом пред целым миром оправдавшего самодержавие и показавшего его величайшую духовную мощь и благодетельность для России?

Таким образом, в самодержавии царей наших сказалось торжество идей, в своем источнике богооткровенных, но до такой степени усвоенных духом нашего народа, что их можно и должно назвать истинно народными. Здесь выразилось все существо русского государственного строя; его не поколебать никаким ветром занесенных из чуждых стран учений, и под красные мятежные знамена с надписями об изгнании «долой» этого строя можно привлечь только или гниль и отбросы русской жизни, или сынов народа, переставших быть его сынами, разобившихся с его живым телом и с душою, или, что чаще всего бывает, сынов народа обманутых, введенных в заблуждение и кричащих «долой» только по недоразумению. «Долой самодержавие, довольны с нас и Батюшки-Царя!» – вот типичный возглас таких жертв недоразумения.

Но спросят: все ли, действительно, понимают эту религиозную идею народа, все ли сыны народа представляют ясно и определяют при свете религиозной идеи его мировое, высшее призвание?

Конечно, не все! Но как в теле принято относить разумно-сознательную работу к голове, так и в народе: представители его мысли и жизни, его вожди должны сознавать, а в выдающиеся моменты истории, в дни опасности для целостности народной идеи должны исповедовать делом и словом призвание народа, уяснять его себе и другим, бороться в защиту его орудиями трезвой мысли и слова и крепким союзом единомыслия. Вот почему так отрадно нынешнее собрание ваше и единение, возлюбленные братья. И как в теле многое и притом самое важное для его жизни и благополучия совершается бессознательно или малосознательно; как в жизни тела часто и притом безошибочно действует врожденный и Творцом вложенный в человека могучий жизнеохранительный инстинкт, так и в народе: многое он понимает, не умея только выразить этого ясно и точно, а ко многому он стремится в своей исторической жизни, руководясь не ясно сознанными целями, а смутным чувством, безошибочным инстинктом, воплощенным в народные предания. Определить и уяснить себе такое

движение народа можно только в исторической перспективе. С такой именно точки зрения, при взгляде назад на пройденный Россией тысячелетний путь, становится ясным и разумным, планомерным и целесообразным величественный ход и движущие начала ее жизни: Киев, Новгород, походы в Царьград чрез «Русское» море, борьба за северные реки и южные степи, широкий размах миссионерской и колонизационной работы наших обитателей, путь к Черному и Белому морям, Волга, Ока, Вятка, Казань, Астрахань, Урал и Сибирь, Кавказ и Крым, защита православных угнетенных народностей, поддержка славянских племен и эта загадочная, таинственная, тысячелетняя тоска песни, преданий и мечтаний народа, живущего на суше, о синем море, эти порывания к дальнему морю-океану... Все это чуждо сердцу блудных сынов России, наших не помнящих родства русских европейцев, которые в прошлом России не видят ничего, кроме тьмы, грязи и бестолковщины. Но даже гордый и враждебный взор иноплеменный увидит всю неправду этого самоубийственного и неумного озлобления – самооплевания и самопредательства. Россия прожила тысячу лет, и за это время, руководясь животворною религиозною идеей, осмыслившей ее бытие и ее мировое призвание, она много поработала для всемирного блага и общечеловеческого счастья: сломила восточное варварство; спасла от разгрома европейскую цивилизацию, заслонив собою в мученическом подвиге нашествие диких орд, и затем, победивши эти орды вековым напряжением всех сил народных, освободила православный Восток, подавив истребительный разлив мусульманского фанатизма; дала политическое существование не одной народности; образовала Империю, в которой нашли себе достойную жизнь и покой множество племен, прежде занимавшихся взаимным истреблением; наконец, на огромном протяжении территории, равной 1/6 части всего света, она в меру сил и возможности, при самых тяжких исторических и географических условиях, насадила порядок, блага культуры и мирной жизни, основанной на христианстве, воспринятом в самое существо народного русского духа.

Здесь только намечен нами внешний рост России и только кратко указано средство, данное ей свыше, для достижения призвания неизмеримо важнее, чем одно внешнее расширение пределов: оно – в утверждении Царства Божия по пути всего этого великого и невиданного в истории движения от берегов Днепра и Ильменя до берегов всех морей и океанов; оно – в водружении Креста и проповеди Евангелия, по завету Спасителя, до последних пределов земли (Деян. 1, 8); оно – в новом слове, которое скажет Россия миру – по вещему пророчеству славянофилов – в утверждении и распространении не поврежденной и не искаженной страстями человеческими истины христианства; в создании чисто христианской философии и культуры, в сочетании начал Божественного и человеческого, в соединении веры и знания, христианского слова и дела, исповедания и жизни; в примирении страшных противоречий человеческой жизни и истории, плоти и духа, любви и эгоизма, национального и общечеловеческого; в примирении Востока и Запада и вековой борьбы в основных началах их жизни и мысли.

Призвание это, мировое и великое, указанное нам и историей, и даже географическим положением России, – это наша честь и слава, наше нравственное право на бытие и национальное самоопределение, но оно вместе с тем и тяжкий долг наш пред Богом и человечеством; оно выстрадано русским народом, полито его кровью, потребовало много тяжких жертв и, конечно, потребует много этих жертв и в будущем. Оно обвеяно его поэзией, его ясновидящими преданиями, мистическими предчувствиями. От него мы не можем, не смеем, не в силах отказаться: это было бы не только позором, не только изменой высшему предназначению и Царству Божию, но и отказом от самого нашего бытия.

И вот, пришли на нас теперь, по грехам нашим, черные дни. От нас вышли сыны народа, оторванные от его жизни вековыми ошибками разрыва с русскою религиозною и народною идеей, по духу более сродные инородцам и иностранцам; вместе с этими чуждыми нам инородцами и иностранцами,

слишком многочисленными в нашем царстве, слишком поднявшими голову после наших неудач и поражений на войне, захотевшими господствовать в приютившей их стране, они буквально заполонили Россию проповедью такого строя и таких начал жизни, которые грозят свести в ничто ее тысячелетнюю историю, изменить в корне все существо души народной. От нас они вышли, но не были от нас. Повторяем, – только непостижимое легкомыслие может полагать, что с уничтожением одного члена нашего государственного триединства – Православия, Самодержавия и Народности, – остальные два будто бы не потерпят ущерба. Несомненно, целость нашего мировоззрения тогда рушится, как рушится треугольник, если из него вынуть одну сторону; несомненно, Россию в случае успеха таких учений ждет впереди расчленение и гибель; из народа созидательного и исторического мы обратимся в рабочий скот, в жалкий безличный материал истории, в жалкий материал работы других народов. Не станем скрывать от себя, что уже немало сделано сознательными и бессознательными врагами России для уготовления ей такой судьбы.

Где же выход и где наше спасение? Сыны народа, сыны родные, любящие, верные, понимающие его дух и движущую религиозную идею, – объединяйтесь, работайте, боритесь, не приходите к расслабляющему унынию! Слово Апостола пусть возгремит над вами и окрылит вас силою: *бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, укрепляйтесь!* (1 Кор. 16, 13). Только в свете этих руководящих начал мы найдем силы для терпения, мужества и спокойствия. Всего бывает в жизни; она не обходится без жертв, ошибок и неудач. Но великий народ способен выслушать и горькую правду, способен сознать ошибки и неудачи, способен терпеливо исследовать их и мужественно указать, он в силах с удвоенною ревностью выступить на их исправление; залог его успеха – в спокойствии даже и напряженной работы и в терпеливом ожидании, вытекающих из веры в правоту и торжество своего дела и в Божье благословение.

Поэтому нам не нужны, как детям и больным, успокаивающие и подбадривающие известия; мы должны ясно пред-

ставлять себе опасность, грозящую нашему Отечеству; но нам не страшны должны быть эти опасности; в наших сердцах не место малодушному унынию, малодушным опасениям за судьбы Отечества, если только мы веруем в Бога, в Россию, в религиозный и освященный во святом помазании союз Царя и народа и в мировое призвание нашей великой Родины.

«Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии; аще не Господь сохранит град, всеу бде стрегий»... Будем же верить, что недаром Господь создал дом нашего царства и хранил доселе его грады; недаром Господь вызвал к бытию Россию и поставил пред нею великие мировые задачи.

Опасность пусть удвоит наши силы. Выходите же, сыны народа, выходите на труд и на борьбу! Размышляйте, уясняйте себе и другим и громко проповедуйте существо русских истинно народных идеалов; укажите наши отступления от них; при свете этих идеалов укажите желанные порядки русской жизни во всех ее отраслях, закрепляйте сознанием то, что доселе было лишь чувством и преданием; вдохновляйте верою и разумом унылые души; созидайте ясный, последовательный план работы для всех защитников настоящей православной и русской России, а не мнимой и поддельной по вымученным зарубежным образцам.

За нами Бог, за нами правота дела, за нами история, за нами русский народ, а впереди – великое будущее великого нашего народа! Отстаивайте, берегите великие духовные сокровища России!

И верьте, пройдет болезненное поветрие мысли, что охватило теперь столь великое множество людей. Претерпим это помрачение умов в России сверху и донизу. Самые несчастья и тяжкие удары судьбы отрезвят нас. Придет этот день отрезвления, ярче загорится любовь к поруганным устоям русской жизни и засияет над нами день радования, светлый и тихий, как этот день пасхальный.

«И будет в день оный» народ святорусский, «возстая владети языки; на того языцы уповати будут, и будет покой его – честь!» (Ис. 11, 10).

Голос русских патриотов в смутную пору¹

Дорогие братья! Православные русские люди! Какая красота! Какое поднимающее дух торжество! Как много говорит сердцу это величественное зрелище, множество наших знамен-хоругвей!

По какому-то молчаливому соглашению, без всяких внешних указаний, заранее условленных распоряжений, во всех концах России патриотические союзы стали сооружать и освящать свои хоругви и знамена, и вот, они теперь на Всероссийском соборе представителей русских людей, оставшихся верными русскому духу и русскому государственному укладу.

Скажите нам, русские знамена, скажите нам: зачем вы здесь, и какую весть вы нам возвещаете и разнесете отсюда, из Москвы, по лицу земли Русской?

И слышен, и понятен, и отраден нам ответный голос знамен наших.

Отвечают нам хоругви: «Мы своим видом и существованием говорим русским людям, что они не одиноки; около каждой хоругви стоят верные дружины твердых и преданных долгу, готовых стоять за Родину до последнего. Ободритесь, русские люди!

Мы знаменуем ваше единение под широковеющей хоругвью святой православной веры, в единении с силой незримой и небесной, с тою Божиею силою, которую отвергли враги и изменники русского Отечества и тем заранее

¹ Слово при освящении знамен-хоругвей 25 апреля в Князь-Владимирском храме в Московском Епархиальном доме. – *Прим. авт.*

Слово сказано перед крестным ходом от Епархиального дома к Успенскому собору Кремля в канун открытия 4-го Всероссийского съезда Русских Людей (или Всероссийский съезд Объединенного Русского Народа), который проходил в Москве 26 апреля – 1 мая 1907 г. Подробнее о Съезде см. статью прот. Павла Левашева «Под впечатлениями Московского съезда “Объединенного Русского Народа”».

обрекли себя верной гибели. Объединяйтесь, объединяйтесь, русские люди!

Мы знаменуем вашу силу. Тяжело вам было в эти последние годы; казались вы рассеянными, как овцы по горам, без пастыря; чудилась близкая гибель; исчезла надежда ваша, оболгали вас, преследовали, оплевали и к смерти присудили. Но могучий дух религиозного и патриотического воодушевления прошел по лицу родной нашей земли, и вы быстро стали расти в числе. Год назад вы насчитывали десятки наших союзов, теперь вы видите их сотни (до 800), скоро увидите тысячи. Дерзайте, мужайтесь, русские люди; крепитесь в борьбе, окрыляйтесь верою и упованием! Мы знаменуем вашу грядущую несомненную победу. Крест нас осеняет: сим вы победите. Георгий Победоносец поражает змия: раздавите и вы змия крамолы, измены и предательства. Святые угодники своими ликами нас приосегают: они с вами поборают на супостатов своими молитвами. Пресвятая Богородица на них изображена в Ея чудных иконах: радуйся, радуйся, земли святорусской Печальница и Заступница Усердная! Москва, Новгород, Казань, Киев и Почаев, Архангельск и Иверия, Албазин на Амуре и Холмщина, Порт-артурский собор во Владивостоке и Ченстоховский на крайнем западе – знают Тебя, Мати Русского края! В приосенении таких знамений ждет вас верная победа, русские люди, бескровная победа над смутою и изменою».

Так говорят нам знамена наши в этот чудный час молитвенного торжества.

Идите, святые хоругви, столпом огненным и облачным, идите над великим русским ополчением! Идите в осенении святыни и небесного благословенья, несите нам мир, несите нам торжество веры и верности, несите нам победу над злым неверием, предательством, над тяжелой смутой!

Во имя Господне – во имя Отца и Сына и Святаго Духа знаменаем Крестом Честным и окроплением воды сея священные благословляем и освящаем хоругви сии объединенного православного народа. Аминь.

Патриотизм и христианство¹

В послании св. ап. Павла к римлянам есть одно особое вдохновенное и воодушевленное свидетельство, это – свидетельство Апостола о любви к Богу и к своему родному народу. «Кто нас отлучит от любви Божией: скорбь или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? За Тебя нас умерщвляют всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе Господе нашем».

Вслед за этим исповеданием пламенной любви своей к Богу немедленно, с тою же силой воодушевления, *с клятвою именем Бога*, любовь к Которому только что он исповедал, говорит Апостол о любви к своему родному народу – и о какой самоотверженной любви! «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: *я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти*²»... (Рим. 8, 35; 9, 4).

К кому такая любовь? За кого готов Апостол не только умереть, но и вечного спасения лишиться, от Христа быть отлученным – от Христа, от Которого ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина отлучить его не могут? Апостол разумеет народ израильский – народ богоубийственный, – однако *родной*, – народ, избивший пророков и апостолов, преследовавший всю жизнь самого Апостола, требовавший его казни и в конце концов ее добившийся, – и, однако, народ свой, близкий, родной, бесконечно любимый.

¹ Слово в день преподобного Сергия 5 июля 1907 года; сказано в храмовой праздник в церкви преподобного Сергия, что на Большой Дмитровке, в Москве. – *Прим. авт.*

² То есть за израильтян. – *Прим. авт.*

Что же сказать и что нужно чувствовать по отношению к родному народу, единоверному – к народу, который нас породил телом и духом, напитал верою и благочестием? Что чувствовать к народу-богоносцу, который слезами, подвигом и молитвою создал то, что мы называем Родиною и Отечеством; обеспечил и даровал нам все, чем мы теперь беспрепятственно пользуемся в государстве, увенчал свое прошлое великими героями государствования и величайшими светильниками христианских подвигов и благочестия? Что чувствовать нужно к тебе, наш родной и милый русский народ, великий в вере, великий в смирении, великий в труде, в самоотвержении, в духовной красе твоего исторического делания в прошлом и захватывающей дух величайшей мировой задаче твоего призвания в будущем? С любовью к Богу – любовь наша и к тебе, родной наш народ; с преданностью Церкви Святой – преданность наша до смерти и к тебе, святая наша Русь! И если и за тебя нас умерщвляют всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание, то все мы тебе отдадим, и жизнь, и смерть, и все преодолеем силою Возлюбившего нас...

Не таковы ли, братие, заветы слова и жизни того великого русского святого, которого ныне мы благоговейно почитаем? От юности возлюбил он Христа; всю жизнь, которая представляет один цельный подвиг смирения, молитвы, самоотвержения во имя любви, тяжкого труда, терпения, – всю жизнь показал он и доказал любовь, верность и «невозвратную» преданность возлюбленному Христу и Его Церкви. Слышится его поучение русскому народу пред Донскою битвой¹: «За веру Христову, за Церковь Божию нам подобает живот свой положить и кровь свою пролити». Но рядом с этою любовью видим из нее истекающую, ею воспитанную, освященную и оправданную любовь преподобного Сергия к своей Родине, к своему земному Отечеству, к Москве, собирательнице Руси, к князьям, воителям и строителям родной земли. Всею горячностью патриотического сердца благословил он героя Донского

¹ Имеется в виду Куликовская битва, которая состоялась в праздник Рождества Пресвятой Богородицы 8 сентября (по ст. ст.) 1380 г.

на брань с Мамаем за Отечество, и воистину его он споборал и сопутствовал неусыпною молитвою. Всею горячностью пастырской ревности и власти смирял он мерами церковного суда и наказания непокорствующих великому князю властителей. И за пределами смерти земной, из-за могилы не раз, благодарью Божией сильный и водимый, являлся он стражем и защитником земли родной в тяжкие времена ее жизни.

Такого мы имамы ныне святого виновника церковного нашего торжества. Таково ли наше время, и достойно ли оно чтить преподобного Сергия? Верны ли современные русские люди или изменили его заветам благочестия и горячего патриотизма?

Вечное явление в области нравственной жизни: истина утаена от премудрых и разумных и открыта Господом младенцам... (Лк. 10, 21); и еще: «мнящиеся быти мудры, объюродеша», то есть называющие себя мудрыми обезумели (Рим. 1, 22). И ныне, что ясно и понятно чистому и простому верующему и патристическому сердцу, то утаено от мнящихся мудрецов, выставляющих себя руководителями народа и в речах с высоты Государственной думы, и в печати со страниц газет. О благочестии и вере уж не говорят; нравственность думают основать на науке или на общем уговоре и согласии людей. О патриотизме же ужасно помыслить и сказать, что мы слышали. Один мудрец заявил, что «Русской земли» нет, что говорить о ней – значит обижать инородцев. Другой уверял, что патриотизм – бранное и позорное слово и понятие отжившее. По личным наблюдениям можем заверить, что в этом духе воспитывали и воспитывают наших юношей и девушек мудрецы-учителя в наших средних и высших школах. А между тем, как много говорят все такие модные мудрецы о любви «ко всему человечеству», как много они кричат о братстве, о равенстве и свободе!

О, буии, объюродевшие, о вожди слепые! Откуда же вы возьмете и чем вы докажете обязательность любви во взаимных отношениях людей, если вы не имеете веры, если вы не признаете Бога Любви, если вы не хотите знать Его запове-

дей о любви? И из чего же вы выведете тогда обязательство братства, равенства и свободы? Отвечают: «У человека есть естественные, врожденные, так называемые альтруистические чувствования любви к себе подобным; на них и нужно основывать жизнь и все проявления любви».

Безумные и слепые! Но почему же тогда исключать любовь к родным, к своему народу и своему Отечеству? Разве это не люди? Разве они исключены из области проявлений и приложения альтруизма? Почему же нужно запрещать патриотизм? Дают жалкий и лживый ответ: «патриотизм есть человеконенавистничество». Но разве, в самом деле, патриотизм есть ненависть ко всем народам, кроме своего? Разве Спаситель, плакавший о родном Иерусалиме, не любил всех людей? Разве ап. Павел, любивший такую крепкою любовью народ свой, был человеконенавистником? Разве преподобный Сергей, горячий русский патриот, как великий христианин, был чужд духа любви?

Послушайте голоса природы и здравого разума; он говорит вам, что нельзя любить человечество, понятие отвлеченное; человечества нет, есть отдельные люди, которых мы любим; что нельзя любить того, кого мы знаем и с кем живем, так же как и того, кого мы не видели никогда и не знаем.

Послушайте Апостола, — вы ведь часто любите ссылаться на «истинное христианство», — Апостол учит: «доколе есть время, будем делать добро всем, *а наипаче своим по вере*» (Гал. 6, 10); «если же кто о своих, и особенно о домашних, не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного»... (1 Тим. 5, 8).

Вожди слепые! Вы хотите, наконец, без религии и заповедей Божих насадить выдуманную любовь к человечеству, основываемую на так называемом «врожденном альтруизме». А эгоизм не врожден? А себялюбие привито людям искусственно? Его легко сбросить? Не первое ли оно родится с человеком и не последнее ли с ним умирает? А злобу, зависть, ненависть и зложелательство куда вы денете?

И почему же я, по вашему учению, должен непременно следовать только врожденному альтруизму, а не врожденно-

му эгоизму? А ведь жизнь ясно свидетельствует, что по себялюбю совершается безмерно больше поступков, чем по альтруизму. И выходит, с точки зрения современных мудрецов, что себялюбие, гордость, злоба, воровство и убийства имеют совершенно равное законное и естественное право на существование, как и любовь. Воистину, где удаляются от Бога, там воцаряется диавол; воистину, великая ученость без крепкой основы веры как зимнее солнце – светит, да не греет; воистину, такая ученость соседствует с безумием и в него переходит.

Но в простоте верующим душам премудрость веры так ясна и доступна, и сердцу мила, и поистине отвечает тайным врожденным стремлениям человека! Она закреплена высшею властью Божественною; она ограждена прещениями кары и обетованиями наград, а у людей высшего нравственного развития она изливается из любви к Богу так же легко, так же естественно, как дышит здоровая грудь, как смотрят здоровые очи...

Таковыми и да будут нам великие заветы преподобного Сергия: искреннее благочестие веры и воодушевление патриотической любви к своей Родине и к своему народу! Аминь.

Патриотическое служение русского духовенства¹ (заветы святителя Алексия)

В совершенно необычной обстановке и в особо знаменательном собрании совершаем мы ныне это молитвословие о Царе и Сыне Царевом. Среди людей, открыто, мужественно и самоотверженно, иногда с опасностью для чести и даже жизни своей выставляющих, как знамя жизни и деятельности, преданность Церкви Христовой, Родине и Царю, встречаем нынешний церковно-гражданский праздник. Как отраднo совершителю богослужения вознести молитву о Царе и царстве

¹ Речь в день тезоименитства Государя наследника-цесаревича; сказана 5 октября 1906 г. на молебствии в присутствии членов 3-го Всероссийского съезда Русских Людей в гор. Киеве. – *Прим. авт.*

среди людей искренних, единомышленных, участвующих в богослужении не телом только, но и духом, не за страх, а за совесть, не по долгу внешнему и принудительному, а по внутреннему влечению сердца! Но вместе с тем здесь-то и место указать отрадные утешения русским людям и глубоко назидательные уроки, которые на сердца боголюбивые и царелюбивые должны пасть, как роса на землю жаждущую.

Вы стоите за веру православную.

Но вот пред вами живой образ религиозной ревности и преданности истине православия в лице святителя Алексия, митрополита Московского¹, память которого сегодня празднует Св. Церковь; имя его носит и небесному покровительству его вверен нынешний наш Царственный Именинник. Сын боярина, из богатого дома, с заманчивым будущим в смысле житейских успехов, он оставляет с молодых лет мир и отдается всецело подвигам веры и служению Церкви. Перст Божий возвел его на митрополичий Престол всея Руси. И в этом звании святитель не знал усталости в трудах. Дважды по делам Церкви он совершает тяжкое путешествие в Царьград, переписывает своею рукой и исправляет перевод богослужебных книг, устраивает митрополию, вводит порядок в церковном управлении, пишет послания, воздвигает храмы, созидает обители. Это он был другом великого игумена земли Русской – преподобного Сергия; он упорядочил наше монашество; это он своим влиянием на ханов татарских, поработителей России, в дни господства наших врагов добился того, что Церковь Православная осталась и объявлена была ханами неприкосновенною, первенствующею и господствующею, свободною в своей жизни и в распоряжении своими имуществами, – добился того, чего теперь хотели лишить ее свои, русские, домашние воры и насильники, якобы от имени русского народа.

И он же, святитель Алексей, завещал нам, русским людям, в трогательно простых выражениях хранить единение и мир *в общении церковном*. «Други, – говорит он, – берегите молитву

¹ Святитель Алексей (Бяконт), митрополит Московский и всея России, чудотворец (ок. 1300–1378).

церковную. Как нельзя согреть дом одним дымом без огня, так нельзя остаться с одною молитвою домашнею без церковной». «Что холоднее и бездушнее камня? Но если и камни ударять один о другой, то они согреются и из них посыпятся искры. То же и в церковном общении». Вот нам урок единения, мира и любви взаимной, – урок русским православным людям теперь столь необходимый. Все, что нас разделит и разъединит, все, кто нас разделит, – все раздорническое не благословенно.

Вы стоите за Царя, вы благоговейно храните чувства и долг верноподданства. И в этом нам образ – святитель Алексий. Дорог Царь для русского народа, и потому, конечно, дорог для него и первородный Сын Царев, живая надежда будущего, залог сохранения царского рода, залог того, что по смерти царствующего Государя царство не омрачится кровавыми спорами и раздорами из-за престолонаследия. О, знает Россия эти тяжкие времена, эти раздоры из-за великого княжения, когда не было ясного закона наследования Престола!

Святитель Алексий и благословил тот именно порядок наследования Престола от отца к старшему сыну (а не старшему в роду), который с течением времени дал России прекращение междоусобиц после смерти каждого Великого князя; его дорогую подпись мы видим на этом акте громадной государственной важности.

Князь Димитрий Иванович¹, будущий герой Донской, был ребенком. Но митрополит всея Руси Алексий хранил свято верность и ребенку – законному Государю; он заботливо пестовал, охранял его от злых влияний, воспитал в нем будущего спасителя Отечества. Новый порядок престолонаследования только что возник; князья удельные не хотели его признавать; при малолетнем великом князе они по-прежнему тянули врозь и грабили землю Русскую. И сам митрополит, который принимал самое близкое участие в делах государственных, который при множестве князей был один как митрополит всея Руси,

¹ Св. благоверный Великий князь Дмитрий Иванович Донской (1350–1389), сын князя Ивана II Красного, Великий князь Московский (с 1359) и Владимирский (с 1363).

мог бы воспользоваться положением и сосредоточить власть в своих руках. Но святитель не только сам хранил верность ребенку-Государю, но и пасомых приводил к тому же; словом архипастырского поучения, грозою отлучения от Церкви он смирял мятежных князей и сберег власть законного Государя, положил семена единодержавия и самодержавия на Руси. Вы стоите за русскую народность; вы отстаиваете Россию для русских; вы все – горячие патриоты.

Святой патриот перед вами – святитель Алексей. Для величия русского народа в годину его унижения под игом татар он работал всю жизнь, участвуя и в делах государственных, и в делах церковных. Он не дожил до радости поражения врагов на поле Куликовом, но он ее видел духовными очами, он подготовил эту радость и, можно сказать, руками и устами преподобного Сергия он благословлял Димитрия Донского на брань. Ради русского народа три раза он ездил в Орду, отвратил гнев хана от Русской земли, отвратил усиленную дань и разорение ее и страшную войну; ради спасения Руси от разгрома инородцев он способствовал укреплению власти Великого князя; ради русского народа он нес все труды и невзгоды жизни. По его завету ныне вместе с ним убажаемый другой святитель всероссийский, митрополит Иона¹, писал русским людям решительною борьбой с татарами: «Кому случится умереть на той брани, те, подобно древним мученикам, примут от Христа венец за подвиг мучения».

В деятельности святителя Алексея трудно различить, где чисто церковная его работа и где государственная. Но русский народ не осудил за это святителя; но Церковь Русская не задумалась прославить его во святых. Так искони повелось на Руси: русские люди созидали Царство Божие прежде всего, и это считали целью, а на царство земное, на наряд государственный они смотрели как на средство для достижения цели и старались, чтобы средство это было достойно и прилично для цели, было сильно и действенно. Кто хотел бы на Руси разделить

¹ Святитель Иона (1390-е – 1461), митрополит Московский и всея Руси с 1448 г.

Церковь от государства, тот уподобился бы человеку, который пожелал разделить в живом теле мясо и жилы от костей.

Духовный образ святителя Алексия и с ним вместе ныне ублажаемых святителей Московских Петра¹ и Ионы – это великое назидание в наши дни, и прежде всего нам, пастырям Церкви. Совершенно верно то, что духовенству должно быть строжайше воспрещено всякое политиканство. Оно Словом Божиим, присягою и долгом своего звания и ежедневною молитвою призвано приносить моления, прошения, благодарения за вся человеки, за Царя и за вся, иже во власть суть. Посему для служителей Русской Церкви, волею Царя ныне призванных к участию в Государственной думе и Государственном Совете, путь жизни, правило слова пастырского и образ поведения в жизни чисто государственной – совершенно ясны: они призваны поддерживать православную веру, власть Государя и жизненные интересы родного русского народа. *Это – не политика духовенства*, это – его религиозный и патриотический долг; это – завет первоиерархов русских и угодников: святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, преподобного Сергия; это – заветы великих патриотов-страдальцев: Иова, вовек незабвенного Гермогена и Авраамия Палицына².

Память же лжепатриарха Игнатия³ проклята в народе... Посему все, что не религиозно, не народно, не патриотично, все, что хотя бы косвенно склонно поддерживать такие течения жизни, которые действуют в подрыв и ослабление силы и чести Православной Церкви, в умаление власти Царя, утверждающего эту власть свою на религиозно-нравственном христианском начале,

¹ Святитель Петр (?–1326), митрополит Киевский и всея Руси; прозревая будущее Москвы, перенес в 1325 г. туда первосвятительскую кафедру.

² Святитель Иов (ок. 1525–1607), первый Патриарх Московский и всея Руси (1589–1605); священномученик Гермоген (ок. 1530–1612), второй Патриарх Московский и всея Руси (1606–1612, в заточении с 1 мая 1611), вдохновитель народного ополчения; Авраамий Палицын (?–1626), келарь Троице-Сергиева монастыря, писатель и историк, автор повести об осаде Троицкого монастыря поляками.

³ Игнатий (ок. 1540–1620), церковный деятель греческого происхождения, Патриарх Московский и всея Руси при Лжедмитрии I, бежал в Польшу и принял униатство.

а не на языческом правовом, и в подрыв силы, значения и прав русского народа в его царстве, – все такое и все такие должны покинуть ряды служителей Церкви, уйти из ее священной дружины, не смущать боголюбивого и царелюбивого народа русского своим предательством, изменою долгу, лицемерием или хотя бы даже только попустительством злу. Нет в мире более народного духовенства, как в России. Таким его сделала история.

Нужно ли еще слово о том, что высказанное есть урок, назидание и долг для всякого русского человека? Но думается, что слово само собою вам и слышимо, и понятно. Ваше присутствие здесь – тому доказательство.

Пусть же ныне укрепятся и освятятся в нас молитвою наши религиозно-патриотические убеждения, и пусть они, распространяясь все шире и шире, в глубь сознания русского народа, принесут плод многих в жизни нашей Родины! Тогда исполнится недавно сказанное слово и желание нашего Государя: в час, когда он, как смертный человек, по воле Божией отойдет смертным исходом в путь всея земли, он передаст своему Первородному Сыну-Наследнику царство мирное, упорядоченное, могучее.

Боже! Суд Твой Цареву даждь и правду Твою Сыну Цареву! Да возрастает Царственный Отрок от силы в силу, исполняясь премудрости, и да будет в любви у Бога и людей! Аминь.

Омолитвованный патриотизм¹

Для души, любящей Бога и верной святым заветам родной Церкви, для сердца, любящего родной народ, всюду и всегда найдется пища для благоговейных и патриотических чувств и размышлений. Но то, что мы видим сегодня вокруг себя, воистину усугубляет эти думы и чувства и поднимает их до высоты исключительного воодушевления.

¹ Речь пред молебствием, при поставлении русскими патриотами г. Москвы лампы к Казанской иконе Богоматери в Казанском соборе в Москве 27-го декабря 1906 г. – *Прим. авт.*

Мы – в историческом храме царствующей династии Романовых¹. Мы – в храме, который является священным свидетелем того времени, когда Россия пережила страшную смуту и вышла из нее спасенною, при помощи Божией, благодаря великому религиозному воодушевлению народа, благодаря подъему народного патриотизма и, скажем прямо, благодаря тому, что над крамольными и продажными стремлениями домашних воров и изменников, – мнивших себя передовою частью общества и тянувших то к Польше, то к Швеции, то к внутренним переменам образа правления по зарубежным образцам, – восторжествовал простой, верующий народ, чутьем понимавший все великое значение родного прошлого, своих близких, сродных душе народной и указанных историей начал жизни.

«Только коренью основание крепко, то и древо неподвижно, только коренья не станет, к чему прилепиться?» – такими справедливыми и мудрыми словами выразили в то время русские люди свой глубокий народно-государственный смысл. Царелюбивые патриоты до глубины души, они прежде всего пожелали дать Царя осиротелой земле, они в Царе искали жизни и осуществления воли Божией о России, и избрали на царство не мужа-воителя, не поседелого в делах правления боярина, даже не мужа зрелого возраста и славного в народе какими-либо подвигами, – а избрали невинного юношу, почти отрока, и ему покорились добровольно всею землею, покорившись тому великому религиозно-нравственному началу, которое, по русскому воззрению на смысл земного правления, заключено в Царском самодержавии.

Мы стоим пред Казанскою иконою Богородицы². Эта чудотворная икона напоминает нам наше великое историческое

¹ Собор Казанской иконы Божией Матери на Красной площади в Москве возведен в 1625 г. на средства князя Дмитрия Пожарского (деревянный), после пожара 1635 г. построен каменный храм на средства Царя Михаила Федоровича. В 1936 г. уничтожен, воссоздан в 1990–1993 гг.

² Казанская икона Божией Матери явилась в Казани в 1579 году. В Казанском соборе в Москве находился чудотворный список иконы, который предводительствовал народному ополчению Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского в 1612 г.

шествие на Восток с Крестом и Евангелием, то мировое призвание России, в исполнение которого она должна была ниспровергнуть на пути своем векового врага христианства – Казанское царство¹, неверное и враждебное; эта икона объединила потом восточную Россию инородческую с коренным русским народом, обходя ежегодно огромный край до пределов далекого севера и скрепляя население в едином духе веры и молитвы; эта икона была небесным благословением и помощью России в самые тяжкие годы ее исторической жизни, от смутного времени до Отечественной войны.

С этим святым образом соединено столько возвышающих дух патриотических воспоминаний!

И вот, обвеянные такими воспоминаниями, мы благоговейно приносим в дар храму и святому образу Богоматери прекрасную лампаду, сооруженную на общие пожертвования. Некогда старый русский паломник во Святую Землю у величайшей святыни христианской в Иерусалиме возжег лампаду за землю Русскую, терзаемую междоусобиями². Мы повторяем трогательный подвиг его молитвенного патриотизма. За нашу родимую землю Русскую, терзаемую смутой, обгаряемую кровью верных ее сынов и защитников, возжигаем мы лампаду – символ тепла душевного и света, символ святой горячности наших чувств, во образ нашего единения, во образ жертвы и жизни мирной, не кровавой, приносимой на алтарь Отечества.

Знаменательно звучит надпись лампы: «В призывание молитвенной помощи от Царицы Небесной Царю-самодержцу Всероссийскому в день 8 июля 1906 года».

Тяжело было Государю в этот день. Тяжело было ему разочароваться в избранниках народных, услышать в ответ на ласковую речь свою речи, полные злобы, возмущения и крамолы, оправдывающие убийства и убийц, призывающие к бунтам,

¹ Казанское ханство – государство в Среднем Поволжье, образовавшееся в результате распада Золотой Орды и существовавшее с 1438 г. по 1552 г.

² Имеется в виду игумен Даниил, совершивший паломничество в Святую Землю в 1104–1107 гг., автор «Жития и хождения Даниила, Русской земли игумена».

грабежам и погромам... Горячо молились тогда верноподданные монархисты о Царе своем и призывали ему помощь свыше в трудных делах правления.

Да будет горяча и ныне молитва наша о Царе и царстве! Да возвеселится новый благодатный Израиль, народ святорусский, о Сотворшем его, и сынове Сиони возрадуются о Царе своем! Пошли нам, Господи, предстательством Богоматери дни мира и покоя, дни благоденствия царства нашего!

Прими жертву нашу, жертву душ и сердец и умиленных молений за Царя и за страдающую землю Русскую!

Господь крепость людям Своим даст, Господь благословит люди Своя миром! Аминь.

Освящение государства и власти¹

Что такое коронование на царство православных христианских царей православного христианского народа – среди заветных святынь народных, в осенении молитв, при священном миропомазании и полноте благословений Христовой Церкви? Что это? Пышный обряд для впечатления на зрителей? Остаток старинных обычаев? Пережиток ненужных и отживших воззрений? Или священное коронование и доселе имеет свой глубокий смысл, и если так, то как же оно относится ко всему нашему государственному и общественному строю, а также и к жизни личной каждого из нас, поскольку мы участвуем в общей жизни государства?

Все это вопросы, которые могут показаться ненужными или маловажными только для легкомыслия и недомыслия: для людей же вдумчивых, для людей, которые хотят жить разумом и совестью христианскою, это вопросы огромной важности, вопросы коренные, определявшие все направление жизни.

¹ Слово в день коронования Государя Императора, 14 мая 1908 г. Сказано в Бийском Троицком соборе, в присутствии властей, при священнослужении Иннокентия, епископа Бийского. – *Прим. авт.*

Иннокентий (Соколов), архиепископ Бийский и Алтайский (1847–1937), в это время был начальником Алтайской духовной миссии.

Пользуемся присутствием здесь образованных представителей общества и представителей власти, чтобы побеседовать о поставленных вопросах, которые, по существу, трудно изложить просто и для всех доступно.

Не со вчерашнего дня существуют на земли народы, образовавшие государства. Их жизнь, давно погребенная под песками Египта, под развалинами и обломками древних городов и величественных храмов в Ассирии, Вавилоне, Финикии, Индии, в древней Греции и Риме, теперь как бы воскрешена в научно обследованных раскопках и иногда, благодаря художественному воспроизведению, блещет пред нами, как живая, яркими, живыми красками. Пред нами открываются и проходят картины совершенно отличной от всего теперь нас окружающего мира жизни: иной язык, иные нравы, иные верования, воззрения, одежда, быт, общественные отношения, устройство государства, семейный уклад. И, однако, среди всех этих различий есть одна черта, которая, не умирая, живет во все времена, во всех изменениях жизни, во всех странах и народах, — черта, которая роднит прошлое человечества, его настоящее и будущее: это над всем господствующий в жизни людей интерес религиозно-нравственный. Всегда человек искал воли Бога, всегда он хотел подчинить жизнь свою нравственным нормам, всегда он оценивал все свои создания и всю свою жизнь с точки зрения добра и зла. Изменялись иногда, хотя в общем очень мало, воззрения на то, что добро и зло, но самая оценка с такой именно точки зрения всей жизни оставалась неизменною; неизменною в этом смысле оставалась и остается нравственность, изменяется только степень приближения к ней. И всегда человек ясно отличал область нравственного вменения: ни проявления окружающей природы — дождь, гром, буря, тепло и холод, ни бессознательные отправления собственного тела — рост, болезни, здоровье, сердцебиение или пищеварение, — ничего подобного человек не оценивал нравственною меркою; ее он прилагал и применял только к той области, в которой проявляется участие человеческого разума, воли и совести.

Спрашивается: к какому разряду явлений жизни нужно отнести создание государства? Применима ли к нему нравственная мерка, приложимы ли и поставляются ли пред ним нравственные задачи? Лежит ли в его основе религиозно-нравственный интерес? От решения этих вопросов зависит вся жизнь людей, зависит, как увидим, и тот вопрос, который мы поставили в начале речи: есть ли смысл в короновании и помазании Царя на царство?

Представим себе мысленно, что государство есть не более, как хозяйственный союз, область применения только экономических отношений, разрешаемых и определяемых исключительно с точки зрения пользы. Так именно и смотрят на вопрос проповедники и защитники так называемого «нового государства», покоящегося на материалистических и социалистических началах. К такому государству, конечно, невозможно было бы применять нравственную мерку, да ее с полной откровенностью и решительностью отвергают и сами его исповедники и поклонники. Безусловная и неизменная нравственность, — а она, нравственность, и может быть осмысленною и обязательно единственно при условии безусловности и неизменности, — невозможна без религии, а религиозное начало не может подчиняться соображениям пользы и хозяйства уже потому, что оно переносит человека далеко за пределы земной жизни — в область бытия вневременного и внепространственного. С точки зрения пользы, несомненно, можно и даже должно оправдать и требовать убийства слабых новорожденных детей, сокращения прироста в населении путем уничтожения излишка рождаемых младенцев, хотя бы по жребию, убийства стариков и старух, как лиц, только потребляющих, а не производящих продукты питания; с той же точки зрения, можно и должно добиваться безнадежно больных, а также слабых и хилых членов общества. Современные поклонники социализма не способны в большинстве продумать до конца и представить себе неизбежные и окончательные выводы заманчивого на первый взгляд учения, которым они увлекаются, а между тем эти выводы, нами представленные

ные, действительно неизбежны. Среди дикарей-людоедов они не раз применялись с самой откровенной и жестокой последовательностью, с тою только разницей от современных образованных дикарей, что первые все-таки и в этих действиях жестокости руководствуются своими, хотя и извращенными, но религиозно-нравственными взглядами и побуждениями, желая угодить божеству и оказать милость убиваемым. У нынешних же дикарей побуждение будет одно: холодный расчет и знаменитое «экономическое соотношение сил»...

Выдвигается в противовес этим крайним выводам пре-словутое правовое государство, которое должно обеспечить каждому члену своему все права жизни, свободы и довольства. Но спрашивается: если нет религиозно-нравственного начала, если нет закона совести, кто же меня заставит признавать чужие права и урезать свои собственные? А ведь отказ от своих прав неизбежен, необходим, ибо только путем взаимных уступок, прав и потребностей можно создать упорядоченную жизнь. Это – азбука общественности. Духовное опустошение и полная гибель жизни и здесь, в конце концов, становятся неизбежными, при подавлении в ней религиозно-нравственной основы. Какой вопль отчаяния вырывается у людей, прозревших в такой неизбежный конец, это видно из сочинений одного не так давно кончившего сумасшествием, но и доселе, в сущности, для многих образованных людей обаятельного европейского мыслителя. «Слышали ли вы, – говорит Ницше¹, – слышали ли вы о том безумном человеке, который в светлый полдень зажег фонарь, выбежал на улицы и базар и среди многолюдства беспрерывно кричал: “Я ищу Бога, я ищу Бога!” Все вокруг него смеялись... Но безумный человек вбежал в толпу и, пронизывая всех своим взглядом, воскликнул: “Где Бог? Я вам скажу: мы Его убили, – я и вы. Мы все – убийцы. Разве мы не слышим шума могильщиков, погребаящих Бога? Разве не доносится до нас запах тления? И боги истлевают! Бог умер! И мы Его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое могущественное и святое Существо, Какое только было

¹ Ницше Фридрих Вильгельм (1844–1900), немецкий философ.

в мире, истекло кровью под нашими ножами!”» Конечно, человек не может умертвить и похоронить Бога, но сам человек может умереть для веры в Бога. И вот, мы слышим в приведенных словах европейского мыслителя вопль отчаяния человека, умирающего духовно: тогда не спасет жизни никакое человеческое, условное, ни для кого не обязательное и никаким высшим авторитетом не освященное право. Человек задохнется и погибнет в этом духовно безвоздушном пространстве...

Признайте же, что человеческое царство не есть цель, а есть среда и средство для проявления Царства Божия. Признайте, что жизнь государства у христианского народа не может пройти мимо запросов и требований христианской совести. Признайте, что Церковь Христова, как вечное воплощение спасающей силы христианства и его непрестающего действия в мире верующих, не может не воздействовать на жизнь государства, не может быть от нее устранена, напротив, она должна всюду, во все стороны мысли и жизни, быта и строительства и всякой человеческой деятельности вносить вечные начала вечной Христовой правды.

Эта вековечная и глубочайшая истина и изображена наглядно в священном короновании царя на царство. Если государство чуждо религиозно-нравственного начала и характера, если оно – только хозяйственное предприятие или основанный только на взаимной выгоде и национальном эгоизме союз, а не среда для осуществления нравственного идеала христианской личности и высшего призвания христианского народа, – тогда, действительно, не нужно коронования царя, не нужно освящения власти. Если религия есть «частное дело» и не имеет ни малейшего касательства к жизни общества и государства; если нравственность независима от религии и Церковь отделена от государства, а государство чуждо Церкви, – тогда не нужно коронования царя и освящения власти. Если царь не является орудием мироправящего Промысла и орудием Промысла в жизни данного народа, – тогда не нужно коронования. Если правовые нормы не опираются на вечные и неизменные нормы нравственного закона, получающего содержание, освя-

щение, силу и авторитет в законе живого, личного Бога, – тогда не нужно коронования. Если право временно и условно, и каждый народ, каждое племя, каждый класс имеют свою нравственность и не обязаны проверять ее в зеркале закона Божия; если нравственная истина не остается истиною всегда и везде, а есть нечто относительное, изменяющееся соответственно росту и развитию общества, – тогда не нужно коронования. И если поэтому власть царя есть только передоверие власти народа, если она ограничена и ограничима, если она в существе и в действовании зависит от изменяющегося каприза тех, кто вздумает назвать себя волеизъявителями народа, как источника власти царской, если исхожде власти царя не в Боге, опора, цели, задачи и высшая ответственность не в Боге, не в христианской совести: тогда, – да, тогда не нужно коронования царей, тогда пред нами в лучшем случае муравейник или пчельник вместо человеческого государства, тогда пред нами царство двуногих животных, может быть и очень умных, но не нравственно разумных существ, не людей, в действительном значении этого слова! Может быть, – хотя и это совершенно невероятно, – может быть, в таком муравейнике с железною принудительностью и с неумолимым смертным приговором всякому послушнику и всякой не похожей на других по дарованиям и стремлениям личности пройдет закон труда, и будет всем тепло и сытно (по крайней мере, этим обещанием увлекают в свою веру мечтатели о новом государственном строе), но человеческой душе будет холодно и голодно, и бесприютно в этом обещаемом раю. Она с радостью бросит все эти блага, этот рай и уйдет от него в пустыни, на край света, уйдет в леса и дебри, под землю в катакомбы, чтобы там создать вновь, хотя бы при всех внешних лишениях тела, при отсутствии всяких удобств жизни, в физическом голоде и холоде, – создать такие условия жизни, в которых не было бы для духа человеческого неисходной тоски и неутолимого голода. Ибо скорее нарушится закон мирового физического тяготения, чем прекратится всемирное духовное тяготение человека к Богу и исходящему из Него нравственному началу. Поверьте здесь хотя бы такому

писателю-мыслителю, как Бокль¹, которого уж никак нельзя заподозрить в благоволительном пристрастии к религии и христианству; он принужден сознаться, что «в целом мире нет ничего такого, что бы изменялось так мало, как те великие догматы, из которых слагаются нравственные системы». И когда уйдет разумный человек из обещаемого в «новом государстве» рая, грубого и чувственного, в поисках за нравственным смыслом жизни, опять тогда начнут возрастать общества и государства на человеческих, а не на животных началах; и опять явится власть, исходящая от Бога; и опять Церковь Божия станет, как воплощенная совесть, ходить пред царем и народом, указуя им путь от земли к небу; и опять эта идея оденется пред народом в красоту священных обрядов и священнодействий; и опять будет коронование царей и освящение власти... В Боге – союз царя и народа, власти и общества; в семье, основанной на любви, а не на хозяйственном расчете, – первообраз государственной и общественной жизни; в ней, в семье, придет к людям сам собою и хозяйственный расчет, в ней будет и нарастание богатства; но не здесь ее сущность; в ней явится и право, но то право, которое именно и есть во всякой доброй семье, то есть основанное на любви, освященное Богом и указанное Апостолом: «друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов»; «честию друг друга больша творите»; «вся вам любовию да бывают»; «никому ничем не оставайтесь должны, кроме любви»...

Слава Богу, все это было и есть среди русского православного народа, создавшего государство свое при исключительных в истории условиях: в младенчестве, на заре своей исторической жизни, еще не связанный и не отравленный формами и духом государства языческого, он принят был в лоно Церкви, в купель крещения, и с тех пор создавал и строил свое государственное дело, ведомый Церковью, напояемый духом Христовой веры. Этим он резко разнится от народов Запада, где или совсем уничтожилось, или увяло и

¹ Бокль Генри Томас (1821–1862), английский историк и социолог, автор «Истории цивилизации в Англии».

поблекло и осталось, действительно, лишь пышным обрядом коронование царей. Языческие начала жизни, языческие основы государства и особенно губительная идея народовластия – демократия, из коей в будущем возрастет антихрист, – все это опустошило и обесмыслило там земную власть. Еще с виду пока там все держится спокойно, и жизнь по временам блещет и силою, и свежестью; это – остатки прежних верований, прежнего духа, это – лучи солнца, скрывшегося за горизонтом, но еще посылающего земле отраженный свет. Но уже собираются таинственные черные тучи, и их временами прорезывают грозные молнии, и в них гремят отдаленные страшные раскаты грома... Дай Бог, чтобы вера, совесть и разум народов обратили их к оставленным путям жизни.

Русский же народ в целом, за исключением немногих, поклонившихся чужеземным богам, и доднесь сохраняет и, даст Бог, сохранит навсегда, – ибо в этом его предназначение в мире, – религиозно-нравственное воззрение на всю совокупность жизни земной; следовательно, и на жизнь государственную. Оттого и доныне коронование Царя у нас полно смысла и значения; оттого радостен сей церковно-общественный праздник с его целодневным звоном, как бы пасхальным. С высоты храмов Господних этот звон возвещает России, что в ней по-прежнему, как и встарь, живет и пребывает вечное слово: «Господи, силою Твоею возвеселится Царь и о спасении Твоем возрадуется зело. Яко Царь уповает на Господа, и милостию Вышнего не подвижится». Аминь.

Патриотические союзы и их отношение к религии¹

Великие бедствия и опасности вызвали мобилизацию консервативных элементов русского общества и повели их на защиту жизненных интересов русского народа, Русского государства и русской культуры.

¹ Речь, произнесенная на патриотическом вечере 8 января 1907 года. – *Прим. авт.*

Не политические «староверы», не «поклонники застоя», «деспотичного режима» или «бюрократия» могут отзываться на такие национально-государственные задачи, но именно граждане, способные разумом и сердцем внимать велениям гражданского долга.

Против захватных вождедений *инородцев*, против разрушительного процесса изменения удельного веса национальностей в Русском государстве – консервативные элементы русского общества выставили исторический принцип русской государственности, именно *самодержавие*, единственный принцип, пригодный для политического синтеза множества национальностей различного удельного веса, удерживаемых в равновесии только этим принципом.

Против разрушительных, антикультурных влияний *космополитизма*, против обезличения русского народа русские люди выставили принципы *православия* и *русской народности*, ибо космополитизм, по существу своему, столь же атеистичен, как и враждебен национальной основе государства¹.

Вот, в сущности, весь ответ на вопрос: почему русские патриотические союзы *в политических* своих программах прежде всего говорят *о религии*, о православии.

Обычное, ходячее возражение против усвоения такой силы вопросам религиозным состоит в том, что говорить о религии составляет задачу обществ чисто религиозных, а не политических, что никто и никогда не станет бороться против религии, какие бы партии ни возобладали в государстве, ибо, даже по учению социализма, религия есть частное дело, снисходительно разрешаемое в будущем новом государстве для желающих.

Не станем подробно говорить о том, что религия для верующего человека есть прежде всего Истина, прежде всего путь личного спасения и что такое безразличное или хотя бы и снисходительное и только терпимое отношение к ней со стороны государства, как это государство в идее представляется верующему, непонятно, недопустимо и невозможно. Ведь, по

¹ Киевлянин. № 324, 1906 г. – Прим. авт.

убеждению религиозных людей, царство земное, человеческое, есть только средство и путь к Царству Божию...

Но и по существу, с точки зрения вполне объективной, принцип отстранения государства от религии народа является чисто идеологическим, совершенно необоснованным; он противоречит опыту веков, свидетельству истории, хотя и прикрывается постоянно со стороны его горячих защитников мнимо научными соображениями. На практике такой принцип приводил всегда и неизбежно от безразличного отношения к религии к гонению против нее, раскалывая цельность духовного мирозерцания народа; в общественных же настроениях он совершенно лишит почвы и опоры закон и власть и подорвет вконец всякую нравственность. Здесь не помогут ни научные построения морали, ни преподавание ее в школах: за отсутствием внутренних властных побуждений к соблюдению и признанию единых и общих нравственных норм человеческого поведения придется обратиться к единственному способу удержать общество в пределах закона и порядка — к воздействию только страха и беспощадного насилия.

Но это значило бы гальванизировать труп.

В конце концов неизбежна гибель всякой культуры, государственности и общественности, полное торжество абсолютной анархии.

Конечно, государство не может ни создать, ни направлять веры: эта область есть по преимуществу область свободы. Но ведь инстинкт религии и даже проявления его в тех или других формах существуют раньше создания государства, которому, напротив, самому приходится определяться под воздействием веры народной. Это — бесспорный исторический факт.

Наука, например, составляет так же область свободы, как и вера. Науки так же государство не может создать, и инстинкт познания и истины дан раньше государства. Соберите обезьян самых высших пород и попробуйте путем какой угодно выучки создать из них общество с религиозными и научными учреждениями. Это невозможно за отсутствием духовных основ для такого рода явлений. Но раз такие основы есть, раз

инстинкты религии и научного познания вложены в человека прирожденно и помимовольно, государство не может их игнорировать, хотя бы этого и хотело.

Итак, – продолжаем аналогию, – наука есть область свободы, как и вера. «Однако мы видим, как велики заботы государства *об учреждениях*, где зреет наука: об университетах, академиях, библиотеках, музеях и т.д. То же самое, при логичности государственной мысли, естественно видеть и в отношении к религии»¹.

Никто не станет утверждать, что общество, составленное из порочных членов, может быть счастливым при каком бы то ни было устройстве. Никто не станет отрицать, что человек существует раньше закона, что люди вначале создают закон и формы жизни, а закон уже потом, в свою очередь, воздействует на людей. Никто не станет сомневаться в том, что низменные, животные инстинкты в человеке, не сдерживаемые никакой внутренней обязательной силой (о внешних карах не говорим, они бьют по ветвям, а не по корню), неизбежно обратят жизнь в ад при всяких государственных и общественных порядках.

Но такую внутреннюю обязательную силою может быть только *религия*, ничто иное.

Нравственность может покоиться только на религиозных основаниях, – это голос народа и народов, могучий голос внутреннего свидетельства человеческого духа, который никогда не победят никакие софизмы так называемой автономной морали.

Когда в Харькове сын-студент стреляет в родного отца отравленными пулями и потом бежит; когда в течение короткого времени добровольцами, мнящими себя героями, убиваются один за другим несколько государственных деятелей, – то справедливо усомниться в действии автономной морали и даже в действии самой совести, которая, несомненно, формально человеку прирождена, но, по внутреннему содержанию своему, конечно, нуждается в руководстве иного агента, како-

¹ Л. Тихомиров. Государственность и религия. Книгоизд. «Верность». – Прим. авт.

вым и может быть опять только религия. Так ведь и научный инстинкт формально прирожден человеку, но объем познаний и их направление и содержание разнообразятся до бесконечности, а без воздействия со стороны, в смысле пополнения его содержанием, инстинкт познания остается чистою потенцией.

И как не понять, что та самая сила, лишенная нравственной опоры, которая теперь проявляется в убийствах не согласных с теми или иными воззрениями лиц, не уничтожится после того, как убийства, допустим, и в самом деле принесут какой-либо новый строй жизни?! И в новом этом строе будут правители и распорядители, найдутся несогласные и с их воззрениями и действиями; при отсутствии внутренне обязательного голоса религиозной совести, в борьбе с ними рука так же легко протянется к бомбе и револьверу, как она протягивается теперь, а в фанатизме, в побуждениях и способах самооправдания и даже возвеличения себя до степени героя никогда недостатка не будет.

Идеализация порока и преступления вовсе не редкость. Это мы видели у древних, которые возводили разврат в средство богоугодия; это видим и у современников, которые то воспевают «обаяние зла» и «цветы порока» в декадентстве; то в героях Горького, любовно выписанных, свободных от всяких «условностей», под которыми понимают чаще всего вечные нравственные основы, видят грядущих обновителей нашей общественности; то, наконец, повторяя иезуитство, проповедуют «святой обман» и, молчаливо соглашаясь с тем, что «цель оправдывает средства», в политических убийцах видят нечто достойное хвалы.

Так будет всегда, и еще в более уродливых формах, если у нас не будет того необходимого правила, которое дается нам в религиозном чувстве, как оно формировалось исторически, скрепляя и объединяя народ в единстве исповедания, обряда и устройства жизни, то есть в Церкви.

Нужно прежде всего знать, что добро и что зло. При разнообразии ответов на этот вопрос со стороны ума человеческого, при неопределенности и неясности указаний и при сла-

бости принудительной силы совести, — ясное и определенное решение и полный свет в эту область внесет только религия.

Нужно иметь побуждения к добру. При бесконечных спорах о принципах жизни, построенных на началах приятного или полезного, при полной непригодности систем современной утилитарной морали, при отсутствии указаний точного содержания в понятии долга только религия даст искомые побуждения к добру, высшие и низшие, доступные для всех людей, всех степеней умственного и нравственного развития.

Нужны *силы* к выполнению добра, дающие возможность восторжествовать добрым стремлениям в человеке над инстинктами и стремлениями противоположными, эгоистическими, животными. История человечества безошибочно указала и силы эти только в религии, которая одна вдохновляла людей на величайшие подвиги, осмысливала, просвещала и освещала самый патриотизм и всякое геройство.

Так, вне религии, по нашему убеждению, невозможны ни культура человечески достойная и одухотворенная, ни государственность и общественность прочная и осмысленная. Для существования государства нужна определенная территория для поселения, и *в той же самой мере* необходима религия народа.

Патриотические русские союзы, ставя православие во главу угла своего политического исповедания, делают это не по «тактическим соображениям», столь ныне принятым, — по которым о религии, скрепя сердце, именно *умалчивают* левые политические партии, — а по глубокому убеждению в истине, спасительности и исключительной духовно-культурной силе религии.

Будучи хранилищем русского национального чувства, веруя в мировое историческое призвание России, видя оправдание этой мистической веры в указаниях истории и в назревающих будущих построениях мировой жизни, разделяя со всем народом его заветные чувства и стремления, зная, что только язык религиозно-нравственных убеждений и упований есть общий и всем понятный язык на Руси, признавая и почитая прошлое и на нем возводя будущее, — мы не можем

отойти от народной веры и не можем о ней умолчать, в ней мы и лично для себя видим истину, путь спасения, и в то же время видим в ней и единственный путь благоустройства и спасения народа и его земного царства. В православии и в указываемых им вечных запросах и задачах человеческого духа, – в православии мы отыскиваем и оправдываем само государство со всем тем, что составляет неизбежное *odium*¹ всякого государственного бытия, осмысливаем и оправдываем и власть, и самую народность.

В час, когда мы отказались бы от знамени православия, мы тем самым отреклись бы от всех прочих наших принципов, нами защищаемых, и от самого нашего политического существования.

Мы обратились бы тогда всем народом в бесформенную и ничем внутренне не управляемую массу, в которую вновь творческим актом нужно было бы вдунуть дух животворящий.

Но в поисках источников этого всеоживляющего духа мы опять и неизбежно пришли бы к одному и единственному: *святая вера, святое православие*.

Русь Святая²

Прежде чем ответить на ваши горячие приветствия, дорогие братья и друзья, мы решили помолиться Богу: так подобает творить русским и православным людям. Прежде, чем сказать вам слово, как соработникам и единомышленникам в нашем великом деле поддержания святой веры, святой верности Царю и Родине и борьбы с нечестивым врагом, мы решили во время самой молитвы нашей побеседовать с вами пастырскою беседою: так подобает творить истинным православным сынам Церкви и защитникам церковности.

¹ Ненависть, неприятие, одиозность.

² Речь в неделю Всех святых, 8-го июня 1908 г., на молебствии в собрании патриотических союзов г. Москвы по случаю встречи и приветствий автору по возвращении его из Сибири. – *Прим. авт.*

И какой высокий предмет для слова и размышления, для назидания и взаимного соутешения дает нам воспоминание нынешнего воскресного дня! «Неделя Всех святых»! Вот кто – святые, – являются живыми и вечными проповедниками того оживления мира и человечества, которое явилось плодом искупления Христова и ниспослания искупленным даров Духа-Утешителя.

Святые указаны нам непосредственно после воспоминания о завершении искупительного и спасительного подвига Господа Иисуса, как образцы для подражания в христианской жизни. «Святы будите, якоже свят Аз Господь Бог ваш», – такова заповедь Господа; «воля Божия о вас – святость ваша», – такова заповедь Апостола верующим (1 Петр. 1, 16; Лев. 11, 44; 1 Сол. 4, 3).

Трудно здесь и было бы долго входить нам в подробное и обстоятельное суждение о том, что есть святость в широком и всеобъемлющем значении этого слова. Скажем одно: святость обозначает полную отдаленность от мира зла, выделение предмета или лица исключительно для служения Богу (1 Петр. 2, 9; Исх. 19, 6; Ис. 61, 6; Деян. 26, 18). В этом смысле свят Господь Бог наш, как Существо надмирное и премирное; в этом смысле свята Церковь, все общество верующих свято (Числ. 16, 3), свят храм, святы принадлежности богослужения, святы бывают наши достойные и Богу посвященные мысли и молитвы; в этом смысле свят и должен быть свят всякий истинно верующий христианин, как это и видим в писаниях апостольских, где верующие постоянно именуются именем «святых» (2 Кор. 13, 12; 1 Петр. 5, 14; Рим. 15, 26; 16, 16; 1 Кор. 16, 20; 1 Тим. 5, 10; Тит. 2, 3; Деян. 26, 10 и др.). Отсюда и внутренняя чистота, высокая нравственная настроенность, отсюда добрые и «святые» дела у верующего истинного христианина: Богу отданный, от зла мирского выделенный, из мира обладания диавольского изъятый не может иметь настроения, сродного миру зла, не может творить дел, обращающих его в рабство диаволу и в его пособника.

Глубоко впитала в себя это воззрение русская народная душа, воспитанная Православною Христовой Церковью.

И сказалось такое воззрение в метком и знаменательном слове. В то время как немец говорит о себе: «честный немец»; в то время как испанец называет себя гордым и храбрым, в то время как Англия – «предприимчивая», Франция – «веселая», Бельгия – «трудолюбивая», по сознанию и признанию сынов каждой из этих стран, – Россия, по сознанию и признанию ее сынов, есть «Святая Русь».

Да, Русь выделена из мира, избрана для особой великой цели хранения и распространения неповрежденной истины веры; она посвящена Богу и Его мироправящему Промыслу. И в своих исторических судьбах, – преемствуя древней православной Византии и ее мировому призванию и значению; и в своем племенном составе, – претворяя в себе и насыщая духом христианства многочисленные народности; и в своем географическом положении – на грани двух миров, двух частей света, двух цивилизаций, – Русь Святая одна может быть орудием этого Промысла для мировых событий и мировых велений. Сознает ли народ такое свое назначение?

Он проявляет его не в ясно выраженных положениях, не в строго определенных словесных формулах; он носит его в глубине духа, проявляет во всем жизненном укладе, выражает иногда в трогательных и глубоких символах. Когда вы въезжаете в русское селение и видите высокий каменный храм, величественный собор, благолепный и богато изукрашенный внутри, когда вы слышите доброгласные колокола, видите парчу и золото, – и это все посреди убогих хижин, посреди бедной жизни, – то здесь явный знак и явное свидетельство того, как народ смотрит на значение религиозного начала в своей жизни. Не поймет и не оценит этого гордый и чуждый взгляд иноплеменный, но доброе понимает все это русское сердце. Когда приходится наблюдать жизнь русских новоселов в Сибири, то еще яснее становится пред сознанием основная черта русской народной души. Откуда пришли новоселы? И с юга, и с запада России, и из ее центра, и с восточной окраины Приволжья собрались люди с различными говорами, с различными обычаями, даже с различными племенными особенностями, – а дух у

них один. Наскоро выкопанные землянки; разбитые на время палатки; покрытые сверху войлоком или дырявым «рядном» приподнятые оглобли простой телеги, наскоро сбитый шалаш – вот жилье пришельцев с их женами и детьми. Но первая забота, первая мысль их после того, как намечено место и план для будущего селения, это – отвод площади для храма; первое поручение «от мира» избранному односельцу – собирать пожертвования на храм; первый разговор и первая серьезная совместная беседа – о том, как устроить приход, кому посвятить Престол будущего храма, куда обратиться, чтобы хоть временно найти приходского пастыря, к какому селению ближайшему приписаться, чтобы войти в состав прихода. О, благослови, Господи, эти верующие и жаждущие Тебя Единого души, являющие Русь Святую в красе исконной святости и спасения! Пусть другие народы в своей исторической жизни и деятельности осуществляли и достигали успехов, каждый в сродной им области, обусловленной склонностями и способностями того или другого народа: одни развивали науку, другие создали право, иные преуспели в торговле, иные поставили высоко промышленность и внешние удобства жизни. Но если бы англичанина заставили переделаться в француза, а шведа – в итальянца, то разве не повторилось бы того же явления, как если бы мы заставили лошадь жить на дне моря или в речных струях, а рыбу пастись на лугу?

Пусть же и русский народ останется верным своим прирожденным и тысячелетней жизнью в Церкви воспитанным свойствам, пусть он пребудет у ног Христовых, пусть не отпадет от взлелеянного веками и бесконечно дорогого ему образца жизни и того конечного ее стремления, которое он выразил в именовании своем: Русь Святая. Другие народы дали изобретателей, другие народы создали ту картину внешней жизни, которая теперь так привлекает и соблазняет многих: хорошие дома, племенной скот, разделанные пашни, довольство и сытость. Пусть русский народ и все это обретет, но пусть останется при своей уже приобретенной славе: он дал и воспитал святых, ведомых и прославленных во множестве, и еще в боль-

шем множестве незримых и миру неведомых, но оставивших и давших жизни русской и стремлениям русских людей особый самобытный и пропитанный религиозно-нравственными запросами и интересами отпечаток, строй и быт. И не добро, не полезно и невозможно русским переделываться в чужеземцев, да и нет к тому оснований и побуждений; ибо быть русским – почетно, быть русским – славно, быть русским, значит – приобщиться к жизни истинно человеческой и достойной.

В вихре и суете современных политических страстей, в борьбе партий, в зное и соблазнах политических похотей, когда меняются знамена («платформы»), когда одни подчеркивают желание свое дать нам право, другие – науку, иные – экономические успехи, одни стоят за тот или другой образ правления, другие подчеркивают стремления чисто и только национальные, интересы национальной силы и международного достойного положения, – одно забывается чаще всего: стремление народа к святости и спасению. Так происходит смешение и перемещение цели и средств.

Блаженны вы, члены патриотических союзов, если признаете и в главу вашего исповедания и ваших стремлений ставите заботу о том, чтобы Россия, наша великая, милая, бесконечно дорогая нам Россия, осталась и пребывала вовеки Русью Святой! Только в ее святости – посвященности Богу, только в ее православии и слиянии с Церковью Христовой могут быть осмыслены, и возвышены, и укреплены вечным освящением и силою и образ ее государственного строения – самодержавие, и ее национальные, как особливой русской народности, задачи, интересы и стремления.

Воля Божия о нас – святость наша. Вот наше знамя. Но не слишком ли многого хотите? Не сверх ли сил берете бремя? Не действуете ли вне области жизни собственно государственной? – так возражают нам.

Но таковым и с таковыми стремлениями Бог создал человека, вложив в него Свой Образ и тяготение к Первообразу. Но такова прямая заповедь Творца. Но таковы уроки апостолов. Хотите видеть возможность жизненного их исполнения и при-

менения? Она представлена великим сонмом святых, в мире живших, плоть нашу носивших, питавшихся в ограде Церкви благодатию Духа Святого и процветших святостью и чистотой. «Процвела есть пустыня, яко крин, Господи, – языческая неплодящая Церковь пришествием Твоим».

Посему, имея такое великое облакающее нас облако свидетелей – святых, ныне чтимых, гордость и грех отложивши, с терпением да течем на предлежащий нам подвиг, взирая на Начальника веры и Совершителя Иисуса! (Евр. 12, 1–2). Аминь.

Мировое призвание России¹

Празднуем сегодня в честь Казанской иконы Божией Матери.

Почему же праздник, как видно из самого названия его, местный, праздник только одного города становится, однако, торжеством общенародным и всероссийским? Почему в нем участвуют русские православные люди по всему лицу земли Русской, каким бы огромным расстоянием они ни были отделены от Казани?

Готов ответ в словах святого Апостола к христианам:

«Вы – тело Христово, а порознь – члены. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены» (1 Кор. 12, 27, 26).

Следовательно, и как дети единого и общего великого нашего Отечества, и как члены одного и того же церковного тела, мы, естественно, должны радоваться всему тому, что посылает Господь благодетельного и радостного для нашей Святой Церкви и для нашей Родины.

Но в истории явления Казанского образа Богоматери, в чудесных действиях проявляемой чрез его посредство силы Божией на благо нашего Отечества и в том огромном, чисто воспитательном влиянии этой святыни на русскую народную душу и

¹ Речь в день празднования Казанской иконы Божией Матери, 8 июля 1907 г., в собрании патриотических союзов Москвы. – *Прим. авт.*

историю нашего народа есть нечто другое, близкое сердцу всякого сына России; есть значение высокопатриотическое.

Когда наши предки на заре своей исторической государственной жизни были просвещены верою Христовой, в это время запад Европы уже давно был христианским. Но истина христианская все более и более омрачалась здесь человеческими мудрованиями и установлениями. Церковь Христова обмирщалась и в заблуждениях римских пап, потянувшихся к мечу и короне, к блеску земной власти древнего и гордого Рима, все более и более обращалась из Царства Божьего и небесного в царство земное и человеческое. Неповрежденная истина апостольской веры хранилась на Востоке, в древней Византии. Но страны православного Востока в это время находились уже и изнемогали в тяжелой борьбе с надвигавшимся мраком изуверного мусульманства. Одна за другою погасали лампы древних Церквей, одни за другими потом падали православные царства; сама Византия видимо и бесповоротно клонилась к упадку; древлеправославные Египет, Сирия, Палестина, Малая Азия, Грузия, потом Болгария, Сербия склонились пред страшным разливом изуверного ислама. Все более и более они теряли возможность просвещать другие окружающие их племена и народы, сидящие во тьме неведения Христовой истины. А поприще проповеди, а жатва для делания христианского были прямо безграничны...

В этот-то поздний час истории Господь воздвигает новый светильник веры правой на далеком севере, в юном Русском княжестве, среди народа русского, молодого и даровитого, полного сил и энергии. Промысл Божий, призывая нас, русских славян средней Европы, в лоно Церкви Христовой, в самом географическом положении нашей страны на границе Европы и Азии, Запада и Востока, и в ее племенном составе указывал нам великую задачу: нести полученное сокровище чистой и истинной веры к малоизвестному востоку и северу Европы, и далее, в неведомые и таинственные в то время страны сопредельной Азии, бороться с мраком язычества и распространяющегося мусульманства, просвещать дикие многочисленные племена

инородцев и приобщать их к участию в Царстве Божием и в жизни образованного человечества. Поистине, это была единственная в истории человечества, величайшая *мировая* задача, данная Святой Руси. Наши предки частью сознательно, частью полусознательно, инстинктом духовным уразумели ее и стали осуществлять непосредственно со времен святого Владимира Великого. Удивительно быстро и прочно в первые после крещения Руси два столетия христианство начинает распространяться среди языческих племен теперешней средней северной России, несмотря на множество сильнейших препятствий совне и внутри, несмотря на крайнюю малочисленность русских славян, носителей веры, как бы утопавших в море окружающего их инородчества.

Но вот, когда от берегов Днепра и Ильменя христианство проникло уже до крайних пределов севера и востока Европы, когда Русской Церкви предстояло уже шагнуть с проповедью Евангелия в глубину Азии: в это время, в XIII веке, Россию постигает великое бедствие, которое сковало русскую жизнь и замедлило на время великое и христиански просветительное дело России.

Этим бедствием было монгольское иго – тяжкий и мировой мученический подвиг русского народа. Предстояло Святой Руси этим подвигом многолетнего страдания искупить грех своего разъединения, распрей и раздоров, перегореть в них и закалиться, сознать всю необходимость единства веры и единения политического, выковать и выносить истину единодержавия и самодержавия, познать тщету и пагубу народовластия. Вместе с тем предстояло задержать вторжение диких варваров в Европу, отстоять грудью и сохранить для мира сокровища христианской европейской цивилизации. В этом навеки незабвенная в истории заслуга русского народа пред всем человечеством.

Много трудов стоило России пережить и свергнуть тяжелое монгольское иго, чтобы снова приступить беспрепятственно к исполнению главного и существенного мирового призвания, указанного Руси Провидением. Наконец, более

чем через 200 лет после нашествия монголов исполняется заветное желание наших князей, и святителей, и всего народа русского: татарская орда, не раз разбиваемая русским воинством, отодвинулась от пределов наших, ослабела, распалась... и Русь сделалась свободною! И тотчас же вновь началось движение наше к Востоку с Крестом и Евангелием. Но на пути, как преграда этому движению, лежало некогда страшное и могущественное татарское Казанское царство. В великий праздник Покрова Божией Матери, 1 октября 1552 года, во время службы Божественной, при возглашении слов Евангелия: *«и будет едино стадо и един пастырь»*, пала некогда грозная Казань, и русскому народу открылся беспрепятственный путь в Азию.

Было ли угодно Господу это поступательное движение наше на восток и это ниспровержение царства неверного? Был ли народ русский в этом деле орудием миродержавного Промысла? Исполнил ли он при этом свышеуказанную ему задачу?

Как бы в ответ на такие возможные недоуменные мысли, кроме отмеченных уже обстоятельств самого завоевания Казани, свыше дается новое знамение:

Господь чудесно являет в Казани образ Богоматери, под покровом Которой совершилось и самое завоевание ее, – *образ, данный свободной России*, знак небесного благословения русскому народу в историческом просветительном шествии его к востоку, вглубь Азии, в его служении своему мировому призванию.

Не раз потом эта чудесная икона Богоматери приносила и проявляла нам милость Божию в години бед народных, и недаром сделалась она святынею всероссийскою. И всякий раз в решительные моменты жизни России, в сохранении ее целостности и самостоятельности русскому народу как бы давалось новое и новое подтверждение его исторического призвания.

Была тяжелая пора, поистине «смутное время» на Руси, когда пресекался в ней род Владимира Святого, когда поляки, овладев большею половиной Русской земли, вторглись, наконец, в самое сердце ее – в Москву, и в ней засели. Уже коро-

на России предлагалась польскому королевичу Владиславу, а отец его, Сигизмунд, фанатический слуга римского папы, захотел соединить Россию с Польшей, не скрывая намерений ввести в ней католичество.

Чистоте веры русского народа, основным устоям его религиозного и национального существа, следовательно, его историческому призванию грозила страшная опасность.

«Мати Божия, спасай землю Русскую!» – такой клич вырвался из сердец лучших сынов нашего народа.

И Матерь Божия услышала их молитвы. В Казанской иконе Своей пришла Она к полоненной Москве во главе русского воинства. Пред Нею изливали тогда мольбы свои доблестные Минин и Пожарский; на Ее благодатную помощь надеялись русские люди, ввиду необыкновенной трудности взять силою ратною тот город, который из твердыни России теперь обратился в крепкий оплот ее врагов. А войско русское, наскоро собранное, было и нестройно, и не обучено, и немногочисленно, и к тому же не совсем единодушно и согласно...

И вот находящемуся в плену у поляков епископу Арсению¹ ночью во сне является преподобный Сергей, молитвенник за землю ему родную Святорусскую, и объявляет, что Господь, по ходатайству Богоматери, на следующий же день низложит врагов.

Предсказание сбылось: действительно, на другой день, 22 октября 1613 года, Кремль Московский был взят, враг изгнан, Россия стала свободною и скоро уже имела и Царя, природного русского, из нового царственного рода Романовых.

С тех пор Казанская икона Богоматери сделалась *семейною святыней русского Царского рода Романовых*, а вместе с тем – святынею и всего народа русского. Праздник ее – не церковный только, но и государственный праздник, что многим у нас неизвестно; храмы ее и в Москве, у Кремля, и в Петрограде, – это самые чтимые народом и притом царские храмы. Пред Казанскою иконою Богоматери в этих храмах всегда являются

¹ Арсений (ок. 1550–1626), архиепископ Элассонский, впоследствии Суздальский.

наши цари в важные дни своей жизни, пред нею прежде всего являются после брачного союза, прося благословения, Наследники Престола.

Еще раз в тяжелое время русской истории, во дни французского нашествия, эта чудотворная икона явилась в рядах русского воинства.

Так сделалась она святынею не местною Казанскою, а всероссийскою, общецитимою. И поныне она чаще всего видится в старинных православных русских домах, как священное наследие и благословение предков, передаваясь из рода в род. И поныне иконою этою благословляют всякий новый семейный союз... Из Казани в течение веков ежегодно она была носима на огромном протяжении по всей прилегающей стране иноверия и зловерия; она являла силу Божию врагам христианства, она объединяла русских людей и крещеных инородцев, она утверждала в Восточном Поволжье силу Христову и силу Св. Руси.

В наши дни, в Русско-японскую войну, опять Россия в борьбе на Дальнем Востоке стояла в своем мировом историческом призвании. Призвание это – нести свет христианства, Крест и Евангелие на всем великом историческом движении русского народа. Увы, свет этот стал у нас самих и в нас самих меркнуть; Крест и Евангелие стали попираť и предавать русские люди. Пала вера, ослабело благочестие; опять явились распри и раздоры, ослабление власти и почтения к ней, неуважение к сокровищу Царского самодержавия, которое всегда было спасительною силой в тяжкие дни жизни России. Воины шли на войну и бунтовали; крамольники засыпали войска возмутительными подметными листками...

Как раз в момент, когда развертывались события войны и приближались роковые битвы, имеющие решить исход брани, вместо подъема веры, вместо воодушевления молитвы, вместо подвига покаяния – в Казани украли святую икону¹...

¹ В канун Русско-японской войны и революции 1905 г. в ночь на 29 июня 1904 г. Казанская икона была похищена из Богородицкого монастыря в Казани вместе с образом Спасителя.

Не раздалось всеобщего вопля, не слышно было всенародного стенания...

Был суд. Судили преступников так же, как будто они украли у соседей корову или домашнюю мебель.

В тяжких предчувствиях у многих верующих людей упало сердце; было ясно всякой чуткой душе, способной понимать знамения времен, что суд Божий над нами не дремлет, что многими скорбями надлежит нам войти в крепость духа и в силу прежнего достоинства.

И вот эти скорби настали. Мы их видели и пережили, пережили то гнусное торжество безверия, кощунства, разврата, предательства, лжи, взаимной злобы, убийств, воровства, попрания власти и восстания против нее, – все то, что, вместо заслуженного имени «сатанинского движения», называется движением «освободительным».

Вы все помните, как оно назревало и шло с нагло поднятою головой. Оно воплотилось особенно в первой Государственной думе, свежим ядом бунта и крови напоенной, и прямо восстало против Бога, Церкви, против Царя и целостности России. Это было скопище предателей России, явившихся в Думу под именем «лучших людей».

Почти такие же преступники из тюрем сидели и во второй Думе, но первая Дума имела значение особенное. Она внушила к себе страх, она запугала власть, она сумела при общей трусости и растерянности, – что всегда бывает при упадке веры, – показать себя «неприкосновенною». Ее боялись распустить. Все были как бы скованы страхом и нерешительностью, а думские люди, разве только в насмешку называемые «лучшими людьми», боролись с Царем, с бесчинным воплем кричали на министров, ругались, как последние пьяницы, на представителей власти, звали народ к возмущению, хотели лишить народ общения с Царем, отнять у него веру, оскорбляли и Церковь, и войско, и Царя, и русский народ, обещая всем инородцам независимость от Русского царства.

Ровно год назад, 8 июля, в день празднования в честь Казанской иконы Богоматери, Покровительницы Царского дома,

Царь наш возымел решимость поднять карающую руку на это нечестивое и бесовское сборище. Дума была распущена. Она бесновалась, она злобствовала, она ответила на роспуск позорным и преступным выборгским воззванием, призывающим к бунту, но должна была сгинуть и рассеяться. Сила этого сборища оказалась мнимой, сила же Царя явила себя снова во всей ее исторической правде. И понятно поэтому, какая была радость русских патриотов-монархистов здесь, в этой самой зале, когда во время собрания узнали о царском решении, как молились тогда слезами пред Казанским образом Богоматери и тогда же решили пред ним в Казанском соборе в Москве соорудить лампаду. Мы видели в совпадении дней знамение милости Божией и грядущего воскресения России и освобождения ее от нависших туч народного ослепления.

Под знаменем православия, при небесном заступничестве и благословении Богородицы будем мы совершать служение наше на всех поприщах жизни. Мать Божия спасет землю Русскую, облегчит ей труд свыше данного призвания. Украден образ Богоматери, но не украсть никому Ее благодатной помощи. И как остались Ее иконы – списки Казанского образа¹, – так останутся с нами и милость и заступление Богородицы, если мы того будем достойны по вере и жизни. Помнить только нужно, в чем наша сила и призвание: в православии. При верности ему не погибнет Русь, это дитя Божие, дитя столь великих слез и молитв, не погибнет народ наш, если он останется пред Богом чадом послушания.

Восстань же в подвиге веры и благочестия, русский народ, проникнись сознанием и долгом своего призвания, – и сгинут твои беды и напасти. Залог этого упования – чудотворный образ Богоматери, который некогда явился в благословение тем, кто так же, как и мы, верили и уповали, ожидая избавления России от тяжких бед. Вера их не обманула, упование их не посрамило!

¹ Еще не доказано, украден ли в Казани подлинник иконы или ее список. Некоторые полагают, что подлинник иконы – в Петрограде, в Казанском соборе, или в Москве. – *Прим. авт.*

Памяти Императора Александра III-го. Смысл и значение его царствования¹

Священной памяти Государя-императора Александра III-го посвящаем мы настоящее чтение в этом собрании Общества, носящего его имя и призванного к тому, чтобы хранить и утверждать его заветы. И самое время, в которое мы живем, события и обстоятельства, которые теперь занимают наше внимание, — все это делает для нас еще более близким и дорогим образ почившего Царя, еще более трогательными и поучительными те начала, которые он начертал на знамени своего царствования и оправдал их в свое время пред целым миром, на благо и счастье России.

Тяжкая война, усиление крамолы, попытки замутить общественную жизнь, политические убийства последнего времени — вот что тревожит теперь лучших сынов России. И хочется, помяная почившего Царя, повторить слова поэта, сказанные от имени нашего же Общества в день, подобный настоящему, и в таком же точно собрании почитателей покойного Государя:

Мы собрались средь шума и волненья
Воскресших смут, вражды и темных дел,
Чтоб с высоты небесного селенья
Почивший Царь нас верными узрел².

Но где же, спросят, верность заветам Царя-Миротворца во дни войны?

Чтоб ответить на этот вопрос, надо помнить, что мир, к которому стремился покойный Государь, не был миром во что бы то ни стало. Такой мир есть душевная слабость и от-

¹ Публичное чтение в торжественном собрании Тифлисского отделения Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III-го, 20 октября 1904 года, по случаю десятилетия со дня кончины Государя. — *Прим. авт.*

² Стихи графа Арсения Аркадьевича Голенищева-Кутузова (1848–1913).

каз от существования народа и государства. При возрождении Черноморского флота покойный Государь сказал знаменательные в этом отношении слова: *«Воля и мысли Мои направлены к мирному развитию народного благоденствия, но обстоятельства могут затруднить исполнение Моих желаний и вынудить Меня на вооруженную защиту государственного достоинства»*. И вот, теперь, нашему времени пришлось исполнить то, чего ожидал с тревогой покойный Государь. Мир нарушен не Россией: миролюбие ныне царствующего Государя известно было всему свету; не дальше как несколько месяцев тому назад, в день нового года, в Порт-Артуре, приковавшем теперь к себе взоры всего света подвигами брани, была прочитана русским войскам телеграмма Государя, призывавшего на Россию благословение мира, ввиду уже громкого и нескрываемого бряцания оружием со стороны нашего коварного соседа. Слишком заметно было для врагов наших, что каждый год мира необыкновенно усиливает Россию, которая все более и более становится мировой державою; слишком ясно было, что путь Миротворца-Царя есть путь возвеличения России, для многих нежелательного. И вот нашему времени суждено жертвами крови, страданий и тягчайшей брани искупить мир и открыть для России по-прежнему тот именно путь жизни, который завещан покойным Царем. Таким образом, в этой вынужденной брани нет измены покойному Царю; мы и воюем для того, чтобы получить мир, но мир полный, цельный, достойный, мир творческий, оживотворяющий, а не убивающий жизнь великого государства.

Но как война должна нас возвратить к завещанному покойным Царем миру, так равно и отродившиеся смуты общественные должны вызвать животворную работу всех государственных и общественных сил и направить ее к укреплению положительных начал жизни нашего народа, как они указаны историей и оправданы покойным Государем.

Незабвенный Государь-император Александр III тем и заслужил в русском народе глубокую любовь и почитание, тем и вызвал редкую истинно всенародную скорбь на своей моги-

ле, тем и дорог и мил сердцу народному, – что он явился верным выразителем и носителем заветных русских начал, дум и стремлений, выработанных веками истории; это был Царь, с необыкновенною полнотою осуществивший и в своей личности, и в своей деятельности русский идеал *«Православного, Народного, Самодержавного Царя-батюшки»*.

Самодержавие, Народность и Православие – это священное триединство нашего государственного бытия. Пусть в известных кругах слова эти вызывают иронические улыбки и неопределенные пожимания плечами: для людей, оторванных от действительности, от народа и родимой русской почвы, воспитанных в чуждых идеалах, а – главное – в атмосфере бесконечных умствований и теорий, когда нечего сказать серьезного против этого триединства, конечно, остается только отвечать ничего не говорящими улыбками и неопределенными жестами; но пока будут существовать моря и земли, горы и низменности, различия стран света и климатических условий и, наконец, в связи с географическими условиями, различие в исторических судьбах народов, в их расовых особенностях и природном духовном складе, – дотоле и каждый народ будет вырабатывать свое собственное государственное устройство, дотоле неосуществим будет космополитический идеал, вредны будут пересадки с чужой почвы чужого государственного строя: истории не повернешь, не уничтожишь, народного духа и склада не переделаешь. В произведении кн. Д. П. Голицына-Муравлина¹ «Сон Улады» есть в этом отношении чудное наставление каждому «русскому европейцу»:

Ты нас учи успехам зарубежным,
Чужого ж строя к нам не приноси
Хулителем бессмысленно мятежным
Того, что Бог посеял на Руси.

¹ Голицын (Муравлин), князь Дмитрий Петрович (1860–1928), тайный советник, член правой группы Государственного совета, писатель (литер. псевдоним Муравлин), общественный деятель, один из учредителей и первый председатель Совета Русского Собрания.

Себя в обычай мертвый не зароем,
Но продавать не станем старины...
Русь создалась своим домашним строем,
Им дорожить, что кладом, мы должны.

Самодержавие, народность и православие, эти три начала русской исторической жизни, «слиянием которых, как сложением трех основных цветов спектра, образуется светлое, чистое сияние Царской власти, сияющей народу», нашли себе воплощение в истинно русском Царе-Отце, Царе-батюшке Александре III.

Не станем охуждать или осуждать формы государственного устройства за пределами России: повторяем, эти формы, конечно, сами по себе, с религиозно-нравственной точки зрения, — безразличны; они создаются историей и географией народов, и спрашивать, какая из них лучше, — пожалуй, похоже на вопрос: «какая одежда лучше: зимняя или летняя»... Ответ один: каждая хороша в свое время и на своем месте. Однако нелишне сказать, что для многих привлекательный и возводимый чуть ли не в первый признак культуры так называемый правовой порядок, даже естественно и исторически выросший в Европе на почве феодализма и рыцарства — явление неизвестных для русской истории, — не составляет панацеи от всех зол. Этому примеры и подтверждения мы найдем и во Франции, и в Англии, и в Германии, и в Австрии; в последней, например, парламент не спасает галичан и славян австрийских от таких угнетений и бесправия, пред которыми бледнеют ужасы былых турецких зверств. Франция пережила Панаму, в Австрии и Италии в заседаниях парламента нашли себе место сцены столь дикие и возмутительные, что пред ними покраснел бы и действительный дикарь; здесь же тратились и тратятся официально и открыто миллионы гульденов на подкуп народных избирателей, чтобы набрать правительственную партию; государственная жизнь нередко потрясается борьбою партий, неразборчивою на средства, продажа государственных тайн то и дело поднимает бурю не-

годования, а какова свобода и как она обеспечивается даже при республиканском режиме, видно из деятельности Комба¹, штыками выгоняющего монахинь из школ, больниц и монастырей при глухом ропоте народа. Это в странах, где правовой порядок вырос исторически из прошлого, так сказать, из недр народного духа. Искусственно же привитый и насильно навязанный парламентаризм в Греции, Болгарии и Сербии сделал эти государства ареной борьбы самых низменных инстинктов, мелочных интересов и партий и, так сказать, обесплодил их государственную жизнь. Говорят, что только в Англии парламент, выросший естественно, хотя и не без кровавой борьбы, продиктованный и испытанный историей, существующий, однако, не для огромных колоний, а только для коренной Англии, дал порядок государственной жизни. Впрочем, и здесь он не спас Ирландию от бесправия и угнетения и не удержал нацию от разбойнической войны с бурами. Тот знаменательный факт, что Англия за последние 50 лет вела 36 военных экспедиций и прославилась самыми бесцеремонными и несправедливыми захватами во всем мире, ясно говорит, сделал ли правовой порядок англичан нацией справедливой и дал ли ей существование истинно достойное.

Для России история указала самодержавие, как русский образ правления. Народ инстинктивно тянулся к нему, отбываясь от княжеских споров, от семибоярщины² и от всяких попыток ограничить царскую власть. В стране обширной и малонаселенной, с холодным климатом, при отсутствии путей сообщения одной части страны с другою, с незаконченными естественными границами; в стране, окруженной множеством инородцев, живущих не в заморских колониях,

¹ Комб Луи Эмиль (1835–1921), глава французского правительства в 1902–1905 гг., подготовил закон об отделении Церкви от государства.

² Семибоярщина – правительство из семи бояр, которое сформировалось после отставки Царя Василия Шуйского в 1610 г. и свергнутое народным ополчением К. Минина и князя Д. Пожарского. Состав: князь Ф. И. Мстиславский, князь И. М. Воротынский, князь А. В. Трубецкой, князь А. В. Голицын, князь Б. М. Лыков-Оболенский, боярин И. Н. Романов и боярин Ф. И. Шереметев.

а в непосредственном соседстве или даже внутри государственной территории, – могло ли быть иначе? И понятно, что даже после ужасов Иоанна Грозного народ, оправившись от смутного времени, избирая Царем совсем юного Романова, все-таки пожелал передать ему власть самодержавную, отказавшись от навязываемой мысли чем-нибудь ее ограничить, как того желали бояре, соблазняясь примером Польши. И в самую тяжкую годину нашей истории, в середине XVIII столетия, когда народ как бы не существовал, когда, по библейскому выражению, на хребте его творили суд и орали разные проходимцы Европы, презирая все наше родное и русское, – чувство преданности самодержавию не позволило ограничить императрицу Анну Иоанновну, как того желали вельможи, увлекаясь примером Западной Европы¹.

Так инстинктивно тянулась Русь к самодержавию, как к спасительной силе.

Государь-император Александр III своею личностью и деятельностью сделал неизмеримо больше для идеи самодержавия: он ее осмыслил, он привел нас к тому, что мы стали сознательно ценить самодержавие. По словам поэта,

В том царская его заслуга пред Россией,
Что – Царь – он верил сам в устои вековые,
На коих зиждется Российская земля,
Их громко высказал, – и как с высот Кремля
Иванов колокол ударил, и в мгновенье
Все сорок сороков в Христово Воскресенье
О светлом празднике по Руси возвестят:
Так слово царское, летя из града в град,
Откликнулось везде народных сил подъемом,
И как, живительным весенним первым громом

¹ В 1730 г., после кончины Императора Петра II, Верховный Тайный Совет пригласил на престол племянницу Петра Великого Анну Иоанновну, предложив подписать «Кондиции», ограничивающие ее права как самодержца. Однако через месяц после подписания документа Императрица, опираясь на поддержку дворянства, разорвала «Кондиции».

Вдруг к жизни призваны, очнутся дол и лес, –
Воскресла Русь, сомнений мрак исчез,
*И то, что было в ней лишь чувством и преданьем,
Как кованой броней закреплено сознанием.*

(А. Майков¹)

В лице и царственной деятельности Александра III, как выразился кто-то, «самодержавие опознало себя».

Время, в которое пришлось покойному Государю взойти на Престол, вновь предъявило самодержавию требование исчезнуть из русского государственного уклада; попытки подобного рода, не замолкнувшие и доньше, были несравненно сильнее и опаснее, чем аристократические вожеления бояр и вельмож времени Михаила Феодоровича или Анны Иоанновны: здесь пущено было в ход муссированное «общественное мнение» и «общественное движение», здесь воздействовала на умы легальная и особенно нелегальная литература. В довершение всего, наверху, у самого царского трона, в конце 70-х гг. собралась группа царских советников, расположенных в пользу конституции, а знаменитая «диктатура сердца» для вящего воздействия в этом же смысле не побрезгала воспользоваться неоднократным покушением на жизнь Государя и преступно допустила злодеяние 1 марта², которое, как оказалось, даже и не усиленными мерами предосторожности можно было бы предотвратить. О совокупности действий в этом же направлении со стороны земства, городов и проч. слишком долго было бы говорить; картина очень вразумительная и яркая получается при чтении брошюры, написанной лицом, слишком близко знающим трактуемый вопрос, к которой мы и отсылаем интересующихся. Разумею брошюру Л. Тихомирова: «Наши конституционалисты в эпоху 1881 года»³.

¹ Майков Аполлон Николаевич (1821–1897), знаменитый поэт, член-корреспондент Академии Наук.

² 1 марта 1881 г. террористами-народовольцами был убит Император Александр II Освободитель.

³ Работа Льва Александровича Тихомирова (1852–1923) «Конституционалисты в эпоху 1881 года» была опубликована в 1895 г.

Во всем этом «народном деле» – так всегда называли его наши сторонники введения в России правового порядка и ограничения самодержавия, – безмолвствовал всегда именно только народ, во имя которого и велась борьба против идеи самодержавия, и несомненно, безусловно несомненно, что если бы цель эта в 1881 г. была достигнута, то народ наш долго-долго пребывал бы в недоумении при этом крушении всех его понятий о Царе, и пришлось бы его, как в оные дни в Болгарии, палками полицейских и страхом штрафов «принуждать к поданию избирательных записок»... Но народ был только ширмой для наших фанатизированных теоретиков правового порядка, и голоса его никто не спрашивал... Однако Государю-императору Александру II под гром выстрелов и бомб, направленных в него, под постоянным страхом покушений, естественно, мог, в конце концов, показаться убедительным голос его ближайших советников; естественно, могло показаться, что этот голос совпадает с общенародным желанием. И вот, как говорят, он склонен был в конце жизни приступить к подготовке дела введения и в России чего-то вроде парламентаризма, написана была будто бы какая-то бумага в этом смысле, приготовлен проект, осуществление цели было уже близко...

В это время и разразилось 1-е марта 1881 года... Так рисует положение дел г. Тихомиров в вышеупомянутой своей брошюре.

В такое-то смутное время всеобщего шатания умов и дикой крамолы Государю-императору Александру III суждено было Провидением вступить на Всероссийский Престол, утвердить, оправдать и возвысить самодержавие.

Задача была тяжелая. Ввиду вышеизложенных фактов, к тому или другому разрешению вопроса нужно было приступить сразу, немедленно. Нелегко было прийти в себя после ужаса 1-го марта, но Император Александр III обладал поистине великой душой: во имя высшего царского долга он сумел подавить в себе личные чувства скорби. Еще тело убитого Царя-Мученика не было предано погребению – уже во дворце был собран чрезвычайный совет, в состав его вош-

ли министры, были призваны и представители печати, и заслуженные государственные деятели. Это было 8 марта 1881 года. Государь просил всех высказаться совершенно откровенно. Говорили за и против. Государь, как всегда молчаливый и непроницаемый, все внимательно слушал, все принял к сведению. Собрание разошлось; никто не мог предугадать решения. Государь долго и горячо после этого молился в своей дворцовой церкви. Ночь прошла в тяжких думах... Утром он отдал приказ написать манифест о том, что, по праву и примеру царственных предков, он самодержавно будет править Богом вверенным ему царством. Прежние советники после этого один за другим стали уходить, Государь их щедро награждал, но не удерживал. Но тот, кому поручено было написать манифест, и не уходил, и медлил исполнить царскую волю. Государь терпеливо ожидал; прошло 1,5 месяца. В один вечер призвано было другое лицо – испытанный царский слуга, убежденный защитник монархии и самодержавия¹. Ему было поручено составить манифест, и на другой же день, 29 апреля 1881 года², манифест неожиданно напечатан был во всеобщее сведение. Государь возвестил народу своему: *«Глас Божий повелевает Нам бодро стать на дело правления с верою в силу и истину самодержавной власти и охранять ее для блага народного от всяких на нее посползновений»*.

Для всех истинно народных классов: для крестьян, духовенства, купечества, поместного дворянства – это было воистину отрадным благовестом. Государственная власть оказывалась твердою, жизнь государства не подверглась никакой ломке; правительство не пошло на уступки крикливой кучке лиц, не имевших никакой связи с истинно народною почвою,

¹ Имеется в виду учитель Императора обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев.

² Высочайший Манифест «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, добродетели, воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России», или Манифест об укреплении Самодержавия.

не могших и придумать для себя иного имени, как «интеллигентов». Чувство спокойствия и уверенности во всех классах общества – вот что дало это царское слово. Началась напряженная работа Государя, не видная, не кричащая, не показная, но воистину геройская, и чувствовалось всем на государственном корабле, что кормчему нашему можно всецело довериться: он молчалив, но бодрствует, во все вникает, все предусмотрит; твердою и умелою рукою он проведет свой корабль среди волн и подводных скрытых скал и мелей. Коротко было его царствование, но как все привыкли к этому чувству доверия к нему и полного спокойствия за Россию, так привыкли, что, когда он умер, с трудом верилось в самую возможность смерти этого богатыря, и чувство сиротливости, растерянности и беспомощности было общим чувством всех сынов России.

Задачу укрепления самодержавия, поставленную ему в истории Провидением, Государь Александр III осуществил как нельзя лучше. Он оправдал его прежде всего делами рук своих и наглядно для всех и убедительно показал великие выгоды и блага данного нам Богом Самодержавия помазанников Его. Трудно перечислить в краткой речи все деяния Царя-самодержца на благо России. Внутреннее умиротворение России; упорядочение государственного кредита, несмотря на голод, холеру и экономическую борьбу с Германией; создание фабричной инспекции, облегчение и рассрочка государственных платежей; пересмотр закона о переселениях; увеличение окладов содержания по всем ведомствам, кроме дворцового, где, напротив, были сделаны крупные сокращения; отмена подушной подати; положение о крестьянских наделах; развитие сельского медицинского и ветеринарного дела; изменения в железнодорожном тарифе; заботы о дворянском и крестьянском землевладении; устройство армии, увеличенной без шума ровно вдвое; перевооружение ее; постройка и перестройка 9 крепостей первоклассного значения (Карс, Ковно, Осовец, Зегрж, Варшава, Ровно, Дубно, Иван-город, Ново-Георгиевск); усиление Балтийского флота; возрождение Черноморского; присоединение Мерва, Серокса, Памира; вассальное подчи-

нение Бухары; создание могучего франко-русского союза; постройка дорог такой чрезвычайной важности, как Сибирская, ныне сослужившая России такую великую службу, и Ташкентская, которая еще ее сослужит; упорядочение наших европейских окраин; заботы о просвещении народа – преобразование Дерптского университета, открытие Томского, восстановление церковно-приходской школы, давшее России ни много ни мало как 45 000 новых училищ... Вот главные и видные деяния Государя, так сказать, подвернувшиеся под перо. И все это за 13 лет царствования. Сколько бы потребовалось бесконечных разглагольствований при парламентарном режиме, сколько энергии и времени ушло бы на неизбежную борьбу партий, на интриги и суету, особенно в нашем Отечестве, растянувшемся на десятки тысяч верст, при нашем народном складе, всего менее способном к какому бы то ни было виду конституции. Покойный Государь воочию показал, как тихо, спокойно и быстро им упорядочена государственная жизнь. Не надо забывать, что в год восшествия его на Престол Россия стояла накануне финансового краха, имела слабую армию, была раздираема внутреннею крамолою; все это делало ее добычею первого неприятеля и до того унизило ее в глазах иностранцев, что не только сильные соседи, но даже миниатюрная Болгария, забыв благоразумие, благодарность и порядочность и отложив всякий страх, наносила дерзости России¹. А в год смерти Императора Александра III Россия заняла почетнейшее положение в мире и к голосу ее прислушивался весь свет.

Но не одними делами рук своих оправдал Государь самодержавие. Непреложен нравственный закон, выраженный словами библейского мудреца: *«Правдою утверждается Престол»*².

¹ В 1881 г. к власти в Болгарии пришли сторонники германской ориентации, в 1885 г. князь Александр Баттенберг, игнорируя мнение России, присоединил к Болгарскому княжеству Восточную Румелию; русские офицеры были отозваны из болгарской армии, а князь Александр Болгарский исключен из списка русских генералов; в ноябре 1886 г. Россия разорвала дипломатические отношения с Болгарией.

² «Мерзость для царей – дело незаконное, потому что правдою утверждается престол» (Прит. 16, 12).

Самый заклятый враг не найдет пятен в светлом нравственном образе покойного Царя. Чувство глубокого нравственного удовлетворения и справедливой гордости за Россию охватывает нас при мысли, что был такой человек на земле, и человек этот – русский Царь. Пройдет время, и будут спрашивать: образ его не есть ли идеализация, не есть ли прикраса действительности? Что это случится, видно из повышенно восторженных отзывов о нем со стороны иностранцев, для которых образ этого русского праведника, естественно, представляется новым и чем-то необычайным. Приведем некоторые из этих отзывов именно иностранцев для беспристрастной характеристики покойного Государя. «Когда Царь был еще жив, – говорил в 1894 году Дюпюи¹, – вся Европа занималась оценкой его деятельности и как человека, и как государя, и не нашлось ничего, что не делало бы чести его прямоте, здравомыслию, честности и высоте духа». Солсбери и Розбери², государственные люди Англии, вслух всего мира высказались по поводу смерти Государя: «Все было колоссально в жизни этого человека», «в Европе уже нет таких людей: они невозможны».

Большинству из здесь присутствующих выпало на долю счастье жить сознательною жизнью во дни благословенного царствования нашего Государя-Праведника, знать и видеть, что все сказанное о нем было самой настоящей, а не приукрашенной действительностью, и автор настоящего чтения может с полным правом и убежденно повторить знаменитые слова нашего великого Пушкина:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю...³

¹ Дюпюи Шарль (1851–1923), французский политический деятель, трижды занимал пост премьер-министра Франции.

² Солсбери, маркиз Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесиль (1830–1903), 44-й, 46-й и 49-й премьер-министр Великобритании в 1885, 1886–1892 и 1895–1902 гг., депутат Палаты общин от Консервативной партии, член Палаты лордов; Розбери, граф Арчибальд Филипп Примроуз (1847–1929), 48-й премьер-министр Великобритании в 1894–1895 гг.

³ Первые строки стихотворения А. С. Пушкина «Друзьям» (1828).

Приведем другие отзывы о нем иностранцев: «Ни одной мрачной тени в венце его», – говорит один. Другой дополняет: «Не любить его невозможно: он дорог для всякой человеческой души, любящей добро»¹. А между тем, – стыдно сказать, – долго он шел одинок тернистым путем самоотверженного труда, молчаливого подвига, мало кем понятый и оцененный. В молчанье шел один он с мыслью великой – и достиг того, что силою обаяния своей нравственной личности он и с этой стороны оправдал русское самодержавие не теоретическими рассуждениями, а в живом и наглядном образе, показав миру, как высок русский идеал Царя-самодержца, ограниченного Божиим нравственным законом лучше всех писанных условий, отвечающего перед Богом за свой народ, подвижника на Престоле, правителя истинно народного, пред величием которого равны самый последний крестьянин и самый первый вельможа в царстве. Да, самодержавие выросло и окрепло и мыслимо только в сфере религиозно-нравственной, и мы смело скажем, что оно есть образ правления истинно и единственно демократический. Покойный Государь и показал, как далеко отстоит самодержавие, как сила религиозно-нравственная, от деспотии или абсолютизма, с которыми обычно его смешивают намеренно или ненамеренно в России и за границу. Рядом с нашим кротким и молчаливым Царем-самодержцем, которого никто не видел гневным или властительным, который удалялся от всех проявлений внешнего великолепия и величия, перед глазами мира стояли и конституционные государи, из которых один все потрясал мечом и писал крикливо: «*Summa lex – regis voluntas*»², а другие, как князья и короли балканских новых

¹ Отзывы иностранцев о покойном Государе и некоторые мысли и выражения заимствованы автором из слова прот.п. Я. Светлова в 40-й день по кончине Государя, напечатанного в «Душепол. Чтен.» за 1894 год. – *Прим. авт.*

² Имеется в виду Вильгельм II, или Фридрих Вильгельм Виктор Альберт (1859–1941), германский император и король Пруссии с 15 июня 1888 г. по 9 ноября 1918 г., латинская поговорка переводится так: «высший закон – воля монарха».

государств¹, которым навязали сомнительные блага правового порядка, невзирая на него, расхищали народное достояние и привели свои царства к полному истощению и беспорядку... И было ясно видно, где правда и преимущество. Так Государь-император Александр III, повторяем, оправдал самодержавие и упрочил непоколебимо древний Царский Престол в самом сердце подданных, в твердых души русского народа.

Чем же руководился Государь, избирая этот путь и образ царствования? Трудно допустить, что здесь действовал только пронизательный и глубокий ум Государя, чуждый увлечений и мечтательности, трезвый и спокойный. Государю близка была и понятна самая душа народная с ее заветными думами, чаяниями, идеалами, и мы не ошибемся, если скажем, что именно чувство народности служило ему верным путеводителем царствования.

Народная идея, национальное самосознание, национально-государственная работа... О, как истосковалось по ним наше сердце, как ждем мы расцвета этой зари нашей жизни, сколько обид нами пережито в нашем национальном чувстве! Ах, взойди, взойди, разгорись ярким полымем, развернись, наше русское национальное чувство! Долго мы ждали светлого дня, когда к тебе обратится царское слово, когда прекратится сплошное заимствование с Запада, да торжество иностранцев, да льготы им и привилегии не за ум и достоинства, а как премия за иностранное происхождение. Ведь до того дошло, что в образованных классах национализм стал пугалом, патриотизм – дурною кличкою. Ведь до того дошло, что даже доселе нам приходится читать, как «мысли кстати», статьи, защищающие патриотизм и национальное самосознание, убеждающие русское общество в том, что оно должно быть русским... Ведь до того доходило, что казалось, не объявлена ли распродажа России разным иностранным и инородче-

¹ Имеются в виду государства, возникшие после победы России над Турцией в войне 1877–1878 гг., когда стараниями Российской империи независимость получили Черногория, Сербия и Румыния, а Болгария была провозглашена автономным княжеством.

ским аппетитам, покушавшимся прежде всего на духовную ценность нашего народа, а затем в не меньшей степени и на власть над ним и на его достоинство.

И вот, при Императоре Александре III дано сладкое утешение русским сердцам. Сам Государь, по счастью, имел смолоду таких наставников, которые открыли пред ним не-сказанную красоту русского духа. И он любил все русское: изучал нашу историю, увлекался русскою музыкою, зодчеством, русскою стариною. На Престоле он был цельным живым воплощением типа Русского Царя, будучи русским человеком и по качествам своей души, как великодушие, прямота, незлобивость, — по своим симпатиям и образу жизни и даже по своей наружности. Но главное всего, он был русским в своих деяниях и мероприятиях, всегда и во всем согласных с основными воззрениями и историческими преданиями народа, его заветными стремлениями и чаяниями и коренными жизненными интересами. Выше мы перечислили главнейшие из его деяний; общею их основою было стремление Царя к тому, чтобы «Россия» была «для русских».

В этом отношении особенно легко вздохнулось на окраинах, где разумные и дальновидные инородцы должны понимать, что в их собственные интересы входит укрепление и упрочение русской власти и русского влияния, и где для самих же инородцев прежде всего опасен и пагубен, к сожалению, столь часто исповедуемый девиз: «как можно больше русских денег, а как можно меньше русских людей, русского влияния и русских интересов». И вот, на окраинах стал постепенно вводиться русский язык, стали устроиться православные храмы, русские интересы стали входить в силу и значение в Финляндии и в западных губерниях; онемеченный издревле природный наш край Прибалтийский стал преображаться; отжившие свое время преимущества прибалтийцев были отменены; учреждены и основаны русские театры, русские газеты; увеличившееся иностранное землевладение на юге России ограничено. К сожалению, в кратковременное царствование Государь не успел пересмотреть жизнь Кавказа в этом отношении, но

и здесь многое все-таки сделано в смысле усиления русского влияния в области школьной, литературной, в церковном и административном управлении краем.

Сильно подвинул Государь и опять в том же духе русских интересов нашу отечественную издельную промышленность. Не так давно Россия отправляла от себя одно сырье, которое после переделки в Европе возвращалось к нам же за удешевленную плату. Кроме того, массу продуктов мы покупали за границей, тогда как у нас же дома все эти предметы находились в земле в неисчерпаемых залежах: нефть, каменный уголь, железо, минералы и проч. Не было предпринимателей для разработки наших почвенных богатств; не было внутренних покровительственных распоряжений для поощрения и помощи им; недоставало фабрик, заводов, русских техников, механиков, машинистов.

В минувшее царствование появились профессиональные институты и школы для мастеров, инженеров; правительственные субсидии помогли организации обществ русских капиталистов для обработки наших внутренних богатств; явились новые фабрики и заводы во множестве; поощрена русская промышленность ограничением ввоза заграничных изделий в Россию.

Довольно сказать, что железные дороги стали получать паровозы и вагоны русского производства; поезда двигаются по рельсам, сделанным в России; на наших верфях построено большинство наших судов.

О росте нашей промышленности можно судить по тому, что в год восшествия Государя на Престол наша заводская фабричная и горная промышленность давала России годовую сумму в 1 220 миллионов рублей, а в 1894 году эта цифра достигла 2 000 миллионов, по приблизительному расчету; исключив отсюда стоимость сырых продуктов, мы получаем до 500 миллионов лишних только за обработку нашего же добра; прежде эти деньги шли за границу, теперь они остаются в России.

Но не в деньгах главное. Главное в том, что всеми почувствовалась забота Государя и правительства о русских, и имен-

но русских интересах. Государственное единство и главенство русского народа в составе Российской империи и областей ее было поставлено ясно, твердо и неуклонно. И по справедливости: русский коренной край должен дать и войско для защиты окраин, и деньги для их содержания, а это содержание окраин пожирает чуть не половину всего нашего бюджета; но и этого мало: он же должен дать и людей-работников, воспитать министров, полководцев... Русский душою, Государь ответил биению и запросам русского сердца, хорошо понял русскую душу и вышел навстречу глубокому народному повороту в общественном настроении и самосознании, которого уже не подавит ничто и который, не умаляясь, но назревая тайно в силе, наблюдается доселе и рвется наружу.

В России, по особенностям исторической жизни народа и его духовному складу, никакая деятельность не будет истинно народною, совпадающею с идеей национальной, если она не будет глубоко затрагивать религиозных чувств народа и не будет совпадать с идеей православия. Да и не в одной это России: в явлениях истории крупных, решающих, знаменующих поворотные пункты жизни народной и соприкасающихся с его мировоззрением религия всегда выступает как сила первенствующая. Это признает даже такой вольномыслящий историк, как Гиббон¹; у нас же в этом совершенно согласны все крупные историки, независимо от времени, в какое они жили: Карамзин, Погодин, Соловьев, Бестужев-Рюмин, Ключевский².

Для нас важны именно эти имена истинно научных деятелей, а не публицисты-историки вроде Милюкова, который в вопросах церковных в своей «Истории русской культуры» пробавляется учебниками и для которого история – только ма-

¹ Гиббон Эдвард (1737–1794), английский историк.

² Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, писатель, поэт, почетный член Петербургской АН; Погодин Михаил Петрович (1800–1875), историк, писатель, публицист, издатель, профессор Московского университета; Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), историк, профессор, затем ректор Московского университета (1871–1877); Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897), историк, публицист, член Петербургской АН; Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк, почетный член Петербургской АН.

териал для предвзятых и заранее поставленных либеральных выводов. Впрочем, довольно сказать о значении католичества для романских народов, лютеранства для германских и англиканства для Англии; довольно только представить себе в истории Турцию без мусульманства, чтобы понять, какой цены и значения фактор истории мы имеем в религии именно народной, и в какой степени она сливается со всею совокупностью жизненных явлений в данном народе и их собою определяет.

Повторяем, в силу особых исторических условий в русском народе указанное явление по преимуществу заметно и действенно. Православие – главная святыня русского народа, по самой природе особенно религиозного; религия – душа его души, сущность нашей народности, и нельзя быть русским, не будучи православным. До Петра Великого русская государственная и церковная история неотделимы; митрополиты Петр и Алексей, патриархи Иов, Гермоген и Филарет¹ разве могут быть пропущены в истории государства Российского? Князья Владимир Великий, Александр Невский, Владимир Мономах, Иван Калита, цари Феодор Иоаннович и Алексей Михайлович разве могут быть опущены в истории церковной? Но и с Петра Великого не мог же указом Сената или распоряжением полиции измениться дух народный и народное мировоззрение... Жизнь церковная и государственная крепко связаны в России и поныне; православие и дондесь есть зиждительная сила нашего народа и государства. Этого не мог отрицать даже XVIII век нашей истории, век глумления над всем народным и торжества иностранных проходимцев. Уже в одном торжестве коронования царей, сохранявшемся неизменно, мы видим, что власть государственная ясно понимала значение народа и православия. И могло ли быть иначе? Ведь только слепой не видит, что Русское государство родилось и развилось в недрах православия, Православной Церкви, в ней черпает свою силу, жизнь, мудрость, и разъединение с нею

¹ Филарет (Романов), Патриарх (ок. 1554–1633), церковный и политический деятель Смутного времени и последующей эпохи, третий Патриарх Московский и всея Руси (1619–1633).

было бы смертью народа и государства, разделением одного живого тела на две части... В православии – его прошлое, настоящее и будущее. Никто не сознает этой истины лучше иностранцев, и особенно – лучше наших врагов; им видны наша сила и значение нашей Церкви и православия.

Почивший Государь и как личность, и как правитель вполне ответил народному идеалу Царя в этом отношении. Его глубочайшая религиозность не подлежит никакому сомнению. Он это засвидетельствовал и жизнью, и своею высокохристианскою дивною и редкою кончиною. Такою смертью у нас на Руси умирают только крепко русские православные крестьяне: покойно, помолившись, простившись со всеми, покончив дела, отдавшись молитве, доверившись Святой Церкви. Не будем повторять об этих трогательных минутах: они всем известны. Но заметим по этому поводу одно: для искренно верующей православной души Церковь является больше, чем союзницею государства, служебною силою или средством для него. Такой оскорбительно безнравственный взгляд, свойственный идеалам полицейского государства Западной Европы, вторгшимся и к нам во дни Петра Великого, никогда не может привиться к русскому народу: для него религия – сущность жизни, путь правды и спасение, Церковь – душа русской народной жизни, воплощенная совесть народа и государства. Жизнь личная и христианская кончина Государя воочию показали, что таковы именно и были его отношения к Православной Церкви; все прочее в его деятельности, его заботы о Церкви, о храмах, о духовенстве, о религиозном просвещении и проч., – все это уже естественно истекало из основных воззрений Государя, выросло, как растение из семени.

Мы не будем говорить подробно о жизни Церкви Русской в царствование покойного Государя: здесь нужно особое исследование, к тому же об этом предмете, по крайней мере по отношению к Кавказу, нами два года назад в таком же собрании было предложено небольшое чтение. Теперь же упомянем только о главном. Почивший Государь засвидетельствовал свою глубокую религиозность, высокую государственную му-

дрость и любовь к русскому народу признанием души его, уважением к Церкви, трогательным доверием и вниманием к духовенству, заботами о народном образовании в духе и началах национальных, т.е. в духе православия. Его будут поминать в храмах, многочисленных храмах, им и при нем устроенных, – а их устроено в его царствование до 4000! Ему будут вечно благодарны десятки тысяч нашего духовенства, этого истинно национального сословия, великого в смиренной доле своего многовекового самоотверженного и истинно геройского служения Родине, с которой оно в многострадальной истории делило радость и горе, а больше – горе. Оно было искони бедно: Государь положил прочное начало его материального обеспечения; оно под какими-то темными влияниями было удалено от народной жизни, от своего исконного прямого дела – просвещения народа; оно, это самое русское из всех сословий России, царлюбивое и верноподданнейшее, было в каком-то подозрении и отчуждении, под влиянием созданного русскими иностранцами ложного пугала клерикализма, невиданного и невозможного в России. Государь привлек его к деятельному и прямому участию в жизни народа, облек его высоким доверием, возвратил его к школе и народному просвещению. Государь вспомнил и скромное служение тружеников богословской науки и пришел к ним на помощь обеспечением их материального положения.

Ни в одно царствование со времени первых царей Романовых Русская Церковь не испытывала такого оживления и напряженной работы всех своих сил, как в благословенные дни благословенного царствования покойного Государя. Русский народ навсегда сохранит в своем благодарном сердце трогательную память об этом авторитетном, полном и широком признании основной его святыни, главной исторической твердыни его бытия.

Глубокая благодарность Царственному Сыну и Преемнику Царя-Праведника за твердое решение вести Россию по «лучезарному и светлому пути», указанному его Родителем, и следовать во всем его примеру. В эти десять лет он доказал верность своему слову. Глубокая благодарность ему за то, что

он принял все меры, чтоб особенно отметить и закрепить в памяти великое царствование своего Родителя, учредив немедленно же после его смерти даже особую медаль в честь его. С гордостью смотрим на эту медаль мы, которым пришлось пережить царствование покойного Государя и так или иначе быть свидетелями и участниками того глубокого духовного поворота, которым оно ознаменовано.

И благоговей, и поучаясь, мы даем себе обеты быть верными завещанным началам самодержавия, русской национальной и православно-церковной идеи.

Мы собрались средь шума и волненья
Воскресших смут, вражды и темных дел,
Чтоб с высоты небесного селенья
Почивший Царь нас верными узрел...

Кронштадтский светоч и газетные гиены¹

Повествуется в одном древнем житийном сказании, что к некоему благочестивому старцу-подвижнику приходили со всех сторон слушатели и почитатели, прося молитв, совета, благословения. Многие и о многом спрашивали его, и всем и каждому он отвечал в меру Духа, ему данного. Только один юноша, всегда посещая старца, сидел у ног его молча и ни о чем его не спрашивал. Однажды старец, заметив это, наконец обратился к юноше с вопросом, почему он молчит и ни о чем его не спрашивает? Юноша ответил: «Отец мой! Для меня довольно только смотреть на тебя!»

Старец Кронштадтский², – вы знаете, о ком я говорю – разве не напоминает нам и не повторяет ли на наших глазах в течение десятков лет этого древнего старца?

¹ Слово, произнесенное 6 декабря 1907 г. в Кронштадтском Андреевском соборе. – *Прим. авт.*

² См. подробнее о св. прав. о. Иоанне Кронштадтском в первом разделе настоящего издания.

Неистребимо живет в душе человека потребность найти и облобызать святыню, поклониться ей, побыть в ее освящающем и поднимающем дух общении. У русского православного народа потребность эта является особенно повышенной, она заполняет и потрясает всю душу народную, господствуя над всеми другими ее интересами и запросами. И вот сюда, к чудному старцу, столько лет обращает свои взоры святая и святолюбивая Русь. Одни к нему являлись лично, с ним молились и молятся, получают совет и благословение, получали нередко и дар чудодейственной помощи. Как их ни много, они, сравнительно со всею Русью, – едва приметная часть народа. Все прочие, как юноша пред древним старцем, только созерцали это дивное видение нашего времени и радовались Божьей благодати, в нем почивающей, и возгревали веру и упование, и насыщались его обильною духовною трапезою слова, молитвы, непрестанного поучения, – поучения его жизни, подвига, любви, щедродательности, горящей веры и горящего слова, исходящего из уст его. От страны глубокой полунощи, где в борьбе с суровой природою, спасаясь от врагов, нашел себе русский человек пристанище свободы и училище крепости духа и характера, воссиял наш светильник. Там некогда возросли великие духом преподобные Трифон и Феодорит, Зосима и Савватий, Герман и Кирилл¹ и многие другие. Их духом напоенный, стоит здесь более полувека великий в простоте веры и смирения пастырь-молитвенник – на грани Русского царства, у полунощной столицы, на конце земли Русской, у самого моря, светя, как маяк, разбиваемым житейским кораблям среди мирских бурь и тревог житейских.

Здесь, в этом святом храме, полвека трепетал самый воздух его от гласа молитв и воздыханий всероссийского пастыря и молитвенника; здесь пролились его первые слезы священнической молитвы; здесь возносились к Богу его

¹ Перечислены великие подвижники северной Руси – преподобные Трифон Печенгский, Феодорит Кольский, Зосима, Савватий и Герман Соловецкие и Кирилл Белоезерский.

пастырские скорби и радости; здесь около него было столько духовных восторгов веры, упований, столько событий и случаев возрождения, покаяния, спасения, отрад и утешения, столько чудес Божественной благодати, – что поистине должно сказать словами Господа к Моисею у купины неопалимой: «иззуй сапоги с ног твоих, место, на котором ты стоишь, свято»... Столько лет неизменно и непрестанно днем и глубокою ночью, и утру глубоку, еще сущей тьме, он стоял здесь и учил, и молился, – и дал ему Бог радость видеть, как город, известный в прежнее время только блудом и пороком, обратился во всероссийское чтимое место, в место паломничества, как действие его служения сказывалось все шире и шире.

Долго и постепенно разгорался его светильник, пока не засиял на всю Россию и далеко за ее пределами правилом веры, образом кротости и воздержания учителем, пока не стяжал наш пастырь всероссийским смирением высокая и нищетою – богатая. Вздымались гордо волны неверия в 60-х годах, были жестокие бури в Церкви; поднимались ереси; возрос и пал Толстой... Отец Иоанн бестрепетно и непрестанно увещевал, наставлял, бичевал, обличал порок и гордыню неверия и ереси; он стоял несокрушимым столпом православной церковности, на себе самом, в живом примере показывая и доказывая силу, живость и действенность Святой Церкви, которая способна возрастить в своих недрах такого благодатного пастыря. Он зажег священный огонь в тысячах душ: он спас от отчаяния тысячи опустошенных сердец; он возвратил Богу и в ограду Церкви тысячи гибнущих чад; он увлек на служение пастырское столько выдающихся людей, которые именно в личности о. Иоанна успели увидеть, оценить и полюбить до самозабвения красоту священства... Теперь они, нередко уже стоящие на высоких степенях иерархии, приезжают к старцу Божию и пред ним смиренным склоняются до праха земного. Вчера и сегодня мы были тому свидетелями¹.

¹ Оба священнослужившие архипастыри – духовные дети о. Иоанна и им призваны к священству; накануне приезжал навестить о. Иоанна и выразить ему свою любовь и почитание митрополит Московский Владимир. – *Прим. авт.*

И вот в последние годы, когда назревала и прорвалась гном и смрадом наша пьяная, гнилая и безбожная, безнародная, самоубийственная революция, мы увидели страшное зрелище.

Ничего не пощадили ожесточенные разбойники, не пощадили ни веры, ни святынь народных. И старец великий, светило нашей Церкви, «отец – отцов славная красота», честь нашего пастырства, человек, которым гордились бы каждая страна и каждый народ, – этот старец на глазах у всех возносится на Крест страданий, предается поруганию и поношениям; его честь, его славу, его влияние расклеивают черные вороны. Поползла гнусная сплетня; газетные гады, разбойники печати, словесные гиены и шакалы, могильщики чужой чести вылезли из грязных нор. Еврействующая печать обрушилась грязью на о. Иоанна. Нужно им разрушить народную веру; нужно опустошить совесть народа; нужно толкать народ на путь преступлений; нужно отомстить человеку, который так долго и успешно укреплял веру, воспитывал любовь к Царю и Родине, бичевал всех предателей, наших иуд и разрушителей Родины, начиная от Толстого и кончая исчадиями революции... Его первого стала травить и бесславить разнузданная печать. Помню я, два года назад, возвращаясь из Сибири к северной столице, по всей линии железной дороги эти листки, рисунки, стихи и издевательства над Иоанном Кронштадтским... Потом на краткое время травля ослабела, но теперь вся эта грязь опять соединяется в один общий поток. Черные вороны тучами собираются над Россией, и первое, что они силятся расклевать хищными клювами, – это святыни и святых, подорвать авторитет уважаемых лиц, подорвать благоговение религиозное, на котором построен всякий долг, всякий порядок, всякая жизнь, истинно достойная и истинно человеческая. Нам нет дела до того, что собственно хотел выразить автор бездарной сценической стряпни¹, рассчитанной на обирание простодушных людей – обирание, которое он бичует, однако, не в себе и себе подобных, как бы

¹ Речь идет о скандальной пьесе второсортного журналиста В. В. Протопопова (1866–?) «Черные вороны» (1905), в которой высмеивались почитатели о. Иоанна Кронштадтского – иоанниты.

следовало, а в других. Может быть, он, как уверяет, и в самом деле хотел изобразить в отталкивающем виде изуверное сектантство и религиозное шарлатанство, хотя бы прикрывающее себя именем о. Иоанна: ведь зло может прикрываться не только именем чтимого пастыря, но даже именем Иеговы (иеговисты) или Иисуса (иезуиты); ведь и в других областях мысли и вообще сатана нередко преобразуется в образ ангела, и разве мы не видели, как разбойники, насильники и предатели народные, служащие за еврейские деньги разрушению России, выступают под знаменем братства, равенства и особенно «народной свободы» или блага общества (социализм). Итак, мы не говорим здесь о пьесе и ее содержании: мы говорим о том, что сделали из нее на сцене гнусные служители сцены, лакеи, продажные и пресмыкающиеся прислужники низменных инстинктов толпы и дьявольской революции. На сцене вместо бичевания сектантского зверства или обмана, к ужасу православных, изображается быт и обстановка наших православных обитателей и храмов и недвусмысленно выводится в шутовском виде наш доблестный пастырь, всенародно чтимый, о котором народная вера давно сказала свой приговор, что житие его славно и успение будет со святыми. И это в то время, когда он, на склоне дней обессиленный мучительным недугом, ослабевший телесными силами, едва двигаясь, совершает среди верующих по-прежнему свои, может быть, последние на земле подвиги молитв и благочестия, когда он не в силах защитить себя, мы трепещем за каждый день и час его жизни, когда еле теплится и вот-вот погаснет эта святая лампада, догорит эта чистая Божья свеча! Неужели нет ему защиты? Неужели мы оставим его одиноким посреди нашего многолюдства? Неужели он отдан на растерзание духовных псов, на пытки и издевательства этих разбойников?

«Но зачем ты говоришь об этом нам?» – может быть, спросите вы в тоске и горести и в недоумении. Зачем? Но тогда спросите, зачем плачет любящий сын около растерзанного отца или матери? Зачем в большом горе, остановив плач и, по-видимому, успокоившись, мы, увидя близких, любимых, нам сочувствующих, молчаливые среди чужих, здесь, среди своих, не можем

сдержат горести, и слез, и воплей? Так и ныне, в этом храме, при виде множества молящихся, детей и почитателей о. Иоанна, дайте нам излить свое горе, выплакать свои слезы!

А затем, в этот день церковно-гражданского праздника хочется чрез вас, через все это великое множество народа, из этого храма на всю Россию сказать: «О, храните святыню и святых! Берегите ваши духовные сокровища! Защищайте, отстаивайте их от тех свиней, что топчут их ногами!» Или не знаете, что уста праведных каплют премудрость, язык же нечестивых погибнет? Или не верите, что идеже внидет досаждение, тамо и бесчестие, — и это мы видели на всех этих усилиях свободы и «освободительного движения», полного одной злобы и досаждения? Или забываете, что в благословении правых возвысится град, а устами нечестивых раскопается? Или перестало быть непреложною истиною, что праведниками держатся царства человеческие, что семя свято — стояние их, что правда возвышает народ, а умаляют племена греси?

Или думаете, что если вы избиваете пророков, подобно богоубийственным евреям, то не останется дом ваш пуст? Или каждый год у вас будет новый Иоанн Кронштадтский, что вы не дорожите им?

Не унижите вы Бога и святыни, не заплюете неба — плевки возвратятся на головы плевавших; но сами вы, сами вы — какой ответ дадите? Что скажут о нас потомки? Как справедливо они осудят нас за то, что мы не умели и не хотели уберечь святого, не защитили, не оградили его оградой и стеною любви, — и это в то время, когда живы и среди нас тысячи им исцеленных чудесно, тысячи им возрожденных? Тогда как ответим мы и Богу, и не свершится ли над нами Его правый и страшный приговор, что если мы Моисея и пророков не слушаем, то если кто из мертвых воскреснет, не поверим? Тогда не дошли ли мы до хулы на Духа, за которую одну, по суду даже самой воплощенной Любви, объявившей прощение всякой хуле и всякому греху, нет прощения ни в сей жизни, ни в будущей?

Тогда и на земле не устоять нашему царству, и не жить нашему народу. Любовью к нашему старцу, молитвою за него,

проявлением всенародного и общественного негодования к исчадиям «черных воронов» и всякой театральной нечисти мы должны ополчиться в защиту наших попираемых святынь.

А вам, гнусные хулители, готово пророческое слово того самого праведника, которого вы теперь обливаете грязью. Как бы в преддверии скорби, всего три года назад, о. Иоанн писал в своем дневнике: «Благодарю Тебя, Господи мой, что Ты призвал меня в общение Божественной трапезы Твоей, сделал меня сотрапезником и собеседником Твоим, чтобы возлежать как бы на персях Твоих, или, точнее, иметь Тебя внутри в персях и в сердце моем. Какой Ты сподобил меня чести, какого достоинства, какой любви, какого общения! Что я Тебе за это принесу и что воздам, великодаровитый, бессмертный Царь?! Но какое прискорбие, что служители Твои и сотрапезники Твоей Божественной трапезы ныне в пренебрежении и поношении у людей века сего; как они поносят священников Твоих, и Церковь Твою, и святое слово Твое, которое изрек Дух Святой! И доколе Ты терпишь их, доколе не уничтожишь их, уничививших Тебя, Бога нашего, и не изгладишь имени их из числа живых! Да погибнет память их с шумом. Буди!»¹

В Иоанновском монастыре

І. Вечная память — в Церкви²

Празднуем сегодня память великих святителей и учителей вселенских — Василия Великого, Григория Богослова

¹ Протоиерей Иоанн Сергиев — «Из дневника за 1904 год». Стр. 49. — *Прим. авт.*

² Слово, сказанное в день памяти трех вселенских святителей Московских в Иоанновском монастыре в Петрограде 30 января 1909 года. В этот день на гробницу св. Иоанна была возложена св. икона святителей Московских, принесенная в дар и в знак молитвенного и благоговейного почитания покойного пастыря от всех Московских патриотических союзов. Икона больших размеров, древнего письма, работы известного В. П. Гурьянова, на золотом чеканном фоне; поставлена в киот и пред нею возожжена неугасимая лампада. — *Прим. авт.*

и Иоанна Златоустого. Прославляем мы их труды и подвиги, благоговейно лобызаем их страдания, вспоминаем их наставления. Сейчас и молитвами одного из них мы молились – в литургии Иоанна Златоустого. Тысяча и пятьсот лет, огромное пространство времени, отделяющее нашу жизнь от них, как бы обращается в ничто: мы слышим их, как живых, мы любим их, мы постоянно поминаем их в молитвах и богослужении. Кто не знает их имен? Кто не слышал об их славных подвигах?

В чем же их заслуга и в чем тайна столь широкой и долговечной славы их на земле? Скажут: это были люди великих и редких дарований духовных. Да, несомненно, все они были людьми в высокой степени одаренными; глубокий ум, блеск таланта, какое широкое и основательное по своему времени образование, огненное слово, пламенная ревность, глубина чувства, сила воли и решимости, непреклонность убеждений, мужество в борьбе – все эти свойства были у каждого из прославляемых святителей. Мудрость и твердость правления церковного у Василия, глубина богословствования у Григория, проповеднический дар у Иоанна – все это только цветы и плоды, выросшие на почве общих у всех у них высоких дарований духа.

И, однако, много было и раньше, и после них людей, отличавшихся и умом, и образованием, и талантами, и красноречием, много было всемирных завоевателей, мудрых царей, мудрых правителей, блестящих писателей, художников, ораторов, мыслителей, но они не славны в среде такого множества людей, не славны столь долгое время, не славны и не столь глубоко влиятельны на души человеческие, как восхваляемые ныне святители. Найдите такого правителя, царя, такого ученого, которого тысячу пятьсот лет во всем христианском мире, каждый день и притом в самые великие моменты просветления духа человеческого – за молитвою и богослужением, поминали бы миллионы людей!

В чем же, спрашиваем опять, в чем особенность жизни святителей, в чем их заслуга, где тайна, открывающая пред ними силу и влияние на века и тысячелетия?

Вот в чем тайна: все, что они имели, все дарования своего духа, всю жизнь и все свои силы без остатка они отдали Церкви. Они отдали свой труд, свой ум, талант, все сокровища духовные в самую верную сокровищницу, в самое надежное хранилище.

Куда обыкновенно расточают свои дарования мирские люди? Они служат временным интересам и потребностям людей: будет ли это нечто серьезное, будет ли это суетное и легкомысленное, все равно – все это на время, для временной пользы и на время малое. Забудут писателей, забудут служителей искусства, забудут еще скорее тех, что услаждали слух или зрение людей в местах забав и увеселений. Но праведники вовеки живут и мзда их у Господа; но вечны запросы веры; но не умирают и не умрут в людях стремления к нравственному совершенству; но неистребимы в нас алкание и жажда богообщения, правды в Боге, познания Его закона, восприятия Его воли, Его благодати, Его благоволения к людям и спасения. А это все, все сокровища таковой премудрости открыты Христом и во Христе, а тело Христово – Церковь, а мы в ней – Его члены. А так как Церкви обетована вечность и неодоленность, то и служение ей есть служение вечному, и память в ней есть вечная память.

И было время, когда ум, слово, искусство, архитектура, музыка, пение, поэтический дар – все, все, что есть высокого у человека, все отдавалось Церкви Христовой. Повторялось в области духа то, что мы теперь наблюдаем во внешнем житейском устройстве верующего народа: в селе кругом деревянные и соломенные избышки, а над ними всех выше, всех лучше – прекрасный каменный изукрашенный храм Богу... И как согласно и цельно текла жизнь! И как, напоенная духом благочестия, давала она великие плоды и залогов будущих плодов духа!

Не на этой ли основе стоят и обители иноческие? Не этому ли началу вечному служите вы, честные сестры и этой святой обители? Не о том ли говорят нам и это прекрасное пение, и чтение, и искусство, и этот чудный храм, и вся эта красота вокруг нас, в которую и сегодня облеклось наше богослужение? Не такой ли именно подвиг жизни явил пред нами и тот праведный муж, который своею любовью и усердием, и тру-

дами, и средствами создал на месте пуста все это великолепие храма и обители, и который теперь почил здесь навеки своим утрудившимся от земных трудов телом? Отец Иоанн, подобно ныне поминаемым святителям, точно так же все, что имел, все сокровища, и внешние и внутренние, все и все отдал Церкви, ею и для нее жил, о ней провещал вдохновенными речами и писаниями, к ней призывал всех людей, в эту врачебницу звал всех ищущих возрождения и спасения.

Недостало бы нам времени приводить здесь поучения батюшки об этом предмете, его восторженные хвалы Церкви Христовой. «Св. Церковь, – пишет он, – величайшее, святейшее, благоднейшее, премудрое, необходимое учреждение Божие на земле; это – истинная скиния Божия, юже водрузи Бог, а не человек. Только в Церкви заключается обновительная сила (для растлелшего грехом естества нашего); вне Церкви ее нет и быть не может»¹. Вот почему имеем и мы залог упований, что, подобно древним святым пастырям, имя и дух о. Иоанна не умрут, а пребудут вечною памятью в Церкви.

Думаете ли вы, что он только в церковном делании мог стяжать свою славу? О, нет! Если бы он уступил миру, если бы он пошел его путями и творил ему угодное, его теперешние хулители возгласили бы ему громовую славу. Своими редкими способностями, ревностью, настойчивостью в избранном подвиге решительно во всех областях жизни он был бы выдающимся человеком и имел бы успех. Но эта слава мира за угождение миру именно была бы тленною и недолговечною. Его мудрость, озаренная верою и молитвою, указала ему путь иной славы, нетленной и вечной, – в Христовой Церкви. Он пошел за теми бесчисленными святителями и пастырями, которые все, что имели, посвятили на служение Богу и отдали в употребление Церкви. Таковы Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, коих покойный батюшка так чтит. Таковы и многочисленные святители Русской Церкви, и среди них первопрестольники наши, великие самоотверженные боголюбцы и народолюбцы: митрополиты Московские – Петр, Алексий, Иона и

¹ «Христианская философия», стр. 97. – *Прим. авт.*

Филипп. И сих с особою любовью он почитал, и образ их велел написать у своей гробницы, в церкви-усыпальнице.

Русские боголюбцы и народолюбцы из первопрестольной Москвы, где сияли житием названные святители и где они почивают ныне телами своими в благоухании святыни, – все патриотические союзы Москвы, членом коих состоял о. Иоанн, уполномочили меня к сороковому дню после его кончины доставить сюда и возложить на могилу батюшки эту икону святителей Московских. Сегодня мы по сему случаю и совершаем здесь нарочитую молитву.

Прими, дорогой наш боголюбец и народолюбец, эту святую икону сродных тебе по духу великих русских святителей, верных слуг Церкви Божьей, верных сынов своего народа. И да будет тебе в Церкви Божией, наряду со всеми, ей отдавшими безраздельно и без остатка всю жизнь и все дарования, все труды и подвиги, – да будет тебе воистину вечная память!

II¹

Дорогие братья и сестры, плачущие и болезнующие над этой дорогою могилою!

Некогда, в Ветхом Завете, Исайя – пророк видел Господа, сидящего на Престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Его стояли серафимы; у каждого из них по шести крыл; двумя закрывали они лица свои, и двумя закрывали ноги, и двумя летали. И зывали они друг к другу и говорили: «Свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его». И поколебались верхи врат от гласа восклицających, и дом наполнился курениями. И сказал пророк, объятый ужасом: О, окаянный аз! Горе мне, погиб я! Ибо я человек с

¹ Слово, произнесенное на панихиде в церкви-усыпальнице о. Иоанна Кронштадтского 30 января 1909 г. По окончании службы одна добрая душа вручила говорившему пакет, в котором оказалось 100 руб. Об этом было сообщено игуменни Ангелине и причту, и говоривший, приложив еще 100 руб., внес их, как первую лепту, для устройства будущего хранилища (музея) имени о. Иоанна. От имени московских патриотических союзов внесена была сумма и на обеды бедным в память незабвенного батюшки о. Иоанна. – *Прим. авт.*

нечистыми устами, и живу среди народа тоже с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа! (Ис. 6, 1–5.)

Через много столетий, во дни Завета Нового, тайнозритель Иоанн также видел в откровении и Господа на Престоле, и жертвенник, видел и ангела с золотой кадильницею: и дано было ему множество фимиама, чтоб он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который пред Престолом; и вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки ангела пред Бога... (Апокал. 8, 3–5).

Представьте теперь себе вдохновенным верою воображением и благочестивым сердцем: вот, в 40-й день кончины, когда, по верованию Церкви, определяется судьба души человека умершего, когда она поклоняется Престолу Божию, – вот предстал пред Господом наш батюшка отец Иоанн. Как Исайя, в духе глубочайшего смиренномудрия и благоговения, конечно, и он воскликнет: «О, окаянный аз! Человек я с нечистыми устами, и жил среди народа также с нечистыми устами, и глаза мои видят Царя моего, Господа Саваофа!»

И скажет ему Господь: «Что это вокруг тебя такое великое облако и исполнено оно благоуханием несказанным?»

Ангел молитвы ответствует Господу: «Господи, это молитвы о нем несутся с земли!.. Давно не было такого их обилия: молятся иерархи и миряне, молится о нем Царь и народ, молятся дети, воины, богатые и бедные...»

И спросит Господь: «Что это шум как бы волнующегося моря, и волны его доходят до Моего превознесенного Престола?»

И ответствует ангел-предстатель печали: «Господи, это слезы о почившем в Тебе, Господе неба и земли, смиренном пастыре Твоей Церкви. Дети церковные, осиротелые, плачут о нем...»

И воззрит Господь на землю, и воззрит на тот храм и на эту могилу, у которой мы сейчас стоим. И слышит ухо Его, и зрят Его очи: вот плач и рыдание, вот каменный пол весь пропитан слезами, и на этом белоснежном мраморе гробницы, и на этом металле кануна осели слезы бесчисленных богомольцев; крупными и мелкими каплями и мельчайшими росинками блистают и горят они здесь при свете негасимых огней молитвы; и

просочили они твердый камень, и пропитали непроницаемый мрамор, и канули, и наполнили дорогой гроб, сияясь волнами своими вознести его до превознесенного Престола Божия... И скажет Сидящий на престоле, Ветхий деньми, Судия святой и вечный: «Добрый раб Мой! Молитвы и слезы о тебе дошли до слуха Моего. Часть твоя с теми, что пришли сюда от скорби mnogой. Они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца. За это они пребывают ныне пред Престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на Престоле обитает в них. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной. Ибо Агнец, который среди Престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу от очей их» (Апок. 7, 14–17).

И отвечает смиренный пастырь: «Аминь! Благословение и слава, премудрость и благодарение, и честь, и сила, и крепость Богу нашему во веки веков! Аминь» (7, 12).

І. Памяти В. А. Грингмута¹

Сегодня последнее наше общее собрание, созванное по указанию и по желанию нашего дорогого председателя, незабвенного Владимира Андреевича Грингмута². Казалось, неожиданная смерть его должна была бы заставить нас отложить собрание до другого раза. Но мы не хотели преступить предсмертной воли покойного. Да, такова именно была его предсмертная воля. За несколько часов до смерти, уже немеющим языком, он говорил о нем, распоряжался, беспокоился. Еще с нами его прах, еще не приняла его земля навеки. Пусть же наш вождь, как живой, еще с нами остается сегодня. Он желал – и мы сегодня собрались. Он указал назавтра быть нашему обще-

¹ Речь на общем собрании патриотов 30 сентября 1907 года. – *Прим. авт.*

² Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907), педагог, публицист, издатель, главный редактор ведущей правой газеты «Московские ведомости» (1896–1907), вождь московских монархистов, один из лидеров правого движения, организатор и руководитель Русской Монархической партии.

му патриотическому празднику, желал всех нас призвать на молитву и торжество с нашими священными хоругвями. И, послушные его голосу, мы придем сюда на молитву, мы склоним пред ним в знамение последнего «прости» наши хоругви-знамена... Дорогой наш, наш любимый вождь! Мы послушны тебе в этом, мы останемся послушны и всем твоим урокам, и подвигу твоей жизни, пока в нас будет жить дыхание жизни.

Среди нас нет ни одного человека, который не разделял бы того воодушевленного призыва, с которым обратились к нам твои непосредственные друзья, помощники, работники. Да, как ни тяжка наша утрата, но она не расстроит наших рядов и не вызовет ничего бегства с поля брани. Дорогим именем твоим мы обещаемся и клянемся нести твое бремя, делать и продолжать твой подвиг, твое дело.

Теперь уж не помешает нам скромность Владимира Андреевича говорить в этот день только о нем. Сегодня и не может быть у нас никакого другого предмета речи.

До 1905 года он был выдающимся педагогом, памятным для всех своих учеников, потом – редактором, журналистом, усердным, энергичным, талантливым, стойким в убеждениях, верным заветам своего учителя М. Н. Каткова¹, твердым пред всеми и всякими нападками врагов. Но война и опасность родят героев и богатырей. И он явился героем и богатырем именно в пору тяжелого нашего безвременья, когда злая смута черною тучей ползла по лицу земли Русской. Уже с конца 1904 года, когда мы слышали призыв недоброй памяти Святополка-Мирского о «доверии»² – о доверии ко всем предателям, из-

¹ Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист и литературный критик, издатель газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник», в которых начал публиковаться В. А. Грингмут.

² Святополк-Мирский, князь Петр Дмитриевич (1857–1914), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, министр внутренних дел Российской империи с 26 августа 1904 г. по 18 января 1905 г. 16 сентября, при представлении ему чинов министерства, произнес речь, в которой обещал в основу своей деятельности положить «искренно благожелательное и искренно доверчивое отношение к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще»; его министерство либералы называли «эпохой доверия»; уволен вскоре после начала массовых беспорядков в январе 1905 г.

менникам и преступникам и недоверии к твердым и честным Государевым слугам, – стало раздаваться могучим, будящим и призывным колоколом мощное слово Владимира Андреевича, слово обличения, слово грозящего вразумления.

С 18 февраля 1905 года¹ его сердце-вещун почуяло грозную опасность для русского народа, а с 17 апреля² – грозную опасность для Православной Церкви. С этого времени он, не переставая по-прежнему неустанно работать пером, весь ушел в общественную деятельность. Ранее всех теперешних патриотических союзов и содружеств он учреждает в апреле 1905 года Русскую монархическую партию³ и начинает собирать около себя разрозненных русских патриотов, которые инстинктивно почувствовали страшную опасность для Родины. С тяжелым чувством он заносил в свою летопись журналиста учреждение Государственной думы 6 августа⁴ и предсказывал, что она и не соберется по этому закону, а если и соберется, то не умалит, только увеличит смуту.

Здесь сказалось у него редкое чутье истины – плод горячей и проникновенной любви к Родине. Можно себе представить, что пережил он после всех неистовств, которыми торжествующие предатели России и еврействующие газеты ознаменовали 17 октября 1905 года. На улице шла дикая оргия, под окнами редакции раздавались бесчинные вопли, двигалась обезумев-

¹ 18 февраля 1905 г. были опубликованы царский Манифест об искоренении крамолы, указ Сенату, разрешавший подавать на имя Царя предложения по усовершенствованию «государственного благоустройства», а также рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина с предписанием о подготовке закона о выборном представительном органе – законосовещательной Думе. Автор имеет в виду последний документ.

² 17 апреля 1905 г. был обнародован Указ «Об укреплении начал веротерпимости», провозглашающий свободу вероисповедания и уравнивавший расколы, секты, инославные и иноверные конфессии в правах с Православной Церковью.

³ 24 апреля 1905 г. под председательством В. А. Грингмута состоялось первое собрание кружка единомышленников, по результатам которого при редакции «Московских ведомостей» было создано Центральное бюро (этот день принято считать днем рождения Русской Монархической партии).

⁴ 6 августа 1905 г. были обнародованы Манифест «Об учреждении Государственной думы» и «Положение о выборах в Государственную Думу».

шая толпа; каждую минуту можно было ожидать, что ворвутся в дом для дикой расправы с главою «черносотенцев»... А у Владимира Андреевича заседал Совет Монархической партии.

«Царя у нас украли», – вот исторический его возглас в тот памятный вечер. Ни на один момент он не усомнился в правде своего русского политического исповедания, ни на один момент он не поколебался в борьбе. Со следующего же дня после объявления Манифеста 17 октября он в своей газете так же твердо, как прежде, так же ясно, определенно и уверенно, но с удесятенною энергией и настойчивостью писал о самодержавии русского Царя, о правах русского народа, о положении Православной Русской Церкви. Было вооруженное восстание, заполнили всю жизнь безумные забастовки, прекратились на время все газеты... Потом они стали выходить со статьями-прокламациями; все вопило о конституции, все кричало, что народ «вырвал» себе свободу, все говорило о новых приобретениях... для евреев, инородцев и предателей Родины. Рабочие врывались в типографии патриотических газет, рассыпали набор, выгоняли служащих... Расстреливали и убивали русских патриотов. Страшно было сказать правое и трезвое слово...

Неколебимо, день за днем, из номера в номер газеты, Владимир Андреевич еще с большею, чем прежде, смелостью говорил в это время о том, во что верил и что нам завещал. Как его не убили – это Божье чудо! Как его не убили потом, как он избег множества опасностей, уцелел при множестве покушений, – это непостижимо.

Он почти не берегся. Он с трудом и неохотой уступал просьбам близких и друзей принять хоть какие-нибудь меры охраны своей жизни и предосторожности. В марте прошлого года на него было организовано дерзкое, по бесстыдству выдающееся покушение (являлась девушка с бомбой, наперед по телефону назвавшись женой убитого революционерами офицера); опасность только что миновала, – а вечером он уже был на собрании, о месте и времени которого было наперед оповещено в газетах, в глухом углу Москвы, ездил туда по обычаю один и говорил с таким воодушевлением, как будто ничего с

ним не случилось. Как его не убили в многочисленных поездках, о которых всегда было наперед известно, — мы и до сих пор понять не можем. Высшая сила хранила его до уреченного времени, заповедного предела. Теперь воля Божия свершилась!..

Кто исчислит его труды, и тяготы, и болезни, досаждения от чужих и своих — все, что перенес он с благородным терпением за эти последние годы в деле умножения и упорядочения патриотических организаций? Его скромность и уступчивость, его незлобие, верность как друга и товарища, его готовность на всякую черную работу для любимого дела, его речи, поездки, беседы с единомышленниками, его бессонные ночи и трудовые дни — все это невольно заставляло склоняться пред ним всех, кто имел высокое счастье жить с ним и работать.

Восточная поговорка гласит: «в деревья, у которых нет плодов, никто не бросает камни»: они спокойны, вечно зелены. Всем приметны и видимы были плоды работы Владимира Андреевича, — и сколько поэтому в него летело камней!

Как усердно враги его дела искали в нем личных недостатков! Как усердно выискивали обвинения в каких-либо пороках, в чем-либо позорящем и недостойном! Не находили!! Его образ светлый остался незапятнанным. Можно было не соглашаться с его воззрениями, можно было с бешенством и злобой опрокидываться против его дела, но нельзя было, и никому из его противников не удалось, обличить его в чем-либо укоризненном и позорящем его, как человека и христианина. Только и находили в нем вины — его нерусское имя, только над этим и изощряли плоское остроумие, и это, главным образом, делали те, которые в своих речах и писаниях отрицали всякое различие народностей, глумились больше всего над русским национальным самосознанием и служили иностранцам и евреям. Заподозривали искренность его работы, искали побуждений нечистых, корыстных, уверяли, что он — подкупной слуга власти. Но после 1905 года, когда на него сыпались удары власти; когда искали его души; когда его разорили и отняли даже то, на что он имел право по закону; когда совершенно потрясли его материальное положение, — а он все-таки неустанно

боролся и высоко держал свое знамя: тогда даже не имущие стыда и совести устыдились, и обвинения в неискренности прекратились. Наряжен был над ним и суд... И ныне в суде этом «дело» его не кончено... Так и не дождался он этого суда земного. Стыдно было и приступить к нему его судьям; больше года никак не могли назначить день суда. Ныне восшел он к суду Божию, и Господь узрит, любил ли покойный Родину, или желал ей зла, как это хотели доказать судьи земные.

Но ко всей и всякой вражде он относился с христианскою кротостью, именно с кротостью, и не с презрением или безмолвною злобой. Ничто не выводило его из душевного равновесия и из подвига неустанной работы. Когда, бывало, всходил он на эту кафедру в любимом им Епархиальном доме, когда голос его гремел громом и очи сверкали огнем воодушевления, — кто мог думать, что его тяготит давний недуг, что он давно переутомил свои силы, что он и эту и без числа других ночей перед нею не доспал, не отдыхал, что он только что прочитал все грязные клеветы против него в газетах, только что получил какую-либо тяжкую неприятность.

В последнее здесь общее наше собрание он говорил с обычным воодушевлением; а сам он едва сидел за столом, извиваясь от более мучительного карбункула, о котором никому не говорил. А вечером он уже хотел ехать в Орел, и только пред самым отправлением на поезде он телефонировал: «не могу; чувствую, что свалюсь»... Никто не знал и не видел, как поздно ночью, буквально «сваливаясь», а не ложась в постель, он только мог сказать: «ах, как я устал, как устал!» А утром рано опять был в бодрой работе, опять на своем посту, на своем деле писателя, глашатая, крепкостоятельного вождя и споборателя за русское дело. И так без отдыха изо дня в день.

Он и умер, как жил: верным рабом Господа, верным слугой Царя и народа, праведным христианином. Вечной памяти достойна его богатырская кончина. Среди бессонных ночей, среди мучительных дней он не оставлял заботы о нашем деле, — и Родина святая, одна Родина составляла предмет его предсмертных дум и попечений. Горяча и проникновенна была

его предсмертная молитва; исповедь, причастие, соборование – все это он исполнил, как верующий христианин; до конца он повторял за священником слова священных молитвословий. Но и в тот миг, когда он стоял на грани двух миров, среди молитв и предсмертных борений, когда его взор уже зрел лицо вечности, – бросая прощальный взгляд на мир, им покидаемый, он думал не о личных делах, не об устройении земных личных расчетов, а о нашем дорогом деле спасения Родины, о нас, о своих друзьях, последователях и единомышленниках была его дума, и уже коснеющими устами шептал он последние заветы: «Ухожу... Расстанемся... Соединяйтесь... Поднимайтесь... Молитесь, православные русские люди!»

И силился он при этом подняться своим еще недавно могучим, а теперь уже немощным телом, и, падая в изнеможении и бессилии, он обводил всех потухающими очами, как бы в последний раз призывая всех своих сплотиться на работу и подвиг; он искал, он звал...

Кого он искал и кого звал? Преемника своего? Такого лица нет и быть не может. Заменить покойного невозможно. О, поистине мы несчастны! Наши работники, наши богатыри или избиты пулями и бомбами, или сгорают во цвете сил и мужества в непосильных трудах!..

Счастье наше в том только, что мы живем правдою и силою не отдельных лиц, а вечною правдой и силой исповедуемых нами начал жизни: православия, самодержавия, русской народности. Религиозного и патриотического воодушевления подавить в русских людях невозможно. Чудным, сказочным напряжением сил покойный Владимир Андреевич сплотил около себя рассыпанных и рассеянных дотоле, поникших под страшными ударами русских людей, любящих Бога, верных Царю и Родине. В этом – его бессмертная заслуга. Он их звал, объединял, учил и сковывал в цельный и мощный организм.

И они-то, то есть все мы, русские люди, верные Богу, Царю и Родине, не поклонившиеся блудному Ваалу иных начал жизни и власти, просветленные русским самосознанием, воспрянувшие к бодрой и дружной работе и решимости бо-

роться за Родину, мы все, взятые вместе, и являемся преемником незабвенного нашего Владимира Андреевича.

С дерзновением веры, понятным только для имеющего счастье веровать, к своим предсмертным заветам Владимир Андреевич, призывая русских людей объединяться, прибавил знаменательное слово: «Я за вас буду молиться». Дай же Бог, чтоб его молитва не была скорбною, чтобы мы не омрачили его загробного покоя изменой, холодностью и равнодушием. Дай Бог, чтобы пред лицом Вечной Правды и Милости он мог, при виде нашей верности его делу, сказать словами святого Апостола: *не вотще текох, не всуе трудихся...*

Дорогой Владимир Андреевич! Пройдут тяжкие первые дни нашей острой и жгучей скорби, пройдут месяцы и годы. Потускнеет ли твой светлый образ, забудем ли мы тебя? Изменим ли твоей памяти? Нет, дорогой наш и любимый! Имя твое будет бессмертно в памяти русской, могила твоя не будет одинока! Бог, Которому ты служил в смирении и в детской простоте сердца, Церковь, которой ты был кротким и послушным сыном, покроют покровом любви твое загробное пребывание, уготовают тебе вечные кровы. Дела твои пойдут вслед за тобою по ту сторону могилы и пред лицом Судии Вечного будут немолчно говорить о твоей жизни, не знавшей личных радостей, всецело, от первых дней нежной юности, отданной на службу Церкви и Родине.

И услышишь ты голос Тайнозрителя: «Блажени мертвии, умирающие о Господе. Ей, глаголет Дух: починут от трудов своих».

История человеческая, история русского народа занесет тебя на свои скрижали, и на расстоянии, в историческом освещении и перспективе, когда спадет личная против тебя злоба, когда улягутся страсти, когда наступит время бесстрастного суда, когда сгинет и сгниет все мелкое, ничтожное, весь прах земной суеты, – твой образ будет представляться все ярче, все величавее, все выше и чище. И сколько бы ни прошло над нами испытаний, и чем больше будет этих испытаний, мы и наши потомки и преемники нашего дела будут помнить предсмертный завет твоей богатырской кончины:

«Ухожу. Расстанемся. Соединяйтесь, поднимайтесь, молитесь, православные русские люди! Я за вас буду молиться!»

II. Памяти В. А. Грингмута¹

В истории народа Божия, в самые важные моменты его мирового служения, в исполнении им мессианского призвания своего мы видим, что иногда Господь приобщал к избранному роду людей иного племени, истинных израильтян, в которых не было лукавства, – израильтяне не по плоти, по духу.

У гроба незабвенного Владимира Андреевича нам невольно приходит на мысль это библейское указание. Рисуется чудная картина из времен героической истории народа Божия. Был тяжкий голод в земле Израильской. К голоду присоединилась смута внутренней жизни и полное безначалие. «В те дни, – так объясняет это явление Библия, – в те дни *не было царя* у Израиля, и каждый делал то, что ему казался справедливым»... В это время один израильтянин с женою Ноэминью и двумя сыновьями, спасаясь от голода и общественных нестроений, переселился в соседнюю Моавитскую землю. Скоро он умер. Сыновья женились и скоро тоже умерли. Осталась свекровь с двумя невестками. Ноэминь решила одна возвратиться на Родину, а молодых невесток уговаривала остаться дома, выйти замуж, жить среди своего народа. Одна из невесток послушалась, а другая, именем Руфь, так привязалась к свекрови, так полюбила ее и ее народ, что пошла за нею на полное тревог и неизвестности будущее, на нужду и неизбежное горе. «Куда мне идти? – говорила Руфь. – Куда ты пойдешь, туда и я пойду; твой народ будет моим народом, твой Бог будет моим Богом, и где ты умрешь, там и я умру и погребена буду». Руфь потом сделалась бабкою царя Давида, и святое Евангелие указывает ее в числе предков по плоти Господа Иисуса. Она, следовательно, приобщена была к основной, мессианской задаче народа богоизбранного, к тому, что составляло существо его жизни.

¹ Речь при погребении В. А. Грингмута, 1 октября 1907 г. – *Прим. авт.*

Перед нами, в этом гробе, окруженный таким великим множеством выразительных знаков любви и преданности, окруженный таким многолюдным собранием друзей, учеников и почитателей, окруженный невиданным для частного человека почетом, – пред нами пришел в этом гробе на последнее пребывание в земном храме человек, история и жизнь которого до некоторой степени напоминают историю библейской Руфи. С нерусским именем – он был с русской душой и приобщился к самому сокровенному, святому святых жизни русского народа. Он происходил из старой, собственно славянской, фамилии, но онемеченной в Пруссии, от отца, который переселился из своей немецкой Родины для служения делу просвещения в нашу страну. Владимир Андреевич и родился, и вырос, и всю свою жизнь провел уже в России.

И Россия стала для него в полном смысле Родиной святой, дорогим и горячо любимым Отечеством. От лет юности, как только впервые раскрылось в нем сознание, он сказал России словами Руфи: «Куда мне идти? Куда ты пойдешь, туда и я пойду; твой народ будет моим народом; твой Бог будет моим Богом...» Всю жизнь он отдал потом на служение русскому народу. Наделенный от Бога не одним, а всеми пятью талантами, он в этом избранном тернистом пути жизни, в служении русскому народу, его вере, историческим заветам и устоям его государственности работал на все таланты, ему данные, и ни одного из них не закопал в землю. Педагог, журналист, общественный деятель, организатор и руководитель патриотических союзов – везде и на всех поприщах он отдавался своему долгу, своему делу всецело и безраздельно...

Твой Бог будет моим Богом...

С редким проникновением и чистою искренностью он принял и вошел в дух нашего святого православия. Он веровал попросту, как крепкий верою простой, разумный, цельный натурою наш крестьянин. В нем сказалась исконно природная славянская душа; в православии она обрела для себя родную стихию. Он постиг существо православия в его простой, не мудрствующей лукаво вере, в его глубоком смирении, в его

всеобъемлющей церковности – той церковности, которая есть и плод, и проявление, и условие, и источник истинного братолюбия и союза верующих в Господе и между собою, которая свидетельствуется и запечатлевается у православного в его мысли и жизни, в его внешнем поведении, в каждом его движении, – во всем внутреннем и внешнем укладе его жизни. В годину потемнения религиозной совести, в тяжкое время всяких нападков на истину Христову и на истину православия, когда против нее стали вздыматься шумящие волны то неохристианства и толстовства, этого нового арианства, то религиозного рационализма и равнодушия, то нелепого обновленчества, покоящегося на том же духе сектантства, самомнения и рационализма, то, наконец, открытого материалистического неверия, – Владимиру Андреевичу было гораздо труднее, чем кому-либо другому, выступить борцом за православие. Люди пустые, но криком себя выдвигающие, все измеряющие внешнею мерой, могли сказать ему и говорили: давно ли и искренно ли ты сам стал православным? Но покойный никогда не знал ложного стыда. Смело и решительно на знамени своем прежде всего он поставил православие. Чутко следил он за всеми интересами православия, с Церковью одною он жизнью дышал, как живой ее член, как живой камень ее здания. В последний раз сказала его вера в его истинно праведной кончине. Внезапно пришел к нему страшный час смертный; он знал и ясно видел, что умирает. Впереди еще могло быть много лет жизни и успехов.

Он видел уже, как его дело патриотическое вокруг него росло и крепло, как множилось число его учеников – и каких учеников! За него многие буквально готовы были идти на смерть, а когда он умер, когда вчера его здесь поминали, сколько пролилось здесь, в этом храме, горячих слез, сколько раздалось рыданий!.. А эти слезы, что льют сейчас, рыдания, что мы слышим в эти минуты... Что это, как не свидетельство горячей любви к нему?! И все же покорно он склонился пред ангелом смерти, и умирал в общении с Церковью, весь в молитве, весь обвешанный и напутствованный святыми таинствами. В последний момент жизни, в предсмертном просветлении

веры, он в прощальных словах обещал молиться за тех, кто с ним страдал и трудился.

И блажен ты, веровавший, яко будет совершение глаголанном тебе от Господа!

И блажен ты, раб благий и верный, со тщанием и страхом Божиим трудившийся. Ты внидешь в радость Господа своего!

Твой народ будет моим народом... Это высший подвиг любви и благодарности к ближнему. И этим подвигом самого высокого, благородного и самоотверженного патриотизма горел незабвенный Владимир Андреевич всю жизнь. Громко раздавался его голос в дни радостей и печалей русского народа. Смело он разил словом его врагов. Злоба, клевета, угрозы, преследования, оскорбления и смертельные опасности не остановили его патриотического служения. Зорко он следил за всеми интересами русского народа, Русского государства, не молчал никогда, если интересы эти терпели ущерб, и грозную и горькую правду не раз с самоотвержением говорил он князьям людей, и правителям народа, и сильным земли...

Ему судил Господь работать в тяжкое безвременье смуты и революции. Неисходное горе нашей неудачной последней войны, позор которой почти всецело приготовлен русскими изменниками, сделавшими все, чтоб умалить русский патриотизм, чтобы помочь врагам и ослабить Россию внутренними волнениями; смрадная смута и наша гнусная, редкая по бесстыдству и отсутствию идеальных основ революция, созданная предателями Русской земли внутри и врагами ее извне, — вот при каких обстоятельствах пришлось жить и действовать покойному в последние годы жизни.

Святая Библия, рисуя непорядки и нестроения в земле Израильской, о причинах их кратко и выразительно замечает: *в те дни не было царя у Израиля...*

У нас был и, слава Богу, остался Царь. Но, как в заболевшем организме все гнилые и злые силы его устремляются на главные органы, как бы ища погибели и смерти тела, так и в нашем потрясенном после несчастной войны государстве гнилые и злые силы, освободившие себя от всяких нравственных

начал и сдержек, от всяких обязательств и велений долга и верности, устремились с адскою злобой против Царской власти, против создавшего и хранившего Россию самодержавия. Это был самый верный путь гибели России. Под влиянием этого движения, – почему-то назвавшего себя «освободительным», а в сущности способного принести только внешнее и внутреннее рабство народу, – настала на Руси страшная анархия, появились грозные признаки распада жизни... Повторилось буквально то, что было в древнем Израиле: «каждый делал, что он считал справедливым».

И вот, во дни этой смуты и совершил Владимир Андреевич свой бессмертный подвиг. Как некогда Гедеон¹, он кликнул клич к верным сынам России, он звал к себе только сильных и смелых, и в то время, как кругом его народившиеся политические партии и их вожди манили народ всякими соблазнительными обещаниями земных благ, он ничего не обещал своим единомышленникам, кроме радости умереть за Родину и кроме терний всяких страданий от врагов Родины. И он собрал вокруг себя такую великую рать, что враги, уже готовые похоронить старую Россию, а с нею упразднить и русский народ, с удивлением увидели, что дело их не только далеко от победы, но и прямо проиграно.

Думали враги, что опозорили и похоронили самодержавие. И вот, Владимир Андреевич именно самодержавие поставил во главе своего политического исповедания; именем и обаянием Царского самодержавия, покоящегося на религиозно-нравственных началах, на русском самосознании и патриотическом воодушевлении, он сплотил кругом себя великое множество народа всех званий и состояний – от образованных до простецов, от простых рабочих до представителей знати.

Религиозно-патриотическое движение в России оказалось сильным, широким и глубоким, и с ним, хоть и со злобою и ненавистью, но стали считаться. Конечно, не Владимир Андреевич его создал: оно – создание живого, еще не изжившего, здорового, со здоровыми инстинктами народа. Но он был его

¹ Гедеон, один из судей израильских, освободивший евреев от нападений мadianитян.

вдохновенным глашатаем; он был для русских патриотических союзов организатором не редкой только, но прямо единственной по силе и бесстрашию энергии. Он был в полном смысле вождем русских патриотов, и то обстоятельство, что ни происхождение, ни положение и звание, ни русское имя – ничто внешнее ему не помогало, это и показывает, как велики его действительные заслуги в этом деле, как велики его труды и подвиги, пред которыми смолкли все предубеждения.

Он умер рано, – по человеческому рассуждению. Он сгорел в подвиге. Он пал жертвой своей любви к России. Но, усталый от трудов и борьбы, он мог пред смертью с полным правом сказать: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром...» Да, его очи, действительно, уже видели спасение русской России, ему уже предносился свет ее во откровение языком. Он видел начало победы, он имел сладкое утешение сознавать, что его трудом, подвигом и напряжением сил в значительной степени сломлена революция. Как Моисей, не вошел он в землю обетования, но ему дано было ее издали узреть и приветствовать. Он не дожил до полного умиротворения Родины. Но он заложил зерно великого дела и увидел его первые ростки. Последние годы его жизни, и особенно его смерть, праведная, бестрепетная, богатырская, – все это было как бы последним ударом резца великого художника над цельным и величавым его образом. Подвигом добрым он подвизался, течение свершил, веру соблюл, – ныне готовится ему венец правды. Он заслужил право на историческое бессмертие в числе лучших сынов России, потрудившись неустанно, до вечера жизни, для ее блага. А бессмертие личное – удел его святой веры. Он служил вечному. Он сеял в духе, а сеющие в духе от духа пожнут в жизнь вечную. Он служил любви к Богу и ближним, к Богу и Родине. А любовь не умирает, по слову Апостола, *не умирает никогда*, хотя пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и самое знание упразднится (1 Кор. 13, 8).

В первые часы после его смерти, когда уже мертвый положен он был на одр, когда близкие пришли к его праху и склонились в молитве, они услышали слова Псалтири и их заповедали

мне внести в это мое надгробное слово. Кругом царила благоговеиная тишина, все смолкло пред тайной смерти, только тихо звучало чтение псалмов. Казалось, Владимир Андреевич лежал не мертвый, а живой, и устами Псалмопевца говорил плачущим и болезнующим и чающим Христова утешения:

«Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на людей. Враги нападали на меня... окружили меня, как пчелы (сот), и угасли, как огонь в терновнике. Именем Господним я низложил их. Не умру, но жив буду, и возведу дела Господни. Отверзите мне врата правды, войду я в них, прославлю Господа. Вот врата Господни, праведные внидут в них. Камень, который был в небрежении у строителей, соделался главою угла. Это от Господа и есть дивно в очах наших... Сей день сотворил Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный» (Пс. 117, 9–24).

Прости, прости, наш дорогой и незабвенный Владимир Андреевич! Вниди, скончав дни, – победителем вниди в покой твой, в упование бессмертия! Ибо побеждающему обещовал Господь дать вкушать от древа жизни, обещовал дать сести на Престоле Божиим... (Апок. 2, 7; 3, 21).

Да будет покой твой – честь! Путь твой в горние селения да будет легок и благословен. И да будет тебе уготовано место упокоения, и душа твоя во благих водворится!

Вера твоя спасет тебя. Ибо верою ты знал – знал, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный и вечный (2 Кор. 5, 1).

Вечная тебе память в очах Бога твоего! Бессмертна твоя память на земле живых, среди горячо любимого тобою русского народа! Аминь.

III. Памяти В. А. Грингмута¹

«Молитесь, православные русские люди!»

Девятый день нашей скорби... По исконному церковному обычаю, мы опять здесь, у дорогой нам могилы, опять на мо-

¹ Речь на могиле В. А. Грингмута в 9-й день по его кончине. – *Прим. авт.*

литве о нашем незабвенном покойнике. Мы исполняем его завещание о молитве.

Но эту ли только молитву любви и благодарной памяти разумел умирающий Владимир Андреевич, когда призывал к ней русских людей? Зная его, зная, что в нем общее благо и дело его патриотического служения перевешивало и совершенно подавляло его личную жизнь и личные заботы и интересы, мы можем с уверенностью сказать, что он призывал своих друзей, сотрудников и единомышленников к молитве за успех и благо нашего общего дела спасения Родины от охватившей ее смуты. Никто лучше его не знал, как тяжело наше положение. Никто столько не перестрадал, видя и на себе испытывая, что нас часто бьют не только те, которые нападают на наши заветные святыни, но и те, которые должны их защищать и, по видимому, защищают; что на нас, при защите сидящих в доме и осажденных врагами, сыплются удары не только от врагов, но и от тех, кто в доме сидит и, по роковому недоразумению или непониманию, и нас считает за врагов...

И думается, пророческим был призыв Владимира Андреевича к молитве. Чудится, что он провидел для нас надолго такое мучительное положение, и провидел, что мы будем унывать, и тужить, и колебаться. И вот он призвал нас к молитве... Пока он был с нами, мы стояли за его широкою грудью, за его могучими плечами... Нам было часто совсем покойно, когда он страдал; мы отдыхали, когда он неустанно работал. Мало того, многого и из его внутренних духовных сокровищ, и из созданной им внешней обстановки, для нас благоприятной, мы не ценили. Теперь его нет с нами, и какая сразу почувствовалась пустота! А что будет дальше, какие испытания и лишения нас ждут, — это Богу известно. Запомните слово мое: мы можем сказать каждый только словами Апостола: «Се аз грядущи *связан* духом, яже хотящих мне приключится неведый... Только дух свидетельствует, что узы и скорби нас ждут»...

Мы утешены тем сочувствием, которое все классы общества проявили к смерти Владимира Андреевича. Незабвенны его похороны. Ни единого искусственного приема не было

употреблено, никаких усилий к тому, чтобы собрать народ, чтобы устроить из погребения общественное событие и знамение, как это делается обычно в лагере врагов наших, а между тем Москва увидела что-то редкое и невиданное. Не было толпы, не было празднующегося и легкомысленного сборища: был, в истинном смысле, *народ* благоговейно-молитвенно настроенный. Уверял в печати один презренный блудослов-еврей, что о покойном некому поплакать и некому пожалеть, – а между тем мы видели, что смерть Владимира Андреевича почувствовалась тысячами людей, окружавших его гроб, как смерть близкого, родного человека, и редко о ком пролилось столько чистых и искренних слез. Наконец, и печать, которая так безжалостно клеветала на него и преследовала его при жизни, признала в нем и талант, и искренность, и незапятнанную нравственную чистоту. Пресмыкающиеся пред революцией гады печати на время затихли и скрылись в подполья, при виде столь знаменательного сочувствия, неожиданно для них проявившегося со всех сторон по отношению к почившему.

Однако не преувеличивайте этого утешения. Увы, таково уж русское общество, что в нем нет собственно ни того, что принято называть настоящим общественным мнением, ни прочных общественных настроений. Бессознательно стыдно стало за то, что травили человека, безгранично любившего Россию, – и все склонилось и умолкло пред его величавою смертью. Но пройдет порыв, и снова слух склонится к тем же выползшим гадам печати и к их гнилым и пошлым словоизвержениям: ведь то, что они говорят, так мало требует ума и размышлений, так мало говорит о труде, подвиге и самоотвержении, так льстит грубым инстинктам и низменным пожеланиям плоти и духа. Ведь отрицать так легко, и на отрицании показать себя умным и показаться таким в собственных глазах – так приятно.

Не прекратится и вражда против нашего дела, а помощи нам ждать неоткуда. Утрата Владимира Андреевича – налицо, а приобретения, замены, восполнения скорби и лишений – нет и не предвидится... Надежда вся на правоту нашего дела и на собственную нашу работу... И тут нужен нам великий подъем

духа, и тут нужны нам великая сплоченность и крепкое объединение – все то, что завещал, умирая, покойный.

И нужна нам молитва. В молитве просветлеет наш дух и отгонит от себя лукавые и мрачные образы уныния и всяких соблазнов. В молитве мы найдем готовность и решимость грядущие нам страдания перенести с христианским мужеством, обратить их в великое душевное обогащение и в силу победы.

Помолимся об упокоении незабвенного Владимира Андреевича: его образ, его жизнь, его подвиг мужества и любви к Родине будет нам звездой путеводною!

Помолимся Богу браней об успехе нашей духовной брани в защиту святынь веры, Церкви и Родины!

И да будем в уповании не унывающими, тщанием не ленивы, духом горящи, Господеви работающи, – и в молитве пребывающи! Аминь.

IV. Памяти В. А. Грингмута¹

Наконец и царское слово сказано о нашем дорогом покойнике – слово «искреннего соболезнования по поводу утраты столь честного и мужественного борца за достоинство и мощь России». Светлую и отрадную вестью приспела царская хвала к нынешнему поминальному дню, к нынешней нашей молитве. Говорит нам покойник словом Святого Писания: «Сплю я, но сердце мое не спит». Слышит его сердце наши молитвы, слышит слово царского благоволения, которое было для него в жизни высшею наградой на земле. И рады мы, что сегодня к нему на могилу, для беседы с ним, принесли мы весть радости.

Царская хвала... Вспоминается царская хвала, о которой рассказывает нам Библия. Народ избранный подвергся нашествию гордых и жестоких чужеземцев. Пришел к нему враг в силе тяжелой. Вышел к нему и Израиль, и стали два враждебные стана один против другого. И вот, из лагеря врагов

¹ Речь в 20-й день по кончине В. А. Грингмута, 17 октября 1907 года. – *Прим. авт.*

выступает великан Голиаф; он зовет противника на единоборство; победа должна решить не только исход войны, но и судьбу целого народа, все его будущее. Выходил великан, весь закованный и защищенный латами, броней и панцирем, потрясая медными гремящими доспехами; величался он предрядами оробевших израильтян, проклинал Бога их и все святыни, хвалился богами своими.

Тут вышел против него молодой Давид, юноша белокурый, с голубыми глазами, внук той Руфи, чужеземки-моавитянки... Вышел он с пламенной верой в Бога, с горячею любовью к своему народу, верный богоданному царю, не на лук свой и не на силу своих мышц уповая, а надеясь только на правду и силу Божию. Он без воинских доспехов. В руках у него – только праща, невинное, детское оружие. И стал над ним издеваться чужеземец, звал его презрительными именами, грозил ему скорою смертью – «проклял его идолами своими».

Сошлись враги. Юноша в силе веры и подвига пошел на Голиафа. И был Господь с ним; камнем из пращи ударил он врага прямо в лоб, свалил на землю и его же мечом отрубил Голиафу голову. Враги бежали вон из земли народа Божия. И было ликование народа, и была царская похвала победителю.

Не в грозе военной, не честным и открытым боем, а в гнилой мгле измены, лжи и предательства вышел против русского народа враг его... Разумейте здесь что угодно: личность ли определенную или общий дух и направление времени, – это все равно... Общее мелкодушие, продажность, лень, беспечность и трусость возвели его в глазах многих в великаны. И высился он, вырастая из ничтожества мнимую силой, влиянием, титулами, положением, богатством... Он стоял, окруженный иноплеменниками, и, на них опираясь, предавал Россию; он бряцал золотом, подкупая все и вся, он гремел и потрясал доспехами, облеченный и защищенный всею силою государственной власти, страшный своим высоким положением... Он издевался над вековыми святынями исторической жизни нашего боголюбивого и царелюбивого народа, он проклинал основы ее идолами чуждой государственности...

Вы знаете, о ком и о чем я говорю; мне не нужно пред вами называть неблагословенное имя¹. Ровно два года назад, в этот самый день, все это омрачило воспоминание спасения Царя и России, омрачило тяжким опасением гибели Царя и России. Лживая и вкрадчивая речь, – как речь искуателя-сатаны, навеянная предательством, ложью, изменой, навеянная жадными вожделениями иноплеменников и идолами чужеземного, для нас отвратительного государственного строя, – послужила в этот самый день 17 октября началом и источником неисчислимых бедствий нашей Родины.

Успех или неуспех предательства решал судьбу России, все будущее нашего народа...

И вот, во дни всеобщей робости и запуганности, когда многим казалось уже, что дело предательства и предатели восторжествовали, когда новый Голиаф стоял на верху силы, когда честолюбивая воспаленная мысль уже рисовала для себя впереди картины всеобщего поклонения, и святотатственную рукой враг касался царской короны и в сочиняемых им Основных законах Империи уже умалял священные права верховной самодержавной власти, – в эти страшные дни вышел против предателя малый, совсем малый, сравнительно с ним, по своему общественному положению человек. Он вышел безоружный, он противопоставил всему дьявольскому оружию врага как бы малую пращу – только перо журналиста.

Это был Владимир Андреевич. С верой в сердце, с любовью к Царю, Родине и русскому народу, с непоколебимою убежденностью, с отвагой геройства, с бесстрашием, доходившим до готовности принять все муки, стал он разить словом нового Голиафа. Велико было его искусство, Господь ему сопутствовал Своею помощью. Он бил врага прямо в бесстыдное лицо, – и пал гнилой великан, гремя доспехами, и отрубила ему голову в политическом смысле та самая первая Дума, которую он сам старательно собирал из всех инородцев и врагов России для борьбы с Царем и народом...

¹ Имеется в виду граф Сергей Юльевич Витте (1849–1915), возглавлявший с октября 1905 г. по апрель 1906 г. Совет министров Российской империи.

А его победителя помянул народ, в великом множестве проводивший его к вечному покою, теперь же восхвалил и Царь, спасенный и спасаемый в силе его священных прав самодержавия.

Помянем его ныне, по уставу церковному, заупокойным молением...

Да помянет его и Царь Небесный в царствии Своем ныне и вовеки. Аминь.

У. Памяти В. А. Грингмута¹

Кончаются частые поминовения нашего дорогого усопшего, предписываемые церковным уставом в течение первых сорока дней после смерти христианина. Теперь почти на полгода прекращаются нарочитые собрания наши для поминальной молитвы, но не умолкнут любящие сердца, не перестанут молиться о почившем его друзья и близкие, почитатели и ученики в своей домашней молитве, а немолчно говорящая и непрерывно текущая жизнь все чаще и чаще будет нам также напоминать о нем, ее события будут постоянно ставить перед нами вопрос: что сказал бы и как бы поступил в том или другом случае незабвенный Владимир Андреевич?

Могу засвидетельствовать, что в обеих столицах, встречаясь со множеством людей самых разнообразных положений и взглядов, все чаще и чаще приходится слышать признание: только после смерти Владимир Андреевич вырос в нашем сознании в его настоящую величину, только теперь мы его оценили и поняли, только теперь увидели, кого мы в сущности лишились.

От чего зависит это посмертное обаяние почившего, от чего и теперь, и надолго впредь он останется учителем для нас и для очень многих русских людей?

Ответ один: в жизни своей, в писательстве, в слове, в работе, в отношениях к окружающему миру Владимир Андрее-

¹ Речь при поминании В. А. Грингмута в сороковой день со дня его кончины, 6 ноября 1907 г. – *Прим. авт.*

вич шел и прошел прямо, как стрела. От начала и до конца своей сознательной работы он оставался себе верен, всегда одинаков. Оттого и слово его, как капля, ударяющая неизменно и непрерывно в одно место, производила свое действие. Оттого не напрасно он прожил, не вотще трудился. Конечно, многое из того, что он сеял, падало, по-видимому, мимо борозды, и долго труд его казался неуспешным. Но терпение, настойчивость, постоянство в мысли и труде делали и сделали свое дело, покаяя умы и сердца. Не только собственное настроение его перед смертью, не только его заветы русским людям собираться, объединяться и молиться были свидетелями его верности себе до конца, но и то, что от него уже не зависело, – самое его погребение и поминавание, – так удивительно гармонировало с его личностью и жизнью! Вокруг него было и остается все то, что он так горячо любил живой: благоговейный в молитве народ, чинное и благолепное богослужение, священные хоругви-знамена, проводившие его до могилы и над ним в последнюю минуту земного прощания склонившиеся, – и эта непрестанная молитва о нем по всей России, во всех патриотических собраниях и союзах.

Как хочется теперь, в эти минуты, ввиду событий всем нам известных, услышать твердое и прямое слово покойного нашего вождя и глашатая! Что сказал бы ты нам теперь, наш дорогой Владимир Андреевич? Как нужно нам теперь твое отрезвляющее и остерегающее слово! Как нужна нам оценка переживаемого нами положения во свете твоего целожизненного исповедания и учительства!

Слышится его слово: «Я говорил вам и повторял без конца, что мы должны “право править слово нашей истины” и “горе иметь сердца”. Ни тени сомнений, ни пяди уступки!.. Залог нашей грядущей победы – в твердости и непоколебимости наших убеждений. Все менялись в эти прожитые три года, мы – ни в чем. Все политические партии правели, левели, входили в компромиссы, подчиняясь тактике. Наша тактика была и есть одна: верность, верность и опять верность нашим убеждениям. Нас искали, союза с нами хотели – мы не нуждались

и не нуждаемся ни в ком. С нами Бог, с нами Царь! Идут к нам – мы никого не отгоняем, но делаем шаг еще правее, чтобы приходящим слева дать твердое место, на которое они могут стать, вышедши из своего болота. Опасность для нас теперь, при так называемом поправении общества и Думы, не миновала, а усилилась: под видом ягнят легче могут пройти волки. Берегите веру, берегите самодержавие Царя, берегите целостность прав и чистоту государственного уклада русской народности. Не верьте никаким соглашениям и временным выгодам: соглашение прочное и достойное может быть только одно – полное принятие истины, то есть исповедания русского народа. Нас, говорят, еще мало, мы одни бессильны... Но оглянитесь на прошитое: три года назад мы были гонимы, преследуемы, нас по-видимому насчитывали единицами, объявляли последними свидетелями, яко насмертниками... Но все это оказалось ложью. Русский народ был только ошеломлен всем происшедшим, он оставался по-прежнему боголюбивым и царелюбивым. Прошумело пустое облако «освободительного» движения, показало всю свою гибельность, внушило всем к себе отвращение, – и вот, мы уже в силе – от того, что не менялись, от того, что были верны. Не сворачивайте же с избранного пути, не поступайтесь ничем, храните прямогу слова и мысли, и вы все больше и больше будете приближаться к тому светлому дню, когда вы – не партия, нет, вы – русский народ – стряхнете последнюю грязь, прогоните последнюю мглу безумной и преступной крамолы и ее иудина окаянства. Блюдитесь кваса фарисейского, то есть лицемерия лжесловесников, которые под благовидными побуждениями мира, согласия и взаимной работы готовят путы чуждого государственного строя Родине – куют цепи для Царя, продают первородство родной Церкви. Бегайте этого блуда и любодения духовного – этого незаконного и неблагословенного союза с теми, кто в самом существе отрицает наши заветные святыни. И в Думе, и в общественной работе идите своею дорогой и, взявшись за рало, не озирайтесь назад и по сторонам, не ищите умножения голосов в надежде достигнуть цели количеством трудящихся, а не качеством. Вы мало тогда

вспашете, а что и вспашете, то потопчут приглашенные вами сотруidники, и придется вам начинать работу свою снова».

Так сказал бы нам теперь наш дорогой Владимир Андреевич.

Усердною молитвою, благодарным словом, верностью его заветам и наставлениям почтим мы его память! Аминь.

VI. Памяти В. А. Грингмута¹

Чтобы говорить сегодня о том, кого мы поминаем заупокойным молением, нам нет нужды отходить от евангельских уроков, преподаваемых нам в этот воскресный день Святою Церковью. Знаменательно и глубоко вразумительно совпадают они с нашими скорбными воспоминаниями, и приложимы они к почившему ровно год назад незабвенному Владимиру Андреевичу.

Женщина сиро-халдеянка, иноплеменница, в пределах Тирских и Сидонских увидела Иисуса Христа с Его учениками. Он уединился сюда для беседы с апостолами; Он хотел остаться один с ними, чтобы дать им наставления пред скоро грядущим Своим отшествием от мира.

И вот, явился повод дать ученикам, еще проникнутым духом еврейской исключительности, наглядный урок и наставление о духе христианства – урок не словом, а делом.

Женщина-хананеянка шла за Иисусом и кричала Ему вслед: «Помилуй меня, Господи, Сын Давидов, – дочь моя жестоко беснуется». Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его тогда *сами*, по собственному побуждению, прониклись и уважением к этой вере чужеземки в Сына Давидова, т.е. Мессию, и жалостью к ее горю, к ее любви, ибо страдала ее дочь, а она говорила: *помилуй меня...* И приступивши, они стали просить за нее Иисуса. Он же сказал им в ответ: «Я послан только к погибшим овцам

¹ Слово в неделю 17-ю по Пятидесятнице и в годовщину смерти В. А. Грингмута при поминовении его и пред открытием школы его имени, 28 сентября 1908 года. – *Прим. авт.*

дома Израилева». Женщина тем временем сама подошла к Иисусу, кланялась Ему и говорила: «Господи, помоги мне».

И сказал ей Иисус: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Она сказала: «Так, Господи, но и псы едят от крох, которые падают со стола господ их». Тогда-то Иисус, показав ученикам все величие *веры* жены-хананейки, всю горячность ее *любви*, всю глубину ее *смирения*, показав, что только духовное родство с Авраамом делает человека его сыном, а не плотское, вызвав от самих учеников просьбу о помиловании несчастной, и Сам воскликнул: «О, женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему!» И исцелилась дочь ее в тот час (Мф. 15, 21–28).

Исполненный веры, любви и смирения приник ко Христу и к Православной Церкви покойный Владимир Андреевич; он пришел к Церкви как иноплеменник, из инославия, пришел в летах зрелых. Рожденный в России от отца-лютеранина, он уже с детства как бы приготовлен был к истине веры, получив от рождения русское и православное имя Владимира. Нужно было, однако, совершиться его обращению в православие в пору его сознательной жизни, как бы для того, чтобы легче было ему победить все последующие предубеждения против его личности, чтобы успешнее творить то дело, которое Промysl судил ему вести в будущем.

Окруженный русскою и православною жизнью, с детства проникся он к ней любовью. Особый случай, по-видимому, и для многих незначительный, но для его глубоко вдумчивого ума и глубоко чувствующего сердца оказавшийся особо важным, дал направление его воле и силу его решимости. Его жена готовилась быть матерью первого ребенка. По ее просьбе он привез ее на молитву к Иверской часовне пред чтимым Московью образом Богоматери. Здесь стоял он одаль и видел эти вздохи и слезы, эти коленопреклонения, эту горячую молитву и жены, и окружающих богомольцев, эту народную простую веру, и эту захватывающую обстановку православного богослужения: и свечи, и фимиам, и лампы, и пение, и молитвословие, и чтение Евангелия, в коем слышится вековечный

огненный призыв и вечно бодрящее слово – «и блаженна веровавшая, яко будет совершение глаголанное ей от Господа»...

Стоял он, видел себя по внешности чужим и для этого захватывающего тока народной русской веры, и для будущих своих детей, и в тот час решил окончательно и открыто принять православие. Что-то таинственное, как указание свыше, дополнило голос и решимость его духа: в одну ночь он видел себя во сне принимающим православие и своим восприемником – своего уважаемого товарища по службе, а этот товарищ в ту же ночь также видел себя во сне восприемником Владимира Андреевича при присоединении его к Православной Церкви... С величайшим усердием потом изучил Владимир Андреевич все учение православной веры, перечитал всех Святых Отцов, ознакомился с православием так основательно и глубоко, что и из природных сынов православия редкие могли с ним в этом сравняться.

Он *уверовал* в Православную Церковь и вместе с тем он уверовал и в Россию, в русский народ, в его мировое призвание, в его вселенское значение, ибо призвание, значение и смысл бытия русского народа, его особой русской и своеобразной государственности, его положение среди других народов мира – все это определяется именно его православием.

Он *полюбил* Россию и русский народ, его историю, его быт, его душу, его государственный строй, его будущее, – и России в порыве целожизненного самоотвержения и самоотречения любви он отдал весь труд своей жизни.

Он *смирил* свой ум, свое западное просвещение, отрекся от его обычной горделивости и превозношения пред всем русским, смирился пред величием и духовною красотою русского народа, далеко не всеми умами Запада видимыми. Вещное слово поэта, обращенное к нашему народу и говорящее о том, что «не поймет и не подметит гордый взор иноплеменный, что сквозит и тайно светит в наготе твоей смиренной»¹, – это слово нимало не относилось к покойному Владимиру Андреевичу.

Нужно ли говорить о том, что веру, и любовь, и смирение он доказал всюю своею жизнью, всюю работою на благо русско-

¹ Строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...».

го народа, доказал и жизнью, и смертью, тою богатырскою и величавою смертью, которая заставила и врагов его склониться пред его чистотою и преданностью своему делу!

И, однако, как жене-хананеянке, нужно было ему только чрезмерным подвигом заставить поверить себе, заставить поверить не только врагов, но и друзей его дела, его единомышленников.

«Сущие от веры благословятся с верным Авраамом»: это непреложный нравственный закон, и его исполнение мы видим в истории евангельской на примере жены-хананеянки. Во Христе Иисусе нет разнства народов, происхождения, пола и возраста: «несть эллин и иудей, раб и свобод, варвар и скиф, несть мужеский пол и женский, но всяческая и во всех Христос» (Гал. 3, 28). Если искажают эти слова нынешние безумные защитники равенства, отстаивающие его убийствами из-за угла, если сбивают они этими словами Апостола людей, мало вдумывающихся в учение веры и Церкви, то все это потому, что забывают слова о равенстве именно *во Христе*, то есть при условии веры в Него, как в Бога и Искупителя, принадлежности Его Церкви, и затем – в области веры и Церкви. При наличии таких условий Господь принял моление жены-хананеянки, восхвалил римского сотника из Капернаума, как и древле Илия и Елисей – один воскресил сына вдовы чужеземки из Сарепты Сидонской, другой исцелил иноплеменника Неемана-сирийца, как и впоследствии Петр апостол принял Корнилия, сотника римского, с домом его, а все апостолы создавали церкви среди язычников.

Всем существом вошел Владимир Андреевич в верную семью верного и правоверного русского народа. Но если даже апостол Павел, апостол языков, сосуд чудес и благодати, с огненною ревностью, с огненным словом прошедший вселенную, всю жизнь был преследуем не только злобою евреев, но, что всего тяжелее, *недоверием своих*, уверовавших во Христа, которые во всех церквях ходили вслед за ним и сеяли подозрительность и сомнения в искренности обращения, проповеди и деятельности Апостола: то что же удивительного в том, если этот без меры тяжкий крест выпал и на долю Владимира Ан-

дреевича! Ни горячее его слово, всегда неизменно говорящее о православии и русском патриотизме, ни труды, ни жертвы, ни перенесенные опасности, ни верная и доблестная государственная служба, ни чистота жизни, ни отсутствие улик во всевозможных взводимых на него винах, например, в нетвердости убеждений, подкупе, измене, предательстве и тайном служении врагам, вроде евреев и масонов, – ничто не могло заградить уста клеветникам. Его нерусская фамилия служила бесконечным источником глумления и насмешек, постоянным поводом к подозрению и недоверию к нему. Ничтожества, по имени православные, по жизни часто открытые язычники, блудники и пьяницы, не обладающее ничем, кроме русской фамилии, бросали грязью в покойного за его нерусское имя. Евреи и еврействующие газеты, открыто заявляющие о том, что для них ничто русская народность и ненавистны православие и на нем зиждущееся самодержавие, издевались над «истинно русским» Грингмутом и сбивали с толку, приводили в смущение эту насмешкою над немцем по фамилии, но русским по духу многих русских по фамилии, но нерусских по духу. Тупое легкомыслие, пошлое остроумие, при всем ничтожестве своих средств, однако, создавали для работы Владимира Андреевича ряд постоянных затруднений и ударов, постоянную необходимость считаться с его нерусским именем, для него самого – тяжкий крест, для его решимости и мужества – постоянные соблазны, для воздействия их на окружающих и единомышленников – постоянные препятствия.

И вот, все победила его смерть. Не нашлось ничего в минувшей жизни Владимира Андреевича, что указывало бы на его неискренность, что оправдало бы хоть в одной йоте клеветы на него, обвинения и заподозривания. Все утихло теперь около нашего дорогого витязя русского патриотического дела, смолкли клеветы, и чист оказался, и все чище, и все выше обрисовывается пред нами его образ. Да, не обмануло нас наше сердце! Да, мы можем гордиться нашим безупречным вождем!

Этот год, минувший со дня смерти Владимира Андреевича, был годом его торжества нравственного и победы над злом

мира. Таков тяжкий удел жизни: дело делается прежде всего не людьми, а человеком, а человеку этому нужно быть и подвигоположником, нужно страдать и перестрадать и выстрадать успех делу, кровью и муками скрепить его основание.

Пусть теперь тяжело нам; пусть велики опасности, пусть назревает и увеличивается видимо сила врагов; пусть в стане верных находятся и раздорники, и перебежчики, и смутьяны, по-прежнему сеющие среди нас подозрения, сомнения и взаимное недоверие. Да укрепит нас образ усопшего и в Бозе почивающего незабвенного нашего Владимира Андреевича, да укрепит нас вера в то, что не погибнет и не может погибнуть русское патриотическое дело, это дитя стольких трудов, стольких жертв, стольких подвигов! Не погибнет дело, которое вдохновило и создало такого вождя, как Владимир Андреевич.

Пусть не видится ему достойный преемник. Да, его нет еще. Но в нравственном мире нет умерших. Он жив, Владимир Андреевич, жив своими заветами, жив и загробным голосом, жив предсмертным своим призывом: «Собирайтесь, соединяйтесь, русские православные люди!»

Когда некогда князь Дмитрий Донской, уже получив благословение от преподобного Сергия на брань с Мамаем, вышел с войском и узнал о силе полчищ татар, то он, говорит летописец, впал в уныние и малодушие. Он остановился в нерешительности и размышлял: идти ли ему дальше или повернуть назад. Тут пришел к нему нарочитый посланец от преподобного и передал его ободряющее слово: «иди, князь, иди на безбожные татары»... И князь пошел, и стяжал победу.

Пусть и память о Владимире Андреевиче будет нам этой ободряющей вестью: «идите на безбожных новых поработителей земли Русской»!

Эта школа его имени, которую сегодня мы открываем, является отрадным знаком того, что дело, начатое покойным, не остановилось и не пошло назад. В годину смуты школьной, в годину, когда школа заражена сверху донизу нравственным гниением, когда гибнут молодые поколения для Церкви и Родины, патриотические союзы не могут оставаться безмолвными и

равнодушными к этому величайшему злу и должны способствовать созданию новой религиозно-патриотической школы. Это было любимой мыслью покойного. И мы намеренно нынешний день годовщины его смерти почтили открытием школы, и притом школы благотворительной и бесплатной, рассчитанной для бедного люда, чтобы молитвою с благотворением умолить Небесное милосердие к нашему дорогому, всем нам близкому и родному брату, другу, отцу, вождю и первоподвижнику. Так учит нас поступать наша святая вера, так подсказывает нам любовь.

И верим мы, что человеку веры, любви и смирения, каким был покойный Владимир Андреевич, в загробном его бытии будет радостью и отрадой наша молитва и наше благотворение. Нам же его память, ныне, с открытием этой школы, внешне столь прекрасно и знаменательно выраженная, да будет побуждением сильнейшим и благороднейшим, чтобы продолжать его дело и *в его духе: с верою* в Бога и в добро, и в победу над злом; *с любовью* к русскому народу и нашему дорогому Отечеству, и к его венчанному Вождю-Царю; *со смирением* при всяких и многих страданиях, неудачах, гонениях и ударах, наносимых и врагами, и даже друзьями, наносимых и оттуда, откуда мы их меньше всего ожидать можем...

Таков урок и нынешнего евангельского чтения. Таково и отрадное его слово; оно — удел веры, любви и смирения: «велия вера твоя; буди тебе, якоже хощещи!» Аминь.

Борец за русское дело на Кавказе¹

Не в первый раз совершается в Тифлисе общественная заупокойная молитва о безвременно почившем Василии Львовиче Величко²: добрый и отрадный знак. Если бы это было толь-

¹ Речь при поминании В. Л. Величко на панихиде, отслуженной членами Закавказского Общества вспомоществования русским и переселенцам совместно с членами Тифлисского отдела Императорского Общества в память Императора Александра III-го, 8 февраля 1904 г. — *Прим. авт.*

² Величко Василий Львович (1860–1903), поэт и общественный деятель, один из вдохновителей и организаторов Русского Собрания.

ко обыкновенным проявлением любви человека к человеку, разрешившейся в молитву, то и в таком случае наше собрание утешало бы сердце, как наглядное доказательство живущих в нас добрых человеческих и христианских чувств.

Но мы видим сейчас гораздо большее. Ведь многие из присутствующих здесь совсем не знали покойного или знали очень мало, как человека и знакомого. Очевидно, пред нами побуждения к молитве и выражение сочувствия к почившему Василию Львовичу иные... Мы видим здесь любовь и сочувствие к тому делу, которое он поставил себе задачей жизни и которому служил всеми силами своей богато одаренной души. Мне не нужно называть это дело и подробно говорить о нем; вы все его знаете: это – русское дело, народное, государственное русское дело в широком смысле этого слова, – не война только, не внешняя защита России от врагов, а тяжкая, продолжительная внутренняя работа лучших сынов России, имеющая целью слить и спаять духовно с Россиею то, что приобретено ею путем нынешних войн. Нелегко в наши дни выражать этому делу даже простое сочувствие; так много у него врагов, врагов злобных и решительных, действующих тайно и явно. Да, так много у него врагов, что даже открытые молитвенные собрания для поминовения покойного служителя русского дела не безопасны в смысле возможности бескровного, конечно, преследования за них, давления и осуждения со стороны сознательных или бессознательных врагов русского дела. Можно судить поэтому, как тяжка, и часто до трагизма тяжка, была самая работа покойного Василия Львовича. К этому прибавить нужно и то, что Бог привел ему служить своей задаче в нашем крае, где нет старых культурных преданий; где относительно неразборчивости в средствах борьбы дальше идти некуда; где минувшие века рабства, крови, мусульманских насилий, бесправия, подкупов, измен, убийств и предательства ввели в обиход жизни и как бы узаконили в сознании все орудия и способы сведения счетов с неугодными и неудобными людьми...

Сколько обвинений печатных и устных сыпалось на него, и каких только преследований не пришлось ему переиспы-

тать! Воистину, с точки зрения врагов русского дела, у Василия Львовича немало было грехов смертных и незамолимых. К счастью, друзья его и друзья русского дела могут назвать эти грехи с чувством любви к покойному и законной гордости, как лучшую похвалу поминаемому писателю и деятелю в минуты заупокойного о нем моления. В чем же его вины?

Он был виноват за то, что был отмечен печатью высокого ума и богатых, выдающихся дарований, и ко всему этому горячо любил Россию и верил в ее мощь и светлое будущее. Да, в этом отношении в нем как бы воплотились чувства и доблести его предков, из которых один, деятель времен гетманской Украины, Самуил Величко, состоя в высоком звании при известном Мазепе, не согласился быть единомысленным изменнику и остался твердым в верности России, обнаружив и как бы завещав своим потомкам высокий государственный смысл.

Василий Львович виноват был, далее, за то, что считал Кавказ, залитый русской кровью и русскими деньгами, неотъемлемую частью великого нашего царства. Да, он громко и смело говорил, что политическое и государственное слияние Кавказа с Россией должно быть поставлено и проведено твердо и неуклонно.

Он был виноват за то, что громко исповедовал и делом доказывал и проводил в жизнь те задачи, которым служит прекрасный кружок русских людей, ныне совершающий это заупокойное моление о своем члене-учредителе и самом горячем работнике. Да, он утверждал, что на Кавказе и для русского человека должно быть место. Он был виноват, больше всего виноват за то, что так был непохож на многих рядовых сынов нашего народа, ленивых, беспечных и недальновидных, которые начинают сознавать опасность и убеждаться в действительном ее существовании лишь тогда, когда она принимает огромные размеры и притом внешнего характера, вроде войны; которые, по мудрому присловию народному, лишь тогда перекрестятся, когда грянет гром: Василий Львович силою творческого ума, скажем более – силою поэтического прозрения умел провидеть опасность в то время, когда она еще назревала в еле заметных течениях мысли и смутных настроениях; он предчувствовал

ее, когда она проходила в области фактов и явлений обыденной жизни, по-видимому спокойной и тихой или чуть-чуть колеблющейся, как почва на вулкане...

Передергивать и преувеличивать можно все, – и вот, русский государственный смысл у Василия Львовича объявлялся преследованием и травлею народностей, русское самосознание – узким и корыстолюбивым национализмом и т.д.

Но он был страстным, резким; он ошибался, – кричали его обвинители. Да, умоляя о милосердии к нему Высшую Правду, мы не можем быть неправдивыми. Признаем и сознаем: он был страстным и горячим человеком. Но он сам метко ответил на это обвинение ровно четыре года тому назад в эти самые дни: дело его было таково, что его нельзя было вести с безоблачным челом. И почему же, скажите, не осуждается громко, а молчаливо обходится дикая и животная страстность не слова, а самого дела у врагов России – страстность, доходящая до кинжала и крови, до наглой клеветы, низких подкупов и тайных убийств, а защитникам русского дела не прощается даже страстность слова? Разве только потому, что оно слишком правдиво и что правда глаза колет?

Он часто ошибался... Да, он был человек и ошибался. Говорят, что он видел не всю опасность, а только часть ее; говорят, что он был односторонним, что иногда в борьбе он не различал своих от чужих, друзей считал врагами и врагов его дела – друзьями... Что же? Может быть, он не всегда мог прозреть в козни сатаны, который, по слову Писания, иногда преобразуется в образ ангела света и в виде близкого и друга может явиться, чтобы удобнее и коварнее разделить ряды единомышленников около знаменосца...

Но ведь все это временно, все это так мелко и ничтожно сравнительно с тем, что сделал покойный. Но ведь ошибка, как свойство несовершенной природы человека, ошибка искренняя, добросовестная не заграждает человеку дверей в Царство Божие.

А Василий Львович был человеком и работником убежденным и искренним. Это доказал он и принятыми добровольно страданиями, и принесенными жертвами.

Он не продал своего первородства, хотя в наше время, не как в древние дни, конечно, заплатили бы ему за это не чечевичною похлебкою, а гораздо дороже – многими благами, вещественными и невещественными... О, если бы он служил иному знамени: не знал бы он тогда ни клеветы, ни ожесточенной травли, не подвергался бы он столь частым оскорблениям, не сделал бы он своего имени столь пререкаемым, не горел бы он в нервном возбуждении ежеминутно, не надорвал бы прежде времени своего могучего организма... Но и помимо этого, ведь он мог прельститься и другими, в сущности, невинными перспективами счастья: он имел полную возможность, пользуясь материальною обеспеченностью состоятельного помещика, посвятить свой досуг и свои, бесспорно, недюжинные дарования спокойной работе в области художественного творчества; мог бы составить себе имя и мог быть в числе не последних писателей времени. Но он пожертвовал всем этим Родине; он видел и знал, что тревожно переживаемое время, что нравственно невозможно теперь удалиться в область чистого искусства; что нужно смелое и горячее слово любви к Отечеству; что от писателя требуется теперь больше внимания к потребностям и реальным интересам русской жизни. И вот, он сошел в могилу, не оставив векам своего имени, как крупного писателя, не оставив по себе заметного и выдающегося произведения... Величие этой жертвы, скажем больше – трагизм этой жертвы – дано понять и оценить далеко не всякому...

Но своему времени он послужил в полноту сил! Он служил прояснению русского самосознания; он служил укреплению в жизни здоровых и положительных начал веры, патриотизма, церковности и здоровой государственности; он был зорким стражем интересов своего народа. Он служил Богу и Родине, главным образом словом, своим вдохновенным русским словом. Но у писателя слова – это его дела. А дела человека, по уверению Слова Божия, идут вслед за ним по ту сторону гроба. И в этом – наша отрада в переживаемые нами теперь молитвенные минуты, в этом уверенность и твердый залог загробных о нем чаяний.

Простят ему и люди его ошибки и заблуждения; время сгладит их и смягчит, будущее предаст их забвению, как нечто несущественное и случайное в его личности и деятельности, и вместе с признанием правды его идей сохранит за ним его заслуги, оценит его благородную любовь к России и веру в нее, его ревность, горячность, его труды, страдания и жертвы за русское дело. А Господь милосерднее людей... О, если люди простят, то Господь будет ему более милостивым Судиею!

Помолимся же Ему, да подаст Он благодатный мир и покой настрадавшейся душе почившего, да укроет его милостью и прощением грехов. Мы же, возглашая Василию Львовичу вечную память, будем помнить, что лучший знак любви к нему – служение его делу. Слава Богу, покойный не был одинок: это молитвенное собрание наше, и притом не первое, служит ясным тому доказательством. Пусть же сознание понесенной утраты вызовет только любовь к почившему, благодарность к нему и молитву о нем, но никак уныние. Елисей некогда просил Илию: *да будет дух, иже в тебе, сугуб во мне*. И хотя просьба эта показалась самому пророку преувеличенной, но Господь исполнил ее ради необходимости воздействия на современников Елисея, которые слишком удалились от пути истины и требовали чрезвычайных проявлений пророческого дара и слова для своего вразумления.

Жив Господь; вчера и днесь Он Той же и во веки! Будем призывать и просить всею горячностью молитвы и всею любовью сердец наших, да не оскудеют в нашем народе «мужи желаний», подобные поминаемому ныне рабу Божию Василию, – смелые духовные борцы за правду русскую: они нужны нам не менее, чем герои-храбрецы на поле брани; будем просить, да не замолкнет среди нас твердое и разумное русское слово; да ширится и растет русское дело и «придет все в достоинство»; да будет дух покойного – дух самоотверженной любви к Родине и служения ей – сугуб во многих и множайших сынах нашей Родины! Чу, мы слышим их клики геройские на Дальнем Востоке!.. В этой доброй и светлой надежде вместе с нами да возрадуется и утешится ныне почившая в Боге душа покойного! Аминь.

Честный служитель слова¹

Слово ваше будет... солию
растворено

(Кол. 4, 6)

Неизмеримо велико значение человеческого слова. В чудно-таинственном устройстве человека, этого «малого мира», его светлая мысль родит вдохновенное слово, в нем воплощается, увековечивается; и обратно: слово, в свою очередь, возбуждает и вызывает мысль, развивает ее, совершенствует, вступает в непостижимую связь с чувством, действует на волю – захватывает, таким образом, всю широкую область человеческой деятельности.

Не напрасно поэтому слово представляется глубоко важным не только в отношении эстетическом, литературном, научном и общественном: оно преисполнено и как бы насквозь проникнуто иным, высшим значением – священным, религиозным. Словом Бога создан мир изначала, словом дано откровение, словом глашали истину пророки, Словом благоволило именоваться Божество в воплощении, словом Богочеловек и Его апостолы поведали миру небесную весть спасения.

И блажен тот избранник Божества, одаренный светлою мыслью и чудным даром слова, который не употребит во зло своего дарования, который не продаст за жалкую похлебку мирских благ свое духовное первородство, который не уподобится древнему Валааму, избравшему слово проклятия вместо Богом заповеданного слова благословения. Блажен всякий служитель слова – писатель или оратор, поэт или проповедник, и благословенно имя его, если он не избрал это слово орудием лжи, обмана, возбуждения низменных страстей и нравственно-го растления. *Ибо от слов своих оправдишися, и от слов твоих осудишися*, – говорит Господь в Откровении (Мф. 12, 37).

¹ Речь на панихиде по Н. В. Гоголю по случаю открытия ему памятника в гор. Тифлисе, сооруженного городским самоуправлением. – *Прим. авт.*

И недаром один из наших художников слова, современник того, кого мы поминаем молитвою, преточным изображением загробной судьбы разбойника и писателя¹ показал нам в назидание, что убийца менее вреден и скорее удостоится прощения пред вечной правдою, чем дурной писатель, этот духовный разбойник, оставивший на земле в своих произведениях семена неисцельного и непрекращающегося зла.

О, как уместно и как необходимо громко и часто напоминать об этом себе и другим в наши тревожные дни! Слово человеческое ныне не хранится, как прежде, в тесном кружке близких людей, а быстро распространяется по лицу земли; его разносит по миру не одна стоустая молва, как прежде, но многочисленные, усовершенствованные и все более развивающиеся орудия гласности – почта, телеграф, телефон, газеты, листки, книги, журналы. Увековечиваются не только слова, но самый тон, выражение и звук голоса... Страшно подчас становится за эту изумительно-могучую силу слова. Страшно становится, когда видишь, как талантливые творцы слова питают изо дня в день читающую и мыслящую часть общества образами порока, греха и соблазна, не вызывая к ним отвращения, нет, – часто оправдывая, даже открыто сочувствуя им. Страшно подумать, что озверевшие подонки человеческого общества возводятся ныне в идеал, объявляются носителями обновления нашей общественности; что под влиянием модных мыслителей добро и зло объявляются условными; когда знаменитое – «все позволено» предлагается, как единственная норма и лозунг деятельности: когда поле изображаемой литературным словом жизни занимают нравственные дегенераты, якобы «сверхчеловеки», стоящие «по ту сторону добра и зла», а на самом деле – герои скамьи подсудимых, обыкновенные преступники, с обыкновенными низменными инстинктами, дерзость которых и нравственное бесстрашие принимаются за нравственную отвагу и силу, – достойные, конечно, и снисхождения, и сожаления, но никак не подражания. Страшно становится, когда видишь,

¹ Имеется в виду басня И. А. Крылова «Сочинитель и разбойник». – Прим. проф. В. А. Воропаева.

что всякое преступление на общественном суде находит себе красноречивую защиту, вознаграждающую вещателей зла то крупною платою, часто из темного источника, то громкою популярностью – благами, за которыми любители их едут издалека, тянутся, как будто к свету, ко всякому виду громкого преступления, чтобы защитить его прелюбодеянием слова лицемерно-красноречивого и ложно-одушевленного. Страшно становится, когда разрушительные для религии и общественности учения распространяются словом подпольной литературы, проповедаются подчас между строками и легальных газет, книг и журналов. И прямо ужасно подумать, что все это прививается и усваивается, что всем этим увлекаются ныне до потери сознания границ добра и зла, нравственно-прекрасного и безобразного, что почва для посева и возрастания такого слова человеческого, изменившего своему Божественному назначению, с каждым днем становится как будто восприимчивее.

В такие дни, действительно, отраднo остановиться на образе писателя, которого мы ныне поминаем молитвою и затем венчаем заслуженною славою – созданием рукотворенного памятника от имени нашего города. Вот писатель, который объявил, что со словом нужно обращаться крайне осторожно: «оно, – по его выражению, – лучший дар Бога человеку». Вот писатель, проникшийся убежденным сознанием религиозного значения слова, который смотрел на себя как на орудие Промысла, как на библейского пророка, глашатая истины; который, рисуя порок, не услаждался им и не услаждал им других; который горьким смехом посмеялся над пошлою стороною нашей действительности не для забавы и глумления, не для остроумия, а «сквозь незримые миру слезы»: он плакал над язвами нашей жизни, страдал и болел ее страданиями, он приобщился к той мировой скорби лучших писателей-печальников народа своего, которая является как бы отблеском и соучастием искупительного подвига Христова... Вот писатель, у которого сознание ответственности пред высшею правдою за его литературное слово дошло до такой степени напряженности, так глубоко охватило все его существо, что для многих казалось какою-то душевною

болезнью, чем-то необычным, непонятным, ненормальным. Это был писатель и человек, который правду свою и правду жизни и миропонимания проверял только правдою Христовой.

Да, отраднo воздaть молитвенное поминовение пред Богом и славу пред людьми такому именно писателю в наш век господства растленного слова — писателю, который выполнил завет Апостола: *слово ваше да будет солию растворено*. И много в его писаниях этой силы, предохраняющей мысль от разложения и гниения, делающей пищу духовную удобоприемлемой и легко усвояемой.

Отраднo и то, что такого писателя ценят и прославляют. Это — доброе знамение времени; это — добрый знак, что не до конца загрязнена и почва, воспринимающая слово, что многих как бы тошнит от той духовной пищи, которую им часто преподносят в современной литературе, и они ищут освежения и обновления в вечных заветах великих творцов слова минувшего времени. Такие творцы по своему значению в истории слова подобны Святым Отцам в православии: они поддерживают благочестные и чистые литературные предания. В их заветах можно и объединиться, и сойтись всем представителям такого окраинного и разноплеменного города, каковым является наш Тифлис. Честь и хвала и глубокая благодарность представителям города за его чествование великого писателя земли Русской; ведь в его заветах высоких и благородных мы все воспитались в годы учения и духовного, умственного и нравственного возрастания; ведь эти заветы, действительно, сильны объединить всех, кто ищет добра и любит его, кто без партий и кличек хочет видеть в себе и в окружающих человека в истинном и высоком значении этого слова.

Пусть же останутся эти заветы руководством и для вас, представители нашего общественного самоуправления! Создавая памятник великому писателю, столь честному в мысли и слове, вы тем самым показываете, что разделяете уроки, оставленные нам этим учителем жизни. Иначе — чествование это было бы только жалким и презренным лицемерием, одною бездушною и показною формою. Да будет и у вас слово ваше

солию растворено! Благо общественное вручено заботе представителей общества, и оно выясняется обыкновенно в предварительной усиленной работе слова вашего в законных общественных собраниях. Пусть же слово это будет всегда чисто, здраво и трезво, – и пусть оно будет солию растворено, т.е. не гнило, не губительно. Пусть оно не служит для рисовки, игры и тщеславия пустым и условным красноречием, пусть не обращается оно в одно словопрение, в орудие задора и раздора, личных счетов, личных или партийных интересов, – в продажный товар, к сожалению, столь часто ныне предлагаемый на общественном рынке.

Тогда и открытое чествование великого писателя созданием ему памятника будет иметь воистину глубокое общественно-воспитательное значение. Аминь.

Распятие Родины¹

В сей скорбный час скорбных воспоминаний слышится нам слово этого умученного Христа Господа, сказанное Им апостолам в тягостный час Его прощальной беседы на Тайной Вечере, – слово грустного упрека, сила которого относится ко всем временам, ко всем верующим: «Вот наступает час и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня *единого оставите*» (Ин. 16, 32).

Как скоро и как до конца исполнилось слово Спасителя! Довольно было Его врагам издать приказ: «если кто узнает, где Он будет, то объявил бы, чтобы взять Его» (Ин. 11, 67), – довольно было такого приказа, чтобы все оставили Его.

Оставили те, которые так недавно, в столь великом множестве и с таким усердием ходили за Ним и слушали Его учение; оставили и те, которые, можно сказать, только вчера встречали Его с вайями, как Царя, и взывали: «Осанна! Осанна!» Оставили и те, которые были Им благодетельствованы

¹ Слово в Великий Пяток пред плащаницей. Сказано в храме Христа Спасителя в Москве при митрополичьем служении 31 марта 1906 года. – *Прим. авт.*

чудесами исцелений. Тайно Он вынужден был совершить пасхальную вечерю; одинок томился и тужил Он в Гефсимании в непостижимом для сотворенного ума страдании и борении за вековой грех людей. О, если бы взвешены были все скорби и вопли Его! Они, по слову страдальца ветхозаветного, перетянули бы песок морей... (Иов. 6, 3). Но тут – хоть вблизи Его ученики. А дальше, дальше что видим? Один предал, другие спали, один отрекся, испугавшись рабыни, и, наконец, все разбежались! На Кресте один Он истоптал точило гнева Божия за грех мира; один пред лицом неба и земли висел Он на позорном древе, объятый смертными муками, окруженный не друзьями и учениками, а врагами и хулителями.

Не станем осуждать робость и трусость учеников Христовых. Ведь они видели только Его бесславную смерть, но не видели еще воскресения... Когда же узрели они Христа воскресшего, тогда их мужеству и дерзновению не было предела; тогда во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их; тогда муками, кровью и смертью окупили они былые колебания, слабость и малодушие, засвидетельствовали непререкаемым свидетельством жизни и смерти свою верность Христу. Язвы Господа Иисуса непрестанно они носили на теле своем; пред языками и царями возвестили славу Его.

Да, не будем после этого осуждать учеников Христовых. *Себе плачьте*, – говорит Господь Иисус, идущий под крестною ношей на Голгофу, – *себе плачьте и чад ваших...* (Лк. 23, 28). Обратимся же к себе, к своей совести, поищем каждый ответа на страшный вопрос: мы не изменяем ли Христу? Мы не предаем ли Его? Не отрекаемся ли от Него? Мы не оставляем ли Его и ныне одиноким среди нашего видимого множества верующих?

А ведь у нас не меньше, если не больше, чем даже у апостолов, побуждений хранить Ему верность. Мы знаем о Его воскресении, о Его Божестве, о Его победе над смертью; видели на пространстве двух тысячелетий победу Его над злом всего мира; видели и видим блистающий свет учения, что принесло спасение погибшим, преобразование, непрестающее

нравственное преобразование мира: и отдельных людей, и всего человечества со всеми его семейными, общественными и государственными отношениями.

Но малодушие и робость, уже ничем не объяснимые и непростительные, нередко толкают нас на измену Христу. Мы молчим о своей вере, мы прячем ее глубоко в сердце, когда кругом нас раздаются хулы, издевательства и насмешки над христианством, когда учение Христа дерзко искажается и перетолковывается для прикрытия низменных страстей человеческих.

Мы готовы отречься от Христа, когда жалкая рабыня – лжеименная безбожная наука, сама во всем зависимая, сама не обладающая истиною, спрашивает нас язвительно и укоризненно, как Петра: и ты с Иисусом Назарянином? По духу и веянию моды, рабски покорные мнению большинства, мы принимаем сочувственно такие общественные и государственные учения, такие течения мысли и жизни, в которых заведомо нет ни единого помысла, ни единого слова о религии и христианстве. Как Пилат, мы не смеем тогда настоять на своем решении защитить до конца Иисуса и, – снисходительно объявив Его невиновным в неурействах жизни, обвинив во всем и обрешши на страдание тело Его – Церковь, мы отступаем пред гомвором и угрозою толпы, забывая, что этим Самого Иисуса мы отдаем на пропятие.

О, толпа, общественные вопли, общественное мнение, власть улицы, голос большинства, – вот где страшный идол современности, вот кроважадный Молох, который пожрал, погалил и истребил столько святых порывов, столько высоких стремлений и истин! Не знал Пилат, не видел, как составилось то большинство, которого он так испугался, которое осудило Христа на Кресте и вопило: «Возьми, возьми, распни Его!» Не знал он, что в этой толпе, несомненно, присутствовали те же, что пять дней назад взывали Осуаженному «осанна»; не видел он, как в толпе ходили подстрекатели, слуги безбожных руководителей народа, и склоняли его требовать казни Иисуса то клеветою на Него, то запугиванием и предречением бедствий, то угрозами, то подкупами. *Наустиша народи!* Вот

оно, большинство, – безличное, безответственное, шаткое и неустойчивое, добыча первого искусного говоруна и ловкого подстрекателя! *Не управляемое высшим законом веры и нравственности*, движимое только земными выгодами и интересами, – оно отвергло духовное царство Мессии и заменило его мечтаниями о царстве земном, оно безумно накликало вечный позор и гибель на народ, некогда богоизбранный: кровь Его на нас и на чадах наших...

Настойчиво, властно просится в душу потребность обратить теперь слово и мысль от этого народа, присудившего Христа на смерть, к нашему родному народу в переживаемые им ныне важные дни. Дни не только важные, но страшные, роковые, решающие судьбу Родины. Кому теперь вручит народ наш свою жизнь: верующим или неверующим? Устами своих избранных будет ли он взывать «осанна» – или будет вопить: «распни Его»? Сохранит ли он при новом строе своей государственной жизни прежнее стремление посреди своего царства земного, человеческого, искать осуществления задач, целей и законов Царства Небесного и Божьего, все рассматривать при свете высшей правды под руководством Церкви Христа Иисуса, – или станет помышлять лишь о хлебе едином, останется только при земных интересах? Пребудет ли он верным Иисусу, или опять суждено исполниться скорбному слову Христову: *Меня единаго оставите?*

Вопросы страшные. Родина наша вступает на новый путь жизни, пред нами впереди – новая Россия...

Прости, прости, старая, тысячелетняя Россия! На наших глазах судили, осудили тебя и приговорили к смерти... Грозные и беспощадные судьи заплевали твое лицо и не нашли в тебе ничего доброго. Суд был строгий, неумолимый и беспощадный. Все слилось в один вопль: «Возьми, распни!»

Знаем и мы, что ничто человеческое тебе не чуждо; знаем, что много было у тебя недостатков. Но и то мы ведаем и видим, что ты соделала Русь Святою, а народ свой – богоносцем, если не в осуществлении, то хоть в вечном, неумирающем идеале народной души; ты породила и воспитала великий народ, со-

хранив его в горькой доле, в горниле исторических испытаний чрез целый ряд веков; ты породила и воспитала сонм святых и праведных; ты не погибла под ударами – под тяжкими ударами судьбы, но крепла в них, сильная верою; с сею верою, в великой мощи духа, ты перенесла все тяготы, и все же создала, и нам завещала и оставила великое царство. За все это тебе земной благодарный поклон.

Будущая, новая жизнь России неизвестна. Но ход ее для нас, верующих, представляется совершенно ясным. Он всецело будет зависеть от того, со Христом ли останется народ наш или откажется от Него, пойдет ли за Ним или Его единого оставит. Не формы жизни, не формы правления спасают народ: семя свято, люди верующие и благочестивые – те, что не преклоняют колена пред современными ваалами, как во дни Илии, – уважение к нравственному закону, внутреннее христианство, послушание Церкви – вот что сохранит и укрепит всякое общество и государство. А народ, забывший о Небе, недостоин жить и на земле. Хочется молить со слезами пред этим гробом, молить Божественного Искупителя: воскресни, Боже, суди земли нашей христианской, царствуй в ней вовеки! Даруй нам в совет Царю и в правление царством мужей крепкой веры, одухотворенного разума, глубокого благочестия, помнящих, что семя свято – стояние мира, что *праведность возвышает народ, а упадают племена чрез грехи* (Пр. 16, 34).

Да не оставит народ наш Христа Господа, да не оставит Его единым!..

Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты царствуеши вовеки! Аминь.

Современные бесы¹

Святое Евангелие рассказывает нам сегодня об исцелении Спасителем страшного бесноватого в стране Гадаринской. Это был несчастный человек: в одежду он не одевался и жил не

¹ Слово в неделю 23-ю по Пятидесятнице. – Прим. авт.

в доме, а в гробах; долгое время бес мучил его, так что несчастного связывали цепями и узами, сберегая его, но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни. Великим страхом одержим был дух нечистый, когда приблизился к бесноватому Господь, и молил Христа дух нечистый: «Что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? Умоляю Тебя, не мучь меня!»

Иисус Христос исцелил бесноватого словом Своим. Бесы вышли из него и вошли в стадо свиней: и бросилось стадо с крутизны в море и потонуло. Нужно сказать, что жители гадаринские, исповедуя веру народа еврейского, запрещавшую вкушать свиное мясо, однако, из корысти занимались разведением этих животных и тем явно нарушали закон своей собственной веры. Они были наказаны, таким образом, за свое отступничество. Когда все это свершилось, жители страны Гадаринской немедленно снова обнаружили всю свою корысть и всю нераскаянность: жаль им стало свиней, испугались они Чудотворца и Божественного Учителя и стали они просить Иисуса Христа, чтоб Он удалился от них и из страны их. Много было врагов у Господа Иисуса, много оскорбительного они Ему говорили, много спорили с Ним и не соглашались с Его учением, но такой просьбы к Спасителю никто еще не обращал. К ним, к жителям страны Гадаринской, пришел Божественный Учитель: Он принес им благовестие спасения, Он показал им чудную власть, избавляющую от бесов, а они променяли Христа на презренных животных, они оказались духовно сродни бесам, ибо как бесы трепетали Христа и просили Его удалиться, так и жители гадаринские просили Его о том же. Напротив, человек, из которого вышли бесы, просил Иисуса, чтобы быть с Ним (Лк. 8, 26–39).

Представляет ли это евангельское чтение только повесть из жизни Господа Иисуса, или оно приложимо и применимо по своему содержанию к жизни всех людей?

Несомненно, Церковь Божия предлагает его к нашему назиданию.

И, прежде всего, какое верное средство дается нам, чтобы разобраться безошибочно и правильно во всех учениях со-

временности, во всех действиях людей! Учение людей апостол Иоанн так и называет духами. «Возлюбленные! – так умоляет нас св. Апостол. – Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они». И далее Апостол ясно указывает, кого и что понимает он под духами: «потому что много лжепророков появилось в мире» (1 Ин. 4, 1). И лжепророков, и учение их – этих бесов, этих духов нечистых, Апостол изображает такими чертами, как будто он пророчески видел наше время и все его нестроения. «Дети, как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов. Они вышли от нас, но не были нашими, ибо если бы они были наши, то остались бы с нами, но они вышли, и чрез то открылось, что не все наши. Вы знаете, что всякая ложь не от истины. Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это – антихрист, отвергающий Отца и Сына» (2, 18–49; 21–22). Итак, если какое-либо учение или кто-либо, желающий быть нашим учителем, бежит от имени Иисуса Христа, не признает Его святого Евангелия и Святой Его Церкви, то здесь явное доказательство и явный знак, что учение и учитель не от Бога, не от истины, а от лжи и от антихриста. Пусть такое учение будет заманчиво, пусть такой учитель обещает нам всевозможные блага, пусть нам впереди сулят и богатство, и покой, и радость, и свободу, – христианин должен решительно и бесповоротно отречься от таких учений. Ибо в противном случае он уподобится тем гадарянам, которым свиньи были дороже Небесного Учителя, так как они приносили им выгоды.

Нечего и напоминать, что теперь среди нас много таких нечистых духов, много новых бесов, т.е. новоявленных учителей и новоявленных учений. Мы видим этих учителей: о Евангелии у них ни слова; к Церкви Божией у них вражда; к пастырям Христовой Церкви – ненависть; над верою святою – насмешка, к храмам – полная холодность и невнимание. Не раз случалось, что, когда они выдавали свои затаенные мечты, они прямо говорили и говорят, что никакой религии не надо, а храмы надо отдать хотя бы под дома для плясок и увеселений. Воистину, это – антихристы, это – бесы, трепещущие Христа.

Воистину, эти люди вышли от нас, но не были нашими, – лжецы, отвергающие, что Иисус есть Христос.

Не послушают их дети Церкви, не послушают их слуги Христовы, верные ученики Господа.

Кто же избавит одержимых новыми беснованиями от их несчастья? Где им найти спасение? Где нам всем найти спасение от наших грубых и нечистых страстей, которые нас уподобляют гадарянам и заставляют как бы просить Христа удалиться от нас?

Спасение – у Спасителя. Он Сам к нам приходит без зова, как пришел в страну Гадаринскую. Он Сам изгоняет одержавших нас бесов ложных учений. Однако насильно, вопреки нашему желанию Он, конечно, спасти нас не станет. Но для того и гремит немолчно в веках и тысячелетиях Его Божественное Слово, для того и стоит пред нами Его Святая Церковь, чтобы напоминать нам и твердить неустанно, что страсти наши – это бесы, нас одержавшие, что мы избавимся от них не сами собою, а только прильнув ко Христу, к Его Божественной силе, к Его небесному учению. Исцелившись от них, будем, подобно евангельскому исцеленному гадарянину, неотлучно пребывать со Христом и около Христа, т.е. в Его Святой Церкви. Не страшны тогда христианину никакие бесы, ибо он знает, что еще при жизни Христовой уже ученикам Господа дана была чудная над ними власть: «Возвратились семьдесят учеников с радостию и говорили: Господи, и бесы повинуются нам о имени Твоем». И снова, и снова слышит христианин слово своего Господа, сказанное в ответ ученикам: «Видел Я сатану, спавшего с неба, как молния. Се даю вам власть наступать на змию и на скорпию и на всю силу вражью, и ничесоже вас вредит. Обаче о сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются, радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех» (Лк. 10, 17–20).

Отвергнем страсти греховные и нечистые, отвергнем ложные учения и ложных учителей, именем Господа Иисуса Христа отвергнем этих бесов, – и имена наши тогда написаны будут на небесах. В том порукою – вечное и неотменное слово Христово. Аминь.

Знамения времени¹ (о. Иоанн Кронштадтский и граф Л. Толстой)

Не будет странным и не покажется необычным, если среди лиц, составляющих одну единомышленную семью, сегодня, в день ангела чтимого в этом доме батюшки о. Иоанна Кронштадтского, и в этой домовой церкви будет речь о нем. Не для его хвалы будем говорить, а для нашего назидания. И знаем, отрадна будет его духу наша молитва о нем, о пастыре, почти восемьдесят лет горящем целожизненным горением пред Богом и людьми. Он не станет, лицемерно и наперед навязываясь на честь и боясь, как бы о нем не забыли или, вспомнив, недостаточно громко почтили, – не станет просить письмами во всех газетах, чтоб его дня ангела или 80-летия жизни не праздновали и его самого тем «не беспокоили». Он не станет и после празднества печатать снова лицемерные письма в газетах, явно похваляясь между строк, что вот я и просил меня не вспоминать, а меня вспомнили и такие-то и такие-то лица, вспомнили, почтили, растрогали...

Сын веры и Церкви, сын смирения и любви, о. Иоанн в день памяти своего святого всегда принимал с любовью единение молитвы к Богу благодееющему и к угоднику, свыше охраняющему свою молитвою и покровом многотрудную жизнь смиренного пастыря.

Вам ведомо, конечно, о каком недавнем соблазнительном юбилее я говорю и кого подразумеваю. Так невольно напрашивается сравнение о. Иоанна Кронштадтского и графа Толстого, одного – сына и смиренного служителя Церкви, другого – ее озлобленного и прегордого врага и хулителя, по суду чистой правды отлученного и изверженного из Божьей ограды. И воистину: будущий историк русской жизни отметит и не может не отметить, как «знамения времен», два крупных лица в последние 40–50 лет, прожитые русским обществом, двух проро-

¹ Речь 19 октября 1908 г., по случаю дня ангела о. Иоанна Кронштадтского, в домовй церкви гр. И-ой. – *Прим. авт.*

ков, – одного – Господнего, другого – Ваалова, одного – слугу Христова, другого – антихристов, одного – как служителя духовного созидания, другого – как мрачного гения отрицания и разрушения: о. Иоанна Кронштадтского и гр. Толстого.

Провести между ними сравнение, хотя бы в кратких чертах, – это одно уже составляет поучение. Люди одного времени, почти одного возраста, действовавшие в последнее время и в одной области, являясь и «учителями жизни», – как далеко отстоят они один от другого – как небо от земли, как свет от тьмы, как истина от лжи, как правда от лицемерия!

Отдаленное их детство... Далекое от нас время!

Дикий север; суровая страна; глухое село; тяжелая бедность; родители – бедные дьячок и дьячиха на заброшенном погосте; долгие зимы; постоянный домашний труд; суровое ученье дома; продолжительное учение затем в Архангельске в училище и семинарии; путешествия туда и оттуда пешком; усталость и изнеможение: по меткому выражению о. Иоанна, «идешь, бывало, и на ходу сны видишь»...

Далее основательное старинное ученье, строгая дисциплина школы, воспитание в любви и страхе Божиим; сознание долга; приготовление к служению Церкви; наконец, высшая духовная школа столицы, окончание ее, скромный брак, посвящение молодых непочатых сил на всю жизнь служению алтарю Господню в бедном тогда Кронштадте... Это у одного.

У другого – приволье, богатство с детства; кругом к услугам все удобства жизни; помещичий дом, подчиненные крестьяне, их лесть и низкопоклонство, увеселительные путешествия, обучение чему-нибудь и как-нибудь; отсюда неизбежные неудачи на экзаменах; поверхностное знакомство с науками; увлечение то одной, то другой областью знаний – по капризу и случайным прихотям молодого, богатого и избалованного барина; увлечение светом, кутежами, ухаживанье за женщинами, угар страстей, дуэли, ссоры, столкновения, опять кутежи, игры, скитания по свету, легкомысленное отношение ко всему в мире, труд не ради долга, а ради каприза, забавы, тщеславия и обогащения – писательство...

Зрелые годы мужества.

Священство; приход; раскрывающийся великий духовный дар молитвы и благодатного учительства, покорение сердец, успокоение совести, дар чудотворения... Труд, труд без конца; уроки детям и юношам в гимназии; кругом – тысячи бедняков; кругом – преступный элемент Кронштадта; пьяницы, блудницы; порочная жизнь портового города, – и среди всех этих тяжелых условий жизни и пастырской работы – непрестанная молитва, ежедневное богослужение, поучение, благотворительность; жизнь в бедности и лишениях; труд с двух часов ночи до глубокого вечера, отсутствие времени для еды, сна и отдыха, рост славы, прилив денег и средств, и еще большая и большая благотворительность; в редкие минуты свободы – чтение Слова Божия, писание благоговейного «Дневника», слов и поучений – все в общее пользование, все для славы Божией, для пользы Церкви, без тени мысли о наживе. Отсутствие личной и даже семейной жизни: при жене нет ни собственной семьи, ни своих собственных детей... Это у одного.

У другого: зной страстей; охота; вино; женщины; опять дуэли; жажда литературной славы, мучительная мысль о своей некрасивой внешности, расстроенное от пороков тело; лечение, поездки на кумыс, деньги, брошенные на восстановление расшатанного здоровья; женитьба; помещичье хозяйство, посеы, скотный двор, удачный свиной завод, мечты о приобретении то там, то здесь земли и имений; собиание денег, обогащение; растущий и несомненно великий дар художественного творчества; огромный труд; издание книг и собственных сочинений, составление азбук, торговля ими, соображения, как и кому выгоднее их продать и устроить, договоры с различными редакциями, зависть к чужой литературной славе, столкновения с литературными соперниками, ненависть к Достоевскому и Тургеневу, ревнивое выслеживание отзывов печати о своих произведениях; увеличение славы, барская жизнь в усадьбе, приобретение и закрепление денег, земли и прав литературной собственности; наконец, достижение цели: слава, имение, капитал. Сотни тысяч годового дохода.

Последняя четверть века жизни: старость, всемирная известность; слава и всеобщее почитание, широта влияния на окружающую жизнь и у одного, и у другого... Но какая разница жизни и деятельности!

У одного: дивные проявления чудотворения, слава святого... Он – «учитель жизни». Откуда же его учение? Ответом могут служить слова ап. Павла, сегодня нами слышанные в литургийном апостольском чтении: *«Скажу вам благовествование, благовещенное от мене, яко несть по человеку; не от людей я принял его, и не научился, – но явлением Иисус Христовым»*. Итак, его собственного учения нет, а есть учение Христово, как хранит его и проповедует Церковь Христова. Пред нами все тот же пастырь Церкви. И по-прежнему ни минуты покоя, тот же старый дом, что и прежде; та же тесная квартира; признание возможности собственности и богатства и вольная нищета, постоянная раздача всего получаемого; частые случаи прямой нужды у себя дома вследствие того, что все приносимое в изобилии – сотни, тысячи, десятки тысяч рублей, подарки, вещи, платье – все раздается бедным; постоянное наставление в мирских делах возложить всю надежду на Господа; та же тяжелая жизнь; утро с 2 часов ночи, поездки, службы, проповеди, молитва, десятки тысяч богомольцев, исповедники, причастники, тысячи собеседников, ищущих утешений и уроков жизни, тысячи бедняков, ищущих помощи; постоянные огорчения при виде обмана со стороны пьяных, преступных и злонамеренных людей, при виде злоупотреблений именем чтимого пастыря; неустанное писание глубоко назидательного «Дневника», поучений, говение у всех на виду, постоянная забота о созданных благотворительных учреждениях, тысячи писем и телеграмм, постоянное пребывание на народе, отзывчивость ко всем, и смирение, смирение без конца, непрестанное напоминание о том, что он – простой священник, что он – грешник, что только Бог творит дивное и чудесное чрез его недостойнство в Церкви Христовой, ни тени рисовки, ни тени желания показать, что он есть что-то особенное.

У другого – застывшее самообожание и дьявольская гордыня. Он – «великий писатель земли Русской»; он – выше и

умнее всех на свете; он – «учитель жизни». И все «учение» Толстого – около его собственной личности, и каждая причуда его – это уже «заповедь». Если апостол Павел в сегодняшнем апостольском чтении говорит о себе и себе подобных, что в проповеди Евангелия он «не приложился плоти и крови» и научился истине «не от человека», а явлением Иисуса Христа, то граф Толстой, наоборот, именно от своей плоти и крови составил свое учение, а частью взял его и «от человека», понадергавши мыслей от древних и новых язычников. Когда его здоровье потребовало растительной пищи, он, после безумных лет роскоши и объедения, теперь проповедует воздержание и безубойное питание. Когда старость указывает ему на прекращение брачного сожития, – он, по собственному признанию, прошедший жизнь в блуде, теперь пишет о целомудрии и даже ненужности брака. Когда кругом все деньги, имения, права литературной собственности, все ему принадлежащее закреплено и переведено на имя жены, – он, всю жизнь приобретающий стяжания, отрицает собственность. Когда его здоровье требует физических упражнений, – он, после целожизненного умственного труда, которым он торговал, теперь проповедует о смысле одного только труда – мускульного, и даже «неделания». Он в барских причудах шьет сапоги, косит траву, кроет крыши, ломается, кривляется и юродствует по своим прихотям, тратит десятки тысяч рублей в год на удовлетворение этих своих прихотей, – зимою, под видом держания от мяса, он ест свежую землянику, свежую спаржу и огурцы, что стоит огромных денег; для удовольствия и укрепления здоровья он катается на лошади, на коньках, на велосипедах; к его услугам парк и пруды, т.е. собственно роскошь и удобства жизни – все, что он так горячо и красиво отрицает. Но все это – «заповеди», и все это повеление его «религиозной философии», его учения «о простоте жизни и приближении ее к природе»! А отрицает он все. Он отрицает типографии и литературный труд – и без конца пишет и печатает. Он отрицает теперь богатство – и живет во дворце, в сказочной роскоши, ни в чем не зная отказа. Он отвергает деньги – и получает их и тратит их сотни

тысяч. Он отрицает науку – и напускает на себя вид учености, изучая, сравнивая тексты Евангелия, рассуждая «о науке и нравственности», «об искусстве» и проч.; он отрицает медицину, – и держит вокруг докторов, щупающих ему ежечасно пульс, разрешающих или запрещающих ему выйти на воздух, тщательно бережет каждый день и каждый час своей жизни, отправляется в Крым, укрепляет себя ваннами и купаньями, прогулками, воздухом, всем, что дают природа и искусство, к чему открывает доступ огромное богатство.

«Учитель жизни» и людей, – а добиться его лицемерия гораздо труднее, чем видеть главу государства, подавленного множеством государственных дел; он не любит, чтоб его «беспокоили» ищущие наставлений и утешений.

Он отрицает государство – и пользуется всеми его благами, его защитой, его порядками, его строем. Он отрицает суд – и налагает вечные запреты на печатание тех именно своих сочинений, которые являются наиболее доступными и единственно воспитательными для общества. Он живет во дворце, он сокрыт от докучливого мира, он окружен заботой и поклонением, ухаживанием, какое может доставить только изысканная роскошь, – но он теперь все твердит о самоотречении и аскетизме.

Он проповедует о любви, о любви и любви – и пишет слова, полные ненависти к Церкви, к России, к власти, изображает в своих произведениях и царей, и архиереев, и начальствующих лиц в таком виде, что возбуждает к ним только чувства одной злобы; он твердит о любви – и никому из своих богатств не дает и не давал ни гроша... Оправдание этой жестокости полно несказанного и отталкивающего лицемерия: имения, права литературной собственности и проч. принадлежат-де не ему, а жене. И во всех «новых заповедях» его то же лицемерие: после своего призыва ко всем прекратить брачное общение он, имея за 60 лет от роду, и сам имел сына... И после горячих слов о безубойном питании, скрываясь, как мальчик, по ночам, он поглощал мясные питательные блюда, как о том поведала миру одна из его гувернанток, которых немало он держал за

большие деньги... Когда к нему обращаются за помощью, он пишет лицемерные письма, уверяющие в том, что у него нет ничего. Когда наступает народный голод, он от других собирает пожертвования, чтоб ими распорядиться и себе стяжать славу. Он «не может молчать» при виде казни преступников-революционеров и укоряет правителей за то, что они не следуют учению его, Толстого, хотя они открыто не признают его учителем, но он молчит, когда революционеры и убийцы – все, почитающие его своим учителем, казнят самовольно сотни и тысячи невинных людей и заливают кровью лицо земли Русской. Всеми мерами он ищет славы и славы у тех, в чьих руках газеты и уличные листки, влияние на общественное мнение, – и в то же время горделиво заявляет, что ничего, написанного в опровержение его лжеучений, он намеренно не читает...

Он говорит о «воле Божией» – и проповедует Бога безличного и бессознательного, у которого по этому самому и воли быть не может. Он все твердит об Евангелии – и, переделав Евангелие по-своему, он не оставил в нем ничего евангельского, а вставил все свое, толстовское...

Он в своих выходках против Церкви, против Таинств, против власти дошел до того, что ему самому нужно бы давно открыто и честно заявить о том, что он не православный христианин. И, однако, когда отлучение его от Церкви было объявлено, он злобно отвечал Св. Синоду; он доказывал, что его отлучили неправо, придираясь к тому, что к нему никого не присылали для увещаний; он нескрываяемо искал сочувствия толпы, и тут же в своих ответных писаниях показывал, что он не признает ни Христа, ни искупления, ни Таинств, ни Церкви и давно для православия окончательно умер. Конец жизни...

Один – угасающий, как лампада перед Богом, старец, друг бедных и больных, друг скорбящих и обремененных. Кругом него слезы, и слезы радости, и скорби и молитвы, чудеса исцелений. Все, что тяготится злом, все, что ищет любви к Богу и ближнему, все, что ищет общения с Божеством и духовным миром, – все это и теперь стремится к нему сердцем. А он по-прежнему, изнемогая телом, все-таки ежедневно в храме,

ежедневно на службе и служении Слову, сам в богообщении, в тайне причастия Божеству, «горе имея сердце», ясный, благостный, горящий, весь богоносен, – это воистину дитя Божие, то дитя, о коем Христос говорил, что надо уподобиться такому дитяти, чтобы войти в Царствие Небесное, то дитя, которое разумел Апостол, когда учил: «не дети бывайте умом, но злобою младенствуйте»... Злоба и ненависть к Богу и к тому, что Бог любить повелевает, – к Церкви, Родине и Царю, сплели ему под конец жизни терновый венец мученика и гонимого – насмешки, издевательства, клеветы, хулы злобных и бесчестных хищников печати и сцены, смутившие и смущающие слабых сердцем и разумом. Но тих и покорен Богу старец Божий, и нет у него ни жалоб, ни желания возвратить к себе некогда прославлявших его или вновь и сильнее прославиться среди людей. Вся слава – Богу Единому. И в самой наружности старца отражается его любящий и смиренный дух: эти чудные, ясные, кроткие очи, этот приветливый, привлекательный радостный вид...

Другой – враг Церкви, объединил и сплотил около себя все злобное, хотя вечно твердил о любви, *и в этом, исключительно в одном этом тайна его успеха среди служителей зла и разрушения, часто враждебных между собою по своим воззрениям, но объединяющихся в Толстом*. Посмотрите, люди по-видимому не имеющие между собою ничего общего: неверы, фанатики, сектанты, изуверы, ненавистники Церкви; иноверцы, инославные, студенты-революционеры, изменники Родины, враги Царя и власти, погромщики и политические убийцы, главари политических партий, приветствовавших весть об убийстве царских слуг; евреи-писатели, враги Христа; писатели-нигилисты; писатели, подстрекавшие к бунтам и убийствам; «обновленцы» из якобы православных священников – и сущие в сани и расстриженные, вроде нашумевшего П-ва¹, – все, что дышит злобою, завистью и ненавистью ко всему, что выше их, умнее,

¹ Петров Григорий Спиридонович (1866–1925), выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии, священник, в 1906 г. за антицерковную пропаганду и деятельность сослан в Черминецкий монастырь, который покинул после избрания в Государственную думу, лишен сана.

нравственнее или только сильнее и богаче; все, что ненавидит Россию, русский народ, святую Церковь и святую веру; все, что жизнью отрицает христианскую нравственность и, исповедуя толстовщину, живет в разврате, нечистоте и нечестии, пьянствует, ворует, блудит, судится, убивает; все, что пропитано самомнением, гордыней, самопоклонением, лицемерием, – все это соединяется около Толстого, все это считает его своим вождем, все это трубит о его юбилее, раздувает его славу; беснуется при отлучении Толстого от Церкви, – не веруя вместе с Толстым в Церковь и, однако, по непостижимой причине отзываясь болезненно и чувствительно на всякое слово Церкви, осуждающее Толстого, как это мы и видели во дни его недавнего юбилея. И лицемерие «учителя» прежнее: зная, что его никто не тронет, он заявляет, что одного счастья ему недостает – ему хочется сидеть в тюрьме... для вящей славы мученика. Увы, этой славы ему не дают. Но вокруг беснующиеся поклонники раздувают его славу, сочиняют юбилеи, стараются издать его сочинения последних 25 лет, т.е. самые анархические и безбожные, бесплодно селятся обратить его в кумира всего народа, селятся затенить его нечистым образом светлый и вечный лик Вечного Учителя – Христа. На самой наружности отобразился злобный гордый дух Толстого: эти умные, но упрямые, жестокие глаза, этот отталкивающий вид злобного хилого старика, цепляющегося за каждый миг жизни, за каждый проблеск славы!

О, блюдите, верные, знамения времен! Блюдите, како опасно ходите! Вечно слово Христово: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня, ин придет – ин придет *во имя свое*, и его примете»... (Ин. 5, 43).

Чадца, – увещевает Апостол любви, и слово его трубным гласом звучит векам и родам даже до дня пришествия Христова, – чадца, не всякому духу веруйте, но испытывайте духов, от Бога ли они, *ибо много лжепророков вошло в мир*; всякий дух, исповедующий Христа во плоти пришедшего, от Бога есть, и всякий дух, не исповедующий Христа во плоти пришедшего, – не от Бога, это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет... и ныне антихристов много (1 Ин. 4, 1–4; 2, 18).

Как ясно при свете этих слов открывается пред нами смысл всего, что видели и видят очи наши! Как ясны «знамения времен» – эта борьба Христовой истины с началами антихристовыми, борьба веры в Бога с идолопоклонством разуму, брань смирения и гордыни, богослужения и богоборчества, Христа и диавола! Как радостно, что с любовью и молитвою мы ныне чтим день ангела смиренного служителя Христа, – Христа, во плоти пришедшего, а не горделивый юбилей лицемерного и прегордого одного из антихристов – Толстого, пришедшего и глаголющего во имя свое, отрицающего Христа, Сына Божия, и действующего в мире действием сатаны!

И как грозно и вместе ободряюще для верующего и сына Церкви звучит слово Апостола: «Бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь! (1 Кор. 16, 13); аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят, маранафа!» (ст. 22)

Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом нашим, братие! Аминь.

Заветы истории¹

Ежегодное воспоминание великой Отечественной войны и знаменитого военного совета в Филях, когда князь Михаил Илларионович Кутузов ответил на исторический момент героической решимостью взять приказ об оставлении Москвы на свою полную ответственность пред Царем, Родиной и пред историей; воспоминание о героях и мучениках долга, отдавших жизнь на брани, решившей вопрос: быть или не быть России; воспоминание о жертвах долга, в служении вере, Царю и Родине от руки крамолы убиенных, – вот что собрало нас сегодня на молитву в этот исторический храм. Мы чествуем ныне все, на чем лежит печать и свидетельство долга и самопожертвования. Мы пред лицом всей истории нашего народа и царства вызываем пред памятью и вниманием современников все, что достойно памяти и

¹ Слово в церкви селения Фили по случаю крестного хода в воспоминание военного совета в дер. Фили 1 сентября 1812 года. – *Прим. авт.*

внимания, что воспитывает народ для будущей славной и достойной жизни, для будущих славных подвигов. Мы стоим пред тем, что называется уроками и заветами истории.

Возможна ли здесь религиозно-нравственная точка зрения, единственно применимая к церковному слову и к этому священному месту? Не будет ли это вторжением в чуждую область беспристрастной науки, неуместным для церковной кафедры?

Но перед нами книга книг – священная Библия, вся полная исторических повествований о днях минувших. Перед нами вековечный взгляд на историю, выраженный устами и словами Царя-псалмопевца: «помянух дни древния и поучахся»... (Пс. 142, 5). Перед нами весь религиозно-бытовой строй народа богоизбранного, у которого исторические воспоминания составляли главное содержание его религиозной жизни, его праздников, его богослужения, проповеди пророков – всего его быта; эти исторические воспоминания воспитывали народ в течение веков, давая ему совершенно цельный и определенный духовный облик.

Перед нами и новозаветная Церковь, всегда напоминавшая верующим «величия Божия», все наше спасение во Христе, как оно явилось и проявилось в истории жизни и подвига Богочеловека, в истории Его Церкви, Его святых. Не может отдельный человек сделать так, чтобы не было его прошлого, не может взрослый человек совершенно вычеркнуть и сделать небывшим свое детство, отрочество и юность. Нельзя перерезать пополам человеческий организм и ожидать, чтоб он оставался живым. Так точно нельзя и целому народу отречься от своей истории. Нельзя ему вычеркнуть свое прошлое. Нельзя обратить народ в бродягу, не помнящего родства. Нельзя, таким образом, перервать и перерезать историческую жизнь народа и ожидать, чтоб он остался не только живым, но и более, чем прежде, жизнеспособным.

И, однако, попытки такого рода делаются на наших глазах. Мы переживаем время натиска и господства таких учений, которые не хотят знать никакого прошлого, не хотят считаться ни с какою историей. Легкомысленно, но с важностью и уверенностью кричат одни, легковерно принимают другие проповедь чистейшего безумия: «Отречемся от старого мира,

отрясем его прах с наших ног»¹... Это – проповедь по преимуществу людей молодых...

От чего вы отрекаетесь, безумцы? Знаете ли вы хорошо это старое? Успели ли вы его изучить и осмыслить?

Разве в старом один прах? Разве в старом нет корней нового и будущего? Разве в старом одно худое? Не произносите ли вы тогда смертный приговор вместе с прошлым и настоящему? Не уподобляетесь ли вы тому садовнику, который для облегчения своего дела перерезал все корни деревьев и ожидает, что деревья теперь расцветут и заживут новою силой? Не вычеркиваете ли вы из жизни прежде всего самих себя? Нельзя уничтожить прошлого, нельзя обратить бытие в небытие. И вот, мы видим другой прием уничтожения истории: это брань на все минувшее, развенчивание всех героев и доблестей прошлого, издевательство над историей своего народа. Сколько людей умных и образованных в наше время занимаются такою именно литературой! Сколько людей, желающих быть руководителями жизни, таким оплевыванием прошлого желают возвеличиться и возвести себя в своих глазах и в глазах своих современников в людей смелого и пытливого ума, геройской борьбы, геройской решимости! Сколько людей такое выливание грязи на историю своего народа считают признаком особого высшего развития и свободы от предрассудков!

Припоминаются знаменательные библейские сближения. Народы и государства получились путем постепенного развития семьи, этой первоячейки общественной жизни, чрез переходные состояния рода и племени. И добродетели, подвиги жизни общественной и государственной, – все имеют своим началом и источником добродетели семьи. Пред нами библейская семья Ноя, начавшего историю «мира второго» после потопа. В ней дети почтительные к отцу – это положительное начало жизни и истории, и в ней Хам, отвратительный на все века образ нечестия, непокорной злобы, грубости и того,

¹ Первые строки стихотворения народника П. Л. Лаврова «Вперед», которое пелось на мотив французского революционного гимна «Марсельеза», – самая популярная русская революционная песня до 1917 г.

что называется, по его имени, «хамством», – это разрушительное начало жизни. Если бы нужно было представить себе, как хамы будут относиться к прошлому, если бы нужно было представить себе, как хамы могут и будут писать историю, то, к сожалению, переживаемое нами время дает на эти вопросы ответы в лицах и событиях. Не станем о них упоминать поименно; все это известно всякому, кто хоть с некоторым вниманием относится к текущей жизни¹.

И тем отраднее, тем возвышеннее и одухотвореннее нынешнее наше молитвенное собрание и нынешнее торжество. Почтим минувшее добрым словом, почтим минувшее молитвою, слезами и воздыханиями! Пусть пройдут пред нашим духовным взором в великом сонме мученики долга, страдальцы за землю Русскую.

В век мелких людей, мелких душ, мелких дел и интересов, в век приниженного патриотического чувства, замутившейся общественной и народной совести, в век проповеди разрушения жизни и «хамского» отношения к прошлому и к родной истории – так нужно, так полезно вспоминать о великом подъеме народного духа, о великом героизме, о великих подвигах великого народа.

Полезно вспомнить об этом, чтоб увидеть, как лгут хамы, пишущие ныне историю России. Они уверяют, что эта история – сплошной позор, торжество грубого насильничества, роковое и гибельное развитие самодержавия, которое будто бы все убивало и все мертвило. Они уверяют, что народа русского не было, что Россия была рабым царством, что ее история есть прозябание народа-раба, народа, доведенного насильничеством власти, и притом сознательно и планомерно, до животного состояния. Лгут хамы, пишущие так нашу русскую

¹ Нельзя здесь, однако, умолчать об одной отвратительной книжке, широко, почти бесплатно распространенной в русском народе в целях его духовного растления. Разумею книжку Шишко: *Рассказы из русской истории*. – Прим. авт.

Шишко Леонид Эммануилович (1852–1910), эсер, бывший офицер; рассказы написаны с революционных позиций, главное внимание уделено разинщине, пугачевщине и др. бунтам.

историю. Великая эпоха Отечественной «народной войны» – наглядное и самое убедительное опровержение хамовой лжи. Могло ли губительное начало власти создать великое Русское царство посреди всех тягостей нашей исторической жизни? Мог ли народ-раб, доведенный насильничеством до животного отупения и безразличного отношения к своей судьбе, временами только просыпающийся к кровавым протестам против угнетающей его власти, – так хотелось бы думать хамам-историкам, – мог ли такой народ сознательно и геройски бороться за честь и достоинство Родины, умирать десятками и сотнями тысяч на полях Бородинских, едва сдерживать негодование при виде необходимых отступлений пред врагом? Мог ли такой народ иметь «народную» историю и быть способным на «народную», «отечественную» войну? Мог ли такой народ любить свое Отечество, быть народом патриотическим?

А он был и остался таковым. И пока жива Россия, русский народ будет с молитвою поминать тех и прославленных, и безвестных героев, что отдали жизнь за Родину. И пока стоит Россия, он будет возглашать этим героям долговечную славу, вечную память и тем внушать своим сынам, что смысл жизни – в ее вечных основах, в совести, в исполнении долга, в любви к Богу и ближним, и что больше сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя (Ин. 15, 13).

Совершая ежегодно, совершив и ныне молитвенное поминовение героев Отечественной войны, князя Кутузова и убитых крамолою слуг царевых, павших жертвами своей верности Родине, мы исполнили долг религиозный, мы отвечаем требованиям благодарного и благородного сердца, совершаем служение народу, мы неприметно, но действительно среди нынешнего потемнения общественной совести воспитываем себя и других на вечных, негибнущих началах всякой человеческой жизни – на началах любви, долга, героизма, самоотречения, господства духа, верности историческим устоям и заветам.

В них, в этих устоях и заветах, – и корень, и смысл, и руководящая жизненная сила, могутно заключенная и впрямь имеющая развиваться в истории русского народа, пока Господь

судит ему жить, пока мы будем достойны жить и не истощим духовных основ своих безверием, бездушием и презрением к прошлому – к тому прошлому, что составляло мощь и славу нашу в истории, что искуплено и освящено кровью, трудом, страданиями и подвигом нашего народа! Аминь.

Заветы истории о верности православию и самодержавию¹

По церковному уставу, сегодня вспоминаем мы Святых Отцов, ревнителей православной веры, собранных некогда, более 1500 лет назад, в городе Никее Византийского царства, при царе св. равноапостольном Константине для ниспровержения ереси, т.е. лжеучения некоего Ария, и для утверждения веры истинной, православной². С этим празднованием совпадает Царский день – день рождения Государыни-императрицы, когда мы, по завету Слова Божия и по влечению верноподданнического сердца, возносим молитвы к Богу о благосостоянии Царя, его Царственной семьи и всего Русского царства.

Вдумаемся в это совпадение исторических воспоминаний и уроков Церкви Божией в слове Божественного Писания, сегодня нами слышанного, вдумаемся при свете этих уроков и в события современной нашей жизни: мы здесь найдем для себя много поучительного.

В самый тяжкий день Своей жизни, после прощальной беседы с учениками, отправляясь в Гефсиманский сад на страдания духа и тела, Господь Иисус возносит к Богу, Отцу Своему, горящую «первосвященническую» молитву о всех верующих. Не о всем мире Он молит, Он молит о тех, которые веруют в Него. И не о том Он молит, чтобы Господь взял верующих от

¹ Слово в новопереселенческом селении Змеиногорского уезда Томской губернии, в нед. свв. оо. иже в Никее и в день рождения Государыни Императрицы Александры Феодоровны 25 мая 1908 года. – *Прим. авт.*

² Имеется в виду Первый Вселенский собор, который состоялся в июне 325 г. в городе Никея (ныне Изник, Турция).

мира, но чтоб Он сохранил их от всякого зла. Не одних ближайших учеников Своих, апостолов, Он здесь понимает, но и всех тех, которые уверуют во Христа по слову их. О чем же Христова молитва? Чего просит верующим Сам Основатель Божественной и святейшей нашей веры? Какого блага Он желает Своим последователям? Он молит Отца Своего: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершенны во едино» (Ин. гл. 17).

Так молился о нас, о Своих учениках и последователях, наш Господь. Он желал, Он желает, чтобы все мы, право верующие и Его, как Сына Божия и Бога, познавшие, были *едино*, чтобы было едино стадо и един Пастырь, чтоб единым сердцем и едиными усты мы Его исповедовали: это *едино*, состоящее из всех право верующих, и есть Единая Святая, Соборная и Апостольская Церковь, к которой и мы с вами, возлюбленные братие и соотечественники, имеем счастье принадлежать.

Никогда не уничтожится Церковь: ведь о ней, об ее сохранении молил Сам Сын Божий, а Его молитва не может быть не услышана. Никогда не погибнет принесенная на землю Сыном Божиим Истина, которую и хранит Св. Церковь: ведь Сам Сын Божий обещал, что Он создаст Церковь, и врата адовы, т.е. все силы зла, не одолеют ее.

Однако это не значит, что силы зла и врата адовы не будут бороться с Церковью. Напротив, они употребят все усилия, сатана приложит все старания, чтобы посредством злых людей, его сообщников, нанести Церкви Христовой вред, чтоб убить в ней то единение, которым она жива и действует. И Спаситель предсказывал, что будут после Него приходить люди не во имя Бога, а во имя свое, что явятся лжепророки-соблазнитель, чтобы прельстить, если возможно, и избранных, что явятся, наконец, и такие проповедники, которые будут говорить во имя Христа, Его именем как будто бы совершать силы и знамения и которым, однако, в день оный и страшный Христос Спаситель скажет: «Я не знаю вас». И апостолы уже при жизни своей видели рядом с собою лжеучителей, видели расколы и раздоры, предсказывали о появлении новых лжеучи-

телей верующим, предупреждали их от грозящей опасности разъединения в Церкви. Вот апостол Павел поспешает идти в Иерусалим на праздник Пятидесятницы. Очень ему хотелось зайти в гор. Ефес, где он своими трудами насадил общество верующих, которых три года он учил день и ночь со всяким смиренномудрием и многими слезами, среди искушений, приключавшихся ему по злоумышлению евреев, этих злобных и упорнейших врагов всего христианского. Время не позволяло Апостолу зайти в Ефес, и он в ближайшее место, на пристань города, пригласил только пресвитеров, т.е. священников гор. Ефеса, и здесь с ними побеседовал. Он засвидетельствовал им о своей любви, он предсказал, что идет сам на страдание и смерть и уже более не увидится с ними на земле никогда, он заповедал им внимать себе и всему стаду, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею, «ибо, – говорит Апостол, – ибо я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада, и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою» (Деян. 20 гл.).

Все это и о первосвященнической молитве Спасителя, и о прощании апостола Павла с пресвитерами ефесскими мы слышали сегодня в евангельском и апостольском чтениях.

Пришло скоро время, когда сбылось скорбное предсказание Апостола. Много еретиков, раскольников и лжеучителей восстало в Церкви. Особенно много погубила сынов Церкви ересь Ария, который стал нечестиво учить о Сыне Божиим и не признавал в Нем Божеского достоинства. Это было через триста лет по Рождестве Христовом. Арий имел много приверженцев, и его лжеучение сильно стало распространяться. Бороться с ним было трудно. В число его учеников вступили очень многие из тех прежних язычников, которые приняли христианство не по искреннему и горячему влечению сердца, а просто по подражанию, или еще хуже, по корыстному расчету, ибо в те времена вера Христова уже становилась господствующею в мире.

Тогда-то на помощь Церкви Божией выступила новая сила, Промыслом Божиим к тому приготовленная: это – сила

православных самодержавных царей. Царствовал тогда святой равноапостольный Константин, первый из царей, принявший святую веру Христову и ее вводивший в своем государстве Византийском, которое в то время охватывало весь мир. Конечно, блюсти целость и чистоту веры есть дело и долг пастырей Церкви, но власть гражданства имеет полную возможность или помочь в этом деле пастырям, или помешать. К тому же Царь православный есть сын Церкви, обязанный по своему положению заботиться о ней, именно как сын о своей матери. Так именно смотрел на себя и святой равноапостольный царь Константин. Он не взял на себя разбор и суждение о том, почему и в чем погрешал Арий, и что нужно предпринять по поводу его лжеучения для охраны мира и спокойствия в Церкви. Он захотел выслушать об этом голос пастырей церковных. И вот, со всего христианского мира собрались в город Никею пастыри и учителя, в числе 318, для суждения о делах церковных. Они подтвердили правое исповедание веры и учение о Христе-Спасителе, как Сыне Божиим, как это было в Церкви с первых дней ее существования, как заповедано было от времен святых апостолов. Арий был низложен, истина утверждена, мир в Церкви Христовой был восстановлен: верующие знали, чему следовать и где искать истины.

С того времени постоянно видим в мире две силы, способствующие единению в Царстве Божиим, т.е. в Церкви Христовой: деятельность христианских пастырей и постоянную содействующую им помощь со стороны православных государей. Император Константин Великий принял престол в то время, когда его Империя видимо доживала последнее время и близка была к совершенному падению. Но, приняв веру Христову и сделав ее сначала дозволенною, а потом господствующею в своей Империи, он тем самым сообщил своему одряхлевшему и умирающему царству новую жизнь и продлил его существование на 1000 лет. Так говорит наука история; никто никогда не мог опровергнуть этого благодействия веры Христовой для Византийского царства. И гораздо долее стояла бы православная Византия и достояла бы до наших дней, если

бы в ней сохранилась чистота веры, если бы цари ее, подобно святому Константину, всегда защищали Церковь от врагов и лжеучителей. Но этого, к сожалению, не случилось, и Византия, когда пришел Богом определенный день ее, пала.

Однако православное царство в мире осталось. Ко времени падения Византии Господь воздвиг новый, молодой, сильный и даровитый народ русский. Он при новом Константине – равноапостольном и святом князе Владимире – принял Христову веру, возрастал в ней, под ее влиянием и воспитанием образовал свое царство. Когда пала Византия, Русское царство уже было настолько сильно, что могло принять на себя наследство Византии – охрану и распространение святого православия. В ней, слава Богу, никогда не было ни одного князя-еретика, ни одного царя-еретика, безбожника или гонителя веры. И оттого ширилась она, и крепла, и теперь является самым великим царством в мире. Конечно, и в России были и есть раскольники, сектанты, непокорствующие Церкви, безбожники и лжеучители. Но пока стоит в ней Православная Церковь, пока право правят слово истины ее пастыри и пока на страже Церкви, ее безопасности и силы стоит православный Самодержец, Богом помазанный и венчанный наш Царь, дотоле не страшны нам усилия ада. Иное дело, если бы случилось так, что сила и власть Царя будут умалены, если Царь стал бы ограниченным, бессильным и несвободным. Тогда беспрепятственно придут враги в достояние Божие, и те же евреи, от которых умер Христос, от которых страдали апостолы, те же евреи, которые и доныне явно и тайно стараются всеми способами уничтожить ненавистное им христианство, получают силу и возможность наносить Церкви Божией удар за ударом. Конечно, злобе врагов Божиих не пересилить Божьего всемогущества; Церковь сохранится и пребудет, как сохранилась во дни Ария и при гонениях в самой Византии, но государство, отступившее от Церкви, погибнет, как погибла Византия, но народ, отошедший от чистоты православия, будет отдан в рабство другим народам, как это и случилось с тем же Византийским царством. Так погибнет и наша Россия.

До неба вознесенная за свое православие и верность Церкви, т.е. Христу, она до ада низринется.

Избави нас, Господи, от этого ужаса! Но вы спросите: как же может так случиться с целым верующим народом? Может это случиться, братие. Тому примеры бывали. Знаем мы, как огромная толпа безоружная, неупорядоченная, без вождей и правителей, легко подчиняется одной сотне вооруженных и обученных воинов. При ограниченном царе, покровителе Церкви, мы и будем такою толпою, а враги Христовы будут вооруженным отрядом. Пастырей наших ревностных и учительных они или обесславят, как это они и теперь делают, например, с о. Иоанном Кронштадтским, или изгонят, как это теперь делают евреи и еврействующие в христианской стране Франции. Вождей у нас не будет, царь обесславленный, ограниченный и связанный чужою волею нас не в состоянии будет защитить. И что тогда с нами будет? Мы пойдем к верной гибели: начнутся ереси и расколы, безбожники будут гнать нас, как гонят во Франции, запечатывая церкви, изгоняя монахов и священников из храмов и из школ, запрещая народу исполнять правила своей веры.

Посему будем хранить чистоту веры, будем остерегаться всяких лжеучителей, которые хулят Церковь, Свящ. Писание, храмы, обряды, посты, поминовение усопших, наше богослужение, наши молитвы: таких, вы знаете, и здесь, в вашей стороне, появилось много, но будем вместе с тем всячески ограждать преданностью и любовью царский Престол нашего самодержавного Царя, не ограниченного никем, кроме Бога и Божеского закона и христианской совести. Много теперь в среде нашей появилось людей, которые непокорны властям и которые проповедуют об ограничении власти Царя. Это — люди, сознательно или бессознательно, по увлечению чужеземными образцами или по наущению заклятых врагов нашего народа ведущие нас к гибели. Не смущайтесь тем, что среди них встречаются часто люди ученые и образованные: ведь и враг Божий, диавол, также одарен умом, только ум этот направлен на зло.

Впрочем, ум человека самого образованного часто не видит того, что ясно самому обыкновенному простецу. Это быва-

ет тогда, когда он отходит от Христа, Истинного Света. Тогда сбывается слово Апостола.

Не много нужно иметь ума, чтобы видеть, что у нас в России, единственно только у нас – самодержавный Царь. Если не станет этого последнего христианского Самодержца, если он будет ограничен и не свободен, то наступит благоприятное время для приготовления и явления антихриста. Как это случится? На это отвечает один из мудрейших наших церковных учителей и толкователей Священного Писания: антихрист воспользуется так называемой демократией, т.е. народоправством, именно таким образом правления, в котором все решает не христианский разум, не христианская совесть, а так называемое большинство, то большинство, которое легко составить искусственно, подделать, подкупить, увлечь на время пышными словами и обещаниями. По слову и учению св. Апостола, тайна явления антихриста, человека греха, сына погибели, противящегося и превозносящегося выше всего, называемого Богом или святынею, – тайна этого беззакония уже в действии. Но она не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды *удерживающий*... От великих и богомудрых отцов наших и учителей слышали мы, что удерживающий – это и есть Самодержец христианский. Не будет его в мире, и тогда путем большинства можно будет провести какие угодно постановления, в том числе и постановления, касающиеся веры. История учит нас тому. Она говорит нам, что, например, в Англии так называемый парламент, т.е. учреждение, состоящее из народных представителей, ограничивающее Царя, делал постановления о том, как надо веровать, как спасаться, сколько принимать Таинств. Это похоже на то, как если бы крестьяне мирским сходом или полицейский чиновник постановили бы, сколько лиц в Боге, какого достоинства Пресвятая Богородица, и одни бы постановили одно, а другие – совершенно другое и противоположное. Конечно, если бы и у нас случилось нечто подобное, мы бы, по нашей христианской совести, не послушались бы никаких сходок, никаких приговоров, никаких народных представителей, хотя бы они даже все вместе и единогласно изменили нашу святую

веру, как не слушали в подобных же случаях благочестивые верующие люди в Византии распоряжений о перемене веры. Ибо еще Апостолом сказано: если бы даже мы, апостолы, или если бы ангел с неба стал возвещать вам не то, что мы проповедали, то да будет анафема (Гал. 1, 8). Но ведь от этого пошли бы смуты в царстве, раздоры в народе, и государство слабело бы и клонилось бы к неизбежному упадку. То правда, что и цари в Византии бывали еретиками, – слава Богу, у нас в России за тысячу лет ее существования этого ни разу не случилось. Но когда пред нами один еретик, его можно и обличить, и убедить, вразумить, с ним можем предстать на самый суд Божий. Но что делать с так называемым большинством, когда лица, составляющие это большинство, и неизвестны, и съехались случайно, и разъедутся скоро, а главное, – все они из разных народностей, из разных вер, а часто и безбожники. К тому же для них выгодно, чтобы в государстве и в народе совсем бы не было единой и господствующей веры, чтобы каждый веровал по-своему, а мог и совсем ни во что не верить. Каких же указаний ждать от такого собрания об истине веры? И кто и когда дал свыше полномочия подобным собраниям законодательствовать в области веры и Церкви? И станут ли они признавать для себя учения и постановления Православной Церкви по вере, что ее словами и действиями руководит обещанный Церкви и ниспосланный некогда видимо Дух Святой?

А самодержавие царей, Божьих помазанников, тесно связано всеми интересами, всеми даже выгодами своими с торжеством и процветанием святой веры, ибо Самодержец – Царь христианский – имеет опору и основу для своего существования и деятельности и для признания его верноподданными только в законе Божием и в христианской совести своей собственной и своего верующего народа.

Братие! На этой далекой окраине, пришедши сюда из милых родных мест, утвердитесь и утверждайтесь в святой православной вере, не слушайте соблазняющего голоса различных сектантов, здесь уже появившихся и сеющих среди вас семена злоучения. Берегитесь этих врагов Церкви, не говорите уверен-

но, что вы не поддадитесь их воздействию, будьте осторожны и к себе внимательны. Враг и силен, и хитер, и опасен; не успеют вас поколебать словом, так соблазнят на деле; не захватят взрослых, так увлекут молодых. Особенно опасайтесь отдавать дочерей ваших в сектантские и раскольничьи семьи; не соблазняйте их видимой зажиточностью. Там дочерям вашим почти неизбежное отречение от православия, почти неизбежная духовная гибель. И на эту гибель нередко толкают детей сами родители из желания пристроить их выгодно и богато. Не продажа ли это святой веры и святого православия? Не продажа ли это своих детей в духовное рабство? Вы знаете, что, к сожалению, уже были среди вас примеры таких отпадений.

А затем храните отцами вашими признанную, в вас воспитанную для Св. Церкви и для Св. Руси спасительную преданность Царю самодержавному и его Царственному семейству. Да будет наш Царь-самодержец, как встарь, навсегда свободным, мощным, неограниченным, дабы в силе своей свободы и неограниченности он мог властно дать своему народу защиту его святынь, его веры, нашей Св. Церкви, дабы и в области житейской, ни от кого не зависимой, он мог свободно дать народу все ему необходимое. Вот и вы пришли на новые земли, вот и ваши соседи кругом на много верст заняли так называемые земли Кабинета¹ и живут в довольстве; вот видите, ежегодно приливают сюда все новые и новые волны переселенцев. Это Царь свободный и неограниченный самодержавным словом повелел отдать крестьянам эти земли, повелел, — и сбылось по его слову. Ни в одной стране, ни в одном государстве мира не могло быть ничего подобного, ибо нигде нет Царя самодержавного.

Будем же хранить это наше сокровище — самодержавие Царей, и не станем слушать тех многочисленных бывших преступников, сюда сосланных, которые нередко по деревням и селам расхаживают с хульными речами о Царе или разбрасывают печатные листки с такими же обманными речами. От таких

¹ Кабинетские земли принадлежали Императорской фамилии, управлялись Кабинетом Его Императорского Величества, особенно много их было на Алтае.

учителей, ссыльных, каторжников, убийц и воров, – подальше! Напротив, знай о том, что у Царя есть враги, что нам может грозить опасность, как бы не украли у нас наших сокровищ – православие и самодержавие, еще крепче мы их полюбим, еще большею любовью и преданностью их оградим. Сквозь такой оплот не пройдет вражье слово и вражья сила.

Царя нашего многолюбимого и его супругу-царицу, вино-вницу нынешнего торжества, со всем его нам дорогим Семейством, Господи, сохрани на многие лета! Аминь.

Православие в истории России¹

Сия вера апостольская, сия вера
отеческая, сия вера православная,
сия вера вселенную утверди.

(Из чина Православия)

Среди народа русского сложилось и живет одно трогательное и умилительное сказание: наши предки рассказывали, будто бы Сын Божий, умирая на Кресте среди родного Ему, но отвергшего Его и богоубийственного народа, распят был так, что Его хребет обращен был к Иерусалиму, а потухающий взор – к далекому, неизвестному северу. И вот, когда наш Искупитель в священном молчании висел на Кресте, когда уже холод могилы проникал в Его тело и мрак смерти застилал налитые кровью Его очи: тогда в последний раз взглянул Он по направлению к нашей родной стране и, распростертыми Божественными руками призывая весь мир в любовь Свою, в этот предсмертный час умолял Отца дать Ему в обладание народы далекого севера.

Пришло время, и предки наши, русские славяне, услышали в душе призыв Господа Иисуса, и в сущей тьме, и в мрак глубок засияла над ними вера христианская. Сияет она и теперь над ними. Русские патриотические союзы ставят православие во главу своего исповедания и призывают русских людей сто-

¹ Религ.-нравств. чтение в неделю Православия. – *Прим. авт.*

ять в вере, мужаться и укрепляться в ней. При таких призывах невольно западают в душу глубокие и умиленные думы о чудных судьбах православия в истории нашего Отечества.

Тысячу лет назад, окончив на семи Вселенских соборах борьбу с лжеучениями, отстояв истину Христову ценою крови – в гонениях, мучениях и ссылках, и ценою неимоверного духовного напряжения – в пастырской просветительной деятельности Свв. Отцов и учителей, – Св. Церковь установила на все времена, в прославление векам минувшим и в назидание всем будущим векам, воспоминание торжества православия. Отстояв свою веру, во всеуслышание миру в богослужебном чине этого дня она заявляла и заявляет: *«сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди»*. Тысяча лет – время достаточное для того, чтобы судить, как до конца исполнились эти высокие слова над судьбами мира, над судьбами народов, исповедующих наше святое православие. Станем в положение беспристрастных зрителей судеб мировой истории в эту последнюю истекшую тысячу лет. Вот вскоре после учреждения чина Православия (842 г.)¹, чрез какие-нибудь двадцать лет (862 г.), юные и сильные, богато одаренные славянские племена свв. братьями-просветителями Кириллом и Мефодием призываются в лоно православия. Но не на дальнем западе, не на берегах Дуная и Моравии суждено было укрепиться делу свв. братьев: на берегах Днепра и вокруг озера Ильменя нашлось славянское племя, которому Господь судил столетием позже воспользоваться

¹ «Торжество православия» – праздник, совершаемый в первую неделю (воскресенье) Великого поста. Установление праздника связано с событиями Константинопольского собора 843 г., созванного св. блгв. Императрицей Феодорой для восстановления иконопочитания в Византийской империи. После Собора, осудившего иконоборцев, Императрица устроила церковное торжество, которое пришлось на первое воскресенье Великого поста. К XII в. сложился особый чин Торжества православия, в тексте службы провозглашается торжество Церкви над всеми существовавшими ересями, утверждаются постановления семи Вселенских соборов. Особое место в службе занимает чин анафематствования лиц, совершивших тяжкие прегрешения перед Православной Церковью. В России чин Торжества православия был введен в XIV в., в список анафематств были добавлены имена русских еретиков.

священным наследием свв. просветителей и привиться, как дичку, к плодовитому древу православия. И нужно быть слепым, нужно совсем закрыть глаза на правду, на уроки истории, чтобы не видеть, *какие неисчислимы блага принесло православие нашему Отечеству*¹.

Мы радуемся, мы не можем не радоваться почти необъятному величию Русской земли. Это чувство так естественно, так закономерно... Но не нужно забывать, что в пределах царства Русского до просвещения его христианством обитали различные племена славянские, разделенные, даже враждебные между собою. О всех них кратко, но выразительно замечает древний русский летописец: «живяху, якоже всякий зверь»... Православная вера дала им человеческий образ существования, уничтожила звериные нравы, слила воедино враждебные роды и племена и образовала из них один многочисленный, сильный и единодушный народ русский. Она указала этому молодому народу величайшую историческую мировую задачу – нести свет христианства и блага культуры диким племенам севера, и востока, и юга Европы, а потом и народам неизмеримой Сибири и Азии. Плодом этой высокой духовной работы было то, что многие мелкие племена, дикие и варварские, чуждые нам по крови, силою православия сделались братьями нашими по вере, слились во единый народ и сроднились с нами крепкими, нерасторжимыми узами родства духовного. Теперешние чисто русские центральные губернии, как Московская, Ярославская, Владимирская, не говоря уже о других, были населены инородцами; Волга, Ока, Москва-река были местом населения финских и других нерусских племен. Но единая православная вера соединила и слила их с русским народом и образовала единое и могучее царство.

Изнемогал народ русский в тяжкую годину удельных усобиц, и близок казался конец его, но при множестве князей, при разнообразии и полной противоположности интересов отдельных княжеств одна вера православная с одним язы-

¹ В дальнейшем изложении автор пользуется по местам мыслями архиепископа Димитрия Херсонского (см. его «Слова» на 11 июля). – *Прим. авт.*

ком богослужебным, одна власть церковная была ангелом-хранителем единства русского народа, поддерживала в нем сознание родства по духу и плоти и вызвала у летописца нашего другое глубокое замечание о славянах: *«все сии племена – род един христианский»*.

Распадался потом народ русский на части, стонал под властью поработителей: Русь западная, казалось, навсегда была в насильственном соединении с царством неправославным, которое не без успеха стремилось к тому, чтобы подавить самую народность русскую¹. Но в течение стольких веков, после стольких переворотов, посреди врагов от востока, и запада, и севера, и юга православие соблюло и сохранило нашу народность для великого будущего. Оно послужило живою и крепкою связью насильственно разъединенных частей Русского царства и неудержимо влекло их друг к другу; оно освятило и укрепило любовь к общему Отечеству в любви к вере и Церкви Православной. Православию мы обязаны и тем, что не знали внутреннего разделения, не знали этой гибельной вражды власти духовной и светской, – а будь у нас эта внутренняя вражда, не устоять бы царству нашему среди ударов от врагов внешних, среди ужасных исторических испытаний. Мы не знали мучительного раздвоения совести, мы не стояли перед страшным вопросом, к кому пристать: к голосу ли пастырей, интердиктами² и проклятиями громивших Царя и Отечество и призывавших подданных отказаться от присяги и от повиновения Государю, или к голосу Царя, повелевавшего отступить от Церкви, от пастырей, от спасительных утешений веры. Слуги Отечества вдохновлялись у нас на свои подвиги в пользу Родины не вопреки вере, как нередко бывало на Западе, а благодаря ей: православие единой России создало единодержавие; православие призывало сынов своих на защиту

¹ Имеются в виду польско-литовское государство Ягеллонов, существовавшее с конца XIV в., и его наследник – Речь Посполитая (1569–1795), в состав которых входили русские земли.

² Интердикт – запрещение (*лат.*), в Римско-католической Церкви временное запрещение всех церковных действий и треб.

Отечества; православие воодушевляло героев Невских и Донских, воздвигало и укрепляло Авраамиев и Гермогенов, вдохновляло князей Пожарских и Смоленских, граждан Мининых и Сусаниных и тысячи героев, безмолвно положивших души и polegших костями за родимую землю. И поле Куликово, и поле Бородинское прежде и после кликов воинских слышало звуки церковных молитв, воодушевлявших воинов. А в переживаемые нами дни что, как не православие, с его молитвами о Царе и воинстве, может вдохнуть в народ наш такой высокий патриотизм? А нашим героям-воинам на поле брани что служит источником воодушевления, что утешает их в трудах и подвигах, что обещает им награду на небе за смерть и мучения, – что, как не вера православная? И разве за все за это – за единую, неделимую Россию, за свободную и великую Россию – разве не достойно принести благодарный поклон святому православию от сердца, любящего Родину в ее прошлом и настоящем!?

Мы не можем, далее, обойти молчанием вопроса о том, что служит условием внутренней твердости царства Русского. Где основа ее? Православная вера изначала дала народу нашему Слово Божие на родном его языке: а Слово Божие научило нас повиноваться царю и власти не по страху, а по совести; оно осватило законы государственные, вдохновило их евангельским духом христианской любви и милосердия, возвестило о святости и непреложности взаимных прав и обязанностей; вера православная научила любить сограждан, любить и самых врагов и далеко по всему миру сделала славным имя народа русского, как народа незлобивого и кроткого, мягкого, необыкновенно благородного и великодушного к покоренным или присоединенным народностям. Сколько раз и так жестоко оскорбленный, и даже донныне часто у себя же на Руси неблагодарно оскорбляемый иноверцами, иноплеменниками, русский народ не развил в себе той национальной исключительности, злобной мстительности и несправедливой алчности в пользу свою и в ущерб другим народностям, что видим мы доселе на Западе...

Вообще, мы можем с удовольствием указать на многие истинно прекрасные свойства народа нашего: на его простоту,

прямодушные, правдолюбие и отсутствие гордыни, на его терпеливость без заботности, на его смирение без приниженности; мы любимся многими и трогательными его обычаями, мы видим в нем умение жертвовать собою во имя долга, прощать и забывать обиды; видим его милосердие к преступникам, мягкость ко врагам, его щедрую благотворительность, радушное гостеприимство к знакомым и незнакомым, его сердечное сочувствие к горю отдельных лиц и целых народов. Здесь стоит вспомнить, что не один, а несколько народов обязаны православной России самими собою, т.е. своей свободой государственною. Это беспримерный подвиг в истории. Полагаем, что выдающимся писателям русским нельзя отказать ни в уме, ни в наблюдательности, ни в нравственной чуткости, а ведь они зовут людей образованных учиться нравственным свойствам у народа. Естественно спросить: откуда же у народа все это? Где получили воспитание прекрасные свойства души народной, при нашей скудости материальной, при обширности нашей земли, при отсутствии школ и просветительных учреждений? Кто это так воспитал наш народ? Кто? – Ответ ясен. От Ледовитого моря до Черного, от Балтики до океана Великого, от островов Соловецких до Ситхи¹ и Сахалина, от Колы² и Архангельска до Ташкента и Самарканда, при всей народной скудости, на громадном протяжении, без путей сообщения, посреди дремучих лесов и топких болот, при редком населении, несмотря на тяжкие исторические испытания, требовавшие напряжения всех сил народных, Церковь Православная насадила храмы Божии: в них-то и воспитался народ наш, в них он учился прекрасным нравственным свойствам; книги церковные до самого последнего времени были его любимым, единственным чтением. Не одними героями брани и государственного строения силен и славен народ наш! Нет, он просиял великими праведниками – этого никто отрицать не смеет; он приумножил данные ему таланты веры, он пронес слово благовестия евангельского, а

¹ Ситха, или Новый Архангельск, – главный город русской Аляски на западном берегу острова Баранова.

² Город на Кольском полуострове, в Мурманской области.

с ним и блага порядка христианско-государственного до последних пределов земли, куда не ступала нога образованного человека. Наши святые: Антоний и Феодосий Печерские, Сергей Радонежский, Петр, Алексей, Иона и Филипп Московские, наши Сергей и Герман Валаамские, Зосима и Савватий Соловецкие, Стефан, просветитель Пермский, Трифон Печенгский, Феодорит Кольский – просветители лопарей и самоедов, Трифон Вятский, преподобный Герасим Вологодский, Вассиан Олонецкий, Кирилл Челмогорский и до последних времен святые Макарий, Иннокентий, Димитрий, Митрофан, Тихон, Феодосий, Серафим, наши многие, еще не объявленные святыми старцы, подвижники, духовники народные Филарет Киевский, Парфений, Илларион, Макарий, Амвросий, Феофан и другие, из которых многие только недавно почили, а многие и живы, – все это – плод православия, все это – герои нравственные, и их у нас целое небо духовное, целый сонм живых носителей христианского идеала, которые и доселе служат примерами для подражания. Имеющие очи видеть и уши, чтобы слышать, находили их и доньне находят то под покровом смирения и безвестности, в пустынях, в обителях, а иногда и под покровом высокого священноначальствования, взятого, как бремя, во имя послушания... Все эти неоцененные духовные сокровища принесло нам православие.

Мы любим язык наш сильный, благозвучный и прекрасный, богатый и разнообразный. В нем отразилось духовное богатство наше, сказалась духовная красота нашего племени. Народ, имеющий такой язык, – великий народ, – говорит один из выдающихся наших писателей. Теперь на этом языке написаны такие произведения, которые, вышедши за пределы Руси, приобрели почетную известность среди всех образованных народов мира.

Нужно ли указывать, кто впервые образовал и упорядочил самый язык наш и сделал его из бедного и грубого языком богатым и книжным? Кто приспособил его к выражению высших мыслей и понятий, кто без конца обогатил его и как бы освятил его переводом Слова Божия, бесчисленных церковных

песнопений, гимнов и молитв? Это сделало святое наше православие. Эту заслугу его дано понять и оценить не всякому. Но не будь этой заслуги и благодаяния православия, народ наш никогда бы не поднялся до величия...

Мы, без сомнения, сочувствуем распространению образованности в нашем Отечестве. Мы, без сомнения, чужды дикой фанатической ненависти ко всему иноземному. Но мы хотели бы взять оттуда одно доброе; мы хотели бы при заимствованиях со стороны не переделаться в чужеземцев, не потерять основ своего религиозного и народного быта, не потерять своей духовной личности, а остаться тем, чем нас Бог создал, потому что быть русским – и славно, и почетно. Но кто же, кто принес к нам впервые и сокровища образованности? Известно, что Западная Европа от Востока получила сама эти сокровища и под влиянием Византии началось в ней возрождение наук и искусств. Но задолго до этого времени из той же Византии принесенное к нам православие дало нам вместе с тем блага образованности и литературы, сколько мы принять их могли по тогдашнему своему развитию. Потом Православная Церковь Русская в своих монастырях образовала первых учителей, пастырей и проповедников, которых хватило для проповеди Евангелия до самой Камчатки и даже далекой Америки; она же дала нам первых писателей, летописцев, переводчиков; она соблюла в целости большую часть древних памятников письменности в годы наших государственных испытаний; она сохранила у нас духовный свет среди мрака в бедственные дни татарщины и смутного времени. И за все это: за свет, за жизнь, за святое святых нашей жизни разве достойно принести благодарный поклон до земли родному православию, святому православию, от сердца, любящего Родину в ее прошлом и настоящем?

Когда же история поставила нас в необходимость принять и новое возникшее на Западе просвещение, опять и оно долго и исключительно держалось в церковных училищах, и служители Церкви Православной из Западной Руси призваны были преобразователем России Императором Петром к себе в

непосредственные помощники¹. Не раз с тех пор наука, увлекаясь образцами Запада, становилась во враждебное отношение к вере и Церкви; не раз русские образованные люди, даже те, кому вверены были судьбы Отечества, оторвавшись от родной почвы, не сумевши узнать и полюбить родную Церковь, боялись ее будто бы властолюбивых замыслов, потому что смотрели на нее глазами Запада, привыкшего к борьбе начал религиозного и мирского. Все снесла родимая Церковь Православная, и среди незаслуженных оскорблений и унижений от родных своих детей, православных по имени и русских по недоразумению, осталась и целою, и близкою народу. Возражения и обвинения, взятые напрокат с Запада, сыпались против нее, против Самого Бога и Христа Его, возникали, множились – и забывались, и пред лицом Божией истины таяли, как иней под лучами солнца. Церковь Православная не следовала образцам Запада, не сжигала своих врагов по примеру католиков и протестантов. Но силою слова и нравственного воздействия на верующих православие остерегало и теперь благодетельно оберегает и учит нас отличать и в новом западном просвещении истинное от ложного, полезное от вредного, пшеницу от плевел, от которых нередко страдают народы, славящиеся просвещением; оно всем нам дает достойный вечной памяти завет и урок: *вся испытующе, добрая держите* – все испытывайте, хорошего держитесь (1 Сол. 5, 21).

Таковы, в кратком очерке, плоды православия для нашей Родины. Мы могли бы остановиться далее на общечеловеческом, всемирном значении православия. Но и сказанного довольно, чтобы проникнуться глубочайшим уважением к нашему родному православию, которому мы обязаны самими собою. На заре русской истории оно послужило живительным семенем, которым как бы духовно пророс и как бы силою внутреннего духовного сцепления крепко отлился народ наш в единый и

¹ Имеются в виду прежде всего: Стефан (Яворский), митрополит Рязанский и Муромский (1658–1722), местоблюститель патриаршего Престола, с 22 октября 1721 г. президент Святейшего Синода, и Феофан (Прокопович), архиепископ Новгородский (1681–1736), первый вице-президент Святейшего Синода, с 15 июля 1726 г. – первенствующий член Синода.

могучий исторический организм. В преемстве поколений, среди всех превратностей времени, среди всех изменений нравов, языка, обычаев, умственного развития, православие и доселе служит началом, связующим наше прошлое, настоящее и будущее. Станьте где-либо в людных местах народного богомоления у старинных заветных святынь наших. Станьте, например, в лаврах Киевской, Сергиевской или в Успенском соборе Москвы, станьте у почитаемых святынь в Соловках, Воронеже, Задонске или Иркутске, или в Сарове, когда к святыне движутся народные волны. Вот где видимое преемство поколений живущих и отшедших, вот где живая, неумирающая связь прошлого с настоящим! Сколько вздохов, сколько слез, сколько молитв видели эти святыни! И два, и три, и пять, и десять столетий назад пред ними так же проходили народные волны, и так же молились предки наши, и веровали, и уповали, и вдыхали это благоухание святыни, как это мы видим доньше. И если бы отдаленнейшие предки наши встали вдруг из гробов, то среди изменившейся до неузнаваемости жизни они все-таки сразу узнали бы в нас своих близких, своих родных братьев, — узнали бы в святой православной вере, в той самой, которою и они дорожили больше всего на свете; узнали бы нас в наших храмах, часто в тех самых, в которых некогда стояли и они на молитве; узнали бы нас в почитаемых нами святынях древности и в чине нашего богослужения, и в словах наших молитв — во всем, что некогда их утешало на земле, что составляло их душевное сокровище. О, страшно и ужасно стать вне этой могучей, вечно жизненной Церкви Православной! Страшно веточке или листочку оторваться от родимого дерева и безумно надеяться, что веточка не завянет, что листок не засохнет, не погибнет! Почтим же родное православие наше словом благоговейной хвалы, чувством глубокой благодарности! Почтим его любовью и сердечною преданностью. Почти тысячу лет оно было живительною и зиждительною силою народа нашего. Что принесет нам будущее, — то ведомо Единому Богу. Но недаром же Господь вызвал к бытию и сохранил целым и невредимым народ наш и дал ему великую историческую задачу. И мы верим, верим от всей души, и не

обманет нас голос горячо верующего и горячо любящего сердца: будет, будет под сенью православия расти и крепнуть наше дорогое Отечество. А изменим мы православию, неминуемо погибнем, как ветвь, оторвавшаяся от дерева. Но теперь, когда уже на западе Европы и в дальних странах Абиссинии, Японии и Америки начинают чтить и с изумлением видеть красоту нашей святыни, нашего православия, прильнем мы к нему с особую верою и любовью, будем дорожить им, не смущаясь теми, которые от нас изыдоша, но не беша от нас, — разумеем простых и титулованных, образованных и невежественных наших сектантов и тех политиканов-социалистов и кадетов, которые равнодушны ко всякой религии и прямо сатанински враждебны православию. Пусть святая вера православная будет душою нашей жизни, управляющею и движущею силой всей нашей деятельности! Спасительна она была для нас в прошлом, такую же останется она для нас и в будущем. Верно слово и всякого приятия достойно: «Сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди!»

Утвердит она и сохранит в силе и славе и Русь Святую. Утвердят у нас мир, порядок и справедливость только те государственные и общественные деятели, те политические партии и союзы, которые открыто и твердо стоят за православие.

Государственная дума и Православно-Русская Церковь

I

Более двух месяцев непрерывно заседала Государственная дума в своем первом, ныне распущенном составе. За это время достаточно определились ее настроения по отношению к Православной Русской Церкви, настолько достаточно, что мы, исходя из принципиальных посылок думских законопроектов и рассуждений, с полным правом можем сделать из них совершенно определенные выводы и подвергнуть их обсуждению.

Православные в Думе составляли до 70% от общего числа депутатов. Следовательно, не может быть речи о случайности в отношениях Думы к Церкви, обусловленной малым числом православных представителей народных.

Не станем говорить о принципиальном взгляде на представительные учреждения вообще; будем держаться только и исключительно почвы фактов и наличной деятельности Думы, не задаваясь подробным обсуждением вопроса о том, может ли вообще представительное учреждение, в особенности же в разноплеменной и разноверной стране, какова Россия, когда-либо относиться любовно и заботливо к нуждам и потребностям Православной Церкви. Здесь мы ограничимся лишь одним замечанием: в Греции, при ее сплошь православном населении, при блестящих и видимых заслугах православия для сохранения греческого народа под вековым турецким игом, парламент всегда враждебно настроен к Церкви, не дает Церкви средств даже для замещения кафедр архиерейских, не говоря уже о содержании приходского духовенства. Несомненно, под турецким владычеством в Константинопольской патриархии Церкви Православной живется гораздо легче и даже свободнее, чем в Афинской метрополии под опекою парламента Греческого королевства. Совершенно такое же невнимание к нуждам Церкви мы видим в других православных странах, управляемых парламентарным режимом: в Румынии, где отобраны все церковные имущества почти без вознаграждения; в Болгарии, где палками избит был митрополит Климент¹, герой национально-освободительной борьбы болгарского народа, и где глава церковного управления весьма ревниво отстаивает свою резиденцию *вне Болгарии* (в Константинополе) именно ради сохранения своей свободы; в Сербии, где история низвержения митрополита Михаила, назначение Феодосия и бесстыдное поведение митрополита Иннокентия в первые после цареубийства часы и дни — показывают крайнее принижение Церкви.

¹ Климент (Друмев), митрополит Тырновский (1841–1901), выдающийся болгарский церковный деятель, писатель, подвергался гонениям после освобождения Болгарии.

Русская Государственная дума уже заявила о своем отношении к религии вообще. На молебне, который совершался пред открытием думских занятий, большинство членов не желали присутствовать; многие стояли спинами к совершителям богослужения; некоторые смеялись, громко разговаривали и даже курили; некоторые члены Думы резко осуждали самое служение молебна, «навязанное правительством», «стесняющее их религиозную совесть»... Но верх кощунства показала Дума, когда не захотела внести в ответный адрес на приветственное слово Государя ни призыва Божьего небесного благословения на Царя и царство, ни даже простого упоминания имени Божия. Один из депутатов-священников, к сожалению и стыду пастырства, только один мужественный и почетный о. Гума (Кишиневской епархии) обратился Думе по этому поводу с горячим и разумным словом. Слову его суждено было остаться вопиющим в пустыне... Следует упомянуть здесь о кощунстве г. Аладына¹ над Духом Святым, об его обвинениях по адресу нашей «высокой» Церкви (г. Аладын, видимо, пожив в Англии, никак не может переварить английских терминов церковных, неприменимых в России); следует упомянуть о безумных выходках кавказского депутата Рамишвили, назвавшего Православную Церковь «хулиганскою».

В обоих этих случаях председатель не остановил не в меру горячих ораторов, не указал и общему собранию на неуместность подобных выходок. Бога и Церковь, оказывается, в Думе можно поносить безнаказанно.

Перейдем к двум постановлениям Думы, уже получившим письменную формулировку и выражающим ее принципиальное отношение к религии вообще, к православию в частности.

Первое – это законопроект «о свободе совести». Указ о веротерпимости 17 апреля 1905 года не удовлетворяет Думу, и она составила свой законопроект, состоящий всего из 7 пунктов, из коих два, по общности и неопределенности пожеланий и решений, собственно, и не должны бы иметь ме-

¹ Аладын Алексей Федорович (1873–1927), депутат Государственной думы первого созыва, эсер.

ста в документе, требующем, по существу дела, точности и определенности.

К этим пунктам присоединена краткая пояснительная записка, не представляющая ничего особенного.

Отличие думского законопроекта от существующих на сей предмет и действующих после Указа 17 апреля правил, собственно, состоит в двух пунктах: во-первых, Государственная дума желает, чтобы в России была предоставлена *свобода пропаганды* решительно всем существующим вероисповеданиям и сектам, «за исключением изуверных и законом воспрещенных»; во-вторых, Государственная дума требует *полной свободы для атеизма*, т.е. она желает, чтобы гражданин Империи не обязывался принадлежать вообще к какой-либо религиозной организации. Иными словами, это значит – сделать совершенно излишним в устах государства и власти по отношению к гражданину вопрос: какого вы вероисповедания?..

Что всего удивительнее – под законопроектом в числе его составителей и инициаторов подписались: римско-католический *епископ* барон Рооп и русский православный *священник* из Донской епархии о. Афанасьев. Чего искал барон Рооп, ясно без долгих объяснений: ему нужна свобода пропаганды католичества на западе России, и ради достижения этой вожденной цели, по давней теории католичества – цель оправдывает средства, – его эминенция бискуп¹ готов допустить для последовательности и свободу атеизма, особенно в ненавистой России, которая, конечно, от такой свободы не станет крепче и сильнее. Но чего хотел и искал о. Афанасьев? Чем он руководился? Во всяком случае, трудно понять движущие побуждения у православного русского священника к составлению и пропаганде такого законопроекта.

Переходим к существу дела. Сами составители законопроекта в объяснительной к нему записке должны признать, что существующий после 17 апреля 1905 года порядок

¹ Обращение к духовным лицам Католической Церкви; «эминенция» букв. означает «возвышенность» (*лат.*); бискупами с XIV в. часто называли католических епископов.

никому не причиняет стеснения в делах веры. В самом деле, если каждому решительно вероисповеданию предоставлено свободное отправление богослужения по своим обрядам, внутреннее управление, право съездов и собраний на общем основании; если каждому гражданину в России предоставлено право избирать какую угодно религию и право беспрепятственного перехода из одного вероисповедания в другое, то чего же, собственно, еще остается желать? «Личная религиозная свобода» теперь в России обеспечена всем гражданам. Жизненные назревшие нужды, несомненно, удовлетворены вполне таким положением, а что сверх того, то уже идет из соображений чисто теоретического либерализма или, — что в данном случае по отношению к Государственной думе вернее, — из соображений тактики той или иной партии, в данное время стремящейся к господству.

И прежде всего, можно ли говорить о *свободе совести*, о *свободе веры*? Пора бы давно оставить этот неправильный и неточный термин, ибо совести, как голосу внутреннему, никто и ничто не может поставить какие-либо преграды, которые были бы в силе связать совесть как таковую. Совесть несвободная — психологическое недоразумение. «О свободе веры позаботился Сам Господь Бог, — говорит один авторитетный в данном вопросе ученый (Блунчли), — так как Он облек внутреннюю жизнь духа защищающим покровом тела... Свобода веры, таким образом, обеспечена самой человеческой природой. Безмолвное, полное тайны общение человеческого духа с Богом уже тем защищено от неразумного и грубого вмешательства власти, что государство не имеет никакого прозрения во внутреннюю жизнь души и никаких средств переделывать мысли и чувства людей по своему произволу. В этом смысле свобода веры не представляет никакого юридического понятия, так как нигде не нуждается в человеческой правовой защите».

Очевидно, в думском законопроекте речь идет о свободе обнаружений религиозной совести, о свободе вероисповеданий.

Может ли быть допущена безусловная свобода для всякого вероисповедания? Очевидно, нет, ибо и самый думский

законопроект ограничивает ее упоминанием о сектах изуверных и законом воспрещенных. Очевидно, это значит, что здесь дается торжество над началами безусловного либерализма началам государственным, соображениям государственного блага. Но раз допущен такой принцип, то все вопросы сводятся только к расширению или сужению области его применения. А это – почва и растяжимая, и спорная. Скопчество¹ – изуверная секта или терпимая? Отрицание государства по существу, религиозно-освященный анархизм, – терпимая ли секта? Ясно, что, раз допускаются принципиально соображения государственного характера, на последний вопрос нужно ответить отрицательно. Но тогда в каком освещении представляется пункт о свободе атеизма? Быть вне религии можно, быть вне государства нельзя? А если моя «совесть» и совесть миллионов граждан никак и никогда не может помириться с таким соблазнительным и грубо кощунственным положением, как тогда быть с законопроектом «о свободе совести»? Здесь безысходный лабиринт противоречий. Если же перейдем в подробности каждого вероисповедания и применим здесь во всей широте государственную точку зрения, то как, например, отнестись к учению, отрицающему военную службу и присягу, как отнестись к самому еврейству талмудистическому, которое исполнено человеконенавистничества и разрешает правоверному еврею все виды мерзостей и нанесения вреда по отношению к гоям, или акумам, т.е. к христианам?

Приведем для образчика несколько еврейских талмудических положений, по исследованию г. Демчинского, магистра Киевской Дух. академии. По учению Шулхан-Аруха, мир должен принадлежать евреям; по словам Талмуда, «гой – ниже собаки и осла». «Если умирающий еврей в своем завещании оставит что-нибудь акуму, то исполнять этого не следует». «Если еврей нашел что-либо принадлежащее акуму, то

¹ Скопцы – секта в России, близкая к хлыстам; возникла в конце XVIII в., основателем считается беглый крепостной Кондратий Селиванов. Основа вероучения – утверждение, что единственное условие спасения души – борьба с плотью путем оскотления (кастрации).

нет надобности возвращать ему». «Если еврей должен акуму и тот умер, то еврей не обязан уплачивать своего долга наследникам, если они о том не знают». «Обманывать гоя дозволяется, а также можно не уплачивать ему следуемого по счету». «Когда арендатором состоит акум, то дозволяется вредить ему». «Еврею с евреем играть в карты и обирать его воспрещается, а с акумом вполне можно» (Хошен-га Мишпат 256, 3; 259, 1; 272, 8, 9; 283, 348, 369–370). «Если еврей держит акума в руках (по буквальному переводу: *сдирает с него шкуру*), то другой еврей должен прийти к этому акуму, дать ему в долг денег и *надуть его так*, чтоб он все потерял» (Х. Мишпат, 156). «Если акум требует деньги с еврея, то другому еврею, знающему правоту акума, запрещается быть свидетелем в пользу акума» (ibid. 28). «Строго запрещается еврею бить своего ближнего, но ближний для него – только еврей, а бить акума вовсе не составляет греха». «Для евреев собственность назореев (христиан) считается имуществом без хозяина, его можно взять себе, сколько силы позволяют» (156, 7). Вот краткие выдержки из хищнического катехизиса еврея-талмудиста. Катехизис этот в подобного рода постановлениях проходит во всех талмудистических книгах, как Орах-Хайим, Йоре-Деа, Кетубот, Эбен-Гаэзер.

Как же должно отнестись к постановлениям такой религии с точки зрения свободы совести? Главными вдохновителями думского законопроекта, как видно из подписи групп депутатов, были евреи. Между тем, для них первых, если принять во внимание учение Талмуда и стоять на точке зрения думского законопроекта, не может быть абсолютной «свободы совести», свободы их вероисповедания, если он перейдет от слов к делу.

Итак, абсолютной свободы всякого исповедания нельзя допустить уже с точки зрения и думского законопроекта.

На это обычно теперь замечают – такое возражение не раз повторяли в Предсоборной комиссии: ныне государство не полицейское и конфессиональное, а культурно-правовое; оно выходит из требований свободы и законов, равных для всех

граждан. «Свобода совести устраняет признание какой-либо религии господствующей в государстве и каких бы то ни было притеснений или малейших ограничений в правах гражданина за его религиозные убеждения»¹.

Нам нужно рассмотреть обсуждаемый вопрос с точки зрения культурно-правового государства.

II

Рейснер, известный и убежденный защитник свободы совести, в своей книге «Государство и верующая личность» (стр. 389) совершенно справедливо заявляет: «Новейшее правовое государство есть законное детище просвещенного абсолютизма и только продолжает дело развития всех его наиболее высоких и ценных начинаний».

Если сказанное справедливо относительно чистого европейского абсолютизма, то тем более оно применимо к самодержавию русскому, которое во всяком случае, даже при самой пристрастно отрицательной его оценке, должно признать не совпадающим с абсолютизмом.

В России всегда были законы, и Государь был их первым охранителем и исполнителем. В этом смысле Императрица Екатерина имела полное право заявить в «Наказе» 1766 года²: «Россия есть государство *европейское*» (гл. 1, 6). В частности, относительно свободы веры Основные законы Российской империи заключали и заключают в себе (и это с 1801 года) такие взгляды и положения, до которых не дошли многие и из те-

¹ Линский. Полит. словарь. С. 241. – *Прим. авт.*

² Екатерина II Алексеевна (Екатерина Великая, урожд. София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, 1729–1796), Императрица Всероссийская в 1762–1796 гг. 14 декабря 1766 г. опубликовала Манифест о созыве Комиссии для составления нового Уложения (свода законов) и Указы о порядке выборов в депутаты. Дворянам разрешено избирать одного депутата от уезда, горожанам – одного депутата от города. В Комиссии приняло участие более 600 депутатов. Интересы православного духовенства представлял депутат от Синода. В качестве руководящего документа Комиссии Императрица подготовила «Наказ», который часто называют «теоретическим обоснованием просвещенного абсолютизма».

перешших законодательств европейских правовых государств. «Свобода веры, – говорится в Основных законах, – присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих» (ст. 39, 44, 45). И таких провозглашений широкой веротерпимости мы имеем весьма много в нашей истории даже и в XVIII веке.

Говорят: но практика жизни далеко отходила от объявленного закона. Да, но это ведь такое явление, с которым можно бороться иным путем, а не новым законодательством: последнее также может опять остаться мертвою буквой. Свобода веры в современной Франции превратилась в гонение католичества; не удивимся, если тем же окончится и наш думский законопроект. Бывали и обратные примеры. Несмотря на веротерпимость, Иосиф II Австрийский не стеснялся лечить «палочными ударами» сектантские заблуждения, так как приписывал подобные ереси исключительно «глупости» заблуждающихся¹. Точно так же в Пруссии, вопреки земскому праву, Фридрих-Вильгельм III² довел своими преследованиями до эмиграции старолютеран, которых он называл «оглупевшими фанатиками». Даже либеральная Англия применяла целый ряд ограничительных законов к своим католикам до 1829 года³.

Закон для своего проведения в жизнь требует не одного только объявления и точной формулировки, но и известного развития и известного *настроения* народа, а это нередко зависит не только от степени его образованности, но и от его истории, от условий жизни, от соседства с теми или другими народами. Странно было бы удивляться неодинаковому отношению, например, к армянам со стороны жителей Закавказья и

¹ Иосиф II Габсбург (1741–1790), император Священной Римской империи с 18 августа 1765 г.

² Фридрих-Вильгельм III Гогенцоллерн (1770–1840), король Пруссии с 16 ноября 1797 г., внучатый племянник Фридриха II Великого.

³ См. указанное сочинение Рейснера, стр. 409. – *Прим. авт.*

со стороны жителей Дальнего Востока: одни с армянами жили рядом и подвергались действию их хищнических и эксплуататорских инстинктов тысячу лет, внесли свои отношения к ним в свое народное мирозерцание, в свои пословицы, в свое законодательство, другие — никогда их не видели. Что сказано о национальных счетах, то еще более приложимо к религиозным. Никто не станет удивляться тому, что английский король в день священного своего коронования клянется не следовать католическим догматам об евхаристии и ничего не говорит о восточном православии. Истории не переделать...

Поэтому и теперь так называемое культурно-правовое государство в отношении к законодательству религиозному не вылилось и не может вылиться во что-либо неподвижное и однообразное. Пред нами книга горячего поборника крайней религиозной свободы г. Познышева «Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы». В этой книге целая обширная (III-я) глава посвящена обзору европейских законодательств по интересующему нас вопросу. «Задача, которую нам предстоит решить, — говорит автор в начале этой главы своего обширного труда, — сводится к следующему: какие отношения одних людей к религиозной свободе других должны быть обложены в законодательстве наказаниями, как религиозные преступления? *Если, решая этот вопрос, мы обратимся к современным законодательствам, то увидим в них удивительное разнообразие*» (стр. 152). На самом деле, здесь нет ничего удивительного, напротив, это вполне естественно и понятно, ибо жизнь живого народа нельзя рассматривать и определять только с точки зрения отвлеченного формального права, вгоняя ее в прокрустово ложе, не считаясь ни с историей, ни с вероисповедным составом населения, ни с расовыми особенностями, ни с настроениями народов. Посему и в России правовое государство может и должно быть *только на русских началах*; с этой точки зрения и должно рассматривать вопрос о свободе веры в России, определенный не только Основными законами, но и Высочайшими указами 12 декабря 1904 г., 17 апреля 1905 г., дающими всем гражданам личную религиоз-

ную свободу¹. В России нельзя забывать, – если не становиться на почву чистой теории правового государства, не считаясь с жизнью, – нельзя забывать, что православие стояло у колыбели Русского государства, что оно срослось с его государственным строением, сделалось вполне национальной религией, что оно принесло неоцененные услуги России, которая обязана ему своим бытием, прошло во все стороны житейского уклада народного, что, наконец, к православию принадлежит почти весь *русский* народ, а в Империи оно исповедуется 70% всего населения (до XIX века, до присоединения Польши, Кавказа и среднеазиатских владений, этот процент поднимался почти до 95%; это было еще так недавно).

Посему, исходя и из теории правового государства, которое, не забудем, дает такое, часто даже слишком преувеличенное, значение мнениям и желаниям *большинства*, а также опираясь на пример других европейских государств, мы с полным правом можем утверждать, что так называемая конфессиональная система, в противовес паритетной, в отношении вероисповеданий может быть с полною справедливостью оставлена в России, и Церковь Православная может быть и в правовом государстве господствующею и первенствующею. Мы видим в Англии господствующую Церковь Англиканскую при 66% англикан в Англии, в то время как в Ирландии 74% католиков; в Австрии господствующая религия – католичество, при 90% католиков в самой Австрии и 61% в Венгрии; господствующие религии мы видим и в Германии (где в общем 62% лютеран и 36% католиков) в различных составляющих ее отдельных государствах, в Италии (католичество – господствующая религия, и даже при борьбе с папством), Испании, Португалии и проч. Даже во Франции мы видим историческое право ее на Востоке защищать католичество; этим правом Франция не желает поступиться, и на католические миссии вне своей страны она тратит немало средств².

¹ 12 декабря 1904 г. был обнародован Высочайший Указ о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка, во исполнение которого был издан Высочайший Указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости.

² Анатолий Франс. Отделение церкви от государства. – *Прим. авт.*

Интересно теперь взглянуть на Россию вообще и отдельно в ее исконно русских областях и указать вероисповедный состав населения. Цифры приводим по переписи 1897 года.

	Российск. Империя	Европейск. Россия	Сибирь
Православные	69,35%	81,75%	85,79%
Старообрядцы	1,75	1,77	4,16
Армяно-григориане	0,94	0,05	0,06
Католики	9,13	4,65	0,61
Лютеране	2,84	3,30	0,27
Иудеи	4,15	4,06	0,60
Магометане	11,07	3,82	2,20
Буддисты и ламаиты	0,35	0,10	4,30

Цифры весьма знаменательны, особенно если принять во внимание, что в западноевропейских государствах обычно население делится на два-три вероисповедания и все они численно велики, а в России только одно православие представляется в крупных цифрах, а прочие 7 вероисповеданий, по сравнению с православием, мелки и малочисленны; особенно это заметно по Сибири и по Европейской России. Даже на Кавказе православные все-таки представлены в 50% по отношению к общему населению этой разноречивой и разнородной окраины.

Итак, повторяем, если принять во внимание вышеприведенные данные, то и по теории правового государства мы можем и должны оставить за Православною Церковью положение господствующей.

III

Из того определения свободы совести, с точки зрения культурно-правового государства, которое приведено выше в первой главе, справедливость и существо дела требуют удерживать только вторую его часть: «устранение каких бы то ни было притеснений или малейших ограничений в правах гражданина

за его религиозные убеждения». Но такое именно положение и дано теперь в России Высочайшим указом 17 апреля 1905 года. Здесь должно оговориться только относительно ограничения прав еврейства, что, конечно, и послужило для евреев и еврействующих депутатов Думы побуждением к тому, чтобы выступить с особым законопроектом о свободе совести. Однако нет решительно никаких оснований думать, что в оставлении черты еврейской оседлости сказала *религиозная* нетерпимость. Это противоречило бы духу Высочайшего указа. Евреи стеснены в правах жительства не как вероисповедная единица, а как хищное племя, опасное в среде мирного населения по своим эксплуататорским наклонностям, которые, как мы видели, нашли себе и религиозное освящение, и опору в Талмуде. И если существование, распространение и фактическое осуществление религий, заведомо безнравственных и противных общественному благосостоянию, решительно и твердо запрещается правовым государством, что признает и думский законопроект, то справедливо остановиться пред вопросом: терпимо ли в государстве такое вероисповедание, которое разрешает своим последователям по отношению к иноверцам, особенно же к христианам, человеконенавистничество и все виды обмана и нанесения вреда? В данном случае установление черты оседлости представляется самым мягким из всех возможных мероприятий по отношению к такому вероисповеданию.

Можно ли, далее, в этом случае не считаться и с настроением народных масс? А настроения этого нельзя изменить только изданием закона о полном равноправии евреев, напротив, этим можно только усилить озлобленность народа. При таких условиях, быть может, закон о черте оседлости придется признать спасительным для ненавидимого – справедливо или нет, это – вопрос иной – племени. Интересно привести здесь справку об отношениях к еврейскому равноправию в других европейских странах, в условиях, подобных переживаемым теперь русским государством. Оказывается, евреи «повсеместно являлись объектом преследования не за веру, но за вытекавшие из нее последствия». И это в странах, где население еврейское исчислялось и

ныне исчисляется буквально десятками тысяч (40 000 во Франции), а не миллионами, как в России (6–7 миллионов). Во Франции, например, только законами 1806–1808 гг., т.е. почти чрез 20 лет после революции, установлено уравнивание евреев с остальными гражданами, но под неременным условием принятия ими «общей гражданской *морали*, общего долга повиновения законам, в особенности же священного долга военной службы», от которой евреи всегда и везде уклонялись. В Германии, Австрии и других государствах Европы в то же время евреи находились в положении только терпимых чужеземцев. В баварском законе 1805 года они тракуются, как «вредные иностранцы»; по прусскому каб. приказу 1814 года относительно лиц, переходящих в иудейство, устанавливалось, что с таким переходом они становятся для государства иностранцами, которые подлежат допущению в пределы государства только с особого каждый раз разрешения. Позднейший, более мягкий прусский закон 1847 года, даруя евреям все гражданские права, в § 3 гласит: «сословные права не могут быть осуществляемы евреями».

Ясно, что в таких отношениях всех государств Европы к еврейству имела значение не религия евреев как таковая, а хищнические инстинкты этого племени, от которых законодательства и силились оградить христианское население. Такое точно положение мы видим теперь и в России. Тут закон 17 апреля о веротерпимости ни при чем, ибо ни при чем и самая веротерпимость.

Что же касается первой половины определения свободы веры в правовом государстве, по которому будто бы «устраняется признание какой-либо религии господствующею в государстве», то, как мы видели, эта так называемая в вероисповедном вопросе «система паритета» не наблюдается почти нигде. Она принята и целиком проведена только в Америке¹. Но это именно обстоятельство и подтверждает все выше нами сказанное о положении религии в государстве. Америка – госу-

¹ Впрочем, президент обязательно должен быть христианин; еврей, мусульманин, язычник президентом быть не может. Таким образом, и здесь нет безусловного паритета. – *Прим. авт.*

дарство без нации, существующее только второе столетие, без исторических традиций, без сложившегося уклада жизни, наконец, долгое время служившее убежищем для всех гонимых в Европе религиозных диссидентов. В государстве, в котором, вследствие указанных условий, насчитывается буквально несколько сот религиозных сект и нет из них ни одной, которая, по подавляющей численности своих последователей, являлась бы ядром религиозной жизни страны, – в таком только государстве, естественно и необходимо, и могла проявиться и осуществиться система паритетная. В Европе же везде видим систему конфессиональную. К приведенным выше примерам Англии, Австрии, Германии, Италии, Пруссии, Испании, Португалии и других присоединим Грецию, Румынию, Болгарию и Сербию – православные страны, где, по основным законам конституций, глава государства – король – должен быть непременно православным; исключение делается только для первых королей Румынии, Греции и Болгарии, избранных из числа членов царствующих домов европейских монархий. Они лично могут оставаться в вере, в которой родились, но их наследники могут иметь право на престол лишь под условием исповедания православной веры. Значит, и в самых либеральных конституциях (какова, например, в Болгарии, заимствовавшей ее в главных чертах из Бельгии) для лиц неправославных все-таки имеются ограничения в правах, основанные на прошлом страны и на исповедании той или иной веры всем народом. «Что государство, – говорит г. Познышев в выше цитированном сочинении, – не может относиться к религии безразлично или с пренебрежением, а *должно дать ей известную охрану*, в этом нельзя сомневаться ни минуты... *оттенки такой охраны могут быть различны*: все религии могут быть охраняемы одинаково, или, наоборот, одной или несколькими из них может быть оказано предпочтение и дана особенно энергичная охрана...»¹.

Из сказанного само собою следует, что признание, в силу заветов истории и по другим причинам, за одним каким-либо исповеданием положения первенствующего и господствующе-

¹ Стр. 30, 35. – Прим. авт.

го, если оно согласно с общим настроением огромного большинства населения и если оно не влечет за собою стеснения личной религиозной свободы каждого отдельного гражданина и целых вероисповедных групп, отличных от господствующего исповедания, – такое признание вполне возможно в правовом государстве. Таково именно теперь положение вероисповедного вопроса в России после указов 12 декабря 1904 г. и 17 апреля 1905 г. Это и выражено в Высочайшем манифесте:

«В постоянном, по заветам предков, общении со Святою Православною Церковью неизменно почерпая для Себя отраду и обновление сил душевных, Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из Наших подданных свободу верования и молитвы по велениям его совести».

Положение Православной Церкви определено в журнале Комитета Министров; здесь, после признания полной веротерпимости, высказывается «решительное убеждение в том, что изменениями, вызванными заботами об укреплении веротерпимости, не должно отнюдь быть поколеблено устанавливаемое Основными законами государства положение, признающее первенствующую и господствующую в Российской империи веру христианскую, православную, кафолическую, восточного исповедания». Это положение внесено в Основные законы последней редакции. Государь-император Всероссийский обязательно исповедует православную веру. Он является защитником Церкви и охранителем ее интересов. Православная Церковь, как *господствующая*, имеет шесть представителей клира в Государственном Совете, – право, которое не предоставлено другим вероисповеданиям. Итак, всем вероисповеданиям – свобода, чуждая какой-либо нетерпимости, кроме случаев, отмеченных и в думском законопроекте, а Православной Церкви – со стороны государства не только первенство, но и особое попечение. После сказанного становится ясно, что думский законопроект является превышением власти и полномочий Думы, ибо она, согласно ее статуту, не имеет права рассматривать и изменять *Основные* законы Империи. Почин в этом деле принадлежит исключительно Короне.

Точно так же, несомненно, падают сами собою и мнения, раздававшиеся между прочими и в Предсоборном присутствии, о том, чтобы Церковь Православная, при изменившихся условиях жизни и управления России, не называлась господствующею, а только первенствующею. Указывалось в подтверждение даже на известное место Евангелия: «князи людей *господствуют* ими»... В сущности же между терминами «господствующая» и «первенствующая» в государстве Церковь трудно провести границу: при нынешнем положении дела это решительно все равно. Если же применять всюду евангельские изречения, то мы далеко зайдем. Тогда вспоминается: кто хочет быть *первым* среди вас... не называйтесь *учителями*, не называйтесь *наставниками*, и *отца* не называйте себе на земле, не говоря уже об именовании «владык», ибо и *владыки* сообладают народами, по евангельскому изречению, по-язычески, а не по-христиански... Здесь простое недоразумение: понятия из одной области прилагаются к другой, совершенно неподходящей. Русский человек, сын Церкви, сам лично не хочет господствовать или первенствовать, но он желает, чтобы Церковь, к которой принадлежит весь народ русский и 3/4 Империи, создавшая государство, принеся народу неоценимые услуги, даровавшая ему все блага, самые дорогие и ценные, была господствующею и первенствующею. Это желание естественное и вполне справедливое. Когда против этого приводят мнение Тертуллиана: «несвойственно одной религии делать насилие над другой», или слова Златоуста: «непозволительно христианам ниспровергать заблуждения насилием и принуждением», – а это теперь весьма нередко пишется и говорится¹, – то ведь здесь мы видим намеренную или ненамеренную подмену понятий, смешивающую нетерпимость и принуждение в делах веры с широкою веротерпимостью, не исключаяющею, однако, возможности признания за одним каким-либо вероисповедани-

¹ См., например, литературно-философский сборник «Свободная совесть» и в нем статьи гг. Котляревского, Эртеля и особенно Астрова, стр. 313; журн. «Новый Путь» за 1903 г., ст.к. Арсеньева «Свобода совести и веротерпимость». – *Прим. авт.*

ем справедливого права именоваться и быть первенствующим и господствующим в государстве.

IV

Законопроект Думы «о свободе совести» не удовлетворяется предоставлением личной религиозной свободы гражданину и отдельным религиозным обществам и отменой всяких ограничений в политических правах за исповедание той или другой веры; законопроект требует свободы пропаганды для всех вероисповеданий и свободы атеизма.

Необходимо осветить и эти вопросы с точки зрения культурно-правового государства, как оно осуществляется в различных странах Европы и как оно определяется учеными юристами Европы, исследователями вероисповедного вопроса.

Русский ученый г. Рейснер, указав разные фазисы в решении вопроса о религиозной свободе и сравнивая в этом отношении полицейское государство с правовым, о современном положении дела говорит так: «Гораздо шире *понятие религиозной свободы вообще*, принятое также в более полном объеме *государствами западной культуры*». И далее названный ученый освещает пред нами и научный принцип, и его практическое применение. Это очень важно. Как же выражается и осуществляется принцип? Религиозная свобода, – продолжает г. Рейснер, – «заключает в себе не только право свободы исповедания и *частного* домашнего богослужения, но и право свободного учреждения и основания новых религиозных обществ, а также и право этих обществ заведовать самостоятельно делами (?) без какого-либо вмешательства посторонней власти. Таким образом, здесь в понятие религиозной свободы входит, кроме свободы исповедания, еще свобода публичного культа или богослужения»¹.

Такая свобода теперь и дана в России; как видно из приведенных слов ученого, в понятие ее не входит непременно право пропаганды.

¹ Рейснер. Государство и верующая личность. С. 6. – *Прим. авт.*

Послушаем далее других ученых исследователей этого вопроса.

«Право свободы исповедания есть право без принуждения избрать любое вероисповедание и собираться в религиозное общение» (Якобсон).

Это – «право свободно обнаруживать свои религиозные мнения» (Риш, Фюрстенау).

Это – «право свободного исповедания религиозных верований и свободного отправления богослужения» (Вине).

Это – «защищенное и *ограниченное* государством право индивида свободно выражать свою религиозную веру и убеждение» (Блунчли); право «исповедовать свою религию, почитать Бога соответственно своим религиозным представлениям и учениям» (Вильда).

Свобода совести «в юридическом смысле», это – «отсутствие ограничений относительно осязательных проявлений, на слове или на деле, этого центрального органа религиозных и нравственных убеждений, т.е. совести» (Раль).

Сделав свод этих определений, Рейснер говорит, что все они, «несмотря на их различие в полноте и точности, тем не менее устанавливают несколько положений вполне определенно и единодушно; все они говорят о свободном, беспрепятственном, не влекущем для человека никакого ущерба внешнем обнаружении его религиозных воззрений и связанном с ними способе богочитания; пользуясь ими, мы, со своей стороны, так определили бы право свободы исповедания: это есть право каждого человека беспрепятственно и без какого-либо ущерба для себя проявлять вообще внешним образом свои религиозные убеждения и, в частности, устанавливать, соответственно этим взглядам, домашнее богочитание»¹.

При частнейшем определении более конкретных прав, входящих в состав права свободы исповедания с точки зрения правового государства, тот же Рейснер в п. 4 говорит о «праве лица, принадлежащего к тому или другому исповеданию, беспрепятственно устраивать собрания *своих до-*

¹ Ibid., 11. – *Прим. авт.*

машинных единоверцев с участием духовного лица, отправлять совместно богослужение по предписаниям своей религии в своем частном помещении и учреждать, согласно общим требованиям закона, частные религиозные общества с правом публичного в них богослужения». Этим правом, – замечает Рейснер, – «определяется, в сущности, право на совершение так называемого частного, или домашнего, богослужения и на частные же собрания *единоверцев* для совместного религиозного культа. Некоторые писатели более раннего времени, как, например, Вильда и Вине, требуют во имя личной и религиозной свободы и свободы общественной, т.е. права беспрепятственного учреждения религиозных обществ, а для этих последних и права публичного богослужения и полной автономии в заведовании их собственными делами. Другие же, более новые писатели, полагают, что из понятия свободы исповедания может быть юридически правильно выведено только право домашнего, а не публичного богослужения, так же, как только право частных собраний верующих» (Гинчиус, Раль, Блунчли, Риш)¹.

Мы намеренно сделали все эти длинные выписки, пользуясь притом воззрениями писателей либеральных, заведомых сторонников возможно широкой свободы веры. И что же? Решительно нигде мы не видим требования свободы пропаганды всех религий и особенно свободы атеизма.

Обращаясь к практике западноевропейских государств, мы видим для королей и императоров клятвенно и законами скрепленное обязательство исповедовать ту или другую религию, а в некоторых кодексах и положительное воспрещение проповеди всякой религии вообще, кроме господствующей. Особенно ярко это выражено в кодексе португальском; в ст. 130 он перечисляет следующие преступления, преследуемые и караемые законами страны:

«1) Публичное поношение словами, действиями или в каких-либо сочинениях верований, обрядов или предметов, употребляемых при католическом богослужении;

¹ Ibid., 15. – *Прим. авт.*

2) Распространение теми же средствами учений, противных верованиям Католической Церкви;

3) Совращение или покушение совратить какими-либо средствами кого-либо в религию, уклоняющуюся от католической, или в общество, отвергаемое Католическою Церковью;

4) *Публичное совершение не католического богослужения.* Всякий португалец-католик, если он отречется от католичества, *наказывается лишением политических прав на 20 лет».*

В Испании, согласно § 11 конституции и особому закону 1876 г., воспрещается публичное отправление какой-либо другой религии, кроме католической.

Известно, что католики – везде католики. Интересно ввиду этого знать, сколько искренности было у католического епископа барона Роопа, когда он подписывал думский законопроект о свободе атеизма? Почему в католических странах, как Португалия, католические епископы не столь либеральны, как барон Рооп? Согласно ли с духом католическим он поступил, и одобрит ли его за это Папа?

Не в одной Португалии мы видим ограничительные постановления в делах пропаганды всех верований. То же наблюдается и в Австро-Венгрии; австро-венгерское уложение положительно воспрещает «разные действия, направленные к основанию или *распространению* новой секты, устройство собраний подобного общества, проповедание или опубликование его учения, привлечение новых членов».

По основному статуту Итальянского королевства, по 1 статье его, римско-католическая религия является *единственною* государственною религией: остальные в настоящее время существующие вероисповедания – *только терпимы*¹.

В Мадриде, Лиссабоне, в Риме и Вене *нельзя построить православного храма*. Известно, какие бесплодные усилия в течение долгого времени употребляла русская дипломатия, чтобы добиться отмены или неприменения этого закона хотя бы только для членов российских посольств. В Португалии вообще никакое вероисповедание не может иметь для целей

¹ Гессен и Нольде. Современные конституции. – *Прим. авт.*

богослужения такого здания, которое походило бы внешним видом на храм¹.

Возьмем страны не католические. В свободной Швейцарии ст. 52 федеральной конституции запрещает открывать новые монастыри и ордена или восстанавливать старые. По ст. 51 члены иезуитского ордена не могут даже проживать в Швейцарии. По отдельным кантонам можно встретить постановления еще более резкие, например, тюремное заключение за основание новой секты и привлечение в нее членов и т.п. В Англии и доньше считается преступлением и наказывается отрицание истинности христианской веры или авторитета Свящ. Писания².

Как условно понималась свобода религий даже защитниками ее, показывает пример известного англичанина философа Локка³. В своем специальном сочинении, посвященном трактуемому вопросу («Письма о терпимости»), Локк доказывает, что государственная власть не должна касаться учения или культа. И рядом: «не должны быть терпимы атеисты, так как для них необязательны клятвы, обещания, добросовестность, образующие главные связи гражданского общества, а также *писисты*, так как они признают над собою иноземную власть папы».

Пуритане в Америке к квакерам применяли такие меры: мужчинам отрезывали уши, женщин секли. «Упаси нас Бог от такого охлаждения любви к истине, чтобы мы стали терпеть заблуждения!» – вот правило жизни многих диссидентов Америки, которые сами искали свободы от гонений в новой стране. «Вся история колониальной эпохи Соединенных Штатов представляет такие факты религиозной нетерпимости, которые едва ли находят себе соответствие даже в *истории религиозных гонений в Англии*»⁴.

¹ Ibid., стр. 354. – *Прим. авт.*

² Познышев, стр. 88. – *Прим. авт.*

³ Локк Джон (1632–1704), английский философ-просветитель, политический деятель, основоположник социально-политической доктрины либерализма.

⁴ Ibid., стр. 63. – *Прим. авт.*

Воспрещение пропаганды иноверческой в России вызывается не только господствующим положением православия, но и особливými обстоятельствами, совершенно неизвестными для западноевропейских стран. Решительно не подлежит сомнению, что дух неудержимого прозелитизма является совершенно несвойственным для православия. И обратно, в России существуют другие религии, которые в сильнейшей степени заражены именно этим духом прозелитизма.

Особенно это нужно сказать о католичестве. Примеров в доказательство сказанного можно было бы привести сколько угодно и вне, и внутри России. Так называемый «халдейский» патриарх с XVI века распространяет католичество среди древних несториан в пределах Турции; теперь там все бывшие несториане – давние католики; в Палестине, Сирии, Аравии, Александрии, в Малой Азии – всюду католики совращают православных; среди грузин и армян они действуют с XVII века и не оставляют своих притязаний доныне; в Болгарии, в Румынии столько католических миссионеров, что можно подумать, будто это – языческие страны. Всего несколько месяцев назад католический архиепископ в Софии, столице Болгарии, осмелился обратиться к синоду болгарскому с предложением принять католичество. В России и Польше кто же создал унию? В 1782 году архиепископ Псковский доносит Св. Синоду, что католические ксендзы, действуя насиліем, обманом, запугиванием, увеличивают свою паству на счет православных; в 1805 году по подобному же поводу был дан особый закон; жалобы приносили не одни православные, но и лютеране; после указа 17 апреля ксендзы объявили открытый поход против православия в Западном крае. Все это – факты общеизвестные и доказанные. Едва ли забыта история ковенского ксендза Белякевича, который бил своих духовных чад за сношения с православными, бичевал их, сажал в погреба с гробами и с головами чертей. Не менее фанатизма и ненависти к православию проявили и лютеранские пасторы в Финляндии и Остзейском крае: поношения православной веры в проповедях, глумление над иконами,

над святыми, наконец, памятный взрыв православного собора в Якобштадте¹.

Многим ли известно, что армяно-григорианство потихоньку распространилось среди православных удин, захватило грузинские православные святыни, не говоря уже о том, что поглотило много татов и курдов? Еврейство отлагалось у нас иудействующими сектами с XVI века и до самых последних дней.

Между тем, и по духу своему, и по прямому русскому законодательству православие никогда не держалось наступательно по отношению к другим исповеданиям. Известен факт, что при Екатерине II униаты, пожелавшие присоединиться к православию, целых 8 лет ожидали разрешения на это свыше. С 1859 года сиро-халдеи-несториане в Персии осаждали наше правительство и Св. Синод просьбами о присоединении к Православной Церкви, и только в 1898 г. на это последовало разрешение Синода, и после того, как двукратно указывалось сиро-халдеям обратиться со своим желанием или к Антиохийскому Патриарху, или к епископу Феодосиопольскому в Малой Азии.

В 1902–04 гг. 30 000 турецких несториан и около 30 000 ванских армян заявили Св. Синоду о своем желании присоединиться к православию. Дело это и поныне не начато... Что

¹ Город Якобштадт (ныне г. Екабпилс в Латвии) прославился благодаря чудотворной иконе, обретенной в годы Русско-польско-шведской войны (1654–1667) в водах Даугавы. Воевавший на стороне шведов солдат Яков Гудынский, переправляясь через реку, увидел плывущую по воде дощечку. Вонзив в нее копьё, он вынес дощечку на берег и там заметил, что от нее по копьё стекает кровь. Охваченный ужасом солдат-католик увидел православное изображение Богоматери с Младенцем и со слезами раскаяния отнес икону в слободу Гольмгоф, где жили русские люди и был небольшой Свято-Духов монастырь с православным храмом. Сам Гудынский принял православие и стал насельником обители в Гольмгофской слободе. В 1670 году курляндский герцог Якоб Кетлер, во владении которого находилась слобода, даровал ей статус города и назвал его в свою честь Якобштадт. В конце 1884 г. собор Свято-Духова монастыря был взорван не найденными злоумышленниками. Обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев в письме Императору Александру III видел причины преступления в том, что в Якобштадте находится «едва ли не самое опасное польское гнездо, какое только есть в России», и что здесь «произошло явление ... беспримерное в Европе, – дружное единение немцев с поляками, ... немец сошелся с поляком в стремлении изолироваться от всякого русского влияния».

касается нашего законодательства, то оно для Православной Церкви, единственно пользующейся правом свободного распространения, дает такие указания: «Сия вера порождается благодатию Господнею, поучением, кротостью и более всего добрыми примерами. Посему господствующая Церковь не дозволяет себе ни малейших понудительных средств при обращении последователей иных исповеданий и веры к православию и тем из них, кои приступить к нему не пожелают, отнюдь ничем не угрожает, поступая по образу проповеди апостольской» (Уст. пред. прест., ст. 70).

Иное дело – теория, заявляющая, что «необходимым дополнением свободы совести является свобода распространять свое миросозерцание и привлекать к своей вере других людей»¹, и иное дело – практика. Напрасно поэтому г. Рейснер в статье «Свобода совести и закон 17 апреля 1905 года» вдруг начинает сокрушаться (в противоречие со всем сказанным раньше) о том, что отсутствие права пропаганды для всех вероисповеданий, кроме православия, поставляет другие Церкви и общества в такое положение, что они будут вынуждены «умолкнуть пред лицом привилегированного (православного) миссионера, молча раскрыть свои недра для чуждых и враждебных им учений, безропотно переносить это вторжение в их самое святое святых»².

Православная Церковь и до 17 апреля 1905 года этого не делала и не стремилась обходить море и сушу, чтобы всеми неправдами сотворить единого пришельца. Не от нее приходится защищаться иноверцам и инославным. Она сама и прежде, и особенно теперь нуждается в защите и охране от напора других религий, существующих в России, из которых почти каждая склонна к прозелитизму на счет православия. Такою защитой и ограждением единственно и может служить запрещение пропаганды иным вероисповеданиям, при полной свободе для них открыто и без ограничения в правах действовать в среде своих единоверцев и при полной свобо-

¹ Познышев, стр. 90. – *Прим. авт.*

² Рейснер. Государство и верующая личность. С. 422. – *Прим. авт.*

де для каждого гражданина лично принимать и исповедовать какую угодно религию.

V

Думский законопроект требует свободы атеизма. Требование идет «от лица всего русского народа...» Позволительно сильно усомниться в этом. Думается, что если бы подвергнуть этот вопрос всеобщему и тайному голосованию, то за думское требование оказались бы буквально несколько сот, много – несколько тысяч голосов и 140 миллионов народа высказались бы против него. Но ведь несомненно, что законы должны исходить не из теоретических лишь положений, вычитанных в хороших книжках, не из подражания иностранным государствам без разбора, лишь бы-де и у нас все было так, как у соседей: законы должны стоять в согласии и с духом, с настроением всего народа. На Руси, которую сам народ называл и отличил именем «Святая», в народе особенно религиозном, определившем весь уклад своей жизни по праздникам и церковному распорядку, – в среде этого-то народа-богоносца выступить от имени его с законом о свободе неверию! Нет сомнения, что атеистами полными признают себя в России лишь единицы. И для них-то требуется соблазнить всю страну! При этом необходимо иметь в виду и то, что лично быть атеистом никому не воспрещается, ибо никакая власть, никакое государство не может и не станет навязывать тех или других убеждений или принудительно требовать от того или другого лица непременного исполнения обрядов и постановлений того вероисповедания, в котором он числится.

В этом отношении Указ 17 апреля идет куда дальше, чем пожелания и требования известного Навиля¹, обращенные в 1888 году к российскому Императору: «Наше заветное желание, – писал Навиль от имени Швейцарского евангелического союза, – состоит в том, чтобы всякий подданный Вашего Ве-

¹ Навиль Эрнест (1816–1909), швейцарский реформатский богослов и философ, профессор философии в Женевской академии, один из предшественников экуменизма.

личества мог свободно чтить Бога по своей совести, свободно воспитывать своих детей в вере отцов, чтобы духовные пастыри христианских церквей могли беспрепятственно исполнять относительно своей паствы все обязанности своего звания; наконец, чтобы все те, кои, не давая себе отчета в важности решения, записались в списки Православной Церкви, могли без опасения возвратиться в лоно прежней своей Церкви, если изъявляют свободное к тому желание».

Постановление думского законопроекта по вопросу об атеизме именно в России носит характер полной теоретичности и отрешенности от жизни: «Пусть гибнет хоть мир, но да торжествует теория...» И какая неравномерная расценка явлений: быть вне религии и Церкви можно, но быть вне государства, хотя бы и по религиозным побуждениям, по думскому законопроекту, никак нельзя. Оскорбить Божество публичным неверием и открытою проповедью неверия в Него можно, оскорбить власть той же Думы... никак нельзя!

Что такое атеизм? Ведь это своего рода *одно из исповеданий*. По фанатической настроенности своих приверженцев, по неудержимому стремлению к пропаганде, к борьбе против всякого религиозного мировоззрения и основанного на нем построения жизни, как показывают опыт и история, атеизм не уступит любой секте религиозной. «Мы исповедуем религию атеизма», — говорит социализм, и в этом по виду нелепом и парадоксальном выражении есть свой смысл: атеизм — своего рода религия. Атеизм волей-неволей должен дать и, действительно, дает и свою нравственность; от разрешения вопроса о морали он уклониться не может. Кто хочет в этом убедиться, пусть перечитает социалистические капитальные сочинения. Профессор Менгер, в книге «Новое государство» давший, так сказать, догматику социализма, должен был выступить и с книгою «Учение о новой нравственности».

Но если это так, то и государство как таковое должно применить к атеизму ту общую оценку всякого исповедания, с точки зрения общественного блага, которую признал и думский законопроект о свободе совести. «Границами для

свободы исповеданий должны сделаться лишь требования общественного и государственного самосохранения, да и то понимаемые в буквальном, а не в расширенном смысле. Часто употребляют здесь *reductio ad absurdum*¹, противопоставляя требованию свободы совести наличие таких сект, как скопцы или известные в Индостане «братства убийц»². Очевидно, однако, здесь речь идет вовсе не о верованиях, а о преступных деяниях, караемых законом». Так говорится в одной из статей журнала «Свободная совесть»³. Несомненно, в приведенных словах высказано положение крайнее, весьма спорное и весьма туманное. При осуществлении его в жизни выходит, что если я открыто принадлежу к «братству убийц» и власть видит, что я подстерегаю жертву намеченную, то меня нельзя тронуть, пока я не убью или не сделаю покушения на убийство... Не вправе ли я тогда требовать освобождения от суда, ссылаясь на то, что я сделал покушение или убийство, следуя моей религии, *заведомо дозволенной* государством? Но пусть так. Согласимся даже с этим положением. Но и в вопросе об атеизме дело идет не об его «веровании»: это — дело личной совести, не подлежащее никакому земному контролю или проверке. Однако «верование» непременно обнаруживает стремление к выявлению, которое проявляется в таких фактах, которых не может игнорировать правовое государство. Если, исходя из атеистического мировоззрения, Смердяков⁴ приходит к выводу, что ему «все позволено», и совершает поэтому с легким сердцем убийство, то вправе ли государство разрешать как исповедание Смердякова, так и особенно его пропаганду?

Между тем атеизм всегда носит в себе семена такого именно исповедания. Известный французский политический писатель Бодэн⁵, защитник полной религиозной свободы, по-

¹ Букв. «доведение до абсурда» (*лат.*) — логический прием, которым доказывается несостоятельность какого-либо мнения.

² Видимо, имеется в виду индуистская секта убийц культа богини Кали.

³ Кн. 1, ст. Котляревского, стр. 193. — *Прим. авт.*

⁴ Герой романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

⁵ Боден Жан (1530–1596), французский юрист, теоретик естественного права.

сле ссылки на слова Теодориха Великого¹: «мы не можем предписывать религии, ибо никто не может быть принужден верить против воли», однако, не считает возможным даровать свободу атеизму: «это, – по его словам, – худшее из всех зол»². К числу защитников религиозной свободы принадлежит Том. Мор³, автор знаменитой «Утопии». «Утопия», по буквальному переводу, – страна, не имеющая *места*, оттого и порядки, в ней изображенные, получили название утопических, несбыточных и неисполнимых на земле. Как ни широка свобода людей, изображаемая даже в «Утопии», однако в вопросе об атеизме она ограничена. Вот что, между прочим, читаем в этом сочинении: «Во время основания своего царства Утоп знал, что до его появления туземцы вели бесконечные религиозные войны». «Лишь только он стал победителем и царем, он поспешил объявить полную веротерпимость». Впрочем, он никоим образом не запретил миссионерской деятельности, которая кротко и спокойно распространяет веру доказательствами, а не старается, если проповедь удастся, уничтожить другую религию грубой силой. *«Тем не менее, он во имя нравственности строго наказывал того, кто унижал достоинства своей природы учением, будто душа умирает вместе с телом или будто мир управляется без всякого Провидения, одною игрою случая.* Таким людям отказывают в каком бы то ни было уважении, им не доверяют ни общественной должности, ни какого-нибудь важного дела», «их презирают, подобно существам низшей и бесполезной расы», «им запрещают публично *выражать свои убеждения*, но позволяют разговаривать с мыслящими людьми и в особенности со священниками»⁴.

¹ Теодорих Великий (451–526), король остготов с 470 г., король Италии с 493 г., по вероисповеданию еретик-арианин.

² Чичерин. История политич. учений. I, 424. – *Прим. авт.*

³ Мор Томас (1478–1535), английский государственный деятель и писатель, автор знаменитого манифеста социалистов романа «Утопия»; обезглавлен за отказ принять англиканство.

⁴ Цитир. по К. Каутскому «Т. Мор и его “Утопия”». См. Познышева, стр. 74–75. – *Прим. авт.*

Выше мы приводили мнение Локка, также защитника свободы религии: по его словам, «атеисты не должны быть терпимы в государстве, так как для них не обязательны клятвы, обещания, добросовестность, *образующие главные связи гражданского общества*». В Англии, как мы уже говорили, и доселе считается преступлением и влечет за собою строгое наказание отрицание истинности христианской веры или авторитета Св. Писания письменно, печатно, посредством поучений или разговоров.

Видный германский ученый Гиншиус, признавая за каждым право без каких-либо невыгодных для себя последствий исповедовать какую угодно веру и даже заявлять о своем неверии, полагает, однако, что государство обязано запрещать такие выражения религиозных мнений, которые противны общественному благосостоянию и порядку, как, например, *проповедь атеизма...*

Из русских ученых Арсеньев считает невозможным допустить учения, которые явно и несомненно противны вечным, всюду и всегда неизменным требованиям нравственности; проф. Белогриц-Котляревский полагает, что право свободы не может простираться за пределы ненарушимости принципов морали; наконец, даже проф. Рейснер в числе ограничений свободы исповедания указывает прямо на недопустимость атеизма: «никому не может быть дозволена публичная проповедь атеизма и открытой безнравственности» («Госуд. и верующая личность», стр. 12).

Неудивительно поэтому, что в уголовных кодексах почти всех государств мира полагается кара за богохуление, публичное отрицание веры в Божество и т.п.¹. Богохуление, оскорбление святыни и кощунство караются и русским Уголовным уложением как в старой, так и в новой его редакции. Наказуется «и неисполнение церковных требований, признаваемых со

¹ Подробности считаем излишними. Интересующиеся найдут их в сказанном сочинении Познышева, стр. 164–196; здесь приложена и сравнительная таблица религиозных деликтов и наказаний за них в разных государствах. – *Прим. авт.*

стороны государства имеющими и общегражданское значение, а именно о погребении христиан с соблюдением церковного обряда» (см. стр. 73–78). Неудивительно и то, что авторы, отстаивающие свободу неверия, обыкновенно выводят ее только как логичное требование из понятия свободы веры вообще¹, не находя в подтверждение высказанного положения никаких доказательств. Но известно, как далеко можно зайти на такого рода логических построениях во имя отвлеченной теории: тогда можно и от медицины требовать, чтобы человек, обращающийся всегда к ее помощи своевременно, никогда не умирал...

Мы видели, однако, что с тою же самою неумолимую силою логики правительственная власть, рассматривая атеизм, как одно из исповеданий, с точки зрения общественного блага, имеет полное право применить к нему и, действительно, применяет всюду ограничительные постановления, не нарушая этим принципов культурно-правового государства. Самое понятие атеизма слишком растяжимо: деизм, пантеизм, индифферентизм, скептицизм – все это должно быть исследовано и взвешено при определении того, исповедует ли член государства какую-либо религию или он – чистый атеист. Возможен ли, наконец, чистый атеизм? Не болезненное ли это и крайне редкое явление? В таком случае чем, кроме чисто отвлеченного и отрешенного от жизни теоретизма фанатиков свободы совести, вызвано пожелание свободы атеизма в думском законопроекте?

С чисто славянскою прямолинейностью следуя думскому законопроекту, мы придем не к свободе веры и совести, а к *гонению православия* в России. В этом не может быть сомнения. На почве полного беспристрастия к религиям не удержалась и Франция – страна с более устойчивым и давним парламентарным режимом, чем Россия. Мы уже видели, что даже американцы долго не могли прийти в равновесие в отношении к религиозным вопросам и вчерашние гонимые на почве свободной Америки обращались быстро в гонителей.

¹ См. у Познышева, стр. 119, и у Рейснера в последней статье, стр. 422. – *Прим. авт.*

С неумолимою последовательностью законопроект Государственной думы о свободе совести потребует прежде всего полного сравнения Православной Церкви с другими вероисповеданиями, которое выразится сразу же такими фактами, которые могут быть рассматриваемы именно как гонение на Церковь: лишение ее земельных имуществ, лишение жалования от казны духовенству, лишение прав государственной службы и жалования всех служащих по церковному ведомству и в духовно-учебных заведениях, лишение пенсии от государства всех духовных лиц и служащих по духовному ведомству, объявление церквей и монастырей собственностью государства, которая может быть отдаваема православным только на условиях обычной аренды; о приходе, как юридической единице с правом самоопределения, не может быть тогда и речи. Дальнейшие требования законопроекта не замедлят сказаться сами собою: получение гражданской легитимации без совершения религиозных обрядов только при посредстве чиновников гражданского состояния, гражданский брак, гражданские похороны, устранение во всех публичных местах религиозных символов (кресты, иконы) и, наконец, неконфессиональная, чисто лаическая школа¹ с полным изгнанием из нее Закона Божия. То, к чему Франция шла целыми столетиями не на счастье себе, — разумею полное отделение Церкви от государства, — то русские беспочвенные теоретики, не считающиеся ни с прошлым России, ни с настроением народа в настоящем, готовы провести в несколько дней. Правда, защитники отделения Церкви от государства находятся и среди людей церковных и религиозных. Они исходят из соображений блага и свободы Церкви. Они забывают, однако, что государство никогда не откажется от своих прав по отношению к Церкви, Церковь же, отделившись от государства, потеряет все свои права, но непременно останется при всех своих по отношению к нему обязанностях. Государственная власть, хотя бы и совершенно безрелигиозная, всегда будет в случаях, ей нужных, пользоваться влиянием и авторитетом Церкви, а при отказе ее способствовать видам и пользе государства обратится

¹ Здесь: светская, нецерковная школа.

к насилию. Да и может ли Церковь отказывать законной власти в помощи при осуществлении ее законных требований, не нарушающих религиозной совести? Церковь же, лишенная прав, но сохранившая все обязанности по отношению к государству, потеряет множество способов влияния на верующих, на общество и на государственную жизнь, и вместо блага и свободы получит бессилие и горшее рабство Церкви...

Материальные средства Церкви, конечно, не составляют цели ее деятельности. Однако лишение материальных средств будет вместе с тем для нее лишением одного из надежных способов проявлять и осуществлять свое влияние на жизнь верующих, хотя бы только построением церквей, открытием и содержанием причтов, школ, учителей, изданием книг и т.п. Первый шаг в этом направлении уже сделан Государственной думой: мы разумеем бесплатное отчуждение всех церковных и монастырских земель в пользу государства.

VI

Думский аграрный законопроект в первых параграфах уже был выработан, сформулирован и принят в окончательной редакции аграрной комиссией. Он требовал отобрания в пользу крестьян, *без всякого вознаграждения* со стороны правительства, всех земель казенных, кабинетских, удельных, церковных и монастырских, и отобрания с уплатою справедливого вознаграждения собственникам всех земель частновладельческих и принадлежащих «учреждениям», за исключением участков культурно возделанных (сады, огороды, сельскохозяйственные культурные опыты) и участков небольших по размерам – не более 50 десятин. Основанием для такого законопроекта служило общее воззрение на землю: она не должна обращаться в капитал и в источник дохода путем отдачи в аренду и может быть отдана только тем, кто ее сам, своим личным трудом будет обрабатывать.

Относительно «церковных» земель думский законопроект не озаботился точным их перечнем и разграничением и в

число земель в собственном смысле «церковных» отнес и причтовые участки, которые во всей России служат важным подспорьем для содержания православного духовенства.

Законопроект свой Дума не решилась представить в его надлежащем освещении и в надлежащей мотивировке. А между тем это было бы и ясно, и прямо, и честно. Для всякого вдумчивого человека аграрный законопроект, по отношению к землям Церкви Православной, есть логическое следствие первого законопроекта о свободе совести: если все вероисповедания равны в государстве; если ни одно из них не считается господствующим и первенствующим; если ни одно вероисповедание не может дать своим последователям ни малейшего лишнего права в государстве сравнительно с другим каким-либо вероисповеданием, – то представляется совершенно необходимым и последовательным сравнять Православную Церковь со всеми прочими вероисповеданиями, отобрать у нее и ее служителей все, что напоминает их древние права и преимущества и выдвигает православие из числа других вероисповеданий. Отсюда, конечно, неизбежное требование отобраания церковных и причтовых земель и имуществ. В таком случае Думе для последовательности и «уравнения» нужно было провести закон до конца и применить его и к другим вероисповедным группам в России. Укажем примеры. В 1903 году не отобрали были, а только взяты в управление казны земли и имущества Армяно-григорианской Церкви с тем, чтобы деньги, вырученные казною от земель, были обращаемы на содержание армянского духовенства и духовно-учебных заведений. Земель и имуществ, при всех способах укрывательства, набралось на сумму до 4 миллионов рублей. Нужно заметить, что много земель Армянской Церкви было даровано ей русским же правительством в 30-х и 40-х годах XIX столетия для *временного* пользования. Поднявшаяся агитация во всех либеральных органах печати против этого закона, подкрепленная действиями революционных комитетов на Кавказе, вынудила правительство возвратить Армянской Церкви земли и имущества, которыми она теперь беспрепятственно владеет на Кавказе, в стране, где земельная

нужда и теснота среди туземцев настолько обострилась, что по местам, как в Гурии, вызвала целое революционное движение на чисто аграрной почве.

В Сибири ламаиты со времен императрицы Елисаветы щедро были одарены землею. По последнему Положению, в их среде ламы составляют 1/10 часть всего населения; все религиозные учреждения и лица в ламаизме освобождены от податей и одарены землею в количестве весьма значительном: бандидо-хамбо – 500 десятин, на ширетуя – 200 десят., на каждого ламу – 60 десятин, на низших служителей дацанов – по 30 десятин на каждого, и даже на каждого *ученика* (ховарак) при главном дацане – по 15 десятин на каждого. Имеют земельные участки и самые дацаны (ламайские храмы-монастыри).

Теперь уже не тайна, что по соображениям «тактическим» Дума не могла затронуть прав и преимуществ иноверных и инохристианских исповеданий. Поэтому-то аргументация аграрного законопроекта относительно церковных и монастырских имуществ и вращалась в области общих аграрных воззрений Думы.

Но и с этой последней точки зрения думский законопроект является несостоятельным и в принципиальном, и в практическом отношении.

Законопроект имеет в виду дать землю малоземельным и безземельным; оказывается, по отношению к православному духовенству он достигает обратной цели, превращая имущих землю (и притом временно, пока член причта состоит на службе) в совершенно безземельных. Законопроект желает передать землю тем, кто ее сам обрабатывает, и на деле отнимает ее именно у трудящихся, ибо в России духовенство, особенно диаконы и причетники, в огромном большинстве случаев само работает над землей¹. Наконец, законопроект разрешает остав-

¹ Указание на то, что при обработке земли духовенство иногда прибегает к наемным рабочим, не имеет смысла: разве можно проследить за всеми земледельцами России, кто из них исключительно своими руками работает над землею, а кто по старости, болезни, малосемейности и другим случайным причинам вынужден нанимать рабочие руки для обработки земли или уборки хлеба. – *Прим. авт.*

лять у землевладельцев-собственников участки земли в размере не более 50 десятин и почему-то отнимает у духовенства гораздо меньшие участки, ибо на причт в России приходится 33 десятины, а при разделе каждому члену причта в отдельности – на каждое лицо значительно меньше: следовательно, ни о каких латифундиях тут не может быть и речи.

Что касается монастырских земель, то почему же они попали в число отчуждаемых бесплатно, а не наравне с «учреждениями»? Если монастырям казна иногда отводила земли бесплатно, то и учреждения получали их часто таким же путем. Если учреждения приобретали земли путем покупки или получали их по завещаниям, как дар, и поэтому должны быть справедливо вознаграждены платою за отчуждаемую землю, то и монастыри в этом отношении не отличаются от учреждений, ибо и монастыри иногда покупали землю, иногда же получали ее в дар по завещаниям верующих людей. Если учреждения иногда возделывали землю, удобряли ее, вложили в нее труд, знание, капитал и посему справедливо могут рассчитывать на вознаграждение при отчуждении, то можно указать и монастыри, подобным же образом распорядившиеся своими землями. Разница одна: учреждения всегда разрабатывали землю наемными руками и притом на казенные деньги, а монастыри разрабатывали землю чаще всего трудами монахов или на деньги, специально отдаваемые жертвователями на обители ради Господа и спасения души. И еще есть разница, и опять в пользу монастырей: в учреждении обыкновенно видим одно лицо, в редких случаях – несколько, а монастыри наши обыкновенно весьма многочисленны, так что если каждого члена общежития монастырского удовлетворить из монастырского земельного участка равною долею, то надел на одно лицо не особенно разнился бы от обыкновенного надела крестьянского.

При всем том остается неразрешимым вопрос, который в подобных случаях всегда смущал общественную совесть, оскорблять которую – и нечестиво, и опасно. В самом деле, набожный христианин завещал имущество на религиозные цели,

на расширение влияния Церкви в том или другом виде, в той или иной сфере жизни, наконец, на поминование своей души; он себе отказывал, чтобы сохранить или приобрести это имение, и уж наверное отказал детям и наследникам, передавая землю Церкви или монастырю. И вдруг законопроект Думы вторгается в такую сокровенную область, как религия, или, выражаясь словами даже думского законопроекта о свободе совести, «в то, что является интимным и драгоценным достоянием», и ради пользы государственных, к тому же и сомнительных, грубо нарушает волю завещателя. К чему может привести в конце концов такой принцип, последовательно проведенный в жизнь? Татары, насильники и завоеватели Древней Руси, как показывает история, не решались на такой шаг, на который теперь решаются с легким сердцем. Только атеистическая точка зрения может его оправдать. Помнится, еврей Лассаль¹ доказывал, что исполнение воли завещателя основано на вере в его загробную жизнь, а так как-де никакой загробной жизни нет, то... и т.д. Нужно сказать, что такое воззрение не помешало самому Лассалю всю жизнь пользоваться пенсией в 7000 марок в год, завещанною в его пользу графинею Гарцфельд, с которою Лассаль состоял в близких отношениях. Неужели *такая* воля завещательницы священна, а воля умирающего верующего человека может быть попираема? Повторяем, это скользкий и очень опасный по своим выводам и последствиям путь оскорбления общественной совести и намеренного развращения народа. Прежде чем вступить на этот путь, надо крепко призадуматься не только о нравственной его гнилости, но если нравственные соображения отброшены, то, по крайней мере, о его вреде для народа и государства.

С практической точки зрения думский законопроект также не выдерживает никакой критики. Он разоряет духовенство и несколько не обогащает крестьян; он обрекает священников на положение чиновников и тем умаляет и нравственное их

¹ Лассаль Фердинанд (1825–1864), философ, юрист и политический деятель, один из создателей Немецкого рабочего союза, предшественника Социал-демократической партии Германии.

значение и, конечно, чрез это обездоливает духовно и пастырей, и пасомых – крестьян. Объяснимся.

Что дадут духовенству вместо земли? Жалованье? *Его не дадут*, раз Дума поставила вопрос так, что земли причтовые отбираются *без всякого вознаграждения*, наравне со свободными казенными. Если при самом акте отобрания земель не говорится ни слова о вознаграждении за них и компенсации духовенства иным вспомоществованием от государства, то на будущее рассчитывать нельзя. Но, предположим, согласятся дать жалованье духовенству. Откуда, когда и в каком размере? Казна обременена долгами и едва справляется с текущими расходами; аграрный вопрос принудительного выкупа частновладельческих земель поставит пред нею еще миллиардный расход: до новых ли отпусков духовенству? Дума уже связала себя обещаниями ввести всеобщее начальное обучение; эта статья, предполагая необходимое расширение сети низших, средних и высших учебных заведений в соответствии с числом начальных школ (по крайней мере в четыре раза сравнительно с теперешним их количеством), потребует нового ежегодного расхода до полумиллиарда рублей... Трудно ожидать при таких условиях назначения жалованья духовенству, особенно при господстве правового государства, по принципу которого, если дается жалованье православному священнику, то с ним нужно будет сравнять всех соответствующих ему служителей христианских и нехристианских исповеданий... Иначе ведь не будет равенства.

Но если бы и нашлось желание дать православному клиру жалованье, то может ли оно дойти до таких размеров, чтобы вполне заменить доход с причтовых земель? Удобства их житейские и хозяйственные по условиям деревенской жизни таковы, что их трудно перевести на деньги. Есть вещи, которых и за деньги в глухой деревне не достанешь, не занимаясь своим хозяйством (солома, топливо, овощи, свое молоко и молочные продукты, корм птице и скоту, животные продукты и т.п.). Эта сторона дела подробно выяснена во многих статьях, появившихся в различных церковных органах и написанных

сельскими иереями по поводу думского аграрного законопроекта. Итак, доходы и удобства земельного причтового участка, при условиях нашей деревенской жизни, оказывается, трудно учесть деньгами. Нравственная же сторона здесь совершенно забыта, а она и совсем на деньги не может быть оценена. Священник, занимающийся сельским хозяйством, прежде всего на себе испытывает все нравственно облагораживающее влияние святого земледельческого труда, воспитавшего все лучшие стороны духа славянской земледельческой расы. Кроме того, он роднится с крестьянином, пасомым общностью интересов, общностью печалей и радостей; он близок и понятен пасомым, и пасомые ему понятны и близки. Общая у них и молитва к Господу о дожде и ведре, о благорастворении воздухов и земли плодотворности, об изобилии плодов земных и временех мирных.

Образованный и усердный священник здесь и в житейском быту поможет темноте народной и, конечно, раньше и лучше крестьянина введет в свое хозяйство улучшения – не тысячные изобретения и машины богачей, все равно крестьянину недоступные, а такого рода улучшения, которые вполне применимы к небольшому деревенскому хозяйству и доступны среднему крестьянину. Свое хозяйство, своя земля, свой двор, скот, свой дом – все это привязывает священника к приходу, все это заставляет его надолго, если не навсегда, оставаться на одном месте. А это вместе с тем роднит его более и более с окружающими, связывает с ними тысячами связей, заставляет заботиться о мирных и любовных с ними отношениях и дает ему чрез это силу и широту влияния на прихожан во всех возрастах. Иное дело священник, пробывший в приходе 2-3 года и переехавший затем в другое село, совсем иное дело священник, который учил прихожанина в школе, венчал его, крестил его детей или даже внуков, хоронил его близких и т.д.

Отнимите все эти невидимые связи, оторвите пастыря от земли и одинакового с пасомыми труда и одинаковых интересов, и получите священника-чиновника. Он будет переходить с места на место, как это мы и видим в южных наших епархиях, где духовенство, весьма обеспеченное, землю сдает

в аренду и сельским трудом не занимается; он будет тем же, что представляет собой сельский учитель, фельдшер, пристав, акцизный чиновник. Мудрено ли, что и храм тогда перестанет быть местом общения пастыря с пасомыми и влияния его на них и обратится в место только «нужнопотребных» треб, которых нельзя избежать, а сам пастырь станет только наемником, требоисправителем. Духовная жизнь народа тогда будет замирать, общение с Церковью неизбежно будет умалено; душа народная, между тем, затоскует в одиночестве и заброшенности, запросит сродной пищи, запросит близких пастырей – и бросится в объятия сектантства. Это мы и видим в Сибири, Новороссии и на Кавказе. В Великороссии искони духовенство было народным, и мы здесь видим только раскол, все-таки в формах церковных сохранивший учение православия, национальное русское самосознание; в Малороссии же и вообще на юге, где богатые священники были всегда «панами», а дети их назывались «панычами», где духовенство крестьянским трудом гнушалось и чрез это стояло далеко от народа, мы видим, напротив, крайнее развитие религиозного сектантства в самых разнообразных его проявлениях, которые объединяются в рационализме, полном отсутствии церковности и вместе с тем в наклонности к космополитизму и социалистическим тенденциям в области общественно-государственных воззрений.

Это знаменательные показатели.

Но, может быть, отобрание церковных земель даст, по крайней мере, крестьянству необыкновенное увеличение земельного надела, которое обратит крестьян из бедняков в состоятельных хозяев? Увы, даже и такого значения аграрный думский законопроект не имеет.

Газеты «прогрессивного» направления раздули и вместе с тем страшно замутили этот вопрос массою совершенно лживых статистических данных и выводов. Началось в 1904–05 гг. с преувеличенного в тысячи раз показания монастырских капиталов, которых одна газета насчитала до 20 миллиардов (!); окончилось теперь, в 1906 г., таким же преувеличенным показанием количества церковных земель. Но если счет капиталов

проверить довольно затруднительно, к тому же капиталы можно и скрыть, то уж относительно земли дело представляется совершенно ясным. Вот что читаем в офиц. органе Св. Синода – «Церковных ведомостях» 1906 года (№ 27) – о количестве церковных и монастырских земель (ниже приведенные сведения указаны по надлежаще проверенным данным хозяйственного управления Св. Синода).

Газета «Трудовая Россия» сообщила следующие сведения о количестве церковных и монастырских земель:

«По исследованию, сделанному почти 30 лет тому назад, церковным учреждениям, монастырям и церквям принадлежат 8 500 000 десятин. Земли эти чаще всего удобные и очень ценные – с рыбными ловлями, с заливными лугами, с лесом. Расположены эти владения чаще всего не в глухих местах, где земли и без того много, а в местах населенных».

Газета не говорит, что это за «исследование, бывшее почти 30 лет назад», кем и каким образом оно было произведено, где находятся добытые им материалы и пользовался ли этими материалами автор газетной статьи. Без этих же данных сообщенные «сведения» являются только голословными. Ввиду же того, что подобные сообщения принимаются многими на веру и полагаются в основу для суждений и выводов по волнующему всех аграрному вопросу, представляется необходимым противопоставить им точные сведения, по данным, имеющимся в учреждениях Св. Синода. Эти данные, относящиеся к 1890 г., научно разработаны Н. А. Любинецким в сопоставлении с данными Центрального статистического комитета по обследованию земельной собственности в 1877 году и изданы под заглавием «Землевладение церквей и монастырей Российской империи» (Петроград, 1890 г.).

Окончательные выводы из данных Святейшего Синода (1890 г.) выражаются в следующих цифрах:

а) Церквей, имеющих земельную собственность, во всех епархиях Империи – 30 993. Количество принадлежащей им земли составляет всего 1 863 943 дес. (В том числе неудобной – 154 366 дес.).

б) Монастырей, имеющих земельную собственность, – 697. Количество принадлежащей им земли – 496 308 дес. (В том числе неудобной – 75 900 дес.)

Общее количество церковных и монастырских земельных имуществ составляет 2 360 252 дес. (В том числе неудобной земли 230 266 дес., т.е. 9,75% общего количества.)

Чрезвычайно интересна в названной книге Любинецкого таблица со сведениями, сколько приходится на одно церковное владение крестьянских дворов. Оказывается, что на церковное владение крестьянских дворов приходится от 115 (в Архангельской епархии) до 678 (в Оренбургской епархии). Средний же размер церковного владения составляет 74,47 дес., что на один крестьянский двор составит от 0,64 дес. (в Архангельской епархии) и до 0,11 дес. (в Оренбургской епархии). Эти цифры наглядно показывают, как ничтожны в общей массе земельные владения церквей и монастырей и как жестоко ошибаются те, которые рассчитывают на церковные и монастырские земли, как на одно из средств к разрешению аграрного вопроса.

К сказанному следует прибавить, что земельная теснота чувствуется не в Архангельской и Оренбургской губерниях, а главным образом в черноземной полосе России. Представим себе, что здесь в приходе отдана в пользу крестьян причтовая земля: это 33 десятины по крайней мере на 800–900 мужских душ. Что же получают крестьяне? Им придется на человека по 1/24 десятины. Вот и все обогащение; оно не только не отвратит, но даже и не отдалит земельного кризиса... По-видимому, даже и крестьяне сами, несмотря на усиленную среди них агитацию, понимают это: мы доселе еще ни разу не слышали и не читали, чтобы крестьяне требовали отобрать в их пользу или самовольно запахивали и косили земли церковные и монастырские. Не было даже попыток к таким насилиям или к погромам хозяйств на землях причтовых или монастырских. Профессор Чупров высчитал, что площадь крестьянского землепользования, при условии отобрания решительно всей земли в России в пользу крестьян, увеличится только на 42%; при приросте на-

селения в России ежегодно в два миллиона человек, при удвоении населения в 50 лет передача даже всей земли крестьянам только отдалила бы несколько земельный кризис. Между тем, по исследованию того же профессора, улучшение сельскохозяйственной культуры быстро может повысить крестьянскую земледельческую производительность на 100, на 200 и даже на 300%. Возвышение нравственного уровня народа, уважение к чужой личности и собственности, уменьшение пьянства, возвышение трудолюбия и настойчивости в труде, пожалуй, дало бы еще более осязательные результаты...

Принижение Церкви и лишение ее материальных средств едва ли повысит народную нравственность, а без этого никакие земельные прирезки не создадут народного благосостояния.

Это создано во всех государствах Западной Европы; там нигде не подрывают сил Церкви и просветительного влияния религии. Нигде в Европе не найдете духовенства более бедного, чем в России; думский же законопроект хочет сделать его совсем нищим. Нередко в европейских странах мы видим и церковные имущества: в Англии и Венгрии *относительно* их даже гораздо больше, чем в России. Это, заметьте, в культурно-правовых государствах.

Думские законопроекты с роспуском Государственной думы, конечно, пока потеряли свою силу... Тем не менее, мы подвергли их разбору, имея в виду не практическое осуществление их в данное время, а их принципиальную сторону. С этой точки зрения и высказанные нами суждения, полагаем, имеют значение не минутное и частное, а общее и постоянное.

Для полноты суждения приводим в подлиннике законопроекты Государственной думы.

1. Основные положения законопроекта о свободе совести

1. Каждому гражданину Российской империи обеспечивается свобода совести. Посему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от вероисповедания, и ни-

кто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры.

Примечание. Все узаконения, ограничивающие гражданские и политические права лиц, принадлежащих к тем или иным вероисповеданиям, отменяются.

2. Все существующие и вновь образующиеся в Российской империи вероисповедания пользуются в одинаковой мере свободой богослужения и отправления религиозных обрядов, а также проповедования и распространения своих учений, *поскольку при осуществлении этой свободы не совершается деяний, предусмотренных общими уголовными законами.*

3. Никто не может быть силою государственной власти принужден принадлежать к какому-либо исповеданию, или исполнять обязанности, вытекающие из принадлежности к какому-нибудь вероисповедному обществу, или совершать религиозные действия, или участвовать в обрядах какого-нибудь вероисповедания.

4. Никто не может отказываться в силу своих религиозных убеждений от исполнения гражданских или политических обязанностей, кроме случаев, точно в законе указанных.

5. Всякий, достигший 17-летнего возраста, может выйти из состава вероисповедного общества, к которому он принадлежит; несовершеннолетний, не достигший сего возраста, воспитывается в том вероисповедании, в коем пожелают его воспитывать родители.

Примечание. В случае, если родители принадлежат к различным вероисповеданиям, от их соглашения зависит выбор вероисповедания, в коем воспитываются их дети. Если такового соглашения достигнуто не будет, дети мужского пола воспитываются в исповедании отца, дети женского пола – матери.

6. Особый закон определяет порядок ведения актов гражданского состояния.

7. Особые узаконения определяют преподавание вероучения. Эти узаконения не должны противоречить началам *свободы и равенства* вероисповеданий.

II. Объяснительная записка

Основным государственным законам Российской империи принцип свободы совести *не чужд*. «Свобода совести, — гласит он, — присвоается не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам, язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего различными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование российских монархов и моля Творца вселенной, да умножит благоденствие и силы Империи».

Точно так же и свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных вероисповеданий (XI, 3) гласит, что «первенствующая и господствующая вера в Российском государстве есть христианская, православная, кафолическая, восточного исповедания. Но и все не принадлежащие к этой Церкви подданные государства и иностранцы, в оном пребывающие, пользуются повсеместной свободой отправления своей веры и богослужения, причем свобода веры присвоается не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам».

Однако этот великий принцип не нашел себе осуществления в законодательных нормах и тем более *в практике* государственного управления. Напротив того, несомненно, долгие годы Россия жила под режимом несвободы совести. В вышеуказанном своде учреждений и установлений духовных дел иностранных исповеданий прямо оговорено, что *право распространять свое вероучение предоставлялось одной Православной Церкви*. Духовные и светские лица прочих христианских исповеданий строжайше обязаны не прикасаться к убеждениям совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовном законе установленным. Даже переход из одного иностранного христианского исповедания в другое можно было совершать лишь с разрешения министра внутренних дел. Мы не упоминаем здесь ни о специальном законодательстве по поводу отдельных христианских и нехристианских исповеда-

ний, ни о законодательстве, имеющем в виду раскольников и сектантов. Но если таков был закон, то деятельность администрации в этом отношении шла несравненно дальше. Едва ли какое-нибудь из инославных исповеданий не подвергалось особым административным ограничениям, а на некоторые воздвигалось настоящее преследование.

Последствия этого режима слишком известны. В народной совести это отношение власти к делам веры вызывало глубокий соблазн. Среди различных народностей, населяющих Империю, ограничение того, что является интимным и драгоценным достоянием, вызвало острую враждебность, колебало самые основы национального мира и наносило великий вред общественной крепости и мощи. С другой стороны, и Православная Церковь, пользующаяся внешним привилегированным положением, но сдавленная государственной опекой и не обладающая той свободой, которая есть «единое на потребу» для носительницы религиозной истины и преемства вероучения, – Православная Церковь только страдает от этого режима, отнимающего у нее возможность нравственного воздействия и авторитет.

Навстречу настойчивым желаниям, происходившим из различных общественных и национальных групп, исходившим и от служителей самой Церкви, пошло, наконец, и правительство. Уже в Указе Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 года верховная власть признала неотложным «для закрепления выраженного в Манифесте 26 февраля 1903 года¹ неуклонного душевного желания охранять освященную Основными законами Империи терпимость в делах веры подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном

¹ В Манифесте от 26 февраля 1903 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» впервые было объявлено о веротерпимости. Указ Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 г. и особенно Указ Правительствующему Сенату от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» во многом лишили Российскую Православную Церковь господствующего положения в стране.

порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного стеснения». Эти начала получили более подробное развитие и в Указе Правительствующему Сенату 17 апреля 1905 года; согласно ему, переход из православного в другое христианское исповедание отныне не преследовался и не влек за собою каких-нибудь невыгодных в отношении личных и гражданских прав последствий, причем «отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало»; рядом с этим устранялись исключительные законы против раскольников: отныне раскольники и сектанты приравнялись с лицами других инославных исповеданий. Наконец, Указ разрешил преподавание вероучения на местном языке и поручал его предпочтительно лицам, принадлежащим к духовной иерархии данного исповедания, и обещал пересмотр законоположений о магометанах, ламаитах и язычниках.

Высокие начала, положенные в основу Указа 17 апреля и приветствуемые всей Россией, не получили, однако, надлежащего осуществления. Слишком глубоко укоренились бюрократические традиции и в ведомстве православного исповедания, и в управлении иностранными исповеданиями. Сверх того, во многих частях России, где религиозный вопрос сплетается с политическим и национальным, местная административная власть не считала возможным лишиться себя средства, которое в ее глазах было крайне могущественно в политическом смысле, и признать право свободного перехода из православия в другие исповедания; в особенности это относилось к *переходам в католицизм* среди обитателей различных губерний Западного края и Царства Польского. Итак, Указ 17 апреля не дошел в утверждении принципа религиозной терпимости до конца: допуская переход в неправославные исповедания, он *не разрешил*, однако, этим последним *свободного распространения своих вероучений*, которое по-прежнему принадлежало лишь Православной Церкви. Наконец, он ничего не говорил о *праве не принадлежать ни к какому исповеданию* – праве, которое

очевидно *входит в последовательно проводимый принцип свободы совести*. Очевидно, как с ним несовместимо принуждение – прямое или косвенное – к принятию какой-либо религии, так несовместима и принудительная религиозность вообще.

В великий день 17 октября возвещалась непреклонная воля Монарха «даровать населению незабываемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы слова, собраний и союзов». К сожалению, и здесь последующие законодательные постановления не остались верны духу Манифеста 17 октября: так, закон 14 марта 1906 г. о введении в действие нового уголовного уложения для преступлений религиозных, за исключением некоторых поправок в законодательство о раскольниках, в общем стоит на почве Уголовного уложения 22 марта 1903 г. и далеко не соответствует принципам Указа 17 апреля и тем более Манифеста 17 октября. Задача введения религиозной свободы в России осталась невыполненной.

Исполнение этой задачи является первой обязанностью первого народного представительства. И среди этих форм свободы одною из важнейших является свобода совести. Лишь полное ее осуществление может восстановить то доверие и нравственную связь отдельных народностей, без которых невозможно процветание, благоденствие и мощь России, невозможно поднятие авторитета Православной Церкви, невозможно умиротворение народной совести. Именно здесь менее, чем где-либо, возможны полумеры и компромиссы, менее всего допустимы ограничения для всякого русского гражданина оставлять старое и выбирать новое исповедание, согласно велениям своей совести, исполнять религиозные обязанности не общегосударственные, участвовать в культе и распространять то, что ему предписывает разум и совесть. Такая свобода может повести лишь к нравственному обновлению России, *к укреплению в ней религиозного чувства*, к водворению в ней взаимного согласия и мира.

Аграрная комиссия Государственной думы приняла первый пункт аграрного законопроекта в следующей редакции:

«Для расширения площади землепользования трудового земледельческого населения обращаются пригодные для сельскохозяйственного промысла земли: а) казенные, удельные, кабинетные, *церковные и монастырские*; б) в порядке принудительного отчуждения земли *учреждений* и частновладельческие».

Царь, Россия и война¹

Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии; аще не Господь сохранит град, всеу беде стрегий.

(Пс. 126, 1)

Это, братие, исповедание древнего царя, избранника народа, «царя по сердцу Божию». Полное религиозной веры, полное глубочайшего смирения и всецелой преданности высшему, Божьему мироправлению, оно разделялось всем его народом и передано, волею Духа Божия, в завет и руководство народам грядущих времен на веки вечные.

Глубоко напечатлел в своем сердце этот завет наш русский народ и с трогательною верою, с полным послушанием урокам небесной мудрости осуществил его и в частной жизни, и в своем тысячелетнем государственном строении. Наглядный тому показатель — это благочестивый обычай на Руси всякое дело начинать молитвою; наглядным тому показателем служит и наше нынешнее молитвенное собрание; но в особенности, но главное и величественнее всего таким показателем является событие священного помазания Царя нашего на царство, которое сегодня воспоминает, торжествуя, вся великая и Святая Русь.

Ибо что такое священное торжество царского коронования, как не яркое проявление религиозной идеи, всецело про-

¹ Слово в день священного коронования Их Императорских Величеств 14 мая 1904 г. Сказано в Тифлисском военном соборе при священнослужении Экзарха Грузии. — *Прим. авт.*

никающей русскую государственность? Что такое священное коронование Царей, только в одной России сохранившееся во всем внешнем величии своем и во всей глубине сокрытого в нем смысла, как не всемирное исповедание русского воззрения на Царя, выраженного метким народным словом: «Царь – от Бога пристав»? Что это, как не торжественное выражение глубоко христианского верования, что царство земное должно быть воплощением и осуществлением вечных планов, задач и законов Царства Божия, Небесного? Когда Царь приемлет избрание и помазание от святого, когда власть, силу и державу приемлет он не от людей, не по жалким и шатким договорам с ними, а от Бога, тогда самая власть получает характер религиозно-отеческий, т.е. изначальный и существенный вообще для власти; тогда и отвечает Царь и царство пред Богом; тогда между законом Божиим и законом царства не может быть противоречий; тогда самое государство принимает характер религиозно-нравственный, сливаясь с Церковью, ибо законы Бога суть правда и святость.

Велико значение этой религиозной идеи, ясно сознанный и последовательно осуществляемой в жизни и исторической деятельности народа. Она освещает ему жизнь яркою путеводною звездою; она осмысливает его прошлое, его настоящее; она дает ему мерило и руководство для определения будущего. Но как в жизни отдельных личностей бывают моменты, когда сознание высшего религиозного долга и высшего призвания проясняется и вспыхивает особенно ярко в человеке и становится повелительною силою, руководящею его в жизни и деятельности, властно определяющею его поведение в данный момент, так и для целого народа, для целого государства бывают особо величественные моменты жизни, когда пред народом открывается величайшее дело, величайший подвиг, правильное разрешение и исполнение которого возможно только при ясном сознании им своего высшего мирового Божьего призвания и религиозно-определенного долга. Тогда исторический долг народа повелительно определяет ему поведение, и он не может отступить от высших велений,

какого бы труда, напряжений и жертв ни потребовал от него подлежащий ему подвиг: пред ним меркнут и отходят на второй план все прочие интересы жизни.

Но спросят: все ли ясно понимают эту религиозную идею народа, все ли сыны его ясно представляют свое мировое высшее призвание? Конечно, не все. Но как в теле принято относить разумно-сознательную работу к голове, которой как бы повинуются прочие члены, так и в народе: представители его мысли и жизни, его вожди должны сознавать и особенно в выдающиеся моменты истории должны исповедовать делом и словом призвание народа и им руководиться. И как в теле многое, и притом самое важное для его жизни и благополучия, совершается бессознательно или малосознательно, как в жизни тела часто и притом безошибочно действует врожденный и Творцом вложенный в человека могучий жизнеохранительный инстинкт, так и в народе: многое он понимает, не умея только выразить этого ясно и точно, а ко многому он стремится в своей исторической жизни, руководясь не ясно созданными целями, а смутным чувством, безошибочным инстинктом, воплощенным в народные предания. Определить и уяснить себе такое движение народа можно только в исторической перспективе; с этой именно точки зрения, при взгляде назад, на пройденный Россией тысячелетний путь, становятся ясными и разумными, планомерными и целесообразными величественный ход и движущие начала ее жизни: Киев, Новгород, борьба за северные реки и южные степи, путь к Черному и Белому морям, походы в Цареград чрез «Русское» море, Волга, Ока, Вятка, Казань и Астрахань, Урал и Сибирь, Кавказ и Крым, – и эта загадочная, таинственная тысячелетняя тоска песни преданий и мечтаний народа, живущего на суше, о синем море, эти порывания к дальнему морю-океану... Здесь намечен нами только внешний рост России, указано только средство, данное ей свыше для достижения призвания неизмеримо важнейшего; оно – в утверждении Царства Божия по пути всего этого великого движения от берегов Днепра и Ильменя до берегов всех морей и океанов; оно – в водружении Креста и проповеди Евангелия, по заве-

ту Спасителя, до последних пределов земли (Деян. 1, 8). Призвание это, мировое и великое, — наша честь и слава, и наше нравственное право на бытие, но оно вместе с тем тяжкий долг наш пред Богом и человечеством; оно выстрадано русским народом, полито его кровью, потребовало много тяжких жертв и, конечно, потребует много этих жертв и в будущем. Оно обвещано его поэзией, его ясновидящими преданиями, мистическими предчувствиями. От него мы не можем, не смеем, не в силах отказаться: это было бы не только позором, не только изменою высшему предназначению и Царству Божию, но и отказом от самого нашего бытия.

Повторяем: бывают моменты в жизни народа, когда его призвание выступает пред ним особенно ярко и властно, когда религиозно определенный долг народа поставляет его пред великим и тяжким подвигом. Такой именно момент переживаем мы теперь, в настоящее время войны на Дальнем Востоке, к которой приковано все наше внимание, и думы дня, и видения ночи... Религиозная идея царства нашего, столь величественно выраженная в священном помазании наших царей, высшее предназначение России и ее исторический долг — вот чем должны теперь определяться все наше поведение, наши помыслы, взгляды и настроения. Пред этим мерилom мысли и жизни пусть умолкнут голоса трусости и малодушия, презренные вопли и шепот злоречия и шипящей сплетни, что иногда омрачают, к сожалению, благородный подъем народного духа в наши дни.

Мировое призвание России определяет цену нынешней брани. Не будем много говорить о том, что мы не начинали войны и что в своих непосредственных отношениях к Японии Россия никогда и ничем ее не обижала, ничего у нее не отнимала.

Но спросим: кто и с кем воюет? Россия прожила тысячу лет и за это время много поработала для всемирного блага и общечеловеческого счастья: сломила восточное варварство; спасла от разгрома европейскую цивилизацию, заслонив собою нашествие диких орд; освободила православный Восток, подавила истребительный разлив мусульманского фанатизма;

дала политическое существование не одной народности, образовала Империю, в которой нашли себе жизнь и покой множество племен, прежде занимавшихся взаимным истреблением; наконец, на огромном протяжении территории, равной 1/6 всего света, она насадила порядок блага, культуры и мирной жизни, основанной на христианстве, воспринятом в самое существо народного русского духа. Что же сделала Япония для мира? Существует она, если верить ее кичливым историкам, целых три тысячи лет, и что же, кроме горя, слез и страданий, принесла она всем, кто имел несчастье с нею соприкасаться?

И мы воевали, но наши войны все были идейными, а японские войны для Кореи и Китая были только разбойничьими набегами. Теперь Япония тянется к мировой роли и нескрываяемо ищет приобрести для себя мировое значение. Но ведь такое значение основывается и вырастает не на власти, а на жертве; его надобно *выстрадать*, чтобы приобрести на него право нравственное, а не насильническое. За кого же в этой брани может стать мыслящий и честный человек, кто будет прав пред лицом Бога и истории? Неужели права будет Япония, и только за то, что в течение последних 30 лет она, в дополнение к азиатскому коварству, овладела верхушками европейской цивилизации, переняв из нее тайну стрелять хорошо из пушек и подводить разрушительные мины?

Религиозная же идея дает смысл и нашему патриотизму, нашему воодушевлению, дает смысл и жизни, и смерти наших воинов. Удивительно, как в великие моменты истории ярко вдруг сказывается основной тон жизни народа. Царь напутствует молитвою и св. иконами отправляющиеся на брань войска. Народ во всех своих сословиях не нашел иных способов выразить свои благожелания главным вождям армии и флота, как поднесением им таких же религиозных символов. В геройском морском бою на палубе судна видим мы священника, не отходящего от места, где рвутся снаряды, где льется кровь и носятся грозные тени смерти, и с иконою в руках благословляющего умирающих. На судне, где погиб с дружиною верных сподвижников главный вождь наших морских сил,

гибнет вместе с другими и служитель Церкви¹. В страшном неравном бою на суше во главе геройского полка также идет священник, бестрепетный, решительный, сознательно приготовившийся к смерти молитвою, и несет пред лицом воинства Животворящий Крест Господень. Наш солдат умирает спокойно и величественно, и сами враги свидетельствуют о нем, что он терпеливо переносит все муки, и в последние минуты жизни его коснеющие уста шепчут молитву, а глаза устремлены к горнему небу. Что может противопоставить Япония этому святому воодушевлению? Храбро сражаются ее сыны и бесстрашно умирают: но что, какая высшая сила осмысливает этот патриотизм? Ведь патриотизм имеет смысл и нравственное значение лишь в освещении и освящении религиозной идеи и в сознании высшего Божьего призвания Отечества; вне этого он не выше простого зверства и самого обыкновенного грабительства и себялюбия. И неужели смерть того японца, который, видя неминуемую гибель своего судна, закурил сигару на виду у врагов и так погрузился в волны морские, — неужели эта бравада и рисовка пред вратами вечности выше христианской смерти русского солдата, который освящает себя великими таинствами покаяния и причащения, надевает чистую рубаху, крест — благословение матери и с крестным знаменем, с верою в правоту своего дела и в жизнь небесную оставляет жизнь земную?

Религиозная идея и сознание мирового призвания России должны определять теперь и наше настроение, и наше отношение к войне и военным известиям. Только в свете этих руководящих начал мы найдем силы для терпения, мужества и спокойствия. Всего бывает на войне, и она не обходится без жертв и неудач. Но великий народ способен выслушать и горькую правду; его сила — в спокойствии и терпеливом ожидании,

¹ 31 марта (ст. ст.) 1904 г. близ Порт-Артура подорвался на mine броненосец «Петропавловск», на котором находился командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Степан Осипович Макаров (1848–1904). Во время взрыва погибло 650 человек — офицеры, матросы, два врача, знаменитый художник-баталист В. В. Верещагин; среди погибших был и корабельный священник иеромонах Алексей (Раевский).

вытекающих из веры в правоту и торжество своего дела и в Божье благословение. Не за военными лаврами, не за добычею посылает теперь Царь свои войска на дальнюю окраину России, а для того, чтобы защитить Отечество от коварного нашествия врага и, если нужно, умереть за него. И не своей славы ищет Россия, а славы Бога и Христа Его: «Не нам, не нам, а имени Твоему даждь славу», – взывает она словами древнего царя-молитвенника (Пс. 113, 9).

Поэтому нам не нужны, как детям или больным, ложные подбадривающие известия; нам не страшны должны быть никакие неудачи войны; в наших сердцах не место малодушным опасениям за судьбы Отечества, если только мы веруем в Бога, в Россию, в религиозный и освященный в святом помазании союз Царя и народа и в мировое призвание нашей великой Родины. И смотрите, как сказалось все это на наших глазах. Минувший третий месяц войны был полон для нас тяжких потерь. И что же? В эти пережитые нами безрадостные дни люди, по преимуществу холодные к вере и Церкви, не имеющие связи с народом, – они-то и потеряли голову, нервничали, преувеличивали опасности, сочиняли нелепые вести и сами им со страху верили... Но «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»¹. Величаво спокоен наш верующий народ. Он готов принять безропотно ниспосланное нам Провидением испытание, он готов до конца исполнить долг свой в тех именно условиях, в каких застала нас война, никого не осуждая, не ища злобно виновных, не теряя присутствия духа, – а засим все предать воле Божией; он верит, верит глубоко, что «Господь крепость людям Своим даст, Господь благословит люди Своя миром» (Пс. 28, 2).

Возлюбленные братья, сыны России! Утвердимся в этих мыслях и чувствах и станем ныне все с нашими молитвами и с горячею любовью около Царя нашего, на плечи которого выпало теперь тягчайшее бремя войны! Возложим упование на Господа, тысячу лет хранившего нашу верующую Россию. «Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии, аще не Господь сохранит град, всеу бде стрегий»... Будем же верить,

¹ Строка из поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

что недаром Господь создал дом нашего царства и охранял его грады! Будем тверды и спокойны, будем исполнены веры в правоту нашего мирового призвания, нашей государственности, нашей нынешней брани, и в союзе с боговенчанным Царем нашим, при Божьем благословении, нам дано будет и видеть, и принять участие в совершении великого народного дела: станет наша Родина на высоте своего великого, Богом указанного призвания, водрузит Русь Святая Крест Господень над языческим знаменем восходящего солнца, как некогда водрузил его народ наш над мусульманским полумесяцем.

«И будет в день оный» народ святорусский «возстанет владети языки; на того языцы уповати будут, и будет покой его – честь»... (Ис. 11, 10) Аминь.

Спасение Царево¹

Бог-Господь и осиял нас. Вяжите вервями жертву, ведите к рогам жертвенника!

(Псал. 117, 27)

Таково первое проявление чувства благодарной к Богу и торжествующей радости, по случаю спасения Царя и Семьи от грозившей им опасности на море.

Древний Царь-псалмопевец указал такой радости путь ко храму и жертве. И наше чувство ныне разрешается в молитву. Спасенный Царь словами древлеспасенного святого и боговдохновенного царя Давида может сказать о Себе:

«Господь за меня, не утрашусь; что сделает мне человек? Господь – сила моя и песнь; Он соделался Моим спасителем. Глас радости и спасения в селениях праведников: десница Господня творит силу» (Пс. 117, 6, 14–15).

¹ Речь на благодарственном молебствии по получении известия о спасении жизни Государя Императора и Царской семьи 29 августа 1907 года. Сказана 31-го августа в церкви Епарх. дома в собрании патриотических содружеств города Москвы. – *Прим. авт.*

И вот, русские люди, сердцем живущие с Царем, болеющие его печальми и радующиеся его радостью, ныне во храме, в молитве радости и благодарения. Пусть в селениях нечестивцев теперь уныние или злорадство, смятение или черные замыслы и низкие, злобные намерения: если их ничто не образумит, ничто не смягчит, ничто не обратит к истине, даже сила свыше, то это значит, что они пришли в состояние сатанинское. Но в селениях праведных – глас радости ныне и глас спасения!

Пройдет, однако, час этой безотчетной, невольной, захватывающей радости, и наступить должно время раздумья, время испытания судеб Божиих и даваемых нам свыше уроков. Какие это судьбы, какие уроки?

Не будем омрачать этих святых минут сомнениями и недоумениями: что произошло? Небрежность ли здесь, преступная и позорная, которой нет имени, или здесь – новый злодейский замысел? Как могло случиться, что Царя с Семей отправили по неисследованному морскому пути? Как оказался не знающим пути лоцман? Что это значит, что даже Царя, это драгоценнейшее и единственное сокровище России, не могут окружить в пути покоем и безопасностью? Все это вопросы, которые просятся в сознание, но на которые теперь, пока нет точных известий, мы не можем ответить. И не будем ими омрачать переживаемых радостных мгновений. Лучше для себя мы услышим ныне уроки.

Они все истекают из того чувства единения Царя с народом, которое так живо и неистребимо в сердце каждого верного подданного.

Опять и опять спасен наш Царь!.. Итак, жив Господь наш, и жива и действенна Его десница, жив Его недремлющий Промысл! Значит, не унывать должно русскому человеку и при виде страданий России. Господь близ, Господь не попустит России погибнуть или пострадать без надежды выполнить страдания радостными успехами и крепостью царства, без надежды страданиями совершить свое мировое призвание.

Промысл Божий, что хранит и хранил не раз Царей наших, сохранит, укрепит и Россию!

Спасенный еще раз от смертной опасности, Царь наш становится для нас бесконечно дорогим, бесконечно возлюбленным. Он – живое напоминание Промысла, бодрствующего о России; он – живое воплощение милости Господней к нам; он – носитель судеб России; он – орудие Божьего о нас смотра.

Окружим его любовью и преданностью еще более, чем прежде! Спросите: разве теперь у нас нет этой любви и преданности? О, нет, мы любим его, мы преданы ему, но в жизни и делах людей нет ничего хорошего и доброго, что не могло бы быть еще лучше, еще выше. Окружим Царя спасенного и Божьею милостию знаменанного благоговейным почитанием! И будем самоотверженно до конца наших сил, до конца наших дней служить России и Монарху, исполнять царские предначертания, вместе с Царем работать над созиданием и укреплением блага русского народа!

Отрадно и радостно такое служение под святым знаменем силы высшей – силы Божественной Милости и Божественного Всемогушества.

Ибо Бог-Господь осиял нас; Он дал глас радости и спасения в селениях праведников...

Слыши, земля Русская, и внимлите, народы: десница Господня творит силу! Аминь.

Русские знамена¹

Острие стрелы! Наполняйте
колчаны! Против стен Вавилона
поднимите знамя!

(Иерем. 51, 11–12)

Гремит и донныне в слухе всех сынов веры это слово пророка Иереми. Пророк был пламенным ревнителем Божией

¹ Речь при освящении знамен-хоругвей патриотических организаций в Москве, в праздник Входа Господня в Иерусалим, 15-го апреля 1907 года. – *Прим. авт.*

истины, пламенным патриотом, любившим свою Родину и свой родной народ любовью крепкою, как смерть. Всею силою и глубиною скорби скорбел он о пагубном пути греха и отступления, который избрали его соотечественники, плакал о гибели Иерусалима, но среди слез и стенаний он провещал о его светлых днях, об отрезвлении народа, о возвращении его к основам своей богопреданной веры. Всею глубиною скорби скорбел он о том, что Родина его подпала игу чужеземному, и от рек Вавилона слышал он чутким любящим сердцем вопли и стоны плененного народа.

Давно Вавилон стал образом всякого духовного растления и блуда, нечестия, порока, отступления от Бога и богопротивления, и давно борьба с ним – это образ непрестанной борьбы и войны духовной. Давно плен евреев и плач их на реках вавилонских служит образом духовного плена и гибели всякого народа, забывшего Бога, изменившего вере, погибающего в увлечении всем чужеземным, отказавшегося от основ, завещанных своей историей, от основ своего религиозного и народного быта.

Верным сынам народа всегда предстояла борьба против такого Вавилона, – борьба, нередко стоившая им жизни, как это мы видим на примере того же замученного пророка Иеремии. Но ничто и никогда не могло остановить их мужества, их ревности, их воодушевляющего призыва: «Поднимайте знамена против стен Вавилона!»

Страшно и опасно переживаемое нами положение нашего родного русского народа. Пришли языцы в достояние его, осквернили его святое святых, оклеветали и унизили все нам родное, дорогое и близкое, пролили кровь верных сынов его, как воду: они селятся отнять нашу веру, раздрать Россию по частям, замутить ее внутренними раздорами классов и сословий, обессилить умалением царской и всякой правительственной власти, понизить и уничтожить наше народное самосознание, надругаться над всем нашим прошлым, сделать народ наш бездомным бродягой без истории, без Родины, развратить его духовно, обезверить, обратить в блудный

и растленный Вавилон, в сплошное царство бессовестности и разврата, предать его в плен чужеземный, на реки Вавилона, заглушить самые стоны и рыдания наши в уготовляемом тяжком пленении. Как дикие коршуны, сторожат враги России смертный час ее в единении с нашими домашними иудами, что от нас изыдоша, но не беша от нас.

Видят это верные Богу, Царю и Родине русские люди; видим мы и сознаем, видим и ужасаемся, но не теряем ни веры, ни бодрости, твердо уповаем на победу, твердо идем на борьбу, знаем всю ее тяжесть, но не откажемся от нее до смерти. И во образ этой страшной брани, во образ нашего единства, сооружаем мы теперь по всей России свои особые знамена-хоругви. Говорим с Царем-псалмопевцем: *во имя Бога нашего поднимем знамя* (Пс. 19, 6); слышим призывный клич пророка: *острите стрелы, наполняйте колчаны; против стен Вавилона поднимите знамя!* (Иерем. 51, 11–12.); по Слову Божию, *будем стоять на своем месте при знаменах своих* (Числ. 2, 17). В знаменательном совпадении дней церковно-праздничных сегодня мы освящаем наши знамена в Москве, в сердце России, – в день, когда слышим торжествующую песнь церковную, в которой мы, верующие, изображаемся, яко отроцы, *победы знамения носяще...*

Пусть будут и наши знамена – победы знамение носяще! Да будут они во главе верной дружины борцов за веру, Царя и русский народ, и да будет дружина наша, по Слову Божию, для врагов *грозна, как полки со знаменами* (Песн. 6, 4).

Нас пугают самым именем знамен. Не убоимся! Не страшно это имя, а вожделенно нашему сердцу. Поднимаются против знамен наших лицемерные обвинения, ползет низкая клевета. Нам говорят обвинители: «Вы строитесь дружинами для погромов, для насилий, для крови; знамя ваше – знамя междоусобия и раздора». Кто это говорит? Говорят те, у кого души и руки в крови убитых десятков тысяч неповинных жертв революции, в крови тех убиенных ревнителей патриотизма в разных местах нашей Родины, тех мучеников долга и верности, которых мы сейчас только поминали заупокойною

молитвою. У этих обвинителей насилие и ложь – правило жизни, низость и предательство – правило борьбы, клевета, террор с тайными убийствами – излюбленные способы и орудия достижения целей. Это они избili в последние три года свыше 36 000 верных слуг Царя и Родины и случайных жертв бомб и покушений, без различия пола и возраста; это они, якобы мирные деятели, идут на людей власти и достатка с песнями: «бей, губи их, злодеев проклятых»...

Нет, не страшны, а почетны обвинения и ненависть этих фанатиков-изуверов. Их злоба, ненависть и клевета, это – исповедуемое ими *признание нашей силы*. Против ничтожества не пошли бы с таким бешеным озлоблением! Страшна им вечная сила веры; страшно для них наше патриотическое воодушевление; знают они, что рано или поздно, но неизбежно и непременно на него отзовется сердце народа и сметет их паутину обмана, разоблачит их предательство. Страшно для них сознавать, что мы являемся хранилищем религиозного и патриотического чувства и народного самосознания, – и вот силятся они убийствами, клеветою и всеми видами преследований рассеять и ослабить дружину верных. Ненавистны им наши знамена, как образ и показатель растущей нашей силы и растущего единения.

Новую клевету возводят они на верных. «Ваше знамя, – говорят они, – знамя застоя, знамя прошлого, а не будущего, знамя рабства и насильнического режима, который вместе с вами отстаивают из себялюбивой выгоды нечестные власти-тели, капиталисты и земельные собственники; бедный народ не идет и не пойдет за вашим знаменем». Клевета на нас, клевета и на народ! Где же среди нас люди власти? Их нет. Где нам хотя бы особая, усиленная защита от убийств и убийц? Ее нет на нашей стороне; видим, напротив, великое старание власти отыскать виновных в тех единичных случаях, где есть хоть тень подозрения в том, что убийство совершено со стороны русских патриотов. И мы не осуждаем такого старания; мы говорим, что если убийцы из числа русских патриотов, то они поступили против нашего исповедания, действовали

от себя лично, а не от имени патриотических союзов; мы высказываемся против всякого насилия; мы бы хотели только видеть такое же усердие власти в раскрытии и каре преступлений во всех 36 000 случаев убийств, совершенных нашими обвинителями и противниками, которые так усердно заподозревают нас в погромных и кровавых намерениях.

Где, далее, среди нас капиталисты? Еврейские банки и деньги не у нас в услужении; заграничные пособия и японские, ныне вполне и неопровержимо доказанные, подкупы не мы получали. Где же русские капиталисты? Их среди нас нет; биржевое купечество не нам открывает кассы, не нам дает пособия на газеты... Немногие состоятельные люди, что пришли к нам, пришли по влечению сердца, пришли после великих скорбей и неприятностей, которым не перестают подвергаться и доньше за свою принадлежность к патриотическим союзам. Это одно уже ясно показывает, что они – честные, прямые, убежденные люди, а не своекорыстные защитники прав капитала под видом патриотизма. Сколько разоренных погромами и грабежами русских людей! Но ни один еврейский банк не ограблен, ни один дом богачей, откупившихся деньгами от революционеров, не тронут...

Крупные земельные собственники – где они среди нас? Не к нам они ушли; чужебесие и своекорыстие заставляют их, напротив, старательно обегать нас и искать поддержки там, где они чувствуют силу, принимая за силу наглость, бесстыдство и неразборчивость в средствах. Если есть немногие землевладельцы в нашей среде, то о них можно повторить буквально то, что сказано нами о людях богатых.

Кто же с нами? Огромное большинство наших единомышленников – простой народ, с которым в наших союзах и собраниях в простоте и любви соединяются и люди богатые, и люди знатные, – ибо одна у них религиозная вера и одна преданность Царю и Родине; наши единомышленники – это по преимуществу люди малообеспеченные и бедные, люди, живущие трудом, – те самые, во имя блага которых стараются наши противники, бросая бомбы и совершая убийства, обессиливая

правительство и обливая грязью и клеветой все русское, все верное, все примкнувшее к патриотическому движению. Беден наш народ, нуждается он и в земле, и в хлебе, и в материальном обеспечении, но он знает, что кроме сокровищ хлеба и благ земных, которыми соблазняют его враги государства, переманивая на сторону бунта и измены Родине, есть иное, нетленное сокровище духа, которого он не продаст, пред которым все сокровища мира – чечевичная похлебка. Нуждается народ наш, желает он *всеми мирными, законными и справедливыми* путями, но не путем насилия и крови, *улучшить свое положение*, – и к этому стремятся в своей деятельности наши патриотические союзы, – но он и то знает, что не о хлебе едином жив будет человек. Слишком низко думают о народе-христианине, о народе-богоносце, если полагают, что за обещания земли и хлеба, и притом несбыточные, в которые может поверить лишь глупый или ребенок, народ наш продаст и веру, и Царя, и Родину, и себя самого отдаст в рабство.

Нет, не рабство возвещает наше знамя, – а *свободу Царя и народа*, свободу жить и строиться по вечным законам веры, по дорогим и родным для нас русским началам государственности, покоящимся на взаимной любви и единении классов и условий, а не на животной, принижающей и губительной, борьбе.

Нет, знамя наше – не застой жизни, а правильное и непрерывное движение вперед живым ростом живого организма, опирающегося в корни прошлого, не порывающего связей с этим прошлым. Ломка, разрушение старого в живом теле невозможны, как невозможно живому взрослому человеку вычеркнуть из своей жизни юность и молодость, как невозможно тело перерезать пополам и ожидать, что оно чрез это усилит свою жизнедеятельность.

И не поражение и смерть несет наше знамя. Оно – знамение победы, оно – знамение будущего. Мы молим, мы просим, мы жаждем победы, и она будет нашим счастливым уделом. Поручкою – Святой Крест на знаменах наших; и крест из знамения позора обратился в знамение славы; поручкою – изображения на наших знаменах и с ними сила невидимая

Господа Спасителя, Его Пречистой Матери, Его угодников, просиявших верою и любовью к Отечеству Небесному и земному; порукою – великие и патриотические воспоминания, соединенные с нашими знаменами; одно из них – снимок и копия знамени доблестного князя Пожарского¹, великого патриота, великого борца за угнетенную Родину.

Не насилие, не кровь, не погромы несут наши знамена. Мы – мирные борцы. На брань кровавую мы пойдем не в падении, а лишь в защите наших святынь, в защите целостности и бытия нашей Родины, если на них, по действию сатаны, будет сделано покушение врагами. Мы пойдем тогда умирать, а не убивать. А до того времени наша борьба – мирная борьба.

Будет нам победа над неверием и глумлением, над жалким обманом народа, над призывами к бунту и измене, над злыми призывами к отпаду от наших исторических русских начал жизни, над усилиями лишить русский народ его мирового значения и самостоятельной жизни. Будет нам победа над слепотою душ, над подкупом фраз и золота, над гнилою и фальшивою мишурой «освободительного» движения, связавшего себя с подонками улицы, с рванью и с чернью, которых оно выдает за народ, с пьяницами, бродягами, с грабителями и убийцами – со всеми теми, для кого нет ни Бога, ни совести, ни чести, ни закона, ни Родины.

Тяжкая наша брань. Поэтому велико значение нашего знамени. Но под ним нам видится иное, вековое и неземное, знамя: «Се лежит Сей», – сказано о нем, – «се лежит Сей на падение и на восстание многим во Израиле, и в знамение *пре-рекаемо*» (Лк. 2, 34). Знамя это – Христос. Предречена около Него жестокая брань, из-за Него будут бороться: одни – по желанию Его унижить, другие – из желания Его прославить и сделать основой жизни. Но исход борьбы виден в веках минувших, предугазан и в веках грядущих: Христос – Победитель смерти и ада, Победитель зла. За Него идем против греховного и блудного и богоборного Вавилона, Им освящаемся, Им укрепляемся. Будет наша победа во Христе! Он

¹ Так выглядело знамя Русской Монархической партии.

идет, Он близ, Он с нами. Осанна в вышних! Благословен грядый во имя Господне!

Русские люди! Верные Богу, присяге, Царю, закону и Родине! Против стен Вавилона поднимите ваши знамена! Аминь.

Единство при разнообразии¹

Не скроем, открытие нового русского патриотического кружка имени И. С. Аксакова² вызвало немало толков, недоразумений и даже некоторого недовольства среди московских патриотов. Одни находят это новое учреждение, по крайней мере, бесполезным и излишним; другие готовы опасаться, как бы его открытие не внесло какого-либо разъединения и взаимной розни в среде довольно многочисленных московских патриотических кружков, в существе своем совершенно единомышленных и доселе, слава Богу, столь дружных и согласных. Находят, что деятели нового Аксаковского общества могли бы с удобством и беспрепятственно осуществлять свои намерения и желания в существующих уже и действующих кружках и союзах.

Указав с полною откровенностью и определенно на все эти возражения и недоразумения, я почитаю долгом своего звания и положения сказать по поводу их несколько слов к успокоению и в утешение наших смущенных добрых, уважаемых и многолюбимых единомышленников и друзей.

¹ Речь при открытии в Москве Аксаковского литературного и политического общества, 30 ноября 1907 года. – *Прим. авт.*

² Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), публицист, поэт, общественный деятель, один из лидеров славянофильского движения. Аксаковское литературное и политическое общество было создано по инициативе учеников и друзей И. С. Аксакова: историка, философа и богослова Николая Петровича Аксакова (1848–1909), который был первым председателем Общества; писателя и экономиста Сергея Федоровича Шарапова (1855–1911); поэта и публициста Ивана Федоровича Романова (1861–1913), писавшего под псевдонимом Рцы; государственного и общественного деятеля, публициста Афанасия Васильевича Васильева (1851–1929) и др. Некоторые лидеры Черной сотни обвиняли создателей Общества в раскольнической деятельности и уступках либерализму.

Думается, радоваться нам нужно всякому новому добруму начинанию – и только радоваться. При апостолах случилось, что рядом с ними проповедовали о Христе другие, и проповедовали даже по недостойным побуждениям. Как к ним относились апостолы? В словах святого апостола Павла, которые служат ответом на этот вопрос, мы найдем черты жизни, как бы прямо взятые из нашего времени:

«Узы мои о Христе, – пишет Апостол к филиппийцам, – сделались известными всей претории и всем прочим... И большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью безбоязненно проповедовать Слово Божие».

Не вспоминаются ли нам при этих словах протекшие три года? Гонения на нас, русских православных людей, узы наши и страдания, мужество многих из нас разве не произвели влияния на все претории? Разве не ободрили они слабых и боязливых? Разве не увеличили числа проповедующих наше православно русское исповедание? Но послушаем далее Апостола: «Некоторые, правда, по зависти и любопрению проповедуют Христа нечисто, думая увеличить тяжесть уз моих, а другие с добрым расположением проповедуют Христа. Но что до того? – говорит Апостол. – Как бы ни проповедовали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться» (Фил. 1, 15, 16–18).

Если же так, то можно ли не радоваться возникновению нового литературного и политического общества, о котором никоим образом нельзя сказать, что оно проповедует что-либо «нечисто», ибо оно «имеет целью способствовать уяснению русских духовно-нравственных, национальных, политических и экономических начал на русских исторических основах в духе Христовой веры и русской государственности, занимается (кроме выяснения положительных основ православно-русского исповедания) устной и печатною борьбою со всякими враждебными русскому народному духу, законности и порядку течениями», а своими почетными членами избирает лиц «особо выдающихся, как патрио-

тов, в литературе, общественной и государственной деятельности»? (§§ 1, 2 и 6 Устава)

Как бы ни прекрасен был цветок, он составляет красивый букет не один, но с другими цветами вместе.

И картина становится законченной и художественною, когда она не однотонна, а представляет сочетание различных цветов и красок, с самыми тонкими и разнообразными оттенками.

В деле нашем применимо это сравнение, будет оно касаться идей или даже лиц. Пусть будет одно совершенно совпадающее исповедание; это не исключает ни возможности, ни пользы различия лиц, служащих ему: каждый будет работать в сродной ему области и доступными ему силами и способами, каждый будет вносить в дело свою индивидуальность. Лишь бы истина была единою; лишь бы она познавалась и распространялась любовью, а не злобою: «гнев бо мужа правды Божией не соделоваает»... (Иак. 1, 20) Лишь бы царило в нас «любодружное и благое спешное во изящных». И об этом именно молит Апостол после того, как упомянул о проповеди Христа другими проповедниками: «Итак, если есть какое утешение во Христе, если есть какая отрада любви, если есть какое общение духа, если есть какое милосердие и сострадательность, – то дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единомысленны и единомысленны, ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя» (Фил. 4, 1–3). Терпяще друг другу любовию, честию друг друга творяще – золотые заветы. Записка об открытии вновь открываемого Общества именно и указывает эти вечные нравственно-христианские основы для предстоящей Обществу деятельности. Она заслуживает того, чтобы привести ее главную часть буквально.

«Русское общество за последнее время раскололось на партии и кружки и до такой степени заболело политическим сектантством и нетерпимостью, что всякий обмен мнениями, всякая проверка чужих взглядов, а с тем вместе и *всякое искание правды* и движение вперед совершенно прекратились. Каждое направление, обособившись, вращается в узеньком

кругу партийных взглядов и формул, топчется на месте; отдельные же группы только подогревают себя, невольно все более распложая ненависть к разномыслящим и совершенно останавливая, если не разрушая, умственную жизнь в стране.

Аксаковское литературно-политическое общество является первой попыткой создать совершенно нейтральную почву для *независимого, честного и свободного* обмена мнениями на почве нелицемерной любви к Родине, братства людей во Христе, сознания принадлежности к великой славянской семье, уважения к мнению и снисхождения к заблуждению противника.

Отсюда первая задача руководителей Общества: допуская всестороннее и свободное обсуждение всяких политических, общественных и литературных вопросов, не позволять ни малейшей резкости, останавливать всякое проявление партийного раздражения, твердою рукою поддерживать уважение к чужой мысли и вместе с тем уважение к собранию, объединенному только высоким патриотизмом, духом истинной свободы и смиренным исканием истины, познаваемой единственно взаимной любовью».

Мы глубоко и непоколебимо уверены, что, при полной убежденности нашей в православно-русских началах, нам не страшны никакие возражения. Мы уверены, что велика истина и она превозможет. Мы уверены, что при усердии работы заслуга Общества может быть великою. Больше того, нам думается, что, в духе и силе заветов основоположников нашего славянофильства, оно внесет в дело выяснения, укрепления и защиты наших русских духовных сокровищ – православно-христианской церковности и государственности – нечто новое и в высокой степени ценное.

Позвольте выяснить мысль путем сравнения. Припомним и воспроизведем вкратце воззрения А. С. Хомякова¹ на положение православного богословия в отношении его к западным

¹ Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), поэт, богослов, философ, один из основоположников славянофильства, член Санкт-Петербургской Академии наук (1856). О педагогических взглядах Хомякова см. статью прот.п. Н. Левашева «Семья и школа по А. С. Хомякову» в наст. сборнике.

инославным исповеданиям. Он видел, что наши богословы пользуются чужим арсеналом и оттого малоуспешны: против католиков они борются оружием протестантизма, против протестантов – доводами католиков. Станьте, приглашал он, станьте на высоту православной вселенской истины, для Запада и непонятную, и недоступную, а нам родную и исполненную силы: и вы увидите, что и католичество, и протестантизм – это одно и то же, явления одного и того же порядка, произведение одного и того же духа рационализма и гордыни, как пережитков древнеязыческого мира; то и другое сразу падает при свете православно-церковной истины, верной апостольским и святоотеческим заветам. Вы сильны и могучи, как бы так говорил он, а сами не умеете пользоваться своею силою.

Не то же ли явление наблюдаем мы теперь и в области политической жизни? Пред нами возникли одна за другой различные политические партии и, ведомые самыми разнообразными побуждениями, сталкиваясь одна с другой, оглушают нас шумом взаимной брани. За интересами партий не видно и не слышно ни голоса христианской совести, ни интересов Родины. Все заполнил интерес личный и партийный. В этот водоворот вовлечены и настоящие русские православные люди, искони бывшие на Руси продолжатели и преемники творческой и охранительной работы великих минувших поколений, завещавших нам обширнейшее в мире царство, великий народ с необъятными мировыми задачами. Верные Богу и Православной Церкви; верные Царю с его освященною в Церкви и в священном помазании властью, ограниченному пред Богом и Его законом и не ограниченному никакими временными, условными, измышленными и исшедшими от оземленившихся людей узами и путами; верные своему народу и своему Русскому царству, как Богоданной среде жизненного христианского подвига и поприщу применения и насаждения начал Царства Божия, – они вынуждены были у себя в России отставлять право на свое существование и отражать натиск чуждых и враждебных воззрений, проповедуемых различными нерусскими политическими партиями. И вот, естественно было

произойти тому самому явлению, которое некогда А. С. Хомяков так верно отметил у православных русских богословов: сторонники исконных русских начал иногда стали защищать свои воззрения теми самыми приемами, орудиями и способами, и, главное, теми началами права, а не правды, которые мы видим у политических партий Запада. Юридическое начало в таком случае может возобладать над нравственным, и может повториться древнее законничество, по которому – человек для субботы, а не суббота для человека. В духе и силе основоположников славянофильства и нам надлежит сказать русским людям: станьте на высоту ваших чистых православно-русских воззрений! Тогда вы не будете брать у одной партии оружие против другой, вы найдете его у себя, и притом такое, которое сразу побеждает все враждебные и нерусские партии. Тогда вы увидите, например, что, начиная от октябристов и далее, до самых крайних и озверелых революционеров, эти партии вовсе не различны и не враждебны между собою по внутренней сущности, они – одно и то же. Они все пьяны, все отравлены одним алкоголем, только в виде различных напитков – от простой водки до утонченного вина. Они все – воры и расхитители Божьего достояния, только крадут разные вещи. Они все – едино, едино в том древнем богоборном движении, что разделило все человечество во всей его истории на два вечно враждебные лагеря, из которых в одном: вера, смирение, служение духу, искание правды, приуготовление к вечности и оценка всего сущего в свете долга и совести; в другом: неверие, гордыня, служение плоти и отсюда измерение всех сторон и интересов человеческой жизни только началами выгоды и удовольствия, точкой зрения только посюстороннего бытия. Из этой последней низменной, только прикрытой высокими фразами и замаскированной высокими побуждениями теории вытекают идея народовластия, конституционализм, парламентаризм, социализм и анархия – явления глубоко по природе сродные и явно языческого характера по своей материалистической основе. Только православно-русская точка зрения дает нам возможность стать на ту высоту, с которой

видны все пути и извития нечестивой и богоборной мысли и жизни. Для разъяснения такой именно точки зрения, думается нам, и должно поработать открываемое ныне Общество орудием вдумчивой и научно обоснованной мысли. Тогда оно будет достойно того имени, которым оно украшено, по мысли и желанию его учредителей.

Призываем Божие вседействующее благословение на благородные намерения и деятельность нового нашего Общества! Прошу его принять от меня в дар и благословение образ святителя Иоанна Богослова, апостола любви и носителя христианского разума, – разума, облагодатствованного и просветленного высшим озарением.

Это небесный покровитель благородного глашатая православного исповедания Ивана Сергеевича Аксакова. Напоминающая нам об этом великом русском человеке, святая икона пусть напоминает нам и о том духе любви и разума, в коем да совершится и да совершается делание открываемого ныне молитвою нового религиозно-патриотического Общества!

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП
МАКАРИЙ (ГНЕВУШЕВ)
(IX.1858—22.VIII[4.IX].1918)**

Михаил Васильевич Гневушев родился в с. Репьевка Ардатовского уезда Симбирской губернии в семье священника. Закончил Ардатовское духовное училище, Симбирскую духовную семинарию (1878) и Киевскую духовную академию (1882) со степенью кандидата богословия (кандидатское сочинение посвящено Александрийской Церкви). Назначен преподавателем русского языка в Киево-Подольское духовное училище. С 1883 г. наставник Острожской учительской семинарии, с

1885 г. преподаватель Киевского женского духовного училища, с 1890 г. преподаватель Киевской духовной семинарии, активный миссионер. В 1902 г. стал инициатором создания «Киевского педагогического общества взаимной помощи».

Принимал деятельное участие в правомонархическом движении в Киеве, в 1906–1908 гг. был членом Совета Киевской Русской Монархической партии (КРМП), членом Киевского Русского Собрания (КРС). 3 июля 1906 г. в КРС сделал обстоятельный доклад о положении русского православного населения в западных областях. Доклад было решено напечатать, т.к., по утверждению председателя КРС Б. М. Юзефовича, он «вызвал единодушное сочувствие и одобрение слушателей правдивым, кратким и ясным изображением общественного настроения в пределах обильно населенных евреями западных окраин России». Главный тезис автора: виновником тяжелого экономического и нравственного состояния русского населения является еврейство. «В течение многих веков, образовав при помощи кагала могущественный союз, евреи в конце концов захватили в свои руки главные нити политической, экономической и общественной жизни европейских народов, не исключая и русского. Завладев почти всею печатью, они настойчиво влияют на общественное мнение, слагают его согласно своим интересам, нисколько не стесняясь средствами к достижению намеченных целей». Именно пагубная деятельность евреев, а отчасти и поляков, привела к распространению революционных идей, под влиянием которых «значительная часть учащейся молодежи стала в ряды “освободителей” и, выйдя из условий нормальной жизни, превратилась в послушное орудие революционных и анархистских партий». Однако главная вина в распространении крамолы, по убеждению докладчика, лежит не на евреях, а на правительстве и местных властях, прежде всего на главе правительства – Витте, ибо «как центральное правительство, так и большинство местных органов его оказались настолько терпимыми в отношении к разрушительным левым партиям, что мирное, на почве закона живущее общество <...> попало как бы под иго этих левых партий».

Власти, напротив, подвергают незаслуженным стеснениям и ограничениям правые партии, «отменяются, в угоду евреям, освященные обычаем и установленные Церковью крестные ходы, отбираются произведения так называемой “черносотенной литературы”, обличающие клевету и ложь еврейской печати». В докладе содержалась вполне определенная угроза в отношении власти. Если сохранится «терпимое отношение правительства к революционным партиям», то Монархическая партия, предупреждал докладчик, будет вынуждена искать поддержки «со стороны народных масс». Автор доклада от имени киевских монархистов потребовал от властей укротить деятельность революционеров и навести порядок. Времени на раскачку нет, ибо доверие к правительству колеблется, «во многих местах народное озлобление против местных властей, охраняющих еврейские интересы преимущественно перед всеми другими, сдерживается с великим трудом». Отставка правительства Витте породила у черносотенцев надежды на изменение политики, и «Монархическая партия надеется, что нынешнее правительство своим открытым и прямым образом действий, на основах русской исторической жизни, спасет современную Россию от угрожающих ей ужасов внутренних междоусобий», — заявил в заключение Гневушев.

Делегат 3-го Всероссийского съезда Русских Людей (Всероссийский съезд Людей Земли Русской), который проходил в Киеве 1–7 октября 1906 г., от Киевского Союза Русских Рабочих (КСРР). По окончании съезда от имени хозяев — киевлян — сказал прощальное слово приезжим депутатам. Как делегат КСРР участвовал также в работе 4-го Всероссийского съезда Русских Людей (Всероссийский съезд Объединенного Русского Народа), который проходил в Москве 26 апреля – 1 мая 1907 г., на котором выступал с речью о необходимости объединения. «Мы стоим перед смертельной опасностью, пред нами раскрывается пропасть», — заявил он и указал на «язвы нашего времени», особенно на тот позорный факт, что многие русские сделали предателями своего народа, забыли все русское и относятся к нему хуже врагов. «Русским людям нужно серьез-

но приняться за объединение всех духовных сил народа для спасения Родины и для устройства ее дальнейшей жизни на исконных патриотических началах». В 1907 г. Гневушев был назначен наблюдателем церковных школ Киевской епархии. В это же время он был избран первым председателем Киевского губернского отдела Союза Русского Народа (СРН), а после отъезда в Москву стал почетным председателем отдела.

Овдовев, 11 февраля 1908 г. принял постриг с именем Макарий, затем рукоположен во иеромонаха, а 24 марта назначен настоятелем Московского Высокопетровского монастыря с возведением в сан архимандрита. Принял активное участие в монархическом движении в Москве, стал ближайшим сподвижником председателя РМС протоиерея Иоанна Восторгова, деля с ним с тех пор все радости и скорби. Уже в июне 1908 г. в результате внутренних распрей архимандрит Макарий вместе с о. Иоанном вынуждены были оставить руководящие должности в Московском Губернском Совете СРН. Принимал участие в создании Братства Воскресения Христова, был членом правления Братства. Был активным участником Русского Монархического Собрания (РуМоСо), где часто выступал с докладами. 12 ноября 1909 г. избран кандидатом в члены правления РуМоСо, а затем стал членом правления.

9 марта 1909 г., вернувшись из Вильны со съезда православных братств, выступил с речью в многолюдном собрании московских монархистов. Говорил о «горьком чувстве», которое вынес из поездки в связи с тем, что «православное население сдавлено польскими тисками и должно отрекаться от своей веры; русские угнетаются и евреями, сосредоточившими в своих руках всю торговлю и ремесла». Монархисты Москвы после его доклада приняли решение поддержать русских людей в Западной Руси, которые ведут неравную борьбу с еврейским и польским засильем.

С 1 ноября 1909 г. — настоятель Московского Новоспасского ставропигиального монастыря. Был членом организационного комитета по созыву Съезда Русских Людей, который проходил в Москве 27 сентября — 4 октября 1909 г., готовил

вместе с И. Г. Айвазовым материалы к обсуждению. Выступал с приветственной речью при открытии Съезда, принимал активное участие в обсуждении вопросов повестки дня Съезда, был избран членом исполнительно-редакционной комиссии, которая создавалась для завершения работ с принятыми съездом резолюциями. Среди прочего Съезд решил важную задачу: устами многих видных деятелей монархического движения было восстановлено доброе имя протоиерея Восторгова и архимандрита Макария.

В апреле 1912 г. архимандрит Макарий был избран в состав Устроительного Совета Всероссийских Съездов от РМС. Он участвовал в работах 5-го Всероссийского съезда Русских Людей, проходившего в Санкт-Петербурге 16–20 мая 1912 г., на котором был избран одним из товарищей председателя. В день открытия Съезда выступил с речью, в которой призвал всех монархистов к объединению «в плотную, несокрушимую рать». На Съезде был избран членом Комиссии по церковным вопросам (вместе с депутатом Государственной думы Г. А. Щечковым и профессором П. В. Никольским). От имени Комиссии 16 мая выступил с докладом, в котором для противостояния «повсеместному падению религиозного чувства в народе» советовал повсеместно учреждать церковные братства и развивать сеть церковно-приходских школ. Он выступил также против частых перемещений епископов, которые из-за этого не успевают толком ничего сделать, высказался за изъятие церковных вопросов из ведения Государственной думы, где решения принимают и иноверцы. В последний день работы Съезда произнес проникновенное слово, обращенное к русской женщине, которая может «внести свою любовь в монархическое дело, чтобы смягчить остроту борьбы, чтобы ободрять уставших в борьбе». Завершил он свое слово призывом к объединению, «ибо враг не дремлет».

В 1912 г. архимандрит Макарий был председателем предвыборного Комитета правых партий в Москве по выборам в IV Государственную думу. 1 октября 1913 г. на собрании членов РМС произнес речь о значении расследовавшегося в Киеве

ритуального убийства Андрея Ющинского («дело Бейлиса»), а собрание послало приветственные телеграммы адвокатам А. С. Шмакову и Г. Г. Замысловскому и приняло решение, осуждающее газету «Киевлянин» за «предосудительное отношение к киевскому процессу».

В начале 1914 г. вновь пытался привлечь общественное внимание к бедственному положению православного белорусского населения, опубликовав в «Московских ведомостях» цикл статей под названием «Форпосты русские». Архимандрит Макарий обратился к русскому народу с призывом: «Спешите все, у кого еще бьется сердце русскою кровью, у кого сознание не затуманено разными космополитическими бреднями, для кого Русь и в прошлом, и в настоящем дорога, – спешите на помощь все более и более ослабевающей Белой Руси... Нужно спешить с материальной помощью, чтобы избавить белоруса от хищничества евреев; нужно торопиться с просветительской помощью, чтобы ободрить, поднять измученный и приниженный дух народа».

11 июля 1914 г. в Нижнем Новгороде хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Для оживления приходской жизни владыка совершал в приходских церквях Нижнего Новгорода по воскресным и праздничным дням торжественные вечера, всенощные бдения с чтением акафистов и пением молебнов, при этом всегда произносил проповеди. А в мае-июне 1916 г. возглавил крестный ход из Нижнего Новгорода в Саровскую пустынь на поклонение прп. Серафиму. От Арзамаса до Саровской пустыни и обратно (более 100 км) владыка прошел пешком в полном архиерейском облачении, несмотря на проливные дожди, произнося в каждом селе проповеди.

Принимал он участие в совещании монархистов, которое проходило 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде, где был избран в состав Совета Монархических съездов. На Совещании выступал в прениях по вопросу борьбы с Прогрессивным блоком, говорил речь при закрытии Совещания. Несмотря на то, что был викарным епископом Нижегородской епархии, в ра-

боте Всероссийского монархического совещания в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций, которое проходило 26–29 ноября 1915 г., епископ Макарий участия не принимал, – видимо, сказались весьма натянутые отношения с А. И. Дубровиным и его сторонниками.

28 января 1917 г. назначен на самостоятельную кафедру – епископом Орловским и Севским. Прибыл в Орел владыка буквально накануне революции – 25 февраля. В своем слове «На стражу мира и любви» при вступлении на Орловскую кафедру епископ Макарий сказал: «Разгорается противогосударственная деятельность тех слоев нашего народа, которые возымели губительное намерение – использовать страшный час народной и государственной жизни или для целей своих политических партий, или для удовлетворения низких страстей – своекорыстия и гордыни... Но, дорогие чада Церкви Божией, как ни страшна, как ни опасна для политического существования нашего народа происходящая война, – мы должны помнить, что идет, как и раньше, еще более опасная, еще более страшная война... Это – самая упорная, никогда не перестающая война всех тех сил мира сего против Христа, Его учения, Его Церкви, против спасения людей от временных и вечных мук... Грозная волна неверия, крайней нравственной распушенности все более и более вздымается в жизни людской, заливают и губит все большее и большее количество душ человеческих... Особенно легко распространяется и воспринимается все языческое, все противохристианское путем укрепления и развития порочной жизни... Нет ответственности нравственной, живи в свое удовольствие».

Сразу после Февральской революции начались преследования архиереев-монархистов, и 26 мая 1917 г. владыка был уволен на покой. В июньском номере орловских «Епархиальных ведомостей» опубликована последняя его статья «К православному духовенству Орловской епархии». Эпиграфом к этой статье владыка взял слова Апостола: «Блюдите, како опасно ходите... Ныне дни лукавы суть... Бдите и молитесь, да не внидите в напасть». 3 июня в Орел прибыл назначенный Св.

Синодом временно управляющим Орловской епархией епископ Бельский Серафим (Остроумов).

Местом проживания для епископа Макария был определен сначала Спасо-Авраамиев монастырь в Смоленске, а вскоре он был назначен настоятелем Иоанно-Предтеченского монастыря в г. Вязьме Смоленской губернии. При монастыре владыка организовал братство во имя Рождества Христова, в состав которого входило более 1000 жителей города, создал прекрасный монастырский хор, его проповеди собирали в стенах монастыря тысячи людей не только из города, но и из окрестных мест. Своими яркими проповедями опальный епископ быстро завоевал любовь верующих, и монастырский храм стал заполняться молящимися. 12 августа 1918 г. постановлением Патриарха и Св. Синода в Смоленской епархии была учреждена кафедра викарного епископа с титулом Вяземский, на которую был назначен епископ Макарий.

Захватившие власть большевики искали повода расправиться с популярным епископом. Рассказывают, что подсылали к нему наемных убийц, но, когда убийцы ожидали выхода епископа, между ними произошла ссора, в результате которой один убил другого.

22 августа 1918 г. вяземская ЧК выдала ордер «для производства обыска и в случае надобности ареста гражд. еп. Макария». В ночь с 22 на 23 августа, когда чекисты явились арестовать владыку, монастырские колокола ударили в набат, к ним присоединился набатный звон Аркадиевского женского монастыря и Спасской церкви, но напуганный репрессиями народ не вышел защитить епископа, которому этот звон чекисты вменили в вину. Когда в камеру на следующий день пришел его келейник, он увидел на лице и теле епископа Макария следы побоев и издевательств – владыка был острижен, без бороды, в солдатском одеянии. Архипастыря обвинили в создании контрреволюционной организации, целью которой было свержение советской власти.

После допроса владыка поступил в Вяземскую земскую больницу. Его дочь, Ольга Михайловна Свешникова, которая

жила рядом с отцом, отправила телеграмму на имя Патриарха Тихона с просьбой ходатайствовать перед властями о «назначении над ним гласного суда». Но тщетно. На заседании вяземской ЧК половина членов высказалась за немедленное «израсходование», а другая половина вместе с председателем – «за отсылку в Смоленск», и 31 августа больной епископ, которому врачи диагностировали «атеросклероз, общую слабость, плохой сон, головокружение, тоны сердца глухие», был взят из госпиталя и под конвоем отправлен в губернский центр. 4 сентября 1918 г. ЧК Западной области «под председательством тов. Яркина в присутствии членов: Аскольдова, Попова, Козопольянского, Орловича, Алибекова, Рейнгольда, Вигленского и секретаря Варнилова» постановила епископа Макария Гневушева расстрелять.

Документов, свидетельствующих о времени расстрела владыки, не сохранилось. Осталось лишь свидетельство дочери, которая, одевшись нищенкой, издали наблюдала убийство владыки. По ее словам, казнь происходила следующим образом. Обреченные в числе 14 человек были доставлены в пустынное место под Смоленском. Построили всех спиной к свежерытой могиле. Палач подходил к каждому и производил выстрел в лоб. Владыка, находясь в конце шеренги, с четками в руках горячо молился за каждого из казнимых, а если замечал упадок духа, то, никем не останавливаемый, выходил из линии, благословлял несчастного. Он был застрелен последним.

Дошел до нас, со слов врача, и рассказ красноармейца, который непосредственно стрелял в епископа Макария. Простой крестьянин, отбывавший службу в Смоленске и участвовавший в расстреле «врагов народа», через несколько лет вспоминал: «...Подъехал автомобиль и привез человек пятнадцать приговоренных. Ничего особенного в них не было, только на одного я обратил внимание. Это был не то священник, не то монах, небольшого роста, седой, щедушный. Как только я понял, что это духовное лицо, у меня сердце так и захолонуло. Страшно стало. Когда заключенных повели к траншее, то этот старик, проходя мимо меня, остановился, благословил и сказал: “Сын мой, да не смущается сердце твое, – твори волю

пославшего тебя”. У меня аж пот выступил, откуда ему было знать мое смущение и колебания? Заключенных выстроили спиной к яме, и мы стали по очереди их расстреливать. Это духовное лицо поставили в конце шеренги, он попросил, чтобы ему не завязывали глаза и расстреляли последним. Он глаз не сводил с расстреливаемых, усердно молился, мы все видели, как он сосредоточенно перебирал небольшие четки. Разные люди попадались, кто-то очень боялся и пытался молить о пощаде, и тогда этот старик выходил из шеренги, подходил к упавшему духом и что-то шептал ему, затем благословлял. Мы этому не препятствовали, нам же спокойнее. Наконец настала и его очередь. Я подошел к нему, а самому страшно. Он увидел мои колебания и громко, чтобы все слышали, говорит: “Отец мой! Прости им, не ведают бо, что творят. Прими дух мой с миром”. Раздался приказ стрелять, и трагедия окончилась...» Вскоре этот красноармеец увидел епископа Макария ночью во сне. Владыка благословил его, но ничего не сказал. Через полтора года красноармеец был уволен от службы в связи с туберкулезом легких и обратился в больницу. Состояние его ухудшалось. На вопросы больной отвечал, что почти каждую ночь убитый им архипастырь благословляет его во сне, так ничего и не говоря. Спустя полгода бывший красноармеец умер, перед смертью непрестанно повторяя, что греху этому нет прощения и что жизнь его теперь не имеет смысла.

Епископ Макарий прославлен в сонме новомучеников и исповедников Российских 20 августа 2000 г., на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви.

**Доклад члена Совета Киевской Русской
Монархической партии М. В. Гневушева,
читанный в Киевском отделе Русского
Собрания 3 июля 1906 года**

Современное смутное и опасное положение всей Русской империи, а в частности и Юго-Западного края, требует

беспристрастного исследования причин такого положения и определения действительного соотношения действующих сил, его создающих.

Настроение огромного большинства населения в действительности не известно ни обществу, ни правительству и определяется преимущественно под влиянием кричащей печати, в огромном большинстве настроенной революционно. Эта печать и вдохновляемые ею ораторы Государственной думы составляли, таким образом, главную, преобладающую силу, настойчиво стремившуюся захватить исключительное руководство над всею политической и экономической жизнью государства.

Под влиянием революционных идей, усердно распространяющихся с 60-х годов прошлого столетия, настроение наших инородцев – евреев, поляков, финляндцев, армян и др. – стало явно враждебным всему русскому. Стремление к политическому «самоопределению» среди этих инородцев в настоящее время, не довольствуясь уже расширением местного самоуправления, принимает форму требований полной автономии, сопряженной с расчленением России на самостоятельные политические единицы, связанные с нею только «личной унией», и при неперменном условии изгнания всего русского из этих автономных окраин. В политическом движении этом особенное положение занимают евреи; не мечтая о воссоздании Иудейского царства среди русских, они приняли, однако же, самое живое участие в так называемом «освободительном движении», деятельно поддерживая все виды революционной пропаганды и осуществляя в жизни самые крайние средства борьбы с правительством и обществом. Целью этой отчаянной разрушительной борьбы евреи ставят «равноправие».

История всех стран и народов свидетельствует, что «равноправие» евреев в странах малокультурных всегда превращалось в экономическое их господство над коренным населением этих стран и вело к их политическому и общественному развращению. Пример Галиции налицо: русское население ее потеряло почти всю свою землю и ищет новой жизни в Америке.

В течение многих веков образовав, при помощи кагала, могущественный союз, евреи в конце концов захватили в свои руки главные нити политической, экономической и общественной жизни европейских народов, не исключая и русского. Завладев почти всю печатью, они настойчиво влияют на общественное мнение, слагают его согласно своим интересам, нисколько не стесняясь средствами к достижению намеченных ими целей. Печать Юго-Западного края, в особенности киевская, за исключением «Киевлянина»¹, всецело попавшая в руки евреев, свидетельствует о том, до каких границ беззастенчивости и пренебрежения к самым элементарным законам этики может она доходить; со времени же провозглашения в октябре минувшего 1905 года всяких свобод зло, содеянное ею, настолько велико, что в настоящее время едва ли даже устранимо.

Под влиянием распространяемых таким образом революционных идей и деятельности евреев, а отчасти и поляков, — значительная часть учащейся молодежи стала в ряды «освободителей» и, выйдя из условия нормальной жизни, превратилась в послушное орудие революционных и анархистских партий. Современное состояние высших и значительной части средних учебных заведений крайне безотраднo и ничего не обещает не только в ближайшем, но и в более или менее отдаленном будущем. Кадры «деятельных» членов «Бунда»², фабрикующих бомбы и исполняющих приговоры революционных и анархистских комитетов, в огромном большинстве формируются и пополняются именно из учащейся молодежи. Та же часть молодежи, которая не вошла еще в состав «деятельных» членов революционных организаций, своим

¹ «Киевлянин» — одна из крупнейших газет правомонархического направления, издававшаяся в Киеве в 1864–1919. Основателем газеты был профессор Киевского университета историк Виталий Яковлевич Шульгин (1822–1879); с 1879 по 1913 г. редактором был профессор Киевского университета, член Государственного совета, экономист Дмитрий Иванович Пихно (1853–1913), после смерти которого газету возглавил депутат Государственной думы Василий Витальевич Шульгин (1878–1976).

² БУНД (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России), еврейская социалистическая партия, возникшая в 90-е гг. XIX в.

нервным настроением и «непристроенностью» к какому-либо делу является источником непрерывных волнений, выражающихся в различных видах протеста против правительства, против закона и общественного порядка.

Среди фабричного и крестьянского населения идет уже не только политическая, но и социальная пропаганда, ведущая к открытым грабегам и безумным вожделениям о равном распределении земельного и иного имущества. Терроризируя большинство мирного крестьянского населения, эти увлеченные пропагандой люди являются послушным орудием крамольных партий, распространяя в народе революционные газеты и листки и подстрекая его к аграрным погромам и забастовкам. Полная безнаказанность этих людей, в большинстве грамотных и свободных от работы, — закрепляет их авторитет в глазах темного крестьянства.

Все эти действующие силы современной нашей внутренней жизни направлены только на разрушение и ничего не дают для созидательной работы; они вносят великую смуту в среду мирно настроенного населения, внушая ему безотчетное сознание, что в жизни государства и в положении различных его сословий совершается какой-то переворот, ведущий к уничтожению блага общественного и частного. Какими средствами противодействовать этим силам, как спасти от гибели все, что было дорогого и святого для русского сердца, — этого масса не знает, как не знает и того, на что ей опираться при защите своих интересов.

Задача эта должна лежать на правительстве и на выделяемых из общества деятелях охранительных партий.

Каково же действительное положение этих охранительных партий?

О Государственной думе говорить нечего — ее революционное настроение вполне выяснилось: в ней Россия не только не обрела успокоения, но напротив, Дума внесла в нее еще большую смуту, вызвав в населении весьма серьезные опасения относительно народного благосостояния и мирного развития государственной жизни. Искусно органи-

зованная по плану, давно задуманному таким политическим авантюристом, как гр. Витте, Государственная дума явилась очагом разрушительной противогосударственной работы. В этих условиях от нее никакого добра ожидать нельзя было – ожидание это казалось даже преступным относительно блага государственного и народного. Избирательный закон выработан был так, чтобы дать на выборах перевес наименее надежным элементам населения. Лицемерные надежды гр. Витте на консерватизм крестьян не оправдались и не могли оправдаться, ибо безграмотное, темное крестьянство легко было увлечь разными приманками – от обещания даровых прирезок земли до подкупов деньгами и водкою включительно. Многочисленность же крестьянского сословия обеспечивала ему перевес голосов над культурными классами народа.

Недавно народившиеся организации людей правого направления довольно слабы сравнительно с левыми, в особенности же с крайними. Слабость эта вытекает не из того, что они взяли под свою защиту отжившие будто бы идеалы государственной и общественной жизни; не обусловливается она также и малочисленностью лиц, этим организациям сочувствующих; слабость их главным образом вытекает из того, во-первых, что люди законности, порядка, права и русской национальной государственности, не имея в том нужды, не имели до сего времени опыта и практики в деле организации и деятельности политических сообществ. Не то в партиях левых и крайних: они, во-первых, имели богатейший опыт в еврейском кагале;¹ во-вторых, они организовались и практиковали в течение целого века, начиная от декабристов и до наших дней. О них можно даже сказать, что они имеют уже целую историю и что в их строго партийном духе воспитались уже не два и не три поколения. Но не в одном этом сила левых партий, – они черпали ее еще в несомненной и весьма серьезной поддержке со стороны самого правительства, в особенности в последнее время, т.е. с тех пор, когда на государственное

¹ Еврейский «Бунд» обладает всеми существенными чертами кагала. – *Прим. авт.*

управление возымел громадное влияние всесильный временщик С. Ю. Витте. Об этом свидетельствуют общеизвестные факты. Так, например, всем известно, что созданные им на особых началах коммерческие школы и политехникумы с первых же дней своего существования приютили у себя всю оппозицию «старому режиму» и, по мере развития под руководством г. Витте «освободительного движения», стали открытым центром революции, и, соответственно местным условиям, покровительствовали различным ее организациям, а на киевской почве и еврейскому «Бунду».

Это последнее обстоятельство подтверждают сами евреи. После еврейского погрома в октябре прошлого года некоторым членам Монархической партии приходилось не раз беседовать, преимущественно с пожилыми евреями, о причинах погромов и о способах их прекращения, и вот что пришлось от них услышать: ничего не можем поделать с молодежью, отбились от рук, забыли и Бога, и родителей; молодежь наша дни и ночи проводит в политехникуме, там всему дурному научается и там же получает ежедневно от 1,5 до 2 рублей, и, таким образом, становится независимой от родителей. Как ни маловероятными кажутся эти слова, но они были сказаны с неподдельной искренностью видимо огорченных родителей евреев.

Не менее известно в Киеве и участие коммерческих училищ в «освободительном движении» вследствие влияния в них еврейства. Пока в составе членов Киевского Педагогического общества взаимной помощи число учителей коммерческих училищ было незначительно, Общество это шло своей законной дорогой и осуществляло свои задачи в пределах возможности; но как только число их стало возрастать, и притом с очевидною целью послужить освободительному движению, — вся деятельность Общества стала принимать явно незаконный характер, поощряя учащихся к забастовкам и иным беззакониям, вследствие чего Общество это пришлось закрыть. Во время событий 18 октября как учащие, так и учащиеся коммерческих училищ выражали свою солидарность с носителями красных флагов и раздирателями царских портретов, и когда, в связи

с этими событиями, назначена была ревизия коммерческих училищ, то результаты ее показали мало утешительного для педагогического состава этих учебных заведений. Однако же, последствия ее должны были еще более поразить всех благомыслящих людей: один из директоров, стремившийся поддерживать законность и порядок среди подведомственных ему учеников и учителей, должен был выйти в отставку, а другой директор, поощрявший у себя «освободительное движение», остается на своем посту до сих пор. Под влиянием же некоторых «пострадавших за свободу» учителей в настоящее время из указанных училищ изгоняются педагоги, патриотически настроенные. Несомненно, что и в других учебных заведениях, вызванных к жизни Сергеем Юльевичем Витте, замечались те же явления; в Киеве же они выражались резче потому только, что в «освободительном движении» особенно деятельное участие принимали евреи.

Не менее характерно для Виттевского режима и следующее обстоятельство: после неудач под Лаояном и в особенности при Цусиме¹ влиятельные в киевском финансовом мире евреи последовательно и разновременно предсказывали, что мир будет заключен очень скоро, что Америка и Англия вмешаются в это дело, что переговоры о мире будут происходить в Америке; когда уполномоченным от России был назначен Муравьев², те же евреи настойчиво повторяли, что поедет в Америку не Муравьев, а Витте, что, несмотря на слова Государя о том, что не уступлена будет ни одна пядь Русской земли, мир будет заключен на условиях уступки половины Сахалина, что Витте будет графом и премьером и, наконец, что накануне созыва Думы он выйдет в отставку. И все эти предсказания повторялись с непоколебимою уверенностью, как в частных разговорах, так

¹ Сражение при Ляояне – крупное сражение Русско-японской войны в августе 1904 г., закончившееся отступлением русской армии; Цусимское сражение – морская битва в Японском море 14–15 мая 1905 г. в районе острова Цусима (Цусимский пролив), в которой российская 2-я эскадра под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского потерпела поражение.

² Муравьев Николай Валерианович (1850–1908), действительный тайный советник, в 1894–1905 гг. министр юстиции.

и в еврейской печати, в то время, когда в солидных газетах обо всем этом еще не говорилось ни слова. Чем объяснить такую осведомленность евреев, как не близостью их к виновнику всех совершившихся в то время печальных исторических событий? После точного осуществления еврейских пророчеств поневоле приходилось верить тому, что движение на Дальний Восток и самая война с японцами старательно подготавливались по определенному плану, с определенной целью, не чуждою левым партиям, состоявшим в союзе и под покровительством С. Ю. Витте. Теперь евреи с не меньшей уверенностью утверждают, что гр. Витте снова явится на сцене русской государственности, «но уже не в роли первого министра»?!

Если внимательно вникнуть в декабрьский избирательный закон¹, то не может быть сомнения в том, что он играл в руку левым партиям и составлен исключительно в их интересах. Настало время беспристрастно взглянуть и на гапоновскую историю, с субсидиями из рук гр. Витте², а также на железнодорожные и почтово-телеграфные забастовки: в них настолько ясно сказывается если не покровительство, то, по меньшей мере, попустительство со стороны правительства, что в обществе и в народе до сих пор держится убеждение, что забастовки эти были организованы с ведома и согласия лиц, у власти стоявших. Мнение это крепко держится еще и в силу того, что результатом забастовок оказалось ассигнование нескольких миллионов как бы в вознаграждение железнодорожникам за труды и лишения их во время забастовок; и это делалось не только в такое время, когда мирное и промышленное население, более всего пострадавшее от забастовок, ничего не получило в

¹ Закон от 11 декабря 1905 г. «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу» предусматривал четыре избирательные курии – земледельческую, городскую, крестьянскую и рабочую. Закон обеспечивал значительное представительство в Государственной думе (45% мест) представителям крестьянства.

² Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906), православный священник, лишенный сана, лидер профсоюза рабочих, существовавшего на субсидии полиции, организатор провокации «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. Убит эсерами.

возмещение своих потерь от правительственного безвластия, но когда и терпевшее от забастовок крестьянство было забыто погрузившимся в политические интриги премьером. Наконец, спокойно создававшиеся на глазах у правительства всевозможные союзы, с центральным органом их – Союзом союзов¹, отличавшиеся несомненным революционным характером; дарование автономии высшим учебным заведениям в тот именно момент, когда требовались твердые и решительные меры для восстановления в них порядка; возвращение железнодорожных забастовщиков на прежние их места, массовое освобождение неисправимых революционеров и многое другое явно говорят в пользу обвинения тогдашнего правительства в сознательном попустительстве левым партиям. При таких-то благоприятных для революционеров условиях (о тайных пружинах, им благоприятствовавших, говорить не будем) выросло и окрепло роскошное древо русской революции, покрывшее своими ветвями все обширное пространство Империи и привлекавшее под свою сень немало и таких увлекающихся людей, которые, с тех пор и до сего времени, никогда в душе революционерами не были. В таких условиях зарождались и крепились левые партии, в таких же условиях действовали они и во время выборов в Государственную думу, и после них.

Правые партии, отстаивающие существовавший до 17 октября государственный строй, сначала недостаточно энергично формировались и действовали, потому что все еще верили, что на страже самых дорогих интересов государства, общества и русского национального знамени стоит правительство и местные органы правительственной власти; вера эта поддерживала в означенных партиях убеждение, что правительство, располагающее могучими средствами для охраны законности и порядка, в содействии населению не нуждается. К сожалению, действительность показала иное: как центральное правительство,

¹ Союз союзов – объединение профсоюзов в России в 1905–1906; включало 20 всероссийских союзов (инженеров и техников всех специальностей, академический, адвокатов, земцев-конституционалистов, равноправности женщин, крестьянский и пр.); поддерживало в том числе финансово революционную и террористическую деятельность радикальных партий.

так и большинство местных органов его оказались настолько терпимыми в отношении к разрушительным левым партиям, что мирное, на почве закона живущее общество, не успевшее еще выделить из своей среды более или менее мощно организованные политические партии, попало как бы под иго этих левых партий. Начался повсеместный, всесторонний разгром национального и частного благосостояния, продолжающийся и до сего времени и во много раз превосходящий бедствия еврейских погромов, которые, при всей их жестокости и незаконности, являются все же лишь слабыми откликами возмущенного национального, религиозного и державного чувства русского народа. Вскоре стало ясным, что ни верность закону и долгу, ни спокойное содействие преуспеянию реформируемой государственной жизни со стороны мирно настроенного населения не обеспечивают отдельным гражданам охраны не только их чести и имущественных прав, но даже и самой жизни; сторонники законности и права, бездеятельностью правительства, поставлены были в положение несравненно худшее, нежели враги закона, права и государства. В то время как левые партии во всем преуспевают, и притом не только на «захватном праве» (печать, публичные сходки, странствующие по деревням агитаторы и т.п.), но и на «законном основании» (забастовки, организации с явно революционными программами и т.п.), монархические и единомышленные с ними организации ожидают в течение многих месяцев правительственной санкции на законное их существование, а нередко и вовсе ее не получают (напр., Киевское Педагогическое общество имени Ушинского и др.); такое же стеснение, не в пример левым партиям, испытывают правые в деле распространения своих изданий и листов, в торговле газетами и пр. – Но это еще не все. В то время, как революционеры вопреки закону безнаказно вооружаются для «активных действий», правительство, бездеятельное по отношению к ним, направляет все свое внимание на деятельность правых партий и, доверяя ложным правокаторским обвинениям этих последних в политическом задоре, подвергает их незаслуженным стеснениям и ограничениям, лишая православное

русское население даже самых необходимых и законных способов самозащиты; в силу такой пристрастной политики отменяются, в угоду евреям, освященные обычаем и установленные Церковью крестные ходы, отбираются произведения так называемой «черносотенной литературы», обличающей клевету и ложь еврейской печати, узаконяется свобода «бойкота» всего, что не нравится представителям «Бунда» и т.д. – Весьма угнетающим образом действуют на самосознание населения увольнения должностных лиц по настоянию революционных газет. Хотя монархические и сродные им партии и допускают, что увольнения эти не всегда совершаются в угоду левым партиям, однако же слишком частые совпадения таких увольнений и перемещений с настойчивыми требованиями этих партий вызывает в людях порядка весьма печальное недоумение.

В настоящее время совершился великий акт милости Государя к мирному русскому населению: Государственная кадетско-революционная дума распущена. Населению придется вновь заниматься выборами на тех или иных началах. Естественно, что правые политические партии спрашивают самих себя – как будет относиться правительство и его местные органы к этим партиям и к прочему мирному населению страны? Будет ли оно держаться ясной, определенной и всем известной выборной политики или же снова отойдет в сторону, рисуясь полным своим безучастием в столь важном для дальнейших судеб России деле? Правые партии не ищут одностороннего покровительства власти, но мечтают лишь о полном равенстве в отношениях этой последней к правым и левым партиям. Монархическая партия защищает свои политические принципы не в угоду тем или иным правительственным направлениям или лицам, а во имя существеннейших интересов русского народа, его трудами и кровью созданного государства и всей будущности этого последнего. Ввиду этого она, точно и ясно определивши свои принципы и видя более нежели терпимое отношение правительства к революционным партиям, начиная с кадетов и левее, будет вынуждена искать более серьезной, чем до сих пор, поддержки со стороны народных масс.

В соображении вышеизложенного Монархическая партия настойчиво желает:

1) Чтобы правительство выступило с точно определенной программой как относительно реформ, так и по отношению к определившимся до сих пор политическим партиям;

2) Чтобы программа эта была опубликована во всеобщее сведение;

3) Чтобы весь состав правительства, как центрального, так и местного, был строго дисциплинирован, в видах точного, неуклонного, незамедлительного исполнения исходящих свыше указаний и удовлетворения заявляющих о себе народных нужд снизу. Все должностные лица, благосклонно или покровительственно относящиеся к «освободительному движению», выражающемуся в крамольной форме, должны быть немедленно увольняемы;

4) Чтобы приняты были самые настоятельные меры к прекращению аграрных ужасов, не останавливаясь ни перед какими мерами устрашения, — ибо лучше подвергнуть каре, хотя бы и лишением жизни, десятка людей, нежели оставлять в положении гонимых, разоряемых и избиваемых сотни тысяч граждан;

5) Чтобы предотвращена была всякая возможность возобновления железнодорожных, почтово-телеграфных и иных всеобщих забастовок, а лица, участвовавшие в них или не оказавшие им должного сопротивления, были немедленно удаляемы от службы без права поступления на нее вновь, причем увольнения эти должны происходить независимо от ранга или связей виновного;

6) Чтобы водворено было нормальное течение учебных занятий и внутренней жизни всех учебных заведений, хотя бы для этого потребовалось увольнение всего наличного состава учащихся;

7) Чтобы до времени полного успокоения прекращено было действие автономии в университетах и чтобы не отменялись существующие ограничения для поступления евреев в государственные школы;

8) Чтобы установлен был действительный и строгий контроль над ввозом, изготовлением и продажей огнестрельного оружия и взрывчатых веществ;

9) Чтобы обуздана была какими бы то ни было средствами наглая, клеветническая печать, всеми способами расшатывающая вековые устои русской жизни, высмеивающая все святое для русского человека, не исключая даже молитвы Господней и заповедей блаженства, опозоривающая всех выдающихся честных граждан и слуг Престола и возвеличивающая лишь тех, кто служит евреям и еврейским интересам, проповедует стачки и бойкот, сеет тревогу ложными слухами о готовящихся погромах, призывает к измене войска и поощряет или покровительствует разбоям, грабёжам и хищениям в городах и селах;

10) Чтобы при невозможности быстрого прекращения всех этих зол со стороны правительства не было бы оказываемо препятствий правым партиям всех оттенков вести борьбу законными средствами, посредством вразумляющих темных людей публичных чтений, общедоступных изданий, газет, брошюр и листов и свободного распространения их в народе;

11) Чтобы раз навсегда прекращен был доступ к народу агитаторов, преимущественно из евреев, целыми возами и тюками распространяющих по полям, деревням и селам возбуждающие к восстанию газеты, брошюры, книги и листки;

12) Чтобы войска самым тщательным образом охранялись от революционной пропаганды, а полицейские чины от покушений;

13) Чтобы обеспечивались семьи их в случаях гибели их от рук революционеров.

Выражая все эти пожелания, Монархическая партия отнюдь не выступает против назревших реформ, но она требует, по меньшей мере, полного уравнивания ее в правах перед законом с правами тех, кто ныне попирает все права и законы, — она желает быть поставленною в одинаковые условия с этими последними. Эти скромные пожелания отвечают простому чувству справедливости, а удовлетворение их может повести только ко благу и безопасности государства. Если же правительство будет по-прежнему, как в эпоху министерства г. Витте, проявлять

нерешительность и колебание, если оно останется бессильным в борьбе с революционными злоумышлениями и насилиями, то до сего времени покойное население, изнемогая под игом левых партий и сознавая полную свою беззащитность, вынуждено будет прибегнуть к самозащите, и тогда в России возникнут все ужасы расовых, вероисповедных и сословных междоусобий. Необходимо иметь в виду, что доверие к правительству колеблется все более и более, что во многих местах народное озлобление против местных властей, охраняющих еврейские интересы преимущественно перед всеми другими, сдерживается с великим трудом. Настала пора действий прямых, решительных, без компромиссов, без всяких уступок газетной болтовне и взрощенному ею так называемому общественному мнению.

С роспуском Государственной думы наступил для России критический момент, когда правящим русским людям необходимо уразуметь, что в годину смуты и внутренней неурядицы всякие коренные реформы необходимо отложить впредь до полного успокоения государства. Самый порядок осуществления намеченных реформ должен быть спокойно обдуман и всесторонне разработан в строгом согласовании с данными, приобретенными многовековым историческим опытом. Нельзя начинать с конца, как это предательски, нарочито сделал Витте. Монархическая партия уверена, например, что если бы реформе 17-го октября предшествовала работа по крестьянскому землеустройству, то ныне развращаемый и разоряемый народ нелегко было бы увлечь во все ужасы аграрного движения; государству же, с его крайне разнообразным населением, с темнотою народною, необходимо было бы поучиться делу самоуправления на началах, выработанных 6 августа 1905 года¹.

¹ 6 августа 1905 г. был обнародован Высочайший Манифест об учреждении Государственной думы и Положение о выборах в Думу, разработанное министром внутренних дел А. Г. Булыгиным. Согласно этим законодательным актам, Дума мыслилась учреждением законосовещательным, а высокий имущественный ценз ограничивал возможности попадания в Думу представителям широких слоев крестьян, мещан и рабочих. Выборы в «булыгинскую» Думу не состоялись, поскольку Манифест 17 октября 1905 г. изменил характер Думы, придав ей черты законодательного учреждения, а 11 декабря 1905 г. было изменено Положение о выборах в Думу.

Защищая исконные начала русской государственной жизни – Православие, Самодержавие и Народность, – Монархическая партия желает и ищет целесообразных реформ, могущих обновить строй нашей жизни и рассеять народную бедность и темноту; но она в то же время убеждена, что преобразование и обновление жизни не должно созидаться на разгроме нравственного, умственного и материального богатства страны, что обновление России не должно следовать теми кровавыми путями, какими в конце XVIII столетия и позже совершалось обновление Франции и прочих западноевропейских государств. Уроки истории и лучшие духовные силы человека подсказывают ему, что обновление может и должно совершаться без кровопролития. Монархическая партия надеется, что нынешнее правительство своим открытым и прямым образом действий на основах русской исторической жизни спасет современную Россию от угрожающих ей ужасов внутренних междоусобий.

Константин Петрович Победоносцев. Некролог

10 марта в 7 ч. вечера скончался бывший обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев. Кто хоть сколько-нибудь привык задумываться над жизнью дорогой нам Родины, кого волновали и волнуют события последних двух десятилетий нашей истории, кто интересовался и интересуется высшими вопросами жизни и в частности – вопросами воспитания и обучения, вопросами веры и знания, те не могли и не могут не остановиться с глубокой скорбью над свежеею могилою одного из замечательнейших государственных деятелей России за истекшее двадцатипятилетие.

В лице К. П. сошел в могилу один из лучших сынов Русской земли, глубоко, беззаветно, честно и умно любивших свое Отечество, служивший ему «без лести», не за гнев и не за выгоды житейские, а за совесть и по указанию своих стойких, как скала, твердо обоснованных убеждений. Ученый и публицист, администратор и воспитатель, начальник и человек – во

всех сторонах своей многоплодной и широкой деятельности К. П. являлся необычайно цельным, поразительно чистым и определенным, всегда и везде просвещеннейшим и мудрым учителем и руководителем всех, кто искал высоких идеалов государственной, общественной и семейной жизни. И все, кто имел случай близко соприкасаться с покойным – по делам ли службы или частным образом, – все – враги и друзья его политических убеждений – не могли не поражаться разносторонностью его знаний, точностью и определенностью его убеждений, глубокою сосредоточенностью, проникнутою искреннею любовью, над судьбами русского народа и созданного им могущественнейшего государства.

Глубокий знаток права, ставший в этом отношении учителем и руководителем целых поколений профессоров и студентов, он с особенным вниманием относился к основам гражданской и политической жизни на Западе и у нас. Всегда и во всем привыкший точно и ясно мыслить и определять, он не мог быть слепым, восторженным почитателем западноевропейского правового уклада жизни. Всесторонне образованный, превосходно ознакомленный с историей России, он не мог быть в числе тех русских государственных и не государственных, ученых и не ученых людей, которые привыкли сами и других приучали и приучают смотреть на Запад с единственной точки зрения – именно как на непогрешимого учителя во всех областях жизни. Прекрасно понимая все недостатки русской жизни, несообразности ее в области административной и общественной, несовершенства государственного ее устройства, К. П. не мог с закрытыми глазами преклоняться в этих отношениях пред Западом. Конституционализм, парламентаризм и республиканизм последнего всегда являлись в глазах ученого и глубокого знатока права не в розовом одеянии, сотканном легковверными умами мечтателей и подражателей, а в их суровых, нередко крайне затасканных, в пыли человеческого самодлюбия и своекорыстия одеждах, и он подвергал излюбленные, но уже отживающие формы западноевропейской политической жизни суровой, нелицеприятной критике, предостерегая

тем и сановников, и обыкновенных смертных Русской земли от вредных и опасных увлечений.

В этом отношении особенно замечателен один из самых опасных моментов русской жизни. 1 марта 1881 года был растерзан бомбою Царь-Освободитель – тот именно Царь, который освободил миллионы русских людей от крепостного права, миллионы славян от турецкого ига, который в своей любви к народу и России в последние годы своей жизни решился было под настойчиво-надоедливим влиянием услужливых поклонников западноевропейского конституционализма добровольно отказаться от некоторых прерогатив своей Царской власти. Вся Русская земля оказалась в то время в полной растерянности. Все, по-видимому, было забыто из прежнего, смутно понималось настоящее, грозными, темными тучами покрытым представлялось грядущее будущее. Глава правительства гр. Лорис-Меликов¹, быть может и «добрый» полководец, но решительно младенец в политике, менее всего знавший и любивший, как армянин, русский народ и русскую историческую жизнь, окруженный своими единомышленниками, водворивший уже было знаменитую «диктатуру сердца», возымел намерение немедленно после 1 марта осчастливить Русскую землю обветшалым западным конституционализмом. И это намерение едва не осуществилось. Но против таких намерений Лорис-Меликова и его приспешников – смело, решительно, открыто и неопровержимо доказательно восстал Константин Петрович. Император Александр III внял голосу не царедворца угодливого, а смелого ревнителя правды и пользы государственной и энергично принялся за успокоение взволнованной безумными, зверскими покушениями анархистов России и за укрепление ее потрясенного было политического могущества среди других народов. Мужественный совет честного и искренно преданного России государственного мужа Царем-Миротворцем

¹ Лорис-Меликов, граф Михаил Таризлович (1825–1888), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, министр внутренних дел с широкими полномочиями, готовил либеральные конституционные преобразования в последние годы царствования Александра II.

был оценен по достоинству. И мы уверены, пройдет еще два-три десятилетия, и история, отрешившись от мимолетных увлечений борющихся в России влияний, скажет свое доброе правдивое слово о событиях и делах лиц, выдвинувшихся тотчас после 1 марта и сохранивших в то время русский народ не только от тяжелых опытов прививки конституционализма, но и от порабощения русского простого народа, еще в то время не окрепшего ни экономически, ни в правовом отношении, ни в просвещении, всеми инородцами и своими же недавними помещиками-крепостниками. В числе этих лиц первое место займет Константин Петрович.

Отвергая придуманные гр. Лорис-Меликовым средства успокоения России в форме конституции, К. П. делал это не во имя застоя, не ради того, чтобы остановить «колесо русской истории» раз навсегда на определенном повороте. Нет, никто, быть может, в то время так не болел душою за Россию, никто не желал ей так искренно и так много благ, как К. П., и притом благ в области ее политической жизни. Знаток исторического развития народов, и в том числе русского народа, он желал и искал путей для обновления нашей государственности, но искал этого обновления только на началах не чужеземных, а на истинно русских. Всем известно, что Император Александр III, воспитанник К-на Петровича, будучи еще Наследником, особенно усердно занимался изучением истории и существа древнерусского, допетровского государственного строя, когда главными действующими началами были Царь, Боярская дума и Земские соборы. С целью возможно серьезного подготвления всего русского образованного общества к разумному отношению к делам русским государственным основано было и Историческое общество. К сожалению, слишком кратковременно было царствование Царя-Миротворца и его планы, поэтому, не только не были осуществлены, но к их осуществлению не было даже приступлено. К тому же – тлетворные разрушительные влияния, идущие с Запада, требовали сосредоточения всех почти сил для оберегания молодого русского образованного общества и простого народа от разных ком-

мунистических и социалистических бредней, не находивших решительно никакого применения среди окрепших и сознательно относящихся западноевропейских обществ и потому устремившихся, или, вернее, — направленных искусною рукою, на Русскую землю, в русское, легко поддающееся влиянию и преклоняющееся пред Западом общество. Впрочем, для обновления русской жизни были предприняты и тогда некоторые меры, но они по своему характеру были именно таковыми, что скорого воздействия не могли оказать.

Насколько прав был Константин Петрович, вооружавшийся в 1881 году против конституционализма на Руси, свидетельствует наша печальная современность. Какими бы причинами, побуждениями ни объясняли появление у нас государственных актов 6 августа и особенно 17 октября 1905 года, никто не может отрицать, что эти акты, и опять-таки в особенности 17 октября, появились в русской жизни не в качестве естественных и неизбежных последствий предшествующего общественно-политического развития Русского государства и его создателя, русского народа во всей его совокупности. Эти акты, явившись совершенно неожиданно для огромнейшего большинства русского народа, не могли не произвести временного серьезного замешательства среди русского, коренного населения и такого же временного торжества разрушительных элементов среди нашего общества. Смута после них должна была стать неизбежной; размеры, деятельность и конечные результаты этой смуты не могли быть и тогда, и теперь не могут быть определены. Но для людей, никогда не искавших модных форм государственной жизни, не создававших себе ни в текущее для них время, ни в перспективе будущего более или менее выдающейся карьеры, для людей, превосходно понимавших существо форм и учений политических, водворяемых в России, — для таких людей 17 октября было, несомненно, великой угрозой не только для материального благосостояния России, но и для будущности русского народа, облепленного со всех сторон разными инородцами, всегда готовыми создать свое благосостояние на счет благополучия и гражданских

прав русского населения. К числу таких людей принадлежал покойный К. П., и потому он не мог равнодушно относиться к начавшимся новым опытам прививки конституционализма в русской жизни под руководством более хитрого, чем Лорис-Меликов, гр. Витте. Не отстоявши своих политических воззрений в борьбе с последним, К-н Петрович добровольно удалился от государственной деятельности.

Но и удалившийся от всякого вмешательства в государственные дела К-н Петрович был опасен врагам России и друзьям ее всестороннего разгрома. И эти враги ожесточенно, грубо, до фанатизма ненавистнически до конца дней его жизни клеветали на него, поносили, издевались, а иные из этих «освободителей» даже не оставили его в покое и в гробу. Так бессильная, мелкая, завистливая, трусливая и невежественная злоба во все времена и на всех путях жизни провожала и провожает людей сильных духом и нравственным авторитетом. Но, злобствуя при жизни и радуясь смерти могучего человека, и враги не могли, хотя бы и вскользь, правды не сказать. И вот одна категория этих врагов вынуждена была сказать следующее над гробом К-на Петровича: «Долг велит признать, что К. П. Победоносцев обладал несомненной образованностью и поразительной начитанностью, действовал в силу глубокого убеждения, имевшего мало общего с бюрократическим карьеризмом. Безупречная личная жизнь, энциклопедическое образование, нравственная прямолинейность, политическая честность – вот его достоинство». Это сказано в «Руси», официальном органе одной из самых непрямолинейных наших политических партий – именно партии конституционно-демократической, иначе – народной свободы, еще иначе кадетской.

Если уже эти политические хамелеоны и иезуиты, более всего ненавидевшие К-на Петровича, так его характеризовали как политического деятеля, то ясно, какова в действительности была личность покойного.

Главнейшими началами, которыми руководился К. П. Победоносцев, были «охранение самодержавия, поддержание Церкви Православной, верность русским национальным уч-

реждениям и обычаям, возрождение русской самобытности и русского самосознания». Эти начала он настойчиво и талантливо приводил в своих многочисленных сочинениях, ими же воодушевлялся в своей государственной деятельности. Последняя, как известно, в течение целой четверти века сосредоточена была в Ведомстве Православного Исповедания. Будучи обер-прокурором Св. Синода (с 14 апр. 1880 по 19 окт. 1905 гг.) К. П. тем самым являлся самым близким лицом к важнейшим вопросам русской государственной и церковно-общественной жизни, от того или иного разрешения которых зависела и зависит вся будущность русского народа.

Если обратим внимание на то, при каких условиях приходилось начать и продолжать К. П. свою деятельность в области церковной, то мы легко поймем как самый характер этой деятельности, так и ее неудачи и несовершенства.

Крымская война, освобождение крестьян и быстро следовавшие одна за другой реформы Царя-Освободителя крайне возбуждающим образом подействовали на русское общество, на все слои его. Но, слабо подготовленное в предшествующее время, оно даже в период своего наибольшего возбуждения и увлечения широтою реформ не могло проявить и не проявило твердости в направлении, устойчивости в осуществлении и самостоятельности в определении основных начал и целей наступавшей широкой деятельности, к которой его призвал Император Александр II. Наиболее известные в то время обществу направления общественно-политических и культурных теорий – западничество и славянофильство – оказались для него не настолько доступными, понятными и сильными, чтобы могли придать новому течению русской жизни определенный характер, а главное, полезный как в смысле укрепления духа реформ, так и для целей дальнейшего национального русского развития. Этою слабою подготовленностью общества не только в области общественно-политической деятельности, но и в теоретической разработке вопросов, относящихся к этой деятельности, и объясняется, с одной стороны, несогласованность и не всеобъемлемость реформ, а с другой, – подража-

тельное настроение т. наз. образованного русского общества. Реформы Царя-Освободителя, задуманные широко, в действительности крайне слабо коснулись церковной жизни русского народа и всех вопросов, тесно с нею связанных, вследствие чего внесли в жизнь односторонность, тем более пагубную, что вне преобразований и усовершенствований остались в то время не только форма церковного управления и взаимоотношений Церкви к государству и обратно, но и те начала пастырской деятельности православного духовенства и его отношений к пасомым, которые были выработаны предшествующей историей, но которые и устарели уже, и, что всего важнее, не могли быть сообразованы по духу своему с производимыми глубокими реформами народной жизни. Неустойчивое в убеждениях, привыкшее склоняться то к Западу, то к самому себе, но более всего привыкшее к самоосуждению и самобичеванию, русское образованное общество, с одной стороны, скоро в своем возбуждении утомилось, потом разочаровалось и, наконец, в известной степени ожесточилось, и с другой, — оказалось в конце концов в качестве послушного, а иногда восторженного ученика Запада и не нашло в себе достаточных сил для разрешения самых важнейших вопросов, как, напр., религиозный и учебно-воспитательный, в духе самостоятельности и соответствия с национальными задачами. Увлечение же в то время Западом было особенно опасно. В области вопросов общественно-политического характера все более и более укреплялись там и распространялись теории, выросшие на почве заветов Великой французской революции и всех за нею следовавших и призывающих к полному переустройству всей жизни народов на началах крайнего социализма и даже коммунизма. В отношении к вопросам веры, обучения и воспитания развивались учения с характером решительного, хотя и легковесного отрицания всего, что не доступно уму и не обосновано рассудком, которому придавалось не только главнейшее значение в духовной жизни человека, но в большинстве случаев и исключительное. Развившееся на Западе отрицательное отношение к вопросам жизни и веры у нас легко могло вылиться

в форму чистейшего нигилизма и терроризма, а в школе еще с особым оттенком – рабского преклонения пред умом и полного пренебрежения к воспитанию сердца, чувства человеческого. Объединившиеся в одно целое, – все эти только что указанные характернейшие черты общественного настроения русского общества с конца 60-х годов, естественно, должны были произвести только один беспорядок во всех областях нашей жизни, полное смешение понятий и стремлений, должны были затуманить и далее совершенно сместить с их веками указанных позиций русские национальные устои и придать всей жизни характер какой-то неопределенности, длящегося и даже, пожалуй, безнадежного перелома для будущего. Самое печальное в таком состоянии общества заключалось в том, что оно, растерянное, безыдейное, потерявши твердую почву, было глухо ко всему твердому, национальному, положительному и стало доступно для всего легкомысленного, отрицательного и бесформенно космополитического.

Государственная деятельность среди такого общества и при таких условиях всегда становится тяжелой, медлительной и непоказной, а деятельность лиц и учреждений с точно определенным мировоззрением и кругом дел еще более тяжелой. К. П. Победоносцеву выпала доля быть именно в такое время обер-прокурором Св. Синода. Мы не будем говорить о том, как всегда, а в 60-х и последующих годах прошлого столетия в особенности, относилось т. наз. образованное общество к делам Церкви и православному пастырству, – оно всем известно, и в особенности духовенству, которое немало горечи испытало не только от равнодушия, но и от пренебрежительного отношения к его существеннейшим интересам со стороны этого общества, правящих классов и даже бывших обер-прокуроров Св. Синода. Выделявшийся из ряда своих предшественников широкою основательностью образования и государственных способностей, глубокой и истинной религиозностью и преданностью Православной Церкви, К. П. не мог не обратить внимания на условия, при которых совершается пастырская деятельность православного духовенства, и, несмотря на раз-

нообразные препятствия, успел немало сделать для него. Весьма важной мерой для улучшения материального положения духовенства является назначение, хотя и небольшого, жалования сначала наиболее бедным причтам отдельных епархий, а потом, в порядке постепенности, и всему духовенству и издание в 1902 году устава о пенсиях духовенству. С целями возвышения образовательного уровня пастырей произведены реформы духовно-учебных заведений (1884 г.), улучшено материальное положение преподавательского персонала в этих заведениях и даже учащихся в них, особенно бедных и сирот. Нечего и говорить, что и эти реформы проведены были в жизнь К. П. не без усиленной борьбы с обществом и некоторыми правящими сферами. Пресловутое пугало всех наших лжелибералов – клерикализм – особенно часто вставало пред глазами «общества» во время этих реформ, и пускались в ход все средства, чтобы им запугать всех, кого нужно было. Если же этот прием не всегда оказывался действительным, то прибегали к другому, не менее страшному для либерального общества жупелу – «ретроградству». Последнее чаще всего пускалось в действие, когда речь заходила о реформах в области учебно-воспитательной и вообще о формах и способах поднятия нравственного авторитета православного духовенства в глазах населения и об ограждении его от излишеств и увлечения разными теориями самоуправления и выборного начала. Несомненно, история раскроет, что задуманные К. П. реформы в указанных целях вышли в свет далеко не в той полной степени, в какой они проектировались, и многое в них, вследствие этого, оказалось не доконченным и не удовлетворившим ни общество, ни правительство, ни само духовенство. Начавшиеся в последние годы деятельности К. П. энергичные подготовительные работы в Св. Синоде по переустройству всего быта православного духовенства должны были, по мысли вдохновителя их, обновить жизнь и деятельность православного пастырства, внести в эту дорогую для нас область жизни много новой энергии, свежести.

Как глубоко, дальновидно понимал К. П. подлежащие задачи обновления духовной жизни народной и укрепления ее

на исконных началах русских, как он ясно представлял и средства для возвышения и упрочения нравственного авторитета православного духовенства, – свидетельствует об этом одно из самых важных дел покойного. Это – возобновление церковно-приходской школы. Здесь, можно выразиться, сказалась вся душа – патриота, верного сына Церкви и искреннего радетеля о благе православного духовенства.

Как известно, церковная школа существовала на Руси искони, из этого небольшого, но крепкого и жизненного зерна выросло все наше образование. Но, слабо поддерживаемая, а потом и совершенно забытая правительством, эта школа стала сокращаться, и если продолжала существовать и питать духовною пищею народ, то иждивением, энергией, воодушевлением и нищетою многих из духовенства. Будучи порождением народной жизни, вызванным к жизни народно-православными исканиями света, она, к сожалению, мало-помалу ускользнула из поля зрения русских государственных деятелей, а потому вовремя не была поддержана. Особенно благовременна была бы эта поддержка во времена реформ Императора Александра II. Начавшееся у нас с того времени просветительное движение по образцам Запада совершенно затмило маленькую, скромную русскую школу, немало способствовавшую установлению крепких духовных связей между духовенством и народом. Новые школы с новыми задачами, между тем, далеко не всегда несли в душу народную одно только благо. Увлечение новыми теориями переустройства общественного и государственного быта начали проникать и в школу, несмотря на ее элементарность. Обучение и воспитание шло не только по новым методам, но и в направлении новых идей, революционный характер которых не замедлил сказаться в разных явлениях школьной жизни. Постепенное превращение школы вообще и тем более начальной народной школы в орудие политики, с одной стороны, а с другой, в орудие искомого революционного переворота на началах социализма и коммунизма грозило не только извращением целей просвещения и застоєм, но и полным опустошением святынь народной души. Опас-

ность становилась тем грознее и очевиднее, что призванное к стоянию на страже духовных интересов народа православное духовенство или было отстраняемо от влияния на дело народного образования, или само под влиянием увлечений тем же, чем увлекалось и все наше либеральничавшее светское общество, отходило от этого образования. Так или иначе, и в том и в другом случае преследуемая будущими «освободителями» цель достигалась: самый верный друг народа и страж интересов веры и Церкви отстраняется от народа, и общение его с народом разрывалось, и духовный авторитет его падал в глазах не только простого народа, но всей России. К сожалению, эти цели значительно осуществлены были прежде, чем нашлись люди, которые увидели грядущую опасность и принялись за исправление соделанного ими зла.

Вот почему К. П. Победоносцев и принял на себя труд воссоздать народную церковно-приходскую школу, воссоздать в жизни школы исконные русские начала воспитания, укрепить посредством деятельного участия в народном школьном просвещении нравственный и общественный авторитет православного духовенства. И этот труд был необыкновенно тяжелый. Враги Церкви, государства и русской народности сразу и отлично поняли значение задуманного дела, потому приложили все усилия к тому, чтобы оно не осуществилось, а когда это не удалось, то с не меньшими стараниями и искусством постарались создать для этого дела условия по-видимому невозможные: пусть открываются церковные школы, как бы они говорили, но без всякой поддержки государства, значит, опять-таки только энергией и средствами духовенства; рассчитывали и, к сожалению, – не ошиблись, что если не все, то известная часть духовенства уже отошла от народа, стала чужда интересам вековых начал русской жизни и смотрит на все совершающееся вокруг него глазами либерального общества, а если так, то кто же будет школы открывать, школами заведовать, в школах учить? Мало того, – отлично зная, что без материальных средств и без нравственной поддержки общества трудно, если не невозможно содержать хорошую школу, что Министерство

народного просвещения и земства, уже немало времени трудившиеся над народной школой и немало употребившие народных средств на это дело, не только не достигли совершенства, но и не приблизились к нему, — зная все это, они ополчились на возрождавшуюся церковную школу с самыми злыми обвинениями, часто недобросовестными нападками, — и все — все было сделано, чтобы уронить школу в глазах народа и пастырей, уронить при первых же шагах ее деятельности! Не будем напоминать подробностей этого лжелиберального и зловредного похода на церковную школу, но не можем не указать на такое явление в нашей жизни, как знаменитый «антагонизм» между разными ведомствами, ведающими дело народного образования, антагонизм, почти всегда разрешавшийся во вред церковной школе! В первое десятилетие своего существования церковная школа так много претерпела от «своих» и «чужих», что некоторые, даже и преданные ей, приходили в отчаяние и обращались к К. П. с вопросами — что же будет? Почему не поддержите средствами Государственного казначейства, хотя бы и небольшими? На это К. П. будто бы отвечал: если церковная школа — дело Божие и народное, то она не погибнет, если же нет, то зачем же ее поддерживать! Так или приблизительно так говорил человек, веровавший в величие и благотворность начатого дела, но поставленный при исполнении его в невозможные тяжелые условия!

Но проходит десятилетие — церковная школа не только не умирает, но необыкновенно быстро растет количественно и качественно; правительство приходит сначала со скромною помощью, а потом с более существенною, и к концу второго десятилетия церковных школ уже более сорока тысяч с двумя почти миллионами учащихся детей, ценность школьного имущества достигает десятков миллионов — имущества, приобретенного преимущественно на средства простого народа, а не казны, управление школами, подготовка учительского персонала, библиотечное дело и вообще все тесно связанное со школьной жизнью и деятельностью достигает весьма значительного совершенства.

Не будем здесь ценить дела, так развившегося, – ценность его для жизни народной настолько велика, что, думаем, далее наши тяжкие времена и все злобствующие теперь против Церкви и русского народа силы не уничтожат его, не понизят и его цены. Достаточно сказать, что миллионы детей нашли свет в церковной школе, что она, более чем какая-либо другая, приблизила Россию к осуществлению всеобщности обучения, она воспитала сознательное чувство любви к школе в народе, она украсила храм православный стройным и умирительным пением и чтением, она распространила среди народа десятки миллионов полезных для него книг... Пожалеем только, что далеко не все из православного духовенства прониклись мыслями и планами покойного К. П., а потому многое опустили, а главное, потеряли немало времени, которым можно было бы воспользоваться с великой пользой для упрочения нравственного авторитета духовенства среди масс народных. Конечно, не настало еще время для всесторонней и беспристрастной оценки всей вообще деятельности К. П. Победоносцева и, в частности, дела восстановления церковной школы, но мы можем повторить то, что когда-то, именно при учреждении должностей наблюдателей школ, сказал один из архиереев русской Церкви: необходимо пользоваться благоприятным временем и приняться за дело энергично, больше такое время не повторится для православного духовенства.

Личность и деятельность К. П. Победоносцева настолько незаурядно государственная, а главное – настолько определено идейная, что нет ничего удивительного в том, что существует, как и существовало, немало самых разнообразных нападок против него. Нападают по разным причинам. Интереснее всего те укоризны по отношению к К. П., в которых слышатся такого рода обвинения: много хорошего, увлекательного, возвышенного, истинного сказал и говорил К. П. в своих многочисленных сочинениях и речах, но, будучи высокоталантливым писателем, высокообразованным ученым, необыкновенно трудоспособным, он многого в практической своей деятельности не осуществил, нередко даже становился

в противоречие со своими сочинениями. Не в целях оправдания, но во имя истины нужно сказать на это следующее. Отбрасывая в сторону то из деятельности К. П., что является неизбежным следствием всякой деятельности («только тот не ошибается, кто ничего не делает»), что обуславливается обстановкой личной жизни, мы должны при суждении о деятельности К. П. иметь в виду – время, людей, состояние всей России и заинтересованных в его деятельности частей общества русского. После внимательного изучения всего мы придем к выводам, печальным не для К. П., а для самого общества. В сочинениях К. П., призывающих к обновлению жизни на началах веры и нравственности, к обновлению школы, семьи, общества, нам слышится не только выражение личных убеждений автора и его желания видеть в жизни осуществление этих убеждений, но и призыв к обществу, ко всем людям, не хотевшим за минутными, модными увлечениями различными теориями видеть внутреннего человека, да не только не хотевшим видеть, но и сознательно мешавшим другим это делать. Быть может, на К. П. и его деятельности особенно резко, резче, чем над кем-либо другим, сказалось, что «один в поле не воин», что самые лучшие мысли и пожелания нуждаются для своего осуществления и оживления не в одном носителе их, а и в общественной среде. К. П. Победоносцеву пришлось жить и действовать в одну из самых тяжелых эпох нашей исторической жизни, когда чувствовался всюду враг жизни, но именно такой враг, о котором точно ничего еще нельзя было сказать. А такие враги опаснее открытых.

Во всяком случае, – никто – ни друг, ни враг покойного не могут сказать, что в лице покойного К. П. сошел в могилу человек обыкновенный. Нет, все признают в нем человека необыкновенного ума, честности, глубокой преданности Отечеству, успевшего в течение своей жизни очень много сделать на пользу православной Русской земли.

Мир праху его, вечная память в русском сердце!

Киевский Епарх. Училищный Совет, стоящий во главе 1865 церковных школ, воочию убедившийся в великой

важности церковно-школьного просвещения для народа и православного духовенства, остановился на мысли почтить память К. П. Победоносцева, кроме повсеместного в школах епархии молитвенного поминовения и постановки его портрета во всех отделениях Совета, изданием сборника, посвященного памяти покойного. В этот сборник войдут как статьи, относящиеся к личности К. П. и его деятельности, так и статьи, относящиеся к жизни церковной школы. Всех, кто сочувствует этому делу и пожелал бы принять участие в составлении и издании сборника, Киев. Епарх. Совет просит обращаться к председателю Совета, преосвященному Агапиту, епископу Уманскому.

В заключение предлагаем краткие биографические сведения о К. П. Победоносцеве.

К. П. Победоносцев родился в 1827 году. Дед его был священником в Москве, а отец – профессором русской словесности в Московском университете, под руководством которого воспитывалось много вельмож первой четверти прошлого столетия. К. П. Победоносцев воспитывался в Училище правопедения, которое он окончил в 1846 году, и вскоре по окончании училища вступил на службу в московские департаменты Правительствующего Сената. Находясь на службе, он не прерывал научных занятий, помещая статьи в «Русском вестнике». Занимал последовательно должности помощника секретаря, секретаря и обер-секретаря департамента Сената. С 1860 по 1865 гг. занимал кафедру гражданского права в Московском университете. В 1860 году был приглашен в Петербург для преподавания законоведения Их Императорским Высочествам Великим князьям Николаю Александровичу, Александру Александровичу и Владимиру Александровичу¹. Одновременно с этим принимал деятельное участие в Комиссии по преобразованию судебных уставов. В 1863 г. сопровождал наследника-цесаревича Николая Александровича в его

¹ Старшие сыновья Императора Александра II: Цесаревич Николай (1843–1865), будущий Император Александр III (1845–1894) и Владимир (1847–1909).

путешествии по России, которое впоследствии описал в книге «Письма и путешествие Наследника-цесаревича по России от Петербурга до Крыма». С 1862 по 1865 гг. опять служил в московских департаментах Сената в должности обер-прокурора. В 1865 г. переехал в Петербург, где был назначен сенатором; в 1872 г. назначен членом Государственного совета. В 1880 г. назначен был обер-прокурором Св. Синода и членом Комитета министров. Должность эту он занимал по 19 октября 1905 г. После К. П. Победоносцева остался целый ряд крупных научных трудов. Часть этих трудов относится к гражданскому праву, и в числе их особенное значение имеет «Курс гражданского права». Много написано покойным сочинений по богословским наукам, а также публицистического характера. Наибольшей известностью пользуется перевод покойного известной книги «О подражании Христу» Фомы Кемпийского¹. Из публицистических трудов покойного наиболее известны «Московский сборник», в котором помещен ряд статей по современным вопросам. До глубокой старости К. П. Победоносцев продолжал свои занятия, хотя после оставления поста обер-прокурора Св. Синода совершенно удалился от дел и погрузился исключительно в кабинетные занятия.

Покойный К. П. Победоносцев состоял почетным членом многих ученых обществ и учреждений, в том числе почетным членом Императорской Академии наук и почти всех русских университетов. С 1884 г. состоял также почетным членом университета св. Владимира. В течение своей многолетней государственной службы К. П. Победоносцев неоднократно удостоивался высоких наград и отличий. Пожалован он был в статс-секретари и чином действительного тайного советника. Имел все ордена по орден св. Андрея Первозванного включительно.

¹ Фома Кемпийский (Кемпиец), Томас Хемеркен (ок. 1379–1471), немецкий монах, член духовного союза «Братьев общей жизни», предполагаемый автор трактата «О подражании Христу» (написан не позже 1427 г.). Перевод Победоносцевым трактата с латинского языка был сделан в 1869 г., затем неоднократно переиздавался.

**К вопросу о земельном благоустройстве
(Доклад Съезду Русских Людей в Москве
(27 сент. — 4 окт. 1909 г.))**

Россия — страна преимущественно земледельческая. В земледелии главнейшим образом находят средства к существованию как русский народ, так и инородцы, за исключением евреев. В самой тесной связи с успехами земледелия находятся как благосостояние народное, так и все хозяйство государственное и так называемый торговый баланс русский в отношении к международному.

Вместе с этим земледелие создает для народа наибольшее количество условий для телесного и нравственного здоровья населения и предохраняет государство от пролетариата.

Русское государство обладает множеством земли, еще невозделанной, совершенно неиспользованной не только в Северной и Средней Азии, но и в Европейской России. Слабо, первобытно использованы и те огромные пространства земли, которые испокон веков находятся в обладании и пользовании русского крестьянства.

Земледелие в значительной степени определяет и формы общественной и государственной жизни. Общность интересов, наиболее резко сказывающаяся в необходимости одновременно и в одинаковой форме пользоваться средствами для прокормления домашнего скота, определяет способы пользования пахотою, лугами, лесами и водою, а равно определяет и способы расселения земледельцев. В большинстве — объединенный вокруг единого храма, единого причта церковного, в последнее время во многих местах и единой для села церковной школы, крестьянский мир выработал для огромного большинства своего и особую общинную форму жизни и земледельческой деятельности.

Государство, как всеобъединяющее и гармонизирующее самые разнообразные способы жизни и деятельности своих членов учреждение, обязано быть особенно внимательным к

наиболее существеннейшей стороне жизнедеятельности народной. Русское государство, стоящее почти исключительно на земледелии, обязано посвятить наибольшее количество внимания своего именно земледелию и всему, что неразрывно с ним связано в жизни народной.

Во главу угла своей деятельности, имеющей в виду поднятие благосостояния народного, государственная власть и законодательство должны положить заботы о всестороннем поднятии и развитии земледелия и землепользования. Если государство находило и находит необходимым не останавливаться ни перед какими жертвами, иногда явно и страшно тяжелыми для всего населения, чтобы укрепить торговлю и промышленность в стране, и притом далеко не всегда русскими силами и не в пользу русского населения, то тем более оно обязано прийти на помощь русскому земледелию, как основе государственной жизни. Государство высоким таможенным тарифом, поощрительным железнодорожным тарифом, разного рода субсидиями, широким кредитом, коммерческими и разного рода техническими училищами, в большинстве служащими не для русского юношества, насаждало и насаждает, укрепляло и укрепляет торговлю и промышленность. Между тем земледелие и землепользование, в особенности крестьянские, оставались без серьезного внимания со стороны правительства, хотя оно всегда с трепетом следило за урожаями, не без основания ставя всю и всякую государственную роспись доходов в зависимость от этих урожаев. Для русского земледельца нет или очень мало земледельческих школ, особенно если количество существующих привести в отношение с пространством земледельческого государства и важностью земледелия для последнего; нет для него надлежащего кредита, как для целей мелиорации, так и для сбыта добытых из земли продуктов; мало было видно забот к устранению тех выработавшихся всею предшествующею жизнью государства условий, которые явно вредят экономическому благосостоянию населения, как, например, безземелья при многоземелье, сервитутов, чрезмерной чересполосицы владений,

такого же дробления наделов; до самого последнего времени самое переселение населения в многолюдные и многоземельные области государства не только не было упорядочено (оно в таком положении остается и теперь), но и, по-видимому, решительно не удостоивалось внимания правительства; кредит для приобретения крестьянами земли хотя и дан был правительством в последнее время в форме Крестьянского банка, но оказался и высоким (выше дворянского), и обставлен был такими условиями, что оказывался безжизненным и доступным не для рядового крестьянства; наконец, условия сбыта землевладельческих продуктов, по-видимому, совсем не интересовали правительство, и до сего дня залежи, а с ними и порча хлеба, понижение доходности и чрезмерное усиление посредничества, можно сказать паразитизма хлебного, — явления самые обыкновенные.

В последнее время правительство в целях повышения экономического благосостояния крестьянского населения, а равно и в целях государственных, принимает усиленные меры к тому, чтобы крестьянство перешло от общинного пользования к подворному, хуторскому, на отрубях. Таким образом община разрушается; вместо нее водворяется, иногда не без принуждения, частновладельчество крестьянское, хутор, — способ владения и жизни, известный на юго-западе и юге России и совсем неизвестный среди Центральной России. Когда нормы жизни и деятельности изменяются сами собой, в силу постепенного исторического медленно-го переустройства, тогда одновременно вырабатываются и самые условия совершающегося переворота, устраняющие мучительность перехода от одной формы быта к другой и в то же время постепенно разрешающие и все связанные с существовавшею формою быта разнообразные вопросы. Замена общинного владения хуторным естественно требует разрешения вопросов о приходской жизни населения, о церковном и школьном в приходе просвещении, о сельском самоуправлении, о правах собственности на такие предметы владения, которые не могут быть разделены по хуторам

(напр., вода, леса, сервитуты), о правах наследования и вообще о способах мобилизации земли; в той же мере важным является вопрос о том, как отразится новая форма землевладения крестьянства на взаимных отношениях членов, только что бывших в единой общине и, следовательно, связанных еще между собою самыми существенными узами. Эти вопросы, как и многие другие, в реальной жизни не маленькие, при естественном переходе от одной формы владения к другой сами собою разрешились бы. А теперь, когда идет, собственно, не переустройство самим народом землевладения и землепользования, а настоящая ломка бывшего и устройство нового, неизвестного, и притом по указаниям чиновничества, естественно возникает вопрос, не говоря уже о правильности самого нового принципа в применении к быту крестьянскому: все ли предусмотрено, чтобы не было пагубной односторонности, чтобы при замене одной формы жизни другою не были в конец потрясены важнейшие устои жизни, как личной, так и общественной и церковной?

Интересы крестьянского землевладения и землепользования и с ними неразрывно связанные интересы государства указывают, таким образом, на необходимость осуществления правительством следующей программы.

1. Самое широкое развитие сети земледельческого и сельскохозяйственного просвещения посредством:

а) школ, начиная с самых низших, даже не самостоятельных (напр., в виде отдельных классов при школах одноклассных, двухклассных общеобразовательного типа), до высших, имеющих целью своею приготовление руководителей на местах (в волостях, уездах и губерниях) сельскохозяйственную деятельность;

б) опытных полей, пастбищ, огородов, тукоудобрительных заведений, опытных лесонасаждений и т.п. учреждений, непременно поставленных вблизи, на глазах, и вполне доступных для крестьянства;

в) ферм, хуторов с многочисленным хозяйством, с грядковой культурой хлебов;

г) оросительных каналов, колодцев и вообще опытного научения пользованию естественными водами и искусственными сооружениями для целей обводнения безводных пространств и во время засух;

д) опытных и образцовых стад всех видов скота, производителей улучшенной породы скота;

е) складов земледельческих орудий, наиболее доступных по цене, устройству и пользованию при местных условиях;

ж) зерно- и вообще семяхранилищ для распространения в народе улучшения пород хлеба и всех других злаков.

2. Самое широкое обеспечение сбыта продуктов земледелия, животноводства и птицеводства посредством:

а) улучшения проселочных, шоссейных и водных путей сообщения;

б) согласования тарифов по перевозке хлебных товаров и других продуктов сельского хозяйства с экономическими интересами железных дорог и таковыми же сельского хозяйства и безусловное устранение так называемых залежей;

в) устройства складов-элеваторов в удобных, центральных среди сел местностях для хранения хлеба во время или бездорожья, или понижения цен, ссудами под этот хлеб и вообще с кредитом, обеспечивающим возможность ожидания, сохранности хлеба и возврата ссуд;

г) деятельности государственной при удовлетворении общегосударственных экономических нужд в направлении – прежде всего использовать хлебные запасы русского земледельческого класса: государство всегда имеет нужду в продуктах земледелия для удовлетворения своих общегосударственных потребностей (напр., интендантских), и потому оно должно принять все меры к предоставлению возможности самим земледельцам являться непосредственными поставщиками необходимых продуктов для этой цели, а равно и все меры к устранению посредничества между органами правительства и производителями, в особенности того посредничества, которое, ничего не давая ни стране, ни населению, ни государству, способствует развитию крайне разорительного и в той же мере развращающего паразитизма;

д) организации самого деятельного и действительного контроля над деятельностью экспортных контор, ныне нередко с целями чрезмерной наживы намеренно портящих хлеб и другие продукты и тем самым понижающих и ценность русских экспортируемых товаров, и доверие к русским землевладельцам и торговцам.

3. Самое широкое развитие государственного мелкого кредита для земледелия и землепользования посредством:

а) учреждения кредитных и ссудосберегательных товариществ в приходах, волостях, уездах и губерниях;

б) упорядочения деятельности Государственного банка в направлении русско-национальном, с целью оказывать действительное содействие русской торговле земледельческими продуктами, прекратить пособничество развитию посредничающего кредита, тем более пособничество спекуляции, ажиотажу в хлебной торговле, скупничеству и искусственно создаваемой хлебной биржевой игре; решительно устранить из практики Государственного банка залог и перезалог накладных по хлебным грузам евреями, как известно, никогда ни единого зерна не добывающими, преследуя строго всякие попытки фиктивных сделок с евреями, таковых же доверенностей на их имя от русских помещиков, тем более от крестьянских обществ;

в) развития специального мелиоративного кредита с целью введения и укрепления в жизни народной лучших земледельческих орудий, лучших семян, улучшенного садоводства, огородничества, пчеловодства, домашнего скота и птицы.

4. Пересмотр таможенных ставок на предметы необходимости для земледельческого быта с целью:

а) понижения до минимума пошлин на эти предметы и соответствующего возвышения их на предметы роскоши;

б) открытия доступа в крестьянскую земледельческую промышленность не только улучшенных орудий и семян, но и разных удобрительных туков, в России не производящихся.

5. Всесторонний пересмотр законодательства о землевладении и землепользовании иностранцами, инородцами, и в особенности евреями, с целью:

а) решительного устранения евреев от аренды, часто фиктивной, и скупки земель в губерниях вне черты еврейской оседлости;

б) установления точных условий участия евреев в эксплуатации лесных и иных богатств, дабы устранить не только хищничество евреев в этой области, но и экономическое рабство русского населения, часто закабаляемого евреями;

в) установления решительных мер к устранению евреев от покупки, владения и аренды земель в черте оседлости, хотя бы все это и совершалось под прикрытием разных обществ, товариществ, от занимания разных начальнических должностей в польских и русских имениях, так как пользование евреями такими должностями всегда вело и ведет к самому тяжкому эксплуатированию и развращению населения;

г) точного определения, что евреи ни в каком случае не могут жить в селениях с русским населением;

д) определения, насколько соответствуют целям государства и населения так называемые еврейские земледельческие колонии;

е) законодательного ограждения экономических и иных интересов русского населения и государства при арендах и иных видах землепользования иностранцами и иностранными компаниями.

6. В частности и в особенности – пересмотр законодательства о землевладении и землепользовании в Западном крае, в белорусских и литовских губерниях, с целью поднять прижатое, до последней степени угнетенное положение белорусского и литовского православного крестьянства и оградить, хотя бы на будущее время, население этого края от насильственной колонизации и германизации посредством усиления крупного польского и немецкого землевладения и эксплуатации земельных богатств чрез посредство арендаторов, иногда фактических владельцев-евреев; положение русского и литовского населения в Западном крае настолько плачевно и тяжело, что необходима быстрая и решительная помощь со стороны государства, и если последнее не сделает этого, то оно совер-

шит величайшее преступление пред народом, как бы отданным заведомо и нарочито на поглощение его полонизмом и на унижительное положение кабального у евреев и поляков.

7. В целях поднятия благосостояния населения и надлежащего использования им продуктов добывающего земледельчества правительство должно обратить особое серьезное внимание на развитие сельскохозяйственных винокурен, пиво- и браговаренных, свеклосахарных заводов, виноделен из виноградных лоз, ягод и фруктов.

8. В тех же целях правительство ведет решительную борьбу с разного рода нормировками (напр., в сахарном производстве), являющимися в существе теми же трестами, синдикатами, тем более с этими последними, на какой бы предмет народного потребления они ни были направлены.

9. Правительство принимает все меры к упорядочению так называемых отхожих промыслов: оно решительно ведет борьбу с организованным нищенством (отход целых селений «в кусочки»), с обманными зазываниями на работы возможно большего количества рабочих рук при сравнительно малом количестве работы; со всеми теми приемами собирания рабочих, какие практикуются чаще всего в Юго-Западном крае на работах в свеклосахарных плантациях (музыка, пение, попойки и нарочитое группирование в партии юношей и девушек) и какие исключительно придуманы евреями; оно озабочивается собиранием точных сведений о потребности в рабочих руках в различных местностях России и своевременно осведомляет, сообразно роду занятий населения, все местности, где наиболее развиты отхожие промыслы; оно, в доступных для правительства и не стеснительных для рабочих и предпринимателей границах, регулирует не только заработную плату, но и в особенности формы взаимных отношений между работодателями и рабочими и вообще формы быта последних на работах, с целью предотвратить по возможности появление нравственной распущенности, гибель заработка, разнообразную болезненность; на эту сторону дела необходимо обратить особенно серьезное внимание, так как отхо-

жие промыслы, вследствие их крайней неупорядоченности и невнимания к ним со стороны правительства, для многих местностей явились источником обнищания, крайней нравственной распушенности, падения религиозности, семейной жизни, распространения ужасных болезней, самой усиленной противогосударственной пропаганды.

10. Как известно, большинство русского населения от трех до пяти месяцев в году не имеет никаких занятий, что страшно понижает не только вообще экономическое благосостояние населения, но и возможность наилучшего использования добытых из земли продуктов и вообще самую способность к труду. Ввиду этого правительство принимает все меры как по насаждению разного вида кустарной промышленности посредством специальных школ и образцовых опытов (по преимуществу для взрослых) кустарных заведений, так и по сбыту произведений кустарей, организуя для этой цели специальный кредит, учреждая железнодорожный и таможенный тариф в смысле поощрения кустарного производства; особенного внимания в этом отношении заслуживают те местности, где кустарное производство существовало (напр., лычное ткачество в Пензенской и др. губ.), но забыто мануфактурным производством; с тою же целью использования зимних месяцев и других свободных от земледельческих работ правительство (собственно – Министерство земледелия, промышленности и торговли) развивает в эти месяцы общегосударственные и общественные работы; что касается таких работ, как заготовка леса для сплава, то правительство принимает все меры к устранению в этом зимнем и отчасти весеннем промысле всего, что способствует развитию болезней и эксплуатации рабочих.

11. Ввиду того, что на использование добытых земледельческих продуктов, в особенности хлебных, оказывают серьезное влияние время и способы взимания с населения всех прямых налогов (государственных, земских и общественных), то правительство, сообразно условиям местности, урожайности, сбыта, состоянию погоды и др., устанавливает такие способы взыскания, которые бы несколько не понижа-

ли стоимости продуктов или не вынуждали бы к торопливому и убыточному сбыту их.

12. Значительнейшая часть указываемых мероприятий по поднятию земледельческой промышленности и благосостояния земледельческого класса населения должна быть предметом самых усиленных забот земства, чем в значительной степени умалился бы бюрократический характер опекунства над массой народной. Но, принимая во внимание предшествующую деятельность большинства земств и в видах предупреждения возможности внесения в эту великой важности область государственной жизнедеятельности политиканства, тем более противогосударственного, необходимо желать со стороны правительства самого всестороннего контроля и даже руководства деятельностью в этом направлении земства. Что касается возможности укоризн по направлению к рекомендуемым и желательным мерам для возвышения сельскохозяйственной деятельности в государстве в том, что почти все здесь возлагается на усмотрение и заботливость правительства и нет, по видимому, места самостоятельности самого населения, то необходимо иметь в виду, что: а) вся предшествующая деятельность правительства, общественных учреждений и отдельных классов населения была именно такого характера, что у земледелия, вследствие особенной и энергичной заботливости правительства о других видах промышленности, отнята в значительной степени самая возможность самостоятельности и потому нужна безусловно перемена в курсе экономической и финансовой деятельности правительства прежде, чем земледельческий класс может приступить к чему-либо определенному и продуктивному для возвышения своей промышленности; и б) по мере нарастания у населения инициативы и средств для деятельности – опека правительства должна низводиться постепенно в область законодательства, охраны правильности и согласованности движения всех отраслей государственной деятельности.

13. Причины неясности, неустойчивости взглядов правительства на землевладение и землепользование, как общественное, так, в частности, и на крестьянское, коренятся

главнейшим образом в ненациональности собственно самого настроения правящих кругов, в отчуждении их от жизни и в постоянном искании мотивов для своей деятельности в сентиментально-космополитических теориях, навеваемых по преимуществу врагами русского народа или просто искателями источников наживы и наиболее прибыльных мест для приложения своих капиталов и знаний. Всегда смиренные до потери самостоятельности ученики Запада, наши правящие круги в данном случае свое западничество как бы забывают и не видят того, как западные народы, несмотря на все великое различие условий, сравнительно с нами, их материальной и идеальной культуры, ревниво оберегают народность труда, землевладения и землепользования. Всегда слабо знакомые с уроками истории, наши правящие круги свою слепоту в данном случае доводят до того, что не видят судеб Турции и всех тех стран, куда проник европейский капитал, а с ним и права Европы на контроль над всеми сторонами жизни закабаляемых переее всего капиталом народов.

14. Ввиду этого именно в целях наилучшего для русского народа земельного благоустройства правительству необходимо установить строго национальную точку зрения на землевладение и землепользование в Российской империи и на формы того и другого в крестьянской среде. Именно – необходимо:

а) твердо определить в законе, что все земли в Российской империи, не заселенные, не принадлежащие ни частным лицам, ни учреждениям, принадлежат русскому народу, как народу-хозяину – завоевателю и устроителю Русского государства, и принадлежат не только в форме отвлеченного права собственности общегосударственной, но и фактически, причем последнее выражается в праве беспрепятственного, под руководством и при поощрении со стороны государства, заселения избытком своего населения всех пространств, никем не занятых, никому не принадлежащих или занятых незаконно и с нарушением прав русского народа;

б) принять все меры к упрочению и расширению русского землевладения и землепользования в западных, финлянд-

ских и кавказских губерниях, т.е. именно в тех местностях и областях государства, которые потребовали от русского народа наибольшего напряжения и жертв, которые только благодаря этим жертвам достигли современного благосостояния и в которых русскому человеку, по вопиющей несправедливости, живется всего хуже, всего тяжелее; этого укрепления и расширения русского землевладения и земледелия требуют и государственные интересы, и самая элементарная справедливость; в частности, государство немедленно должно приступить к восстановлению и возвышению государственных прав русского населения в указанных областях, к устранению всего, что открыто или косвенно (напр., посредством земельных банков) способствует сохранению существующего инородческого умирающего землевладения и искусственному устранению русского населения от землевладения и землепользования; к насаждению в этих областях специальных учреждений, целью которых было бы оказывание материальной и всякой иной помощи русскому населению как вообще, так и, в частности, в деле приобретения земли и расширения пользования ею;

в) направить правильно организованное переселение избытков русского населения прежде всего на Кавказ, в Сибирь, а потом в Среднюю Азию, принявши все меры к ограничению наплыва в эти области чужеземцев и инородцев, в особенности евреев, армян, поляков и японцев;

г) принять все меры к возможно лучшей постановке дела на металлургических и иных промыслах с целью сохранить их в русских руках, предотвратить овладение всеми существенными источниками народного богатства иностранцами и поставить иностранный капитал в чисто служебное положение; в частности – на этой стороне дела необходимо сосредоточить немедленно все силы правительственной воли и власти именно в западных русских губерниях, где русское население находится, по-видимому, накануне гибели его материальной и духовной самобытности, а равно и в Восточной Сибири, где русское население оказывается пока слабым пред напором японцев, американцев и отчасти китайцев.

15. Придавая совершающемуся ныне переустройству крестьянского общинного землевладения и землепользования в частновладельческое, хуторное, самое существенное значение для будущей государственной и экономической жизни русского народа, признавая довольно значительные недостатки для населения в формах общинного землевладения и землепользования, нельзя скрывать от себя и этих недостатков, даже великих опасностей, которые неизбежно явятся в жизни народа при переходе его на отрубное частновладельческое землевладение и землепользование, если только своевременно не будут приняты меры, устраняющие эти недостатки и опасности. Вот почему необходимо:

а) переход общины к частновладетельству делать без принуждения, принявши все меры к ограждению прав общинников и частновладельцев;

б) обратить внимание, чтобы при расселении крестьян на отруба и хутора не было создано более или менее значительных препятствий к удовлетворению церковных и вообще религиозных потребностей населения, а равно потребностей в просвещении: удаленность от храма, школы, причта уже и теперь во многих местах России дает себя чувствовать именно заметным ослаблением религиозности населения и его усердия к школе и обучению детей в этой школе;

в) точно установить условия продажи, залога, передачи по дарственным и наследству участков земли, раз навсегда устранивши возможность сосредоточения этих участков в немногих руках посредством скупки их кулаками и тем самым устранивши быстрое и страшное, опасное развитие пролетариата именно крестьянского, в своем распоряжении, вследствие необразованности и неремесленности, не имеющего никаких, кроме земли, ресурсов к жизни и потому неизбежно имеющего лечь всею своею тяжестью на государство или создать самый опасный элемент для государственной жизни;

г) строго и без всякой возможности каких-либо исключений наложить запрет перехода каким бы то ни было путем (продажи, аренды и т.п.) крестьянских, как, впрочем, и поме-

щичьих, земель в руки евреев и иностранцев; опыт Галиции и наших западных губерний вопиет об этом, ибо самым ужасным для народного духовного и материального благополучия является еврейское землевладение и землепользование;

д) оставить крестьянским обществам тот вид поселков, какой и ныне существует (сплошными селами), если только они пожелают, с точным разграничением усадебной земли, выгонной, пастбищ и превращением полей в отруба; к такой форме владения, объединяющей хотя бы видимо прежнее с новым, у населения Центральной России заметно особенное тяготение, и к понудительному переходу на отруба приходится прибегать чаще всего вследствие этой именно причины.

16. С современным переустройством общины в частновладельчество и вообще с заботами правительства о крестьянском землеустройстве тесно связана деятельность Крестьянского Земельного банка и ликвидационных комиссий. Необходимо:

а) или деятельность Крестьянского Земельного банка объединить, слить с деятельностью Дворянского банка, или поставить ее в совершенно тождественные условия с последним как в отношении кредитования крестьян под землю, так и в отношении размеров взимаемых по ссудам % и самих способов взимания этих процентов;

б) деятельность ликвидационных комиссий привести в полную гармонию как в отношении с общими государственными целями (прежде всего удовлетворяется потребность в земле русского населения), так с условиями местной жизни, причем в этом отношении необходимо обеспечить правильность действий этих комиссий в интересах населения указаниями не делать никаких отступлений или обычных у нас исключений;

в) в частности — деятельность ликвидационных комиссий должна быть направлена с особой заботливостью на поддержание, укрепление и усиление русского землевладения именно православного крестьянского в западных губерниях, и существующие законоположения по этому предмету не только не должны быть обходимы или умаляемы разного

рода исключениями или толкованиями, но даже усилены правительством с целью решительного выступления на защиту православно-русского населения в этом крае от окончательной гибели в море полонизма;

г) эта деятельность должна, далее, прежде всего, быть направлена на наделение землею безземельных русских в этом крае, на выселение в более или менее крупные поселения с однородным населением – русским – всех тех русских семейств, которые оказались как бы вкрапленными в массы поляков и католиков.

17. Правительство, обладая громадными залежами незастроенной и необрабатываемой земли, вполне годной для земледелия и тем более для других промыслов, должно принять все меры к удержанию крупного поместного и дворянского землевладения, особенно же удовлетворительно поставленного в хозяйственном отношении. Не говоря уже в данном случае о священном праве собственности, – необходимо иметь ввиду, что такие владения являются наглядными школами высшей земледельческой культуры и источниками для добывания средств к жизни соседним крестьянством зимою и летом. Что касается русского крупного землевладения в Западном крае, насажденного здесь правительством посредством льготной продажи земли чиновникам и другим русским людям в целях поддержания русского населения, то правительство должно немедленно приступить к тщательному обследованию этих владений и способа пользования ими с целью привести их в полное соответствие с положенными в основание существования и происхождения этих имений целями, немедленно же устранить вопиющие нарушения этих целей, как самими получившими имения от казны, так и их наследниками, посредством отдачи имений в аренду евреям, полякам и далее перепродажи последним и вообще перехода имений посредством браков и на правах наследства к полякам и инородцам.

18. Правительство принимает меры к немедленному уничтожению чиншевого владения землею и владениями в городах и местечках с русским населением с превращением тако-

вых владений в собственность русского населения; что же касается чиншевого владения еврейского и иных инородцев, то оно уничтожается посредством превращения его в арендное.

Сила веры. Ужас неверия
(Почтение и вечернее собеседование в неделю 24-ю)

Кто был сегодня у литургии, тот слышал евангельское чтение, положенное на этот день Св. Церковью. Необходимо уразуметь весь смысл этого чтения, дабы и мы, как и слышавшие и видевшие сотворенное тоже Спасителем мира непосредственно от Него, могли извлечь из этого чтения все душеспасительное научение для себя и для окружающих нас. А если мы хорошенько вникнем в глубокий смысл ныне чтенного евангельского повествования, то поймем, как оно важно, насколько велико Его научение именно для наших дней, для нас, для наших детей.

Во время оно Господь благоволил совершить на глазах великого множества народа одновременно два великих чуда и вместе с тем указал недоумевающему и восхищенному народу, где кроется причина такого великого благоволения и милосердия Господня. Вот женщина тяжело страдала в течение двенадцати лет мучительною болезнью, ежедневно, ежедневно истощавшею ее и неизбежно приближавшею к смерти. Бедная, — она в своих исканиях спасения от неминуемой преждевременной смерти обращалась и к врачам, и несомненно принимала и многие другие меры, чтобы прекратить болезнь.

Для этого она не щадила ничего; но, несмотря на это, не получала никакого облегчения в болезни.

Она расточила все свое имение на лечение и достигла только одного — осталась больною и нищею. Казалось, — все для нее было кончено, смертный приговор неизлечимой болезнью для нее был подписан. Она, братие, была поставлена на краю отчаяния, того именно отчаяния, которое часто приводит людей к величайшему смертному греху — самоубийству.

Что думала, что чувствовала бедная страдальца, мы всего не можем знать, а никогда не страдавшие и своей души совестью своею не проверявшие и не могут понять ее терзаний, ее мук. Но из всего, что совершилось потом пред глазами множества народа, мы видим только одно: несмотря на великие страдания, на неизбежность преждевременной смерти, именно от этой неизлечимой болезни, душа бедной женщины хранила в себе нечто такое, сильное, могучее, что охраняло ее именно от отчаяния, что заставляло ее ждать спасения от болезни, что притупляло ее муки. И это хранимое в глубине души, быть может, неизвестное даже самой женщине сокровище дало ей возможность дожидаться спасения.

Прошел по всей земле Иудейской и окрестным землям слух, что явился Великий Учитель, Великий Чудотворец. Народ толпами устремился послушать этого Учителя, посмотреть на его великие чудные дела. Многие шли, несомненно, только из присущего легковерным людям простого любопытства, глубин души и сердца человеческого не трогающего. Но были среди этого множества и люди, искавшие для себя спасения, жаждавшие слышать слово истины, и эти последние получали то, чего искали, чего жаждала их истомленная поисками правды душа. Дошел слух о Великом Учителе и Его чудесах и до бедной женщины. И что же? Она, несмотря на изнурительную болезнь, несмотря на множество народа, окружавшего плотною стеною Учителя, несмотря на скудость своих средств, устремляется к Нему. Для чего? Многие шли к Нему, чтобы совопросничать и из этого совопросничества извлечь для себя какое-либо новое знание. Многие шли, как сказано, из любопытства. Даже те, кто искал, искал нелицемерно утешения и избавления от болезней, устремлялись к Нему с целью словом, видом своих страданий вызвать сострадание Спасающего от бед Учителя. Но женщиной в ее стремлении к Учителю руководило нечто большее, нечто более умильное и могущественное. Она не искала, даже как будто сторонилась, избегала словесного обращения к Иисусу. Она только знала, чувствовала всю свою душою,

что необходимо только приблизиться к Нему, несущему всем страждущим и обремененным исцеление и облегчение, и Он сотворит ей благо, соделает ее здоровою. И вот – она, с великими усилиями пробравшись через толпу и тем еще более увеличивши болезнь свою, рукою своею только касается края ризы Господней! Слышите, – люди Божии, – только касается, касается ризы Господней та, которая исстрадалась и обнищала в течение своей долговременной болезни! И что же? Только коснулась – ток ее болезни мгновенно остановился, и она, радостная, спешит скрыться, не останавливаясь среди толпы для разглагольствований о себе и о чуде, над ней совершенном! Сколько скромного, истинно великого смирения, возвеличенного и данного всему миру в научение! Какое великое множество той силы, того сокровища, которые хранили страдальцу в течение двенадцати лет от отчаяния и привели ее ко Господу! И вот Господь раскрыл, указал всему роду человеческому – как называется то великое сокровище, которое дает – и все – по-видимому потерявшему в жизни силы возможность жить и действовать во славу Божию и на свое спасение. Это сокровище – *вера*, – не та вера, которая только на устах, а та вера, которая движет ослабленными силами, которая влечет человека к источнику спасения, которая заставляет человека жить для этого и дает ему возможность преодолевать все, по-видимому, непреодолимые препятствия. Такова была вера страдавшей женщины. И Господь – сказал: «Дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя; иди с миром».

В то же время искал милости Господней Иаир, начальник синагоги. У него была при смерти единственная дочь. К смерти она была приговорена отчаявшимися в ее спасении лекарями. Иаир на коленях умолял Спасителя прийти в дом и спасти от смерти дочь. И вот, когда совершилось исцеление больной женщины, когда в душе Иаира еще более укрепилась надежда, что прибытие в его дом Спасителя избавит дочь от неминуемой смерти, приходят из дома Иаира и сообщают: «Дочь твоя умерла, не утруждай Учителя!» Что должен был пережить в душе своей в это мгновение Иаир, – могут понять только те,

кто имеет детей и кто любит их, кто их телесною и духовною жизнью дорожит, как своею! Пред народом же, только что видевшим чудо исцеления безнадежно больной женщины, совершилось следующее. Пришел посланный из дома Иаира и, несомненно, отвечая тайным мыслям его, говорит: «Дочь умерла, так уж не утруждай Учителя!» Что это значит? А это значит, что Иаир и его домашние, на основании неоднократно совершенных Спасителем чудесных исцелений больных, думали, что Учителю дана сила исцеления больных, но не больше, а потому у посланца и вырвалось такое слово – «не утруждай Учителя», – как бы с намеком, что это будет уже бесполезно. Но что же сказал огорченному и близкому к отчаянию отцу Тот, Кто только что исцелил больную и сказал во всеуслышание людей, что именно низвело на болящую милость Божию, обратило любовь Божию во всеисцеляющую благодать? Он сказал Иаиру: «Не бойся, только веруй, и спасена будет». Сердце, поверженное в беспредельную скорбь, сердце и дух, сокрушенные горем, – что ты, сердце человеческое, должно было почувствовать, слыша эти великие, но простые, часто на языке людском повторяемые, но столь же часто не сопровождающиеся благими последствиями слова!? Сердце Иаира преисполнилось глубокою верою, он последовал в дом свой за Учителем и своими очами, омоченными слезами величайшего земного горя, увидел новое чудо – воскресение своей любимой дочери, воскресение ее по слову Божественного Учителя! Вот какова сила веры! Веруй – и спасен будешь, вера твоя спасет тебя, – так сказал Спаситель всему роду людскому!

Так сказал Спаситель и чудом, совершенным пред множеством народа и даже пред лицом насмехающихся над Ним, подтвердил для ума человеческого, всегда склонного к сомнениям, непоколебимость возвещенной Им истины. И великое множество людей приняло эту истину, ею в жизни руководились и руководятся, и многое множество исцелений и спасения душ от отчаяния и гибели временной и вечной явлено миру человеческому по неизреченной милости Божией к грешному роду человеческому – по вере чад Божиих.

Но что же мы видим теперь? Среди великого множества прегрешений, среди суеты житейской, жестоко огрубевшими сердцами мы не чувствуем, не слышим того великого, страшного стоны, коим покрывается все более и более земля Святорусская, – тем стоном, в коем слышится и отчаяние, и презрение к жизни, коим сопровождаются так усилившиеся и с необыкновенною легкостью совершающиеся расчеты с своею и чужою жизнью. Вот юноша, только вступающий в жизнь, пред которым раскрывается долгая дорога жития и делания, – при первой же встрече с неожиданно, а чаще всего нежеланно ставшим препятствием спешит уйти из жизни! Вот отрок, еще жизни не знающий, вследствие самой пустой неудачи школьной смело, безбоязненно сам свою жизнь губит! Вот одержимый завистью, злобою, быстро вспыхнувшим чувством, часто не добрым, часто животным, – губит других, губит и себя. Вот – любитель легкой жизни, снедаемый жаждою наслаждений и только наслаждений в жизни, – и он не останавливается пред разорением своего и чужих семейств и, когда чаша наслаждений испивается до дна, до той горечи, которою всегда оканчивается наслаждение, равнодушно пускает себе пулю в лоб! А эти убийцы, а эти разбойники, – разве они не творцы ужаса нашей жизни, они равнодушны к своей и чужой жизни! Но самое печальное из зрелищ представляют в настоящее время те, кто, впавши в горе, нищету или тяжелую болезнь, не только страшным ропотом, часто граничащим с богохульством, наполняют дома свои, сердца свои и сердца детей своих, но открыто призывают к восстанию на свою и других жизнь, губят себя и своих малолетних детей, якобы спасая от нищеты, порока и голода! Очевидно, ужас охватывает их сердца, и холод смерти покрывает самые естественные стремления животной жизни к самосохранению, и ничто, ничто, даже сознание вечной гибели и вечных мучений, не останавливает их самоубийственную руку.

Где же причина столь великого несчастья земли родной, народа, братьев родных? В неверии, в том неверии, которое все более и более охватывает мир и в частности наш народ, в том

неверии, которое превращает жизнь человеческую не в дар Божий, а в игрушку своевольных необузданных страстей! Плохо воспитанные в семье дети идут в школу и здесь с совершенно заброшенным, никем не воспитываемым сердцем научаются преувеличенно относиться к силе науки, к мощи разнообразных сказаний о благоустройстве жизни и выступают в жизнь с неизъяснимою гордостью и самонадеянностью разума своего, не зная, забывая, что в жизни далеко не все пути усеяны розами, что жизнь человеческая протекает далеко не по одним велениям и указаниям разума человеческого, что она, эта жизнь, здесь на земле только самая незначительнейшая часть бытия человеческого. Все сведши на землю, все ограничивши пределами земли и хотениями своими, люди потеряли руководящую силу жизни, забыли Бога и Его заповеди и встали на распутьях своего земного странствования с одним только мерилom – себялюбием. Вот где причина горя! Вот где причина ужаса современности нашей! Так удивляйтесь, православные, тому, что земля покрывается стоном, проклятиями, злобою, ненавистью, кровью и над всем царит равнодушие к жизни и неестественная любовь к смерти, как последнему лекарству от обуревающих род людской болезней и напастей. Господи! Невольно вырывается возглас – спаси мятущихся людей, всели в их сердца то сокровище, которое страсти людские умирят, жизнь сохраняет, которое спасает людей!

Вот, братие, когда вникните вдумчиво, с открытою совестью в то, что совершается вокруг нас, и в то, что нам говорит Слово Божие, тогда поймете и причину бед наших, всего того ужаса жизни, который, как едкий, всеуничтожающий туман, расстилается над нашею жизнью и уничтожает ее, и то действительное, Божественное сокровище, которое и само неизреченно ценно, и дает такую же цену жизни.

Веруй, говорит Спаситель, и спасен будешь! Отцы семейств! Вы в ежедневном труде, и вне дома, и внутри своих домов, вы знаете, как скользка жизненная дорога, вы знаете, что без веры, хотя бы в успех маленького начатого дела, нельзя ни начинать, ни вести никакого дела, вы знаете, как много соблаз-

нов, испытаний в жизни. Учите своих детей вере Христовой, внедряйте в их души веру в Бога, в Промысл Божий, внедряйте словом своим, более же всего примером жизни своей. Этим, только этим вы спасете жизнь своих дорогих детей от злого искушения, от ропота, от отчаяния.

Матери, – вы, более всего сердцем своим страдающие за своих детей, вы, более чем кто-либо понимающие душу дочери и сына, – своим материнским сердцем зовите их ко Христу, лелейте в их сердцах веру искреннюю, веру безграничную в милость Божию, Его любовь к людям, ставьте их с собою на молитву, вместе с ними идите в храм Божий, научайте их Слову Божию. Этим вы спасете их от болезней душевных и телесных, дадите им в руки могущественнейшее средство для достойного прохождения жизни.

Дети, – пред вами только что открывается жизнь, жизнь долгая, с извилинами, неизвестными ни вам, ни вашим близким путями. Запасайтесь же теперь, теперь, как только разум ваш начинает раскрываться, как только появились проблески желания жить и служить ближнему, запасайтесь семенами, из которых одних произрастает в жизнь все доброе, все великое, все прекрасное, из которых вырастает жизнь, достойная человека, сотворенного по образу Божию и подобию Его. Теперь, когда ваше сердце еще не огрубело, когда пыль и грязь жизни не осели на нем, когда ваш чистый взор и незапятнанная совесть открыты более, чем когда-либо, закону истины Божественной, – теперь полагайте твердые основы вашей жизни. Затвердите, никогда не забывайте и всегда в жизни руководствуйтесь, что без веры невозможно угодить Богу, что неверующий равен безумцу, что без веры, как кораблю без якоря и компаса, нельзя пускаться в житейское море. Веруйте и любите Господа Бога – и будете спасены в вашей жизни от непосильных, непереносимых мучений.

А теперь все помолимся пред ликом Спасителя и Его Матери, помолимся, чтобы Тот, Кто возлюбил мир паче Своей жизни, дабы Та, Которая у Креста Своего единокровного Сына Божия омочила обильно материнскими слезами многогреш-

ную землю, – дабы Они укрепили в нас веру и спасли нас от ужасов современной нашей жизни.

Помолимся коленопреклоненно и пойдем в дома свои, чтобы провести остаток текущего дня в чтении Слова Божия, в богомыслии, в мире и любви. Верьте, – так проведенный день и вечер его даст освежение телу и душе, истомленным шестидневною суетою житейскою. Знайте и испытайте, что после проведенного в чтении Слова Божия дня воскресного вы наутро встанете с бодрюю душою и телом, с радостью приметесь за свой ежедневный труд и легко, честно, с удовлетворенным сердцем исполните его. – Аминь.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП
ГЕРМОГЕН (ДОЛГАНЕВ)
(25.IV.1858—16[29].VI.1918)**

Георгий Ефремович Долганев родился в семье единовещного священника Херсонской епархии, который впоследствии принял монашество. По окончании духовной школы сдал экзамен на аттестат зрелости при классической гимназии г. Ананьева Херсонской губ., получив право поступить в университет. Окончив Новороссийский университет в Одессе по юридическому факультету, избрал все-таки путь служения Богу, чему немало способствовал архиепископ Херсон-

ский Никанор (Бровкович), и поступил в С.-Петербургскую духовную академию. В 1892 г. принял монашеский постриг, а 15 марта 1892 г. был рукоположен во иеромонаха. Окончив в 1893 г. академию, был назначен сначала инспектором, а затем ректором Тифлисской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. На Кавказе он немало потрудился и на ниве миссионерства. 14 января 1901 г. в Казанском соборе Петербурга хиротонисан во епископа Вольского викария Саратовской епархии, а уже в 1903 г. получил назначение на самостоятельную кафедру, став епископом Саратовским и Царицынским. В том же году он был назначен присутствовать в заседаниях Св. Синода. С большой любовью относился к владыке св. прав. Иоанн Кронштадтский, не раз говоривший, что может умереть спокойно, т.к. епископы Гермоген и Серафим (Чичагов) продолжают его борьбу за православие. О. Иоанн, предрекая мученическую кончину святителя, писал ему в 1906: «Вы в подвиге; Господь отверзает небо, как архидиакону Стефану, и благословляет Вас».

С началом смуты 1905–1907 епископ Гермоген повел бескомпромиссную борьбу с революционной агитацией и попустительством местных властей к либералам и социалистам. Он стал одним из вдохновителей и активных деятелей патриотического движения. Владыка заявлял, что он пришел к убеждению, что «необходимо нам, пастырям, пользоваться теперь не храмом только для руководства своих пасомых, но и общественными организациями». Твердая и мужественная позиция в деле патриотической борьбы снискала ему глубочайший авторитет у деятелей монархического движения. Показательно, что *Третий Всероссийский Съезд Русских Людей* в Киеве 1–7 окт. 1906 г. направил приветственные телеграммы всего только пяти архиереям: митр. Владимиру (Богоявленскому), архиеп. Антонию (Храповицкому), еп. Алексею (Молчанову), Никону (Рождественскому) и Гермогену. В ответной телеграмме владыка писал: «Господь да объединит вас крепко, могуче, и да оденет вас всех одеянием несокрушимым из пламенной, до смерти непобедимой ревности о

защите Веры, Царя и Отчизны». Владыка опасался, что монархическое движение, увлекшись политической борьбой, погрязнет в склоках и развалится. Для предотвращения такого развития событий он стремился поставить патриотическое движение на твердую почву православного мировоззрения. С этой целью в 1907 г. по его инициативе Саратовский отдел Союза Русского Народа был преобразован в Православный Всероссийский Братский Союз Русского Народа. Выступая на торжествах в связи с открытием Союза, которые проходили в Духов день, епископ Гермоген выражал уверенность, что «теперь, поставив дело на твердой почве религиозного и патриотического воодушевления, просвещенные светом христианской веры, объединенные в живом Христовом теле – в Святой Православной Церкви, – мы можем быть уверены, что дело наше задумано бескорыстно, исполнено свято и стоять будет прочно, на незыблемых основах». Устав Союза, утвержденный епископом Гермогеном в праздник *Казанской* иконы Божией Матери, 8 июля 1907 г., определял, что покровителем Союза и его почетным председателем является епархиальный архиерей. Среди требований к членам Союза был один пункт, который отличал новую организацию от прочих монархических союзов и партий: членами могли быть не просто природные русские, православные обоего пола, любого сословия и состояния, но обязательно «ведущие жизнь согласную с учением Православной Церкви».

В 1910 г. епископ Гермоген выступил против постановки богохульных пьес в саратовском театре, из-за чего у него возник конфликт с губернатором. Чиновники начали распространять о владыке сведения, как о человеке неуживчивом. К 1911 г. у него испортились отношения с Г. Е. Распутиным, которого вначале Гермоген активно поддерживал. Однако затем, разойдясь с ним по ряду вопросов, владыка сделался одним из самых непримиримых противников друга Царской семьи. Поверив обвинениям против Распутина, он даже попытался 16 декабря 1911 г. силой заставить его уехать из Петербурга. Не добившись своего, епископ Гермоген попытался

привлечь на свою сторону членов Св. Синода. Получив от архиереев отказ, он послал письмо государю, умоляя избавить престол от влияния Распутина. На этой же сессии Св. Синода у него возник конфликт с обер-прокурором В. К. Саблером еще по одному вопросу – касательно планировавшегося введения института диаконисс. По настоятельной просьбе обер-прокурора государь уволил епископа Гермогена от присутствия в Св. Синоде и повелел ему отправляться в свою епархию. Сославшись на болезнь, владыка остался в Петербурге, несмотря на уговоры Серафима (Чичагова), Никона (Рождественского) и др. архиереев. Тогда 17 января 1912 г. последовал другой царский указ: уволить преосвященного Гермогена от управления епархией и отправить на покой в Жировицкий монастырь. Пользовавшийся тогда еще доверием царя председатель Государственной думы М. В. Родзянко вспоминал, что на его вопрос о судьбе епископа Гермогена государь ответил: «Я ничего не имею против епископа Гермогена. Считаю его честным, правдивым архипастырем, прямодушным человеком... Он будет скоро возвращен. Но я не мог не подвергнуть его наказанию, так как он открыто отказался подчиниться моему повелению». Когда неисповедимые пути Господни свели в Тобольске владыку и арестованного государя, они попросили друг у друга прощения и примирились, как подобает истинным христианам. Примирился епископ Гермоген и с Распутиным. Об этом рассказал зятю Распутина Б. Н. Соловьеву в Тобольске сам владыка, поведав и о бывшем ему в день убийства Григория Ефимовича видении. В пору пребывания в Жировицах у святителя стал обнаруживаться дар прозорливости, чему сохранилось немало свидетельств.

В августе 1915 г. епископ Гермоген был переведен в Николо-Угрешский монастырь Московской епархии. После Февральского переворота он был назначен на тобольскую кафедру. С августа по декабрь 1917 г. принимал участие в деятельности Поместного собора Православной Российской Церкви. Во время заключения Царской семьи в тобольском губернаторском доме владыка тайно посылал царственным

узникам просфоры, молитвы и благословения, поддерживал с ними переписку, называя августейших страстотерпцев «многострадальным святым семейством». Захватившие власть большевики начали искать повод к аресту епископа. В его покоях был проведен обыск. В 1918 г., в условиях начала гонений на православных, Святейший Патриарх Тихон благословил провести по всей стране крестные ходы. Епископ Гермоген, несмотря на запрет властей, решил провести крестный ход в Тобольске в Вербное воскресенье, 15 апреля. 12 апреля были увезены в Екатеринбург государь, государыня и великая княжна Мария, а на следующий день большевики попытались арестовать епископа Гермогена. Однако, предчувствуя такой исход, владыка не ночевал в своих покоях. Большевики не смогли помешать крестному ходу, он состоялся. Владыку же арестовали по окончании крестного хода и, убоявшись народного возмущения, сразу же ночью отправили в Екатеринбург. Председатель исполкома Дислер открыто заявил представителям епархии, что владыка арестован как «черносотенец и погромщик», других поводов к аресту найти не сумели. Полтора месяца томился епископ Гермоген в заточении в екатеринбургской тюрьме. А затем был отправлен под конвоем в Тюмень, где его с некоторыми другими узниками перевели на пароход, который якобы направлялся в Тобольск. В ночь с 15 на 16 июня владыку и бывшего с ним священника Петра Карелина вывели на палубу, связали, привязав к шее камни, и сбросили в реку Тобол. Перед убийством изуверы издевались над святителем, стригли ему волосы, насмехались, били. Честные мощи священномученика были вынесены на берег и обнаружены крестьянами. После прихода белых священномученик был погребен в Софийском Успенском соборе в Тобольске. Богоборцы-большевики мстили святителю и после смерти: когда они снова захватили власть в городе, место его погребения было залито цементом. Прославлен на юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 г. в сонме исповедников и новомучеников Российских.

**Речь при наречении во епископа Вольского,
викария Саратовской епархии**

Ваше святейшество, богомудрые архипастыри, святители Божии!

Вашим святейшим собором я недостойный предызбран ныне к принятию чрез ваше священное рукоположение великого, святейшего и страшного жребия святительского. – *Но окаянен аз есмь человек* (Ис. 6, 5)!.. Как предстану я страшному престолу пренебесного освящения, как дерзну преклонить мою недостойную главу под Христово Евангелие, как приму я из рук святителей благодатное возложение; как дерзну, наконец, отверзти мою грешную и худую душу к живоносному и вседаровитому, но и страшному, дыханию и наитию пребожественного Духа Всесвятаго?!. В страхе и трепете, с нравственно-мучительной тревогой взираю я на дебелость и грубость души моей и несоответствие ее ангеловозвышенному служению святительскому; но вместе с тем, всегда послушный Промыслу Божию и власти, я не могу противиться воле Божией, о мне изреченной в совете, и решению архипастырей, и державному повелению благочестивейшего Монарха, поэтому всецело и беспрекословно покоряюсь тому, «якоже изволися Духу Святому и вам», святейшие архипастыри. *Камо бо пойду от Духа Твоего, Господи, и от Лица Твоего камо бежу... Яко се удаляющие себе от Тебе погибнут, потребил еси всякого отступающего от Тебе. Мне же прилеплятися Богуви благо есть, полагати на Господа упование мое, возвестити ми вся хвалы Твоя во вратех дщери Сиони* (Псал. 72, 27-28).

Добрые и святейшие архипастыри и отцы! Молю вас от глубины моего сердца, вознесите о мне к Богу-Всесотворцу ваши святые и пламенные молитвы, да сподобит меня Господь Духом Своим Святым ревностно нести и соблюдать всегда непорочным служение, возлагаемое на меня чрез ваше святейшее рукоположение, и возгревать дар Божий в себе (2 Тим. 1, 6) до последнего моего издыхания, и под вашим руководством ис-

кусна себе поставити пред Богом, делателя непостыдна, право правяща слово истины (2 Тим. 2, 15).

Слово на торжественном открытии Православного Всероссийского Братского Союза Русского Народа

Приветствую вас, братие, с благополучным и радостным для всех нас окончанием предпринятого нами дела – объединения православных русских людей около вековых и исконно святых начал – около Православной Св. Церкви, самодержавного Царя русского, для защиты нашей веры и ограждения наших бытовых, народных нужд и интересов.

Это настоящее торжество доставляет нам, пастырям, великую радость потому, что вы решились крепко, твердо и решительно исповедовать свою веру и стремитесь дать отпор внутренним врагам. Настоящий наш братский Союз есть Союз духа, жизни и исторического смысла, и представляет могучий шаг вперед в борьбе России для защиты Веры Православной, этой несокрушимой основы как государственной, общественной, так и частной.

Лишь теперь, поставив дело на твердой почве религиозного и патриотического воодушевления, просвещенные светом Христовой веры, объединенные в живом Христовом теле – в Св. Православной Церкви – мы можем быть уверены, что дело наше задумано бескорыстно, исполнено свято и стоять будет прочно на незыблемых основах. Порукой в том наше общее искреннее воодушевление и непоколебимая вера в то, что мы стоим на правильной дороге в вопросах религиозного и бытового устройства своей жизни. Мы принимаем необходимость истинных преобразований, улучшения и всяческого устройства жизни, но не можем никогда согласиться и равнодушно смотреть на то, когда самые основы нашей жизни – Православную Веру, Царское Самодержавие и господствующее положение русской Народности – враги ее хотят поколебать...

Все, что мы пережили, всю эту духовную, политическую и общественно-бытовую, так сказать, встряску – все это, мы верим, послано Богом для нашего же вразумления, для нашего нравственного отрезвления.

И каждый из нас в отдельности, конечно, переживал все-сокрушающую на своем пути бурю, одни лишь в меньшей степени, другие в большей.

И вот я, в глубине своего духа также перестрадав боль наших дней, боль и личную, так как злоба, клевета, инсинуации и всякого рода бесстыдные нападки делались и на меня, перестрадавши боль и как всякий пастырь стада Христова, я пришел к убеждению, что необходимо нам, пастырям, пользоваться теперь не храмом только для руководства своих пасомых, но и теми общественными организациями, которые, правда, по нуждам политической жизни успели уже сложиться.

И вот я долго обдумывал, как, в какой форме лучше это сделать. С этой целью я перебрал некоторые уставы юго-западных братств, которые до сих пор сохранили еще оттенок национальных организаций. Но по условиям нашей жизни всецело эти уставы оказались нам неподходящими.

Поэтому я остановился на том, чтобы приблизить русских православных людей, объединившихся в Союз Русского Народа, к Церкви; чтобы эта организация прежде всего была близкой, родной нам по духу, а потом уже по плоти.

И вот в Духов день учредители Союза переименовали его в Православный Всероссийский Братский Союз Русского Народа, чем и засвидетельствовали, что они хотят быть в вопросах гражданского и бытового устройства своей жизни в строгом согласии и неразрывном единстве со Св. Православной нашей Церковью.

Теперь уже нет оснований нам, пастырям, сторониться от этих малых наших братьев; под разными политическими знаменами вы сами видите, как расхищают наше духовное стадо.

Поэтому соберите всю силу своего пастырского разума, энергии, проникнитесь идеей своего многоответственного долга перед Богом, историей и народом и ведите своих

пасомых по пути, указанному Христом Богом, и собирайте их смятенные души опять в церковную ограду...

Не забывайте одного, что если мы и теперь не пойдем впереди своих пасомых, если мы из ложно понятого либерализма постыдимся малых сих в роде этом, забывшем и Бога, и Св. Церковь Его, то и Христос на Страшном суде Своим постыдится нас, таких нерадивых пастырей.

Итак, Бог видит чистоту наших намерений, и Он поможет нам защитить то, чем искони жило наше Русское православное государство. Да благословит же Господь наше святое, патриотическое воодушевление и поможет рассеять тьму, нас облагавшую!..

Негодующее изображение дозволенного кощунства (Истинное изображение смерти Толстого)

Сердца многих тысяч православных русских людей полны в настоящее время глубокого негодования против наглого и кощунственного выступления митингового жидовства и язычества, там и там шумно поднявшихся как бы для отдания последних почестей исчезнувшему темному гению: громко и бурно зашумели левые журналы и газеты, не учащиеся студенты, все левое общество со своим всегдашним клубом – бездушной безрелигиозной улицей, театры и трактиры вместе с некоторыми государственными и общественными учреждениями – все это пестрое скопище, как среди темной зимней вьюги ночной, подняло свой шум, похожий на вой или пляс: так доселе шумит оно вокруг черной смерти Толстого, как шумело оно не так давно вокруг гроба Комиссаржевской, тоже умершей *черной смертью*¹...

Боже мой! Невозможно же стерпеть, до чего дошли у нас в России кощунственная наглость лукавого жидовства и темного язычества; как эта возмутительная наглость спешит раздуть

¹ Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910), русская актриса, умерла в Ташкенте во время гастролей от оспы.

вокруг как можно больше митингового шума, наговорить и напечатать как можно больше обидных для верующего русского сердца, оскорбительных для веры и нравственного чувства всего народа русского речей, статей, фельетонов, басен, анекдотов и т.п. И весь этот безумный и наглый шум жидовства и язычества дозволяется у нас средь бела дня и на самой груди народа!.. Подлое жидовство и гнусное язычество в течение многих лет звало и доселе зовет «всю» Россию к несчастному одру и мрачной могиле российского Иуды, продавшего Христа за сребреники жидовской славы и похвал, соблазнившего и навеки убившего многие тысячи слабых и неутвержденных в вере и нравственности душ человеческих... И здесь к страшно зияющей могиле нераскаянного богохульника пред глазами глубоко верующих и возмущенных русских людей с демоническим смехом бросает жидовство венки, сплетенные из святотатственно похищенных им евангельских выражений, образов и эпитетов...

Так лукавое и гнусное жидовство кощунственно сплело для своего возлюбленного вечного разбойника Иуды Толстого и «неделю страстей» и «восшествие на Голгофу»! О, презренное, темное и слепое жидовство! Да будет ведомо тебе, что многострадальное верующее сердце народа русского помнит и знает, что русский Иуда Толстой, давно презрев истинный дар литературного художественного творчества, на глазах у всей верующей России, средь густо столпившихся вокруг него жидов, хлыстов, духоборов и всяких богоотступников и безбожников, не одну неделю, а целые десятки лет прожил до мучительства тесно связанный вервиями темных своих страстей, над которыми всегда царила у него ужаснейшая из страстей – демоническая гордость; эти страсти, как гарпии, уже давно впились в его гордую бесчеловечную душу; в последнюю же неделю его жизни они лишь доканчивали и dokonчили свое страшное дело: увлекли несчастного духовного самоубийцу в темные и мрачные места преисподней, в область вечной тоски, ужаса и отчаяния!..

Безумное слепое жидовство, я объясню тебе и то, как чтимый тобою Иуда Толстой «взошел», вернее, *привлечен* был на

Голгофу, которая, как свидетельствует отчасти и твой гнусный язык, мысленно продолжает существовать поныне и будет существовать до последнего дня на земле среди мира, пред духовным взором всего мирового мыслящего и верующего человечества.

На этой мировой, зримой очами души Голгофе до настоящего времени – как это будет и до конца веков – распинается Христос Богочеловек, среди общего мирового позорища, при тех же, как и некогда прежде, шуме и криках лукавого и кощунствующего жидовства, под зверскими ударами темного бездушного язычества... На ту же Голгофу, где скопище злодеев распинает Христа, неизменно и в наш век, как во все эпохи жизни, все человечество восходит тремя путями. Средний, или царский путь свершают истинные подвижники Христовой веры, с момента решительного покаяния и до конца жизни своей несущие на раменах своих Истинный Крест Христов, – исполняющие евангельские спасительные заповеди Христа и в пути своем от временных падений бодро вновь встающие для спасительного подвига; другие два пути заполняют собою глубоко падшие и до конца развращенные люди – разбойники веры, нравственности и жизни. Эти последние, привлеченные властью и силою внешних, а также духовных и нравственных событий и обстоятельств на Голгофу в последние дни и часы своей несчастной, горькой и бесчеловечной жизни, становятся, смотря по силе таящейся в их ожесточенных душах искры веры, раскаяния, покаяния, по правую или по левую сторону Живоносного Креста Христова, окруженного святою Церковью крестоносцев Христовых, и здесь уже неизбежно терпят они распятие, т.е. душевные и телесные муки и страдания, каждый на своем разбойничьем кресте: точь в точь, как было на подлинной древней Голгофе...

Взгляните же, безумные евреи, на современную нашу мысленную мировую Голгофу и окружающее ее всемирное людское позорище, и, сколько можете, поискреннее всмотритесь: быть может, увидите, что ваш идол Иуда Толстой в последнюю неделю своей жизни терпел муки и страдания и умер на своем разбойничьем кресте как раз по левую сторо-

ну Христа-Спасителя и Его Святой Церкви, на общей мировой Голгофе; его мысли и чувства, как разбойника, остались по-прежнему развращенными и богохульными, сердце ожесточенным до конца; на его полумертвый труп, при последних разбойничьих его страданиях на Голгофе, темная бездна уже простирала свою черную тень, проявляя уже здесь свое страшное владычество над ним...

При последнем же издыхании несчастного разбойника-богохульника появился вдруг, подобно древнему проходившему у крестов на Голгофе воину, один духобор; он поспешил сокрушить духовные и нравственные голени несчастного разбойника, чем отнял у него последнюю возможность бежать от левой стороны, ее губительных, духовных и мысленных соблазнов, обратить и приблизить свой истомленный взор к лику Божественного Страдальца за весь мир, Христа Богочеловека, вздохнуть пред Ним с воплем благоразумного разбойника: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем», и умер... Умер он во грехе нечестия и богохульства и был лишен неоценимого счастья услышать у Живоносного Креста и Евангелия из уст предстоящей Святой Церкви голос Самого Христа, голос ответствующей любви и всепрощенья: «Днесь со Мною будеши в раи!...

**Нынешние последователи анатэмы и его крамолы
(О современной упорной проповеди разврата
и безбожия, как очевидной форме усиленного
злостного движения к общей анархии и разрушению
основных жизненных сторон в обществе и государстве.
Литература. Театр. Пьесы: «Анфиса» и «Анатэма»)**

В текущем театральном сезоне на сцене Саратовского и других театров стали даваться представления двух пьес Л. Андреева «Анатэма» и «Анфиса»¹. Содержание обеих пьес, при-

¹ Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), писатель леворадикального направления.

водимое ниже, с проповедью безбожия («Анатэма») и неприкровенного разврата («Анфиса») настолько возмутительно; необыкновенный и весьма подозрительный шум, поднятый вокруг этих пьес в некоторой части общества и местной печати, был настолько громок и выразителен; бесовский пляс, начатый по случаю постановки этих пьес левыми газетами, делавшими из них значительные выдержки, прославлявшими автора и вообще всячески муссировавшими содержание обеих пьес с целью внедрить в сознание православных русских людей безбожные и безнравственные идеи этих пьес, — был настолько омерзителен, — что я, принявши во внимание огромное развращающее влияние этих пьес на общество и проникаясь глубокою скорбью духовенства и народа по поводу столь очевидной и упорной агитации против религии и нравственности со стороны театральных подмостков и левых газет, не мог среди вверенной мне паствы не возвысить своего голоса против такого вопиющего преступления, не мог не принять должных архипастьерских мер для решительной борьбы с общественным злом. По моему совету, со стороны общества были обращения к полицмейстеру города Саратова; я лично с чувством глубокой скорби беседовал по тому же поводу с саратовским предводителем дворянства В. Н. Ознобишиным¹, надеясь, что это будет доложено г. саратовскому губернатору² и возмутительные пьесы «Анатэма» и «Анфиса» будут сняты с репертуара городского театра. Затем, с тою же просьбою и с чувствами глубокой религиозной и нравственной скорби, — непосредственно к самому губернатору обращались члены Православного Всероссийского Союза Русского Народа. Но получен был ответ, что «в этих пьесах не видится ничего такого... Да и губернатор-де не имеет права воспретить пьес, разрешенных цензурой» и т.п... Словом, ста-

¹ Ознобишин Владимир Нилович (Николаевич?) (1855 — после 1916), камергер Высочайшего Двора, действительный статский советник, один из лидеров правых в Саратове.

² С 1906 по 1910 г. саратовским губернатором был граф Сергей Сергеевич Татищев (1872–1915).

ло ясно, что оскорбляемую и уязвляемую совесть большинства верующего народа и православного духовенства отказываются защитить от ужасных нравственных мучений и побоев те самые лица, чью власть и чье положение здесь и архипастырь, и духовенство, и православный народ защищали три года тому назад и защищают доселе с такой энергией и самоотвержением. Один сотрудник «Нового времени»¹, правда, уверяет, будто губернатору для пресечения указанного выше религиозного и нравственного *преступления* пришлось бы допустить «беззаконие», но он оставил без внимания то обстоятельство, что закон не лишает губернатора права иметь и высказывать пред высшей властью свое убеждение, в данном случае и ходатайство; с другой, – в некоторых местностях, как, например, Саратове и др., губернатор облечен полномочиями по условиям усиленной охраны: против *злодеев*, конечно... Ввиду, однако, новых усиленных просьб со стороны православной паствы я вынужден был воспользоваться решительным общецерковным способом – ходатайствовать перед властью от лица всей местной оскорбленной Церкви верующих людей и духовенства.

14 ноября сего года в саратовском кафедральном соборе я произнес слово по поводу постановки в городе Саратове «Анатэмы» и «Анфисы» и закончил его обращением к светской власти в лице губернатора с ходатайством о принятии всех возможных мер к прекращению, с одной стороны, возмутительного богохульства на театральных подмостках (в «Анатэме»), а с другой – против столь же возмутительной проповеди разврата на тех же подмостках (в «Анфисе»).

Чтобы вполне были ясны причины, подвигнувшие меня на серьезный шаг общецерковного призыва подлежащей светской власти к принятию мер для запрещения постановки на театре пьес «Анатэма» и «Анфиса», мною представлены в

¹ «Новое время», ежедневная газета, ведущее национально-монархическое и умеренно-правое издание в н. XX в., выходила с 1868 г. в С.-Петербурге, всероссийский успех пришел, когда в 1879 г. газету купил публицист А. С. Суворин.

Святейший Синод обе пьесы с подчеркнутыми в них наиболее яркими и возмутительными отдельными выражениями, из каковых тем не менее возможно составить верное представление о характере и направлении этих пьес.

Необходимость знакомства с текстом «Анатэмы»

Подлинный текст «Анатэмы» лучше всего установит характер и значение этой пьесы, – независимо от ее литературных достоинств или недостатков, – как пьесы богохульно-кошунственной, как пьесы-пасквиля, направленного к унижению самых дорогих каждому христианину предметов – предметов веры и священной евангельской истории. Под покровом лиц и обстоятельств, лукаво придуманных и с виду не похожих на священно-евангельскую историю, здесь, однако, весьма отчетливо выступает составленная безбожным автором карикатурная обрисовка как самих фактов евангельской истории, являющихся предметом благоговейного верования и почитания всех христиан, так и всей идеи богопочитания.

Выступая с пастырским словом против пьесы, я вовсе не имел в виду той или иной литературной ценности ее – а она, по общему признанию, ничтожна – я имел в виду эту пьесу, как возмутительный пасквиль против Божественного Провидения и всех дорогих и священных для каждого христианина предметов веры. Ведь уже самый факт оскорбления Божьего лица и Божьего Промысла, Божьего дела в человечестве должен до глубины души оскорблять и возмущать тех (православных), которые чуть ли не в нескольких шагах от театра славят Того же Господа Бога и все Его чудные дела и спасительное промышление о человечестве!

Имея в виду эту пьесу лишь со стороны фактического оскорбления ею предметов веры, каковое – откуда бы оно ни исходило – никогда не может быть почитаемо незначительным, я, естественно, не мог предвидеть со стороны некоторых лиц и газет того мало продуманного и, можно сказать, прямо пустого возражения, будто «Анатэма», будучи со стороны творчества совершенно ничтожной пьесой, не заслу-

живает против себя решительного и серьезного протеста... Если взять во внимание, повторяю, фактическое оскорбление и высмеивание святейших предметов христианской веры, то поистине представляется весьма странным – чтобы не сказать больше – великодушно-снисходительное отношение к пасквилям против религии некоторых власть имущих светских лиц. В самом деле, люди, которым вверяется внутреннее и внешнее упорядочение и умиротворение действительных, фактически проявляемых сторон жизни и поведения общества, поступают как теоретики-философы, вернее, как сухие канцеляристы: они не находят в пьесах, подобных «Анатэме», ничего такого, с чем бы следовало серьезно считаться только потому, быть может, что самые пьесы неталантливы... Если же эти люди не философы, не канцеляристы, так, вероятно, преднамеренные и упорные попустители общественная зла...

Содержание пьесы «Анатэма»

Для доказательства моего взгляда на «Анатэму», как на возмутительный пасквиль против Бога и против религии, я изложу главнейшие стороны этой пьесы с указанием тех мест и страниц пьесы, откуда я черпаю материал для обоснования своего взгляда.

В пьесе три главных действующих лица: «Некто охраняющий входы», «Анатэма» и «Давид Лейзер». Анатэма – это злой дух, задавшийся целью отомстить «Некому, ограждающему входы», за недопущение его до таинственных врат (стр. 21, 127). Под «Некто, ограждающим входы», в пьесе ясно подразумевается Сын Божий, коему приписывается «двойственность состава», посредничество двух миров, Он приемлет ходатайства всех людей и проч. (стр. 13). Давид Лейзер сначала представляется в виде старого, несчастного, больного, глупого и сумасшедшего еврея, занимающегося мелочною торговлею; но далее он положительно отождествляется с личностью Ограждающего входы (стр. 15, 30, 95, 27, 127). Следовательно, под образом больного, глупого и сумасшедшего еврея в пьесе выводится Господь наш Иисус

Христос. Вся история отношений Анатэмы к Давиду была ничем иным, как демоническим коварством, следствием коего была насильственная смерть Давида (стр. 71, 123, 124, 125). Кроме того, в пьесе Давиду приписываются такие свойства и действия и в уста его влагаются такие выражения, какие, по Священной истории, принадлежат исключительно Господу нашему Иисусу Христу. Так в пьесе говорится: а) что у Давида отец – Авраам (стр. 49) – явный намек на Евангелие от Матфея, гл. 1, стих. 1-й, б) что старший брат его называется Моисеем, который убежал из своей земли в чужую землю (стр. 39). Намек на стихи 15-й, 18-й и 19-й гл. 18 Второзакония, и ст. 15-й гл. 2 кн. Исхода; в) что он не простой человек, безгрешен, великий, бессмертный любимый Сын Бога (стр. 94, 104, 34, 21, 160). Намек на ст. 16-й гл. 3 посл. к Тимофею – 46-й стих 8 гл. Еванг. от Иоанна, на 10-й и 11-й ст. 40 гл. пророка Исайи и на 32-й ст. 1 гл. Еванг. от Луки; г) что он исцелил неизлечимо больную женщину и слепорожденного (стр. 93), причем в рассказах об этих событиях замечается почти буквальное сходство с евангельскими рассказами об исцелении Господом женщины, страдавшей кровотечением (Матф. 10, 20-22), и человека, слепого от рождения (Ин. 9, 1-7); д) что к нему приносили детей и Он благословил их (стр. 99). Намек на евангельский рассказ об Иисусе Христе, благословлявшем детей (Мф. 19, 13-14); е) что народ хотел сделать его царем (стр. 135, 143. Сравн. Евангел. от Иоанна 6, 15); ж) что когда Давид торжественно был встречен народом, то многие бросали пред ним ветви, одежды и повязки (стр. 98), то есть делали то же самое, что делал народ Иисусу Христу при Его торжественном входе в Иерусалим (Мк. 11, 8); з) что когда толпа, угрожавшая Давиду насилием, наступала на него, то в ней Он заметил какого-то рыжебородого человека, который особенно устрасал его (150 стр.), под каковым рыжебородым очевидно разумеется Иуда-предатель, по преданию рыжебородый; и) что Давид угрожавшей ему толпе сказал: «Зачем вы преследуете меня как вора и криками пугаете меня, как грабителя». (Сравн. Мк. 14, 48).

Цель сочинения «Анатэма» та, чтобы самым кощунственным образом осмеять Господа Иисуса Христа, а вместе с ним и все Его дело, т.е. христианство. Для этого автор постарался представить: 1) что «Анатэма», т.е. злой дух, в конце концов восторжествовал над Давидом, т.е. над Иисусом Христом, доведши его посредством своего хитрого и умного коварства до страшной гибели (стр. 157, 159); 2) что все дела милосердия, которые совершал Давид, оказались совершенно бессильными для той цели, чтобы устранить бедствия и скорби, в коих, как в глубоком море, погружено все человечество и вот-де, как следствие всего этого, видится, что тот Бог, который учит любви и всех призывает к ней, есть не более не менее, как обманщик... Действительно, Анатэма, обращаясь к Давиду, говорит: «Не обманула ли Лейзера любовь. Она сказала: я сделаю все, и только пыль подняла по дороге, как слепой ветер из-за угла... Так пойдите же к тому, кто дал Давиду любовь, и спросите Его: зачем Ты обманул брата нашего Давида» (стр. 127).

Другая цель сочинения та, чтобы в основу жизни современного человечества вместо христианства положить так называемый демонизм, или почитание дьявола. Для достижения сей цели автор старается убедить читателя: а) что «Анатэма» – злой дух – ищет только правды (стр. 17); б) что на челе его начертаны слова смертельной правды (стр. 70, 151); в) что у дьявола все верно (стр. 15, 128). Словом, в «Анатэме» Леонида Андреева вместо Христа проповедуется дьявол, а вместо христианства демонизм.

Содержание пьесы «Анфиса»

Что касается другой пьесы Л. Андреева «Анфиса», то как по своему безнравственному содержанию (изображение последовательной любовной связи героя пьесы Костомарова с тремя родными сестрами: Александрой, Анфисой и Ниной), так и в особенности по некоторым отдельным гнусным словам и выражениям, во множестве рассеянным на протяжении всей пьесы, эта пьеса является, по моему мнению, не простою пор-

нографией, не простым услаждением дурных инстинктов человеческой природы грязными сладострастными картинами порока, в ней – я глубоко убежден в этом – заключается очевидная сознательная проповедь разврата и гнусных пороков. Герой пьесы Костомаров, несмотря, а может быть, именно благодаря своей интеллигентности и славе блестящего юриста, крайне развратная личность. Так он неотступно ухаживает за сестрой своей жены Анфисой, а когда добился ее взаимности, стал издеваться над нею. (См. стр. 156, 176, 192, 201–202 и 214). Затем он начинает роман с другой сестрой своей жены – Ниной, которая с чисто животной страстью отдается ему (см. стр. 235, 236, 237, 238, 239). Когда Анфиса узнает о сем, то не задумываясь отравляет Костомарова (стр. 243, 245). Особенно развращающее влияние этой пьесы, как было уже сказано, заключается в том, что в ней целый ряд сцен и разговоров представлен в крайне циничных и любострастных картинах. Так в пьесе Александра Павловна (жена Костомарова) говорит Анфиса: «Сама, я думаю, прекрасно знаешь, что бывает между мужчиной (вошедшим ночью в спальню женщины) и женщиной, когда они друг друга любят» (стр. 176–177). В другом месте та же Анфиса говорит Костомарову: «Ты помнишь, Федор, что ты обещал, когда я отдавалась тебе? Что больше ты не будешь близок с женой – ты помнишь?» (Стр. 187). В пьесе есть, например, такие сцены: «Он (Костомаров) обнимает Ниночку (сестру жены, девицу 17 лет), целует и некоторое время они стоят обнявшись, как влюбленные» (стр. 236). Ниночка говорит Костомарову: «...Возьми меня, если хочешь. Я чистая – клянусь, меня не поцеловал ни один мужчина – и я отдам тебе все, что только может быть в душе. Ах, ты еще не знал любви, дядя, ты не знал ее никогда. *(Медленно становится на колени и складывает руки, как на молитву)*. Возьми меня, Федя»... «Федор Иванович быстро обнимает Ниночку, почти душит ее» (стр. 238). В пьесе не оставлена без осмеяния и та христианская истина, по которой в Церкви Божией нет ни иудея, ни еллина, ни мужского пола, ни женского. Костомаров решительно заявляет: а) «что девочек крестить не надо»; б) что

«крестить женщину – бессмыслица, злая шутка над нею же самой»; в) что «у женщины нет Бога, и все женщины... вне религии» (стр. 212); г) что женщины «в христианстве, как и во всем, выели, выгрызли его идеалистическое ядро и оставили только скорлупу» (стр. 212-213)...

Из явно агитационных противорелигиозных и противонравственных задач обеих пьес – «Анатэма» и «Анфиса» – с несомненностью должно заключить, что какая-то темная и злая сила, исходящая из масонских ли или других каких-либо революционных организаций в целях возбуждения и развития общей анархии и открытия свободного и широкого пути для революционных выступлений стремится воздействовать на русское общество и в особенности на русское юношество в двух направлениях: с одной стороны, проповедью безбожия вытравить в его душе еще не истлевшие семена веры, благочестия и серьезного взгляда на жизнь, с другой – проповедью открытого разврата свести и опустить его в духовно-нравственный омут полной распущенности, разнузданности человеческих страстей и упоения пороками и нравственными преступлениями...

Церковные основания для строгого и решительного пастырского «выступления» против общего зла и нравственных бедствий

Ввиду необходимости оправдывать свое открытое пастырское выступление против указанной злостной двоякой агитации скрытых темных сил против русского общества, в особенности против русского юношества, я почел своим сыновним долгом доложить Святейшему Синоду, что мое выступление в кафедральном соборе 14 ноября 1909 года отнюдь не вызывалось лишь какою-нибудь безотчетною, стихийною, так сказать, ревностью; оно явилось как вполне серьезный и духовно-осмысленный шаг: имело под собою в основании каноны св. Православно-Восточной Церкви и учение свв. Отцов и Учителей Церкви Православно-Восточной и Русской Православной Церкви.

Известно, что Православная Восточная Церковь относилась всегда отрицательно к театральным языческим представлениям, в особенности к тем, которые давались в воскресные и другие чтимые Христианскою Церковью дни, запрещая присутствовать на них не только «числящимся в священном чине и монахам» (24 прав. VI Вселенского собора), не только «детям священников», но и «всем христианам» (18 прав. Карфагенского собора). В случае, если театральные и вообще «представления позорищных игр» будут даваемы «в день воскресный и в прочие светлые дни христианской веры», 72 правило Карфагенского собора рекомендует обращаться к христианским царям с просьбою «да воспретится представление позорищных игр» в сии дни. Эти правила навсегда определяют отношение Христианской Церкви к театру; современный же театр даже превзошел языческий своею возмутительнейшею гнусностью представляемых сцен разврата и пошлости и уничижением и оскорблением религиозного и нравственного чувства человека.

Если от канонов Православной Церкви мы обратимся к учению христианских Отцов и Учителей Церкви, то увидим, что все древние церковные писатели, касаясь в своих творениях театральных зрелищ, самым решительным образом высказываются против них и против участия в них христиан в качестве ли исполнителей или простых зрителей. – Современный театр вполне оправдывает такое отношение к себе Святых Отцов и Учителей Церкви: он действительно стал местом гнусных пороков и нравственных преступлений. – Так, священномученик Киприан занятие комедиантством считает занятием вредным для нравов, в особенности юношей. Церковный учитель Тертуллиан¹ высказался в одном из своих творений, что «трагедии и комедии – это кровавые и распутные возбудительницы порока и похоти». В столь же решительном и негодующем тоне высказывается о театральных зрелищах другой знаменитый западный церковный пи-

¹ Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (155/165–220/240), один из ранних Отцов Церкви, писатель и богослов.

сатель Лактанций¹. Но едва ли кто-либо из Отцов и Учителей Церкви восставал с таким пламенным негодованием и возмущением против театральных и других представлений, как св. Иоанн Златоуст.

«Какая выгода, – говорит св. Иоанн Златоуст (Пол. собр. твор. св. Иоанна Златоуста, т. II, стр. 351–352), – ходить на зрелища беззакония, посещать общее училище бесстыдства, публичную школу невоздержания, восседать на седалище пагубы. Да, – не погрешит тот, кто сцену, это пагубнейшее место, полное всякого рода болезней, эту вавилонскую печь, назовет и седалищем пагубы, и школою распутства, и училищем невоздержания, и всем, что ни есть постыднейшего. Действительно, диавол, ввергнув город в театр, как бы в какую печь, затем поджигает снизу, подкладывая не хворост, не нефть, не паклю, не смолу, а что гораздо хуже этого, злободейные взгляды, срамные слова, развратные стихотворения и самые негодные песни».

«Где теперь, – говорит св. Иоанн Златоуст в другом месте (т. VII, стр. 697), – те, которые предаются диавольским пляскам, непотребным песням и сидят в театре. Стыжусь вспоминать об них... Здесь (в театре) мы найдем различия столько же, сколько между ангелами – если бы ты слышал их поющими на небе стройную песнь – и между собаками и свиньями, которые визжат, роясь в навозе. Устами одних говорит Христос, а языком других – диавол»...

«Вредные для общества люди бывают, – по мнению св. Иоанна Златоуста (т. VII, стр. 412), – именно из числа тех, что действуют на театрах. От них происходят возмущения и мятежи».

Высказываясь столь решительно против театра и театральных зрелищ, св. Иоанн Златоуст для устрашения посещающих театры угрожал отлучением их от священных церковных собраний (т. IV, стр. 854).

Из русских церковных писателей заслуживают быть отмеченными отзывы о современном театре известного оптин-

¹ Лактанций Луций Целий Фирмиан (ок. 250–ок. 325), церковный деятель, ритор, за образованность и красноречие получил прозвание «христианский Цицерон»; воспитатель Криспа, наследника императора Константина.

ского старца Амвросия¹ и великого русского молитвенника и чудотворца батюшки Иоанна Кронштадтского. Старец Амвросий решительно высказался, что «современный театр – школа безнравственности» (Письма, ч. 1, стр. 203). О. Иоанн Кронштадтский так отзывался о современном театре: «Театр погашает веру и христианскую жизнь, научая рассеянности, лукавству (или уменью жить в миру), смехотворству; он воспитывает ловких сынов века сего, но не сынов света. Театр – противник христианской жизни; он порождение духа мира сего, а не Духа Божия. Истинные чада церкви не посещают его» (Т. V, стр. 173).

«Театр – богомерзкое учреждение. Только вникните в дух его, и вы согласитесь: это училище безверия, глумления дерзкого над всем и – разврат» (Т. V, стр. 103).

«Театр – школа мира сего и князя мира сего – дьявола; а он иногда преобразуется и в ангела света; чтобы прельщать удобнее недаленовидных, иногда ввернет, по-видимому, и нравственную пьесу, чтобы твердили, трубили про театр, что он пренравоучительная вещь и стоит посещать его не меньше церкви, а пожалуй и больше: потому что-де, в церкви одно и то же, а в театре разнообразие и пьес, и декораций, и костюмов, и действующих лиц» (Т. V, 81).

Из сопоставления вышеизложенных воззрений Св. Отцов и Учителей Вселенской Церкви и Русской Церкви на театральные зрелища с тем, что мною сказано было о безбожно-безнравственном характере двух новых пьес Л. Андреева «Анатэма» и «Анфиса», мне кажется, легко могут быть уяснены как тот решительный протест, какой мною был выражен по поводу постановки в Саратове этих двух пьес, так и та несколько необычная форма, в какую мною был облечен этот протест.

Случаи подобного же протеста при несколько иных лишь обстоятельствах известны из жизни многих наших святителей, в частности, между прочим, из жизни С.-Петербургского митрополита Гавриила (Русские подвижники XVIII в., стр. 216).

¹ Прп. Амвросий (Гренков) (1812–1891), иеромонах, старец Оптинский.

Переходя теперь к специальному выдвигаемому против меня левыми газетами и левыми элементами общества обвинению, будто я своим обращением к саратовскому губернатору в храме по поводу представления в театре «Анатэмы» и «Анфисы» обеспокоил светскую власть, в частности «поставил в неловкое положение губернатора», даже «оскорбил его своим обращением к нему в храме», я счел долгом в виде объяснения на такие обвинения доложить Святейшему Синоду, что иначе действовать я не мог и не могу, ибо глубоко уверен, что поступая так, как поступил я в данном случае, я действую на основании Слова Божия, примеров Св. Отцов и Учителей Церкви и правил Вселенских соборов. Св. апостол Павел учит: проповедай слово, настой *благовременно и безвременно, обличи, запрети, умоли* со всяким долготерпением и учением (2 посл. Тим. 4, 2). И Св. Отцы, и Учители Церкви, когда светские власти допускали поступки, несогласные с общецерковными нормами, или когда в общество проникало какое-нибудь зло, ересь, разврат, — они безбоязненно обращались к светским правителям с открытыми и энергичными ходатайствами, *не стесняясь ни временем, ни местом*, ни другими какими-либо побочными обстоятельствами. Я лишь напому про первых защитников и ходатаев за Св. Церковь и духовные интересы ее чад пред царскою властью и правителями христианских апологетов: Аристиды, Кодрата, Иустина, Мелитона¹ и других...

Из жизни св. Амвросия Медиоланского известны два случая открытого предстательства его за благо Церкви и духовные интересы пасомых.

Из наших русских святителей с совершенно подобной защитой Св. Церкви выступали весьма многие.

¹ Аристид Философ, святой II века, автор апологии «О почитании Бога Всемогущего», написанной для императора Адриана; мч. Кодрат (2 пол. I в. — не ранее 130), апостол от семидесяти, епископ Афинский, соавтор Аристиды; мч. Иустин Философ (Великий, Римский), один из апологетических мужей и Отцов Церкви, первым привил христианскому вероучению понятия греческой философии и положил начало богословскому истолкованию истории; Мелитон Сардийский (н. II в. — ок. 190), епископ г. Сарды, богослов, автор сочинения в защиту христиан для императора Марка Аврелия.

К нашему случаю весьма подходит, между прочим, «выступление» св. Димитрия, митрополита Ростовского¹. В его время был издан указ не соблюдать в полках св. постов. Нашелся солдатик, который не желал нарушать поста, за что был судим начальством. Это распоряжение о постах настолько возмутило св. Димитрия, что он произнес в храме, в присутствии многих начальствующих лиц, резкое слово о двух пирах, Иродовом и Христовом, где сильно укорял начальников, разрешающих посты (Поселянин Е.² Рус. подвижники 18 века, стр. 48).

Особенно энергичны были ходатайства святых архипастырей пред царскою властью и светскими правителями, когда какие-либо еретики, безбожники, кощунники оскорбляли веру православную, причиняли вред Церкви Божией и производили соблазны между немощными в вере православными людьми. С такими ходатайствами к царям и правителям обращались: св. Иоанн Златоуст, архиепископ Цареградский, св. Амфилохий, епископ Иконийский³, св. Григорий Богослов⁴ и многие другие. Св. Иоанн Златоуст во время торжественного богослужения в храме в присутствии царя обратился не к губернатору даже или градоправителю, а к самому царю со своим архипастырским ходатайством в речи, обращенной к царю Аркадию⁵, в то время, когда последний вместе с царицею своею находились за Божественною литургиею *в храме* (см. кн. «Маргарит»⁶ в житии св. Иоанна Златоуста, л. 69 об.).

¹ Свт. Димитрий (Туптало), митрополит Ростовский (1651–1709), духовный писатель, богослов и проповедник.

² Погожев (псевд. Поселянин) Евгений Николаевич (1870–1930), духовный писатель.

³ Святитель Амфилохий (ок. 340 – после 394), епископ Иконии, один из Отцов Церкви, современник и друг святителей Василия Великого и Григория Богослова, двоюродный брат последнего.

⁴ Святитель Григорий Богослов (329–389), один из трех вселенских святителей и Учителей Церкви.

⁵ Аркадий Флавий (377–408), Византийский император, старший сын императора Феодосия I.

⁶ Маргарит (*греч.* – жемчужина), византийский и древнерусский сборник «Слов» Иоанна Златоуста.

Просьба св. Иоанна Златоуста царем была уважена; и именуемое теперь «выступление» Иоанна Златоуста не было тогда почтено за оскорбление Царской власти, между тем как мое «выступление» трактуется в сфере правительственных органов, как «оскорбление губернатора»...

Что же касается *поклонов*, по сообщению газет будто бы сделанных мною *до земли* в храме пред губернатором, то хотя эти сообщения совершенно ошибочны и мною были сделаны поклоны не до земли, а лишь поклоны обычные, поясные, не сходя с амвона, однако я должен сказать, что поклонов до земли я не сделал лишь потому, что предвидел, что они не будут поняты, с одной стороны, теми, к кому они относились, с другой – многими другими лицами, и будут вообще криво перетолкованы. Между тем поклоны пред лицами, сущими во власти, данной Богом, а не пред «мирскими палачами», как назвал, очевидно, саратовского губернатора и других сущих во власти лиц сотрудник «Нового времени» А. Столыпин, родной брат «сущего во власти» П. А. Столыпина¹ («Нов. вр.», № 12105), – поклоны пред лицами, сущими во власти, данной Богом, допускались весьма многими святыми людьми и подвижниками как на Востоке, так и у нас на Руси; наиболее яркий пример для нас представляет угодник Божий Серафим Саровский, который поклонился до земли посетившему его Государю Александру 1-му Благодословенному; также он кланялся до земли посещавшим его генералам и даже обыкновенным простым людям. Из обстоятельств жизни святых подвижников легко можно уразуметь, что они делали низкие поклоны пред царями и правителями, с одной стороны, чтобы обозначить как бы печатью своего личного унижения сильную опасность какого-либо момента в жизни государства и народа, с другой – такую же опасность, ожидающую тех лиц, пред которыми делались поклоны. Если поклоны совершались пред правителями и царями и в опасный переживае-

¹ Столыпин Александр Аркадьевич (1863–1925?), журналист, брат председателя правительства Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911).

мый момент, то это обозначало как бы вопль самого святого мужа, обращенный к тем лицам: «Помилуйте народ, помилуйте и самих себя, ибо лютая опасность близ, губитель-враг не дремлет, поспешайте с помощью со стороны вашей Богом данной и благословенной власти, – спасайте вверенных вам людей и спасайтесь...»

Отношения святых людей к представителям мирской власти должны быть для нас образцом истинного понимания внешней мирской власти; святые люди видели в представителях мирской власти не «мирских палачей» (см. «Новое время», № 12105), а «Божьих слуг» (см. посл. к римл. апостола Павла, 13, 3), от Бога уполномоченных и поставленных вместе с царями и пастырями для соблюдения и охранения в жизни народа общих благ духовных и житейских (см. у апостола Павла), а не одних только житейских; а потому и они одинаково ответственные, вместе с царями и пастырями, за свое неправильное отношение к высокому долгу своего служения...

По причине ответственных полномочий, общих с царями и правителями обязанностей блюсти истинные блага народа, – пастыри и архипастыри церковные и обращались к мирским правителям и царям с мольбой не уклоняться от богоустановленных и истинно законных правил соблюдения и охранения общих благ жизни людей, Богом вверенных не только архипастырям и пастырям, но вместе и царям и мирским правителям. Таким образом, обращение святых людей с мольбой и ходатайством, вплоть до поклонов до земли в случаях вопиющей опасности, как выяснено было выше, пред царями и правителями выражало стремление и мольбу святителей и святых людей о том, чтобы деятельность царей и правителей, как слуг Божьих по отношению к жизни народа, была приведена в согласие с непреложными законами Бога, а не с какими-либо ошибочными и всегда сомнительными человеческими соображениями. Отсюда и особое повеление апостола Павла пастырям и архипастырям: настой благо-временно и безвременно, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением (2 Тим. 4, 2).

**Борьба за истину нашей духовной школы
(Отзыв Саратовского епископа Гермогена
о проекте новой организации этой школы)¹**

Исключительные мотивы нового проекта

Проект о новой школе исходит, как видится, из одних лишь отрицательных моментов в жизни и истории нашей духовной школы, именно, из психологии протеста разными способами некоторых воспитанников духовно-учебных заведений против религиозного и церковно-богословского уклада и жизни в нашей духовной школе.

Действительно, как бы признавая этот протест не только законным, но и исключительно пред всеми другими моментами в жизни *всего* духовного питомника требующим особого к себе внимания и неотложного удовлетворения, составители проекта стремятся приспособить его к школе светской, и именно – гимназии; эту свою работу они мотивируют безусловной, по их мнению, необходимостью приспособляться к практическим нуждам (вернее же к весьма даже непрактичным мечтам и вожделениям) известной группы питомцев

¹ В печати и обществе появилось в свое время немало ложных сообщений о проекте новой организации духовной школы и о тех прениях, какие велись в Св. Синоде (в особой комиссии) при обсуждении этого проекта. Так как ложные сообщения эти время от времени появляются и сейчас и так как в числе этих сообщений имеется и такое, что будто бы «Преосвященнейший Гермоген еп. Саратовский стоял и стоит всецело за старую духовную школу в ее настоящем виде», то редакция «Саратовского духовного вестника» и находит вполне своевременным опубликовать подлинный отзыв Преосвященнейшего владыки о проекте новой организации духовной школы, поданный им синодальному обер-прокурору. Из отзыва читатели ясно увидят, что именно «старое» отстаивает и защищает владыка. Владыка защищает ту вековую основу духовной школы, без которой она и не может именоваться духовной, отстаивает ее *духовность*. Если наша духовная школа лишится того, что составляет ее подлинную сущность, если утратит она свою духовность, то данный ей при этом условии ярлык «духовная» лишь отчетливее подчеркнет ее фарисейство и ее полную непригодность к той великой миссии – подготовка кандидатов священства, в которой единственный смысл ее существования. – *Прим. ред. «Саратовского духовного вестника».*

духовной школы, имеющих желание поступить в высшие светские учебные заведения. И этот второй мотив к созданию проекта новой школы должно назвать исключительным и крайне односторонним. Он мог бы иметь решающее значение лишь в том печальном случае, если бы и высшая духовная власть, и все архипастыри и все труженики и работники в наших духовных питомниках пришли бы к убеждению, что духовная школа в той своей вековой организации, как она у нас существует, совершенно теперь уже невозможна, и ее задачи и цели не могут быть осуществлены ни при каких, даже самых благоприятнейших условиях и обстоятельствах.

«Пастырская школа» и причина ее появления

Составители проекта как бы в оправдание основных его начал указывали, между прочим, на то обстоятельство, что и некоторые епархиальные преосвященные (двое или трое) склонялись устроить у себя так называемую «пастырскую» школу, особую от существующей школы духовной, причем эту склонность некоторых архиереев к устройству пастырской школы составители проекта готовы, по-видимому, истолковать как желание восполнить существующую духовную школу. Между тем нельзя не видеть, что стремление создать именуемую «пастырскую» школу явилось, очевидно, неизбежным протестом против фактического недуга и крушения нашей духовной школы и непринятия кем следует надлежащих мер к ее уврачеванию и воссозданию; это видно из напечатанных речей многих преосвященных к питомцам духовной школы и их родителям, между прочим, из статей высокопреосвященного Антония, архиепископа Волынского, о состоянии нынешней духовной школы.

В самом деле, внутренний длящийся недуг и видимые проявления как бы полного крушения нашей духовной школы, как в настроении питомцев, так и во внутренней организации и во всем течении жизни школы, а с другой стороны, продолжительное непринятие решительных мер (или, наоборот, принятие мер крайне неблагоприятных, каковы «временные пра-

вила» и проч.) к восстановлению доброго настроения питомцев и к упорядочению существенно важных сторон в жизни школы, – все это неизбежно могло привести к весьма тяжкому и печальному выводу, что настало время гибели и исчезновения нашей духовной школы; и поспешно вырвавшийся со стороны некоторых епископов протест – в виде организации «пастырских школ» – был направлен, конечно, не против высшей духовной власти и ее учреждений, а против упорного и злого революционного духа времени, стремившегося истребить не только организацию, но и самый дух нашей духовной школы, и вот, как бы от пожара всепожирающего, некоторые епископы-домохозяева поспешно готовы были перенести во временно и наскоро сколоченную организацию именуемой «пастырской» школы тот дух, задачи и цели, которым, казалось, уже навсегда не осталось места в наших подвергнувшихся революционному огню духовных школах. Вместе с тем вскоре же с особенной силой и яркостью дали себя чувствовать и весьма печальные практические последствия пережитых нашей школой бедствий. В самом деле, крушение духовной школы и отсутствие мер к ее воссозданию и охранению дали весьма печальные результаты, о которых, как известно, поведали все епископы к сведению Св. Синода, а именно: а) что священно- и церковнослужительские места приходится замещать не получившими семинарского образования лицами, так как получившие таковое образование уклоняются в большей части случаев от занятия сих должностей, б) и что, затем, постоянные тревоги и смуты в духовно-учебных заведениях, доходившие до катастроф и преступлений, разбойнических действий и даже до возмутительных кощунств вызывали в массе верующего населения негодование, озлобление и решительный протест как против самой духовной школы и ее питомцев, так и против распоряжений о расходовании церковных средств на ее содержание.

Чтобы выйти из такого положения, т.е., с одной стороны, получить более или менее соответствующих кандидатов на священнические места, а с другой – успокоить приходские общества, некоторым архипастырям в целях, между прочим

и чисто практических, пришлось остановиться на мысли об организации соответствующего учреждения в виде той же именуемой «пастырской», или «богословско-миссионерской», школы. Таким образом, и с идейной, и с чисто практической стороны учреждение пастырской школы представлялось лишь средством, и средством временным, приспособительным и случайным, – скажем, пожалуй, в такой же степени случайным, как и учреждение предполагаемой новой гуманитарной школы, так как оба проекта, повторяем, исходят из одной психологии отрицания и протеста, с одной стороны, духа времени, а с другой, – известной части питомцев школы, преподавателей и воспитателей. Если же Св. Синод и епархиальные архиереи придут к решительным мерам улучшения и оздоровления существующей духовной нашей школы, тогда, естественно, везде и всюду отпадет всякая необходимость устройства особой пастырской школы, так как духовная школа – по выражению официальных о ней положений – сама будет носительницей и хранительницей свойственного ей духа, задач и целей и вместе с тем будет удовлетворять и указанные выше практические нужды местной церкви и ее архипастырей.

Помянутые официальные положения таковы: «Семинария назначается для приготовления к пастырскому служению желающих посвятить себя оному. Будущие пастыри должны получить в ней достаточное по положению наших приходских священников образование и руководство к исполнению обязанностей пастырского служения». Ввиду сего о «пастырской школе», конечно, совсем не должно быть и речи, когда идут рассуждения о православной духовной школе, – словом, не должны быть допускаемы ни смешения сих понятий, ни подмена одного другим, но под понятиями духовной нашей школы должны подразумеваться известные, существующие теперь наши школы – православные духовные училища, православные духовные семинарии и православные духовные академии. И если, повторяем, Св. Синод и епархиальные архиереи к оздоровлению и воссозданию сих школ приступят теперь же, то мысль о каких-либо придаточных учреждениях в виде «пастырских школ» отпадет

сама собой, так как было бы смешно настаивать на учреждении, положим, фельдшерских курсов вместо предлагаемого хорошо обставленного медицинского факультета и т.п.

Духовная школа и духовная жизнь

Но возможна ли духовная школа? Другими словами, возможно ли дальнейшее существование и развитие этой нашей теперь уже вековой школы? Возможно ли осуществить ее коренные задачи и цели, или же школа эта потерпела уже окончательное и бесповоротное крушение? Постановка и возможное разрешение этих вопросов необходимы для того, чтобы не безнадежно заняться важными улучшениями существующей духовной школы. А что заботы об улучшении и реформе духовной школы нельзя считать безнадежными, в этом убеждает сравнительная крепость сей школы, сказавшаяся в том обстоятельстве, что бунты, крушения, преступления и возмутительные кошунства в духовно-учебных заведениях совершались все-таки известным меньшинством их питомцев.

Уверенность в том, что бытие духовной школы вполне возможно, вытекает в особенности из решения еще более коренного вопроса о возможности духовной жизни вообще. В возможности же духовной жизни, конечно, не сомневается никто. Итак, от этой аксиомы перейдем к дальнейшему, более или менее точному суждению по нашему коренному вопросу.

Духовное воспитание и духовная настроенность, по милости Божией, вполне еще возможны в православном русском народе и тем более в православном русском духовенстве. Православные семьи мирян и духовенства могут доставить всегда достаточный контингент учащихся с хорошими, иногда даже с высокими духовными качествами и задатками, заложенными еще в семье. Эти добрые семена духовной настроенности и духовной жизни, находясь по своему объему и деятельному напряжению в некотором соотношении и зависимости от детского и юношеского характера и возраста, тем не менее являются несомненным залогом дальнейшего духовного роста и направления, впоследствии в свою очередь обеспечивающих в из-

вестной степени и самое призвание. Итак, эти семена, этот священный залог настроенности духовной, наша духовная школа должна, подобно первосвященнику Захарии при введении во храм Отроковицы-Богоматери, воспрять в свое святое свя-
тых духовного воспитания, должна хранить, как зеницу ока, поддерживать и возгревать для дальнейшего роста духовной жизни в юношеской душе. Не только ежедневно, но и ежечас-
но она, как добрый и усердный садовник, должна наблюдать за этим драгоценным деревцом, новонасаженным в рассад-
нике духовного воспитания и образования (семинарии); такая деятельность, такая заботливость в постоянном и бдительном воспитании, такое возгревание и ращение разумного плода духовной настроенности, чтобы обеспечить крепость его сил и правильность роста, должны продолжаться чрез *все классы* духовного училища и духовной семинарии. Отсюда с очевид-
ностью следует, что духовная школа должна быть цельной и неделимой единой колыбелью духовного воспитания и образо-
вания. При таком лишь условии по окончании курса духовной семинарии юноши могут явиться достаточно укрепленными в духовном настроении, в молитве, посещении храма Божия, в сохранении себя от порочных склонностей, в приучении себя к труду и послушанию и т.п. Итак, нетрудно убедиться, что в во-
просе о духовном воспитании юношества нужно иметь в виду не столько организацию школы или реформу этой организа-
ции – в смысле новой программы, новых предметов, приспособления к программе светских учебных заведений – а глав-
ным образом устройство благоприятных условий и средств для религиозно-нравственного воспитания и образования учащихся. И если в этом именно смысле необходимы теперь реформы или, вернее сказать, *улучшения школы*, то к этому нужно при-
ступать безотлагательно, прежде *всех других забот о школе*.

Духовные и душевные основы воспитания (духовная и гуманистическая школы)

Истинные намерения составителей проекта новой шко-
лы весьма, впрочем, ярко и решительно воплощаются в са-

мой организации предлагаемой ими новой школы, именуемой гуманистической, или гуманитарной; в этом типе школы *духовное* начало как таковое значительно ослабляется, и вместо него в основу ставится начало *душевное*, т.е. «естественные» склонности, расположения и влечения юности. Не усматривая в чисто духовном начале воспитания здоровой и естественной сферы жизни, наши реформаторы полагают, что духовное начало угнетает и мертвит лучшие юношеские порывы, и посему они, думаю, ненамеренно – пользуясь несчастным, длящимся еще периодом «освободительного движения», – решительно готовы вступить в борьбу с этим духовным началом в нашей школе и в виде щита для этой борьбы создать эту новую *епархиальную мужскую гимназию*, в каковой стараются уже все приспособить к естественным склонностям. Однако такое отношение к юношеству может быть свойственно только служителям плотской природы, плотским возрастителям, а вовсе не служителям духа, – этим ангелам-хранителям лучших святых и бессмертных качеств и порывов юности (Рим., 8, 5–9).

Гуманистическая или гуманитарная школа, как показывает и самое ее название – homo humanus¹ и, вернее, просто humus², – основным и вместе конечным своим идеалом ставит земное начало – человека, это слабое, ограниченное и притом падшее существо. Между тем как школа духовная, православно-христианская, по основной и вместе конечной идее своей стремится поднять от земли и вознести своего питомца-человека с лучшими и святыми его качествами и свойствами к неземному образу и идеалу – к богоуподоблению; ее самоцель – высшее совершенствование, по высочайшему небесному образцу, указанному Богочеловеком: «Будите убо совершении, якоже Отец Ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5, 48). «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его и сия вся (все необходимое житейское, бытовое, истинно доброе человеческое) приложатся вам» (Мф. 7, 33). Многолетний искус питомца духовной школы

¹ Человек человеческий (лат.).

² Земля (лат.).

отвечает вместе с тем и заповеди апостола: «Руки скоро не возлагай ни на кого же» (1 Тим. 5, 22).

Итак, можно быть вполне уверенным, что Св. Синод, этот коллективный кормчий Православной Церкви, никогда не может быть на стороне земного, плотского, чисто человеческого начала в подводимых ему школах, предназначенных воспитывать служителей Православной Церкви.

О подвиге служения в клире церковном

Составители проекта новой школы и все другие, заботившиеся главным образом о приспособлении организации школы к типу светской гимназии, ставят всегда при рассуждении о священно- и церковнослужительском звании ту господствующую в их суждениях мысль, что духовное звание есть «великий подвиг» и что какие-либо случайные, как бы принудительные меры, способные склонить питомцев принять на себя это служение, должны считаться и вредными, и опасными. Это соображение можно считать справедливым только по отношению к личностям заведомо порочным и явно своими нравственными качествами противоречащим общим качествам и чертам доброго христианина. Ведь и апостол Павел преподавал нам в руководство на случай избрания служителей Церкви Божией только общий тип доброго христианина, а вовсе не какого-нибудь особого подвижника (Тит, 1, 6–9); и эти черты, указанные в среднем, так сказать, типе христианина, великий служитель Слова Божия, этот, можно сказать, Архистратиг Церкви Христовой, взял однако не из характерных черт своего собственного духа и образа, как великого, самоотверженного служителя Таин Божиих, а из суммы черт, определяющих обычного, доброго христианина. Какое же мы имеем основание повышать духовный ценз питомцев духовной школы и сразу же, точно по экзамену, определять их будущее звание по той или иной способности к духовному подвижничеству. В этом случае мы вступили бы в недостойное пререкание с апостолом Христовым; и если это повышенное требование допустить по отношению к вопросу о качествах служителей клира, – то

почему же не пойти затем в этом направлении и дальше, т.е. почему не повысить этих требований по отношению к качествам христианина и на всех других поприщах жизни... Тогда всю жизнь на основах правды Христовой и евангельских (Христовых) заповедей придется признать непосильным подвигом, а потому признать «наиболее законным и естественным» отнюдь не решаться без особых внутренних склонностей и влечений ни на духовно-нравственное совершенствование, ни на нравственную и законную брачную жизнь, ни на деятельность общественную, государственную и проч., а позволять себе – пока сами собою не придут те склонности и влечения – блуждать всюду «без руля и без ветрил»... Нет, такие рассуждения могут лишь способствовать размножению типов Горького¹, в лучшем случае – типов гоголевского Подколесина, постыдно бегущего не только от законных брачных уз, но и от других устоев христианской нравственности и законности, стеснительных всегда для так называемых «естественных склонностей и влечений»... Такие рассуждения нам не только не нужны, но их можно считать в высшей степени вредными и даже прямо злонамеренными в таком поистине величайшей важности вопросе, каким должно считать вопрос о духовном воспитании и образовании.

Но если жизнь и деятельность в клире, как и на всех других поприщах жизни, есть действительно подвиг с общехристианской точки зрения, то неизбежно напрашивается вопрос: как же указанные нами воспитатели должны подготовить в духовной школе юношество к должному и усердному прохождению предстоящего ему подвига служения Церкви Божией? И каким именно путем, какими средствами можно совершать такую подготовку в духовной школе?

Путь к сему есть. И этот путь тот же самый, который издревле был усвоен, и еще не особенно давно правильно и успешно применялся в нашей духовной школе. Путь этот состоит в том, что духовная школа, как духовно-материнская колыбель, должна приблизить атмосферу церковного служе-

¹ Имеются в виду люди «социального дна».

ния к духовно-возрастающим свойствам и склонностям души юношей, должна сроднить эту атмосферу с их душою, сделать ее близкою, приятною и дорогою: чтобы и молитвы, и Церковь, и сами священнослужители, и все, что составляет круг мыслей, чувств, событий и предметов церковно-духовной жизни, – все это не только предносилось бы пред умственным взором питомцев духовной школы, но уже и *теперь*, в самой колыбели-школе, ощущалось бы как родная атмосфера, как родная стихия, как вполне свойственная душе питомцев область разносторонней духовной жизни на почве служения Церкви Божией.

Эту работу усвоения душе питомцев духовной школы предстоящей им жизни и деятельности в клире можно уподобить, скажем так, прививке живого веточного ростка духовного к обширному и живоносному дереву общецерковной жизни и деятельности.

По-видимому, вышеизложенными суждениями и образами мысль о духовном воспитании, о его не только возможности, но и необходимости, в известной степени ясно определяется в положительном смысле.

Борьба с гуманизмом, как основою воспитания

А если так, то мы, в свою очередь, должны вступить в самую решительную борьбу с проводниками и защитниками одного лишь естественного человеческого начала в сфере учебно-воспитательной и образовательной нашей духовной среды.

Мы должны во что бы то ни стало отстаивать православно-христианские духовные начала и основы в нашей духовной школе, хотя бы она теперь пока и в самом деле представляла из себя зрелище некоторого и местами даже немалого разрушения с внутренней и внешней стороны. Мы должны исходить из того рассуждения, что ведь тому же разрушению подверглись и все другие стороны жизни православно-русского народа и православно-русского духовенства. В самом деле, и жизнь трудовая, и жизнь семейственная, общественная, государственная, и жизнь нашего духовенства, и вся вообще об-

ласть церковной жизни в России – все носит в той или иной степени следы разрушения, и, можно сказать, разрушения по преимуществу в сфере духовной, т.е. внутренней, а затем уже и в сфере внешней, т.е. организационной. Так почему же из всей необъятной области явлений этого общего, к сожалению, разрушения у нас на Руси брать только духовные школы и подвергать их исключительной переработке, и притом в самом корне, в самой основе, и притом не в сторону сохранения школы, а в сторону ее уничтожения, до введения школы новой, совершенно почти противоположной по своим началам нынешней православно-духовной школе?!

Если само духовенство во многих отношениях повредилось от действия стихий «освободительного движения», то можно ли удивляться тому, что юношество духовное также проявляло моменты противодействия духовно-созидательному началу в нашей школе, в чем бы это начало ни выражалось: в воспитании ли, в образовании или в распоряжениях начальствующих лиц и т.п.?!

Несправедливость взглядов о коренной переработке нашей духовной школы еще ярче выступит пред нами, если принять во внимание, как было уже говорено выше, что с духовным началом в нашей школе борется *меньшая* все-таки *часть* ее питомцев. Очевидно поэтому, что ломать и перестраивать школу *в интересах именно этого меньшинства* и в угоду их революционным стремлениям – не только не справедливо, но даже и безрассудно. Ведь от дальнейшего противоборства эти уступки меньшинству все равно не оградят школы, если бы даже она превратилась в совершенно светскую и мирскую гимназию, ибо нельзя же не видеть того, что светские школы даже еще в большей степени подверглись крушению, чем наши школы духовные.

Далее, если ближе присмотреться к главному очагу, в который особенно проникли разрушительные для организации школы стихии, то мы не можем не заметить, что этот очаг главной частью своего фундамента лежал по преимуществу в среде воспитателей и преподавателей, но не учащихся.

Итак, изложенные суждения и мнения по вопросу о духовной школе сами собою естественно приводят к тому основному положению и бесповоротному убеждению, что, приступая к реформе, или, вернее, к улучшениям в нашей школе, необходимо главным образом озаботиться созданием института истинных православно-духовных воспитателей и преподавателей для нашей православно-духовной школы. В этом именно главный центр всего вопроса и в этом вся суть и все средства для правильного его разрешения.

Улучшение организации духовной школы (учреждение синодальной Комиссии)

Что же касается самой организации нашей духовной школы, то улучшения и переработка в этой области легко могут выясниться из специальных по сему предмету мнений как архипастырей, так равно и профессоров, участвовавших в предсоборном присутствии, – в особенности же из материалов и выводов, добытых специальною комиссиею под председательством приснопамятного Преосвященнейшего митрополита Иоанникия¹. Комбинирование же всех этих мнений и предположений об улучшениях и преобразованиях нашей духовной школы можно поручить особой комиссии из присутствующих в Святейшем Синоде архипастырей с привлечением к участию в ней некоторых профессоров и преподавателей. И лишь после работ этой комиссии Святейший Синод своим суждением может уже дать окончательное направление и определение сего вопроса. Этот способ имеет за собою все преимущества, так как он обладает и последовательностью и, вместе с тем, историческою связью с прежними, ранее бывшими серьезными работами по глубоко интересующему как Ваше Высокопревосходительство, так равно и всех нас вопросу об известном преобразовании нашей духовной школы.

¹ Иоанникий (Руднев), митрополит Киевский и Галицкий (1827–1900), с 25 января 1898 года первенствующий член Святейшего Синода, известный богослов.

Предполагаемой комиссии будет полезно, между прочим, взять при этом как бы в руководство себе следующие в высшей степени продуманные и практически полезные мысли митрополита Филарета о надлежащей организации духовной школы, выраженные им по поводу бывшего и обсуждавшегося при нем подобного же вопроса о ее реформе. Мысли эти тем более уместно здесь привести, что они как бы резюмируют суждения и предположения об улучшении духовной нашей школы, высказанные в настоящей записке.

«Семинария нынешняя (т.е. бывшая до реформы 1867 г.) и предполагаемая по уставу большинства членов нынешнего (1866 г.) комитета, – писал митр. Филарет, – представляет организм, в котором одна жизнь развивается и возвышается, и над ветвями и листьями общего образования восходит духовный плод. Семинария двух членов представляет два организма, которые не имеют и не обещают единства духа и направления. Лучше ли это?» Мнение митр. Филарета и большинства членов комитета по преобразованию духовной школы было на стороне учебно-воспитательных преимуществ однородного и однотипного учебного заведения.

Двойная же или двухсоставная школа (гуманитарная с пришитой «богословской»), по мнению митр. Филарета, приведет к следующим естественным последствиям.

«Воспитывающиеся в общеобразовательном духовно-учебном заведении будут возрастать в той мысли, что пред ними открыты все возможные поприща служения и жизни, а потому едва ли будут развивать в себе те расположения и направление, какие необходимы для пастырского служения». *«В светской под духовным начальством гимназии»* «между учениками будет господствовать мысль, что они готовятся не к духовному званию преимущественно, а к чему хотят, или сами не знают, к чему. Наследственная склонность к духовному званию теряет силу; бродящая мысль ученика при виде скудной жизни и тяжелой службы духовенства будет перебегать в широкую светскую область, где встретит прельщающие мечты о выгодах и почестях; и это легко поведет к тому, что

более способные ученики устремятся в светское звание, и богословской семинарии и церковной службе достанутся только дрожжи общеобразовательного училища».

«С осуществлением изложенного предположения неминуемо повторились бы те же неудобства и затруднения, какие существовали бы для богословских училищ в том случае, когда приготовительное образование молодых людей, предназначенных себя к богословской специальности, предоставлено было бы светским общеобразовательным учебным заведениям. Известная необеспеченность нашего духовенства в соединении с трудностями духовного звания, конечно, немногих из кончивших курс в духовном общеобразовательном училище, как из кончивших курс в светских гимназиях, будет привлекать на трехлетний специально-богословский курс, когда пред ними открываются двери университета, а из него и чрез него все возможные служения и ученые должности». А «недостаток в лицах, получивших полное богословское образование, повел бы к тому, что епархиальные начальства вынуждаемы были бы возводить в священнослужительский сан лиц, не получивших богословского образования».

Вообще надлежащего развития расположения к пастырскому служению и вообще служению в клире, а с тем вместе и устранения вышеозначенных практических затруднений для местной церкви и архиерея «естественнее ожидать при таком устройстве духовно-учебных заведений, когда воспитанники и при изучении предметов общего образования будут иметь пред собою одну цель – приготовление к пастырскому служению – не отвлекаясь иными целями».

Неугомонность гуманистических стремлений

Но и по выслушании изложенных мыслей и рассуждений, хотя и засвидетельствованных и удостоверенных, как бы некоторой печатью, высоким духом и разумом нашего дивного духовного мыслителя митрополита Московского Филарета, сторонники гуманистической школы, подобно некоторым собеседникам, вдруг могут сказать следующее: «Да

ведь со всем изложенным мы вполне согласны – ведь и мы же говорим и пишем о том же самом: мы указываем лишь на необходимость в интересах именно только возраста учащихся отделить младших питомцев от старших, или, что то же, общеобразовательные классы и предметы от богословских; ведь нельзя же, чтобы маленькие ученики находились вместе с большими: они будут мешать друг другу, так как для учащихся в богословских классах надо же установить особый, свойственный им порядок и строй жизни: они, вероятно, и чаще должны будут посещать богослужение, и вообще вести более строгий образ жизни и т.п. – нельзя же тех и других соединить вместе»... Слушая подобные рассуждения, невольно скажешь: если не скрываются в умах и сердцах этих людей лукавые, невыраженные намерения, желания и взгляды, то они, несомненно, страдают неисцелимой путаницей и смешением своих понятий и даже чувств; так, говорят они, например, о маленьких и больших питомцах, а между тем для «маленьких» откромсали целых восемь классов, а для больших только два класса, как будто бы в третьем и четвертом классах семинарии тоже находятся одни только «маленькие» ученики; или, например, говоря, что старшим ученикам придется чаще храм Божий посещать, более строго вести себя и т.п., опять-таки имеют в виду исключительно богословов и учеников последних двух классов, как будто для религиозно-церковного и духовно-нравственного воспитания не было бы более целесообразным, если бы, допустим, в подобные особые условия воспитания были поставлены учащиеся не в последних только двух классах, а, может быть, в четырех классах, начиная с третьего. Словом, как бы совершенно соглашаясь с признанием единой и неделимой духовной школы, вдруг опять начинают сначала рассуждать о необходимости деления на две части, а там – уже ведут речь, где эту грань наиболее целесообразно установить в интересах питомцев, для выхода их в светские учебные заведения и т.д. и т.д.; и опять все сначала, как будто бы самый центр рассуждений и мыслей пригвожден к чему-то скрытому и не может никак

оторваться от неподвижной точки и потому всем рассуждениям и мыслям вновь приходится возвращаться к прежнему пункту, и так – без конца. Да, наконец, если бы и действительно все питомцы, от самых малых до самых больших, находились бы вместе, какой был бы вред от того, что старшие молились бы, а младшие бы учились в это время: напротив, в жизни и поведении старших своих товарищей младшие могли бы видеть свой будущий вожденный образ жизни и поведения, если только школа, действительно, своей воспитательной теплотой объединяет, умиротворяет, согревает и сама объемлет всех, «якоже кокош птенцы своя» (Мф. 23, 37).

Толкование на «Откровение» Иоанна Богослова¹

Толкование на «Откровение» («Апокалипсис») св. апостола Иоанна Богослова содержит не подробное объяснение на каждый стих, а общий смысл каждого периода, к какому времени событие относится, потому что Откровение имеет таинственные картины пред очами св. Иоанна, одна за другой последовательно. Мы постараемся пояснить кратко смысл каждой картины и к какому времени она относится. Итак, благочестивый читатель, просим прочитать внимательно это толкование. Наперед нужно читать каждую главу Откровения, а потом сверяться – только в таком порядке, с помощью Божией, можно уразуметь и наблюдать, что написано. Только нужно стараться всем сердцем и всей душой, ибо Божии дела и слова не так просты, как человеческие. Читать надо по порядку от начала до конца.

¹ «Православные христиане! Простите нас, недостойных рабов Божиих, ради Христа, за дерзость, с какой мы осмелились предложить Вам для доступности понимания “Откровения” святого апостола Иоанна Богослова “Толкование” Преосвященного Гермогена. Простите нас за возможные при этом ошибки, ведь до нас оно дошло в рукописном варианте. Мы только постарались, чтобы всякому доброму христианину был понятен смысл всей истории христианства. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Господи, спаси нас грешных! Аминь! Нальчик, 1997 г.». – *Прим. издателей журнала «Первый и последний».*

Глава 1

Первая глава содержит свидетельство св. Иоанна к читателю, что он видел и слышал: «блажен читающий и слушающий слова пророчества сего и соблюдающий написанное в нем; ибо время близко».

Глава 2

Вторая глава содержит обличение Иисусом Христом седми Церквей; все эти обличения исполнились, но вторая глава имеет характеристику поведения христианина каждого из времен и мест.

Глава 3

Третья глава содержит продолжение второй главы. Каждая Церковь имеет епископа в одном городе, под властью которого находилась.

Глава 4

Четвертая глава содержит видение св. Иоанна. Он видел престолы и сидящих на них 24 старца, стеклянное море, четырех животных, семь светильников, горящих перед Престолом.

Глава 5

В пятой главе св. Иоанн видит: Сидящего на престоле и в деснице Его книга, запечатанная семью печатями. Св. Иоанн плачет, что никто не может раскрыть сию книгу. До Рождества Христова эта книга была запечатана, но после Его смерти и Воскресения книга стала постепенно раскрываться и продолжать будет раскрываться до скончания века; каждая печать раскрывает событие и перемену жизни на земле.

Глава 6

В шестой главе св. Иоанн видит Агнца, снимающего печати, одну за другой, последовательно. После снятия первой печати св. Иоанн видит белого коня и Всадника, имеющего лук, и дан Ему венец, и вышел Он, как Победоносный. Белый

конь и Всадник означает: Иисус Христос Сидящий, а также все верующие, которые победили мир евангельской проповедью, которые означены луком и увенчались славою.

Второй конь – рыжий, означает языческий мир, который обрушился на христианский мир своею ненавистью и пролил множество крови. Конь рыжий выступает на всех порах, именно когда христианство вступает с проповедью в темные царства. Вот тут и начинается война, как и Сам Христос предсказал, что будут разделяться в одном доме: отец против сына, сын против отца... Один – верующий во Христа, а другой – нет. Такое разделение наблюдается во все времена существования Христианской Церкви до скончания века.

Третий конь – вороной, означает, когда богатый, неверующий класс утопает в роскоши, в нечестии и во всяких удовольствиях, а бедный класс всегда находится в стеснении, даже готовы идти на всякий дешевый труд, лишь бы пропитаться; и вместе с этим получается дороговизна, но не совершенная голодовка, на что указывает: «елея же и вина не повреждай»; елей означает богатую вкусную пищу с приправою; вино – означает веселие. Это всегда проявлялось, как мы видим из истории, это будет и в последние антихристианские дни особенно резко. Еще нужно заметить, что истинные христиане считались самыми беднейшими среди всех других бедных людей, т.к. они добровольно отказались от земных благ, для христиан более тяжелые складывались условия жизни, их презирали и ненавидели, им не давали никаких гражданских прав и должностей в языческом обществе. Христиане жили совершенно отдельно от язычников; подобно им будут жить христиане последних времен в антихристианстве, но только в полной и высшей степени.

Четвертый конь – бледный, означает то, что проявится особенно в антихристианское время, в последние дни нечестивого общества, которое именуется вавилонскою блудницею (царство антихриста). Пятая печать. После снятия пятой печати св. Иоанн видит души убиенных за Слово Божие под жертвенником на небе, это есть свидетельство того, что не

напрасно христиане терпят на земле гонения, они получают награду на небе. Шестая печать. Снятие шестой печати означает мировой переворот в Природе. Это будет после царства антихриста, перед Пришествием Христовым на землю судить живых и мертвых, как Сам Господь сказал (Мф. 24, 29, 30), что «...после скорби дней тех... силы небесные поколеблются...» и люди увидят «Сына Человеческого, Грядущего на облаках небесных...»

Глава 7

В седьмой главе описан предуготовительный момент, то есть что скоро откроется антихристианское царство на земле. Для этого события Господу нужно отделить истинных христиан от антихристианского общества или мира под образом таинственного запечатления избранных христиан. Печать даст им силу против антихристового гонения во все времена антихристианского царства, включая само господство антихриста (в течение 3,5 лет). Антихристианское царство возникнет раньше воцарения самого антихриста и будет продолжаться неизвестно сколько лет. Оно подготовит почву для пришествия антихриста, который явится как царь и выразитель его нечестия и беззакония. Антихристианское царство – это общество последнего времени под образом Вавилонской блудницы.

У нее нет постоянного правителя, она сама управляет и народом, и царствами под руководством сатаны и духа антихристового. Это есть время самоуправления. Само общество управляет, а дух антихриста диктует. Но это ясное свидетельство, потому что оно (общество) сидит на багряном звере. (Вот потому и запечатываются христиане, чтобы отделиться от других печатью.) Истинные христиане будут жить совершенно отдельно, не подчиняясь никаким открытым законам. В первые времена христиане подчинялись гражданским законам и языческим царям, как, например, кесарю, и почитали их власть как власть от Бога. В последнее антихристианское время и во дни господства антихриста истинные христиане не будут нести гражданские повинности, потому что сам сатана будет у

власти и антихрист; они являются жестокими врагами Господа нашего Иисуса Христа, потому-то и законы, издаваемые ими, будут направлены против Бога и Церкви, и тот, кто повинуется им хотя бы с нежеланием, тот будет как сообщник антихриста и отвержен будет от Бога.

Потом св. Иоанн видит события, относящиеся к последним дням антихристианского царства. В прошедших главах разъясняется, что св. Иоанн видел общее гонение христиан всех времен, в 8-й главе описано только гонение (события) антихристианского времени, о чем ясно свидетельствует седьмая глава, как предуготовительный момент задержания злых ветров антихристианского духа, пока не запечатаются истинные христиане. В этой главе св. Иоанн видит уже прославленных их на небе, совместно со всеми мучениками всех времен во всю историю христианского существования на земле. Здесь показаны общие черты прославленных мучеников, вместе взятых. С восьмой главы он уже начинает видеть страдания христиан только в антихристианском времени. Затем увидим их прославленных отдельно. Из последних истинных христиан выделяются своей нравственной чистотой девственники; они тоже под числом 144 тысяч, число это круглое, таинственное, означает, что это не один, не два, а целое число; о нем сказано в 14-й главе. Об этом еще будем говорить.

Глава 8

С 8-й главы, как мы сказали, начинаются казни последних времен в области физического мира, в период антихристианского времени, но антихристианский мир не будет их замечать. Как ясно из истории египетских казней через Моисея, египтяне покорялись им; далее же будут казни в высшей степени, но люди не будут их замечать и понимать и будут коснеть в своих беззакониях, как сказано в Евангелии от Луки (гл. 21), что будут великие землетрясения, глады, моры, язвы, особенно страшные явления в Природе и разные знамения на небе в солнце и луне, и в звездах, а на земле уныние народов и недоумение; Море – это люди, восшумят и возмутятся. Это – 4

казни. Они будут продолжаться во все дни антихристианского царства до скончания века: то последовательно одна за другой, то одновременно. Совокупно к ним присоединятся еще 3, особенно страшные казни, что выражается возвещением Ангела: «Горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных гласов...» Здесь открывается, что если бы первыми четырьмя казнями ограничиться, то для людей антихристианского мира было бы недостаточно этого, для них нужны более чувствительные меры, чтобы привести к покаянию.

Глава 9

После пятой трубы св. Иоанн видит: раскрылась бездна сатаны. С этого времени постепенно кончается благодатное Царство, что именно и выразилось в потемнении Солнца – Христа в сердцах людей из-за адского учения и нечестия. Дым означает (черное) адское учение и беззаконную (безбожную) теорию, а выход саранчи после дыма означает демонов. А люди, принявшие адское учение, названы *гогами* и *магогами*, и постепенно через них ужаливаются остальные люди, которые не имеют силы (веры) их отгнать. Только люди крепкой веры, которые запечатаны Христовой печатью, могут избежать их действия мучения. Их мучения выразятся в постоянной жажде насыщения, в плотском образе жизни, в недовольстве, в поисках лучшего, и пребудет род человеческий в вечной гибели. Они еще здесь на земле будут предчувствовать адские мучения, потому что в их сердцах откроется полный ад, и под конец они попадут под гнев Божий. Для истребления нечестивых людей антихристианского общества будут голод, меч (войны), мор и всякие другие бедствия. Тогда-то в эти дни люди начнут просить себе смерти, но смерть убежит от них; они будут думать, что после телесной смерти будут спокойны, не подозревая того, что души их вместе с телом будут мучиться во веки веков, бесконечно; умрет для них помилование в покаянии еще здесь на земле. Когда откроется гнев Божий для истребления антихристианского общества, то в эти бедственные дни многие беспечные ослепленные христиане с антихристианским

обществом обратятся к Богу с покаянием, но уже будет поздно, небесные двери закроются, а они не будут знать, что Господь не простит им, они будут успокаивать себя, что Бог милосердный, всякий грех прощает, пока человек находится на земле, они только потом узнают (после телесной смерти), что покаяние их было без пользы.

Теперь объясним, отчего у них возбудится раскаяние в том, что они связаны с нечестивым обществом, что грех иметь с ним общение. Это потому, что когда антихристское общество жадно наслаждалось спокойной жизнью и не думало о своей участи, посреди его также многие безрассудные христиане не думали о своей участи, жили и увлекались широким путем и не хотели вступить на путь скорбей, хотя и слышали, и видели, и другие их вразумляли, что надо бросить все земное и разорвать связь с нечестивым обществом, но они не желали внимать и даже гнушались вразумляющих. Когда праведный Ной говорил своим современникам, а также праведный Лот пред гибелью Содома убеждал людей, люди не слушались их, даже смеялись над ними, точно так же будет и в последние дни перед бедствием в виде мировой революции и последней мировой войны до антихриста. Вот теперь Господь обличит их, во время бедствий они узнают грех и разорвут с обществом, и будут возлагать надежду на Бога, потому что увидят, что пришел конец всему, никому нет отрады, невольно оказались на тесном пути и начнут скорбеть и каяться, но эта надежда окажется ложной, они будут как обетованные к вечной гибели со всеми нечестивыми. Было время, Господь терпел, взывал к каждому, кто пожелает: «Выйди от нее (Вавилона), народ мой, чтобы не участвовать в грехах ее и не подвергнуться язвам ее; ибо грехи ее дошли до неба и Бог вспомнил неправды ее» (Откр. 18, 4). Об этом еще будем говорить в 18-й главе. Итак, видим, что в последние дни мира люди антихристианского царства подпадут под непрощаемый грех два раза. Первый раз будет до антихриста в одном определенном месте. И так как они превзойдут все народы, все царства своим нечестием и беззаконием, они подвергнутся под гнев Божий, как Содом

и Гоморра. В это время прощения никому не будет, кто окажется в этом обществе, как было во времена пророка Моисея. Моисей отделил свое общество от Корея и сказал обществу (Чис. 16, 26): «Отойдите от шатров нечестивых людей сих, и не прикасайтесь ни к чему, что принадлежит им, чтобы не погибнуть вам во всех грехах их». Так будет и с антихристианским обществом. Все другие царства будут видеть это и удивляться, хотя и их ожидает такая же участь, но при господстве антихриста (3,5 года). Второй непрощаемый грех уже будет во всем мире во время господства антихриста, когда некоторые люди получают печать его чувствительную на челе или правой руке. После этой печати прощения не будет никому. Божий гнев и вся Природа вооружится, и они будут мучиться еще здесь, на земле, как в аду. Об этом будет сказано в толковании семи чаш гнева Божия.

Шестая труба. В шестой трубе видит св. Иоанн ту же самую демонскую силу, только в другом виде; она означает, что кончилось первое горе и наступило второе, что демоны под видом саранчи в пятой трубе получают свободу в последние дни мира и не будут сходить со сцены действия всего времени, и наоборот, будут все более и более усиливаться... Будут освобождены четыре Ангела, которые были связаны, и после их освобождения видно, что будут ужаливать людей сзади, как бы хвостом, своею хитрою политикою, но и умерщвлять их тела. В пятой трубе саранча ужаливала не только души, но вместе с тем лишала их тела военным делом. Это будет в конце мировой революции, как последний удар в завоевании антихриста, в тот самый час, день, месяц и год, когда будут освобождены четыре Ангела. Он придет как великий завоеватель вместе со своим войском, воцарится в Иерусалиме на 3,5 года.

Глава 10

В десятой главе св. Иоанн видит Ангела, который дал ему книгу и сказал ему: «Съешь», и он исполнил. Она была в устах его сладка, как мед, и горькая во чреве. Книга означает Слово Божие, особенно Божие откровение. Когда христианин прини-

мает Слово Божие, то он радуется, как бы ощущает сладость в устах, а когда начинает испытывать гонение, скорби, то становится горько, как бывает горько во чреве.

Глава 11

В 11-й главе говорится о измерении храма и о поклоняющихся в нем, и об исключении внешнего храма (двора), как недостойного, потом говорится о двух свидетелях. Храм означает весь мир, а внешний двор означает весь антихристианский мир. В последнее время этот храм, т.е. мир, будет разделен на внутренний и внешний. Истинные христиане будут поклоняться Богу в духе и истине, как достойные дети в доме Божием, а слабые в Вере и благочестии будут попираемы нечестивыми. Тогда при возрастании нечестия внешний двор (этот мир) вместо истинных пастырей отдаст своих безбожных представителей, и по слову Господа явятся непризванные представители человеческой жизни, многие лжехристы и лжепророки. Это антихрист и его слуги. Они и будут попирать внешний двор маловерующих и слабых в благочестии, унижать все святое и истинное в сердцах людей, которые через неверие и нечестие отпадут от истинной Церкви и лишатся возможности принимать ее спасительные Таинства и руководство истинных пастырей. Разделение Христианской Церкви начнется раньше воцарения самого антихриста, на что именно и указано, что он дан язычникам (слово дан означает прошедшее время). В будущем будут при антихристе попирать тогда не только внешний двор, но и самый святой Иерусалим (3,5 года), который будет являться столичным центром ВСЕГО МИРА.

Такое полное разделение мы не замечаем в истории. Христиане первых веков жили совершенно отдельно от язычников, но не в полном смысле этого слова. Живя своей внутренней жизнью, отдельной от других, христиане не поклонялись идолам, не участвовали в незаконных зрелищах, пиршествах и отказывались от всяких удовольствий, которые противны духу Христову. А что касалось общественной жизни, то христиане выполняли все гражданские законы, утвержденные

властью кесаря, для всех обязательные. Несли воинскую повинность, участвовали в государственной переписи, приняли гражданское удостоверение личности. Об этом свидетельствует апостол Павел, заявляя арестовавшему его сотнику, что он – римский гражданин, что он признает суд кесаря, «где ему и следует быть судиму» (Деян. 22, 25–28), и что, как римский подданный, выполняет гражданские законы. Христиане знали хорошо Писание Божие, что нужно нести покорность в делах гражданских: кесарю – кесарево, а Богу – Божие. Христиане признавали гражданские повинности, долг и чтили царя, даже языческого кесаря. Но на деле от некоторых повинностей они отказывались, потому что в них вмешивались хитрые подделки, например: если призывался христианин в армию, то в обязательном порядке каждый должен (был) клясться идолю-скому богу. Если христианин отказывался клясться, то его на месте казнили как преступника, и поэтому многие сразу отказывались от призыва. Также они не ходили к судьям, т.к. каждый должен был в начале в правый угол поклониться идолу, а затем – судье.

Вот такое было духовное и гражданское разделение в первые времена христианства. Что касается жизни последних христиан в антихристианское время, на то указывает 11 глава – это особенное и полное разделение, какого не было никогда в истории. Истинные христиане последних времен буквально отвергнут все гражданские законы и не будут почитать власть. У них останется одна внутренняя принадлежность к Небесному Отечеству, и будут иметь свидетельство Иисуса Христа, за которого прольют свою кровь. В первые времена вся суть заключалась в идолопоклонстве, а законы и власть почитали. А в антихристианское время место идолов займет сама власть и будет требовать поклоняться ей, не касаясь религии. Поклонившиеся будут считаться последователями антихриста. Тогда произойдет разделение по воле Божией добрых и злых: последователей Христа и последователей антихриста. Господь отделит овец от козлов. Тогда совместная жизнь тех и других сделается невозможной. Истинных христиан, которые будут

верны Господу Иисусу Христу, будут предавать и мучить, но не как за религию, а как государственных преступников, не покоряющихся закону.

Теперь объясним, кто такие два свидетеля? По учению Церкви, это будут св. пророк Илия и святой Енох, которые явятся для обличения антихриста на 3,5 года и будут потом убиты им. Почему они явятся? Потому что смерть неизбежна; она является законом для каждого человека; даже Сам Спаситель Богочеловек не избежал ее. А могут ли избежать смерти эти два человека, которые живыми взяты были на небо? Никак не могут они оставаться без телесной смерти. Даже христиане, которые встретят живыми Пришествие Господа, будут переплавлены огненной лавой, они не умрут, но огнем как страданием изменятся в другой вид.

Глава 12

В 12-й главе св. Иоанн видит жену, жена – это Христова Церковь, и дракон преследует ее. Это было во все времена ее существования на земле: она разделится на два разряда верующих христиан. Первые – избранные и более твердые в вере, названные *женою*, а другие слабые, которые обозначаются *семенем* ее. Первые всегда будут поддерживать последних, как чад.

В последнее время этот дракон особенно пустит из пасти всякого рода гонения и учения, дабы прельстить ее, но пастыри убегут из городов во внутреннюю пустыню, ближе к Богу, дальше от мира. Они скроются от людей, а многие другие будут заключены. Так, пустыня означает: где бы ты ни был истинный христианин, в городе или тюрьме, или среди мира, то должен терпеть, ибо для диавола, как для духа, доступны места везде. Еще раз повторим, что при возрастании нечестия неверующий мир обрушится на Церковь через изменение церковных служб, догматов, будет действовать лостью, обманом и насилием. С этого времени прекратится открытое истинное богослужение и Причастие Тела и Крови Христовой со всеми Таинствами. Тогда начнется открытое служение антихристу, он будет управлять недостойными христианами, которые не

будут подозревать этого за свое нерадение. Но истинные христиане, которые названы *семенем жены*, будут знать козни антихриста. Они будут жить среди мира, исполнять заповеди и иметь свидетельство Иисуса Христа, и не будут связаны с антихристианским обществом, только не будут достигать той пустыни, близкой к Богу своим совершенством, как первые, которые именуются *женою* – они как бы незаметны среди мира и не выделяются так резко, как первые. Они как люди мира, мирской деятельности, могут падать и грешить, но будут подниматься и каяться Богу, и Господь будет прощать им, они будут подобны тем семи тысячам израильтян, которые во время жития Илии-пророка не поклонились Ваалу. В то время также многих избранных убили, даже пр. Илия думал, что один он из верных Богу остался в живых. Потому что они всегда резко выделяются и на них враги вперед нападают, а *семья* пока остается до времени и живет среди врагов незаметным. И великий пророк Илия не замечал их, и что они не поклоняются Ваалу (3 Цар. 19). Они только тогда начинают быть заметны, когда их будут искать при обыске домов с мечом. С этого времени и для *семени* начнется брань (борьба). Так было в истории первых веков христианства. Многие слабые спасались в потаенных местах, в катакомбах, под землею, а также в других местах. Они ходили среди язычников и тайно исповедовали Христа, поэтому были незаметны для врагов. Но когда выходил указ для розыска, то многих выводили из потаенных мест и приводили на поклонение идолам.

Многие христиане не устояли и уступили, но многие совершали мученический подвиг и получали венцы наравне с первыми, которые назывались *женою*. Но это было в первые времена христианства, а теперь объясним, как будут жить истинные христиане, которые именуются *семенем жены* в условиях антихристианского общества. Трудное время выпадет для *семени* этих христиан, потому что они будут лишены пастырей и Учителей Церкви, которые воспламеняли бы сердца и показывали чудеса, как было прежде. В первые времена многие епископы прятались ради подкрепления слабого *семени*. Они

находились вместе с ними, воспламеняли их сердца, показывали многие знамения, изгоняли бесов, т.к. были великие чудотворцы. Но в последние времена такие учителя скроют свой вид от людей и не будут творить чудес пред ними. Истинные христиане сами от себя воспримут страх Божий и будут так угождать Богу, как и первые христиане не угождали, и получают венцы от Бога особенные, и все прежние праведники будут им удивляться и скажут: «Как вы могли сохраниться в такое тяжелое время сами собою без руководства, без пастырей?»

Теперь объясним, будет ли знать антихристианская власть тех истинных христиан, которые, вращаясь среди мира, исповедуют Христа тайно до тех пор, пока их не предадут смерти. В антихристианское время будет совсем иначе, потому что дух антихриста не то, что цари языческие. Те были люди, у них был слабый ум, а у антихристианской власти – ум будет сатаны. Эта власть будет действовать политически, не затрагивая религии, вероисповедания. Всем даст равные права для всякой веры и секты, но в то же время будет опровергать все религии и будет открыто пропагандировать, что все они – это обман и суеверие, что нет никакого Бога. Действовать будет морально, убеждением, и смертельно ужаливать души. Но у всех верующих будет право исповедовать и открыто совершать службу с тем условием, чтобы только не нарушалась дисциплина и государственные законы. Она возьмет все места служебные под свой особый контроль и будет ими руководить, и станет главою вместо Христа, и люди будут служить не Иисусу Христу, а антихристу.

Слепые христиане не будут видеть этого, хотя даже дети могут понять все, как власть будет издеваться открыто и ясно. А что касается истинных христиан, то власть всех их будет знать, потому что она всех возьмет под государственный контроль – дадут каждому знак удостоверения личности, и будет тщательно совершаться их проверка. Будут также совершаться и другие мероприятия, проводимые антихристианской властью под контролем, чтобы для власти было ясно известно, кто участвует в чем, кто – нет; но трогать некоторых не будут сразу в связи со свободой совести (свободой религий). На первый

случай будут действовать морально, но потом, когда подгонят всех к участи греховного Вавилона и Божий гнев уже будет близок, будет издан указ особый: искоренить тех, которые идут против, но не как за религию, а как преступников народа, потому что народ осквернился.

Мы только сейчас видим подобное во Французской республике, там такой порядок уже был в малом виде после их революции, а теперь эти результаты проработаны еврейскими масонскими революционерами, и готовятся все силы к свержению самодержавия в России, а потом – на весь мир.

Итак, теперь мы объясним о людях Церкви, что они разделятся на два разряда по случаю большого гонения. Первые сильные, их не может обольстить диавол, потому что им даны два крыла – Большого орла. Это два великих завета, которыми они руководствуются и поднимаются от греховной земли на высоту мысленной пустыни, как бы в тихое пристанище. Антихристианская власть во все времена, во всех гонениях так руководствовалась, как предсказано Богом, но особенно сильно будет в последнее время господство ее во всем мире на 3,5 года.

Глава 13

В 13-й главе св. Иоанн видит выходящего антихриста из моря (мира), а что одна из голов была ранена, означает самого диавола, когда Господь заковал его на 1000 лет. Исцеление его вновь – означает выход его на свободу, а впоследствии как бы духом воплощение его в настоящего человека – антихриста. А второй зверь, выходящий из земли – означает помощника антихриста, как слуги; они явятся одновременно и будут действовать 3,5 года. Теперь объясним, почему первый зверь вышел из моря, другой из земли. Море – люди, волнующиеся непонятно туда и сюда как волны, к концу времени они выберут антихриста, что обозначает нетвердая почва, а второй будет являться уже постоянно из твердой почвы. Он будет обладать великими научными знаниями и большими способностями обширного ума. Это вырабатывалось долгое время и тайно на основе материалистического учения, и он явится уже как выразитель и

представитель этой теории и будет пособник царя-антихриста, вот что означает выход из земли. К последним дням мира антихристианское общество выберет для управления всеми народами земли одну личность царя – антихриста. А наука материализма выберет тоже одного великого представителя над всеми лжеучителями и лжепророками, и дадут они великие знамения и чудеса и прельстят многих даже избранных (крещеных).

Антихрист, как правитель, будет советоваться со своим близким помощником, который вышел из земли и будет у него правой рукой, они вместе будут давать задания всем ученым, которых тогда будет немало. Они распространятся по всей земле среди народов, обольщая и прельщая. К тому времени наука достигнет высшей степени развития, даже заговорит неодушевленная статуя. Что касается имени антихриста – 666 – когда придет время, истинные христиане будут знать его имя; имя его из славянских букв составит эти цифры.

Глава 14

В 14-й главе св. Иоанн видит уже прославленных 144 христиан-девственников, достигших истинного совершенства. Девственники – это христиане чистой истинной Православной Веры, не осквернившиеся с женами (т.е. ересями). Число 144 – таинственное, неопределенное, т.е. большое множество. В седьмой главе св. Иоанн видел только предуготовленных к страданию последних времен, общее их прославление во всю историю, а здесь он видит одних 144 тысячи уже пострадавших от антихриста. Дальше идет обличение Ангелом тех, кто почитает делом и словом антихриста, тот совместно с ним будет гореть в огне вечном. Потом он видит обрезание нечестивых, и как бросается в точило все их беззаконие, даже сверху полилось нечестие – так велико беззаконие.

Глава 16

Первые пять чаш означают, что сама ПРИРОДА вооружится против нечестивых людей, потому страдания людей будут безмерны. Но обезумевшие, ослепленные люди ничего не

будут видеть, ничего не познают, что на них это сошла кара Господня. Они обозлятся на природу и на свои страдания, но вины своей не поймут и себя не осудят.

Чаша шестая. В шестой чаше св. Иоанн видит, что иссякла вода в реке. Сила этой чаши означает, что не действительно воды в реке не стало, это надо понимать так, что в конце мира злой дух начинает действовать не сразу во всем мире, а постепенно будет обольщать все народы и царства, пока не приведет в единое антихристианское царство. Первое проявление злого духа начнется с появлением саранчи из бездны вместе с царем – диаволом в одном определенном месте (стране или странах). Некоторые страны будут сопротивляться новому антихристианскому строю (царю), в то же самое время мир земной разделится на два общественных противоположных строя; как два берега реки, так будет два строя. Один возникнет антихристианский, а другим будет еще некоторое время исторический строй. Но поскольку царства добровольно не сдадутся **на новый порядок жизни**, то этот злой дух будет стремиться, как показано в откровении о шестой чаше, всех царей и народы собирать на брань, на всемирную революцию (Армагеддон). Это будет последняя мировая война зла с добром. Через эту хитрую революцию приведутся все народы и царства к единому антихристианскому духу. С этого времени не будет две стороны и преграды, которую означает река. Восток и Запад соединятся в единое целое. Не будет воды – реки, преграды злой силе. Река была и будет, и будет течь, но не будет преграды, шестая чаша вылилась на эту преграду, и нет больше преграды. Сила злого духа умножится чрезвычайно, и вдобавок вооружится Природа, будут действовать все пять чаш вылитых прежде. Дивно то, что шестая чаша поражает только людей, ибо через эту чашу происходят последующие события среди людей и действия на них злого духа.

Глава 17

Св. Иоанн видит жену, сидящую на багряном звере, и Ангел поясняет, что жена – это антихристово общество последнего времени. В этом обществе не будет царя. Она сама говорит

это: «Сижу царицею, я не вдова, но имею много подданных». Она отказалась от религии, воссела на диавола и управляется духом антихриста, десятью царями, которые сидят на звере, ибо 10 царей означают, что они будут диктовать обществу. Эти цари как представители народа – они не цари, ибо цари обозначаются головами, они всецело подчиняются и обязаны другому, более высокому свойству, и воссели, и не имеют как бы постоянного управления. Число 10 – неопределенное, круглое, означает множество их. Их будет как песка морского, это Гог и Магог. Они тайно подготавливают путь антихристу. У них одна цель – создать антихристианское общество, которое затем передать под власть антихриста. Он даст им должности правителей на очень короткое время – 3,5 года. Эти 10 царей возненавидят свое общество и разорят его огнем и мечом, уничтожат все его великолепие с той целью, чтобы в случае всемирной войны поднять народы на революцию, чтоб в короткое время подчинить себе все царства, не удовлетворяясь покорностью своих подданных, которые были до сих пор в этом обществе – Вавилоне; оно потребует еще высшей покорности, чтоб все народы носили его злочестивую печать на челе и правой руке – это высший эгоизм и гордость духа антихриста, которые будут и у этих царей. Они ослеплены и не будут знать, что антихрист ведет их к намеченной цели, но дух антихристов, который в них, будет знать все и руководить через них в духе. Они, ослепленные своей хитрой политикой, даже не пожалеют разорить до основания свой собственный город. Разорение города произойдет по воле Божией и по желанию антихриста. На звере 7 голов – это антихрист, 666, а гора означает царства, в которых действует сила диавола. Антихрист как бы наследник беззаконий семи царств, от начала человеческой истории. Эти царства следующие: 1) Мидийское; 2) Персидское; 3) Ассирийское; 4) Вавилонское; 5) Македонское; 6) Римское; 7) Германославянское, которое будет постепенно преобразовываться в антихристианское царство и превзойдет своим беззаконием все 7 прошедших царства и сядет на них. Св. Иоанн видит, что 5 царств уже пали; при его жизни существовало Римское госу-

дарство. Каждое государство существовало в разные сроки, например: Римское существовало 500 лет, а Германо-славянское существует в настоящее время и будет существовать до самого пришествия антихриста. Когда седьмое царство полностью истребится, то и начнется восьмое царство с царем-антихристом и постепенно будет распространяться на весь мир. Когда седьмое царство будет разрушено, тогда он явится, назовет себя царем и отцом всех; он будет как выразитель этого нечестивого царства, будет как человек-диавол.

Глава 18

В главе 18-й содержится возвешение о разрушении Вавилона и выходе христиан из среды его и об избавлении истинных христиан от греховной участи Вавилона. Грехи его доходят до Неба и до Престола Божия, кончилось долготерпение Божие, наступил час воздаяния за грехи. Как было сказано Лоту выходить из Содома, так точно будет сказано и христианам последнего времени, ибо люди должны бежать от совместного жительства с огорчающими Бога. Отвергнуть приятное, что имели прежде, отстраниться от антихристианского общества – это означает окончательное отделение истинных христиан перед бедствием мировой войны и революции. Суд начнется с антихристианского общества Вавилона прежде других народов и царств. Он разрушается еще до господства антихриста, а после антихриста разрушится всемирный Вавилон, потому что антихристианское общество напоит своим нечестьем все народы, начиная с одного какого-то государства великого последнего времени.

Суд Божий и на них на всех придет в одинаковой мере, потому что антихристианское общество, тайно называющееся Вавилоном, означает не одно государство, а много смешанных народов и царств с одинаковой политикой и законом. Будет 10 царей Гога и Магога по духу антихриста.

Глава 19

В 19 главе извещается, что скоро явится Господь на землю и что Вавилонская блудница потеряет силу и власть, и Суд

Божий для нее уже готов. На небе слава и Невеста Христова – Церковь – приготовлена, ибо наступил брак Агнца. Потом св. Иоанн видит Господа на белом коне с воинством – последнее поражение антихриста и грядущее Пришествие Господа судить живых и мертвых. Антихриста и лжепророка на Суде не будет, они живыми пойдут в бездну.

Глава 20

В двадцатой главе открывается завершение гибели той же самой дьявольской силы, только в другом виде. Сатана был закован на 1000 лет. После Страданий Господа диавол потерял силу, померкло идолопоклонство, в котором господствовал диавол. Распространением христианства он получил как бы смертельную рану. В антихристианские дни он явится и будет господствовать уже не в идолопоклонстве, как прежде в идоле, а в самой антихристианской власти нечестивых людей, о чем ясно говорит 20-я глава. Он соберет под свою власть многие народы и будет распространять свою дьявольскую власть, а впоследствии как дух воплотится в единую личность антихриста. У сатаны будет одна цель – собрать всех нечестивых людей на мировую войну или революцию, подчинить все народы к почитанию его власти на земле, потому что ему отведено мало времени на земле.

Гога – начальник, Магога – помощник, а в общем – антихристианское общество последнего времени. Они-то и будут тайно подготавливать путь антихристу. Понятие 1000 лет – число неопределенное для людей, а определенное у Бога: это означает, что праведники будут царствовать со Христом 1000 лет. Это царство начинается от первых дней создания Христовой Церкви на земле и до Второго Пришествия Господа судить живых и мертвых, ибо праведники живые на земле – переселяются предварительно на небо, они умирают только телесно, но души их воскресают и царствуют со Христом 1000 лет. Это предварительное, еще не полное блаженство, полное Воскресение они получают после Страшного суда, а грешники умирают сразу и телом и душою и не воскресают.

Они так же предварительно мучаются в аду 1000 лет, полное мучение им наступит после Страшного суда, тогда для них будет как бы смерть вторая. А то, что кончилось 1000 лет связания сатаны, говорит о том, что когда диавол был закован, т.е. Церковь Христова на земле жила тихо и спокойно, вместе с ней радовались и небеса, и на небе была тишина и веселие — Царство со Христом; было все в покое.

Но когда сатана получил свободу в последнее время, мир и тишина нарушились. Церковь на земле подверглась великим гонениям и скорбям, то и на небе страдают и печалются о своих членах, которые еще на земле. Итак, у Господа 1000 лет как один день, и один день как 1000 лет. Стан святых. Надо понимать, что Церковь Христова последнего времени будет жить по всей Вселенной — христиане составят как бы военный лагерь (стан) и будут воевать с врагами, но только не воинским оружием, а крепкою верою и надеждою на Бога. Они будут жить среди нечестивых народов, как бы в своем возлюбленном городе, совершенно отдельно от антихристианского мира, на что указывается, что оружие их и место — город, то есть то жительство: где бы ни был христианин, там будет его собственный город возлюбленный, он заключается внутри его сердца. Аминь.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПРОТОИЕРЕЙ
ПАВЕЛ ЛЕВАШЕВ
(17.XII.1866—9[22].XII.1937)**

Павел Никанорович Левашев – сын псаломщика Троицкого собора г. Котельнич Вятской губернии. Закончил Нолинское духовное училище (1880), Вятскую духовную семинарию (1886), С.-Петербургскую духовную академию (1890). Кандидат богословия, диссертация на тему «История праздника Пасхи (преимущественно со стороны литургической)». В 1890–1891 гг. преподаватель арифметики в Вятском епархиальном женском училище, в 1891–1893 гг. преподаватель догматического богословия в Вятской духовной семинарии. В 1893 г. переехал в Петер-

бург, до 1895 г. занимал должность эконома в С.-Петербургской духовной академии. В 1895–1902 гг. законоучитель и священник церкви Училища лекарских помощниц и фельдшериц, в 1901 г. организовал при церкви и барачном лазарете Братство Святого Креста. С 4 октября 1902 г. священник церкви Великомученика и Победоносца Георгия при Генеральном и Главном Штабе. Активно занимался проповеднической и миссионерской деятельностью, с 1906 г. издавал по благословению о. Иоанна Кронштадтского народно-просветительские листки для народа и войск под названием «Правда и знание». С 1909 г. член Общества в память о. Иоанна Кронштадтского, в котором с 1911 г. был товарищем председателя и пожизненным членом, с 1912 г. почетный член Братства Святителя Иоасафа Белгородского. О. Павел был весьма известным священником в Петербурге, член епархиального миссионерского совета (с 1910 г.), член Училищного совета при Св. Синоде (с 1910 г.), член Учебного комитета при Св. Синоде (с 1913 г.). В 1906–1911 гг. издатель и редактор еженедельного журнала «Доброе слово», сотрудничал в «Новом времени», «Церковных ведомостях», «Церковном вестнике», «Русском паломнике», «Душеполезном чтении», «Колоколе», «Вестнике Русского Собрания» и других органах печати.

С 1903 г. член РС, активно участвовал в деятельности организации, был назначен первым законоучителем гимназии РС, в 1907–1910 гг. и с 1913 г. преподавал Закон Божий в гимназии. Зимой 1910 г. вел специальные религиозно-нравственные чтения в РС. Был участником 4-го Всероссийского съезда Русских Людей (Всероссийский съезд Объединенного Русского Народа), который проходил в Москве 26 апреля – 1 мая 1907 г., выступал на 1-м Всероссийском съезде представителей правой русской печати, который проходил 29 апреля 1907 г. в рамках 4-го съезда. По окончании Съезда под псевдонимом Г. П. выпустил брошюру «Под впечатлением Московского съезда “Объединенного Русского Народа”», в которой проводил мысль о том, что Черная сотня является наследницей идей славянофилов: «Известно, что наши знаменитые славянофилы – братья Киреевские, Хомяков, Аксаков, Достоевский – как бы в каком-

то молитвенном экстазе нередко предсказывали, что близко время, когда наша Святая Русь скажет миру свое великое слово, и мир пойдет за ней или погибнет. Мы чувствуем, мы верим, мы видим, что этот момент близок к нам, вот он уже наступает. И Русь Святая, наша, родная, скажет свое слово, скажет устами Объединенного Русского Народа. Скажет, должна сказать, – теперь или никогда!» Анализируя современную ситуацию, приходил к выводу, что «только истинное и святое народничество выведет Россию из нынешнего тяжелого ее положения». Однако подчеркивал, что главная проблема не в крестьянском малоземельи: «Вот уж сколько лет мы слышим у себя в России один и тот же припев: “мало земли!”... Мало земли?! Это в стране, что занимает одну шестую часть всей мировой суши? Помилуйте! Не земли у нас мало, а неба мало, вот чего у нас мало! Это верно. Мало у нас стало правды небесной, оскудела Русь Святая воздухом вечной любви, забыла наша бедная Родина о просторе духа... Вопрос о малоземельи у нас решится только тогда, когда предварительно будут возвращены права неба на землю». Принимал участие в славянском движении, с 1915 г. состоял членом Петроградского Славянского благотворительного общества. За свои труды награжден орденами св. Анны 2 ст. и св. Владимира 4 ст., а также и другими наградами.

Имеющиеся сведения о его жизни после революции отрывочны. Известно, что он жил в Москве в Кисельном переулке, служил в церкви свмч. Власия бывшего Никитского монастыря.

Сохранилось небольшое воспоминание о последних днях его жизни: «Время было тревожное. Пошли аресты священников, так что в некоторых храмах не было кому служить. В Маловознесенском храме после службы молебн Божией Матери вел отец Павел, он был духовное чадо старца Алексия Зосимовского. Сама икона была небольшой, вокруг нее были клейма. Он молился Пречистой с удивительной силой, со слезами на глазах, вставая на колени. А на следующий день мне сказали, что его арестовали».

В 1930 г. у о. Павла был произведен обыск. 10 декабря 1937 г. был арестован по стандартному обвинению в «руковод-

стве контрреволюционной группой церковников». 20 декабря 1937 г. тройкой НКВД приговорен к расстрелу. Принял мученическую кончину на Бутовском полигоне, где и захоронен. Прославлен в сонме Бутовских новомучеников.

**Семья и школа по А. С. Хомякову
(речь, сказанная на акте 5-й СПб. гимназии,
в присутствии родителей учащихся,
2 октября 1904 года)**

Почти на днях наша русская печать с громадным сочувствием отметила речь министра народного просвещения ген.-лейт. В. Г. Глазова¹, обращенную к директорам мужских и начальницам женских столичных и пригородных средних учебных заведений. В этой речи генерал В. Г. Глазов остановил внимание подведомственных ему педагогов на существующих в настоящее время отношениях к нашей школе со стороны родителей и общества, указал, что отношения эти не вполне нормальны: нередко слышатся со стороны родителей нарекания на учителей. «Вообще, – сказал генерал В. Г. Глазов, – между родителями и школой чувствуется нежелательная рознь».

Таким образом, мы слышим теперь от лица высокоавторитетного, что настало время, когда надо нашему мыслящему русскому обществу разрешить важнейший вопрос не о доверии только между школой и родителями, но о единении между теми и другими на почве воспитания, – настало время дать школе жизнь, а жизни мысль... Скажем ли мы, что это вопрос неважный или лишний? Не лишний это вопрос, а больной, это верно. Ведь это вопрос из сферы чрезвычайно жизненной, чрезвычайно близкой каждому из нас, и родителю, и учителю. Не месяц лишь назад заговорили в нашем обществе по этому вопросу, а гораздо раньше. Я не буду напоминать всего, что говорилось и писалось

¹ Глазов Владимир Гаврилович (1848 – после 1912), генерал от инфантерии, член Военного совета с 1909 г.; Министерством народного просвещения управлял с апреля 1904 по октябрь 1905 г.

у нас, особенно в последние 5–6 лет, как об упорядочении нашего педагогического дела вообще, так и о взаимных отношениях семьи и школы в частности. Но я позволил бы себе в настоящий раз остановить ваше, господа, внимание на той русской личности, которая назад тому 40–50 лет почти одиноко боролась и словом, и делом за те именно идеи, которые теперь, по почину генерала В. Г. Глазова, должны воодушевить все наше истинно русское общество, т.е. за идеи народности в нашем воспитании. Я разумею Алексея Степановича Хомякова, со дня рождения которого ныне, 1-го мая, исполнилось ровно сто лет.

Говорят, что А. С. Хомяков непопулярен в нашем обществе. Может быть, но либо для тех, кто совсем не читал его произведений, а судит только по слухам из известного лагеря, либо для тех русских людей, что, именуя себя западниками, чураются Хомякова, как славянофила. Да, А. С. Хомяков был славянофил, но в истинном, самом жизненном смысле этого слова. «Это был, – по словам проф. Л. Е. Владимирова, – поистине великий наставник земли родной: по чувству поэт, по мысли – мудрец, по смирению – богомолец. Водрузить духовно крест на государстве и на всех его учреждениях, влить в мутные потоки человеческой жизни очищающую струю живящей евангельской веры и самоотвержения – в этом истинное стремление учений А. С. Хомякова. Не народность свою инстинктивно, суетно и самолюбиво возвеличивать, а христианство воплотить во всем народе – вот высшее алкание души славянофила Хомякова»¹.

Итак, что же дает нам Хомяков по педагогическим вопросам? А вот что. Но прежде всего скажем, что этот «великий наставник земли родной» – не учитель только слова, но глашатай дела, человек, вся жизнь которого, можно сказать, есть самый лучший образец жизни русского человека, так что, по словам вышеназванного исследователя, «если бы во всемирном пантеоне вождей духа пожелали поставить русского, то, конечно, следовало бы взять Хомякова». И какое, однако, странное недоразумение приходится нередко наблюдать у нас. Вот дети наши

¹ Л. Е. Владимиров. Проф. А. С. Хомяков и его этико-социальное учение. С. 7. – *Прим. авт.*

во всех школах, по принятому порядку, тщательно и исправно знакомятся с жизнью великих людей, но каких? Перикла, Демосфена, Александра Македонского – из древнего мира, и Колумба, Франклина, Наполеона¹ – из более позднего. А много ли знаем мы о жизни наших русских великих людей, особенно строителей нашего духа народного? О Хомякове, этом не просто великом писателе и поэте, но учителе Церкви, и не Русской только, а Вселенской, мы знаем лишь то, что он славянофил и, кажется, непопулярен в русском обществе. Нет, уж если придет время дать нашим школам образцовую хрестоматию с жизнеописаниями великих создателей земли Русской, то А. С. Хомяков должен войти в нее рядом с Петром I и Ломоносовым. В самом деле, сколько отрадного и глубоко назидательного и для отцов, и для детей представляет жизнь А. С. Хомякова.

А. С. Хомяков родился и воспитался в старинной православной дворянской семье, жившей по зимам в Москве, а летом в деревне. Особенно сильное воспитательное влияние на А. С. имела мать его, женщина набожная и глубокая патриотка. «Для нее, – по словам самого А. С., – общее дело было всегда и частным ее делом. Она болела, и сердилась, и радовалась за Россию гораздо больше, чем за себя и своих близких». Дав обет в 1812 году построить церковь в благодарность за избавление от французского нашествия, она всю жизнь заботилась о выполнении этого обета, употребляя на это дело свои сбережения². Убеждения Марии Алексеевны – матери А. С. Хомякова – были определены, тверды; такова же была ее воля, сильная и энер-

¹ Перикл (490–429 до Р.Х.), афинский политический деятель, знаменитый оратор и полководец; Демосфен (384–322 до Р.Х.), знаменитейший оратор древнего мира; Александр Македонский, или Александр III Великий (356–323 до Р.Х.), македонский царь с 336 г., величайший полководец древности; Христофор Колумб (1451–1506), испанский мореплаватель, открывший Америку; Бенджамин Франклин (1706–1790), ученый, издатель, дипломат и политический деятель, один из лидеров войны за независимость США; Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский император в 1804–1815 гг., выдающийся полководец.

² В. З. Завитневич. Алексей Степанович Хомяков. Том первый. Кн. I, стр. 82. – *Прим. авт.*

Завитневич Владимир Зенонович (1853–1927), писатель, историк, профессор Киевской Духовной академии по кафедре русской гражданской истории.

гичная. О том, как свято смотрела она на обязанность воспитания нравственной чистоты в детях, красноречивее всего говорит такой факт. Когда оба сына ее, Феодор и Алексей, пришли в возраст, она призвала их, объяснила им свой взгляд на нравственную чистоту мужчины и торжественно взяла с них клятву в хранении целомудрия. И, по свидетельству И. С. Аксакова, клятва эта до самой женитьбы А. С. была сдержана. Так, мать А. С. Хомякова понимала, что воспитание домашнее – дело, требующее особого внимания и труда, что оно должно начаться с первых лет, когда дети начинают понимать самые простые наставления матери, чтобы установилось направление. И действительно, она передала сыну и «направление», и неуклончивость в этом направлении. «Мне не случалось встречать человека, более постоянного в своих убеждениях и в сношениях с людьми... Я знал Хомякова 37 лет, и основные его убеждения 1823 года остались теми же и в 1860 году», – вспоминает о нем А. И. Кошелев¹. Отличительная, характерная особенность Хомякова, по словам Ю. Самарина, заключалась в цельности и сосредоточенности, под которыми разумеется полное согласие жизни с убеждением². В этом отношении Хомяков представляется личностью, у нас в своем роде единственной. Этот глубокий нравственный отпечаток на своей личности сам А. С. всецело приписывает влиянию своей матери. От отца же своего Хомяков, несомненно, наследовал любовь к чтению, ибо Степан Александрович был большой библиофил и человек широко образованный.

Добрая семья воспитала в лице А. С. и доброго семьянина. А. С. Хомяков женился уже немолодым, 32-х лет, на Екатерине Михайловне Языковой, родной сестре поэта. Вступая в брак строго целомудренным, А. С. смотрел на семейное счастье как на великое, единственное на земле, на семью как на «святое святых». Екатерина Михайловна, скромная и очень застенчивая, была женщина совсем обыкновенная, т.е. не бьющая на эф-

¹ «Вера и церковь» за 1904 г. 5 кн. 798 стр. – *Прим. авт.*

Кошелев Александр Иванович (1806–1883), публицист и общественный деятель, видный деятель славянофильства.

² Ю. Самарин. Предисловие ко 2 тому сочинений А. С. Хомякова изд. 1886 г., стр. XI. – *Прим. авт.*

фект. Она была хороша собой, но красотой не поражала; умна, но об ее уме не кричали; полна умственных интересов и образованна, но без всяких притязаний на ученость.

Свою горячую взаимную любовь Хомяковы перенесли и на своих детей. Всем известно, какое трогательное по чувствам родительским написал А. С. стихотворение под названием «К детям» по случаю смерти двух первых сыновей. В письмах А. С. Хомякова то и дело встречаются упоминания о детях, об их воспитании; высказываются суждения по поводу тех или иных проявлений детского интеллекта. Так, в своем письме А. Н. Попову¹ он пишет, что, наблюдая один случай в детской, он убедился, что детям можно преподавать христианство гораздо серьезнее, чем вообще полагают. Или в другом письме, к Веневитинову², он советует не давать детям много игрушек. «Игрушки приучают к скуке, это то же, что общество в молодости. Воображение делается ленивым, и человек привыкает требовать, чтобы его забавляли. Игрушки должно позволять только больным детям». Такая сильная и глубокая любовь А. С. к детям и семейной жизни не была случайным свойством его доброй души. Как привели мы раньше отзыв Ю. Самарина о Хомякове, последний был личностью цельною, убежденною. Трогательная привязанность к жене и детям, серьезная заботливость о семейном очаге была здесь необходимым обнаружением его основного мировоззрения.

Литературно-педагогические воззрения А. С. Хомякова, как известно, наиболее рельефно выражены в его статье «Об общественном воспитании в России»³. Нетрудно заметить, что во всей этой статье красною нитью проходит одно требование — чтобы наше воспитание было строго национально. При этом, хотя А. С. и разделяет воспитание на семейное и школьное, тем не менее главнейшее значение придает в этом случае семье и

¹ Попов Александр Николаевич (1820–1877), историк, автор работ по истории внешней политики России и Отечественной войны 1812 г.

² Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805–1827), литератор, переводчик, философ.

³ Статья написана в 1850 г., первоначально распространялась в рукописи, впервые с цензурными изъятиями опубликована И. С. Аксаковым в газете «День» в 1861 г.

обществу, тщательно настаивая на том, что «семейство и общество должны иметь свободный доступ в училища, особенно высшие»¹. Родители, дом, общество уже заключают в себе большую часть воспитания, и школьное учение есть только меньшая часть того же воспитания. Если школьное учение находится в прямой противоположности с предшествующим и, так сказать, приготовительным воспитанием, оно не может приносить полной ожидаемой от него пользы; <...> человек отрывается, так сказать, от почвы, на которой вырос, и становится пришельцем на своей собственной земле... Школьное образование должно быть сообразно с воспитанием, приготовляющим к школе, и даже с жизнью, в которую должен вступить школьник по выходе из школы, и только при таком соображении может оно сделаться полезным вполне»². Отдавая столь важное значение в деле воспитания семье и обществу, А. С. Хомяков глубоко верил в наш народный дух, тот «дух жизни», что создал нашу обширную Русь, сплотил ее из разнородных элементов, тот дух, который свято живет в наших народных обычаях и чисто русских взглядах, хотя сокрыт он глубоко в недрах народного самосознания. А. С. глубоко верил, что свободное раскрытие этого духа жизни народного произойдет не только в творчестве мысли, но и в жизни: в учреждениях правового порядка и просвещения. В этом явлении Россией миру своих основ А. С. видел великое призвание нашего народа.

Твое все то, чем дух святится,
В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится,
Начала славы и чудес!
О, вспомни свой удел высокий,
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему – и, все народы
Обняв любовью своей,

¹ Л. Е. Владимиров, стр. 143. – *Прим. авт.*

² Сочинения А. С. Хомякова, изд. 1900 г., I том, 352 стр. – *Прим. авт.*

Скажи мне таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!¹

Итак, если весь смысл существования русского народа заключается в раскрытии основных начал его жизни, то, очевидно, школе приходится лишь устранять все то, что враждебно этим началам, но развивать самые начала почти невозможно. «Жизненное и историческое действие общества, – говорит А. С., – похоже на живые явления природы и, может быть, еще неуловимее их. Опасно вступать в эти многосложные и неосязаемые тайны и поручать механике и химии то, что поручено Промыслом законам, которых никто еще не постиг вполне»². Какая же, значит, ближайшая задача школьного воспитания в нашей России, по взгляду А. С. Хомякова? Внутренняя задача Русской земли, как только что сказано, есть проявление основных начал русской жизни. А эти начала суть: православие, семья и общинный быт. «Итак, воспитание, чтобы быть русским, должно быть согласно с началами не богобоязненности вообще и не христианства вообще, но с началами православия, которое есть единственное истинное христианство, с началами жизни семейной и с требованиями сельской общины, насколько она распространяет свое влияние на русские села»... Вот как определил задачу школьного воспитания в России А. С. Хомяков еще в 1858 году.

Да, действительно, Хомяков не был у нас популярен. Потребовалось 40 с лишком лет всякой учебной ломки, всяких опытов – и удачных, и неудачных – с живой детской душой, чтобы в конце концов согласиться с Хомяковым, с этим «мужем начинаний», с этим пророком духовной свободы и всемирной славы русского народа. «Мы убеждены, – говорит проф. Л. Е. Владимиров, – что наступает время хомяковской гимназии, приготовляющей на почве христианской юношу с умом развитым, укрепленным, юношу, сохранившего любознательность и энергию».

Доселе наша школа стояла в каком-то отчуждении от общества, и не столько гордая, сколько забытая. Теперь доверием

¹ Сочинения А. С. Хомякова, изд. 1900 г., IV т., 230 стр. – *Прим. авт.*

² То же, I том, 354 стр. – *Прим. авт.*

высшей власти дается нашему русскому обществу «изыскать меры к устранению средостения, для сближения школы с родителями и с требованиями жизни». Будем надеяться, что настоящий призыв о помощи родной и дорогой нашей школе не будет напрасным для нашего общества.

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди,
Вставай же, раб ленивый Бога,
Господь велит: иди, иди!..
Пред словом грозного призванья
Склоняюсь трепетным челом...
Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева Твоего.
(Стих. А. С. Хомякова «Труженик»¹)

Под впечатлениями Московского съезда «Объединенного Русского Народа»

Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас
(слова, сказанные Государем-императором Николаем II 23 декабря 1905 г.)

I. Зачем объединяются ныне русские люди

С 26 апреля по 1 мая сего года в г. Москве состоялся 4-й Всероссийский съезд² тех русских людей, которые из глубоко-

¹ Стихотворение «Труженик» написано 26 марта 1858 г. Организатором Трудового братства Николаем Николаевичем Неплюевым (1851–1908) положено на музыку.

² 4-й Всероссийский съезд Русских Людей, или Всероссийский съезд Объединенного Русского Народа, проходил в Москве с 26 апреля по 1 мая 1907 г. Это был последний до раскола черносотенного движения съезд русских монархистов.

кой преданности историческим заветам своей Родины, из искренней любви к своей православной вере и Богом венчанному Царю объединяются единым желанием: видеть обновленную нашу страну не по западным, чуждым нашему народу указкам, а согласно трем исконным русским началам, каковы: *православие, самодержавие и народность*. Таким образом эти русские люди совершенно отвергают пригодность для них так называемой конституции, т.е. того образа государственного управления, который принят теперь во всех западноевропейских государствах и при котором глава государства в делах внутреннего управления, в законодательстве, нередко вынуждается поступать не по велениям своей личной совести, а как решит большинство голосов народных представителей. А если принять во внимание, что при представительном (конституционном) образе правления весьма часто большинство голосов образуется под влиянием лишь одной какой-либо партии, случайно оказавшейся в известное время более многочисленной и сплоченной, то выходит, что совесть Государя, одобряя то или иное решение депутатов, в действительности должна подчиняться засилию лишь небольшой части народных представителей.

Знаменитый Манифест 17 октября 1905 года весьма многими образованными в России был понят как дарование России конституции. Но ведь известно, что образованные классы в России составляют не более как одну пятую часть всего населения. Для громадной части русского населения (крестьянства) конституционный строй составляет явление совершенно непонятное, и наш крестьянин, сколько бы вы ни твердили ему о так называемом правовом строе, все-таки выше всего ставит волю царскую и никогда не поверит, чтобы совести царской мог кто-либо на земле ставить преграды.

Являясь последние двести лет во многих сторонах нашей общественной жизни рабскими подражателями Запада, мы и теперь, как только пронеслась по лицу земли русской молва о введении у нас конституции, сразу же по примеру западных конституционных держав стали дробиться на партии. Так, в самое короткое время (за несколько месяцев) у нас появилось

свыше 30 партий, из коих многие уже совершенно распались. В настоящее время наиболее заметными партиями являются у нас: социал-революционеры, социал-демократы, народные социалисты, трудовики, кадеты (конституционалисты-демократы), мирнообновленцы, октябристы, Партия правового порядка, Русское Собрание, Союз монархистов, Союз русских людей, Союз Русского Народа. Представители первых четырех из указанных партий носят в нашей Государственной думе наименование «левых», а представители последних четырех называются «правыми».

Говоря по совести, такое разделение одного народа, так больно чувствующего неотложную нужду в скорейшем обновлении и переустройстве своей народной жизни, в целях достижения большего спокойствия, конечно, весьма нежелательно. Нужна одна дружная работа, а не пустой спор о местах и правах, кому и когда подавать свой голос в защиту Родины. Как, в самом деле, эти партии напоминают наше древнее местничество! Но что поделаете, если так сильна у нас привычка обезьянничать перед Западом.

Два года непрекращающихся бомбометаний под флагом свободы личности, два года открытых кошунственных издевательств над православием и всем тем, что особенно дорого было всегда бесхитростному русскому сердцу, два года самой наглой лжи со стороны врагов порядка и законности – все это достаточно возбудило в народной массе жадное желание дать дружный отпор дерзким похитителям счастья народного. Две святыни особенно чувствовались и чувствуются теперь народом русским как залог народного счастья, это – Бог на небе, и Царь – Божий Помазанник на земле. Крепко цепкими руками ухватился народ русский за эти свои сокровища и мощным голосом крикнул стану вражескому: «Не смей!» И вот мы видим, как сначала робко и разрозненно, а затем все сильнее и дружнее в разных местностях великой нашей Родины, где больше, где меньше, с молитвой за Царя и Отечество на устах, с горячим желанием счастья России на сердце собираются русские люди вместе, чтобы взаимно уверить друг друга в совершенной го-

товности охранять жизненные начала России – православие, самодержавие и русскую народность.

Возникший в 1905 году в Петербурге по инициативе доктора медицины А. И. Дубровина Союз Русского Народа стал быстро развиваться, стали открываться отделы Союза по всей России, и в настоящее время всех отделов насчитывается уже свыше 900. Необходимость такого официального сплочения русских людей, как известно, особенно чувствуется на наших окраинах, именно на юге и западе России, где, с объявлением веротерпимости и всяких свобод, инородцы стали открыто, нисколько не стесняясь, выражать свое совершенное презрение к чести России и даже в отдельных случаях позволяли себе издеваться над религией нашей (напр., ныне в 1907 г. в г. Одессе местные евреи позволяли себе требовать, чтобы православные люди, возвращавшиеся в Великий четверг после всенощной с церковными свечами, дали им прикурить папироску от этих свечей). Так сравнительно крепко организован Союз Рус. Народа: в Одессе, на Волыни, в Кишиневе, в Киевской, Полтавской, Черниговской губерниях. Рядом с Союзом Русского Народа, для той же цели объединения во имя трех исконных начал, составились национальные группы: Общество русских патриотов в Москве, Киевская монархическая партия, Тифлисское патриотическое общество, Киевское русское братство, Брянская торгово-промышленная партия и др.

Внутренние враги России, особенно инородцы, замышлявшие, под покровом «свобод», где посредством запугивания, где при помощи забастовок, в иных случаях производя частные возмущения в войске, – объявить себя господами положения и подчинить Россию иноземному игу, сразу же, ввиду такого дружного подъема национального чувства среди значительной части русских, присмирели и, чтобы остановить опасный для них рост патриотизма в России, с совершенной наглостью стали во всех газетах (бывших до самого последнего времени исключительно в инородческих руках) высмеивать это патриотическое движение, издеваясь даже и в Думе (№ 1) над наименованием «Россия» и «патриот», а всех

последователей национальных организаций обозвали «Черной сотней». Эта кличка, бывшая вначале довольно оскорбительною для русских патриотов, теперь стала почетными для них званием. И «Черная сотня» уже не представляет теперь из себя кучку хулиганов, как называли в свое время левые газеты те группы русских людей, которые устраивали свои патриотические шествия в больших городах с царскими портретами и св. иконами. В настоящее время в состав Черной сотни входят миллионы, но не хулиганов, а честного, богобоязненного, работающего русского люда всех званий и состояний, начиная с крестьянина-хлебороба и кончая высшими сановниками духовного и светского чина. Так во славу России русские люди объединяются, русская сила растет.

Естественно, что этот рост русского самосознания очень и очень неугоден нашим врагам. Не удалось им помешать этому росту насмешками, стали теперь унижать и порочить Черную сотню разной клеветой и изветами. Так в последнее время все левые газеты, а за ними, к своему стыду, и умеренные, стали передавать разные слухи, совершенно непроверенные, об избиениях, какие будто бы допускаются черносотенцами, стали обвинять Черную сотню в устройстве массовых погромов. Разумеется, правда всегда останется правдой, и те лица, которые имеют возможность близко стоять к истинному положению черносотенства, при виде злобных и клеветнических нападок со стороны революционеров еще более тяготеют к Черной сотне, и ряды последней с каждым днем становятся все гуще и гуще.

Конечно, во главе всех черносотенных организаций стоят люди образованные: профессора, писатели, духовенство и другие так называемые интеллигентные люди, но огромная масса – это простой крестьянский люд. Последний Московский съезд, происходивший 26 апреля – 1 мая, вполне показал это: среди явившихся 900 приезжих членов крестьян насчитывалось не менее 700 человек. При этом эти крестьяне в большинстве явились на съезд не единолично, а от сословно-крестьянских групп и с наказами от своих односельцев. Газета

«Московский голос» отмечает это явление, как чрезвычайно важное, красноречиво свидетельствующее о том, по конституции ли тоскует сердце народное или по Царю-батюшке и вере святой православной.

II. Торжество патриота

«Всколыхнулся народ православный!» – вот какое общее впечатление оставили во мне шесть дней моего пребывания среди членов последнего Московского съезда представителей «Объединенного Русского Народа». Помню, участвовал я и в I съезде «черносотенцев», происходившем в первых числах февраля 1906 года в г. С.-Петербурге¹. Но какая громадная разница между этими двумя однородными съездами, разделенными друг от друга менее чем 15 месяцами! И разница не в количестве только собравшихся членов, а главное, в составе съезда и в работе его... На первом съезде мы видели не более 200 участников, и исключительно лиц интеллигентных, на последнем мы имеем одних приезжих, не считая москвичей, около 800 человек, и из них свыше 600 тех людей, что зовем мы «народ». Это последнее обстоятельство, нами отмеченное в предыдущих строках, повторяем, глубоко знаменательно и с силой, теперь ничем уже не устранимой, свидетельствует всей России, всему свету, что наша крестьянская масса, этот корень России, – не с кадетами и не с октябристами: очевидно – «православие, самодержавие и народность» не пустой партийный звук, а народное верование.

Не ошиблись те добрые смелые русские сердца, которые впервые кликнули клич к объединению всех русских людей вокруг трехцветного знамени. Не забыты заветы древних героев-объединителей Русской земли. Давно ли, кажется, многими малодушными у нас готово было овладеть смущение, что близка гибель России и нет уже спасающего? Слава Богу, те-

¹ 1-й Всероссийский съезд Русских Людей, или Всероссийский съезд Русского Собрания, проходил в Санкт-Петербурге с 8 по 12 февраля 1906 г., всего на нем присутствовали представители 30 организаций.

перь нет места этому смущению. Мы, видевшие Москву в достопамятные дни 26 апреля – 1 мая сего года, спокойны теперь за судьбу России. Вы спросите нас: что же такое случилось в эти дни в Москве? А вот что случилось. «Собрались русские люди в Москве, съехались со всех концов России: с Астрахани, Казани, Волыни, Витебска, Курска, с Вологды, Архангельска, Томска, Красноярска, Иркутска, не называя уже тех великоруссов, составлявших и теперь составляющих ядро земли Русской, – приехали объединенные одним духом любви к своей Родине, готовые стать на защиту попираемых заветов своих отцов и прадедов, – приехали освятить в Московском Кремле, где покоятся первосвятители Русской земли, свои стяги, чтобы дома развернуть их вновь и смело открыто водрузить их, как собирательный символ любви и преданности трем главным началам русской исторической и мощной силы народной: Церкви Православной, свободно решающей и потому не ограниченной совести царской и заветам родной старины, воплотившимся в русском народном быту, языке и верованиях, без насилия и чужого вмешательства» («Моск. Голос», № 19).

Глубоко волнующее зрелище представлял из себя крестный ход, устроенный 26 апреля собравшимися на съезд представителями разных монархических организаций, со своими знаменами, из Епархиального дома в Кремль и обратно. И пусть злобствующая еврейская и русская революционная печать издевается над этими святыми хоругвями, называя их бутафорскими знаменами. Прекрасное, сильное, увлекательное слово сказано было 25 апреля одним из главных устроителей съезда прот. И. Восторговым в Князь-Владимирском храме, в виду собранных тут знамен, принадлежащих отдельным патриотическим организациям. Мы не можем не привести буквально это выдающееся, необычайное слово. Вот оно. «Дорогие братья! Православные русские люди! Какая красота! Какое поднимающее дух торжество! Как много говорит сердцу это величественное зрелище, множество наших знамен-хоругвей!

По какому-то молчаливому соглашению, без всяких внешних указаний, заранее условленных распоряжений, во всех кон-

цах России патриотические союзы стали сооружать и освящать свои хоругви и знамена, и вот, они теперь на Всероссийском соборе представителей русских людей, оставшихся верными русскому духу и русскому государственному укладу.

Скажите нам, русские знамена, скажите нам: зачем вы здесь, и какую весть вы нам возвещаете и разнесете отсюда, из Москвы, по лицу земли Русской?

И слышен, и понятен, и отраден нам ответный голос знамен наших.

Отвечают нам хоругви: “Мы своим видом и существованием говорим русским людям, что они не одиноки; около каждой хоругви стоят верные дружины твердых и преданных долгу, готовых стоять за Родину до последнего. Ободритесь, русские люди!

Мы знаменуем ваше единение под широковеющей хоругвью святой православной веры, в единении с силой незримою и небесною, с тою Божиею силою, которую отвергли враги и изменники русского Отечества и тем заранее обрекли себя верной гибели. Объединяйтесь, объединяйтесь, русские люди!

Мы знаменуем вашу силу. Тяжело вам было в эти последние годы; казались вы рассеянными, как овцы по горам, без пастыря; чудилась близкая гибель; исчезла надежда ваша, оболгали вас, преследовали, оплевали и к смерти присудили. Но могучий дух религиозного и патриотического воодушевления прошел по лицу родной нашей земли, и вы быстро стали расти в числе. Год назад вы насчитывали десятки наших союзов, теперь вы видите их сотни (до 800), скоро увидите тысячи. Дерзайте, мужайтесь, русские люди; крепитесь в борьбе, окрыляйтесь верою и упованием! Мы знаменуем вашу грядущую несомненную победу. Крест нас осеняет: сим вы победите. Георгий Победоносец поражает змия: раздавите и вы змия крамолы, измены и предательства. Святые угодники своими ликами нас приосегают: они с вами поборают на супостатов своими молитвами. Пресвятая Богородица на них изображена в Ея чудных иконах: радуйся, радуйся, земли святорусской Печальница и Заступница Усердная! Москва, Новгород, Казань,

Киев и Почаев, Архангельск и Иверия, Албазин на Амуре и Холмщина, Порт-артурский собор во Владивостоке и Ченстоховский на крайнем западе – знают Тебя, Мати Русского края! В приосенении таких знамений ждет вас верная победа, русские люди, бескровная победа над смутою и изменою”.

Так говорят нам знамена наши в этот чудный час молитвенного торжества.

Идите, святые хоругви, столпом огненным и облачным, идите над великим русским ополчением! Идите в осенении святыни и небесного благословенья, несите нам мир, несите нам торжество веры и верности, несите нам победу над злобным неверием, предательством, над тяжелой смутой!

Во имя Господне – во имя Отца и Сына и Святаго Духа знаменаем Крестом Честным и окроплением воды сея священные благословляем и освящаем хоругви сии объединенного православного народа. Аминь».

Многочисленная толпа русских патриотов со знаменами-хоругвями величественной лавиной полилась по Москве от Епархиального дома в Лиховом пер. после литургии, совершенной прот. Восторговым 26 апреля. Целый лес знамен пришел в движение; раздалось пение пасхальных стихир. Шествие открылось.

Впереди был И. В. Торопов¹, в дворянском мундире, с большим жезлом, напоминавшим жезлы церемониймейстеров. Через плечо был перекинут широкий шарф из материи национальных цветов. Несколько студентов и гимназистов также имели жезлы и шарфы и надзирали за порядком во время шествия. У всех шедших в процессии были членские значки, розетки из национальных цветов. Несколько рабочих имели даже рубашки, обшитые лентами русских цветов. По мере того, как процессия приближалась к Кремлю, в нее вливались новые толпы.

¹ Торопов Иван Васильевич, литератор, видный деятель черносотенного движения в Москве, издатель газеты «Вече», председатель московского «Союза активной борьбы с революцией и анархией». Либералы много писали о том, что именно возле его дома в Москве 14 марта 1907 г. был убит кадет, депутат I Государственной думы Г. Б. Иоллос, и якобы убийца выбежал из этого дома.

Шествие без инцидентов, а их опасались, достигло до Кремлевских ворот; здесь публика пускалась только по билетам.

Когда процессия проходила мимо места, где был убит Великий князь Сергей Александрович¹, шествие приостановилось и была пропета троекратно «вечная память».

В Успенском соборе шла литургия, которую совершал с викариями митрополит Владимир².

Знамена были размещены по Соборной площади «покоем».

В конце богослужения была освящена икона Покрова Богоматери, и затем последовало молебствие.

Когда служба в соборе окончилась, процессия направилась к Спасским воротам.

За знаменами и хоругвями следует все высшее духовенство столицы, архимандриты и др.

По пути с колоколен несется звон.

На Красной площади – тысячи народа. Хвост процессии растянулся более чем на версту. Хоругвеносцы и знаменосцы располагаются вокруг памятника Минину и Пожарскому.

Служится лития, заканчивающаяся провозглашением «вечной памяти» обоим героям.

У Иверской часовни краткое молитвословие. Митрополит оставляет процессию, и во главе ее идут преосвященные епископы Серафим и Анастасий.

¹ Великий князь Сергей Александрович (1857–1905), пятый сын Императора Александра II, бывший Московский генерал-губернатор, командующий войсками Московского военного округа, был убит 4 февраля 1905 г. на Никольской улице Кремля (между Сенатом и Арсеналом) эсером И. П. Каляевым; на месте его гибели в 1908 г. был поставлен крест-памятник (уничтожен в мае 1918 г.).

² Митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский) совершал литургию в сослужении епископов Орловского и Севского Серафима (Чичагова), Тамбовского Иннокентия (Беляева) и московских викарных епископов Дмитровского Трифона (князя Туркестанова), Можайского Серафима (Голубятникова) и Серпуховского Анастасия (Грибановского). По окончании литургии митрополит освятил икону Покрова Монархическую, сооруженную во исполнение решения 3-го Всероссийского съезда Русских Людей, или Всероссийского съезда Людей Земли Русской, который проходил в Киеве 1–7 октября 1906 г., иконописцем В. П. Гурьяновым под руководством художника В. М. Васнецова для съездов Объединенного Русского Народа.

Процессия приближается к дому генерал-губернатора. Площадь перед домом представляет сплошное море голов. На балконе дома стоит генерал-губернатор с семьей и адъютантами.

Раздается «ура» и пение народного гимна. Генерал-губернатор раскланивается.

Духовенство служит краткое молебствие с провозглашением многолетия Государю-императору, Царствующему Дому, русскому воинству.

Снова гимн, чередующийся с пением «Спаси Господи».

Генерал-губернатор с балкона громко провозглашает:

– Здоровье Государя-императора. Ура!

«Ура» подхватывается и переливается из конца в конец площади.

Из процессии выделяются кн. А. Г. Щербатов, В. А. Грингмут и д-р Дубровин¹ и отправляются в дом генерал-губернатора с просьбой выразить Государю-императору от имени всех участников процессии верноподданнические чувства.

Затем процессия следует по Тверской и Дмитровке к Епархиальному дому, где должны быть оставлены хоругви.

По прибытии процессии к Епархиальному дому в вестибюле говорили речи: епископ Серафим, доктор Дубровин и иеромонах Илиодор², указывавшие, что торжественное шествие ясно показало, что настроение общества изменилось. То, что казалось невозможным, совершилось. Монархисты прошли по тем самым улицам, где стояли баррикады, где царил красный флаг.

¹ Депутацию Съезда возглавили видные деятели правомонархического движения: князь Александр Григорьевич Щербатов (1850–1915), камергер Высочайшего Двора, экономист, публицист и путешественник, лидер Союза Русских Людей, который был председателем 4-го съезда; Владимир Андреевич Грингмут (1851–1907), педагог, публицист, организатор и руководитель Русской Монархической партии, признанный лидер московских монархистов, и Александр Иванович Дубровин (1855–1921), детский врач, статский советник, организатор и руководитель самой массовой монархической организации – Союза Русского Народа.

² Илиодор (Труфанов), иеромонах-расстрига (сент. 1880 или 1881–1958), на тот момент активный участник черносотенного движения.

Само собой разумеется, что эта величественная русская манифестация пришлась очень и очень не по вкусу нашим крамольникам. И как же отнеслись эти люди к торжеству русского народа? По своему обыкновению опять и опять нагнали в своих газетах, нагнали самым бесцеремонным образом, стараясь уверить, конечно, тех читателей, которые были вдали от Москвы и, не имея под руками монархических газет, должны будут поверить этому вранью. Крамольники писали, что процессия не удалась, народ отнесся к крестному ходу монархистов довольно равнодушно, так что-де всего-навсего в крестном ходу было не больше 2–3 тысяч. А петербургская газета «Век» и эту цифру еще уменьшила, до 400 человек. Вот до какой, прямо сказать, глупости доводит людей бессильная злоба и зависть.

III. Деловитость съезда «Объед. Рус. Народа»

Ежедневные заседания Съезда располагались так, что утром и днем шли занятия по обсуждению докладов по намеченным программю Съезда вопросам (в помещении гостиницы «Континенталь») и читались лекции из области этих же вопросов (в помещении Исторического музея), а вечером в зале Благородного Собрания (на Дмитровке) составлялись литературно-музыкальные вечера, на которых могли присутствовать как члены Съезда, так и гости по рекомендации членов.

К слову сказать, помещение гостиницы «Континенталь», где должны были происходить деловые занятия уполномоченных 950 патриотических организаций, было малопоместительно и крайне неуютно. Но что прикажете делать, как быть, когда нашим подпольным «правительством» путем угрожающих писем было строго-настрого запрещено москвичам сдавать помещения для «черносотенного» съезда. А зал Благородного Собрания был уступлен для вечерних заседаний только при том условии, что эти заседания будут иметь вид музыкально-литературных вечеров, а не чисто политических собраний.

При этом нужно было за каждый вечер платить Благородному Собранию что-то около 500 р., а гостинице «Континенталь» еще того больше. Таково было благосклонное отношение богатой русской Москвы к самоотверженным борцам за свободу и счастье единой православной Руси!..

В задушевной искренней речи, сказанной в заключительном собрании уполномоченных 1 мая в день закрытия Съезда, член Гос. думы П. А. Крушеван¹ прерывающимся от волнения голосом поведал русским людям свое глубокое чувство величайшего нравственного удовлетворения от той дружной плодотворной и прямо гигантской работы, которую исполнил 4-й Монархический съезд в какие-нибудь 3–4 дня в обсуждении докладов и в выработке своих постановлений по вопросам: а) о государственной безопасности, б) по школьному вопросу, в) земельному и переселенческому вопросу, г) рабочему вопросу, д) окраинному вопросу, е) и по вопросу объединения патриотических союзов. «И что может быть общего между этой подлинной русской Думой, так согласно сошедшейся для дружной мирной работы, и той именуемой Государственной думой, в которой я имею тяжелый долг заседать». Так приблизительно говорил оратор. Неподдельное чувство, вылившееся из глубины сердца, так горячо преданного Родине, так прозорливо видящего, какое тяжкое бедствие наваливается на нашу страну, мгновенно, как электрическая искра, передалось всем присутствующим, и вот мы видели, как глаза простых деревенских мужиков увлажнились слезой, как просияли русские лица торжественной решимости не жалеть себя для Родины... Так, живет еще Россия, пока живет в наших сердцах вера в Бога и любовь к Царю – Его Помазаннику!

По намеченной программе Съезда вовсе не предполагалось, чтобы 4-й Монархический съезд вел работы по земельному и рабочему вопросу, так по крайней мере думали интеллигентные руководители Съезда, но тотчас же по открытии съезда

¹ Крушеван Павел (Паволакий) Александрович (1860–1909), писатель и журналист, депутат II Государственной думы, организатор Союза Русского Народа в Бессарабии.

внесены были для обсуждения и эти вопросы. И знаете, по чьему настоянию? По единодушному настоянию той серой массы крестьянского и рабочего люда, что так знаменательно выделялась ныне на Московском съезде «Объединенного Русского Народа». И великое, великое спасибо скажем мы заправилам съезда, что они так мудро уступили воле мужичка, жертвуя, так сказать, своим барским самолюбием. Что делать, — земельный вопрос в настоящее время для нашего крестьянина самый жгучий, больной вопрос. Ведь почему мы видим в нашей Госдуме некоторых богобоязненных мужичков на левой стороне? Конечно, потому, что эти доверчивые люди, измученные вопросом о малоземельи, наивно полагаются на лъстивые обещания социал-демократов, народных социалистов и трудовиков, надеются, что те наделят всех безземельных и малоземельных достаточным наделом земли.

И вот нам думается, что теперь, когда бывшие на Съезде крестьяне сами убедились в том, что руководители патриотических союзов ничуть не желают накладывать своей господской руки на них в вопросах подлинно житейской важности, значение Союза Объединенного Русского Народа еще больше уяснится в сознании нашего народа.

Великое счастье России в том, что корень ее (деревенский люд) в большинстве еще далеко не растратил своего природного здравого смысла, не потерял веры в Бога, не ослабел в своем христианском смирении, и даже... (страшно сказать!) верит в дворян-помещиков. «Что помещики? Нам их бояться нечего, они нас не обидят: ведь они тоже русские люди». Такой отзыв я не раз слышал при своих беседах с крестьянами-членами 1-й Госуд. думы. А на Съезде я вновь убедился в том, как мало правды надо носить в сердце, чтобы твердить о какой-то безответной злобе русского крестьянина к дворянину-помещику. Ведь на всем Съезде так и чувствовалось дыхание совершенного единения простого народа, этих бывших крепостных, со своими господами: здесь жила одна душа, билось одно сердце. Посмотрели бы вы, с какой доверчивостью, с какою, прямо скажу, жадностью ловили слушатели, в большинстве крестьяне,

слова доклада по земельному вопросу, читанного председателем Съезда князем Александром Григорьевичем Щербатовым 28 апреля в аудитории Исторического музея. И нужно правду сказать, доклад кн. А. Г. Щербатова отличался как научной обоснованностью, так и богатством практического взгляда, а особенно искренностью и прямоотой. Докладчик не силился объяснить бедность народную одним малоземельем, но в ряду коренных причин нашего земельного бедствия поставлял, с одной стороны, косность и невежество массы нашего крестьянства, а с другой, – высокомерное и легкомысленное отношение некоторых правящих лиц к положению земледельца вообще и в частности в вопросе о переселении.

Доклад свой князь читал часа полтора, и не один раз был прерываем шумными рукоплесканиями своих многочисленных слушателей. Совершенно просто, свободно, а главное искренно и с большим знанием беседуя с крестьянами по земельному вопросу, князь А. Г. Щербатов, мы слышали, прямо влюбил в себя простой народ: говорят, что ему после его доклада в Историческом музее крестьяне целовали руки.

Так оживленно и деловито шли занятия, читались доклады (каковых по некоторым вопросам представлены были десятки), велись споры во всех отделах Съезда.

«Не вдаваясь в критику и разбор вынесенных постановлений, – говорит по поводу съезда газета «Московский голос», – мы смело можем утверждать, что сама работа, выбор участников и характер постановлений представляют собой нечто такое, что, в сравнении с думской официальной работой, неизмеримо более отвечает духу народному. Этот свободный собор, или нынешнему парламент, естественно возникающий, обнимающий собой все слои русского народа и стремящийся только к выяснению своих нужд и пожеланий без искания власти, чтобы насильственно проводить их в жизнь, а с исключительной целью довести свой голос до Царя, этот собор, никого не насильствующий, гораздо ближе русскому народному сердцу и носит в себе задатки свободного и братского единения и жизненности в большей мере, чем все, что для сей цели придумывается <...>

искусственным подбором большинства, глумлением над меньшинством и пристрастностью президиума».

IV. Патриотическое одушевление и партия скуки

Сильное патриотическое одушевление неизменно господствовало во всех вечерних собраниях в зале Благородного Собрания. Но и на этих вечерах выдавались исключительные моменты, когда взрыв патриотических чувств присутствовавших достигал особой, прямо можно сказать, не передаваемой никакими словами, никакими сравнениями, силы.

Надо было самому лично пережить этот восторг, одушевленный одной мыслью, одним чувством, одной болью толпы.

Таков был момент 27 апреля во время вечернего заседания в Благородном Собрании, когда появились на эстраде (вышшении) две дамы, держа в руках блюдо с полотенцем и на нем «хлеб-соль», и сказали, обращаясь к собранию: «С хлебом и солью мы посланы от киевских женщин сказать вам, московские женщины, – “просите, умоляйте, требуйте от ваших братьев, мужей и сыновей – спасти Россию, не давать врагам!”»

Боже мой, что произошло в зале при этом патриотическом призыве! Единодушный крик радости, слезы умиления и несмолкаемые рукоплескания были ответом всей тысячной толпы, наполнявшей громадный зал, боковые места и балкон.

И таких моментов, моментов исключительного проявления патриотического восторга, на последнем нашем Съезде было множество.

Как известно, вскоре после Московского съезда Объединенного Русского Народа состоялся в начале мая в Петербурге съезд октябристов, т.е. членов Союза 17 октября.

Эта политическая партия держится того убеждения, что Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 года в России введена по западноевропейскому образцу *конституция* и вместе с нею в нашем государстве произошло неизбежное уравнивание всех вер и народностей. Таким образом, с точки зрения октя-

бристов, теперь уже нет в России Царского самодержавия, т.е. что Царь наш Батюшка уже не волен теперь проявить свою царскую заботливость о тех или иных сторонах нашей русской жизни, жизни верноподданного своего народа, если не захочет того призванная им к работе Госуд. дума или Госуд. Совет.

Точно так же, по пониманию октябристов, нет уже теперь никакого преимущественного значения и за отеческой нашей верой православной, но все веры в России одинаковы, одинаковы по своим правам и все народности, населяющие обширную Русскую землю. Мы знаем, мы помним, чем было вызвано появление этой политической партии в нашей стране. Октябристская партия основалась в Москве исключительной деятельностью братьев Гучковых осенью 1905 года. Нам кажется, что эта партия явилась как первый невольный крик русского патриота, но патриота слишком напуганного призраком грядущей республики. Напуганному патриоту, под грозным натиском революции, требовавшей учредительного собрания, казалось, что уже нет возможности опереться на Царское самодержавие и что все спасение России в западноевропейской конституции, дарованной-де царским Манифестом 17 октября 1905 года. И нужно заметить, что этот якорь спасения стал удобоприемлемым для напуганного патриотизма, несомненно, еще более потому, что стояние за конституцию нисколько не унижало в глазах Европы русского человека, а напротив, возвышало его до западноевропейца. А кто же не знает нашей слабости обезьянничать перед Зап. Европой? Но время шло, миновали и ужасы декабрьского восстания в Москве, но ни о федеративной русской республике (наподобие Североамериканских штатов), ни о присяге Государя на верность конституции не было и слухов слышно. И хотя фабричные и заводские забастовщики на своих митингах, под влиянием агитаторских речей, выкрикивали «учредительное собрание» и «республику», но республику непременно с Царем. На всякую же дерзкую попытку смелого агитатора крикнуть «долой Царя» наши русские «повстанцы» отвечали смертным боем своему оратору. В православных храмах по-прежнему возно-

сились моления о Государе Самодержавнейшем, а в Основных законах Российской империи, тщательно пересмотренных 23 апреля 1906 года, по-прежнему осталось наименование Государя-императора *неограниченным* (ст. 222).

Ясно было до очевидности, что политическая жизнь кипела и волновалась только на поверхности российского живого моря. Глубины же оставались до поры до времени безмолвными. Но вот постепенно и туда стали доноситься звуки волнующейся поверхности. Понемногу, медленно, но уверенно и мощно стала отзываться и глубина Святой Руси. Заговорил исконный русский крещеный народ, заговорил сразу во многих местах и уголках обширной России, но заговорил одним языком, пошел одной стопой. Кто не помнит, что осенью 1905 года всюду – и в Архангельске, и в Симферополе, и в Тифлисе, и в Нежине, и в Киеве, и в Казани, и в Томске – всякое революционное выступление с попыткой оскорбить Царское самодержавие или посмеяться над верой православной встречало решительный патриотический отпор *в совершенно одинаковых формах и выражениях*: везде против революционных скопищ, обыкновенно вооруженных и руководимых инородцами (евреями, армянами), выступала мирная *безоружная* русская манифестация с национальными флагами и портретом Государя, при одушевленном пении гимна и молитвы за Царя и Отечество. Скажите, пожалуйста, что же обозначает это поразительное согласие в самом характере манифестаций? Революционеры и инородцы злобно кричат, что это «провокация». А мы скажем: «нет, это не провокация, а *Россия!*» Да, это явление обозначает, что *Россия есть, Россия существует. Русь идет!* Россия жила и живет одним духом, одной силой, одной верой. Вот это-то единство внутренней мощи, единство животворного корня – и есть причина такого поразительного единообразия всех патриотических манифестаций у нас. Всюду, при всяком случае, когда русский народ хочет наглядно показать, – жива ли Россия и чем она живет, русские патриоты во всеуслышание исповедуют свое стояние за веру православную, Царя самодержавного и русскую народность. Так, повторяем, заговорил одним языком

исконный русский народ, и заговорил не тем испуганным языком, каким в свое время залепетали основатели партии октябристов, устыдившиеся признаться в своей верности историческим началам русского народа, а заговорил твердым языком хозяина своей земли, со всей ясностью сознающего и твердо уверенного, в чем его сила и где его радость.

Очевидно, стать октябристом нашему исконному русскому народу было, так сказать, органически (в силу природы народного духа) невозможно. Так октябристская партия осталась лишь партией, развиваться в народную силу ей до сих пор не удалось и, конечно, не удастся. И последний октябристский съезд, о котором мы упомянули выше, есть красноречивый показатель того, что дни существования этой партии сочтены: все, что искренно любит Россию, как живую историческую силу, а не один сколок с западноевропейского образца, несомненно, уйдет из партии 17 октября и войдет в Объединенный Русский Народ. Мы этому верим, да об этом же, хотя в другом тоне, много говорилось на самом съезде октябристов.

Как известно, последний Петербургский съезд октябристов ни со стороны деловитости, ни с внешней стороны не удался. Достаточно упомянуть, что число приезжих членов, говорят, было что-то около 30 человек, а на общих собраниях присутствовало 150–200 человек, самое большое. На этих собраниях были исключительно люди общества, и *ни одного представителя народа!* Явление знаменательное... И знаменательно в этом отношении сравнение последнего октябристского съезда – со съездом Объединенного Русского Народа. Здесь у октябристов ни одного простого русского человека из народа, там на 5/7 простой крестьянский люд. Не ясно ли, куда тяготеет сердце народное? Не ясно ли, как мало значит в политической жизни партия, так чуждая глубинам народным? Не напрасно же издатель газ. «Новое время»¹, так отста-

¹ Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), журналист, публицист, беллетрист и драматург, общественный деятель, издатель и редактор самой популярной в к. XIX – н. XX вв. русской националистической газеты «Новое время», один из учредителей Русского Собрания.

ивавший всегда партию октябристов, побывав на последнем съезде этой партии, должен был с грустью вымолвить о ней: «Не партия это, а одна скука!»

И вот теперь, когда я стою уже не у самой картины Московского съезда «Объединенного Русского Народа», а любуюсь ею издали и сравниваю съезд «черносотенцев» со съездом «октябристов», мне тоже хочется сказать в свою очередь, что и партия *Объединенного Русского Народа* – не партия, а одна неделимая живая Россия.

V. Как высказался Москов. съезд по вопросам еврейскому и школьному

Само собой разумеется, партия, ставшая нервом жизни русского народа, не может ограничиваться одними чувствованиями и патриотическими манифестациями, как бы величественны последние ни были: необходима работа созидательная, мало слов, нужно живое дело.

За два месяца своего существования, ко времени Москов. съезда «Объединенного Русского Народа», вторая Государств. дума вполне достаточно уже показала свою непригодность к освежению и упорядочению русской жизни.

Громадное число членов этой Думы явно глумилось над священными основами русской жизни, явно стремилось к умалению власти Царя, к преимущественному возвеличению прав инородцев, допуская полную разнузданность думских революционных речей, не уважало свободы слова правых депутатов. Такое поведение большинства членов Госуд. думы было осуждено всеми членами Съезда, как дерзкое посягательство на счастье и свободу русского народа. Поэтому самое первое постановление, какое было сделано на 4-м Всероссийском съезде Объединенного Русского Народа по вопросу о государственной безопасности, это было – о немедленном роспуске неработоспособной, крамольной Госуд. думы и о замене Думы законодательной – законсовещательною. Далее было постановлено, что необходимо для укрощения револю-

ционного движения и прекращения грабежей и разбоев, так участвовавших со дня отмены военно-полевых судов, восстановить последние и в лице генерал-губернаторов укрепить местную в России власть для успешного надзора и контроля за всеми учреждениями и должностными лицами. А принимая во внимание, что значительная, если не первенствующая, доля участия в революционном движении в России принадлежит евреям, было постановлено:

1) запретить евреям, хотя бы и крещеным, вступление на военную службу, на гражданскую государственную службу и вообще служение во всех правительственных учреждениях, хотя бы и по вольному найму; а также запретить им вступление в адвокатуру;

2) запретить евреям содержать банки, банкирские конторы и ссудные кассы, участвовать в казенных подрядах, приобретать какими бы то ни было способами в городах и сельских местностях землю и арендовать ее; сверх того, следует принять строжайшие меры против обхода этих законов;

3) всемерно ограничивать евреев во всех отраслях торговли и промышленности, дабы они не забрали окончательно в свои руки русскую торговлю и промышленность, и так уже наполовину ими заполненные.

В особенности необходимо запретить евреям торговать оружием и огнестрельными припасами.

Всем известно, что в последние годы наши высшие учебные заведения перестали быть храмами науки, а превратились в очаги революции. Дисциплинарный распад и крайнее падение учебного дела обнаружилось теперь и в средних учебных заведениях, а низшие школы, особенно земские, попали в руки недостойных учителей, весьма часто пропитанных безбожием и анархизмом (безначалием). Ввиду такого печального состояния в России школьного дела было постановлено устранить из высших школ 1) так называемую автономию, которая совершенно уничтожила дисциплину, и 2) студенческие сходки, партии и землячества, водворившие в высших школах господство революционной части студен-

чества над товарищами и профессорами. А чтобы освободить высшие школы от лиц, кои поступают в них лишь для дипломов, дающих известные служебные преимущества, необходимо выдавать кончающим университетский курс лишь свидетельства об их научных успехах, не дающие им никаких преимуществ для государственной службы. Относительно упорядочения учебного и воспитательного дела в средних и низших учебных заведениях было постановлено следующее: 1) во всех средних школах должно быть поставлено на первый план религиозно-нравственное, национальное и притом индивидуальное воспитание. Это воспитание мыслимо только при наставниках, одушевленных искреннею религиозностью, глубоким патриотизмом, истинною любовью к своим питомцам и обладающих достаточным педагогическим опытом, чтобы воспитывать их не огульно, а сообразно с характером и дарованиями каждого из них. Но это воспитание возможно лишь при классах, в которых находятся не более 30 учеников, и при существовании в школе строгой общей дисциплины, приучающей воспитанников к неуклонному, добросовестному соблюдению своих обязанностей и подготавливающей их к исполнению своего христианского и верноподданнического гражданского долга в предстоящей им жизни. 2) Преподаватели средних школ должны получать специальное образование в педагогических семинариях, которые должны готовить хороших религиозно-нравственных педагогов. 3) Преподаватели средних школ должны быть поставлены в столь благоприятные материальные условия, которые не вынуждали бы их давать более трех или четырех уроков в день, так как в противном случае они, вследствие переутомления, вести свое дело правильно не могут. 4) Низшие народные школы должны быть прежде всего усовершенствованы в качественном отношении, а потом уже усилены в отношении количественном, так как народные школы могут быть чрезвычайно полезными или чрезвычайно вредными, смотря по тому, в чьих руках они находятся, в руках ли добрых воспитателей или злых развратителей народа. 5) Наиболее желательным типом народных

школ являются церковно-приходские школы, если они хорошо поставлены и в материальном, и в духовном отношении.

VI. Царское самодержавие как единственный залог правильного решения земельного вопроса в России

Как нами уже было выше упомянуто, вопрос земельный, не подлежавший было, по намеченной предварительной программе Съезда, обсуждению, был поставлен на Съезде исключительно ввиду настойчивого желания крестьян, в господствующем числе явившихся на 4-й съезд. Наш земельный вопрос – большой вопрос. И, так сказать, самый модный вопрос у всех наших современных политических партий.

Для человека, стоящего вне всяких партийных расчетов, для человека, хотя немного обладающего здравым политическим чутьем и пониманием общественной нравственности, ясно как Божий день, что корень современной русской беды, причина нашего материального обнищания в «низах» и духовного в «верхах» вовсе не в малоземельи или безземельи, а в чем-то другом. И очевидно, что это «другое» так исправно нами забыто, так давно утеряно, что вот мы ищем, ищем этот корень, и докопаться до него так и не можем. Вот уж сколько лет мы слышим у себя в России один и тот же припев: «Мало земли!» Но как хотите, господа, недаром дивятся иностранцы на нас, непонятных русских людей. Мало земли?! Это в той стране, что занимает одну шестую часть всей мировой суши? Помилуйте! *Не земли у нас мало, а неба мало*, – вот чего у нас мало! Это верно. Мало у нас стало правды небесной, оскудела Русь Святая воздухом вечной любви, забыла наша бедная Родина о просторе духа, так же необъятно глубокого и свободного, как безгранична высь небесная. И нам представляется совершенно ясным, что вопрос о малоземельи у нас решится только тогда, когда предварительно будут восстановлены права неба на землю. То есть когда укрепится в народном нашем сознании правда нашего государственного

строю, иначе: *когда весь русский народ объединится в одном общем согласном желании свободного и нелицемерного послушания царской самодержавной воле.*

Когда 4-му съезду Объединенного Русского Народа пришлось подойти к вопросу о мерах к устранению крестьянского малоземелья, то, к чести своей, этот Съезд не увлекся никакими несбыточными планами и не стал никого обманывать радужными картинками.

А прежде всего было установлено одно общее положение, именно: принимая во внимание остроту малоземелья и безземелья части земледельческого населения и ясно сознавая неспособность Государственной думы разрешить сообразно интересам коренного русского населения земельный и переселенческий вопросы, — 4-й Всероссийский съезд полагает, что при разнообразии местных условий, нужд и способов их удовлетворения только один Государь-император, при помощи освященного всесословного Земского собора, собранного только из православных и старообрядцев, без иноверцев и иноплеменников, и с крестьянами по одному от каждого уезда, может справедливо и безобидно устранить главную причину переживаемого нами земельного нестроения.

Православный русский народ должен объединиться на земле под водительством самодержавного, неограниченного русского православного Царя (п. 3-й).

Говорят, что у нас во время приготовления выборов во 2-ю Государственную думу обнаружилось тридцать три политические партии, и каждая партия обещала свое решение земельного вопроса, будто бы единственное и равно выгодное для всех граждан Российского царства. Не ясно ли уже из этого одного случайного указания, что наша Гос. дума, где партийность составляет такую же неизбежную наличность, как закваска в хлебе, совершенно бессильна дать России окончательное решение земельного вопроса, такое решение, которое было бы чуждо всякого пристрастия и было бы свободно, без всякого подозрения, принято всей страной? Лишь единая воля царская, не связанная никаким личным искательством и

подчиняющаяся лишь велениям долга, ответственности пред Престолом Бога Всемогущего, даст такое приемлемое всем русским народом решение. Люди мысли и чувства нерусского нас здесь, пожалуй, не поймут и наше мнение, сейчас высказанное, могут совершенно извратить, но, повторяем, русский народ, для которого имя царское – святыня, – поверит только тому ясному слову, которое мощно раздастся с престола российского Царя-самодержца. Ведь как хотите, а в народе крепко держится вера в какую-то особенную золотую царскую грамоту о крестьянской земле. И мы смеем думать, что вера эта, сильная своей искренностью и простотой, в конце концов мужичка нашего не посрамит. И мы верим, что он дождет-ся этой золотой грамоты, которая дана будет народу хотя бы вследствие того всесословного Земского собора, о котором говорит постановление 4-го съезда.

Говоря о частностях постановления 4-го съезда по земельному и переселенческому вопросу, мы обратим свое внимание на следующие пункты этого постановления:

Крестьянское сословие необходимо сохранить во всей его бытовой неприкосновенности, а крестьянское землевладение должно быть ограждено от скупки и перехода каким бы то ни было способом к лицам иных сословий, инородцам и особенно евреям. Мещанству должно быть предоставлено право приобретать некрестьянские земли при содействии Крестьянского Поземельного банка. Казачеству должно быть предоставлено такое же право в пределах войсковых областей.

При сохранении общины, как единственной надежной защиты крестьянства от обезземеливания, надлежит крестьянам предоставить все выгоды и преимущества личного землевладения. Желательно введение общинно-хуторского землевладения, как такой формы, которая соединяет в себе все достоинства и личного, и общинного владения землею, устраняя их недостатки (п. 5-й).

Выход из общины, как из нынешней, так и из преобразованной, должен быть свободен, при условии продажи нынешнего надела или отрубного участка всей общине или

отдельному общиннику, не более двух наделов на душу, за действительную стоимость земли. В случаях несогласия цена устанавливается государством (п. 6-й).

Сохраняя неприкосновенность частного владения, согласно ст. 35 Основных законов, необходимо принять все меры к тому, чтобы земля не скупалась в целях наживы, перепродажи и отдачи по высоким ценам в аренду, особенно иностранцами и евреями, хотя бы и русскими подданными и крещеными.

Примечание. Ст. 35 гласит: «Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда сие необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение» (п. 7-й).

VII. Истинно трудное положение русского рабочего, и как помочь ему

Когда в заключительном заседании Съезда 1 мая я слушал чтение постановлений Съезда по рабочему вопросу, то мне казалось, что читается какой-то мартиролог (повесть о страданиях). Так, я слышал, читали:

«Чуждая и даже враждебная всему русскому (еврейская) администрация заводов и фабрик нередко принадлежит к крайним противогосударственным партиям. Вследствие этого она весьма часто возбуждала рабочие забастовки и революционные движения. Вследствие того же самого она, после того как значительная часть русских рабочих образовалась и постепенно стала входить в состав Союза Русского Народа и других патриотических союзов и обществ, — начала самым жестоким и усиленным способом гнать с заводов и из фабрик русских рабочих, избегающих противогосударственных сообществ.

Гонение на русских рабочих доходит до таких проявлений, как закрытие фабрик и заводов с целью очистить их от «черносотенных» рабочих; при сокращении штатов рабочих прежде всего и более всего подвергаются удалению с фабрик

и заводов русские рабочие, патриотически настроенные. Даже казенные фабрики, заводы, в особенности же железные дороги, в этом отношении иногда стараются как бы превзойти частные и акционерные предприятия. На Сибирской, например, дороге процент инородцев и иностранцев доходит до 80%. В таком угнетаемом и преследуемом положении со стороны инородчески-революционных партий находится весь трудящийся национально настроенный русский люд (п. 5-й).

Местная высшая и низшая административная власть весьма часто потворствует издевательствам над мелким русским людом или будто бы оказывается бессильною в борьбе рабочих русских с несправедливостями еврейской заводской и фабричной администрации» (п. 6-й).

В последние три-четыре года мы так часто слышали и читали о разных беспорядках на фабриках и заводах, о разных требованиях рабочих, сопровождаемых насилием и буйством. Нам, людям, стоящим вдали, все эти фабрично-заводские труженики казались чуть не извергами или, по крайней мере, крайними самолюбцами, людьми, как говорится, с жиру бесящимися, мы склонны были обвинять всех заводских рабочих в отсутствии у них и чисто религиозного сознания, и любви к Родине, и уважения к нравственным началам. Тяжелое это было подозрение, и так хотелось, чтобы оно не оправдалось на деле: страшно, жутко было бы за весь русский народ, который дает в лице рабочих такие ядовитые ростки. Но вот сошлись в Белокаменную настоящие русские люди разных сословий и состояний и составили свою Российскую думу, поделились друг с другом общим горем-кручиной. И видно тут стало, что, правда, были по местам фабрично-заводской России восстания рабочих, были и насилия, и забастовки были, но везде рабочий-русский остался верен своему русскому имени и не только не изменил своей преданности святыням духа народного, но и явился исповедником-страдальцем за эту свою приверженность. Мало было врагам русского народа, в большинстве захватившим в свои руки фабрично-заводскую промышленность, теснить русских людей на заводах и фабриках

экономически, они стали в последнее время издеваться над святынями народного духа. Так, потворствуя политической агитации, они возвели злую клевету на русского рабочего, представив его в глазах Царя и благомыслящего общества каким-то бунтовщиком против царской воли, а когда наиболее устойчивая в нравственном отношении часть рабочих, поняв злой умысел врагов России, повелительно сказала пропаганде: «Не смей!» – начались уже открытые гонения на все русское и честное на всех фабриках и заводах России.

Московский съезд «Объединен. Русского Народа», обсудив всесторонне вопрос о положении русского рабочего, признал необходимым пригласить всех русских рабочих «объединиться в союзы и общества на началах взаимопомощи и самостоятельности в экономическом отношении, и на началах православия, самодержавия и народности – в политическом.

Такое объединение, соответствуя истинному настроению русского рабочего, будет также способствовать умиротворению государства и тем самым водворению в жизни трудящихся классов более целесообразных условий труда – и явится самым серьезным средством улучшения тяжелых условий современной жизни рабочих-кустарей, фабричных, заводских и всех других (п. 10-й).

Союзы и общества рабочих должны принять практическое направление, т.е. заняться устройством мастерских, взаимно-вспомогательных касс, потребительских лавок, школ, приютов для престарелых и детей-сирот, улучшением жизненных условий рабочих, как материальных, так и духовных, и т.п. (п. 11-й).

В тех же целях необходимо, чтобы при каждом союзе и обществе существовало особое справочное бюро, в котором собирались бы сведения о всех рабочих, нуждающихся в работе, подвергшихся гонению фабрично-заводской администрации или других учреждений за свои патриотические убеждения и вообще впадших в тяжелое положение. При Главном Совете Союза Русского Народа необходимо образовать такое же бюро, в котором сообщались бы сведения о наиболее выдающихся

случаях из жизни рабочего класса и из области гонений на русских рабочих (п. 12-й).

Для поднятия самостоятельности рабочих и их материального благосостояния необходим мелкий кредит. В этом отношении особенно ощущается нужда во Всероссийском Русском Национальном банке. Союзы и общества русских рабочих, существующие самостоятельно или составляющие части Союза Русского Народа, сами не в состоянии заняться устройством и развитием мелкого кредита; поэтому желательно, чтобы Главный Совет Союза Русского Народа, поставивший учреждение Национального банка одним из пунктов своей программы, обратил самое серьезное внимание на разрешение этого в высокой степени важного для рабочих вопроса (п. 13-й).

Имея в виду, что наше фабричное законодательство несовершенно и неполно, оно должно быть пересмотрено в целях соглашения его с интересами русской фабрично-заводской и иной промышленности и русского рабочего, в частности же:

а) Необходимо дополнить закон 2-го июля 1903 года особою статьей, предусматривающей необходимость оказания государственной, и со стороны заводов и фабрик, помощи тем из рабочих, которые потеряли трудоспособность не вследствие внешних каких-либо повреждений, а вследствие условий труда, например, вследствие вредного влияния газов на заводах ртутных или спичечных и вследствие постоянного подъема тяжестей.

б) Необходимо немедленно установить самый точный контроль или способ проверки способностей и познаний всех тех лиц, которые ищут свидетельств на звание мастерового или ремесленника. Это необходимо ввиду того, что множество евреев, не имеющих решительно никакого отношения ни к какому ремеслу, имеют ремесленные свидетельства, занимаются же в действительности другими видами своей деятельности, а если и занимаются прописанным в их свидетельстве ремеслом, то крайне небрежно и неумело, чем роняют достоинство и ценность труда русского рабочего (п. 14).

19) Для улучшения быта русских рабочих необходимо созвать особый Рабочий съезд представителей от всех союзов и обществ русских рабочих для обсуждения исключительно экономических условий жизни и труда рабочих. Не предпрешая в настоящее время места и времени такого съезда, 4-й Всероссийский съезд Объединенного Русского Народа просит всех своих членов из рабочих, а равно и других лиц, уведомить союзы и общества рабочих различных городов, что они, если пожелают, могут сообщить свои соображения по вопросу о съезде Главному Совету Союза Русских рабочих в городе Киеве».

VIII. Кому стал страшен «Объединенный Русский Народ»

Когда я возвращался со Съезда домой, то мне пришлось ехать в одном купе с двумя кавказскими врачами, которые, как видно было из их между собою разговора, ни в каком случае к «черносотенцам» не примыкали. На одной из больших станций, уже подъезжая к Петербургу, они достали газету «Новое время» и с видимым любопытством стали вслух читать телеграмму «Н. вр.», в которой были изложены постановления 4-го съезда «Объедин. Рус. Народа». Спокойно прочитав телеграмму, они на полминуты замолчали, и затем один из них в раздумьи, как бы сам себе признаваясь, сказал: «Что ж, ведь ничего дурного в этих постановлениях нет». Вот какой приговор вынесли кавказские врачи относительно постановлений съезда «Объединенного Русского Народа». Что ж, и на том спасибо: благо не назвали черным белое и сумели стать выше тех лаврских монахов, послушников и духовных студентов, которые с явно неприязненным любопытством глазели и высмеивали паломничествовавших 2 мая в Троице-Сергиеву лавру членов Съезда.

Как угодно, господа, а я никак не могу понять, никак не могу войти, так сказать, в психологию тех русских интеллигентов, которые смотрят на «Объединенный Русский Народ»

не иначе, как на каких-то погромщиков или, по меньшей мере, как на таких политических деятелей, которые будто бы сознательно и бессознательно идут против обновления России и противодействуют народному благополучию, стремясь восстановить прошлое гибельное для России господство чиновничества и крепостничества. Сколько раз мне, пишущему эти строки, приходилось самому, лично, выслушивать от своих друзей и лиц, близко меня знающих, из круга людей высокопросвещенных, умевших стоять всегда на почве всякого научного беспристрастия, слова, по-видимому, глубокого искреннего соболезнования по поводу моего «черносотенства», представляемого моими соболезнователями не иначе как под видом какого-то погромства или человеконенавистничества.

Так наглая, бессовестная, лъстивая ложь безбожных врагов России успела в самое короткое время духовно разъединить единый русский народ: произошло на наших глазах какое-то повальное, как зараза, потемнение русского чувства и русского сознания в нашей интеллигенции.

Интересно, как рассуждает простой русский человек по поводу странного взгляда русских интеллигентов на представителей «Объединенного Русского Народа». Вот что я совершенно случайно выслушал в вагоне железной дороги из уст русского простолюдина, возвращавшегося со Съезда к себе, в Одессу: «Удивительные люди – эти москвичи! Ведь они думали, что мы приехали к ним погромы делать. Идешь по улице, так ведь они сторонятся... Бедные, бедные! А еще русские называются. Прости Ты им, Господи!» Этот простой и в тоже время истинно христианский суд со стороны простого русского человека над заблуждающимися соотечественниками меня глубоко тронул.

По счастливой мысли устроителей, многие (до 150 человек) члены 4-го съезда «Объединенного Русского Народа» по закрытии Съезда, 2 мая, отправились в Троице-Сергиеву лавру для поклонения мощам св. молитвенника и великого русского патриота Сергия Радонежского Чудотворца. Здесь, в

той церкви, где похоронен приснопамятный митрополит Филарет, о. наместником с некоторыми иеромонахами Лавры и священниками-участниками Съезда была отслужена после литургии, в присутствии паломников-членов съезда, торжественная панихида по Вел. князе Сергии Александровиче и всем, за Веру, Царя и Отечество от крамолы погибшим. С глубоким благоговейным вниманием слушали эту панихиду русские люди. И несомненно, в живой связи с этой молитвой об упокоении чистых душ новых мучеников Русской земли стояла в сердцах молящихся молитва о живых, молитва о скорейшем окончании горестной смуты в Русской земле. И верилось нам, что в эту минуту прп. Сергей Радонежский, окруженный душами праведных защитников Св. Руси, вновь простирает с высоты небес свои благословляющие руки, как прежде, при жизни, простирал их над склоненною перед ним головою Вел. князя Димитрия Донского. Одновременное прибытие многочисленной группы паломников-черносотенцев, конечно, возбудило некоторое внимание со стороны местных насельников Лавры. С каким-то странным любопытством, соединенным с боязнью, как бы не смешаться с толпою приезжих паломников, оглядывали лаврские зрители нас – черносотенцев. Среди этой толпы зевак довольно много было студентов Московской Дух. академии, которая, как известно, находится в ограде Лавры. Заходили эти зрители с нами и в храм, стояли и за панихидой, но, конечно, по видимому, без всякого молитвенного участия, а просто обозревали «диловинных» людей. Но это бы еще ничего, если бы эти зрители только обозревали нас. Но вот что я слышал от очевидца. Некоторые гг. духовные студенты, очевидно из числа «автономистов», позволяли себе глумиться в глаза над паломниками-простолудинами, приехавшими в Лавру со Съезда. А когда я, уже один, в то время как мои соучастники Съезда находились в трапезной, зашел в собор, в котором почивают св. мощи, то здесь я, покупая свечи, должен был выслушивать, как один из лаврских послушников высмеивал паломников-черносотенцев, а иеромонах, стоявший в епитрахили и со Св. Крестом в руках у раки преподобного, окропляя св. водой богомольцев, знакомил

рядом стоящего с ним молодого послушника с содержанием комедии Фонвизина «Недоросль»¹(!).

Что малограмотный деревенский парень, состоящий послушником в богатой Лавре и не имеющий ни времени, ни духовной силы возвыситься над мирозерцанием распропагандированной крестьянской молодежи, так легкомысленно и пошло высмеивает высокий патриотический порыв русского человека, это для меня понятно, и для бедного послушника у меня много оправданий в этом случае. Не стану строго судить я и о. иеромонаха, вспоминавшего у св. мощей о комедии Фонвизина: необходимо ведь принять во внимание, что наши теперешние монастыри наполняются почти исключительно лицами весьма умеренного умственного образования, и весьма часто теми, кто ищет в монастыре не Иисуса, а хлеба куса. Но вот, после того, как я в Москве с восторгом любовался учащейся молодежью – гимназистами, лицеистами, студентами университетов и др. высших светских учебных заведений, – так живо принимавшей участие в качестве распорядителей во всех собраниях Съезда, а здесь в Лавре увидел духовных студентов в роли агитаторов, нагло глумящихся над святынями русского сердца, передо мною опять вырастает новый недоуменный вопрос. Как понять, чем объяснить то обстоятельство, что наши духовные школы становятся теперь не только автономными, а прямо в некоторых случаях революционными (напр. Вятская Дух. семинария)? Как понять, чем объяснить, что юношество, и по рождению и по образованию предназначенное быть оплотом веры, порядка и нравственности, все больше и больше стремится устраниваться от исполнения своего, так сказать, исторического призвания? Как угодно, господа, а тут ведь не виноваты ни мода на либерализм, ни легкомыслие молодости, ни строй духовно-учебного дела (в обновлении которого наши богословы хотят видеть залог доброго пастырствования на Руси), даже не бесправие и унижительное состояние в России духовного сословия, – нет,

¹ Фонвизин Денис Иванович (1745–1792), драматург и политический публицист, создатель русской бытовой комедии. Самая знаменитая комедия Фонвизина «Недоросль» была впервые поставлена в 1782 г.

по нашему крайнему разумению, причина вековой и роковой измены поповичей своей ближайшей Матери-Церкви лежит гораздо дальше одного только духовного сословия.

IX. Православие, как жизненная основа духовной свободы и силы русского народа

В ряду трех священных исторических основ России, на защиту которых мощно встает теперь весь русский народ, первое место по своей важности занимает православие. Что такое наше православие? Это есть то чистое, апостольское, свободное от всяких человеческих изменений и искажений исповедание христианской веры, которое, сохранившись в целостности в Церквях восточных, было в свое время сообщено от греков и русскому народу чрез св. крещение его при св. князе Владимире. Великое счастье нашей России было в том, что христианская вера была воспринята Русью еще в ту пору, когда только что стал складываться государственный ее быт. Таким образом чистые Христовы начала правды, духовной свободы и уважения личности, как образа Божия по учению христианскому, сразу же стали растворяться в молодой начинающей жизни юной России и стали создавать такие правовые отношения, которые как нельзя более соответствовали христианскому пониманию. Правда, низшие слои народа были невежественны и долго не могли освободиться от языческих суеверий. Зато первые русские князья, начиная со св. Владимира, явили в русской истории множество примеров истинно христианской жизни и поведения. Славные витязи молодой земли Русской, как известно, заявили себя успешными борцами не только за внешнюю безопасность своей Родины от натиска злых соседей, но обнаружили еще большее величие христианского своего духа в победоносной борьбе с грехом и страстями. Вспомним, напр., имена свв. Владимира равноапостольного, Бориса и Глеба, Мстислава Владимировича, Всеволода Псковского, Довмонта, Михаила Черниговского, Александра Невского и др. Вполне понятно, что такое поведение русских князей, людей, стоящих

«верху горы» народной жизни, было красноречивейшей проповедью христианского веро- и нравоученья, было лучшей для народа наукой правового строя в государстве. Княжеский же пример строгого послушания уставам Св. Церкви был, несомненно, устройтелем того единственного, быть может, во всем мире явления, что наш народ в своей самобытной, не зараженной разной неметчиной жизни, в своем быту, в порядках домашней жизни отдает первенствующее внимание уставам и наказам Православной Церкви. Так под животворными лучами Солнца Правды и под охраной Церкви Христовой раскрывалась, все более и более духовно совершенствуясь, молодая жизнь русского народа. Случавшиеся беды и нестроения в жизни русского государства (междоусобия князей, нашествие татар) народное сознание, достаточно озаренное уже христианским смирением, встречало не как роковую неизбежность или слепой случай, а смотрело на все бедствия народной жизни как на воспитывающую руку Божию. Вот почему мы видим, что на всем пространстве исторической жизни вплоть до наших дней, как бы ни казались невыносимыми те или иные тяготы народной жизни, масса народная всегда оставалась замечательно покойною, сдержанною, по-христиански смиренною, никогда не впадала в отчаяние, не теряла веры в Божие милосердие и не искушала Его безумными восстаниями. Возьмем, к примеру, хотя бы такое бедствие народной нашей жизни, как печальной памяти крепостное право. Какой честный историк не преклонится здесь пред удивительным христианским смирением народной массы, так терпеливо переносившей всю тяготу рабства в течение многих десятков лет! А где, в чем та точка опоры, на которой сумел устоять наш великий народ среди столь великих искушений его любви и терпения? Несомненно, в вере его, верности его Св. Церкви, православию.

Здравый государственный ум России отчетливо сознавал и высоко ценил великое значение православия, как животворного начала народной жизни, и потому Православная Церковь всегда имела преимущественное положение в России. Конечно, по нашему мнению, не заслуживают никакого серьезного вни-

мания те вздорные рассуждения либеральничающих русских голов, которые кричат о том, что будто бы господствующее положение Православной Церкви может унижать ее святую истину, осквернять ее святость. Находясь в известных временных условиях земного существования, Церковь Христова, конечно, не может в своем внешнем состоянии не соприкасаться со строем известной государственной жизни, и, смотря по тому, как данное государство относится к христианской религии, устанавливаются те или иные отношения между Церковью и государством. Нами в предыдущих строках уже было отмечено, что в создании и совершенствовании русского государства громаднейшее, первенствующее значение принадлежит православию. Православная вера вдохнула живую силу в громадное тело Русского государства при самом его зарождении, и за тысячу лет своего единения с православием русский народ настолько опознал важность этого единения, что слова «русский» и «православный» стали теперь однозначаша. И если вообще, по нашему убеждению, нигде, ни в одном христианском государстве невозможно действительное отделение Церкви от государства, то в России, у нас, об этом даже и думать нельзя. Надо быть, по меньшей мере, плохим другом русского народа, чтобы желать ослабления у нас силы и значения Православной Церкви в государственной жизни.

Враги России давно, конечно, стремятся, чтобы так или иначе ослабить приток живых соков в духовное тело России, направляющийся из благодатного Источника Православной Церкви. А так как открыто говорить и действовать им в этом направлении никто в России не позволит, то они избрали более верный способ, чтобы добиться своей цели. Они прикинулись друзьями нашей Православной Церкви и стали льстиво напевать простодушному русскому народу, что русские, исповедуя свою безусловно чистую православную веру, настолько сами все сделали твердыми в истине, что их уже даже здесь, на земле (вопреки ясному учению Слова Божия и Иисуса Христа), никто не увлечет к отделению от веры: поэтому прочь все спасительные предупреждения, установленные в Церкви и охра-

няемые государством, пекущимся о господстве в русском народе истинной веры, а не суеверий... В последние годы очень часто и настойчиво, и печатно и устно, высказывалось русскими интеллигентами (особ. из евреев) притворное сожаление, что наша Православная Церковь много теряет в глазах иноверцев тем, что допускает себе и охраняющему государству прибегать к некоторым мерам стеснения и ограничения в отношении своих членов, явно противящихся Церкви или самовольно выходящих из ея ограды. В одну из поездок по России случилось нам довольно откровенно беседовать с одним минским еврейским первогильдейским купцом по некоторым вероисповедным вопросам. Мой собеседник оказался довольно порядочно знакомым с общим содержанием Евангелия и хорошим знающим некоторых высших духовных лиц Правосл. Церкви. Когда же я спросил этого еврея: что мешает ему, при его симпатиях к христианству, принять крещение, – то услышал такой ответ: «А знаете, ведь я совсем был готов креститься. И что меня удержало? Отлучение графа Толстого от Церкви. Мне тяжело показалось, что ваша Церковь нетерпима и несправедлива». Стоит только поверить всем этим незванным заботникам о православии, и какое светлое будущее должно открыться пред Православною Церковью с объявлением так называемой веротерпимости! Но вот издан Высочайший указ 17 апр. 1905 года, сняты все цензурные стеснения с печати. И что же? Какое светлое будущее мы видим впереди православия? Ждать ли нам, что весь иноверный мир падет теперь в объятия нашей Св. Матери-Церкви и войдет в ея ограду? Или с безнадежностью Пилата утвердиться в мысли, что единой истины для нас уже не существует, признав за православием одинаковую ценность, что и за всеми другими религиями и исповеданиями?

Обстоятельства последних двух лет вполне ясно показали, что не ошиблись враги России в своих безбожных расчетах. Зато как бесчеловечно, жестоко обмануты все те наивные русские православные люди, которые, поверив лстивым речам обманщиков, мечтали о так желанной веротерпимости. Кто из нас теперь не знает и тяжко не скорбит о том, что за эти два

года отпали от православия целые сотни тысяч людей, главным образом в католичество и лютеранство, и многие из крещеных вернулись в иудейство и магометанство? Кто не слышал и о том, каким буквально гонениям подвергаются теперь те из православных, которые, будучи окружены большинством иноверцев (особ. римо-католиков), не соглашаются изменить православию? Кому опять неизвестно, каким широким потоком разлилась теперь на Св. Руси волна религиозного вольномыслия и отрицания, захватившая даже и духовное сословие? Вот какими фактами ответила сама жизнь, как только мы попытались на самом деле уважить жалобы на излишнюю будто бы охрану Церкви со стороны государства.

Но не будем спешить впадать в отчаяние от этих вопиющих фактов. Тысячелетняя история России, многовековое гигантское терпение русского народа, опиравшееся исключительно на его глубокую преданность православию, порукой нам в том, что наша народная масса, наш корень не отойдет от святого православия. Слишком дороги русскому сердцу святыни наши, чтобы русский народ так легко отступился от них и променял их на чечевичную похлебку. В самом деле, вспоминая я, какую радостью горели глаза всех русских людей, какой единодушный крик одобрения пронесся в зале «Континенталь» в Москве 1-го мая, когда здесь, в присутствии тысячного собрания, в заключительном заседании съезда «Объединенного Русского Народа» была оглашена телеграмма, посланная Государю-императору Николаю II от лица Съезда, как Верховному Защитнику первенствующей в государстве Православной Церкви и Блюстителю всякого в ней благочиния, и излагающая скорбь православных русских людей о быстром за последние два года оскудении веры среди пасомых и очевидной утрате надлежащей силы со стороны высшей церковной власти.

Х. Наши так называемые народники

Наши политические партии, стоящие за введение в России конституционного строя, при своих первоначаль-

ных выступлениях, как известно, совершенно молчали о положении нашего православия, как будто и не замечали того значения, какое имели и имеют в жизни русского народа Православная Церковь и наше духовенство. Это явление нисколько не удивительно, оно вполне естественно вытекает из существа вообще конституционных стремлений, как они проявились в Западной Европе. Но Россия – не Западная Европа, и то, что полагается там по «конституции», у нас оказывается неприемлемым. Народ наш жаждет государственного переустройства, но не вопреки и не в обход своих святынь, а именно для ограждения и возвышения их. И, конечно, политическими вождями русского народа никогда не станут люди, по меньшей мере, равнодушные к вере. Именно с этой точки зрения вполне понятен тот ослепительный успех, какой имеют в наши дни некоторые православные пастыри, как добрые, так и не добрые.

Пятьдесят лет подряд ходит в народ наша вольнодумствующая молодежь с целью поднятия его если не до революции и республики, то по крайней мере до конституции, и ходит (к счастью) безуспешно, потому что слишком ярко заявляет свое неуважение к святыням веры народной. Великий знаток русской души Ф. М. Достоевский прямо указал на эту причину недоверия народа к своим просветителям, когда сказал: «полюби его (народа) святыни, и он тебя полюбит». Позднее, уже в последние годы, наши революционеры сознали свою ошибку, и вот одни из них пристали к религиозному учению графа Льва Толстого и скоро стали вождями сектантского толстовского движения, то есть, иначе сказать, того же прежнего революционного движения, но лишь из тактических приемов окрашенного в религиозный цвет; иные же революционеры поступили еще решительнее, облачились в священнические одежды... Эти последние, конечно, в настоящее время есть самое ужасное и безобразное явление, какое когда-либо видел человек в религиозно-общественной жизни.

С провозглашением в России свобод, с образованием у нас разных политических партий хождение в народ уже ста-

ло явным распропагандированием народа с целью приведения всей народной массы в состояние «сознательности». Но мы отлично знаем, воочию видим, в чем существеннее всего проявляется теперь эта столь желанная революционерам народная «сознательность»...

Беспочвенные мечтатели и пустые теоретики, наши «ходоки» в народ как прежде, так и теперь страшно самообольщаются, если считают себя народниками, демократами, выражаясь по-иностранным. Какие это народники, которых народ не знает и не принимает! Почему не принимает? Но на этот вопрос пусть ответит за нас Ф. М. Достоевский. А он вот что, между прочим, писал в 1878 году в своем письме, обращенном к московским студентам. Наша интеллигентная молодежь, воспитанная по-европейски, демократична лишь на словах, а на самом деле *«у нас, русский наш интеллигентный демократизм соединился с аристократами против народа: они идут в народ, чтобы сделать ему добро, и презирают все его обычаи и его основы. Презрение не ведет к любви»*. Так писал великий знаток простой русской души Ф. М. Достоевский. А вот что три года спустя и по тому же вопросу писал другой истинный народник, славянофил И. С. Аксаков: *«Западный демократизм на русской почве и по отношению к нашему народу тождествен с понятием об аристократизме, ибо исповедует не мысль, не убеждение и веру русского народа, которые свысока презирает, а какую-то доктрину о народе вообще, чужд народу нравами, понятиями, духом, и в то же время стремится к командованию над ним»* («Русь», № 15 за 1881 г.).

Существующая наличность политической у нас жизни ясно показывает всем нам, что стремление значительной части нашей интеллигенции поиграть в народничество, показать себя друзьями «угнетенного» народа, единственными действительными устроителями его счастья выражается теперь с особой резкостью в так называемой кадетской партии, самовольно присвоившей себе наименование – «партия народной свободы». И разумеется, это кадетское народничество, при современных

условиях политической жизни, куда будет производительнее прежнего мечтательного ребяческого народничества 70-х и 80-х годов. В самом деле, каким, например, крупным козырем в руках кадетской партии является теперь требование о принудительном отчуждении земли в пользу крестьян. Но нужно сознаться, что этим одним обстоятельством и ограничивается вся демократичность конституционно-демократической нашей партии. В вопросах же – о Царской власти, о равноправии иноверцев и инородцев, особенно евреев, конечно, кадетская партия никогда не станет народной.

Еще менее, чем кадеты, имеет право называться народною – Партия 17 октября, или попросту «октябристы». Об этой партии у нас уже была речь, когда мы противопоставляли ее «Объединенному Русскому Народу» как «партию скуки», по меткому выражению издателя газеты «Новое время». В своем месте мы уже отметили, что столичную партию октябристов (просим не смешивать со столичными октябристами провинциальных: последние в большинстве гораздо ближе стоят к Союзу Русского Народа) наполняют исключительно те русские люди, которые стараются лишь об одном, чтобы всем быть угодными и приятными, а главное, чтобы не отстать от века. Так, например, оказалась у нас в России с 17 октября 1905 года свобода слова, собраний, союзов, значит, по мнению «октябристов», – всякому слову – вера, всякому собранию – почет, всякому союзу – просторная дорога. Не правда ли, какая широкая программа, какая всеобъемлющая партия? И кто из нас не помнит, какую известность получила эта партия в первые месяцы своего существования. Но... «суждены нам благие порывы, а свершить ничего не дано»¹. На самом деле досадная действительность не оправдала надежд, возлагавшихся на «октябристов». Русский народ, оказывается, слишком много запросил с этой партии: русские люди желали новой действительности, а не новых мечтаний, они потребовали дела, а не одних избитых слов и громких фраз.

¹ Заключительные строки стихотворения Н. А. Некрасова (1821–1877) «Рыцарь на час» (1863).

Октябристы же умеют только убаюкивать. Вот почему и не пошел к «октябристам» коренной русский народ, который так нуждается в действительно свободной жизни, а не в модной шляпке, хотя бы и по европейскому фасону. Отмежевав себя слева от партии кадетской (главным образом по вопросу о принудительном отчуждении земли в пользу крестьян), а справа от монархистов (провозглашением стояния за конституцию), октябристы, как только лишь выходили из состояния мечтательного безразличия, так непременно тянули чаще всего влево, т.е. становились кадетами справа. А затем, как бы опомнившись и убоявшись, что их смешают с кадетами, опять – либо совершенно прятались в словах, либо начинали, как бы во имя патриотизма и охраны закона, громить фанатизм, невежество и террор Союза Русского Народа. Видимо, октябристы что-то защищают, за что-то стоят. А что они защищают, кому помогают, – они это тщательно скрывают. Но нам нетрудно догадаться, за что стоят октябристы; они стоят за собственное благополучие да за репутацию людей передовых. Протест Союза Русского Народа против равноправия инородцев в России они клеймят человеконенавистничеством, потому что боятся вступить в открытую борьбу с еврейством и другими денежными инородцами. Стояние за господство Православной Церкви октябристы называют фанатизмом, совершенно не сознавая, какая живая основа лежит в глубине истинного русского самосознания. Отстаивание Царского самодержавия в России они называют политическим невежеством, потому что страстно желают казаться «совсем европейцами».

Несомненно, что в настоящее время нет бесплоднее и межеумочнее партии, чем партия октябристов. Кн. Мещерский в своем «Гражданине»¹ (№ 53–54) называет эту партию

¹ Мещерский, князь Владимир Петрович (1839–1914), писатель, издатель, правый публицист, общественный деятель, хозяин влиятельного правого салона в С.-Петербурге; «Гражданин», еженедельная «газета-журнал политики и литературы» национально-консервативного направления, издававшаяся Мещерским с 1872 по 1914 гг.

«мумией» и вместе предсказывает, что «эта раскрашенная, фальшивая мумия, как отражение фальши и гнили старого режима, будет жить еще долго...» Но мы уверены, что как бы долго она ни существовала, для жизни она все же мумия, и сколько бы государственных дум ни пришлось пережить русскому народу, ни в одной из них «мумия» не заговорит.

А народ наш жаждет живого слова, требует живого дела, зовет живых людей. Довольно, намечтались мы... В самом деле, кому не очевидно теперь, какой широкой полосой по всей России пошло теперь политическое отрезвление народных масс. Давно ли наши земства сплошь были передовыми проводниками самых левых конституционных мечтаний? А теперь мы то и дело читаем, что повсюду на выборах проходят правые и умеренные, умеренные и правые, а кадеты и левые забаллотировываются. Давно ли слова «амнистия» и «экспроприация» были самыми модными и увлекательными словами для нашего широкого общества? Давно ли об отмене смертной казни, о снятии усиленной охраны, об удалении временных генерал-губернаторов трубили у нас на всех перекрестках, как о самых необходимых мерах к умиротворению страны, ко введению в России правового строя? А теперь то и дело – слышно, как сам народ без всяких генерал-губернаторов предает ужасной смертной казни преступников и экспроприаторов. И вчерашние кумиры толпы, все эти «ораторы» (или «оратели»), уже не смеют и носа показать туда, где они так легко поднимали народ до сознательных «иллюминаций». Очевидно, мы теперь становимся лицом к лицу с истинно народным, нашим собственным, а не навешанным со стороны, хотя бы и с Запада, политическим мировоззрением. И первое проявление этой сознательной политики нашего народа есть требование твердой государственной власти. Второе звено в политическом мирозерцании народа – теперь это уважение прав чужой собственности: «смерть вора и поджигателям!» – кричит теперь народ повсюду. Не к анархии или революции стремится наш народ,

он жаждет плодотворного труда и мирной и свободной жизни в собственной земле.

XI. Значение православного духовенства в современной политической жизни русского народа

Мы помним хорошо, что при выборах в 1-ю Государственную думу повсеместно, особенно в коренных русских губерниях, подавляющее число выборщиков состояло из лиц православного духовенства. Явление это было, разумеется, не случайное: оно многое выясняло уже тогда в политическом мировоззрении нашего простого народа. И ведь, заметьте, это происходило в те самые выборы, когда высшая духовная власть почти буквально запрещала батюшкам принимать участие в предвыборной политике. Очевидно, ни крестьяне, участвовавшие в выборах, ни само духовенство вовсе не думали, что руководство русской народной жизнью, участие в политических и экономических вопросах в России должно быть чуждо пастырям Православной Церкви. Очевидно, как ни старались и враги, и так называемые друзья Церкви разобщить духовенство и мирян друг от друга, — на самом деле народная масса по-прежнему живет в глубине своего духа привязанностью к церковному укладу и по-прежнему хочет видеть в своих пастырях ближайших своих руководителей и советников. С другой стороны, и духовенство наше в его целом гораздо ближе по своему быту стоит к простой народной массе, чем к культурным слоям общества. Разумеется, это высказанное нами положение имеет общее значение. О частных отношениях мы здесь говорить не будем: нет правил без исключений. Что наше духовенство доныне делит с народом бедность и угнетение, доныне ближе и понятнее простецу, чем человеку просвещенному, доныне является чужим и по языку, и по быту европейски образованному обществу, — это так всем нам очевидно. И все мы слышим, как ввиду этой разобщенности духовенства и интеллигенции раздаются со стороны так называемых друзей православия (писатели из «Нового

пути»¹ и профессора из «Церковного вестника»²) настойчивые голоса, что необходимо обновить нашу Церковь, именно в смысле согласования ее уставов с требованиями современной культуры, в смысле поднятия нашего отсталого, невежественного (в европейском значении) духовенства. Не странно и не страшно, когда эти обновленческие проекты предлагаются и распространяются гг. Розановыми и Мережковскими, но вот что странно и страшно: за Мережковскими и Розановыми, как за новыми апостолами, побежали наши духовные профессора, священники и архимандриты³.

Назад тому 4–5 лет у нас в Петербурге с правительственного разрешения в зале Географич. общества устраивались так называемые религиозно-философские собрания под ответственным председательством тогдашнего ректора Спб. Дух. академии преосвящ. Сергия (архиеп. Финляндский ныне). В свое время эти религиозно-философские собрания пользовались в Петербурге не меньшей известностью, чем и всеобъемлющие духовные беседы пресловутого свящ. Гр. Сп. Петрова. Публики всегда бывала здесь такая масса, что зал буквально ломился от тесноты: в зале тесно было даже пройти, стульев, конечно, не хватало, весьма многие стояли. Что же, спросите вы, так привлекало сюда внимание петербургского общества? Мы участвовали в этих заседаниях все время, начиная с третьего собрания, и можем дать ответ на этот вопрос. Знаете, бы-

¹ «Новый путь» – религиозно-философский журнал, орган либерального «богоискательства», первый номер вышел в ноябре 1902 г., первоначально предназначался для издания протоколов «Религиозно-философских собраний». Главный редактор П. П. Перцов, но идейное руководство осуществлялось Д. С. Мережковским и З. Гиппиус.

² «Церковный вестник», еженедельный журнал с ежемесячными книжками приложений, издаваемый при Санкт-Петербургской Духовной академии в 1875–1917 гг. С 1916 г. подзаголовок: «Издаваемый Миссионерским советом при Св. Синоде».

³ Розанов Василий Васильевич (1856–1919), знаменитый философ, литературный критик и публицист; Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941), писатель, поэт, критик, переводчик. Розанов и Мережковский были главными идеологами так называемого богоискательства, которое сводилось к стремлению русской интеллигенции приспособить Церковь к требованиям «духа времени».

вают особые любители и любительницы уголовных процессов. Так нам кажется, что и сюда, на эти религиозно-философские беседы, ходили люди именно сего сорта: здесь совершался этот уголовный процесс, здесь происходил суд гласный и открытый, но не правый и не милостивый, со множеством искусных прокуроров, но при очень слабых защитниках, здесь происходил суд над нашей Православной Церковью и ее смиренными служителями. Каждое заседание здесь громко и самоуверенно прочитывался один и тот же обвинительный акт: Церковь обвинялась в том, что не хотела служить культуре и не исполняла ее предписаний. Обвинялась Православная Церковь наша в том, что постоянно зовет своих чад к покаянию, весьма часто напоминает им об ожидающей всех нас смерти и на грудь крещаемого возлагает знамение Креста Христова. Обвинялась Церковь и в том, что ее священнослужители должны носить длинные волосы, особого покроя длинную одежду и не могут посещать театров и иных увеселительных мест, доступных для мирян. Обвинялась даже наша Церковь в том, что так строго блюдет чистоту и неприкосновенность догматов и отменяет от своего общения еретиков и раскольников, что ей покровительствует светская власть, что православные пользуются большими правами и преимуществами, чем диссиденты (неправославные). Обвинялась, наконец, Православная Церковь и в том, что в своих св. храмах помещает только священные, библейские и церковно-исторические изображения, а не дает места художественным картинам светского содержания и портретам знаменитых деятелей культуры (напр., поэта Пушкина)... Такие обвинения предъявлялись нашей Церкви каждое заседание (а всех заседаний за две зимы 1902–1903 гг. было около 30) и в виде определенных докладов, и в устных разъяснениях и словопрениях. Что же, спросите вы, ответствовали официальные представители Православной Церкви, наши священники и профессора-богословы? Почти ничего. Напротив, некоторые из них не только соглашались с обвинениями, а проводили их и дальше. Большинство же защитников Церкви скромненько и смиренно каялись в том, что мало служили

доселе культуре, и обещали послужить в будущем. А если и находились такие апологеты православия, которые решались открыто противопоставить горделивым притязаниям мирской культуры внемировое достоинство церковной истины, то таковые (напр., преосвящ. Иннокентий, протопр. И. Л. Янышев и др.) довольно грубо были останавливаемы заправилами собраний. Так будто бы искали у представителей Православной Церкви истину просвещенные деятели науки и искусства с тем, чтобы, разъяснив свои недоумения, войти в Церковь и обогатить ее, бедную и малопросвещенную, богатством современной культуры, и тем возвысить наше православие в глазах всего просвещенного мира. Господам Розановым, Мережковским, Минским жалко, видите ли, стало Православную Церковь, что к Ней так мало тяготеет интеллигенция и что поэтому Церковь легко может остаться Церковью только невежественных купцов да темного простонародья. Послышались речи о настоятельной необходимости устранить разобщенность Церкви и духовенства с одной стороны, культуры и интеллигенции с другой. Народился и новый повременный орган, разумею журнал «Новый путь», поставлявший своей задачей вывести русских православных из узких рамок конфессионального (вероисповедного) познания Христовой истины на широкий путь общечеловеческой культуры. В самых православных ежемесячниках чисто церковного направления (разумею «Миссионерское обозрение»¹) стали печататься статьи, в которых заманчивыми красками нарисовывалась светлая будущность православия, когда войдет в него та интеллигентная светская среда (ученые, художники, писатели, журналисты), которая теперь так предубежденно смотрит на Церковь и духовенство, как противников культуры. Появился призыв к особому рода церковной миссии, миссии среди интеллигенции.

И когда внезапно распоряжением властей религиозно-философские беседы были прекращены, то большинство

¹ «Миссионерское обозрение: Противосектантский журнал» учрежден в Киеве в 1896 г., издавался затем в Петербурге до 1916 г. Ежемесячное издание, редактор-издатель – известный правый деятель Василий Михайлович Скворцов (1859–1932).

участников высказывало одно общее сожаление, что не успели ни до чего договориться, что из всех этих собраний ничего не вышло. К великому прискорбию, с таким замечанием нельзя согласиться. Результат религиозно-философских бесед получился, и очень плачевный: он у нас теперь пред глазами в лице Огневых, Тихвинских, Афанасьевых¹ и т.п.

По-видимому невинные и ни для кого не обидные разглагольствования о том, что Церковь недостаточно внимательна к современной культуре, что наше духовенство напрасно выделяется своим костюмом, нравами и бытом из светской интеллигентной среды, что стоять за непререкаемость догматов будто бы равносильно самоубийству Православной Церкви, — на самом деле, по нашему глубокому убеждению, обратили зал Географического общества в питомник особых беспримерно опасных бацилл, которые чрезвычайно быстро разнесли духовную заразу и быстро-быстро привили ее многим, недостаточно подготовленным в семинариях и академиях к сопротивляемости, духовным пастырям. Призыв служить культуре, а не вечной Христовой Церкви, быть проповедниками «святости плоти» и всех ее удовольствий, а не ограничения ее чрез путь воздержания и покаяния скоро-скоро нашел себе отклик во многих так называемых отцах-обновленцах.

Что ж удивительного в том, что, когда появились у нас «свободы» и когда революция объявила правительству борьбу якобы во имя культуры, многие отцы духовные, зараженные бациллами из «географического питомника», кинулись на за-

¹ Огнев Николай Васильевич (1864–1918), священник, затем адвокат, депутат I Государственной думы. Организатор и председатель Яранского отдела (Вятской губ.) партии кадетов. Подписал Выборгское воззвание бывших депутатов I Госдумы с протестом против роспуска Думы, в котором содержался призыв не платить налоги и бойкотировать призыв в армию, за что Святейшим Синодом лишен священного сана, а гражданским судом приговорен к трем месяцам лишения свободы. В августе 1918 г. расстрелян; Тихвинский Федор Васильевич (1861 – после 1917), настоятель Троицкого собора г. Уржума Вятской губ., депутат I Государственной думы, активный член фракции трудовиков, требовал отмены военно-полевых судов, лишен сана в 1907 г.; Афанасьев Клавдий Иванович (1875–?), священник, кадет, депутат I Государственной думы от Области Войска Донского. Подписал Выборгское воззвание бывших депутатов I Госдумы, за что лишен сана.

щиту культуры, а не на защиту своей паствы против тлетворного натиска «товарищеской» проповеди? Что удивительного в том, что эти отцы вместо того, чтобы своими огненными пастырскими речами возбуждать и расширять любовь своих пасомых к воспитавшей их Матери – Православной Церкви и ее уставам, показывая живой пример этой любви и послушания, стали наскакивать на своих архипастырей, стали дерзить им при всяком случае, и не келейно лишь, но непременно публично, где-либо в ученом ли, или просветительном, или общепастырском собрании, громя своих архиереев, как угнетателей культуры и свободы? Что удивительного и в том, что наши пастыри забыли заповедь и пример Христа и апостолов, а равно учение Церкви, призывающее пастыря-христианина быть ангелом мира, любви, снисхождения, повиновения предержащей власти, блюстителем долга и святости присяги, а стали открыто перед прихожанами читать революционные прокламации, по местам открыто одобряли и даже, как писали в газетах, участвовали в ограблении помещичьих усадеб? Так в этих уродливых явлениях современного пастырствования православного духовенства сказались плоды религиозно-философских бесед, происходивших в 1902–1903 гг. в зале Геогр. общества. Само собой разумеется, что зараза из «географического питомника» произвела свое губительное действие на жизнь не во всем нашем духовенстве, а лишь в отдельных особях, именно в наиболее предрасположенных. И нам представляются совершенно необъяснимыми те ужасы, в какие приходит «нововременский» сотрудник А. Ст-н¹ от того обстоятельства, что новый избирательный закон дает большие преимущества сельскому духовенству. Мы лично прежде всего думаем, что, по крайней мере, при выборах в 3-ю Думу наше духовенство еще не сумеет воспользоваться этими преимуществами. А далее полагаем, и даже убеждены, что если какая-либо общественная группа и выведет мирным образом наше русское общество из этой политической трясины, где все

¹ Имеется в виду один из ведущих журналистов «Нового времени» Александр Аркадьевич Столыпин.

теперь цепляются друг за друга, взаимно видя всюду врагов, то только наше православное духовенство, в живом единении с верными своими духовными чадами и особенно с простым трудящимся народом. Только «мужичья» наша Церковь, не зараженная мечтой служения культуре, вдохновит и укрепит обновленную Россию.

XII. Только истинное и святое
народничество выведет Россию
из нынешнего тяжкого ее положения

Исключительно отрадное впечатление в душе русского человека должен был возбудить факт участия представителей православного духовенства в занятиях и общих собраниях Московского съезда. Мы видели на этом съезде до 20 съехавшихся с разных концов России батюшек, преимущественно сельских. Ясно, что эти поистине отцы своих духовных чад, мудрые распорядители Богом врученного им святого наследия, не наемники, а добрые пастыри, при виде волка грядущего не побежали от своих овец, а самоотверженно идут впереди своего стада, всегда готовые запечатлеть верность своему Пастыреначальнику подвигом Его крестоношения. Благодаренье Господу, уже на наших глазах призвавшему к святому жертвеннику Своему и облачившему в одежды белые немалое число православных пастырей, *убиенных за Слово Божие и за свидетельство, которое они имели* (Апокал. 6, 9, 11). Поймете ли вы, мои дорогие читатели, каким восторгом наполнилось сердце мое при виде этих кротких, серьезных, благоговейных пастырей, всем существом своим так и горевших единым желанием: все отдать своему святому служению, ничего для себя, все для других! И какая противоположность между этой серьезной, спокойной, даже скажу – благоговейной беседой о неотложных нуждах пастырского делания за спасение Церкви и Отечества, происходившей в Москве 28 апреля в пастырском собрании оо. членов Съезда, – и хотя бы тем пастырским собранием в СПб. столичного духовенства

18 окт. 1905 года, на котором целый ряд оо. ораторов под видом обсуждения вопроса о современном положении духовной школы и духовного образования в России говорил буквально дерзости пред лицом председательствовавшего владыки митрополита, или тем тоже пастырским собранием того же духовенства, когда священник-докладчик в присутствии своих братьев и многих мирян (церковных старост) критиковал чин нашей Божественной литургии и в заключение своего так называемого доклада поведал, что совершение литургии производит в душе его тяжелое, подавленное (!) чувство... Необходимо отметить, что в пастырском собрании черносотенных батюшек, происходившем в Москве 28 апреля, участвовали два православных архипастыря, из которых один председательствовал. И какую несомненно добрую память оставила в душах пастырей, разъехавшихся по разным углам нашей России, эта благодатная беседа преосвященнейших владык! О чем же, спросите вы, беседовали черносотенные архипастыри и пастыри на этом собрании? Да все о том же, о чем скорбят и задумываются теперь вот истинно русские, православные люди, как добрые любящие дети единой страдающей матери, нашей Родины. Так, поведали православные пастыри друг другу о том, что всюду по Русской земле широкой волной разлились теперь дух праздности и уныния в одних и дух любоначала и празднословия – в других¹. Не могли скрыть друг от друга пастыри и того, что ряды право правящих слово истины далеко не многочисленны и что ревность добрых пастырей, беззаветно отдающихся святому влечению доброго сердца и властному требованию верноподданнической совести, нередко встречает противодействие вместо поощрения, скорбь и болезни вместо награды. Но, конечно, не для того это все рассказывалось, чтобы опускались руки делающих.

¹ Автор обыгрывает слова великопостной молитвы прп. Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Пастыри, съехавшиеся в первопрестольную на съезд Объединенного Русского Народа, близко знакомые с направлением и деятельностью Союза Русского Народа в разных углах России, согласно свидетельствовали о необычайном оживлении русского самосознания в нашем простом народе, о быстром росте названного Союза, о близкой готовности русских людей дать решительный и твердый отпор всем проидам наших крамольников и врагов исторической России, откуда бы эти враги ни появились. Единогласно свидетельствуя о таком патриотическом одушевлении истинно русских людей, отцы, члены Съезда, братски увещевали друг друга не отходить от Союза Русского Народа, но стараться везде быть его руководителями, дабы спасти наш добрый, верующий, но слишком простой и культурно убогий народ от расхищения волков, которые, конечно, не замедлят явиться и в ограду, раз овцы останутся без пастырей.

Таким образом, ясное дело, что сколько бы нашему православному духовенству ни воспрещалась политическая его деятельность в нашем народе, лучшая часть наших пастырей не изменит своему долгу и верноподданнической клятве пред Всемогущим Богом. Что же, видеть ли нам в этом направлении пастырской деятельности измену призыву Евангелия, как силятся доказывать это наши отцы-обновленцы и журнал «Церковный вестник», орган профессоров СПб. Дух. академии? Да не будет! В самом деле, отрицают ли св. Евангелие те пастыри, которые, видя алчбу и жажду духовную в бедном народе нашем, спешат к нему со своим словом утешения и призывом к терпению? Нарушают ли евангельские заветы те, кто не спешат умыть руки свои в общей беде и народном грехе, а первые принимают поношение и заушения? Нет, не эти добрые пастыри уходят от св. Евангелия, а те, кто, кощунственно прикрываясь Евангелием и духовно порвавши с историческим телом России, идут в своем пастырствовании не по стопам Христа, а за безбожником Ницше, уходя в своей деятельности по ту сторону добра и зла, впадая в нравственное безразличие, становясь солью обуявшею.

Мы – свидетели, на наших глазах значительное число православных русских пастырей, еще так недавно уверявших в своей непоколебимой преданности самодержавию и чести русской народности, в нашем политическом смятении 1905 года оставили свои жертвенники и убежали, кто к октябристам, кто к кадетам, а кто и подальше. Почему убежали? Стыдно сказать мне, а надо сказать: несомненно, страха ради иудейска, и потому, что *возлюбилша паче славу человеческую, нежели славу Божию* (Ин. 12, 43). Не могут ведь, видите ли, они, эти отцы-обновленцы, перенести позора именоваться черносотенцами, не смеют открыто осуждать кумиры просвещенного Запада: нужды нет, что, поклоняясь Западу, они становятся спиною и к Востоку духовному и тем явно оскорбляют святыню духа народного. А святыня эта народная есть не что иное, как свободная, не связанная никаким человеческим самовластием, но просветленная судом Божиим совесть царская. И ясно, ясно, что не позволит наш святой русский народ кому бы то ни было попирать ногами его святыню. Мы видели, мы знаем, что если и удавалось льстивым агитаторам увлекать нашу народную массу на бунт против помещиков, на разграбление под пьяную руку барского имущества, то на призыв к восстанию против веры и Царя народ ответил «Союзом Русского Народа». Как же, значит, отнесется наш богобоязненный и царелюбивый народ к тем духовным пастырям, которые заявляют себя в своем пастырствовании своеобразными ницшеанцами? Очевидно, тут исполнится во всей своей силе грозное слово Христово, обращенное к апостолам: *Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям* (Мф. 5, 13). А разве уже не сбываются на наших глазах эти грозные слова Господни?!

Выше уже было нами отмечено, что собравшиеся на Московский съезд православные пастыри все до одного выражали горячую ревность к укреплению духовной силы Союза Русского Народа. И в действительности, как известно, в очень многих провинциальных отделах Союза Русского Народа

ближайшее руководство принимают православные священники, а иногда даже и епископы. Конечно, этот факт чрезвычайно много подкупает в пользу Союза в глазах верующей народной массы. Но само собой разумеется, что главнейшее внимание пастырей-руководителей в отделах Союза Русского Народа направляется не столько на борьбу с иными политическими партиями, сколько на духовное просвещение народного самосознания в отношении исторических русских основ, в связи с укреплением в народе религиозности, истинного патриотизма, верности долгу, христианских отношений в семье, трезвости и т.д. И во многих местностях ревностные пастыри счастливо пользуются существующими черносотенными организациями как весьма удобными пособниками в деле своего пастырского воздействия. Так не можем здесь же не упомянуть и о том, что последний Нижегородский миссионерский съезд в своем XV-м постановлении рекомендует миссионерам при образовании народных кружков ревнителей миссии и для распространения миссионерской литературы «пользоваться политическими монархическими организациями, их чайными, библиотеками и собраниями, ибо не подлежит сомнению, что эта политическая партия глубоко церковна по своему характеру». Или вот что, например, писал о великом нравственно оздоравливающем значении Союза Русского Народа один из оо. благочинных Волынской епархии в своем отчетном рапорте за 1906 год: «На помощь пастырству в деле нравственного оздоровления прихожан идет Союз Русского Народа, раскинувший свои благородные сети почти по всем приходам округа... Вот эти-то союзы (приходские) составляют у себя по приходам приговоры о ненарушении святости воскресных и праздничных дней торговлею и поездками с евреями в города и местечки за товарами и по другим надобностям; об уменьшении пьянства и разгула по селам; о прекращении гульбищ с музыкой и танцами в праздничные дни и в самые праздники, повсеместно практикующихся по селам и местечкам нередко за полночь; о прекращении хороводов, “вечерниц” и “досвитков” в особенности в дни св. поста и т.п.»

ХІІІ. Ближайшіе задачи объединения русских людей

Вот уже третий год наступил, как мы, русские люди, трепещем за нашу милую Родину. Два года подряд ежедневно, ежечасно мы со смертельным ужасом должны наблюдать, как все ближе и ближе надвигается на нас громадная чудовищная опасность, вот, вот она близится к нам, и как бы какое-то страшилище широко раскрывает свои противные объятия, чтобы крепче и вернее захватить нас.

Что же на самом деле всего больше страшит нас теперь: конституция ли на западноевропейский образец и неразлучное с нею угнетение нас со стороны инородцев? Или этот ужасающий упадок нравов в народной массе, ведущий к замене в существе человеческого образа Божия образом звериным и животным? Несомненно, последнее больше, чем первое.

Из вполне определившихся у нас к настоящему времени политических партий, две — кадетская и октябристская — как будто осуждают деморализацию массы, но... не на словах ли только? Не видим ли мы на самом деле, что вся сила знаний, умения, ловкости и тактики у той и другой партии направлена только на одно, на перемену формы правления, чтобы так или иначе навязать великому единству и цельностью своею народу партийное правительство? Объединенный же русский народ, безусловно отвергающий заморскую конституцию, и не в речах только или воззваниях, а как бы самым нутром своим, своим бытом, привычками, верой и безмерной любовью к Царю, один во весь рост поднимается, чтобы дать решительную битву врагу, но не конституции и даже не инородческому влиянию и угрожаемому со стороны засилью, а болезни духа, нашей лености, самообольщению, невежеству, распушенности, маловерию. Так именно, на этой почве сосредоточивается и с каждым днем все более и более увеличивается деятельность русского народа и других так называемых монархических организаций по всей России. Вот там, например, на Воляни, мы видим, крепнут и крепнут русские крестьянские торговые то-

вариществ, там объединяются промысловые русские люди, здесь открываются — исключительно усилиями и любовью русских людей — лечебницы и временные бараки для заразных, повсюду заводятся чайные, читальни и библиотеки, растут, хотя и медленно, патриотические газеты, организуются крестные ходы, создаются святыни, совершаются частые общественные молитвословия. Вот оно — настоящее дело, достойное великой Святой вдохновенной России! Известно, что наши знаменитые славянофилы — братья Киреевские, Хомяков, Аксаков, Достоевский — как бы в каком-то молитвенном экстазе нередко предсказывали, что близко время, когда наша Святая Русь скажет миру свое великое слово, и мир пойдет за ней или погибнет. Мы чувствуем, мы верим, мы видим, что этот момент близок к нам, вот он уже наступает. И Русь Святая, наша, родная, скажет свое слово, скажет устами Объединенного Русского Народа. Скажет, должна сказать, — теперь или никогда!

Последние два-три месяца мы видим и слышим, какой ошеломляющий гвалт поднялся у всех противников русского объединения: столь свойственные революционерам и кадетствующей печати — клевета, передержки, доносы так и запестрели на страницах левых газет. Почему так заволновались теперь эти «поборники народной свободы»? Ясно почему. Потому что русский человек берется за ум, ряды Союза Русского Народа крепнут и множатся, а главное, Объединенный Русский Народ, видимо, энергично, скажу даже, стихийно вступает на путь той именно мирной и плодотворной работы, к которой получил горячий призыв от обожаемого Государя в знаменитые московские дни своего 4-го съезда. И не замечаете ли, вы, читатели, что теперь в наших монархических организациях, и особенно в Союзе Русского Народа, уже нет той нервности, той приподнятости, неуравновешенности, какую так страстно кипели мы еще недавно? Что это значит? Это значит, что сила наша растет, а ведь сознание силы вселяет уверенность, уверенность делает работу более спокойною, а та и другая вместе обеспечивают успех... Мы теперь накануне выборов в Госуддуму и, понятно, повинаясь воле Царя, не уклонимся от сво-

ей гражданской обязанности: будем выбирать людей рассудительных, честных, любящих Церковь и нашего Царя. Пройдут наши избранники в Госуд. думу, мы скажем: слава Богу! Не пройдут, не будем нервничать: побережем свои силы для мирной и плодотворной работы, дабы действительно, на самом деле, быть надежной опорой нашему Царю, *служа для всех и во всем примером законности и порядка* (слова Высочайшей телеграммы на имя председателя Союза Рус. Народа).

СПб. 1907 года 21 сентября

Благодатная сила молитвы о. Иоанна и вселенское значение его молитвенного подвига¹

Думается, что еще долго-долго не забудут у нас похороны о. Иоанна Кронштадтского. Так исключительны, необычайны были эти похороны. С понятием «похороны», «погребение», «отпевание» мы обычно соединяем представление о чем-то печальном, горестном, подавляющем дух, угнетающем настроение и совсем чуждом радости, восторга, утешения.

Но видели ли мы хоть намек какой-нибудь на уныние, растерянность лиц близких к почившему на похоронах 23 декабря? Правда, мы видели слезы, слышали плач и рыдания. Но чувствовалось отчетливо и сознавалось ясно, что это все не то. Скорее это были слезы умиления и радости о приобретении, а не слезы печали и тоски об утраченном.

Коротко сказать, похороны о. Иоанна – это наше торжество, торжество нашего упования, это было сияние нашего православия. И смотрите, как согласно понял это явление силы Божией наш верующий русский народ, наша Русь Святая, так же, как всегда понимал правду Божию живую, в живых людях благодатью Божией носимую. Конечно, вознесли и прославили о. Иоанна не газеты и разные писатели, и не консистории и благочинные, а простое русское сердце, которому дал Господь

¹ Доклад, прочитанный в Русском Собрании 2 февраля 1909 г. – *Прим. авт.*

в утешение один неотъемлемый дар – искать и находить на нашей грешной Русской земле Божиих людей, праведников. Так и до сего дня находят эти лапти и котомки и о. Серафима, и батюшку о. Амвросия, о. Германа, и о. Варнаву, и многих-многих праведников, мы верим, найдет еще на Русской земле душа народная. И это буди, буди! Так прильнуло сердце народное и к батюшке о. Иоанну Кронштадтскому.

Родной ты наш! – вот обычное, полное самой задушевной ласки обращение, каким приветствуют наши русские люди своих опознанных духовных руководителей, своих батюшек. Так обращались и к о. Серафиму, и к о. Амвросию, и к о. Макарию, и к о. Иоанну Кронштадтскому. Замечательное, много говорящее обращение. Да, о. Иоанн свой, родной нам, русским людям, родной не по крови только, но наипаче – по духу, по упованиям, по вере, и именно по *младенческой* вере!..

И узнал наш народ о. Иоанна не по слухам или из газет, а на деле, лицом к лицу, так сказать, именно через молитвенное общение с ним. Не удивительная по своей широте благотворительность, не проповеднический талант сделали о. Иоанна родным нашему многоболезному народу, а молитва о. Иоанна, молитва, поразительная по своему дерзновению перед Господом сил.

С этой стороны, т.е. со стороны молитвенного своего делания, почивший о. Иоанн Кронштадтский представляется явлением в наши дни поучительнейшим. И вот, в желании почтить святую память о. Иоанна добрым словом в настоящем собрании мы намерены остановиться своим вниманием на молитвенном подвиге о. Иоанна.

Истинная христианская молитва есть в одно и то же время и великий подвиг грешного человека, и благодатный дар Отца Небесного. Мы, грешные, большей частью томимся молитвою и должны непременно всякий раз, как становимся на молитву, самопринуждать себя к ней. И это вообще для грехолюбивой природы нашей так естественно. Но бывают в христианском мире личности, которым так легко и свободно дышится среди веяний воздуха вечности, т.е. молитвы. Кажется, что для них

и не может быть никакого вопроса о принуждении к молитве, кажется, что они не могут и жить без молитвы, потому что в ней находят и радость свою, и утверждение сил своих. К числу таких избранных христианских личностей, несомненно, принадлежал и о. Иоанн. Насколько известно нам из его собственных воспоминаний детства, о. Иоанн полюбил молитву уже в раннем детстве. Богобоязненный родитель его никогда не забывал брать его в храм еще в пору его младенчества. И маленький Ваня еще мальчиком был известен односельчанам доходностью своей детской молитвы. Очевидно, впечатлительная детская душа во время частых посещений храма Божия со своим родителем настолько пропиталась ароматом воздуха вечности, что уже никакие утехи и соблазны юности во время студенчества о. Иоанна в СПб. не только не ослабили его молитвенной ревности, а наоборот, время, проведенное в Академии, по словам о. Иоанна, повлияло на него крайне благотворно, развило способности и укрепило душу в благочестивом настроении. Вне всякого сомнения, священническое служение принято было о. Иоанном не только по призванию, но с великою радостью и утешением, как служение, вводящее его в полноту молитвы, столь близкой ему с детства. *«Божественная служба, – говорит он в своем дневнике («Моя жизнь во Христе»), – есть для меня бесценное и величайшее благо в жизни, в богослужении вся жизнь нашей души, все ее сокровище, – тут ее Родина, ее воспитание, врачевание, ее пища и питье, ее сила и слава, ее святость, и жизнь».*

Ближайшие и неложные свидетели жизни и трудов великого молитвенника земли Русской уверяют, что о. Иоанн несомненно обладал даром непрестанной молитвы, и сам со своей стороны неленостно возгревал этот великий дар усиленным бодрствованием в ночное время: он как бы боялся сна и всякой праздности, как таких состояний, которые легко могут лишать его молитвенной настроенности. Бывало, чтобы отогнать от себя томящий сон, о. Иоанн вдруг начинал усиленно шагать по комнате и всем любопытствующим объяснял эти прогулки своим желанием отогнать сонливость, дабы не нарушалась мо-

литвенная настроенность. С первых лет своего священства вел о. Иоанн свой дневник, и вел до смерти. Достаточно прочитать хотя одну страницу этого замечательно-вдохновенного произведения, чтобы видеть, что автор ни на минуту в своей жизни не убегал от молитвенного духа.

«Молитве непрестанно прилежи: то бо есть некрадомое сокровище, ею же удобь, яко лествицею, к Богу възидеши»...

«К Богу всегда ум твой и душу непрестанно возводи, и никогда же Его от сердца и памяти твоей испускай, яко да всегда с Ним соединен будеши».

Внимательно исполнял этот совет алфавита духовного о. Иоанн, явно видел сам, видели и свидетели его подвигов и плоды, обещанные алфавитом. Не преувеличивая скажем, что о. Иоанн, действительно, уже здесь, на земле, в некоторые моменты высшего молитвенного озарения *к Богу восходил и с Богом был соединен*. Иначе как мы объясним себе эти исключительные явления действительности молитвы о. Иоанна, которые люди называли его чудотворениями. А ведь эти чудотворения бывали прямо поразительны по своей сверхъестественной силе. И мы не можем перед лицом настоящего собрания не отметить некоторые такие случаи, конечно из тех, что еще не были опубликованы. Вот что недавно слышали мы от достоверных людей, свидетелей.

Первый случай в семье гвардейского офицера Д. Во второй половине 90-х годов заболела молодая супруга. Врачи признали атрофию сетчатой оболочки. Лечили лучшие силы во главе с лейб-окулистом Тихомировым¹. Болезнь была признана неизлечимой. Больная совсем потеряла возможность что-либо читать по книге. Но эта семья была религиозная. Все они глубоко верили в силу молитвы о. Иоанна. И вот, наконец, о. Иоанн обещал быть у больной в одно из воскресений. А нужно сказать, что молодые супруги каждое воскресенье вместе с другими родными собирались к обеду в дом своего отца, тоже служившего в Петербурге. И в условленное воскресенье, ког-

¹ Тихомиров Николай Иванович (1843–?), почетный лейб-окулист, редактор журнала «Народное здравие».

да обещал быть о. Иоанн, у стариков Д. собрались к обеду все обычные гости, недоставало лишь молодых Д., которые как раз в 5 часов ждали у себя на квартире о. Иоанна. Обед начался без них, и, конечно, весь разговор за обедом сосредоточивался на теме о том, что даст больной молитва о. Иоанна. Вдруг звонок. Все встрепенулись. Входят молодые Д. «Ну что? Как?» – раздавались нетерпеливые вопросы, возгласы. «Дайте скорее “Новое время”!» – сказала больная в ответ на все распросы. Подали. И – о чудо! – выбрав самую мелкую печать, больная совершенно свободно стала бойко читать поданную газету, точно так, как читала прежде до своей болезни.

Второй случай тоже в семье аристократов в СПб., в семье кн. Б. в 1890 г. Летом 1890 г. на южном берегу Крыма, в Ялте, очень часто можно было видеть больную девочку кн. Б., которую обычно с большою осторожностью возили в коляске. Девочка была расслаблена. И ни прекрасный климат Крыма, ни старательный медицинский уход, ни вся сила любви родителей не могли дать никакого облегчения страдальце-ребенку. Наконец стала приближаться зима. Решили взять больного ребенка в Петербург. Везли с громадными предосторожностями. Всякое сотрясение было для нее невыносимо мучительно. Поэтому где нужно было везти ее в экипаже, т.е. из Ялты в Севастополь, там ее всю дорогу несли на руках. Самое путешествие с нею из Севастополя в Петербург затянулось на целый месяц: так трудно было состояние больной, так велика была слабость. Наконец приехали в Петербург. Здесь явилось у родителей больной девочки сильное желание попросить молитвы о. Иоанна. И вот, вскоре пригласили о. Иоанна. Отслужил о. Иоанн молебен и после молебна остался в комнате больной, наедине с ней, и стал здесь один молиться. Прошло несколько минут этой уединенной его молитвы. И вот, он выходит из комнаты больной к семье, такой возбужденный, радостный, довольный. Ему хозяйка предлагает чаю. «Чаю? – переспросил о. Иоанн. – Что ж, это хорошо. Выпью с удовольствием. Только Вы налейте чаю также и Вашей больной. И пусть она сюда сама придет и вместе с нами будет пить

чай». «Как? – удивились все. – Сюда сама придет? Но ведь ее невозможно даже неосторожно и повернуть?» Но о. Иоанн настоял на том, чтобы девочку взяли под руку и привели к нему в столовую. И – о чудо! – все видят, как больная, столько времени не встававшая с постели, теперь сама, чуть опираясь на руку сиделки, вошла в столовую и села на стул.

Полагаем, что рассказанные действительные случаи достаточно показывают нам, на какую высоту молитвенного дерзновения мог иногда восходить наш праведник.

Св. Макарий Египетский в своем 5-м слове «О возвышении ума»¹, определяя неодинаковые степени облагодатствования мужа, предающегося молитвенному подвигу, так живописует состояние высшей степени возможного для человека молитвенного облагодатствования. «А те, – говорит св. Макарий, – которые прияли залог благого Духа, взойдут в меру совершенства, то есть Царства и сыноположения Христова, соделавшись сотаинниками самого Царя; когда угодно имея право входить ко Отцу и исходить от Него... И таковые здесь еще бывают восхищены в оный век, и созерцают тамошнюю красоту и чудеса. Как телесное око, когда ничем не страждет и здорово, смело смотрит на солнечные лучи: так и они, имея просвещенный и чистый ум, во всякое время созерцают непреступное сияние Господа». Не видим ли мы в этом святоотеческом живописании картины высокого молитвенного облагодатствования, как в зеркале, чистую личность нашего дорогого батюшки о. Иоанна? Разве не он на наших глазах, среди нас, грешных людей, так дерзновенно, как *просвещенный и чистый ум*, во всякое время *созерцает непреступное сияние Господа*? Разве не он, как *благодатный сотаинник самого Царя*, когда *удовно, во всякое время*, когда это нужно было для прославления имени Божия и освобождения человеческого естества из тенет греха и диавола, восходил с дерзновенною молитвою к Отцу, и не просто молился, как мы молимся, трусливо, рабски, – нет, он требовал от Отца и получал. «Конечно, таковая

¹ Преподобный Макарий Египетский, или Макарий Великий (ок. 300–391), отшельник, ученик Антония Великого, автор духовных бесед.

степень благодатствования, – говорит св. Макарий Египетский, – не легко достигается людьми; напротив того, потребны для сего продолжительные труды, неисчислимы подвиги». И наш молитвенник Русской земли не сразу взбежал на свою удивительную степень благодатствования. Правда, мы всегда видели о. Иоанна благодушным, радостным, приветливым, незлобивым. Но все это явилось в о. Иоанне как плоды его молитвенного подвига. Самый же труд подвига совершался им, конечно, келейно и вдали от мира. «Подобно тому, как лен или конопля, – рассуждает св. Димитрий Ростовский¹, – чтобы стать пригодными для производства нитей или полотна, должны быть растерты и сломлены на разных деревянных орудиях, так и душа не сотрена и не умягчена различными искушениями, не возможет прийти в совершенное своей немощи познание и смирение... Дотоле бо труд, дотоле подвиг, донеле же не прозриши, донеле же в совершенное познание себя не приидеши, доколе любовью себе с Богом не соединиши. Когда же себя познаешь, когда любовью Богу совершенно соединишься, тогда ни единого подвига и труда имети будеши; тогда в покои, радости же и веселии всегдашнем обрящешься... Что бо за труд зрящему добре зреть свет? Что за труд есть познавшему себя, познавшему Бога, знать вся сущая? Что за труд и подвиг есть любящему любить любимого? Никоего же; но паче вся радостна и желательна суть».

Надо ожидать, что впоследствии беспристрастное освещение некоторых сторон служебных отношений о. Иоанна расскажет русскому обществу и о таких трудах и искушениях, о которых сам смиренный молитвенник ничего не поведал нам в своем дневнике.

Нашим возлюбленным Царем-самодержцем, сердце которого в чествовании о. Иоанна так знаменательно слилось с глубинами народной души, выражено решительное пожелание, чтобы Св. Синод ведомыми ему средствами постарался

¹ Святитель Димитрий Ростовский (1651–1709) – митрополит Ростовский, духовный писатель, автор «Четьих-Миней» – 12-томного свода жизнеописаний святых Православной Церкви.

открыть в жизни и деятельности Кронштадтского пастыря живой источник вдохновения будущих служителей и предстоятелей алтаря Христова на святые подвиги многотрудного пастырского делания.

Не правда ли, какое это дорогое вдохновенное слово, столь достойное благочестивейшей и православнейшей души венценосного Помазанника Божия? И вот, верится нам, что этот призыв Царя нашего, сердце которого в Руце Божией, будет иметь огромное значение в жизни нашей Православной Церкви. И, не смущаясь, скажем, что этот призыв прямо и властно указывает тот единственный царский (в смысле совершенства) путь нашей богословской науке, о котором в последние два столетия мы так преисправно забыли. Отвечая на призыв Высочайшего рескрипта, Св. Синод в своем определении от 15 января сего года, между прочим, постановил в п. 6: *«Поручить Учебному Комитету при Св. Синоде внести в программы духовных семинарий по гомилетике и практическому руководству для пастырей ознакомление воспитанников с биографией и пастырско-просветительской деятельностью почившего отца Иоанна и для сего преподать в объяснительной к программе записке соответствующие указания».*

Итак, начало положено. И надо надеяться, что отныне пастырство наше будет черпать свои силы и умение всецело в живых источниках благодати Православной Церкви и ее славных строителей Таин Божиих без всякого лишнего заглядывания на протестантский Запад. И в самом деле, зачем, скажем словами Иринея Лионского¹, искать истины у других, когда ее легко можно заимствовать у Церкви, в которую, как в богатую сокровищницу, апостолы – и, прибавим, также и все Святые Отцы и достойные пастыри, включая и Кронштадтского пастыря, – вложили все, что нужно для истины.

Говорят, что о. Иоанн в годы своей юности жадно желал, всей душой своей, идти на труды миссионера. Господь судил по-видимому иначе. Но только по-видимому – на самом деле

¹ Святитель Иринеи Лионский (ок. 130 – ок. 200), один из первых Отцов Церкви, выдающийся богослов II в., борец против гностицизма.

любвеобильный Отец Небесный не только не отверг благое желание верного раба Своего, но дал ему гораздо более того, о чем мечтала боголюбивая душа юноши. Отец Иоанн в действительности был ведь миссионер несравнимый, благодатной силой молитвы своей постоянно привлекавший в лоно истинного христианства разных лиц из тьмы всевозможных заблуждений как иноверия, так и инославия. Скажем более. Самое явление этой целостной истинно пастырской личности с ее благодатным молитвенным подвигом разве не является громогласной проповедью даже до последних земли, что та Церковь и та вера, которая воспитала сего пастыря и которой жил и действовал о. Иоанн, есть «вера апостольская, вера православная» и что «эта вера вселенную утверди». И кто знает, далеко ли то время, когда за о. Иоанном утвердится имя не Кронштадтского лишь пастыря, но вселенского учителя.

Взгляд о. Иоанна Кронштадтского на удовольствия
(чтение в торжественном собрании членов
«Общества в память о. Иоанна Кронштадтского»
25 марта 1914 года)

Всякому непредубежденному и внимательному наблюдателю общественных течений в современной нашей русской жизни ясно видно, как все более и более ширятся у нас на Руси Святой две страшные злые силы, беспощадно своим тлетворным влиянием убивающие душу русского человека. Я разумею все более и более расширяющееся сектантство и все усиливающееся и усиливающееся стремление всех слоев нашего общества к удовольствиям, веселию и праздности.

Раскол и сектантство – это старые, давние враги нашей Святой Православной Церкви, это старые смрадные язвы, разъедающие церковный организм, в одно время больше, в другое меньше. Это зло давно замечено стражами Святой Церкви, и как раньше, так и теперь у нас идет неустанная борьба против всяких еретических заблуждений. Мы знаем, у нас и в на-

стоящее время с успехом и примерным усердием работают на миссионерской ниве и отдельные лица, и целые группы, общества, кружки не только в составе лиц, облеченных священным саном, но и чрез многих благочестивых и ревностных мирян. Благодарение Господу! – многие и многие души, совсем было погибавшие в дебрях раскола и сектантства, обращаются вновь к чистой и спасительной вере, вернувшись во двор отчий, под сень Св. Церкви. Конечно, и раскол, и сектантство, и всякое еретичество есть действие диавола, исконного врага св. истины, есть не что иное, как дыхание ада. Но ад ненасытен. Диавол, как *«лев, рыкая, ходит, иский кого поглотити»*. Не удалось вратам адовым поразить Начальника жизни, но сам ад был пленен и поруган Воскресением Христовым. Не удалось сатане остановить проповедь о Распятии, какие тяжкие гонения он ни воздвигал чрез слуг своих на верных и мужественных последователей Христовых. Указом императора Константина Великого гонения на христиан с 312 года прекратились¹. Но никогда не усыпающий в злобе своей враг Христов не прекратил своих нападений на дело нашего Спасителя. И вновь раскрылись врата адовы, но с другой стороны.

Шумной бурей пронесли над кораблем церковным ереси и расколы первых веков свободной Церкви. Но не потопили его и не повредили его главных частей. Они снесли с него только пыль, перекастной волной смыли с него грязь, ереси и расколы увлекли за собой только легкомысленных, не утвержденных в истине Христовой и обольщенных книжничеством и фарисейством членов Церкви. Истинные же кормщики и пловцы корабля церковного сохранили целым и чистым знамя веры Христовой с победными словами – «сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди».

¹ Имеется в виду «Миланский эдикт» – письмо императоров Константина и Лициния, провозглашавшее религиозную терпимость на территории Римской империи. Текст эдикта цитирует св. Лактанций в труде «О смерти гонителей». Эдикт был направлен главам провинциальных администраций Империи в 312 или 313 г. В соответствии с эдиктом все религии уравнивались в правах, эдикт предусматривал возвращение христианским общинам всей собственности, которая была у них отнята во время гонений.

В 842 году Церковь праздновала торжество православия над еретическим и раскольническим отступничеством, осужденным на вселенских и поместных соборах.

Так победоносно боролась с разными ересями и расколами Вселенская Церковь в период Вселенских соборов, и благодаря тщательному рассмотрению богооткровенного учения на семи Вселенских соборах мы, русские, приняв христианскую веру в ее чистом виде, приняли вместе с тем готовое святоотеческое научение к надлежащему поражению всяких ересей и расколов. И вот, сколько ни появлялось ядовитых плевел на ниве нашей Русской Православной Церкви, в виде ли жидовствующих, стригильников, молокан, штундистов, пашковцев, баптистов, скопцов, хлыстов, раскольников, толстовцев, – все они как дым разлетались и теперь исчезают пред ярким светом церковного учения. *«И никто же из них погиге, токмо сын погигельный»*, – сказано в Писании о погигели христопродавца Иуды. Так и ныне, по отношению к современному сектантству, надо сказать, что в волны сектантства попадают лишь те, кто не хочет оставаться на спасительном корабле Св. Церкви, кто не хочет подчиняться мудрому управлению Кормчего. Притом явная ложь сектантства, его внутреннее убожество, крайняя нравственная нечистоплотность уже сами по себе отталкивают большинство православных людей.

И вот, теперь мы видим, что древний лъстивый глубинный змий вновь изошряет свое смертоносное жало и с новою яростью нападает на нашу Св. Русь, и, к нашему горю, нападает гораздо успешнее, чем он доселе нападал на нас чрез разные виды сектантства. Успешности новых нападений древнего хитреца больше всего содействует то обстоятельство, что большинством людей эти новые диавольские нападения даже и не чувствуются как нападения, а почитаются этими людьми за первые удовольствия.

Так в действительности мы теперь и видим, что всю яростную брань свою на Царство Божие ведет теперь сатана не чрез что иное, как чрез удовольствия, чрез всевозможные развлечения и улаждения нашей грехолюбивой плоти. Конечно,

мы знаем, что издревле *«никто же когда плоть свою возненавиде, но питает и греет ее»*. Знаем мы и то, что тело наше есть действительный и законный участник нашего вечного спасения, что *«телеса христиан суть храмы живущего в них Св. Духа»*. Следовательно, о каком-либо пренебрежении христианина к телу, как к созданию Божию, как ко храму Св. Духа, не может быть и речи. Но с другой стороны, кому из нас неведомо, что это же тело наше легко становится, при нашей невнимательности, «сосуд срамлен страстей» и вместо того, чтобы служить местом обитания Духа Святого, само отдается во власть сатане. Каким же образом может произойти это губительное обращение тела нашего из орудия святости Духа в игралище постыдных страстей? Да тем же путем, точно так же, как и первоначально вошел грех в природу человеческую, то есть чрез обольщение нашей плоти, чрез удовлетворение чувственности. «Беда наша в том, – говорит о. Иоанн Кронштадтский, – что мы очень любим свою плоть, ведем дружбу с нею, угождаем ей усердно, а с нею любим и грех, ибо грех царствует над нами чрез плоть, как и в начале воцарился над людьми, именно прежде всего и больше всего чрез плоть, чрез вкушение запрещенного плода» («Путь к Богу», стр. 111). «Ева прельстилась плодом запрещенным, и вот все человечество впало в прелесть житейскую и всем стало прельщаться, и женщина сама сделалась предметом прелести чрез свою красоту телесную, и все, все стало для человека предметом прелести: и пища, и питье или напитки всякие, и одежды, и деньги, и всякие игры, и забавы, и животные – собаки, кошки, птицы – ко всему пристрастился человек – и... Бога не стало у него в сердце; Бог стал забытым в сердцах, далеким и презираемым, хулимым» («Живой Колос», стр. 44–45). «Ты имеешь дружбу со своею многострастною плотью – этим гнездом диавольским, а нужно объявить ей беспощадную войну, всем ее прихотям и страстям, ибо чрез пристрастие к ней враги невидимые беспрестанно окрадывают нас, наше спасение и господствуют над нашим умом, сердцем, памятью и воображением», – пишет о. Иоанн в своем дневнике (160–161 стр.). Там же: «Сколь сильно и ядови-

то лстивый сатана пускает вглубь нашего сердца стрелы свои, жала свои, влагая в нас сильное прилежание к изящным и драгоценным, золотым, серебряным, мраморным вещам... и это для того, чтобы убить духовно душу нашу, естественно стремящуюся к Богу, как к своему Первоначалу и Источнику... С этою же целью он все силы напрягает уязвить нас женской или мужской красотой и сластью, чтобы удалить сердце от Бога, истинной, вечной Красоты и Сладости бесконечной... К наслаждению чревному так же сильно влечется по временам сердце наше страстное и одебелевает нередко от пристрастного наслаждения». В трех главнейших направлениях жизни видит о. Иоанн в современном обществе увлечение чувственными удовольствиями: в объядении и пьянстве, пристрастии к театрам и зрелищам и в сладострастии. «Чтобы пища и питье больше прельщали и пресыщали людей, чтобы они полагали свое наслаждение, свое блаженство в них, больше ели, забывая о духовной пище, – растленный человеческий разум изобрел особую науку – гастрономию, отчего питание или еда обращаются в страсть... Чтобы отвлечь от храмов, мир изобрел театр, или народные дома, и кто любит театр, в том, очевидно, нет любви к Богу» (156 стр.). «Отчего крайне развратились и одичали, забыли Бога допотопные люди и жители городов Содомы и Гоморры? От излишества в пище и питии. Отчего и нынешние люди развращаются, нравственно дичают и отпадают от Бога и Церкви? – спрашивает о. Иоанн и отвечает: – От излишеств в пище и питии, от чревного и чресленного бешенства» (38 стр.). «Всякое излишество в пище и питии сопровождается расслаблением души и нравственным упадком ее сил, охлаждением к Богу, к молитве, ко всякому доброму делу; упадком любви к ближнему, лишением кротости, смирения, сочувствия к людям, жестокосердием, грубым отношением к бедным, склонностью ко сну, к блуду и т.д. Много надо труда молитвенного, воздыханий, слез, чтобы восстановить добрые отношения к Богу и ближним и сделать опять душу нежною, чувствительною к Богу и ближнему. Так падает душа от невоздержания» («Христ. философия», 41–42 стр.). Между тем... «человек дорог

у Господа, весь мир ему покорен, Сам Сын Божий сошел с небес на землю для спасения его от вечных мучений, для примирения его с Богом. Всякие плоды, разные плоти животных отданы ему (человеку) в пищу, разные пития даны ему для услаждения его вкуса, – но не для пристрастия, не в единственное наслаждение. У христианина есть наслаждения великие, духовные, божественные; этим-то наслаждениям надо подчинять всегда плотские, умерять или совсем прекращать их, когда они препятствуют наслаждениям духовным. Значит, не для опечаливания человека запрещаются пища и питье, не для стеснения его свободы, как говорят в свете, а для того, чтобы доставить ему истинное услаждение, прочное, вечное, и потому именно и запрещаются (в пост) скоромные снеди и винные напитки, что человек-то очень дорог у Бога, и дабы вместо Бога не прилепилось сердце его к тленному, которое его недостойно» («Мысли хр-на», 299–300 стр.). «Бог влечет души наши горе, а враг – долу, к земле; все страсти человеческие, все влечения греховные устремлены к земле; и по страстным стремлениям души к земным так называемым благам или по равнодушию к ним – легко узнать: к Богу или к земле душа наша привязана; к добру или к злу. Так, например, театры, при всем восхвалении их людьми светскими, есть земное и греховное удовольствие, языческое, потому что предметом и целью имеет чисто земные удовольствия и к Богу никого не приводит, разве отрицательно, чрез сознание всей суетности театральных представлений и лицедейств» («Путь к Богу», 29 стр.). «Твердо помни, – продолжает о. Иоанн, – что любовь мира сего есть вражда, крепкая вражда против Бога: ибо эта любовь нечистая, прелюбодейная, страстная, ложная, дьявольская, разлучающая от Бога и присвояющая врагу – лукавому духу. Одно мгновение привязанности мирской к кому-либо и к чему-либо – и душа пленяется и разлучается от Бога (30 стр.)... и начинает (тотчас же) ощущать смятение, скорбь, тесноту, смерть» (31 стр.). «Человек страстный до плотских наслаждений ищет повода к удовлетворению себя ими зрением, осязанием, слухом, обонянием, вкусом, воспоминанием, воображением; вся душа,

все сердце его отдается земному, плотскому, грубому, растлевающему наслаждению, и он совершенно отступает от Бога, охладевает к Нему, презирает, ни во что ставит Его, святость Его, правду... весь отдаваясь обаянию прелести, всецело исполняя волю врага – диавола, сплетаясь с ним, делаясь одним духом с ним. Он теряет тогда характер разумного существа, человека-христианина, и делается скотоподобным, неразумным, нецелесообразным, одичалым, извратившим свою природу из словесной в бессловесную, из разумной в неразумную. Так вредно и противно Богу, здравому смыслу и христианской истине и правде пристрастие к земным наслаждениям» (36 стр.). Батюшка наш о. Иоанн Кронштадтский был весьма строгий подвижник, но подвижник особенный, резко отличный от того типа подвижников и затворников, каких мы обычно видим где-либо в затворе или удаленной пустыне. О. Иоанн всю свою жизнь прожил на людях и от людей не удалялся; мало этого, он был и вращался в городе шумном, разномыслном, постоянно видел кругом себя волнующееся море человеческой жизни. От его наблюдательного взора и любящего пастырского сердца не могли укрываться никакие духовные бедствия его обширнейшей паствы. Он, в частности, следил и за той духовной пищей, которую, помимо Евангелия, подносили православным людям услужливые светские писатели и издатели, чуждые духу и разуму Св. Церкви. Видел он это зло и всегда возмущался, и не медлил в своих пастырских обличениях о. Иоанн. Особенно тревожила пастырское сердце о. Иоанна так называемая порнографическая литература и рисунки соблазнительного содержания. «Я сегодня, – пишет о. Иоанн в своем дневнике, – разорвал лист одного журнала, в котором изображена женская соблазнительная нагота. Но разве для бласнения Господь сотворил столь великолепно тело женщины? Разве она не наша святыня, хвала и честь... Разве не должны мы благоговеть все пред делами рук Творца – пречистыми делами Пречистых Рук? Имеем ли мы уважение к себе, к своей личности? Не забываем ли мы, Чьих рук мы дело? Венец Чьего творения и Какого Творца? Святые угодники и угодницы Бо-

жи, святые мужи, и жены, и девы всех веков и всех народов, украсившие природу свою добродетельною жизнью и воссиявшие на земле и на небе светлостью и святостью своего жития, – придите, обличите современных легкомысленных, одичавших по причине страстей мужчин и женщин, питающихся своими соблазнами и вожделениями и позорящих человеческую природу. Возвестите им грозный суд Божий за попрание и осквернение своих нерукотворенных храмов и предохраните еще не растленных человеков от угрожающего растления чрез современную вольную и бесстыдную печать. Виновата среда домашняя, товарищеская, общественная, в которой не принято иметь и читать Слово Божие; принято чтение только светское, суетное, и разговоры ведутся только светские, ибо кто чем богат, тем и делится в беседе» (стр. 12–13). «Господи, спаси народ русский, Церковь Православную в России, – погибают: всюду разврат, всюду неверие, богохульство, безначалие. Господи, спаси Самодержца и умудри его! Господи, все в Твоих руках, Ты – Вседержитель!» («Живой Колос», стр. 120) – молитвенно пишет в своем предсмертном дневнике о. Иоанн.

Так гремел назад тому десять лет наш добрый Кронштадтский пастырь против разнузданности плоти, против современных ему явлений пристрастия к чувственным удовольствиям.

Но что сказал бы дорогой наш батюшка, если бы встал теперь среди нас и посмотрел, до какого невозможно нагло-го бесстыдства дошли в наши дни некоторые православные люди в своей погоне за удовольствиями плоти. Если назад тому 10 лет о. Иоанн возмущался бесстыдными соблазнительными картинками и рвал их, то какие слова гнева нашел бы он для выражения своего крайнего возмущения, если бы теперь посмотрел на современных нам некоторых модниц – женщин и девиц, которые, якобы следуя моде и требованиям света, не стыдятся обнажать себя для явного соблазнения и разжжения похотной страсти не на маскарадах лишь и в театрах, но на улице, среди мирной семейной обстановки, в кругу невинных детей, и даже дерзают в этих своих демонских нарядах входить в храмы Божии.

О незабвенный наш церковный вития и мужественный пастырь! Ты когда-то для обличения современных тебе постыдных деяний угождения плоти взывал к древним святым угодникам и угодницам всех веков и всех народов, чтобы они пришли и обличили одичавших в своей плотской страсти мужчин и женщин.

Предстань о нас пред Престолом Всевышнего (мы дерзаем верить, что ты это можешь) за бедный русский народ, да избавит нас всех Господь Бог от этого вражьего наваждения, от этого плотского растлевающего безумия...

Мы уже сегодня слышали, за что обличал о. Иоанн театральные зрелища. Говоря о театрах, о. Иоанн не придавал им никакого положительного значения, потому что театр предметом и целью имеет чисто земное удовольствие и к Богу никого не приводит. А что сказать нам, пережившим батюшку на 5 лет, о нашем современном театре? Если назад тому 5–10 лет наш театр, имея целью чисто земные удовольствия, усыплял христианскую душу и отвлекал ее от любви Божией, то нынешний театр несомненно оскверняет ее, и не только оскверняет, но и разрушает, делает душу нашу трупом... Чтобы не быть голословным в изображении того постыдного состояния, до которого опустился театр наших дней, я приведу выдержку из одной статьи, недавно напечатанной в газете «Колокол»¹. Автор этой заметки так описывает свои впечатления от созерцания одного театрального зрелища, именно пьесы г. Арцыбашева «Ревность»², той самой, которая, ввиду не прекращавшегося всю зиму массового посещения, весь сезон не сходила со сцены и полными сборами дала в один год владельцу театра не одну сотню тысяч рублей. Вот что теперь этот зритель пьесы «Ревность» говорит о своих впечатлениях. «Да, это было действительно позорище, свидетелем какого мне пришлось

¹ «Колокол» – ежедневная политическая, общественная и церковная газета, выходила с 24 декабря 1905 г. до конца февраля 1917 г., издатель – видный правый деятель В. М. Сковорцов.

² Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927), литератор, публицист; в центре творчества – свободная любовь, насилие, эгоизм, описания убийств, казней, самоубийств и пр.; драма «Ревность» написана в 1913 г.

быть первый раз в моей жизни. Получалось вполне определенное впечатление, что созерцаешь собственно не изображение человеческой жизни, а времяпрепровождение каких-то сладострастных павианов или собачью свадьбу. Какие-то двуногие скоты хороводились друг около друга и возмущали душу зрителя цинизмом своих речей... В зрительном зале ясно ощущался трупный запах от разложения семьи. Что-то безобразное, как нестерпимая хулиганская выходка, свинцовой тяжестью давило душу и заставляло ее изнывать... А в ложах я видел только что расцветших барышень и даже девочек-подростков, поучавшихся этой современной мудрости жизни» («Колокол», 23 марта). «О, кто даст голове моей воду и глазам моим источник слез, и плакал бы день и ночь о пораженных дочерях народа моего!» Так горько вопиял в древности пророк Иеремия, созерцая пленение народа своего от Вавилона и гибель многих лучших сыновей и дочерей иерусалимских. Этим же иерусалимским плачем приходится плакать ныне нам, христианским родителям, за злую участь детей наших, так жестоко на наших глазах и нередко при нашем невольном (по неведению) содействии или согласии пленяемых скверною похотною страстью в современных театрах, кинематографах, всевозможных зрелищах и особенно чрез чтение порнографической, мерзкой, сатанинской литературы.

Но утешимся: для тех, кто не порвал своих связей со Св. Церковью Православною, кто чтит Пресвятую Богородицу, еще не все потеряно. У нас есть Светозарная Путеводная Звезда, Которая благомощна вывести всех нас из этой тьмы и тины страстей. Обратимся к Ней в этот светлый день Ея Благовещения. «Посмотри, как сияет образ Приснодевы Богоматери, — так утешает нас о. Иоанн Кронштадтский в своей проповеди на день Благовещения. — Посмотри, какими дивными добродетелями и совершенствами сияет Ее образ. А ведь и Она человек... Что возвысило Ее на такую несравненную высоту, сделало Ее столь достопавною и великою, вышею Херувимов и славнейшею Серафимов? Три величайшие добродетели: смирение, чистота и пламенная любовь к Богу, чуждая всякой любви земной,

вещной. Она Сама исповедует, что Господь призрел на смирение рабы Своей (Лк. 1, 48). Возлюби и глубоко насади в сердце твоём и ты, христианин, боголюбезное смирение; стяжи и ты всеусильными трудами всей жизни чистоту сердечную – постом, молитвою, богомыслием, слезами, особенно же частым и достойным причащением Св. Таин Христовых; возлюби и ты всем сердцем Бога Творца и Спасителя твоего и не предпочитай ничего в мире Его святой любви; о Нем всегда размышляй и о Его чудных делах; Им живи и дыши; Им питай душу свою; в Него облекись; Им очищайся, просвещайся, освящайся, утверждайся, украшайся, хвались, утешайся; Им побеждай искушения и наветы врагов видимых и невидимых; что ни делаешь, делай все с мыслью о Нем и ради Его; где ни будешь, везде будь с Ним, как и Он всегда с нами, *“везде Сый и вся исполняй”* (троп. Духу Св.). Если таким образом возлюбишь Господа, то и в тебе возвеличится Господь, и тебя возлюбит Господь, как говорит от лица Его Св. Церковь: *прославляющих Мя прославлю* (посл. Тарасия¹). Возлюби чистоту и смирение, и вознесет тебя Господь от этой тины порочного сладострастия.

Зачем так много у нас обрядов?

Предисловие

Предлагаемая нами в четвертом издании книжка «Зачем так много у нас обрядов?» явилась в первый раз в мрачные октябрьские дни 1905 года и была составлена нами в ту пору как вынужденный ответ тем не в меру расхоронившимся освободителям, которые свои требования *«к свободе!»* по отношению к Православной Русской Церкви стали простираť далее надлежащего. Раздавались голоса *«к свободе!»* не только в смысле освобождения Православной Церкви от бюрократии

¹ Святитель Тарасий (ок. 730–806), патриарх Константинопольский с 784 года, председательствовал в 787 г. на Седьмом Вселенском соборе, где отстоял восстановление иконопочитания.

тического светского давления, но и в смысле устранения из нашей церковно-богослужебной стороны всего, что будто бы противоречит христианскому «духу и свободе», то есть раздалось требование о наивозможно большем сокращении наших богослужебных обрядов. Послышались голоса даже на епархиальных съездах духовенства (например, в Рижской епархии в 1905 году), требовавшие полного изъятия из богослужебной практики некоторых обрядовых действий, будто бы не согласных с духом христианства и чуть ли не оскорбляющих нравственное чувство совершителей. Заговорили во многих епархиях о сокращении вообще всякого нашего богослужения, стали требовать изъятия стихир в утреннем и вечернем богослужении, крайнего сокращения ектений, и наряду с этим высказывались пожелания об отмене особой духовной одежды, длинных волос, запрещения посещения театральных зрелищ; раздалось сетование о том, что епископы у нас неженатые, а оо. иереи и диаконы лишены права жениться второй и третий раз и т.д. Как видит читатель, все эти сетования, пожелания, требования клонились к одному – к обмирщению Церкви, к низведению ее чуть не до состояния обычных человеческих учреждений. Видимо, все эти церковные освободители были ох как далеки от желания утвердить Церковь нашу *на камени заповедей Божественного Слова*. И не к борьбе и победе над страстями и миром, который *преходит* (1 Ин. 11, 15–17), увлекли нас эти лукавые защитники чистоты и духовности Христианской Церкви, а к порабощению чад Божиих и лишению их благодати Св. Духа.

Бывает, что иногда не столь вдумчивые иноверцы, особенно протестантского лагеря, унижительно именуют наше русское православие религией невежества и суеверий, противопоставляя при этом нашей вере «культурное» лютеранское исповедание. Конечно, слова *культура* и *культурный* – слова достаточно громкие. Но ведь культура культуре рознь. Если, обзывая нас обрядоверами, нашей православной истине противопоставляют, как якобы культурное, исповедание лютеранское, как известно, в принципе отвергающее церковные обря-

ды, то мы нисколько не завидуем тем, кто духовно питается этой формой религиозной жизни, ибо всякий видит, насколько доброжелательным оказалось влияние этого исповедания на современных германцев. Пусть лютеране и разные сектанты считают нашу любовь и привязанность за признак нашей отсталости, но мы-то сами вполне сознаем и устами наших лучших русских людей громко заявляем, что наше «обрядовере» есть важное свидетельство жизненности нашего сердца, нашего неудержимого и прирожденного стремления от холодной и рассудочной земли туда, в небесные дали, в области вечной красоты.

Не задаваясь мечтой явиться каким-либо новым просветителем в деле разъяснения важности и значения обрядов Православной Церкви, мы в своей книжке лишь обращаем внимание читателей на мысли и рассуждения, высказанные по данному вопросу лучшими сынами нашего Отечества и лучшими чадами нашей Православной Церкви. Мы ссылаемся на следующие имена: епископа Феофана (Затворника Вышенского), архиеп. Амвросия (Харьковского), епископа Виссариона (прот. Нечаева), прот. И. И. Сергиева (Кронштадтского), архиеп. Антония (Волинского), К. П. Победоносцева, А. С. Хомякова, К. Д. Ушинского, Ф. М. Достоевского. Кто из вас, читатели, привык верить этим глашатаям правды, мира, любви, кто научился уважать их за жизнь и труды их на пользу нашего православия и дорогого Отечества, послушайте же, что ответят они вам на вопрос: *зачем у нас так много обрядов?*

По своем выходе в свет первым изданием предлагаемая книжка была встречена вполне сочувственно православно-русскою печатью. Отметим весьма лестные отзывы в следующих периодических изданиях: «Вера и Церковь» (1906 г., кн. 1), «Церковные ведомости» (1906 г., № 1), «Церковно-общественная жизнь» (1906 г., № 9), «Вятские епархиальные ведомости» (1906 г., № 19).

Учебным Комитетом при Св. Синоде настоящая книжка была в первом своем издании одобрена для библиотек духовных учебных заведений.

Состоявшийся летом 1908 г. в Киеве Всероссийский Миссионерский съезд¹ постановил рекомендовать книжку «Зачем так много у нас обрядов?».

Петроград, 1915 года 15 мая

Автор

I

Вот вопрос, который так часто задается не только людьми, чуждыми нашей Православной Церкви, а даже детьми и друзьями ее. Заботливые люди смотрят на нас, православных, со стороны и скорбят, и судят, и осуждают нас за то, будто у нас так много обрядов, что будто бы вся религиозность русского человека сводится на одно неразумное обрядоверие, и потому наша Церковь лишена духовности. «Много (обрядов)? Пусть много. Что ж? – пишет еп. Феофан. – Досадовать ли и горевать от этого? В каком доме всего много, охают там от этого? Церковь есть дом Божий. Если в ней много всего по экономии, какая в ней ведется, т.е. по устройению спасения чад ее, – и слава Богу. Когда видишь дом всем полный, дух радуется, а когда в каком доме двор пуст и всюду хоть шаром покати, какое безотрадное является тут чувство»². Не станем спорить и вполне допускаем, что людям иной веры не все может нравиться в нашей Православной Церкви. Пусть иноверцу не нравится в нашей Православной Церкви. Пусть иноверцу не нравится и наша обрядность. Но что скажет о ней русский человек? Наш историк Н. М. Карамзин³ в одном месте своей истории Российского государства пишет: «Я знаю, что одно из главных требований, предъявляемых к истори-

¹ IV Всероссийский Миссионерский съезд проходил в Киеве с 12 по 26 июля 1908 г.

² Еп. Феофан. Письма к одному лицу в Сибирь по поводу появления там нового учителя веры. СПб., 1881. С. 137. – *Прим. авт.*

³ Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, автор многотомной «Истории государства Российского», писатель, почетный член Петербургской АН.

ку, – это требование объективности: историк должен быть объективен. Но, читатель, простите меня: я русский». Много на свете разных религий, у каждой есть своя внешняя сторона, свои обряды. «Много на свете вер, но, – скажем словами К. П. Победоносцева, – сохрани Боже порицать друг друга за веру; пусть каждый верует по-своему, как ему сроднее. Но у каждого есть вера, в которой ему приятно, которая ему по душе, которую он любит; и нельзя не чувствовать, когдаходишь к иной вере, несродной, несочувственной, что здесь не то, что у нас; здесь неприятно, холодно; здесь не хотелось бы жить»¹. Кто русский человек душой и обычаем, тот понимает, что значит храм Божий с его стройным, истовым, особенно праздничным богослужением, что значит церковь для русского человека. Не напрасно сибиряки рассказывают, что у них в Сибири не редкость встретить за Пасхальной утрени в храмах Божиих беглых каторжников, сила привязанности которых к церковному богослужению настолько велика, что поборают страх лишения свободы. В свое время все мы читали, как умилялись православные японцы, видя замечательное усердие к храму и церковному богослужению со стороны русских пленных. «Будучи сами теперь, можно сказать, в нищете, – пишет преосвящ. Николай еп. Иннокентию Переславскому, – офицеры и нижние чины (пленные) из последнего жертвуют на церковь, ничем не вызываемые на то... Три церкви устроены офицерами: две в Нагоя, одна в Мацуяма в госпитале».² «Богослужение стройное, истовое – действительно праздник русскому человеку, – говорит «Московский сборник», – и вне церкви душа хранит глубокое ощущение, которое отражается в ней даже при воспоминании о том или другом моменте, – русская душа, привычная к церкви и во всякую минуту готовая воспрянуть, когда внутри ее послышится песнь Пасхального или Рождественского канона, с мыслью о светлой заутрене. Счастлив, кто привык с детства

¹ Московский сборник. Изд. К. П. Победоносцева. М., 1897. С. 208. – *Прим. авт.*

² «Церковные ведомости». 1905, № 35. С. 1495. – *Прим. авт.*

к этим словам, звукам и образам, кто в них нашел красоту и стремится к ней и жить без нее не может, кому все в них понятно, все родное, все возвышает душу из пыли и грязи житейской, кто в них находит и собирает растерянную по углам жизнь свою, разбросанное по дорогам свое счастье»¹. Или вот что пишет в своем дневнике приснопамятный молитвенник Русской земли прот. И. Сергиев о значении для христианской души храма и совершаемого в нем богослужения: «В церкви все сладкие надежды и чаяния наши, мир наш, радость наша вместе с очищением и освящением. Тут так часто возвещается истина будущего воскресения, победа смерти. Кто, любящий жизнь, не возлюбит церковь всем сердцем?»². «В храме, – говорит о. Иоанн в другом месте своего дневника, – добрые, простые, верующие души – как в доме Отца Небесного: так им свободно тут и легко-легко. Здесь предвкушают истинные христиане будущее Царствие, уготованное им от сложения мира (Мф. 5, 44), будущую свободу от всякого греха и смерти, будущий покой и блаженство»³.

Для иллюстрации высказанного сейчас положения мы приведем отрывок из одного рассказа, откуда ясно видно, как иногда благотворно и чудотворно действует наше истовое торжественное богослужение даже на душу, в которой укоренилось убеждение в совершенной бесполезности для нашего спасения внешних богослужебных действий и обрядов. В рассказе «Утреня в светлую субботу», помещенном в №№ 14–15 «Церковного вестника» за 1898 год, выводится исконно русский человек с природным недюжинным умом, с глубоко развитым религиозным чувством, но имевший несчастье подпасть под влияние пашковцев и поэтому с некоторого времени оторвавшийся от Церкви и враждебно настроенный против православного богослужения и его обрядов. Но вот случилось однажды, что уже после целого ряда лет

¹ Московский Сборник. М., 1897. С. 333–334. – *Прим. авт.*

² И. И. Сергиев, прот. Моя жизнь во Христе. СПб., 1905. Т. II. С. 88. – *Прим. авт.*

³ Там же. С. 292. – *Прим. авт.*

своего отщепенства Степан Ильич Перетрухин попал, по непонятному для него самому влечению, в православный храм, и богослужение Великой Субботы так подействовало на него, что разом спала с духовных его глаз чешуя и он вернулся домой, к детям своим, сыном Церкви. «Большая столица уже спала, отдыхая от дневных трудов. В ночной тиши не спалось только Степану Ильичу. Сколько дум он передумал, сколько чувств он пережил, пока не занялась утренняя заря. Свет дня прогонял ночную тьму; только на душе Степана Ильича, как прежде, так и теперь было темно...

“Дон-нь... дон-нь...”, – загудел колокол с лаврской колокольни, и звуки его полились, как волны, по окрестностям. Зазвонили и в других церквях, приглашая православных к великосубботней утрени. Что-то стукнуло в сердце Степана Ильича. “Но мало ли, чем полно оно бывает, – подумал он. – Уже не зовет ли и меня в храм этот звон? Не звона, а здравого смысла надо держаться: не пойду”.

А народ уже шел, толпами валил он мимо окон страдальца...

Неизвестно, возобладали ли сердце над рассудком, или из простого любопытства пошел и наш Степан Ильич вместе с другими в собор. Уже началась торжественная служба. Церковь была вся залита светом от тысячи свечей. С высоты солеи смотрел наш скептик удивленным взором на это невиданное им церковное благолепие, на эту массу молящихся, сосредоточенно внимавшую шестопсалмию.

Но вот запели “Бог-Господь” и затем “Благообразный Иосиф”; запели тихо, торжественно. Все в соборе затаили дыхание и обратились в благоговейный слух. С неподражаемым искусством исполнял хор певчих бессмертные песнопения в переложении Турчанинова¹.

Но вот замолкли последние звуки пения и зачитали кафизму. “Блажени испытующие свидения Его, всем сердцем взыщут Его”. “Всем сердцем моим взысках Тебе: не отрини

¹ Турчанинов, о. Петр Иванович (1779–1856), протоиерей, духовный композитор, гармонизатор древнерусских церковных напевов.

мене от заповедей Твоих”. “Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим”. “Запретил еси гордым: прокляти уклоняющийся от заповедей Твоих”. “Поведаша мне законопреступницы глумления, но не яко закон Твой, Господи”. “Мене ждаша грешницы погубити мя. Заблудих яко овча погибшее: взыщи раба Твоего” (Пс. 118). Точно молотом пригвождались к душе Степана Ильича псаломские стихи (Иер. 23, 29). “Странное дело, – невольно подумал он, – точно намеренно Псалмопевец писал эти стихи для таких, как я, мятущихся душ”.

А между тем разливавшиеся по всему собору божественные звуки все более и глубже захватывали сердца молящихся, религиозное настроение передавалось друг другу, как электрический ток. “Жизнь во гробе положился еси, Христе, и ангельские воинства ужасхуся, снисхождение славяще Твое”. “Животе, како умираеши? Како и во гробе обитаеши?” – как бы от лица всех предстоящих вопрошали поющие.

Перекрестился и прослезился Степан Ильич. Замолк его сомневающийся ум, а истомленное сердце искало покоя, каким оно наслаждалось в золотом детстве, когда набожная мать на своих руках приносила несмысленного младенца в Божий храм, освящала его церковной службой и Таинствами и приучала осмысливать все содержание жизни при свете православной веры. Давно все это было, когда “и верилось и плакалось”. “Господи! Ужели по суду Твоему я обречен на гибель?” – вопрошал Степан Ильич. И как бы в ответ на его сомнения со среды собора раздались слова Пророка: “Сия глаголет Адонай Господь: се, Аз отверзу гробы ваша и изведу вас от гроб ваших, людие мои, и введу вы в землю Израилеву: и увесте, яко Аз есмь Господь, внегда отверсти Ми гробы ваша, еже возвести Ми вас от гробов ваших, людие мои: и дам дух Мой в вас, и живи будете, и поставлю вы на земли вашей, и увесте, яко Аз Господь” (Иез. 37, 12–14).

С какою радостью, с каким великим умилением выслушал кающийся грешник эти замечательные слова паремий. Точно тяжелый камень свалился с заснувшей было его души, и она опять воскресла для истинной жизни, для веры и любви.

Бодрым и жизнерадостным вышел из церкви Степан Ильич. И уже светлый праздник Христов встретил он в храме Божиим по-православному».

Вот как близки русскому простому, свободному от мудрствований просвещенного Запада сердцу наши православные обряды во всей их богослужебной красоте!

Не напрасно же все наши русские проповедники указывают на храм православный как на лучшее училище мудрости для ума, истомленного сомнениями и блужданиями по стихиям мира сего, как на лучшую лечебницу для души, измятой и израненной нашей житейской суетой.

«Томит ли вас, – говорит прот. М. И. Хитров¹ в своей проповеди на 21-е ноября, – томит ли вас суета житейская, непостоянство, непрочность всех земных благ, беспокойство и неудовлетворенность желаний и страстей, – войдите в храм. Воздух вечности повеет на вас. Здесь те же глаголы, которым внимали тысячелетия, здесь те же песнопения, которые от века раздаются на небесах, и пред спокойным величием совершающихся тайнодейств, и пред вечной красотой Слова Божия – побледнеет, исчезнет, стихнет вся злоба дня. Стосковались по идеальным стремлениям, жалуетесь на оскудение их – отчего же не спешите во храм? Ведь кто подлинно алчет и жаждет, тот стремится насытиться. Вам душно, тесно, тоскливо? Что же вы не идете дышать чистым, святым ароматом? Ведь если подлинно болит ваше сердце при виде мира, во зле лежащего, что же не стремитесь насладиться небесной красотой?»².

II

Наши ревнители западной культуры часто жалуются на то, что русский народ, будучи до крайности привязан к обрядовой стороне религии, нередко впадает в суеверие, выражая

¹ Хитров, о. Михаил Иванович (1851–1899), протоиерей, историк, автор жизнеописаний святых и книги «Святой благоверный Великий князь Александр Ярославич Невский».

² «Душеполезное чтение». 1899 г. Т. III. С. 173. – *Прим. авт.*

свою религиозность в таких формах, которые могут беспокоить вкусы интеллигентного человека. Что сказать на это? Напомним таким печальникам чистоты Христовой истины заповедь этой Живой Истины: *Блюдите, да не презрите единого от малых сих, верующих в Мя* (Мф. 18, 10, 6). «В обрядах, преданиях, символах и обычаях, – говорит К. П. Победоносцев, – масса народная видит реальное и действенное воплощение того, что в отвлеченной идее было бы для нее нереально и бездейственно. Что, если, разбив оболочку, истребим и самое зерно истины? Что, если, исторгая плевелы, исторгнем вместе с ними и пшеницу? Что, если, стремясь разом очистить народное верование под предлогом суеверия, истребим и самое верование?»¹. «В глубине старых учреждений часто лежит идея глубоко верная, прямо истекающая из основ народного духа, и хотя трудно бывает распознать и постигнуть эту идею под множеством внешних наростов, покровов и форм, которыми она облечена, утративших в новом мире первоначальное свое назначение, но народ постигает ее чутьем и потому крепко держится за учреждения в привычных ему формах. Он стоит за них со всеми оболочками, иногда безобразными и, по-видимому, бессмысленными, потому что оберегает инстинктивно зерно истины, под ними скрытое, оберегает против легкомысленного посягательства. Это зерно всего дороже, потому что в нем выразилась древним установлением исконная потребность духа, в нем отразилась истина, в глубине духа скрытая»².

И мы решительно утверждаем, что безусловно достойно осуждения мнение лиц, полагающих, что все наши обряды совершенно безразличны для существа веры. Напротив, они должны иметь глубочайшее отношение не только вообще к нашей вере или религиозности нашей, но они внутренне соприкасаются с догматами веры.

Чтобы нам не теряться в общих рассуждениях, остановимся на вопросе о существе, цели и значении обрядов нашей

¹ Московский Сборник. Изд. К. П. Победоносцева. М., 1897. С. 162. – Прим. авт.

² Там же. С. 194. – Прим. авт.

Православной Церкви и при этом будем руководствоваться суждениями лиц, в понимании церковной нашей жизни высокоавторитетных. Вот как определяет обряд известный духовный писатель-аскет епископ Феофан: «Что есть каждое священнослужение? Ряд молитв, читаемых, поемых и мысленно к Богу возносимых. В этом существо священнослужения. Но как мы заключены в пространство и время, то всякое такое служение требует своего времени, своего места и порядка, своей обстановки, обряда, того, что неизбежно обстоит ряд молитв, хотя не составляет существа служения. Священник в известном месте, в известное время, в определенном порядке, как положено в Церкви, совершает свое священнослужение; причем и он, и причт, и христиане присутствующие держат себя в известном положении. Все сие есть обряд. Но существо дела не в этом внешнем, а в ряде молитвословий, совершаемых при сем. Это же все привходит, потому что мы пространственны и временны, и что не станем делать, делаем в свое время, в своем месте и в известном порядке. Христианство в высшей степени духовно, ибо благодатно, но не невидимо. И христиане истинные в высшей степени духовны, ибо непременно облагодетельствованы, но не бесплотны. Почему, при всей духовности наивысшей, они не могут не действовать телесно не только в отношении к людям, но и в отношении к Богу – в самых духовнейших движениях сердец своих. Отсюда следует, что, смотря на видимое, чем выражается христианская жизнь в церкви и христианах, несправедливо все в них ограничивать сею одною видимостью. И кто бы стал в этом полагать существо дела, сделал бы большую ошибку. Возьмем простое дело – писание письма. Тут перо нужно, чернила нужны, бумага нужна; нужно тебе и своим положением приспособиться к писанию. Но все это внешняя обстановка – такая, что без нее не напишешь письма; но и когда она есть, нельзя сказать, что письмо пишется или напишется. Письмо в уме и сердце образуется. Когда оно потом обычным порядком выразится на бумаге, совершится письмописание и явится письмо. Зародившееся в душе вызвало соответственное действие делом, – и явилось дело совер-

шенное. Таково и всякое священнослужение и молитвословие. Возбуждается в духе потребность вознестись к Богу с прошением или благодарением. Это показывает известное молитвенное действие телом, которое, быв совершено, являет дело молитвы или молитву совершенную, в коей внутреннее и духовное сочетано с внешним и телесным»¹. Таким образом, из приведенного отрывка письма мы видим, что сам автор его, еп. Феофан, понимает обряд прежде всего как необходимое внешнее выражение, по условиям нашей духовнотелесности. И мы хорошо знаем, что нет религии без культа, как невозможно никакое душевное движение без того или иного внешнего проявления. Много на свете религий, много и культов. И везде, во всех религиях, начиная от фетишизма и кончая истинным христианским исповеданием, уже сам по себе культ сразу показывает нам достоинство внутреннего содержания религии. Да иначе, конечно, и думать нельзя. Говорят: *глаза – зеркало души*. Сравните же взор здорового, душевно нормального человека и человека, психически расстроенного, даже просто нервного в минуту его возбуждения. «Слова служат к выражению мыслей у всех людей, как словесных существ». Но сравните ровную осмысленную речь человека душевно здорового и беспорядочные дикие выкрикивания сумасшедшего. Мимика, слово, внешние телесные движения не служат только тому, что удостоверяют наличность того или иного нашего душевного содержания, но они могут обнаружить даже тончайшие оттенки известного душевного явления. И чем богаче душевная жизнь известного человека, тем совершеннее, отчетливее и ее внешнее выражение. Ведь известно, что ясность и простота речи – лучший показатель ясности мысли говорящего. По богатству или бедности языка и литературы народной судят о богатстве или бедности души народной. Но если справедливым и даже необходимым признается такое соотношение между внутренним и внешним в одной области духа человеческого, то отчего же отрицаются права того же духа на внешнее выражение в области жизни религиозно-христианской?

¹ Еп. Феофан. Письма. С. 126–127. – *Прим. авт.*

Говорят, что христианство есть религия духа и свободы, что Господь Сам требует от нас поклонения духом и истиною, и Отец Небесный таковых истинных поклонников ищет Себе (Ин. 4, 23–24). Кажется, немного в Христовом учении таких положений, которые так произвольно понимались бы, как понимаются 23–24 стихи 4-й главы Евангелия Иоанна лицами, отвергающими необходимость церковных обрядов. Давать надлежащее, по разуму Св. Церкви, толкование указанным стихам Евангелия Иоанна мы здесь пока воздержимся, а сделаем это ниже, в своем месте. Но допустим, что заповедь Господа, высказанная Им в беседе с самарянкою, требует от человека, обновленного верою в Искупителя, только служения духом при совершенном невнимании в этом случае к телу. Но что же тогда? Тогда мы должны признать одно из двух: либо наша плоть, а с нею и все внешнее, телесное, материальное, вся тварь, которая совокупно стелает и мучится донныне, с надеждою ожидая откровения сынов Божиих, по выражению апостола Павла (Рим. 8, 19–22), не нуждается в общении с Богом, не нуждается в освящении, либо недостойна этого освящения, как начало, чуждое Любви Божественной. Но кто из любящих Бога не признает такое заключение нечестивым? Ведь – сама логика спасения неумолимо требует признания, что Спаситель наш, Богочеловек, «спас всего мя человека», а не одну лишь половину моего существа. «Смотри, как совершено наше спасение, – пишет еп. Феофан. – Бог, чистейший Дух, благоволил ради нашего спасения воплотиться, пожить на земле яко человек, пострадать, умереть, воскреснуть, вознестись на небо и сесть одесную Бога. Все сие видимо, внешне, телесно. Чего ради? Того ради, что спасению нашему невозможно было иначе быть устроено. Если б было возможно совершить сие как-либо духовно, то Богу духовнейшему зачем было отелесаться? Но надлежало, восприяв наше духовно-телесное естество, провесть его самым делом, жизненно, по всему пути из глубины падения до высоты восстановления. Это и совершил Господь, открывая новый для нас путь к обновлению падшего естества нашего... Путь спасения открыт нам телесным шествием по

нему Бога; есть ли же ум у тех, кои гадают пройти по нему вслед Господа, во спасение свое, духовно лишь, а не телесно?» – вопрошает преосв. Феофан¹. Св. Иоанн Златоуст в своем толковании на слова апостола Павла к ст. 20, гл. 6 первого послания к коринфянам говорит следующее: «Мы продали плоть свою диаволу, а Христос, видя это, исторгнул и освободил ее от этой злой власти; потому она принадлежит уже не нам, а Освободившему ее. Пользоваться ею, как невестою царя, никто тебе не препятствует; а если же будешь употреблять ее на прежние дела, то потерпишь то, что следует терпеть подобным оскорбителям. Итак, надобно украшать ее, а не бесчестить»². Не забудем о том, что мы, христиане, по изречению Самого Господа Иисуса Христа и его апостолов, *являемся сынами Божиими* (Мф. 6, 9; 8, 14; 2 Кор. 6, 18; Гал. 3, 26 и др.), *сосудами благодати Его* (Рим. 9, 23; 2 Сол. 4, 4; 2 Тим. 2, 21), *присными Богу* (Еф. 2, 19), так что *тела наши суть храмы Св. Духа* (1 Кор. 6, 19). Насколько, значит, нечестиво учение древних манихеев и современных сектантов, учащихся, будто недостойно Бога, как Духа, служение Ему и со стороны плоти, при посредстве телесных, внешних действий, и в частности обрядов!

Как не было для Господа иного пути спасти человека, как телесное шествие Сына Божия, так и для человека нет иного пути восприятия восыновления, как путь хождения в церкви людей духовно-телесных и видимых. «Суетны те, – говорит еп. Феофан, – которые помимо церкви чают служить благоугодно Богу, ибо таким не даны обетования... Церковь представляй исполненною небесных сил. Приди только кто в соприкосновение с нею, причастия сил ее. Вводят в сие соприкосновение разнообразны церковные молитвословия, или молитвенные чины. Они то же суть для нас в жизни, что в опытах физических проволоки, проведенные в соприкосновение с сильною батареею электрической. За какую проволоку ни возьмись, хоть самую тоненькую, сила притока к тебе электричества определится не проволокою, а батареею. Так в жизни через какой чин ни при-

¹ Там же. С. 129–130. – *Прим. авт.*

² Творения св. Иоанна Златоуста. Т. X. С. 172. – *Прим. авт.*

коснись к Церкви, ты коснешься всей ее силы. Суетна ли такая вера, когда Господь есть глава Церкви и преисполняет ее всю и во всем? Вот вне Церкви как что ни делай, ничего не будет выходить»¹. «По нашей телесности, – говорит о. Иоанн Сергиев, – Господь привязывает, так сказать, Свое присутствие и Себя Самого к вещественности, к какому-нибудь видимому знамени: например, в Таинстве причащения Он Сам весь вселяется в тело и кровь; в покаянии – действует видимое лицо священника; в крещении – через воду; в миропомазании – чрез миро; в священстве – чрез архиерея; в браке – чрез священника и венцы вечности Сам; в елеосвящении – чрез елей; привязывает Свое присутствие к храму, к иконам, ко кресту, ко крестному знамению, к имени Своему, состоящему из членораздельных звуков, к святой воде, к освященным хлебам, пшенице, вину; но придет время, когда Тело и Кровь Его, равно и все другие внешние знаки, для нас не будут нужны и мы будем “истее Его причащаться в невечернем дни Царствия Его” (канон Пасхальный, песнь 9), а теперь все через телесное и чрез образы и знамения»². Мы научены Самим Словом Божиим веровать, что наш христианский храм есть дом Божий (*дом Мой – дом молитвы нарежется*), есть место селения Славы Божией по преимуществу, и мы научены любить это святое место, беречь и украшать его, научены самым примером нашего Спасителя, ревновавшего об украшении храма Иерусалимского, об убранстве Сионской горницы, в которой совершил Свою Пасхальную вечерю, и, наконец, о намащении Своего пречистого тела после Своей смерти. А посему «однажды навсегда знай, – скажем словами о. Иоанна Кронштадтского, – что в Церкви во всех ее службах, в Таинствах и молитвословиях дышит дух святыни, дух мира, дух жизни и спасения»³. «Каждое слово Св. Писания, каждое слово Божественной литургии, утрени и вечерни, каждое слово священнотайнственных молитв и молитвословий имеет в себе соответствующую ему и в нем за-

¹ Письма к одному лицу в Петербург. С. 128. – *Прим. авт.*

² И. И. Сергиев, прот. Моя жизнь во Христе. СПб., 1905. С. 286. – *Прим. авт.*

³ Там же. С. 236. – *Прим. авт.*

ключающуюся силу, подобно знамени Честного Животворящего Креста. Такая благодать присуща каждому церковному слову, ради обитающего в церкви Ипостасного вочеловечившегося Божия Слова, Которое есть Глава Церкви»¹.

Из сказанного о силе и назначении внешних церковно-богослужебных действий в деле освящения человека ясно, что наши обряды поистине являются как бы проволоками, через которые распространяется от заряженной батареи электрический ток. Конечно, существо освящения не в обрядах, не во внешних знаках, – существо освящения в силе Св. Духа, в силе Любви Божественной, пригвожденной к Кресту и Своею кровию омывающей грехи человечества. Нет другого имени под небом, которым надлежало бы нам спастись, как имя Господа Нашего Иисуса Христа (Деян. 4, 12). Но ведь это имя должно быть произнесено телесными устами, должно быть и исповедано. *Сердцем бо веруется в правду, усты же исповедуется во спасение* (Рим. 10, 10). Вера начинается в сердце и непременно вследствие призывающей благодати Божией (*никто же может прийти ко Мне, аще не Отец, пославый Мя, привлечет его.* – Ин. 6, 44), но спасительной она становится только после исповедания устами, когда будет самым верующим внешне проявлена. *Помолюся духом, помолюся же и умом, воспою духом, воспою же и умом* (1 Кор. 14, 15), говорит св. Апостол. В этих словах св. ап. Павел различает молитву «духом» и молитву «умом». Что здесь понимать под молитвой «духом»? Очевидно, под молитвой «духом» надо разумеать то таинственное внутреннее озарение от Св. Духа, которое так необходимо для начала нашей молитвы, как необходима призывающая благодать для начала веры. Как во всем *довольство наше* (способность наша) *от Бога* (2 Кор. 3, 5), так и в этом случае: *о чесом бо помолимся, яко же подобает, не векры, но Сам Дух ходатайствует о нас въздыхании неизглаголаннными* (Рим. 8, 26). Но если «молитва духом» есть веяние Божественной благодати, то ясно, что «молитва умом» есть дело самого человека. Если «молитва духом» есть действие

¹ Там же. С. 162. – Прим. авт.

сокровеннейшее, таинственное, то «молитва умом», как дело существа духовно-телесного, должна обнаружиться и вовне, телесно¹. Давая апостолам пред Своим вознесением заповедь о проповедании Евангелия, Господь наш Иисус Христос сказал: *Кто будет веровать и креститься, спасен будет: а кто не будет веровать, осужден будет* (Мк. 16, 16). В Церковь Христову вводят вера как внутренний, невидимый акт и крещение как внешнее, видимое действие. Для спасения необходимы то и другое, но существо дела в вере, и потому один внешний акт без внутреннего ведет только к осуждению.

Вместе с заповедью о проповедании Евангелия Господь дал обетование, что уверовавшие будут совершать чудеса и знамения. Но как? Одной ли силой веры? Нет. *Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов... возложат руки на больных, и они будут здоровы* (Мк. 16, 17–18). Таким образом, для обнаружения спасительной силы Божией являются необходимыми, кроме веры как внутреннего акта, и внешние действия: в одном случае слово – в произнесении Имени Божия, в другом – телесное движение определенного характера, например, возложение рук. «Итак, все сокровища спасения, благодатные и духовные, быв заключены в вещественные сосуды, приемлются чрез тело. Тело соприкасается вещественному, сокрывающему в себя духовно-благодатное, и передает сие благодатно-духовное духу нашему, в котором приятелище и вместилище для того устрояется чрез духовные настроения», – говорит еп. Феофан². Конечно, наш кичливый ум, особенно если он подавлен тьмой греха или находится в отчуждении от живого источника церковной жизни, не может принять этой истины, последнее основание которой, разумеется, находится исключительно в воле Божией, благой и совершенной.

Учение Св. Церкви нашей о действовании благодати Божией чрез телесные посредства представляется в глазах «иу-

¹ Ср.: Епископ Феофан. Толкование 2 Коринф. 14, 15. М., 1876. С. 454. – *Прим. авт.*

² Еп. Феофан. Письма к одному лицу. С. 130. – *Прим. авт.*

деев» соблазном, а для «эллинов» кажется безумием. Одни никак не могут совместить с понятием о величии Бога добровольного Его уничтожения, другие же совсем не допускают, чтобы для Бога, Личного Духа, было возможно откровение в телесных вещах. На возражение первых ответим словами церковного писателя 3-го века Тертуллиана: *Ничто так не достойно Бога, как спасение человека. А современным «эллинам» напомним слова Псалмопевца: Образумьтесь, бессмысленные люди! Когда вы будете умны, невежды? Насладивший ухо не слышит ли? И образовавший глаз не увидит ли?* (Пс. 93, 8–9) «Не дивись, – скажем словами о. Иоанна Кронштадтского, – что в вещественных образах является Бог и даже говорит устами образа, ибо *вся возможна суть у Бога* (Мк. 10, 27). Когда нужно было, Он чрез ослицу проговорил человеческим голосом. Что невозможно для Бога, Который может оживотворить камень?»¹.

III

В предыдущей главе мы установили понятие об обрядах как необходимых телесных средствах благодатного освящения верующего человека. Несомненно, в этом именно смысле св. Василий Великий называет обряды церковные *догматами от предания*².

Впрочем, должны здесь оговориться, что при столь значительном множестве обрядовых действий, существующих в нашей Церкви, мы не можем утверждать, что всякий обряд есть непременно и безусловный проводник благодатного воздействия на человека.

Епископ Феофан уподобляет внешний чин Церкви ризе Господней. Великое множество людей теснило нашего Спасителя постоянно во время Его прохождения по городам и весям Палестины, великое множество касалось Его одежды; но исцелилась чрез одежду только кровоточивая.

¹ И. И. Сергиев, прот. Моя жизнь во Христе. Т. II. С. 264–265. – *Прим. авт.*

² Кипарисов. О церковной дисциплине. М., 1897. С. 40–50. – *Прим. авт.*

Для души, младенчески верующей, искренно жаждущей общения с Богом, Господь открывается на всяком месте, во всякой вещи, потому что искупительная смерть Богочеловека устранила *средостение* (Еф. 2, 14) и плоть, обожившаяся в Первенце из мертвых, по единству естества, стала теперь способна к этому обожению во всем мире, во всякой вещи. В Ветхом Завете богослужение непременно приурочивалось сначала к скинии, а потом только к храму Иерусалимскому, оно непременно выражалось в определенных внешних действиях и церемониях, из которых ни одно не имело своего собственного значения проводника благодати освящения, а только значение символическое, потому что *Иисус не у бе прославлен* (Ин. 7, 39). Так что и слова Иисуса Христа, сказанные самарянке (Ин. 4, 23–24) о том, что должно наступить время, когда истинные поклонники будут поклоняться Богу духом и истиною не в Иерусалиме и не на горе, совсем нельзя понимать в том сектантском понимании, по которому Господь будто бы этими Своими словами воспрещает молиться в храме или вообще молиться открыто, а равно сопровождать молитву каким-либо внешним действием. Богослужение ветхозаветное, так называемое обрядовое, было богопоклонением во плоти, в известных формах, не одухотворенных живым действием благодати Божией, поэтому не могло быть и освящающим человека; а как лишенное творческого начала, оно было замкнутым в строго определенные формы, причем эти обряды, как формы, символически изображавшие будущие предметы и явления времени Мессии, были для еврея строго обязательны. Не таково богопоклонение в Новом Завете. Здесь богослужение совершается уже в «духе и истине»: не чувственные движения и обрядовые действия являются господствующими, а дух благодати, одухотворяющий самые внешние богослужебные формы, и обряды наши уже – не символы, но истинное явление спасающей силы Божией, которая, правда, и в Новом Завете действует чрез телесные посредства, потому что обращена на существа духовно-телесные, но не подавляет ими свободного духа человеческого, а напротив, оживляя его, может разнообразить формы богопоклонения до

бесконечности¹. Велико разнообразие обрядов в Православной Церкви, как велика и сила веры, которая оживляет Церковь и, проходя чрез общецерковное сознание, как чрез призму, преломляется в массу разнообразных оттенков в отдельных душах верующих. И вот, каждая верующая душа, непременно *усты исповедающая во спасение*, несет в общую сокровищницу свое исповедание, которое не может не вливаться во внешние видимые формы. Значит, чем живучее дух веры в известной христианской общине, тем свободнее, разнообразнее формы богослужения, разнообразнее и многочисленнее обряды. Почему мы так мало знаем о каком-либо твердо установленном институте церковных обрядов первенствующей Церкви? Не потому ли, что живая вера, столь отличавшая первых христиан, не стесняла их свободы в разнообразии обрядов?

С этой точки зрения надо признать, что не любовь к обрядовой стороне и не обилие обрядов являются показателями упадка веры, а напротив, оскудение веры необходимо вызывает и бедность внешнего ритуала. Худо не то, что у нас много обрядов, а опасна безжизненность их, которая является первым результатом оскудения духа веры. Обряды наши церковные созданы общим церковным духом на началах взаимной христианской любви, и высший распорядитель здесь – Св. Церковь. Кто живет в этой Церкви, как в своей родной стихии, тому любы и обряды. Ведь в сектантство уходят не от избытка веры и любви, а от избытка гордости, самоуслаждения. Будущий сектант, еще прежде чем совершится фактическое отступление его от Церкви, еще числясь в Церкви, непременно переживает свое духовное отчуждение от тела Церкви и прежде всего освобождает себя от подчинения ее уставам и богослужебному строю. А ведь ничто так не сближает людей, как общее дело. Богослужение же наше общественное со всеми обрядами есть такое общее дело, в котором участниками могут быть все на равных основаниях. «Православная церковь, – говорит К. П. Победоносцев, – красна народом. Как войдешь в нее, так почувствуешь, что в ней все едино, все на-

¹ Ср. Толковое Евангелие еп. Михаила. Кн. 3. С. 155. – *Прим. авт.*

родом осмыслено и народом держится»¹. Никогда не будут лишними, никогда не покажутся безжизненными наши обряды церковные тому, кто живет общею жизнью Церкви, кто ставит для себя правилами не свои выдумки или лжеумствования вне церковного мира, а уставы Церкви, кто одевается этими уставами, как бы ризой Господней. «Церковь своими уставами, – говорит еп. Феофан, – обнимает всю жизнь человека с рождения до смерти, и притом во всех ее проявлениях и порядках. Следовательно, нет движения и действия, где бы внимательный христианин не встретился с чем-либо церковным. Следовательно, далее, нет движения и действия, которое не поставляло бы его пред лице Бога и чрез то не обязывало бы к действию благоговеишему, как подобает действовать пред лицом Бога. Отсюда выходит, что действующий по-церковному как следует непрерывно проходит науку благоговеинства пред Богом, с посвящением Ему всего, а отсюда навык – с каждым делом видимым соединять все внимание ума, все сочувствие сердца и всю ревность воли, и все сие в религиозном духе. Ходи ты теперь в сем настроении, под влиянием церковных порядков, – что получишь? Получишь то, что дух благоговеинства проникнет всего тебя и вселится в тебя. А отсюда выйдет то, что ты никакой многости в церковном замечать не станешь; ибо дух благоговеинства, пребывая в тебе неотходно, все объединять будет, и у тебя во внимании будет не многое, а одно. Выйдет также, что ты ни в каком последовании церковном не будешь замечать длительности; потому что никакое последование церковное не может быть столько длительным, чтоб сравниться в сем отношении с духом благоговеинства или превысить его, когда он не отходит и непрерывно действен. Как дыхание телесное освежает и оживляет весь организм, так и хождение в церковных порядках освежает и оживляет весь состав духовной жизни. Как кровотоочивая, коснувшись края ризы Господа, привлекала целительную себе от Него силу, так всякий, делающий что-либо церковное или участвующий в том, приемлет приток духовных стихий

¹ Московский Сборник. М., 1897. С. 231. – *Прим. авт.*

в оживление своего духа. Внешний чин Церкви есть риза Господа, самая же Церковь – тело Его»¹. Несомненно, этот именно дух благоговейства, воспитываемый в каждом отдельном члене Церкви непрерывным хождением его в уставах Церкви, в храме Божиим, в общем собрании многих верующих, соединяется, как некий светлый небесный атом, со множеством таких же подобных ему, и образуется в храме Божиим, в нашем богослужении особая небесная атмосфера, в которой «и верится, и плачется, и так легко, легко». Кто входит в храм Божий с верою, благоговением и страхом Божиим, тот хорошо знает, как много значит дышать этой атмосферой, особенно в детстве. «Приучайте детей к храму, – говорит прот. М. И. Хитров, – и пусть как можно чаще потрясает детскую душу благодатный дух Церкви, пусть проникает все существо детской души, освятив мысли, наклонности, чувства! Тогда не так-то легко овладевают соблазны света и суета житейская сердцем, которое в храме Божиим сретилось и тесно сроднилось с небесными впечатлениями»². Или вот что говорит о значении наших обрядов для детской души известный наш педагог К. Д. Ушинский: «Обряды нашей Православной Церкви имеют великое воспитательное влияние уже и потому, что они сами собою, без посредствующих объяснений, обнимают детскую душу святым религиозным чувством, настраивают ее на возвышенный, торжественный лад»³. Не можем также пройти молчанием доброго слова о великом значении этой молитвенной атмосферы в деле воспитания детей, живущей в наших храмах и нашем православном богослужении, принадлежавшего перу недавно почившего Харьковского архиепископа Амвросия. Вот это слово. «Говорят, наши дети еще малы; что они понимают в церкви? Надобно, чтобы они сначала выслушали уроки Закона Божия. Вот на что мы больше всего надеемся: уроки и уроки! Но уроками ли совершается

¹ Еп. Феофан. Письма к одному лицу в Петербург. С. 145, 148. – *Прим. авт.*

² «Душеполезное чтение». 1899 г. Т. III. С. 174. – *Прим. авт.*

³ К. Д. Ушинский. Собрание педагогических сочинений. СПб., 1905. С. 165. – *Прим. авт.*

самое раннее развитие детей? Чрез ум ли детский проходят все образы и картины жизни, и в виде ли логических понятий укладываются в их душах все впечатления, получаемые ими в природе и общежитии? Нет! Жизнь теснится в их души помимо их сознания; она проникает во все поры их нравственного существа прежде всякого научного исследования. Все мы знаем, как возбuditельно действуют на детские души жизнь и картины природы – и солнечный свет, и небесные светила, и леса, и луга, и воды, и цветы, и птицы и животные. Все это вы спешите показать детям для их созерцания, наблюдений и удовольствий; а прежде всего признаете для них необходимым чистый воздух и движение. Теперь спросим: почему вы их не держите в классных комнатах, вдали от природы, пока они не узнают научным образом астрономию, чтобы наслаждаться видом звездного неба, минералогию, чтобы с удовольствием собирать камешки на берегу реки, ботанику, чтобы полюбить цветы, орнитологию и зоологию, чтобы любоваться птицами и животными, и пр. Вы знаете, что дети отупеют прежде, нежели путем науки доберутся до созерцания природы, что они умрут без чистого воздуха и движения. Предоставьте же их и в религии, как и в природе, прежде всего созерцанию и силе впечатлений, показывайте им храмы и богослужение, поставьте их под влияние красоты церковной, в благоговении молящихся, дайте им почувствовать невидимое присутствие Божие и веяние Его благодати, и потом уже учите их и объясняйте им то, что они видели, испытали и уже полюбили»¹.

Душевен же человек не приемлет, яже Духа Божия: юродство бо ему есть, и не может разумети, зане духовне востязуется (1 Кор. 2, 14). Конечно, и наша точка зрения, по которой мы утверждаем, что наши богослужебные обрядовые действия и молитвословия, несомненно, создают особую духовную и благодатную атмосферу и как бы чрез самое дыхание, даже помимо отчетливого сознания (например, в детях и в нашем простом народе), неустранимо вселяют в душу христианскую Самого Христа (Ср. Гал. 4, 19; Еф. 3, 17), может вызвать

¹ Амвросий, архиеп. Харьковский. Проповеди. 1895. С. 246. – *Прим. авт.*

недоумения со стороны людей, привыкших в своих суждениях полагаться больше на свое личное разумение, чем на голос Церкви. А между тем, последняя опытом лучших представителей своих, еще на земле горевших огнем общения с небом, аскетов, удостоверяет нас, что «какая-то, – скажем словами Е. Поселянина, – духовная атмосфера, впитавшая в себя главные пережитые человеком чувства, окружает всякую человеческую личность; эту атмосферу носит он всюду с собой, и она-то чувствуется нашим внутренним чувством. Но если чувство, кем-либо испытываемое, очень сильно; если человек, с которым мы встречаемся, находится под влиянием какого-либо могучего, цельного, стихийного настроения, необъяснимою психологическою тайною он и нас этим настроением охватывает, подчиняет нас ему, приобщает нас, помимо даже нашей воли, тому, что сам чувствует, тому, о чем сам мыслит... Христианские аскеты думали даже, что душа человеческая не только заражает своими чувствами другую живую душу, но сообщает известную психологическую силу и известную нравственную окраску и вещам человека»¹. И мы на это, то есть на то, что благодать Божия может почивать даже и на вещах, которыми пользуется человек облагодатствованный, горящий особым духом праведности, имеем тысячи свидетельств. Прежде всего мы имеем свидетельство св. дееписателя, сообщающего в деяниях апостолов, что даже одна тень проходившего ап. Петра исцеляла больных (Деян. 5, 15) или убрусы и главоотяжи ап. Павла совершали чудотворения (Деян. 19, 12). И засим мы имеем пред собой великое множество показаний благочестивых наших паломников, которые на самом деле опытом испытали, какое непостижимое благодатное влияние оказывают разные предметы, освященные употреблением тех или иных угодников, как-то: покровы со св. мощей, мантии (прп. Серафим), шапочки, рукавички, вериги, бывшие на теле св. угодников, и даже песок с могил их или деревянное масло из лампадки, горячей пред св. мощами. Не можем мы здесь обойти молчанием также и факт явления чудотворных икон. Таких икон в нашей России

¹ Прибавления к «Церковным ведомостям» за 1905 г. С. 415. – *Прим. авт.*

особенно много. Как и чем объяснить то, что в известном месте из многих существующих икон вдруг начинается выделяться одна, как такая, которая непостижимо сообщает особую благодать Божию чрез молитву пред ней или чрез прикосновение? Конечно, последнее объяснение этого факта в воле Божией. Но если мы станем на точку зрения, нами выше принятую, которая вполне логически вытекает из идеи совершения спасения нашего *Богочеловечеством*, то и явление чудотворных икон становится нам в некоторой степени понятным. В самом деле, молитва есть общение духа человеческого с Духом Божественным. Но ведь наш дух посредствуется плотью. И мы достаточно знаем из примеров и древней библейской истории, и новой христианской, что во всех так называемых Богоявлениях человек входил в Богообщение чрез посредство какого-либо телесного образа или даже предмета. Что же удивительного в том, если Всеблагий Господь, снисходя нашей немощности и телесности, открывается душе нашей не в какой-либо мысленной, неуловимой абстрактной форме, не каком-либо только эмоциональном движении нашей души, а в более наглядном явлении, воспринимаемом всем нашим духовно-телесным существом, при посредстве наших внешних чувств, т.е. чрез зрение, слух, обоняние и даже вкус и осязание (прор. Исаии 6, 5–7, и Иеремии 1, 7–10)? «По той мере, – говорит о. Иоанн Кронштадтский, – как ты начинаешь молиться “духом и истиною” пред св. иконою, например, Спасителя, по той мере к иконе привлекается дух Того, Кто изображен на иконе, так что если вера твоя в присутствие Лица, написанного на иконе, дошла до того, что ты видишь живым То Лицо, то Он действительно благодатию Своею бывает тут. Пример – чудотворные иконы, говорившие, источавшие слезы, кровь и проч.; именно потому все они смотрят живо и выразительно. Что невозможно для Бога, который может оживотворить камень!»¹. Что же удивительного в том, что Заступница рода христианского обнаружит свое участливое явление какой-либо в тяжелой беде, обиде, горе находившейся страдалнице-сироте чрез доску, на которой изобра-

¹ И. И. Сергиев, прот. Моя жизнь во Христе. СПб., 1905. С. 264. – *Прим. авт.*

жен лик Богоматери, в силу ее неотступной веры и молитвы, и почитет на этой иконе благодать Божия, так что уже во все последующее время не отыметса от нее, и все, притекающие с верою и любовью, будут пить здесь воду утешения и укрепления? Что удивительного в том, что чудотворные иконы Спасителя или Божией Матери, или иных угодников посредствуют людям действительное снисхождение Божией благодати, когда мы видим, как льются здесь, пред сими иконами, ручьями и потоками слезы душ, томящихся в отчуждении от Бога? И кто дерзнет сказать или даже подумать, что Господь, призывающий к Себе «всех труждающихся и обремененных», не явит здесь Свое присутствие тем или иным ощутительным образом? Замечательно, что этим нашим соображениям касательно облагодатствования св. икон ради веры и любви скорбящих и обездоленных вполне соответствуют слова известного русского свободомыслящего писателя Герцена¹.

Воочию являя действительную силу чудесами и знаменениями, «чудотворные иконы Божией Матери и других святых научают нас, – скажем словами о. Иоанна Кронштадтского, – взирать на всякую икону, как на самого того святого или святую, которым молимся, как на живые и собеседующие с нами лица, ибо они близки к нам так же и еще больше, чем иконы, только бы с верою и сердечным расположением мы молились им. Так же и о Кресте Животворящем должно говорить. Где крест или крестное знамение, там Христос и сила Его, и спасение Его, только с верой изображай его и поклоняйся ему»².

Кажется, мы уже достаточно привели свидетельств за то, что наше православное богослужение со всеми своими обрядами глубоко благодатно и наши храмы со своими священными предметами, св. иконами, мощами, крестами, одеждами, действительно полны небесной атмосферы, этого «воздуха вечности», который уже один может оживлять задыхающуюся душу земного скитальца. Не этому ли «воздуху вечности» обязан наш

¹ Сочинения Герцена. СПб., 1905. Т. II. С. 31. – *Прим. авт.*

² И. И. Сергиев, прот. Моя жизнь во Христе. СПб., 1905. С. 218–219. – *Прим. авт.*

многострадальный русский народ сохранением своего бытия и своей народной силы среди бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в свою историю? Не здесь ли родник всех русских сил, не здесь ли хранилище драгоценнейших наших преданий, не здесь ли тайная сокровищница судеб наших, еще вполне не раскрывшихся? И как, действительно, бережет наш русский человек свои богослужебные обряды, любя и почитая их святыми не из полезности лишь одной, а по вере, как благодатные посредства Животворящего Духа Божия! Самое разительное свидетельство в пользу сейчас сказанного у нас налицо – это наш церковный раскол, который живет и держится в своей внутренней организации, по-видимому, только обрядами. И эта замечательная, исключительная привязанность нашего народа, особенно простого, к истовому церковному богослужению (например, монастырскому) нередко приводит в восторг представителей того исповедания, откуда обыкновенно мы привыкли слышать лишь обвинение в невежестве да суеверии. «Мы стояли, – вспоминает преосв. Антоний, архиеп. Харьковский, один эпизод, случившийся, кажется, еще во время его студенческого путешествия, – с католическим ксендзом невдали от одного знаменитого южнорусского монастыря; гудел тысячепудовый колокол, и пестрая тысячная разнокалиберная толпа представителей всей сотни русских губерний дружно потянулась из гостиниц в прекрасный собор на вершину живописнейшей горы. Мы говорили что-то о польском вопросе, причем ксендз, вопреки обычаю, разоткровенничался в своих суждениях о России. “Ну посмотрите, посмотрите! – вскричал он, указывая на открывшуюся грандиозную картину. – Если бы да нам эти лавры и соборы, что имеют дурни-москали, то мы взяли бы всю вашу Русь и увели бы, как Моисей Израиля, куда бы только захотели. Мы бы унесли ее на небо, как на орлиных крыльях, а вы сидите сложа руки, как сидели прежде, и будете сидеть, пока штунда и раскол не оберет вас до последнего человека”»¹.

¹ Антоний, еп. Волынский. Полное собрание сочинений. Казань, 1900. Т. 1. С. 414. – *Прим. авт.*

IV

Россия, приняв веру из Греции, из Греции же приняла и внешнее богослужение, которое так пленило в Царьграде послов Владимировых. Несомненно, тогдашнее богослужение заключало в себе столько простоты и величия, что богослужебные обряды были лишь прозрачною завесою, сквозь которую просиявал дух христианского богослужения. *И приидохом же в греки, – пишет летописец от лица послов, – и ведоша ны, идеже служат Богу своему, и не свемы, на небе ли есмы были, или на земли: несть бо на земли такого вида, ни красоты такая, и недоумеем бо сказати: токмо то вемы, яко он де Бог с чловека пребывает, и есть служба их паче всех стран. Мы убо не можем забыти красоты тоя*¹. И мы знаем, что это увлечение русских послов внешней богослужебно-обрядовой стороной, сквозь которую чувствовалась сама сила Божия (*он де Бог с чловека пребывает*), проходит неизменным тоном чрез всю историю церковно-религиозного сознания русского народа. Наш народ, так чутко полюбивший красоту церковную, не мог не дорожить храмом Божиим, потому что последний был для него в большинстве единственным училищем веры и благочестия. «Так что если бы какой-нибудь мечтатель-богомил, – говорит архиеп. Филарет, – успел потушить в то время (разумеется, первое время по введении христианства в России) в сердцах русских священное усердие к храмам, то народ остался бы без мыслей о вере, без благочестия христианского: ибо оставался бы без самого удобного для него училища веры и благочестия. Потому-то благочестивые пастыри, благочестивые князья и каждый, кто только имел при благочестии средства, истощали богатства как на построение храмов, так и на умножение в них священного благолепия»².

Итак, на основании несомненных исторических данных мы должны установить положение: *русский народ получал и получает свое христианское ведение и воспитание путем со-*

¹ Филарет, архиеп. Черниговский. История Русской Церкви. С. 71. – *Прим. авт.*

² Там же. С. 74. – *Прим. авт.*

зерцания красоты церковной по преимуществу. Да иначе и быть не может. Счастливая духовными дарованиями Греция, привыкшая еще со времен языческих разбираться в тонкостях философских построений, на Вселенских соборах и в писаниях своих церковных учителей вполне уяснила христианское учение, которое и должна была передать своей молодой крестнице, России. Но как передать? В самой Греции истины догматические вырабатывались на соборах путем рассуждений, споров, вообще путем логическим, путем сильной, критической и усвоительной способности мышления. Возможно ли было в России такое же наукообразное усвоение христианской догматики? Конечно, нет. Первыми проповедниками были греки, которые едва ли могли, при плохом знании русского языка, ввести еще не привыкшую к диалектическим тонкостям мысль народа, только что вступившего на путь исторической жизни, во все богатство отвлеченной области строго обработанной догматики. О самостоятельном книжном изучении нашими предками памятников христианской письменности не может быть и речи, особенно если мы примем во внимание, что даже и в настоящее время мы, русские, плохо освоились с ними. Но оставался еще путь усвоения христианских истин – это путь наглядный, посредством созерцания красоты христианского богослужения и обрядов его. Вот этим-то путем и воспользовался в свое время наш русский народ, чтобы войти в дух и понимание высокого христианского вероучения. Этот путь для нашего народа был именно тем млеком, которое, по Апостолу, и нужно давать всякому младенцу по духу, а не твердую пищу (Евр. 5, 12–13). Да и в настоящее время наш народ, на две трети неграмотный, разве не нуждается еще в этой наглядности? И разве до сих пор не в храме, не за богослужениями и богослужебными символическими действиями учится он и догматике, и церковной истории, и аскетике? «Я утверждаю, – писал в 1880 году в своем «Дневнике» Ф. М. Достоевский, – что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его. Мне скажут: “Он учения Христа не знает, и проповедей ему не говорят”, – но это возражение пустое: все знает, все то,

что именно нужно знать, хотя и не выдержит экзамена из катехизиса. Научился же в храмах, где веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей. Повторял и сам пел эти молитвы еще в лесах, спасаясь от врагов своих, в Батыево нашествие еще, может быть, пел: “Господи сил, с нами буди”».

Действительно, мало приготовленный к восприятию догматов христианских в отвлеченной форме, наш русский народ очень легко усваивал и усваивает их в наглядном изображении, посредством богослужебных действий, церковных песнопений и других обрядов, действующих не столько на мышление, сколько на чувство. Впрочем, по замечанию психологии, нужно вообще сказать, что «всякий человек гораздо глубже и тверже верит в те идеи, которые он живо представляет или мыслит, чем бы эта живость ни вызывалась, какими бы причинами она ни обуславливалась; и по свидетельству человеческого опыта известно, что реальность идей становится для нас гораздо яснее, ощутительнее, если нам удастся представить их в чувственных формах»¹. «Вера в религиозные истины часто могла бы быть слаба и бессильна, если бы они мыслились только в их чистом, отвлеченном виде. Конкретный символ приходит ей на помощь: он оживляет в человеке сознание религиозных идей; он делает эти идеи ближе его душе», – говорит проф. П. Соколов в своем психологическом этюде о вере². «Видимое, – говорит известный русский богослов А. С. Хомяков, – есть всегда только оболочка внутренней мысли. Обряд – дело великое: это художественный символ внутреннего единства»³. «Образность, или символика, – скажем словами о. Иоанна Кронштадтского, – есть потребность человеческой природы в настоящем духовно-чувственном нашем состоянии; она наглядно объясняет нам весьма многое из духовного мира, чего без обрядов и символов мы не могли бы знать. Отсюда Божественный Учитель, Ипостасная Премудрость, все сотворившая, Сын Божий Господь Наш Иисус Христос поучал часто

¹ П. Соколов. Вера. Психологический этюд. М., 1901. С. 64. – *Прим. авт.*

² Там же. С. 65. – *Прим. авт.*

³ А. С. Хомяков. Собрание сочинений. Т. 1. С. 28. – *Прим. авт.*

людей образами или притчами; отсюда и в храме нашем православном принято многое представлять взору христианина образно, напр., Самого Господа на иконе, Пречистую Богородицу, ангелов и всех святых, чтобы мы соображали все мысли, слова и дела по образу мыслей, слов и дел Господа и святых Его; отсюда частое изображение креста, каждение ладаном, возжжение свечей и лампад, входы и выходы из алтаря; для этого – поклоны, главопреклонения, падение ниц (мы пали глубоко чрез грех). Все это нам напоминает о разных духовных предметах и состояниях. Образность много влияет на душу человеческую, на творительную и деятельную ее способность. Так, говорят, если мать во время чревоношения часто смотрит на лицо или образ любимого мужа, то младенец рождается очень похожим на отца; так, если христианин часто с любовью и благоговением взирает на образ Господа Иисуса Христа или пречистой Его Матери и святых Его, то и его душа приемлет духовные черты любезнозримого лица (кротость, смирение, милосердие, воздержание). О, если бы мы чаще взирали на лики и особенно на жизнь Господа и святых Его, как бы мы изменялись, восходили от силы в силу! Так обоняние благоухания кадила в церкви или дома, по аналогии, напоминает нам о благоухании добродетели, а по противоположности – о зловонии грехов, и учит внимательного к внутреннему чувству – избегать смрада страстей, невоздержания, блуда, злобы, зависти, гордыни, отчаяния, других страстей и украшать себя всякими христианскими добродетелями»¹.

Не станем отрицать, что наше проповедническое церковное учительство никогда не стояло на надлежащей высоте, прежде по невежеству и приниженности большинства нашего приходского духовенства, впоследствии же по иным причинам, о которых нет надобности говорить здесь подробно. Но никто не отвергнет факта того великого учительного влияния, какое имеет наше православное богослужение на всякого русского человека. «Если бы не имел этого (речь идет о вероучительном значении стихир) народ, откуда получил бы он это

¹ И. И. Сергиев, прот. Моя жизнь во Христе. С. 179–180. – *Прим. авт.*

знание веры – там, где нет никакого школьного преподавания Закона Божия, где настоятель то недосужен, то неспособен быть учителем Закона Божия или сердечным проповедником его во храме? Так, богослужение, внимательно исполняемое, служит у нас само по себе единственной и самую действительную школою закона Божия для народа. И все это завещано нам историей и преданием!.. Как же может наша Церковь пренебрегать в наше время этим могучим средством, которое мы имеем в нашем богослужении и которое так известно и любезно народу там, где соблюдается оно усердием и знанием настоятеля церкви в приходе?» – так писал в предсмертном труде своем К. П. Победоносцев¹. «Единством обрядов церковных должен дорожить всякий христианин, – пишет А. С. Хомяков, – ибо в нем проявляется даже для непросвещенного единство духа и учения; для просвещенного же находится источник радости живой и христианской»². «К Нему, нашему Искупителю, – говорит архиеп. Амвросий Харьковский в своей проповеди, – Церковь, как мать дитя, ведет нас за руку в своих богослужениях. О Нем она нам рассказывает, о Нем поет, Его любовь и красоту нам изображает, Его благодеяниями учит утешаться»³. Таким образом, наш православный храм со своим богослужением есть в своем роде школа, одинаково доступная и высоким умам, и темному люду. «Пусть темный человек почаще ходит в церковь, – пишет прот. В. Нечаев (впоследствии еп. Виссарион), – пусть внимательно вслушивается во все, что здесь поется и читается, – он и без школьной подготовки узнает все, что нужно ему знать для спасения души. Храм с его богослужением есть такая школа, в которой все обучаются, – не ленись только ходить в эту школу и учиться в ней. И тем легче можно успеть в усвоении учения, предлагаемого богослужением, что это учение для каждого из нас до конца жизни непрерывно повторяется... В высшей степени важно и то, что богослужение служит практическим способом обучения истинам веры и

¹ О реформе в нашем богослужении. СПб., 1906. – *Прим. авт.*

² А. С. Хомяков. Собрание сочинений. Т. II. С. 6. – *Прим. авт.*

³ Проповеди архиеп. Амвросия. 1895. – С. 241. – *Прим. авт.*

нравственности. В нем эти истины не отвлеченно предлагаются, а входят большею частью в состав молитв. Таким образом, если молящийся славословит Отца и Сына и Св. Духа, он чрез это усваивает догмат о Св. Троице. Если молящийся благоговейно поклоняется Кресту Христову и славит святое Христово Воскресение, — он чрез это научается вере в догмат искупления. Догмат почитания святых он усваивает чрез то, что действительно молится святым и прославляет их. Значение догмата веры о поминовении усопших приобретается чрез действительное поминовение их, и т.д.»¹.

Обобщая все вышесказанное, мы теперь, в заключение своего этюда, можем установить кратко следующие положения.

Русский народ несомненно больше, чем какой-либо иной христианский народ, любит и дорожит обрядовой стороной своего церковного богослужения. Но эта привязанность к обрядам не есть лишь бессмысленное, бесцельное, пустое обрядоверие. Не столько сознательно, а скорее чутьем наша народная масса угадывает, что наша обрядность имеет более глубокое отношение к догматам веры христианской, чем это может представляться какому-либо рационалисту или просто человеку иной веры, иного исповедания. Некоторые обрядовые действия и вещи (например, вода и троекратное погружение с призыванием имени Св. Троицы в крещении, миро в миропомазании, руковозложение и др.) прямо неотъемлемы от известных таинств, составляя их внешнюю сторону, и потому Отцами Церкви называются «догматами от предания». Да и все вообще обрядовые действия и предметы, освященные древним употреблением в Церкви в качестве тех неизбежных, по условиям нашей природы, внешних видимых и телесных посредств, чрез которые входит в общение духовно-телесный человек с Духом Божественным и чрез которые привлекается на человека благодать Божия, являются по вере нашей облагодатствованными. Так что самый храм Божий, в котором совершается богослужение со всеми его обрядовыми действиями, и как место селения Славы Божией, в очах православного русского челове-

¹ «Душеполезное чтение». 1879 г. Ч. 3. С. 367. — *Прим. авт.*

ка наполнен какой-то особой святой атмосферой, дышать которой для русского человека составляет особую важность. Кроме того, как все наше богослужение со всеми своими священными чтениями и песнопениями, так особенно символическая сторона его с первых дней распространения христианства в России до нашего времени служат самой лучшей и для многих единственной школой религиозного просвещения.

Вместо заключения

Кто верует в Промысл Божий, кто знает, что нет и не бывает ничего бесцельного во вселенной, кто признает, что всякий отдельный народ, призываемый к национальному бытию, непременно по суду Промысла Божия должен исполнить свое историческое призвание и, если это будет народ христианский, должен внести нечто в сокровищницу дела Христова, тот согласится с нами в том, что русский народ, просвещенный христианством в самую раннюю пору своей исторической жизни, несомненно, за 900 лет своего христианствования заявил свое служение Христовой Истине действительным вкладом. И вот, нам кажется, что если грек, любя философию, привыкши легко разбираться в тонкостях ее анализа и примирять расчлененные и разрозненные элементы в высшем синтезе, с увлечением отдался уяснению христианской догматики, то молодой русский народ, при помощи своей свежей, юной фантазии, стал вслух всего мира читать и исповедовать эти отвлеченные идеи в живых, конкретных и символических образах своего богослужебного обряда. При этом истина вселенской веры, принятая Россией из чистого источника восточного православия, по самому существу своему живая и животворящая, явилась в религиозном одушевлении русского человека тем творческим началом, которое еще более расширило и вместе одухотворило (оживило) круг богослужебных обрядов и церемоний, принятый вначале русскими из Греции. «С Востока, – так говорил русский человек в Киеве в день 900-летия крещения Руси, – с Востока, откуда воссиял свет Христов всему миру, приняли

мы веру свою, приняли церковные уставы, приняли несказанную, несравненную красоту богослужения и в него вложили свою русскую душу – глубоким и могучим словом своего языка и чудным звуком родной своей песни. Не русская ли душа одна изукрасила и возлюбила у себя тот чудный звук русского колокола, который так таинственно и увлекательно будит ее и зовет в церковь, и от земли домой на небо... Храм наш – это дом русскому человеку, дом самый ближний, где все равны от мала до велика, все имеют и находят свое место, все почерпают одинаково радость и утешение; тут наша сила, тут тайная сокровищница судеб наших, тут хранилище драгоценнейших наших преданий и родных сил наших, которым суждено еще явиться в будущем, если в будущем оправдаем мы делами правды и любви всю истину нашей веры»¹.

¹ «Церковный вестник». 1888 г., № 30. Речь обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева на обеде, данном 15 июля г. Киевом депутатам, высокопоставленным лицам и приглашенным гостям.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП
ЕФРЕМ КУЗНЕЦОВ
(10.V.1875—23.VIII[5.IX].1918(?))**

Епифаний Андреевич Кузнецов родился в станице Краснояровская Нерчинско-Заводского округа Забайкальской области в семье казаков, рано остался круглым сиротой. На казенный кошт окончил Нерчинское духовное училище, Иркутскую духовную семинарию. 2 августа 1896 г. рукоположен во диакона, 4 августа того же года во священника церкви Покрова Пресвятой Богородицы в с. Кокуй Забайкальской и Нерчинской епархии. В 1903 г. окончил полный курс общеобразовательных

и специальных наук по миссионерской группе монгольского отделения Казанской духовной академии. В июле 1903 г. был отправлен в Бырцынский миссионерский стан, но почти сразу же отозван в Читу, где назначен председателем Совета Читинского центрального миссионерского училища. В ноябре 1903 г. переведен на только что учрежденную должность помощника начальника Забайкальской духовной миссии. В августе 1905 г. назначен начальником миссии. Организатор борьбы с ламаистским прозелитизмом среди крещеных инородцев Забайкалья. Прославился своей миссионерской деятельностью среди корейцев, бежавших в Забайкалье после японской аннексии Кореи в 1905 г. Одновременно был инспектором учительских курсов при Читинском миссионерском училище, сверхштатным членом Забайкальского епархиального училищного совета, редактором «Забайкальских епархиальных ведомостей», председателем совета женского епархиального училища, председателем экзаменационной комиссии для испытания лиц, ищущих священства, диаконского сана и псаломщических мест, состоял членом-казначеем церковного братства свв. Кирилла и Мефодия и св. Иннокентия Иркутского. 29 апреля 1907 г. возведен в сан протоиерея.

В 1907 г. стал организатором Забайкальского отдела Союза Русского Народа. Позднее стал председателем Забайкальского отдела РНСМА. Участвовал в работе Съезда Русских Людей, проходившего в Москве 27 сентября – 4 октября 1909 г., был одним из секретарей Отдела церковных вопросов, выступал с докладом.

17 октября 1909 г. архиепископом Антонием (Храповицким) пострижен в монашество с именем Ефрем, а 25 октября на основании указа Св. Синода архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским) возведен в сан архимандрита. В 1913 г. вместе с протоиереем Иоанном Восторговым побывал с миссионерской целью в Монголии. 20 ноября 1916 г. в Чите, в Александро-Невском кафедральном соборе, состоялась епископская хиротония Ефрема (Кузнецова), возведенного в сан епископа Селенгинского, викария Забайкальской епархии.

После февраля 1917 г. Забайкальский областной комитет общественной безопасности обратился в Петросовет с просьбой удалить на покой в монастырь вне пределов области епископа Ефрема, «зарекомендовавшего себя всей своей прошлой деятельностью ярким реакционером, организатором черной сотни». Св. Синод не поддался шантажу и оставил владыку на месте.

Участник Священного собора Православной Российской Церкви, на котором 22 января 1918 г. выступил с докладом. В докладе епископ Ефрем обличал интеллигенцию за отступление от веры, объяснял разыгравшуюся смуту как кару Божию за вероотступничество, за измену и предательство. «Возьмем военную интеллигенцию, не она ли <...> в лице своих высших представителей, окружавших верховную власть, пошла на переворот, забыв присягу. И вот за это самое сейчас она стерта с лица земли». «Пришла ли в покаяние наша интеллигенция, много столь потрудившаяся над созданием крушения нашего государственного строя и теперь являющаяся единственной и главной виновницей падения и гибели нашей Родины?» – горестно вопрошал он. Осенью 1917 г. вернулся в епархию, но был выслан местными властями за пределы области. Уехал в Москву, поселился на квартире у своего друга протоиерея Иоанна Восторгова.

По некоторым данным, в конце 1917 г. или начале 1918 г. был в первый раз арестован, но вскоре освобожден. 30 мая 1918 г. (по другим данным – 2 июня) арестован ЧК на квартире протоиерея И. И. Восторгова и заключен в Бутырскую тюрьму. По одной версии, расстрелян на Братском кладбище вместе с сщмч. И. И. Восторговым, И. Г. Щегловитовым, Н. А. Маклаковым, А. Н. Хвостовым, С. П. Белецким и др., по другой, более достоверной, был расстрелян в другое время (возможно, 2 июня).

Прославлен в сонме новомучеников и исповедников Российских на юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 г.

**Последняя реализация Высочайшего указа 17 апреля
1905 г. в Забайкальской области
(доклад на Съезде Русских Людей в Москве
(27 сент. — 4 окт. 1909 года))**

Высочайший указ 17 апреля 1905 года об укреплении начал веротерпимости покоящийся на фундаменте русской истории и русских Основных законов, издан не для поколебания значения Православной Церкви, как первенствующей и господствующей, а для того, чтобы как дело мира и любви послужил бы к вящему возвеличению веры православной. В нем нет и тени ни унижения Церкви, ни стремления вторгнуться в ее внутреннюю жизнь, регулируемую св. канонами. Но указ этот, будучи неправильно понят и перетолкован и представителями власти, и теми, для кого он издан, послужил камнем преткновения на соблазн и падение многим. При проведении в жизнь царской воли 17 апреля 1905 г. о началах веротерпимости, Министерство внутренних дел циркуляром на имя губернаторов от 18 августа 1905 г. за № 4628 препроводило выработанные временные правила о переходе лиц из православия в инославие и иноверие. Пункт 4 этих правил гласит, что при подаче прошения о переходе из православия в иноверие «губернатор обязан удостовериться средствами, которые он признает наиболее действительными, что заявитель или предки его действительно принадлежали к той нехристианской религии, которую заявитель признает себя исповедующим и в которую желает быть причисленным. В случае затруднительности установить в точности означенное обстоятельство административная власть ограничивается проверкой, действительно ли заявитель еще до воследования указа 17 апреля 1905 г. об укреплении начал веротерпимости уклонялся от исполнения обрядов Православной Церкви (не бывал у исповеди и св. причастия и т.д.). По удостоверении сего губернатор сообщает епархиальному начальству для зависящих распоряжений об исключении заявителя из православных метрических списков». Сила этого правила

подтверждена потом разъяснением Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий на имя иркутского генерал-губернатора, от 25 июня 1907 года за № 3265.

Приведенными правилами и их разъяснением гражданская власть вторглась во внутреннюю жизнь Православной Церкви и, вопреки Слову Божию (Мф. 18, 15, 16, 17; 1 Кор. 5, 2, 4, 5, 6) и канонам церковным, присвоила себе власть отлучать колеблющихся и падших грешников от Церкви. Отвергнув порядок канонического отлучения от Церкви отпадающих, преподанный Самим Господом в св. Евангелии и апостольском послании, гражданская власть решающий голос в отлучении от Церкви колеблющихся и отпадающих предоставила власти (полицейской), которая, конечно, одна только может являться в руках губернатора «средством, наиболее действительным» для удостоверения принадлежности вероотступника или его предков к вере, в которую он вознамерился перейти. Насколько компетентна полиция в определении закономерности и искренности вероотступлений, об этом говорить было бы излишним даже и в том случае, если бы полиция к этой высокой миссии, не по принадлежности на нее возложенной, отнеслась со всяким тщанием и со всей силой своего разума. В действительности же полиция относится к этому формально, в результате чего великая и вечная гибель многих душ, в вере Христовой еще не окрепших. Прошение вероотступника, подаваемое обычно на имя губернатора области, последним направляется уездному начальнику, который при надписи отправляет его приставу, пристав, в свою очередь, при надписи же препровождает волостному или станичному правлению, которое отправляет его булучному старосте или поселковому атаману. Последняя инстанция отбирает показания от вероотступника, представляющие лишь повторение того, что сказано в прошении, направляет все дело по обратному ряду восходящих полицейских инстанций до губернатора области, а губернатор «сообщает епархиальному начальству для зависящих распоряжений об исключении заявителя из православных метрических книг». Таким образом, вся процедура дела и самое решение оказываются в руках гражданской власти,

причем представителям Церкви не дано срока для производства увещания отпадающему, что сделано в отношении к уклоняющимся в инославие, а потому губернатор не дает духовной власти сообщения о поступлении на его имя вероотступнического прошения. Духовной власти в этом важном и, в сущности, ее же собственном деле предоставлено лишь то, что может сделать последний канцелярский чиновник – отметить о состоявшемся в метрической книге, и только по неизбежности, так как книги метрические в руках духовенства. Взявши право отлучения от Церкви, гражданская власть слишком широко открыла двери выхода из православия. Стоит только под влиянием какой-нибудь случайности, недоразумения, агитации и т.п. подать прошение о переходе в иноверие, факт отпадения будет непременно санкционирован, нередко к великому недоумению самих просителей и всегда к соблазну прочих инородцев.

Характерным особенно является пункт 3 Указа об укреплении начал веротерпимости, гласящий: «лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к православию принадлежали сами они или их *предки*, подлежат, по желанию их, исключению из православных». В нем не определено, до какого колена предки-язычники могут быть основанием, достаточным для вероотступничества. Предки – слово слишком растяжимое. И у русских предки исповедовали язычество, и все христиане земного шара имеют предков-язычников. В Волжско-камском крае, где вероотступничество из православия в мусульманство свило себе прочное гнездо много лет тому назад, причем нынешние вероотступники, действительно только формально числившиеся православными, в действительности отступили сто и более лет тому назад в лице своих отдаленных предков и с того времени, продолжая считаться христианами по бумагам, жизнь проводили под руководством мулл, – там, может быть, отчасти терпимо слово «предки» в неограниченном смысле. В Забайкалье же, где вероотступничества до 17 апреля 1905 года вовсе не было и таковое в сознании крещеных инородцев даже не мыслилось, неопределенный термин «предки»

лишь безгранично расширил пределы *искусственно созданного* здесь отступнического движения. О переходе в ламаизм стали подавать прошения лица, предки которых приняли христианство 2, 3, 4 поколения назад и далее.

До издания Указа 17 апреля забайкальские буряты смотрели на христианство как на самую возвышенную религию, «лучшую из всех веру», о чем не стеснялись заявлять открыто. К такому мнению их приводил культурный быт русского народа, каковой они вмещают в понятие религии, факт принадлежности к христианству Царя, начальства, образованных людей и т.п. внешность. Крещенные инородцы, хотя и терпели притеснения от язычников, всегда находили утешение и нравственную поддержку в сознании преимущества той веры, за которую они страдали. Как бы плохи они ни были по усвоению начал христианского учения и христианской жизни, им никогда и в мысль не приходило возвращаться в ламаизм. Знаменательным и многоговорящим, насколько нужен и потребен для забайкальских крещеных инородцев Указ 17 апр. 1905 г., является тот факт, что за все время существования в Забайкалье не было ни одного, не говоря о коллективных, единичного прошения об обратном переходе в ламаизм или шаманство. Несмотря на агитацию лам и бурятской интеллигенции, большинство отступников и теперь не знает и не понимает, зачем издан этот Указ. Крещенные же инородцы остановились в недоумении перед неожиданной возможностью обратного перехода в язычество, которого они и не просили и не искали. С ответом на это недоумение не замедлили явиться бурятские интеллигенты, движимые политиконационалистическими стремлениями, и ламы, в целях упрочения своего привилегированного положения, а также в целях националистических. Началось тенденционное и заведомо ложное толкование Указа о веротерпимости, возникла и усилилась среди новокрещенных преступная агитация лам, бурятской интеллигенции и даже лиц русского происхождения, появились и самозванные, за гешефт, ходатаи по делам отступничества, писатели о сем прошениях, иногда с учинением подлогов подписей, почти всегда с порицаниями и хулой на миссию. Началось

и вероотступничество. Подавать прошения о переходе в ламаизм стали не только улусные крещеные инородцы, окруженные ламаитами, но и такие лица, от которых ожидать было невозможно. И по сие время в Забайкалье нет вероотступничества на почве религиозной, а есть таковое на почве национальной, бытовой, экономической, но только не вероисповедной. Являясь в деле вероотступничества жертвой обмана, корысти, шовинизма, террора и насилия, при подаче коллективных прошений, жертвой произвола, когда муж-отступник или жена-отступница влачит в язычество все свое семейство, жертвой стихийности и чувства стадности, идя в язычество по соображениям характера чисто бытового и племенного, – забайкальские вероотступники оставляют православие в худшем случае при сознании, что все веры, как от Бога, равного достоинства, а в большинстве – при убеждении, что христианство – всем верам вера, только оно не для бурят, а для русских. Но ни один отступник не скажет, что христианство – губящая ложь, а ламаиство – спасающая истина. Этого единственно верного, довлеющего для перемены веры мотива нет ни в одном из прошений вероотступников, наполненных самооплеванием отступающих, их ложью и грязью по адресу миссии. Многие, под посторонними влияниями прося о перечислении их из православия, не особенно и интересуются судьбой своих прошений. «Прошения мы подали, – обычно говорят таковые, – но, если начальство найдет наши прошения удовлетворить невозможным и откажет, мы останемся в православной вере». По получении же ответа на прошение в положительном смысле, они учиняют лишь формальный переход из православия в язычество, в существе же остаются таковыми, каковыми были до отступничества, и лишь прекращают исполнять таинства и обряд погребения. После всего этого естественно является вопрос, где же та «нужда в раскрепощении религиозной совести», которая вызывала бы для данного края Манифест 17 апреля 1906 года? Чем вызывалось дарование свободы перехода из православия в язычество, каковой в Забайкалье не искали, но каковой потом соблазнились на погибель? На этот вопрос не дают ответа и журналы Комитета Министров,

предшествовавшие Указу 17 апреля. Из этих журналов видно, что Комитет Министров, подготавливая Указ об укреплении начал веротерпимости, имел в виду те религиозные группы Империи, которые, официально числясь православными, но в действительности исповедуя другую веру, были пасынками закона, а именно: а) отпавших в протестантство латышей Прибалтийского края, б) упорствующих в католицизме бывших униатов Северо-западного края и царства Польского, в) старообрядцев и сектантов. Этим, собственно, группам и имелось в виду предоставить свободу исповедовать ту религию, к которой они действительно принадлежат. Из особого же журнала Комитета Министров, высочайше утвержденного 17 апреля 1905 года, видно, что Указ, говоря о лицах, числящихся православными, но в действительности исповедующих ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к православию принадлежат сами они или их предки, и дозволяя сим лицам, по их желанию, быть исключенными из числа православных, касается упорствующих *поволжских* и *заволжских* татар. О язычествующих инородцах Империи, в частности о забайкальских ламаитах и шаманистах, очевидно, не было никаких суждений, да едва ли и могли возникнуть таковые, так как для них не было повода. Очевидно, забайкальские инородцы получили свободу перехода обратно в язычество для себя нежданно-негаданно, как сюрприз того свободолобивого времени.

На этом, за недостатком времени, я и окончу свой доклад. В нем я хотел в самых общих чертах сказать, каковы новые, ныне во всей силе действующие вероисповеданные предначертания по отношению к забайкальским инородцам. Я хотел отметить, что этот новый временный гражданский закон, обще и неудачно формулированный, распоряжающийся духовной судьбой православных, хотя и заблуждающихся, христиан самостоятельно, помимо Церкви, для забайкальцев был не нужен, не прошен, правительством не предвиден, но он оказал роковое действие, искусственно вызвав вероотступничество и тем создав новые, весьма тяжелые условия деятельности местной православной миссии.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП
ИОАСАФ (ЖЕВАХОВ)
(24.XII.1874–21.XI[4.XII].1937)**

Князь Владимир Давидович Жевахов родился в родовом имении Линовица Пирятинского уезда Полтавской губернии, брат-близнец видного государственного деятеля и духовного писателя князя Н. Д. Жевахова. Закончил юридический факультет Киевского университета св. Владимира (1899), в 1900 г. поступил на службу в Киевскую судебную палату. С 1902 по 1914 гг. избирался на каждое новое трехлетие почетным мировым судьей сначала по родному Пирятинскому уезду, а затем по Киевскому

уезду. До 1917 г. состоял на государственной службе. 9 января 1911 г. назначен старшим советником Киевского губернского правления в звании статского советника. Как опытный чиновник, неоднократно исполнял обязанности вице-губернатора. Последняя должность – чиновник особых поручений при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе.

С октября 1908 г. действительный член состоящего под покровительством государыни-императрицы Марии Федоровны Православного Миссионерского общества. Член-учредитель Православного Камчатского братства, основанного иеромонахом Нестором (Анисимовым). Почитатель святителя Иоасафа Белгородского, которому доводился дальним родственником. 15 декабря 1910 г. указом Св. Синода назначен членом комиссии по устройству раки для Честных мощей свт. Иоасафа Чудотворца Белгородского. В марте 1912 г. общим собранием членов Курского Знаменско-Богородичного Миссионерско-Просветительского братства избран его почетным членом. В 1912 г., испросив благословение у митрополита Киевского Флавиана (Городецкого), на свои личные средства начал раскопки древних иноческих пещер в предместье Киева, называемом «Зверинец», вскоре древний пещерный монастырь во имя св. архистратига Михаила стал одним из любимых мест для паломников по святым местам Киева. При пещерах был основан Зверинецкий скит, почетным попечителем которого стал князь Жевахов. 1 декабря 1913 г. была освящена церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а 29 августа 1914 г. был освящен придел в честь свт. Белгородского Иоасафа (второй придел хотели освятить во имя прп. Серафима Саровского, но помешала война), старостой церкви был сам князь Жевахов. Участник правомонархического движения в Киеве, член Русского Собрания.

Все время революции и гражданской войны провел в Киеве, где на Сретенской ул. у Жеваховых был дом. После смерти летом 1917 г. матери жил там с одной из сестер и приехавшим в сентябре 1917 г. братом Николаем. Весной 1919 г., в самое страшное время чекистских злодеяний, его с братом в благодарность

за пожертвования приютил игумен Мануил, настоятель скита Пречистой в Церковщине. После освобождения Киева в середине августа войсками Добровольческой армии брат Николай, не веривший в прочность деникинской власти, решил уехать на юг. Братья простились – как оказалось впоследствии, навсегда. Во время революции и гражданской войны в Линовице по приглашению князя Жевахова некоторое время скрывался его друг, известный духовный писатель С. А. Нилус с супругой.

1924 год стал переломным для князя Жевахова. В книге отзывов посетителей Зверинецких пещер сохранилась запись, сделанная князем 28 января 1924 года и дающая представление о его мыслях: «Впервые в этом году посетил Зверинецкий скит. Пусть будет этот год годом возрождения униженной Родины нашей во славу и утверждение Православной Церкви... В. Жевахов». Вскоре он был арестован и 7 месяцев провел в тюрьме Киева. После освобождения князь написал письмо Патриарху Тихону, прося благословить его принять монашеский постриг: «Имея с юношеских лет влечение к иноческой жизни, но в силу обстоятельств моей жизни, которые превышали, независимо от воли моей, силу моих желаний, не имея возможности до последних лет исполнить это тайное желание моего сердца, – покорнейше прошу Ваше Святейшество удостоить меня монашеского пострига, упреждая при этом, что как характер того, что должно быть со мною, при условии Вашего благословения, послушание и место проживания для меня были бы совершенно безразличны, поскольку надеюсь на ниве монашеского делания исполнить в немощи моей волю Божию, этого одного желаю и к этому только стремлюсь». Патриарх благословил, и 11 (по другим данным – 26) декабря 1924 г. в Зверинецком скиту епископом Уманским Макарием (Кармазиным) князь Жевахов был пострижен в монашество с именем Иоасаф и рукоположен во иеромонаха. Через 1,5 года, 6 июля 1926 г., в Н. Новгороде митрополитом Сергием (Страгородским) хиротонисан во епископа Дмитриевского, викария Курской епархии. А уже 16 сентября 1926 г. епископ Иоасаф был арестован «за изготовление и хранение в своей квартире

с целью распространения агитационной литературы контрреволюционного содержания» и «поминовение во время богослужения бывшего императора Николая Александровича Романова, всех членов царского дома и бывших министров, вплоть до адмирала Колчака». Постановлением Особого Совещания коллегии ОГПУ от 12 ноября 1926 г. осужден на три года лишения свободы и отправлен в Соловецкий лагерь. По окончании срока заключения, 7 октября 1929 г., сослан на три года в Восточную Сибирь, в Нарымский округ. В церковных спорах того времени был твердым и последовательным сторонником митрополита Сергия (Страгородского).

По возвращении из ссылки 19 сентября 1932 г. назначен епископом Пятигорским, а с 28 октября 1932 г. – епископом Чебоксарским. От назначения отказался. 29 июня 1934 г. (по др. данным – в феврале 1936 г.) назначен епископом Могилевским. В 1936 г. назначен управлять одновременно и Минской епархией.

С 1936 г. на покое, переехал на жительство в Белгород, к так почитавшемуся им свт. Иоасафу Белгородскому. 16 октября 1936 г. арестован и выслан в г. Боровичи Новгородской обл., но в следующем году освобожден и вернулся в Белгород. В 1937 г. арестован УНКВД по Курской области по обвинению в «руководстве контрреволюционной фашистской организацией церковников». Ему инкриминировалось создание террористической группы по подготовке крушений правительственных поездов, якобы действовавшей на территории Курской и Орловской областей. Всего по этому делу проходило 454 обвиняемых: епископы, священники, миряне. На допросах владыка Иоасаф держался мужественно. 4 декабря 1937 г., в день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, осужден тройкой УНКВД по Курской области и в тот же день расстрелян.

В мае 1990 г. прокуратура Белгородской области реабилитировала епископа Иоасафа, а 17 июля 2002 г., в день памяти Святых Царственных Мучеников, решением Св. Синода Русской Православной Церкви владыка Иоасаф был прославлен в лике исповедников и новомучеников Российских.

**Святитель Иоасаф, Белгородский
и всея России чудотворец (1705–1754)¹**

Святитель Иоасаф родился 8 сентября 1705 г., в день праздника Рождества Пресвятыя Богородицы, в г. Прилуках Полтавской губернии и наречен был во св. крещении именем праведного Иоакима, родителя Пресвятыя Богородицы, память которого празднуется Церковью 9 сентября.

Родители Св. Иоасафа – Андрей Димитриевич Горленко и Мария Данииловна, рожденная Апостол, дочь известного малороссийского гетмана Даниила Павловича Апостола², принадлежали к высшей малороссийской знати, владея большими богатствами и занимая высокое положение в обществе.

В то же время они были богаты свойствами истинного благородства, отличаясь простотой и доступностью, кротостью и милосердием, и воспитали своего сына-первенца в духе истинного православия и благочестия. Пробудив в нем ту любовь к Богу и ближним, которая впоследствии запечатлелась в его редком милосердии и нищелюбии и исключала возможность каких бы то ни было компромиссов с неправдой жизни, делая его в то же время строгим служителем высшей правды и долга, – родители св. Иоасафа всецело проникнуты были тем религиозным настроением, которое преобладало в их семействе и переходило из рода в род.

Так, родной брат Андрея Димитриевича с именем Пахомия был иеромонахом в Киево-Печерской лавре, а родная сестра его с именем Анастасии была инокиней Ладинского женского монастыря в Прилуцком уезде Полтавской губернии; родной брат св. Иоасафа, Михаил, третий сын Андрея Димитриевича и Марии Данииловны, также всецело отдался идее служения Богу и, приняв пострижение с именем Митрофана, управлял в сане архимандрита сперва Киево-Братским, а затем Киево-Выдубицким монастырями и почил на покое в Святогорском

¹ По указанию автора, данный очерк является компилятивным сочинением.

² Апостол Даниил Павлович (1658–1734), малороссийский гетман с 1727 г.

монастыре Харьковской губернии; двоюродная сестра святителя Иоасафа, Ульяна Михайловна, рожденная Стоянова¹, бывшая в замужестве с прилуцким предводителем дворянства, князем Спиридоном Семеновичем Жеваховым², и известная своим благочестием, имела единственную дочь княжну Екатерину, которая хотя и была в замужестве, но на склоне жизни приняла монашество в упомянутом выше Ладинском монастыре, коим и управляла до своей кончины, последовавшей в начале 60-х годов прошлого века, и там же и погребена. Несомненно, что в основании решения двоюродной племянницы св. Иоасафа отречься от мира и остаток дней своих посвятить богомыслию легли те сильные впечатления раннего детства и юности ее, кои полны еще были живыми воспоминаниями о жизнедеятельности святителя.

Таким образом, родные дядя и тетя, брат и племянница св. Иоасафа были монашествующими членами благословенного семейства Горленко и поддерживали ту благодатную атмосферу, в которой мог широко и свободно развиваться дух истинного христианства, вознесший некоторых членов этого семейства до степени высокого понимания христианского идеала, подвижничества и святости.

И подобно тому, как огонь является часто средством очистительным, так и огонь страданий, очищая человека от отягощающих его и не полезных душе его наслоений, развивает его духовное зрение, укрепляет его дух и пересоздает его природу в духе истинно христианской настроенности. И часто много требуется душевных потрясений и страданий, прежде чем человек уяснит себе психологию окружающих его условий жизни, степень их воздействия на личную его жизнь и духовную связь между ними.

Много горя и страданий пережило и семейство Горленко.

Наступление шведской войны, измена Мазепы, жизнь прадеда, деда и отца святителя, полная тревог и скорби, пре-

¹ От брака генерал-майора Михаила Ивановича Стоянова с Ульяной Данииловной Апостол, сестрой Марии Данииловны. – *Прим. авт.*

² В 1780-х годах. – *Прим. авт.*

кратившихся лишь по восшествии на престол Императрицы Елисаветы Петровны¹, о чем так подробно и интересно говорится в усердно собранных моим братом, князем Николаем Давидовичем Жеваховым, «Материалах для биографии свт. Иоасафа»², – все это указывает нам на тот путь скорби, по которому шли ко Христу все Божии избранники и по которому шел по воле Божией и будущий светильник Церкви Православной святитель Иоасаф, епископ Белгородский.

Восьми лет от роду отведенный родителем в киевскую школу при Братском монастыре, будущий святитель – отрок Иоаким – с большим прилежанием успевал в науках и возрастал духовно в такой степени, что уже на 18-м году жизни объявил родителям о желании своем всецело посвятить себя служению Богу. Но родители не дали своего согласия: тяжелое бремя иноческого подвига не соответствовало, по мнению их, юношескому еще возрасту их первенца. Тогда Иоаким решил испытать себя и, под предлогом незаконченных занятий, по выходе из братской школы в течение 2-х лет проходит в Киево-Межигорском монастыре³ под руководством опытного монаха тяжелый искуc, по окончании какового без ведома родителей и принимает пострижение в рясофор с именем Илариона. С этого времени, т.е. с конца 1725 года, началась полная энергичной деятельности жизнь молодого инока. Уже чрез два года, т.е. 27 ноября 1727 года, его постригают в мантию с именем Иоасафа; в 1728 году рукополагают в иеродиакона с переводом на преподавательскую должность в Киевскую академию, в 1734 году посвящают в иеромонаха и в 1737 году назначают игуменом

¹ Елизавета Петровна (1709–1761), дочь Петра Великого и Екатерины I, взошла на престол 25 ноября 1741 г.

² Князь Н. Д. Жевахов. Святитель Иоасаф Горленко, епископ Белгородский и Обоянский. Материалы для биографии. VII томов. Киев. 1909–1912 гг. – *Прим. авт.*

³ Межигорский Спасо-Преображенский монастырь – согласно преданию, один из первых монастырей на Руси. Находился в урочище Межигорье близ с. Новые Петrivцы Вышгородского района Киевской области, на правом берегу Днепра. Разрушен в 1935 году.

Мгарского Спасо-Преображенского монастыря при г. Лубны Полтавской губернии¹.

Когда новопоставленный игумен прибыл к обители, сердце его исполнилось грустью: взоры настоятеля напрасно искали церковного купола! Увы, его не было: он обрушился за несколько лет перед приездом сюда Иоасафа. За год же перед его назначением сюда сгорели все почти монастырские постройки. Тяжелый труд предстоял молодому, но уже болезненному игумену: нужно было построить церковь, здания для иноков, монастырскую ограду. Монастырская же касса была очень скудная. Откуда добыть средства? Молодой, не знающий усталости игумен решает сделать сам сборщиком пожертвований и с этой целью отправляется, с разрешения и благословения митрополита Киевского Рафаила² в Москву и в Петроград. Это было в 1742 году. По прибытии в северную столицу Иоасаф, в присутствии Императрицы Елисаветы Петровны, произносит блестящую речь, и пожертвования начинают литься в монастырскую кассу обильной рекой: жертвует сама Императрица Елисавета Петровна (2000 рублей), по ее примеру жертвуют вельможи, купечество и простой народ. С обильной казной возвращается игумен Иоасаф в Мгарскую обитель и, проездом через Киев, возводится в 1744 году 14 сентября во архимандрита Мгарского монастыря. Возвратившись в Лубны, архимандрит Иоасаф начинает трудиться над постройкой разрешенной церкви, над посадкой деревьев, но совершенно неожиданно, в январе 1745 года, получает назначение на должность наместника Троице-Сергиевской лавры. Тяжело было Иоасафу оставлять Мгарскую обитель, которой он посвятил столько трудов, забот, здоровья, а теперь уже трудился и над благоустройством обители, но он был строг к себе, как и к другим, и вот через несколько дней, по получении указа о назначении, он уже оставляет со слезами Мгарскую обитель и едет к месту

¹ Мгарский Спасо-Преображенский монастырь – обитель в Полтавской епархии, основана в 1619 г. на средства княгини Раины Вишневецкой в Мгарском лесу, в шести километрах от г. Лубны.

² Рафаил (Заборовский), митрополит Киевский и Галицкий (1677–1747).

нового тяжелого и ответственного своего служения. Здесь нового наместника ждала почти такая же картина разрушения, как и в Мгарском монастыре: за год перед тем пожар произвел страшное опустошение в обители, и Иоасафу пришлось опять приниматься за строительство. В это время, т.е. в 1745–1746 годах, Иоасаф особенно подорвал свое здоровье: «упал на ноги и даже до последних дней своих не вставал с ложа». Да и не удивительно: на постройку и перестройку храмов и других монастырских зданий, очень многочисленных и больших по размерам, нужны были деньги, а их не было. Приходилось устраивать сборы, ездить, просить, хлопотать. Нужно было нанимать мастеров, смотреть за работами. И все это наместник Иоасаф делал сам лично. Так в неустанных трудах, строжайшем посте, пламенной молитве протекала жизнь архимандрита Иоасафа. Но вот 1 января 1748 года скончался Белгородский митрополит Антоний¹, и Святейший Синод назначил на его место Иоасафа. 2-го июня 1748 года в Петрограде, в Петропавловском соборе, в присутствии Императрицы, архимандрит Мгарского монастыря, наместник Троице-Сергиевской лавры Иоасаф был хиротонисан во епископа Белгородского и Обоянского, а 6 августа 1748 г. новопоставленный епископ уже въезжал в Белгород.

Что ждало здесь святителя Иоасафа? То же, что и в Мгарской и Троице-Сергиевской обителях, и еще большее. Там круг его деятельности ограничивался только монастырскими стенами, потому что власть его простиралась только на обитель и живущих в ней, а здесь, в Белгороде, он становился уже архипастырем целого края, обнимавшего собой огромный район с населением в несколько миллионов людей. В его ведении находились сотни и тысячи храмов, а потому, конечно, и тысячи лиц духовного звания: священники, диаконы, причетники, за поведением которых нужно было следить, исправлять их пороки, недостатки, учить их, как сделаться добрыми пастырями стада Христова, поборниками веры и благочестия; нужно было следить и за миллионной, а быть

¹ Антоний (Черновский), митрополит Белгородский и Обоянский (?–1748), на кафедре с 1742 г.

может, и за многомиллионной паствой, искореняя пороки ее и насаждая среди нее семена истинной веры!..

Для того, чтобы уяснить себе смысл и значение сказанного, необходимо обратиться к тому, что представляли из себя город Белгород и его епархия в то время, когда святитель Иоасаф прибыл сюда к месту своего нового тяжелого служения.

Дело в том, что в стародавние времена, лет за четыреста с лишним до нашего времени, а может быть и более, город Белгород служил сторожевым пунктом на южной границе Российского государства, за пределами которой простирались на необозримые пространства дикие степи. В этих степях, покрытых ковылем-травой, не было ни городов, ни сел, ни деревень, а бродили там и сям кочевые шайки татар, ногайцев и других племен, которые делали свои набеги на южные границы нашего государства, разоряли города, села, деревни русских, убивали жителей, а оставшихся в живых, – как мужчин, так особенно и женщин – брали в плен и уводили с собой, а потом продавали их в рабство. Поэтому-то государственная власть того времени и устраивала на своих южных границах крепости, которые давали отпор диким кочующим племенам и охраняли жизнь и имущество русских людей.

В окрестных Белгородских слободах сохранилось и до сих пор много названий, свидетельствующих о том, что эти слободы представляли собой военные поселения. Так, например, Белгород окружен и в настоящее время слободами: Пушкарной, Стрелецкой, Казацкой, Драгунской, Ездоцкой и другими. Уже эти названия показывают, что Белгород был городом военным. Здесь были и казаки, и пушкары, и стрельцы, и прочая рать государева. Постепенно, с течением времени, Белгород приобретал все большее и большее значение, как одна из сильнейших южных крепостей государства Российского. Правда, многие бедствия постигали этот несчастный город: однажды он был разрушен дотла литовцами, множество раз был разоряем дикими татарскими полчищами, изведаль он на своих плечах и смуту самозванца Гришки Отрепьева¹, знакомы ему были и

¹ Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев) (?–1606), авантюрист, самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия Ивановича, русский царь в 1605–1606 гг.

бунты, и убийства высокопоставленных государственных лиц (убийство воеводы князя Буйносова-Ростовского¹ в 1606 г.), и все-таки, несмотря на это, Белгород был одним из важнейших городов южной России, как в военно-административном, так и в религиозном отношениях. В Белгороде был свой наместник, вроде нынешнего губернатора, а что касается иерархического управления, то уже с 1667 года, по постановлению Большого Московского собора², была установлена Белгородская епархия, в состав которой входило большинство уездов нынешней Курской губернии, почти вся Харьковская губерния, именовавшаяся тогда Слободской Украиной, и некоторые уезды нынешней Воронежской губернии. Епархия Белгородская насчитывала в своих границах 38 городов и тысячи больших слобод, сел, деревень, посадов и носила название митрополии. Первый Белгородский митрополит был Феодосий³ (1667–1671) и последний Иларион⁴ (1711–1720 г.). В 1721 году Императором Петром Великим было учреждено высшее духовное установление – Святейший Синод, и в то же самое время перестали существовать Белгородские митрополиты, а последующие архипастыри были уже архиепископы и епископы, причем епархия Белгородская от этого нисколько, впрочем, не уменьшилась по своим размерам. В эту огромную епархию и прибыл 6 августа святитель Иоасаф, епископ Белгородский и Обоянский, и в то же утро уже торжественно служил обедню в кафедральном соборе.

Здесь, в Белгороде, как уже было сказано выше, новопоставленному архипастырю, помимо забот и хлопот по приве-

¹ Буйносов-Ростовский, князь Петр Иванович (?–1607), боярин, воевода, в сражении под Путивлем (1607) командовал войском, высланным против самозванца Лжепетра, проиграл битву, был взят в плен, отвезен в Белгород и там убит.

² Большой Московский собор 1666–1667 гг. – самый представительный по числу участников за всю предшествующую историю Русской Церкви, проходил в 2 этапа, на втором к русскому синоначалию присоединилось греческое; самые известные деяния Собора – осуждение старообрядчества и низложение Патриарха Никона.

³ Феодосий (?–1671), выходец из Сербии, первый митрополит Белгородский и Обоянский (с 1667).

⁴ Иларион (Властелинский) (?–1720), митрополит Белгородский и Обоянский (с 1711).

дению в порядок церковных зданий, предстояла тяжелая работа – борьба с пороками духовенства и паствы, и этот тяжелый подвиг, которому отдался всей душой святитель Иоасаф, свел преждевременно в могилу этого удивительного человека, стяжавшего себе теперь славу великого угодника Божия.

Новопоставленному святителю сразу же пришлось столкнуться с массою пороков, которым подвержена была его паства и подчиненное ему духовенство. Народ, а в особенности интеллигентная часть его, утопал в разврате и пьянстве, в стенах казенных учреждений свили гнездо – казнокрадство, лихоимство, вымогательство, среди духовенства – также пьянство, бесчинство, пренебрежительное отношение к пастырским обязанностям, корыстолюбие.... И вот святитель вступает в ожесточенную борьбу с этими пороками: он неутомимо обличает погрязших в разврате и пьянстве людей, кто бы они ни были, – всех разит беспощадным мечом правды Божией, гневным обличительным словом, не останавливаясь и перед телесными наказаниями, и нередко наказывает виновных плетью.

Велика и вдаль и вширь епархия святителя Иоасафа, но он, несмотря на свою болезненность, начинает объезжать ее вдоль и поперек, останавливаясь при этом не в покойных чертогах богатых и знатных лиц, а в скромных жилищах сельских священников, в бедных хатах крестьян или ночуя иногда под открытым небом. Плодом таких обзрений были пространные указы святителя, в которых сказывается и его необыкновенная зоркость, проницательность, и ревность о славе Господней, и неподкупная, нелицеприятная правдивость. Во время этих поездок святитель к ужасу своему все более убеждался в том, что подведомственное ему духовенство совершенно не соответствует той высокой цели, для которой поставлено, т.е. быть пастырями стада Христова и своим собственным примером, своей личной жизнью указывать и открывать путь ко спасению пасомых. Необходимы были понудительные меры к духовному возрождению пастырей, и святитель сперва мерами кротости и увещания, а затем и строгими мерами наказания исправлял вверенное ему управлению духовенство. Замечая

все большие и самые разнообразные упущения, проступки и преступления со стороны духовенства, святитель Иоасаф по возвращении из поездок посылает указы по епархии, в которых преподает руководящие начала – как поступать духовенству в тех или иных случаях их личной жизни и пастырской деятельности. Видя, что духовенство уклоняется от соблюдения церковных правил, а вместо того выдумывает и заводит свои, святитель Иоасаф строго воспрещал как уклоняться от истинных церковных правил, так и заводить свои новые, которые он называл: «непотребными поповскими вымыслами». В наставлениях и указах святителя Иоасафа есть такие мудрые правила и предписания, что приходится благоговейно преклоняться перед их мудростью, целесообразностью и простотой. Среди этих правил есть такие, которые, увы, к сожалению, не применяются у нас даже теперь, в двадцатом веке по Рождестве Христовом, а полтора-два столетия тому назад по приказанию строгого блюстителя нравственности – святителя Иоасафа – эти правила служили непреложными заповедями для духовенства обширной Белгородской епархии. Как на образец таких правил или предписаний укажем на следующий случай: приехав в одну из деревень, святитель узнал от прихожан, что священник и диакон во время церковной службы поссорились в алтаре и так громко стали бранить друг друга, что слышно было на всю церковь, а потом даже вцепились друг другу в волосы. Проверив правдивость всего этого, святитель Иоасаф повелел виновных бить плетью и сослать в монастырь, а затем издал указ, в силу которого священник и диакон, находившиеся в ссоре и еще не помирившиеся друг с другом, теряли право служить обедню, и это право возвращалось им лишь после примирения. Затем, скоро после этого, святитель издал другой указ, в силу которого «священнослужители под угрозой лишения сана не смели ни на кого подымать руки». И так с неумолимой строгостью бичевал святой праведник пороки духовенства, так как понимал и видел, что только личным примером духовенство может воздействовать на паству, исправлять ее заблуждения, искоренять ее пороки.

Наряду с этим святитель прилагал немало стараний и к поднятию духовно-нравственной жизни мирян, этих «врученных ему Богом словесных овец». Состояние белгородской паствы было весьма печальное. Многие не ходили по воскресным и праздничным дням в церковь и не пускали туда своих детей, не соблюдали постов, не исповедовались, не приобщались Святых Таин. Не зная истинной веры, не имея усердия к церкви, живя вдали от нее, такие люди оскверняли праздники соблюдением различных безнравственных языческих обычаев, уклонялись в раскол, увлекались различными суевериями, и святитель строго внушает священникам неусыпно следить за духовною жизнью их паствы, укрепляя и возвращая ее в духе православной веры. Святитель простирает свое попечение даже на кочевавших в Слободской Украине цыган и требует точных сведений о том, исполняют ли они христианский долг и крестят ли своих детей. В заботах о христианском просвещении блуждающих во тьме неведения он сделал распоряжение, чтобы священники во все воскресные и праздничные дни, по окончании литургии, учили простой народ, «начиная от малых младенцев до престарелых людей», триперстному изображению креста и важнейшим молитвам.

Будучи чужд человекоугодливого пристрастия и не ища славы людской, святитель Иоасаф не обращал внимания на высокое общественное положение людей и с одинаковой твердостью требовал от всех покорности правилам и уставам Церкви. Известны такие случаи. В Харькове жил в то время командир украинской дивизии Салтыков, который не соблюдал постов и всегда имел у себя мясной стол. При свидании с ним святитель сделал ему внушение за такое пренебрежение к уставам Церкви, которое производит большой соблазн, и уговаривал исправиться. Вельможа увидел было в этом оскорбление себя, разгневался и говорил, что он хоть и живет в Белгородской епархии, но не подлежит власти святителя Иоасафа. Последний, однако, не смолк, не остановился и настойчиво продолжал выяснять неправоту Салтыкова до тех пор, пока не довел его до слезного раскаяния.

В Белгороде содержался в то время под стражей за какое-то преступление генерал Н. Святитель Иоасаф, навещавший и кормивший заключенных, посылал и к нему кушанье от своего стола. Узнал об этом тогдашний белгородский губернатор и стал выговаривать святителю, что он поступает противозаконно, благодетельствуя государственному преступнику. Но святитель велел передать, что если и сам губернатор окажется за свои дела под стражей, то и ему также будет посылаться владыкою пища. Обиженный таким ответом, губернатор хотел было лично объясниться с владыкой, но когда святитель Иоасаф подробно перечислил его вины, грозя обличением в случае дальнейшего повторения их, то губернатор, прося прощения у святителя, обещал исправиться.

В том же Белгороде имел место случай, рисующий святителя Иоасафа особенно ярко. В окрестностях Белгорода жил один богатый помещик В., бывший к тому же и офицером. Этот В. обольстил дочь одного священника и похитил ее силою из родительского дома. Святитель Иоасаф отлучил В. от Церкви за такой поступок, но В. несколько не испугался церковного отлучения и сказал посланцу святителя: «передай своему архиерею, что я его не слушаю». Святитель об этом донес Синоду, а последний поручил ему разобрать дело В. вновь и постановить свое решение. Святитель Иоасаф предал В. проклятию вместе с его любовницею, о чем велел прочитать в церквах всей епархии в первый же воскресный день. В этом последнем случае, характерном для того времени, когда богатый или знатный человек мог безнаказанно попираť истину и справедливость, святитель Иоасаф явился на высоте своего архипастырского служения, во всей красоте и силе Божественной Правды. Строго наказывая отступника, поправшего требования правды Божией, святитель своим строгим приговором громко вещал своей пастве, что милость без правды так же мало угодна Богу, как и правда без милости, и что человек не должен предвосхищать себе прав Божеских, милуя и всепрощая всех и каждого, особенно если поставлен у власти.

О, как глубоко назидательно это слово святителя Иоасафа и для нашего времени!

Но зная о взысканиях святителя, думаем ли мы при этом о той внутренней боли, о тех муках душевных, какие неизбежно переживал святитель, видя недостойное обращение со святыней и поругание ее; памятуем ли о тех усердных, горячих молитвах, которыми он как бы искупал перед Богом холодность и небрежность своих немощных сотрудников в деле пастырства?

Вот несколько поразительных случаев, подтверждающих сказанное.

Объезжая однажды свою епархию, святитель Иоасаф остановился на ночлег в одном селе в доме священника. Вечером он почувствовал вдруг какой-то необычайный страх и никак не мог заснуть. Он стал внимательно осматривать комнату, перечитывать различные разбросанные в ней бумаги. Между прочим на полке, среди домашней посуды, святитель приметил один сверток и когда развернул его, то к великому своему ужасу увидел там Св. Дары. С благоговением положил он Божественные Тайны на стол и всю ночь до самой утрени провел в молитве пред Ними. Удивляться ли, что возмутительное небрежение к святыне не оставлено было без строгого наказания: священник лишен был сана и исключен был из духовного звания.

В другой раз, при обозрении епархии владыка прибыл в г. Изюм и прежде всего посетил Вознесенскую церковь в городском предместьи – Замостье. Встреченный духовенством, вошел он в притвор, остановился и долго в изумлении всматривался в большую икону Божией Матери, стоявшую в углу притвора и служившую как бы перегородкой, за которой сыпали уголь, необходимый для кадила. Затем он осенил себя крестным знамением, пал пред иконой на колени и громко воскликнул: «Царица Небесная! Прости небрежность Твоих служителей, не ведают бо, что творят». Святитель сделал благочинному замечание за небрежное отношение к святыне. «Почему этот образ не поставлен на лучшем месте? В сем образе преизобилует особенная благодать Божия, в нем Пресвятая Владычица

являет особое знамение Своего заступничества для сей веси и всей страны». Так говорил святитель Иоасаф и тут же распорядился поставить икону на другое, более приличное место. Благодинный в свое оправдание заметил было, что в церкви осталось от старого иконостаса много икон, для которых нет места. Тогда святитель быстро вышел на средину церкви, посмотрел вокруг и, указав на уставленный небольшими иконами киот позади левого клироса, сказал: «Вот самое приличное место для иконы Божией Матери. Поставить ее на место этих уже обветшалых икон, и пусть она всегда стоит здесь». Святитель пробыл в Изюме больше трех дней; каждый день утром и вечером он приходил в Вознесенскую церковь и молился пред иконой Богоматери, перенесенной на указанное им место. Весть о внимании, обращенном архипастырем на икону, широко распространилась среди населения; многие стали притекать к ней, как имеющей особую благодатную силу. Что же оказалось впоследствии? Пред выездом из Белгорода святитель видел сон, будто при входе в одну церковь он увидел в притворе среди кучи сора икону Божией Матери. От иконы исходило необычайное сияние и слышен был голос: «Смотри, что сделали с ликом Моим служители этого храма. Образ Мой назначен для страны сей источником благодати, а они повергли его в сор». Сновидение смутило святителя и глубоко запечатлелось в его сердце. Посещая затем различные церкви, он всюду внимательно смотрел, нет ли в самом деле чего-либо подобного тому, что ему снилось. При вступлении в Вознесенскую церковь в предместьи Изюма владыка был поражен ее сходством с запечатлевшеюся ему во сне церковью и, увидев здесь в небрежении виденный им во сне образ Богоматери, понял, что сон его был знаменательный и относился именно к этой церкви и иконе, от которой и в наши дни совершаются великие знамения Божией милости.

Имея неусыпное попечение о достойном поведении духовенства и строго иногда взыскивая виновных, святитель растворял эту строгость свою любовью, проявляя трогательную, подчас отеческую заботливость о тех, кто этого заслу-

живал, и твердо защищал подвергавшихся незаслуженным притеснениям и обидам.

Один раз святитель Иоасаф собрал к себе все духовенство Белгорода и его окрестностей. В беседе с приглашенными он обратил особое внимание на одного удрученного престарелого священника. Отпустив всех и оставшись наедине с этим старцем, владыка начал расспрашивать его о годах, о службе. Священник отвечал, что ему 130 лет от роду, что 70 лет он священствовал и давно уже за штатом. Святитель не удовлетворился этим. Он хотел проникнуть во внутренний мир своего собеседника, в котором, чувствовалось ему, есть что-то необычайное, тревожное, гнетущее совесть... «Ты видишь пред собою пастыря, – говорил святитель Иоасаф, – как отца, стоящего пред сыном и желающего ближе узнать твою совесть. Не помрачена ли она каким-либо тяжким грехом, который, может быть, по неведению твоему сочтен малозначашим и забыт? Пройди мысленно твою жизнь, поверь все ее обстоятельства, приведи себе на память каждое действие своего служения Богу. Может быть, что-нибудь встретится там, имеющее тень греха, отступления от должности и поднесь тяготящее твою совесть и самую жизнь?» Так кротко увещевал святитель. «Не знаю», «не помню», – повторял священник в ответ. Вдруг что-то позабытое воскресло, ожило в его памяти, и содрогнулся он всем своим существом, и с горькими слезами упал к ногам святителя. Тот поднял глубоко потрясенного старца, посадил его рядом с собою и услышал из его уст следующую исповедь. «Лет 60 тому назад, – начал старец, – я служил священником недалеко от Белгорода, в одном селе, владелец которого занимал видное общественное положение, был горд, суров и властолюбив и требовал, чтобы все беспрекословно подчинялось ему. В один праздник мне надобно было по своим делам отлучиться из села и я совершил литургию пораньше. Вдруг приходит посланный от помещика с приказанием, чтобы отслужена была поздняя обедня. Боясь жестокого наказания за непослушание, я решил приступить к совершению второй литургии. Только что по окончании проскомидии я стал про-

износить начальный возглас: “Благословенно Царство...”, как вдруг услышал чей-то голос: “Остановись! Что ты делаешь!” Я остановился, но ненадолго, и снова начал: “Благословенно Царство...” Снова слышу глас: “Не дерзай. Если дерзнешь, проклят будешь”. “Сам будь проклят”, – ответил я в иступлении ума своего и... совершил службу»...

В ужасе от такого рассказа святитель воскликнул: «Что сделал ты? Ты проклял ангела Божия, хранителя того места; оба вы донныне связаны проклятием. Вот где причина твоего долголетия и твоя удрученность, согбенность». Владыка на несколько дней оставил у себя старца и своею беседою старался утешить его. Церковь, в которой когда-то служил священник, оказалось, была уже снесена, и на месте ее было поле. Святитель распорядился раскинуть тут походную церковь, велел старцу совершить в ней литургию и сам во время службы молился вблизи престола. Но вот литургия окончена. Подозвав к себе старца, владыка приказал читать «Ныне отпускаеши...» и затем благословил его и сказал: «Прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих».

И что же? Не прошло после того и минуты, как старец в полном облачении опустился на землю перед престолом и, примиренный молитвами святителя с Богом, предал в руки Его свою душу. Здесь же, по приказанию владыки, совершено было и погребение тела усопшего старца.

В таких трудах и подвигах проходила жизнь святителя Иоасафа, этого великого архиерея Божия, в котором, по слову Псалмопевца, «милость и истина сретостяся, правда и мир облобызастяся»¹. Христианское милосердие было особенно близко сердцу святителя.

Любил он, по слову Христову, творить милостыню втайне, тщательно укрываясь от людских взоров. Только последующее время открыло некоторые из потаенных подвигов архипастыря, и вот одна за другою развертываются теперь перед нами трогательные, умиляющие картины благотворения.

Пред наступлением великих праздников святитель Иоасаф имел обычай посылать к беднякам своего верного келейни-

¹ Псал. 84, 11. – *Прим. авт.*

ка для раздачи им милостыни деньгами и одеждою. При этом келейник должен был, положив подавание у окна или порога дома, три раза стукнуть, чтобы привлечь внимание хозяев, а сам поспешно удаляться. Чтобы не быть как-либо узнанным, он одевался обыкновенно в одежду простолюдина. Один раз перед праздником Рождества Христова келейник занемог. Не хотелось святителю вверить тайну свою кому-либо другому, но мог ли он ради этого лишить бедняков обычного предпраздничного подаяния? И вот он сам одевается в простонародную одежду келейника, неприметно, пользуясь случайным отсутствием привратника, выходит под покровом темной декабрьской ночи за ворота своего архиерейского дома и с запасами милостыни направляется к известным ему жилищам нищеты. Обход совершен; милостыня всюду, где следует, роздана; в поздний час возвращается святитель домой. Привратник стоял на этот раз у ворот и окликнул входившего. Святитель, не желая быть узнанным по голосу, молчал и этим возбудил против себя подозрение. Сторож схватил впотьмах переодетого святителя и начал допрашивать, кто он и откуда. Схваченный ничего не отвечал и старался только высвободиться из рук привратника, нанесшего ему несколько сильных ударов по спине. Наконец святитель вынужден был открыться, причем взял с привратника клятву не разглашать о случившемся до его смерти. С большим трудом, почти ползком, добрался он до своих покоев. Наутро распространилась молва, будто святитель оступился на лестнице и ушиб себе спину. Истинную причину болезни знал только верный келейник архипастыря да привратник, которого святитель на другой день позвал к себе, угостил и щедро одарил деньгами и одеждой.

Только что описанное посещение святителем бедняков не было исключительным, единичным: он нередко навещал их. Если оказывалось при этом, что в зимнюю стужу нечем было отапливать дом, святитель покупал на базаре дрова и отправлял их нуждающимся. В Белгороде помнят против Сергиевской улицы низенький одноэтажный домик, у которого святитель колол по ночам дрова, когда узнал, что мать семьи в этом

бедном доме больна, а дети по малолетству не могут помогать ей. В Грайвороне, куда святитель Иоасаф ежегодно приезжал из Белгорода на некоторое время, заготавливались для бедняков свиты, тулупы и полушубки, которые затем раздаваемы были под личным наблюдением святителя.

Награжденный от Господа, подобно многим другим подвижникам, даром прозрения, святитель Иоасаф прозревал, несомненно, и свое собственное будущее. Чувствовал он, что дни его сочтены, что лампада его земной жизни, то чуть-чуть мерцающая, то вспыхивающая как будто сильнее, уже догорает. Завершая жизненный путь, он, естественно, оглядывался назад, обозревал пройденное поприще, – и живо, во всей своей пленительной красоте вставали пред ним картины прошлого, воскресала светлая незабвенная пора детства, вспоминался родительский дом, заветные священные обители Родины... Неудержимая сила влекла святителя еще раз посетить родные места, увидеться с престарелыми родителями, проститься с ними, и в 1754 году он обратился в Святейший Синод с просьбою об отпуске его в пределы Киевской епархии. Получив этот отпуск, святитель стал готовиться к путешествию. С дорогою на Родину тесно связана была у него дума о другом пути – о пути в вечную Отчизну. Приготовления делались и к этой последней дороге. Святитель распорядился, чтобы в его отсутствие с правой стороны кафедрального собора сооружен был каменный склеп, где можно было бы ставить гробы почивших архиереев.

29 мая 1754 года владыка совершил литургию в соборе. Это была его последняя здесь служба, собравшая множество богомольцев. Трогательно, со слезами архипастырь простился со своею паствою, благословил всех и ясно при этом предсказал, что Белгорода он больше не увидит. Наутро, провожаемый народом, он отправился в путь. Поднявшись на вершину горы, у подошвы которой стоит Белгород, святитель обернулся, в последний раз с любовью взглянул на него и, преподав ему свое прощальное благословение, продолжал путь, осматривая расположенные по пути к Родине церкви и монастыри своей епархии.

Родитель святителя Иоасафа, престарелый Андрей Дмитриевич, проводил остаток своих дней в совершенном уединении. Он построил себе близ Прилук в принадлежащем ему лесу небольшой домик-келлию и жил здесь строгой, благочестивой жизнью. Только по праздникам он ездил в Прилуки, чтобы побывать в церкви и повидаться со своею семьей. Ко дню прибытия святителя Андрей Дмитриевич оставил свое уединение и приехал к семье для встречи сына.

Вот как описывает это последнее свидание старика-отца с сыном-архиереем один из биографов святителя Иоасафа¹:

«Был июль 1754 года, Андрей Дмитриевич жил в лесу под Прилуками, в небольшом домике, совершенно один; семья его оставалась в Прилуках, куда он ездил только по праздникам. Сын его, Андрей Андреевич, жил со своей семьей в Полтаве, где он был последним полковником. Не праздничный день, а ожидание важного гостя-архиерея вызвало в Прилуки Андрея Дмитриевича из его лесного уединения. Старик (ему было тогда не менее, как под 70 лет), опершись на трость, со всею семьей ждал на крыльце важного гостя. Подъехала карета, отворились дверцы... Долг и обычай времени требовали приветствовать владыку земным поклоном... Старый козак медлил и, уронив, будто нечаянно, трость, нагнулся до земли, ее приподнимая; но приехавший преосвященный, обливаясь слезами, уже лежал у ног старца и поспешал поднять его с земли: то был старший сын Андрея Дмитриевича, Иоасаф, епископ Белгородский!..»

Святитель пробыл в родительском доме довольно долго, до осени. В начале сентября, простившись с родными, он выехал чрез г. Лубны в прежний свой Мгарский монастырь и пробыл здесь несколько дней. В день отъезда из обители святитель Иоасаф совершил литургию в соборном Преображенском храме, слезно молился пред почивающими здесь мощами св. Афанасия-Сидящего, патриарха Константино-

¹ Князь Н. Д. Жевахов. Святитель Иоасаф Горленко, епископ Белгородский и Обоянский. Материалы для биографии. Том I. Очерк М. де-Пуле «Андрей Горленко» – стр. 141. – *Прим. авт.*

польского, поручая себя благодатному предстательству этого угодника Божия, и после прощания с братией отправился в пределы своей епархии.

Прибыв в свою архиерейскую вотчину Грайворон, святитель в конце сентября тяжело занемог здесь. Болезнь встретила его родных, и к одру болящего собрались вскоре его мать, Мария Данииловна, брат, Андрей Андреевич, и сестра, Параскева Андреевна, бывшая в замужестве с изюмским полковником Иваном Григорьевичем Квиткой. Последняя с особенною любовью и преданностью заботилась о больном брате и оставалась при нем до самого конца его жизни. Святитель вел с нею задушевные, искренние беседы, многое ей поверял, вспоминал прошлое. «Сестрица, – говорил он ей как-то, – излишняя строгость жизни моей не дает мне веку дожить». В другой раз сестра просила его молиться о ней и ее детях. Больной отвечал со слезами, что теперь сам он более других нуждается в молитвах, потому что готовится в путь многотрудный.

Всегда присущий святителю дар прозрения в эти дни особенно поразительно проявлялся у него. Каждому из служивших ему он открыл, что произойдет с ним в будущем. Так, келейнику он запретил искать священства, причем предупредил, что если тот будет рукоположен, то впадет в неизлечимую болезнь, и это, действительно, сбылось. Слуге своему святитель предсказал, что он будет диаконом, но священства не получит во всю свою жизнь, и это тоже исполнилось. Болезнь длилась больше двух месяцев. Безропотно, терпеливо переносил святитель свои страдания. Силы его заметно слабели. Он чувствовал близость кончины и приготовил себя к переходу в вечную жизнь святыми таинствами покаяния, причащения и елеосвящения, и 10 декабря 1754 года, в 4 ч. 20 м. пополудни, святитель Иоасаф на 50-м году жизни тихо предал дух свой Богу.

Некоторые лица чудесным образом извещены были об этой блаженной кончине. Так, игумен Хотмыжского монастыря Исайя в самый час преставления святителя видел во сне, будто он в Белгороде, в архиерейском доме. Святитель Иоасаф стоит у окна, смотрит по направлению к востоку и, указывая

на восходящее в ясном сиянии солнце, говорит игумену: «Как сие солнце ясно, так светло я предстал в сей час Престолу Божию». Игумен проснулся, заметил час, в который посетило его это видение, и сейчас же отправил в недалекий от монастыря Грайворон нарочного узнать о здоровье святителя. Посланный привез скорбную весть о кончине владыки в тот самый час, когда игумен видел его в сонном забытии.

Немедленно сообщено было о преставлении святителя в Прилуки его родным, которые поспешили, в свою очередь, в лесное уединение к отцу почившего, чтобы осторожно передать ему это печальное известие. Но старец, к общему изумлению, предупредил их. «Знаю, — сказал он, — что вы приехали известить меня о смерти Иоасафа. Он скончался 10 декабря. В тот день в покое моем я услышал голос: “Сын твой Иоасаф скончался”».

Потом, помолчав немного, Андрей Димитриевич прибавил: «Умер Иоасаф, умерла и молитва». Тут только он рассказал бывшее ему еще в пору детства почившего явление Божией Матери; когда вскоре после отъезда святителя, в то время отрока Иоакима, в Киев, для обучения словесным наукам, он, родитель его, «сидя в доме своем на крыльце, размышлял, как бы сына своего, яко старейшего, воспитав, сделать преемником чина своего и места, т.е. полковником Прилуцкого полка, вдруг увидел при самом захождении солнца за горизонт стоящую на воздухе Божию Матерь и у ног Ее сына своего Иоакима на коленках стоящего и молитвы приносящего Ей. Потом услышал глас Богоматери, сказавшей Иоакиму: “Довлеет Ми молитва твоя”, и в то же время с высоты горней, с небес слетел ангел и одел архиерейскою мантией отрока. Он же, родитель, утешаясь только пред сим, что сын его будет ему наследником в чести и увидев чрез таковое явление все свои надежды долженствующими разрушиться, до того забылся, что принял дерзновение сказать: “А нам же, родителям, Пречистая Богомати, что оставляеши?”, на каковой вопрос он не удостоился услышать ответа, и сим видение кончилось. Сейчас же он поспешил в покой, дабы пересказать супруге своей виденное, но едва переступил

порог покоев, как все позабыл», вспомнив о знаменательном видении сем лишь в день кончины святителя.¹

Поэт, вдохновленный этим видением, равно как и обстоятельствами последних дней жизни и кончины святителя, в высокопоэтических формах так описал его:

Вечер морозен и месяц блеснит...
Мирно лампада мерцает,
В тихом дому, где Святитель лежит,
Тихо виденья витают...
Ясное детство средь отчих садов...
Матери ласки родные...
Киев, священных наполненный снов...
Волны Днепра голубые...

Светлая юность, вся полная грез,
Райских, безгрешных видений...
Радость поста, покаянья и слез,
Подвиг полночных молений...
Дальняя Лавра в виденьях встает...
Рака игумна блистает...

Хор монастырский молебен поет...
Лаврский трезвон замирает...
Белгород мирный в вишневых садах...
Солнца полдневного радость...
Подвиг святительский в тяжких трудах...
Тайная милости сладость...
Ревность к служенью, бесстрастная речь...
Темных грехов обличенье...
Проповедь правды, как Ангела меч...
Грешников бедных прощенье...
Тихо в доме Грайворона-села
Гаснет лампада святая...

¹ Князь Н. Д. Жевахов. Святитель Иоасаф Горленко, епископ Белгородский и Обоянский. Материалы для биографии. Т. I, стр. 254–255. – *Прим. авт.*

* * *

В темном бору стоит келья одна...
Старец сидит в ней, рыдая:
Слышал он голос чудесный с небес:
«Сын твой Святитель скончался»...
В небо взглянул: из сияющих звезд
В нем хоровод заплетался...
Вспомнил старик, как тому сорок лет
Видел он ясно виденье:
В небе Царицу небес и пред Ней
Отрока сына в моленьи...
Мантию Ангел на сына тогда
С неба набросил, слетая...
«Слышу молитву твою, отроча!»
Божия Мать сказала...
Сбылось виденье... Видит старик
В страхе, в смущеньи духовном...
Тихо он шепчет в тот трепетный миг:
«Умер молитвенник добрый»...

Вечер морозен... сияет луна,
Бледные звезды блистают...
В небе вечернем святая душа
К Богу полет совершает...¹

Тело усопшего святителя одето было в полное архиерейское облачение и положено во гроб 15 декабря, после заупокойной литургии, совершенной в домовой Грайворонской церкви, оно торжественно перевезено было отсюда для погребения в Белгород. На гору, откуда почивший святитель около полугода тому назад прощался с Белгородом, вышло навстречу к нему все городское духовенство в облачениях, с хоругвями и крестами, и много народа, глубоко скорбевшего о кончине своего архипастыря. Особенно горько оплакивали

¹ Л. Н. Погожева «К кончине Святителя Иоасафа». – *Прим. авт.*

своего благодетеля бедняки, собравшиеся во множестве у его гроба и сквозь слезы повествовавшие об его тайных благодеяниях. Тут только открылись для всех дела милости, какие незримо творил святитель.

По прибытии в Белгород тело усопшего поставлено было в Троицком кафедральном соборе и в течение двух с лишком месяцев открыто стояло здесь, оставаясь непогребенным. Народ ежедневно стекался толпами поклониться и отдать последнее целование архипастырю, с изумлением взирая на сохранявшееся нетленным его тело и видя в этом нетлении знамение почивающей на нем Божественной благодати.

Для погребения святителя назначен был Святейшим Синодом преосвященный Иоаким (Козлович), епископ Переяславский¹. Преосвященному предписывалось немедленно отправиться в Белгород, но весеннее половодье значительно задержало его прибытие. В Белгороде еще не знали, кто станет погребать святителя. Вдруг в одну ночь святитель Иоасаф является во сне наместнику кафедрального собора, секретарю консистории и приехавшему из Полтавы своему брату Андрею Андреевичу и всем им высказывает сожаление, «что Козлович медлит его погребсти». Все видевшие сон наутро рассказывали его друг другу, недоумевая, кто такой этот Козлович. Но в тот же самый день получен был указ о назначении Святейшим Синодом совершителя погребения, и недоумение разрешилось.

По окончании отпевания, 28 февраля 1755 года, гроб святителя поставлен был в устроенном еще при жизни его и по его распоряжению соборном склепе. Через день после погребения, 2 марта, брат почившего Андрей Андреевич подал в Белгородскую духовную консисторию «доношение», в котором объяснял, что усопший святитель хотел поставить в устроенном над склепом приделе престол в воспоминание Страшного суда Божия с тем, чтобы здесь всегда совершаема была ранняя литургия и поминовение всех усопших, но не

¹ В тексте явная опечатка, речь идет об Иоанне (Козловиче), епископе Переяславском и Борисопольском, викарии Киевской епархии (?–1757).

успел осуществить этого при жизни; во время же предсмертной болезни завещал ему выполнить свое намерение. При этом Андрей Андреевич выражал готовность сделать все на свои средства. По получении надлежащего разрешения престол был поставлен и придел в том же году был освящен.

Прошло два года после блаженной кончины и погребения святителя Иоасафа. Некоторые из членов соборного клира, зная святую жизнь архипастыря и веря в нетление его останков, решились спуститься в склеп и открыть гроб. И действительно, не только тело святителя оказалось совершенно нетленным, но сохранились невредимыми его одежды, покров и самый гроб, хотя в склепе чувствовалась заметная сырость. Молва об этом быстро распространилась.

Больные, страждущие устремились ко гробу святителя и по молитвам пред ним стали получать освобождение от своих скорбей и недугов. С тех пор на протяжении более полутораста лет благоухание святыни непрерывною живительною струею лилось от нетленных целебных мощей угодника Божия и привлекало сюда великое множество богомольцев. Подолгу ждали они иногда своей очереди, чтобы по крутой, узкой лестнице спуститься в пещеру и поклониться мощам святителя, причем наблюдалось поразительное разнообразие в этой непрерывной, постоянно сменявшейся толпе людей, отовсюду притекавших с верою к святому угоднику. Тут были и духовные, и военные, и чиновные, и князья, и дворяне, и жители города, и поселяне, и молодые, и старые, и больные, и здоровые.

Из именитых богомольцев назовем фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского¹, который 27 февраля 1780 года был в пещере у гроба святителя и при выходе оттуда многозначительно заметил: «Не могу ничего судить, как только: святым, иже суть на земли его удиви, Господь вся хотения Своя на них». Посещали пещеру и высокие представители Церкви – митрополиты: Исидор, Платон, Макарий, Иоанни-

¹ Румянцев-Задунайский, граф Петр Александрович (1725–1796), генерал-фельдмаршал, выдающийся русский полководец и государственный деятель.

кий¹; молились здесь и русские Императоры: Александр I Благословенный (11 сентября 1825 года), Николай I (15 сентября 1832 года), Александр III в 1888 г. и ныне благополучно царствующий Государь-император Николай Александрович (4 мая 1904 года).

Одни сами прибегают с молитвой к святителю в надежде на его заступление, другим он чудесно является во сне и напоминает о себе, и там, где люди оказывались совершенно бессильными, где опускались беспомощно руки, где, думалось, не было выхода из беды, наступало исцеление, утихало горе и благодатный мир водворялся в сердце.

Число чудесных благодетий, источавшихся от нетленных мощей святителя, увеличивалось с каждым днем. Многие из этих чудес и доселе хранятся в тайне, но огромное большинство их с трогательною искренностью и простотою поведаны были во славу святителя теми, кто на самом себе испытал его благодатную помощь.

Так все шире и шире распространялась слава о духовной мощи, величии и милосердии святителя и крепла вера в его дерзновение пред Престолом Божиим. Начинают составляться и распространяться жития святителя, расходятся во множестве его изображения, начинает входить в употребление особое обращенное к нему молитвенное воззвание... и, наконец, раздался голос народа о причтении к лику святых, благодатью Божиею прославленных, и святителя Иоасафа... Это было в самом начале прошлого столетия, но лишь в 1911 году русский народ услышал давно желанный радостный отклик на этот голос.

Причислению к лику святых святителя Иоасафа предшествовало особое «Послание Святейшего Синода возлюбленным о Господе чадам Православной Российской Церкви» – в феврале 1911 года, – возвещающее как о причислении епископа Белгородского Иоасафа к лику святых и о предстоящем от-

¹ Исидор (Никольский), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский (1799–1892); Платон (Левшин), митрополит Московский и Коломенский (1737–1812); Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский (1816–1882), знаменитый историк Церкви, богослов, академик Академии наук; Иоанникий (Руднев), митрополит Киевский и Галицкий (1827–1900).

крытии его нетленных мощей, так и о поднесении Государю-императору вместе с подлинным актом освидетельствования мощей святителя и всеподданнейшего доклада, на коем Его Величеству в 10-й день декабря 1910 года благоугодно было собственноручно начертать:

«Благодатным предстательством Святителя Иоасафа да укрепляется в Державе Российской преданность праотеческому Православию, ко благу всего народа Русского. Приемлю предположения Св. Синода с искренним умилением и полным сочувствием».

4 сентября 1911 года и совершенно было торжественное открытие мощей святителя Иоасафа в присутствии Их Императорских Высочеств Великой княгини Елисаветы Феодоровны и Великого князя Константина Константиновича, и массы молящихся.

Так угодно было Господу Богу прославить великого поборника веры православной, святителя Иоасафа. Десятки тысяч людей всякого звания, пола, возраста и даже разных религий, притекавших с верою к Богу, по предстательству святителя Иоасафа, сподобились испытать на себе чудодейственную силу молитв святого пред Престолом Всевышнего. Десятки тысяч больных получили и получают исцеления, в то время как никакие врачи не в силах излечить их болезни. Многие чудеса занесены в летописи Белгородского Свято-Троицкого собора, но еще большее число их не вошло в эти записи, а с благоговейной верой передается из уст в уста от предков к потомкам.

Поистине дивен Бог во святых Своих!

Покровом глубокой, непроницаемой тайны закрыта от нас внутренняя жизнь святителя Иоасафа, но этот покров отчасти приоткрывается при наблюдении за внешними ее проявлениями, наиболее ярким выражением коих служила ежечасная молитва святителя, краткий комментарий которой мы предлагаем во второй части нашего труда.

Эта молитва, которую святитель читал ежечасно, при каждом бое часов, отражая нам преобладающее настроение

его, говорит нам, что вся жизнь святителя была непрестанною молитвою и что только в молитве святитель черпал силы для своего жизненного подвига.

Ежечасная молитва святителя Иоасафа

Буди благословен день и час в онъ же Господь мой Иисус Христос мене ради родися, распятие претерпе и смертью пострада. О Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! В час смерти моя приими дух раба Твоего, в странствии суща, молитвами Пречистыя Твоя Матере и всех святых Твоих, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Ежечасная молитва св. Иоасафа, чудотворца Белгородского, состоящая из двух прошений и глубоко отражающая мировоззрение и настроение святителя, служит лучшей характеристикой и его личности.

«Буди благословен день и час, в онъ же Господь мой Иисус Христос мене ради родися, распятие претерпе и смертью пострада», – так читаем мы первое прошение.

Здесь выражается не только ясное сознание величайшего значения искупительной жертвы Христовой, но и сознание того, что эта жертва принесена Христом ради *него*, святителя, испутила *его* грехи, как и грехи всего мира, каждого человека, т.е. отражается сознание той *личной* связи человека с Богом, какая определяет путь к Богу и без которой немыслимо ни обращение, ни стремление к Нему. Сознание того, что Господь Иисус Христос сошел на землю, воплотился, претерпел страдание и смертью пострадал ради него, святителя, ради того, чтобы спасти его от смерти, – это сознание никогда не покидало святителя, неотступно стояло пред ним, наполняя душу умилением, вызывая слезы благодарности, которые и находили свое выражение в тех словах молитвы, какую святитель читал ежечасно.

Вот это-то чувство благодарности к Искупителю, омывшему Своею Божественною Кровию грехи людей *и его*, свя-

тителя, и возбуждало в нем то благоговение и ту любовь к Иисусу Христу, которые делали совершенно ничтожными все стремления и искания, кои не совпадали с одною близкою уму и сердцу святителя основною целью – целью сознательного изучения воли Божией и сообразования с нею своей собственной; ибо для святителя было ясно, что то же Правосудие Божие, которое понудило Христа пострадать за человечество, требует и от *него*, святителя, *личного* участия в деле собственного спасения его – *личного* участия и в скорби Христовой, ибо без скорби нет ни понимания Христа, ни приближения к Богу. Ибо тех, кого Господь приближает к Себе, – тех и общает к Своему страданию.

«Быть любимым, отличаемым Богом, – говорит Е. Поселянин, – и не быть с Ним распятым – невозможно. Горечь и огонь страданий есть та неперемнная проба, которая должна быть наложена на искреннюю веру и горячую любовь»¹.

И святитель Иоасаф хорошо понимал это, со смирением проходя тернистый путь своего жизненного странствия.

Вот почему он и взирал на Господа Иисуса Христа как на Примирителя своего с Правосудием Божиим и, воспламененный чувством благодарности к Спасителю, склонился пред Ним в полном смирении и уничижении, объятый одним желанием – заслужить Его высокую милость и прощение...

Насколько живо было сознание святителем всего величия искупительных заслуг Христа-Спасителя, насколько ясно было сознание им всей необходимости Божественной помощи, с одной стороны, требуемой Правосудием Божиим, которое без этой помощи не могло быть удовлетворено грешным человечеством, а с другой, открывавшей нам и глубину милосердия Божия к падшему человеку, настолько живо и ясно было сознание святителем и собственной греховности, раскаяние в которой приближало его к Богу.

Изумительно живое понимание правды Божией, так ясно отражающееся во всей жизни святителя и в словах молитвы его, ясно обнаруживает глубокое понимание святителем

¹ Е. Поселянин. Душа перед Богом. Стр. 191. – *Прим. авт.*

своего нравственного долга и вытекающих из него обязанностей. Сознвая, что все грешное человечество искуплено Божественною Кровию Икупителя, святитель понимает, что он уже не принадлежит самому себе, а искупившему его Христу-Спасителю, ради него родившемуся и пострадавшему, и вызывает ко Господу:

«Буди благословен день и час, в онъ же Господь мой Иисус Христос мене ради родися, распятие претерпе и смертию пострада».

Это сознание непринадлежности самому себе находит свое полное отражение во всей жизни святителя, совершенно забывавшего себя и всецело преданного выполнению обязанностей, вытекавших из ясного понимания своего долга в отношении Бога и ближних.

Слова Апостола: «вы куплены дорогою ценою... не делайтесь рабами человеков»¹ – несомненно вызывали в святителе те мысли, которые, отражаясь в действиях его, определяли все его мировоззрение, являли то дивное сочетание слов и дела с обязанностями долга, которое вносило чудную гармонию во всю жизнь святителя и вселяло глубокое уважение к нему, как к человеку высшей правды и долга.

Мы видим святителя всегда деятельным и сосредоточенным, всегда бодрствующим и озабоченным, и не только разнообразнейшими делами своей обширной епархии, кои не могли, конечно, не вызывать усиленного труда и забот по разрешению их, не терзать его чуткую правдивую душу, но и делами живого милосердия; видим мы святителя всегда чутко прислушивающимся к скромному, едва слышимому, всегда ведь точно украдкой раздающемуся гласу истинной нужды и горя людского, и идущим на этот зов в полном сознании необходимости отозваться на него делами любви и скорой помощи, по мере сил своих и возможности.

Мы видим здесь полное взаимодействие между настроением святителя, всегда молитвенным, всегда высокорелигиозным, и делами его свободной воли, подчинявшейся всецело

¹ 1 Кор. 7, 23. – Прим. авт.

этому высокому настроению духа святителя; отсюда и ежечасное возношение чувств своих к Богу в дивной, проникновенной и глубоко назидательной молитве своей, второе прошение которой читается так:

«О Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! В час смерти моея прими дух раба Твоего, в странствии суща, молитвами Пречистыя Твоя Матере и всех святых Твоих, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Здесь, в противоположность первому прошению, призывающему нас к живейшему пониманию нашего земного назначения и вытекающих из него обязанностей нашего долга к Искупителю нашему, мысли и чувства святителя, исполненного глубочайшей благодарности к Спасителю мира, обращаются уже за пределы всего земного, за пределы земной жизни нашей, так справедливо и образно названной святителем «странствием».

И действительно, не нужно даже обладать даром духовного зрения, чтобы видеть и понимать всю брэнность земного и наше странническое назначение на земле. «Ничего не принесли мы в мир, ничего не можем и вынести из него»¹.

Св. Тихон Задонский в своем «Сокровище духовном, от мира собираемом» весьма образно рисует всю тщету земных целей и стремлений и предупреждает нас не увлекаться строительством земного благополучия, памятуя всю ничтожность и опасность такого строительства.

«Блюдайте, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть», — говорит апостол Павел².

«Со страхом проводите время странствия вашего», — говорит и апостол Петр.³

И святитель Иоасаф зорко следит за собой и за своей внутреннею жизнью, «искупая время» жизненного странствия своего.

¹ 1 Тим. 6, 7. — Прим. авт.

² Еф. 5, 15–16. — Прим. авт.

³ 1 Петр. 1, 17. — Прим. авт.

Стараясь жить по Евангелию Правды Христовой и живейшим образом сознавая, что Господь Иисус Христос, взявши на Себя бремя грехов всего мира, как прошедших, так и будущих, и сейчас скорбит, видя неблагодарность человека, за грехи которого пролита святейшая Кровь Его, святитель не менее живо сознает и чувствует виновность в том и ныне живущего человечества...

И, следя за внутреннею жизнью своей, он одновременно исправляет, возвращая духовно, и врученных его духовному водительству словесных овец стада своего.

Проникнутый сознанием, что искупленный человек не может выразить благодарности своей к Богу иначе, как соответствующим требованиям Евангелия Правды Христовой образом жизни своей, святитель Иоасаф, этот «пастырь добрый, душу свою полагающий за овцы своя», примером собственной жизни указывает путь к преуспеянию духовному, насаждает вокруг себя любовь к Богу и ближним и пробуждает в людях живое сознание обязанностей своих к Христу-Искупителю.

Содействуя, таким образом, устройению на земле Царства Божия, созидаемого силою Божиею и подвигами праведников, святитель Иоасаф при всей подвижнической жизни своей все же ни во что вменяет собственные усилия и подвиги.

Понимая, что «странствие» земное заканчивается в «час смерти» человека, бессмертный и свободный дух которого, освобожденный от телесной оболочки, вступает тогда в новую жизнь, в зависимости от дел его свободной воли, святитель просит помощи у Христа-Спасителя, да примет Господь Бог дух его, и не ради него, святителя, или дел его, но ради молитв Пречистой Своей Матери и всех святых...

Таково смирение святителя Иоасафа и строгость к себе.

Являя собою образец подвижника первых времен христианства, подвижника, ради любви к Богу готового на самопожертвование, святитель Иоасаф в словах своей молитвы как бы говорит нам, что грешный человек, искупленный Божественною Кровию Христа-Спасителя, ничего не может совершить сверх должного и что вся жизнь, полная любви и подвигов,

есть лишь то небольшое, что может воздать Господу искупленный Кровию Христа человек.

Чему же учит нас ежечасная молитва святителя Иоасафа? К чему призывает и на что указывает?

Вся она в кратком, но дивном сочетании глубоко продуманных слов, во-первых, ясно приводит нас к сознанию, что Иисус Христос, страдая за все человечество, пострадал за каждого из нас в отдельности и что, следовательно, мы, подобно святителю Иоасафу, должны не только запечатлеть в сознании своем эту искупительную жертву Христа-Спасителя, но и проникнуться благодарным чувством к нашему Искупителю; во-вторых, – что наша земная жизнь есть временное странствие по пути восхождения нашего в Небесное Отечество.

Этими двумя моментами веры определяется и все мировоззрение истинного христианина, налагающее на каждого из нас и две основные обязанности:

Во-первых, питать к Господу нашему Иисусу Христу сыновние чувства любви и благодарности и сообразно с этими чувствами строить всю жизнь нашу. Для этого необходимы внимание к себе и внутренней своей жизни и «собранность» мыслей. Это первое условие для развития того духовного зрения, которое точно и безошибочно определяет наши отношения к ближним, раскрывая и уясняя разнообразные обязанности нашего *долга* к различным сторонам подвига нашего жизненного назначения.

Здесь необходимо внимание верующего. Вопрос о долге – важнейший в жизни человека, но редко кто из нас не грешит против него; редко кто, уяснив все вытекающие из него обязанности, следует этим обязанностям, выполняя таковые в строгой согласованности с требованиями их внутреннего содержания.

Между тем, если мы, изучая жизнь и деятельность святителя Иоасафа, приблизимся к пониманию его мировоззрения, постигнув все величие правдивой простоты его, духовному взору нашему не представит затруднения понять и высокое религиозное настроение святителя, которое нашло свое выра-

жение в чудной молитве его, по всей справедливости могущей быть названной *«молитвой долга»*, и предлежащие нам обязанности нашего долга к Богу и к ближним.

«Мы – Христовы», – скажем мы тогда, и это исповедание веры нашей сделает нас свободными и направит нас и все помыслы наши на верную стезю жизни нашей.

Если «мы – Христовы», то ясно, что никому более мы принадлежать не должны.

Не должны, следовательно, принадлежать ни людям, ни страстям нашим. Здесь область невидимой брани с врагом рода человеческого, диаволом-искусителем.

Если «мы – Христовы», то ясно, что должны творить угодное Ему, т.е. исполнять заповеди Божии. Здесь область личного отношения нашего к Богу, личного долга нашего к Нему.

Если «мы – Христовы», то ясно, что должны стремиться к Нему, т.е., согрешая и тем отдаляя себя от Христа, все же не отчаиваться в своем спасении, ибо раскаянием своим мы всегда можем приблизить к себе ту бесконечную любовь Христову, которая всегда готова каждого из нас, как «блудного сына», заключить в свои «объятия отчий»... Здесь область христианской надежды нашей.

Если «мы – Христовы», то ясно, что на земле мы – странники. Здесь область нашего отношения к ближнему, тогда только христианского, когда мы действительно сознаем себя «странниками» и «пришельцами» на земле и когда характер нашего взаимоотношения к ближним будет вытекать из такого сознания.

Во-вторых, проникнуты сознанием, что если земная жизнь человека есть лишь временное странствие наше, предшествующее жизни загробной, вечной, то все усилия и стремления наши в этом временном мире должны быть направлены на «единое на потребу», а таковым «единым» будет то «стяжание Духа Святаго Божьего, в чем и состоит истинная цель нашей христианской жизни», о каковом говорится в прилагавом при сем замечательном очерке С. А. Нилуса «Дух Божий, явно почивший на о. Серафиме Саровском, в беседе его о цели

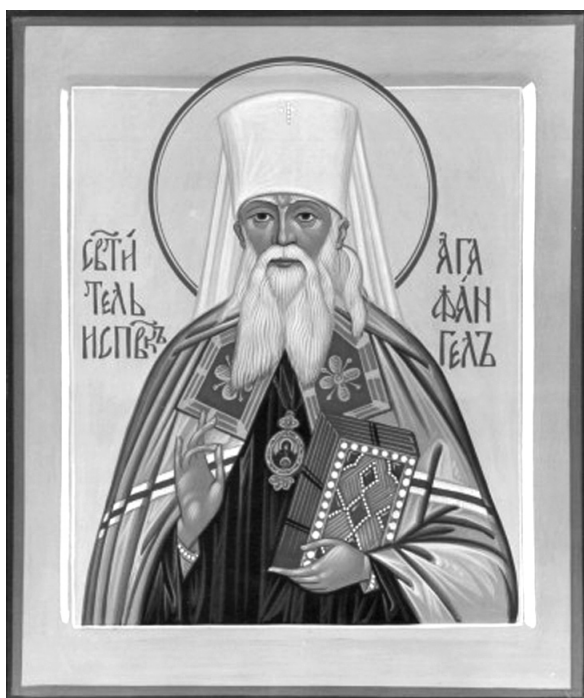
христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым»¹.

Все остальное со всем миром, «во зле лежащим», со всеми его прелестями, действительными и воображаемыми, блеском и славой, как тленное и скоро преходящее, как суетное и ничтожное, недостойно духовно просвещенного человека и не должно останавливать его внимания.

Духовное же просвещение обуславливается прежде всего религиозным настроением, преобразующим жизнь человека соответствующим требованиям Евангелия Правды Христовой образом действий его.

И такое настроение может дать верующему и «ежечасная» молитва прославленного Русскою Церковью 4-го сентября 1911 года святителя Иоасафа Белгородского.

¹ Нилус Сергей Александрович (1862–1929), религиозный писатель и общественный деятель, автор знаменитой книги «Близ есть при дверех. О том, чему не желают верить и что так близко». Второе издание опыта краткого комментария молитвы святителя Иоасафа (Киев, 1912) было дополнено не только очерком С. А. Нилуса о Н. А. Мотовилове, но и статьей А. Д. Эртеля «Древние пещеры на Зверинце в Киеве».

**ИСПОВЕДНИК МИТРОПОЛИТ
АГАФАНГЕЛ (ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ)
(27.IX.1854—3[16].X.1928)**

Александр Лаврентьевич Преображенский родился в селе Могилы Веневского уезда Тульской губернии в семье протоиерея. Закончил Тульскую духовную семинарию, Московскую духовную академию (1881) со степенью кандидата богословия. По окончании Академии преподаватель латинского языка в Раненбургском духовном училище, помощник смотрителя Скопинского духовного училища. После смерти жены и ребенка 7 марта 1885 г. пострижен в мантию с именем

Агафангел, а 10 марта рукоположен во иеромонаха. 14 декабря 1886 г. возведен в сан игумена и назначен инспектором Томской духовной семинарии. 20 января 1888 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Иркутской духовной семинарии. 10 октября 1889 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. 17 июля 1893 г. назначен на самостоятельную кафедру – епископом Тобольским и Сибирским. С 4 октября 1897 г. епископ Рижский и Митавский, 6 мая 1904 г. возведен в сан архиепископа. 13 августа 1910 г. назначен архиепископом Литовским и Виленским, а 22 декабря 1913 г. переведен на Ярославскую кафедру.

В Ярославле у владыки установились близкие отношения с руководителем местного отдела СРН доктором И. Н. Кацауровым и его женой М. Д. Кацауровой. Владыка вникал в деятельность монархических организаций, пытаясь помочь им преодолеть внутренние розни. Через посредство Кацауровой передал благословение Всероссийскому монархическому совещанию в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций, проходившему 26–29 ноября 1915 г., пожелав правым объединиться по общим вопросам, а по местным вопросам рекомендуя сохранить самостоятельность монархических организаций.

В апреле 1917 г. возведен в сан митрополита. Постоянный член Св. Синода при Святейшем Патриархе Тихоне (Беллаване). В связи с привлечением к суду Патриарх 12 мая 1922 г. временно передал свои обязанности митрополиту Агафангелу, который 18 июня 1922 г. выпустил послание о вступлении во временное управление Церковью, а 28 июня уже был заключен под домашний арест в Спасском монастыре Ярославля. 22 августа переведен в одиночку Ярославской тюрьмы, а осенью 1922 г. – во внутреннюю тюрьму ГПУ в Москве. 25 ноября 1923 г. приговорен к 3 годам ссылки. В 1923–1925 гг. находился в ссылке в с. Колпашево Нарымского края. В завещании Святейшего Патриарха Тихона был поставлен вторым кандидатом в Патриархии Местоблюстителем. По окончании ссылки с осени 1925 г. по весну 1926 г. находился в заключе-

нии в тюрьме г. Перми. 18 апреля 1926 г. выпустил послание о вступлении в права и обязанности заместителя Патриаршего Местоблюстителя, но, ознакомившись с реальной ситуацией в Церкви, 27 мая 1926 г. отказался от своих прав и вернулся в Ярославль. 6 февраля 1928 г. вместе с группой ярославских архиереев выпустил декларацию об отделении от митрополита Сергия (Страгородского), 10 мая вернулся в молитвенное общение с ним. Скончался в Ярославле, погребен в храме святителя Леонтия Ростовского. Так случилось, что владыку похоронили только на седьмой день после кончины, но, по воспоминаниям очевидца, «никакого трупного запаха не ощущалось нисколько, напротив: по временам веяло от гроба каким-то благоуханием».

Прославлен на юбилейном Архиерейском соборе в августе 2000 г. в сонме новомучеников и исповедников Российских.

**Послание Заместителя Святейшего Патриарха
Московского и всея России митрополита
Ярославского Агафангела к архипастырям
и всем чадам Православной Русской Церкви**

Благодать Вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа!

Святейшему Патриарху и Отцу нашему Тихону угодно было 3/16 мая сего 1922 г. обратиться ко мне со следующей грамотой:

«Вследствие крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить Ваше Высокопреосвященство во главе церковного управления до созыва Собора. На это имеется и согласие гражданской власти, а посему благоволите прибыть в Москву без промедления... Патриарх Тихон».

Во имя святого послушания и по долгу моей архиерейской присяги я предположил немедленно вступить в отправление возложенного на меня служения Церкви и поспешить в Москву. Но вопреки моей воле, по обстоятельствам, от меня не зависящим, я лишен и доныне возможности отправиться на место служения. Между тем, как мне официально известно, явились в Москве иные люди и встали у кормила правления Церковью Русскою. От кого и какие на то полномочия получили они, мне совершенно неизвестно. А поэтому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незаконными. Они объявили о своем намерении пересмотреть догматы и нравоучение нашей православной веры, свящ. каноны Св. Вселенских соборов, православные богослужебные уставы, данные великими молитвенниками и подвижниками христианского благочестия, и организовать, таким образом, новую, именуемую ими «живую церковь».

Мы не отрицаем необходимости некоторых видоизменений и преобразований в богослужебной практике и обрядах. Некоторые вопросы этого рода были предметом рассмотрения Всероссийского Поместного собора 1918 года, но не получили решения вследствие преждевременного прекращения его деятельности по обстоятельствам тогдашнего времени. Но, во всяком случае, всевозможные изменения и церковные реформы могут быть произведены только соборной властью, а посему я почитаю своим долгом – по вступлении в управление делами Церкви созыв Всероссийского Поместного собора, который правомерно, согласно со Словом Божиим и в силу правил св. Вселенских соборов – этих первых и основных источников нашего церковного строительства, – рассматривает все то, что необходимо и полезно для нашей духовной жизни. Иначе всякие нововведения могут вызвать смятение совести у верующих, пагубный раскол между ними, умножение несчастья и безысходного горя. Начало всего этого мы уже с великою скорбью и видим.

Возлюбленные о Господе преосвященные архипастыри! Лишенные на время высшего руководства, вы управляйте те-

перь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, свящ. канонами и обычным церковным правом, по советам и архиерейской присяге, впредь до восстановления высшей церковной власти окончательно решайте дела, по которым прежде испрашивали разрешения Священного Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смирению.

Честные пресвитеры и все о Христе служители алтаря и Церкви! Вы близко стоите к народной жизни. Вам должно быть дорого преуспеяние в духе нашей православной веры. Умножайте свою священную ревность! Когда верующие увидят в вас благодатное горение духа, они никогда не уйдут от своих святых алтарей.

Братие и сестры о Господе – наши пасомые! Храните единство святой веры в союзе братского мира. Не поддавайтесь смущению, которое новые люди стремятся внести в ваши сердца по поводу учений нашей православной веры; не склоняйтесь к соблазнам, которыми они хотят обольстить вас, производя изменения в православном богослужении, действуя не законным путем соборного установления, но по своему почину и разумению, не повинаясь голосу древних Вселенских Отцов и великих подвижников, созидавших наши церковные уставы; не обольщайтесь беззаконием путей, которыми хотят повести вас новые люди к какой-то новой церкви; ищите законных средств и путей, которыми должно устранять церковные нестроения; держитесь и не порывайте союза со своими законными духовными пастырями и архипастырями. Повинуйтесь с доброю совестью, просвещенною Христовым светом, государственной власти, несите в духе любви и мира свои гражданские обязанности, памятуя завет Христа: «Воздадите Кесареви Кесарево и Божие Богови».

Наипаче же увеличьте молитвенный подвиг, ограждая себя им от наветов духа злобы, врага нашего спасения. Итак, возлюбленные о Христе чада! Храните учения, чины и уставы веры нашей, храните вся преданная нам; держитесь Церкви Божией. Знайте, что уходящий от Святой Церкви оставляет своего Спасителя. Тем же убо, братие, стойте, говорит нам Апо-

стол, и держите предания, имже научитесь или словом, или посланием нашим (2 Сол. 2, 15).

Заместитель Святейшего Патриарха
смиранный Агафангел, Божиею ми-
лостью митрополит Ярославский
5/18 июня 1922 г. № 214, Ярославль

**Всем архипастырям, пастырям
и верным чадам Церкви Российской**

Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (Рим. 1, 7).

Святейший Патриарх Тихон, устраненный обстоятельствами от управления Российской Церкви, грамотой от 3 мая 1922 г. патриаршее право и обязанности, впредь до созыва 2-го Всероссийского Поместного собора, передал нашему смирению.

Но по не зависящим от нас причинам мы не могли в то время выполнить этого патриаршего поручения. Этим моментом воспользовались безответственные лица и самовольно, по властолюбию захватили пастырский жезл Русской Церкви. И хотя Святейший Патриарх Тихон, как освобожденный потом гражданской властью, снова вступил в управление нашей Церковью, эти лица не захотели оставить своего (начинания) властолюбивого своеволия и тем внесли в Церковь нестроение и раскол. Разделение и раздоры в управлении церковном не прекратились и со смертью Патриарха Тихона, когда вступил во временное управление Церковью митрополит Крутицкий Петр¹, как один, имевший в то время возможность осуществить распоряжение Святейшего Патриарха Тихона на случай его смерти.

По определению Собора 1917/18 гг., в случае кончины Патриарха в права и обязанности Местоблюстителя Патриаршего престола вступает старейший по сану и хиротонии иерарх, каковым в настоящее время является наше смирение. И Свя-

¹ Священномученик Петр (Полянский), митрополит Коломенский и Крутицкий (1862–1937), патриарший местоблюститель с 1925 г.

тейший Патриарх Тихон в послании своем от 15 июля 1923 г. соизволил указать «в точном соответствии с постановлением Собора, установившего порядок патриаршего управления в Русской Церкви, и с определением состоявшего при нем Свящ. Синода от 7 ноября 1920 г. – признали мы за благо передать на время нашего удаления от дел всю полноту духовной власти назначенному нами заместителю нашему митрополиту Ярославскому Агафангелу, с тем, чтобы им был созван Поместный собор Российской Церкви для суждения о высшем управлении церковном и о других церковных нуждах, против чего, как нам было сообщено, не возражала и гражданская власть». А посему на основании: а) указанного определения Собора, б) грамоты Патриарха Тихона от 3 мая 1922 г., в) послания его же от 15 июля 1923 г. и г) его же распоряжения на случай своей кончины от 25 декабря 1924 г. (7 января 1925 г.) – мы, имея в настоящее время возможность осуществить возложенные на нас обязанности Патриаршего Местоблюстителя, вступили в управление Православной Русской Церковью...

Оповещая о сем, мы приглашаем вас, возлюбленные о Христе архиереи и пастыри, всех истинно верующих чад Православной Церкви Христовой и тех, кто уклонился от нее, забыть всякие разномыслия и споры, объединиться вокруг восстанавливаемого нами «Патриаршего Священного Синода», получившего свое бытие от 1-го Всероссийского Поместного собора (1917/18 гг.) и, следовательно, власти законной и канонической, приложить все старания и принять все меры к скорейшему созванию 2-го Всероссийского Поместного собора, который направит корабль Русской Церкви по надлежащему курсу под водительством Небесного Кормчего – Главы Церкви, Господа нашего Иисуса Христа.

Бог любви и мира да пребывает между всеми нами.

Местоблюститель Патриаршего Престола смиренный Агафангел, Божией Милостью митрополит Ярославский
г. Пермь 18 апреля 1926 г.

КОММЕНТАРИИ

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Божие ли Царство – Россия?

Публ. по: Источник живой воды. Описание жизни и деятельности отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1910. С. 742–744.

Слово о благотворности Царского Единодержавия

Публ. по: Полное собрание сочинений прот. Иоанна Ильича Сергиева. Репринт. Т. 7. СПб., 1994. С. 35–38.

Слово в день тезоименитства благочестивейшего Государя-императора Александра Николаевича

Публ. по: Полное собрание сочинений прот. Иоанна Ильича Сергиева. Репринт. Т. 3. СПб., 1994. С. 170–175.

Слово в день тезоименитства благочестивейшего Государя-императора Александра Николаевича и Его Императорского Высочества, Государя-наследника, Цесаревича и Великого князя Александра Александровича

Публ. по: Полное собрание сочинений прот. Иоанна Ильича Сергиева. Репринт. Т. 3. СПб., 1994. С. 190–196.

Слово во вторую неделю поста, по поводу наглого и дерзкого убийства злодеями благочестивейшего Государя-императора Александра Николаевича, 1-го марта 1881 года

Публ. по: Полное собрание сочинений прот. Иоанна Ильича Сергиева. Репринт. Т. 3. СПб., 1994. С. 219–224.

Слово во время литургии в день похорон блаженной памяти Государя-императора Александра II-го

Публ. по: Полное собрание сочинений прот. Иоанна Ильича Сергиева. Репринт. Т. 3. СПб., 1994. С. 225–227.

Слово в день рождения Наследника Всероссийского Престола, благоверного Государя-цесаревича и Великого князя Александра Александровича

Публ. по: Полное собрание сочинений прот. Иоанна Ильича Сергиева. Репринт. Т. 3. СПб., 1994. С. 281–283.

Слово на день рождения благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича, 6-го мая

Публ. по: Полное собрание сочинений настоятеля Кронштадтского Андреевского собора протоиерея о. Иоанна Ильича Сергиева. Новые слова, произнесенные в 1905 году. Кронштадт, 1906. С. 51–54.

Слово на день рождения благочестивейшей Государыни-императрицы Александры Феодоровны

Публ. по: Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский). Слова и поучения, произнесенные в разных местах служения в 1907–8 гг. СПб., 1908. С. 5–7. В примечании указано: «Получено по почте из Карпогоры (Арханг. губ.)».

Слово на день тезоименитства благочестивейшей Государыни-императрицы Александры Феодоровны, 23-го апреля

Публ. по: Полное собрание сочинений настоятеля Кронштадтского Андреевского собора протоиерея о. Иоанна Ильича Сергиева. Новые слова, произнесенные в 1905 году. Кронштадт, 1906. С. 47–50.

Слово на день воспоминания и празднования священного миропомазания и венчания на царство благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича всея России

Публ. по: Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский). Слова и поучения, произнесенные в разных местах служения в 1907–8 гг. СПб., 1908. С. 1–4.

Отдельные высказывания, дневниковые записи, пророчества

Из «Предсмертного дневника»

Публ. по: Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник (1908 г., май–ноябрь). М., 2009.

Пророчества о. Иоанна о судьбах России и русских людей

Публ. по: Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадтский. Жизнь и чудеса. Гл. 52. М., 2009.

**ИСПОВЕДНИК ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
ТИХОН (БЕЛЛАВИН)**

Слово в день священного коронования и помазания на царство благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича, произнесенное в Нью-Йоркском соборе 14 мая 1905 года

Первая публ.: Американский православный вестник. 1905. № 10.

Публ. по: Слово в день священного коронования... // Православная жизнь. Ежемесячное приложение к журналу «Православная Русь». 2001. № 7. С. 8–12.

Речь при наречении во епископа Люблинского, 18 октября 1897 года

Публ. по: Речь при наречении во епископа Люблинского, 18 октября 1897 года // Прибавления к «Церковным ведомостям», издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание. № 43. 25 октября 1897 года. С. 1560–1562.

Вегетарианство и его отличие от христианского поста

Публ. по: Вегетарианство и его отличие от христианского поста // Странник. Духовный журнал. 1895. Том I. С. 487–499.

О подвижничестве

Публ. по.: О подвижничестве // Странник. Духовный журнал. 1897. Том II. С. 219–229.

Слово в Успенском соборе Московского кремля по принятии жезла святителя Петра митрополита, 21 ноября 1917 года

Публ. по: Священный собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга IV: Деяния XLI–LI. Изд. Соборного Совета. Пг., 1918. С. 54–55.

Грамота по случаю вступления на Патриарший Престол

Публ. по: Грамота по случаю вступления на Патриарший Престол // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. № 1. 5 января 1918 года. С. 1–2.

Послание к епископам Грузинского экзархата, отделившимся от Русской Православной Церкви

Публ. по: Послание к к еписком Грузинского экзархата... // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. № 3–4. 31 января 1918 года. С. 1–2.

Новогоднее слово (1 января 1918 года)

Публ. по: Новогоднее слово (1 января 1918 года) // Прибавления к «Церковным ведомостям», издание Православной Русской Церкви. Еженедельное издание. № 1. 5 января 1918 года. С. 1–3.

Речь на торжественном собрании Священного собора Российской Православной Церкви, посвященном памяти мученически скончавшегося высокопреосвященного Владимира (Богоявленского), митр. Киевского и Галицкого, 15 (28) февраля 1918 года

Публ. по: Речь на торжественном собрании... // Прибавления к «Церковным ведомостям», издание Православной Русской Церкви. Еженедельное издание. № 9–10. 16 (29) марта 1918 года. С. 339–340.

Послание Патриарха, 3 марта 1918 года

Публ. по: Послание Патриарха, 3 марта 1918 года // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. № 7–8. 2 (15) марта 1918 года. С. 30–32.

Послание Святейшего Патриарха Тихона, 5 марта 1918 года

Публ. по: Послание Святейшего Патриарха Тихона, 5 марта 1918 года // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. № 9–10. 16 марта 1918 года. С. 49–51.

Послание Святейшего Патриарха Тихона, 19 января 1918 года

Публ. по: Послание Святейшего Патриарха Тихона, 19 января 1918 года // Богословский вестник. 1918. Том I. Январь–февраль. С. 74–76.

**СВЯТИТЕЛЬ МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ
(ПАРВИЦКИЙ-НЕВСКИЙ)**

Слово в день восшествия на престол Благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Слово в день коронования благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Беседа приготовительная, пред днями празднования рождения или тезоименитства августейших особ Императорского дома

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Архипастырская беседа о хранении заветов старины

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Беседа о Святой земле и Императорском православном палестинском обществе

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Опомнимся! Покаемся!

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Объединимся!

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Наставление о повиновении властям и о почитании пастырей

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Архипастырский голос после выборов в 4-ю Государственную думу, 21 октября 1912 г.

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Слово воинам-ратникам, отправляющимся на Дальний Восток

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Речь по поводу современных лжеучений

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Речь по прочтении известий о неудавшихся преступных замыслах, имевших целию посягательство на священную особу благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича и высших должностных лиц Империи, – пред благодарственным Господу Богу молебствием по этому случаю

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Речь пред благодарственным молебном по случаю избавления от смертной опасности, во время плавания на яхте «Штандарт», Его Императорского Величества с августейшим семейством

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Речь пред благодарным молебном по случаю полученного известия о посягательстве на жизнь г. обер-прокурора Святейшего Синода, действительного тайного советника К. П. Победоносцева

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Речь, произнесенная на торжественном открытии в г. Томске Русского народного общества «За Веру, Царя и Отечество»

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Да не будут в вас распри

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Современное идолопоклонство

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Не всякий богач будет осужден и не всякий бедняк будет награжден

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Против зрелищ: беседа первая

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Против зрелищ: беседа вторая

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Против зрелищ: беседа третья

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Против зрелищ: беседа четвертая

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Враги Церкви и Отечества

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

Поворот в христианском мире к язычеству

Публ. по: Слова, беседы, поучения и речи преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского. Вып. 1–3. Томск, 1898–1916.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИТРОПОЛИТ
ВЛАДИМИР (БОГОЯВЛЕНСКИЙ)**

Что делать?

Публ. по: Что делать? Харьков, 1905.

К русскому народу

Публ. по: К русскому народу. Харьков, 1905.

**Речь при вступлении Их Императорских Величеств в
Большой Московский Успенский собор**

Публ. по: Речь при вступлении Их Императорских Величеств... // Прибавления к «Церковным ведомостям», издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1900. № 15–16. С. 615–616.

О причинах бесцерковья

Публ. по: О причинах бесцерковья. М.: Русская печатня, 1909.

Работа в свете материализма и христианства

Публ. по: Работа в свете материализма и христианства. Издание Комиссии по устройству чтений для московских фабрично-заводских рабочих. М., 1906.

О труде и собственности

Первая публ.: О труде и собственности // Голос Церкви. 1912, № 12.

Публ. по: О труде и собственности. М., 1912.

Обретение Бога (доказательства бытия Божия)

Публ. по: Обретение Бога (доказательства бытия Божия). М., 1912.

О праве церковного отлучения, или анафематствования

Первая публ.: О праве церковного отлучения, или анафематствования // Голос Церкви. 1912, № 12.

Публ. по: О праве церковного отлучения, или анафематствования. М., 1912.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИТРОПОЛИТ
СЕРАФИМ (ЧИЧАГОВ)**

Слово пред молебствием в соборе и благословением хоругвей Союза Русского Народа

Первая публ.: Слово пред молебствием в соборе и благословением хоругвей Союза Русского Народа // Кишиневские епархиальные ведомости. 1909, № 1–2.

Публ. по: Слово пред молебствием в соборе и благословением хоругвей Союза Русского Народа. Кишинев, 1909.

К вопросу о вероисповедных законопроектах

Публ. по: Сборник Съезда Русских Людей в Москве 27 сент. – 4 окт. 1909. М., 1910. С. 58–61.

К вопросу о православном приходе

Публ. по: Сборник Съезда Русских Людей в Москве 27 сент. – 4 окт. 1909. М., 1910. С. 61–64.

О возрождении приходской жизни

Публ. по: О возрождении приходской жизни. Пг., 1916.

Слово в 100-летнюю годовщину рождения Н. В. Гоголя

Публ. по: Митрополит Серафим (Чичагов). Да будет воля Твоя. Ч. 1. Ищите Царствия Божия. М.–СПб., 1993. С. 282–284.

О современном мученичестве

Публ. по: О современном мученичестве // Журнал Московской Патриархии. 1990, № 10.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АРХИЕПИСКОП
АНДРОНИК (НИКОЛЬСКИЙ)**

Беседы о Союзе Русского Народа

Публ. по: Епископ Андроник. Беседы о «Союзе Русского Народа». Старая Русса, 1909.

Русский гражданский строй жизни перед судом христианина, или основания и смысл Царского самодержавия

Первая публ.: Русский гражданский строй жизни перед судом христианина, или основания и смысл Царского самодержавия. Старая Русса, 1909.

Публ. по: Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга I. Статьи и заметки. Тверь, 2004.

Письма архиерея к иереям

Первая публ.: Новгородские епархиальные ведомости. 1910.

Публ. по: Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга I. Статьи и заметки. Тверь, 2004.

Наша церковно-народная жизнь как она есть

Публ. по: Наша церковно-народная жизнь, как она есть: (Размышления епископа после путешествия по епархии). Пермь, 1916.

Письмо архиепископу Новгородскому Арсению (Стадницкому)

Публ. по: Священномученик Андроник (Никольский). Пишу от избытка скорбящего сердца: Сб. писем / Сост. Г. Г. Гуличкиной. М., 2007.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПРОТОИЕРЕИ ИОАНН ВОСТОРГОВ

Православно-русское государственное мировоззрение

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 20–31.

Голос русских патриотов в смутную пору

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 185–187.

Патриотизм и христианство

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 236–241.

Патриотическое служение русского духовенства

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 96–101.

Омолитвованный патриотизм

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 116–119.

Освящение государства и власти

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 571–579.

Патриотические союзы и их отношение к религии

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 124–130.

Русь Святая

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 602–607.

Мировое призвание России

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 241–249.

Памяти Императора Александра III-го. Смысл и значение его царствования

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1916. С. 237–252.

Кронштадтский светоч и газетные гиены

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 410–416.

В Иоанновском монастыре

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1916. С. 443–448.

I. Памяти В. А. Грингмута

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 329–338.

II. Памяти В. А. Грингмута

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 340–347.

III. Памяти В. А. Грингмута

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 347–350.

IV. Памяти В. А. Грингмута

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 363–366.

V. Памяти В. А. Грингмута

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 381–384.

VI. Памяти В. А. Грингмута

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 663–670.

Борец за русское дело на Кавказе

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1914. С. 324–330.

Честный служитель слова

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1914. С. 223–228.

Распятие Родины

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 16–20.

Современные бесы

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 407–410.

Знамена времени

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 706–716.

Заветы истории

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 290–295.

Заветы истории о верности православию и самодержавию

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 579–588.

Православие в истории России

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 147–157.

Государственная дума и Православно-Русская Церковь

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1916. С. 312–350.

Царь, Россия и война

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1914. С. 360–367.

Спасение Царево

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 288–290.

Русские знамена

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1915. С. 168–175.

Единство при разнообразии

Публ. по: Прот. И. И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1914. С. 400–407.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП
МАКАРИЙ (ГНЕВУШЕВ)**

Доклад члена Совета Киевской Русской Монархической партии М. В. Гневушева, читанный в Киевском отделе Русского Собрания 3 июля 1906 года

Публ. по: Доклад члена Совета Киевской Русской Монархической партии М. В. Гневушева. Киев, 1906.

Константин Петрович Победоносцев. Некролог

Публ. по: Константин Петрович Победоносцев. Некролог. Киев, 1907.

К вопросу о земельном благоустройстве

Публ. по: Сборник Съезда Русских Людей в Москве 27 сент. – 4 окт. 1909. М., 1910. С. 27–39.

Сила веры. Ужас неверия

Публ. по: Сила веры. Ужас неверия. М., 1910.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП
ГЕРМОГЕН (ДОЛГАНЕВ)**

**Речь при наречении во епископа Вольского, викария
Саратовской епархии**

Первая публ.: Церковные ведомости, издаваемые при Святиейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание, с прибавлениями. 1901. Первое полугодие. СПб., 1901. С. 91–92.

**Слово на торжественном открытии Православного Все-
российского Братского Союза Русского Народа**

Публ. по: Православный Всероссийский Братский Союз Русского Народа. Саратов, 1911, с. 3–5.

**Негодующее изображение дозволенного кощунства.
(Истинное изображение смерти Толстого)**

Публ. по: Негодующее изображение дозволенного кощунства. Саратов, 1911.

Нынешние последователи анатэмы и его крамолы

Публ. по: Нынешние последователи анатэмы и его крамолы (опубликовано на правах рукописи с разрешения епископа Гермогена в типолитографии П. С. Феокритова). Саратов, 1910.

Борьба за истину нашей духовной школы

Первая публ.: Борьба за истину нашей духовной школы // Саратовский духовный вестник. № 44. 1908 г.

Публ. по: Борьба за истину нашей духовной школы. Саратов, 1908..

Толкование на «Откровение» Иоанна Богослова

Публ. по: Толкование на «Откровение» Иоанна Богослова // Первый и последний. № 2, 2003, электронная версия: <http://www.kongord.ru/Index/Screst/sk87-1.htm>.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПРОТОИЕРЕЙ ПАВЕЛ ЛЕВАШЕВ

Семья и школа по А. С. Хомякову

Первая публ.: Семья и школа по А. С. Хомякову // Церковный вестник.

Публ. по: Семья и школа по А. С. Хомякову. СПб., 1904.

Под впечатлениями Московского съезда «Объединенного Русского Народа»

Публ. по: Г. П. Под впечатления Московского съезда «Объединенного Русского Народа». СПб., 1907.

Благодатная сила молитвы о. Иоанна и вселенское значение его молитвенного подвига

Публ. по: Благодатная сила молитвы о. Иоанна и вселенское значение его молитвенного подвига. СПб., 1909.

Взгляд о. Иоанна Кронштадтского на удовольствия

Публ. по: Взгляд о. Иоанна Кронштадтского на удовольствия. СПб., 1914.

Зачем так много у нас обрядов?

Публ. по: Зачем так много у нас обрядов? СПб., 1915.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП ЕФРЕМ КУЗНЕЦОВ

Последняя реализация Высочайшего указа 17 апреля 1905 г. в Забайкальской области

Публ. по: Сборник Съезда Русских Людей в Москве 27 сент. – 4 окт. 1909. М., 1910. С. 64–69.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП
ИОАСАФ (ЖЕВАХОВ)**

Святитель Иоасаф, Белгородский и всея России чудотворец (1705–1754)

Публ. по: Жевахов В. Д. Святитель Иоасаф, Белгородский и всея России чудотворец (1705–1754). Его ежечасная молитва (краткий комментарий). 3-е изд. Киев, 1915.

Ежечасная молитва святителя Иоасафа

Публ. по: Жевахов В. Д. Святитель Иоасаф, Белгородский и всея России чудотворец (1705–1754). Его ежечасная молитва (краткий комментарий). 3-е изд. Киев, 1915.

**ИСПОВЕДНИК МИТРОПОЛИТ АГАФАНГЕЛ
(ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ)**

Послание Заместителя Святейшего Патриарха Московского и всея России митрополита Ярославского Агафангела к архипастырям и всем чадам Православной Русской Церкви

Публ. по: Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь, 1996.

Всем архипастырям, пастырям и верным чадам Церкви Российской

Публ. по: Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь, 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Д. СТЕПАНОВ. СВЯТЫЕ ЧЕРНОСОТЕНЦЫ И СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА</i>	5
--	---

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ	20
---	----

Божие ли Царство – Россия? (Слово на день священного миропомазания и венчания на царство благочестивейшего, самодержавнейшего великого Государя-императора Николая Александровича).....	25
---	----

Слово о благотворности Царского Единодержавия (Пронесено в годовщину восшествия на престол Благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича, 21-го октября 1896 года, в Андреевском соборе в Кронштадте).....	28
---	----

Слово в день тезоименитства благочестивейшего Государя-императора Александра Николаевича	30
--	----

Слово в день тезоименитства благочестивейшего Государя-императора Александра Николаевича и Его Императорского Высочества, Государя-наследника, Цесаревича и Великого князя Александра Александровича.....	34
---	----

Слово во вторую неделю поста, по поводу наглого и дерзкого убийства злодеями благочестивейшего Государя-императора Александра Николаевича, 1-го марта 1881 года.....	39
--	----

Слово во время литургии в день похорон блаженной памяти Государя-императора Александра II-го	43
Слово в день рождения Наследника Всероссийского Престола, благоверного Государя-цесаревича и Великого князя Александра Александровича	45
Слово на день рождения благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича, 6-го мая	47
Слово на день рождения благочестивейшей Государыни-императрицы Александры Феодоровны.....	50
Слово на день тезоименитства благочестивейшей Государыни-императрицы Александры Феодоровны, 23-го апреля.....	52
Слово на день воспоминания и празднования священного миропомазания и венчания на царство благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича всея России	54
Отдельные высказывания, дневниковые записи, пророчества.....	57

ИСПОВЕДНИК ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ ТИХОН (БЕЛЛАВИН)

65

Слово в день священного коронования и помазания на царство благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича, произнесенное в Нью-Йоркском соборе 14 мая 1905 года.....	69
Речь при наречении во епископа Люблинского 18 октября 1897 года.....	73
Вегетарианство и его отличие от христианского поста.....	77
О подвижничестве	89
Слово в Успенском соборе Московского Кремля по принятии жезла святителя Петра митрополита 21 ноября 1917 года.....	100
Грамота по случаю вступления на Патриарший Престол	102

Послание к епископам Грузинского экзархата, отделившимся от Русской Православной Церкви	104
Новогоднее слово (1 января 1918 года)	111
Речь на торжественном собрании Священного собора Российской Православной Церкви, посвященном памяти мученически скончавшегося высокопреосвященного Владимира (Богоявленского), митр. Киевского и Галицкого, 15 (28) февраля 1918 года	114
Послание Патриарха, 3 марта 1918 года	115
Послание Святейшего Патриарха Тихона, 5 марта 1918 года	118
Послание Святейшего Патриарха Тихона, 19 января 1918 года	122
СВЯТИТЕЛЬ МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ (ПАРВИЦКИЙ-НЕВСКИЙ)	125
Слово в день восшествия на Престол благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича	130
Слово в день коронования благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича	143
Беседа приговорительная, пред днями празднования рождения или тезоименитства августейших особ Императорского дома	149
Архипастырская беседа о хранении заветов старины	152
Беседа о Святой земле и Императорском православном палестинском обществе	157
Опомнимся! Покаяемся!	168
Объединимся!	171
Наставление о повиновении властям и о почитании пастырей	177
Архипастырский голос после выборов в 4-ю Государственную думу, 21 октября 1912 г.	178

Слово воинам-ратникам, отправляющимся на Дальний Восток	182
Речь по поводу современных лжеучений	185
Речь по прочтении известий о неудавшихся преступных замыслах, имевших целию посягательство на священную особу благочестивейшего Государя-императора Николая Александровича и высших должностных лиц Империи, – пред благодарственным Господу Богу молебствием по этому случаю	189
Речь пред благодарственным молебном по случаю избавления от смертной опасности, во время плаванья на яхте «Штандарт», Его Императорского Величества с августейшим семейством	190
Речь пред благодарным молебном по случаю полученного известия о посягательстве на жизнь г. обер-прокурора Святейшего Синода, действительного тайного советника К. П. Победоносцева	192
Речь, произнесенная на торжественном открытии в г. Томске Русского народного общества «За Веру, Царя и Отечество»	194
Да не будут в вас распри (Беседа в неделю 8-ю по Пятидесятнице)	199
Современное идолопоклонство (Беседа в неделю 17-ю по Пятидесятнице)	202
Не всякий богатч будет осужден и не всякий бедняк будет награжден (Поучение в неделю 22-ю по Пятидесятнице)	206
Против зрелищ: беседа первая (Слово православному населению г. Томска)	210
Против зрелищ: беседа вторая	215
Против зрелищ: беседа третья (Увещание родителям по поводу допущения детей к театральным представлениям в утренние часы)	221
Против зрелищ: беседа четвертая (Поучение о праздничных удовольствиях и увеселениях)	227

Враги Церкви и Отечества (Слово в день Воздвижения Животворящего Креста)	230
--	-----

Поворот в христианском мире к язычеству Слово в день Рождества Христова	235
---	-----

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИТРОПОЛИТ ВЛАДИМИР (БОГОЯВЛЕНСКИЙ)..... 241

Что делать?	247
-------------------	-----

К русскому народу	250
-------------------------	-----

Речь при вступлении Их Императорских Величеств в Большой Московский Успенский собор	252
---	-----

О причинах бесцерковья (Слово при освящении придела св. Иоанна Воина в церкви Живоначала Троицы, на Капельках, 28 декабря 1908 года)	253
--	-----

Работа в свете материализма и христианства	260
--	-----

О труде и собственности (Речь, произнесенная в аудитории Исторического музея для фабрично-заводских рабочих г. Москвы)	268
--	-----

Обретение Бога (доказательства бытия Божия) (Доклад, читанный в собрании религиозно-просветительных и патриотических организаций г. Москвы 2 апреля 1912 г.)	279
--	-----

О праве церковного отлучения, или анафематствования ..	295
--	-----

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИТРОПОЛИТ СЕРАФИМ (ЧИЧАГОВ)..... 322

Слово пред молебствием в соборе и благословением хоругвей Союза Русского Народа	328
---	-----

К вопросу о вероисповедных законопроектах (Доклад Съезду Русских Людей в Москве (27 сент. – 4 окт. 1909 г.))	331
--	-----

К вопросу о православном приходе (Доклад Съезду Русских Людей в Москве (27 сент. – 4 окт. 1909 г.))	335
---	-----

О возрождении приходской жизни (Обращение к духовенству Тверской епархии).....	339
Слово в 100-летнюю годовщину рождения Н. В. Гоголя.....	398
О современном мученичестве.....	402

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АРХИЕПИСКОП АНДРОНИК (НИКОЛЬСКИЙ).....406

Беседы о Союзе Русского Народа.....	410
Русский гражданский строй жизни перед судом христианина, или основания и смысл Царского самодержавия.....	432
Письма архиерея к иереям.....	455
Наша церковно-народная жизнь как она есть (Размышления епископа, возвратившегося из путешествия по епархии).....	513
Письмо архиепископу Новгородскому Арсению (Стадницкому).....	555

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПРОТОИЕРЕЙ ИОАНН ВОСТОРГОВ.....558

Православно-русское государственное мировоззрение.....	572
Голос русских патриотов в смутную пору.....	583
Патриотизм и христианство.....	585
Патриотическое служение русского духовенства (заветы святителя Алексия).....	589
Омолитвованный патриотизм.....	594
Освящение государства и власти.....	597
Патриотические союзы и их отношение к религии.....	604
Русь Святая.....	610
Мировое призвание России.....	615
Памяти Императора Александра III-го. Смысл и значение его царствования.....	623

Кронштадтский светоч и газетные гиены.....	643
В Иоанновском монастыре	649
I. Памяти В. А. Грингмута.....	655
II. Памяти В. А. Грингмута	663
III. Памяти В. А. Грингмута	669
IV. Памяти В. А. Грингмута	672
V. Памяти В. А. Грингмута.....	675
VI. Памяти В. А. Грингмута.....	678
Борец за русское дело на Кавказе	684
Честный служитель слова	690
Распятие Родины.....	694
Современные бесы.....	698
Знамена времени (о. Иоанн Кронштадтский и граф Л. Толстой).....	702
Заветы истории	711
Заветы истории о верности православию и самодержавию....	716
Православие в истории России	725
Государственная дума и Православно-Русская Церковь.....	735
Царь, Россия и война	783
Спасение Царево.....	790
Русские знамена	792
Единство при разнообразии	799
СВЯЩЕННОУЧЕНИК ЕПИСКОП МАКАРИЙ (ГНЕВУШЕВ).....	806
Доклад члена Совета Киевской Русской Монархиче- ской партии М. В. Гневушева, читанный в Киевском от- деле Русского Собрания 3 июля 1906 года	815
Константин Петрович Победоносцев. Некролог	829

К вопросу о земельном благоустройстве (Доклад Съезду Русских Людей в Москве (27 сент. – 4 окт. 1909 г.))	846
--	-----

Сила веры. Ужас неверия (Поучение и вечернее собеседование в неделю 24-ю).....	861
--	-----

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП ГЕРМОГЕН (ДОЛГАНЕВ)	869
--	-----

Речь при наречении во епископа Вольского, викария Саратовской епархии	874
---	-----

Слово на торжественном открытии Православного Всероссийского Братского Союза Русского Народа.....	875
---	-----

Негодующее изображение дозволенного кощунства (Истинное изображение смерти Толстого).....	877
---	-----

Нынешние последователи анатэмы и его крамолы (О современной упорной проповеди разврата и безбожия, как очевидной форме усиленного злостного движения к общей анархии и разрушению основных жизненных сторон в обществе и государстве. Литература. Театр. Пьесы: «Анфиса» и «Анатэма»).....	880
--	-----

Борьба за истину нашей духовной школы (Отзыв Саратовского епископа Гермогена о проекте новой организации этой школы)	896
--	-----

Толкование на «Откровение» Иоанна Богослова	911
---	-----

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПРОТОИЕРЕЙ ПАВЕЛ ЛЕВАШЕВ	931
---	-----

Семья и школа по А. С. Хомякову (речь, сказанная на акте 5-й СПб. гимназии, в присутствии родителей учащихся, 2 октября 1904 года).....	934
---	-----

Под впечатлениями Московского съезда «Объединенного Русского Народа»	941
--	-----

Благодатная сила молитвы о. Иоанна и вселенское значение его молитвенного подвига.....	997
--	-----

Взгляд о. Иоанна Кронштадтского на удовольствия (чтение в торжественном собрании членов «Общества в память о. Иоанна Кронштадтского» 25 марта 1914 года)	1005
Зачем так много у нас обрядов?	1015
 СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП ЕФРЕМ	
КУЗНЕЦОВ	1050
Последняя реализация Высочайшего указа 17 апреля 1905 г. в Забайкальской области (доклад на Съезде Русских Людей в Москве (27 сент. – 4 окт. 1909 года))	1053
 СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП ИОАСАФ	
(ЖЕВАХОВ)	1059
Святитель Иоасаф, Белгородский и всея России чудотворец (1705–1754)	1063
Ежечасная молитва святителя Иоасафа	1089
 ИСПОВЕДНИК МИТРОПОЛИТ АГАФАНГЕЛ	
(ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ)	1097
Послание Заместителя Святейшего Патриарха Московского и всея России митрополита Ярославского Агафангела к архипастырям и всем чадам Православной Русской Церкви	1099
Всем архипастырям, пастырям и верным чадам Церкви Российской	1102
 КОММЕНТАРИИ	1104

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 70 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор З. Н. Скобелкина
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-495-605-25-35.

Подписано в печать 25.08.2011 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 55,8 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация (*вышел*)
- Русское Православие в трех томах (*вышли*)
- Русское государство (*вышел*)
- Русский патриотизм (*вышел*)
- Русское мировоззрение (*вышел*)
- Русский образ жизни (*вышел*)
- Русская география
- Русское хозяйство (*вышел*)
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература (*вышел*)
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах (*вышли*)
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
- Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
- Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
- Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
- Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
- Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
- Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
- Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
- Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
- Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
- Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
- Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
- Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
- Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
- Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
- Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
- Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
- Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
- Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
- Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
- Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
- Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
- Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
- Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
- Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
- Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
- Иван Грозный. Государь, 400 с.
- Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
- Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
- Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
- Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.

Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крामолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крामолы, 480 с.

Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Платонов О. А. Массонский заговор в России, 1344 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.

Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.

Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.

Очерки истории русской иконы, 592 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.

Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.

Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.

Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.

Платонов О. История царевубийства, 768 с.

Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.

Башилов Б. История русского масонства, 640 с.

Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.

Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.

Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.

Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.

Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.

Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, podina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)